ИОСИФ

ФЛАВИЙ

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Том 1

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва
2002

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)3
И75

Иосиф Флавий

И75 Иудейские древности. В 2 т. Т. 1. Кн. 1-12 /Иосиф Флавий; Оформление С.Е. Власова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2002. — 784 с. — (Классическая мысль).

ISBN 5-17-012209-8 (ООО «Изд-во АСТ»). Т. 1
ISBN 5-17-008973-2 (ООО «Изд-во АСТ»). Общ.
ISBN 5-86218-310-8 («Ладомир»). Т. 1
ISBN 5-86218-180-6 («Ладомир»). Общ.

Удивительное произведение Иосифа Флавия обеспечило своему автору неувядаемую славу. Переведенная на все европейские языки замечательная книга древнего историка и сейчас, по прошествии двух тысячелетий, достойна внимания всех образованных людей.

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)3

© Научно-издательский центр «Ладомир», 2001
© Художественное оформление. ООО «Издательство АСТ», 2001

Научное издание

Иосиф Флавий
Иудейские древности
Том 1
Книги 1-12

Редактор *Ю.А. Михайлов*
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Технический редактор *М.А. Страшнова*
Компьютерная верстка: *О.Н. Бойко*
Компьютерный дизайн: *Ю.Ю Миронова*
Корректор *Г.Т. Аслонянц*

Подписано в печать 02.11.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 41,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 24.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953004 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.
Научно-издательский центр «Ладомир». 103681, Москва, ул. Заводская, д. 6а.
Тел. (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ФЛАВИЙ ИОСИФ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Исторический очерк

Страшную во всех отношениях картину представляла Иудея в первой половине I века по Р. Х. Терзаемая внутренними неурядицами, борьбою партий, грабежами разбойничьих шаек, ежеминутно дрожа пред кинжалами наемных убийц — сикариев, угнетаемая множеством прямых и косвенных налогов, страдая от хищничества собственных первосвященников и стеня под гнетом непопулярных царей, готовых продать свою страну за ласковое слово римского императора, — Иудея была воистину несчастна. Сюда присоединялись еще жестокое иго римских прокураторов, послушных орудий сумасбродных безумцев на троне (Тиверий, Гай Калигула), грубость легионеров, вражда и доносы самарян, вечная борьба с сирийским населением страны, отсутствие личной безопасности в дороге, на улице, даже дома; все это делало тогда жизнь иудеев ужасною. Посягательства римлян на юридические и главным образом религиозные права населения также не могли особенно способствовать процветанию избранного народа, который именно теперь, быть может более чем когда-либо раньше, чувствовал свое великое умственное превосходство над грубыми завоевателями. Вечные насмешки и глумление над самым священным, что есть у иудея, над его Богом и верою, постоянно служили предметом раздоров. Пробудившаяся под влиянием эллинизма потребность в философском мышлении, в стремлении к созерцательной жизни, постоянно нарушаемой чисто внешними вторжениями грубых римлян, наконец, органическое отвращение иудеев от занятий искусством и военным делом, в чем их угнетатели достигли такого совершенства, — все это вело к развитию обособленности иудейского населения маленькой страны.

Когда ряд назначенных римскими императорами в Иудею и Сирию так называемых прокураторов (Куспий Фад, Тиверий Александр, Куман, Феликс Фест, Альбин, Гессий Флор и Цестий Галл), поддерживаемых иерусалимскою и цезарейскою знатью, чиновниками и богачами, стали хозяйничать в своих наместничествах, давая ход полному произволу и всех подвергая насилиям и грабежам, терпение народное истощилось, и население, неоднократно пытавшееся покинуть страну, взялось наконец за оружие.

Как то нередко бывает в переходные эпохи, невежество — с одной, суеверие и безвыходность положения с другой стороны благоприятствовали появлению в стране целого ряда лжепророков и магов, суливших народу золотые горы, благоденствие в настоящей и будущей, загробной жизни. Эти лица, за немногими исключениями все кончившие на плахе или на

кресте, мнимыми чудесами вводили народ в заблуждение и жестокий обман, но вместе с тем принесли ему и известную долю пользы: они пробуждали его религиозное самосознание, в известной степени фанатизировали его за религиозную идею и тем нравственно поднимали его. Люди гибли тысячами от меча римских легионеров, но это делало их лишь мучениками в глазах собственных и прочего населения. Все эти казни вели к результатам как раз противоположным тем, которых добивались кровожадные и корыстолюбивые римские прокураторы. В вечной борьбе за идею и свободу иудеи черпали те силы, которые они во второй половине I века по Р. Х. сумели столь геройски противоставить своим утнетателям. Если им и не суждено было выйти победителями из этой численно неравной борьбы, то тут были виноваты скорее внешние причины, чем внутренние.

В такое смутное время, как описываемое, всегда найдутся люди слабовольные и без надлежащей подготовки, которые, часто против своей воли, становятся предателями своего же собственного интереса. Неопределенность условий существования в такие эпохи, недостаточная нравственная выдержка, надежда найти исход при других формах жизни нередко побуждают подобных лиц к шагам, в которых впоследствии им самим приходится раскаиваться.

Одною из наиболее типичных личностей такого рода является историк, которому посвящен настоящий очерк. Как, надеюсь, выяснится из него, почти вся первая половина его жизни была сплошною ошибкою, чтобы не сказать — сознательною гнусностью. Если немецкий историк Гейнрих Эвальд (в своей Geschichte Israels, т. 7, изд. 1859 г., с. 86 — 87) и находит возможным провести параллель между пророком Иеремиею и Иосифом Флавием, то эта параллель может быть названа только внешнею. Как тот, так и другой присутствовали при падении Иерусалима; как тот, так и другой навлекли на себя ненависть иудеев; но первый действовал честно, прямо и в конце концов ни минуты не изменил своему народу, почему и оказал на него столь глубокое влияние. Флавий же является предателем, шпионом, виновником гибели своих единоплеменников. Он также, подобно Иеремии, которому не в чем было упрекать себя, оставил потомству выдающиеся сочинения, написанные в защиту прав попранного народа, но не достиг своей цели ни у иудеев, ни среди языческого мира. Лишь долго спустя после его смерти, особенно в III и IV веках христианской эры, отцы церкви извлекли эти сочинения из пыли библиотек и стали черпать в них то, что могло быть употреблено на пользу юной религии, судьба последователей которой имела первоначально так много общего с участью иудеев. Но о сочинениях и мировоззрении Флавия мы будем говорить впоследствии. Теперь рассмотрим явления жизни этой, во всяком случае недюжинной личности, воплотившей в себе, по выражению того же Эвальда (ibidem, p. 78), историю нравственной неустойчивости своей эпохи.

I

Иосиф бар Маттафия[1], сын богатых родителей, родился в Иерусалиме, по исчислениям Шюрера[2], между 13 сентября 37 и 16 марта 38 года христианской эры. Отец его был священником, ведшим свое происхождение от Гиркана, мать же принадлежала к потомкам асмонейской династии. Впрочем, сведения генеалогического характера, сообщаемые Иосифом о себе (Vita, § 1), крайне неточны. У него был еще брат, носивший имя Маттафии. Отец дал Иосифу тщательное воспитание и старался рано посвятить его в изучение Св. Писания. Эти попытки увенчались блестящим успехом: 14 лет мальчик поражал стариков книжников своею начитанностью и сообразительностью. Через два года, успев последовательно ознакомиться с доктринами фарисеев, саддукеев и ессеев, шестнадцатилетний юноша настолько проникся учением последних, что решил посвятить себя отшельнической жизни. С этою целью он ушел в пустыню, к аскету Банусу, который питался исключительно кореньями и носил одежду из древесной коры[3].

Пробыв у Бануса три года, Иосиф почувствовал влечение к более деятельному образу жизни. Вернувшись в родительский дом, он примкнул к секте фарисеев, но не ограничился только теоретическим изучением и разработкою их доктрины, а принял живейшее участие в их политической и общественной деятельности. Нам здесь нечего останавливаться на характеристике последней: влияние фарисеев на народ, их популярность, в противоположность гордым и замкнутым саддукеям-эллинистам, факты общеизвестные.

Неудивительно, что принадлежавший к знатной и богатой семье, даровитый и многосторонне образованный юноша не долго оставался в тени. Его честолюбивая натура требовала широкой сферы деятельности. И вот уже в 63 году мы видим Иосифа, тогда 26-летнего молодого человека, в числе членов депутации, отправленной при прокураторе Фесте жителями Иерусалима в Рим, к императору Нерону. Миссия, возложенная на эту депутацию, во главе которой стояли первосвященник и храмовой казначей, не принадлежала к числу легких. Дело в том, что иудеи воздвигли во дворе храма высокую стену, чтобы лишить царя Агриппу II возможности смотреть с балкона дворца на то, что делалось в святилище. Установление такого надзора, однако, противоречило всем обычаям. Агриппа и Фест потребовали срытия стены. Иудеи отказались и отправили депутацию к Нерону. Благодаря содействию принявшей иудаизм императрицы Поппеи Сабины посланным удалось блестящим образом исполнить возложенную на них задачу. Члены миссии, за исключением первосвященника и казначея, которых Поппея оставила при себе, вернулись в Иерусалим.

---

[1] Литература: Сочинения Иосифа Флавия, особенно его автобиография. Затем: *H. Ewald.* Geschichte Israels. Bd. 7. P. 89 sq.; *E. Schürer.* Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 2 Aufl. Bd. I. P. 56 sq.; статьи *Hausrath'a* (в Historische Zeitschr., XI, p. 263 sq.) и *B. Niese* (ibidem, 76, III Heft, p. 193 — 237; Der jüdische Historiker Josephus); *О. Гольцман.* Падение иудейского государства. М., 1899. С. 336 и сл.

[2] *Schürer,* l. c. p. 57.

[3] Ср.: *Hausrath,* l. c. p. 292.

Эта поездка имела для Иосифа решающее значение: тут он познакомился с Римом, с прелестями его жизни, его величием, его силою. Тут в нем, вероятно, впервые зародилось несчастное убеждение в непреодолимом могуществе властного города и его победоносного народа. Особенно пленила юношу столь же красивая, сколь и развратная Поппея, благоволение которой ему удалось снискать при помощи актера Алитира[4]. Благоволение это выразилось, между прочим, в богатом подарке, который императрица на прощанье вручила Иосифу.

Возвращение Иосифа в Иерусалим было для него настоящим триумфом. Если богато одаренный природой юноша до того сумел снискать себе расположение фарисеев, этих руководителей народа, то с данного момента его влияние стало особенно заметным. Он принимает живейшее участие во всех делах, голос его часто является решающим, и популярность его вскоре доходит до того, что иерусалимские книжники поручают ему самые серьезные и ответственные должности. Теперь жизнь Иосифа, вплоть до 70 года до Р. Х., теснейшим образом связана с судьбами Палестины и ее народа. Поэтому и нам придется бросить беглый взор на то, что происходило тогда в Св. земле.

В средине ноября 66 года сирийский наместник Цестий Галл напал на Иерусалим, положив этим начало роковой Иудейской войне. Иерусалимские граждане решили избрать несколько особенно выдающихся лиц для ведения всех дел и для борьбы с врагами внутренними и внешними, потому что не только римляне угрожали самостоятельности Иудеи, но и различные партии внутри самого священного города грозили истребить друг друга. В такую критическую минуту выбор граждан пал на Иосифа, который первоначально пытался склонить их к миру, но затем принял ответственную должность[5]. Сначала пришлось успокоить умы враждовавших между собою и разбившихся на два стана граждан. Эта задача была им исполнена. Затем нужно было бороться против Цестия Галла, который собрал войско в 30 000 человек и двинулся к Птолемаиде. Предав разграблению городок Завулон, прокуратор занял Яффу и сжег ее. Тут было перерезано 8400 человек. Так же были опустошены окрестности Цезареи. Затем Цестий отправил своего помощника, Галла, в Галилею, где город Сепфорис немедленно передался римлянам. Цестий же двинулся чрез Лидду к Иерусалиму. Здесь ему было оказано отчаянное сопротивление, и на первых порах иудеи, предводительствуемые Симоном бар Гиорою, одержали над ним блестящую победу. После этого Цестий еще раз пытался штурмовать город, но, прождав перед ним три дня, внезапно отступил. Он потерял при этом 400 воинов и почти весь обоз. Желая взвалить всю вину в этой постигшей его неудаче на прокуратора Флора, он послал к Нерону, находившемуся тогда в Греции, депутацию из богатых и знатных иудеев, которые с самого начала советовали своим согражданам не поднимать оружия против римлян; однако же мы видели, что этот совет не был исполнен. Таким образом, иерусалимцы фактически стали бунтовщиками и тем самым потеряли все права и привилегии, дарованные им некогда Юлием Цезарем и Клавдием.

Руководящая партия в Иерусалиме, однако, отлично понимала случай-

---

[4] *Schürer*, l. c. p. 58.

[5] *Niese*, l. c. p. 193.

ность побед над Цестием и не делала себе иллюзий, что тем дело и кончилось. Напротив, трагедия теперь только стала разыгрываться, и последний акт ее был еще впереди. Поэтому было решено разделить страну на целый ряд областей и над каждой поставить отдельных военачальников. Иосифу поручили управление Галилеи, куда он отправился в сопровождении двух священников, набрав войско, ядро которого составляли 4500 наемников. Затем ученый муж, но плохой военачальник и администратор, принялся укреплять различные пункты страны и при этом раскидал и разъединил все свои и без того ненадежные боевые силы. Занявшись единовременно укреплением 16 галилейских поселений, он тем показал всю свою неопытность. Последняя еще более обнаружилась, когда наш ученый законовед принялся за устройство администрации в этих городах. Он назначил совет из 70 старейшин (то был верховный трибунал страны), в отдельных городах власть была передана 7 судьям и всюду введена строгая регламентация жизни по Моисееву законодательству. При других условиях это сделало бы честь Иосифу, но теперь, когда стране угрожали враги, когда в отдельных городах происходила ожесточенная борьба партий, когда войско было набрано случайно и совершенно не обучено, Иосифу следовало бы забыть на время о своем фарисейском ригоризме. Наивность, с которою он сам (в Иуд. войне II, 21, 2 и Vita, § 13) рассказывает о своих неудачных административных и военных мероприятиях, прямо поразительна. Если бы он, даже делая массу ошибок, вспомнил о своих соседях, арабах и особенно грозных Риму парфянах и постарался привлечь их на свою сторону[6] (а это тогда было так легко!), он мог бы одержать верх над врагами, и Иудея, может быть, отстояла бы свою независимость.

Между тем никакой подобной попытки им не было сделано; напротив, сподвижники и товарищи Иосифа думали о том только, как бы путем насильственного взимания десятин с истощенного уже и без того населения набивать себе карманы. Сам военачальник не уступал им в корыстолюбии. История с похищенным багажом Агриппы II и его сестры Береники[7] служит лучшим тому доказательством. В то же время Иосиф сумел восстановить против себя двух других руководителей народа, Иоанна из Гисхалы, с которым его первоначально связывала тесная дружба, и Симона бар Гиора. Первый укрепился в столь важном с стратегической точки зрения городе Сепфорисе, второй — в Масаде. Результатом этого было не только отпадение Сепфориса от Иосифа, но и Тивериады и Гисхалы. Иоанн даже сделал попытку умертвить Иосифа с помощью наемных убийц, но Иосиф спасся поспешным бегством на Генисаретское озеро. Иоанн тем временем без труда овладел укрепленною Гамалою. Таким образом, сама Галилея распалась на части, и соперники только облегчали дело нагрянувших на нее римлян[8].

В это время (весною 67 г.) император Нерон, находившийся в Греции, послал в Иудею опытного консуляра, хотя и человека плебейского происхождения, Тита Флавия Веспасиана. В лице нового римского полководца,

---

[6] *Hausrath*, l. c. p. 296.

[7] *Гольцман*, с. 345 — 346.

[8] Ср.: Vita. 3, 115, 212, 281, 384 и 398 sq. Ср. также брошюру *A. Baerwald'a*, Flavius Josephus in Galiläa u. sein Verhältniss zu den Parteien, 1877.

стяжавшего себе лавры на Рейне и в Британии, иудеи и галилеяне встретили опытного и энергичного противника, отличавшегося железною волею и идеально дисциплинировавшего свое войско. Последнее, по удачному выражению Гаусрата[9], представляло из себя огромную машину, двигавшуюся исключительно волею своего вождя.

Прибыв к Птолемаиде, Веспасиан и сын его Тит встретили здесь посольство из Сепфориса с предложением отдать город римлянам и впустить туда римский гарнизон. Это было первым результатом плачевной деятельности Иосифа. Жители не доверяли ему и не надеялись на устойчивость Иоанна из Гисхалы. Сколько ни старался Иосиф путем красивых убеждений склонить жителей к возмущению против римлян, эти попытки его оставались тщетными. Когда же римское войско двинулось к пределам Галилеи, Иосиф отступил с несколькими приверженцами в Тивериаду, так как, по собственному выражению, «в ту минуту он решил *по возможности избегать опасности*». Хорош полководец! Он даже не постыдился отправить из Тивериады письмо в Иерусалим с предложением вступить с римлянами в мирные переговоры или прислать ему сильное войско. Очевидно, что его просьба осталась без ответа. Тогда Иосиф решил искать спасения в бегстве в укрепленный городок Иотапату, к северу от Генисаретского озера. Население этого городка успело разбить римского полководца Плацида, посланного Веспасианом с приказанием овладеть городом. Сюда сбежалось и большинство галилейских воинов и наемников Иосифа. Последний прибыл в Иотапату 31 мая 67 года[10].

История сорокасемидневной ожесточенной осады Веспасианом этого городка всем хорошо известна[11], равно как известны также различные военные хитрости, пущенные в ход Иосифом для введения римлян в заблуждение. Когда наш герой увидел, что городку не выдержать осады, он хотел бежать, но был вовремя удержан населением от столь постыдного поступка. Геройская защита жителей и их подвиги с достаточною подробностью известны из сочинений нашего историка[12]. 20 июля 67 года римляне овладели Иотапатою, Тит и трибун Домиций Сабин первыми взошли на городскую стену.

Тогда Иосиф в обществе 40 сподвижников укрылся в глубокой цистерне городского водопровода. В числе скрывшихся была также одна женщина, впоследствии донесшая римлянам об убежище Иосифа. Тем временем беглецы, снабдив, видимо, заранее свое убежище достаточным запасом съестных припасов, спокойно выжидали случая ускользнуть из города. Когда римляне узнали, где находится Иосиф, они предложили ему сдаться, обещая пощадить жизнь его. Бывший галилейский военачальник имел достаточно дерзости согласиться, но вовремя был остановлен товарищами. Видя, что запасы клонятся к концу и римская стража оберегает выход из цистерны, Иосиф решился на хитрость, о которой самодовольно повествует в третьей книге своей «Иудейской войны», хотя похвастать тут, право, было нечем. Он предложил своим товарищам не сдаваться

---

[9] l. c. p. 300.

[10] Bell. jud. III, 6, 1 и сл.

[11] Bell. jud. III, 3.

[12] Ср.: *Hausrath*, l. c. p. 303.

живыми, но лучше покончить самоубийством. При этом жребий должен был решить, кому кого убивать. По счастливой, но странной случайности все товарищи Иосифа перебили таким образом друг друга; теперь в живых оставались лишь двое, наш герой и один из его сподвижников. Со свойственным ему красноречием Иосиф убедил товарища не совершать смертельного греха смертоубийства и лучше сдаться римлянам. Так они и поступили. При выходе из цистерны Иосиф был арестован трибуном Никанором, закован в цепи и приведен к Веспасиану, который должен был решить его участь.

В такой крайности Иосиф опять решился прибегнуть к хитрости. Отлично зная суеверие римлян, которым, впрочем, тогда был заражен весь мир, догадливый фарисей на время прикинулся благочестивым ессеем и попросил разрешения предстать пред победителем в одежде восточного отшельника. Это подействовало. Иосиф затем сказал Веспасиану, что имеет сообщить ему наедине нечто весьма важное. Когда и эта аудиенция была разрешена ему, он рассказал полководцу о том сне, который ему будто бы приснился, и предсказал ему получение императорской власти[13]. Насколько это предсказание подействовало именно в то тревожное и смутное время на Веспасиана, можно себе легко представить. Огромная власть преторианской гвардии, интриги всемогущих придворных и императорских вольноотпущенников, своеволие солдат, бессилие римской знати, сумасбродство непопулярного в глазах народа Нерона, наконец общее недовольство существующим порядком вещей, — все это могло вести к различным неожиданностям. Судьба династии Клавдиев висела на волоске. Каждый день мог принести с собою новые сюрпризы. Поэтому мысль о возможности достигнуть когда-либо верховной власти не была в состоянии показаться честолюбивому и боготворимому легионерами Веспасиану слишком дерзкой. Как бы то ни было, но маневр Иосифа удался. Он не был казнен, но должен был оставаться при войске пленным, причем носил цепи.

Тем временем Иоанн из Гисхалы каким-то чудом спасся, прибыл в Иерусалим и сообщил там о поступках Иосифа, возбудив тем самым партию зелотов к открытой революции против фарисеев. Веспасиан же вернулся к Птолемаиде, пошел затем на приморскую Цезарею и взял Яффу. После этого он поехал в Цезарею Филиппа, где находился тогда Агриппа II со своею сестрою Береникою. Тут Веспасиан отдыхал в течение трех недель, так как наступило самое жаркое время года. Его сын Тит между тем усердно ухаживал за красивою и кокетливою Береникою, которая охотно отдалась ему, рассчитывая таким образом по окончании несомненно победоносной для римлян борьбы сохранить брату Агриппе его престол. Так отстаивали права своих подданных те, кто должен был бы являться наиболее ярым противником римлян!

Из Цезареи Веспасиан двинулся на Тивериаду, где его отряд, впрочем, потерпел поражение. Тем не менее городской совет добровольно отдал город римлянам. Отсюда Веспасиан пошел к Тарихее и взял ее не без труда. Еще больше затруднений представило ему взятие Гамалы, которая, однако, в сентябре 67 года досталась им в руки. Тит в то время овладел Гисхалою, а

---

[13] Bell. jud. III, 9 и сл. и с различными добавлениями в Contra Apionem, I, 48. Ср. также Suet. Vesp. V и Dio Cassius, LX, 1, 4.

Веспасиан подчинил себе города Ямнию и Азот. Таким образом, к зиме 67 года вся приморская область, равно как вся Галилея, вновь была во власти римлян. Зиму 67/68 года Веспасиан употребил на восстановление и укрепление взятых пунктов, а весною расположился лагерем вблизи Иерихона, чтобы отсюда начать осаду и штурм Иерусалима.

Тем временем в Риме трагикомическое правление Нерона разрешилось самоубийством последнего (9 июня 68 г.). Наступившее затем междуцарствие, если можно так назвать кратковременные правления Гальбы, Отона и Вителлия, ничего не изменило в положении Иудеи и находившегося там Веспасиана, вместе с ним и Иосифа. Внезапно 1 июля 69 года[14] Веспасиан был провозглашен императором. Это радостное для него событие немедленно отразилось на судьбе Иосифа, о предсказании которого вспомнили Веспасиан и Тит. Последний немедленно приказал освободить Иосифа от оков, причем собственноручно перерубил цепи топором. Этим Иосиф не только освобождался от плена, но и восстановлялся во всех своих гражданских правах. Новый император, собираясь в Египет, взял с собою и Иосифа.

Хотя Иосиф был женат, но его жена оставалась в Иерусалиме, и он долго не видал ее. В Александрии, а быть может еще и в Цезарее, Веспасиан женил его на пленной иудейке, которая, однако, вскоре покинула насильственно навязанного ей мужа. Затем Иосиф женился еще раз, но также неудачно: вскоре ему пришлось развестись. Четвертый, и последний, брак его на богатой критянке из уважаемой семьи состоялся значительно позже. От третьей жены своей он имел сына Гиркана, от критянки — Юста и Симонида, прозванного также Агриппою (Vita, § 422 — 430).

Вернувшись из Египта в Иудею, Иосиф застал Тита готовящимся к окончательному взятию непокорного Иерусалима. То было весною 70 года. Тит немедленно назначил Иосифа переводчиком при сношениях с иудеями и пользовался им также в качестве парламентера[15]. Живя в римском лагере, Иосиф не сумел расположить к себе римских офицеров, которые сплошь и рядом жестоко глумились над ним. Его положение особенно затруднялось тем, что иерусалимцы, совершенно, впрочем, основательно, видели в нем предателя и шпиона и всячески старались выказать ему свою ненависть. Случаев для этого представилось им несколько, именно каждый раз, как Иосифу приходилось подходить в качестве парламентера к стенам священного города. Правда, его поведение при этом было иногда прямо возмутительно: он не только уговаривал своих сограждан сдаться, но и употреблял при этом самые недостойные приемы. Так, например, восхваляя могущество римлян, он старался убедить иерусалимцев в божественности их миссии. В виде доказательства он сослался между прочим на то, что будто бы с появлением Тита под стенами города иссякшая перед тем силоамская купель давала теперь втрое больше воды, чем когда-либо раньше[16].

Неудивительно поэтому, что, пока Иосиф рассыпался в подобных по-

---

[14] 3 июля Веспасиан был провозглашен императором жителями Цезареи. Tacit. Hist. II, 79.

[15] Contra Apion. I, 48. Vita, § 415 sq.

[16] Bell jud. V, 6, 2; VI, 1, 8; Vita, § 75. C. Apion. I, 9.

кварах угнетателям, угнетенные и осажденные осыпали его градом копий, стрел и камней. Иосифу стоило подчас огромного труда уберечься от этого. Однажды, впрочем, в него так метко бросили камнем, что парламентер пал на землю и был замертво унесен в римский лагерь. По этому поводу в Иерусалиме началось ликование: граждане были убеждены в смерти изменника. Когда об этом сообщили престарелой матери Иосифа, томившейся тогда с прочими членами семьи в темнице (ярые зелоты таким жестоким образом отомстили несчастной за измену сына и за принадлежность его к фарисейству), та, говорят, воскликнула, что и лучше, чтобы изменник умер, чем чтобы он продолжал вести свою позорную жизнь.

Тем временем Тит свирепствовал против иудейских пленных. Сохранилось указание, будто он ежедневно казнил до 500 их. Иосиф между тем расспрашивал несчастных о положении дел в городе и, по собственному заявлению, делал себе письменные на этот счет заметки[17].

Я не стану утомлять читателей подробным описанием всех перипетий осады и конечного штурма Иерусалима. Иосиф посвятил этому V и VI книги своей «Иудейской войны», где с большою подробностью рассказывает об этом. 5 июля 70 года пал замок Антония и с ним священный город. Политическая самостоятельность Иудеи погибла навсегда.

К чести Иосифа нужно сказать, что тут он заступился за иерусалимцев и многим из них (между прочим, его родному брату, Маттафии) это заступничество спасло жизнь. Когда Тит по взятии города предложил Иосифу «взять себе что он желает», он взял лишь несколько священных книг (βίβλων ἱερῶν) и просил щадить граждан. Некоторое время спустя ему пришлось ехать за город. На дороге он увидел массу крестов с распятыми иудеями. В числе последних, притом еще не умерших, он заметил трех друзей своих. Иосиф немедленно вернулся к Титу, вымолил у него прощение несчастным и стал лечить их. Двое, впрочем, скоро умерли, третий остался жив и выздоровел[18].

Тит прекрасно относился к Иосифу. За его труды парламентера и вообще за его преданность римлянам он подарил ему обширное поместье на равнине Сарона. Впоследствии император Домициан освободил это имение от всех налогов и повинностей (Vita, § 76). Тит, окончив войну и собираясь в Рим, взял с собою и Иосифа, который присутствовал при триумфе Веспасиана и Тита и имел возможность видеть в числе военнопленных своего старинного врага Иоанна из Гисхалы (приговоренного впоследствии к пожизненному тюремному заключению) и Симона бар Гиору, который был низвергнут с Тарпейской скалы. Агриппа с сестрою своею Береникою, возлюбленною Тита, конечно также принимал самое деятельное участие в триумфе победителей.

В Риме для Иосифа началась новая жизнь. Получив от Веспасиана разрешение поселиться в доме Флавиев, он вскоре добился даже права римского гражданства (с этого момента Иосиф стал называться Флавием) и различных привилегий, как, например, назначения ежегодной ренты (Suet. Vespas. 18, говорит по этому поводу: primus e fisco latinis graecisque rhetoribus

---

[17] Впрочем, во время осады Иерусалима Иосифу удалось спасти нескольких пленных (Vita, § 417 — 430).

[18] Ср.: *Hausrath*, l. c. p. 112 — 113.

annua centena constituit). Кроме того, Иосифу были возмещены убытки, которые он потерпел во время осады, когда подверглись разграблению его поместья в Палестине. Вообще Иосиф пользовался большою милостью при дворе Тита, его преемника Домициана и у императрицы Домиции, несмотря на то, что неоднократно находились недоброжелатели-иудеи (в том числе даже наставник его собственных сыновей), которые старались очернить его пред императором. Эти попытки, впрочем, остались безуспешными. Пользуясь милостивым расположением правителей, будучи материально вполне обеспечен, Иосиф задумал навсегда остаться в Риме и посвятить свои досуги историографии и науке. В лице Домициана, Агриппы II и богатого Эпафродита он имел сильную поддержку. Некоторые историки (Niese, Ewald и др.) считают этого Эпафродита, которому Флавий Иосиф посвятил все свои сочинения, вольноотпущенником императора Домициана, но против этого можно представить веские возражения. Вероятнее всего, это был выдающийся грамматик, отождествлять которого с указанным вольноотпущенником не допускают некоторые соображения хронологического характера[19].

В Риме Иосиф прожил около 25 лет. Хотя мы ничего не знаем о смерти его, однако по некоторым данным (Шюрер, с. 59), он еще был жив, во всяком случае, в первое десятилетие II века. В заключение упомянем, что Евсевий (Hist eccl. III, 9) рассказывает, будто Иосиф был почтен в Риме постановкою статуи. Если он и заслужил таковую, то, во всяком случае, не за первую половину своей жизни, когда он столь наглядно доказал свою неспособность как государственный деятель, а за вторую, посвященную написанию тех удивительных произведений, которые создали ему неувядаемую славу и к рассмотрению которых мы теперь перейдем.

II

Несмотря на геройскую защиту Иерусалима, а может быть, именно вследствие упорного сопротивления, иудеи не могли снискать себе уважение победителей: римляне, не признававшие ничего, кроме успеха и славы, относились теперь более, чем когда-либо, с пренебрежением к покоренным. Понимание нравственного превосходства последних, особенно же их возвышенной религии, в то пестрое и богатое всевозможными верованиями и суеверием, а еще более безверием время оставалось победителям вселенной совершенно чуждым. Покоренный противник в их глазах был только презренным рабом, над которым можно было безнаказанно издеваться, которого каждый был вправе обидеть, который существовал лишь для удовлетворения прихотей своего господина или, как в данном случае, своих господ.

Лично мало страдая от всего этого, Флавий Иосиф, однако, не мог не видеть тяжелого положения своих единоплеменников в Риме, не мог не

---

[19] Ср.: *Niese*, l. c. p. 199, и Ewald, l. c. p. 90 — 91. Вольноотпущенник Эпафродит был (по Suet. Domit. 14 и Dio Cass. 67, 14, 4) казнен в 95 г. Между тем посвященная ему автобиография Иосифа Флавия написана, по мнению Hausrath'a и Шюрера (с. 59), не ранее 101 г. по Р. Х., т. е. уже после смерти Агриппы II (ср.: Vita, § 65).

слышать о насилиях, совершаемых над ними, по примеру римлян, другими, менее самостоятельными и покладистыми народами. И вот он задумал великое дело: желая восстановить доброе имя своих единоверцев, находя для этого нужным раскрыть истинные мотивы их борьбы с властным Римом, наконец, стремясь рассеять много злых нелепостей, которыми и тогда уже, в то отдаленное время, разные недоброжелатели украшали историю происхождения, характер верований и образ жизни иудеев, Флавий решил раскрыть истину и представить ее в форме связного рассказа гордым, но невежественным победителям. Поэтому он, предназначив свои сочинения на первом плане для языческой публики, решил написать их на наиболее распространенном тогда языке — греческом. Следовательно, цель его сочинений была чисто *апологетическая.*

Такой умный и хитрый человек, каким представляется нам Флавий, не мог не понимать, насколько, благодаря его собственному печальному поведению во время последних событий, должен был пасть его престиж в глазах единоверцев. Быть может, тут играли известную роль и угрызения совести. Нужно было так или иначе реабилитировать себя, а это представлялось возможным только таким путем: следовало доказать *историческую необходимость* той развязки, которая постигла Иудею и ее народ в 70 году по Р. Х. Беззакония, так давно творившиеся иудеями в собственной среде, разбои, грабежи первосвященников, насилия фанатичных зелотов, убийства наемных сикариев — все это не могло не возбудить гнева Предвечного. Как и неоднократно в былые времена, Он отвратил взор свой от избранного народа и предал иудеев в руки неприятелей для истребления. Римляне сменили вавилонян и македонян, Веспасиан и Тит являлись прямыми преемниками Навуходоносора и Сеннахериба. Вот с какой точки зрения Флавий считал свое сочинение полезным для единоверцев. Преследуя тут цель *дидактическую,* он вместе с тем не забывал и себя: поневоле ему приходилось изображать римлян в виде мощного орудия в руках Всевышнего, а это давало ему широкий простор для лести по адресу правителей римского народа.

Исходя из всех этих соображений, Иосиф предался в Риме усердному изучению греческого языка, его грамматики, стилистики и литературы. Он успел в этом в сравнительно непродолжительный промежуток времени, потому что уже между 75 и 79 годами[20] появилось его первое сочинение, считаемое многими[21] наилучшим из всех его творений; оно посвящено *описанию Иудейской войны,* столь всем еще памятной. Составленная в 7 книгах история περὶ του Ἰουδαικου πολεμου по содержанию своему представляет следующее: I книга начинается с рассказа о событиях при Антиохе Епифане (175 — 164 гг. до Р. Х.) и дает историю до смерти Ирода Великого (4 г. до Р. Х.). Содержание второй книги знакомит нас с эпохою от 4 года до Р. Х. вплоть до начала Иудейской войны и захватывает также первый (66 — 67) год ее. В III книге подробно повествуется о войне в Галилее (67 г.). В конце IV книги мы видим приготовления Тита к осаде Иерусалима. V и VI

---

[20] *Niese,* l. c. p. 200.

[21] Например, *Эвальдом,* l. c. p. 90. Впрочем, по мнению этого ученого, пальму первенства с «Иудейской войною» делит знаменитое «Возражение против Апиона» (l. c. p. 93).

книги дают историю осады и взятия священного города, а последняя посвящена рассказу о дальнейших событиях до полного уничтожения последних вспышек иудеев и взятия Масады.

Итак, мы видим, что содержание этого сочинения обнимает эпоху в 246 лет (175 г. до Р. Х. — 72 г. по Р. Х.). Всему сочинению предпослано введение, в общих чертах знакомящее с целью предлежащего труда. Из этого предисловия (гл. I) мы узнаем, что первоначально история Иудейской войны была составлена Иосифом по-арамейски. Впоследствии, как видно из Contra Apion. I, 9, Флавий переработал ее по-гречески, причем ему помогли опытные сотрудники (συνεργοι). Но во всяком случае, как с достаточною ясностью доказывает сохранившаяся по сей день сирийская версия шестой книги «Войны» (остальные исчезли бесследно, так как по содержанию были менее интересны для неримлян), то был не перевод, а вольная и главным образом значительно расширенная и дополненная переработка[22].

Переходя теперь к характеристике «Иудейской войны», мы должны на первом плане отметить значительную полноту данных и крупные объемы этой книги. Хотя до Иосифа на ту же тему писали Антоний Юлиан и другие, а после него этого же вопроса коснулся и Тацит, однако им обоим далеко до нашего историка. То, о чем Тацит говорит в нескольких строках (например, Tacit. Hist., V[23]), разработано Флавием на многих страницах (Bell. jud. IV, 39 — 53), чему Тацит посвящает часть своей пятой книги, рассказано нашим автором в целых трех книгах (5, 6 и 7).

Факты, приводимые Иосифом, не всегда достаточно проверены, нередко преувеличены, тенденциозно окрашены, иногда даже, где это казалось автору необходимым ad majorem gloriam judaeorum, прямо извращены или просто опущены[24]. Так, например, тенденциозно все описание гибели иерусалимского храма. В «Иудейской войне» рассказывается, будто святилище стало жертвою пламени помимо ведома и желания Тита, который якобы противился разрушению его. Тацит же говорит как раз противоположное, и мы не имеем основания не верить ему[25].

Преувеличено также описание голода в Иерусалиме во время осады; общеизвестен рассказ о матери, заклавшей и съевшей своего ребенка, факт прямо невероятный. Равным образом невозможно, чтобы число погибших при взятии города иудеев достигало 1 000 000 человек. Сколько же тогда было жителей во всей Иудее?

Но Флавий, несмотря на указанные погрешности, сумел придать своему сочинению обаятельную внешность, тщательно и искусно обработав язык, избегая всех шероховатостей[26], придав ему элегантную легкость и живость изложения, снабдив его поэтическим пафосом (ср., например,

---

[22] *Schürer*, l. c. p. 201.

[23] Ср.: Bell. jud. предисл. гл. I, а также предисловие к «Древностям».

[24] Например, о грабежах и насилиях иудеев во времена последних Асмонеев. Об этом имеются весьма обстоятельные данные у Страбона, Диодора и Юстина.

[25] Ср.: *C. Bernays*, Gesammelte Abhandlungen, II, 159.

[26] Во всей «Иуд. войне» нет ни одного стечения гласных, так наз. hiatus. Schürer, l. c. p. 207.

речь Агриппы во II книге) и пересыпав рассказ массою данных легендарного и анекдотического характера. Неудивительно, если книга имела шумный успех. Манера Феопомпа, Плутарха, Саллюстия, Цезаря, Ливия, Тацита, Аммиана Марцеллина и особенно Квинта Курция Руфа оказывала на среднего читателя чарующее впечатление. Эта манера была избрана и Флавием. Масса, это уже ее удел, всегда преклоняется пред риторикой, а в ней Флавий был силен. Весьма вероятно, что в расположении и обработке материала большую роль играли вышеупомянутые его греческие сотрудники (συνεργοι).

Как бы там ни было, но книга имела в Риме шумный успех и сразу упрочила славу автора. Когда она была вручена Веспасиану и Титу, они немедленно занялись распространением ее среди знати и военного мира. Агриппа II, как рассказывает Иосиф (Vita, 65, C. Apion. I, 9), написал автору не менее 62 писем, в которых удостоверил точность сообщаемых Флавием сведений. Это, быть может, заставляет Эвальда (l. c. p. 88) сказать, что Иосиф *значительно* превосходил своими познаниями по истории даже ученого Филона.

Об источниках, которыми мог пользоваться Флавий при написании «Иудейской войны», мы поговорим ниже, когда коснемся того же вопроса относительно «Древностей», второго в хронологическом порядке сочинения его.

Его полное заглавие — Ἰουδαικα αρχαιολογια. Оно издано между 93 и 94 годами по Р. Х. и было вызвано подготовительными работами Флавия к его «Иудейской войне». Цель написания этого обширного труда совершенно аналогична цели издания «Войны». «Уже раньше, когда я описывал (иудейскую) войну, я подумывал, не показать ли, кто такие по своему происхождению иудеи, каким превратностям судьбы они подвергались, какой законодатель воспитал в них стремление к благочестию и побуждал их развивать в себе добродетель, какие войны вели они в продолжительный период времени своего существования и как они, против своего собственного желания, впутались в последнюю войну с римлянами», — читаем в предисловии.

Попытки объяснить темный вопрос о происхождении и главным образом истории израильского народа были делаемы иудеями значительно раньше Иосифа. К числу лиц, писавших об этом, следует отнести между прочим *Димитрия*, египетского иудея, жившего при Птолемее Филопаторе, то есть около 210 года до Р. Х., известного *Аристея*, изложившего по обработке LXX толковников историю Иова (Polyhist., в Euseb. praep. evang. IX, 25), и кизикийца *Тевкра*, почти современника Флавия. Этому Тевкру приписываются «шесть книг иудейской истории», равно как повествование «о Митридате»[27].

Но все эти труды пользовались среди большой публики сравнительно малою известностью, во всяком случае меньшею, чем сочинения писателей неевреев, уделивших долю внимания интересным судьбам народа израильского. Сюда должны быть отнесены Поливий, Страбон, Диодор Сицилийский, Юстин и Тацит[28]. Всеми ими пользовался Флавий, как видно из его

---

[27] Ср.: *Ewald*, l. c. p. 96—97, 80, и Schürer, l. p. 53—54.

[28] Ср.: *Niese*, l. c. p. 222—223, и Schürer l. c. I, p. 63.

Contr. Apion. I, 223 sq., II, 8 sq. В этом же сочинении он приводит ряд других имен, но это сюда не относится. Вопросу об источниках Иосифа мы уделим несколько слов в конце нашего очерка.

Отлично сознавая все трудности, связанные с изданием задуманного труда, Флавий, однако, не остановился ни пред обилием материала, ни пред обширностью темы. Он приложил все старания, чтобы книга его вышла интересною, чтобы в ней не было опущено ничего существенного, чтобы ход событий истории еврейского народа был попутно освещаем данными из исторической жизни тех племен и народов, с которыми иудеев сталкивала судьба. И нужно отдать Флавию справедливость, он разрешил эту задачу блестяще. До сих пор еще, после почти двух тысяч лет, наш автор не только не утратил своего интереса, но, напротив, все более и более пробуждает его в нас. Являясь почти единственным источником при выяснении истории своего времени, он в то же время немало дополняет сведения у писателей-классиков, а главным образом дает обильный материал для критики текста Св. Писания.

«Иудейские древности» по содержанию своему в 20 книгах[29] дают нам следующее.

После довольно обширного предисловия в первых десяти книгах повествуется о судьбах еврейского народа от сотворения мира до конца вавилонского плена. XI книга посвящена периоду от Кира до Александра Великого. В XII мы доходим до смерти Иуды Маккавея (в 161 г. до Р. Х.), а в XIII и XIV — до вступления на престол Ирода Великого (37 г. до Р. Х.), рассказу о царствовании которого посвящены три последующие книги (XV, XVI и XVII). Следовательно, здесь мы доходим до года смерти Ирода, 4 год до Р. Х. В последних трех книгах рассказ доводится до 66 года по Р. Х. Таким образом, мы видим из этого краткого перечня содержания, что конец «Древностей» захватывает значительную долю событий, уже рассказанных в первых книгах «Иудейской войны», которая является естественным продолжением «Древностей».

Здесь же мы должны указать на огромное различие в манере изложения и даже в выборе и обработке материала как тут, так и там. Иосиф при рассказе об одном и том же событии нигде не цитирует и не выписывает текста из «Иудейской войны». Он передает его параллельно, перерассказывает, иногда дополняет, иногда слегка варьирует его. Из этого некоторые исследователи пытались сделать вывод, будто у Иосифа в разное время был различный взгляд на исторические события, а некоторые (Эвальд) заходят даже так далеко, что подчас подвергают сомнению даже достоверность сообщаемых им фактов. Нам объясняется это гораздо проще: более обширный труд с более ответственным содержанием, труд, потребовавший у автора 13-летней работы, естественно, заставил Иосифа детальнее и подробнее изучить источники, разобраться в них и постоянно дополнять собранный материал новыми данными. Мы уже видели, что наш автор имел предшественников, видели, что он цитирует их. Тогда как при написании истории «Иудейской войны», в которой Флавий принимал столь близкое личное участие, одним из главных источников

[29] Это деление принадлежит самому Иосифу. (См. «Древности», конец последней главы.)

была его собственная память и сообщения перебежчиков и пленных из Иерусалима, к чему присоединились еще данные Николая Дамасского, современника Ирода Великого (поэтому-то рассказ об Ироде так пространен у Иосифа), «Иудейские древности» свидетельствуют об его всестороннем образовании и обширной начитанности. Если принять во внимание, что говорит Флавий в последней главе Antiquitates о трудностях, которые ему пришлось преодолеть при изучении греческого языка и литературы[30], если принять во внимание тринадцатилетний период, употребленный автором на составление «Древностей» и на постоянно оказываемую ему, по его же признанию (см. предисловие к «Древностям»), поддержку со стороны ученого грамматика Епафродита, то станет ясным, что в эти годы круг исторических познаний Флавия должен был значительно расшириться сравнительно со временем написания «Иудейской войны».

Прямо классическое исследование H. Bloch'a — Die Quellen des Josephus in seiner Archäologie (Lpz., 1879) — с достаточною ясностью раскрывает нам картину научной работы Флавия. Там мы видим, что наш автор пользовался для первой части «Древностей» (до средины XI книги) греческим переводом книг Св. Писания, известным под именем LXX толковников[31]. Значительные, сравнительно с масоретским текстом, отступления (в объяснении отдельных слов, в транскрипции имен собственных, в хронологических данных), дополнения (например, история похода Моисея в Эфиопию, магическая власть царя Соломона и т. п.), варианты, наконец, вся эллинистская окраска повествования (ср. Antiq. VI, 7 sq., где говорится о филистимлянах) допускают мысль, что Флавий либо имел пред собою дополненный всеми этими данными экземпляр текста перевода LXX толковников[32], либо обильно черпал из кладезя устного предания (так наз. агады). Глубокое знание галахи особенно рельефно сказалось у него в детальном знакомстве с различными религиозными постановлениями. Все, что мог Флавий почерпнуть из книг Св. Писания, он извлек оттуда, пользуясь решительно всем материалом. Последним каноническим источником при этом является у него книга Эсфири. Первая книга Маккавеев была у него под руками лишь в отрывке; он пользуется ею вплоть до рассказа о смерти первосвященника Ионафана. Извлеченные им оттуда данные имеют значительную ценность для критики текста этой книги. Насколько Иосиф пользовался религиозною традициею, видно, между прочим, из систематически составленной и помещенной им в конце «Древностей» истории иудейских первосвященников. Кроме того, устным источником могли ему служить также сыновья и братья принявшего иудаизм адиабенского царя Изата, которые одновременно с Иосифом жили в Риме[33].

---

[30] Он так и не научился бегло говорить по-гречески. Зато изучение и влияние Фукидида сказывается у него особенно везде в последних книгах.

[31] Ср.: *Niese*, l. c. p. 214, *Bloch*, p. 8, *Schürer*, p. 62.

[32] Это мнение Niese, l. c. p. 215.

[33] Об отношении Флавия к Библии см. также: *Tachauer*. Flavius Josephus Verhältniss zur Bibel und Tradition. Erlangen, 1871.

Что касается отношения Флавия к эллинистам, то он, как доказал Bloch (p. 23 — 53), не только был знаком с ними, но и пользовался их данными, особенно Александром Плигистором. Беросс, Менандр Ефесский, Манефон, Гестией, Иероним, Геродот, Мнасея, Мегасфен, Диокл, Филострат, Гезиод, Гелланик, Акусилай, Ефор цитируются неоднократно самим Иосифом в его «Древностях». Историки Поливий, Агафархид Книдский, Страбон и Николай из Дамаска служили ему серьезными источниками. По скольку он черпал из сочинений Филона-старшего, это до сих пор не выяснено. Bloch отрицает его знакомство с александрийским ученым, Шюрер, С. Зигфрид (Philo von Alexandria, p. 278 — 281) и Фрейденталь (Alexander Polyhistor, p. 218) обратного мнения.

При всем том отношение Флавия к источникам, куда нужно еще отнести римских писателей, римские архивы и мемуары Ирода Великого, равно как Веспасиана[34], далеко не было рабским, но отличалось самостоятельною критикою[35]. Это нагляднее всего показывает пример с Николаем Дамасским, другом Ирода Великого и его лейб-хронографом. К сообщаемым Николаем данным Флавий не только относится осторожно и недоверчиво, но всю историю Великого Ирода он строит, различно от Николая, на новых точках отправления, разбив весь материал не хронологически, а прагматически. Подобного явления мы стали бы тщетно искать в «Иудейской войне», не говоря уже о сочинениях других историков его эпохи. Располагая об явлениях римской истории примерно такими же данными, как Тацит, Иосиф сумел из них сделать куда больше своего знаменитого римского собрата по науке.

С средины XI книги, то есть со времени первосвященника Симона, рассказ «Древностей» ведется параллельно (но лишь по содержанию, а не по форме, как было уже выше указано) повествованию первой части «Иудейской войны». В известном смысле, впрочем, Шюрер (p. 220) прав, называя последнее сочинение оригиналом «Древностей».

Здесь следует указать еще на некоторые различия этих двух трудов по их форме. Так как «Древности» представлялись по сравнению с популярно написанною «Иудейскою войною» сочинением строго научным и серьезным, то и язык в этих двух книгах совершенно разный. В «Древностях» автор уделял меньше внимания стилистике, заботясь лишь о полноте фактического материала и правильности его группировки. Риторики у него, правда, немало и здесь, но нет уже того поэтического пафоса, который так характеризует «Иудейскую войну». Серьезность и, так сказать, святость темы, естественно, требовала и серьезности языка, который тут проще и скромнее, чем в «Иудейской войне». Особенно убедительное доказательство этому представится нам, если мы начнем сопоставлять между собою речи, влагаемые Иосифом в уста различных лиц в том и другом сочинениях.

В последних книгах «Древностей» особенно сильно сказывается влияние греческого историка Фукидида.

Общим с «Иудейскою войною» в «Древностях» является лишь тема, главным образом цель издания, и наконец, некоторая тенденциозность,

---

[34] *Bloch*, l. c. p. 140 sq.

[35] Ср.: *Antiquit.* XVI, 8 sq; XV, 183 sq.

выражающаяся, между прочим, как и там, пропусками неудобных с точки зрения иудейской религии фактов (так, например, Флавий совершенно умалчивает о поклонении евреями золотому тельцу у Синая).

После всего сказанного мы, естественно, должны будем с осторожностью отнестись к следующей характеристике «Древностей», которую дал о ней Эвальд (с. 91 — 92) и которая претендует быть классической: «О том, как мало удовлетворительно это сочинение для более древнего и, следовательно, для менее ясного и все-таки важнейшего периода истории (израильского) народа, мы говорили уже выше: везде тут как будто покров лежит на глазах повествователя, и это мешает ему понять истинное величие его народа во время полного расцвета всех его сил. Труды (Флавия), прилагаемые им часто к тому, чтобы доказать такое величие, или, по крайней мере, к тому, чтобы оградить свой древний народ от наветов современников, почти не имеют успеха. Лишь с изложения фактов новейшей истории, более ему известной и доступной его пониманию, сочинение становится живее, привлекательнее и полезнее. Но именно тут автор не признает настоящих и крупных заблуждений, которым предавался его народ. Поэтому мы теперь можем ему быть благодарны лишь за сведения из ныне утраченных сочинений, сведения, которые он вставлял при случае в разных местах истории древнего периода».

Приговор безусловно резкий и несправедливый. Насколько важно сочинение Флавия «Иудейские древности», видно, между прочим, из того, что христианство первых веков усердно изучало его и черпало из него. Оно, можно сказать, сохранило нам эту замечательную книгу, не имевшую, при жизни автора, того шумного успеха, какой выпал на долю популярно обработанной «Иудейской войны». Блаженный Иероним называет автора даже «греческим Ливием», а средние века усердно читали и изучали его. «Древности» — серьезнейший и почти единственный полностью сохранившийся источник, знакомящий нас с эпохою возникновения христианства, и огромная порожденная им литература служит наилучшим подтверждением этого.

III

Разобрав главные два сочинения нашего историка, мы должны теперь рассмотреть остальные труды его. Они носят исключительно *апологетический* характер, при этом отчасти личный.

Третье и в свое время, вероятно, имевшее наибольший успех сочинение Флавия было, изданное вскоре после «Древностей», знаменитое «Возражение против Апиона о древности иудейского народа». Известный неоплатоник Порфирий цитирует это сочинение под заглавием «Обращение к грекам» (προς τους Ἕλληνας), Евсевий и Ориген знают эту книгу под именем «О древности иудеев» (περὶ της των Ἰουδαίων αρχαιτητος), а св. Иероним озаглавил его просто и кратко Contra Apionem. Под этим именем оно известно более всего. Так как в книге встречаются ссылки на «Иудейские древности», то она, очевидно, написана после капитального труда. Впрочем, обо всем этом, равно как о содержании и характере этого сочинения, мы не будем здесь распространяться, но отошлем читателей к мастерски написан-

ному магистром Я. И. Израэльсоном введению к русскому переводу этого сочинения[36].

Остается сказать еще несколько слов о четвертом — и последнем — труде Флавия, его *автобиографии*, или βίος, как ее кратко озаглавил сам составитель.

Она, собственно, не представляет отдельного сочинения, но является продолжением или, вернее, окончанием «Иудейских древностей», в последней главе которой Иосиф анонсирует ее. Действительно, отчасти как по содержанию, так и по форме (βίος типично начинается с соединительной частицы δέ, как остроумно заметил Шюрер, с. 66) она прямо примыкает к «Древностям», хотя значительно отличается от последних по цели своей. Во всяком случае, автобиография Флавия тесно связана с его крупнейшим трудом, так что она еще в древности (ср. Euseb. Hist. eccles. III, 10, 8 sq.) всегда издавалась вместе с «Древностями». Это побуждает Низе (с. 227) предположить, будто она вышла в свет единовременно с «Древностями», то есть в 93 — 94 году по Р. Х., что, однако, оспаривается Эвальдом, и, как мы увидим ниже, не без основания.

βίος, в сущности, менее всего автобиография. Это скорее полемическое сочинение, направленное против старинного противника и врага Флавия, Юста из Тивериады. Последний по выходе в свет «Иудейских древностей» напал на автора, изобличая его не только в передержке фактов, но и в заведомой лжи. При этом Юст коснулся личности Флавия как человека и, видимо, даже выразился о нем, что он нечист на руку. К сожалению, сочинение Юста до нас не дошло. Все, что мы знаем о нем, почерпнуто из того же жизнеописания Флавия и может быть выведено как логическое следствие его самозащиты. Последняя, впрочем, в общем, крайне слаба, и можно с уверенностью сказать, что Иосиф ею не рассеял подозрений Юста. Так как главная и большая часть этой книги посвящена истории приготовлений к галилейской войне, в которой Флавий так позорно отличился, и автобиографические сведения даются составителем лишь в начале и конце сочинения, то βίος не может даже претендовать на название жизнеописания. К тому же к приводимым тут данным, из которых многие противоречат фактам, рассказанным в «Древностях» и «Иудейской войне» нельзя не относиться с достаточною осторожностью и осмотрительностью.

Ввиду того, что и автобиография посвящена, как и все другие сочинения Флавия, грамматику Епафродиту (о времени смерти его мы говорили уже выше), а Юст из Тивериады написал уже после смерти Агриппы II, то есть после 101 года по Р. Х., сочинение «Венец иудейских царей» (στέμμα των βασιλέων Ἰουδαίων), то Эвальд (с. 96) кажется прав, говоря, что βίος вышло в виде дополнения к *новому изданию* «Иудейских древностей».

Кроме указанных и разобранных нами четырех сочинений Иосифа Флавия, сохранились указания еще на несколько трудов его, из которых он сам цитирует в конце «Древностей» одно, задуманное им и посвященное

---

[36] *Флавий Иосиф.* О древности иудейского народа против Апиона. Перевод с греческого Я. И. Израэльсона и Г. Г. Генкеля. СПб., 1898 (с. III — XXXIV).

религиозно-философским вопросам[37]. Он собирался посвятить четыре книги выяснению «Сущности Предвечного» (περὶ της ουσιας θεου) и в «Древностях» неоднократно говорит о нем[38]. Некоторые историки полагают, что эта книга должна была служить дополнением к философским трудам Филона. Как бы то ни было, но Флавий так и не написал ее.

Цитируемое Фотием bibl. cod. 48 сочинение некоего Иосифа περὶ του παντος или περὶ της του παντος ουσίας (о сущности мироздания) ложно приписано им нашему автору. Оно несомненно христианского происхождения и, вероятно, принадлежит перу епископа Ипполита (ср.: *S. Volkmar*, Hippolytus und die römischen Zeitgenossen, p. 2 sq. 60 sq.).

В заключение остается сказать еще несколько слов о также приписываемой Иосифу некоторыми отцами церкви так наз. IV книги Маккавеев (περὶ αὐτοκρατορος λογισμου), что совершенно невозможно. По вескому замечанию Эвальда (с. 87, прим.), Флавий должен был бы написать эту книгу в Риме до начала Иудейской войны, тогда как мы знаем, что он приехал в Рим лишь после окончания военных действий в Палестине и тут только стал пользоваться помощью и указаниями своих греческих сотрудников. — Встречающиеся же столь часто у Флавия выражения вроде: «как мы рассказали в другом месте» или «как мы говорили», выражения, которые, по мнению Шюрера и Дестинона (Die Quellen des Josephus, p. 21 — 23), наш автор прямо выписывал вместе с приводимыми им цитатами из текстов источника, Низе принимает как простые «благозвучные формулы, удобные к тому, чтобы ими закончить какой-нибудь рассказ» (с. 235). С этим нельзя не согласиться.

Мы, собственно, пришли к концу нашей задачи. Остается лишь вкратце резюмировать результаты.

Если рассматривать Иосифа как человека, то мы найдем в нем мало отрадного. Все те отрицательные качества его, которые нам пришлось отметить при рассказе об его жизни, с достаточною доказательностью подкрепляются обилием данных из его исторических сочинений. Хитрость, неискренность, льстивость, неустойчивость во мнениях рядом с большою хвастливостью и самомнением обнаруживаются тут на каждом шагу. Но вместе с тем мы не можем отказать Иосифу в необычайном трудолюбии и усидчивости, в огромной эрудиции, в осмотрительном и умелом пользовании источниками, наконец в известной идейности (вспомним, какими целями задавался он при написании своих сочинений). Не его вина, если единоплеменники его отнеслись холодно к его трудам, если языческий мир не принял их с тем энтузиазмом, на который, очевидно, рассчитывал автор. Зато последующие века и особенно последнее время по достоинству оценили этого выдающегося и талантливого писателя. Для нас теперь совершенно безразлично, каким *человеком* был Флавий; для нас он неоценим как *писатель*: он раскрывает нам историю целой эпохи, дает обилие ценнейшего материала по экзегетике, истории христианства, римской и греческой

---

[37] Выяснению религиозно-философского мировоззрения посвящены две вышедшие в 1887 г. диссертации: *A. Poznansky*. Ueber die religionsphilosophischen Anschauungen des Flavius Josephus, и *N. Lewinsky*: Beiträge zur Kenntniss des Flavius Josephus.

[38] Ср.: Antiquitt. введение 4; I, 1. 1; 10, 5; III, 5. 6; 6, 6; 8, 10 и IV, 8, 4.

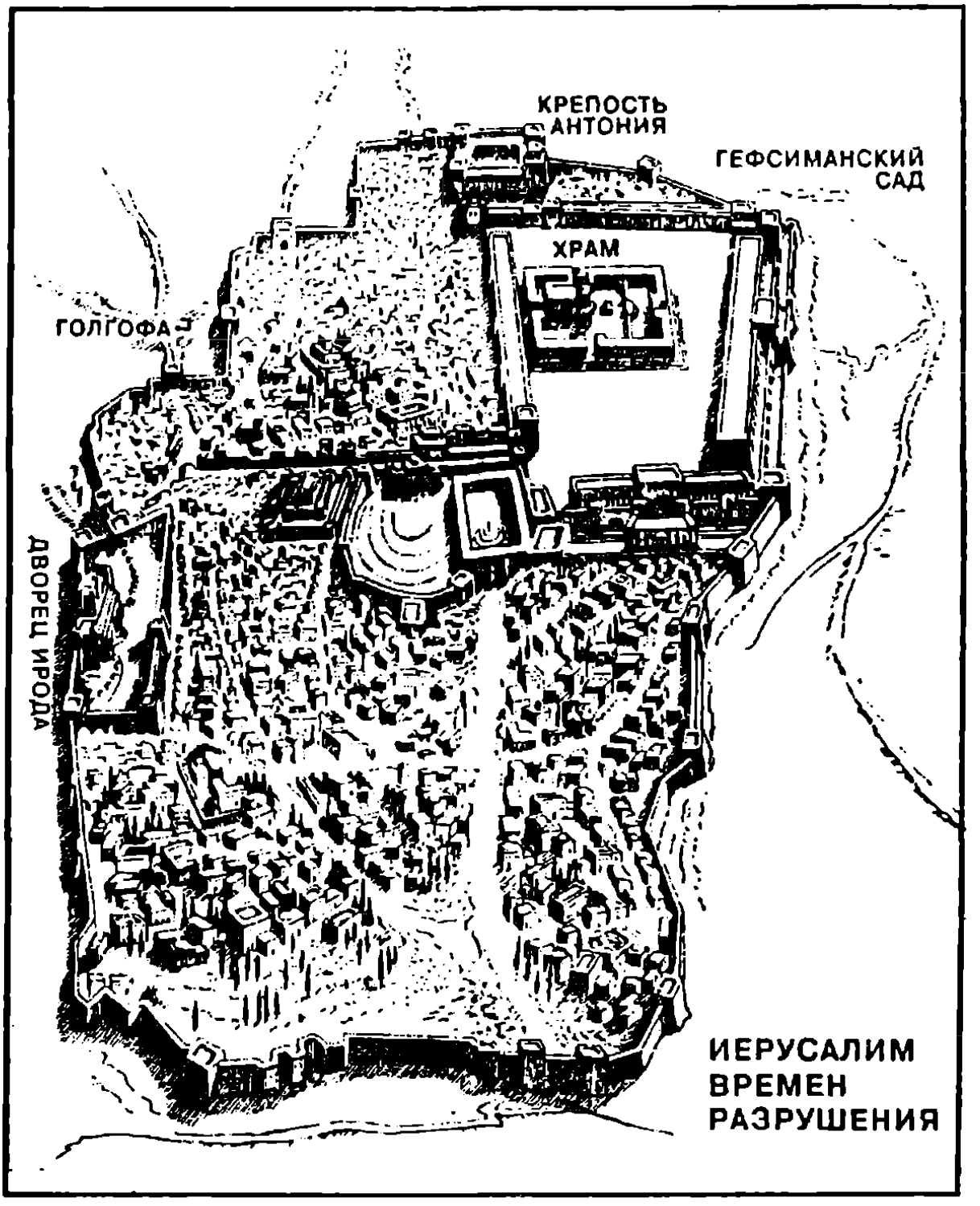
истории, по библейской археологии и т. п. Мы никогда не должны забывать, что Иосиф Флавий в своих двух крупных трудах восполняет пробел между книгами Ветхого и Нового Заветов. Являясь дополнением книги книг, его труды смело могут и должны рассчитывать на внимание всех образованных людей. Богатая литература о Флавии, множество его изданий, переводы его на все европейские языки служат лучшим тому доказательством[39].

Г. Г. Генкель

[39] Русский перевод Флавия является теперь впервые. Вышедшего в конце прошлого века нельзя принимать во внимание уже потому, что он сделан не с подлинника, а с латинского языка. До 1849 г. (по данным Bibl. judaica Furst'a I, p. 118 — 132) было в разное время издано не более и не менее как 102 перевода (из них 35 на лат. яз.; 16 на нем.; 9 на фр.; 15 на ит.; 11 на англ.; по 5 на голландском и испанском яз.; 2 на португальском и по 1 на чешском, русском, шведском и датском языках). Кроме того, известный И. Б. Левинзон, равно как Менашэ бен Израэль, перевели его «Возражение против Апиона» на древнееврейский яз. — За полвека до нашего времени библиография отмечает 93 сочинения, посвященных объяснению трудов Флавия. Из них 60 написаны на латинском языке.

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Книги 1-12



Иерусалим времен разрушения

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

1. Я нахожу у лиц, приступающих к составлению исторических сочинений, не одну и постоянно одинаковую к тому побудительную причину, но целое множество их, и в большинстве случаев поводы крайне несходные между собою. Именно, одни стремятся принять участие в научной работе с целью выказать блестящий стиль свой и приобрести себе неизбежную в таком случае славу; другие берутся за такой труд, невзирая на то, что он им не по силам, имея в виду снискать себе расположение тех лиц, о которых им приходится повествовать; существуют, далее, также историки, побуждаемые каким-то внутренним чувством необходимости запечатлеть на бумаге события, в которых они сами были участниками; многих, наконец, побудило величие дотоле скрытых и покоящихся как бы во тьме событий вывести описание последних на свет, на пользу общую. Из указанных здесь причин последние две являются решающими также для меня. Именно, с одной стороны, я, как личный участник, чувствовал необходимость описать происшедшую у нас, иудеев, с римлянами войну, все ее перипетии и конец, ввиду того, что существуют лица, исказившие в своих на этот счет описаниях истину[1].

2. С другой же стороны, я взялся за предлежащее сочинение, полагая, что содержание его будет достойно возбудить к себе интерес со стороны греков, так как здесь имеется в виду представить картину всех наших древностей и нашего государственного устройства, критически выведенную из еврей-

[1] На это указывалось Иосифом Флавием также в его предисловии к «Иуд. войне», 1. Впрочем, один из римских полководцев, участвовавших в Иудейской войне, оставил не дошедшие до нас мемуары об этом событии. Ср.: Введение к переводу «Иудейской войны» H.Paret, p.18 и 19.

ских сочинений. Ведь уже раньше, когда я описывал (Иудейскую) войну[2], я подумывал, не показать ли, кто такие по своему происхождению иудеи, каким превратностям судьбы они подвергались, какой законодатель воспитал в них стремление к благочестию и побуждал их развивать в себе добродетель[3], какие войны вели они в продолжительный период времени своего существования и как они, против своего собственного желания, впутались в свою последнюю войну с римлянами[4]. Но так как подобная вставка была бы слишком обширна для такого рода сочинения, то я ее сделал предметом особого труда, в котором тщательно изложил от начала и до конца все сюда относящееся. С течением же времени и меня, как это обыкновенно бывает с людьми, решающимися взяться за какое-либо грандиозное предприятие, обуяли лень и сомнение в возможности довести на чужом языке и в чуждой нам форме до благополучного конца такую обширную задачу. Но нашлись люди, которые из любви к истории побуждали меня к этой работе; между ними на первом плане (стоит) Эпафродит[5], человек, серьезно любящий всякую науку и находящий особенное удовольствие в исторических исследованиях, тем более что он сам был участником великих событий и свидетелем многоразличных переворотов, причем он во всех этих случаях проявил удивительную силу характера и неизменную добропорядочность. Под влиянием его, который проявляет всегда столь великую симпатию ко всем предпринимающим какое-нибудь полезное или славное дело, и стыдясь навлечь на себя его подозрение, будто бы мне приятнее безделье, чем столь славный труд, я усерднее стал продолжать свою работу, тем более что, кроме всего вышесказанного, принял во внимание и то обстоятельство, что предки наши охотно сообщали (другим) подобные сведения и что

---

[2] Как известно, это сочинение Иосифа Флавия — его первый литературный труд и было окончено им не раньше 75 г. по Р. Х.

[3] Все это составляет содержание его возражения против Апиона.

[4] Т. е. ту, которая окончилась полным разрушением Иерусалима в 70 г. по Р. Х.

[5] «Иудейская война» и «Возражение против Апиона» Иосифа также посвящены этому Эпафродиту, личность которого, однако, не вполне еще выяснена. Вероятнее всего, это был ученый-грамматик, служивший первоначально префектом в Египте, а затем живший в Риме еще во времена императора Нервы.

некоторые из греков с усердием изучали наши обычаи и историю.

3. Между прочим, я нашел, что Птолемей Второй[6], более всех царей заинтересовавшийся наукой и собиранием книг, с особенной любовью занимался нашим (религиозным) законодательством и позаботился перевести на греческий язык его постановления и данные о государственном, сообразно ему, устройстве; равным образом и не уступавший в добродетели никому из наших первосвященников Элеазар нисколько не воспротивился тому, чтобы вышеназванный царь пользовался этим (переводом), причем он, во всяком случае, возбранил бы ему это, если бы нам было издревле свойственно держать в тайне что-либо хорошее. Поэтому и я считал себя вправе подражать великодушию того первосвященника и равным образом предполагать, что и теперь еще существует, наподобие того царя, много любознательных людей; тем более что последний получил перевод не всего Св. Писания, но лица, посланные для перевода в Александрию, сообщили (ему) только перевод Пятикнижия (собств., только того, что касается закона). А между тем в священных книгах записаны (кроме законов) десятки тысяч разных других фактов ввиду того, что там обнимается период пятитысячелетней исторической жизни (народа), тут сообщается о всевозможных неожиданных событиях, о случайностях войны, о доблести полководцев и о переменах в государственном устройстве. Во всяком же случае, каждый, желающий подробно ознакомиться с этой историей, выведет из нее на первом плане заключение, что, с одной стороны, людям, повинующимся велению Господа Бога и не дерзающим преступать законы, все удаётся сверх чаяния и наградой их от Бога является будущее (загробное) блаженство; с другой же стороны, людям, отступающим от точного исполнения этих повелений, в одинаковой мере легкое становится непреодолимым, и даже обращается в неизбежную гибель все то, за что они взялись бы как за нечто несомненно хорошее. Поэтому я убеждаю тех,

[6] Это знаменитый Птолемей Филадельф, основавший славную Александрийскую библиотеку и стяжавший себе бессмертие предпринятым по его желанию переводом Пятикнижия на греческий язык (так наз. LXX толковников). Птолемей Филадельф был очень расположен к евреям. Ср.: C. Apion II, 3 (стр. 83 рус. перевода).

которым попадутся в руки эти книги, иметь в виду повеление Господа Бога и принять во внимание, что наш законодатель достойным образом понял природу Его и всегда приписывает Ему лишь деяния, соответствующие Его могуществу, сохранив повествование о Нем свободным от всяких позорных, хотя и встречающихся у других (историков), мифологических прикрас, несмотря на то, что он, ввиду отдаленности времени и глубокой древности, мог бы вполне безбоязненно ввести в свой рассказ многоразличные лживые выдумки. Ведь он жил две тысячи лет тому назад, то есть в такое отдаленное время, к которому поэты не осмелились отнести не только деяния и законодательства людей, но и происхождение самих богов. Все это с должной ясностью и в соответствующем порядке покажет нижеизложенное историческое повествование; в нем я себе поставил неизменной задачей ничего (лишнего) не прибавлять, но и ничего не опускать.

4. А ввиду того, что почти все это явилось у нас благодаря мудрости нашего законодателя Моисея, то мне необходимо о нем кое-что вкратце предпослать, дабы некоторые из будущих читателей не изумлялись, почему наша книга, по заглавию своему посвященная вопросу о законах и исторических деяниях, настолько подробно занимается данными естествознания. Итак, следует принять во вниманне, что Моисей считал необходимым, чтобы человек, собирающийся урегулировать свой образ жизни и затем давать руководящие законы другим людям, раньше всего усвоил себе правильный взгляд на сущность Господа Бога и, постоянно имея мысленно пред глазами Его деяния, стремился бы к подражанию этому величайшему примеру и, поскольку это в его силах, старался бы приблизиться к Нему. Ибо при отсутствии такого взгляда на вещи у самого законодателя не может быть верного понимания и равным образом он нисколько не вызовет своими сочинениями склонности к добродетели в читателях, если те раньше всего прочего не усвоят себе убеждения, что Господь Бог — отец и властелин всего существующего, что Он взирает на все и что Он дарует повинующимся Ему блаженство, а шествующих вне пути добродетели наказывает крупными несчастьями. И вот, так как Моисей захотел дать своим собственным сородичам наставление именно в этом, то он, в противоположность всем прочим, начал (свое сочинение) не

изложения законов и законоположений, имеющих условное среди людей значение, но, направив внимание их на Божество и на устройство мироздания и убедив их в том, что мы, люди, лучшее из творений Господа Бога на земле, уже легко мог убедить их во всем (остальном), после того как расположил их таким образом к благочестию. И в то время как остальные законодатели, придерживаясь мифов, перенесли на богов весь позор людских заблуждений и тем дали преступным людям возможность всяких отговорок, наш законодатель показал, что Господь Бог владеет добродетелью в полной ее чистоте, и считал необходимым, чтобы люди хоть несколько пытались усвоить ее; тех же, кто этого не понимал или в это не верил, он безжалостно наказывал. И вот с этой-то точки зрения ознакомиться (с моим сочинением) приглашаю я своих читателей. Те, которые посмотрят на него с такой точки зрения, увидят, что оно не содержит в себе ничего несообразного с их собственными взглядами, равно как ничего несовместимого с величием Господа Бога и с Его любовью к роду человеческому. Это сочинение содержит в себе все расположенным в соответствующем природе вещей порядке, причем законодатель вполне разумно на одно (только) намекает, на другое указывает торжественно-аллегорически, а о том, о чем можно высказаться прямо, об этом он говорит обстоятельно. И если бы нашлись желающие рассмотреть причины каждого явления, то пришлось бы вывести много, притом строго философских, теорий, что я, однако, теперь опускаю; если же Господь даст мне для того достаточно продолжительную жизнь, то я примусь, по окончании этого труда, и за ту тему. Теперь же я перейду к изложению своих данных, напомнив первоначально о том, что повествует Моисей о сотворении мира. Все это я нашел записанным в священных книгах и притом в следующем виде.

Книга первая

СОДЕРЖАНИЕ*

1. Предисловие, в котором сообщается о причинах написания предлежащего сочинения.

2. Сотворение мира и установление его составных частей.

3. О потомках Адама и о десяти последующих поколениях до потопа.

4. О том, как произошел потоп, как Ной с семейством спасся в ковчеге и как он затем поселился на равнине Сеннаар.

5. Как потомки Ноя воздвигли назло Господу Богу башню, как Господь смешал их языки, как место, где все это произошло, получило название Вавилона.

6. Как потомки Ноя расселились по всей земле.

7. Как отдельные народы стали именоваться по основателям их первоначальных обиталищ.

8. Как Авраам, наш родоначальник, направился из Халдеи в Ханаан, который теперь именуется Иудеей.

9. Как Авраам вследствие голода переселился из Ханаана в Египет, где пробыл некоторое время и затем снова вернулся в Ханаан.

10. Поражение содомитян в борьбе с ассирийцами.

11. Как Авраам напал на ассирийцев и победил их; как он спас взятых в плен содомитян и вернул добычу.

12. Как Господь Бог уничтожил народ содомский в гневе за его прегрешения.

13. Об Измаиле, сыне Авраама, и его потомках, арабах.

14. Об Исааке, законном сыне Авраама.

15. О Саре, жене Авраама, и ее смерти.

16. О том, что троглодиты происходят от Кетуры, на которой женился Авраам.

17. О смерти Авраама.

18. О рождении и воспитании Исава и Иакова, обоих сыновей Исаака.

19. Бегство Иакова в Месопотамию, из страха перед братом; о том, как он там вступил в брак и вернулся затем назад в Ханаан отцом двенадцати сыновей.

20. Как умер Исаак и был похоронен в Хевроне.

---

* Известный издатель и критик текста Б. Низе (B. Niese) предпосылает, на основании древних памятников, каждой книге данного сочинения сумарии, так наз. epitome, которые в их совокупности признаются знатоком Иосифа Флавия, Гутшмидом, весьма ценными.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Вначале сотворил Бог небо и землю. И так как последняя была невидима, но скрыта в глубоком мраке, а дух (Божий) витал над нею, то Господь повелел создаться свету. Обозрев, по возникновении последнего, всю материю в ее совокупности, Он отделил свет от тьмы и дал последней имя ночи, а первый назвал днем, а начало возникновения света и прекращения его назвал утром и вечером. Так возник первый день; Моисей же говорит: один день. Хотя я был бы в состоянии и сейчас уже объяснить причину этого явления, однако так как обещал представить объяснение причин всех явлений в особом сочинении, то я откладываю до тех пор пояснение и этого[1]. После этого Он во второй день раскинул над всем небо, потому что Он счел необходимым отделить небо от всего остального, как нечто самостоятельное, и окружил его кристаллом, в который, на пользу орошения земли, включил весьма кстати воду и сырость[2]. На третий день Он создал землю[3], разлив вокруг нее море. В тот же самый день Он тотчас вызвал из земли растения и семена. На четвертый Он украшает небо солнцем, луною и остальными светилами, определив их движения и пути (по небу), для того, чтобы тем самым определялись перемены времени. На пятый же день Он создал плавающих животных и птиц, назначил первым глубь морскую, а вторым воздух, и сблизил соответственно тех и других в половом отношении, ради воспроизведения потомства, расположения и умножения их рода. На шестой день Он создал четвероногих животных, сотворив их самцами и самками. В этот же день Он сотворил и человека. И вот, говорит Моисей, во все эти шесть дней возник мир со всем своим содержимым, а на седьмой (Господь) почил и отдохнул от трудов своих. Отсюда и мы в этот день воздерживаемся от трудов своих, называя его sabbaton: имя это на еврейском языке обозначает отдых[4].

2. После (описания) седьмого дня Моисей переходит на почву естественно историческую, рассказывая о сотворении человека следующее: Господь Бог сотворил человека, взяв для этого прах от земли и соединив с ним дух и душу[5]. Этот человек получил название Адама, что значит на еврейском языке «красный», так как человек был сотворен из красной гли-

ны:[6] такого именно состава девственная, нетронутая почва. Затем Господь Бог привел к Адаму животных, по разрядам их, и показал ему самцов и самок. Адам дал им те названия, которыми их называют по сей день. Видя же, что Адам не имеет общества и совместной жизни с существом женского пола (потому что женщины еще не было) и что он удивляется тому, что у всех других животных это не так, Он вынул у него во время сна одно ребро и сотворил из него женщину. Когда же она предстала пред Адамом, то он понял, что она создана из него. Женщина же по-еврейски называется essa[7]. Имя этой же женщины было Ева, что обозначает «мать всего живого»[8].

3. Далее (Моисей) рассказывает, что Господь Бог устроил на востоке сад и насадил в нем всевозможных растений; среди последних находилось также одно Древо жизни, а другое — познания, по которому можно было бы узнать, что такое добро и что зло. Затем Он ввел в тот сад Адама и жену его и повелел (им) ходить за растениями. Этот сад был орошаем рекою, которая обтекает вокруг всей земли и распадается[9] на четыре рукава: Фисон (имя это обозначает множество)[10] течет по направлению к Индии и впадает в море, называется греками Гангом; Евфрат и Тигр текут в Красное море, причем Евфрат назван Фором, что означает распространение или цветок[11], Тигр же — Тиглатом, чем определяется нечто узкозаостренное. Река же Геон, протекающая через Египет, означает «текущий к нам с востока». Греки называют его Нилом[12].

4. Господь Бог повелел Адаму и жене его есть от всех прочих деревьев, но воздерживаться от (древа) познания, сказав, что от прикосновения к нему они навлекут на себя погибель. В то время, как все животные жили тогда с ними в согласии, бывшая в дружелюбных с Адамом и его женой отношениях змея стала завидовать им[13] в том, что, если они будут следовать повелениям Господа Бога, они достигнут блаженства. Понимая, что при неповиновении Господу Богу люди впадут в несчастье, она коварно стала убеждать женщину отведать от (плодов) древа познания, уверяя при этом, что здесь именно и находится распознание добра и зла и что они, достигнув последнего, поведут жизнь более счастливую и ничем не отличающуюся от бытия самого Господа Бога. Таким образом удалось ей склонить женщину к презрительному отношению

к запрещению Божьему, и когда последняя отведала плод и нашла в том удовольствие, она подговорила также и Адама последовать ее примеру. И тогда они вдруг заметили, что они наги, и, стыдясь своей наготы, стали думать об одеянии для себя: дерево, оказалось, повлияло на их рассудок и мышление. Тогда они прикрыли себя листьями смоковницы и, скрыв под ними наготу свою, начали думать, что они теперь еще счастливее, чем прежде, найдя то, в чем они раньше нуждались[14]. Когда же Господь Бог пришел в сад, то Адам, который раньше встречал Его с радостью и доверчиво, теперь, в сознании вины своей, стал прятаться. Господа же удивил этот поступок, и Он стал расспрашивать его о причине, по которой Адам, раньше находивший удовольствие в общении с Ним, теперь Его избегает и прячется. Так как тот, вследствие сознания своего греховного нарушения Божественной заповеди, не отвечал ничего, то Господь Бог сказал: «Я знал, что вы могли бы прожить жизнью блаженной и свободной от всякого страдания, что душу вашу не мучила бы никакая забота, так как все, что полезно вам и могло бы доставить вам наслаждение, было бы вам дано Мною само собою, без всякого с вашей стороны усилия и труда, лишь благодаря Моему (к вам) расположению; при наличности всего этого и старость не так скоро напала бы на вас и вам можно было бы дольше жить. Теперь же ты нагло нарушил Мое повеление, ослушавшись Моих приказаний; ведь ты молчишь не из скромности, но потому, что сознаешь за собою совершенное злодеяние». Адам стал молить о прощении и взывать к Господу не гневаться на него, указывая на женщину как на виновницу всего случившегося и говоря, что он согрешил, введенный ею в соблазн. Та же, со своей стороны, обвиняла змею. Тогда Господь Бог определил ему наказание за то, что он подчинился убеждению жены, и сказал, что земля отныне более не будет сама от себя доставлять им ничего из своих произведений; лишь в том случае, если они будут трудиться и всячески обрабатывать ее, она иногда им будет давать кое-что, иногда же отказывать и в этом. Еву же Он наказал родами, сопряженными с мучительными болями, за то, что она, соблазнив Адама так же, как ее соблазнила змея, ввергла его в несчастье. В гневе же за коварство змеи по отношению к Адаму Он лишил ее голоса и впустил ей под язык яд; вместе

с тем Он объявил ее существом, враждебным к людям, и погрозил, что ей раздробят голову, так как в ней заключается все зло для людей и потому что таким образом последние, обороняясь против нее, легче всего причинят ей смерть. Лишив ее вместе с тем ног, Он заставил ее ползать и извиваться по земле. В то же самое время Господь, определив им такие страдания, выселил Адама и Еву из рая в другое место.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. У них родились двое детей мужского пола; первый был назван Каином (в переводе это имя означает «приобретение»)[15], второй же — Авелем (что значит «печаль»)[16]. Родились у них также и дочери. Братья находили удовольствие в различных друг от друга образе жизни и занятиях. Младший, Авель, старался быть справедливым и стремился к добродетели, так как был уверен, что Господь видит все дела его. По занятию своему он был пастухом. Каин же был во всех делах своих весьма порочен и имел в виду одну только цель — получать выгоды; он первый изобрел землепашество, а (затем) убил брата своего по следующей причине: однажды они решили принести жертвы Господу Богу. Каин возложил (на алтарь) произведения своего земледелия и плоды деревьев, Авель же — молоко и перворожденное из стад своих. Господу же последняя жертва понравилась более, так как Он отдавал предпочтение тому, что возникло самостоятельно сообразно самой природе, перед тем, что было насильно вызвано из земли по расчету корыстолюбивого человека[17]. Тогда Каин, разгневанный предпочтением, которое Господь Бог оказал Авелю, убил брата своего и, скрыв труп его, предполагал, что это останется незамеченным. Бог же, зная об этом поступке, явился к Каину и стал спрашивать о том, где его брат, которого Он не видит уже много дней, тогда как раньше видел его постоянно в его обществе. Не зная, в смущении своем, что сказать Господу Богу, Каин сперва ответил, что он и сам удивляется отсутствию брата; но когда Господь настоятельно стал всяческим образом допытываться от него объяснения, он гневно возразил, что он не воспитатель и не соглядатай ни его, ни его поступков. Тогда Господь Бог изобличил Каина в убийстве брата. «Удивляюсь, — сказал Он, —

как ты не знаешь, что стало с человеком, которого ты сам загубил». Хотя Господь и освободил его от наказания за смертоубийство, так как Каин принес жертву и этим путем умилостивил Бога не слишком сильно гневаться на него, однако Он проклял его и присовокупил к этому угрозу, что он накажет также и потомков Каина до седьмого колена. Вместе с тем Он выгнал его вместе с женой из той местности. А так как Каин боялся попасть при своих странствованиях во власть диких зверей и таким образом погибнуть, то Господь Бог повелел ему не опасаться никакого вреда от подобной причины и безбоязненно странствовать по всей земле: звери ему не причинят никакого вреда. При этом Он отметил Каина особым знаком, по которому его можно было бы узнать, и повелел ему отправиться в путь.

2. Обойдя большую часть земли, Каин остановился со своей женой в Наиде[18], — так называлось это место, и поселился там; тут родились у него дети. Однако в (постигшем его) наказании он не видел предостережения; напротив, его порочность все увеличивалась, так как он предавался всякому чувственному удовольствию, хотя бы оно было связано с жестокостями над прочими жившими в его обществе людьми. Свои владения он увеличивал грабежами и насилием, и, приглашая своих сотоварищей к совершению бесстыдств и разбойничанью, он становился руководителем и наставником их в разных гнусностях. Изобретением весов и мер он изменил ту простоту нравов, в которой дотоле жили между собою люди, так как жизнь их, вследствие незнакомства со всем этим, была бесхитростна, и ввел вместо прежней прямоты лукавство и хитрость. Он первый поставил на земле разграничительные столбы, построил город и, укрепив его стенами, принудил своих близких жить в одном определенном месте. Этот город он назвал по имени старшего сына своего Еноха Енохией. У Еноха же был сын Иаред, а у последнего Маруил (Мегияэль), от которого родился сын Мафусаил; сыном этого был Ламех, у которого было семьдесят семь сыновей[19], рожденных ему его двумя женами, Селлой и Адой. Из них Иовел, сын Ады, воздвигал палатки и любил скотоводство, а единоутробный брат его Иувал занимался музыкой и изобрел лютни и арфы[20]. Фовел (Тубалкайн) же, один из сыновей другой жены, превосходя всех других (братьев) си-

лою своею, особенно усердно занялся военным искусством, доставая себе при помощи его все способствовавшее физическим его удовольствиям, и первый изобрел кузнечное ремесло. Ламех же, став отцом дочери по имени Ноема[21] и понимая хорошо и точно требования религии, был того мнения, что ему самому придется поплатиться за братоубийство Каина. Это он сообщил своим женам[22]. Еще при жизни Адама потомки Каина были крайне преступны, так что, следуя друг за другом (по пятам) и подражая один другому, они становились под конец все хуже и хуже, вели беспрерывные войны и постоянно отправлялись на грабежи. Вообще же, если тот или другой из них не особенно охотно предавался убийствам, то зато выделялся безумной наглостью, своеволием и корыстолюбием.

3. Адам же, первый происшедший от земли человек — повествование требует вернуться к нему, — после того, как Авель был зарезан, а Каин должен был вследствие этого убийства бежать, стал очень помышлять о новом потомстве[23]. Это сильное желание иметь детей возникло у него потому, что ему было уже двести тридцать лет, хотя он и умер, прожив сверх того еще семьсот лет. И вот у него родилось еще несколько других детей, и в том числе Сиф. Было бы долго рассказывать о прочих; поэтому я сообщу данные лишь о Сифе. Когда он вырос и достиг того возраста, в котором у человека является возможность отличать добро (от зла), он стал вести добродетельный образ жизни и, будучи сам наилучшим человеком, оставил после себя потомство, подражавшее ему в этом. Будучи все людьми хорошими, живя между собой в согласии и мире, они населяли одну и ту же местность, причем до самого конца жизни не подвергались никакому несчастью. Они же изобрели науку о небесных телах и их устройстве[24], и для того, чтобы изобретения их не были забыты и не погибли раньше, чем с ними познакомятся люди — ввиду того, что Адам предсказал погибель отчасти от силы огня, отчасти же вследствие огромного количества воды, — они воздвигли два столба, один кирпичный, другой каменный, и записали на них сообщение о своем изобретении. Последнее было сделано с тем расчетом, чтобы, если бы кирпичный столб случайно погиб при наводнении, оставшийся невредимым каменный дал людям возможность ознакомиться с над-

писью и вместе с тем указал бы и на то, что ими была воздвигнута и кирпичная колонна. (Каменный) столб сохранился по сей день в земле Сириадской[25].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Потомки Сифа пребывали в продолжение семи поколений в непоколебимой вере, что Господь Бог владыка всего существующего, и были всецело преданы добродетели. Затем же, с течением времени, они уклонились от отцовских обычаев в сторону зла, так как перестали питать необходимое благоговение к Богу и относиться справедливо к людям; то рвение к добродетели, которое они выказывали раньше, они заменили теперь вдвое большим злом во всех своих поступках. Вследствие этого Господь стал во враждебные к ним отношения. Дело в том, что много ангелов вступило в связь с женщинами[26], и от этого произошло поколение людей надменных, полагавшихся на свою физическую силу и потому презиравших все хорошее. Нечто подобное позволяли себе и известные по греческим преданиям гиганты. Ной же, огорчаясь их поступками и крайне печалясь при виде их гнусных стремлений, стал по силе возможности убеждать их переменить свой образ мыслей и действий. Видя, однако, что они не поддаются увещеваниям и уже вполне подпали страсти к совершению злодеяний, и равным образом опасаясь, как бы они не вздумали убить его, он решил выселиться из страны с женою, детьми и домочадцами[27].

2. Господь Бог полюбил Ноя за его справедливость; остальных же Он не только наказал за порочность их, но и порешил уничтожить весь род людской и создать новых людей, чистых от греха. Поэтому Он сократил сперва продолжительность их жизни настолько, что они стали жить теперь, взамен прежнего, только сто двадцать лет[28], а затем наслал на землю потоп. Таким образом прежнее поколение всецело исчезло с лица земли, и спасся один только Ной, ввиду того что Господь Бог дал ему следующую возможность спастись: построив четырехэтажный ковчег, длиною в триста, шириною в пятьдесят и вышиною в тридцать локтей, Ной вошел в него с своею женою, сыновьями и женами последних, взял с собою все необходимое к жизни и прибавил к тому всевозмож-

ных животных, по самцу и самке, чтобы сохранился род их, а прочих по семи пар. Ковчег имел прочные стены с сильными скрепами и крышею, так что вода не могла никуда проникнуть и ковчег не мог поддаться ее напору. Таким только образом спасся Ной со своими домочадцами. Он является десятым потомком Адама, так как он был сыном Ламеха, отцом которого был Мафусаил, происходивший, в свою очередь, от Эноха, сына Иареда. Иаред же рожден был от Малуиила, который происходил с несколькими сестрами от Еноса; Энос же был сыном Сифа, сына Адамова[29].

3. Это бедствие (потоп) произошло на шестисотом году жизни Ноя, во втором месяце, который называется македонянами Дием, а евреями Марсуаном;[30] таким образом они распределяли год в Египте. Моисей же первым месяцем религиозного года определил Нисан, который тот же самый, что и Ксантик, так как в этот месяц он вывел евреев из Египта. Этот же месяц служил у него точкою отправления во всех религиозных постановлениях; для определения же времени купли, продажи и прочих жизненных отношений Моисей сохранил первый из названных месяцев (как начало года)[31]. Моисей замечает, что потоп начался в двадцать седьмой день названного месяца. Время от Адама, прародителя рода человеческого, до этого момента обнимало период в две тысячи двести шестьдесят два года. Этот промежуток записан в священных книгах, потому что люди, тогда жившие, отмечали с большою точностью как рождение, так и смерть выдающихся личностей[32].

4. У Адама, жившего всего девятьсот тридцать лет, родился сын Сиф, когда Адаму было двести тридцать лет. Сифу было двести пять лет, когда у него родился Энос, который, достигнув девятисотпятилетнего возраста, передал сыну своему Каину, родившемуся у него, когда ему было около 190 лет, заботу о правлении. Он прожил девятьсот двенадцать лет[33]. Каин же прожил девятьсот десять лет и на сто семидесятом году своем получил сына Малаиила. Этот последний умер, прожив восемьсот девяносто пять лет и оставив после себя сына Иареда, который родился у него, когда ему было сто шестьдесят пять лет. После того как Иаред прожил девятьсот шестьдесят девять лет[34], ему наследовал сын его Анох, родившийся, когда отцу его было около ста шестиде-

сяти двух лет. Прожив около трехсот шестидесяти пяти лет, он отошел к Богу, почему и нет сообщения об его смерти[35]. Сын же Аноха, Мафусаил, родившийся, когда Аноху было сто шестьдесят пять лет, имел на сто восемьдесят седьмом году своей жизни сына Ламеха, которому он и передал правление, принадлежавшее ему самому до девятьсот шестьдесят девятого года его жизни. Ламех сделал своим наследником Ноя, который родился у него, когда ему было сто восемьдесят восемь лет, и после того как он сам правил в продолжение семисот семидесяти семи лет[36]. Ной правил девятьсот пятьдесят лет. Если сложить все вышеприведенные числа лет, то получится (указанное) время (от начала миросотворения до потопа). Но не следует делать попытки установить годы смерти указанных патриархов (так как жизнь последних захватывала часть времени жизни их детей и дальнейших потомков), но нужно обращать внимание исключительно на даты их рождений.

5. После того как Господь Бог предостерег (людей), Он наслал дождь, и в продолжение сорока дней беспрерывно лились потоки воды, так что она покрыла землю на пятьдесят локтей в вышину. Это было причиною того, что вообще больше (кроме Ноя с семейством) никто не спасся, так как не было средства к отступлению и бегству. Лишь сто пятьдесят дней после того, как перестал лить дождь, именно на седьмой день седьмого месяца, начала мало-помалу сбывать вода. Затем, когда ковчег остановился на вершине одной горы в Армении и это заметил Ной, последний открыл его и, увидев около ковчега несколько суши, стал надеяться на лучшее и успокоился. Несколько дней спустя, когда вода еще более убыла, он выпустил ворона, желая узнать, нет ли еще где-нибудь свободной от воды и уже доступной для высадки земли. Однако тот вернулся к Ною, найдя, что еще все покрыто водою. Через семь дней Ной выпустил с тою же целью голубя. Когда же последний вернулся к нему запачканный (землею) и неся лист маслины, то Ной увидел, что земля освободилась от воды, и, прождав еще семь дней, выпустил из ковчега животных и сам вышел со своими домочадцами. Принеся затем жертву Господу Богу, он вместе с сородичами своими устроил жертвенный пир. Это место армяне называют «местом высадки», и до

сих пор еще туземцы показывают там остатки, сохранившиеся от ковчега[37].

6. Об этом потопе и о ковчеге упоминают также все те, которые писали историю неевреев. В числе их находится и халдеянин Беросс[38]. В одном месте (своего сочинения) он высказывается следующим образом о потопе: «Говорят, что еще до сих пор сохранился в Армении на горе Кордуйской[39] остаток от этого ковчега и что некоторые берут от него смолу, пользуясь ею в большинстве случаев как средством против заболеваний». Об этом упоминает также египтянин Иероним, написавший древнейшую историю Финикии, Мнасей и некоторые другие[40]. Равным образом и Николай Дамасский[41], рассказывая об этом в девяносто шестой книге, сообщает следующее: «Выше области Миниады находится в Армении высокая гора по имени Барис[42], на которой, по преданию, искало убежища и нашло спасение множество людей во время потопа. Сообщается также, что некто в ковчеге остановился на ее вершине и что в продолжение долгого времени сохранялись (здесь) остатки этого судна. Быть может, это тот самый человек, о котором писал и Моисей, иудейский законодатель»[43].

7. Боясь, как бы Господь Бог не вздумал насылать на землю ежегодно потоп, чтобы окончательно уничтожить род людской, Ной принес жертву всесожжения и затем стал еще просить Господа Бога, чтобы Он оставил землю в ее прежнем виде и более не подвергал бы ее такой печальной участи, от которой могла бы возникнуть опасность, что все живое погибнет; напротив, пусть Он, наказав грешников, пощадит тех, которые вследствие своей добродетели остались в живых и по Его решению избегли этой страшной участи. Последним ведь иначе пришлось бы быть куда несчастнее первых и подвергнуться гораздо худшему наказанию, если бы они не были спасены бесповоротно и должны были бы погибнуть от нового потопа: в таком случае они узнали бы чувство того страха, который вызвала в них картина первого потопа, и (кроме того) погибли бы при втором потопе. Поэтому он умолял Господа Бога благосклонно принять его жертву и не подвергать землю подобной гневной расправе, для того чтобы (уцелевшие люди) могли, обрабатывая землю и строя города, жить покойно, наслаждаться всеми благами (жизни), как это

было до потопа, легче достигнуть глубокой старости и пользоваться (подобно предкам своим) такою же продолжительною жизнью.

8. После того как Ной вознес к Господу Богу эти мольбы, Он, любя Ноя за его праведность, согласился привести в исполнение его просьбу, прибавляя, однако, при этом, что не Он причина гибели грешников, но что они только поплатились за свою собственную испорченность и что, если бы Он желал губить людей, Ему не нужно было бы создавать их; было бы гораздо разумнее совершенно не даровать им жизни, чем, дав, снова отнимать ее. «Но тем, что они поглумились над требуемыми Мною благочестием и добродетелью, этим они заставили Меня подвергнуть их такому наказанию. Впрочем, впоследствии Я не стану взыскивать с них за прегрешения с такой строгостью, тем более что ты являешься их заступником. И если Я все-таки когда-нибудь нашлю (на землю) непогоду, то не бойтесь силы ливня: вода уже более не затопит земли. Но Я требую, чтобы вы воздерживались от пролития человеческой крови и были чисты от убийства, причем вы должны наказывать тех, кто совершает что-либо подобное. При этом, однако, вы можете пользоваться всеми прочими животными по своему желанию и собственному благоусмотрению, так как Я вас поставил властелинами над всеми животными, которые находятся на земле, в воде или воздухе; (пользуйтесь ими всецело), кроме их крови, так как в ней находится душа[44]. В знак же, что (гневу Моему) на вас положен конец, Я воздвигну мой лук — радугу». Это явление считается ими луком Господним[45]. После этого обещания Господь расстался с ним[46].

9. Ной же прожил после потопа еще триста пятьдесят лет, и прожил все это время счастливо; затем он умер, достигнув девятисотпятидесятилетнего возраста. Пусть, однако, никто не считает, при сопоставлении данных древних писателей о продолжительности их жизни с краткостью теперешней нашей, эти сообщения лживыми, объясняя это тем, что никто из наших современников не достигает такого возраста и что поэтому никто из древних не мог прожить такое количество лет. Весьма естественным является такое количество лет жизни у людей, которые пользовались особенным расположением Господа Бога, были сотворены Им самим и употребляли

в продолжение долгого времени более подходящую пищу. Кроме того, Господь Бог даровал им более продолжительную жизнь за их благочестие и для того, чтобы они могли вполне проверить и применить свои изобретения в области астрономии и геометрии; ведь если бы эти люди не прожили (по крайней мере) шестисот лет, то они не были бы в состоянии делать предсказания, потому что именно столько лет обнимает так наз. «великий год»[47]. Мои слова подтверждаются также всеми греческими и негреческими историками, и с мнением моим согласны: Манефон[48], написавший историю египетскую, Беросс, сообщающий данные о Халдее, Мохос[49], Гекатей[50] и, кроме того, египтянин Иероним, повествующие о деяниях финикийцев. Гезиод[51], Гекатей, Гелланик[52] и Акузилай[53], вдобавок Эфор[54] и Николай[55] сообщают, будто древние люди жили по тысяче лет. Впрочем, пусть всякий смотрит на эти данные, как кому заблагорассудится[56].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Три сына Ноя, Сим, Яфет и Хам, родившиеся за сто лет до потопа, первые спустились с гор на равнины, поселились здесь и убедили прочих людей, сильно боявшихся низин и неохотно спускавшихся с возвышенных мест вследствие опасения (нового) потопа, смело последовать их примеру. Равнина же, на которой они для начала поселились, называется Сеннаар[57]. Когда же Господь Бог повелел им выделить из своей среды часть людей, вследствие сильного их размножения, и послать их на новые места, чтобы им не ссориться между собою и чтобы они, обрабатывая большое пространство земли, имели полный достаток в плодах, они по невежеству не повиновались Господу Богу и потому подверглись бедствиям и испытали результаты своей греховности. Когда же среди них значительно увеличилось количество молодежи, Господь Бог снова приказал им разделиться и расселиться. Они же (и на этот раз) ослушались повеления, так как, с одной стороны, полагали, что владеют всем своим имуществом не по благости Господней, а с другой — были того мнения, что их собственная сила является причиною их настоящего благополучия. К этому неповиновению воле Господа Бога они присоединили еще предположение о злом умысле Божества,

которое будто побуждает их к расселению, чтобы тем легче справиться с ними.

2. К такому дерзкому ослушанию относительно Господа Бога побудил их Немврод, внук Хама, сына Ноева, человек отважный и отличавшийся огромною физическою силою. Он убедил их не приписывать своего благоденствия Господу Богу, а считать причиною своего благополучия собственную свою доблесть. Спустя немного времени Немврод стал домогаться верховной власти, будучи убежден, что люди только в том случае перестанут бояться Бога и отпадут от Него, если согласятся жить под властною защитою его, Немврода. При этом он хвастливо заявлял, что защитит их от Господа Бога, если бы Тот вновь захотел наслать на землю потоп. Он советовал им построить башню более высокую, чем насколько могла бы подняться вода, и тем отомстить за гибель предков.

3. Толпа единодушно выразила желание последовать предложениям Немврода и стала считать повиновение Господу Богу (позорным) рабством. И вот они начали строить башню, не щадя рвения и усилий. Вследствие множества рабочих рук башня росла скорее, чем можно было бы раньше предполагать, причем ширина ее была столь велика, что вследствие этого вышина ее не так бросалась в глаза зрителям. Строилась она из жженого кирпича, залитого асфальтом, чтобы вода не могла проникнуть в нее. Видя такое их безумие, Господь Бог, хотя и решил не губить их совершенно, несмотря на то, что они могли бы быть благоразумнее вследствие примера гибели прежних людей от потопа, однако посеял между ними распрю, сделав их разноязычными и тем самым вызвав среди них непонимание друг друга. То место, где они построили башню, называется теперь Вавилоном вследствие происшедшего здесь смешения языков, вместо которых раньше был один всем доступный: евреи называют смешение babel[58]. Об этой башне и смешении языков упоминает также Сивилла, выражаясь следующим образом: «Когда все люди говорили еще на одном языке, некоторые из них начали строить страшной высоты башню, чтобы при помощи ее взойти на небо. Боги, однако, наслали ветры, сокрушили башню и при этом дали каждому (из строителей) особый язык. Отсюда и город стал называться Вавилоном»[59]. Относительно же так называемой находящейся в Вавилонии

сеннаарской долины Гекатей упоминает следующее: «Те из жрецов, которые спаслись, отправились в Сеннаар в Вавилонии, захватив с собою священные доспехи Зевса Эниалия»[60].

ГЛАВА ПЯТАЯ

В конце концов люди вследствие своего разноязычия стали расходиться и расселились повсюду по земле, кто куда попадал или куда кого привел Господь, так что вся суша, как внутренняя, центральные места, так и береговые полосы, покрывалась населением. Явились также и такие люди, которые переправились на кораблях на острова и заняли их. Некоторые народы сохранили при этом свои прежние, основные названия, другие их переменили, третьи, наконец, приняли имена, по их мнению, более понятные своим (новым) соседям. Виновниками такого нововведения являются греки, так как с течением времени они стали искать особенной славы в том, что украшали разные племена названиями, свойственными им, самим грекам, и навязывали им свое собственное государственное устройство, как будто бы те племена были одного с ними происхождения[61].

ГЛАВА ШЕСТАЯ[62]

1. У сыновей Ноя были потомки, в честь которых лица, завладевавшие какой-либо страною, называли ее население. У Ноева сына Яфета было семь сыновей. Последние расселились начиная с гор Тавра и Амана до реки Танаиса[63], а по Европе до Гадиры[64], занимая встречавшиеся по пути земли, до этого никем не занятые, и дали населению свои собственные названия. Именно, родоначальником тех народов, которые теперь именуются у греков галатами, а вообще называются гомарейцами, был Гомар;[65] Магог же положил начало тому народу, который от него получил название Магога, а ими (греками) именуется скифами[66]. От сыновей Яфета, Явана и Мада, произошли племена: от Мада — мадеи[67], называющиеся у эллинов мидянами, а от Явана произошло имя Ионии и всех греков[68]. Фовел положил начало фовелийцам, которые современниками нашими именуются иберами[69]. Мосохенцы, родоначальником которых является Мосох, но-

ют теперь название каппадокийцев, хотя существует еще указание и на их древнее имя: посейчас у них есть город Мадзака[70], указывающий сообразительным людям, что таким образом когда-то назывался и весь народ. Фирас же назвал фирянами подвластное себе племя, имя которого греки переделали в фракийцев[71]. Вот все эти народы ведут свое происхождение от сыновей Яфета. Из трех сыновей Гомара Асханаз положил начало асханазийцам, которые называются теперь у греков регийцами[72], Рифат — рифатейцам, ныне пафлагонийцам[73], Форгам же форгамейцам, которых греки, кажется, назвали фригийцами[74]. У сына Яфета, Явана, было (также) три сына: Елисей, давший свое имя народу, которым он правил, — это теперешние эоляне;[75] затем Фарс, родоначальник фарсийцев. Так в древности называлась Киликия[76], доказательством чего служит следующее: самый выдающийся главный город их носит название Тарса, причем они изменили в его имени букву тау (τ) на фиту (θ). Хетим, наконец, завладел островом Хетимою (он теперь именуется Кипром), от чего все острова и большинство прибрежных пространств называются евреями Хетим. Доказательством верности моего сообщения служит один из городов на острове Кипр; этот город до сих пор сохранил название Китиона, как именуют его те, кто переделал его имя на греческий лад, причем таким образом имя его не особенно сильно отличается от слова «Хетим»[77].

Столькими-то народами владели сыновья и внуки Яфета[78]. Но раньше, чем мне вернуться к дальнейшему рассказу, на котором я остановился, я сделаю замечание, вероятно, новое для греков. В Писании[79] все имена переделаны для удобства читателей на греческий лад, чтобы было сподручнее (произносить их). Нам же такого рода тип названий кажется неподходящим, а потому у нас как формы, так и окончания слов остаются неизменными: например, Ной (Νώεος) называется (у нас) Νῶε, и такая форма проходит у нас по всему сочинению[80].

2. Сыновья же Хама заняли область от Сирии, Амана и Ливанских гор вплоть до самого моря, овладев страною до океана[81]. Впрочем, названия одних местностей совершенно утратились, других — были изменены и искажены в иных случаях до неузнаваемости; лишь немногие сохранили свои

названия в неизмененном виде. Из четырех сыновей Хама имя Хуса не подверглось гибельному влиянию времени, потому что эфиопы, которыми он правил, до сих пор не только сами называют себя хусейцами, но и получают это название от всех жителей Азии[82]. Равным образом сохранилось в памяти у всех также имя местреян, потому что все мы, жители нашей страны, называем Египет Местрою, а египтян местреями[83]. Фут населил Ливию и назвал по себе жителей страны футийцами[84]. Равным образом в стране мавров существует река этого имени[85], о которой, как известно, упоминают, равно как о прилегающей к ней стране, именуемой Футою, весьма многие греческие историки. Теперешнее свое название (Ливия) страна получила от одного из сыновей Местраима, Ливия. Несколько ниже[86] мы приведем причину, по которой ее называют также Африкою. Ханаан же, четвертый сын Хама, поселился в области, ныне именуемой Иудеею, и назвал ее по своему имени Хананеею[87]. От всех их (т. е. сыновей Хама) произошли сыновья. У Хуса их было шесть, из которых Саба положил начала сабеянам, Эвиль — эвилейцам, ныне именуемым гетулами, а Сабафа — сабафейцам. Последние называются у греков астабарами[88]. Сабакафа же положил начало сабакафинейцам[89]. Регм был родоначальником регмян[90] и имел двух сыновей, из которых Иудада положил начало иудадеянам, западноэфиопскому племени, и дал ему свое имя, а Саба — сабеям[91]. Немврод же, сын Хуса, остался у вавилонян и завладел, как у меня было показано уже выше, там престолом[92]. У Местраима было восемь сыновей, которые все заняли землю от Газы[93] до Египта, но страна эта сохранила лишь название Филистеи, от имени (сына Ханаанова) Филистея. Область последнего греки именуют Палестиною[94]. Об остальных (сыновьях Местраима), Лудиме, Энеметиме и Лабиме, который поселился в Ливии и назвал страну по своему имени, о Недеме, Феросиме, Хеслеме и Хефториме нам не известно ничего, кроме имен, так как эфиопская война, о которой мы будем говорить ниже, принесла окончательную гибель их городам[95]. У Ханаана также были сыновья: Сидон, который основал в Финикии город того же имени[96], поныне называемый греками Сидоном; Амафий жил в Амафе[97], которая и теперь еще именуется так туземцами, тогда как македоняне назвали ее по имени одного из сво-

их эпигонов — Эпифаниею; Арадий занял остров Арад[98], Арукей же — Арку на Ливане[99]. О семи же остальных сыновьях не сохранилось в Священных книгах ничего, кроме имён: Хеттея[100], Иевусея[101], Аморрея[102], Гергесея[103], Эвея[104], Асеннея[105] и Самарея[106]. Дело в том, что евреи по следующей причине совершенно разрушили их города[107].

3. Когда после окончания потопа земля приняла опять свой прежний вид, то Ной начал ее обрабатывать и насаждать на ней виноградники. После того как плоды в свое время созрели, он приступил к сбору их и нашел годное для употребления вино. Принеся Господу Богу жертву, он выпил вина. Опьянев от него, Ной впал в сон и лежал обнаженным и в полном беспорядке. Увидев его (в таком положении), младший сын Ноя с насмешкою указал на это своим братьям, которые, однако, прикрыли отца. Когда Ной узнал об этом, он благословил (двух) других сыновей своих, а Хама хотя и не проклял вследствие столь близкого родства с ним, но зато проклял его потомков. Таким образом, в то время, как все прочие избегли проклятия, сыновей Ханаана постиг гнев Божий. Об этом мы расскажем ниже.

4. У Сима, третьего сына Ноя, было пять сыновей, потомки которых населили Азию, начиная от Евфрата и до Индийского океана. Элам оставил после себя эламейцев, родоначальников персов[108]. Ассур воздвиг город Нин и дал имя подданным своим ассирийцам, которые достигли необычайного могущества[109]. Арфаксад же назвал нынешних халдеян арфаксадейцами, так как он правил ими[110]. Арамейцами владел Арам, греки называют их сирийцами[111]. Родоначальником нынешних лидийцев, которых тогда именовали лудейцами, был Луда[112]. У Арама было четверо сыновей: Ус основал Трахониту[113] и Дамаск (находящийся в середине между Палестиною и Келесириею), Ул положил начало Армении[114], Гафер — является родоначальником бактрийцев[115], Мис — мисанейцев[116], страна которых у наших современников называется Спасинхараксом[117]. От Арфаксада произошел сын Сала, а от последнего Евер, по которому иудеи в древности назывались евреями[118]. У Иукты[119], сына Евера, были сыновья: Елмодад, Салеф, Азермоф, Ирай, Едорам, Эзил, Декла, Ивал, Авимаил, Савей, Офир, Эвилат, Иобав. Все они населяют местность от индийской реки Кефина до примыкающей

к ней страны Сэров[120]. Этого будет достаточно о сыновьях Сима. Теперь же я поведу речь об евреях.

5. У Фалека, сына Евера, был сын Рагав, а у последнего Серуг, у которого родился сын Нахор, а от него Фарр. Последний был отцом Аврама, который является десятым потомком Ноя и родился девятьсот девяносто два года спустя после потопа. Фарр родил Аврама на семидесятом году своей жизни, а Нахору было сто лет, когда у него родился Фарр. Нахор же родился у Серуга, когда последнему было сто тридцать два года, а Рагав стал отцом Серуга на сто тридцатом году жизни. В таком же возрасте и Фалек имел Рагава. Евер родил на сто тридцать четвертом году жизни Фалека. Сам он родился у Салы, когда тому было сто тридцать пять лет. Последний же родился у Арфаксада, когда тому было сто тридцать пять лет. Арфаксад же был сыном Сима, родившимся у последнего двенадцать лет спустя после потопа. У Аврама были братья Нахор и Аран. Из них Аран умер в Халдее, именно в городе Уре, называемом халдейским[121], оставив после себя сына Лота и дочерей Сарру и Мельху. Могила его показывается до сих пор. На племянницах своих женились Нахор и Аврам, первый на Мельхе, второй на Сарре. Так как Фарр возненавидел Халдею вследствие печали по Аране, то все (члены семьи) переселились в область месопотамскую Харран. Тут же сыновья похоронили и Фарра, умершего по достижении двухсотпятилетнего возраста. Дело в том, что теперь уже жизнь людей стала понемногу убавляться и сокращаться, и это продолжалось до рождения Моисея. После него по постановлению Господа Бога сроком жизни является сто двадцать лет. Такого возраста достиг и Моисей. У Нахора родилось от Мельхи восемь сыновей: Укс, Ваукс, Камуил, Хазад, Азав, Фелда, Иельдафа и Вафуил. Это были законные дети Нахора. Тавей же, Гаам, Тава и Мах родились у него от наложницы, Румы. У Вафуила, законного сына Нахора, родились: дочь Ревекка и сын Лаван.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Не имея прямого потомства, Аврам усыновил Лота, сына брата своего Арана и брата жены своей Сарры, и покинул, имея от роду семьдесят пять лет, Халдею, чтобы по при-

казанию Господа Бога направиться в Хананейскую землю. В ней он поселился и ее же оставил своим потомкам. Он был человеком необыкновенно понятливым во всех отношениях, отличался большою убедительностью в речах своих и порядочностью в обращении. Выделяясь поэтому среди других и пользуясь между ними большим почетом, вследствие своего добродетельного образа жизни, он пришел к мысли, что настало время обновить и изменить присущее всем (его современникам) представление о Господе Боге. Таким образом, он первый решился объявить, что Господь Бог, создавший все существующее, Един и что все, доставляющее человеку наслаждение, даруется Его милостию, а не добывается каждым (из нас) в силу собственного нашего могущества. Аврам вывел все это из созерцания изменяемости земли и моря, солнца и луны и всех небесных явлений[122]. Ибо (так рассуждал он) если бы всем этим телам была присуща (собственная, самостоятельная) сила, то они сами заботились бы о сохранении порядка между собою; но так как этого-то у них как раз и нет, то очевидно, что они полезны нам не в силу собственного присущего им могущества, но вследствие власти Повелевающего им, которому Одному подобает воздавать честь и благодарность. Когда, вследствие всего этого, халдеи и прочие жители Месопотамии восстали против Аврама, он, решив выселиться, занял по воле и при помощи Господа Бога Хананейскую землю. Основавшись тут, он воздвиг Господу Богу алтарь и принес Ему жертву.

2. Не называя его, впрочем, по имени, и Беросс упоминает о нашем патриархе Авраме, выражаясь при этом следующим образом: «В десятом поколении после потопа жил среди халдеев справедливый и великий человек, опытный в астрономии». Гекатей же не только вскользь упоминает о нем, но оставил целое специальное о нем сочинение[123]. Николай из Дамаска так выражается о нем в четвертой книге своей истории: «Авраам правил в Дамаске, прибыв в качестве чужеземца с войском из так называемой Халдеи, страны, лежащей выше Вавилонии. Спустя короткое время он выселился со своим народом в страну, которая тогда именовалась Ханаанеею, а теперь Иудеею; там размножились потомки его, о которых я в другом месте буду распространяться подробнее. До сих пор еще имя Авраама пользуется большою известностью

в области Дамаска, и (теперь еще) показывается там деревня, названная по его имени обиталищем Авраамовым».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. После того как несколько времени спустя голод постиг Хананею, а Аврам узнал, что египтяне живут в полном довольстве, он порешил отправиться к ним, с одной стороны, желая воспользоваться их избытком, с другой же — для того, чтобы поучиться у тамошних жрецов науке о божествах. При этом он решил стать их последователем, если бы нашел их взгляды правильнее своих, или, в противном случае, преподать им лучшие данные[124]. Но так как он вез с собою и Сарру и боялся, ввиду безумной слабости египтян к женщинам, чтобы фараон, вследствие красоты его жены, не решил погубить его, он придумал следующую хитрость: выдавая себя за брата Сарры, он побудил и ее согласиться на это, так как это-де полезно им обоим. Когда же они прибыли в Египет, то все случилось так, как предполагал Аврам. Весть о красоте его жены быстро разнеслась, вследствие чего и царь египетский, не удовлетворенный одними о том рассказами, а сгорая желанием увидеть ее лично, возымел намерение овладеть Саррою. Но Господь Бог воспрепятствовал исполнению его гнусной страсти, наслав на него болезнь и расстройство в делах[125]. Когда же фараон принес (очистительную) жертву для отвращения гнева Божества, то жрецы заявили ему, что это несчастье постигло его вследствие его желания изнасиловать жену чужестранца. Испугавшись этого, фараон стал расспрашивать Сарру, кто она такая и кто приехал вместе с нею. И когда он узнал всю истину, то он стал извиняться перед Авраамом, говоря, что, считая ее за его сестру, а не за жену, он старался снискать ее благоволение с тем, чтобы вступить с ним в родство, а не для того, чтобы оскорбить ее своею страстью. Затем он одарил его богатыми подарками и сблизил его с самыми учеными египтянами[126]. Вследствие всего этого еще более распространилась молва о добродетели, присущей Аврааму.

2. Так как египтяне вследствие различия в своих обычаях глумились друг над другом и постоянно из-за этого враждовали между собою, то Аврам стал ближе сходиться с ними,

знакомиться с их мировоззрением и доказывать затем всю пустоту и полную несостоятельность последнего. Этим он, благодаря частым сношениям, заслужил их удивление, как человек весьма выдающийся и необыкновенный, который не только обладает даром правильно мыслить, но и убеждать людей в чем угодно. Затем он преподал им арифметику и сообщил сведения по астрономии, в которых египтяне до прибытия Аврама были совершенно несведущи[127]. Таким образом, эти науки перешли от халдеев в Египет, а оттуда уже и к грекам.

3. По прибытии в Ханаан Аврам поделился с Лотом страною, ввиду того, что их пастухи стали ссориться из-за пастбищ. Окончательный выбор местности он вполне предоставил Лоту. Сам он взял себе отвергнутую Лотом нагорную страну и поселился в городе Хевроне, который на семь лет древнее египетского города Танида[128]. Лот же занял низменность около реки Иордан, недалеко от города содомитян, который в то время еще был цветущ, а теперь по решению и гневу Божьему стерт с лица земли. Причину этого последнего обстоятельства я приведу в свое время.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В то время, когда ассирийцы властвовали над Азиею[129], дела у содомитян были в цветущем положении, так как, с одной стороны, богатства их умножились, а с другой — у них было много юных воинов. Страна их находилась во власти пяти царей: Валласа, Варсы, Сенавара, Симовора и правителя валенцев[130]. Каждый из них имел свой собственный удел. На них пошли ассирийцы войною и, разделив свое войско на четыре части, над которыми было поставлено по одному военачальнику, осадили их города. Когда же в происшедшей затем битве ассирийцы остались победителями, то они наложили дань на содомитских царей. И таким образом последние были им подвластны и платили наложенную на них дань в продолжение двенадцати лет; на тринадцатый же год они восстали, а ассирийцы снова пошли на них походом, причем командование над ними было в руках Амарапсида, Ариуха, Ходолламора и Фадала. Последние разграбили всю Сирию и уничтожили потомков гигантов[131]. Затем они направились

против Содома и расположились лагерем в долине, носившей название «Асфальтовые ключи». В то время тут находились колодцы, теперь же, после уничтожения города содомитян, вся эта долина обратилась в озеро, носящее название Асфальтового[132]. Об этом озере мы, впрочем, расскажем подробности несколько ниже. Когда дело дошло у содомитян до столкновения с ассирийцами и произошло сильное сражение, многие из первых пали, а прочие были взяты в плен; в числе последних находился и Лот, явившийся к содомитянам в качестве союзника[133].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Когда Аврам узнал об их поражении, то на него напал страх за его родственника Лота, и он почувствовал также сострадание к содомитянам, друзьям своим и соседям. Решив поспешить к ним на помощь, он тотчас исполнил это, выступил и напал около пятого часа ночи на ассирийцев у Дана (так называется один из истоков Иордана) и, предупредив возможность им (ассирийцам) вооружиться, одних убил в то время, как они, не предвидя нападения, спали, а других, которые хотя и не спали, но не были вследствие опьянения в силах сражаться, обратил в бегство. Аврам же преследовал их, пока наконец на другой день не согнал их в город Ову в области Дамаска, чем он доказал, что победа зависит не от численности или скученности войска, а что мужество и храбрость сражающихся может справиться со всяким количеством противников: он одержал победу над столь большим войском врагов, имея при себе лишь триста восемнадцать слуг и трех друзей. Те из противников, которым удалось спастись бегством, должны были уйти с позором.

2. После того как Аврам спас пленных содомитян, которые попались в руки ассирийцев, и в том числе родственника своего Лота, он мирно возвратился домой. Царь же Содома вышел к нему навстречу до того места, которое называется «Царскою равниною»[134]. Здесь принял Аврама царь города Солимы, Мельхиседек. Имя последнего означает «праведного царя», каковым все его и признавали, так что он по этой причине был и служителем Господа Бога. Солиму же впоследствии назвали Иерусалимом[135]. Этот Мельхиседек радуш-

но принял людей Аврама и доставил им жизненные припасы в огромном количестве. Во время пиршества же он начал прославлять самого Аврама и восхвалять Господа Бога, который даровал тому победу над врагами. Когда же Аврам предложил ему десятую часть добычи, то он принял этот подарок. В это время царь содомитян стал уговаривать Аврама оставить за собой добычу и выдать ему только тех его людей, которых он отбил у ассирийцев. Аврам, однако, отказался от этого, говоря, что не желает себе из той добычи никакой выгоды, кроме того, что уже послужило его людям в пищу, и небольшую долю каждому из участвовавших с ним в походе союзников своих. Они назывались Эсхол, Эннир и Мамвр.

3. Похвалив Аврама за (такую) добродетель, Господь Бог сказал: «Тебя не минует награда, которой ты достоин за совершение такого благородного поступка». Когда же Аврам ответил, к чему ему послужит такая награда, раз он не имеет потомства (у него тогда еще не было детей), Господь возвестил ему, что у него будет сын и от него произойдет такое великое потомство, которое по численности своей будет равно звездам. Услышав это, Аврам принес Господу Богу жертву, как это Им Самим повелено. Форма жертвоприношения же была следующая: трехлетнюю телку, трехлетнюю козу и такого же возраста барана он разрезал, по повелению Господа Бога, на части, а голубя и горлицу он принес в жертву не разрезанными на части. Затем раньше, чем был воздвигнут алтарь, налетели хищные птицы, привлеченные кровью; и раздался глас Божий, возвестивший, что у потомков Аврама будут в продолжение четырехсот лет дурные соседи в Египте, но что потомки, испытав от тех много горя, затем одержат верх над своими врагами и, подчинив себе хананейцев с оружием в руках, овладеют их страною и городами.

4. Аврам жил вблизи дуба Огиг (такая есть местность в Хананее, невдалеке от города Хеврона);[136] так как он был огорчен бесплодием жены своей, то стал умолять Господа Бога даровать ему дитя мужского пола. Предвечный же повелел ему успокоиться; ввиду того, что все прочие дела его со времени выхода его из Месопотамии приняли отличное направление, у него будут и дети. Сарра же побудила, по повелению Господа Бога[137], одну из своих рабынь именем Агарь, по происхождению египтянку, к сожительству с ним, в на-

дежде, что у Аврама будут от нее дети. Забеременев, эта рабыня возымела смелость обходиться с Саррою нагло и дерзко, ввиду того, что надеялась передать главенство в доме ребенку, который должен был от нее родиться. Когда же Аврам передал ее Сарре для наказания, то Агарь, не ожидая такого позора, предпочла убежать и начала умолять Господа Бога сжалиться над нею. И вот, когда она шла по пустыне, то перед нею предстал ангел Божий с повелением вернуться к своим господам, так как жизнь ее устроится лучше, если она сама будет скромна. Теперешнее же бедственное положение ее является результатом ее собственного неблагодарного и дерзкого отношения к госпоже ее. При этом ангел присовокупил, что, если она ослушается Господа Бога и пойдет дальше, она погибнет, если же вернется назад, то станет матерью сына, который впоследствии будет царем той земли. Послушавшись этого совета и возвратясь к господам своим, Агарь получила прощение и вскоре затем родила Измаила, то есть «Богом услышанного», вследствие того, что Предвечный внял ее мольбам.

5. Этот ребенок родился у Аврама, когда последнему было уже восемьдесят шесть лет. Когда же он достиг девяностодевятилетнего года своей жизни, то Господь Бог явился Авраму и объявил ему, что у него будет сын также и от Сарры. При этом Он повелел ему назвать ребенка Исаком и указал на то, что от него произойдут великие народы и цари, которые путем войны завладеют всею Хананеею от Сидона до Египта. При этом Господь присовокупил, что Он желает, чтобы имеющее произойти от него племя не смешивалось с другими народами и подвергалось обрезанию, которое должно производиться на восьмой день после рождения ребенка. О причине этого нашего обрезания я поговорю в другом месте. Когда же Аврам стал расспрашивать также и об Измаиле, останется ли он в живых, то Господь объявил, что он будет долговечным и сделается родоначальником великих народов. Вознеся за это благодарение Господу Богу, Аврам немедленно приступил к обрезанию самого себя; равным образом этому подвергли себя также все его домашние и сын его Измаил, которому в то время было тринадцать, тогда как Авраму девяносто девять лет[138].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Возгордясь своим богатством и обилием имущества, содомитяне в это время стали относиться к людям свысока, а к Предвечному нечестиво, видимо совершенно забыв о полученных от Него благодеяниях; равным образом они перестали быть гостеприимными и начали бесцеремонно обходиться со всеми людьми. Разгневавшись за это, Господь Бог порешил наказать их за такую дерзость, разрушив их город и настолько опустошив их страну, чтобы из нее уже более не произрастало ни растения, ни плода[139].

2. После того как Господь Бог порешил поступить так с содомитянами, Аврам увидал однажды трех ангелов (он сидел у дуба Мамвре около дверей своего жилища) и, приняв их за чужеземцев, поднялся с своего места, приветствовал их и гостеприимно предложил им кров и пищу. Когда они согласились (принять его приглашение), Аврам тотчас повелел приготовить для них лепешки из тонкой муки, зарезать и зажарить теленка и стал угощать их, после того как они расположились под дубом. Те сделали вид, будто едят[140], и вместе с тем стали также расспрашивать, где его жена Сарра. Когда Аврам ответил, что она в доме, то они сказали, что вернутся на будущий год и найдут ее уже матерью. Но так как жена Аврама посмеялась над этим и сказала, что ей уже невозможно помышлять о потомстве ввиду того, что ей девяносто лет, а мужу ее сто, гости более уже не скрывались, но объявили, что они ангелы Божьи, что один из них послан для того, чтобы объявить им о рождении сына, а двое других — для окончательного уничтожения содомитян[141].

3. Услышав это, Аврам стал скорбеть об участи содомитян и, поднявшись, начал умолять Господа Бога не губить праведных и хороших людей вместе с нечестивцами. Когда же Господь возразил, что среди содомитян нет ни одного благочестивого (ибо если бы среди них нашлось десять праведных, Он отпустил бы им наказание за их грехи), то Аврам перестал просить. Ангелы же явились в город содомитян, и Лот гостеприимно пригласил их к себе, так как он отличался большим радушием к странникам и подражал в этом прекрасном деле Аврааму. Содомитяне, увидев, что к Лоту зашли чрезвычайной красоты юноши, тотчас попытались совершить над

ними гнусное насилие. Лот стал увещевать их успокоиться, не подвергать позору этих чужеземцев, но отнестись с уважением к его гостям; если же они уж никак не смогут сдержать себя, то, сказал он, он выдаст им, вместо гостей, своих собственных дочерей для утоления их страсти. Однако тех это не удовлетворило.

4. Разгневавшись на такую их дерзость, Господь Бог поразил их слепотою, так что они не были в состоянии найти вход в жилище (Лота), и порешил затем погубить весь народ содомский. Поэтому Лот, которого Господь предупредил о предстоящем уничтожении содомитян, удалился (из города) со своею женою и двумя дочерьми; последние были еще девушками; женихи же их не согласились уйти вместе с ними, так как не придавали словам Лота значения. Затем Господь поразил город огненными молниями, сжег его вместе с жителями и равным образом опустошил пожаром всю область, как это я раньше рассказал уже в «Иудейской войне»[142]. Жена Лота, которая во время бегства, вопреки запрещению Господа Бога, постоянно обращалась назад в сторону города, выражая страшное любопытство, была обращена в соляной столб. Последний я видел лично: он сохранился по сей день[143]. Сам же (Лот) убежал со своими дочерьми в небольшое место, оставшееся не тронутым огнем. Оно до сих пор называется Цоор, что по-еврейски значит «малость»[144]. Здесь он затем бедственно прожил некоторое время, в удалении от людей и чувствуя недостаток в припасах.

5. Полагая, что весь род людской уничтожен, девушки (дочери Лота) сблизились с отцом своим, но сделали это так ловко, что он сам этого не заметил; поступили же они таким образом, чтобы не остаться без потомства. От них действительно родилось двое мальчиков: от старшей Моав, что значит «от отца», а от младшей Амман, каковое имя означает «сына племени». Первый из них является родоначальником моавитян, которые до сих пор еще представляют весьма большой народ, а второй — аммонитян. Оба эти племени живут в Келесирии. — Таково-то было удаление Лота из области содомитской[145].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Аврам переселился в Герар в Палестине[146] и взял с собою Сарру под видом сестры своей; так как, подобно прежнему, он и теперь боялся за нее, оттого-то и решился опять на такой обман. Он опасался Авимелеха, тамошнего царя, который также почувствовал вожделение к Сарре и готов был обесчестить ее. Но эта страсть царя была обуздана тяжкою болезнью, которую наслал на него Господь Бог. И когда врачи уже совершенно отказались от надежды на его выздоровление, (Авимелеху) приснилось, что возбраняется чем бы то ни было оскорблять жену чужестранца. Лишь только ему полегчало, царь сообщил близким своим, что Господь Бог наслал на него болезнь в виде возмездия за оскорбление чужестранца, причем предупредил его не трогать женщины, которая при нем не в качестве сестры, но живет с ним как законная жена. При этом Господь присовокупил, что Он дарует милость Свою Авимелеху и во всех прочих делах, лишь бы только тот (Аврам) мог быть покоен за безопасность своей жены. После этого царь, по совету своих приближенных, послал за Аврамом и уверил его, что ему уже более нечего бояться за жену свою, что ей не будет причинено ни малейшего оскорбления, так как Господь Бог заботится о нем, и что она, состоя под его личным покровительством, будет приведена к нему нетронутою. При этом царь призывал в свидетели Господа Бога и самую Сарру, что он с самого начала и не подумал бы домогаться ее, если бы знал, что она замужем. «Но принимая ее за твою сестру, я не поступил бы противозаконно» (женясь на ней, добавил царь). Вместе с тем он стал просить Аврама отнестись к нему дружелюбно и расположить в его (царя) пользу Господа Бога; если бы Аврам пожелал остаться у него, он не будет терпеть ни в чем недостатка; если же предпочтет уехать, то ему будут оказаны торжественные проводы и он получит все, ради чего он прибыл к Авимелеху. На это Аврам ответил, что он выставил родство свое с женою не обманно (так как она ведь дочь его брата) и что он без этой предосторожности не считал предпринятого путешествия безопасным. Что же касается болезни царя, то не он является ее виновником, но радуется, что царь избавился от нее, и охотно готов у него остаться. Ввиду всего этого Ави-

мелех уделил Авраму часть своих владений и имущества, и они заключили союз путем клятвенного обещания вблизи одного колодца, который называется Вирсувою (что значит «колодец клятвы»), в том, что будут жить совместно без коварства и лжи. Место же это еще и теперь так называется у населения[147].

2. Вскоре затем родился у Аврама сын и от Сарры, как ему то было предвещано Господом Богом. Его он назвал Исаком, что обозначает «смех», так как Сарра усмехнулась, когда Господь сказал, что она родит ребенка; она так назвала своего сына, потому что при своей старости уже не рассчитывала на рождение ребенка: ей было (тогда) девяносто лет, Авраму же сто. Ребенок их родился на следующий год. На восьмой день они его тотчас обрезали. Вследствие этого-то у иудеев и явился обычай совершать обрезание после стольких дней, тогда как арабы приступают к обрезанию лишь на тринадцатом году, потому что родоначальник их племени, Измаил, сын Аврама от наложницы, подвергся обрезанию в таком возрасте[148]. О последнем (т. е. Измаиле) я расскажу теперь подробно и обстоятельно.

3. Первоначально Сарра любила Измаила, сына рабыни своей Агари, и относилась к нему с таким же точно расположением, как если бы то был ее собственный ребенок; он воспитывался так, как будто ему предстояло наследовать первенствующее значение в доме. Когда же Сарра родила Исака, то она не считала возможным, чтобы Измаил воспитывался вместе (т. е. наравне) с ним, ввиду того, что он был старше и мог, в случае смерти их общего отца, обидеть Исака. Поэтому она начала уговаривать Аврама отправить его вместе с матерью в другое место[149]. Сначала этот никак не соглашался последовать желанию и стараниям Сарры, так как ему казалось величайшею жестокостью изгнать малолетнего ребенка и женщину, нуждавшуюся во всем необходимом. Затем же (так как и Господь Бог отнесся сочувственно к требованиям Сарры) он склонился к тому, чтобы передать ребенка, который не мог самостоятельно уйти, его матери и велел ей, взяв с собою мех с водою и хлеба, удалиться туда, куда бы привел ее случай. Когда она ушла, то вскоре очутилась в затруднительном положении вследствие недостатка во всем необходимом. И когда у них вышла вся вода, то Агарь положила

умиравшего от жажды ребенка под сосну, а сама отошла в сторону, чтобы не присутствовать при его смерти. Тогда пред нею предстал ангел Божий, указал на невдалеке находившийся источник и повелел ей особенно тщательно беречь ребенка, так как спасение Измаила принесет ей самой великие блага. Ободренная этими словами, она отправилась дальше и встретила пастухов; при помощи их ей удалось избегнуть печальной гибели[150].

4. Когда ее сын возмужал, то Агарь женила его на египтянке (из этого племени она сама была родом), от которой у Измаила родились дети, всего двенадцать: Навеоф, Кидар, Авдеил, Массама, Идума, Масма, Масс, Ходад, Феман, Иетур, Нафес и Кедма. Все они поселились в стране, простирающейся от Евфрата до Чермного моря, и назвали ее Набатеею. По ним именно и называются отдельные племена арабского народа, с одной стороны, именуясь так в честь их доблести, а с другой — в честь Аврама[151].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Аврам любил сына своего Исака больше всего на свете за то, что он был его единородным, а также за то, что Господь Бог даровал ему его на пороге старости. Впрочем, и сам ребенок вызывал к себе это расположение и все большую любовь со стороны родителей тем, что был склонен ко всякой добродетели, старался всячески служить своим родителям и выказывал особенную ревность в богопочитании. Аврам же полагал свое собственное счастье в том лишь, что когда умрет, то оставит после себя счастливого сына. И по желанию Господа Бога ему суждено было видеть это. Предвечный, желая испытать его благочестие, предстал перед Аврамом и стал перечислять ему все оказанные благодеяния, как Он даровал ему победу над врагами и как Аврам пользуется и теперешним своим счастьем — тем, что имеет сына Исака — лишь в силу расположения Его, Господа. Затем Он потребовал, чтобы Аврам принес Ему сына своего в жертву. Он повелел Авраму привести его на гору Морию[152] и, воздвигнув там алтарь, сжечь в виде жертвы. Этим он выкажет свое истинное благочестие, если предпочтет исполнение угодного Господу Богу жизни своего ребенка.

2. Аврам, считая неповиновение Предвечному в чем бы то ни было предосудительным и полагая, что следует беспрекословно подчиниться во всем Тому, Который по благости Своей дарует всем жизнь и Свое расположение, скрыл от жены своей повеление Божие и собственное свое решение закласть сына, не сказал об этом даже никому из домашних (так как ему могли бы помешать исполнить долг повиновения Богу), взял сына и двух служителей, взвалил все нужное для жертвоприношения на осла и отправился в путь к горе. В продолжение двух дней служители совершали путь вместе с ним; на третий же день, когда показалась гора, Аврам оставил спутников своих на равнине и отправился с одним сыном на гору, на которой впоследствии царь Давид воздвиг храм. С собою они захватили все необходимое для жертвоприношения, кроме только жертвенного животного. Когда же Исак, которому было тогда двадцать пять лет, сооружал алтарь и спросил, что же он принесет в жертву, если нет жертвенного животного, Аврам ответил, что Господь Бог даст его, так как Он в состоянии доставлять людям в изобилии то, в чем они нуждаются. Поэтому Он и теперь дарует ему предмет жертвы, если только таковая будет угодна ему.

3. И вот, когда алтарь был воздвигнут, дрова положены на него и все было приготовлено, Аврам обратился к сыну с следующими словами: «О сын мой! Несчетными мольбами вымолил я у Господа Бога, чтобы ты родился; когда же ты явился на свет, то не было ничего, чего бы я пожалел, чтобы вырастить тебя; при этом я считал самым большим своим счастьем, если бы я мог увидеть тебя возмужалым и если бы мог, перед смертью, оставить тебя своим наследником. Но так как я стал отцом твоим (лишь) по желанию Господа Бога, которому теперь заблагорассудилось отнять тебя у меня, то снеси мужественно быть самому предметом жертвоприношения. Ибо Господу Богу возвращаю я тебя назад, Ему, Который требует теперь от нас этой чести взамен той милости, которую Он оказал мне в качестве заступника и покровителя. Как родился ты, так простись теперь с жизнью не обычным путем, но в виде жертвы, принесенной родным отцом Господу Богу, всеобщему Отцу, который, по мнению моему, удостоил тебя чести расстаться с жизнью не от болезни, не от войны или какого-нибудь другого бедствия, приключающегося

с людьми, но с молитвами и священнодействием. Он примет душу твою и оставит у Себя. Будь же мне заступником и украшением моей старости, ради чего я тебя главным образом и взрастил, и дай мне вместо себя заступничество Господа Бога»[153].

4. Исак спокойно выслушал эти слова (потому что при таком отце он сам по необходимости должен был отличаться благородством характера) и, сказав, что его рождение было бы незаконным[154], если бы он вздумал уклоняться от исполнения решения Господа Бога и отца своего и не предоставил бы себя охотно в распоряжение их обоих, тем более что было бы уже беззаконием не послушаться отца, хотя бы он один только решил это жертвоприношение, взошел на алтарь, готовясь быть принесенным в жертву. И это было бы действительно приведено в исполнение, если бы Господь Бог не воспрепятствовал тому: Он позвал Аврама по имени и тем удержал его от заклания сына. Ведь не из желания человеческой крови повелел ему Господь, как говорил Он, заклание сына, равным образом не для того, чтобы отнять так жестоко у него того, отцом которого Он его сделал, но желая убедиться в образе его мыслей, то есть повинуется ли он даже такому (жестокому) повелению. Раз же Он убедился в готовности Аврама и в его чрезвычайном благочестии, то пусть он пользуется всеми ему дарованными (благами): Он, Господь, никогда не откажет ни ему, ни его потомству в милостивом покровительстве; а сын его достигнет преклонного возраста, и когда он в полном счастии окончит жизнь свою, то передаст своим добрым и родным сыновьям великую власть. При этом Господь предсказал ему, что род их разовьется во много богатых племен, что память о родоначальниках последних будет жива вечно, что они с оружием в руках овладеют землею Хананейскою и тем возбудят зависть во всех людях. Сказав это, Господь Бог велел внезапно появиться барану для жертвоприношения. Они же, оставшись против ожидания неразлученными и удостоившись предвещания таких благ, обняли друг друга и, принеся жертву, вернулись к Сарре. Затем они проводили дни свои в счастии, так как Господь Бог покровительствовал им во всех их предприятиях[155].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Спустя недолго после этого Сарра умерла, прожив сто двадцать семь лет. Похоронили ее в Хевроне, причем хананеяне предлагали бесплатно участок земли для ее погребения, но Аврам купил это место у некоего Ефраима из Хеврона за сорок сиклей[156]. Таким образом Аврам и его потомки устроили себе места для погребения[157].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Затем, погодя немного, Аврам женился на Хетуре, от которой у него родилось шесть сыновей, способных к трудам и необычайно одаренных: Замбран, Иазар, Мадан, Мадиан, Иосувак и Суй. У этих также родились сыновья: у Суя — Савафан и Дадан, а от последнего — Латусим, Ассурис и Луом; у Мадиана — Эфа, Офрен, Анох, Евида и Елда. Всех этих сыновей и внуков своих Аврам побудил расселиться отдельно; они заняли Троглодиту[158] и ту часть счастливой Аравии, которая доходит до Чермного моря. Также рассказывается, что этот Офрен пошел войною на Ливию и занял ее, причем внуки его поселились в этой стране и назвали ее по его имени Африкою. Слова мои подтверждаются также и Александром Полигистором[159], который сообщает по этому предмету следующее: «Прорицатель Клеодем, он же Малх[160], написавший историю иудеев так же, как о них повествовал их собственный законодатель Моисей, сообщает, что у Аврама родились от Хетуры благородные сыновья». При этом он называет также имена последних, приводя троих: Аферу, Сурима и Иафру. От Сурима получила свое название Ассирия[161], от двух других же, от Аферы и Иафры, получил свое имя город Афра и была названа вся страна Африкою[162]. Они были союзниками Геракла в его походе на Ливию и против Антея; когда же Геракл женился на дочери Афры, то у него родился от нее Дидор, от которого, в свою очередь, произошел Софон; по имени же последнего варвары называются софакийцами[163].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Когда Исаку было около сорока лет, Аврам задумал дать ему в жены Ревекку, внучку брата своего Нахора, и отправил

просить ее руки старшего из слуг своих, связав его наперед торжественною клятвою. Последние совершаются таким образом: положив друг другу руки ниже бедер, (клянущиеся) взывают затем к Господу Богу как к свидетелю грядущего[164]. Аврам послал также жителям той местности подарки, особенно ценные по своей редкости или по затруднительности иначе получить их. Отправившись в путь, посланец совершил его не скоро, потому что путешествовать по Месопотамии вообще затруднительно: зимою вследствие глубокой грязи, летом — из-за бездождия; к тому же там водятся разбойники, избегнуть которых невозможно, если путешественник не примет заранее меры предосторожности. Наконец достиг он города Харрана[165]. Прибыв в окрестности города, он встретил нескольких девушек, шедших за водою. Тогда он обратился к Господу Богу с молитвою, чтобы, если Господу угоден будет брак, он мог найти среди них Ревекку, из-за брака сына с которой отправил его Аврам, и чтобы он мог узнать ее по тому, что, когда он попросит напиться, другие откажут ему в этом, тогда как она подаст ему воды.

2. С этим намерением он приблизился к цистерне и стал просить девушек дать ему напиться. Когда же они отказали ему в этом, говоря, что сами нуждаются в воде и должны отнести ее домой (между тем как доставать воду нелегко), то только одна из всех стала упрекать их в нелюбезности к иноземцу, говоря, что если они не дадут человеку даже воды, то чем же выкажут людям свою воспитанность? При этом она с удовольствием подала ему напиться. Это исполнило его наилучших надежд. Желая узнать всю правду, он похвалил девушку за ее благородство и дельность, что она не избегает собственным трудом помогать нуждающимся, а затем стал расспрашивать, кто ее родители, и пожелал им счастья за такую дочь. «Да будет дано им, сказал он, выдать тебя замуж в дом хорошего человека, чтобы ты родила ему таких же благородных детей». Она же не отказалась сообщить ему все желаемое и объявила ему, кто она такая. «Зовут меня Ревеккой, сказала она: отец мой Вафуил. Он, однако, уже умер, брат же наш — Лаван, который вместе с матерью заведует всем домом и заботится о моем девичестве». Услышав это, тот обрадовался как всему случившемуся, так и словам ее, так как видел, что Господь Бог действительно способствует достиже-

нию цели его путешествия. Вынув ожерелье и еще некоторые другие украшения, он подал их девушке как бы в ответ на любезно поданный ею напиток и в знак уважения, причем сказал, что она получает эти вещи по полному праву, так как выдается среди стольких девушек своею добротою. Вместе с тем он просил ее позволить остановиться у ее родных, ввиду невозможности для него продолжать, при приближении ночи, дальнейшее путешествие, тем более что при нем находится драгоценное женское украшение, довериться с которым он считает наиболее безопасным таким людям, каких он узнал в ее лице. На человеколюбие ее матери и брата и на то, что они не рассердятся, добавил он, он рассчитывает, найдя тому подтверждение в ее собственной добродетели; он им не будет в тягость, так как заплатит за гостеприимство, да и будет пользоваться собственными припасами. Она же ответила ему, что он совершенно верного мнения о гостеприимстве ее родных, но также упрекнула его в том, что считает их столь мелочными; он получит все безвозмездно. Сперва, однако, она заявит об этом брату своему Лавану, а затем с его разрешения приведет (его в дом их).

3. После этого она ввела его в качестве гостя в дом, а верблюдов его взяли рабы Лавана на свое попечение. Затем ему самому предложили отобедать вместе с Лаваном. После еды он обратился к хозяину и матери девушки со следующими словами: «Аврам, сын Фарра и ваш родственник, так как, о госпожа, Нахор — дед этих детей (твоих), вместе с тем родной брат Аврама, как по отцу, так и по матери, посылает (меня) теперь к вам с просьбою выдать эту девушку замуж за его сына, который единственный у него наследник всех его имуществ. Имея возможность выбрать для него вполне хорошую жену из обитательниц собственной страны, он, однако, этого не сделал, так как ставит высоко собственный род свой и задумал именно этот брак. Не отвергайте его желания и его плана, потому что по явному благоволению Господа Бога и в дороге у меня все было удачно, да и эту девушку и дом ваш нашел я (по указанию Господа Бога): приблизившись к городу и увидя приход многих девушек к колодцу, я вознес молитву к Нему, прося дать мне возможность найти между ними суженую, что и случилось на самом деле. Согласитесь же теперь и вы на этот, очевидно, Предвечным благословля-

смый брак и почтите Аврама, отправившего (меня) с таким (к вам) вниманием, тем, что не откажете в руке девушки». Те (им это очень понравилось) увидели тут промысл Божий и отправили, как Аврам просил (к нему), дочь свою. Исак женился на ней, так как все дела были переданы ему; сыновья же Хетуры успели уже выселиться[166].

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вскоре спустя умер Аврам, человек выдающийся всевозможными добродетелями и особенно угодный Богу за свое ревностное по отношению к Нему усердие. Прожил он всего сто семьдесят пять лет и был похоронен своими сыновьями Исаком и Измаилом в Хевроне рядом с женою своею Саррою[167].

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1. После смерти Аврама жена Исака почувствовала себя беременною; опасаясь дурных последствий от чрезмерного увеличения чрева ее, он вопросил (об этом) Господа Бога[168], который ответил ему, что Ревекка родит близнецов. От последних произойдут соответствующие именам их народы, причем тот, который на вид будет казаться меньшим, будет властвовать над большим. Действительно, немного спустя у Исака, сообразно предсказанию Божию, родились близнецы, из которых старший от головы до ног был покрыт густыми волосами, а младший держал родившегося перед ним за пятку. Отец особенно полюбил старшего, Исава, который вследствие обилия своих волос назывался также Сииром, так как евреи называют волосы seeiron[169]. Младший же, Иаков, был любимцем матери.

2. Когда страну постиг голод, то Исак, решивший было перекочевать в Египет, так как там земля была плодородна, переселился по повелению Господа Бога в Герар. (Тут) его гостеприимно принял по дружественным отношениям к Авраму царь Авимелех. Вначале он выказывал к Исаку полное расположение, но затем это недолго оставалось так вследствие зависти царя; видя, что Господь Бог поддерживает Исака и так сильно о нем заботится, он изгнал его (из своих вла-

дений). Исак же, испытав такую переменчивость нрава завистливого Авимелеха, удалился тогда в местность недалеко от Герара, по имени Фаранкс[170]. И вот, когда он был занят вырытием (здесь) колодца, пастухи (Авимелеха) с оружием в руках напали на него с целью помешать ему в работе; а так как он не желал ссориться, то они сочли себя за победителей. Отступив (подальше), Исак принялся за сооружение другого колодца; и когда новые пастухи Авимелеха (опять) оказали ему сопротивление, то он и здесь оставил работу и ушел, так как по здравом размышлении предпочитал безопасность. Когда затем (Авимелех) добровольно предоставил ему беспрепятственно рыть цистерну, то (Исак) назвал последнюю Роовоф; имя это означает «обширную местность». Из прежних же колодцев один называется Эсконом, то есть битвою, а другой — Ситенною, что значит «вражда»[171].

3. Между тем, с увеличением богатств, стало возрастать и могущество Исака, и Авимелех начал бояться, как бы Исак не употребил (своей силы) против него, тем более что отношения их стали подозрительными и Исак удалился вследствие скрытой вражды (к нему царя). Опасаясь поэтому, что прежняя дружба их не принесет ему никакой пользы и что Исак теперь будет мстить за испытанные неприятности, Авимелех решился заключить с ним дружественный, как раньше, союз и взял с собою (к нему) одного из своих военачальников, Фикола. Добившись, благодаря доброте Исака, всего, чего он желал, так как тот, во имя прежней дружбы своей и отцовской, простил ему нанесенные обиды, Авимелех возвратился к себе домой.

4. Из сыновей Исака Исав, к которому отец особенно благоволил, достигнув сорокалетнего возраста, взял в жены Аду и Аливаму, дочерей зажиточных хананейцев Илона и Есевеона. В этом брачном вопросе он действовал совершенно самостоятельно, отнюдь не испросив совета у отца. Дело в том, что Исак ни за что не одобрил бы его намерения, так как ему было крайне неприятно вступать в родство с жителями той страны. Не желая, однако, своим приказанием сыну отказаться от этих женщин огорчать его, Исак предпочел молчание (в этом деле)[172].

5. Когда Исак состарился и совершенно потерял зрение, он позвал к себе Исава и сказал ему, что он вследствие старо-

сти, слабости и слепоты уже не в состоянии более служить Господу Богу[173]. При этом он велел ему пойти на охоту и, если удастся убить что-нибудь, приготовить ему еду, чтобы он после этого мог обратиться с молитвою к Господу Богу, дабы Тот был его союзником и Покровителем на всю его жизнь; неизвестно, когда ему (Исаку) суждено умереть, но раньше смерти ему хотелось бы молитвою снискать (для сына) благословение Божие.

6. Исав тотчас же отправился на охоту. Между тем Ревекка, которая считала необходимым снискать благословение Божие, хотя бы против желания Исака, на Иакова, приказала последнему зарезать нескольких козлят и приготовить их к обеду. Иаков повиновался во всем указаниям матери. Когда же обед был готов, он навязал себе на руку шкуру козленка, чтобы таким образом отец принял его за волосатого Исава (дело в том, что во всех отношениях он был совершенно похож на последнего, исключая волосатости, которая была единственным отличительным между ними признаком), и понес отцу обед, боясь, однако, как бы отец раньше благословения не заметил обмана и не превратил бы благословения в обратное (т. е. в проклятие). Исак, заметив что-то странное в голосе сына, подозвал его поближе к себе. Когда же тот протянул к нему руку, обмотанную козлиною шкуркою, Исак, прикоснувшись к ней, сказал: «По голосу ты похож на Иакова, но по массе волос (на руке) ты кажешься мне Исавом».

7. Не предполагая, впрочем, никакого обмана, Исак пообедал и затем обратился с молитвою и воззванием к Господу Богу, говоря: «Владыка Предвечный и Создатель всего существующего! Ты обещал отцу моему великое множество благ, признал также и меня достойным своей милости и обещал всегда быть моим потомкам милостивым охранителем и даровать им лучшие блага. Подтверди это и ныне и не отвергай меня в моей настоящей слабости, которая заставляет меня еще более нуждаться в Твоей поддержке. Спаси милостиво мне этого сына и охрани его от всякого зла, даровав ему счастливую жизнь и приобретение всех благ, сколько можешь дать ему. Сделай его грозным для врагов и даруй ему почет и любовь со стороны друзей»[174].

8. Так взывал Исак к Богу, думая, что молится за сына сво-

его Исава. Лишь только он окончил благословение, как Исав явился с охоты. Хотя Исак и заметил обман, но смолчал. Исав же выразил желание получить от отца одинаковое с братом своим благословение, а когда отец отказал ему в этом, так как он дал Иакову полное благословение, то тот открыто выразил свое огорчение по поводу этого обмана. Наконец отец, тронутый его слезами, заявил, что Исав стяжает себе известность своими успехами в охоте, физическою силою в употреблении оружия и другими подвигами и что также потомство его будет пользоваться вечно этою его славою, но что ему все-таки придется быть в подчинении у брата[175].

9. Так как Иаков стал опасаться, как бы брат его не вздумал отомстить ему за обманным образом полученное благословение, то мать решила избавить его от этой опасности тем, что начала уговаривать мужа своего женить Иакова на родственнице, какой-нибудь жительнице Месопотамии, в то время как Исав, против воли отца, взял в жены Вассемафу, дочь Измаила. Между тем домашние Исака были не расположены к хананеянам, и потому они отнеслись неприязненно и к первому браку Исава, а теперь он взял в жены Вассемафу, к которой он особенно сильно привязался[176].

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1. Посланный матерью своею в Месопотамию для женитьбы на дочери Лавана, брата ее, после того как и Исак повелел ему это, склонясь на желание жены своей, Иаков начал свое путешествие по Ханаанее. Вследствие нерасположения к населению он не хотел останавливаться ни у кого (из ханаанейцев), а ночевал под открытым небом, приклонив голову на собранные им камни[177]. И вот ему во сне явилось следующее видение: ему казалось, что он видит лестницу, ведшую с земли до самого неба, а по ней спускаются видения более благородные, чем люди, а на самом конце ее он ясно увидал Самого Господа Бога, который назвал его по имени и обратился к нему с следующею речью:

2. «Иаков! Так как у тебя отец столь добродетелен, да и слава деда твоего велика, то тебе нечего бояться за настоящее, но следует надеяться на лучшее (будущее). При Моем содействии тебе во всем будет дано полное изобилие великих благ.

Авpама Я ведь также привел сюда из Месопотамии, когда родственники изгнали его, отца твоего Я также сделал счастливым; поэтому и тебе Я ниспошлю удел не хуже их. Посему мужайся и (спокойно) совершай путь этот: Я буду твоим руководителем. Брак, который ты имеешь в виду, состоится, и у тебя родятся хорошие дети. Количество потомства их будет бесчисленно, так как они оставят после себя еще большее число сыновей. Им и детям их, которые наполнят всю землю и все побережье морское, куда только ни смотрит солнце, Я дарую власть над этою землею. Не страшись поэтому никакой опасности и не смущайся массою затруднений, потому что во всех твоих начинаниях Я окажу тебе свою милость, как теперь, так особенно в будущем».

3. Это возвестил Иакову Господь Бог. Иаков же, вне себя от радости вследствие виденного и слышанного им, освятил камни, у которых ему было предвещано столько благ, и дал обет принести на них жертву, когда вернется жив и невредим, и на возвратном пути отдаст Господу Богу десятину из того, что у него будет тогда с собою. Он признал это место священным и дал ему имя Вифил, что в переводе на греческий язык значит жертвенник Божий[178].

4. Направившись далее в Месопотамию, он через несколько времени прибыл в Харран. Найдя здесь недалеко от города пастухов, юношей и девушек, которые сидели около цистерны, он присоединился к ним, так как чувствовал жажду, и, вступив с ними в разговор, спросил их, не знают ли они у себя некоего Лавана и жив ли он еще. Те отвечали, что они все знают его (это ведь не такое лицо, которое можно было бы не знать); дочь его обыкновенно вместе с ними пасет стада, и они удивляются, что ее (сейчас) нет среди них. «От нее ты лучше узнаешь, что тебе желательно узнать». И в то время, когда они еще говорили об этом, подошла и дочь (Лавана) с возвращавшимися домой пастухами. Они указали ей на Иакова как на чужеземца, прибывшего, чтобы разузнать об ее отце. Тогда она любезно выразила Иакову свое удовольствие по поводу его прибытия и стала расспрашивать его, кто он, откуда прибыл к ним и по какому делу, и пожелала иметь возможность исполнить то, ради чего он прибыл к ним.

5. Иаков же, побуждаемый не столько чувством родства и вызванным последним ласковым с ним обращением, сколь-

ко пораженный видом ее красоты, которой в такой степени обладали немногие из тогдашних женщин, ответил: «Если ты дочь Лавана, то родство мое с тобою и с отцом твоим старше, чем мы оба на свете: у Фарры были сыновья Аврам, Арран и Нахор, из которых у Нахора родился твой дед Вафуил, а от Аврама и Сарры, дочери Аррана, произошел отец мой — Исак. Кроме того, мы связаны друг с другом еще более новым и близким родством, потому что мать моя — Ревекка, сестра отца твоего Лавана от одних и тех же родителей; таким образом, мы с тобою двоюродные брат и сестра. И теперь я явился сюда, чтобы приветствовать вас и возобновить наше давнишнее родство». Как это случается с молодыми людьми, она вспомнила рассказы отца своего о Ревекке, и, зная, что родители ее с удовольствием упоминали ее имя, при мысли о радости отца прослезилась, бросилась к Иакову и, обняв его, сказала, что он доставил (своим прибытием) отцу ее и всем домашним самую желанную и величайшую радость, так как отец постоянно вспоминает об его матери, о ней одной говорит и не променяет этой радости ни на какое благо. Затем она пригласила его немедленно последовать за нею к отцу, чтобы дольше не лишать последнего столь большого удовольствия.

6. С этими словами она повела его к Лавану. Немедленно узнанный своим дядею, Иаков очень обрадовался и почувствовал себя совершенно как дома среди этих друзей своих, тем более что он доставил, видимо, и им большое удовольствие. Спустя несколько дней Лаван сказал, что хотя он и радуется его прибытию более, чем в состоянии выразить словами, но желал бы узнать причину, почему он покинул отца с матерью, которые уже стары и (вероятно) нуждаются в его помощи; он готов (присовокупил Лаван) оказать ему всяческую поддержку и покровительство. Иаков на это рассказал ему причину (прибытия своего) во всех подробностях: как у Исака родилось двое сыновей-близнецов, он и Исав; как последний, благодаря хитрости матери, лишился отцовского благословения и потому искал предлога убить его, Иакова, за то, что он отнял у него предназначенное от Господа Бога первенство и блага отцовского благословения. Это — причина его здешнего пребывания, совершившегося по решению матери. «Хотя у нас есть и другие близкие родственники, однако бли-

же этого родства является родство (твое к) матери, сказал он. Рассчитывая на твое и Божие заступничество в этом моем уходе из дома, я в теперешнем моем положении смело смотрю в глаза будущему». Лаван обещал ему ради его родителей оказать всяческое дружеское содействие, равно как ради матери, которой, хотя ее и нет здесь, он тем выразил бы свое расположение за ее любовное к нему отношение.

7. При этом он присовокупил, что поручит ему надзор за пастухами и за это поставит его в особенно выгодные, исключительные условия. Если же он захочет вернуться к своим родителям, то он отпустит его с дарами и почестью, какая подобает такому родственнику. Иаков с удовольствием выслушал все это и сказал, что он охотно возьмется за всякую работу, которую тому будет угодно поручить ему, а в награду за это просит руки Рахили, которая, кроме всего прочего, уже тем стала ему дорога, что была посредницей в деле его прибытия сюда к нему. (Последние слова были у него вызваны любовью к этой девушке.) Лаван с радостью обещал выдать за Иакова дочь свою, сказав, что лучшего зятя не отыщешь. Сделает он это, если Иаков пробудет у него некоторое время, так как он не желал бы отправлять дочь в Хананею ввиду того, что жалеет уже и о выдаче туда замуж своей сестры. Когда Иаков согласился на эти условия, то Лаван назначил (срок службы) семь лет. Такое время решил он назначить своему зятю, чтобы последний мог проявить доказательства своей пригодности и лучше показать, каков он. По истечении семи лет Лаван, сообразно данному слову, велел приготовить свадебный пир. С наступлением же ночи Лаван уложил рядом с ничего не подозревавшим Иаковом другую свою дочь, которая была старше Рахили и некрасива. В темноте и опьянении (ничего не заметив), Иаков соединился с нею и лишь на другой день, заметив обман, стал упрекать Лавана в нарушении слова. Последний оправдывался необходимостью, которая заставила его совершить этот подмен, так как он привел к нему Лию не из злого умысла, но потому, что его побудила к тому другая, более серьезная причина. Это, однако, отнюдь не препятствует его женитьбе и на Рахили, которую он, если Иаков ее любит, выдаст за него по истечении другого семилетия. Иаков согласился на это, так как любовь его к этой девушке не позволяла ему поступить иначе. И действительно, по

истечении второго семилетия он женился на Рахили[179].

8. У обеих сестер было по служанке, которых отдал за ними отец их: у Лии — Зелфа, у Рахили же Валла. Впрочем, то были не рабыни, но лишь служащие. Лию очень огорчала любовь мужа ее к сестре; и вот в надежде заслужить его расположение, если родить ему детей, она постоянно молилась о том Господу Богу. Когда же у нее родился мальчик и муж ее, вследствие того, стал относиться к ней ласковее, она назвала сына своего Рувилом, так как он был ей дарован Господом Богом из сострадания; последнее именно и обозначается этим именем. С течением времени у нее родилось еще трое других сыновей: Симеон (это имя означает, что Господь Бог стал внимать ее мольбам), затем Леви, то есть способный скреплять узы, а за ним Иуда, имя которого означает благодарность. Между тем Рахиль, боясь, как бы отношения ее не изменились к мужу, благодаря плодородию сестры своей, убедила Иакова соединиться с ее служанкою Валлою. От последней родился ребенок, именем Дан (что, по мнению некоторых, значит по-гречески Феокрит, то есть «Божие решение»), а за ним Нефталим, то есть такой, который не поддается ни на какую хитрость, ввиду того, что здесь была пущена в ход уловка относительно плодородия сестры. Впрочем, такую же уловку применила и Лия, для того чтобы противодействовать происками сестры своей: потому и она привела к соединению с мужем свою служанку. И вот от Зелфы родился сын Гад (то есть «случай»), а за ним Асир, то есть «счастливый», вследствие того, что он способствовал благополучию Лии. Когда же (однажды) старший из сыновей Лии, Рувил, принес матери своей плоды мандрагоры[180] и Рахиль увидала это, то она стала просить (сестру) отдать их ей, потому что ей весьма хотелось отведать их. Лия отказала ей в этом, и, когда привела в виде причины отказа то соображение, что та лишит ее расположения мужа, Рахиль успокоила сестру тем, что сказала, что уступит ей на эту ночь мужа, когда он явится к ней в тот вечер для сна. Так как Рахиль отказалась от объятий, Иаков спал, в угоду Рахили, у Лии. И вот у последней опять родились дети: Иссахар, то есть «полученный взамен воздаяния»[181], Завулон, то есть «залог расположения к ней»[182], и дочь Дина. Немного спустя и у Рахили родился сын Иосиф, что означает «увеличение будущего»[183].

9. Все это время, то есть в продолжение двадцати лет, Иаков служил пастухом у своего тестя. По истечении этого срока он решил забрать своих жен и вернуться к себе домой; а так как тесть не соглашался на это, то он задумал сделать это тайком. Поэтому Иаков стал спрашивать у жен своих, какого они мнения о переселении. Когда последние вполне на это согласились, то Рахиль захватила с собою также изображения божеств, почитать которые, как домашних богов, было (там) в обычае[184], и бежала вместе с сестрой, с своими детьми, а вместе с ними бежали также и служанки со своими сыновьями и со всем их имуществом, какое было у них. Иаков угнал, без ведома Лавана, также половину стад. Рахиль же для того захватила с собою изображения богов (презирать которых научил ее Иаков), чтобы, если бы их во время преследования настиг отец ее, она могла иметь при них убежище и легче склонить его к прощению[185].

10. Узнав на третий день о бегстве Иакова и дочерей, Лаван в страшном гневе с значительною ратью бросился за ними в погоню. Лишь на седьмой день он настиг их, в то время, как они расположились для отдыха на одном холме. Однако он спокойно воздержался от нападения, так как был вечер. Ночью же Господь Бог послал ему сновидение, в котором советовал взять к себе обратно зятя и дочерей, отнестись к ним мягко и не подвергать их никакому насилию; напротив, Он советовал ему заключить союз с Иаковом, так как Он, Господь, окажет ему Свою поддержку, если бы Лаван, презрительно отнесясь к малочисленности людей Иакова, вздумал вступить с ним в бой. Ввиду такого заявления Господа Бога Лаван с наступлением дня пригласил Иакова для мирных переговоров и сообщил ему при этом о сновидении. Когда Иаков, доверившись этому, явился к Лавану, последний начал упрекать его, указывая на то, как он принял его, когда явился к нему бедным и лишенным всего необходимого, и как он без всякой зависти отнесся к увеличению его имущества. «В расчете, что таким образом усилится твое расположение ко всем нам, я отдал тебе в жены дочерей моих. Ты же, не обратив внимания ни на свою мать, ни на близкое родство, в котором ты состоишь со мною, не постыдясь ни жен своих, ни детей, дедом которых я являюсь, обошелся со мною как с врагом, похитил мое имущество, побудил дочерей моих

к бегству от отца и ушел, украв и унеся с собою родные божества, высокочтимые моими предками и пользовавшиеся и с моей стороны немалым почитанием. Следовательно, ты поступил так, как не поступает даже неприятель по отношению к врагу своему, ты, мой родственник, сын моей сестры, муж моих дочерей, бывший гостем и домочадцем моим». На эти слова Лавана Иаков привел в свое оправдание, что любовь к родине внушил Господь Бог не ему одному, но всем людям, и что вполне естественно было его стремление вернуться туда после такого продолжительного промежутка времени. «Что же касается неправильного присвоения с моей стороны твоего имущества, в чем ты меня обвиняешь, — продолжал он, — то ты сам, при другом (менее пристрастном) судье, явился бы виновным: ведь в то время, как тебе бы следовало чувствовать к нам благодарность за то, что мы сберегли и умножили твое имущество, разве ты не грешишь относительно истины, упрекая меня в том, что мы взяли себе из этого имущества небольшую долю? Что же касается дочерей твоих, то знай, что они последовали за мною не потому, что я коварно подбил их покинуть тебя, но по собственному влечению, которое ведь и вполне уместно у замужних женщин относительно мужей своих. Впрочем, они следуют за мною не столько ради меня, сколько из-за детей своих». Это сказал (Лавану) Иаков в оправдание свое от взведенного на него обвинения в неблагопристойности, а затем обратился сам к обвинению Лавана в том, что последний, несмотря на то, что он брат его матери и выдал за него замуж своих дочерей, притеснял его всевозможными затруднениями в продолжение целых двадцати лет. То, что он с ним сделал под предлогом выдачи дочери замуж, хотя и было тяжело, однако может быть названо легким в сравнении с тем, что было после брака; от этого убежал бы даже враг. И действительно, Лаван поступил крайне неприглядно с Иаковом. Так как он видел, что во всех начинаниях Господь Бог помогает Иакову, то Лаван обещал дать ему то белых, то черных ягнят приплода; и всякий раз, когда следуемый по данному Иакову слову приплод оказывался довольно значительным, Лаван не сдерживал своего обещания тотчас же, но обещал дать следуемое ему на будущий год, вследствие того, что не желал значительного увеличения состояния Иакова; поэтому он, ошибаясь каж-

дый раз в своем расчете, давал зятю обещания на будущее, в чаянии, что оно не оправдает возлагаемых на него надежд[186].

11. Относительно же идолов (взятых из дома Лавана) Иаков предложил обыскать его. Когда же Лаван приступил к обыску, Рахиль предусмотрительно спрятала идолов в кабуру того верблюда, на котором ехала, а сама села на нее, говоря, что у нее наступило месячное очищение. При таких условиях Лаван отказался от дальнейшего обыска, полагая, что дочь его в таком состоянии не посмеет приблизиться к идолам. Затем он дал Иакову клятвенное обещание не поминать случившегося, а Иаков поклялся ему, что (всегда) будет любить его дочерей. Этими клятвенными уверениями обменялись они на известных горных высотах, на которых воздвигли колонну в форме алтаря. Отсюда эта возвышенность получила имя Галад[187], вследствие чего и всю ту местность ныне называют страною Галадскою. По заключении договора пиршеством Лаван возвратился домой[188].

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1. В то время как Иаков продолжал свой путь в Ханаанею, ему являлись видения, дававшие ему прекрасные надежды на будущее. Место это Иаков назвал «станом Божиим»[189]. Желая знать, как относится к нему его брат, он выслал вперед лазутчиков, которые должны были разведать все в точности, так как Иаков боялся со стороны Исава прежнего нерасположения. При этом он поручил посланным сказать Исаву, что Иаков, считавший невозможным жить вместе с ним вследствие его гнева против него, добровольно покинул страну, теперь же, полагая, что наступило удобное время для примирения, возвращается назад, желая с самым ценным своим имуществом, с женами, детьми и средствами к жизни предать себя в его руки, потому что считает величайшим счастьем поделиться с родным братом всем, что даровано ему Господом Богом. Посланные сообщили об этом Исаву, который очень тому обрадовался и выступил навстречу брату с четырьмястами тяжеловооруженными воинами. Иаков же, узнав, что он идет к нему со столькими воинами, испугался, хотя стал уповать в надежде на спасение на Господа Бога, и на всякий случай принял все меры предосторожности, чтобы

избежать опасности как самому, так и своим домашним, и одолеть врагов, если бы они вздумали обидеть его. Поэтому он разделил своих спутников на два отряда; один из них он послал вперед, остальным же приказал непосредственно следовать за первыми, для того чтобы первые могли спастись за последними, если бы, в случае нападения со стороны брата, передовой отряд потерпел поражение. Распределив таким образом свои силы, он послал нескольких человек с дарами к брату. То были вьючные животные и масса мелкого скота, о которых Иаков думал, что они вследствие недостатка в них (у Исава) явятся в его глазах особенно ценными. Посланные между тем двигались с интервалами для того, чтобы, являясь друг за другом, казалось, что их много. Этими подарками Иаков рассчитывал смягчить гнев брата, если бы тот все еще питал к нему неприязненное чувство. Кроме того, он велел посланным обращаться к нему с ласковыми речами.

2. Употребив на эти распоряжения целый день, Иаков с наступлением ночи двинулся вперед со своими людьми. И когда они переходили через быстрый поток Иавакх[190], то Иаков несколько отстал от других, и тут ему представилось видение, которое вызвало его на бой. Однако Иаков одолел его, и оно заговорило с ним человеческим голосом и сказало, чтобы он радовался, так как он осилил ни больше ни меньше как посланца Божия; пусть он видит в этом предвещание великих будущих благ, что его род никогда не прекратится и что он никогда не подпадет власти человеческой; затем оно повелело ему именоваться Израилем, что на еврейском языке означает «противника ангела Божия». Все это предсказало ему видение, по настоятельной просьбе Иакова, так как последний, заметив, что то ангел Божий, просил сказать ему о будущей судьбе его. После этого сообщения видение исчезло[191], Иаков же в великой радости (вследствие предвещания) назвал это место Фануилом, что значит «лик Божий». А так как он после борьбы ощутил боль в одной из жил в боку своем, то он сам стал воздерживаться от употребления в пищу этой части животных и потому также и мы не считаем ее съедобною.

3. Когда Иаков узнал, что брат его уже близок, то он велел женам своим, и притом каждой отдельно со своими прислужницами, двинуться вперед, для того чтобы они могли

издали присутствовать при битве воинов, если бы на то решился Исав. Затем он и сам приблизился к брату своему, который, однако, нисколько не злоумышлял против него, и поклонился ему. Исав же обнял его и спросил, где его дети и жены, а затем, осведомившись обо всем, их касающемся, предложил направиться вместе с ними к отцу; но когда Иаков указал на утомленность вьючных животных, то Исав вернулся в Саиру, где он проводил жизнь свою. Местность эта и была им названа так по обилию его волос на теле[192].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1. Иаков между тем прибыл в то место, которое еще и поныне называется «Шатрами»[193], откуда он направился к Сикиму[194]. Это хананейский город. В то время как жители его справляли праздник, единственная дочь Иакова, Дина, вошла в город с целью поглядеть на наряды местных женщин. Увидев ее, сын царя Еммора, Сихем, похитил ее и изнасиловал, а затем стал просить отца своего позволить ему взять эту девушку в жены. Тот согласился и пришел к Иакову, прося по всем обрядам выдать Дину замуж за его сына Сихема. Не зная, что возразить на предложение это, но, с другой стороны, также не считая удобным брак дочери с иноземцем, Иаков решил успокоить его уверением, что будет поступлено сообразно с его желанием. Тогда царь вернулся назад в надежде, что Иаков устроит этот брак. Между тем последний сообщил сыновьям своим об изнасиловании их сестры и о просьбе Еммора и просил посоветовать, что предпринять. И в то время, как большинство из них в недоумении молчало, Симеон и Леви, единоутробные братья девушки, порешили между собою привести в исполнение следующий план: так как был праздник и жители Сихема предавались развлечениям и пиршествам, то они ночью напали сперва на стражу и перебили ее во сне, а затем, проникнув в город, перерезали всех мужчин, и вместе с ними царя и царского сына; одних женщин они пощадили. Сделав все это без ведома отца своего, они привели назад сестру.

2. Этим жестоким поступком Иаков был крайне поражен и очень разгневался за него на сыновей своих. Тогда явился ему Господь Бог, повелел ему успокоиться, подвергнуть Ша-

тры очищению и принести Ему те жертвы, относительно которых Иаков дал обет после сновидения при своем путешествии в Месопотамию. И вот, когда Иаков приступил к очищению своих спутников, то он наткнулся и на идолов Лавана (он совершенно не знал, что их похитила Рахиль) и зарыл их в Сихеме в землю под дубом. Выступив затем оттуда, он совершил жертвоприношение в Вифиле, где он раньше, при своем путешествии в Месопотамию, видел сон.

3. Когда он, покинув это место, прибыл к Эфратане, то ему пришлось похоронить здесь Рахиль, умершую в родах, единственную из семейства, которая не удостоилась чести быть погребенной в Хевроне. Горько оплакав ее, Иаков назвал родившегося от нее младенца Веньямином, вследствие той боли, которую он причинил матери своей. Вот это и все дети Иакова, двенадцать сыновей и одна дочь. Из них восемь было законных: шестеро от Лии, двое от Рахили; четверо от прислужниц, по двое от каждой. Имена всех их я привел уже выше[195].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Отсюда Иаков прибыл в город Хеврон, расположенный в Ханаанее. Там жил Исак. Они лишь короткое время прожили вместе. Ревекку Иаков уже не застал в живых. И Исак умер вскоре после прибытия своего сына и был погребен детьми своими в Хевроне рядом с женою своею в родовой усыпальнице предков. Иаков же пользовался любовью Господа Бога и большим Его расположением, как и Аврам, предок его, и достиг глубокой старости, потому что, прожив добродетельно сто восемьдесят пять лет, он так же благочестиво и умер[196].

Эта книга обнимает, по Иосифу, период в 3008, по еврейским данным — в 1872, по Евсевию — в 3459 лет.

Книга вторая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как сыновья Исака, Исав и Иаков, поделили между собою страну, причем Исав занял Идумею, а Иаков — Ханаанею.

2. Как младший из сыновей Иакова, Иосиф, навлек на себя своими сновидениями, в которых ему было предвозвещено его будущее благополучие, ненависть своих братьев.

3. Как Иосиф был продан, вследствие завистливого к нему отношения братьев, последними в Египет, как он там возвеличился и прославился и как братья его попали к нему во власть.

4. Как отец его во время голода переселился со всем родом своим в Египет.

5. Какие страдания выпали на долю евреев в Египте в продолжение четырехсот лет.

6. Как они под предводительством Моисея покинули Египет.

7. Рождение и воспитание Моисея.

8. Как, во время преследования евреев египтянами, раздвинулось море и дало евреям возможность спастись бегством. Вся книга обнимает период в 220 лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. После смерти Исака сыновья его не остались жить на прежде занятых местах, но поделили владения между собою таким образом, что Исав предоставил брату своему город Хеврон, сам поселился на жительство в Саире и стал править Идумеею, как он назвал ту страну по своему имени;[1] он ведь носил прозвище Эдома, которое получил по следующей причине: будучи еще мальчиком, он однажды вернулся домой с охоты усталый и голодный, и тут он встретил брата, который только что сварил себе к завтраку совершенно красную и потому еще более привлекательную чечевичную похлебку. Тогда Исав попросил брата дать ему отведать от нее, а Иаков, хитро воспользовавшись голодом брата, предложил ему взамен этого блюда отказаться от права первородства. Исав

действительно клятвенно отказался от этих прав, побуждаемый к тому сильным голодом. Будучи поэтому вследствие красного цвета того кушанья в шутку прозван сверстниками своими Эдомом (этим словом евреи означают красный цвет), он дал это имя и стране, тогда как греки назвали ее более благозвучным именем — Идумеею.

2. Исав был отцом пятерых сыновей, из которых Иаус, Иеглом и Корей происходили от жены его Оливамы, остальные же, Елифаз от Ады, а Рагуил от Васемафы. То были сыновья Исава. У Елифаза родилось пять законных сыновей: Феман, Оман, Софар, Гофам и Кенез; Амалек же был незаконным, так как происходил от наложницы именем Фамнаи. Они населяли ту часть Идумеи, которая носит название Говолиты, и Амелекиту[2], получившую имя свое от Амалека. С течением времени расширившаяся Идумея сохранила общее свое название, тогда как отдельные части ее стали именоваться по древнейшим своим обитателям[3].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Иакову выпало на долю такое великое благополучие, которое нечасто достается другим людям. Он не только превосходил своим богатством остальных жителей страны, но он прославился также и был предметом зависти за прекрасные качества сыновей своих, так как у них не было недостатка ни в чем, и к тому же они обладали особенными способностями к различного рода работам, легко переносили всякие невзгоды и отличались выдающимися умственными дарованиями. Господь Бог так заботился о нем и старался об его благополучии, что обратил даже кажущиеся бедствия Иакова в обильные блага и сделал его и его потомков причиною выхода наших предков из Египта. Произошло это следующим образом: Иаков любил предпочтительно пред всеми остальными сыновьями своими Иосифа, которого родила ему Рахиль и который отличался особенно красотою телесною и душевною добродетелью (выдаваясь также умом). Однако в братьях возбудила зависть и недоброжелательство, с одной стороны, любовь к нему отца, а с другой — то обстоятельство, что он сообщал отцу и им о тех прекрасных, предвещавших ему великую будущность сновидениях, которые

он имел. Ведь люди, и даже наиболее близкие, обыкновенно завидуют нашему счастию. Сны, которые видел Иосиф, были такого рода.

2. Когда он во время жатвы был вместе с братьями послан отцом для сбора плодов, ему приснился сон, значительно отличавшийся от прежних обычных его сновидений. По пробуждении своем Иосиф рассказал этот сон своим братьям, чтобы те объяснили его ему, а содержание его было следующее: с наступлением ночи ему представилось, что его сноп остался неподвижен на том месте, на которое он его поставил, их же снопы приблизились к нему и поклонились ему, как рабы пред господами. Так как братья поняли, что этот сон предвещает Иосифу будущую силу, могущество и власть над ними, то они не объяснили Иосифу ничего этого, как будто они не поняли сна, но искренне пожелали, чтобы не случилось ничего, что предвещало им это сновидение; они стали с этих пор еще недружелюбнее относиться к брату.

3. В воздаяние за их завистливое отношение к Иосифу Господь Бог послал ему сон еще более удивительный, чем предшествующий. Иосифу показалось, что солнце вместе с луною и прочими планетами сошли на землю и преклонились пред ним. Не подозревая никакой гнусности со стороны братьев, Иосиф в присутствии их сообщил об этом сновидении отцу своему, прося последнего истолковать ему значение этого сна. Отец остался доволен этим видением: так как он понял смысл сновидения и вполне умно и правильно постиг его, то он возрадовался великому предвещенному сыну счастию. Поэтому он сказал сыну, что сон предвещает счастье, что придет время, когда по воле Господа Бога Иосиф будет предметом почитания со стороны родителей и братьев и удостоится их поклонения; при этом он сравнил луну и солнце с матерью и отцом, из которых первая все заставляет расти и питает, второе же дарует всему форму и силу, а братьев со звездами, потому что последних было так же, как и звезд, одиннадцать, которые получают силу свою от солнца и луны[4].

4. Такое истолкование сна со стороны Иакова было вполне правильно. Между тем это предвещание крайне огорчило братьев Иосифа, и они стали относиться к этому так, как будто предсказанные в сновидении блага достанутся какому-

нибудь постороннему, совершенно чужому для них человеку, а не родному брату, с которым ввиду общего их с ним происхождения им пришлось бы делиться и будущим его благополучием. И вот они даже решили погубить юношу. Сговорившись относительно этого намерения, они отправились по окончании жатвы в Сихем (ввиду того, что эта местность очень удобна и пригодна для скотоводства) и стали там пасти скот, не предварив, однако, отца о своем прибытии туда. Так как Иаков ничего об этом не знал и от сыновей к нему не был прислан никто из пастухов, который был бы в состоянии объяснить ему о них точные сведения, то он сильно стал беспокоиться и волноваться о них и поэтому послал Иосифа к стадам, чтобы он узнал о братьях своих и сообщил ему, как они поживают[5].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда же братья увидели Иосифа, то обрадовались, впрочем, не прибытию родственника и посланца от отца, но приходу врага своего, которого Сам Божественный Промысел отдал в их руки. И вот, не желая упускать столь удачно представившийся им случай, они собрались (тотчас же) убить Иосифа. Видя это намерение братьев, старший из них, Рувил, стал пытаться удержать их от этого поступка, причем указал на всю преступность и гнусность такого деяния, говоря, что если в глазах Предвечного и людей убийство совершенно постороннего человека является позорным, то гораздо бóльшим преступлением явится братоубийство. Вместе с братом это преступление простирается также на отца и на мать, которые подвергнутся незаслуженному горю при потере сына, да еще притом неестественною смертью. Итак, если они постыдятся причинить это горе родителям и в то же время подумают о себе, что бы они почувствовали, если бы у них самих умер младший и притом хороший сын, то пусть, — убеждал он их, — они воздержатся от своего преступного намерения и побоятся Господа Бога, который, видев все это и быв свидетелем их коварного замысла против брата, простит их, если они откажутся от приведения его в исполнение, раскаются и будут держаться лучшего образа мыслей. Если же они все-таки совершат это преступление, то Господь Бог не

поищадит средств к отмщению им за братоубийство, Он, которого вездесущее Провидение, не остающееся без ведома ни о том, что случается в пустынном месте, ни о совершаемом в (многолюдных) городах, они оскорбят; ибо где бы ни находился человек, там следует предполагать и присутствие Господа Бога. Также и собственная совесть, говорил он, будет мучить их за совершенное преступление, совесть, голоса которой, будь она чиста или такова, как у них по убиении брата, невозможно избежать. К этим словам своим он прибавил еще, как несправедливо убивать родного брата, даже в чем-нибудь провинившегося, и как прекрасно не поминать лихом родственника, даже если он в чем-нибудь согрешил. Между тем они собираются загубить Иосифа, который не провинился ни в чем относительно их и который по юности своей скорее нуждается в нашей защите, милосердии и попечении. Кроме того, и самый повод к убиению его усугубляет гнусность их намерения, так как они решили лишить его жизни из зависти к будущему счастию его, тогда как они по праву могли бы сделаться участниками этих благ: ведь они не чужие ему, но близкие родные. На все, что Господь Бог дарует Иосифу, им следовало бы смотреть как на дарованное и им самим; поэтому-то, следовательно, они могут быть убеждены и в том, что гнев Господень будет ужаснее, если они убьют человека, которого сам Предвечный счел достойным столь великих будущих благ, и если они тем самым отнимут у Господа Бога того, которого Господь собрался одарить такими милостями[6].

2. Такими и еще более настоятельными просьбами Рувил пытался удержать их от братоубийства. Когда же он убедился, что от его слов они нисколько не смягчаются, но даже еще более спешат избавиться от Иосифа, то он стал уговаривать их как-нибудь облегчить ему самый способ смерти. Конечно, было бы лучше, говорил он, если бы послушались его первоначальных убеждений; раз они непременно настаивают на необходимости во что бы то ни стало убить брата, то они по крайней мере не навлекут на себя столь тяжкой вины, если послушаются теперь его совета: таким образом они хотя и достигнут своей цели, но все-таки более легким способом. Именно, он стал упрашивать их лично не налагать рук на брата своего, но бросить последнего в близлежащую цистер-

ну и дать ему там умереть: таким образом они по крайней мере выгадают то, что не запятнают рук своих его кровью. Получив на это согласие братьев, Рувил взял Иосифа и на канате осторожно спустил в цистерну, в которой, кстати, не было воды. Сделав это, он удалился, чтобы пойти искать удобных пастбищ.

3. Между тем Иуда, также один из сыновей Иакова, увидел арабских купцов из племени измаильского, которые везли пряности и другие сирийские товары в Египет из Галаада, и дал, ввиду отсутствия Рувила, братьям совет — вытащить (из цистерны) Иосифа и продать его арабам, потому что таким образом Иосиф умрет на чужбине среди иностранцев, а они сами не запятнают рук своих его кровью. И так как предложение это им понравилось, то они извлекли Иосифа из цистерны и отдали его купцам за двадцать серебреников. Иосифу было тогда семнадцать лет. Рувил же ночью пошел к цистерне, имея в виду тайком от братьев спасти Иосифа. Когда же Рувил на зов свой не получил ответа, то очень испугался, что братья убили мальчика после его ухода, и стал осыпать их упреками. Когда же те рассказали ему все дело, Рувил несколько успокоился.

4. После того как братья поступили таким образом с Иосифом, они стали советоваться между собою, что им делать, чтобы отвратить от себя подозрение отца. И вот они решили разорвать и забрызгать кровью козла одежду, в которой явился к ним Иосиф и которую они сняли с него, когда спустили его в цистерну, отнести ее к отцу и сказать, что Иосифа, вероятно, разорвали дикие звери. Решив это, они явились к старцу, который между тем уже получил известие о несчастии, приключившемся с сыном[7], и сказали, что не видали Иосифа и не знают, какая беда постигла его, что они нашли эту забрызганную кровью и разодранную одежду его, откуда у них возникает подозрение, что он погиб от лютых зверей, если только он в ней был послан из дому. Иаков, который до тех пор питал еще слабую надежду, что, быть может, Иосиф попался кому-нибудь в руки и уведен в рабство, потерял теперь и ее, когда убедился, что одежда (в ней он узнал именно ту, в которой послал сына своего к братьям) служит непреложным знаком его смерти и стал с тех пор оплакивать юношу как безусловно умершего. И он печалился о нем, как буд-

то был его единственный сын и как будто он лишился всякого другого утешения, полагая, что Иосиф был разорван дикими зверьми раньше прихода своего к братьям. И вот он облекся в мешок и был так удручен печалью, что сыновья никак не были в состоянии утешить его, и не прекращал, несмотря на полное истощение от трудов, постоянного изъявления своего глубокого горя[8].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Иосифа купил у купцов[9] Петефрес, египтянин, один из заведующих кухнею фараона. Он относился к Иосифу с полною предупредительностью, стал обучать его разным вещам, как будто бы тот был человеком свободным, и велел кормить его гораздо лучше, чем подобало рабу. Наконец он сделал его заведующим всем его домом.

Иосиф пользовался всеми этими преимуществами, но не отступал, несмотря на этот поворот к лучшему в его судьбе, от обычной своей добродетели и даже доказал, что рассудительность вполне может померяться со всеми превратностями жизни, если обладаешь ею в чистом виде, а не сообразуешь ее только с случайно удачно сложившимися обстоятельствами.

2. Дело в том, что когда жена его господина, влюбившаяся в него за его красоту и ловкость, с которою он исполнял все даваемые поручения, и полагавшая, что, если она сообщит ему об этом, легко убедит его сблизиться с нею и что он даже сочтет такое желание со стороны своей госпожи за счастие (она имела в виду только его положение раба, но не сообразила, что Иосиф, несмотря на перемену своего общественного положения, не изменил своих взглядов на вещи), открыла ему свою страсть и стала уговаривать его сойтись с нею, то он решительно отверг это ее вожделение: он считал непозволительным согласиться на такое ее предложение, исполнение которого навлекло бы на господина, его купившего и удостоившего его таких милостей, позор и было бы по отношению к нему преступлением. Вместе с тем он стал убеждать ее обуздать свою страсть и ответил ей решительным отказом когда-нибудь согласиться на ее желание, будучи уверен, что, лишив ее надежды на это, будет оставлен ею в покое. Сам он, продол-

жал Иосиф, готов скорее решиться на все что угодно, чем послушаться ее в этом деле. Хотя он как раб и обязан ни в чем не противиться госпоже своей, тем не менее его неповиновение в таком случае, как этот, может иметь свое оправдание. Между тем она, не предвидевшая сопротивления со стороны Иосифа, еще более возгорелась страстью к нему и, охваченная вполне этой страстью, решилась вторично попытаться склонить его.

3. А именно, когда вскоре случайно пришелся общественный праздник, на который был открыт доступ и женщинам, она притворилась пред мужем больною, желая остаться одной дома и тем иметь возможность (еще раз) обратиться со своею просьбою к Иосифу. Когда же ей представился этот случай, то она стала умолять Иосифа еще неотступнее и льстить ему, говоря, что он поступил хорошо, что отказал ей в первой просьбе, из уважения к ней, но что она не в состоянии долее выдерживать этих мук, страдая от которых она, невзирая на то, что она его госпожа, забыла о его непочтении к ней, и чтобы он теперь был благоразумнее и исправил то, что он раньше совершил по неведению. Ибо если он ожидает вторичного приглашения, то вот оно, и притом более настоятельное (чем прежнее): ведь она притворилась больною и предпочла многолюдному празднеству сближение с ним; если же ее первые убеждения по недоверию остались тщетными, то он не должен видеть преступления в том, что она все-таки стоит на своем. Ему следует подумать о выгодности своего теперешнего положения и какими он уже теперь пользуется преимуществами и о том, что эти преимущества еще значительно увеличатся, если он любовно сойдется с нею; если же он откажет ей в просьбе и если предпочтет свою мнимую скромность исполнению желания госпожи своей, то она обещала ему, с своей стороны, ненависть и месть: ему не поможет тогда ничто, потому что она сама взведет на него пред мужем, хотя бы и лживое, обвинение. Петефрес же, конечно, скорее поверит ее словам, чем его, хотя бы ее речи и были в значительной степени далеки от истины.

4. Несмотря на эти слова и на слезы ее, Иосифа, однако, не побудили к необдуманности ни жалость к ней, ни страх (за будущее), и он противостоял ее мольбам и не склонился на угрозы, не боясь будущих незаслуженных страданий; напро-

тив, он предпочитал скорее испытывать еще большие неприятности, чем вкусить теперь от удовольствия, за пользование которым, как он сам прекрасно сознавал, ему пришлось бы совершенно справедливо погибнуть. Поэтому он стал напоминать ей, что она ведь женщина замужняя, живущая со своим мужем и что поэтому ей следует скорее пользоваться этими правами, чем случайным удовлетворением вспыхнувшей страсти; при этом он указал ей еще на то, что при недозволенном сожитии за раскаянием последует у нее душевное терзание, и притом не в том смысле, чтобы искупить свое падение, а от ужасной мысли, что оно откроется и при стараниях всячески скрыть его, тогда как совместная жизнь с мужем является не представляющею ни одной подобной опасности. Кроме того, Иосиф особенно выставил на вид преимущество чистой совести как пред Господом Богом, так и пред людьми, как она (т. е. жена Петефреса), оставаясь чистою, будет находить его еще более покорным слугою и сможет еще более применять к нему свою господскую власть, чем когда ее будет мучить стыд за совместно совершенный проступок. Лучше полагаться на свой открытый и безупречный образ жизни, чем на тайный разврат.

5. Такими и еще многими другими подобными речами Иосиф пытался сдержать порыв женщины и направить ее мысли на правильный путь. Однако та еще более возгорела преступною страстью и, охватив его руками, хотела насильно заставить повиноваться ей. Когда же Иосиф в негодовании вырвался от нее и, выскочив из ее комнаты, оставил при этом в ее руках свой плащ, то она, испугавшись, как бы Иосиф не рассказал всего ее мужу, и чувствуя себя тяжко уязвленной в своем самолюбии, немедленно решила оклеветать Иосифа пред Петефресом и таким образом отомстить ему; при этом она сочла единственно разумным и соответствующим ей как женщине предупредить жалобу Иосифа и первою взвести на него обвинение. Поэтому она села, приняв расстроенный и подавленный вид, заменив гнев свой за неудавшееся утоление страсти притворною печалью, якобы над попыткою изнасиловать ее. Когда же вернулся ее муж и, пораженный ее видом, спросил, что случилось, то она начала обвинять Иосифа, говоря: «Ты, супруг мой, недостоин дольше оставаться в живых, если не накажешь гнусного раба сво-

его, который осмелился совершить попытку осквернить ложе твое; он совершенно забыл, в каком виде он был принят в дом наш; какими знаками милости ты осыпал его, но в гнусной неблагодарности за все это к нам он задумал посягнуть на твои супружеские права, и все это во время праздника, воспользовавшись для того твоим отсутствием. Если он и казался раньше скромным, то он притворялся таким только из страха пред тобою, а не потому, что был таковым по природе. Таким, конечно, сделали его твои милости и надежда добиться еще более почетного положения, как и можно было ожидать от человека, которому удалось добиться доверия во всех твоих делах, прибрать в свои руки все управление домом и стать выше всех остальных, более старых слуг в доме, и который счел себя теперь вправе посягнуть даже и на жену твою». При этих словах она показала мужу и плащ, который Иосиф, при попытке изнасиловать ее, якобы оставил тут. Петефрес при виде всего этого и слез жены, нисколько не сомневаясь в ее словах и не подумав, при своей безграничной любви к ней, даже о необходимости исследовать все дело и выяснить истину, похвалил жену свою за добродетель, распорядился заключить Иосифа, которого считал гнусным преступником, в тюрьму, и почувствовал к жене своей еще большее расположение, восхваляя ее порядочность и благонравие[10].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Иосиф же, всецело предав судьбу свою в руки Господа Бога, не подумал даже оправдываться или объяснить истинный ход всего дела, молча подвергся насилию и отправке в темницу, будучи в полной уверенности, что, раз Всевышний знает причину его несчастия и всю правду, Он проявит Свою силу над людьми, посадившими его в темницу. И действительно, вскоре Иосифу представился случай убедиться в основательности своего упования на милость Божию. Узнав добросовестность и заботливость Иосифа во всем, к чему бы его ни приставить, и тронутый его красотою, начальник тюрьмы освободил его от оков, облегчил ему по возможности тягость тюремного заключения и велел кормить его лучшею пищею, чем других узников. И вот случалось, что по-

следние, отдыхая от тяжелой работы своей, разговаривали между собою и участливо, как это обыкновенно бывает среди товарищей по несчастию, разузнавали друг от друга о причинах своего наказания. Между этими арестантами находился также и некогда пользовавшийся у царя большою милостью виночерпий, который в минуту царского гнева был брошен в темницу. Будучи скован одною цепью с Иосифом, он привык к последнему и полюбил его; ставя высоко ум юноши, он рассказал ему однажды сон, который он видел, и просил истолковать его смысл, причем был крайне недоволен, что к горю, причиненному ему фараоном, присоединяются еще мучения и заботы, посылаемые ему Божеством в форме сновидений.

2. Итак, он рассказал Иосифу, что ему приснилась виноградная лоза с тремя отпрысками, на каждом из которых висели большие и вполне зрелые грозди; их он сам выдавил в чашу, которую держал царь, процедил затем напиток и дал его выпить фараону, причем последний принял его с удовольствием. Таков-то был сон, сказал он и попросил, если Иосиф сможет истолковать его, объяснить ему значение этого сновидения. Иосиф же посоветовал ему успокоиться и рассчитывать на то, что через три дня он будет освобожден от оков, так как царь захочет видеть его снова среди слуг своих и вновь поставит его на прежнюю службу. Виноградные плоды, пояснил он, Господь Бог даровал людям на радость; подобно тому как виноградная кисть служит предметом их жертвоприношения Ему Самому, так она вызывает и между людьми доверие и дружбу, уничтожая вражду, отнимая у них горе и печали и побуждая их к веселью. «Ты говоришь, что ты выдавил своими собственными руками сок из трех кистей и подал царю. Знай же, что ты видел хороший сон, предвещающий тебе избавление от этого заточения по истечении стольких дней, из скольких кистей ты во сне выдавил сок. Когда же ты убедишься в справедливости этого, то вспомни о том, который дал тебе это хорошее толкование, и, будучи на свободе, не забудь меня, которого ты тут оставишь, в то время как ты уйдешь, сообразно моему толкованию. Ведь я попал без всякой вины в тюрьму, но терплю это наказание, как преступник, за добродетель и скромность, в силу нежелания путем собственного благополучия опозорить человека, так со

мною поступившего». Виночерпий, естественно, крайне обрадовался, когда услышал такое истолкование сна, и стал выжидать предвещенных последствий.

3. И вот другой узник, попавший в тюрьму вместе с виночерпием, именно начальник над царскими пекарями, преисполнился добрых надежд, после того как Иосиф указанным образом истолковал сновидение (он и сам видел сон), и стал просить Иосифа сказать, что означает сновидение, которое у него было предыдущею ночью, а именно: «Мне показалось, будто я несу на голове три корзины; из них две были полны хлеба, а третья наполнена мясом и другими съестными припасами, которые обыкновенно подаются царю; на это налетели большие птицы и пожрали все, сколько я ни старался отогнать их». Он думал, что толкование этого сна будет подобно истолкованию сна виночерпия. Между тем Иосиф, внимательно обдумав этот сон и сказав, что ему хотелось бы быть истолкователем лучшего, чем предвещаемое, по его мнению, этим видением, сообщил, что пекарю придется жить еще только всего-навсего два дня (это означают корзины), а на третий он будет распят и станет добычею хищных птиц, причем нет никакой возможности отвратить такое горе. И действительно, как Иосиф сказал, так и случилось: когда на третий день царь праздновал свое рождение, то он велел казнить начальника хлебопеков, а виночерпия освободить из тюрьмы и поставить на прежнюю должность.

4. После того как Иосиф два года протомился в заключении, не получив в воспоминание за предсказание от виночерпия никакой помощи, Господь Бог сам освободил его из темницы, устроив это следующим образом: царь фараон увидел в одну ночь два сна и получил для каждого из них два истолкования, которые он забыл, хотя и помнил самые сны[11]. Будучи сильно озабочен этим (тем более что сны казались ему зловещими), он с наступлением дня созвал самых ученых египтян и попросил их изложить ему значение его сновидений. Когда же те смутились, то царь заволновался еще более. Увидя царя в таком состоянии, виночерпий вспомнил об Иосифе и его умении разгадывать сны, предстал пред фараоном и рассказал ему об Иосифе: как ему самому в темнице приснился сон, как тот ему изложил его и как все это точно исполнилось, а именно, что в указанный день начальник хле-

бопеков действительно был казнен и как ему самому вышло все то, что предрек ему Иосиф; что Петефрес, начальник поваров, велел его, раба своего, отправить в заточение; что Иосиф называет себя евреем и происходит из славной семьи. «Пошли за ним, невзирая на то, что он находится в положении преступника, и узнаешь от него значение своих сновидений». Тогда царь повелел привести к нему Иосифа, а посланные за ним облекли его в лучшие одежды и привели в надлежащий вид, чтобы он мог предстать пред фараоном.

5. Схватив Иосифа за руку, последний обратился к нему с следующими словами: «Юноша (о выдающихся твоих качествах и уме твоем мне только что было сообщено со стороны одного из моих слуг), прояви и по отношению ко мне ту же самую доброту, которой ты удостоил его, сказав мне, что означают виденные мною сны. Только я желаю, чтобы ты из ложного страха не скрывал от меня ничего и не говорил, из желания польстить или доставить мне удовольствие, какую-нибудь неправду, хотя бы истина и оказалась зловещею. Мне казалось, что, гуляя по берегу реки, я вижу семь упитанных и отменной величины коров, которые выходили из воды и направлялись к низине, и что семеро других, но очень тощих и страшных на вид, вышло из болота навстречу первым; при этом тощие коровы, пожрав жирных и больших, нисколько не поправились, но оставались такими же истощенными и голодными, как и раньше. Проснувшись от этого сна в большом волнении, что могло бы означать это мое видение, я вскоре вновь заснул и увидел второй сон, еще гораздо более странный, чем первый, который меня еще более испугал и смутил. Я видел, как из одного стебля вырастало семь колосьев, которые были полны, клонились под тяжестью зерен и вполне зрелы; а рядом с ними я увидел семь других стеблей, крайне сухих, тощих и хрупких, которые склонились в сторону зрелых колосьев, чтобы пожрать их. Тем они вызвали во мне ужас и трепет».

6. В ответ на это Иосиф сказал: «Царь! Хотя данное сновидение представилось тебе и в двух видах, однако оно допускает только одно-единственное толкование. То, что ты видел коров, то есть животных, припрягаемых к плугу, и что они были пожраны более тощими коровами, равно как то, что (хорошие) колосья были пожраны дурными колосьями, все

это предвещает Египту голод и бесплодие в продолжение стольких лет, сколько страна до того будет пользоваться обилием всех благ земных, и что запасы урожайных лет будут истреблены недостатком стольких же последующих голодных лет. И при этом нужда дойдет до крайних пределов. Признаком этого служит то обстоятельство, что тощие коровы, несмотря на то, что пожрали лучших, тем не менее не могли поправиться. Но за то Господь Бог раскрывает людям будущее и не для того, чтобы повергать их в печаль и горе, а для того, чтобы они, зная вперед имеющее случиться, придумали средства к более легкому перенесению предсказанных бедствий. Поэтому и ты, если будешь бережно обходиться с изобилием, которое дадут тебе первые годы, сможешь облегчить египтянам ожидающее их затем бедствие»[12].

7. Выразив свое удивление по поводу рассудительности и мудрости Иосифа, фараон расспросил его также, каким образом следует устроить сбережение во время урожайных лет на последующие годы, чтобы облегчить период бесплодия. На это Иосиф посоветовал ввести самую полную экономию в израсходовании запасов, не давать египтянам расточительно обходиться с ними, но повелеть им откладывать на черный день все то, что не пойдет им на пропитание тотчас же. При этом он посоветовал также царю велеть земледельцам доставлять себе весь хлеб и откладывать его, выдавая им лишь необходимое на пропитание. Фараону в одинаковой мере понравилось остроумие Иосифа как в изложении сновидений, так и в сообщении такого совета, и он поручил ему все это дело, разрешив ему поступать по своему личному усмотрению, как он найдет наиболее целесообразным не только для массы египетского народа, но и для самого царя, потому что лицо, изыскавшее известный образ действия в том или другом деле, будет и наилучшим исполнителем этого дела. Иосиф же, получив от царя такую власть, что мог носить его собственный перстень (с печатью) и облекаться в багряницу, стал на колеснице объезжать всю страну и собирать хлеб у земледельцев, оставляя им лишь необходимое для собственного их употребления и будущего посева и не объясняя никому причины такого поступка[13].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Иосифу тогда минуло ровно тридцать лет; он пользовался теперь со стороны царя всяческими почестями, и фараон, ввиду его необычайного ума, дал ему прозвище Псофомфанеха, что значит «раскрывающий скрытые вещи»[14].

Ввиду всего этого Иосиф женился на знатной девушке, получив, благодаря содействию царю, в жены дочь Петефреса, одного из жрецов гелиополитанских, именем Асенефу. От нее родились у него еще до наступления голодных лет сыновья: старший Манассия (что значит «наводящий забвение», так как в теперешнем счастье своем Иосиф предал забвению прежнее свое несчастье), а второй Ефраим, что значит «восстановитель», потому что (при рождении его) Иосиф восстановил себе прежнюю свободу своих предков[15].

После того как, сообразно снотолкованию Иосифа, Египет пользовался семь лет полным благополучием, на восьмой год наступил голод, и так как бедствие нагрянуло неожиданно, то все в великом смущении направились к дворцу фараона. Последний же призвал Иосифа, и он стал раздавать им хлеб, так что он, по общему мнению, явился теперь истым спасителем толпы. При этом Иосиф не только отдавал хлеб туземцам, но предоставил и иноземцам возможность покупать его, так как он был того мнения, что все люди, ввиду общего их происхождения, должны пользоваться поддержкою со стороны тех, кто имеет в чем-либо избыток[16].

2. Так как и Ханания сильно пострадала от неурожая (это бедствие распространилось по всей земле), то и Иаков послал всех сыновей своих в Египет для закупки хлеба, когда узнал, что туда допускаются также иноземцы. Одного Веньямина, сына своего от Рахили, единоутробного брата Иосифа, оставил он при себе. И вот братья прибыли в Египет и пришли к Иосифу с просьбой разрешить им покупку хлеба, так как тогда ничего не делалось без его ведома и только в том случае можно было поклониться в то время царю, если засвидетельствуешь свое почтение Иосифу.

Иосиф признал в них своих братьев, нисколько не подозревавших, что это он, потому что он расстался с ними, когда сам был еще мальчиком, а теперь он был уже в таком зрелом возрасте, да и лицом изменился до неузнаваемости, тем

более что им никак не могла прийти в голову мысль, чтобы он мог достигнуть столь высокого положения. Поэтому он решился выяснить себе теперешний их образ мыслей. Ввиду этого он отказал им в выдаче хлеба, указывая на то, что они явились сюда в качестве разведчиков политического положения дел, собрались из разных мест и только притворяются родными братьями: совершенно немыслимо, чтобы у простого человека было столько и тем более таких видных собою сыновей, так как подобного рода явление бывает даже редкостью у царей. Все это Иосиф сделал для того, чтобы разузнать кое-что об отце и об его житье-бытье с тех пор, как он расстался с ним, и равным образом из желания узнать что-нибудь о своем брате Веньямине; тем более что он боялся, не развязались ли они и с ним таким же способом, на какой решились по отношению к нему самому.

3. Братья страшно встревожились и испугались, предполагая, что им угрожает величайшая опасность; при этом они, конечно, были далеки от мысли о брате. Придя несколько в себя, они стали оправдываться в возводимых на них обвинениях, причем от имени всех их, как старший, начал речь Рувил. «Мы, — сказал он, — явились сюда без всяких преступных замыслов и нисколько не злоумышляя против царя, но для того, чтобы найти здесь спасение и помощь в постигших страну нашу бедствиях; при этом мы рассчитывали на ваше человеколюбие, так как слышали, что тут производится продажа хлеба не только жителям собственной страны, но и чужеземцам, и так как узнали, что вы решили оказать поддержку всем в ней нуждающимся. А что мы братья и что в нас течет одна и та же кровь, это явствует уже из нашего между собою родства, которое, конечно, не случайное; отец наш Иаков, еврей, у которого нас двенадцать человек сыновей от четырех жен. Когда все мы были вместе, нам жилось хорошо; когда же умер один из наших братьев (именно Иосиф), то дела наши приняли дурной оборот, так как и отец наш глубоко о нем скорбит, и мы сильно опечалены как его потерею, так и горем престарелого отца. Теперь же мы явились сюда для закупки, поручив уход за отцом и заведование нашим домом младшему своему брату Веньямину. Ты сможешь сам убедиться в том, сказали ли мы тебе правду, если только пошлешь к нам домой».

4. Такими словами Рувил старался расположить Иосифа в свою пользу. Тот же, узнав, что отец еще жив и брат не убит, приказал посадить их в тюрьму, как бы для того, чтобы при случае подвергнуть их допросу под пыткой. На третий же день он велел их привести и сказал: «Так как вы настаиваете на том, что явились сюда без злых умыслов против царя, называете себя братьями и приводите даже имя вашего отца, то вы заставите меня вполне поверить этому, если оставите у меня одного из своих братьев, которому здесь не будет причинено ни малейшего зла, отвезете хлеб к отцу своему и затем вернетесь сюда назад ко мне совместно с тем своим братом, которого, как вы утверждаете, вы оставили там; это и будет доказательством истины (ваших заявлений)». Тогда братья переполошились еще более, разрыдались и стали друг друга укорять в гибели Иосифа, говоря, что им послана эта беда в виде наказания Господа Бога из-за него. Рувил же стал им особенно усердно указывать на тщетность такого изменения мыслей, от которого Иосифу уже не будет никакой пользы, и стал настойчиво требовать, чтобы они твердо переносили свое горе, которое послал им Господь в возмездие за Иосифа. Так говорили они между собою, не предполагая, чтобы Иосиф понимал язык их. Вследствие слов Рувила всех охватило глубокое раскаяние в совершенном поступке, за который, по их убеждению, они теперь, по постановлению Господа Бога, терпят заслуженное наказание. Видя их в таком беспомощном состоянии, Иосиф сам горько заплакал, но, не желая это показывать братьям, удалился, а затем уже снова вышел к ним. Удержав Симеона в качестве заложника и поручителя в возвращении братьев, он дал им возможность закупить хлеб и позволил уехать, причем повелел своему слуге тайно вложить в их мешки деньги, которые они привезли с собою для закупки хлеба, и дать им уехать с ними.

5. Слуга исполнил повеление. Прибыв в Хананею, сыновья Иакова рассказали отцу все случившееся с ними в Египте: как их приняли за соглядатаев, как они рассказали, что они братья и явились, оставив одиннадцатого брата дома у отца, как они оставили Симеона у правителя (египетского), пока Веньямин не явится к последнему в подтверждение справедливости их слов. Затем они стали упрашивать отца, чтобы он без опасения отпустил с ними юношу. Иаков же был вне себя

от того, что сделали сыновья его, и, горюя о задержании Симеона, считал безумным подвергнуть той же участи и Веньямина. И несмотря на все упрашивания Рувила и на то, что тот предоставлял ему в полное распоряжение своих собственных детей, так что, если бы с Веньямином приключилось что-нибудь во время путешествия, дед мог бы убить их, старик все-таки не соглашался. Братья же были в крайнем смущении от всех этих несчастий, а еще более смущали их деньги, которые они нашли скрытыми в своих мешках с хлебом. Когда же привезенный ими хлеб стал приходить к концу, а голод все более усиливался, Иаков в такой крайности решился отпустить с братьями Веньямина, так как им нельзя было вернуться в Египет, не исполнив возложенного поручения. Он при существовавших условиях не имел возможности поступить иначе, тем более что бедствие росло с каждым днем, да к тому же присоединялись неотступные просьбы сыновей. Особенно Иуда, человек по природе крайне решительный, стал настаивать на том, что Иакову не подобает ни бояться за брата, ни предполагать ничего опасного (для него), так как все, что бы ни случилось с братом, будет зависеть от воли Господа Бога, даже если бы он и оставался у него здесь дома; при этом он стал уговаривать его не осуждать (всех) их таким образом на явную гибель и своим безрассудным страхом за сына не лишать их возможности получить хлеб от фараона, тем более что следует подумать и о спасении Симеона, как бы тот не погиб из-за удержания Веньямина от путешествия. Когда Иуда продолжал убеждать старика доверить сына и его судьбу Господу Богу, говоря, что он сам либо вернет его ему живым и здоровым, либо умрет вместе с ним, Иаков согласился, доверил им Веньямина, дал им двойную плату за хлеб и велел отвезти в подарок Иосифу произведения Хананеи: бальзам, мирру, пряности и мед. При отъезде сыновей с обеих сторон было пролито много слез: отец беспокоился, вернутся ли его дети здравыми из путешествия, они же боялись, как бы им застать (при возвращении) отца еще в живых, а не умершим от глубокой по ним печали. Такое горе удручало их весь первый день; старик пребывал в своей скорби дома, сыновья же держали путь к Египту, облегчая свою настоящую печаль надеждой на лучшее будущее.

6. Когда они прибыли в Египет, их повели к Иосифу; при

этом они натерпелись немало страху, как бы их не посадили в темницу по обвинению в преступном, самовольном присвоении денег, уплаченных за покупку хлеба. Ввиду этого они начали с того, что стали оправдываться перед заведующим делами Иосифа, говоря, что они нашли эти деньги в мешках своих уже по возвращении домой и теперь доставили их обратно. Когда же заведующий сообщил им, что не понимает, о чем они говорят, то страх у них прошел. Затем он освободил Симеона и дал ему возможность быть вместе со своими братьями. Когда же явился Иосиф со службы от царя, то они поднесли ему подарки и на расспросы его об отце сообщили, что оставили его дома в полном здравии. Заметив Веньямина, Иосиф (сразу узнавший его) спросил, не это ли младший брат их, и когда они ответили утвердительно, то он сказал, что Господь — устроитель всего, и, чувствуя от сильного волнения, что слезы подступают к нему, удалился, так как не хотел открыться братьям. Потом он пригласил братьев к обеду, причем их рассадили таким же точно образом, как они сидели у себя дома, при отце; и хотя Иосиф относился ко всем им одинаково любезно, однако он почтил Веньямина предложением двойного количества пищи из подаваемых блюд[17].

7. Когда же братья после обеда удалились, чтобы отдохнуть, Иосиф приказал своему управляющему заготовить им определенное количество хлеба и снова спрятать в мешки деньги; при этом он велел засунуть в мешок Веньямина также серебряный кубок, из которого он обыкновенно сам пил. Все это он сделал, желая испытать братьев, пожелают ли они оказать помощь Веньямину, если его уличат в краже и ему будет грозить явная опасность, или же оставят его и, как будто сами ни в чем не повинные, вернутся к отцу. Управляющий исполнил возложенное на него поручение, а сыновья Иакова, ничего о том не ведая, отправились в обратный путь, вдвойне радуясь как тому, что с ними Симеон, так и тому, что доставляют обратно к отцу, согласно обещанию своему, и Веньямина. Вдруг за ними ринулись в погоню всадники, и в числе их был также и тот управляющий, который спрятал кубок в мешке Веньямина. Сильно испугавшись этой внезапной погони всадников и спросив о причине, по которой на них, столь недавно еще удостоенных почетного гостеприимства правителя, теперь нападают, они получили в ответ, что

они гнуснейшие люди, которые, забыв о гостеприимстве и любезности Иосифа, не постеснялись совершить по отношению к последнему преступное деяние, так как похитили кубок, из которого Иосиф пил за их здравие; причем они предпочли свою собственную гнусную наживу дружественному отношению к ним Иосифа, но при этом совершенно упустили из вида всю угрожающую им тут опасность. К этому (посланцы) прибавили еще угрозу, что они будут достойно наказаны: если им удалось обмануть служителя, они все-таки не смогут обмануть Господа Бога и скрыть свое воровство. «И теперь вы еще спрашиваете о причине нашего здесь появления, как будто не знаете, в чем дело; впрочем, подвергшись наказанию, вы все скоро поймете». Такими и подобными речами насмехался над ними управляющий. Они же, ничего не понимая в этом, считали слова эти за шутку и выразили управляющему свое удивление по поводу легкомыслия, с которым он решился обвинять их, тогда как они даже не удержали при себе за хлеб деньги, найденные в мешках, но доставили их обратно, хотя никто и не знал об этой их находке. Настолько далеки они от мысли сознательно совершить такое преступление[18]. Впрочем, они предпочитают препирательству наглядное доказательство и потому предлагают обыск, и если найдется между ними лицо, совершившее кражу, то все готовы подвергнуться наказанию. Не чувствуя за собою никакой вины, они считали себя вправе говорить так самоуверенно. Посланные изъявили готовность приступить к обыску, но заметили при этом, что в ответе будет лишь один тот, у которого будет найдена украденная вещь. Приступив к обыску и осмотрев по порядку мешки всех (братьев), они дошли наконец до Веньямина, отлично зная, что в его именно мешке и спрятан кубок, хотя и желали подать вид, как будто бы совершают обыск по всем правилам. Успокоившись в своих опасениях насчет себя лично, остальные братья были еще несколько озабочены касательно Веньямина; но, будучи вполне уверены, что он неповинен в таком преступлении, стали даже выражать своим преследователям неудовольствие свое по поводу того, что они задержали их и тем лишили возможности совершить значительную часть пути. Когда же при обыске кубок нашелся в мешке Веньямина, то они подняли вопль и плач и, разорвав одежды, стали печало-

паться как о брате, которому угрожало теперь наказание за воровство, так и о себе, так как им придется обмануть отца относительно благополучного возвращения Веньямина. Горе их увеличивалось еще тем обстоятельством, что теперь рушилась их надежда на то, что они избегли всех бед, и сознанием, что в несчастии своего брата и горе отца виновны они сами, так как принудили отца против его желания отпустить с ними брата.

8. Всадники забрали между тем Веньямина и в сопровождении братьев повели его к Иосифу. Когда последний увидал Веньямина под стражей, а братьев в глубокой печали, то он спросил: «Какого мнения вы, нечестивцы, о моем человеколюбии и о Промысле Божием, если осмелились поступить так по отношению к вашему благодетелю и человеку, гостеприимно раскрывшему вам двери?» На это они, желая спасти Веньямина, предложили наказать их вместо него, причем опять вспомнили о своем насилии по отношению к Иосифу, считая его, если только он умер, гораздо счастливее себя, так как он в таком случае уже не подвергается теперь жизненным невзгодам, а если еще жив, то Господь Бог наслал на них тяжелое за него возмездие. При этом они называли себя безбожниками по отношению к отцу своему, так как присоединили к тому горю, которое он испытывает по сей день об Иосифе, также и эту печаль с Веньямином. Наиболее между ними поражен горем и тут был Рувил[19]. Когда же Иосиф отпустил их (так как они ни в чем не провинились), сказав, что удовлетворяется наказанием одного только младшего (потому что было бы, по его мнению, неблагоразумно отпускать на волю последнего только ради тех, кто не виновен ни в чем, или подвергать наказанию их вместе с совершившим воровство) и при этом обещал им даже охрану в пути, то всех их обуял ужас, и они от волнения не могли произнести ни слова. Однако Иуда, который уговорил отца отпустить с ними Веньямина и который вообще был человеком мужественным, решился самому подвергнуться опасности ради спасения брата и потому сказал следующее:

«Действительно, повелитель, мы поступили с тобою очень дурно и достойны наказания; вполне справедливо было бы всем нам подвергнуться этому наказанию, хотя вина и не падает на всех нас, но на одного младшего. Хотя из-за него

мы и готовы вполне отчаяться в своем спасении, но у нас все-таки остается еще надежда на твою милость, которая приближает нас к возможности избежать угрожающей опасности. Теперь же, совершенно невзирая на нас и оставя в стороне самый факт преступления, внемли, сообразно характеру своему, совету доблести, а не гнева, которому, впрочем, лишь вообще мелочные люди так сильно поддаются, и притом не только в серьезных делах, но и при всяком случае; будь великодушен и не давай гневу обуять себя настолько, чтобы загубить людей, которые не в состоянии уже думать о своем собственном спасении, но ожидают его от тебя. Ведь ты окажешь нам милость свою теперь уже не в первый раз: когда мы недавно явились для закупки хлеба, ты великодушно дал нам средство поддержать нашу жизнь, предоставив возможность получить этот хлеб и для родных наших в таком количестве, которое было в состоянии избавить их от опасности голодной смерти. Нет никакой разницы не дать людям погибнуть от нужды или не подвергать их наказанию, считая их провинившимися, причем они лишь будут предметом зависти вследствие их очевидного облагодетельствования тобою. Это совершенно одна и та же милость, лишь оказанная различными способами: ты ведь спасешь тех, жизнь которых ты для того только и поддержал, и милостями своими ты сохранишь жизнь тех, которых ты не допустил погибнуть от голода; таким образом является в одинаковой степени достойным удивления и великим даровать нам жизнь и вместе с тем средства к ее сохранению. Я убежден в том, что Господь Бог вверг нас в это бедствие из желания дать тебе возможность выказать свое рвение к добродетели и для того, чтобы твое человеколюбие обнаружилось также в прощении поступивших по отношению к тебе преступно, как оно обнаружилось уже по другому поводу, именно при подаче помощи нуждающимся. Если великим делом является такой поступок по отношению к впавшим в нужду, то еще более достойно правителя миловать тех, кто вследствие своего преступления по отношению к тебе достоин смерти. Если уже освобождение провинившихся от малых наказаний приносит похвальную славу прощающим, то незлобивое отношение к тем, которые подлежали бы за преступления свои смертной казни, приближает человека к естеству Господа Бога. И если бы у нас не

было отца, который так страшно страдает от потери детей своих, как уже доказывает его горе по Иосифу, то я и не подумал бы тратить слова, если бы дело касалось нашего спасения; и если бы не приходилось считаться с твоим великодушным характером, — ты ведь считаешь необходимым спасать жизнь даже таких лиц, которые не имеют никого, кто бы оплакивал их смерть, — мы бы охотно подчинились любому твоему наказанию. Теперь же мы, не столько жалея самих себя, хотя мы умрем молодыми и еще не вкусившими сладости жизни, сколько памятуя об отце и оплакивая его старость, возносим к тебе эти мольбы и просим за жизнь нашу, которую преступное наше деяние предоставило твоему возмездию. Ведь отец наш ни сам не дурной человек, ни нас не воспитал для того, чтобы быть преступниками, но, будучи человеком порядочным и не заслуживающим таких испытаний, страдает и печалится из-за нашего отъезда; если же он узнает, что мы погибли и по какой причине, то он этого не вынесет: весь позор обрушившегося на нас несчастья лишь ускорит его смерть и сделает эту смерть ужасною, тем более что он уже теперь почти дошел до состояния умопомешательства раньше, чем наше бедствие дошло через других до его сведения. Поэтому прими все это в соображение, и хотя бы наша преступность и возбуждала в тебе гнев, прости нас и ради отца не подвергай нас заслуженному за нее наказанию; пусть сострадание к нему превозможет наше злодеяние; прими также во внимание старость его, которую ему придется дожить в одиночестве, и то, что он умрет (один), если мы погибнем; принеси эту жертву во имя (всех) родителей. Тем самым ты почтишь и своего собственного отца, и самого себя, так как ты уже сам радуешься этому имени[20], в чем тебя счастливым да сохранит Господь Бог, отец всех людей, имя которого ты сможешь прославить своим человеколюбием, если только почувствуешь сострадание к отцу нашему и к его горю, когда он нас потеряет. В твоих руках теперь отнять у нас дар, дарованный нам Господом Богом, и, вернув его нам снова, ни в чем не отличаться по милосердию от Него. Прекрасно, если пользуешься своей властью, которую можно было бы также употребить на погибель людям, только для того, чтобы оказывать им добро, и если, имея право лишать других жизни, не пользуешься этим правом, но направляешь всю свою

власть исключительно на дело спасения людей; и чем большему числу их являешь таким образом милость свою, тем больше имеешь собственных заслуг. Если ты простишь брату его роковое преступление, то ты спасешь всех нас; ведь в случае его наказания кончена жизнь и для нас, которые не можем вернуться к отцу без него и которым придется здесь разделить с ним его печальную участь. И об этом одном мы будем умолять тебя, повелитель, если уже ты решил, чтобы брат наш умер: подвергни и нас одинаковому с ним наказанию, как бы сообщников его преступления, потому что нам не захочется извести себя, печалясь о смерти брата; мы предпочитаем умереть таким же точно образом, как будто бы мы вместе с ним совершили злодеяние. Я не стану долее говорить об этом и предоставлю тебе сообразоваться с тем, что он провинился, будучи еще мальчиком, еще не достаточно рассудительным, и что вообще принято прощать таких лиц; не буду распространяться об этом, чтобы, если ты приговоришь нас к смерти, не казалось, что все сказанное (мною) еще более испортило нашу участь, и чтобы, если ты оправдаешь нас, и это было приписано твоему благородству, в силу которого ты не только спас нас, но и даровал нам тем самым возможность явиться еще более облагодетельствованными тобою; значит, ты более нашего подумал о нашем спасении. Если же ты уже непременно настаиваешь на его казни, то подвергни ей вместо него меня, а его отошли назад к отцу; если же тебе удобнее сделать меня рабом своим, то я для этого дела являюсь, как ты видишь, более (его) пригодным и подходящим и соглашусь как на то, так и на другое»[21].

Сказав это, Иуда, готовый подвергнуться чему угодно ради спасения брата своего, бросился к ногам Иосифа, пытаясь тем смягчить гнев последнего и умилостивить его. Также и все другие братья пали перед ним ниц, плача и предоставляя ему свою собственную жизнь взамен Веньямина.

9. Глубоко этим растроганный и не будучи более в силах притворяться разгневанным, Иосиф повелел всем присутствовавшим удалиться, для того чтобы наедине открыться братьям своим. Когда все вышли, то он открылся братьям своим и сказал: «Хвалю вас за вашу добродетель и за расположение ваше к брату и нахожу вас гораздо более порядочными, чем я мог предполагать на основании совершенного вами

некогда со мною. Все сделанное теперь я совершил с целью испытать вашу братскую любовь. Теперь я понимаю, что вы поступили со мною преступно не в силу природы вашей, но в силу желания Господа Бога, предоставившего мне ныне и в будущем пользование благами, если только Он сохранит милостивое к нам расположение. Узнав теперь о здравии отца, на что я вовсе не надеялся, и видя такое отношение ваше к брату, я более не стану поминать того, чем вы, видимо, так погрешили относительно меня, перестану питать к вам за это неприязнь и выражаю вам, как содействовавшим по сей день исполнению предначертаний Господних, свою благодарность; и таким образом мне хотелось бы, чтобы и вы сами предали все это забвению и скорее радовались тому, что ваши тогдашние козни привели к такому концу, чем стыдиться и страдать за свой проступок. Поэтому и не думайте печалиться о том, что вы приняли (тогда) относительно меня столь гнусное решение, тем более, что у вас есть сознание, что решение это не осуществилось. Радуйтесь тому, что произошло от Господа Бога, отправьтесь к отцу и сообщите об этом ему, чтобы он не умер от горя из-за вас и тем лишил меня лучшего моего счастья и чтобы он не умер раньше, чем явиться сюда ко мне и воспользоваться всеми имеющимися тут у меня благами. Возьмите отца, жен и детей ваших, и всю родню свою и переселитесь сюда, потому что невозможно, чтобы самые дорогие мне люди были чужды моему благополучию, тем более что и голод продлится еще целое пятилетие». С этими словами Иосиф обнял братьев своих. Они же плакали и сильно беспокоились о том, что они совершили по отношению к нему: им казалось, что, несмотря на все расположение к ним брата, возмездие неизбежно. Царь же, узнав о прибытии к Иосифу братьев его, был очень доволен и, как будто бы его самого постигла большая радость, приказал отпустить им целые возы, наполненные хлебом, и дать им золота и серебра для доставки отцу. Получив затем от брата своего еще больше подарков, отчасти предназначавшихся для отца, отчасти для каждого из них в личную собственность, причем больше всех было уделено Веньямину, они отправились в обратный путь[22].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Когда Иаков по прибытии сыновей узнал все совершившееся с Иосифом, что он не только избег той смерти, которую он так долго оплакивал, но также и то, что он жив, пользуется счастьем и внешним блеском, так как вместе с царем правит Египтом и на него чуть ли не возложена вся забота о стране, старик поверил этому известию, так как подумал о величии Божием и о милости Предвечного к нему, хотя последняя и не проявлялась в течение долгого времени; поэтому он тотчас собрался в дорогу к Иосифу.

2. Прибыв к колодцу Клятвы[23], он принес там жертву Господу Богу: с одной стороны он опасался, что сыновья, переселившись туда, слишком привяжутся к виду Египта в его плодородии и захотят там остаться на постоянное жительство, так что потомство его уже не вернется в Хананею и не будет владеть ею, вопреки обещанию Господа Бога, а с другой стороны — боялся, как бы отправление, против желания Предвечного, в Египет не навлекло погибели на род его; наконец, он, кроме того, опасался умереть раньше, чем увидит Иосифа. Волнуемый всеми этими соображениями, Иаков впал в сон.

3. Тогда предстал пред ним Господь Бог и дважды позвал его по имени. На вопрос Иакова, кто его зовет, Предвечный заметил: «Иакову не подобает не знать Господа Бога, который всегда являлся покровителем и оказывал поддержку твоим предкам, а за ними и тебе; ибо когда отец собирался лишить тебя власти, то Я сохранил ее за тобою; отправясь, при Моем покровительстве, один в Месопотамию, ты заключил (там) удачный брак и возвратился затем с множеством детей и крупными богатствами на родину. Благодаря Моему лишь благоволению сохранилось все твое потомство, а того сына своего, которого ты считал уже погибшим, именно Иосифа, Я удостоил пользования еще гораздо более значительными благами и сделал его властелином Египта, немногим отличающимся от самого царя. И теперь Я предстал, чтобы быть руководителем твоим в этом путешествии и объявить тебе о том, что ты умрешь на руках у сына своего Иосифа, что потомство твое будет продолжительное время пользоваться властью и почетом и что Я приведу их обратно в страну, которую Я им обещал».

4. Ободренный этим сновидением, Иаков более уверенно отправился в Египет с сыновьями своими и их детьми. Всех их было семьдесят. Я было не хотел приводить имена их, особенно благодаря их неблагозвучию; но для того, чтобы опровергнуть мнение людей, считающих нас египетского, а не месопотамского происхождения, все-таки считаю нужным напомнить здесь имена эти[24]. Итак, у Иакова было двенадцать сыновей, из которых об Иосифе уже было упомянуто. Поэтому теперь мы поименуем остальных и их потомков. У Рувила было четверо сыновей: Анах, Фаллус, Ассарон и Хармис; у Симеона шесть: Иамуил, Иамин, Иаод, Иахин, Соар и Саул; у Леви — три: Гирсом, Кааф и Марар; у Иуды также было три сына: Сала, Фарес и Цара, и два внука от Фареса: Эсрон и Амир; у Иссахара — четверо сыновей: Фула, Фуа, Иасув и Самарон; Завулон вез с собою трех сыновей: Сарадона, Илона и Иалила. Все это было потомство Лии, и сама она находилась тут вместе с ними, равно как и дочь ее Дина, — итого тридцать три человека. У Рахили было два сына; из них у Иосифа было также два сына: Манассия и Ефраим[25], а у другого, Веньямина, десять: Волосор, Вакхар, Асавил, Гираос, Нэеман, Ий, Рос, Момфис, Онтаид и Арад. Если прибавить этих четырнадцать человек к вышепоименованным, то получится число сорок семь. Это было вполне законное (правоспособное) потомство Иакова. Кроме того, от прислужницы Рахили, Валлы, были у последнего еще сыновья Дан и Неффал, который, в свою очередь, имел при себе четырех сыновей: Иесила, Гуниса, Иссара и Селлима, тогда как у Дана был один только ребенок, Усис. При сложении их с числом предыдущих выйдет сумма пятьдесят четыре. Гад же и Асир родились от Зельфы, которая была прислужницею Лии. У Гада было семь сыновей: Сафония, Авгис, Сунис, Азавон, Аирин, Эроед, Ариил, тогда как Асир имел одну дочь Сару и шестерых сыновей, имена которых: Иомн, Исус, Исуй, Варис, Авар и Мельхиил. Прибавив этих шестнадцать к указанным пятидесяти четырем, получаем полное вышеупомянутое число семьдесят, не включая сюда Иакова[26].

5. Узнав о приближении отца (так как брат Иуда поехал вперед для извещения его об этом прибытии), Иосиф выехал к нему навстречу и съехался с ним у Героонполиса[27]. Старик чуть было не умер от столь неожиданной и великой радости;

но Иосиф привел его опять в чувство, потому что, хотя он сам едва мог совладать со своей радостью и сам был близок к такому же состоянию, он все-таки не дал чувству обуять себя в такой мере, как это случилось с отцом его. Посоветовав затем отцу не спеша продолжать путь свой, Иосиф взял пятерых из числа братьев и поехал с ними к царю, чтобы известить его о прибытии Иакова с семейством. Фараон принял это известие с радостью и спросил Иосифа, каким делом они обыкновенно занимаются, чтобы устроить их сообразно с их привычками. Иосиф сказал, что они отличные пастухи и, собственно, только к одному этому делу питают наибольшую склонность; сообщил же он это потому, что имел в виду, чтобы братья не разлучались, но, живя все вместе, совокупно заботились об отце, а также чтобы они, не имея ничего общего с египтянами, не сближались с последними. Между тем египтянам было запрещено заниматься скотоводством как промыслом[28].

6. Когда же Иаков предстал пред царем, чтобы приветствовать его и пожелать ему благоденствия на престоле, фараон стал между прочим его расспрашивать и об его возрасте. Узнав же от него, что ему сто тридцать лет, он удивился преклонным летам Иакова, который сообщил ему при этом, что он еще не дожил до обычного возраста своих предков. Затем фараон предоставил ему для житья вместе с семейством Гелиополь[29], потому что тут находились и пастбища, предназначенные для царских пастухов.

7. Между тем голод в Египте продолжался и стесненное положение населения становилось все чувствительнее, так как река, не поднимаясь выше своего обычного уровня, перестала орошать страну, да и дождей не посылал Господь. При этом народ, в неведении грозившей ему беды, не принял заранее никаких мер предосторожности, а Иосиф отпускал хлеб только за деньги. Поэтому людям не оставалось другого исхода: им приходилось продавать свои стада и рабов и покупать себе на вырученные деньги хлеб; равным образом, у кого был участок земли, тому приходилось уступать его за хлеб. Когда в силу этого вся земельная собственность их перешла в руки царя, то они стали выселяться в разные места, чтобы царю сделать удобнее приобретение их земли. Исключение составляли одни только жрецы, которые сохранили за

собою свою недвижимую собственность. Бедствие не только поработило народ внешним образом, но и нравственно[30], принудив его в конце концов обратиться к позорному способу пропитания. Когда же бедствие прекратилось и река залила страну, так что земля начала давать урожаи по-прежнему, Иосиф стал разъезжать по всем городам и, собирая в каждом народ, возвращал ему в целости земли, которые перешли было в собственность царя и которыми последний был вправе распоряжаться вполне самостоятельно; при этом он приглашал народ возделывать эти земли на правах личной собственности, при условии, однако, чтобы они доставляли царю пятую часть всех плодов земли, которую последний предоставлял им, хотя имел полное право распоряжаться ею как собственностью. Так как народ против ожидания стал теперь собственником земли, то его обуяла великая радость, и он подчинился указанным предписаниям. Благодаря всему этому авторитет Иосифа возрос у египтян, а еще более усилилась их любовь к царю. Обычай же отдавать пятую часть всех плодов остался и при следующих фараонах[31].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Прожив семнадцать лет в Египте, Иаков заболел и умер, окруженный сыновьями своими. При этом он пожелал им всякого благоденствия и пророческим образом предсказал каждому из них, где его потомки будут жить в Ханаане, как то впоследствии и случилось. Высшую похвалу он воздал Иосифу за то, что тот не только не относился злопамятно к братьям своим, но выказал даже особенное к ним внимание, осыпав их такими подарками, которых многие не делают даже своим благодетелям. При этом он повелел своим собственным сыновьям принять в число свое и сыновей Иосифа, Ефраима и Манассию, и поделиться также и с ними Хананей, о чем у нас речь будет впереди. Наконец, Иаков просил похоронить его в Хевроне. Он умер, прожив без трех лет полтора века, не уступая никому из предков своих в благочестии по отношению к Господу Богу и получив в удел воздаяние по заслугам своим, как то было и со всеми предками его. С разрешения фараона Иосиф отвез тело отца в Хеврон и похоронил его торжественно. Ввиду того, что братья не захотели

возвратиться вместе с ним в Египет (боясь, как бы он после смерти отца не вздумал наказать их за их прежние козни против него, так как теперь уже более не было в живых человека, ради которого он мог бы обходиться с ними милосердно), Иосиф стал убеждать их совершенно оставить всякие опасения и не относиться к нему с подозрением. Приведя их с собою назад, он подарил им большие владения и не переставал всяческим образом выказывать им свое расположение.

2. Затем умер и Иосиф, прожив сто десять лет на свете, снискав себе общее удивление за свою добродетель, отнесясь ко всему мудро и сумев с пользой употребить свою власть. Эти данные были также причиною столь великого его среди египтян успеха, несмотря на то, что он прибыл из другой страны и к тому же в таком печальном положении, о котором мы упомянули уже выше. Умерли затем и братья его, счастливо прожив в Египте. Тела всех их спустя некоторое время потомки и дети их отвезли и похоронили в Хевроне, тогда как прах Иосифа был перевезен в Ханаанею позже, именно когда евреи вышли из Египта: такое клятвенное обещание было дано ими Иосифу[32]. Что затем произошло со всеми этими потомками и с какими трудностями они овладели Ханаанеею, это я расскажу позже, после того как упомяну о причине, по которой они покинули Египет[33].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Так как египтяне были изнежены и недобросовестны в работах, особенно же преданы удовольствиям и легкой наживе, то в результате получилось враждебное с их стороны отношение к евреям, основывавшееся также на чувстве зависти к их благополучию[34]. Именно, видя, что племя израильское увеличивается и благодаря своей добродетели и трудолюбию становится богатым и пользуется значением, они испугались, как бы оно не овладело ими самими. При этом, благодаря отдаленности времени, египтяне совершенно забыли о заслугах Иосифа, стали крайне надменно обходиться с израильтянами и взвалили на них различные тяжелые работы, тем более что царская власть перешла к новой династии[35]: они поручили им отвести реку (Нил) в разные каналы и соорудить у городов стены и плотины, чтобы вода реки не про-

никла в города и не обратила почву их в болото. Равным образом они побуждали народ наш строить пирамиды, изучать всевозможные ремесла и привыкать к тяжелым трудам. В продолжение четырехсот лет они несли такое иго; при этом происходило нечто вроде состязания, так как египтяне преследовали цель — во что бы то ни стало извести израильтян тяжелыми работами, а последние хотели показать, что они сильнее всех этих мероприятий.

2. В то время как евреи находились в таком положении, у египтян явилась и другая причина, по которой они еще более постарались стереть с лица земли народ наш. Поводом к этому послужило следующее: один из египетских ученых (которые, кстати сказать, особенно выдаются своими предсказаниями будущего) возвестил царю, что к тому времени среди израильтян родится мальчик[36], который если вырастет, то сокрушит могущество египтян и сделает евреев властным народом; при этом он превзойдет своей добродетелью всех людей и приобретет вечную славу. Испугавшись этого, фараон по совету того предсказателя повелел всех родившихся тогда еврейских детей мужского пола бросить в реку и загубить, а египетским повивальным бабкам приказал следить за беременностью еврейских женщин и не выпускать из виду их родов; он повелел именно египетским бабкам следить за этим, потому что они, будучи одной с ним национальности, не решатся ослушаться царского приказа. Тех же, кто поступит вопреки этому приказанию и осмелится тайно спасти новорожденных, царь приказал вместе со всем их семейством подвергать смертной казни. Это было ужасным ударом для тех, кого это распоряжение касалось (т. е. евреев), не только потому, что родители таким образом лишались детей своих, причем им самим приходилось исполнять роль палачей, но и оттого, что мысль о совершенном прекращении рода, — а это представлялось неизбежным при убиении детей и их собственном полнейшем изнурении, — еще усугубляла им тягость и безвыходность их положения[37]. В таком-то горе были они. Однако никто не в состоянии оказать посильное давление на решения Господа Бога, хотя бы и пустил для этого в ход тысячи ухищрений. Поэтому-то и ребенок, о котором предсказывал ученый прорицатель, продолжал, несмотря на все мероприятия царя, подрастать, и все случилось

именно так, как о нем было предсказано. Произошло же все это следующим образом:

3. Один знатного происхождения еврей, Амарам, очень заботился об участи всего своего народа, боясь, как бы он совершенно не исчез с лица земли ввиду недостатка в подрастающем молодом поколении; при этом он и сам лично находился в безвыходном положении, так как жена его была беременна. Поэтому он обратился к милосердию Предвечного[38], умоляя Его сжалиться наконец над людьми, которые ни в чем не изменили своему благочестию, и, освободив их от настоящего их горя, оставить им надежду, что их племя не погибнет. Господь Бог сжалился над ним и в ответ на его мольбу явился ему во сне. Он стал уговаривать Амарама не отчаиваться относительно будущего, говоря, что отлично помнит благочестие их (евреев) и за это всегда воздаст им должное, как Он уже даровал предкам их то, что они из столь небольшой горсти людей стали таким многочисленным народом. Ведь Аврам явился одиноким из Месопотамии в Ханаанею и здесь нашел свое счастье как во всех прочих отношениях, так и относительно жены своей, которая сначала была бесплодна, а затем, ввиду его страстного желания, стала способна к деторождению и родила сына. Таким образом, он оставил Измаилу и его потомкам Аравию, детям Хетуры — Троглодиту, Исаку же — Ханаанею. «А какие великие военные подвиги он совершил при Моем покровительстве, — сказал Господь, — этого вы никогда, даже если бы вы были отъявленными нечестивцами, не сможете забыть. Иакову же выпало на долю стяжать себе известность даже среди иноплеменников за его великое счастье в жизни, которое он передал и своим потомкам; хотя он явился в Египет всего с семьюдесятью (членами семьи), вы теперь достигли уже числа более шестисот тысяч человек. Отныне же знайте, что Я помышляю как об общем благе вашем, так и в частности о твоей личной славе, потому что ребенок, из-за которого египтяне решили убивать всех рождающихся израильских мальчиков, будет именно твоим сыном. Он останется скрытым от лиц, подстерегающих его с целью загубить его, необычайным образом будет воспитан и освободит народ еврейский от египетского ига. Этим он на вечные времена оставит о себе славную память не только среди евреев, но и у иноплеменников.

Такую милость явлю Я тебе и потомкам твоим. Кроме того, будет у него такой брат, который сохранит на вечные времена вместе со своим потомством священство мое»[39].

4. Проснувшись после этого сновидения, Амарам сообщил о нем Иоахаведе, жене своей. Однако страх их лишь усилился вследствие этого сновидения, потому что они теперь не только беспокоились о ребенке, но и относительно необычайного величия его в будущем. Впрочем, подтверждением предвещания Господа Бога послужили уже самые роды жены (Амарама), так как ей удалось скрыть их от соглядатаев, вследствие легкости и безболезненности родильного процесса[40]. Кроме того, (родителям) удалось воспитывать ребенка тайно у себя в продолжение трех месяцев[41]. Затем, однако, Амарам стал бояться, как бы это дело не обнаружилось и как бы он, навлекши на себя гнев царя, не пострадал вместе с ребенком и тем помешал бы осуществлению предсказания Господа Бога. Поэтому он предпочел предоставить спасение дитяти и заботу о нем Предвечному, чем, положившись на это скрывание (которое, кроме того, было ненадежно), подвергать опасности не только тайно воспитываемого ребенка, но и самого себя, тем более что, по его убеждению, Господь Бог и Его слова представляют полную гарантию и наверное оправдаются. Порешив это, родители сделали тростниковую плетеную корзиночку, наподобие колыбельки, такой величины, чтобы удобно было поместить туда младенца. Замазав ее смолою, которая по природе своей препятствует проникновению внутрь воды, они положили в корзину ребенка и, спустив на реку, предоставили его спасение Господу Богу. Река подхватила и понесла корзину, Мариамма же, сестра ребенка, по приказанию матери шла по берегу, чтобы посмотреть, куда течение понесет корзину[42]. Тут-то Господь Бог и показал, что человеческие расчеты совершенно несостоятельны, что все, чего бы Он сам ни пожелал, доводится до благополучного разрешения и что те, кто из личного интереса готовит другим погибель, даже при самом большом со своей стороны рвении, ошибаются в своих расчетах, тогда как уповающие на предопределение Предвечного находят неожиданное спасение и благополучие, несмотря на величайшие затруднения и опасности. Судьба именно этого ребенка служит наглядным доказательством всемогущества Господа Бога.

5. У царя была дочь именем Фермуфис[43]. Гуляя по берегу реки и увидав корзинку, увлекаемую течением, она послала пловцов с приказанием доставить ее ей. Когда посланные вернулись с корзиной и царевна увидала ребенка, она полюбила его за его величину и красоту. Таково было попечение Господа Бога о Моисее, что воспитать и заботиться о нем пришлось как раз тем людям, которые решили погубить прочих еврейских мальчиков ради того, чтобы воспрепятствовать именно его рождению. Фермуфис тотчас повелела привести женщину, которая дала бы грудь ребенку. Но когда последний не хотел принимать груди и отказывался от множества женщин, бывшая при этом Мариамма подошла как бы случайно и как бы из любопытства и сказала: «Напрасно, царевна, призываешь ты этих женщин для кормления ребенка, они ведь не одного с ним племени; если же ты велишь призвать одну из еврейских женщин, то он немедленно примет родную грудь». Признав это замечание правильным, дочь царя приказала (девушке) пойти за (еврейскою) кормилицею. Воспользовавшись этим случаем, та вскоре явилась обратно в сопровождении никому из присутствовавших не знакомой матери своей. Так как младенец с удовольствием взял у нее грудь, то царевна вполне доверила ей воспитание его[44].

6. От того, что он был брошен в реку и вытащен из нее, ребенок получил и свое имя, так как египтяне называют воду *мо* (μω), а спасенных — *исей* (υσης). Сложив эти два слова, они дали их ему в виде имени[45]. Сообразно предсказанию Господа Бога, Моисей вскоре по общему отзыву стал вследствие силы ума своего и презрительного отношения к трудностям всякой работы одним из лучших представителей еврейства. (Аврам был его седьмым предком; сам Моисей был сыном Амарама, этот — сын Каафа, отцом которого является Леви, сын Иакова, сына Исака, который, в свою очередь, был сыном Аврама[46].) Ум его развивался несообразно с его возрастом, так как тот соответствовал бы по силе более зрелым годам. Мощь этих способностей обнаруживалась (у него) уже в раннем детстве, и тогдашние поступки его уже свидетельствовали о том, что в зрелом возрасте он совершит гораздо более необычайные вещи. Когда ему минуло три года, Господь даровал ему необыкновенный для таких лет рост, и к

красоте его никто не только не был в состоянии относиться равнодушно, но все при виде Моисея непременно выражали свое изумление. Случалось также, что когда ребенка несли по улице, многих из прохожих поражал взгляд его настолько, что они оставляли дела свои и в изумлении останавливались, глядя ему вслед, настолько сильно его детская красота и миловидность приковывали внимание всех[47].

7. Не имея собственных детей, Фермуфис ввиду таких его качеств усыновила его. Приведя Моисея однажды к отцу своему, она указала на него как на своего желанного наследника, потому что по воле Господа Бога ей не суждено иметь родного сына[48]. При этом она сказала отцу: «Возрастив этого чудного обликом и благородного по своему духовному развитию ребенка, которого я столь странным образом получила в дар от реки, я задумала усыновить и сделать его (со временем) наследником твоего царства». С этими словами она подала ребенка отцу на руки. Последний взял его и, прижав к груди своей, из желания выказать дочери расположение, надел на него свою диадему. Но Моисей швырнул корону на землю, сорвав ее с себя в детской шаловливости, и стал топтать ее ножками. Это было дурным предзнаменованием для царя. Когда это увидел тот самый ученый, который (когда-то) предсказал, что рождение Моисея будет началом унижения власти египтян, то он бросился (на ребенка) с целью убить его; при этом он громко закричал: «Царь! Это именно тот ребенок, которого Бог велел нам убить, чтобы быть в безопасности. Своим поступком он ведь подтверждает правильность предсказания, глумясь (теперь уже) над твоею властью и топча ногами твою корону. Поэтому убей его, тем освободи египтян от страха пред ним и обмани надежды евреев, которые вызовет в них эта его смелость». Однако Фермуфис быстро велела убрать ребенка и предупредила исполнение этого совета; к тому же и царь медлил с приказанием убить его, так как к тому побуждал его Господь Бог, который заботился о спасении Моисея[49]. Затем его воспитывали с большою заботливостью. И в то время как евреи возлагали на него все свои надежды, египтяне относились к его воспитанию с подозрением. Но так как не было прямой причины, по которой убил бы его либо царь (вдобавок родственный ему теперь благодаря усыновлению) или кто-нибудь другой, кто

решился бы на это в интересах египтян ввиду известного предсказания, то его никто и не думал убивать[50].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ[51]

1. Затем Моисей, о рождении, воспитании и юности которого было сообщено вышеуказанным образом, доказал египтянам свою доблесть, равно как и то, что он родился для унижения их и для возвеличения евреев. Поводом к этому ему послужило следующее обстоятельство: эфиопы (соседи египтян) ворвались в их страну, похитили у них все имущество и угнали весь скот египтян. В ярости последние пошли на эфиопов походом, чтобы отомстить им за обиду, но, побежденные в битве, одни из них пали, другие же искали спасения в постыдном бегстве на родину. Эфиопы следовали за ними по пятам, считая трусостью не занять всего Египта, еще далее проникли в страну и, вкусив от тамошних благ, уже не хотели более от них отказаться. Напав поэтому сперва на пограничные области, которые не осмелились оказывать им сопротивление, они дошли до Мемфиса и до самого моря, причем ни один город не смог противостоять пред ними. Стесненные таким грустным оборотом дел, египтяне прибегли к вопрошанию оракулов и к прорицаниям. Бог их посоветовал им обратиться за помощью к евреям, и фараон потребовал у своей дочери выдачи Моисея, чтобы он послужил ему в качестве военачальника. Царевна предоставила Моисея отцу, заставив последнего поклясться, что юноша не подвергнется с его стороны никакому насилию; на эту просьбу о помощи она смотрела как на великое (оказываемое ею стране) благодеяние и стала упрекать жрецов, которые советовали убить Моисея, в том, что они теперь не стыдятся просить его о помощи.

2. Упрошенный Фермуфис и фараоном, Моисей усердно взялся за это дело. Равным образом радовались и ученые книжники обоих народов: египетские — тому, что теперь, когда они, благодаря доблести Моисея, победят врагов, им представится возможность избавиться и от него каким-нибудь коварным способом; еврейские — тому, что у них возникала надежда на освобождение от египтян под предводительством Моисея. Желая предупредить врагов раньше, чем

они могли бы узнать об его на них нападении, Моисей отправил против них войско не морским путем, но сухопутным. При этом он дал образчик своего изумительного ума. Дело в том, что путешествие по суше представляло большие затруднения ввиду множества змей. Их там страшное обилие, причем существуют и такие, которые в других местах нигде не водятся и отличаются силою, злокачественностью и безобразным видом; некоторые из них вдобавок обладают крыльями, так что не только могут оказать вред, крадучись по земле, но и, налетая сверху, нападать на людей, которые того совершенно не ожидают. И вот Моисей придумал для большей безопасности и спокойствия войска следующее удивительное средство: он велел приготовить плетеные коробки из тростника, наполнить их ибисами и взять с собою. Эти птицы очень враждебно относятся к змеям, которые быстро удаляются при их появлении, но, попавшись ибисам, налетающим на них с быстротою оленя, уносятся и пожираются последними. При этом ибисы легко приручаются, не изменяя своего отношения только к змеям. Впрочем, так как греки хорошо знакомы с этими птицами и их внешностью, я не буду здесь останавливаться на их описании. И вот, когда Моисей добрался до местности, где водятся змеи, он стал выпускать ибисов на змей и пользовался их борьбой, чтобы оградить свое войско. Совершая таким образом переход, Моисей нагрянул на эфиопов раньше, чем они могли предполагать это. Затем он сошелся с ними в бою, победил их и отнял у них всякую надежду на подчинение египтян. Немедленно за этим он двинулся на города эфиопские и при завладении ими произвел большую резню среди жителей. Увидев такое геройство Моисея и уже почувствовав его результаты, египетское войско перестало теперь страшиться всяких затруднений, так что для эфиопов оставался лишь печальный выбор между пленом или полнейшим разорением. Наконец они были оттиснуты в главный город Эфиопии Саву, который Камбиз впоследствии переименовал в честь своей родной сестры в Мероe[52], и подверглись здесь осаде. Это место было почти неприступно, так как с одной стороны его обтекал полукругом Нил, с другой же стороны две других реки, Астап и Аставор, своим течением отрезали наступающим доступ. Внутри же, на острове, находился самый город, окру-

женный крепкою стеною; и хотя реки служили ему достаточным оплотом против врагов, тут возвышались за стенами еще огромные искусственные валы, которые должны были служить более надежною защитою против напора воды при разливе и делали врагам взятие города крайне затруднительным, если бы им даже удалось переправиться через реки. И вот, пока Моисей с крайним неудовольствием видел тут бездействие своего войска (так как враги не решались вступить в бой), с ним случилось следующее происшествие. У эфиопского царя была дочь Фарбис. Видя, как близко Моисей подводит войско свое к стенам (города) и как он храбро сражается, и удивляясь его необычайно умелым распоряжениям, поняв, что благодаря ему египтяне, потерявшие было свою свободу, теперь снова ее себе вернули и пользуются таким успехом, тогда как столь гордившиеся своими удачами эфиопы стеснены и подвергаются крайней опасности, она воспылала безумною страстью к Моисею. Так как это чувство все более и более овладевало ею, она решилась послать к Моисею самых верных слуг своих для переговоров о браке. Когда он поставил условием для этого сдачу города и дал клятвенное обещание, что он, женившись на царевне и заняв город, не нарушит договоров, то тотчас же было приступлено к делу. Возблагодарив после покорения эфиопов Господа Бога, Моисей вступил в брак и повел египетское войско обратно на родину.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Те же, которые спаслись благодаря Моисею[53], почувствовали к нему еще большую ненависть и еще более страстно стремились привести в исполнение свои коварные намерения относительно него, так как боялись, что Моисей ввиду своего успеха задумает совершить государственный переворот в Египте. Ввиду этого они стали советовать царю убить его. Царь и сам по себе уже подумывал об этом, отчасти оттого, что завидовал военным удачам Моисея, отчасти же из страха быть свергнутым им. Когда же его к этому подстрекнули также и книжники, фараон окончательно решил избавиться от Моисея. Узнав заблаговременно об этом коварном замысле, последний, однако, тайно бежал, а так как все доро-

ги были оберегаемы стражею, то он направил путь свой по пустыне и таким местам, где он не рисковал попасться в руки врагам. И хотя он терпел недостаток в пище, он благодаря стойкости своего характера все-таки уходил, не обращая внимания на бедствия. Прибыв наконец к городу Мадиену, лежащему у Чермного моря[54] и носившему свое имя по одному из сыновей Аврама от Хетуры, он присел недалеко от города около ближайшего колодца, чтобы отдохнуть от усталости и изнурения. Дело было в полдень. Тут, благодаря тамошним обычаям, Моисею представился случай совершить деяние, которое обнаружило всю его добродетель и доставило ему возможность устроиться значительно лучше.

2. Так как в той местности чувствовался недостаток в воде, то пастухи наперерыв друг перед другом старались овладеть колодцами, чтобы стада не оставались без воды, если другие вычерпают ее раньше их. И вот к тому колодцу пришли семь девушек-сестер, дочери священнослужителя Рагуила, пользовавшегося большим почетом у тамошних жителей. Они стерегли стадо отца своего, так как это дело, по обычаю жителей Троглодиты, лежит также на обязанности женщин[55]. Придя раньше других к колодцу, они стали накачивать воду для своих стад в желоба, которые были сделаны для спуска влаги. Когда же затем появились пастухи и стали отгонять девушек, чтобы самим овладеть водою, Моисей счел позорным относиться хладнокровно к оскорблению девушек и дозволить, чтобы сила этих мужчин восторжествовала над нравом девушек; поэтому он оказал последним необходимую поддержку и отогнал желавших прибегнуть к насилию пастухов. Получив от Моисея такую поддержку, девушки возвратились к отцу своему, рассказали ему о насилии пастухов и о помощи со стороны чужестранца и просили вознаградить последнего за его добрый поступок, не откладывая этой благодарности. Рагуил сердечно отнесся к чувству благодарности дочерей своих, которое они питали к человеку, оказавшему им поддержку, и велел привести к себе Моисея, чтобы должным образом отблагодарить его. Когда Моисей явился, то старик сообщил ему, как дочери отнеслись к оказанной им помощи, а затем, выразив ему свою признательность за его доброе дело, сказал, что он оказал поддержку отнюдь не людям, которые могли бы безразлично отнестись к этому, но таким,

которые способны чувствовать благодарность и сумеют своей признательностью еще превзойти оказанную им услугу.

Затем он принял Моисея к себе в дом как сына и дал ему в жены одну из дочерей своих; вместе с тем он назначил его заведующим и хозяином всех стад своих (которые в древности у варваров составляли все их богатство)[56].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Будучи так хорошо принят Иофором (таково было прозвище Рагуила), Моисей остался у него пасти его стада. Спустя некоторое время он однажды погнал скот на гору Синай, которая выше всех тамошних вершин и представляла особенно хорошее пастбище, так как там росла отличная трава. Ввиду существования поверья, что тут обитает божество, травы этой не трогали и пастухи не решались вступать на эту гору. Тут Моисею представилось необычайное зрелище.

Терновый куст стоял весь в огне, причем пламя не касалось ни окружавшей его травы, ни цветов; также и зеленые ветви куста оставались невредимыми, хотя пламя было очень сильное и большое. Моисей испугался при виде этого необычайного зрелища, но был поражен еще более, когда услыхал раздавшийся из огня голос, назвавший его по имени и вступивший с ним в разговор. Тут Моисею была указана дерзость, с которой он решился вступить в местность, на которую раньше, вследствие ее святости, не дерзал вступать ни один смертный, и был дан совет отойти как можно дальше от пламени и, как богобоязненному человеку и потомку великих мужей, удовольствоваться виденным, а не стараться глубже проникнуть в смысл всего этого. При этом голос предсказал Моисею также его будущую славу и почести, которые он стяжает себе при помощи Господа Бога среди людей, и повелел ему смело вернуться в Египет, стать тут начальником и руководителем еврейской простонародной массы и освободить своих соплеменников от тех унизительных притеснений, которым они там подвергаются. «Ведь они будут населять ту счастливую страну, — продолжал раздаваться голос, — в которой жил предок ваш Аврам, и будут пользоваться всеми ее благами. Все это доставишь им ты своим умным руководительством». Когда же он выведет евреев из Египта, то ему

повелевается принести в этом самом месте благодарственную жертву. Так вещал голос из огня.

2. Пораженный всем виденным, а еще более услышанным предвещанием, Моисей сказал: «Не доверять могуществу Твоему, Господи, перед которым я преклоняюсь и которое Ты, как я знаю, явил нашим предкам, я считал бы безумием и несовместимым с моим рассудком. Тем не менее я недоумеваю, как мне, лицу частному и не пользующемуся никаким влиянием, уговорить моих соплеменников покинуть страну, которую они теперь населяют, и последовать за мною туда, куда я поведу их; далее, если бы мне даже удалось уговорить их к тому, то каким образом заставлю я фараона согласиться на такой исход людей, на трудах и работах которых египтяне основывают свое собственное благосостояние?»

3. Но Господь Бог посоветовал Моисею быть увереннее и обещал лично помочь, даровав ему, где нужно будет, красноречие, а где потребуется наглядный пример — соответствующую силу. При этом для большей убедительности Своего обещания Господь Бог повелел Моисею бросить на землю посох[57]. Когда он это сделал, то посох обратился в змею, которая стала извиваться спиралью, подняла голову, как бы готовясь защититься от нападающих, а затем опять обратилась в посох. После этого Господь Бог повелел Моисею сунуть правую руку за пазуху. Сделав это, Моисей вынул ее, и она была бела и похожа по цвету на известь, но потом опять обратилась в прежнее обычное свое состояние. Далее Господь приказал взять где-нибудь поблизости воды и вылить ее на землю, и он увидел, что вода обратилась в жидкость, похожую на кровь. Изумленного всем этим Моисея Господь убедил быть посмелее и верить в то, что Предвечный будет ему всегда его самым могущественным покровителем; «и ты будешь применять во всевозможных случаях эти чудеса для того, чтобы убедить людей, что ты послан Мною и совершаешь все сообразно Моему повелению. Итак, Я приказываю тебе без замедления поспешить в Египет, не отдыхать ни днем, ни ночью, чтобы потерею здесь времени не заставлять евреев еще дольше томиться в их рабстве».

4. Не имея причины не доверять тому, что возвестил ему Господь Бог, и лично увидев и услышав такие достоверные вещи, Моисей возблагодарил Предвечного и просил Его да-

ровать ему чудодейственную силу также и в Египте. При этом он умолял также Господа Бога не отказать ему сообщить Его собственное, настоящее, имя, чтобы он знал и Его, так как Предвечный уже удостоил его Своим разговором и лично показался ему. Тогда он при жертвоприношениях будет обращаться к Нему с подобающим Ему воззванием[58]. И Господь Бог раскрыл Моисею Свое настоящее, раньше людям неизвестное имя. Но говорить о нем я не смею[59].

Моисей же получил возможность совершать эти чудеса не только на данный случай, но и навсегда, когда в том представилась бы надобность. Все это его еще более убедило в истине божественного обещания из огненного куста и в необходимости полного упования на поддержку со стороны Господа Бога; он укрепился еще более в надежде на спасение своих соплеменников и на то, что Предвечный накажет египтян[60].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Узнав, что умер царь египетский, фараон, от которого он некогда бежал, Моисей стал просить у Рагуила разрешения вернуться в пользу своих соплеменников в Египет. Взяв затем жену свою Сапфору[61], дочь Рагуила, и сыновей своих от нее, Герсона и Елеазара, Моисей отправился в Египет. Что касается имен сыновей, то Герсон означает на еврейском языке, что он прибыл в чужую страну, Елеазар же — что он бежал от египтян при содействии родного своего Бога[62]. Недалеко от границы Египта, по повелению Господа Бога, встретился Моисею брат его Аарон, которому он тотчас сообщил все, приключившееся с ним на горе, а также поручения, данные ему Предвечным. Когда они совершили еще часть пути, то навстречу им вышли самые родовитые из евреев, которым было уже сообщено о прибытии Моисея. Когда последний рассказал и им о цели своего прибытия и они не хотели поверить словам его, то он убедил их представленными им чудесами. Пораженные этим неожиданным и невиданным зрелищем, евреи воспрянули духом и стали твердо надеяться, что Господь Бог позаботится об их спасении.

2. После того как Моисей таким образом уже успел склонить на свою сторону евреев, получил от них согласие на беспрекословное повиновение его приказаниям и увидел, что

они действительно жаждут свободы, он явился к царю[63], лишь недавно вступившему во власть, и стал излагать ему, какую услугу оказал он египтянам, когда те были унижены эфиопами и когда страна их подверглась разграблению, как он подвергал себя за них, как будто за родных своих единоплеменников, трудам и опасностям войны и как он за все это не получил от них должного воздаяния. Затем он подробно сообщил царю все, случившееся с ним на горе Синай, как говорил с ним Господь Бог и какие чудеса были явлены Им для подтверждения основательности повелений Его. Далее Моисей стал просить фараона отнестись с доверием ко всему этому и не противиться (столь явно выраженному) желанию Господа Бога.

3. Когда же царь начал глумиться над этим, Моисей на деле дал ему возможность своими глазами увидеть те чудеса, которые произошли на горе Синай. Однако царь рассердился и назвал его гнусным обманщиком, который бежал когда-то от египетского рабства, а теперь хитро обставил свое возвращение и пытается своими фокусами и магическими представлениями ввести людей в заблуждение. С этими словами он одновременно отдал приказ жрецам показать Моисею те же самые чудесные вещи, чтобы он убедился, что и в этой науке египтяне достаточно сведущи (и чтобы он не считал себя единственным обладателем такой божественной силы; он ведь показывает свои необычайные вещи лишь для того, чтобы заручиться доверием необразованного простонародья). Затем жрецы[64] бросили свои посохи на землю, и они обратились в змей. Моисей, однако, не смутился этим и сказал: «Я, царь, нисколько не умаляю египетской мудрости; но тем не менее я заявляю, что совершаемое здесь мною настолько же лучше и выше магических опытов этих людей, насколько отличны деяния Господа Бога от человеческих. Поэтому я сейчас покажу, что мои чудеса не фокусы и не только похожи на чудеса, но на самом деле совершаются по желанию и в силу могущества Господа Бога». С этими словами он бросил свой посох на землю, приказав ему обратиться в змею. Посох повиновался, набросился на посохи египетские, которые только казались змеями, и один за другим поел их все. Когда он затем принял опять свой обычный вид, Моисей поднял его.

4. Однако царь нисколько этим не был поражен, но рассердился еще более, сказал, что Моисей не добьется своим умением и ловкостью ничего от египтян, и повелел лицу, постановленному для надзора за евреями, не давать последним ни малейшего отдыха от работы, но притеснять их сильнее прежнего. Раньше надзиратель давал им солому для выделки кирпичей, а теперь прекратил и эту выдачу, так что днем заставлял их томиться над работой, а ночью собирать солому. И так как евреи очутились таким образом в вдвойне тягостном положении, то они стали упрекать Моисея как виновника того ухудшения, которое произошло в их бедственном положении. Последний же не пугался угроз царя и не поддавался жалобам евреев, но, вооружившись твердостью духа, решил подвергнуться любым испытаниям для того, чтобы доставить своим единоплеменникам свободу. Представ поэтому снова перед фараоном, он старался склонить его отпустить евреев к горе Синайской, для того чтобы они там могли совершить жертвоприношение Господу Богу, как это было повелено Предвечным, и убеждал царя не противиться воле Господней, но предпочесть исполнение Его желаний всему прочему и разрешить евреям исход; иначе, в случае запрещения, фараону придется приписать самому себе все то горе, которое неизбежно постигает всякого, противодействующего повелениям Господа Бога. Ведь на тех, кто навлекает на себя гнев Предвечного, отовсюду обрушиваются бедствия: земля и воздух становятся к ним во враждебные отношения, рождение детей перестает совершаться нормальным путем, все объявляет им войну и распрю. Все это придется испытать египтянам, говорил он, и тем не менее народ еврейский, хотя бы и против их желания, в конце концов все-таки покинет их страну[65].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Так как фараон глумился над словами Моисея и не думал придавать им серьезного значения, то египтян поразили ужасные бедствия. Последние я подробно опишу каждое в отдельности, отчасти потому, что постигшие египтян ужасы раньше не были испытаны ни одним народом, отчасти для того, чтобы показать, что решительно все предсказания Мо-

ися вполне оправдались, отчасти, наконец, оттого, что людям вообще полезно ознакомиться с этим и научиться избегать совершения таких поступков, какие позволили себе египтяне, — не оскорблять Господа Бога и не побуждать Его в гневе наказывать их злодеяния. Итак, по повелению Предвечного вода в реке обратилась в кровь, так что ее невозможно было пить; между тем у египтян не было другого источника влаги. При этом вода не только по цвету стала похожа на кровь, но и по качеству своему, так как у всех, кто пытался напиться ее, вызывала сильные боли и резь. Но таково было действие ее лишь по отношению к египтянам; для евреев же она оставалась сладкой и вполне для питья пригодной и нисколько не изменялась в своем составе. Это необычайное явление настолько подавило фараона, что он, боясь за участь народа, согласился на исход евреев. Но лишь только бедствие прекратилось, он снова отменил свое решение и отказался отпустить их.

2. Тогда Господь наслал на египтян второе бедствие, так как фараон не изменял своего мнения и не хотел образумиться даже после прекращения постигшего народ первого несчастья. Страну наводнило несчетное множество лягушек, которыми была переполнена и река, так что люди, бравшие воду, могли получить лишь жидкость, насыщенную остатками околевших в воде и заражавших ее таким образом животных. И вся страна была страшно загрязнена, так как лягушки рождались и околевали, и домашний обиход стал невозможен, потому что их находили в пище и в питье, и они прыгали по постелям. Вместе с тем повсюду распространялось невообразимо страшное зловоние от околевавших и разлагавшихся лягушек. Так как египтяне очень страдали от этого бедствия, то фараон велел Моисею и всем евреям покинуть страну. Лишь только было дано это приказание, как вся масса лягушек исчезла, и земля и река приняли обычный свой вид. Но не успела страна избавиться от этого бедствия, как фараон уже забыл о причине последнего, стал удерживать евреев и, как будто желая испытать еще гораздо больше неприятностей, окончательно запретил Моисею и его единоплеменникам исход, который он первоначально им разрешил, скорее, впрочем, из страха, чем по здравому рассуждению.

3. Тогда Господь Бог в воздаяние за его обман ответил

царю новой напастью. Во внутренностях египтян зародилось несчетное количество вшей, от которых мучители гибли в страшных страданиях, так как не были в состоянии избавиться от них ни омовениями, ни целебными мазями. Устрашившись этого отчаянного бедствия, боясь, как бы весь народ не погиб, и приняв в соображение весь позор такого рода гибели, фараон египетский отчасти пришел в сознание, был принужден внять голосу благоразумия и разрешил самим евреям исход, но вместе с тем, лишь только бедствие прекратилось, потребовал от них оставления жен и детей в качестве заложников. Но этим он возбудил против себя гнев Предвечного в еще большей степени, так как рассчитывал обмануть Провидение, как будто не Оно, а Моисей наказывал египтян за евреев. Поэтому страну наводнило множество различных раньше никем не виданных животных, от которых гибла масса народа и которые не давали земледельцам возможности обрабатывать поля, остававшиеся, таким образом, невозделанными. Если же кто и избегал смерти от них и оставался в живых, то погибал вскоре затем от болезни.

4. А так как фараон все-таки не хотел подчиниться желанию Господа Бога, но, разрешая женщинам уйти вместе с мужьями, требовал оставления в стране детей, то Предвечный не переставал наказывать его за его гнусность многоразличными новыми и более тяжелыми, чем раньше, бедствиями. Так, например, тела египтян покрылись страшными гнойными язвами, которые разрушали все внутренности; от этого погибло большое множество народа. Но так как и от этого бича фараон не образумился, то пошел такой крупный град, какого раньше никогда не было в Египте и какого не бывает в других местностях даже зимой; он был гораздо крупнее того, какой замечается в северных странах даже самой холодной зимой[66], так что он побил все плоды их. Затем на оставшиеся не тронутыми градом посевы набросилась саранча, и последние надежды египтян на какой бы то ни было урожай рушились.

5. Конечно, всякому другому, который, помимо злобы, не отличался бы также и безрассудством, указанных бедствий было бы вполне достаточно, чтобы прийти в себя и окончательно понять сущность положения вещей. Между тем фараон не столько от невежества, сколько из природной гнуснос-

ли добровольно отказывался от лучшей участи и сам вредил себе; хотя он понимал причину этих бедствий, он тем не менее противился Господу Богу. Правда, он позволил Моисею вывести из страны евреев с женами и детьми, но вместе с тем приказал им оставить свое имущество (в пользу египтян), так как имущество последних погибло (во время описанных бедствий). Когда же Моисей стал указывать на всю несправедливость этого требования (тем более что имущество было евреям необходимо хотя бы только для того, чтобы из него совершать жертвоприношения Господу Богу) и за переговорами об этом терялось понапрасну время, египтяне были внезапно окутаны плотной непроницаемой мглой, так что они перестали видеть что-либо, а также, будучи стеснены, вследствие густоты воздуха, в своем дыхании, должны были беспомощно умирать или постоянно бояться задохнуться от такого густого тумана. Когда наконец, по прошествии трех дней и стольких же ночей, мгла рассеялась, но фараон все еще не изменил своего решения относительно выхода евреев, Моисей явился к нему и сказал: «Доколе будешь ты противиться воле Господней? Предвечный ведь повелевает тебе отпустить евреев. Иначе вам (египтянам), если вы не послушаетесь Его, не избавиться от этих бедствий». В ярости от этих слов Моисея царь пригрозил ему отсечением головы, если он осмелится явиться к нему еще раз с подобными назойливыми приставаниями. На это Моисей ответил, что он более уже не будет попусту терять на этот счет слова, но что со временем сам фараон с главнейшими египетскими сановниками попросит евреев покинуть страну.

6. С этими словами он ушел от царя. Предвечный же, решив еще одним бедствием принудить египтян отпустить евреев, повелел Моисею заявить народу, чтобы он держал наготове жертвоприношения, приготовлялся с десятого до четырнадцатого дня месяца Ксанфика, который у египтян носит название Фармуфи, у евреев Нисан, а у македонян называется Ксанфиком, а затем выступал в поход, захватив с собой все необходимое. Моисей поэтому приготовил евреев к выступлению, распределил их по коленам и держал их вместе. Когда же наступило четырнадцатое число, то все, приготовясь к выступлению, совершили жертвоприношение, с помощью метелки окропили кровью жертвенных животных

дома свои, употребив для нее виссон, совершили жертвенную трапезу и сожгли остатки мяса, как будто собирались немедленно выступить в путь. Отсюда до сих пор еще у нас сохранился обычай жертвоприношения, который, как и связанный с ним праздник, мы называем Пасхой, что значит переход, потому что в тот вечер Господь Бог поразил египтян болезнью, но прошел мимо евреев и пощадил их. В ту ночь напала на все перворожденное у египтян чума, так что многие, жившие вблизи царского дворца, собрались к фараону и стали требовать от него, чтобы он отпустил евреев. И действительно, призвав Моисея, царь приказал ему вывести евреев из страны, так как предполагал, что если они уйдут, то и бедствия Египта прекратятся. Население сделало евреям даже подарки отчасти для того, чтобы тем ускорить исход их[67], отчасти же также на память о взаимных добрых соседских отношениях[68].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Таким образом евреи вышли из Египта, причем египтяне плакали и сожалели, что обходились дурно с ними. Они направили путь свой через Летополь, местность в то время пустынную, но где впоследствии, при нашествии на Египет Камбиза, был основан город Вавилон[69]. Так как они подвигались вперед быстро, то уже на третий день достигли Вельсефонта на Чермном море[70]. Но в этой пустынной стране, по которой они теперь проходили, им не удалось найти никаких съестных припасов, и они должны были поэтому удовольствоваться хлебом, наскоро приготовляемым из муки и воды и лишь немного пропеченным. Этой пищей они питались тридцать дней, потому что на более продолжительное время им не хватало взятых из Египта припасов; притом им приходилось в высшей степени экономно обходиться с этой пищей, пользуясь ею только в крайнем случае и лишь для того, чтобы кое-как насытиться. Отсюда, в воспоминание тогдашней нужды, мы празднуем восьмидневный праздник, называющийся «временем опресноков»[71]. Все количество народа, ушедшего из Египта вместе с женщинами и детьми, не поддавалось счету; одних мужчин, достигших возраста, в котором можно было носить оружие, было шестьсот тысяч.

2. Покинули они Египет в месяце Ксанфике, на пятнадцатый день по обновлении луны, четыреста тридцать лет спустя после прихода праотца нашего Аврама в Хананею и двести пятнадцать лет после переселения Иакова в Египет. Моисею тогда было уже восемьдесят лет, а брат его Аарон был тремя годами старше его. При выходе из Египта они захватили с собою также и бренные останки Иосифа, сообразно повелению, которое последний некогда дал сыновьям своим[72].

3. Между тем египтяне вскоре раскаялись в том, что дали евреям возможность уйти, и так как особенно фараон был расстроен этим, приписывая все случившееся обманному волшебству Моисея, то было решено пуститься за евреями в погоню. Взяв оружие и приготовившись к походу, египтяне приступили к преследованию, чтобы вернуть евреев назад, если бы удалось настичь их. При этом египтяне были того мнения, что раз евреям было разрешено оставить Египет, они теперь уже более не будут молиться Господу Богу своему, а так как евреи безоружны и утомлены путешествием, то рассчитывали справиться с ними без особенного затруднения. Спрашивая поэтому у всех встречных, куда направились евреи, они быстро подвигались вперед, хотя эта страна и представляла не только для целого войска, но и для отдельного одинокого путешественника огромные трудности. Моисей же преднамеренно повел евреев именно по этому пути, для того чтобы египтяне, если бы вздумали изменить свое решение и захотели бы пуститься в погоню, подверглись заслуженному наказанию за такую гнусность и нарушение данного слова. С другой же стороны, он хотел по возможности скрыть свой уход от палестинцев[73], так как эти были издавна во вражде с евреями, а страна их близко примыкала к границам Египта. Поэтому-то он и не повел народ свой по прямому пути в Палестину, но, выбрав более продолжительный и трудный путь по пустыне, рассчитывал вторгнуться в Хананею, тем более что и Господь Бог повелел повести евреев к горе Синаю, чтобы там совершить жертвоприношение. Настигнув наконец евреев, египтяне построились в боевой порядок и благодаря своей огромной численности стеснили их на небольшом пространстве, что было тем легче, что у египтян было двести тысяч тяжеловооруженных, за которыми следовали шестьсот колесниц и пятьдесят тысяч всадников.

И вот они отрезали все пути, по которым, по их расчетам, могли бы бежать евреи, и заключили последних между недоступными скалами и морем. Дело в том, что к самому морю (в том месте) подходит совершенно недоступная, почти отвесная гора, мешающая какому бы то ни было бегству. Таким образом египтяне замкнули евреев в пространстве между горой и войском и заняли своим лагерем выход отсюда на открытую равнину.

4. Так как евреи не обладали необходимыми съестными припасами, чтобы выдержать такого рода осаду, и не видели возможности бегства, да и, кроме того, если бы и захотели сражаться, совершенно не располагали нужным для того оружием, то им приходилось либо оставить всякую надежду на спасение, либо добровольно сдаться египтянам. И вот они, забыв о всех необычайных явлениях, ниспосланных им Господом Богом для того, чтобы вернуть им свободу, стали обвинять в своем несчастье Моисея и дошли в своем недоверии до того, что хотели даже побить камнями пророка, который их довел до этого, хотя возвещал им спасение; вместе с тем они решили сдаться египтянам. Велик был плач и вопль женщин и детей, видевших пред собой верную гибель, так как они были заключены между горой и морем и не было никакой возможности бежать куда бы то ни было.

5. Но хотя народ был так возбужден против него, Моисей все-таки не переставал заботиться о нем и не отчаивался в помощи Господа Бога, который ведь уже и раньше для достижения свободы даровал им все, сообразно обещанию своему, и теперь не допустит до того, чтобы враги одолели их и отвели назад в рабство или на погибель. Поэтому, войдя в толпу народную, Моисей обратился к ней со следующими словами: «Было бы несправедливо с вашей стороны, если бы вы стали не доверять людям, которые до сих пор отлично вели дела ваши, и если бы стали полагать, что они будут в будущем держаться к вам другого образа действий. Величайшим же безумием было бы теперь отчаиваться вам в помощи Господа Бога, от которого вы достигли всего того, что Он чрез меня обещал вам сделать в смысле вашего спасения и освобождения от рабства, даже без того, чтобы вы на это сами рассчитывали. Напротив, чем больше вы стеснены, тем более вам следует надеяться на помощь от Господа Бога, который и

теперь поставил вас в столь затруднительное положение для того лишь, чтобы вас самих, уже ниоткуда не рассчитывающих на спасение, и притом неожиданно для врагов, избавить от этого бедствия и тем проявить, с одной стороны, свою силу, а с другой — показать вам свою о вас заботливость. Ведь Божество являет свою поддержку тем, к кому Оно благоволит, не в малых делах, но в тех случаях, когда видит, что люди потеряли уже всякую надежду на улучшение своего действительно бедственного положения. Поэтому доверьтесь такому мощному Покровителю, который в силах сделать из малого большое и который может обратить в ничто и сделать бессильным даже такое количество людей (как египетское войско); не пугайтесь ратного ополчения египтян и не отчаивайтесь в своем спасении только оттого, что море и гора видимо лишают вас возможности бегства: если пожелает Господь Бог, то и горы обратятся для вас в равнины и море в сушу»[74].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Сказав это, Моисей повел евреев на глазах египтян к морю. Последние не теряли евреев из виду, но так как были утомлены тягостями погони, то сочли уместным отложить решительный бой до следующего дня. Когда же Моисей достиг берега моря, то схватил свой посох и стал взывать к Господу Богу о помощи и покровительстве следующими словами: «Ты Сам, Господи, знаешь, что не в силах человека или по присущему последнему уму выпутаться из настоящего стесненного положения нашего. Но в Твоих силах явить теперь уже полное спасение этому народу, который по Твоему желанию покинул Египет. Мы сами потеряли всякую надежду на то, чтобы собственными силами спастись, и можем ныне прибегнуть единственно к Тебе и с ожиданием взираем на Твое Провидение, которое одно сможет спасти нас от гнева египтян. Яви и скорее покажи нам могущество Свое и внуши народу, который в полном отчаянии и готов впасть в ужаснейшие крайности, бодрость и уверенность в спасении. Мы же не находимся в столь бедственном положении, из которого Ты не был бы в состоянии выручить нас: Твое ведь море, Твои отрезающие нам выход горы и по Твоему повелению они раздвинутся; Ты можешь заставить море обратиться в

сушу, и мы могли бы умчаться отсюда по воздуху, если бы Тебе заблагорассудилось явить нам спасение таким образом».

2. Вознеся эти молитвы, Моисей ударил посохом по морю, которое от этого удара раздвинулось и, отступив перед евреями, дало им возможность удалиться по сухому пути. Усматривая в этом явную милость Господа Бога и видя, что море сдвинулось для них с своего собственного места, Моисей первый вступил туда и приказал евреям следовать за собой по устроенному самим Предвечным пути, позволяя им радоваться той опасности, которой подвергались теперь враги, и повелев благодарить Господа Бога, явившего столь неожиданный путь к спасению.

3. Так как народ не задумывался и быстро следовал, уповая на Господа Бога, за Моисеем, то египтяне сперва подумали, что евреи потеряли рассудок, идя на очевидную гибель. Когда же они увидели, что евреи без вреда прошли значительное расстояние, не встретив на пути своем ни препятствий, ни затруднений, они решили броситься за ними в погоню, рассчитывая на то, что и пред ними расступится море. И вот они стали спускаться в него, послав вперед конницу. Пока же египтяне еще вооружались и теряли за этим время, евреи успели благополучно добраться до противоположного берега. Это последнее обстоятельство вызвало в египтянах еще больше решимости продолжать погоню, так как они рассчитывали пройти так же свободно (по морю); но при этом они совершенно упускали из виду, что путь этот был создан только для евреев, а не вообще для всех, кто вздумал бы ступить на него, что он возник только для того, чтобы послужить к спасению людей, находившихся в крайней опасности, но не для того, чтобы им могли воспользоваться желавшие гибели евреев. И вот, когда все египетское войско находилось в самой середине моря, последнее вновь сомкнулось, и вздувшиеся от ветров волны всею силою своею рушились обратно на египтян и нахлынули на них. В то же самое время с неба потекли потоки дождя, раздались раскаты грома, и частые молнии засверкали по небу в разных направлениях. Одним словом, тут было все, чего бы Господь Бог в гневе ни насылал на людей; к тому же густой непроницаемый мрак охватил египтян. И таким образом последние все до единого погибли, так что не оставалось даже лица, которое могло бы возве-

стить остальным (жителям Египта) о постигшем войско бедствии.

4. Евреи не были в состоянии удержаться от радости при виде своего чудесного спасения и гибели врагов и были теперь твердо убеждены в том, что они отныне будут свободны, так как притеснявшие и державшие их в рабстве люди были уничтожены, а Господь Бог таким очевидным образом покровительствовал им. И так как они сами избежали теперь опасности, да вдобавок враги их подверглись неслыханному до тех пор и никому раньше не известному наказанию, то они всю ночь провели в веселье и песнях. Моисей же сложил хвалебный шестистопный в честь Предвечного гимн, в котором он прославлял и благодарил Господа Бога за явленную милость[75].

5. Все это я рассказал совершенно так, как нашел (записанным) в священных книгах. И пусть никто не изумляется необычайности рассказа, если для древних людей, которые были гораздо менее испорчены (нынешних), нашелся, либо по желанию Господа Бога, либо само собою, путь спасения даже в море. Ведь вовсе не так давно Памфилийское море[76] также отступило перед войском македонского царя Александра, которое не имело другого пути, и дало ему возможность пройти, потому что Предвечный решил положить конец владычеству персов. С этим согласны все историки, описавшие деяния Александра. Впрочем, на этот счет каждый может иметь свое собственное мнение.

6. Когда на следующий день течением и силой ветра было прибито к месту стоянки евреев оружие египтян, то Моисей и в этом усмотрел перст Божий, дабы евреи не оставались безоружными, собрал его и вооружил им народ. Затем он повел его к горе Синайской, чтобы принести там благодарственные жертвоприношения Господу Богу за спасение народа, как это ему было повелено раньше.

Книга третья

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как Моисей повел народ свой из Египта к горе Синайской и сколь большие бедствия претерпел народ этот в пути.

2. Как амалекитяне напали в союзе с соседними племенами на евреев и как они были отбиты с большим для себя уроном.

3. Как Моисея нашел в пустыне его тесть Иофр.

4. Как Иофр посоветовал Моисею распределить до тех пор неразделенный народ на тысячи и сотни под командой отдельных предводителей и как Моисей послушался этого совета.

5. Как Моисей поднялся на гору Синайскую, принял от Господа Бога Закон и преподал его евреям.

6. О сооруженной Моисеем в пустыне в честь Господа Бога Скинии, подобной храму.

7. О том, какое облачение было назначено священнослужителям и первосвященнику, что было определено относительно жертвоприношений и праздников и как праздновались последние.

8. Как Моисей отошел от Синая, как он довел народ до границы страны Хананейской и как он отправил разведчиков для осмотра этой страны и ее городов.

9. Как разведчики вернулись после сорокадневной отлучки и заявили, что евреям не справиться с хананеянами и их многочисленными военными силами; как народ пал от этого духом и в отчаянии своем чуть не побил Моисея камнями; как народ затем решил вернуться в рабство к египтянам.

10. Как ввиду всего этого Моисей заявил евреям, что Господь Бог в гневе продолжает им срок пребывания в пустыне до сорока лет и что они теперь не вернутся в Египет, но и не овладеют Ханааном.

Вся книга обнимает период в два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Несмотря на то, что евреи были спасены таким чудесным образом, они все-таки вскоре опять сильно упали духом во время своего путешествия к горе Синайской, так как страна, по которой им приходилось идти, была совершенно пустынна и не доставляла им ничего необходимого для поддержания жизни; тут ощущался крайний недостаток в воде, так

что не только не могло быть и речи о каких-либо удобствах для людей, но и не было никакой возможности доставить скоту необходимое ему пастбище. Страна эта представляет сплошную песчаную пустыню без малейшего признака оазиса, где могло бы произрастать что-либо. Тем не менее евреи по необходимости шли по этой местности, не имея другого пути (к Синаю). Правда, по приказанию своего вождя они брали с собой воду из тех пунктов пути, где таковая находилась, но, когда этот запас истощился, им приходилось с большими вследствие сухости почвы трудностями рыть колодцы и таким путем добывать влагу; но она, если им удавалось находить ее, была в большинстве случаев горька и непригодна для питья; к тому же ее было всегда очень немного.

Совершая таким образом путь свой, они к вечеру прибыли в Мар[1], местность, так названную ими за дурное качество воды (*Мар* значит «горечь»), и решили тут остаться, потому что были очень утомлены продолжительностью путешествия и недостатком в съестных припасах, которые к тому времени также оказались совершенно израсходованными. К тому же тут находился и колодезь (это и послужило главною побудительною причиною к тому, чтобы сделать здесь привал), который хотя и не был в состоянии удовлетворить потребности такого огромного количества людей, тем не менее все-таки несколько освежил и ободрил их тем, что они нашли его даже в такой местности; от высланных же вперед разведчиков они узнали, что поблизости они более уже не найдут никакой влаги. Однако и эта вода оказалась горькою и непригодною для питья, и притом не только для людей, но и для скота.

2. Когда Моисей заметил уныние народа и то, что тут словами не поможешь (ведь он имел дело не с дисциплинированным войском, которое было бы в состоянии противопоставить тягости стесненного положения свою храбрость, но, напротив, вся бодрость мужчин пропадала при виде толпы детей и женщин, конечно, слишком слабых, чтобы поддаться словесным убеждениям), то он увидел себя в крайне тягостном положении, потому что чувствовал общее бедствие так, как будто бы оно постигло его одного, и это тем более что ни к кому другому, а лишь к нему одному прибегали с мольбою женщины за детей, а мужчины за женщин, чтобы он

подумал о них и нашел какое-нибудь средство к спасению. Тогда Моисей обратился с молитвой к Господу Богу, прося Его обратить эту непригодную воду в хорошую и возможную для питья. Когда Предвечный обещал явить ему и эту милость, Моисей взял кусок дерева, случайно валявшийся у него под ногами, расколол его вдоль и, бросив его в воду, стал уверять евреев, что Господь Бог внял его молитвам и обещал дать им такую воду, какую они желают, если только они немедленно и беспрекословно подчинятся Его приказаниям. Когда же народ его спросил, что им делать, чтобы качество воды улучшилось, Моисей приказал самым сильным мужчинам вычерпывать воду, уверяя, что, когда большая часть колодца будет опорожнена, остальное станет пригодно для питья. Мужчины принялись за работу, и приведенная частыми движениями в чистый вид вода стала наконец пригодной для употребления[2].

3. Двинувшись отсюда, евреи прибыли в Элин, местность, которая, вследствие имевшихся там пальм, издали казалась очень заманчивой, но вблизи оказалась никуда не годной. Дело в том, что все эти пальмы, которых было никак не более семидесяти, были очень низкого роста и тощи вследствие недостатка воды, так как вся окрестность и здесь представляла песчаную пустыню, и из тех ключей, которых тут было всего двенадцать, почва не могла в достаточной степени орошаться. Родников и, следовательно, влаги было слишком мало, и если разрывали песок, то не находили ее совсем. Если же случайно и попадалась какая-нибудь вода, то она оказывалась по мутности своей совершенно непригодной. Поэтому-то ввиду полного недостатка воды и деревья оказывались бессильными произвести какие бы то ни было плоды[3]. И вот народ стал опять обвинять вождя своего и укорять его, взваливая на него все испытываемое им теперь горе и все лишения, которым он его подвергает. Дело в том, что за свое тридцатидневное странствование народ съел все захваченные с собой припасы, а так как он на пути не встретил ничего, то был близок к полному отчаянию. Думая только о своем настоящем бедственном положении и совершенно позабыв о той поддержке, которую уже неоднократно оказывал им Господь Бог, равно как о доблести и мудрости Моисея, евреи рассвирепели против своего вождя и уже приготовились по-

бить его камнями, как главного виновника их теперешнего бедствия.

4. Хотя народная масса была так возбуждена и столь враждебно настроена против него, Моисей в уповании на Господа Бога и на то, что он лично всегда имел в виду лишь благо своих соплеменников, стал посреди них, несмотря на весь крик их и на то, что они уже держали в руках наготове камни. Так как он отличался внешностью, которая сразу привлекала к нему каждого, и, кроме того, обладал даром убедительно говорить с народом, то он начал с того, что стал успокаивать их, убеждая не забывать, ввиду настоящих своих мытарств, прежних благодеяний Господа Бога, не упускать в теперешнем затруднительном своем положении из виду прежних великих и неожиданных проявлений Его к ним благоволения и поддержки и, наконец, быть в твердой уверенности, что Он, по милости Своей, освободит их и из этого бедственного положения: по всему вероятию, Господь Бог лишь испытывает теперь их мужество, чтобы узнать, насколько в них стойкости и насколько им памятны еще прежде явленные чудеса или в какой степени они позабыли о них ввиду теперешнего своего стесненного положения. Между тем оказывается, что они люди нехорошие ни в смысле своей стойкости, ни в смысле памятования всех удач своих, так как они в такой мере недоверчиво относятся к Господу Богу и Его решениям, в силу которых им удалось покинуть Египет, и так как они столь гнусно держат себя относительно слути Предвечного: ведь слуга этот не обманул их ни в чем, что приказывал им делать по повелению самого Господа Бога. Затем Моисей стал перечислять им все, чем они обязаны Предвечному: как погибли египтяне, решившиеся против воли Господней держать их в рабстве; каким образом одна и та же река обратилась для египтян в кровь и вода ее стала для них непригодною, тогда как для евреев продолжала оставаться сладкою и удобною для питья; как само море, очень далеко отступив перед ними, дало им новый путь, по которому они спаслись, между тем как то же море затопило бросившихся за ними в погоню неприятелей; как при отсутствии у них оружия Господь Бог снабдил их и этим, как Он во многих случаях, когда евреи, казалось, уже окончательно были обречены на погибель, неожиданно спасал их и каково должно быть, следо-

вательно, всемогущество Предвечного. Поэтому они и теперь не смеют отчаиваться в Его покровительстве, но должны терпеливо и без волнения ожидать его, памятуя, что помощь эта никогда не опаздывает, хотя она и не является раньше, чем они испытают некоторое бедствие. Им следует также принять во внимание, что Господь медлит со Своей помощью не по забывчивости, но для испытания их мужества и их любви к свободе, чтобы узнать, в достаточной ли мере вы порядочны, чтобы ради этой свободы терпеть недостаток в пище и питье, или предпочитаете быть в рабстве, подобно скоту у хозяев, которые держат и охотно кормят его, чтобы пользоваться его трудом. Наконец, Моисей сказал еще, что он вовсе не беспокоится за свою личную безопасность (потому что для него вовсе не будет таким ужасным несчастьем, если его несправедливо убьют), но боится за них, как бы Предвечный не счел их за безбожников, если они побьют его камнями.

5. Таким образом Моисей понемногу успокоил их, удержал их от того, чтобы побить его камнями, и вызвал в них раскаяние в поступке, который они собирались совершить. Но, так как он был того мнения, что они доведены до такого исступления лишь крайностью своего положения, Моисей решил прибегнуть к молитве и обратиться за помощью к Господу Богу. Поэтому он взошел на высокую скалу и вознес к Предвечному молитву, в которой просил о поддержке народу и облегчении его нужды (ведь в Нем одном только все спасение народа) и молил простить народу то, что он теперь совершил в своем смятении, так как род человеческий по природе своей в несчастье всегда бывает нетерпелив и склонен к выражению своего неудовольствия. И Господь Бог возвестил Моисею, что Он позаботится (о евреях) и явит им желанную помощь. Услышав от Предвечного такое обещание, Моисей спустился к народу. И когда последний увидал его радостное возбуждение от обещания Господня, то и их подавленное настроение заменилось весельем. Став среди народа, Моисей возвестил ему, что явился от Господа Бога с освобождением от гнетущих народ бедствий. И действительно, спустя немного времени из-за моря прилетело множество перепелок (эта порода птиц водится более других у Аравийского залива);[4] а так как они были в одно и то же время

очень утомлены от перелета, да перепелки и вообще летают ниже других птиц, то они спустились на землю как раз среди еврейского стана. Народ же, видя в них ниспосланную самим Господом Богом пищу, ловил этих птиц и утолял ими свой голод. Тогда Моисей обратился снова уже с благодарственною молитвою к Предвечному за быстрое оказание обещанной помощи.

6. Немедленно же после этого первого доставления пищи Господь Бог послал евреям еще другое. Именно, когда Моисей поднял руки свои к небу для молитвы, на них упало нечто вроде росы. Так как оно оставалось на руках, то Моисей, предполагая и в этом пищу, ниспосланную от Господа Бога, отведал от нее и с радостью убедился, что не ошибся. Но так как народ был в недоумении, считая, что идет снег, как то бывает в зимнее время года, то Моисей объяснил ему, что это вовсе не роса падает с неба на гибель им, но пища для спасения их. Для большей убедительности он дал им отведать этого небесного дара и сам подал им пример. Народ последовал примеру своего вождя и обрадовался новой пище, потому что она была похожа по сладости и приятности своей на мед, по виду своему походила на бделлий, а по величине — на зерна кориандра[5]. Тотчас все принялись усердно собирать эту пищу. Тут же было повелено, чтобы каждый собирал ежедневно ровно ассарон (это известная мера[6]), тогда у евреев не будет недостатка в пище и равным образом слабосильным будет дана возможность собирать также для себя, а более сильные не смогут отнимать у слабых их пищу. Впрочем, те, кто хотел собрать более положенного количества, не облегчали себе тем своей задачи, потому что никто не находил более одного ассарона. Впрочем, и от того запаса, который сохранялся некоторыми до следующего дня, никому не было никакой пользы, так как пища портилась от червей и приобретала горечь. Вот какой необыкновенной была эта ниспосланная Господом Богом пища. При этом те, кто ею обладал, не нуждались уже ни в какой другой. Впрочем, еще и поныне вся та местность изобилует этим продуктом, после того как тогда Предвечный ниспослал его Моисею в пищу народу. Евреи называют его манною, потому что слово μαν представляет на нашем языке вопрос, значащий: «Что это такое?» Евреи могли наслаждаться этой пищею, ниспосланною им с неба, еще

продолжительное время, так как они пользовались ею в продолжение всех тех сорока лет, которые они провели в пустыне.

7. Когда евреи, выступив отсюда, прибыли в Рафидин[7], то страдания их от жажды достигли крайних пределов, потому что они встретили на пути своем лишь немного источников, а теперь попали в местность совершенно безводную. Поэтому они снова очутились в бедственном положении, и опять среди них возникло неудовольствие против Моисея. Последний на короткое время скрылся от взоров рассвирепевшей толпы и обратился с молитвою к Господу Богу, умоляя Его даровать и теперь народу и питье, подобно тому как Он ниспослал ему в опасную минуту пищу, так как без воды последнее благодеяние теряет свое значение. Предвечный не замедлил опять явить Свое милосердие и обещал указать Моисею источник и большое обилие воды там, где народ того и не ожидает. Затем Он повелел Моисею ударить посохом по той скале, которую они видят перед собою, и тогда они с избытком получат то, в чем нуждаются; пусть они при этом обратят внимание на то обстоятельство, что эта вода достается им без всякого с их стороны труда и без малейшего к тому усилия. Получив такое утешительное обещание от Господа Бога, Моисей предстал перед народом, с ожиданием на него взиравшим: люди успели уже заметить, как быстро он спускался к ним с утеса. Как только он был между ними, он сообщил им, что Господь избавит их и от этого бедственного положения и в милости Своей явит им спасение, на которое они никак не рассчитывали; что Он заставит для них потечь из скалы реку. Услышав эти слова, они были в большом недоумении и смущенно спрашивали, неужели им, утомленным путешествием и изнемогающим от жажды, придется разбивать скалу. Но Моисей ударил по ней посохом; она раздалась, и из нее обильно истекла самая свежая и прозрачная вода. Народ был так поражен необычайностью совершившегося перед его глазами чуда, что одного вида воды уже было довольно, чтобы утолить их жажду; когда же люди напились освежительной и сладкой влаги, тогда только они поняли всю прелесть этого дара Божия. На Моисея, как на любимца Предвечного, они стали теперь, конечно, взирать с удивлением, а Господу Богу они принесли благодарственные жертвы

за Его к ним милостивую заботливость. Помещающееся в (нашем) храме Св. Писание сообщает о том, что Господь Бог предсказал Моисею о таковом появлении воды из скалы[8].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Так как молва о евреях успела распространиться уже далеко и о них много говорили, то жителей страны обуял немалый страх, и, обменявшись друг с другом сведениями, они решили оказать евреям сопротивление и попытаться совершенно уничтожить их. Особенно усердно к этому побуждали жители Говолиты и Каменистой (Аравии)[9], носившие название амалекитян, самые воинственные из тамошних племен. Цари их приглашали друг друга, равно как и соседей, принять участие в войне с евреями, указывая на то, что евреи представляют из себя чужеземное войско, бежавшее из-под ига египтян и теперь идущее на них. «Войском этим, — говорили они, — нам пренебрегать не следует, но раньше, чем оно окрепнет и усилит свое могущество и, не встречая с нашей стороны сопротивления, само решится вступить с нами в бой, представляется наиболее основательным и благоразумным побить его и отомстить ему за то, что сделало оно в пустыне, а не дожидаться, пока евреи овладеют нашими городами и нашим имуществом. Те, кто с самого начала старается сокрушить еще только возникающую силу врагов, поступают благоразумнее тех, которые собираются подавить эту силу, когда она успеет уже развиться. В последнем случае приходится бороться с преимуществом врагов, тогда как в первом с самого начала можно не допускать никаких этих преимуществ». Передавая путем посольств соседям своим подобные рассуждения и распространяя их среди собственного народа, они достигли того, что было решено идти войной на евреев.

2. Моисея, который никак не ожидал неприязненных отношений, эти действия туземного населения крайне смутили и расстроили. И когда враги приготовились к битве и настал опасный момент, народ еврейский обуяло полное замешательство, потому что приходилось сражаться с людьми прекрасно вооруженными, тогда как у них самих ощущался крайний недостаток даже в наиболее необходимом (оружии).

Тогда Моисей начал увещевать их и ободрять, приглашая положиться на волю Господню: последняя вернула им свободу, она же даст им возможность победить тех, кто вступает с ними в бой, оспаривая эту самую свободу. Им следует принять во внимание, что войско их многочисленно и в достаточной мере снабжено оружием, деньгами, пищей и всем тем, в уповании на что люди обыкновенно вступают в бой, так как в лице Господа Бога евреи имеют все это. Между тем силы противников ничтожны, безоружны и слабы, так что Господь Бог не даст им в таком положении, в каком их видит, победить евреев. Ведь евреи столь часто и в более серьезных положениях, чем эта война, успевали убедиться, какого покровителя имеют они в лице Предвечного; ведь воевать им придется теперь лишь с людьми, тогда как раньше, когда им приходилось бороться с голодом и жаждой, когда горы и моря отрезали им всякий путь к отступлению, им удавалось одолеть и такие преграды благодаря милостивой помощи со стороны Господа Бога. Пусть они поэтому теперь как можно смелее вступают в бой, так как в победе над врагами заключается для них источник всевозможного благополучия.

3. Такими словами Моисей старался ободрить народ; затем созвал всех старейшин и начальников отдельных отрядов и приказал младшим беспрекословно повиноваться повелениям старших, а последним слушаться вождя. Теперь все смело смотрели в глаза опасности и были готовы на все, так как надеялись освободиться раз и навсегда от всевозможных бедствий. Поэтому они просили Моисея не медлить и тотчас вести их на врагов, чтобы отсрочка не охладила их рвения. Тогда Моисей выделил из всей массы народной все военные силы и поставил начальником над ними Иисуса, сына Навина, из колена Ефремова, человека весьма храброго, способного переносить всякие тягости, крайне рассудительного и красноречивого, который отличался глубоким благочестием, так как в этом деле наставником его был сам Моисей, и потому пользовался большим уважением среди евреев. Небольшому отряду тяжеловооруженных поручил он охрану воды, детей, женщин и вообще всего стана. Затем в продолжение всей ночи войско готовилось к битве, поправляло оружие, которое имело какие-либо изъяны, и собиралось вокруг своих начальников, чтобы по данному Моисеем знаку немедлен-

но вступить в бой. И Моисей, в свою очередь, не спал, так как давал указания Иисусу насчет расположения войска в боевом порядке. Когда же начало светать, он еще раз просил Иисуса не обмануть возлагаемой на него в этом деле надежды и своими распоряжениями в сегодняшний день своего начальствования стяжать себе славу в глазах всего войска. Затем он убеждал в этом самых выдающихся евреев, каждого в отдельности, и наконец ободрил все войско во всей его совокупности. Подготовив таким образом воинов к бою не только путем увещеваний, но и снабдив их всем нужным в деле оружием, Моисей поднялся на гору и поручил войско Господу Богу и Иисусу.

4. И вот оба войска сошлись и вступили в отчаянный рукопашный бой, в котором бились очень храбро, постоянно побуждая к тому друг друга. И пока Моисей воздымал руки свои к небу и держал их вверх, евреи побеждали амалекитян. Но так как он не был в состоянии долго пребывать в таком тяжелом положении (а между тем всякий раз, как он опускал руки, его войска терпели урон), то он повелел брату своему Аарону и Ору, мужу сестры своей Мариаммы, стать с обеих сторон рядом с ним и поддерживать его руки, чтобы он не мог переставать оказывать таким образом поддержку своему войску. Ввиду этого евреи совершенно разбили амалекитян, которые, наверно, погибли бы все, если бы наступление ночи не положило предела резне. Таким образом предки наши весьма кстати одержали славнейшую победу, единовременно разбив напавших на них врагов и нагнав страх на всех окрестных жителей; при этом им достались в награду за труды и лишения значительные и прекрасные богатства: они захватили лагерь врагов, и им, которые раньше нуждались даже в самой необходимой пище, теперь удалось завладеть, всем вообще и каждому в отдельности, крупными богатствами. Этот бой принес им не только минутную пользу, но был причиной прекрасных последствий и на дальнейшее время, так как они не только физически отразили напавших на них врагов, но покорили их себе и нравственно, нагнав поражением амалекитян большой страх на все жившие в той местности туземные племена. Сами же они (как было уже упомянуто) сильно обогатились, потому что захватили в лагере массу серебра, золота и медной посуды для домашнего обихода, рав-

ным образом множество чеканной серебряной и золотой монеты, тканой материи, ковров и оружия, всякого другого имущества и скарба, а также все количество всевозможного скота, какой обыкновенно всегда следует за лагерем. Кроме того, евреи стали мужественнее, и вообще в их доблести произошла значительная перемена к лучшему; теперь они всегда были готовы подвергать себя всевозможным трудностям, понимая, что трудом можно добыть все, чего желаешь.

5. Таков был результат этой битвы. На следующий день Моисей приказал снять доспехи с павших врагов и собрать оружие, брошенное бежавшими неприятелями. Тем (из евреев), которые отличились особенной храбростью, он роздал почетные награды, а военачальника Иисуса удостоил публичной похвальной речи, свидетельствовавшей о совершенных им на глазах у всего войска доблестных подвигах. Из евреев никто не пал в битве, неприятелей же — столько, что их нельзя было и сосчитать. Для принесения благодарственной жертвы Моисей приказал воздвигнуть алтарь и, назвав Господа Бога Богом-Победителем, предсказал, что все амалекитяне погибнут окончательно и что из них не уцелеет на будущее время ни один за то, что они напали на евреев, когда те находились в пустыне в особенно стесненном положении. Для войска же Моисей устроил пиршество.

Такова была первая война евреев, которую им пришлось вести с неприятелями по выходе своем из Египта. После того как войско справило свой победный праздник, Моисей дал ему отдохнуть ближайшие несколько дней после битвы и затем повел евреев вперед уже в боевом порядке. Но так как вследствие массы багажа они могли подвигаться очень медленно, то Моисей достиг лишь на третий месяц по выступлении из Египта горы Синайской, где, как мы уже раньше сообщили, с ним случились необычайные происшествия с терновником и прочие чудеса[10].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Узнав об успехах Моисея, тесть его Рагуил радостно выехал к нему навстречу, чтобы приветствовать его, Сапфору и детей их. Моисей также обрадовался прибытию своего тестя и, совершив жертвоприношение, устроил для народа угоще-

ние вблизи того тернового куста, который когда-то уцелел в огне. И весь народ, распределясь по коленам, принял участие в этом пире, Аарон же с родственниками своими и Рагуилом стали петь хвалебные гимны в честь Господа Бога за оказанную поддержку и за то, что Он явил себя виновником и дарователем их свободы. Равным образом они прославляли и вождя своего, благодаря доблести которого все им так отлично удалось. Рагуил, выражая свою признательность Моисею, сказал много похвального также по адресу всего народа, но главным образом он выразил свое удивление Моисею, проявившему столько мужества в деле спасения своих друзей[11].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. На следующий день Рагуил заметил, что Моисей завален делом (потому что он сам разрешал все споры между тяжущимися, так как все являлись к нему и тогда только никто не считал себя обиженным, если тот лично разбирал дело; даже когда люди проигрывали дело, то им казалось это легче, если все происходило по строгому праву, чем если они приписывали такой исход произвольному решению). Тогда Рагуил не сказал ничего, не желая мешать людям, обращавшимся за справедливостью к доблестному вождю своему; но когда толпа (просителей) ушла, шум умолк и он остался с Моисеем наедине, он решился дать последнему совет, как следует поступать (при таких обстоятельствах). Совет этот сводился к тому, чтобы предоставить разрешение мелких дел другим лицам, тогда как разбор более серьезных случаев и общая забота о благе всего народа должны были лежать на самом Моисее: судить найдутся среди евреев и другие почтенные лица, тогда как заботиться о благе стольких десятков тысяч людей не сможет никто иной, кроме Моисея. «Зная сам о своих заслугах, — заметил Рагуил, — которые проявил ты в деле спасения народа, служа Господу Богу, поручи другим или самим тяжущимся разрешение их обыденных житейских споров, сам же ты посвяти себя исключительно служению Предвечному и обрати все заботы свои на изыскание средств к тому, чтобы выручать народ из бедственных положений. Воспользуйся моим предложением, сделай точный смотр и исчисление войска и, разделив его на десятки тысяч и на ты-

сячи, назначь над ними начальников. Затем подраздели войска на отряды в пятьсот, сто, пятьдесят, тридцать, двадцать и десять человек и отдай каждое из этих подразделений под команду одного выборного начальника, который и будет именоваться сообразно численности порученного ему отряда. Те же лица, которые пользуются у народа репутацией добросовестных и справедливых людей, пусть будут судьями в их тяжбах; если же возникнет более серьезное дело, то таковое они передадут тем, кто занимает более высокое общественное положение; если же и эти затруднятся решением вопроса, то они могут снестись с тобою. Таким образом результат получится вдвойне благоприятный: евреи будут наслаждаться правосудием, ты же сам сможешь посвятить себя всецело служению Господу Богу и еще более располагать Его к благоволению по отношению ко всему народу».

2. Этот совет Рагуила Моисей принял охотно и поступил сообразно его указанию. Впрочем, он никоим образом не приписывал себе чести изобретения этого нововведения, не скрывал, кто виновник его, но охотно сообщил народу имя лица, нашедшего это средство. В сочинениях своих он также назвал Рагуила автором указанного распределения (еврейского народа), так как считал необходимым свидетельствовать всю истину о лицах достойных, тем более что человеку пишущему делает честь упоминание и чужих открытий. Таким образом, перед нами еще один пример благородства Моисея, причем мы попутно в других местах этого сочинения укажем еще и на другие подобные примеры[12].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Созвав народ, Моисей объявил ему, что пока он уйдет на гору Синайскую для общения с Господом Богом, а затем вернется обратно с тем решением Предвечного, какого он от Него удостоится[13]. Народ между тем должен расположиться станом вблизи горы и свято чтить соседство Божества. С этими словами Моисей отправился на Синай, самую высокую гору в той местности. Благодаря своей чрезмерной величине и крутым склонам возвышенность эта не только является недоступной людям, но даже, если смотреть на нее, вызывает страшное ощущение; а так как к тому же существовало

предание, что тут пребывает Божество, то гора эта вызывала священный ужас и никто не дерзал приблизиться к ней.

Сообразно повелению Моисея, евреи расположились станом у подошвы горы и были в радостном возбуждении при мысли, что Моисей вернется к ним назад с наилучшими известиями и предвещанием всевозможных благ от Господа Бога. В ожидании вождя своего они находились в праздничном настроении, совершали всевозможные очищения и по приказанию Моисея воздерживались в продолжение трех дней от общения с женами своими. В то же время они молили Господа Бога явить Свое милосердие Моисею и даровать ему средство, которое могло бы утвердить их благополучие. Себе же они разрешили более обильное и изысканное питание и вместе с женами своими и детьми облеклись в наилучшие и красивейшие свои одежды.

2. Таким образом провели они в праздничном настроении два дня. На третий же день, еще до восхода солнца, над всем станом евреев поднялось густое облако, какого они раньше никогда не видали, и окутало всю местность, где были расположены их палатки. И в то время, как вся остальная местность кругом была залита солнечным светом, вдруг поднялись ужасные вихри с сильнейшим проливным дождем, засверкали молнии, вызывая трепет в зрителях, и раздавшиеся грозные громовые удары указали на близость Божества и на то, что Оно вступило в милостивое общение с Моисеем. Пусть всякий читатель составит об этом сам себе свое личное мнение: мое дело рассказать обо всем том так, как о том повествуется в наших священных книгах. Это зрелище в связи со страшным громом повергло евреев в ужас и трепет, потому что они не привыкли к подобным явлениям, да к тому же и распространенное мнение, что на эту гору снисходит сам Господь Бог, сильно возбуждало их расстроенное воображение. Поэтому они печально сидели в своих палатках, считая Моисея погибшим от гнева Господня и ожидая и себе подобной же участи.

3. И пока они находились в таком удрученном состоянии, вдруг явился к ним Моисей, веселый и бодрый, и такой вид его сразу рассеял в них весь страх и возбудил в них наилучшие надежды, тем более что недавно еще столь ужасная погода сменилась с появлением Моисея солнечным сиянием и све-

том. Затем Моисей созвал весь народ в собрание для того, чтобы внять повелениям Господа Бога. Когда все были в сборе, он взошел на высокое место, откуда все могли его услышать, и сказал: «Евреи! Подобно тому, как и раньше, Господь Бог милостиво отнесся ко мне и Он сам теперь между вами, в стане, для того, чтобы устроить вашу жизнь наилучшим образом и преподать вам правильное государственное устройство. Поэтому, во имя Его и тех благодеяний, которые Он успел уже явить нам, умоляю вас, не отвергайте того, что я скажу вам теперь, отнеситесь к этому с должным вниманием и уважением, потому что я говорю с вами ныне не от лица моего, но от имени Господа Бога. Итак, приняв во внимание все значение этих слов, постарайтесь понять все величие Того, Кто говорит с вами и Кто не пренебрег вступить со мною в сношение ради вашего же блага. Ведь при моем посредстве удостаивает вас теперь своей речи не Моисей, сын Амарама и Иохаведы, но Тот, Кто ради вас заставил Нил течь кровью и сокрушил гордыню египтян многоразличными бедствиями; Кто указал вам путь через море; Кто сниспослал вам, когда вы были в нужде, пищу с неба; Кто даровал из скалы воду жаждущим; волею Которого Адам стал пользоваться плодами земли и произведениями моря; при помощи Которого Ной избежал погибели во время потопа; милость Которого даровала нашему предку, бездомному скитальцу Аврааму, Хананейскую землю и благодаря Которому родился Исаак у своих престарелых родителей; по воле Которого Иаков был благословен двенадцатью доблестными сыновьями и по благости Которого Иосиф стал властвовать над всею землею египетскою. Пусть повеления Его будут для вас священны и драгоценнее ваших детей и жен. Следуя этим повелениям, вы будете счастливы в жизни, будете пользоваться плодородной почвой, тихим морем, дети у вас будут рождаться отличные, и вы будете наводить страх на врагов ваших; вступив в непосредственные сношения с самим Господом Богом, я лично слышал Его беспредельно могучий голос. Настолько Предвечный заботится о вашем спасении и сохранении вашего рода».

4. Сказав это, Моисей повел весь народ вместе с детьми и женщинами вперед для того, чтобы все сами могли услышать слова Предвечного, с которыми Он обратился к ним с настав-

лениями, и для того, чтобы значение этих слов не умалилось, если бы они были переданы им голосом человека. И вот все услышали глас, снисходивший с вершины горы[14], так что все точно могли себе усвоить те десять повелений, которые Моисей оставил записанными на двух скрижалях. Впрочем, так как я не смею сообщить эти заповеди дословно, то я передам их общее содержание[15].

5. Итак, первая заповедь учит нас тому, что Господь Бог един и что только Ему следует поклоняться. Вторая запрещает делать изображения живых существ и почитать их; третья — клясться всуе именем Господа Бога; четвертая повелевает чтить субботу и воздерживаться в продолжение ее от всякой работы; пятая — почитать родителей своих, шестая — воздерживаться от убийства; седьмая — не прелюбодействовать; восьмая — не красть; девятая — не лжесвидетельствовать; десятая — не домогаться никакой чужой собственности.

6. Когда народ услышал от самого Господа Бога подтверждение того, что сообщил уже Моисей, то в великой радости разошелся по домам; в продолжение следующих дней евреи часто являлись в палатку Моисея с просьбой сообщить им еще и другие законы от Господа Бога. Законы эти Моисей сообщал, давая наставления, каким образом следует на будущее время устроить весь жизненный обиход; но об этом я упомяну в своем месте. Разбор большинства этих законоположений я, впрочем, предприму в другом сочинении, в котором собираюсь специально трактовать о них[16].

7. В таком положении было дело, когда Моисей сообщил евреям, что он вновь отправится на гору Синайскую, и действительно он совершил подъем этот на их глазах. А так как время шло (он был в отсутствии уже сорок дней), то страх обуял евреев, не случилось ли с Моисеем какого-нибудь несчастья; а между тем все приключившиеся с ними бедствия не испугали бы и не опечалили бы их в такой степени, в какой удручала их мысль о возможности гибели Моисея. И вот среди евреев возникло разногласие: одни уверяли, что он погиб, будучи растерзан дикими зверьми (особенно держались такого мнения все те, кто был враждебно настроен против Моисея), другие же полагали, что он отошел к Господу Богу. Более же разумные, которые не испытывали ни малей-

шей личной удовлетворенности как от той, так и от другой возможности, оставались довольно равнодушными к этим словопрениям, так как считали вполне справедливым, ввиду безусловной добродетели Моисея, чтобы он был принят Господом Богом на небо, хотя бы он на земле и разделил участь многих людей и был растерзан дикими зверьми. Но они были глубоко опечалены при мысли, что лишились такого руководителя и заступника, какого им уже более не найти, и поскольку им казалось невозможным предполагать, что с таким достойным человеком случилось несчастье, постольку они, однако, не могли не печалиться и не убиваться. Но ввиду того, что Моисей повелел им оставаться здесь, они все-таки не дерзали покинуть это место стоянки.

8. Когда наконец прошло сорок дней и столько же ночей, явился к ним и Моисей, который не принимал за все это время никакой пищи, как это свойственно людям. Появление его наполнило народ радостью. Затем он разъяснил евреям, как печется о них Господь Бог, сообщил, что за эти дни он удостоился откровения, каким образом им следует устроить быт свой, чтобы жить счастливо, и объявил какой Скинии желает себе Предвечный, куда Он мог бы сходить и где мог бы находиться среди них: «Для того чтобы мы, переходя с одного места на другое, были в состоянии брать ее с собой и нам не нужно было подниматься на Синай, так как Предвечный сам будет посещать нашу Скинию и там внимать нашим молитвам». При этом Моисей показал народу две скрижали, на которых были начертаны десять заповедей, по пяти на каждой. Сама рука Господня начертала их[17].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Когда евреи увидели скрижали и услышали это от вождя своего, они очень обрадовались и не щадили рвения и сил, доставляя ему серебро, золото, медь, лучшее дерево, не поддававшееся гниению от сырости, козьи шкуры и шерстяные ткани, отчасти окрашенные в фиолетовый, отчасти в пурпуровый цвет, другие были ярко-красного, последние, наконец, совершенно белого цвета. Равным образом народ приносил сырую шерсть соответственной окраски и чистое полотно, драгоценные камни в дорогих оправах, которыми обыкно-

венно люди пользуются как самым дорогим украшением, и, наконец, множество благовонных трав. Из такого материала Моисей соорудил Скинию, которая ничем не отличалась от переносного и походного храма. И вот, когда народ с таким рвением доставлял для этого сооружения необходимый материал и каждый старался превзойти в обилии своих пожертвований всех прочих, Моисей, по повелению Господа Бога, назначил для постройки архитекторов, которых выбрал бы и сам народ, если бы ему предоставлено было это право. Имена их (записанные в Св. Писании) были следующие: Веселеиил, сын Ури, из колена Иудова, племянник вождя по его сестре Мариамме, и Елиав, сын Исамаха, из колена Дана. Народ же настолько ревностно способствовал осуществлению предприятия, что Моисею пришлось остановить его, заявив, что, по мнению строителей, наличного материала вполне достаточно. Затем было приступлено к сооружению самой Скинии. Моисей сам, по указанию Господа Бога, указывал размеры всякой вещи и определял число необходимых для жертвоприношений сосудов. Также и женщины старались по мере сил о снабжении храма облачениями для священнослужителей и всем прочим, что было необходимо для украшения Скинии и для богослужения в ней.

2. Когда все это было заготовлено, золото, серебро, медь и ткани, Моисей назначил празднество с жертвоприношениями сообразно средствам каждого и велел воздвигнуть Скинию. Сперва он вымерил место в пятьдесят локтей ширины и сто в длину для двора. Затем он велел поставить медные столбы в пять локтей вышины, по двадцати с каждой продольной стороны и десять на задней поперечной. У каждого из этих столбов были наверху кольца, серебряные капители и золотые подножия наподобие оснований копий, а нижние медные концы столбов были вогнаны в землю. К кольцам были прикреплены канаты, привязанные другим концом к медным в локоть длины клиньям, которые были вбиты в землю снаружи против каждого столба и имели назначение защитить Скинию от напора сильных ветров. Между всеми этими колоннами тянулись занавесы из самого мягкого виссона, спускаясь тяжелыми складками от капителей до самого низа столбов. Занавесы эти, совершенно как стена, окружали и замыкали все пространство двора. Так были устроены

три стороны этой ограды. На четвертой же стороне, имевшей также пятьдесят локтей в длину и представлявшей фас всего сооружения, открывалось пространство в двадцать локтей для входа, по краям которого возвышались две колонны наподобие портала, сплошь покрытые кованым серебром, исключая оснований, которые были сделаны из меди. Между этими пилонами же стояли три колонны, вогнанные в землю в одинаковом друг от друга и от пилонов расстоянии. Между всеми ними тянулась завеса из виссона. Вход закрывался от одного пилона до другого ковром длиною в двадцать, а шириною в пять локтей[18], который был сделан из пурпура, красно-фиолетовой шерсти и виссона и на котором были вытканы различные и самые разнообразные узоры, отнюдь, однако, не напоминавшие изображений живых существ. За входом же (во дворе) помещался медный большой сосуд на медном же подножии; из него священнослужители совершали омовения рук и ног. Таким образом была устроена ограда двора, самую же Скинию Моисей воздвиг посредине двора[19], обратив ее лицевой стороной к востоку, для того чтобы лучи восходящего солнца раньше всего могли проникать внутрь ее[20]. Длиною Скиния была в тридцать, шириною же в десять локтей. Одна (боковая) стена ее была обращена к югу, другая к северу, а задняя к западу. Возвышалась Скиния на такую же высоту, насколько она раздавалась в ширину. Каждую продольную стену составляли двадцать деревянных четырехугольных столбов, шириною в полтора локтя каждый, толщиною в четыре пальца[21]. Как изнутри, так и с наружной стороны столбы эти были покрыты коваными золотыми листами. На конце каждого столба было по два клина, пропускавшихся через два серебряных подножия со специально для этих клиньев сделанными отверстиями[22]. Столбов, образовывавших западную сторону, было шесть, и все они примыкали друг к другу и к крайним боковым с помощью вполне точных надрезов и скреплений; так что выходила сплошная стена, изнутри и снаружи обитая золотом. Число боковых столбов было точно рассчитано и с каждой стороны одинаковое, именно по двадцати, которые в общей совокупности заполняли собой пространство в тридцать локтей, потому что ширина каждого столба представляла третью часть четырех с половиной аршин[23]. По краям задней же стены, состоявшей из шести

столбов в десять локтей общей ширины, воздвигли еще по одному столбу в пол-аршина ширины, которые были устроены совершенно так же, как и все прочие планки. Каждый из столбов имел с наружной стороны золотые кольца, выступавшие по одной линии как бы из общего корня и своими отверстиями все обращенные в одну сторону. Пропущенные через них золоченые шесты, каждый по пяти локтей в длину[24], представляли связь между планками, и каждый шест скреплялся на концах с продолжением своим с помощью выступа, искусно сделанного наподобие винта. По задней стене шел поверх всех столбов неразрывной линией один общий засов, который соединялся под прямым углом также с затворами боковых стен, так что конец одного затвора плотно входил в соответственно ему вырезанное отверстие другого[25]. Все это устройство имело назначение оградить Скинию от напора ветров и других несчастий, а также дать ей возможность невредимо выдержать всякую непогоду.

3. Разделив внутренность Скинии на три части, Моисей поставил в расстоянии десяти локтей от задней стены четыре колонны, сделанные наподобие всех остальных столбов и покоившиеся на таких же основаниях, причем промежуток между этими колоннами был самый незначительный. Помещение за этими колоннами до задней стены представляло Святая Святых, тогда как остальное пространство Скинии было открыто доступу священнослужителей. Такое распределение Скинии знаменовало собою изображение всего мироздания: третья часть ее, которая отделялась четырьмя колоннами и в которую был запрещен доступ священнослужителям, изображала небо, как местопребывание Господа Бога, остальное же пространство в двадцать локтей было открыто для одних священнослужителей наподобие того, как земля и море доступны человеку. По фронту здания, где находился вход в него, были воздвигнуты покоившиеся на медных подножиях золотые колонны числом пять. Скиния была покрыта коврами из виссона с вытканными пурпуровыми, фиолетовыми и красными узорами. Первый ковер представлял квадрат, стороны которого имели длину в десять локтей каждая; он покрывал заднюю часть Скинии вплоть до тех колонн, которые отделяли переднюю часть святилища от Святая Святых, так что внутренность последнего оставалась со-

вершенно незримою. Все сооружение носило название святилища, а место за четырьмя колоннами, куда был запрещен доступ, называлось Святая Святых.

4. Чудно украшена многоразличными, самыми разнообразными изображениями цветов, какие только производит земля, и всякими другими узорами, исключая изображений живых существ, была завеса, разделявшая обе части храма. Другая же завеса, совершенно схожая с этой как по величине, так и по узору и цвету, была устроена между пятью колоннами входа и, будучи прикреплена сбоку каждой колонны, доходила от вершины последней лишь до середины столбов, так что остальное пространство внизу служило входом для священнослужителей. Поверх этой завесы тянулась еще холщовая, одинаковой с ней величины, которую можно было с помощью шнуров раздвигать в обе стороны; к шнурам и ткани были приделаны кольца, при помощи которых можно было раздвигать и собирать по углам (входа) эту завесу, для того чтобы открывался, особенно в торжественные дни, вид вовнутрь святилища. По другим же дням и особенно в непогоду вход плотно закрывался задернутым вытканным занавесом. Отсюда и у нас возник обычай при построении храма устраивать такого же рода завесы у входа. Кроме того, имелось еще десять других ковров, шириною каждый по четыре локтя, а длиною в двадцать восемь, с золотыми застежками, которыми они привязывались так плотно друг к другу, что казались состоящими из одной сплошной массы. Их настилали поверх святилища, и они настолько закрывали также обе боковые и заднюю стены, что свешивались поверх земли еще на один локоть. Кроме того, были еще другие ковры, одинаковой с этими ширины, но числом на один больше и несколько длиннее, так как длина каждого из них составляла тридцать локтей. Они были сотканы из козьей шерсти, но так же тонко, как и первые, и спускались до самой земли. Над входом они образовывали как бы фронтон или навес; для этого предназначался одиннадцатый ковер. Наконец, поверх всех этих ковров лежали еще другие, сделанные из кожи[26], служа защитою и покровом тканым коврам от палящего зноя или проливного дождя. Кто издали смотрел на это сооружение, невольно поражался, потому что все это сверкало и переливалось так, как сверкает сияющее, ясное небо.

Покровы, сделанные из козьей шерсти и из кож, также спускались над входной завесой, защищая и ее от зноя и проливных дождей.

5. Таким образом была сооружена Скиния. Для Господа Бога был затем воздвигнут кивот из прочного не поддающегося гниению дерева, которое на нашем языке носит название «эрон»[27]. Устройство же самого кивота было следующее: длина его обнимала пять спифамов[28], ширина и вышина но три спифама. Весь он был как снаружи, так и изнутри окован золотом, так что совсем не видно было дерева. Сверху же кивот имел удивительной работы золотую крышку, прикрепленную к нему золотыми же винтами, которая совершенно ровно покрывала кивот, ни в одной части не выступая над ним и не нарушая такими выдающимися углами симметрии всего сооружения. У каждой из более длинных стен кивота выступали золотые кольца, проходившие насквозь дерева; в них у каждой (продольной) стенки кивота были пропущены позолоченные (деревянные) шесты, при помощи которых можно было в случае необходимости переносить кивот;[29] дело в том, что последний доставлялся с места на место не на повозках, но его носили священнослужители. На крышке кивота были сооружены две фигуры; евреи называют их херувимами, и они имеют вид крылатых существ, нисколько, однако, не похожих на те создания, которых видим мы летающими по воздуху[30]. Моисей уверял, что он видел такие существа изображенными на троне Господа Бога. В этот кивот он положил те две скрижали, на которых были начертаны десять заповедей, по пяти на скрижали, причем на каждой стороне было записано по две с половиною[31], а самый кивот поместил в Святая Святых.

6. В святилище[32] Моисей поместил стол, похожий на те, которые находятся в дельфийском храме; длина его была в два локтя, ширина в один локоть, а вышина в три спифама. У этого стола ножки были в нижней половине своей изящно выточены и походили на те подставки, на которые дорийцы обыкновенно кладут ложа. На этом подножии лежала искусно сделанная четырехугольная доска, которая была окружена со всех сторон ободком величиной в человеческую руку кверху и книзу. У каждой ножки было приделано по кольцу под самой крышкой стола, и сквозь эти кольца продевались

золоченые шесты из вышеупомянутого отличного дерева; их нельзя было вынимать, потому что они не проходили насквозь под столом, а упирались концами в углубления, из которых одно было сделано в самой доске стола, а другие в каждой из его ножек. С помощью этих шестов стол переносился во время путешествий. На этом столе, который помещался в святилище с северной стороны, невдалеке от Святая Святых, были разложены друг против друга рядами по шести штук двенадцать опресноков, выпеченных из двух ассаронов (эта мера у евреев равняется семи аттическим котилам)[33] самой чистой и лучшей муки. На эти хлебы (предложения) насыпался из двух золотых чаш фимиам[34], и эти хлебы заменялись новыми по прошествии каждой недели, в день, называемый нами субботним, так как седьмой день именуется у нас Sabbat. О причине этого обычая мы скажем в другом месте[35].

7. Напротив этого стола, ближе к южной стене, был поставлен золотой светильник чеканной работы, внутри пустой, весивший сто мин, что евреи обозначают словом «кинхар», а в переводе на греческий язык это передается через талант[36]. Он состоял из круглых трубок, шаровидных лилий, изображений гранатовых яблок и чашечек, числом до семидесяти, которые все исходили из одного общего основания и возвышались кверху, образуя такое количество ветвей, сколько существует планет вместе с солнцем, именно семь чашечек, расположенных по одной линии (на одинаковой высоте) друг против друга. На этих чашках помещалось семь лампочек, тоже по числу планет. Так как светильник был поставлен наискось, то и лампочки были обращены к востоку и югу.

8. Как раз между светильником и столом помещался алтарь для сожжения жертв, из такого же точно дерева, из какого, как я упомянул уже, были сделаны и все раньше описанные предметы. Дерево это не могло поддаваться гниению, и вдобавок оно было покрыто плотною (золотою) бронею. Каждая сторона поверхности этого алтаря имела локоть длины, а вышиною весь он был вдвое больше. На нем помещался золотой очаг, окруженный с каждой стороны по краям венкообразным возвышением, сделанным тоже из золота. К этому борту были прикреплены также кольца и шесты, с помощью которых алтарь несли священнослужители во вре-

мя путешествий. Кроме того, перед Скинией был воздвигнут еще медный жертвенник, подножие которого было деревянное. Каждая сторона его имела пять локтей в длину и три в вышину, и он был так же украшен, как и золоченый алтарь, именно кованой медной броней; под очагом тянулась медная сеть, и так как под жертвенником было пустое пространство, то уголья падали через эту сетку на землю. Против этого алтаря стояли: чаша для возлияния, сосуды, кадила и плошки, сделанные из золота; все прочие, нужные для священнодействий приборы были медные. Таково было устройство Скинии со всеми ее принадлежностями[37].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Для священнослужителей были сделаны особые облачения, притом одни для всех тех, которые носят название хаанеев, и особенное для первосвященника, именующегося аравархом, что означает архиерея. Общее для всех прочих священнослужителей облачение было следующее: всякий раз, как иерей приступал к богослужению, он очищался сообразно ритуальному постановлению и затем для начала надевал так называемый менахасен[38], что означает повязку и представляет сделанные из сученого виссона панталоны для нижней части тела; их и надевали на ноги как панталоны, и они доходили до половины тела, оканчиваясь у бедер, над которыми они крепко стягивались.

2. Поверх этой одежды священник носил льняное облачение из двойного тонкого виссона, которое называлось хефоменою, что значит «льняная одежда», так как лен у нас называется хефоном[39]. Эта одежда представляла из себя плотно прилегавший к телу и доходивший до конца ног хитон с узкими, облегавшими руки рукавами. Его стягивали под грудью поясом, охватывавшим тело, шириной в четыре пальца. Пояс этот был так тонко выткан, что казался сделанным из кожи змеи, так как в нем были вытканы всевозможные пестревшие красным, пурпуровым и фиолетовым отливом узоры. Основа же его состояла из чистого виссона. Пояс этот, начинаясь вблизи груди, около которой он несколько раз обвивался, спускался затем оттуда до низа ног. Иерей носил его в виде прелестного украшения до тех пор, пока не присту-

пал к богослужению. Когда же приходилось приносить жертву или служить, то он откидывал концы пояса на левое плечо, чтобы они не мешали ему при отправлении его обязанностей. Моисей назвал пояс этот аванифом[40], мы же именуем его по-вавилонски емианом, как его называют в Вавилонии. Упомянутый хитон не имеет пазухи, но оставляет шею и верхнюю часть груди открытыми, причем прикрепляется к обоим плечам шнурами, идущими от передней и задней обшивки его верхних краев. (Эта верхняя часть хитона) называется массавазаном[41].

3. На голове у иерея убор в форме усеченного конуса, который покрывает не всю голову, но несколько более половины ее. Убор этот называется маснаемфом[42] и похож на венок, так как плотно скручен из тканой льняной материи и состоит из частых стеганых и затем сшитых складок. Сверху к этой шапке прикрепляется вуаль, которая обматывается вокруг него и спускается до глаз, скрывая швы головного убора и все, что могло бы казаться в нем неизящным. Это покрывало плотно охватывает голову. Весь этот убор так крепко сидит на голове священнослужителя, что не может с него свалиться во время богослужения. Итак, мы описали устройство облачения обыкновенных иереев.

4. Первосвященник же облачается так же, как и последние, так как надевает на себя решительно все те же части, о которых мы только что рассказали. Но сверх того он надевает еще пурпурно-фиолетовый хитон, который также доходит до пят. На нашем языке риза эта называется меиром;[43] она охватывается поясом такого же рисунка, как мы показали выше, только в этот пояс вотканы еще золотые узоры. К подолу этого облачения пришиты кисти, похожие по виду и цвету на гранаты, а также, для большего изящества, золотые колокольчики таким образом, что между двумя кистями приходится по колокольчику, а между двумя колокольчиками по кисти. Хитон этот не состоит из двух отдельных кусков материи, которые были бы сшиты на плечах и с боков, но по всей длине своей соткан из одного куска, не имеет наверху широкого поперечного разреза, но снабжен продольным от груди до половины спины отверстием, края которого обшиты для большей красоты каймою. Равным образом хитон этот имеет разрезы в тех местах, где продеваются руки.

5. Сверх этих облачений первосвященник надевает еще третью ризу, носящую название ефуда[44] и похожую на греческий наплечник. Устройство ее следующее: она состоит из вытканной разноцветными с золотом узорами материи длиной в локоть, спускается до середины груди, снабжена рукавами и общим видом напоминает хитон. На остающейся незакрытой этим облачением части груди находится величиною в спифам кусок материи, украшенный золотыми и такого же цвета узорами, как и ефуд. Он носит название ессена, чему на греческом языке соответствует слово Λογιον, то есть[45] оракул, и вполне закрывает собой то место груди, которое остается открытым от ефуда. К ефуду этот нагрудник прикрепляется при помощи устроенных на каждом углу его золотых колец, которым на ефуде соответствуют также кольца, соединяющиеся с первым фиолетовым шнуром, проходящим через них. А для того чтобы сквозь отверстия колец ничего не просвечивало, под них подложены полоски фиолетово-пурпуровой ткани. Ефуд сдерживается на плечах двумя сардониксами, которые оправлены в золотые ободы, устроенные в форме удобно замыкающихся браслетов. На этих камнях вырезаны еврейскими буквами имена сыновей Иакова, по шести на каждом из камней, причем имена старших помещаются на правом плече. Также на нагруднике помещаются двенадцать удивительной величины и красоты драгоценных камней, которые представляют украшение столь значительной ценности, что частный человек не был бы в состоянии приобрести себе таковое. Эти камни крепко вделаны в ткань четырьмя рядами по три в ряд. Каждый из камней вделан в золотую оправу, концы которой проникают в ткань, так что они не могут вывалиться. Первый ряд камней состоит из сардоникса, топаза и смарагда; второй — из рубина, яшмы и сапфира; третий — из яхонта, аметиста и агата; в четвертом, наконец, первое место занимает хризолит, затем идет оникс, а замыкается ряд бериллом[46]. На всех этих камнях выгравированы имена сыновей Иакова, которых мы считаем родоначальниками отдельных колен наших, причем на каждом камне помещается по одному в последовательном порядке рождения носителей этих имен. Но так как маленькие кольца слишком слабы, чтобы выдержать тяжесть всех этих камней, то в ткань нагрудника вделаны еще другие два кольца по-

больше, именно в том месте каймы, где она подступает к шее. Через эти кольца пропущены кованые цепочки, которые идут к золотым филигранной работы брошкам на предплечьях. Концы этих цепочек тянутся через плечо и снизу прикрепляются к кольцам, имеющимся на нижней кайме ефуда, так что благодаря этому последний прикреплен совершенно плотно и не может сдвигаться с места. К ефуду примыкает пояс, тканный из той же материи с золотом и такого же цвета, как я уже говорил раньше. Он охватывает все тело, стягивается в месте своего шва, и концы его свешиваются вниз. Каждый конец его украшен кистями, состоящими из цельных золотых трубочек.

6. У первосвященника был такой же головной убор, как и у прочих священнослужителей, но поверх этого убора у него был еще другой, сделанный из узорчатой фиолетовой ткани. Вокруг него идет золотой тройной кованый венок, на котором сверкает золотая чашечка, похожая на цветок растения, которое у нас называется сахарным стручком, а у греческих знатоков ботаники именуется hyoskyamos. Для тех, кто хотя и видел это растение, все-таки не запомнил его формы или же, будучи знаком с ним понаслышке, сам не видал его, я здесь дам его описание. Растение это часто достигает высоты более трех спифамов, имеет корень, похожий на свекловичный (это будет сравнением особенно удачным), и листья, похожие на листья эвзомы. На концах стеблей выступают почки, обтянутые кожицей, само собой раздвигающейся при появлении плода. Такая почка величиной в сустав мизинца и по округленности своей напоминает чашу. Впрочем, я и ее опишу подробнее для лиц, незнакомых с этим растением. Представляя полукруг, она примыкает нижним круглым концом к стеблю, от которого поднимается, образуя закругление; затем середина ее вновь несколько сплющена красивым изгибом, который кверху опять расходится для того, чтобы образовать по краям складки, подобные тем, которые представляет срезанный гранат. Над этим покоится другой полукруг и притом такой правильной формы, что его можно принять за выточенный; по нему тянутся те складки цветка, которые я сравнил со складками граната. Они похожи на шипы терновника и оканчиваются тонкими, крайне острыми иглами. Под этим покровом покоится плод, занимающий

все пространство внутри чашечки и похожий на семена растения sideritis, которое имеет цветок, близко по виду подходящий к плоду мака. На этот (описанный мной) цветок похож металлический венчик (на шапке первосвященника), по крайней мере в задней его части от темени до обоих висков; над лицом же находится не эта ephielis, как называется украшение, но золотая бляха, на которой вырезано священное имя Господа Бога[47].

7. Таково облачение первосвященника. Иной, пожалуй, изумится той вражде к нам, которая мотивируется пренебрежительным якобы с нашей стороны отношением к Господу Богу, тогда как наши хулители приписывают только себе постоянное и истинное богопочитание[48]. Между тем, кто поразмыслит над устройством Скинии, кто внимательно присмотрится к облачению священнослужителя и к принадлежностям нашего богослужения, тот придет к убеждению, что наш законодатель был человеком святым и что нам напрасно приходится выслушивать обвинения в отсутствии религиозности. Дело в том, что всякий, кто без задней мысли и внимательно присмотрится ко всему описанному, найдет, что все это устройство должно напоминать и служить отражением всего мироздания: Скиния[49], имеющая в длину тридцать локтей, разделена на три части; две из них, как место не священное, предназначены для всех священнослужителей и соответствуют земле и морю, которые также доступны всем. Третья же часть посвящена одному Господу Богу, потому что и небо для людей недосягаемо. Лежащие на столе двенадцать хлебов знаменуют собой год, разделенный на такое же число месяцев. Светильник, состоящий из семидесяти составных частей, напоминает знаки, через которые проходят планеты, а семь светочей на нем указывают на течение планет, которых также семь. Завесы, сотканные из четырех сортов материала, служат эмблемой стихий, причем виссон, очевидно, напоминает землю, которая родит лен, пурпур — море, окрашивающееся в пурпуровый цвет кровью рыб, фиолетовый гиакинф — лазоревый воздух, а багряный цвет служит символом огня. Льняной хитон первосвященника также напоминает о земле, фиолетовые нити его — небосклон, причем гранаты вызывают представление о молниях, а звук колокольчиков знаменует раскаты грома[50]. На-

плечник также — изображение всей созданной Господом Богом природы, почему, мне кажется, он и сделан из четырех родов материала, причем вотканные в него золотые нити, по моему мнению, должны напоминать о всюду проникающем свете. Нагрудник, помещающийся как раз посередине наплечника, занимает именно то же самое место, которое занимает Земля в самом центре мироздания. Охватывающий эту одежду пояс служит эмблемой океана, который также обтекает вокруг всей Земли. Сардониксы на плечах первосвященника знаменуют солнце и луну, а двенадцать камней (нагрудника) могут быть приняты либо за изображения месяцев, либо за такое же число звезд, группу которых греки называют зодиаком. То и другое предположение не будет ошибочным. Головной убор (первосвященника) также напоминает, по моему мнению, о небе, тем более что он лазоревато-фиолетового цвета, да и, кроме того, иначе на нем не была бы помещена надпись с именем Господа Бога. Вдобавок на нем имеется венчик, и притом золотой, который указывает на сияние, постоянно окружающее Божество. Сказанного здесь, на мой взгляд, достаточно. Впрочем, еще часто и во многих местах мне придется упоминать о деяниях, свидетельствующих о великом благочестии нашего законодателя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Когда описанная Скиния была готова, но отдельные части и утварь ее еще не были освящены, Господь Бог явился Моисею и приказал предоставить священство брату его Аарону, который по своему благочестию более всех других достоин этой чести. Созвав по этому поводу народное собрание, Моисей представил народу всю добропорядочность и мягкость характера Аарона и упомянул также о тех опасностях, которым последний подвергал себя за всех их. Так как все готовы были засвидетельствовать это и выказывали большое к нему расположение, то Моисей обратился к народу со следующими словами: «Мужи израильские! Сооружение, которое столь благоугодно Господу Богу, теперь, поскольку это было в наших силах, уже готово. А так как нам предстоит вскоре принять Господа Бога в Скинии, то раньше всего нам следует озаботиться подысканием священнослужителя, кото-

рого задачей было бы заведовать жертвоприношениями и возносить за всех нас молитвы к Всевышнему. Если бы решение данного вопроса лежало в моих руках, то я был бы готов себя самого признать достойным этой чести, так как в природе каждого из нас имеется эгоизм и так как я отлично сознаю, сколь много я выстрадал ради вашего благополучия. Между тем ныне сам Предвечный признал Аарона достойным этой чести и избрал его Своим священнослужителем, так как считает его к тому наиболее подходящим из всех нас. Ввиду этого Аарон наденет посвященное Господу Богу облачение, возьмет на себя заботу об алтарях и жертвоприношениях и будет молиться за вас Господу Богу, который охотно внемлет мольбам его, потому что эти молитвы будут возноситься избранником Самого Предвечного». Евреям эта речь понравилась, и они согласились с выбором Господа Бога, тем более что Аарон, как по происхождению своему, так и по присущему ему пророческому дару, наконец, и по заслугам брата был наиболее других достоин этой чести. В то время у него было четверо сыновей: Навад, Авиуй, Елеазар и Ифамар[51].

2. Весь тот материал, который оставался не употребленным при сооружении Скинии, Моисей приказал употребить на устройство предохранительных завес для самой Скинии, светильника, жертвенника и прочей утвари, для того, чтобы все эти предметы во время путешествия не были попорчены дождем или пылью. Затем он еще раз собрал народ и повелел, чтобы каждое лицо внесло налог в полсикла. Сикл же представляет еврейскую монету, равную четырем аттическим драхмам[52]. Народ с удовольствием подчинился требованию Моисея. Плательщиков оказалось 603 550 человек, потому что налог вносили лишь свободнорожденные в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Собранные таким образом деньги пошли в пользу Скинии[53].

3. Затем Моисей стал освящать Скинию и священнослужителей, приступив к посвящению следующим образом: он велел взять на пятьсот сиклов отборной мирры и на столько же ириса и половину этого количества корицы и мяты (последняя тоже годится для курения) и растолочь, затем примешать туда оливкового масла гин (это местная мера, соответствующая двум аттическим хоям)[54] и, искусно сварив все это,

получить таким образом в высшей степени благовонную мазь. Этой мазью Моисей в знак очищения помазал священнослужителей и всю Скинию; крайне дорогие курения же, которых требуется всегда много разнообразных сортов для Скинии, он повелел сложить на золотом жертвеннике. Впрочем, я обойду молчанием приготовление этих курений, чтобы не утомлять читателей. Дважды в день, именно перед восходом и при закате солнца, было предписано воскуривать фимиам и вливать свежее масло в лампы светильника; из этих ламп святого светильника три должны были гореть в честь Господа Бога в продолжение целого дня, остальные же зажигались только вечером[55].

4. Окончанием всего сооружения искусные строители, Веселиил и Елиав, стяжали себе большую славу, так как они не только сами усовершенствовали при работах то, что было придумано другими раньше, но и сделали совершенно новые, до них прежде неизвестные и крайне удачные изобретения. Из этих строителей первым и лучшим был признан Веселиил. На окончание всего сооружения ушло ровно семь месяцев, и таким образом закончился как раз год со времени выхода евреев из Египта. В начале же второго года, в месяц, носящий у македонян название Ксанфика, а у евреев Нисана, именно в новолуние, произошло освящение Скинии и всех ее мною описанных принадлежностей.

5. Также и Господь Бог выказал Свое удовольствие по поводу этого сооружения, следовательно, не напрасно потрудившихся евреев, и не пренебрег им, но удостоил его Своим присутствием. Проявил же Он последнее следующим образом: в то время как небо (кругом) оставалось совершенно чистым, над одной только Скинией появилось темное облако, не такое густое и грозное, как то бывает зимой, но, однако, и не настолько редкое, чтобы взор мог проникнуть сквозь него. Из этого облака выделялась приятная роса, знаменуя всем любящим Господа Бога и верующим в Него присутствие Предвечного.

6. Почтив строителей, соорудивших всю постройку, такими подарками, которые соответствовали их заслугам, Моисей, по повелению Господа Бога, принес на дворе Скинии в очистительную жертву быка, барана и козла. В главе о жертвоприношениях вообще[56], когда я укажу, в каких слу-

чаях закон повелевает сжигать жертвенное животное целиком и в каких разрешает употреблять в пищу часть его, я поговорю о ритуале жертвоприношения и связанного с ним богослужения. Затем Моисей окропил кровью жертвенных животных облачения Аарона и сыновей его и, омыв их ключевой водой и помазав мирром, посвятил их на служение Господу Богу. Таким образом он поступал в течение семи дней с ними и их облачением, а также помазывал выше мною упомянутым елеем Скинию и всю утварь ее и окроплял все это кровью быков и баранов, которых он ежедневно зарезал. На восьмой день он объявил празднество и повелел всем принести жертвы сообразно со своими средствами. Народ повиновался этому повелению, и каждое отдельное лицо в рвении своем старалось превзойти других и приносило по возможности обильные жертвы. Когда же все посвященные Господу Богу приношения были возложены на алтарь, внезапно из-под них само собой вырвалось пламя, подобное сверкающей молнии, и пожрало все лежавшее на жертвеннике.

7. Тут крупное несчастье постигло Аарона, как человека и отца; но оно было с благородством перенесено им, с одной стороны, потому, что он обладал большой твердостью духа, а с другой — оттого, что видел в этом горе проявление воли Божьей. Дело в том, что из упомянутых мной четырех сыновей его двое старших, Навад и Авиуй, были охвачены пламенем, так как возложили на жертвенник не то курение, которое им повелел Моисей, но то, которое они раньше употребляли в дело. Пламя ринулось на них и так обожгло им грудь и лицо, что никто не был в состоянии спасти их, и они должны были умереть. Тогда Моисей повелел отцу и братьям вынести тела их за ограду стана и там похоронить с большой торжественностью. Народ был глубоко опечален этой неожиданной кончиной, Моисей же убеждал братьев и отца покойных не слишком скорбеть о постигшем их горе, а ставить славу Божию выше своего собственного несчастья, тем более что Аарон уже носил священное облачение[57].

8. Отказавшись от всяких почестей, которые народ счел нужным воздать ему, Моисей посвятил себя исключительно одному служению Богу. Он теперь также не восходил уже более на Синай, но отправлялся в Скинию и тут просил у Бога

поддержки и совета, в которых нуждался; при этом как по платью, так и по всему прочему он держал себя совершенно так, как всякий простой человек, и не желал ничем отличаться от массы, кроме заботливости, с которой относился к нуждам последней. Кроме того, он давал предписания насчет государственного устройства и издал законы, следуя которым народ мог бы вести угодный Господу Богу образ жизни и не входить в своей собственной среде в пререкания ни с кем. Все эти постановления Моисей составил по указанию самого Господа Бога, и к их рассмотрению я теперь перейду.

9. Но раньше я все-таки дополню тут то, что я пропустил при описании облачения первосвященника. Дело в том, что Моисей лишил ложных пророков, если бы нашлись таковые и стали бы выдавать себя за возвестителей воли Божьей, всякой возможности совращать народ. Господь Бог мог, по усмотрению Своему, присутствовать при богослужении или нет, и при этом такое присутствие или отсутствие Предвечного должно было быть усматриваемо не только евреями, но и случайно находившимися в святилище чужеземцами. Ввиду этого всякий раз, как Господь Бог присутствовал при богослужении, тот из драгоценных камней, которые, как я упомянул уже выше, первосвященник носил на плечах (то были сардониксы, подробное описание которых я здесь опускаю, так как считаю их всем достаточно известными), который находился на правом плече, служа там застежкой, начинал особенно сильно сверкать и издавать такой яркий свет, какой ему обыкновенно не был свойствен. Конечно, это должно было вызывать удивление всех тех, которые для унижения всего божественного не прибегали к своим собственным лживым мудрствованиям. Но я сейчас скажу о явлении еще более изумительном. Дело в том, что Господь Бог возвещал евреям, когда они собирались на войну, победу при помощи тех двенадцати драгоценных камней, которые были пришиты к нагруднику первосвященника: еще до выступления войска в поход камни эти начинали так сильно блистать и сверкать, что всей народной массе становились очевидными милостивое присутствие и покровительство Господа Бога. Ввиду этого и те греки, которые почтительно относятся к нашим установлениям, не могут отрицать этот факт и называют нагрудник первосвященника оракулом. Впрочем, как камни

нагрудника, так и плечевой сардоникс перестали издавать такой необыкновенный свет еще за двести лет до составления мной настоящего сочинения, так как Господь Бог отвратил милость Свою от народа вследствие постоянного нарушения последним законов. Но об этом мы поговорим при более удобном случае. Теперь же я обращаюсь к продолжению прерванного рассказа.

10. Когда была освящена Скиния и все касавшееся устройства священнослужителей было окончено, то народ стал думать, что отныне Господь Бог будет пребывать среди него в Скинии, и приступил к жертвоприношениям и молитвам, в надежде, что теперь отвращены уже все бедствия и что отныне можно предаться наилучшим ожиданиям. Колена еврейского народа стали приносить Господу Богу дары, отчасти каждое в отдельности, отчасти сообща. Старейшины же колен, соединясь по двое, пожертвовали повозки, запряженные двумя быками (так что таких повозок было всего шесть), для того чтобы перевозить Скинию со всей к ней относившейся утварью во время путешествий. Кроме того, каждый старшина пожертвовал еще по чаше, блюду и кадильнице, которая весила по десяти дариков[58] и была наполнена курением. Блюда же и чаши (все из серебра) весили вместе попарно двести сиклов, из которых семьдесят приходилось на долю каждой чаши, и были наполнены смесью муки с оливковым маслом, как то требуется для жертвоприношений на алтаре. Наконец, каждый представил по барану, теленку и годовалому ягненку для жертвы всесожжения, а также по козлу для жертвы всепрощения. Кроме того, каждый из старейшин приносил еще и другие, так называемые спасительные жертвы, именно ежедневно по два быка и по пяти баранов с годовалыми ягнятами и козлами.

Такие жертвы приносили они в продолжение двенадцати дней, ежедневно по одной. Моисей же более не подымался на гору Синайскую, но получал в Скинии от Господа Бога наставления относительно образа жизни народа и составления для него законов. Так как последние были гораздо лучше человеческих постановлений, то этот дар Божий свято почитался в течение веков, так что евреи не нарушали ни одного из этих законов ни в мирное время, когда они пользовались изобилием всех благ земных, ни во время войны, когда были

в стесненном положении. Но, имея в виду составить об этих законах отдельное сочинение, я здесь не буду более распространяться об этом[59].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Заговорив о жертвах, я здесь упомяну о некоторых постановлениях, касающихся ритуала очищения и жертвоприношений. Существует два рода последних, и смотря по тому, приносятся ли они от лица частного человека или от лица всего народа, и характер их двоякий: в одном случае вся жертва сжигается целиком, отчего она и получает название жертвы всесожжения; в другом жертвенное животное съедается во время пира, и жертва тогда называется благодарственной. Итак, я поговорю о первом роде жертвоприношений.

Если частное лицо хочет принести жертву всесожжения, то оно заклает быка, барана и козла; последние должны быть годовалыми, быки же могут быть и старше. Все, предназначающееся в жертву всесожжения, должно быть мужского пола. По заклании жертвенных животных, священнослужители окропляют их кровью алтарь со всех сторон, затем сдирают шкуры и рассекают туши на части, чтобы, посыпав их солью, возложить на алтарь, на котором уже имеются горящие дрова. Ноги жертвенных животных и внутренности их подвергаются затем тщательной очистке и возлагаются к остальным частям на алтарь, шкуры же поступают в пользу священнослужителей. Таким-то образом приносились жертвы всесожжения.

2. Кто же собирается принести благодарственную жертву, тот заклает таких же точно животных, как и при жертве всесожжения, но животные должны быть совершенно беспорочны и старше года и могут быть как самцы, так и самки. После заклания животных кровью их окропляется алтарь, на который возлагаются: почки, перепонка печени, жировые части и сама печень, а также хвост барана. Грудь и правое бедро предоставляются священнослужителям, остальное же мясо идет в еду в продолжение двух дней. Все же, что бы ни осталось еще по истечении этого срока, предается сожжению.

3. Жертвы бывают также грехоочистительными, и ритуал

ных схож с обрядом при благодарственных жертвоприношениях. Те, кто не имеет средств приносить такие дорогостоящие жертвы, являются с двумя горлицами или молодыми голубями, из которых одного сжигают в честь Господа Бога, а другого оставляют в пищу священнослужителям. О приношении этих птиц мы, впрочем, подробнее будем говорить в сочинении о жертвоприношениях[60]. Кто по неведению впал в грех, жертвует барана и овцу, однолеток; кровью этих животных священнослужитель окропляет алтарь, впрочем, не весь, как то практиковалось при вышеуказанных жертвоприношениях, но лишь выступы по краям его; почки и остальные жирные части вместе с печенью возлагаются на алтарь. Шкуры и мясо священнослужители оставляют себе, и мясо это они должны еще в тот же самый день употребить в пищу в храме; закон не дозволяет оставлять его до следующего дня. Если же кто-нибудь согрешил сознательно и нет никого, кто изобличил бы его в этом, то он, по предписанию закона, должен принести в жертву барана, мясо которого также в тот же самый день должно идти в пищу священнослужителям в храме. Если старшины совершат прегрешение, то и они приносят таким же образом жертвы, как и частные лица, с той лишь разницей, что приводят быка и козла[61].

4. Закон также предписывает присоединять к жертвенным животным, как при жертвоприношениях от частных лиц, так и при общественных, известное количество самой чистой муки; а именно, при овце прилагается одна мера, носящая название ассарона, при баране — две, при быке — три меры. Эта мука для возложения на алтарь смешивается с оливковым маслом, которое также должно быть представляемо при жертвенных животных, при быке — полгина, при баране — треть его, при овце — четверть гина. Гин же представляет из себя древнееврейскую меру, которая соответствует двум аттическим хоям. Также и вина приносят одинаковое с оливковым маслом количество, и вино это разливается вокруг алтаря. Если же кто приносит не в жертву, но по обету пшеничную муку, то он сначала возлагает на алтарь горсть ее; остальную муку берут для своего употребления священнослужители, причем либо поджаривают ее, смешав с оливковым маслом, либо выпекают из нее хлебы. Но все то, что возложил священнослужитель на алтарь, непременно предается сожже-

нию целиком. Закон запрещает закалать в один и тот же день детеныша вместе с маткою и вообще не позволяет приносить в жертву новорожденное раньше истечения восьмидневного срока после появления его на свет. Существуют также жертвоприношения за избавление от болезни или по другим причинам, причем вместе с жертвенными животными в число подношений входят также сладкие лепешки. Закон и тут не разрешает, раз священнослужители получают в свою пользу часть приношений, оставлять что-либо до следующего дня[62].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Закон также повелевает приносить в жертву ежедневно, утром и вечером, на общественный счет годовалого барана; на седьмой же день, именующийся субботним, закалается, по тому же ритуалу, пара их. Кроме этих ежедневных жертвоприношений, в новолуние закалают еще двух быков, семь годовалых овец и барана, да вдобавок в виде грехоочистительной жертвы еще барана, на случай, если бы кто-нибудь согрешил бессознательно[63].

2. В седьмом месяце, носящем у македонян имя Гиперверетея, к указанным жертвоприношениям присоединяют еще быка, барана, семь овец и козла для отпущения грехов.

3. В десятый день этого месяца назначается пост до появления луны, и в этот день закалают быка, двух баранов, семь овец и козла в виде грехоочистительной жертвы. Кроме того, приводят еще двух козлов. Из них один выгоняется живым за пределы стана в пустыню, служа носителем и искупителем грехов всего народа, другого же выводят на чистое место вблизи стана и сжигают там целиком, вместе с кожей без всякого очищения. Единовременно с ним предается сожжению также и бык, которого доставляет не народ, но из своих личных средств первосвященник. Когда этот бык заклан и кровь его, равно как и козла, доставлена в святилище, первосвященник обмакивает в нее палец и окропляет по семи раз потолок и пол святилища и столько же раз стены и золотой алтарь; остальную кровь он выносит на двор и окропляет ею большой жертвенник. Затем внутренности, почки, жировые части и печень быка возлагаются на алтарь, первосвященник

присоединяет к этому еще барана и приносит таким образом жертву всесожжения Господу Богу.

4. Так как время подходило к зиме, то Моисей приказал на пятнадцатый день того же месяца, чтобы каждый построил себе шатер в виде жилья и приготовился к встрече холодного времени года. Когда же они достигнут отечества (говорил он), им придется собираться в том городе, в котором будет находиться храм и который поэтому будет главным, и праздновать восьмидневный праздник, причем они будут преподносить жертвы всесожжения и благодарственные и будут держать в руках миртовые, ивовые, пальмовые и персиковые с плодами ветви. В первый день жертва всесожжения должна состоять из тринадцати быков, четырнадцати овец и двух баранов, а также одного козла для искупления грехов. В следующие дни им придется приносить в жертву такое же число овец, баранов и по козлу; лишь количество быков они могут уменьшать ежедневно на одного до тех пор, пока они не дойдут до числа семь. На восьмой же день им следует воздержаться от всякого труда и, по вышеуказанному нами ритуалу, принести Господу Богу в жертву теленка, барана, семь овец и козла в виде искупления грехов.

5. Таким образом было установлено для евреев строить по родному обычаю шатры. В месяце Ксанфике, который у нас носит название Нисана и представляет начало года, на четырнадцатый день после новолуния, когда солнце станет в знаке Овна (в этот месяц произошло наше избавление от египетского рабства), Моисей повелел приносить такую же жертву, какую мы, как было выше сказано, принесли при выходе из Египта и которая называется Пасхой. Мы справляем ее по отдельным семьям, причем ничто из пищи не сохраняется до следующего дня. На пятнадцатый день наступает праздник опресноков, продолжающийся семь дней, в продолжение которых люди питаются опресноками и ежедневно закалают двух быков и одного барана с семью овцами. Все это представляется (в святилище) в качестве жертвы всесожжения и служит ежедневной пищей священнослужителей, причем ко всему этому присоединяется еще козел для искупления прегрешений. Во второй день праздника опресноков (следовательно, в шестнадцатый день этого месяца) берут от вновь созревших плодов, к которым раньше никто не смел прика-

саться, считая справедливым почтить на первом плане Господа Бога, которым даруется вся эта благодать, и приносят Ему в жертву следующим образом первый ячмень: высушив, смолов и очистив от всех примесей кучу колосьев ячменя, посвящают на алтаре Господу Богу ассарон их, а остальное предоставляют священнослужителям для личного пользования. Лишь после этого дозволяется всем и каждому приступать к жатве. Вместе с первыми плодами приносят в виде жертвы всесожжения Господу Богу и ягненка[64].

6. По истечении седьмой седмицы, то есть сорока девяти дней, после этого жертвоприношения, именно в Пятидесятницу, которую евреи называют Асарфа, что значит пятидесятый день, приносят Предвечному в жертву выпеченный из двух ассаронов белой муки сдобный хлеб и двух овец. Все, что тут приносится в жертву[65] Господу Богу, по закону, идет в пищу лишь священнослужителям, причем ничего не должно оставлять до следующего дня. В виде жертвы всесожжения закалаются три теленка, два барана и четырнадцать овец, равно как два козла для искупления грехов. Вообще, ни один праздник не обходится без жертвы всесожжения и без прекращения работы; напротив, во всех случаях предписывается законом известный вид жертвоприношения, полный отдых от трудов, равно как жертвенный пир.

7. Затем на общественный счет испекается пресный хлеб, на что идет двадцать четыре ассарона муки. Из каждых двух ассаронов накануне субботы выпекается по хлебу, а рано утром в субботу эти хлебы возлагаются на столе в Святилище по шести в ряд. Хлебы эти посыпаются курениями из двух золотых сосудов и оставляются таким образом до следующей субботы, когда вместо них приносятся новые хлебы, тогда как старые отдаются в пользование священнослужителям; курение, которое лежало на хлебах, сжигается в жертву Господу Богу, а вместо него возлагается на хлебы новое. Священнослужитель же дважды в день приносит в жертву из собственных средств ассарон муки, смешанной с оливковым маслом; смесь эта немного пропекается и затем рано утром и вечером обе половины ее бросаются в огонь. Впоследствии мы будем говорить об этом подробнее, здесь же и сказанного кажется мне достаточным[66].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Выделив из среды всего народа колено Левино, для отправления священнослужительских обязанностей, Моисей освятил его членов омовением в чистой родниковой воде и с помощью установленных законом на подобные случаи жертвоприношений. Затем он передал им Скинию со священной утварью и всем устройством для охраны их во время пути и повелел им прислуживать священникам, так как те уже были посвящены Господу Богу[67].

2. Равным образом Моисей точно определил всех животных, которыми можно питаться, и тех, от употребления которых в пищу следует воздерживаться. Об этом мы при случае поговорим подробно в другом месте этого сочинения, а также укажем на причины, основываясь на которых он разрешил нам употреблять в пищу одних животных, а от других велел воздерживаться. Моисей запретил также употреблять в пищу всякую кровь, считая ее тождественной с душой и духом[68]. Равным образом он запретил есть мясо павших животных, возбранив тоже употребление в пищу внутренностей и жировых частей почек козы, овцы и быка[69].

3. Моисей выделил из совместного сожительства с евреями всех обезображенных проказой и всех страдающих кровотечением. Женщин же во время менструаций он отделял на семь дней, по истечении какового срока и очищения им вновь разрешалось вступать в общение с мужьями. Равным образом все, кто хоронил покойника, должны были воздерживаться от общества других людей в продолжение такого же количества дней. Всякий, кто, благодаря своей ритуальной нечистоте, пробыл такое время вне общения с людьми, должен был по закону принести в жертву двух ягнят, из которых один обязательно предавался закланию, а другой поступал в собственность священнослужителей. Такую же жертву приносили и те, кто страдал кровотечением. У кого во сне совершались выделения семени, тот обязан был выкупаться в холодной воде, подобно тому, как если бы имел общение с женщиной. Зараженных проказой он совершенно удалял из города, и они не могли ни с кем общаться: на них смотрели совершенно как на покойников. Если же кто из прокаженных, благодаря своим молитвам, выздоравливал от этой сво-

ей болезни и исцелялся вполне, тот должен был принести Господу Богу целый ряд разнообразных жертв, о которых мы поговорим впоследствии[70].

4. В силу всего этого можно лишь посмеяться над теми, которые уверяют, будто Моисей сам был одержим проказой и потому бежал из Египта и будто по этой-то причине он и повел с собой в Ханаанею больных проказой[71]. Если бы это было справедливо, то Моисей не издал бы таких постановлений, которые логически противоречили бы его собственному состоянию, равно как положению его товарищей, тем более что у многих других народов прокаженные не только не изгоняются и с позором выделяются из общества, но даже занимают высокие и почетные должности как в военной службе, так и по управлению государством, и свободно посещают священные места и храмы. В таком случае, если бы Моисей сам или весь сопровождавший его народ был одержим этой заразной болезнью, ничто не помешало бы ему издать на этот счет самые мягкие постановления, а не определять такого, подобного наказанию, отделения больных от здоровых. Поэтому все это, очевидно, говорится в силу ненависти к нам. Моисей же сам, равно как и его единоплеменники, был свободен от этой болезни, почему он во славу Божию и издал такие постановления.

5. Однако предоставляю судить об этом каждому по его усмотрению. Родильницам, родившим дитя мужского пола, возбранялся в течение сорока дней доступ в храм; если же рождалась девочка, то это запрещение обнимало вдвое более продолжительный период времени. Придя по истечении указанного срока в храм, они приносили с собой жертвы, которые представлялись пред лицо Господа Бога священнослужителями[72].

6. Если кто-нибудь станет подозревать жену свою в прелюбодеянии, то доставит ассарон ячменной муки и возложит горсть ее на алтарь, в честь Господа Бога, остальную предоставит в распоряжение священникам. Один из последних поставит женщину у ворот в святилище, снимет с ее головы покрывало, напишет на пергаменте имя Господне, затем повелит ей поклясться, что она невинна перед мужем своим, указывая при этом, с одной стороны, на то, что если она преступила закон, то правое бедро ее испортится, чрево раздуется и она от этого умрет, с другой же — предсказывая ей рож-

дение на десятый месяц дитяти мужского пола в том случае, если бы муж ее, движимый великой к ней любовью, а также ревностью в силу этой любви, слишком поспешно обвинил ее. По принесении женщиной соответствующей клятвы, священнослужитель погружает пергамент с написанным на нем именем Господним в чашу с водой, примешивает к этому несколько земли, подобранной в Святилище, и дает все это женщине выпить. Если обвинение, взведенное на женщину, оказывается неосновательным, то она впоследствии действительно становится беременной и чрево ее постигает благодать, если же она обманула мужа и принесла ложную клятву Господу Богу, то позорно умирает, причем бедро у нее выпадает и низ живота раздувается, как бы от водянки. Вот какие правила дал Моисей своим единоверцам относительно жертвоприношений и связанных с ними очищений. Кроме того, он оставил им еще другие законы следующего рода[73].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Всякое прелюбодеяние Моисей, безусловно, запретил, считая необходимым и высшим благом, чтобы мужчины жили с женами своими в здоровом браке: тогда будет польза как целым общинам, так и отдельным семьям от законнорожденных детей. Сходиться же с замужними женщинами закон запретил как гнуснейшее зло. Жить с женой отца своего, с тетками своими, сестрами или женами детей своих — преступление противоестественное. Моисей также запретил общение с женщиной менструирующей, скотоложство и мужеложство, указав на весь позор таких преступлений. За нарушение всех этих постановлений Моисей определил в наказание — смерть[74].

2. Священнослужители должны вдвойне отличаться нравственной чистотой, и потому на них не только распространяются все общие запрещения, но им запрещено жениться на публичной женщине, на рабыне, на военнопленной, на продавщицах или служанках в гостиницах, равно как на всех тех женщинах, которые по каким бы то ни было причинам были разведены со своими мужьями. Первосвященнику было запрещено жениться даже на вдове умершего, что было, однако, разрешено всем прочим священнослужителям; он мог

взять в жены лишь девушку и не имел права расходиться с ней. Равным образом первосвященник не мог приблизиться к покойнику, тогда как другим священнослужителям не было запрещено прикасаться к трупам своих братьев, родителей или собственных детей. Все священники должны были быть совершенно свободны от каких бы то ни было телесных недостатков. Если кто-нибудь из священнослужителей имел какой-либо телесный недостаток, то хотя ему и было повелено получать свою долю из жертвенных приношений, однако было запрещено приближаться к алтарю и входить в храм. И не только во время отправления богослужения иереи должны были быть чистыми, но они должны были особенное рвение прилагать к тому, чтобы весь образ их жизни отличался безукоризненной чистотой. По этой-то причине лица, носящие священническое облачение, должны быть совершенно трезвы, безусловно не запятнаны и целомудренны; пока на них облачение, им безусловно запрещено употребление вина. Также и жертвенные животные должны быть без малейшего изъяна, без каких бы то ни было телесных недостатков[75].

3. Эти законы ввел Моисей еще при своей жизни; кроме того, он издал еще во время пребывания евреев в пустыне несколько таких постановлений, которых евреи должны были держаться по завоевании Хананеи. Подобно тому, как народу бы́л предписан отдых от трудов на каждый седьмой день, так он повелел давать и земле отдых от возделывания по истечении каждых шести лет. Все, что произвела бы земля в это время сама по себе, без обработки, было предоставлено в общее свободное пользование, и притом не только единоплеменникам, но и чужестранцам. Из таких произведений земли нельзя было ничего сохранять до следующего года. То же самое постановление распространялось на седьмую седмицу лет, то есть полного пятидесятилетия. Такой пятидесятый год называется у евреев юбилейным. В такой год должники освобождаются от своих обязательств, единоверцы же, которые совершили какое-нибудь преступление против закона и потому были наказаны рабством, а не смертью, отпускаются на свободу. Равным образом в это время возвращаются и земельные участки их первоначальным владельцам. При наступлении юбилейного года (это название означает свободу)[76] сходятся продавец поля и покупатель и

высчитывают стоимость плодов поля и затраты на его обработку; если оказывается, что стоимость плодов выше, то продавец прямо оставляет поле за собой; если же ценность обработки превышает стоимость плодов, то покупателю возмещается разница и он предоставляет землю в пользу продавца. Если же стоимость плодов и затраты на обработку оказываются одинаковыми, то земля также переходит в собственность первоначальному своему владельцу. Такое же законоположение должно было применяться к деревенским постройкам, тогда как относительно городских домов существовали другие постановления; а именно: если продавец до истечения годичного срока возвращал покупателю денежную стоимость здания, то он тем самым принуждал последнего возвращать ему и дом. Если же год истек, то владение закреплялось за купившим его. Такие законы получил Моисей от Господа Бога в то время, когда народ расположился лагерем у подошвы горы Синайской, и их он передал евреям в писанном виде[77].

4. Когда Моисей пришел к убеждению, что этих законоположений пока будет достаточно, он решил обратиться наконец к устройству войска, так как давно уже имел в виду заняться этим. Поэтому он повелел всем старшинам колен, кроме колена Левина, точно выяснить число способных носить оружие. Левиты же были посвящены служению Богу и были свободны от всего этого. На смотру оказалось, что способных носить оружие лиц, в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, было шестьсот три тысячи шестьсот пятьдесят человек. На место Леви Моисей назначил старшиной Манассию, сына Иосифа, а вместо последнего — Ефрема. Таково было, как я уже выше упомянул, желание Иакова, которое он выразил Иосифу, именно чтобы он причислил своих сыновей к его сыновьям[78].

5. Евреи расположились лагерем таким образом, что Скиния помещалась как раз посередине[79], а с каждой стороны ее стали по три колена. Их отделяли друг от друга дороги, пересекавшие весь стан. Тут же помещался и удобный рынок, где каждый продавец занимал свое определенное место и каждый ремесленник имел свою на определенном пункте помещавшуюся мастерскую, так что весь стан совершенно имел вид передвижного города. Ближе всех к Скинии жили свя-

щеннослужители, подальше же левиты (и они также подверглись счислению, в том числе и все мальчики в возрасте более тридцати дней), которые представляли массу в двадцать две тысячи восемьсот восемьдесят человек[80]. Все время, пока туча стояла над Скинией, они оставались на своих местах, будучи в полной уверенности, что Господь пребывает там; когда же она переходила на новое место, то и они передвигались за ней[81].

6. Моисей изобрел также нечто вроде серебряной трубы, которая имеет следующий вид: длиной она немногим меньше локтя, а трубка ее узка, лишь немного ниже, чем у флейты; наконечник ее достаточно объемист, чтобы вбирать в себя всю массу воздуха, который вдувает в нее играющий; оканчивается же она широким отверстием, наподобие охотничьего рога. На еврейском языке инструмент этот носит название асосры[82]. Таких труб было сделано две: одной пользовались для созыва и сбора народа в общее собрание, другой приглашались старшины на совещание; если же единовременно трубили в обе, то все без исключения должны были собираться на сходку. Когда имелось в виду передвинуть на другое место Скинию, то поступали следующим образом: при первом звуке труб должны были сниматься с места все те, которые жили на восточной стороне, при втором звуке те, которые занимали пространство к югу от Скинии. Затем уже снималась и самая Скиния, которую везли таким образом, что она помещалась между двенадцатью колен; из них шесть предшествовало ей, шесть замыкало шествие, все же левиты окружали святыню. При третьем трубном звуке выступали жители западной стороны, а четвертый служил сигналом к выступлению для тех, которые занимали северную сторону лагеря. Этими же трубами пользовались также по субботам и другим дням для созыва народа к жертвоприношениям. Тогда же Моисей впервые после выступления народа из Египта принес в пустыне и так называемую пасхальную жертву[83].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ[84]

Спустя некоторое время евреи двинулись станом от горы Синайской и, миновав несколько стоянок, о которых у нас речь будет впереди, прибыли в местность по имени Есер-

моф[85]. Тут народ вновь начал волноваться и обвинять Моисея во всех испытанных со времени выхода из Египта бедствиях, так как он ведь посоветовал покинуть плодородную страну и привел их в гибельную пустыню, тогда как, однако, раньше обещал им благодатную местность; вместо всего этого они странствуют теперь без цели в таком бедственном положении и чувствуют крайний недостаток в воде, и если у них вдобавок выйдет еще и манна, то они окончательно погибнут. И вот, когда толпа в исступлении своем разражалась такими угрозами против Моисея, кто-то начал убеждать их не забывать о трудах последнего на общую пользу и не упускать из внимания помощи, которую оказывал народу сам Господь Бог. Но толпа в ответ на это лишь еще более заволновалась, подняла еще более сильный шум и еще серьезнее стала угрожать Моисею. Тогда Моисей, видя их в таком отчаянии, начал урезонивать их и, несмотря на всю гнусность их поведения, все-таки обещал им доставить в изобилии мяса, и притом не на один день, а на более продолжительное время. Когда они на это выразили ему свое полное недоверие и кто-то спросил, откуда он думает достать мяса для стольких тысяч людей, Моисей ответил: «Господь Бог и я, несмотря на то, что слышим от вас такие безобразные речи, не перестаем заботиться о вас, в чем вы сможете сейчас убедиться». Не успел он сказать это, как весь стан наполнился перепелками, и евреи тотчас принялись за сбор их. Господь Бог, однако, немного спустя наказал евреев за их дерзкие хулы и поношения, потому что немалое число их вскоре умерло. Еще и поныне та местность называется Каврофавою, то есть воспоминанием о прихоти[86].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ[87]

1. Отсюда Моисей повел евреев в местность, именующуюся Фаранкс[88], которая находилась вблизи границ хананейских и представляла для заселения большие затруднения. Тут он созвал народ в собрание и обратился к нему со следующими словами: «Из тех двух благ, которые Господь Бог решил даровать нам, а именно свободы и владения плодородной страной, вы, благодаря Ему, первым уже пользуетесь, а второе вскоре получите. Дело в том, что мы находимся в непо-

средственной близости к границам хананейских племен, и не только ни царь, ни город, но даже и весь их народ в совокупности не сможет оказать нам сопротивление, когда мы пожелаем занять эту страну. Итак, приготовимся к этому делу, потому что туземцы без боя не уступят нам своей страны и нам придется завоевать ее целым рядом трудных битв. Поэтому вышлем разведчиков, которые разузнали бы о степени плодородия этой страны и познакомились бы с военными силами жителей ее. Но прежде всего, да будем единодушны в почитании Господа Бога, Который во всем является нашим покровителем и союзником».

2. На эти слова Моисея народ ответил сочувственными кликами, в которых выражалось все его почтение к вождю, и выбрал двенадцать разведчиков из числа самых почтенных лиц, из каждого колена по одному. Эти разведчики прошли по всей Хананее от границы ее вблизи Египта и до города Амафы[89] и Ливана, и затем вернулись назад, хорошенько ознакомившись в продолжение тех сорока дней, которые они употребили на это дело, как с характером страны, так и с местным населением. При этом они принесли с собой также и образчики тамошних плодов. Великолепием последних и рассказом об изобилии тех благ, которыми отличается эта страна, разведчики возбудили в народе военный пыл, с другой же стороны, они напугали евреев также трудностью завладеть ею, указав на то, что там имеются реки, через которые переправа, вследствие их ширины и глубины, крайне затруднительна, если не невозможна, что придется переходить через неприступные горы и брать города, огражденные не только стенами, но и сильнейшими укреплениями. В Хевроне они даже встретили потомков необычайных исполинов. Одним словом, поскольку сами разведчики, увидевшие на пути своем в Хананее большие затруднения, чем все препятствия, которые пришлось преодолеть евреям со времени выхода их из Египта, чувствовали трепет, постольку же они старались напугать своими рассказами и народ.

3. Последний действительно, услышав все это, стал считать завоевание такой страны невозможным. Поэтому, разойдясь по домам, евреи начали с женами и детьми оплакивать свою горькую судьбину и жаловаться, что Господь Бог тешит их только словесными обещаниями, а на самом деле не

оказывает им никакой поддержки. И вновь они стали громко обвинять во всем Моисея и брата его, первосвященника Аарона. Таким образом, они провели ночь в гнусных поношениях этих двух мужей, а на следующее утро рано опять собрались на сходку, имея в виду побить камнями Моисея и Аарона и затем вернуться назад в Египет.

4. Тогда двое из разведчиков, Иисус, сын Навина, из колена Ефремова, и Халев из колена Иудова, в смятении вошли в толпу и стали успокаивать народ, убеждая его не отчаиваться, не обвинять Предвечного в нарушении данного обещания и главным образом не верить словам тех, которые пугают их своими рассказами о Хананее; напротив, им следует довериться тем, которые доставят им полное благополучие и владение такими благами. Если они будут мужественны, то их не удержат от этого намерения ни вышина гор, ни глубина рек, тем более что сам Господь Бог окажет им в бою Свою милостивую поддержку. «Двинемся поэтому, — сказали они, — на врагов, отстранив от себя всякие подозрения в малодушии, и в полном уповании на руководительство Господа Бога последуем за теми, кто поведет нас». Такими речами они старались успокоить смятение разъяренной толпы, Моисей же и Аарон бросились наземь и стали молить Господа Бога не о своем собственном спасении, но о том, чтобы Он прекратил неверие народа и изменил бы его взгляды на вещи, так как теперь народ этот подавлен трудностью предстоящей ему задачи. Тотчас появилось облако и, став над Скинией, указало на присутствие Божества.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Тогда Моисей смело вошел в толпу и объявил, что Господь разгневался на народ и решил наказать его, впрочем, не так строго, как заслуживают его прегрешения, но подобно тому, как отцы наказывают детей своих для вразумления. Дело в том, что, когда он, Моисей, вошел в Скинию и с плачем стал умолять Предвечного отвратить от них предстоящую гибель, Господь Бог выставил на вид, сколько раз Он оказывал им поддержку и какими благодеяниями Он осыпал их и что, несмотря на это, они все-таки не чувствуют никакой благодарности к Нему, но даже, побуждаемые трусостью раз-

ведчиков, считают их слова более основательными, чем все Его собственные обещания. Ввиду всего этого Он, правда, хотя и не погубит их совершенно и не уничтожит племени их, которым Он дорожит более других народов, тем не менее не даст им овладеть Хананеей с ее земными благами, но заставит их в продолжение сорока лет быть бездомными скитальцами по пустыне и тем накажет их за их беззаконие. «Детям же вашим, — продолжал Моисей, — Господь Бог обещал предоставить эту страну и сделать их обладателями всех тех богатств, которых вы лишились благодаря вашему собственному невоздержанию».

2. Когда Моисей сообщил об этом решении Господа Бога, народ впал в печаль и уныние и стал упрашивать Моисея быть заступником их перед Господом Богом, освободить их от необходимости скитания по пустыне и даровать им возможность поселиться в тех городах. Но тот отвечал, что Предвечный не поддастся такому искушению, так как Он гневается на них не легким людским гневом, и что Он мудро постановил им такое наказание. Вместе с тем отнюдь не следует думать, будто он один, Моисей, успокоил разъяренную толпу в столько десятков тысяч человек и вернул ее к послушанию: Господь Бог, явившись ему, оказал ему поддержку в усмирении народа, который ведь неоднократно имел случай убеждаться, что неповиновение Ему влекло за собой страшные бедствия[90].

3. Этот человек (Моисей) является по своей добродетели, равно как по убедительности и силе своего слова, не только в свое время, но даже еще и поныне, прямо изумительным: нет такого еврея, который бы не повиновался его предписаниям, как будто бы сам Моисей был всегда налицо и мог наказать его за ослушание, хотя бы такое ослушание и не сделалось известным. Впрочем, существует масса случаев, поясняющих его власть над человеком. Так, например, однажды несколько жителей области за Евфратом совершили четырехмесячное, сопряженное с большими опасностями и затратами путешествие, чтобы удостоиться чести посетить наш храм. Когда они окончили свои жертвоприношения, они все-таки не удостоились получить свою долю жертвенной трапезы, потому что Моисей не разрешил этого лицам, которые не признают наших законов и не подчиняются действующим у

нас постановлениям. Несмотря на то, что некоторые из этих людей еще вовсе не приступали к жертвоприношениям, другие же совершили его лишь наполовину, а многие вовсе не входили еще в храм, они удалились, предпочитая повиноваться постановлениям Моисея, чем своему личному влечению. При этом им не приходилось опасаться, чтобы кто-нибудь силой удержал их от этого; они поступили так в силу собственной своей совестливости. Таким образом, законы, приписываемые Господу Богу, достигли того, что этот человек пользовался сверхъестественным авторитетом. Еще недавно, незадолго до начала этой войны[91], в царствование у римлян императора Клавдия и в бытность Измаила нашим первосвященником, когда страна наша была охвачена таким голодом, что ассарон муки продавался за четыре драхмы, когда на праздник опресноков было доставлено лишь семьдесят кор муки (т. е. тридцать один сицилийский или сорок один аттический медимн), никто из священнослужителей, несмотря на такое голодное время, не осмелился присвоить себе ни одной горсточки муки, боясь закона и гнева Господнего, с которым Предвечный преследует даже тайные провинности. Таким образом, не следует удивляться тому, что совершил тогда Моисей, раз до сих пор еще оставленные им записанными законы имеют такую силу, что даже лица, ненавидящие нас, все согласны в том, что сам Господь Бог при посредстве Моисея и его добродетели устроил нашу общественную жизнь.

Впрочем, предоставляю каждому судить об этом по собственному его усмотрению.

Книга четвертая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Нападение евреев, против воли Моисея, на хананеян и постигшее евреев в результате поражение.

2. Возмущение Корея и его клевретов против Моисея и брата его из-за священства.

3. О том, что случилось с евреями в пустыне в продолжение их тридцативосьмилетнего там пребывания.

4. Как Моисей победил аморрейских царей, Сихона и Ога, совершенно уничтожил их войска и отдал их владения двум с половиной коленам еврейским.

5. О деятельности Моисея и об его смерти.

Вся книга обнимает период в тридцать восемь лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Связанная с лишениями и различными затруднениями жизнь евреев в пустыне побудила их наконец вопреки воле Господа Бога попытаться овладеть Хананеей. Они не только оставляли без всякого внимания убедительные доводы Моисея, которыми последний старался отвлечь их от исполнения принятого решения, но и, помимо его на то согласия, были твердо уверены в победе своей над врагами. При этом они опять начали возводить на Моисея всевозможные обвинения и стали громко высказывать подозрение, будто он старается оставить их в таком бедственном положении исключительно для того только, чтобы они всегда нуждались в его помощи; поэтому они решили начать войну с хананеянами, уверяя друг друга, что Господь Бог оказывает им поддержку отнюдь не из расположения к Моисею, но потому, что вообще печется о народе, предков которого Он взял под особое Свое покровительство, и подобно тому как раньше того Он даровал им в силу добродетельной жизни этих предков свободу, так и теперь будет их всегдашним союзником, лишь бы

они сами выразили готовность подвергнуться всевозможным опасностям. В то же время они утверждали, что они и сами собою были бы достаточно сильны для преодоления враждебных им народов, хотя бы Моисей и вздумал отвратить от них помощь Господа Бога; вообще они считали для себя полезным быть более самостоятельными и освободиться от тирании Моисея, которую они сносили лишь в силу благодарности за освобождение их от египетского ига, и от образа жизни по его желанию, в ложной уверенности, будто в награду за его покорность Господь Бог сообщит ему ожидающую их судьбу: разве не все они происходят от Аврама и разве Господь Бог одному Моисею даровал власть сообщать им будущее? Поэтому им казалось более благоразумным не обращать внимания на заносчивость Моисея и постараться, в уповании на Господа Бога, овладеть страной, которую Он им обещал. В то же время они решили совершенно отказаться от руководительства Моисея, который именем Предвечного удерживал их от этого. Основываясь таким образом на тягости своего положения в пустыне, которая казалась им, благодаря продолжительности их в ней пребывания, еще более грозной, они приготовились вступить в бой с хананеянами, причем они рассчитывали на предводительство Господа Бога и не ожидали уже более никакого содействия со стороны своего законодателя.

2. И вот, когда евреи приняли такое решение и напали на врагов своих, последние не испугались ни их нашествия, ни количества их войск, но храбро встретили их. Вскоре многие из евреев пали, а все остальное их войско, после того как совершенно был нарушен боевой порядок, в полном беспорядке бежало от врагов в свой лагерь. Потерпев, против ожидания, такое поражение, евреи совершенно пали духом и уже не надеялись более на какой бы то ни было успех, так как видели в этой неудаче возмездие Божие за то, что они начали войну вопреки Его воле.

3. Видя отчаяние, в которое впали его единоверцы после этого поражения, и опасаясь, как бы враги, ввиду своей победы, не стали рассчитывать на дальнейшие, еще большие успехи и не напали на них, Моисей признал необходимым увести евреев подальше от Хананеи в пустыню, тем более что народная масса опять обратилась к нему за поддержкой, так

как понимала, что без его руководительства ей не справиться с новыми затруднениями. Поэтому Моисей отступил с войском дальше в пустыню, где, как он рассчитывал, народ успокоится и не раньше свяжется с хананеянами, чем Господь Бог сам укажет им удобный для того момент[1].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Как обыкновенно бывает в огромных войсках, особенно же при неудачах, что людьми овладевает неудовольствие и дух неповиновения, так это случилось и с евреями. Последних ведь было шестьсот тысяч человек, и если при этой численности они не отличались особенной дисциплиной даже при удачном исходе предприятий, то тем более теперь, во время такого бедствия и после постигшего их удара, они не только стали ссориться между собой, но и ополчились против своего вождя. И вот среди них возникло такое возмущение, равного которому мы не знаем ни у греков, ни у (других) варваров. При этом случае все подверглись бы опасности погибнуть, если бы их не спас Моисей, который готов был забыть, что он чуть было не был ими побит камнями. Да и Господь Бог не переставал заботиться о них и о том, чтобы они избежали такого страшного несчастья, и хотя они восстали против своего законодателя и против повелений, которые Он дал им через посредство Моисея, Он избавил их от тех ужасных последствий мятежа, которые были бы для них, без Его попечений, неизбежны. Итак, я теперь перейду к рассказу об этом возмущении и о связанных с ним нововведениях, но первоначально укажу на причину, ради которой произошло это возмущение.

2. Корей, который занимал, как по своему происхождению, так и по богатству, видное положение среди евреев и отличался красноречием, которым умел увлекать народную толпу, с завистью видел возрастающее значение Моисея и был недоволен этим. Будучи родственником Моисея и принадлежа к одному с ним колену, он считал себя особенно правоспособным к занятию столь почетного положения, тем более что был гораздо богаче Моисея и не ниже его по происхождению. Поэтому он стал жаловаться левитам вообще, к колену которых он принадлежал, и особенно своим родст-

венникам, указывая на опасность, проистекающую из того, что Моисей употребляет все усилия к упрочению своего положения, на котором он и держится при помощи всяких злоупотреблений, хотя в своих мероприятиях постоянно ссылается на Господа Бога. Так, например, он вполне противозаконно предоставил первосвященство брату своему Аарону, основываясь при этом не на решении народном, а исключительно на собственном произволе; следовательно, он, по примеру тиранов, раздает почетные должности кому захочет. Однако гораздо более тяжким преступлением, чем такое насилие, является тайная агитация, так как она губит людей не только открыто, но и главным образом потому, что жертвы ее сами не знают всех интриг. Ведь всякий, считающий себя вправе занять почетную должность, старается добиться ее силой убеждения, а не насильственным образом действий; между тем, кто не в состоянии легальным путем достигнуть желаемой почести, тот не решается, дабы не потерять ореола порядочности, действовать путем открытого насилия, но пускает в ход всякие хитропридуманные интриги. Народу полезно наказывать таких людей, пока они считают свою деятельность еще скрытой от глаз общественности, и не давать им усиливаться, чтобы не видеть в них впоследствии явных врагов. «Какую же причину в состоянии привести Моисей, в силу которой он предоставил Аарону и его сыновьям священство? Ведь если Господь решил оказать эту честь кому-либо из колена Левина, то я, который по происхождению не ниже Моисея, а по богатству выше и летами гораздо старше его, был бы, казалось, более достойным ее. Если же честь эта принадлежит старшему из колен, то по всей справедливости она подобала бы колену Рувилову, а именно Дафамну, Авираму и Фалаю, которые являются наиболее престарелыми и, по богатству своему, самыми могущественными членами его».

3. Такими речами Корей хотел выставить себя ревнителем общего блага, на самом же деле старался лишь о том, чтобы народ удостоил его самого этой высшей почести. Сперва он обращался с такими хитрыми, но, по-видимому, справедливыми словами к своим сородичам. Вскоре эти речи распространились дальше, и так как каждый из слушателей мог прибавить что-либо в обвинение Аарона, то по-

добные обвинения стали раздаваться по всему стану. И вот с Кореем вошли в соглашение двести пятьдесят лучших мужей, решивших как можно скорее лишить брата Моисеева священства, а самого Моисея обесчестить. Также и народная толпа была возбуждена; она даже решилась побить Моисея камнями и с этой целью в беспорядке, с шумом и гамом стеклась в народное собрание. Перед Скинией Господа Бога народ стал кричать, что следует изгнать тирана и освободить евреев от гнета того, который, прикрываясь Господом Богом, издает насильственные постановления. Ведь если бы сам Предвечный выбрал себе священнослужителя, то Он назначил бы на эту почетную должность человека достойного, а не дал бы ее лицу, которое во многом значительно уступает другим; наконец, если бы Господь Бог и хотел даровать эту почетную должность Аарону, то Он поручил бы это назначение всему народу, а не предоставил бы его одному брату назначенного.

4. Хотя Моисей уже давно знал о происках Корея и давно заметил возбужденное состояние народа, однако он не испугался, но в полном сознании того, что он честно заботился о народном благе, что назначение его брата на пост первосвященника состоялось не по его личной воле, но по определению самого Господа Бога, спокойно явился в собрание. К народу он не обратился ни единым словом, хотя ему нетрудно было бы убедить его в чем угодно, но зато он закричал на Корея так громко, как только мог: «Как ты, Корей, так и каждый из них (при этом Моисей указал на двести пятьдесят приверженцев Корея) являетесь в моих глазах достойными высокой чести (священства); я даже готов не лишать никого из своих единоплеменников этой чести, хотя бы он и уступал вам по своему богатству и по другим преимуществам. Однако я предоставил эту почетную должность Аарону, и не потому, что он выдается своим богатством — ты сам превосходишь нас обоих в этом отношении, — а также не вследствие его благородного происхождения — Господь Бог дал нам всем одно общее происхождение, даровав нам одного общего предка, — наконец, также не из любви к брату предоставил я ему то, на что и всякий другой имел бы право. Ведь если бы я не сообразовался с велениями Господа Бога и с законными постановлениями, то я оставил бы эту почетную должность

себе самому, а не отдал бы ее другому, так как я сам себе ближе, чем мне мой брат, и так как я сам себе дороже, чем он мне. Однако было бы неразумно подвергать себя самого опасности ради того, чтобы сделать приятное другому. Я далек от того, чтобы совершать несправедливости, да и сам Господь Бог не дозволил бы, чтобы пренебрегали Его волею и чтобы вы оставались в неведении относительно последней. Поэтому-то Он сам и выбрал себе священнослужителя и освободил нас от всякой в этом деле ответственности. И хотя Аарон получил эту должность не благодаря моему к нему расположению, но по постановлению самого Господа Бога, он тем не менее готов сложить ее перед вами и предоставить ее желающим; но при этом он требует, чтобы, если он будет выбран, мог беспрепятственно занимать ее, и настаивает на своем праве домогаться ее, причем он предпочитает этой должности — не видеть вас бунтующимися из-за нее, хотя напоминает, что получил ее с вашего согласия. Получая все то, что дает нам Господь Бог, мы не грешим, даже если это делается и против вашего желания: было бы безбожно отказываться от чести, которой удостаивает Предвечный, и было бы совершенно безрассудным не принимать ее, когда Он нам дает ее навсегда и Сам скрепляет ее за нами. Итак, пусть Господь теперь еще раз решит, кому Он желает поручить жертвоприношения за вас и кому заведовать богослужением. Было бы совершенно неуместным, если бы Корей, присвоив себе эту почетную должность, отнял у Господа Бога возможность предоставить ее тому, кому Он сам пожелает. Поэтому прекратите теперь всякие волнения и шум по поводу этого дела; завтра же утром пусть явятся сюда все те, кто имеет притязание на священство, и принесут каждый из дому кадильницу, курение и огонь. И ты также, Корей, предоставь решение дела Господу Богу и обожди Его постановления; не считай себя сильнее самого Предвечного; явись и ты с другими, чтобы выяснилось, достоин ли ты этой высокой должности. При этом я также считаю необходимым и присутствие Аарона, который принадлежит к одному с тобой колену и который не навлек на себя ни малейшего упрека во время отправления им первосвященнических обязанностей. Затем вы перед лицом всего народа принесете жертвы воскурения, и чью жертву благосклоннее примет Господь Бог, за тем и останется свя-

щенство. Таким образом невозможно будет утверждать, чтобы кто-нибудь получил эту почетную должность вследствие расположения к нему его брата»[2].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. При этих словах Моисея прекратился не только шум толпы, но исчезло и всякое относительно него подозрение. Евреи согласились с его доводами, потому что все в этом видели, как оно и было на самом деле, благо народа. Поэтому собрание тотчас разошлось, а на следующий день народ опять собрался на сходку, чтобы присутствовать при жертвоприношении, которое должно было решить, кому из состязавшихся будет принадлежать первосвященство. Сборище этих людей вело себя, впрочем, крайне беспокойно, потому что с нетерпением ожидало исхода испытания: одни из них были бы весьма довольны, если бы были доказаны проделки Моисея, другие же, более рассудительные, рассчитывали избавиться наконец от всех этих треволнений и беспокойств, потому что они боялись, что если беспорядки будут продолжаться, то скоро нарушится весь строй их жизни. Масса же простонародья шумела потому, что по природе своей находит удовольствие в ругательствах по адресу правящих классов и готова согласиться с любым мнением, с которым к ней обращаются. Моисей между тем послал к Авираму и Дафамну слуг с приглашением явиться сообразно уговору и ожидать решения спора путем жертвоприношения. Однако те ответили посланным, что они не намерены повиноваться Моисею, да и не желают дольше смотреть на то, как будет усиливаться, благодаря различным бесчестным проделкам, его авторитет. Получив такой ответ, Моисей пригласил старейшин следовать за ним и сам отправился к Дафамну и его приверженцам, не придавая никакого значения опасности, которой он подвергал себя, идя к таким заносчивым людям. Старейшины беспрекословно повиновались Моисею и пошли за ним. Когда же приверженцы Дафамна увидели, что Моисей является к ним с самыми отборными представителями народа, то вышли со своими детьми и женами из палаток, чтобы посмотреть, что собирается Моисей делать дальше. Вблизи них стояли и слуги их, на всякий случай готовые

явиться на помощь, если бы Моисей вздумал прибегнуть к силе.

2. Когда же Моисей приблизился к ним, то воздел руки к небу и воскликнул таким громким голосом, что весь народ мог слышать его слова: «Владыка небес, земли и моря! Ты самый надежный свидетель того, что все поступки мои сообразовались с волей Твоей. Ты, Который в крайности даровал евреям возможность избегнуть гибели и во всех опасностях милостиво относился к ним, явись мне на помощь и внемли словам моим. От Тебя ведь не остаются скрытыми не только никакие деяния, но даже ни один помысел; потому не откажи и мне в раскрытии всей истины и выведи наружу всю неблагодарность этих людей. Ты ведь в точности знаешь все, что совершилось даже раньше появления моего на свет, и притом знаешь это не понаслышке, но как очевидец, при том присутствовавший. И теперь будь свидетелем моим в том, в чем подозревают меня эти безбожники, хотя они отлично сознают всю истину[3]. Раньше я вел безмятежную жизнь благодаря своей добродетели, Твоей воле и заботливости своего тестя Рагуила; затем я отрешился от всех этих благ и отдал себя на трудное служение этим людям. Сперва я подвергался страшным опасностям и лишениям для возвращения им свободы, теперь же подвергаюсь тому же ради спасения их и охотно готов идти за них на все. Но так как я ныне навлек на себя подозрение в нечестности в глазах тех людей, которые обязаны своим существованием моим непосильным трудам и заботам, то явись мне на помощь; Ты, Который явил мне чудесное пламя на Синае, дал мне услышать тогда Твой голос и показал мне в том месте столько чудес; Ты, Который повелел мне отправиться в Египет и объявить этим людям волю Твою; Ты, Который нарушил благоденствие египтян и дал нам возможность избавиться от их ига, Который сокрушил передо мною войско фараонов, указав нам, не знавшим путей страны, дорогу через море, и вздул волны его так, что они нахлынули на египтян и принесли им гибель; Ты, Который милостиво даровал нам для большей безопасности оружие, когда мы были безоружны; Ты, Который в жажде нашей заставил горькие источники течь годной для питья водой и, когда мы окончательно изнывали, вызвал нам воду из скал; Ты, Который спас нас дарованием пищи со стороны моря,

когда от земли мы не могли рассчитывать ни на что, и Который ниспослал нам с неба пищу, ранее никому не известную; Ты, Который внушил нам мысль о законах и дал нам общественное благоустройство, явись, Владыка Вселенной, и будь мне судьей и неподкупным свидетелем в том, что я никогда ни от кого из евреев не принимал никакого подарка в ущерб справедливости, не постановлял приговора в пользу богача или в ущерб бедняку и не управлял во вред обществу. Теперь же я навлек на себя совершенно чуждое моим принципам обвинение в том, будто бы я предоставил Аарону первосвященство не по Твоему повелению, а ввиду личного своего интереса. Докажи же поэтому и ныне, что все делается сообразно Твоему предопределению и что ничто не доводится до конца само собою, а лишь по Твоему решению и желанию. Накажи Авирама и Дафамна, которые обвиняют Тебя в безрассудном подчинении моей хитрости, и докажи им, что Ты печешься о лицах, желающих принести евреям посильную помощь. Яви на тех, которые столь дерзко затрагивают славу Твою, заслуженное возмездие, лишив их жизни не обычным порядком, дабы не казалось, что они умерли естественной смертью; пусть земля, на которой стоят они, разверзнется под ними и поглотит их вместе с их ближними и имуществом. Это будет для всех показателем Твоего могущества и наставлением в необходимости повиноваться Тебе для всех, нечестиво о Тебе помышляющих. Вместе с тем это могло бы засвидетельствовать и то, что я верно служу Тебе и точно исполняю все Твои предначертания. Если же эти люди возводят на меня справедливые обвинения, то спаси их от всего того возмездия и от той гибели, которую я придумал для них, и подвергни меня самого этой казни. И когда Ты накажешь того, кто захотел совратить народ Твой с пути истины, то установи наконец единодушие и мирное согласие в народе, спаси его, заставив беспрекословно следовать Твоим предначертаниям, избавь его от бедствий и не заставляй терпеть наказание вместе с провинившимися. Ведь Ты знаешь, что было бы несправедливо вымещать злодеяния этих людей на всех евреях вообще».

3. После того как Моисей со слезами на глазах произнес эту речь, земля внезапно задрожала и заволновалась, подобно тому, как волнуется и вздувается море при сильном напо-

ре ветра; весь народ был охвачен ужасом. С шумом и страшным треском раздалась земля около палаток тех недовольных людей и поглотила в себе все, что было им дорого. Раньше, чем кто-нибудь мог сообразить, в чем дело, они таким образом исчезли в недрах земли, которая затем вновь сомкнула свою зияющую бездну и приняла обычный вид, так что не осталось и следа от всего случившегося. Таким образом погибли эти люди во свидетельство всемогущества Господа Бога[4], и гибель их была достойна сожаления не только вследствие чрезмерности постигшего их бедствия, которое само по себе вызывало грусть, но и потому, что родственники их были довольны постигшим тех заслуженным возмездием. Дело в том, что, невзирая на свое родство с погибшими, они, ввиду случившегося, не могли не одобрить такого Божьего суда, и не печалились, потому что считали, что с приверженцами Дафамна погибли самые преступные элементы народа.

4. Затем Моисей призвал тех, которые спорили о священстве и должны были решить этот спор жертвоприношением, причем тому выпало бы на долю священство, чья жертва оказалась бы более угодной Господу Богу. И вот, когда собралось двести пятьдесят человек, которые пользовались за добродетели своих предков большим, а за свои собственные еще большим почетом в глазах народа, тогда выступили вперед также и Аарон и Корей, и все зажгли перед Скинией в своих кадилах принесенные с собою курения. Тогда вдруг появилось такое пламя, какого никогда не зажигала рука человека и какое никогда не вырывалось из недр земли, какого не может произвести сам собой при сильнейшем ветре загоревшийся лес. Пламя это было так ярко и могуче, что его могло вызвать только веление Господа Бога. Огонь этот бросился на всех двести пятьдесят человек вместе с Кореем и пожрал их совершенно, так что даже кости их не уцелели. Один только Аарон оставался совершенно невредимым среди всего этого огня в знак того, что сам Предвечный ниспослал то пламя для сожжения провинившихся. Ввиду погибели тех людей, Моисей хотел сохранить воспоминание о постигшем их наказании также для грядущих поколений и потому приказал Елеазару, сыну Аарона, сложить их кадильницы у подножия медного жертвенника в назидание будущим поколениям о тех страданиях, которым подверглись люди,

считавшие себя в силах обмануть всемогущего Бога. С этих пор, после того как стало очевидным, что Аарон был первосвященником не по личному расположению к нему Моисея, а в силу ясно выразившейся воли Господней, он мог уже безмятежно отправлять со своими сыновьями священнические обязанности[5].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Несмотря, однако, на все это, не удалось подавить восстание, которое, напротив, разгорелось с гораздо большей силой, чем раньше. Причина этой еще сильнейшей вспышки заставляла думать, что эти треволнения не только не прекратятся, но и будут повторяться в продолжение значительного времени. Дело в том, что, хотя народ и был теперь уверен, что ничто не случается помимо предопределения Господнего, он тем не менее не желал, чтобы все делалось Предвечным лишь в угоду Моисею. И вот они стали обвинять Моисея в столь гневной расправе Господа Бога, который наказал виновных не столько вследствие их проступка, сколько вследствие происков Моисея; к тому же раздавалось обвинение, что эти люди погибли совершенно безвинно, так как выказали лишь ревностное отношение к богослужебному вопросу; между тем Моисей для того лишь покарал народ гибелью такого количества лучших людей, чтобы не подвергаться новым обвинениям и вдобавок, чтобы беспрепятственно предоставить первосвященство своему брату: теперь уже никто не станет у другого отбивать эту должность, когда имел случай лично убедиться, что первые соревнователи погибли таким ужасным образом. К тому же присоединялось еще и то обстоятельство, что родственники погибших сильно уговаривали народную толпу чем-нибудь обуздать властолюбие Моисея: этим ведь отвратится общая для всех опасность[6].

2. Моисей же, который уже давно слышал о распространяющемся волнении и опасался, как бы не произошли новые, более серьезные и опасные беспорядки, созвал народ в собрание и, вовсе не оправдываясь в тех обвинениях, о которых до него доходили слухи, и не желая возбуждать толпу еще более, обратился к старейшинам колен с одной лишь просьбой:

принести посохи, на которых были бы написаны имена колен, по одному на каждом посохе. Пусть впоследствии тому будет принадлежать первосвященничество, над чьим посохом Господь Бог явит чудо. Это предложение было принято, и посохи были доставлены всеми старейшинами, а также и Аароном, который написал на своем посохе имя Леви. Все эти посохи Моисей положил в Скинии Господней, а на следующий день вынес их оттуда. Они были все легко узнаваемы, потому что их отметили не только старейшины, принесшие их, но и простой народ. Тогда оказалось, что все остальные посохи остались совершенно в том же виде, в каком получил их Моисей, тогда как из посоха Аарона вышли листья, ветки и спелые плоды, именно миндаль, потому что из миндального дерева был сделан и посох. Пораженные таким необычайным зрелищем, все те, кто питал еще злобу к Моисею и Аарону, отказались от нее и стали открыто выражать свое удивление Божьему суду в этом деле. В результате они совершенно подчинились решению Господа Бога и охотно согласились беспрепятственно предоставить Аарону отправление первосвященнических обязанностей. Таким образом последний окончательно занял, после троекратного подтверждения права его Господом Богом, эту почетную должность, и продолжавшиеся столь долгое время беспорядки среди евреев наконец прекратились[7].

3. Освободив колено Левино от всякой военной службы, для того чтобы оно могло служить Господу Богу, Моисей повелел евреям, когда они получат по воле Господней Ханаанею, предоставить левитам сорок восемь укрепленных и хороших городов, каждый с участком земли в две тысячи локтей ширины, считая от городских стен. Таким образом он обеспечил их и избавил от необходимости искать себе средства к жизни и тем самым запускать богослужение. Сверх того, он также распорядился о том, чтобы народ доставлял левитам и священникам десятину от всех плодов каждого года. Вот какой доход получало колено Левино от всего народа; вместе с тем я считаю здесь уместным указать на то, что специально перед другими получали священнослужители[8].

4. Из сорока восьми городов левиты должны были предоставлять служителям тринадцать и уделять им сверх того десятую часть той десятины, которую левиты получали еже-

реев через пустыню и по Аравии. Таким образом, он достиг местности, которую арабы считают своей столицей и которая прежде называлась Аркой, ныне же именуется Тетрой[13]. Тут возвышается большая гора. На нее взошел Аарон, потому что Моисей объявил ему о приближении смерти, на глазах у всего народа[14] — возвышенность эта находилась как раз против месторасположения стана, — снял свое первосвященническое облачение и передал его сыну своему Елеазару, которому, по его возрасту, уже подобало быть первосвященником. Затем он на виду у всех испустил дух свой, в тот же самый год, в который умерла сестра его; прожил он в общей совокупности сто двадцать три года. Умер он также в новолуние того месяца, который у афинян носит название Гекатомбеона, у македонян Лооса, а у евреев Авваса[15].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. После того как народ оплакивал смерть Аарона в продолжении тридцати дней и срок этот истек, Моисей двинулся со всем станом и прибыл к реке Арнону, которая берет начало в горах Аравии, протекает посередине пустыни и впадает в Асфальтовое море, служа границей между страной моавитян и землями аморреян. Почва в этой местности плодородна и в состоянии легко прокормить своими произведениями массу народа. Ввиду этого Моисей отправил к Сихону, царю той страны, посольство с просьбой разрешить еврейскому войску прохождение по его владениям, причем выразил готовность представить какие угодно ручательства в том, что ни страна, ни подданные Сихона не подвергнутся ни малейшему ущербу, и указал, кроме того, еще на всю выгоду такого разрешения, так как евреи намереваются закупить у него необходимые им съестные припасы и готовы платить им за воду, которой намерены пользоваться. Сихон, однако, ответил решительным отказом, вооружил войско и весьма усердно приготовился воспрепятствовать евреям перейти Арнон[16].

2. Видя такое враждебное настроение аморреянина, Моисей решил молча не сносить такого презрительного к себе отношения и, желая избавить евреев от бездеятельности и вытекающей отсюда нужды, в силу которой они сперва бун-

товались, да и теперь выражали свое неудовольствие, обратился к Господу Богу за разрешением вступить в бой. Когда же Предвечный предсказал ему победу, то Моисей сам воспылал воинственным пылом и стал побуждать своих воинов повоевать теперь вволю, потому что они имеют ныне на то разрешение Господа Бога. Последние не успели получить столь давно желаемое разрешение, как тотчас схватились за оружие и немедленно приступили к делу. Царь же аморрейский, увидев наступление евреев, совершенно растерялся, так что перестал быть похож на себя, да и войско его, незадолго перед тем казавшееся храбрым, теперь было объято паническим страхом. Поэтому аморреяне даже не решились дождаться открытого боя и нападения со стороны евреев, но обратились тотчас же в бегство, видя в последнем более надежное средство спасения, чем в рукопашной битве. Они рассчитывали на прочные укрепления своих городов, которые, однако, не принесли им ни малейшей пользы, когда они пытались скрыться за ними: видя их отступление, евреи тотчас пустились за ними в погоню, вмиг расстроили их боевой порядок и нагнали на них панику. И в то время, как аморреяне в ужасе бежали в города, не прекращали преследования их и охотно подвергались теперь трудностям, которые раньше подорвали бы их силы; а так как они отлично владели пращами и вообще ловко обращались со всякого рода метательным оружием, да и, кроме того, легкость вооружения облегчала им преследование, то они либо настигали врагов, либо поражали из пращей и метательными копьями тех из неприятелей, которые были слишком далеко, чтобы можно было захватить их в плен. Таким образом, произошло массовое избиение врагов; бегущие вдобавок очень страдали от полученных ран; кроме того, их мучила ужасная жажда, гораздо более сильная, чем у евреев (дело происходило в летнее время); и вот, когда большую массу бежавших аморреян пригнало к реке желание напиться, евреи окружили их со всех сторон и перебили их дротиками и стрелами из луков. Тут же пал и царь аморрейский Сихон. Евреи же стали снимать с убитых оружие, овладели богатой добычей и захватили огромное количество съестных припасов, так как все поля еще были полны хлеба. Еврейское войско беспрепятственно проходило по всей стране, забирая припасы и овладевая непри-

ятельскими городами, чему ничто не мешало, так как все вооруженные силы врагов были перебиты.

Аморреян постигло такое несчастье, потому что они не сумели выказать ни ума в своих решениях, ни храбрости на деле; евреи поэтому и заняли их страну. Находясь между трех рек, последняя напоминает остров, ограничивающийся с юга Арноном, с северной стороны — Иавакхом[17], который, впадая в Иордан, сливается с ним в одну реку[18], а с западной стороны эту местность охватывает Иордан[19].

3. При таком-то положении дела двинулся на евреев царь Галада[20] и Гауланитиды[21], Ог, спеша во главе войска на выручку другу своему Сихону; и хотя он успел узнать, что последний пал, он тем не менее решил вступить в бой с евреями, вполне рассчитывая на победу и лишь желая испытать их храбрость. Однако он ошибся в своих надеждах: сам он пал в битве, да и все войско его целиком подверглось избиению. Тогда Моисей переправился через реку Иавакх и пошел по стране Ога, разрушая на пути своем города и убивая всех жителей, которые, в силу плодородия своей почвы и больших хлебных запасов, превосходили всех прочих тамошних туземцев богатством.

Ог отличался исполинским ростом и редкой красотой; при этом ему была присуща также необыкновенная храбрость, которая вполне отвечала его статному и красивому телосложению. В его силе и огромном росте могли убедиться евреи, захватив в амманитском царском городе Равате его ложе: последнее было сделано из железа, имело четыре локтя в ширину, а в длину вдвое больше с прибавкой еще одного локтя. После поражения, нанесенного Огу, дела евреев поправились не только в данную минуту, но его смерть явилась причиной и будущего их благополучия, потому что они заняли шестьдесят бывших у него в подчинении и весьма сильно укрепленных городов и получили все вместе и каждый в отдельности богатую добычу[22].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Моисей между тем продолжал поход и повел свое войско к Иордану на большую равнину, лежащую против Иерихона. Город этот отличается большим богатством, разводя

главным образом массу финиковых пальм и бальзамовых кустов[23]. В это время израильтяне уже начали сильно уповать на свою храбрость и горели желанием вести войны. Поэтому Моисей, принеся сперва в продолжение нескольких дней благодарственные жертвы Господу Богу и устроив для народа пиршество, выслал часть своих воинов для разграбления страны мадианитян и для занятия их городов. Поводом же к объявлению им войны послужило ему следующее обстоятельство:

2. Когда моавитский царь Валак, связанный с мадианитянами старинной дружбой и союзным договором, заметил такое усиление могущества евреев, то стал очень беспокоиться относительно собственных владений (тем более, ему ведь было неизвестно, что Господь Бог запретил евреям занимать другие земли после овладения Хананеей) и решил, впрочем более поспешно, чем разумно, подойти к ним с хитростью. При таких условиях он считал рискованным начать с ними войну, тем более что ввиду недавних успехов евреи сделались еще храбрее; он решил по возможности только воспрепятствовать усилению могущества евреев и с этой целью отправил посольство к мадианитянам. Так как у Евфрата жил некий Валам, лучший в то время прорицатель, с которым мадианитяне были в дружественных отношениях, то последние послали к нему вместе с посольством Валака нескольких из самых почтенных мужей своих, которым было поручено склонить прорицателя к тому, чтобы он явился к ним для произнесения гибельного заклинания над израильтянами. Когда к нему явились посланные, то Валам принял их крайне гостеприимно и, устроив им угощение, обратился к Господу Богу за советом, как ему отнестись к предложению мадианитян. Получив отрицательный ответ, он вернулся к посланным, указал им на свою личную охоту и готовность исполнить их просьбу, но вместе с тем сказал, что Господь Бог, который один столь возвысил его даром правильного предвещания будущего, противится такому предложению, так как войско, которое ему теперь предлагается проклинать, пользуется большим расположением со стороны Предвечного. Ввиду всего этого Валам посоветовал им не выказывать евреям своего враждебного к ним настроения[24].

3. С этими словами он отпустил послов домой, но мадиа-

нитяне, вследствие настойчивых и неуклонных просьб Валака, отправили к Валаму новое посольство. Желая угодить последнему, Валам вновь вопросил Господа Бога, который разгневался на это и приказал Валаму не отказывать в просьбе мадианитянам. Тогда Валам, не подозревая в этом умысла, отправился в путь вместе с послами[25]. Когда во время путешествия ангел Господень заградил ему путь в узком месте между двумя каменными стенами, то ослица, на которой ехал Валам, чувствуя близость Господню, прижала Валама к одной из стен, не обращая внимания на удары, которыми награждал ее Валам за то, что она причиняла ему боль, прижимаясь так плотно к стене. Когда же ангел продолжал стоять на дороге, то ослица, получая удары, упала на передние ноги и, по воле Господа Бога, заговорила человеческим голосом, укоряя Валама в несправедливости, выражающейся в том, что он награждает ее ударами, хотя она до сих пор всегда хорошо служила ему, и не понимает, что теперь решение Предвечного удерживает ее идти к тем, к которым он так сильно спешит[26]. Валам пришел в крайнее смущение, когда услышал, что ослица заговорила человеческим голосом, и в ту же минуту ему стал виден и ангел, который запретил ему бить ни в чем не повинное животное и сказал, что он сам преградил ему дальнейший путь, потому что так решено Господом Богом. Валам в ужасе готов был вернуться назад, но Господь Бог повелел ему продолжать путешествие, приказав при этом высказать (при Валаке) все то, что Он внушит ему.

4. Когда Валам после этого повеления Предвечного прибыл к Валаку и царь торжественно принял его, то прорицатель попросил, чтобы его повели на вершину какой-нибудь горы, откуда ему представилась бы возможность видеть все еврейское войско. Валак сам вызвался сделать это и с царскими почестями проводил прорицателя на гору, которая возвышалась над еврейским станом в расстоянии шестидесяти от него стадий. Обозрев отсюда неприятельские силы, Валам приказал царю воздвигнуть семь алтарей и велеть привести столько же быков и баранов. Царь распорядился поскорее исполнить требование Валама; последний принес жертву всесожжения и, когда увидел, что последняя предзнаменует бегство, сказал: «Тот народ счастлив, которому Господь Бог даровал такое обилие всяких благ и которому навсегда милос-

тиво обещал Свое покровительство и заботливую поддержку. Не существует ни единого племени, которого вы не превосходили бы по добродетели вашей и рвению ко всему лучшему и высокому, и качества эти вы в еще большей степени передадите своему потомству, так как Господь Бог взирает перед всеми людьми лишь на вас, почему вы и достигнете величайшего среди всех народов, которым светит солнце, благополучия. Страну, в которую Он сам направил вас, вы займете: она всегда будет в подчинении у потомков ваших, и славой имени последних наполнится суша и море. Вы будете иметь возможность доставить всякой стране земли потомков своих. Радуйся поэтому, счастливое войско, что ты, происходя от одного родоначальника, стало столь многочисленным народом! Теперь, когда вас еще не так много, вы займете лишь страну Ханаан, но знайте, что в будущем вам уготована вся земля для жительства и что народ ваш, более многочисленный, чем количество звезд на небе, распространится не только по материкам, но и по островам. И хотя вы достигнете такого размножения, Господь Бог все-таки не лишит вас свободного пользования всеми благами в мирное время и будет продолжать даровать вам победу и силу во время войны, когда потомство врагов ваших охватит желание воевать с вами и когда у них будет настолько храбрости, чтобы вступить с вами в бой. Из них ни один не вернется домой победителем на радость детям и жене. Такая храбрость будет у вас следствием расположения к вам Господа Бога, который обладает властью отнять у человека все лишнее и дать ему все недостающее».

5. Все это возвестил Валам не по собственному желанию, но вследствие побуждения к тому со стороны духа Господня. Когда же Валак в негодовании стал упрекать его в том, что он нарушил договор, хотя союзники и сделали ему крупные подарки и пригласили его для произнесения проклятия над врагами, и что он возвеличил их и прославил как самых счастливых людей, Валам ответил: «О Валак! Приняв все хорошенько во внимание, неужели ты думаешь, что от нас зависит молчать или говорить, если охватывает нас дух Божий, который заставляет нас говорить помимо нашего собственного сознания так, как Он пожелает? Я, конечно, отлично помню, ради чего ты и пригласившие меня мадианитяне

привели меня сюда и ради чего я прибыл к вам; при этом у меня положительно не было намерения обмануть хоть в чем-нибудь твои ожидания. Но Господь Бог могущественнее тех, кому я решился было служить, потому что бессильными оказываются все те, которые сами по себе рассчитывают раскрыть завесу будущих судеб человечества, мнят себя в силах воздействовать на решения Господа и хотят сказать не то, к чему побуждает их Предвечный. Мы сами не принадлежим себе, раз дух Божий осенил нас. Таким образом, и я был далек от мысли восхвалять это (вражеское) войско или перечислять блага, которыми одарит его Господь Бог; но Предвечный, относясь к ним с расположением и желая как можно скорее даровать им счастье в жизни и вечную славу, заставил меня возвестить то, что я сказал. Теперь же, так как мне очень хочется оказать тебе и мадианитянам услугу, в которой мне даже неловко отказать им, давай воздвигнем еще раз другие алтари и принесем жертвы, подобные прежним: быть может, мне и удастся склонить Господа Бога и Он разрешит мне произнести проклятие тем людям».

Валак согласился на это, но Господь Бог вторично не позволил произнести проклятие над израильтянами. Когда же и в третий раз было совершено на вновь воздвигнутых алтарях жертвоприношение, то и тогда Валам не был в силах произнести проклятие над евреями; напротив, он пал ниц и стал пророчествовать, что некогда случится с царями и самыми выдающимися городами, из которых многих тогда еще вовсе не существовало, а также начал упоминать о всем том, какие судьбы постигли прежде и до настоящего времени род людской на суше и на море. Так как все так действительно и случилось, как говорил Валам, то в этом также заключается залог правильности его предсказаний относительно грядущего[27].

6. Валак очень рассердился, что Валам не проклял израильтян, и отпустил его домой, ничего не заплатив ему. И вот, когда Валам отправился восвояси и уже собирался переправиться через Евфрат, он послал за Валаком и князьями мадианитскими и обратился к ним со следующими словами: «Так как я чувствую потребность и помимо воли Господа Бога оказать вам услугу, то послушайте меня, Валак и присутствующие здесь мадианитяне: народ еврейский не может совер-

шенно погибнуть, ни от войны, ни от болезни, ни от недостатка плодов земных, ни от другого внезапного бедствия, потому что у Господа Бога решено спасти их от всякого несчастья и даже не допускать их до такой беды, от которой все могли бы погибнуть. Конечно, незначительные напасти от времени до времени постигают и их, причем кажется, что напасти эти производят на них удручающее впечатление; но вскоре затем они снова усиливаются в такой степени, что наводят страх на лиц, пытавшихся оказать им вред. Итак, если вы на короткое время желаете пользоваться выгодами победы над евреями, то сможете этого достигнуть следующим образом: пошлите самых красивых дочерей своих, которые были бы в состоянии, благодаря своей очаровательности, соблазнить и вполне подчинить себе евреев, поближе к стану последних; пусть они еще более выставят свои прелести наилучшими нарядами, и повелите им не отказывать тем еврейским юношам, которые будут умолять их о взаимности. Когда же девушки увидят, что они разожгли страсти, то пусть (притворно) обратятся в бегство и согласятся не раньше внять мольбам своих преследователей, чем удастся склонить последних к отречению от своих законов и от Господа Бога, который дал им эти законы, а равным образом побудить их к почитанию мадианитских и моавитских божеств. Таким способом евреи навлекут на себя гнев Божий».

7. Дав этот совет, Валам отправился дальше. Когда же мадианитяне, согласно его предложению, послали дочерей своих к еврейскому стану, то еврейские юноши были очарованы их красотой, вступили с ними в разговор и стали умолять их дать им насладиться этой красотой и согласиться вступить с ними в более близкие отношения. Девушки охотно внимали таким речам и сошлись с ними, а когда увидели, что им удалось возбудить сильнейшую, все более и более возраставшую страсть, то собрались уходить. Юношей при этом охватило страшное отчаяние, и они стали настойчиво умолять не покидать их, но, сделавшись их женами, остаться тут и быть госпожами всего их имущества. Юноши клятвенно уверяли их в этом и призывали в свидетели осуществления этих обещаний Господа Бога, плакали и всяческим образом старались вызвать жалость в этих женщинах. Последние же, видя, что юноши в полном у них подчинении и окончательно подда-

дутся им при постоянном сожительстве, обратились к ним со следующими словами:

8. «У нас, дражайшие юноши, имеются собственные отцовские дома наши и полное обилие всяких благ; к тому же мы пользуемся покровительством и любовью наших родителей и прочих членов семьи. Не нуждаясь, следовательно, ни в чем таком, мы добровольно пришли к вам сюда, вступили с вами в дружеские разговоры и согласились на ваши настойчивые требования сойтись с вами не для того, чтобы вы могли попользоваться телесной красотой нашей, но склонились на ваши мольбы оттого, что считали вас хорошими и порядочными людьми, которых мы почтили этим даром гостеприимства. Теперь же, раз вы уверяете нас в такой безграничной любви и так опечалены нашим намерением возвратиться к себе домой, мы и сами не в состоянии отказать вам в вашей просьбе и готовы любить вас и всегда жить с вами, как жены ваши, если только вы дадите нам тот залог верности, который единственно имеет значение в глазах наших. Мы должны иметь ручательство в том, что, когда вы пресытитесь сожительством с нами, вы не отошлете нас с позором и бесчестием обратно домой». При этом девушки говорили, что лишь при таких условиях они могут рассчитывать на прощение со стороны своих родных. Когда же юноши немедленно и единодушно выразили согласие дать им какое угодно ручательство в своей верности, в ослеплении страсти, очевидно, не будучи в состоянии им ни в чем отказать, девушки сказали: «Так как вы держитесь такого взгляда на вещи, но в обычаях своих и образе жизни сильно отличаетесь от всех существующих народов, так что и пища у вас должна быть особенная, и питье различное от других людей, то, если вы желаете вступить с нами в сожительство, необходимо, чтобы вы почитали наших богов. Другого залога в искренности вашего расположения к нам, в прочности которого вы нас уверяете, мы не можем принять, как только этот: поклоняйтесь тем же самым богам, которых чтим и мы. При этом никто не сможет сделать вам ни малейшего упрека, если вы обратитесь к богам той страны, в которую вы прибыли, тем более что наши божества общи всем прочим людям, ваш же Бог до этого еще не дорос. Итак, — закончили девушки речь свою, — всем вам приходится либо согласиться на такие условия, либо искать

другой земли, где вы могли бы жить одни по своим собственным законам».

9. Юноши в своем любовном увлечении готовы были согласиться со всем, что бы ни сказали эти девушки, подчинились всем требованиям последних и нарушили родные установления, признав существование нескольких богов, принеся идолам их, которых они поставили у себя в домах, жертвы по обрядам туземцев, вкушая чуждую им дотоле пищу и постоянно делая в угоду этих женщин все, чего бы они ни пожелали, хотя бы это и было противно их родным установлениям. Таким образом, вскоре во всей стране распространилось крайне беззаконное поведение юношества и возникли беспорядки гораздо более серьезные, чем прежде, так что явилась опасность окончательной гибели родных обычаев. Ибо раз юношество успевало познакомиться с чужими нравами, оно тотчас всецело отдавалось им, и те юноши, которые еще случайно выдавались своей привязанностью к прежним обычаям, также быстро подвергались общей порче.

10. Даже Замврий, начальник Симеонова колена, вступивший в связь с Хосвией, дочерью владетельного князя Сура, был у нее в полнейшем подчинении, делал ей в угоду все против постановлений Моисея, перестал в честь ее приносить установленные жертвы и взял эту чужестранку даже в жены. При таком положении дел Моисей стал опасаться, как бы не случилось еще чего-нибудь худшего. Созвав поэтому народное собрание, он, не называя, однако, никого по имени, чтобы не отрезать скрытым нечестивцам возможности одуматься, начал указывать им на всю непристойность поступков тех лиц, которые ставят свое удовольствие выше собственного и родного Бога и установленного Им образа жизни. Таким людям, если они желают иметь успех, следует измениться и искать славы не в нарушении законов, а в неподчинении своим страстям. К тому же Моисей указывал на необдуманность их, заключающуюся в том, что люди, которые вели воздержный образ жизни в пустыне, теперь, при счастливых обстоятельствах, предаются разгулу и стараются расточить ныне все то имущество, которое приобретено ими путем лишений. Такими увещаниями он старался вернуть юношей на путь истины и привести их к раскаянию в их поступках.

11. Но Замврий поднялся со своего места и сказал следу-

ющее: «Ты, Моисей, следуй тем законам, относительно которых ты так усердствуешь и к которым ты приучил народ путем продолжительной практики, потому что, если бы последнее было не так, ты давно получил бы достойное возмездие и понял бы, что евреи не так наивны. Во мне, однако, ты не увидишь последователя своих тиранических предписаний. Отняв у нас всякую усладу и самостоятельность жизни, каковые качества являются уделом свободных, не признающих над собой постороннего владычества людей, ты до сих пор всяческими средствами навязывал нам под видом законов полное порабощение Богу, а себе оставлял всю власть. Таким образом, ты для евреев хуже египтян, потому что постоянно готов наказывать всякого, кто бы поступил не по законам, а по собственному усмотрению. Гораздо справедливее было бы подвергнуть тебя самого наказанию за то, что ты отвергаешь общепризнанное благо и, наперекор общественному мнению, выставляешь свои собственные грубые и неуместные суждения. По справедливости я должен был бы теперь лишиться своего положения, если бы, считая свои настоящие поступки хорошими, постеснялся открыто признать их таковыми. Я взял-де жену иностранку, выставляешь ты на вид. Хорошо. Ты услышишь от меня, как от человека свободного, о всех моих поступках, потому что я не намереваюсь скрывать их. Затем я жертвую тем богам, приносить жертвоприношения которым мне кажется подходящим, так как я считаю уместным отыскать себе истину среди многих божеств, а не жить как бы под властью тирана, на которого одного должна быть направлена надежда всей моей жизни. Никто не сможет похвастаться тем, что он оказал на меня серьезное давление в делах, в которых я поступал сообразно собственному своему влечению».

12. Когда Замврий привел это в оправдание своих собственных и некоторых чужих закононарушений, то народ совершенно умолк, боясь последствий этой речи и видя, что законодатель не желает переубеждать его и пускаться в препирательство. Моисей же стал опасаться, как бы дерзкие речи Замврия не нашли подражания и не волновали бы народа. При таких обстоятельствах народ разошелся по домам, и гроза приняла бы еще большие размеры, если бы весьма скоро затем Замврий не умер. Дело это произошло следующим

образом: Финеес, человек вообще более добродетельный, чем его товарищи, и к тому же занимавший среди своих сверстников выдающееся положение, благодаря заслугам отца своего (дело в том, что Финеес был сыном первосвященника Елеазара и внучатым племянником Моисея), был крайне возмущен поступками Замврия и решил лично наказать последнего, раньше чем распространится и усилится, ввиду своей безнаказанности, подобное дерзкое отношение. Желая, следовательно, предупредить распространение безнаказанного нарушения законов, Финеес выказал такую твердость характера и неустрашимую храбрость, что, несмотря на все опасности, не только не отказывался от исполнения задуманного плана, но успокоился лишь тогда, когда столкнулся с этими опасностями лицом к лицу и осилил их. Именно он пошел в палатку Замврия и ударом копья уложил последнего и Хосвию на месте. Тогда все юноши, у которых еще оставалось хотя бы немного порядочности и честности, последовали решительному примеру Финееса и перебили всех, подобно Замврию провинившихся. Таким образом, благодаря честности этих юношей, погибло множество людей, преступивших законы, все же остальные (вероотступники) умерли от чумы, которую наслал на них Господь Бог и жертвами которой сделались даже и все те родственники погибших, которые вместо того, чтобы удерживать их от неповиновения Предвечному, напротив, даже поощряли таковое. Так выбыло из числа способных носить оружие не менее четырнадцати тысяч человек.

13. В гневе на эту гнусность со стороны мадианитян Моисей выслал против них войско с поручением перебить их всех. Но об этом нашествии евреев мы расскажем несколько ниже, а здесь остановимся на предмете, который мы раньше пропустили. Именно тут будет уместным не обходить молчанием порядочное отношение нашего законодателя к Валаму. Дело в том, что, хотя Валам был приглашен мадианитянами для того, чтобы произнести над евреями проклятие, которого он, по воле Господа Бога, правда, произнести не мог, и хотя он вместо того дал мадианитянам совет, от которого чуть было не погибло все войско евреев, отчасти вследствие изменения образа жизни, отчасти от чумы, Моисей все-таки счел возможным в высокой степени почтить Валама, отметив его

пророчества. И хотя Моисею было бы совсем легко приписать себе лично и своим заслугам весь славный исход этого дела, тем более что ему нечего было бы опасаться каких-либо изобличителей, он тем не менее засвидетельствовал заслуги Валама и сохранил его память потомству. Впрочем, пусть судит об этом всякий по личному своему усмотрению[28].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. В силу указанных нами выше соображений Моисей отправил в страну мадианитян войско, состоявшее из двенадцати тысяч человек, набранных поровну из каждого колена, и назначил военачальником этой рати Финееса, который, как было нами выше упомянуто, явился охранителем еврейских законов и наказал решившегося преступить последние Замврия. Узнав, что на них надвигается войско и что оно уже недалеко, мадианитяне тем временем собрали свои силы и заняли проходы, ведшие в их страну. Тут они готовились встретить неприятелей и потому, укрепив эти проходы, ожидали их здесь. Когда же войска сошлись, то бесчисленное, не поддающееся счету количество мадианитян пало, равно как были убиты и все цари их, которых было пять: Оей, Сур, затем Ровей и Ур. Пятым же был Рекей, по имени которого был назван самый выдающийся город Аравии, еще и поныне называющийся по имени своего царственного арабского основателя Рекемою, тогда как грекам город этот известен под именем Петры[29]. Обратив врагов своих в бегство, евреи принялись опустошать всю их страну, захватили богатую добычу и перебили жителей, мужчин и женщин, пощадив, по приказанию, данному Финеесу Моисеем, только девушек. Затем Финеес вернулся назад с совершенно невредимым войском и огромною добычей, а именно с шестьюдесятью тысячами крупного рогатого скота, шестьюстами семьюдесятью пятью тысячами овец, шестьюдесятью тысячами ослов и громадным количеством золотой и серебряной домашней посуды и утвари, потому что при своем богатстве мадианитяне привыкли к роскоши. Вместе с тем в еврейский стан было приведено тридцать две тысячи девушек. При распределении добычи Моисей предоставил пятидесятую часть Елеазару и священникам, пятидесятую часть остатка отдал левитам, а

все остальное распределил между народом. После этого евреи жили счастливо, наслаждаясь добытыми собственной храбростью богатыми средствами, и никакое бедствие не омрачало пользование этими богатствами[30].

2. Достигнув теперь уже преклонного возраста, Моисей, по указанию самого Господа Бога, назначил своим преемником как в отношении пророчествования, так и в качестве предводителя на случай необходимости Иисуса, который, под личным руководством самого Моисея, изучил все законы и вероучение[31].

3. В то же самое время два колена, Гадово и Рувилово, а также половина колена Манассиева, которые были особенно богаты рогатым скотом, да и вообще отличались большей зажиточностью, сообща обратились к Моисею с просьбой предоставить им перед другими завоеванную страну аморритян, которая была им особенно пригодна ввиду своих хороших пастбищ. Предполагая, однако, что они из боязни сражаться с хананеянами нашли в этой заботливости о своих стадах лишь удобный предлог, Моисей назвал их гнусными трусами и сказал им, что они прикрывают свою трусость приличным предлогом, желают вести спокойную и безопасную жизнь, в то время как все остальные будут работать над достижением обетованной земли, и не хотят участвовать со всеми прочими в дальнейшем завоевании страны, которую обещал предоставить им Господь Бог по переходе через Иордан, и в том, чтобы совместно со всеми остальными евреями прогнать оттуда всех указанных Предвечным врагов. Видя такой гнев Моисея и находя, что последний совершенно основательно отнесся таким образом к их просьбе, они стали приводить в свое оправдание, что они обратились к нему с этой просьбой не из страха перед опасностями и не вследствие изнеженности и тягости походов, но лишь с той целью, чтобы иметь возможность, поместив в удобном месте свое имущество, с большею легкостью участвовать в походах и битвах. Они охотно, продолжали они, пойдут за остальными войсками, раз он позволит основать им города для безопасного в них пребывания их жен и детей и имущества. Моисей склонился на этот довод, созвал на совещание первосвященника Елеазара, Иисуса и всех старейшин и предоставил просителям страну аморритян на условии оказания остальным

единоплеменникам вооруженной помощи во всех случаях, пока вся страна не будет покорена окончательно. Получив таким образом желаемую местность, указанные колена основали в ней укрепленные города и перевели туда детей, жен и то имущество, которое могло бы стеснять их в походах[32].

4. Моисей постановил также, чтобы десять из этих (вновь построенных) селений вошли в состав сорока восьми левитских городов; три из них он назначил местом убежища для всех, кто совершит неумышленное убийство, и определил сроком такого изгнания период от совершения убийства до смерти того первосвященника, при жизни которого произошло неумышленное преступление это. С наступлением смерти первосвященника убийце было разрешено вернуться домой; до этого же момента родственникам убитого предоставлялось право безнаказанно убивать убийцу, если бы они встретили его вне границ города-убежища; прочим же лицам это не разрешалось вовсе. Города, которые были назначены местом убежища, были следующие: Восора на границах Аравии, Ариман в стране Галаадской и Гауланан в Батанее[33]. Равным образом Моисеем было сделано распоряжение, чтобы по завоевании Ханаанеи три других города из числа принадлежащих левитам служили местом убежища для беглецов[34].

5. Когда однажды к Моисею явились старейшины из колена Манассиева, заявили ему, что из их колена умер выдающийся человек по имени Олофан[35], который не оставил по себе наследников мужского пола, а только дочерей, и спросили, будут ли иметь последние право наследия, то Моисей ответил: если они собираются выйти замуж за кого-нибудь, кто принадлежит к их собственному колену, то они могут сделаться участницами отцовского наследства; если же выйдут за представителей другого колена, то наследство должно остаться за их коленом. Таким образом Моисей установил, чтобы ни одно наследство не выходило из пределов колена, к которому принадлежал наследодатель[36].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Так как (со времени исхода из Египта) прошло сорок лет без тридцати дней, то Моисей созвал народное собрание вблизи Иордана в том месте, где теперь находится город Ави-

ла[37], славящийся обилием финиковых пальм, и обратился к собравшемуся народу со следующею речью[38].

2. «Соратники мои и товарищи по продолжительному и бедственному странствованию. Так как я достиг преклонного возраста, именно ста двадцати лет, а Господу Богу угодно отозвать меня из жизни и волею того же Предвечного мне не разрешено быть вашим сподвижником и товарищем в будущих предприятиях ваших по ту сторону Иордана, то я не считаю себя вправе отказать вам в известной заботливости относительно благополучия вашего и хотел бы, чтобы вы вечно пользовались этим благополучием и в таком счастии сохраняли также память обо мне. Я вполне готов расстаться с жизнью, если мне удастся лишь указать вам еще раз путь благополучия, следуя которому вы смогли бы и за детьми своими сохранить на веки веков благоденствие. При этом вы можете смело поверить словам моим, как ввиду прежнего моего для вас усердия, так и вследствие того, что душа человека, соприкасающегося со смертью, входит в более тесное общение с чистою добродетелью.

О дети Израилевы! Единственным средством к достижению счастья для всех людей является преблагий Господь Бог, ибо Он один в состоянии даровать счастье людям, достойным его, и отнять его у тех, кто согрешил перед Ним. Если вы будете относиться к Нему так, как Он сам того желает и как я, в точности знакомый с Его постановлениями, убеждаю вас, то вас не постигнут неудачи, вы не перестанете славиться своим всем завидным счастьем и не только будете неустанно обладать теперешними средствами своими, но и вскоре достигнете того могущества, какого у вас пока еще нет. Повинуйтесь только требованиям Господа Бога и поступайте всегда так, как Он велит. Не заменяйте никогда теперешних своих законов другим устройством, не отказывайтесь с презрением от теперешней, правильной своей религиозности в пользу какого-либо другого рода богопочитания. Следуя этим советам, вы будете всегда самыми сильными борцами в битвах с кем бы то ни было, и никто из врагов ваших не сможет осилить вас, потому что, опираясь на помощь Божию, вы можете смело не обращать внимания ни на кого. За добродетель вашу вам уготованы великие награды, лишь бы вы держались ее в продолжение всей вашей жизни, потому

что добродетель — самое главное и значительное благо, которое влечет за собою все остальные блага: если вы будете держаться ее по отношению друг к другу, то вы не только будете вполне счастливы и заслужите даже среди иноземцев почетную известность, но и создадите себе также в глазах потомства незыблемую славу. Всего этого вы сможете достигнуть, если будете послушными охранителями мною данных вам по повелению Господа Бога законов и если усердно постараетесь вникнуть в смысл их. Я сам с радостным чувством покидаю вас, рассчитывая на предоставленные вам блага и поручая вас мудрому законодательству, благоустроенному государственному порядку и попечению добродетельных руководителей, которые будут заботиться о вашем благополучии. И Господь Бог, Который до сих пор заботился о вас, по желанию Которого я посвятил вам свои силы, руководил вами не только до сего дня, но готов оказывать вам поддержку Свою в продолжение всего того времени, в течение которого вы сами пожелаете пользоваться Его покровительством; но для этого вы должны оставаться неизменно добродетельными. Лучшие советы, следуя которым вы будете всегда счастливы, дадут вам первосвященник Елеазар, Иисус, старейшины и начальники колен; охотно слушайтесь указаний их, принимая в соображение, что все, кто сумеет хорошо подчиняться, со временем, когда сам получит власть, сумеет и хорошо править; знайте, что истинная свобода состоит в том, чтобы не противиться распоряжениям руководителей ваших. Теперь вы, правда, ищете своей свободы в том, что обижаете своих благодетелей; дела ваши дальше пойдут лишь тогда хорошо, когда вы окончательно откажетесь от этого приема. Никогда не раздражайтесь против руководителей таким образом, как вы неоднократно решались поступать относительно меня; вы ведь отлично знаете, что мне чаще представлялась опасность умереть от руки вашей, чем от руки неприятелей. Впрочем, я говорю вам все это не в виде укора (ведь мне не хочется, расставаясь с жизнью, оставить в вас неприятное по себе воспоминание, тем более что я не сердился на вас даже в то время, когда мне приходилось терпеть от вас оскорбления), но исключительно для того, чтобы вы сдерживали себя на будущее время именно в этом отношении и чтобы вы не думали оскорблять своих начальников,

опираясь на те богатства, которые в большом количестве попадут в ваши руки, когда вы перейдете через Иордан и овладеете Хананеею. Если вы, благодаря своему богатству, будете свысока и презрительно относиться к добродетели, то вы потеряете расположение Господа Бога. Если же вы восстановите Предвечного против себя, то будете побеждены врагами своими, вновь потеряете с величайшим позором ту страну, которою вам теперь придется овладеть, будете рассеяны по всей земле и унижением вашим будут полны земля и море. Тогда, когда вы подвергнетесь такому испытанию, раскаяние ваше уже будет бесполезно и воспоминание о законах, не соблюденных вами, не поведет ни к чему. Поэтому, если желаете сохранить последние, то, победив врагов, не дарuйте никому из них жизни, но решительно избивайте всех их поголовно для пользы дела, для того, чтобы не прельститься, если оставите им жизнь, образом их жизни и тем не нарушать своих собственных установлений[39]. К тому же я советую вам разрушать их жертвенники, срубать их священные рощи, разносить все их храмы, сколько бы их ни было, и уничтожать огнем весь род их, чтобы не было о них помину: только таким образом вы упрочите за собою спокойное пользование своим собственным достоянием. А для того чтобы вы по неведению лучшего не склонялись в сторону зла, я, по повелению Господа Бога, записал для вас как все законы, так и все правила обихода; если вы будете держаться их, то вас можно будет признать самыми счастливыми среди людей».

3. С этими словами Моисей вручил народу книгу, в которой были записаны все законы и правила жизни. Народ же плакал и горько жаловался на то, что теперь придется утратить вождя; люди вспоминали при этом, как Моисей, заботясь об их собственном спасении, подвергал себя всевозможным опасностям, и не надеялись уже более иметь другого подобного руководителя. При этом они также опасались, что, если теперь прекратится заступничество Моисеево, и Господь Бог уже не так хорошо будет относиться к ним. Вместе с тем их обуяла страшная скорбь и охватило глубокое раскаяние относительно того, как недоброжелательно держали они себя в пустыне по отношению к нему, и весь народ разразился громкими рыданиями и был совершенно безутешен. Тем не менее Моисей стал их успокаивать, отвлек их мысли

от себя и от якобы недостойных слез заслуг своих и стал настойчиво убеждать их следовать его правилам жизни[40].

4. Таким образом было распущено народное собрание. Но раньше, чем переходить к продолжению своего повествования, мне хотелось бы остановиться на нашем государственном устройстве, как таковое проистекло из мудрости и добродетели Моисея, чтобы доставить таким путем читателям возможность ознакомиться с этим устройством в его первоначальном виде. Все это я напишу так, как нам оставил Моисей, причем не прибавлю для прикрасы ничего, чего бы он сам не оставил после себя. Нововведением с моей стороны является тут лишь известная группировка материала, потому что у Моисея все эти предписания рассеяны во всевозможных местах его сочинения и в беспорядке, сообразно с тем, как он получал эти предписания от Господа Бога. Я счел необходимым предпослать эти предварительные замечания для того, чтобы не навлечь на себя со стороны случайного читателя из моих единоверцев упрека в неподходящем уклонении от подлинника. Впрочем, здесь будут указаны только те распоряжения, которые имеют отношение к государственному устройству. Остановиться же на подробном разборе тех законов Моисеевых, которые общи у нас с другими народами, я оставляю за собою право впоследствии, в сочинении о наших обычаях и вызвавших их причинах. Книгу эту я, с помощью Господа Бога, собираюсь составить тотчас же по окончании предлежащего сочинения.

5. «Когда вы займете страну Ханаанскую, будете спокойно пользоваться ее благами и приступите, наконец, к основанию городов, то совершайте в угоду Господу Богу следующее, и вы будете иметь прочное основание благоденствия своего: пусть будет священным один из ханаанских городов в наилучшем и выдающемся своим плодородием месте, которое изберет сам Господь Бог и которое укажет путем пророчества. Пусть будет в этом городе один храм с одним алтарем, составленным не из обтесанных, но случайно собранных камней, которые для большего внешнего изящества должны быть покрыты слоем извести. Вести к этому жертвеннику должны не искусственные лестницы, но ступени из насыпанной для того земли. Ни в каком другом городе не быть ни храму, ни алтарю, ибо Господь Бог един и народ еврейский един»[41].

6. «Если кто осмелится богохульствовать, тот да будет побит камнями, труп же его повешен напоказ на целый день и погребен с позором»[42].

7. «Пусть трижды в году собираются евреи со всех окраин страны, которую им удастся занять, в тот город, где они построят храм, для того чтобы возблагодарить Господа Бога за оказанные благодеяния и обратиться к Нему с мольбою не только о поддержке в будущем, а также для того, чтобы путем личных сношений и общих трапез сближаться между собою; ведь очень хорошо, если единоплеменники, и притом живущие по общим установлениям, близко знают друг друга. Это-то и достигается путем таких личных сношений, причем люди, видавшие друг друга и беседовавшие между собою, сохраняют об этом воспоминание, тогда как при отсутствии таких непосредственных сношений они навсегда остаются совершенно чуждыми друг другу»[43].

8. «Кроме определенной мною для священников и левитов десятины, пусть будет отделена еще вторая десятина плодов, которая должна быть продаваема в стране для устройства на вырученные деньги общих трапез и жертвоприношений в священном городе; ибо справедливо, чтобы дары страны были употребляемы в честь Предвечного, который предоставил людям владеть этой страной»[44].

9. «Запрещено совершать жертвоприношения на деньги блудницы; ибо Господь Бог не находит удовольствия в жертве, купленной греховным поступком, и эта жертва будет хуже того позора, при помощи которого для совершения ее добыты средства. Равным образом запрещено приносить жертвы Господу Богу на те деньги, которые получены ценою случки собак, охотничьих ли или сторожевых, безразлично»[45].

10. «Пусть никто не осмеливается хулить богов, почитаемых в других государствах. Также не дозволено ограблять чужие храмы или присваивать себе приношение, назначенное какому бы то ни было божеству»[46].

11. «Никто из вас не должен носить одежду, сотканную из шерсти и льна: это право предоставлено одним лишь священнослужителям»[47].

12. «Когда народ будет собираться в священный город при наступлении праздника Кущей, то каждые семь лет первосвященник, став на возвышенное место, откуда его будет хоро-

шо слышно, обязан прочитать всем вслух законы; и пусть не будут исключены из числа его слушателей ни женщины, ни дети, ни даже рабы. Ибо хорошо, если законы эти будут запечатлены в сердцах их и по возможности прочно утверждены в памяти их, потому что таким образом люди не смогут грешить и не посмеют отговариваться неведением соответствующих постановлений. Кроме того, законы будут в таком случае пользоваться большим значением в глазах прегрешающих, если они будут напоминать последним об ожидающих их наказаниях и если будут столь твердо запечатлены таким громким прочтением в сердцах людей, что всегда будут памятны им как в смысле сущности прегрешения, так и относительно неизбежного за этим наказания. Пусть поэтому и дети раньше всего заучивают наизусть законы: это для них будет наилучшим предметом обучения и основой их дальнейшего благополучия»[48].

13. «Дважды в день, именно при начале его и когда наступит час отхода ко сну, следует возблагодарить Господа Бога за те блага, которые Он даровал нам по освобождении из Египта: справедливо, чтобы мы чувствовали и выражали Ему свою благодарность за все Им уже оказанное нам и тем самым заслужили Его благоволение и на будущее время. Все те необычайно великие благодеяния, которые оказал людям Господь Бог, должно записать на косяках дверей и держать их прикрепленными к руке своей. Все, что может указывать на всемогущество Предвечного и на Его к нам расположение, должны мы записать и носить на лбу и на руке, чтобы расположение к нам Господа Бога было видно повсюду»[49].

14. «Пусть в каждом городе правление будет в руках семи мужей, выдающихся своим добродетельным образом жизни и своим рвением к справедливости, и пусть к каждому из таких правлений будет присоединено в виде помощников по два представителя колена Левина. Пусть те, которые назначены судьями в городах, пользуются возможно большим почетом, дабы в присутствии их никто не осмеливался произносить хулу или совершать что-либо непристойное, потому что такое особенное почтение к людям, занимающим высокую должность, вызовет и большее почтение к Господу Богу и не позволит никому презрительно относиться к Нему. Все, что постановят судьи по своему усмотрению, пусть будет

принято как должное, разве что кому-либо удастся доказать, что они нарушили право за деньги или постановили неправильный приговор по какой-нибудь другой (незаконной) причине. Ведь судьи не смеют давать неправильные решения ни из личной выгоды, ни из пристрастия, но должны выше всего ставить истину. Иначе то было бы оскорблением самого Господа Бога, который явился бы таким образом стоящим ниже лиц, в пользу которых, ввиду их могущества, постановлялись бы решения. Во всемогущем Боге — правда; поэтому, кто в угоду людям, случайно пользующимся значением, извращает истину, тот тем самым признает могущество этих людей выше Божьего. Если же судьи затруднятся разрешить то или другое предложенное им дело (что нередко и случается), то пусть они передадут его целиком в священный город, где собрание, состоящее из первосвященника, пророка и старейшин, уже постановит окончательный приговор»[50].

15. «Показание одного свидетеля не должно иметь законной силы, но свидетелей должно быть трое или в крайнем случае двое, безупречный образ жизни которых мог бы служить гарантией справедливости их показаний. Свидетельство женщин, ввиду их легкомыслия и пристрастия, не должно быть принимаемо во внимание. Также не следует допускать к свидетельствованию рабов, вследствие их неблагородного образа мыслей, так как может возникнуть подозрение, что они скрывают истину из личной выгоды или из чувства страха. Если же кто-нибудь будет уличен в лжесвидетельствовании, то пусть такой человек подвергнется наказанию, которое постигло бы обвиняемого»[51].

16. «Если в какой-нибудь местности будет совершено убийство и ни на кого не падет подозрение в возможности совершения его из чувства личной мести, то пусть с наиболее возможным усердием разыскивается убийца, причем может быть назначено вознаграждение за указание его. Если же и это средство окажется тщетным, то пусть начальники городов, лежащих в соседстве с местом совершения убийства, и старейшины соберутся вместе и измерят расстояние от того места, где найден был труп, до ближайшего города. Пусть затем начальники последнего купят молодую телку, поведут ее в ущелье, которого еще не касался плуг и где не было совер-

шено посева, и, перерезав ее горло, пусть священнослужители, левиты и старейшины того города омоют руки свои над головою зарезанной телки и громко заявят, что руки их чисты в этом смертоубийстве, что не они совершили его, а также не были пособниками в этом преступлении; затем они должны обратиться с мольбою к Господу Богу и впредь оставаться милостивым к ним и предохранить страну их от повторного совершения такого ужасного деяния»[52].

17. «Лучшим видом правления является аристократическое[53], по которому вам и надлежит устроить жизнь свою; не желайте другой формы правления, но держитесь ее, признавая над собою власть законов и нормируя последними все свои поступки: с вас достаточно, что владыкою вашим является Господь Бог. Если же вы тем не менее захотите непременно иметь царя, то пусть будет таковым ваш единоплеменник и да будет в глазах его выше всего забота о всегдашней справедливости и всякой добродетели. Пусть он преклонится пред мудростью Господа Бога и законов, пусть не решает ничего без совета первосвященника и собрания старейшин, пусть не впадает в многоженство, пусть не домогается чрезмерных богатств и массы лошадей, ради обладания которыми он мог бы пренебрежительно относиться к законам. Если же сердце его будет чрезмерно лежать к чему-нибудь подобному, то воспрепятствуйте ему приобрести слишком большое, могущее стать гибельным для вас значение»[54].

18. «Не разрешается самовольно изменять границы ни своей собственной, ни чужой страны, с которой вы живете в мире. Напротив, берегитесь нарушать эти границы, как определенные навеки самим Господом Богом, потому что из желания расширять свои владения возникают лишь войны и смуты. Кто нарушает границы, недалек и от того, чтобы нарушать законы»[55].

19. «Если кто обработает землю и эта земля родит ему плоды раньше четырех лет, то такой человек не должен представлять Богу первину плодов этих, равно как и сам не должен пользоваться ими. На четвертый же год пусть собирает он все плоды (только тогда они будут вполне зрелы) и доставит их в священный город; пусть поделится он тогда этими плодами вместе с десятиною прочих произведений почвы путем общей трапезы с друзьями, сиротами и вдовами. Лишь на

пятый год он может, совершенно по собственному своему усмотрению, распорядиться жатвой»[56].

20. «Та почва, на которой разведен виноград, не должна воспринимать в себе другой посев, потому что совершенно достаточно, если она будет питать виноград и останется свободной от возделки плугом. Землю следует вспахивать с помощью волов и не припрягать к ярму вместе с последними никакого другого домашнего животного: пусть запашка производится одним родом этих животных. И семена пусть будут чистыми и без примесей, дабы не сеять двух или трех родов злаков, потому что природа не терпит такого разнородного смешения. Также не должно случать разнородных животных, чтобы из того не возникло опасности, что и люди по примеру их обесчестят род свой, так как все дурное первоначально возникает из малых причин. Поэтому-то и не следует допускать ничего такого, подражание которому могло бы повести к коренному изменению всего строя общественной жизни. Напротив, ввиду именно этого, законы не оставляют без внимания ни одного случая практики и все их старания направлены к тому, чтобы по возможности быть совершенно безупречными»[57].

21. «Те, кто занят жатвой и сбором злаков, обязаны оставлять также несколько снопов для нуждающихся, дабы эти неожиданные находки служили последним к поддержанию жизни. Равным образом следует оставлять для бедных также несколько кистей винограда, а также не срывать с маслин нескольких плодов для тех, которые не имеют собственных деревьев. Ведь столь тщательный сбор плодов даст хозяевам не такую прибыль, какую доставит им чувство благодарности в нуждающихся. Да и Господь Бог заставит почву дать более обильную жатву, если люди не только будут стремиться к собственной выгоде, но и примут во внимание нужду ближнего. Также не следует завязывать морду вола, когда он молотит на жниве[58], потому что несправедливо лишать тех, кто трудится вместе с нами и способствует лучшему произрастанию хлеба, известной доли злаков. Равным образом не должно препятствовать путешествующим, будь то туземцы или иностранцы, пользоваться зрелыми плодами, но позволять им брать эти плоды и насыщаться ими; хозяева даже должны быть рады, что могут предоставить путникам такое

пользование зрелыми плодами. Впрочем, путешественникам не дозволено забирать с собою запасы таких плодов. Хозяева, перевозящие виноградные кисти к прессу, не должны препятствовать лицам, попадающимся им на пути, отведывать этого винограда: было бы несправедливо не уделять от дарованных нам Господом Богом для пользования благ тем людям, которым хочется отведать их, особенно же ввиду того, что эти плоды зреют и отпадают по повелению Божию. Если же некоторые из деликатности постесняются взять таких плодов, то таких людей, если это израильтяне, следует прямо пригласить пользоваться этими плодами на правах сородичей и совладельцев; если же это чужеземцы, пришедшие из другой страны, то следует просить их принять несколько от этих плодов на память о гостеприимстве, оказываемом им самим Господом Богом. Дело в том, что нельзя считать бесполезно пропавшим всякий подарок, сделанный от чистого сердца, так как Господь Бог дарует нам обилие благ земных не для того только, чтобы мы одни пользовались ими, но и для того, чтобы мы добровольно предоставляли их также в распоряжение других людей. При этом Господь Бог желает, чтобы таким образом, когда евреи будут уделять другим людям от имущества своего, стали особенно ясными неевреям Его, Предвечного, благоволение и щедрость по отношению к народу израильскому. Если кто-нибудь поступит вопреки этим предписаниям, тот да подвергнется от руки общественного служителя сорока без одного ударам плетью и получит, несмотря на то, что он человек свободный, такое позорнейшее наказание за то, что в рабском служении личной выгоде осмелился нарушить законное постановление. Так как вы сами испытывали в Египте и в пустыне много бедствий, то вам подобает заботливо относиться к людям, находящимся в подобных же условиях, и, пользуясь теперь, благодаря милосердию и заботливости Господа Бога, благополучием, в одинаковой степени уделять от него всем нуждающимся»[59].

22. «Кроме тех двух десятин, которые, как я уже выше сказал, уделяются ежегодно одна левитам, а другая в пользу устройства общественной трапезы, должно сверх того на каждый третий год уделять еще третью десятину нуждающимся вдовам и сиротам. Из первых зрелых плодов каждый должен

доставить часть в священный город, возблагодарить Господа Бога за то, что эти плоды принесла дарованная Им почва, совершить установленные законом жертвоприношения и предоставить затем первые части священнослужителям. Когда же кто-нибудь все это сделает, то есть уделит от всего десятины левитам, на общественные трапезы и вместе с тем первенцев, а затем пожелает вернуться к себе домой, то, став против святилища, вознесет благодарственную Господу Богу молитву за то, что Он освободил евреев от гнета египтян и дал им хорошую и плодородную страну; равным образом он должен громко заявить, что он доставил сообразно законам Моисеевым установленные десятины, и вместе с тем обязан молить Бога оставаться во веки веков благосклонным и милостивым к нему, а также ко всем остальным евреям, сохранить за всеми ими дарованные блага и еще приумножить их, если возможно, по свойственному Ему милосердию»[60].

23. «Всякий, кто достигнет брачного возраста, пусть берет себе в жены свободнорожденную девушку из хорошего дома. Кто же не имеет намерения жениться на девушке, тот да не вступит в связь с женщиною, живущею с другим человеком, чтобы не нанести оскорбления ее законному мужу. Свободнорожденным не следует вступать в брак с рабынями, даже хотя бы к тому побуждала их сильная страсть, так как сдерживать свои порывы служит лучшим украшением человека и весьма способствует сохранению им своего (человеческого) достоинства. Также нельзя вступать в брак с публичной женщиной, брачного жертвоприношения которой, благодаря ее телесному осквернению, не примет Господь Бог. Кроме того, лишь у детей, происшедших не от позорных браков или от таких, которые были заключены не по свободному выбору, развивается благородный и свободный склад ума, который склонен к добродетели. Если же кто-нибудь женится, причем невеста слыла девушкой, а на самом деле она таковою не окажется, то пусть он возбудит против нее судебный процесс и лично выступит обвинителем, пользуясь всеми средствами, которые будут в его распоряжении, для доказательства ее виновности; защиту же и замещение обвиняемой на суде обязан взять на себя отец или брат девушки или какой-нибудь другой подходящий ближайший родственник. Если же на суде выяснится невинность девушки, то обвинитель обязан оставить ее у себя для сожительства и

теряет при этом всякое право отослать ее обратно домой, исключая того случая, если бы в его распоряжении находились веские и неопровержимые доводы в пользу такого отослания; а за дерзкое и поспешное возведение на нее обвинения и клеветы он должен подвергнуться заслуженному наказанию, а именно: получить сорок без одного удара плетью и заплатить отцу (жены своей) пятьдесят сиклов. В случае же, если будет доказано, что девушка действительно виновна и не сумела сохранить свою девственность до законного замужества, то она подвергается побитию камнями, если она из народа, и сжигается живьем, если происходит из семьи священнослужительской. Если у кого-нибудь будет две жены, из которых он к одной особенно сильно привяжется и станет оказывать ей явное предпочтение перед другой из-за ее страстности, красоты или по иной какой-либо причине, тогда как другая его жена очутится в пренебрежении, если от любимой жены родится ребенок, который был бы моложе ребенка от первой жены, и если этот младший сын, ввиду явного расположения отца к его матери, станет добиваться прав перворождения и двойной части наследства, как это определено в законах, то это не должно быть допускаемо; несправедливо ведь, чтобы старший по рождению лишался своих прав наследства потому только, что отец более привязан к матери младшего. Тот, кто вступит в связь с нареченною невестою другого человека, уговорив ее и заручившись ее согласием, подвергается смерти вместе с нею, потому что оба в одинаковой мере виновны: он — в том, что подговорил ее постыдными обещаниями уступить ему и предпочесть такую связь законному браку, она же — в том, что отдалась ему и склонилась на прелюбодеяние либо из сладострастия, либо из выгоды. Если же он, напав на нее, изнасилует ее, причем не будет никого вблизи, кто бы мог оказать ей помощь, то будет казнен лишь он один. Кто изнасилует девушку, которая еще не обручена ни с кем, тот обязан на ней жениться. В случае же, если отцу девушки представится нежелательным такой брак, то виновный в совершении насилия платит отцу своей жертвы пятьдесят сиклов пени. Если кто-нибудь захочет по какой бы то ни было причине (которых в жизни может быть очень много) развестись с законной женой своей, тот должен выдать ей письменное удостоверение в том, что никогда уже не осмелится вновь сблизиться с ней. Лишь таким путем разведенная женщина

получает право вступить в новый брак с кем-нибудь другим. Если же она навлечет на себя неудовольствие и этого второго мужа или если по смерти последнего первый муж вновь пожелает вступить с нею в брак, то ей не разрешается вернуться к нему. Если у бездетной женщины умрет муж, то пусть брат последнего женится на ней и, назвав родившегося затем у нее сына именем умершего брата своего, воспитывает его как наследника имущества, оставшегося после покойного. Это постановление должно послужить к общей пользе, потому что при таких условиях роды не вымирают, имущество сохраняется в семьях и вдовам облегчается их участь тем, что они имеют возможность вступить в брак с ближайшими родственниками первых мужей своих. Если же брат покойного не пожелает вступить в брак со своей свояченицей, то пусть последняя пойдет в собрание старейшин, заявит об этом, равно как о том, что, несмотря на ее желание остаться в семье и родить детей, он не соглашается на это и тем позорит память умершего брата своего. По предложении со стороны собрания старейшин ему вопроса, почему он уклоняется от брака, следует, несмотря на вескость или ничтожность объяснения, поступить следующим образом: сняв с брата своего покойного мужа сандалию и плюнув ему в лицо, вдова должна сказать, что он достоин этого за то, что опозорил память умершего. Вслед за этим деверь покидает собрание с позором на всю жизнь свою, вдова же располагает правом выйти замуж за кого ей вздумается[61]. Если кто-нибудь возьмет на войне в плен девушку или замужнюю женщину и пожелает вступить с ней в брак, то такое сожительство разрешается ему не раньше, чем у нее, по острижении волос и облачении в траурную одежду, пройдет срок траура по родственникам и близким, павшим в сражении; лишь когда истечет время печали, она может обратиться к торжественным пиршествам и брачному веселью, потому что хорошо и справедливо, чтобы человек, берущий жену, сообразовался с ее личным настроением и желаниями, а не думал бы исключительно о доставлении самому себе удовольствий, совершенно пренебрегая ею. Лишь по прошествии тридцати дней (этого срока разумному человеку вполне достаточно для оплакивания самых близких друзей) разрешено вступать в брак. Если же муж, удовлетворив страсть свою, не захочет быть дольше в браке с такой женщиной, то он не должен иметь права сделать ее своей рабы-

ней, но ей предоставляется возможность, пользуясь лично полной свободой, уйти от него куда пожелает»[62].

24. «Всех тех юношей, которые стали бы относиться пренебрежительно к своим родителям и отказали бы последним в подобающем почтении, отцы должны первоначально стараться обратить на путь истины словесными увещаниями (ибо отцы являются достаточно компетентными судьями поступков сыновей своих). При этом родители должны поставить молодым людям на вид, что они, родители, вступили друг с другом в брак не удовольствия ради и не для того, чтобы путем союза составить и приумножить свое имущество, а для того, чтобы иметь таких детей, которые позаботились бы о них в старости и снабдили бы их впоследствии всем необходимым. Тут им следует сказать непослушному ребенку примерно так: "Когда ты родился у нас, мы с радостью и глубочайшею за это признательностью к Господу Богу постарались сколь возможно лучше воспитать тебя, не щадя ничего, что могло бы быть тебе особенно полезно и спасительно. Правда, надо быть снисходительнее к проступкам молодых людей; однако до сих пор ты достаточно легко смотрел на обязанности свои по отношению к нам, сделайся теперь благоразумным и вспомни, что и Господь Бог дурно смотрит на тех, кто дерзко поступает с родителями своими, потому что, будучи сам Отцом и родоначальником всего рода человеческого, Он считает Себя лично задетым: ведь Он сам носит с родителями одно и то же название Отца, и вы, дети, оскорбляете и Его своим недостойным поведением. Кроме того, неумолимо наказывает таких детей и закон, всей тягости которого не дай тебе Бог испытать на себе лично". Если юноша добровольно будет подчиняться таким увещаниям, то следует оставить дальнейшие упреки и приписать его бывшие проступки неведению: таким образом может быть поддержан и авторитет законодателя, и родители могут быть довольны, что им не пришлось подвергнуть наказанию (непокорных) сына или дочь. Если же такие словесные убеждения и настойчивые наставления и указания, как образумиться, окажутся тщетными, если ребенок постоянными оскорблениями, наносимыми родителям, окончательно восстановит их против себя, то родители должны в сопровождении народной толпы вывести его за город и там побить камнями, а труп, оставшись в продолжение целого дня на виду у всех, должен

быть предан земле ночью. Точно таким же образом следует поступать и со всеми преступниками, законом приговоренными к смерти. Так же должны быть погребаемы и враги; труп человека, получившего должное возмездие, не должен оставаться без погребения дольше положенного срока»[63].

25. «Никому из евреев не дозволено взимать лихву за пищу или питье, потому что несправедливо, чтобы он наживался на счет единоверца своего; он, напротив, должен помогать последнему в его нужде и видеть в его благодарности и в будущем воздаянии со стороны Господа Бога достаточное вознаграждение за свои труды»[64].

26. «Кто получит взаймы деньги или какие-нибудь плоды, сушеные ли или сырые, обязан с чувством благодарности возвратить занятое собственникам, когда по милости Господней его дела опять поправятся; таким образом, возвращая аккуратно свой долг, они сами себе создают возможность и в другой раз, в случае нужды, получить взаймы. Но даже и тогда, когда (заемщик) задержит возвращение долга, кредитор не смеет вторгаться в дом должника и взять у него что-либо в залог без установленного на то судебного решения, но он может, стоя на дворе, просить себе залога, а должник должен ему сам вынести таковой, не имея права отказать в этом человеку, который явился под прикрытием закона. Если должник человек состоятельный, то кредитор может сохранить у себя залог до возврата ссуды; если же он бедняк, то он должен вернуть ему залог до заката солнца, особенно если этим залогом является плащ, дабы должник мог прикрыться им во сне: ведь и Господь Бог особенно милостив к бедным. Не дозволено брать в залог ручную мельницу с принадлежащими к ней приборами, чтобы бедняки не лишились необходимых вещей для приготовления ежедневной пищи и не подвергались за неимением последней еще какой-нибудь худшей беде»[65].

27. «За похищение человека наказанием должна служить смертная казнь. Кто украдет золото или серебро, обязан вернуть двойное его количество. Человек, убивший другого, вломившегося в дом с целью грабежа, свободен от всякого наказания, даже если бы он накрыл преступника лишь при самом взломе. Кто украл скот, должен возместить учетверенную стоимость его, исключая тот случай, если будет украден вол: за последнего он должен внести в пять раз больше, чем он сто-

ит. Кто не в состоянии уплатить этот штраф, тот да будет рабом тех, кому он своим преступлением нанес убыток»[66].

28. «Проданный в рабство своему единоплеменнику обязан служить ему в продолжение шести лет; на седьмой же год он должен быть отпущен на свободу. Если же в это время у него родились от брака с рабыней в доме хозяина дети и он из расположения к последнему и из любви к своей семье пожелал бы служить еще дольше, то при наступлении юбилейного, то есть пятидесятого, года он должен быть свободен вместе с женою и детьми своими»[67].

29. «Если кто-нибудь найдет на улице золото или серебро, тот должен стараться разыскать потерявшего это, объявлять о месте своей находки и затем возвратить вещь ее владельцу, памятуя, что не следует извлекать пользу из несчастия другого человека. Равным образом, если кто-нибудь найдет скотину, заблудившуюся в пустыне, и ему не удастся разыскать ее владельца, тот должен уберечь эту скотину у себя, призвав Господа Бога в свидетели того, что он не присваивает себе чужой собственности»[68].

30. «Не следует проходить, не обращая внимания, мимо чужого скота, страдающего от непогоды или завязшего в грязи, но должно постараться спасти его и помочь ему, отнесясь к нему как к своей собственности»[69].

31. «Людям, не знающим дороги, следует указывать таковую, не глумиться и смеяться над ними, не обманывать их в шутку, чтобы они от того не пострадали»[70].

32. «Равным образом безусловно запрещено глумиться над немым или глухим»[71].

33. «Кто во время ссоры без оружия нанесет другому рану, от которой он тотчас умрет, тот должен умереть таким же образом, как и его жертва. Если же раненого доставят домой и он умрет от последствий раны спустя несколько дней, то нанесший рану не подвергается наказанию. Впрочем, если раненый останется жив и понесет большие издержки на свое лечение, то ранивший его обязан возместить ему убытки за все время лечения, а также плату врачам. Кто ударит ногою беременную женщину, так что она выкинет, на того судьи должны наложить денежное взыскание, потому что народ лишился в лице погибшего зародыша одного человека; равным образом он обязан уплатить штраф и мужу потерпев-

шей женщины. Если же последняя умрет от последствий удара, то и нанесший ей его подвергается смертной казни, по смыслу закона, требующего жизнь за жизнь»[72].

34. «Никто из израильтян не смеет держать у себя яд или какое-либо другое вредоносное снадобье. Если же у него будет найдено что-нибудь подобное, то он подлежит точно такой же смерти, какую он собирался причинить другим, для которых предназначался яд»[73].

35. «Причинивший кому-нибудь увечье подвергается лишению того же члена, которого он лишил ближнего своего, разве что изувеченный предпочтет получить от него денежное вознаграждение, причем сам закон предоставляет потерпевшему право назначить сумму вознаграждения, если он не желает отнестись к изувечившему его строже»[74].

36. «Бодливого быка хозяин обязан заколоть. Если такой бык боднет на жниве кого-нибудь так, что тот умрет, то такого быка должно побить камнями и мясо его не может считаться пригодным в пищу. Если же обнаружится, что хозяин знал о бодливости быка и не принял достаточных мер предосторожности, то он также подвергается смертной казни, потому что является виновником смерти человека. Если же бык забодает раба или рабыню до смерти, то сам он побивается каменьями, владелец же быка обязан уплатить хозяину погибшего или погибшей тридцать сиклов. Если же один бык забодает другого, то оба должны быть проданы, а вырученные за них деньги разделены между их владельцами»[75].

37. «Кто вырыл колодезь или цистерну, должен озаботиться прикрыть таковые досками не для того, конечно, чтобы помешать кому-нибудь пользоваться водою, но для того, чтобы предохранить всех от опасности свалиться в колодезь. Если же в не прикрытый таким образом колодезь упадет чей-нибудь скот и погибнет там, то владелец колодца должен уплатить хозяину животного стоимость последнего. Впрочем, пусть окружают цистерны оградами в виде стен, которые служили бы предохранительными средствами от опасности свалиться в яму и погибнуть там»[76].

38. «Если кому-нибудь отдана вещь на сохранение, то получивший таковую должен беречь ее как нечто священное и как бы принадлежащее самому Господу Богу; и пусть никто, ни мужчина, ни женщина, не осмеливается выманить такую

вещь у него, хотя бы при этом и представлялась возможность большой денежной выгоды и хотя бы такая проделка, за неимением улик, могла бы остаться совершенно не раскрытою. Во всяком деле каждый обязан поступать честно, внемля лишь голосу собственной совести и, удовлетворяясь сознанием этого, всегда действовать так, чтобы заслужить всеобщую похвалу, особенно же снискать благоволение Господа Бога, от Которого не остается скрытым ни один гнусный поступок. Если же лицо, которому была доверена на сохранение вещь, безо всякой с своей стороны вины, потеряет ее или лишится ее, то оно должно предстать перед семью судьями и призвать в свидетели Господа Бога, что оно потеряло вещь не по собственной вине или преступности и что не воспользовалось ею в видах личной выгоды. После такой клятвы оно освобождается от всякой ответственности. Если же оно употребило в свою пользу даже самую ничтожную часть доверенного ему имущества и случайно при этом потеряло ее, то постановляется приговор, чтобы вещь или имущество были возвращены в полной целости[77]. Подобно тому, что было сейчас указано относительно вещей, отданных на сохранение, никто не смеет задерживать и платы своих, работающих на него, поденщиков, памятуя при этом, что уже потому нельзя лишать бедного человека заработанной им платы, что таковую предоставил ему Господь Бог взамен владения землею и всяких других благ. Не следует также оттягивать выплату заработка, но уплачивать его в тот же самый день, так как Предвечный не желает, чтобы работник лишался плодов труда своего»[78].

39. «Не должно наказывать детей за вину родителей их, но, если эти дети добродетельны, относиться к ним скорее с сожалением за то, что они произошли от скверных родителей, чем с презрением за это. Равным, впрочем, образом не следует делать ответственными и родителей за проступки детей их, потому что молодежь относится к нам свысока и не желает внимать наставлениям нашим»[79].

40. «Следует избегать общества кастратов и не сходиться с теми, кто лишил себя признаков мужественности или отрезал детородный член свой, который дарован людям Господом Богом для приумножения рода их. Их нужно гнать, так как такие люди виновны как бы в умерщвлении детей своих. Очевидно, что как оскоплено у них тело, так кастрирована и

душа. Равным образом следует относиться и ко всяким так называемым уродствам. Кастрация как людей, так и всяких животных безусловно воспрещена»[80].

41. «Итак, таковы пусть будут законы ваши в мирное время; милосердный Бог же да сохранит эти законы ненарушимыми среди вас. Пусть никогда не наступит момента, чтобы кто-нибудь изменил или извратил их. Но так как в человеческой жизни неизбежны минуты, когда сознательно или несознательно возникают беспорядки и опасности, то мы и на этот случай дадим несколько дополнительных предписаний, чтобы вы, заранее зная, что нужно делать, не искали долго средств спасения и чтобы вам не приходилось в последний момент доискиваться этих средств и по своей неподготовленности случайно не делаться жертвами так или иначе сложившихся обстоятельств.

Дай Бог, чтобы вы без войны владели тою страною, которую Он даровал вам за то, что вы не щадили трудов и приучили себя к добродетели; дай Бог, чтобы чужеземцы не пошли на нее гибельными походами и чтобы вас не обуяли внутренние раздоры, во время и по поводу которых вы могли бы нарушать данные предкам вашим предписания. Неуклонно держитесь законов, которые дал вам Господь Бог, признав в них благо ваше. Всякая война, какую бы ни пришлось теперь вести вам, а впоследствии детям вашим, пусть ведется вне пределов страны вашей. Собираясь начать войну, непременно первоначально посылайте к врагам своим (с извещением ее) посольство и глашатаев, потому что хорошо, чтобы раньше начала военных действий вы вступали в переговоры с неприятелями, указывая им на то, что, хотя в вашем распоряжении имеются значительное войско, конница и хорошее вооружение, а на первом плане вы пользуетесь милостивым расположением и поддержкою Господа Бога, вам все-таки не хотелось бы по необходимости вступать с ними в борьбу и, отняв у них имущество, причинить им вовсе нежелательный вред, самим же обогатиться за их счет. Если вам удастся убедить их, то вам лучше сохранить мирные отношения с ними; если же враги ваши, полагаясь на свои силы, предпочтут вступить в борьбу с вами, то поведите на них войска свои, уповая на Господа Бога, как на главного своего руководителя, и назначив своим военачальником одного такого человека, который выдавался бы своею храбростью:

начальство многих лиц обыкновенно только вредит общему делу, особенно когда является необходимость действовать быстро и энергично. На войну должно отправлять войско отборное, состоящее из лиц, пред всеми отличающихся как физическою силою, так и храбростью; все трусливые элементы должны быть выделены, чтобы им не вздумалось, когда дело дойдет до боя, своим бегством предоставить победу врагам. Все те, которые недавно построили себе дома и меньше года жили в них, которые развели виноградники, но еще не успели получить плоды от них, которые обручились или недавно вступили в брак, все такие люди должны быть освобождаемы от участия в войне, чтобы они не вздумали, при воспоминании о своем счастии, спасать жизнь свою и сознательно притворяться трусами с целью вернуться к себе домой»[81].

42. «Во время походов старайтесь поступать по возможности гуманно. Если во время осады неприятельского города у вас будет чувствоваться недостаток в лесе для сооружения осадных орудий, то вы не только не должны вырубать плодовые деревья, но и всячески оберегать их от уничтожения, памятуя, что деревья эти существуют на благо людям и что, если бы у них был дар слова, они заявили бы вам совершенно разумно, что они несправедливо подвергаются истреблению, так как не они были виною войны, и что, если бы у них была на это возможность, они перешли бы на другое место. Впрочем, убивайте всех, кого вы победите в бою с оружием в руках, всем же остальным даруйте жизнь, наложив на них дань, исключая, однако, хананеян: этих вы должны истреблять совершенно и без пощады»[82].

43. «Смотрите всегда, особливо же во время войны, за тем, чтобы женщина не надевала мужского платья, а мужчина женского»[83].

44. Такие распоряжения оставил Моисей народу и передал ему при этом записанные еще сорок лет тому назад законы, о которых мы, впрочем, поговорим в другом сочинении[84]. В следующие дни (дело в том, что Моисей теперь ежедневно созывал народные собрания) он благословил евреев и призвал проклятия на главу тех из них, которые перестали бы жить сообразно сообщенным законам и вздумали бы нарушать эти постановления[85]. Затем он пропел перед народом песнь в стихах, которая сохранилась нам также в Священном

Писании; произведение это содержит в себе предсказание будущего, и сообразно этому предсказанию все и случилось, да и теперь еще продолжает оправдываться в точности[86].

Затем Моисей передал священникам священные книги и поручил им ковчег Завета, в который он положил начертанные на двух скрижалях десять заповедей, и Скинию. Народу же он напомнил не забывать, по завоевании и подчинении страны, о заносчивости амалекитян, повелел пойти на них войною и отомстить им за нанесенные евреям в бытность их в пустыне обиды[87]. Далее Моисей распорядился, чтобы евреи, заняв страну Ханаанскую и уничтожив, сообразно повелению, все население последней, воздвигли невдалеке от города Сихема алтарь, обращенный лицевою стороною на восток, поместив его между двух гор таким образом, чтобы с правой стороны находилась гора Гаризин, а с левой возвышенность, носящая название Гибала[88]. Народ должен был разделиться на две половины, по шести колен в каждой, и стать вместе с левитами и священниками на вершинах обеих гор. Затем колена, ставшие на горе Гаризин, должны были провозгласить благословение и пожелать всего лучшего для всех тех, кто соблюдает благочестие, ревностно охраняет законы Моисеевы и повинуется последним, и когда эти колена произнесут данное благословение, прочие должны были повторить их, и наоборот; вслед за провозглашением благословений второй частью народа первая должна была также повторить их. Затем было предписано таким же точно образом по очереди произнести проклятие по отношению ко всякому, кто бы вздумал нарушить законы. Формулы этих благословений и проклятий Моисей собственноручно записал, чтобы они никогда не предавались забвению. Эти же формулы он незадолго до своей кончины начертал на каждой стороне алтаря, причем повелел народу тут же принести жертву, а затем уже более не приносить здесь жертв, потому что это было бы противно закону. Такие постановления издал Моисей. Народ же еврейский впоследствии точно исполнял их[89].

45. На следующий день Моисей опять созвал народ в полном составе с женщинами, детьми и рабами в народное собрание и потребовал от всех клятвы в точном соблюдении законов, в том, что они будут неукоснительно следовать предписаниям Божиим и не преступать их ни под каким предлогом: ни

из родственных соображений, ни из страха, ни по какому другому поводу, который мог бы показаться важнее точного соблюдения этих законов. Если бы кто из ближайшей родни или какой-нибудь целый город вздумал затронуть или даже уничтожить государственное устройство их, то евреи должны все вместе и каждый в отдельности помешать этому и, победив противников, совершенно истребить их, так чтобы не оставалось от них и следа. Если же они не будут в силах примерно наказать виновных, то им (по крайней мере) должно наглядно показать, что подобное злодеяние было придумано совершенно помимо их личного желания[90].

46. Народ поклялся, как того пожелал Моисей, который затем указал ему, какие жертвоприношения более угодны Господу Богу, как им выступать в поход и как при этом обращаться за предзнаменованием к упомянутым мною выше камням (на облачении первосвященника)[91]. В присутствии Моисея обратился с заявлением к народу также и Иисус Навин, причем объявил о своем старании трудиться на благо народа в военное и мирное время и о том, какие распоряжения и установления он намерен дать ему для лучшего устройства их быта. Затем он, по внушению Господа Бога, предсказал евреям, каким они подвергнутся бедствиям, если откажутся от повиновения Предвечному: как землю их займут враги с оружием в руках, как будут разрушены города их, а храм сделается жертвою огня, как сами они будут проданы в рабство к людям, у которых они не встретят сочувствия в постигшем их несчастии, и как им впоследствии придется безуспешно раскаиваться в своих поступках. «Однако, — прибавил он, — Господь Бог, сотворивший вас, возвратит города и храм вашим потомкам». Впрочем, такое несчастие постигнет их не один только, но много раз[92].

47. Затем Моисей обратился с речью к Иисусу, убеждая его начать войну с хананеянами и указывая на поддержку, которою он будет пользоваться со стороны Господа Бога во всех своих начинаниях. После этого он благословил весь народ и сказал следующее: «Так как я теперь собираюсь отойти к предкам нашим и Господь Бог назначил для этого именно сегодняшний день, то я пользуюсь случаем, пока я еще жив и нахожусь среди вас, для того, чтобы возблагодарить Его за все Его о вас попечения, в силу которых Он не только избавил вас от

прежнего бедственного положения, но и уделил вам лучшие блага; кроме того, прославляю Предвечного еще и за то, что Он оказывал мне всяческую поддержку во всех трудах моих и заботах по исправлению вашему и вообще так милостиво относился к нам. Ведь, собственно, это Он, Которому вы обязаны всеми начинаниями своими и тем, что благодаря Его милосердию доводили начинания эти до благополучного конца, так как Он осыпал народ ваш благодеяниями, причем смотрел на меня лишь как на слугу своего и орудие. Ввиду этого-то я, расставаясь с вами, и считаю необходимым превознести всемогущество Божие; пусть Он и в будущем печется о вас. Этим мне лично хотелось бы не только воздать Ему должное, но и достигнуть того, чтобы вам глубоко запало в душу, насколько следует почитать Его, преклоняться перед Ним и соблюдать законы, которые Он уже даровал и по милосердию своему еще дарует вам, как высшее и лучшее наследие. Ведь если люди презрительно относятся к законам человеческим и оставляют их без внимания, то издавший эти законы сердится и становится к нарушителям во враждебные отношения. Поэтому не вызывайте же гнева Божия своим равнодушием к законам, которые Он издал именно для вас»[93].

48. Когда Моисей перед кончиною своею сказал это и, благословляя каждое колено в отдельности, предрек ему будущую его участь, то весь народ громко заплакал; даже женщины били себя в грудь, выражая скорбь по поводу близкой смерти Моисея, равно как и дети, которые рыдали все больше и больше и никак не могли подавить свои вопли, показывая тем самым, что, несмотря на их возраст, им все-таки были понятны добродетель и все величие Моисея. Казалось, как будто стар и млад старались превзойти друг друга в выражении своей печали: одни сокрушались о будущем, вполне сознавая, какого печальника они теперь лишаются; другие же были удручены горем не только по этой причине, но и потому, что приходится расставаться с человеком, всей доблести которого они раньше не успели оценить. Впрочем, как велика была скорбь и печаль народа, можно видеть из того, что случилось с самим законодателем нашим; а именно, хотя он сам всегда держался убеждения, что не следует скорбеть о предстоящей смерти, которая является последствием предопределения Божия и законов природы, в этом случае, однако, горе народа сломило его и сам

он заплакал[94]. Когда же он отправился туда, где ему было положено умереть, то вся толпа народная с плачем последовала за ним. Тогда Моисей знаком руки остановил стоявших подальше, прося их не следовать за ним, а тех, которые стояли ближе к нему, уговаривал не увеличивать своим присутствием тягости разлуки. Не смея перечить ему в этом его желании один на один встретить смерть, они со слезами на глазах остановились и не последовали за ним дальше. Лишь старейшины, первосвященник Елеазар и военачальник Иисус еще сопровождали его. Когда же Моисей достиг вершины горы, носящей название Аварим[95] (эта возвышенность лежит напротив Иерихона, и с нее открывается чудный вид на всю Хананею), то отпустил и старейшин. Затем он обнял Елеазара и Иисуса и пока еще говорил с ними, его вдруг окружила туча и он скрылся в каком-то ущелье. Впрочем, в священных книгах он сам упомянул о своей смерти, из опасения, как бы люди не вздумали утверждать, будто бы он, вследствие особенной к нему любви со стороны Господа Бога, был взят прямо на небо[96].

49. Моисей прожил всего сто двадцать лет; в течение одной трети этого времени без одного месяца он был руководителем судеб своего народа. Умер же Моисей в новолуние последнего месяца в году, называемого македонянами Дистром, а нами (евреями) Адаром. Мудростью он превосходил всех когда-либо существовавших людей, отлично умел приводить в исполнение задуманные решения, а также отличался весьма убедительным в глазах простого народа красноречием. К тому же он так владел собою и так умел обуздывать свои страсти, что казалось, их у него вовсе и не было и он был знаком с ними скорее по имени и по примеру на других людях, чем по себе лично. Таких полководцев, каким был он, существовало немного, да и пророк он был такой, какого другого больше не было, так что, когда он говорил, казалось, будто устами его вещает сам Господь Бог. Народ оплакивал его смерть в продолжение тридцати дней, и никогда еще печаль евреев не была так велика, как при кончине Моисея. И долго потом вспоминали о нем не только те, которые лично знали его, но и все те, которые ознакомились с его законами, так как вывели из последних заключение о присущей ему добродетели.

Вот что мы могли рассказать о кончине Моисея[97].

Книга пятая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как Иисус, полководец евреев, пошел войною на хананеян, победил и истребил их и путем жребия распределил владения их между двенадцатью коленами.

2. Как евреи после смерти своего полководца нарушили отцовские законы и тем навлекли на себя большое несчастье и как во время междоусобиц было истреблено, за исключением шестисот человек, все колено Вениаминово.

3. Как после этих неурядиц Господь Бог отдал евреев во власть ассирийцам в наказание за их непослушание.

4. Освобождение евреев Кенецом, сыном Аофниила, правившим сорок лет и носившим у греков и финикийцев имя судьи.

5. О том, как народ наш вновь был четырнадцать лет в подчинении у моавитян и как он был затем освобожден Ехедом, который правил восемьдесят лет.

6. Как евреев, бывших в продолжение двадцати лет в рабстве у хананеян, освободили Варак и Девора, к которым затем на сорок лет перешло правление.

7. О том, как амалекитяне напали на израильтян, победили их и в продолжение семи лет опустошали их страну.

8. Как Гедеон освободил евреев от амалекитян и сорок лет правил ими.

9. О том, как после него многие его преемники вели с окрестными племенами продолжительные войны.

10. О силе Самсона и о том, сколько вреда причинил он филистимлянам.

11. Как погибли сыновья священника Илия в битве с филистимлянами.

12. Как отец их, узнав о гибели сыновей своих, упал с кресла и умер.

13. О том, как филистимляне победили в этой войне евреев и захватили ковчег Завета.

14. О том, что все правители со времен Кенеца носили название судей.

Книга обнимает собою период в 470 лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. После того как Моисей умер и все установленные на этот случай церемонии и траурное время окончились, Иисус приказал войску готовиться к походу. Вместе с тем он выслал

соглядатаев в Иерихон, чтобы узнать о численности врагов и об их настроении. Сам же он выстроил свое войско, чтобы вовремя переправиться через Иордан. Затем он пригласил к себе старейшин колен Рувилова, Гадова и Манассиева (половине последнего, как известно, была предоставлена для жительства страна аморреев, которая составляла седьмую часть всей Хананеи), напомнил им о некогда данном ими Моисею обещании и убедительно просил их исполнить теперь свое обещание не только из любви к Моисею, который до последней минуты своей жизни неустанно заботился о них, но также ради общего блага. Получив от них согласие участвовать в походе, Иисус с тяжеловооруженным войском в пятьдесят тысяч человек двинулся от Авилы к Иордану, что составляет расстояние в шестьдесят стадий[1].

2. Не успел он расположиться тут лагерем, как уже явились и лазутчики, которым удалось высмотреть все нужное у хананеев. Сначала они совершенно спокойно обошли и осмотрели весь город, где окружавшие последний стены были особенно крепки и где находились наиболее слабые пункты, а также какие ворота были менее укреплены и потому могли послужить первым пунктом нападения со стороны еврейского войска. Все, кто случайно встречался с ними, не обращали на них никакого внимания, думая, что они по примеру прочих иностранцев хотят все хорошенько осмотреть, и отнюдь не предполагали в них врагов. Под вечер они отправились на постоялый двор вблизи городской стены, на который им раньше уже указали как на место, где можно было пообедать. Когда они затем стали помышлять о том, что им теперь остается вернуться только восвояси, царю за ужином было сделано донесение, что явились какие-то соглядатаи из еврейского стана для осмотра города, теперь находятся на постоялом дворе некой Рахавы и очень стараются о том, чтобы их присутствие осталось незамеченным. Царь распорядился немедленно захватить и привести их, чтобы при помощи пытки выведать от них о цели их прибытия. Когда Рахава увидала приближение посланных царя (она как раз в это время сушила на крыше лен), то она тотчас спрятала соглядатаев под кучами льняных связок, а посланцам царским сказала, что какие-то неизвестные чужеземцы действительно закусили у нее, но затем удалились незадолго до заката солнца; если

же посланные опасаются, что эти иностранцы представляют опасность для города или для царя, то их нетрудно будет догнать и схватить. Обманутые хитростью этой женщины, посланцы царя поверили ей, даже не подумали сделать на постоялом дворе обыск и отправились к тем улицам, которые вели к реке и по которым, казалось им, могли уйти соглядатаи. Не найдя, однако, никакого следа их, они прекратили свои поиски. Когда все стихло, Рахава повела евреев вниз и рассказала им, какой она подвергла себя опасности ради их спасения, причем указала на то, что, если обнаружится ее проделка, ей не избежать мести царя и придется погибнуть со всем домом. При этом она просила вспомнить о ней впоследствии, когда евреям удастся овладеть Хананеею, и отплатить ей добром за добро; затем она взяла с них клятву в том, что они пощадят ее и всех родных ее, когда, по взятии города, станут избивать всех его жителей сообразно постановлению (Моисея); а что они овладеют городом, это ей, безусловно, известно на основании некоторых данных, полученных от Господа Бога. Лазутчики не только охотно поблагодарили ее за оказанную услугу, но обещали на деле воздать ей добром за добро. При этом они дали ей совет, когда она заметит, что город будет взят, собрать все свои пожитки и всех родных на свой постоялый двор, запереться в нем и повесить у входа красные платки, чтобы полководец узнал дом и охранил бы его от насилия. «Мы уж укажем ему, — сказали они, — что обязаны своим спасением тебе. Если же кто-нибудь из родных твоих падет в битве, то не приписывай нам этой вины, а сами мы будем умолять Господа Бога, именем Которого мы поклялись, не взыскивать с нас за это, как если бы мы нарушили данную клятву». С этим обещанием соглядатаи отправились в обратный путь, спустившись на канатах со стены, вернулись домой невредимыми и рассказали своим о своих приключениях в городе. Затем Иисус сообщил первосвященнику Елеазару и совету старейшин о клятве, данной лазутчиками Рахаве, и они признали эту клятву обязательною[2].

3. Еврейское войско между тем было в крайне затруднительном положении относительно перехода через Иордан, потому что вода в реке сильно поднялась, нельзя было построить мостов (их не было и раньше, а до возведения таковых не допустили бы спохватившиеся уже враги) и не имелось

судов. Тогда Господь Бог возвестил евреям, что он даст им возможность перейти реку, понизив в ней уровень воды. По прошествии двух дней Иисус действительно перевел свое войско и весь народ следующим образом: шествие открывал кивот Завета, за ним шли левиты с частями Скинии и служившею для жертвоприношений утварью, а за левитами следовал по коленам весь народ, причем посередине, между мужчинами, находились дети и женщины, из опасения, как бы последние не пострадали от сильного течения реки. Когда священнослужители первые вступили в реку и убедились, что ее можно будет перейти, так как было неглубоко, да и валуны и камни на дне уже более не увлекались силою течения, а представляли прочную опору для ног, то все прочие смело последовали их примеру и, вступив в воду, сами убедились, что Господь Бог сдержал свое обещание. Дойдя до середины реки, священники остановились и стали ожидать, пока не перейдет весь народ и благополучно достигнет противоположного берега. Когда же все перешли, то за ними двинулись и священники и, выйдя из реки, предоставили ей уже течь по-прежнему. Река действительно тотчас по выходе из нее евреев опять поднялась и приняла прежний свой вид[3].

4. Пройдя еще пятьдесят стадий, евреи расположились станом в расстоянии десяти стадий от Иерихона. Затем Иисус воздвиг алтарь из тех камней, которые по повелению его взял с собою со дна реки каждый из начальников отдельных колен, в память того, что здесь река отступила перед ними, и принес на нем жертву Господу Богу. Потом народ отпраздновал тут праздник Пасхи, причем у всех теперь было обилие всего того, в чем им прежде приходилось нуждаться. Дело в том, что хлеб хананеев успел уже вполне созреть; его поэтому сжали, да и другой добычи попадалась масса. Тогда-то прекратилось питание евреев манною, которою они пользовались в продолжение сорока лет[4].

5. Так как, несмотря на такие поступки израильтян, хананеи и не думали выступать против них с войском, а спокойно сидели за стеной своего города, то Иисус решил осадить последний. Итак, в первый день праздника Пасхи священники с кивотом Завета, который охранялся со всех сторон окружавшим его отрядом тяжеловооруженных воинов, с семью трубачами, игравшими на трубах, направились к городу, ста-

ли вызывать войско на бой и обошли в сопровождении старейшин вдоль стен его. Затем они вернулись обратно в свой лагерь, причем священники только трубили в трубы и более серьезного не было предпринято ничего. После того как они повторили этот маневр шесть дней подряд, Иисус на седьмой день созвал в собрание все войско и весь народ и объявил всем радостную весть, что город ими будет взят, что Господь Бог дарует им эту победу в этот же еще день, так как городские стены рухнут сами собою без всяких с их стороны к тому усилий. При этом он приказал евреям убивать всех, кого удастся захватить, не задумываться над избиением врагов, не щадить их из жалости и не давать им, ради добычи, спасаться бегством, но предавать гибели решительно все живое, не оставляя в свою пользу ничего и никого. Все то золото или серебро, которое попадается им в руки, им следует снести в одно место, чтобы принести его впоследствии в жертву Господу Богу как первое приношение от первого взятого ими города. Пощадить придется лишь одну Рахаву и ее родню ввиду клятвенного обещания, данного ей лазутчиками[5].

6. С этими словами Иисус выстроил свое войско в боевой порядок и повел его против города. Евреи опять обошли вокруг городских стен, причем впереди войска несли кивот Завета, а священнослужители звуками труб поощряли воинов к предстоявшему им делу. И вдруг, когда евреи семь раз обошли вокруг города и на минуту остановились, стены сами собою рухнули, хотя евреи не подводили к ним осадных орудий и не пустили для этого в ход никакого другого средства[6].

7. Ворвавшись затем в Иерихон, евреи стали избивать всех, тем более что жители так были поражены необычайным и неожиданным падением стен, что совершенно забыли о всякой самозащите. Их стали убивать не только на улицах, но и в домах, и не было пощады никому, но погибли все, не исключая женщин и детей. Весь город наполнился трупами, и никто из жителей не избежал смерти. Затем евреи зажгли город и окрестные селения. Рахаву же, которая со своими родственниками укрылась в своем постоялом дворе, спасли лазутчики; впоследствии Иисус велел привести ее, поблагодарил ее за спасение его соглядатаев и заметил, что он воздаст ей за это должною признательностью. При этом он тотчас же

подарил ей участок плодородной земли и вообще оказал ей необычайный почет[7].

8. Все, что в городе уцелело от огня, Иисус велел истребить и провозгласил проклятие против всех тех, кто когда бы то ни было вздумал бы вновь отстроить разрушенный город, причем проклятие это постигло бы его таким образом, что при закладке фундамента стены у восстановителя должен был умереть старший сын, а при окончании — младший. Это проклятие, как мы впоследствии покажем, Господь Бог не оставил без внимания, но действительно привел к печальному исполнению[8].

9. При взятии (города) было найдено огромное количество серебра, золота, а также меди; все это было собрано в одно место, потому что никто не решался ослушаться приказания и присвоить себе что-либо из этой награбленной добычи, но всякий воздержался от нее, как будто бы она была уже посвящена Господу Богу. Иисус же передал все эти вещи священникам для того, чтобы они сложили их в казну[9].

10. Таким образом был разрушен Иерихон. Между тем некий Ахар, сын Зеведея из колена Иудова, нашел царскую мантию, всю сотканную из золота, которого пошло на мантию двести сиклов. Считая жестоким не иметь личной выгоды от испытанных опасностей и отказываться в пользу Господа Бога от вещи, в которой Тот вовсе не нуждается, он вырыл в своем шатре глубокую яму и зарыл в ней находку, думая, что таким образом ему удастся скрыть последнюю как от своих сотоварищей, так и от Предвечного[10].

11. Место, на котором Иисус тогда расположился станом, получило название Галгал, что значит «свобода», потому что евреи, перейдя через Иордан, считали себя уже совершенно освобожденными как от египтян, так и от всех бедствий, постигших их в пустыне[11].

12. Спустя несколько дней после гибели Иерихона Иисус послал три тысячи тяжеловооруженных воинов для занятия города Аннана[12], лежавшего выше Иерихона. В стычке с населением Аннана евреи были обращены в бегство, причем потеряли тридцать шесть человек убитыми. Известие об этом поражении вызвало в израильтянах большую печаль и страшное отчаяние, впрочем, не вследствие потери нескольких воинов, хотя и погибли все наилучшие и наидостойней-

ные люди, но от разочарования, так как они были уже вполне уверены в том, что им удалось окончательно овладеть страною и что их войска, сообразно обещанию Господа Бога, будут выходить из сражений невредимыми. Между тем они видели теперь, какой необычайный подъем духа вызвала эта победа во врагах. Поэтому евреи в знак траура облеклись в мешки, целый день горевали и плакали и даже не прикасались, в своем угнетении от постигшего их несчастия, к пище[13].

13. Видя, что войско так удручено и вообще готово уже отчаяться в благополучном исходе всего предприятия, Иисус обратился за поддержкой к Господу Богу. «Мы, — молился он, — были побуждены к подчинению себе этой страны с оружием в руках не собственною решимостью или бесстрашием, но нас склонил к тому раб Твой Моисей, которому Ты путем многих чудесных явлений возвестил, что дашь нам возможность овладеть этою страною и даруешь победу войску нашему над неприятелями. И действительно, кое-что из Твоих предсказаний уже успело оправдаться. Но теперь, когда мы совершенно неожиданно потерпели поражение и даже потеряли несколько человек из нашего войска, приходится сомневаться, исполнишь ли Ты свое обещание и оправдаешь ли предсказания Моисея. Поэтому мы сильно удручены и плоха у нас надежда на будущее, когда нам с самого начала пришлось потерпеть такую неудачу. Но в Твоей, Господи, власти поправить все наше дело и, даровав нам победу над врагами, утешить нас в настоящем нашем горе и успокоить нас относительно будущего»[14].

14. Так молился Иисус Господу Богу, припав головою к земле. На все его вопросы Предвечный отвечал, чтобы он встал и очистил войско от совершенного среди него преступления, а именно кражи вещи, которая должна была быть посвящена Ему, Предвечному. (Ввиду именно этого случая они и потерпели теперь поражение; когда же виновный будет разыскан и наказан, евреи всегда будут побеждать врагов своих.) Иисус сообщил об этом народу, призвал к себе первосвященника Елеазара и старейшин и велел метать жребий по отдельным коленам. Когда жребий пал на колено Иудово, как на то, одним представителем которого было совершено преступление, стали опять метать жребий уже по отдельным се-

мьям. Таким образом, выяснилось, что преступление было совершено кем-нибудь из родни Ахара. Когда же вся родня последнего подверглась жеребьевке, то оказалось, что виновник всего — сам Ахар. Не имея возможности отпереться и видя, что суд Божий постиг его, последний сознался в краже и отдал утаенную вещь. Его тотчас же приговорили к смертной казни, в ту же ночь убили и с позором похоронили, как и подобает преступнику[15].

15. Очистив таким образом войско, Иисус повел его против Аннана и, оставив ночью часть людей в засаде, рано утром напал на врагов. Так как последним придавала особенной смелости недавняя победа и они рьяно устремились на евреев, то Иисус сделал вид, что отступает и увлек их на значительное расстояние от города; они между тем думали, что им удалось обратить врагов в бегство, и потому были уже совершенно уверены в победе. Затем он велел войску своему повернуться к неприятелю фронтом, дал знак сидевшим в засаде, и евреи устремились в битву. Войско, спрятанное в засаде, ворвалось в город в то время, как население последнего находилось на стенах и издали следило за действиями своих войск. Евреи же заняли город и стали избивать всех, кого находили в нем, между тем как Иисус вступил в рукопашный бой с врагами и обратил их затем в бегство. Побежденные сперва бросились к городу, как в убежище, но когда увидели, что и он взят и предан пламени вместе с их женами и детьми, они рассеялись по полям, не будучи по своей малочисленности уже в состоянии защищаться. При этом поражении жителей Аннана в руки евреев попала страшная масса детей, женщин, прислуги, а также несметное количество всякой утвари. Евреи также захватили огромные стада скота и множество денег (местность эта отличалась своим богатством), и Иисус предоставил всю эту добычу войску в Галгале[16].

16. Когда жившие в непосредственной близости к Иерусалиму гаваонитяне узнали о несчастии, постигшем жителей Иерихона и Аннана, то поняли, что и им грозит такая же печальная участь. Однако они решили не просить у Иисуса пощады (полагая, что они все равно не добьются ничего у человека, который задался целью — войною истребить весь народ хананейский), но стали склонять к заключению оборонительного союза своих соседей кеферитов и кариафиарими-

тов[17], указывая при этом на то, что и им не избежать опасности, если они будут ждать, пока израильтяне не побьют их, тогда как в союзе с ними можно будет избежать ее. Когда те согласились на это предложение, они отправили к Иисусу для заключения дружественного с ним договора таких людей, которые, по общему мнению, были вполне способны оказать народу поддержку в беде. Полагая, что будет небезопасно сразу объявить себя хананеями, и думая, что можно будет совершенно избегнуть ее, выдав себя за людей, которые ничего общего с хананеями не имеют и живут от последних в дальнем расстоянии, послы решили сказать Иисусу, что они прибыли издалека и не испугались продолжительного путешествия, так как и до них дошла молва о доблести евреев. В доказательство справедливости своих слов они собирались указать на состояние своего платья, которое, будучи совершенно новым при начале их путешествия, теперь от продолжительности последнего совсем истрепалось. С этою целью они нарочно оделись в старые одежды, чтобы Иисус легче поверил их заявлениям. В таком виде они затем действительно явились к евреям и сообщили в народном собрании, что их послали гаваонитяне и жители соседних с последними городов, которые находятся в значительном отсюда расстоянии, для того, чтобы по установленному у них обычаю заключить дружественный договор: они-де узнали, что по милости Предвечного евреям предоставлена в дар страна Хананейская, а что они сами очень рады этому и очень просят удостоиться чести гражданства у евреев. Говоря таким образом и указывая в доказательство справедливости своих слов на признаки совершенного ими дальнего путешествия, они уговаривали евреев заключить с ними дружественный союз. Иисус поверил уверениям их, что они не хананеяне, заключил с ними дружественный договор, а первосвященник Елеазар с советом старейшин скрепил этот союз присягою в том, что евреи будут их друзьями и союзниками и ничем не станут обижать их, причем народ присоединился к этой клятве. Достигнув обманным образом желанной цели, посланцы вернулись к себе домой. Когда же впоследствии Иисус повел свое войско в нагорные части страны и при этом узнал, что гаваонитяне живут невдалеке от Иерусалима и принадлежат к племени хананейцев, то он велел призвать к себе их старей-

шин и стал обвинять их в обмане. Когда же те заявили, что у них не было другого средства к спасению, кроме этого, и что они поэтому по необходимости прибегли к нему, он призвал первосвященника Елеазара и старейшин и стал совещаться с ними, как поступить в данном случае. Так как было решено, что клятвы никак нельзя нарушить, но что гаваонитян можно употребить на общественные работы, то Иисус и постановил соответствующее решение. Таким образом, гаваонитяне нашли способ, как уберечься от угрожавшего им бедствия и как гарантировать себе личную безопасность[18].

17. Так как царь иерусалимский очень рассердился на переход гаваонитян на сторону Иисуса, то он предложил царям ближайших народностей пойти совместно с ним войною на изменников. Когда же гаваонитяне увидели, что те действительно соединились с ним (их было всего четверо), теперь идут на них и, расположившись станом вблизи одного источника, невдалеке от их города, уже готовятся к осаде, то они обратились за помощью к Иисусу, так как предполагали, что при настоящем положении дел им можно ожидать от своих соплеменников одной только гибели, тогда как им можно было рассчитывать ввиду заключения дружественного договора на поддержку и спасение со стороны тех, которые поставили себе целью войны окончательное истребление всего хананейского народа. Иисус действительно со всем своим войском поспешил к ним на выручку, совершал переходы в продолжение целого дня и целой ночи, напал на врагов врасплох рано утром, обратил их в бегство и преследовал их по ложбине, носящей название Вирофы. Тут-то он убедился в том, что Господь Бог помогает ему, потому что началась сильная гроза с громом, молнией и необычайно крупным градом. Вдобавок и день тогда продолжился для того, чтобы наступление ночи не помешало полной победе евреев[19]. Наконец Иисус настиг четырех царей в пещере Маккеде, где они искали убежища, и перебил их всех. А что день тогда действительно удлинился сверх обыкновения, это засвидетельствовано в священных книгах, лежащих в храме[20].

18. После того как таким образом погибли цари, собиравшиеся идти походом на гаваонитян, Иисус вернулся обратно в нагорную часть Ханаеи и, совершив там массовые избиения населения и захватив богатую добычу, возвратился назад

в лагерь при Галгале. Так как молва о храбрости евреев быстро распространялась среди окрестных племен и так как всех поражало огромное количество убитых евреями людей, то хананейские цари, жившие у Ливанских гор, равно как и те, которые занимали равнину, в союзе с филистимлянами пошли походом на евреев и расположились лагерем вблизи Вирофы, города верхней Галилеи, недалеко от Кедеса, который также входит в состав Галилейской страны[21]. Все их войско состояло из трехсот тысяч тяжеловооруженных, десяти тысяч конницы и двадцати тысяч колесниц. Эта масса врагов очень испугала самого Иисуса и израильтян, и в своем ужасе они потеряли всякую надежду на возможность победы. Господь Бог, однако, выразил евреям порицание за их робость и за то, что они так мало полагаются на Его помощь, но тем не менее обещал даровать им победу над врагами и приказал целить в лошадей и сжигать колесницы неприятелей. Такое обещание поддержки со стороны Предвечного опять придало Иисусу Навину бодрости; он выступил против врагов и сошелся с ними на пятый день. Тут произошла жестокая битва и такая невероятно ожесточенная резня, которая превосходила все дотоле известное в этом роде. В конце концов Иисус обратил врагов в бегство и во время преследования уничтожил все их войско за ничтожными исключениями. При этом пали и все цари хананейские; а когда уже больше не было людей для резни, то Иисус стал убивать лошадей и жечь колесницы. Затем он победоносно прошел по всей стране, где теперь уже никто не решался оказывать ему сопротивление, осаждал и брал города и избивал все, что ему попадалось на пути[22].

19. Таким образом прошло пять лет, и из хананеев уже никого не осталось в живых, кроме тех, которые бежали в крепости, ища спасения за толстыми стенами. Затем Иисус выступил из Галгала в нагорную часть страны и поставил священную Скинию в городе Сило[23], потому что эта местность по красоте своей показалась ему для этого подходящею, по крайней мере до тех пор, пока обстоятельства не позволят выстроить настоящий храм. Отсюда он двинулся со всем народом к Сихему и, сообразно повелению Моисея, воздвиг там алтарь. Затем он разделил евреев на две части и поставил одну половину на горе Гаризин, а другую вместе с ле-

витами и священниками на Гивале, где помещался и жертвенник. После того как евреи совершили тут жертвоприношения, произнесли установленные благословения и проклятия и записали последние на подножии алтаря, они возвратились в Сило[24].

20. Между тем Иисус достиг уже преклонных лет. Видя, что нелегко взять хананейские города вследствие неприступности их местоположения и укрепленности стен, которые окружали и без того уже самой природой в достаточной мере обеспеченные города и потому делали осаду крайне затруднительной (дело в том, что, когда хананеяне узнали, что израильтяне вышли из Египта с целью полного их уничтожения, они все это время употребили на укрепление своих городов), и, отчаиваясь в возможности занять эти города, Иисус созвал народ в Сило на собрание. Когда народ собрался в достаточном количестве, вождь обратился к нему с речью, в которой изложил историю всех их деяний и совершенных ими великих подвигов, достойных Господа Бога, Который даровал им Свою поддержку, и вполне соответствующих величию законов, которым следуют евреи; тут же он указал на то, что они победили тридцать одного царя, осмелившихся вступить в борьбу с ними, и упомянул, как все войска их, вступившие в бой с евреями в уповании на свои силы, совершенно разбиты, так что в живых не осталось ни одного воина этого племени. Так как теперь, продолжал Иисус, многие из хананейских городов уже взяты, а для занятия прочих потребуется долговременная осада вследствие укрепленности их стен и отчаянного мужества жителей, то он считал бы уместным и своевременным отпустить с благодарностью за оказанное содействие по домам тех из соплеменников, которые явились с той стороны Иордана и по-родственному участвовали с прочими во всех опасностях войны. Затем следовало бы послать по одному, пользующемуся всеобщим доверием, почтенному человеку из каждого колена для точной вымерки всей страны и для того, чтобы эти посланные затем вполне добросовестно и без малейшей утайки сообщили о величине ее[25].

21. Иисус сразу склонил народ к принятию этого предложения и потому тотчас же отправил выборных для измерения страны, прибавив к ним нескольких ученых землемеров,

которые, по своей опытности, могли бы с большей точностью исполнить возложенную на посланцев задачу, и дал им поручение вдобавок определить также количество плодородной и плохой земли. Дело в том, что по характеру своему Ханаан представляет огромные равнины, которые сами по себе очень удобны для земледелия и в сравнении с другими местами могли бы казаться в высшей степени плодородными, но которые при сопоставлении с окрестностями Иерихона и Иерусалима вовсе не представляются ценными: хотя эти окрестности и не обширны и вдобавок большей частью гористы, они все-таки превосходят другие местности обилием и красотой родящихся тут плодов. Поэтому-то Иисус и решил распределить землю между коленами, руководствуясь качеством, а не количеством земли, так как часто одна десятина могла сойти за тысячу других.

Посланцы (которых было всего десять) отправились в путь, обошли всю страну, оценили ее почву и вернулись на седьмой месяц к Иисусу Навину в Сило, где находилась тогда Скиния[26].

22. Призвав Елеазара и собрав совет старейшин с начальниками отдельных колен, Иисус распределил всю страну между (оставшимися) девятью коленами и половиной Манассиева, сообразуясь при этом распределении с численностью каждого колена. При метании жребия потомки Иуды получили в удел всю верхнюю Идумею, которая вдоль простиралась до Иерусалима и тянулась поперек до озера Содомского[27]. В этой области находились города Аскалон и Газа. Симеонову колену (как второму) выпала на долю та часть Идумеи, которая примыкает к пределам Египта и Аравии. Веньяминиты получили пространство земли длиною от реки Иордана до самого моря, а в ширину эта местность доходила до Иерусалима и Вифила. Ввиду особенного плодородия своего эта область и была так необычайно узка; вдобавок же тут находились города Иерихон и Иерусалим. Удел колена Ефремова обнимал в длину пространство от Иордана до Гадары[28], а в ширину тянулся от Вифила до большой равнины. Половина Манассиева колена получила участок от Иордана до города Дора[29], а в ширину эта полоса доходила до Вифисана, который теперь называется Скифополем[30]. После них колено Иссахарово заняло область, ограниченную с одной

стороны горой Кармель и рекой, а с другой горой Итабирийской[31]. Потомство Завулона получило в удел страну до Генисаретского озера, примыкающую с одного края к горе Кармель, а с другого — к морю. Так называемую «долину Кармеля», которая действительно и представляет из себя глубокую впадину, целиком заняли вплоть до Сидона потомки Асировы. В этой же области находился и город Арка, Екдипус тоже[32]. Страну, простирающуюся к востоку до города Дамаска и до верхней Галилеи вплоть до Ливанского хребта и до источников Иордана, берущих начало в этой горе и примыкающих к северной части города Арки, получили в удел потомки Неффала. Данитам, наконец, досталась вся та долина, которая тянется к западу и примыкает к Азоту[33] и Дору, вся Иамния[34] и Гетта[35] от Акарона[36] до того хребта, откуда уже начинались владения колена Иудова[37].

23. Таким образом Иисус распределил между девятью с половиной коленами израильскими всю страну Хананейскую, принадлежавшую шести народам, которые именовались по сыновьям Ханаана[38]. Землю аморреев, также получившую свое название от одного из сыновей Ханаана, Моисей уже раньше предоставил, как мы выше успели показать[39], двум с половиной коленам. Окрестности же Сидона, равно как владения арукеян, амафеян и арадеян, пока еще не подверглись разделу[40].

24. Так как теперь уже преклонные лета мешали Иисусу привести в исполнение все то, что он задумал совершить, а с другой стороны, преемников его по командованию войсками уже меньше интересовал вопрос об общем благополучии всего народа, то он предложил каждому колену в отдельности самостоятельно заняться истреблением всех еще остававшихся в каждой области хананеян (тем более что, как говорил раньше Моисей, а теперь и сам он смог убедиться, только от этого зависела их собственная безопасность и сохранение чистоты родных обычаев). Левитам он распорядился предоставить тридцать восемь городов, потому что десять им уже было назначено в Аморрее. Из них три города пользовались правом убежища (как видно, у Иисуса на первом плане стояла забота о возможно точном исполнении Моисеевых предначертаний), а именно: в колене Иудовом — Хеврон, в Ефремовом — Сихем, в Неффаловом — Кедес в верхней Галилее.

Затем Иисус распределил между войсками остатки добычи, которая состояла из золота, серебра, платья, всякой утвари и огромного числа домашнего скота и была так велика, что не только весь народ в совокупности очень разбогател, но и каждый еврей в отдельности получил крупное состояние[41].

25. Затем Иисус Навин созвал все войско в народное собрание и обратился со следующей речью к тем участвовавшим в походах пятидесяти тысячам тяжеловооруженных, которые поселились по ту сторону Иордана в Аморрее: «Так как Господь Бог, Отец и владыка еврейского племени, даровал нам в собственность эту страну и обещал сохранить ее за нами навсегда, а так как вы, по повелению Предвечного, постоянно и охотно содействовали нам в завоевании ее, то справедливость требует, чтобы теперь, когда уже более не предвидится никаких особенных опасностей, вы могли отдохнуть, и мы пощадили ваше рвение. Кроме того, если бы нам пришлось когда-нибудь опять нуждаться в вашей поддержке, мы хотели бы иметь возможность немедленно рассчитывать на нее, и поэтому мы ныне не смеем дольше утомлять вас. Ввиду всего этого примите теперь нашу благодарность за ту готовность, с которой вы подвергали себя грозившим нам опасностям; признательность эту мы чувствуем не только сейчас, но она будет жить в нас навсегда, потому что мы настолько порядочны, чтобы не забывать своих друзей и постоянно помнить, какую значительную поддержку они оказывали нам: ведь вы ради нас отказались от представлявшейся вам самим возможности спокойно наслаждаться приобретенными вами благами, рассчитывая сделать это лишь после того, как вы разделите с нами труды наши и поможете нам добиться того, что теперь благодаря милосердию Предвечного принадлежит нам. Правда, результатом вашей совместной с нами работы является, кроме вам уже принадлежащих богатств, еще значительное состояние, которое вы получите в виде огромной добычи, золота и серебра, сверх того, что гораздо важнее, еще наша признательность и готовность со своей стороны поддержать вас, в чем бы вы ни захотели: вы не забыли ничего из того, что некогда предписал Моисей, несмотря на то, что он уже умер, и тем заслужили полнейшую нашу благодарность. Поэтому мы с сердечной признательностью отпускаем вас теперь домой и убедительно просим не

забывать, что между нашими дружественными отношениями не должно быть никакой преграды, равно как не считать нас чужими, или неевреями, лишь потому, что нас отделяет друг от друга эта река (Иордан). Ведь все мы, которые живем по сию или по ту сторону этой реки, потомки Аврама, и Господь Бог — един, который вызвал к жизни как наших, так и ваших предков. Поэтому усердно почитайте Его и точно соблюдайте предписания, которые Он дал евреям при посредстве Моисея, пока вы будете держаться этих предписаний, и Господь Бог будет милостив к вам и окажет вам поддержку, если же станете подражать чужим обычаям, то Он отвернется от вас». Сказав это и простившись поочередно с каждым из начальников колен и затем вообще со всеми ими, Иисус отпустил их восвояси; сам он не провожал их, но зато народ сделал это, и притом не без слез. Так они с грустью расстались[42].

26. Переправившись через Иордан, колена Рувилово, Гадово и сопутствовавшие им члены колена Манассиева воздвигли на берегу реки алтарь в память будущих отличных отношений с жителями противоположной стороны и в знак своей дружбы с ними. Узнав, что расставшиеся с ними единоплеменники воздвигли по ту сторону Иордана жертвенник, и не зная о значении этого поступка, но предполагая, что то было сделано с целью ввести новшества и культы чужих божеств, евреи легко поддались такому предположению, увидели во всем этом открытое отпадение от родной веры и схватились было за оружие, чтобы, перейдя реку, напасть на воздвигших жертвенник и наказать их за отступничество от родных обычаев. Им и в голову не приходило считаться с родственными отношениями и со степенью заслуженности провинившихся, но на первом плане у них стояли исполнение воли Господней и принцип правильного богопочитания. Поэтому-то евреи в великом гневе своем и собрались идти войною на своих сородичей. Однако от исполнения этого намерения их удержали Иисус, первосвященник Елеазар и совет старейшин, которые все посоветовали им сперва вступить в переговоры и хорошенько выяснить цель сооружения жертвенника, чтобы затем уже, если эта цель окажется преступной, пойти на них с оружием в руках. Ввиду всего этого было отправлено посольство в составе Финееса, сына Елеаза-

ра, и десяти других мужей, пользовавшихся у евреев особым почетом. Они должны были узнать, чем руководствовались перешедшие через Иордан, когда воздвигали на берегу его упомянутый жертвенник.

Когда, по переправе через реку и прибытии посольства к месту своего назначения, было созвано народное собрание, Финеес обратился к нему с речью, в которой стал говорить, что они провинились слишком сильно, чтобы их можно было склонить увещаниями к исправлению в будущем; что, несмотря на это и на серьезность их вины, евреи все-таки не тотчас схватились за оружие, чтобы примерно наказать виновных, но отправили это посольство ввиду родственных отношений и в расчете путем словесных убеждений скоро вернуть их к благоразумию. «Мы явились к вам, — продолжал он, — чтобы узнать о причине, в силу которой вы решились воздвигнуть этот жертвенник; если выяснится, что вы построили его с чистыми намерениями, то мы и не подумаем безрассудно поднять на вас оружие, если же окажется, что вы при этом замышляли дурное, то мы по праву истины пойдем на вас, как на очевидных вероотступников. Мы, правда, не считали вас, которые вполне усвоили себе волю Господа Бога и слышали о тех законах, которые Предвечный дал нам, способными тотчас после того, как вы расстались с нами и прибыли в свою собственную страну, которая досталась вам в удел по милосердию и расположению к вам Господа Бога, совершенно позабыть о Нем, отказаться от Скинии, ковчега Завета и родного вам алтаря, предпочесть чужих богов и примкнуть к гнусностям хананеян. Впрочем, все это будет прощено вам, если вы только одумаетесь, не станете упорствовать и устыдитесь своей вины, вспомнив о родных своих законах. Если же вы вздумаете еще и дольше продолжать свой греховный образ жизни, то мы ради закона не пощадим сил своих, но перейдем Иордан, поспешим на выручку этих законов, поддержим тем самым славу Господа Бога, не будем делать различия между вами и хананеянами, но истребим вас так, как истребили последних. Не думайте, что, перейдя через реку, вы очутились вне власти Предвечного: в Его власти вы повсюду, и нет возможности уклониться от нее и от связанного с нею возмездия. Если же вы полагаете, что пребывание здесь препятствует вам быть благоразумными, то ничто не

мешает вам приступить с нами к новому разделу всей страны и уйти отсюда, тем более что эта местность так благоприятна для скотоводства. Во всяком случае, вы поступите хорошо, если вовремя одумаетесь и не прибавите к старым еще новых прегрешений. Умоляем вас именем детей и жен ваших не заставлять нас прибегать к военной силе. Так как в руках этого собрания лежит решение вопроса о спасении вас самих и самых дорогих вам существ, то сообразно с этим вы и дайте ответ, принимая при этом во внимание, что лучше склониться на словесные убеждения, чем испытать насилия войны»[43].

27. Когда Финеес окончил речь свою, то начальствующие лица, равно как и вся масса народная, стали отвергать возведенное на них обвинение и заявили, что они и не думали делаться вероотступниками, вовсе не ради нововведений воздвигли жертвенник, но отлично сознают, что существует только один Бог, общий всем евреям, и только один алтарь, на котором можно совершать жертвоприношения, а именно медный алтарь, стоящий перед Скиниею. «Между тем теперь нами воздвигнутый алтарь, который вызвал (в вас) такие подозрения, мы построили вовсе не в целях религиозного культа, но для того, чтобы он служил символом и вечным напоминанием нашей взаимной близости и чтобы он побуждал нас оставаться благоразумно верными родным установлениям, а не для того, чтобы быть нам поводом к отступничеству, как вы, однако, предполагаете. Засвидетельствовать такую цель построения нами этого жертвенника может всеблагий Господь Бог. Поэтому будьте о нас лучшего мнения и не считайте нас заслуживающими истребления, которому должны бы подлежать все потомки Аврама, вводящие у себя новые порядки и отступающие от родных обычаев»[44].

28. За это заявление Финеес выразил им свою благодарность и похвалу; затем он вернулся к Иисусу Навину и сообщил народному собранию о результатах своей миссии. Иисус был очень рад, что не представляется никакой необходимости идти в поход, взяться за оружие и начинать войну с близкими родственниками, и за это принес Господу Богу благодарственные жертвы. Распустив после этого народ по своим областям, Иисус сам остался жить в Сихеме[45].

Двадцать лет спустя, когда он достиг очень преклонного возраста, он послал во все города извещение, что приглаша-

ст к себе наиболее почетных граждан, начальствующих лиц, старейшин и возможно большее число простого народа. Когда все собрались в Сихем, Иисус стал им напоминать о всех благодеяниях, оказанных евреям Господом Богом, указал им на великое значение этих благодеяний, в силу которых евреи вышли из своего унизительного положения и достигли такой славы и могущества, убеждал их и дальше заслуживать такое милостивое расположение Предвечного, оказывая Ему всяческий почет и выражая свое благочестие, которое одно только и угодно Господу Богу и которое закрепит за ними Его к ним любовь. Он же считает своей священной обязанностью обратиться к народу с этим увещанием, так как собирается расстаться с жизнью, и потому просит их не забывать его наставления[46].

29. Сказав это всем собравшимся, Иисус Навин испустил дух. Прожил он сто десять лет, из которых провел сорок, учась всему полезному у Моисея, а после его смерти был двадцать пять лет военачальником. Это был человек крайне одаренный, отлично умевший убеждать народную массу в целесообразности придуманных им мероприятий, выдававшийся также своей храбростью и неустрашимостью в опасностях войны, отличный руководитель в мирное время и во всякую минуту дававший доказательства истинной своей добродетели. Похоронили Иисуса в городе Фамне[47] в колене Ефремовом. Около того же времени умер и первосвященник Елеазар, оставив своим преемником сына своего Финееса. Елеазара могила и надгробный памятник находятся в городе Гавафе[48].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. После смерти этих двух мужей Финеес возвестил, по приказанию Господа Бога, чтобы в войне с хананейскими племенами начальство принадлежало колену Иудову. Дело в том, что народ в этом предприятии очень желал знать точное решение Предвечного. Затем колено Иудово пригласило себе в помощь симеонитов с тем условием, что если они помогут им истребить хананеев в области Иудовой, то им будет оказана та же услуга по отношению к их собственной стране[49].

2. Так как к тому времени дела хананеян опять поправились, то они с большим войском стали поджидать евреев

близ города Везеки[50], поручив предводительствование этим войском царю Везеки, Адонивезеку (это имя значит «владыка Везеки», потому что слово «адон» означает по-еврейски владыку, господина), и рассчитывали побить израильтян благодаря тому, что умер Иисус Навин. Сойдясь с этими хананеянами, еврейские войска в составе двух вышеупомянутых колен блестящим образом сразились с ними, перебили из них свыше десяти тысяч человек, остальных же обратили в бегство и бросились за ними в погоню. При этом они схватили Адонивезека, которому отрубили конечности, так что он сказал: «Я убеждаюсь теперь, что Господь Бог всегда воздает человеку по его заслугам, потому что я подвергся ныне тому же самому, что я сам некогда причинил семидесяти двум царям». Они доставили его живьем в Иерусалим, где он умер и был ими похоронен. Затем евреи прошли по всей стране, занимая города, и, овладев большинством их, приступили к осаде Иерусалима. С течением времени им удалось взять нижнюю часть города и перерезать все население, тогда как верхняя часть оказалась неприступной отчасти вследствие укрепленности стен, отчасти же и вследствие характера самого местоположения своего[51].

3. Отсюда евреи направились к Хеврону, взяли его и умертвили все его население. Там еще оставалось в то время племя гигантов, которые выдавались среди остальных людей огромным ростом и страшной внешностью, так что вызывали во всех изумление, переходившее в страх, благодаря их мощному голосу. Еще и по сей день показываются их исполинские кости, и кто не видел их лично, тот не поверит, как чудовищно велики они.

Этот город был предоставлен, в знак особого отличия, левитам, и к нему было прирезано еще сверх того пространство в две тысячи локтей, остальную же часть этой области евреи отдали, сообразно распоряжению Моисея, в дар Халеву, одному из тех разведчиков, которых Моисей (когда-то) посылал в Ханаанею. Равным образом они уделили часть земли потомкам мадианитянина Иофора, тестя Моисея, потому что те покинули свою страну, примкнули к евреям и совершили вместе с последними странствование по пустыне[52].

4. Затем колена Иудово и Симеоново заняли все города в нагорной части Ханаанеи, а из тех, которые были расположе-

ны в равнине и у моря — Аскалон и Азот, тогда как Газа и Аккарон не сдавались им. Напротив, жители этих мест, занимая равнину и обладая значительным количеством боевых колесниц, нанесли напавшим на них евреям чувствительный урон. Ввиду этого те два колена, удовлетворившись необычайно богатой добычей, захваченной во время всех этих войн, вернулись в свои города и сложили оружие[53].

5. Между тем веньяминиты, в стране которых находился Иерусалим, удовольствовались тем, что наложили на население дань, и таким образом обе враждующие партии успокоились: одни отдыхали от резни, другие от постоянных опасностей, и те и другие принялись мирно обрабатывать землю. Их примеру последовали и все остальные колена израильские, а именно удовольствовались наложением на хананеян дани и перестали воевать с ними[54].

6. Воины колена Ефремова осадили Вифил, но, несмотря на продолжительность осады и на все усилия, не были в состоянии довести дело до успешного конца. Тем не менее они упорно осаждали город, не двигаясь с места. Затем им удалось поймать одного человека, который как раз доставлял городу съестные припасы; евреи уверили его в том, что, если он передаст им город, они спасут как его, так и его родственников. На таких условиях тот дал клятвенное обещание впустить евреев в город. Таким образом изменник спасся вместе с родней своей, евреи же перерезали всех жителей и овладели городом[55].

7. После этого израильтяне стали жить в мире со своими врагами и усердно занялись обработкой земли и вообще полевыми работами. Так как последние в высокой мере вознаграждали их за труды и привели к большому богатству, то евреи впали в роскошь и стали настолько предаваться удовольствиям, что совершенно позабыли всякий порядок и перестали быть точными исполнителями законов и предписаний Господних. Разгневавшись на то, Предвечный высказал им сначала неудовольствие по поводу того, что евреи пощадили, вопреки Его желанию, хананеян, а затем сказал, что последние в будущем сумеют улучить минуту, чтобы отплатить им за это страшной жестокостью. Несмотря на то, что это неудовольствие Господа Бога задело их за живое, евреи все-таки никак не хотели решиться на возобновление войн с хананеянами, тем более что они получали с последних

такие доходы, да и успели уже отвыкнуть, благодаря развившейся среди них роскоши, от военных невзгод. В то же самое время и государственное устройство у евреев пришло в упадок; они перестали назначать старейшин и других раньше обыкновенно выборных начальствующих лиц и совершенно исключительно предались земледелию, радуясь сопряженным с ним выгодам. Вследствие столь большого беспорядка между ними опять возникли серьезные смуты, которые повели даже к междоусобной войне. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство[56].

8. Один из простых левитов, принадлежавший к колену Ефремову и живший в соответствующей области, женился на девушке из Вифлеема, города, который входил в состав владений колена Иудова. Будучи страстно влюблен в свою жену за ее красоту, он, однако, не пользовался взаимностью и очень страдал от этого. Так как она не изменяла своих отношений к мужу, то последний все более и более скорбел, и у них происходили беспрерывные ссоры. В конце концов женщине все это надоело; на четвертый месяц она покинула мужа и вернулась к своим родителям. Изнывая от тоски по ней, муж также прибыл к родителям жены своей, которым и удалось помирить супругов и снова сблизить их между собою. В продолжение четырех дней левит прожил в доме своего тестя, причем родители жены приняли его самым радушным образом, на пятый же день после обеда он собрался домой в обратный путь: дело в том, что родители неохотно отпускали свою дочь на чужбину и оттянули отъезд до позднего часа. Затем они отправились в путь, причем за ними шел раб, а на ослице ехала молодая женщина. Пройдя уже тридцать стадий и приблизившись к Иерусалиму, раб дал супругам совет остановиться здесь на ночлег, указывая на то, как бы с ними не случилось чего-нибудь ночью в пути, тем более что невдалеке были враги, да в ночное время вообще и безопасные места часто могут быть подозрительными и опасными. Левиту, однако, пришлось не по вкусу предложение остановиться на ночевку у чужеземцев (город был тогда еще в руках хананеян), и он настаивал на том, чтобы им пройти еще двадцать стадий до какого-нибудь своего города. Это предложение было принято, и путешественники добрались наконец до Гавы в колене Веньяминовом.

Был уже поздний час и на площади не было никого, к кому бы можно было обратиться с просьбой о ночлеге. Тогда случайно встретился им живший в Гаве и возвращавшийся теперь с поля старик из колена Ефремова. Он спросил левита, кто он такой и почему ищет ночлега в такое позднее и темное время. Левит сказал, кто он, и заявил при этом, что возвращается с женой от родителей последней к себе домой и что город его находится в области колена Ефремова. Тогда старик, ввиду общего происхождения их по принадлежности к одному и тому же колену и ввиду случайности их встречи, предложил путешественникам ночлег в своем собственном доме, и они приняли это предложение. Между тем несколько местных юношей, успевших увидеть молодую женщину на площади, поразиться красотой ее и заметить, что она остановилась в доме старика, решили ворваться в жилище последнего, рассчитывая на слабость сопротивления и на малочисленность защитников, которых они найдут там. Они действительно принялись выламывать двери, и когда старик стал уговаривать их уйти и не прибегать к гнусному насилию, то они отвечали ему, что, если он выдаст им иноземку, они оставят его в покое. Когда же старик стал указывать на то, что эта женщина одного с ними племени и левитянка, и на то, что они ради своего удовольствия решаются на безумный шаг и на нарушение законов, то они отвечали, что им до этого нет дела и что они смеются над законами, а также начали угрожать ему смертью, если он будет мешать удовлетворению их страсти. Поставленный в такое затруднительное положение и не допуская возможности насилия над людьми, которым оказано гостеприимство, старик предложил буянам свою собственную дочь, говоря, что они таким образом более законно утолят свои страстные вожделения, чем если подвергнут насилию его гостей, и полагая, что таким образом он сам ничем не обидит последних. Когда же юноши не отступали от своих притязаний, но все настойчивее и настойчивее требовали выдачи чужестранки, то старик еще раз стал умолять их не решаться на беззаконный поступок. Тогда юноши силой ворвались в дом, схватили молодую женщину и, в предвкушении ожидающего их удовольствия, шумно увели ее с собою; затем они в продолжение всей ночи насиловали ее и, натешившись вдоволь, отпустили ее с наступлением утра

домой[57]. Измученная всем случившимся, она вернулась в дом, где ей было оказано гостеприимство, и, удрученная горем и совершенно сломленная позором, который не позволял ей показаться на глаза мужу, очевидно, по ее мнению, совершенно безутешному в постигшем его несчастии, она упала на землю и тут же испустила дух. Между тем муж ее, полагая, что жена впала в обморок и не предполагая еще большего несчастия, прилагал все усилия, чтобы привести ее в себя, и стал утешать ее, указывая, что ведь она не добровольно отдалась изнасиловавшим ее негодяям, но была силой похищена ими из дома. Когда же он убедился, что жена его мертва, то, совершенно сломленный горем, взвалил труп на осла и повез его в свой город. Прибыв туда, он разрубил труп на двенадцать частей и разослал эти части по всем коленам израильским, поручив при этом посланцам рассказать народу о причине смерти жены его и о совершенном над ней насилии[58].

9. Евреи были страшно взволнованы видом этих окровавленных частей тела и рассказом о совершенном насилии, так как раньше никогда не слыхали ни о чем подобном, и в сильном и справедливом гневе, собравшись перед Скинией в Сило, решились было немедленно взяться за оружие и пойти войной на жителей города Гавы. Но их удержал от этого совет старейшин, которые стали выставлять народу на вид, что не следует так порывисто объявлять войну единоплеменникам раньше вступления с ними в переговоры относительно взводимых на них обвинений, тем более что и закон не дозволяет вести войско даже на иноземцев, которые видимо заслуживают наказания за свои проступки, раньше, чем будет отправлено к ним посольство и будет сделана попытка склонить их к миролюбивому соглашению. Поэтому-то и теперь будет уместно, повинуясь предписаниям законов, послать к жителям Гавы послов с требованием выдать виновных в совершении такого злодеяния, и если это требование будет уважено, удовлетвориться примерным их наказанием; если же они ответят отказом, тогда только пойти на них с оружием в руках. Ввиду всего этого евреи послали к жителям Гавы обвинение юношей в насилии, произведенном над женщиной, и с требованием выдать виновных в таком беззаконном поступке, которые по всей справедливости заслужили за это

смертную казнь. Между тем жители Гавы не только не выдали юношей, но и считали постыдным, признавая себя не менее сильными, чем остальные евреи, как по численности войск, так и по личной храбрости, только из страха перед войной подчиняться чужим предписаниям. Поэтому, подобно прочим членам своего колена, они стали поспешно готовиться к войне, успев заручиться на случай крайней опасности обещанием поддержки с их стороны[59].

10. Когда слух о таком отношении к делу со стороны жителей Гавы дошел до остальных израильтян, то они клятвенно обещались друг другу не выдавать более своих дочерей замуж за веньяминитов и объявить колену Веньяминову более ожесточенную и разъяренную войну, чем некогда объявили их предки хананеянам. Затем они повели на них огромное войско, а именно четыреста тысяч тяжеловооруженных, тогда как войско веньяминитов состояло из двадцати пяти тысяч шестисот человек, между которыми находилось до пятисот воинов, которые отлично умели левой рукой стрелять из пращи. Когда дело дошло до битвы при Гаве, то веньяминитам удалось совершенно разбить остальных израильтян, так что из числа последних пало до двадцати двух тысяч человек, причем погибло бы, наверно, гораздо больше народу, если бы не помешала ночь, которая разъединила сражавшихся. После этого веньяминиты с ликованием вернулись в город, а израильтяне, совершенно подавленные этим поражением, к своему стану. Когда на следующий день оба войска вновь сошлись, то веньяминиты опять одержали победу, причем из строя израильтян выбыло восемнадцать тысяч человек, так что остальные в паническом страхе перед такой резней покинули даже свой лагерь. Затем они устремились в близлежащий город Вифил и, наложив на себя на следующий день строгий пост, стали через первосвященника Финееса умолять Господа, чтобы Он, прекратив свой гнев и удовольствовавшись их двумя поражениями, даровал им возможность осилить и победить врагов. Действительно, устами Финееса Предвечный обещал исполнить их просьбу[60].

11. Затем израильтяне разделили свои силы на две части: одну из них они ночью поместили в засаду около города, другая же половина вступила в бой с веньяминитами, а затем,

когда последние стали особенно налегать на них, начала понемногу отступать. Веньяминиты бросились преследовать их, в то время как евреи мало-помалу отступали перед ними, желая их по возможности дальше отвлечь от города. И в то время, как враги только и думали о преследовании, из города выбежали даже старики и молодежь, остававшиеся там вследствие своей непригодности к участию в военном деле, с целью совершенно добить неприятелей. Очутившись в достаточно далеком расстоянии от города, евреи остановились в своем мнимом бегстве, повернулись к врагам фронтом и, вступив с ними снова в бой, дали войскам, сидевшим в засаде, заранее условленный знак. Тогда последние с криком выскочили из засады и устремились на врагов. Видя себя вовлеченными в ловушку, веньяминиты тотчас смутились и не знали, что им делать. Поэтому-то они и дали загнать себя в узкое ущелье, где их со всех сторон стали забрасывать стрелами, так что все тут и погибли, исключая шестисот человек, которые сомкнулись тесным строем и, пробившись сквозь ряды неприятелей, бежали в ближайшие горы, где им удалось укрепиться и продержаться еще некоторое время. Все же остальные веньяминиты, в числе около двадцати пяти тысяч человек остались на поле сражения. Между тем израильтяне подожгли Гаву и перерезали всех жителей, исключая женщин и несовершеннолетних мальчиков. Точно таким же образом поступили они и со всеми прочими городами веньяминитов, причем ярость их дошла до такой степени, что они послали двенадцать тысяч отборных воинов к городу Иавису[61] в области Галаадской и поручили им уничтожить его за то, что жители этого города не приняли участия в совместном походе против колена Веньяминова. Посланные на самом деле перерезали всех граждан, способных носить оружие, а также детей и женщин, пощадив лишь четыреста девушек. Они были доведены до такой ярости тем, что к позору, постигшему жену левита, присоединилось еще горе по поводу утраты такого множества отличных воинов[62].

12. Впрочем, впоследствии израильтян охватило чувство раскаяния за то бедствие, которое они причинили колену Веньяминову; поэтому они назначили для искупления совершенных жестокостей пост, хотя и считали наказание, понесенное веньяминитами за нарушение этих законов, вполне

справедливым. Итак, они отправили послов к бежавшим шестистам веньяминитам, которые тем временем укрепились в пустыне на утесе, носившем название Рои[63]. Будучи подавлены не только постигнувшим их несчастьем, но также и гибелью стольких своих единоплеменников, посланные стали уговаривать их стойко переносить это горе и соединиться воедино, чтобы не доводить дела до окончательного уничтожения всего колена Веньяминова. «Мы ведь уступаем вам, — сказали послы, — всю вашу область и такое количество добычи, сколько вы будете в состоянии взять себе». Тогда веньяминиты, убедившись в том, что их постигла кара Божия за преступления, приняли предложение израильтян и вернулись в свою родную страну. Израильтяне же предоставили им в жены тех четырехсот девушек, которых они захватили в Иависе, и стали затем придумывать средство, как снабдить женами и остальных веньяминитов. Дело в том, что до войны евреи дали друг другу клятвенное обещание не выдавать более дочерей своих замуж за веньяминитов. Между тем теперь нашлись люди, которые стали советовать не обращать внимания на клятву, данную в минуту сильного раздражения без должной обдуманности и соображения, тем более что не будет богопротивным, если таким образом удастся спасти и сохранить целое колено, иначе подвергающееся опасности окончательно вымереть. При этом они указывали также и на то обстоятельство, что клятвонарушение является преступным и опасным лишь в том случае, если оно вызывается какой-нибудь преступной целью, а отнюдь не тогда, когда оно является результатом необходимости. Когда, однако, совет старейшин выразил отвращение перед одним только уже термином клятвопреступничества, то кто-то заявил, что он знает способ, как достать достаточное количество женщин и вместе с тем не нарушить клятвы. Когда же его спросили об этом способе, тот ответил: «Ведь трижды в году, когда мы собираемся в Сило, вместе с нами на праздник являются туда также и жены и дочери наши. Пусть будет предоставлена веньяминитам возможность похитить и взять себе затем в жены тех из них, которые сами того пожелают, так что мы не станем принуждать их к этим бракам, но и не будем препятствовать таковым. Если же родители девушек будут этим недовольны и вздумают потребовать от нас наказания похи-

тителей, то мы ответим им, что они сами виноваты в этом, потому что недостаточно оберегали своих дочерей; при этом можно будет также указать и на то, что пора прекратить раздоры с веньяминитами, которые и без того уже слишком чувствительно и не в меру от этого пострадали». Это предложение было принято, и было решено допустить для веньяминитов похищение жен. Когда затем наступил праздник, то двести веньяминитов, разделившись на группы по два или по три человека, спрятались невдалеке от города в виноградниках и других скрытых местах и стали поджидать девушек, которые, совершенно не зная ни о чем, со смехом и шутками без охраны совершали свой путь. Затем веньяминиты выскочили из своих засад, рассеяли девушек и похитили себе каждый по одной. Таким образом им удалось вновь устроить себе семейную жизнь. Затем они возвратились к себе домой, к своим занятиям и стали прилагать по-прежнему всяческое старание вернуться к былому благополучию. Итак, благодаря мудрому плану израильтян, колено Веньяминово, подвергшееся было опасности совершенно вымереть, вновь возродилось к жизни, вскоре опять достигло значительной численности и добилось обеспеченного положения[64].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Такой-то исход имела война эта. Подобная же судьба постигла и колено Дановo, которое дошло до такого состояния по следующей причине: так как израильтяне вскоре опять успели отвыкнуть от военного дела и совершенно предались обработке земли, то хананеяне совершенно перестали бояться их и собрали значительное войско, не потому, впрочем, что опасались подвергнуться каким-нибудь новым притеснениям со стороны евреев, но оттого, что, нанеся им жестокое поражение, твердо рассчитывали совершенно безопасно и спокойно жить в своих городах. Ввиду этого хананеяне заготовили множество боевых колесниц, набрали хорошо вооруженное войско и соединились в колене Иудовом с сочувствовавшими им жителями городов Аскалона и Аккарона, а также с другими расположенными на равнине городами. Затем они принудили данитов бежать в горы, не оставив им ни клочка земли на равнине.

Не будучи в состоянии вести войну, а также не найдя (в горах) достаточного количества подходящей земли, даниты выбрали из своей среды пять человек и послали их к морскому побережью, чтобы они там высмотрели землю, куда бы им всем можно было переселиться. Сделав дневной переход и встретив хорошую и плодородную почву недалеко от Ливанского хребта вблизи источников Малого Иордана на большой Сидонской равнине, посланные сообщили об этом своим единоплеменникам. Последние тотчас отправились туда со своим войском и основали там город Дану по имени сына Иакова и родоначальника их колена[65].

2. Между тем государственное устройство у израильтян приходило постепенно в упадок вследствие того, что они отвыкли от труда и стали пренебрежительно относиться к вопросам религиозным. А раз у них пошатнулось это, каждый вскоре стал думать только о своих собственных удовольствиях и жить как ему вздумается, так что между ними в непродолжительном времени широко расцвели все пороки, присущие хананеянам. За это Господь Бог сильно разгневался на них, и им пришлось, благодаря своему беспутному образу жизни, потерять то благополучие, которое они создали себе раньше бесчисленными трудами и лишениями. Дело в том, что на них пошел войной ассирийский царь Хусарф, и тут евреи потеряли в битвах множество войска, а другие были взяты в плен после ожесточенных осад городов. Между евреями оказались и такие, которые покорились царю добровольно, из страха. При этом им пришлось заплатить дань, превышавшую их платежные силы, и подвергаться в продолжение восьми лет всевозможным насилиям. По истечении этого срока они избавились от указанного бедствия следующим образом[66].

3. В колене Иудовом находился некий Офниил, сын Кевеза, человек деятельный и разумный. Он удостоился откровения от Господа Бога не относиться безразлично к такому стесненному положению израильтян, но попытаться вернуть им свободу, и при этом получил повеление взять себе в помощники на случай опасности нескольких надежных товарищей (дело в том, что тогда среди евреев было очень мало лиц, которые стыдились бы своего унижения и стремились бы к перемене обстоятельств). И вот для начала Офниил перебил

находившиеся в городах гарнизоны Хусарфа, и так как ввиду удачного исхода этой первой попытки к нему присоединялось все больше и больше желающих поддержать его, то он наконец вступил с ассирийцами в открытый бой, совершенно разбил их и, оттеснив к Евфрату, принудил их отступить за него. В награду за оказанные при этом случае подвиги храбрости Офниил получил от народа почетную должность общественного судьи. Он умер после того, как в продолжение сорока лет нес эту обязанность[67].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. После его смерти положение израильтян снова ухудшилось вследствие вновь наступившего периода безначалия, и так как они отвратились от богопочитания и совершенно перестали повиноваться законам, то дела их пошли все хуже и хуже, так что заметивший их внутренние неурядицы моавитский царь Еглон пошел на них войной. Ему удалось в нескольких битвах разбить их, заставить их отказаться от всякой мысли о самостоятельности, совершенно сокрушить их силы и наложить на них значительную дань. Затем он воздвиг себе дворец в Иерихоне, всяческим образом стал притеснять народ и в продолжение восемнадцати лет довел его до окончательного разорения. Наконец Предвечный сжалился над страданиями израильтян, внял их молитвам и освободил их от притеснений моавитян. Это произошло следующим образом[68].

2. В Иерихоне жил некий юноша из колена Веньяминова, по имени Иуд, сын Гира, отличавшийся большой храбростью, смелостью и предприимчивостью наравне с необычайной физической силой, заключавшейся особенно в его левой руке, которой он действовал лучше, чем правой. Он был своим человеком у Еглона, так как сумел обратить на себя благосклонное внимание последнего различными подарками и мелкими услугами, вследствие чего и все окружавшие царя были дружественно расположены к нему. Однажды он понес в сопровождении двух слуг подарки царю. Тайком он привязал к правому бедру своему под одеждой меч и таким образом вошел к царю. Дело было летом, в полдень, когда стража, отчасти от сильной жары, отчасти будучи занята обедом, от-

правляла свою службу довольно вяло. Вручив Еглону, находившемуся в летнем павильоне, подарки, юноша вступил с ним в продолжительный разговор. Они были одни в комнате, потому что царь, чтобы не было свидетелей при их времяпрепровождении, велел уйти слугам. Так как он сидел на троне, то Иуд боялся, как бы ему не промахнуться и не нанести несмертельного удара. Поэтому он побудил царя встать со своего места, сказав, что имеет, по повелению Божьему, сообщить ему о сне, который он видел. Когда же царь, радуясь услышать подробности об этом сне, соскочил со своего трона, то Иуд вонзил ему меч в сердце, не извлек его из трупа, но быстро вышел, заперев за собою дверь. Между тем слуги царские дремали, полагая, что и повелитель их заснул[69].

3. Тем временем Иуд немедленно известил жителей Иерихона о совершившемся и стал убеждать их вернуть себе свободу. Те с удовольствием узнали об этом, тотчас взялись за оружие и разослали по всей стране вестников, которые должны были трубить в рога, как то было установлено для созыва всего народа в собрание. Между тем приближенные Еглона оставались в неведении относительно постигшего их несчастия. Когда же наступил вечер, то они в страхе, не случилось ли с царем чего-нибудь, вломились в павильон и, найдя там труп, долго стояли в полном оцепенении. Но раньше, чем можно было собрать всю стражу, на них уже успела напасть толпа израильтян, так что одни были убиты тут же на месте, другие же бежали по направлению к стране моавитской, ища там спасения. Последних было более десяти тысяч. Однако израильтянам удалось заблаговременно занять брод Иордана; поэтому они избили множество врагов во время преследования, а затем еще больше близ реки, так что ни один из них не избег тут смерти.

Таким-то образом евреи освободились от моавитского ига. Иуд же был почтен народом за это тем, что ему всецело поручили управление народом. Этой властью он пользовался восемьдесят лет, после чего умер, будучи человеком, заслужившим похвалу и помимо вышерассказанного поступка. После него власть была передана Санагару, сыну Анафа, но он умер еще в первый год своего правления[70].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем израильтяне, которым прежние несчастия, явившиеся последствием ослабления богопочитания и нарушения законов, не послужили достаточно жестоким уроком, не успели еще хоть немного оправиться от моавитского ига, как они вновь были обращены в рабство хананейским царем Иавином. Последний двинулся из города Асора (который лежит выше Семехонитского озера)[71] против евреев с войском в триста тысяч тяжеловооруженной пехоты, десять тысяч всадников и три тысячи боевых колесниц. Начальствовавший над этим войском Сисара, пользовавшийся величайшим уважением в глазах царя, так жестоко разбил вступивших с ним в бой израильтян, что они принуждены были согласиться платить ему дань.

2. В продолжение двадцати лет они несли это иго, так как в своем несчастии совершенно пали духом, да и Господь Бог желал подольше наказать их за их заносчивость и презрительное к Нему отношение, чтобы они наконец переменили свое поведение, научились уму-разуму и поняли, что все постигающие их несчастия проистекают из их легкомысленного отношения к законам. В конце концов евреи обратились к некоей прорицательнице Деворе (это имя по-еврейски означает пчелу) с просьбой помолиться за них Господу Богу, дабы Он почувствовал сострадание к ним и не допустил бы полного уничтожения их хананеянами. Предвечный действительно внял этим мольбам, согласился оказать им поддержку и назначил в военачальники над евреями некоего Варака из колена Неффалова. Слово «Варак» на еврейском языке значит «молния».

3. Послав за Вараком, Девора приказала ему выбрать десять тысяч отборных молодых воинов и повести их на врагов: большего числа ратников не требовалось, потому что Господь Бог заранее предвещал евреям победу. Когда же Варак ответил, что он лишь в том случае примет на себя начальствование над войском, если Девора присоединится к последнему, то она в сердцах воскликнула: «Хорошо! Если ты хочешь предоставить женщине долю того почета, который тебе назначил Господь Бог, то я не отказываюсь». Затем они собрали десять тысяч человек и расположились станом вблизи Итавирийских гор.

4. По повелению царя навстречу им выступил Сисар и стал лагерем невдалеке от них. Между тем на израильтян и на Варака напал страх при виде такого множества врагов, и они решили было уже отступить, но их от этого удержала Девора, которая потребовала, чтобы они в тот же день сразились с ассирийцами, потому что им окажет поддержку Господь Бог и они победят врагов. Итак, войска сошлись, и, когда они вступили врукопашную, внезапно поднялась сильная буря с проливным дождем и градом, причем ветер гнал дождь хананеянам в лицо и мешал им видеть, так что они не могли пустить в ход свои луки и пращи. В то же время и тяжеловооруженные воины их от холода не могли действовать мечами. Тем временем буря, поражавшая евреев с тыла, приносила им меньше вреда, и так как евреи, убедившись в помощи свыше, несколько приободрились, то им удалось наконец врезаться в самый центр врагов и перебить множество их. Одни из ассирийцев были убиты израильтянами, другие в общем смятении попадали со своих лошадей, многие, наконец, были раздавлены и искалечены собственными своими боевыми колесницами. Когда же Сисара увидел, что войска его обратились в бегство, он соскочил со своей колесницы и тоже бросился бежать. При этом он прибыл к одной хананеянке, по имени Иала, которая приняла его к себе ввиду его просьбы скрыть его и, когда он попросил пить, дала ему кислого молока. Напившись его через меру, Сисара впал в глубокий сон. Тогда Иала вбила молотком железный гвоздь в висок спавшего и, когда немного погодя явились люди Варака, показала им пригвожденный к земле труп. Таким образом, сообразно предсказанию Деворы, победа осталась за женщиной. Варак же пошел с войском к городу Асору, встретился здесь с Иавином и убил его. После этого он совершенно разгромил город и был правителем израильтян в продолжение сорока лет[72].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. После смерти Варака и Деворы, умерших почти единовременно, мадианитяне соединились с амалекитянами и арабами, пошли затем на израильтян войной, совершенно разбили их и, поджегши хлеб на полях, увели значительную до-

бычу. Так поступали они в продолжение семи лет. Тогда масса израильтян покинула равнину и удалилась в горы. Там они стали вырывать ямы и пещеры и прятали в них все, что им удалось спасти от врагов. Дело в том, что мадианитяне нападали на них всегда летом, предоставляя евреям зимой обрабатывать поля, для того чтобы впоследствии иметь возможность испортить им всю их работу. Ввиду всего этого среди евреев начались голод и страшная нужда, и они обратились с молитвами к Господу Богу, моля Его о спасении[73].

2. В это время Гедеон, сын Иоаса, одного из выдающихся членов колена Манассиева, нес однажды несколько снопов ржи домой, чтобы обмолотить их тайно в погребе: он не хотел сделать это открыто на гумне из страха перед врагами. Вдруг перед ним предстало видение в образе юноши, которое назвало его счастливым избранником Господа Бога. На это Гедеон ответил: «Неужели может служить наилучшим доказательством благорасположения ко мне Предвечного то обстоятельство, что мне приходится теперь пользоваться погребом вместо гумна?» Но видение повелело ему мужаться и попытаться вернуть своим единоверцам свободу. Гедеон, однако, ответил, что считает это невозможным, потому что то колено, к которому он принадлежит, отличается малочисленностью, да к тому же сам он еще слишком молод, чтобы даже и думать о таком трудном предприятии. Предвечный тем не менее обещал ему дать все для того необходимое и предсказал израильтянам победу, если только он согласится предводительствовать войском[74].

3. Тогда Гедеон рассказал об этом нескольким юношам. Те доверились ему, и вскоре набралось десять тысяч человек воинов, готовых выступить в бой. Во сне же явился Гедеону Господь Бог и сказал, что по природе люди всегда настолько самолюбивы и так враждебно настроены против всех тех, кто превосходит их храбростью, что они, пожалуй, не припишут победы Господу Богу, а самим себе, если войска у них будет много, и притом отличного. Итак, дабы они убедились, что поддержку им окажет именно Предвечный, Он советует Гедеону повести войско свое в полдень, когда будет наиболее жарко, к реке и обратить внимание на следующее: кто наклонится к воде и будет пить в таком положении, того Гедеон может отнести к числу храбрых солдат, тогда как все те, кто

поспешно и в смятении бросится к воде, могут быть признаны людьми робкими, столь спешащими исключительно из страха пред врагами. Когда Гедеон поступил сообразно указанию Божию, то нашлось триста человек, которые в смятении и страхе стали черпать воду руками и так пить ее. Тогда Господь повелел ему повести именно этих людей на врагов. В силу этого они расположились лагерем вблизи Иордана, намереваясь на следующий же день переправиться через реку[75].

4. Между тем Гедеон очень испугался, когда Господь Бог приказал ему напасть на врагов ночью. Желая, однако, успокоить его, Предвечный повелел ему взять одного из своих воинов и подойти поближе к стану мадианитов: здесь ему придется успокоиться и почерпнуть доверия и смелости. Гедеон повиновался и отправился в сопровождении своего слуги Фары. Когда он приблизился к одной из палаток вражеского стана, то он нашел, что воины там еще не спали, и один из них так громко излагал товарищам виденный им сон, что Гедеон мог все расслышать. Сон же заключался в следующем: воину приснилось, что ячменный хлеб, до того испорченный, что не годился уже более в пищу, прокатился по всему лагерю и сбил не только царский шатер, но и палатки всех воинов. Тогда другой солдат ответил, что это сновидение означает гибель всего войска, причем представил и соответствующее толкование, указав на то, что ячмень, по общему мнению, считается наихудшим сортом хлебных злаков. «Между тем, — продолжал он, — израильтяне пали теперь ниже всех народов Азии и тем уподобились ячменю. В то же время израильтян ныне вновь обуяла отвага, и между ними появился Гедеон и с ним целое войско. А так как ты говоришь, что видел, как ячменный хлеб поверг наши шатры наземь, то я начинаю опасаться, как бы Господь Бог не даровал Гедеону победы над нами».

5. Когда Гедеон услыхал об этом сновидении, то его охватила радостная надежда на хороший исход предприятия, и он смело стал смотреть в глаза опасности. Рассказав затем своим воинам о приснившемся врагам сновидении, он приказал им вооружаться, что было исполнено ими с большой готовностью, так как сообщение Гедеона придало им смелости. После этого Гедеон разделил свое войско на три части, по сто

человек в каждой, и повел их около времени четвертой стражи[76] к лагерю врагов. Все воины его несли в левой руке пустые кувшины, внутри которых были вставлены факелы, так что их наступление оставалось не замеченным врагами, а в правой по рогу, которым они пользовались вместо трубы. Стан врагов занимал обширное пространство, потому что у них было огромное количество верблюдов; при этом они образовали большой круг, расположившись по отдельным племенам. Евреям же было повелено, приблизившись к неприятелям, по данному знаку затрубить в рога, разбить кувшины и, потрясая факелами, с военным криком броситься на врагов и победить их, потому что Господь Бог обещал Гедеону оказать поддержку. Так евреи и сделали. Так как враги еще спали, то их обуяли панический страх и ужасное смятение: была еще ночь. Между тем сам Господь Бог хотел этого.

Лишь немногие были убиты евреями, большинство же пало от руки своих же товарищей, потому что все они говорили на разных языках, так что в общей сумятице каждый колол первого попавшегося, не обращая внимания на то, враг ли он или свой. Таким образом среди них произошла ужасная резня. Когда же весть о победе Гедеона дошла до израильтян, то они тотчас схватились за оружие, бросились за неприятелями в погоню и настигли их в узком, перерезанном ущельями месте, откуда те не были в состоянии выбраться. Тут они их окружили и перебили всех их, в том числе и двух царей, Орива и Зива. Между тем остальные вожди увели уцелевшие войска свои (которых было еще около восемнадцати тысяч) в сторону и расположились лагерем в значительном расстоянии от израильтян. Однако Гедеон не устрашился трудностей похода, но бросился со всеми своими войсками в погоню за ними; ему удалось настигнуть и перерезать всех врагов, а остальных двух предводителей их, Зеву и Салмана, он взял в плен и увел с собой. В этой самой битве пало из числа мадианитов и союзных с ними арабов до ста двадцати тысяч человек. Евреям досталась богатейшая добыча, масса золота, серебра, тканей, верблюдов и прочего вьючного скота. Прибыв в родной свой город Эфран, Гедеон убил мадианитских царей[77].

6. Между тем колено Ефремово было недовольно успехом Гедеона и решило объявить ему войну, под предлогом, что он

предпринял поход против врагов без предварительного их о том оповещения. Тогда Гедеон, как человек рассудительный и вполне добропорядочный, ответил, что он решился сделать нападение на врагов без их, ефраимитов, участия не по собственному решению, но по непосредственному повелению самого Господа Бога, причем указал и на то, что ведь плоды победы в одинаковой степени будут распространяться как на них, так и на участников похода. Такими успокоительными речами он вполне умиротворил возбужденных евреев и принес им больше пользы, чем военными подвигами своими, потому что положил предел готовым разразиться внутренним междоусобицам. Впрочем, как мы покажем в своем месте, колену этому пришлось впоследствии еще поплатиться за свою заносчивость.

7. Хотя Гедеон после этого и хотел отказаться от своей власти, однако был принужден сохранить ее за собой еще в продолжение сорока лет, разрешая все споры и недоразумения, которые возникали среди его единоверцев. Все постановления его признавались имеющими обязательную силу. Достигнув преклонных лет, он умер и был похоронен в родном своем городе Эфране[78].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. У Гедеона, который имел многих жен, было семьдесят законных сыновей и один незаконнорожденный, по имени Авимелех, от наложницы Друмы. Этот последний отправился после смерти отца своего в Сихем к родственникам своей матери (которая была родом из Сихема), отличавшимся полнейшей испорченностью, забрал у них денег, вернулся затем с ними в отцовский дом и перерезал там всех своих братьев, за исключением одного Иоафама, которому удалось спастись бегством. Затем Авимелех ввел тиранический образ правления, не придавая ни малейшего значения законам, поступая самовластно по личному своему усмотрению и обходясь жестоко со всеми теми, кто еще дорожил справедливостью[79].

2. И вот, когда однажды в Сихеме справлялся общенародный праздник и там собрался весь народ, брат Авимелеха, Иоафам, который, как мы сейчас сказали, успел спастись от него бегством, взошел на гору Гаризин (возвышающуюся

над городом Сихемом) и закричал громким голосом, так что все могли его услышать, прося народ спокойно выслушать от него то, что он будет говорить. Когда водворилась тишина, он стал рассказывать, как однажды деревья, когда они еще обладали человеческим голосом, собрались вместе и стали просить смоковницу быть царем над ними. Когда же смоковница отказалась от этого, указав на то, что с нее уже довольно чести, если она может гордиться своими плодами, и что ей другого почета не нужно, деревья все-таки не отказались от мысли выбрать себе правителя и наконец решили предложить эту честь винограднику. Но и этот отклонил предложение теми же словами, которые произнесла перед тем смоковница. Когда этому примеру последовала и маслина, то деревья обратились к терновнику, который представляет хороший горючий материал, и он обещал взять на себя правление и всецело посвятить себя ему. Деревья смогут, заявил он, отдыхать в тени его; если же они вздумают погубить его, то их спалит тот огонь, который изойдет из него[80]. «Все это я рассказал вам не в шутку, — закончил свою речь Иоафам, — но потому, что, хотя Гедеон оказал вам массу благодеяний, вы относитесь спокойно к тому, что Авимелех забрал всю власть в свои руки и даже вместе с ним, который ничем не разнится от огня, убили его братьев». Сказав это, Иоафам быстро удалился и три года скрывался в горах, прячась от Авимелеха. Вскоре затем, по окончании этого праздника, жители Сихема раскаялись в том, что способствовали умерщвлению сыновей Гедеона, и изгнали Авимелеха не только из своего города, но и из пределов своей области. Между тем Авимелех начал придумывать средства, как бы отомстить городу, так что, когда наступило время жатвы, сихемцы стали бояться выйти в поля для сбора плодов, страшась мести Авимелеха. В то время у них гостил один из князей, по имени Гаал, со своими воинами и родней. Жители Сихема просили его защитить их, пока они будут заняты жатвой. Тот исполнил их просьбу, и тогда они вышли за город в сопровождении Гаала и его войска[81].

3. Таким образом, им удалось без приключений собрать все плоды. Затем был устроен народный пир, во время которого они уже дерзнули открыто поносить Авимелеха. Начальники же войска тем временем засели в засаду в окрестностях

города, переловили многих людей Авимелеха и казнили их.

4. Между тем один из влиятельнейших граждан Сихема, бывший в дружественных отношениях с Авимелехом, некий Зевул, сообщил последнему через послов, что Гаал возбуждает против него народ, и дал ему совет спрятаться вблизи города; сам он уговорит Гаала выступить против Авимелеха, и тогда само собою представится случай отомстить ему. Если это случится, то он обещает ему вернуть расположение народа. Ввиду этого Авимелех засел в засаду, Гаал же, не приняв никаких мер предосторожности, вышел за город, причем его сопровождал Зевул. Вдруг Гаал заметил надвигавшихся на него вооруженных людей и сообщил об этом Зевулу. Зевул же ответил, что это ему только так кажется и что он принимает за воинов тени, падающие от скал. Но когда Гаал ясно увидел, что воины подходят все ближе и ближе, то он высказался об этом Зевулу, который ответил: «Разве не ты обвинял Авимелеха в трусости? Почему же ты сам не покажешь ему великую храбрость свою и не вступишь с ним в бой?» В сильном смущении Гаал вступил врукопашную с людьми Авимелеха. Но, когда несколько его воинов пало, он бежал назад в город и увлек за собою остальных солдат своих. Тем временем Зевул начал среди граждан интриговать против Гаала, добиваясь того, чтобы его изгнали из города за трусость, которую он будто бы проявил в стычке с людьми Авимелеха. Авимелех между тем узнал, что жители Сихема еще раз выйдут из города, чтобы окончить свою жатву, и потому посадил в засаду в окрестностях города еще несколько войска. Когда граждане действительно вышли из Сихема, одна треть его войска заняла городские ворота с намерением отрезать жителям возвращение назад, остальное же войско занялось ловлей рассеявшихся по полям сихемцев, и таким образом повсюду шла резня. Затем Авимелех разрушил город до основания, так как не встретил тут ни малейшего сопротивления, посыпал солью его развалины[82] и окончательно добил всех жителей. Те же из них, которые, будучи рассеяны по всем окрестностям, избежали опасности, собрались затем на неприступной скале, засели там и собрались даже воздвигнуть стену в виде укрепления. Узнав об этом их намерении, Авимелех поспешил предупредить их, пошел на них со своими войсками и, захватив с собою вязанку сухих дров, велел и людям своим

сделать то же самое и сложить все эти дрова около скалы с сихемцами. Когда затем в скором времени вся гора была окружена грудой дров и прочего горючего материала, то они подожгли последний и вызвали страшное пламя, которого не избег ни один человек, бывший на скале; напротив, все сихемцы вместе с женами и детьми сделались жертвами огня, так что одних мужчин погибло около полутора тысяч и прочих значительное количество. Такое горе постигло жителей Сихема, и они были бы в еще большей мере достойны сожаления, если бы это наказание не постигло их по всей справедливости за ту обиду, которую они причинили своему величайшему благодетелю.

5. Между тем Авимелех, нанесший такое поражение жителям Сихема, вверг в ужас израильтян, так как не скрывал, что имеет в виду еще и дальнейшие завоевания и что не раньше прекратит свои насильственные действия, чем истребит всех евреев. В силу этого он двинулся против Фив[83] и взял город приступом. А так как там находилась большая башня, в которой народ искал убежища, то он решил осадить ее. В тот момент, однако, когда он бросился к входу в эту башню, какая-то женщина бросила в него обломком жернова и попала ему прямо в голову. Авимелех упал наземь и попросил своего оруженосца добить его, чтобы его смерть не была делом женщины[84]. Оруженосец исполнил эту просьбу, и, таким образом, Авимелех получил заслуженное возмездие за братоубийство и за преступление, учиненное над жителями Сихема, которых, в свою очередь, постигло бедствие, предсказанное им Иоафамом. Со смертью Авимелеха войско его разбрелось в разные стороны и разошлось по домам[85].

6. Затем начальствование над израильтянами принял на себя Иаир, галаадец из колена Манассиева[86], человек, отличавшийся большим счастьем в жизни. У него были прекрасные сыновья, числом тридцать, все отличные наездники. Им было вверено управление над городами Галаада. Иаир умер в преклонном возрасте, после того как правил в продолжение двадцати двух лет, и был похоронен в галаадском городе Камоне[87].

7. Вскоре у евреев наступило прежнее безначалие, выразившееся в ослаблении богопочитания и в нарушении законов. Ввиду этого аммонитяне и филистимляне не задумались

опять напасть с большим войском на страну их и разграбить ее. Заняв все местности по ту сторону Иордана, они даже решились перейти через реку и заняться завоеванием всей остальной страны. В таком бедственном положении евреи, однако, образумились, стали молиться Господу Богу и приносить Ему жертвы, умоляя Его умерить свой гнев и, снизойдя к их мольбам, уважить их просьбы. Тогда Господь Бог опять смилостивился над ними и обещал им свою помощь[88].

8. Когда амманитяне пошли походом на страну галаадскую, местные жители вышли им навстречу до горного хребта, хотя и не имели предводителя. Был тогда некий Иеффа, человек и сам по себе очень могущественный, и пользовавшийся большим значением потому, что содержал у себя на свой счет собственное войско. К нему-то и послали евреи с просьбой оказать им вооруженную поддержку и обещали ему за это навсегда предоставить начальствование над ними. Он, однако, отверг их предложение, обвиняя их в том, что они, в свою очередь, не оказывали ему помощи, когда его собственные братья открыто обижали его. Дело в том, что, так как он не был их родным братом, но происходил от другой матери, которую отец по любви взял к себе в дом, они выгнали его, пользуясь правом сильнейших. С тех пор Иеффа и поселился в галаадской стране и стал принимать к себе на военную службу за деньги всех, кто бы откуда бы ни явился к нему. Когда же евреи еще настойчивее стали упрашивать его и поклялись при этом навсегда предоставить ему власть над ними, он согласился участвовать с ними в походе[89].

9. Затем Иеффа с большим старанием занялся всеми необходимыми приготовлениями, поместил свое войско в городе Масфафе[90] и отправил к царю амманитян посольство с жалобой на своевольное вторжение в страну. Тот, в свою очередь, послал послов к израильтянам с обвинением, что они осмелились совершить исход из Египта, и с требованием вернуть ему страну аморреев, которая издревле принадлежала ему. Иеффа же ответил ему, что он совершенно неосновательно обвиняет предков их в занятии страны аморрейской и что им скорее следовало бы быть благодарными евреям, что они оставили им еще страну амманитскую (хотя Моисею представлялась возможность отнять ее у них). Затем он велел еще передать царю, что евреи и не подумают усту-

пить им ту страну, которою они, благодаря милосердию Господа Бога, владеют свыше трехсот лет, и что они готовы сразиться за обладание ею.

10. После того Иеффа отправил послов домой, а сам стал молить Господа Бога о победе, причем дал обещание, если вернется невредимым из похода, принести Ему в жертву первое, что встретится ему на пути при возвращении домой. Затем он сошелся с врагами, победил и перерезал множество их и преследовал их до города Малиафы[91]. Вторгнувшись далее в страну амманитскую, он разрушил массу городов, захватил богатую добычу и освободил своих соотечественников от того ига, которое они несли в продолжение восемнадцати лет. Когда же он возвращался домой, с ним случилось несчастье, испортившее ему всю радость по поводу одержанной победы. Дело в том, что навстречу ему вышла его единственная дочь. Она была еще девушкою. В страшном отчаянии Иеффа разрыдался от горя и стал укорять дочь в поспешности, с которой она вышла встречать его: теперь придется принести ее в жертву Господу Богу. Однако девушка не сочла за чрезмерное несчастье поплатиться жизнью за победу отца и за восстановление свободы своих сограждан; она просила лишь дать ей двухмесячный срок для того, чтобы она могла оплакивать со сверстницами свою юность. Затем она была готова предоставить себя в жертву Господу Богу сообразно данному обету. Отец согласился на эту отсрочку; по истечении же двух месяцев он принес Предвечному дочь свою в жертву всесожжения. Жертвоприношение это, однако, было и не законно, и не угодно Господу Богу, и Иеффа не подумал о том, как осудят его впоследствии все те, которым придется услышать об этом его поступке[92].

11. Спустя некоторое время колено Ефремово объявило Иеффе войну за то, что он не пригласил его к участию в походе против амманитян, но забрал себе один всю добычу и присвоил исключительно себе всю славу этого предприятия. Иеффа, однако, ответил, что членам колена Ефремова было отлично известно, что сородичи их подвергаются опасности войны, но что они тем не менее, хотя у них и просили помощи, ее не оказали, несмотря на то, что в ней очень нуждались. Затем он указал им на всю гнусность их поступка, заключающуюся в том, что они раньше не решались сразиться с врагами, но те-

перь готовы воевать против единоплеменников своих. Наконец, он пригрозил им наказать их с помощью Господа Бога, если они не одумаются. Но так как ему не удалось убедить их, то ему пришлось вступить с ними в бой при помощи тех войск, которые были у него в Галааде, и учинить страшную резню. Обратив их в бегство, он бросился за ними в погоню, велел своему авангарду занять все места, где имелся на Иордане брод, и перебил там около сорока тысяч человек.

12. После шестилетнего правления Иеффа умер и был похоронен в родном своем городе Севее[93], который находится в стране Галаадской.

13. После его смерти власть перешла к Апсану из колена Иудова, а именно из города Вифлеема. У Апсана было шестьдесят человек детей, тридцать сыновей и столько же дочерей, которые все пережили его, причем ему удалось еще при жизни своей поженить сыновей, а дочерей выдать замуж. Впрочем, за семь лет своего правления он не совершил ничего замечательного, о чем стоило бы вспоминать, и умер в преклонном возрасте. Погребен он был также в своем родном городе.

14. После кончины Апсана власть перешла к Илону из колена Завулонова. Впрочем, за десять лет своего правления и он не совершил ничего достопамятного[94].

15. После Илона был назначен правителем Авдон, сын Геллела, из колена Ефремова и города Фарафона;[95] о нем можно упомянуть только то, что у него были отличные дети, но ничего славного в свое правление он не совершил; при нем страна пользовалась миром и полным внутренним спокойствием. У него было сорок сыновей и от них тридцать внуков, все отличные наездники, так что он ездил по стране со свитой в семьдесят человек, которые были все еще живы, когда он сам умер в преклонных летах. Блестящие похороны его состоялись в Фарафоне.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. После смерти Авдона филистимляне подчинили себе израильтян и в продолжение сорока лет взимали с них дань. Из этого стесненного положения евреи были выведены следующим обстоятельством.

2. Некий Манох, один из немногих знатных людей из колена Данова, считавшийся лучшим воином среди своих соотечественников, обладал необычайно красивой и этим сильно отличавшейся от прочих женщин супругой. Но так как у него не было детей и он был очень огорчен этим, то он часто отправлялся со своей женой за город, в свое большое поместье, и молил там Господа Бога даровать ему потомство. Будучи безумно влюблен в свою жену, Манох вместе с тем отличался крайней к ней ревностью. Однажды, когда жена его была одна дома, ей явилось небесное видение в лице ангела Божия, принявшего облик статного и прекрасного юноши, который возвестил ей, что по милосердию Предвечного у нее родится красивый и чрезвычайно сильный сын, который, возмужав, будет грозою филистимлян. Вместе с тем ангел потребовал, чтобы ребенку не подрезали волос и не давали ему другого питья, кроме воды, потому что так угодно Господу Богу[96]. С этими словами видение так же внезапно исчезло, как оно явилось по повелению Предвечного.

3. Когда муж вернулся домой, то жена рассказала ему об обещании ангела, причем выразила ему свой восторг по поводу красоты и статности явившегося ей юноши. Это вызвало ревность в Манохе, и он стал подозрительно относиться ко всему происшествию. Тогда жена, желая освободить мужа от его мрачных мыслей, обратилась с молитвою к Господу Богу вторично послать к ним ангела, чтобы и муж ее увидел его. И действительно, по милосердию Предвечного, ангел явился еще раз, тогда муж и жена находились за городом в поместье. Впрочем, и теперь он явился в тот момент, когда жена была одна. Последняя просила его обождать, чтобы ей можно было привести мужа; ангел согласился, и она побежала за Манохом. Когда Манох увидел ангела, у него все-таки не исчезли его подозрения, и он просил его сообщить и ему возвещанное жене его. Однако ангел возразил, что совершенно достаточно, если она одна это будет знать. Тогда Манох просил его сказать, кто он такой, дабы супруги были в состоянии по рождении ребенка возблагодарить его и сделать ему подарок. Когда же ангел ответил, что он в таковом вовсе не нуждается (так как он возвестил им о рождении сына не для того, чтобы получить от них за это вознаграждение), а Манох все еще просил его остаться и воспользоваться его гостеприимством, то ангел не со-

гласился. Наконец он все-таки уступил настоятельным просьбам Маноха. Когда последний зарезал козла и приказал жене зажарить его и когда все было приготовлено для обеда, то ангел велел положить хлеб и мясо без посуды на скалу, прикоснулся затем жезлом своим к мясу, и оно тотчас сгорело вместе с хлебами в пламени, которое внезапно вырвалось из скалы. Ангел же на глазах их вознесся в дыме, как в колеснице, на небо. Манох испугался, как бы для них не было гибельно то, что они лицезрели Господа Бога, но жена успокоила его и сказала, что Предвечный явился им на радость и благо.

4. Жена Маноха вскоре затем забеременела и строго исполнила все предписания, данные ей. Когда родился у нее мальчик, то родители назвали его Самсоном, что значит «сильный». Ребенок быстро подрастал, и видно было, что он будет пророком; это доказывали его умеренность в употреблении пищи и необычайный рост его волос[97].

5. Однажды, во время праздника, Самсон пришел со своими родителями в филистимский город Фамну[98] и, полюбив там туземную девушку, стал просить своих родителей позволить ему жениться на ней. Хотя последние не согласились на это ввиду того, что она иноземка, однако у Господа Бога этот брак был решен на пользу и на благо евреев, и потому Самсон добился наконец того, что девушку с ним обручили. С этих пор он часто стал навещать родителей своей невесты. В одно из таких посещений случилось, что по дороге попался Самсону лев, и, хотя юноша был совершенно безоружен, он не только не пустился бежать, но даже задавил его своими руками и бросил затем труп животного в кусты близ дороги.

6. Когда он впоследствии вторично шел опять тою же дорогой к своей невесте, Самсон нашел целый рой пчел, засевших в трупе убитого им льва, вынул три ряда сот и с прочими подарками принес своей суженой. На свадебном пиру, на который Самсон пригласил жителей Фамны, последние, побаиваясь необычайной силы юноши, дали ему, будто бы в дружки, но на самом деле для ограждения себя от всяких случайностей, тридцать самых сильных молодых людей. И вот, когда все в значительной мере напились и начались соответствующие подобному случаю игры и забавы, Самсон сказал: «Я вам задам загадку; если вы разгадаете ее мне в течение семидневного срока, то каждый из вас получит от меня в награ-

ду за остроумие по куску холста и по праздничной одежде». Так как молодежь хотела блеснуть остроумием и вместе с тем воспользоваться такими выгодными условиями, то она согласилась, а Самсон на ее просьбы сообщить загадку, сказал, что «нечто всеядное произвело из себя сладкую пищу, которая истекла из предмета, возбуждающего крайнее отвращение». Когда, однако, юноши в продолжение трех дней никак не могли найти разгадку, то они обратились к жене Самсона с просьбою выведать ее от мужа и сообщить им (иначе, если она не исполнит их требования, они грозили сжечь ее живьем). Когда жена пристала к мужу сообщить ей разгадку, Самсон первоначально отказал ей в этом, но затем, когда она стала просить еще неотступнее, расплакалась и усмотрела в этом его молчании доказательство его нерасположения к ней, сообщил жене всю историю со львом и то, как он нашел в падали рой пчел и принес ей три ряда сот меду. Рассказывая все это, Самсон не предполагал с ее стороны никакой хитрости; жена же его сообщила обо всем этом тем, которые пригрозили ей. На седьмой день, в который по уговору должно было представить разгадку заданной загадки, юноши собрались у Самсона до заката солнца и объявили: «Для путника нет ничего хуже льва и нет ничего слаще меда». Самсон же добавил: «И нет ничего коварнее женщины, которая выдала вам мою загадку». Затем он отдал юношам обещанное, так как ему удалось ограбить нескольких попавшихся ему на пути жителей Аскалона (также филистимлян), и отказался совсем от своей жены. В ответ на его гнев последняя вышла замуж за того из друзей Самсона, который был у него главным распорядителем на свадьбе[99].

7. Возмущенный такой гнусностью, Самсон порешил отомстить как ей, так и всем филистимлянам. Так как время было летнее и злаки на полях почти совершенно созрели, то он поймал триста лисиц, привязал к хвостам их зажженные факелы и выпустил их в поля филистимлян. Таким образом вся жатва последних пропала. Когда филистимляне узнали, что это дело рук Самсона, а также сообразили, почему он так поступил с ними, они послали своих старшин в Фамну и велели им сжечь живьем новую жену Самсона со всеми ее родственниками, как виновниками этого их бедствия.

8. Между тем Самсон успел перебить многих из жителей

низменной части Филистеи и поселился на Эте, высокой скале в области колена Иудова[100]. Ввиду этого филистимляне объявили войну колену Иудову. Когда же евреи стали жаловаться филистимлянам на то, что им совершенно несправедливо приходится расплачиваться за проделки Самсона, тем более что они ведь вдобавок платят еще дань филистимлянам, последние потребовали от них выдачи Самсона, если они хотят быть признаны невиновными. Желая развязаться со всеми этими неприятностями, евреи, в количестве трех тысяч тяжеловооруженных, отправились на скалу (на которой засел Самсон), стали жаловаться на его дерзкие с филистимлянами поступки, которые могут повести к гибельным для всего еврейского народа последствиям, и сказали, что явились с намерением схватить и выдать его филистимлянам. При этом они просили Самсона сдаться добровольно. Он же заставил их поклясться, что они не подвергнут его никакому насилию, а только выдадут его врагам, спустился со скалы и отдал себя во власть евреев. Последние связали его двумя веревками и повели к филистимлянам с целью выдать им его. Когда же они достигли одной местности, которая теперь, благодаря подвигу Самсона, носит название «Челюсть»[101], прежде, однако, не имела особого имени, и вблизи которой филистимляне расположились станом, и когда последние с радостными криками вышли навстречу евреям, как будто бы они уже достигли желанной цели, Самсон вдруг разорвал веревки, схватил тут же под его ногами валявшуюся ослиную челюсть и бросился с нею на врагов. Поражая их этой челюстью, он перебил до тысячи человек, остальные же в ужасе бросились бежать.

9. В этом деле Самсон приписывал успех себе лично в большей мере, чем бы следовало, и хвастливо заявлял, что он, благодаря своей личной доблести, а никак не в силу помощи от Всевышнего, сумел лишь одною челюстью часть врагов своих перебить, часть же обратить в бегство. Когда же затем сильнейшая жажда обуяла Самсона, то он понял, что и наивысшая человеческая храбрость не имеет никакой цены, но что всякое решение в руках Божиих. Поэтому он обратился к Предвечному с молитвою, в которой просил Его не гневаться на него за прежние хвастливые речи и не предавать его врагам, но оказать поддержку в этом затруднительном поло-

жении и спасти от беды. Тогда Господь Бог внял молитве Самсона и вызвал из одной скалы обильный источник отличной воды; Самсон же назвал, ввиду всего этого происшествия, данную местность «Челюстью», как она называется и поныне[102].

10. После этого боя Самсон перестал страшиться филистимлян, прибыл в Газу и остановился там на одном постоялом дворе. Лишь только городские власти узнали о прибытии Самсона, как тотчас же заняли стражею все выходы из дома, чтобы тот не мог убежать. Между тем Самсон, от которого не скрылись все эти меры предосторожности, встал уже в полночь, выломал двери вместе с замками, задвижками и всеми прочими деревянными частями, взвалил их себе на плечи, понес их на вершину одной горы, лежащей вблизи Хеврона, и положил их там.

11. Между тем, однако, Самсон начал изменять родным обычаям и заменять установленный законом образ жизни чужеземными привычками, что и послужило поводом его гибели. Так, например, он влюбился в филистейскую женщину дурной репутации, по имени Далила, и жил с нею. И вот к ней явились начальники филистимлян и уговорили ее всевозможными обещаниями выведать у Самсона причину той силы, благодаря которой он является непреоборимым для врагов своих. Когда однажды, во время посещения Самсона, Далила угощала его вином, она стала высказывать ему свое удивление по поводу совершенных им подвигов и хитро старалась выведать, откуда у него берется такая сила. Самсон же, который еще не настолько опьянел, чтобы потерять сознание, ответил Далиле хитростью на хитрость, сказав, что он потеряет силу совершенно, если его свяжут семью лозами, которые можно еще согнуть. Далила тогда удовлетворилась этим ответом и затем сообщила об этом начальникам филистимлян. По их требованию она скрыла в своем доме нескольких солдат, и, когда впоследствии Самсон совершенно опьянел и заснул, она связала его по возможности крепче лозами, разбудила его и закричала, что на него хотят совершить нападение. Тогда Самсон сразу порвал лозы и стал в оборонительное положение, ожидая нападающих. Но так как Самсон и после этого случая не переставал часто навещать Далилу, то она однажды высказала ему свое неудовольствие

по поводу того, что он из недоверия к ее преданности не говорит ей того, о чем она его просит, как будто она бы не сумела умолчать о такой вещи, разглашение которой могло бы стать для него гибельным. Однако Самсон еще раз обманул ее и сказал, что его сила совершенно пропадет, если его свяжут семью бечевками; но когда и это средство оказалось недействительным, то он объявил ей в третий раз, что следует заплести ему волосы и привязать их. Сделав и это и убедившись, что Самсон и теперь не сказал правды, Далила стала еще настоятельнее приступать к нему со своими просьбами. Тогда, в конце концов, Самсон (которому было заранее предопределено его несчастье), желая угодить Далиле, сказал: «Обо мне печется сам Господь Бог, по особому желанию которого я и родился на свет. Так как Предвечный не велел мне стричь мои волосы, то я и ношу такую гриву, с ростом и наличностью которой и находится в непосредственной связи моя сила». Узнав это, Далила срезала ему волосы и затем выдала его врагам, так как он уже более не был в состоянии сопротивляться им. Враги же выкололи ему глаза и увели его к себе как пленного.

12. Впрочем, с течением времени волосы опять выросли у Самсона. Однажды во время филистейского народного праздника начальники и знатнейшие филистимляне пировали в здании, крыша которого покоилась на двух колоннах. Между прочим они послали за Самсоном и велели привести его на пир, чтобы потешиться над ним во время праздничного разгула. Самсон же, считая в его положении крайне жестоким невозможность отомстить филистимлянам за их над ним издевательства, попросил мальчика, ведшего его за руку, подвести его к одной из колонн, чтобы он там мог несколько отдохнуть от своей усталости. Когда его желание было исполнено, он ухватился за колонну и пошатнул ее так, что обрушилась крыша здания и убила три тысячи человек. В числе погибших был, впрочем, и сам Самсон.

Таков был конец человека, стоявшего во главе израильтян в продолжение двадцати лет. Он был достоин удивления по своей храбрости, силе и мужественной встрече смерти, равно как по той ненависти, которую он сохранил к врагам своим вплоть до самой своей смерти. То, что он дал женщине перехитрить себя, должно быть отнесено на счет слабости

человеческой природы, которая вообще легко впадает в ошибки; между тем все остальные его поступки свидетельствуют о безусловной его добродетели. Родственники Самсона взяли его тело и похоронили его вместе с его предками в родном его городе Сариасе[103].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. После смерти Самсона во главе израильтян стал первосвященник Илий. При нем страна страдала от голода. В то время некий Елимелех из Вифлеема (это город в колене Иудовом), не будучи в силах дольше бороться с неурожаями, переселился вместе со своею женою Нааминью и сыновьями своими Хеллионом и Маллоном в страну моавитскую, и так как дела пошли у него здесь хорошо, то он и поженил сыновей своих на моавитянках, а именно Хеллиона на Орфе, а Маллона на Руфи. По прошествии десяти лет умер Елимелех, а немного спустя скончались и сыновья его. Тогда Нааминь, глубоко опечаленная этим несчастьем и не будучи в состоянии дольше выносить тут утрату самых дорогих ей людей, ради которых она покинула отечество, решила вернуться домой, тем более что, по всем сведениям, и дела там опять поправились. Однако обе снохи ее ни за что не хотели расстаться с нею, и сколько она ни старалась отговорить их от этого, она не могла убедить их, несмотря на то, что указывала им на возможность вторичного брака на родине, и притом более удачного, чем тот, который они некогда заключили с ее сыновьями. Таким образом, Нааминь уговаривала их остаться на родине и не подвергать себя риску новых жизненных условий на чужбине. Наконец Орфа склонилась на ее убеждения и осталась. Руфь же не поддалась этим представлениям и не покинула ее, желая разделять с нею радость и горе.

2. Когда Руфь со свекровью прибыла в Вифлеем, то их радушно принял родственник Елимелеха, Воаз. Нааминь же, когда к ней обращались, называя ее этим ее именем, сказала: «Называйте меня лучше Марою; это будет правильнее». Дело в том, что слово Нааминь означает по-еврейски счастье, Мара же — горе.

Так как было время жатвы, то Руфь, с разрешения своей свекрови, вышла в поле, чтобы подбирать колосья, которые

должны были затем идти им в пищу, и случайно попала также на поле Воаза. Немного погодя пришел туда и Воаз и, увидев молодую женщину, стал расспрашивать о ней надсмотрщика за полевыми работами, а этот рассказал хозяину все, что только что перед тем сам узнал от Руфи. Тогда Воаз приветствовал и похвалил Руфь за ее преданность свекрови и за добрую память о сыне последней, женою которого она была, и, пожелав ей всякого благополучия, заявил, что не позволяет ей подбирать оставшиеся колосья, но требует, чтобы она сжала для себя столько хлеба, сколько сможет. При этом он велел надзирателю ни в чем не мешать ей и уделить ей пищи и питья, когда будут кормить жниц. Получив затем порцию ячменной похлебки, Руфь сохранила ее для своей свекрови и понесла ее вечером домой вместе со снопами. Впрочем, и Нааминь оставила ей часть той пищи, которую ей любезно предоставили ее соседи. Тут Руфь рассказала свекрови весь свой разговор с Воазом и, узнав, что он им родственник и, будучи человеком добродетельным, вероятно, позаботится о них, пошла и в следующие дни на сбор колосьев вместе с прислужницами Воаза[104].

3. Несколько дней спустя, когда ячмень был уже обмолочен, Воаз отправился однажды спать на гумно. Узнав об этом, Нааминь принялась уговаривать Руфь лечь к нему (она видела пользу в том, чтобы Воаз сошелся с молодой женщиной) и послала ее, велев ей лечь у него в ногах. Так как Руфь считала невозможным противиться какому бы то ни было приказанию свекрови, то она пошла на гумно, но ее не заметил Воаз, потому что уже был погружен в глубокий сон. Когда же Воаз среди ночи проснулся и, почувствовав вблизи себя человека, спросил, кто там-то, Руфь назвала себя и сказала, что она предоставляет себя в его распоряжение как своему господину. Воаз тогда не двинулся с места, на рассвете же, раньше, чем слуги его начали выходить на работу, он разбудил ее, велел взять с собою столько ячменя, сколько может унести, и поскорее отправиться к своей свекрови, прежде чем заметят, что она тут спала: благоразумие требует остерегаться всяких сплетен, особенно если таковые совершенно не имеют под собою основания. «Относительно же всего этого дела мы решим следующее, — сказал он. — Сперва мне придется спросить какого-нибудь родственника твоего, который тебе бли-

же, чем я, не желает ли он взять тебя в жены; если он согласится, то ты последуешь за ним, если же откажется, то я женюсь на тебе по всем правилам закона».

4. Когда Руфь сообщила обо всем этом своей свекрови, то она была очень рада, потому что у нее теперь явилась надежда, что Воаз возьмет на себя попечение о них обеих. В полдень того же дня Воаз, со своей стороны, отправился в город, собрал там совет старейшин, а также позвал туда Руфь и одного близкого ей родственника. Когда последний явился, Воаз спросил его: «Не желаешь ли ты воспользоваться своим правом наследства от Елимелеха и его сыновей?» Когда тот, ввиду родственных отношений своих и вследствие законности такого наследования, ответил утвердительно, то Воаз продолжал: «Но знай, что законы должно исполнять всецело, а не наполовину: здесь вдова Маллона, которую ты должен взять по закону в жены, если желаешь сделаться наследником его земельной собственности». Тот, однако, уступил Воазу свое право на наследство и вдову Маллона, так как и Воаз являлся родственником умерших, тогда как у него самого уже имелись и жена и дети. Затем Воаз призвал старейшин в свидетели и велел Руфи снять с родственника сапог и по закону плюнуть ему в лицо[105]. После этого сам Воаз женился на Руфи, и спустя год у них родился младенец мужского пола. Нааминь воспитала этого ребенка и назвала его по совету (знакомых) женщин Оведом, как такого, который впоследствии мог бы позаботиться о ней, когда она достигнет старости: Овед по-еврейски означает человека служащего. У Оведа был сын Иессей, а у этого Давид, достигший царской власти и оставивший ее потомкам своим до двадцать первого поколения.

Историю Руфи я рассказал по необходимости, потому что хотел дать образчик всемогущества Божия: Господу легко доставить почетное и блестящее положение даже ничтожным людям, подобно тому как Он возвысил и Давида, происходившего из столь скромного рода[106].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Несмотря на то, что дела евреев вскоре опять пошатнулись, они тем не менее снова начали войну с филистимлянами, а именно по следующей причине:

У первосвященника Илия было два сына, Офнис и Финеес. Последние в одинаковой мере гнусно относились к людям и к Господу Богу и не останавливались ни перед каким преступлением. Так, например, они не довольствовались теми приношениями, которые доставлялись им ввиду их общественного положения, но присваивали себе многое путем открытого грабежа; равным образом они насиловали женщин, являвшихся в храм ради богослужебных целей, отчасти пуская в ход силу, отчасти же прельщая их подарками. Таким образом, их жизнь ничем не отличалась от времяпрепровождения тиранов. Отец их, конечно, был крайне огорчен такими их поступками и думал, что, наверное, наступит когда-нибудь момент кары Господней за все это; народ же был глубоко возмущен их поведением. Когда же Господь Бог объявил об этой имеющей постигнуть их каре как самому Илию, так и пророку Самуилу, который в то время был еще ребенком, тогда Илий стал открыто оплакивать сыновей своих.

2. Но раньше, чем рассказывать историю сыновей Илия и о том несчастье, которое постигло весь народ еврейский, мне хочется сперва сообщить здесь кое-что об этом пророке Самуиле. В городе Арамафе в области колена Ефремова жил среди прочих граждан также и левит Алкан, у которого было две жены, Анна и Фенанна. От последней он имел детей; первая же была бездетна, но, несмотря на это, Алкан не переставал любить ее. Когда он однажды для жертвоприношения прибыл с женами своими в город Сило (где, как мы выше упомянули, помещалась тогда Скиния Божия) и во время жертвенного пира распределил части мяса между своими женами и детьми, Анна взглянула на другую жену Алкана, увидала, как дети толпятся около нее, и заплакала, жалуясь на свою бездетность и одиночество. И такая скорбь обуяла ее, что она не могла утешиться от ласковых слов мужа, но вошла в Скинию и стала умолять Господа Бога даровать ей ребенка и материнство. При этом она дала обет посвятить Господу Богу на служение первого имеющегося родиться у нее ребенка, которого она будет воспитывать специально с этой целью. Так как Анна находилась уже очень долго в Скинии, где она молилась, то первосвященник Илий, сидевший перед Скинией, повелел ей выйти, считая ее пьяной. Когда же она ответила, что она пила одну только воду, а теперь

печалится о своем бесплодии и умоляет Господа Бога внять ее мольбам, Илий велел ей надеяться, что Предвечный дарует ей сына.

3. Затем Анна, полная радостного упования, вернулась к мужу и весело приняла участие в жертвенном пире. Когда же вся семья вернулась в родной свой город, то Анна почувствовала себя беременной. И действительно, впоследствии родился у них сын, которого они назвали Самуилом, что значит «испрошенный у Бога». Затем Алкан и Анна вновь явились в Сило для того, чтобы совершить жертвоприношение по поводу рождения сына и чтобы внести десятину. Тут Анна вспомнила о своем обете относительно ребенка и передала последнего Илию, посвятив его в пророки Господа Бога. С этих пор ему отпустили волосы и давали пить одну только воду. Самуил проводил свое время при Скинии и тут вырос. Алкану же Анна родила еще других сыновей и трех дочерей.

4. Когда Самуилу исполнилось двенадцать лет, он уже начал пророчествовать. Однажды ночью во сне он услыхал, как Господь Бог зовет его по имени. Он подумал, что его зовет первосвященник, и потому отправился к нему. Илий же сказал, что он его не звал. Так поступил Господь Бог трижды. Тогда Илий понял, в чем дело, и сказал: «Я, Самуил, и раньше и теперь не звал тебя, а призывает тебя Предвечный. Поэтому ответь Ему: я здесь». Когда затем вновь раздался глас Господа Бога, Самуил просил Предвечного объявить ему волю Свою, так как он готов служить Ему как угодно. Господь сказал тогда: «Так как ты готов служить Мне, то знай, что израильтян постигнет большее несчастье, чем можно было бы описать словами и чем можно было бы поверить: в течение одного дня умрут сыновья Илия и первосвященство перейдет к дому Елеазарову; Илий ведь любит своих сыновей больше, чем Меня, и сильнее, чем им это полезно». Самуил не хотел было огорчать Илия сообщением всего этого, но этот насильно заставил его сделать это, обязав его предварительной клятвой, и теперь еще более уверился в неизбежности погибели своих сыновей. Слава Самуила между тем росла все больше и больше, так как все его предвещания оправдывались на деле[107].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. В это именно время филистимляне пошли войной на израильтян и расположились станом вблизи города Афека-на[108]. Когда немного погодя израильтяне встретились с ними и вступили на следующий день в решительный бой, филистимляне разгромили их, перебили до четырех тысяч евреев и погнали остальных назад в лагерь.

2. Вконец растерявшись, евреи послали к своим старейшинам и к первосвященнику, прося доставить в стан ковчег Завета для того, чтобы перед ним еще раз приготовиться к битве и затем уже, наверно, одержать победу над врагами. При этом они совершенно упустили из вида, что Тот, Который решил их поражение, гораздо могущественнее ковчега Завета, почитаемого лишь ради Предвечного. Ковчег Завета действительно был доставлен в лагерь евреев, и с ним вместе явились и сыновья первосвященника, которым отец перед отъездом заявил, чтобы, если они утратят ковчег Завета и захотят остаться в живых, они не смели показываться ему на глаза. В то время Финеес уже священнодействовал, так как его отец уступил ему, ввиду своего преклонного возраста, эту должность. И действительно, евреев охватило чувство полной уверенности в том, что с прибытием ковчега Завета им удастся осилить врагов, тогда как последних обуял ужас, когда они узнали об этом прибытии Ковчега к израильтянам. Но на деле все эти опасения и предположения ни тут, ни там не оправдались, потому что победа, на которую рассчитывали евреи, осталась, как показал исход битвы, за филистимлянами, и евреи потерпели то поражение, которое они рассчитывали сами нанести врагам: оказалось, что они напрасно полагались на кивот Завета, так как не успели они вступить в бой с неприятелями, как уже были обращены в бегство, причем потеряли до тридцати тысяч человек; в том числе пали и сыновья первосвященника. Кивот Завета же попал в руки врагов.

3. Когда весть об этом поражении и об утрате ковчега Завета достигла Сило (ее принес туда бывший свидетелем всего этого дела некий веньяминитский юноша), то весь город обуяла глубокая скорбь. Первосвященник Илий, сидевший на высоком кресле под одним из входов в Скинию, услышал

страшные вопли и подумал, что произошло что-либо необычайное в его семье. Когда же он послал узнать, в чем дело, и юноша сообщил ему об исходе битвы, то он не слишком был опечален участью сыновей своих и поражением, которое постигло еврейское войско, потому что он, благодаря предсказанию Господа Бога, ожидал этого (удары судьбы, заранее известные нам, не так тяжелы). Когда же он услышал, что кивот Завета попал в руки неприятелям, — а этого он уже никак не ожидал, — то он застонал от боли, упал с кресла и тут же умер. Всего он прожил девяносто восемь лет, из которых сорок лет исправлял должность первосвященника[109].

4. В тот же самый день скончалась и жена его сына Финееса, которая не была в состоянии пережить несчастье, постигшее ее мужа. Когда до нее дошла весть о гибели Финееса, она, находясь в состоянии беременности, произвела на свет семимесячный плод, который, впрочем, остался жив и получил имя Иохава (что значит позор), вследствие того позора, который тогда пал на еврейское войско.

5. Илий был первосвященником из рода Ифамара, второго сына Аарона. До этого первосвященство оставалось в семье Елеазара, переходя поочередно от отца к сыну: Елеазар передал его сыну своему Финеесу, после которого его получил сын последнего Авиезер, а затем оно перешло к сыну последнего, Вуки, который передал его, в свою очередь, сыну своему Озису. После него оно досталось Илию, о котором у нас только что была речь. Затем первосвященство оставалось в его роде вплоть до времен правления Соломона, когда оно возвратилось снова к потомкам Елеазара[110].

Книга шестая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Бедствие постигает филистимлян и страну их вследствие гнева Божия за похищение кивота Завета; о том, как филистимляне возвратили последний евреям.

2. Поход филистимлян на евреев и победа, одержанная последними под предводительством пророка Самуила.

3. О том, как Самуил, достигнув преклонного возраста, доверил правление сыновьям своим.

4. О том, как благодаря дурному правлению последних народ выразил им свое неудовольствие и желание иметь царя.

5. Как это было неприятно Самуилу, но как он все-таки, по повелению Господа Бога, объявил царем Саула.

6. Поход Саула против аммонитян, победа его над последними и отнятие богатой добычи у врагов.

7. Как филистимляне снова двинулись на евреев и потерпели от них поражение.

8. Борьба Саула с амалекитянами и победа его над ними.

9. О том, как Самуил, ввиду нарушения Саулом предписаний Господних, тайно назначил, по повелению Предвечного, царем Давида.

10. О новом походе филистимлян на евреев в правление Саула.

11. Единоборство Давида с Голиафом, храбрейшим из филистимлян; смерть Голиафа и поражение филистимлян.

12. О том, как Саул, преклоняясь перед храбростью Давида, выдал за него замуж дочь свою.

13. Как впоследствии Давид опротивел ему и Саул попытался умертвить его.

14. О том, как Давид, неоднократно подвергаясь со стороны Саула опасности умерщвления, наконец бежал и дважды пощадил Саула, несмотря на то, что последний совершенно был у него в руках.

15. О том, как при новом походе филистимлян против евреев последние проиграли сражение и как был убит вместе со своими сыновьями в бою царь их Саул.

Вся книга обнимает период в 32 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Захватив, как мы несколько выше рассказали, ковчег Завета, филистимляне отправили его в город Азот и в виде

трофея поставили там рядом со своим идолом, носящим название Дагона. На следующий день рано утром, когда филистимляне пошли в храм поклониться своему богу, их взорам представилась следующая картина: идол упал с того постамента, на котором раньше стоял, и лежал у подножия ковчега Завета. В сильном смущении филистимляне вновь поместили своего бога на его постамент. Но всякий раз, когда они затем являлись к Дагону, они находили его лежащим на земле перед ковчегом Завета, как бы в преклонении перед ним, и это повергало их в страшное уныние и смущение. В конце концов, Господь Бог наслал на город Азот и на всю страну филистимлян необычайное бедствие и болезнь. Люди умирали в страшных мучениях от дизентерии, причем перед смертью у них ужасно вздувались животы, чувствовалась крайне острая резь и выпадали все внутренности, успевшие во время болезни перейти в гниение. В то же время на страну совершило нашествие огромное количество мышей, которые, не щадя ни посевов, ни древесных плодов, нанесли населению необычайный вред. Не имея, в таком бедственном положении, более сил для борьбы с постигшей их напастью, жители города Азота поняли, что вся беда исходит от находящегося у них кивота Завета и что их победа над евреями и захват Кивота не послужили им к добру. Ввиду этого они послали к жителям города Аскалона с предложением взять к себе Кивот Завета. Те охотно исполнили просьбу азотийцев и даже выразили им за это свою благодарность; но лишь только они приняли в свой город кивот Завета, как и их постигли те же бедствия, потому что Кивот принес с собой от азотийцев те же страдания и для тех, кто теперь принял его к себе. Тогда аскалонцы отправили его от себя в другое место, но и тут он оставался недолго, потому что лишь только обнаружились связанные с присутствием Кивота напасти, его отправляли дальше в другие города. Таким образом кивот Завета перебывал в пяти городах филистимлян, повсюду требуя себе за свое пребывание у них как бы дани в виде приносимых им с собою бедствий.

2. Испытав такие бедствия и тем самым служа предметом предостережения для всех, кто об этом слышал, — не принимать к себе за такую цену кивот Завета, филистимляне наконец стали искать способа, как бы удобнее избавиться от это-

го Кивота. С этой целью правители пяти городов, Гитты, Аккарона, Аскалона, Газы и Азота, сошлись вместе и стали обсуждать дальнейший образ действий. Сперва было решено отослать Кивот назад на родину, так как очевидно, что Бог насылает на них и их города бедствия в виде наказания за присвоение ими Кивота. Но тут раздались голоса, что этого делать не следует, так как мнение, будто Кивот является причиной всех бедствий, безусловно, неосновательно; ведь у Кивота, говорили они, не может быть такой силы и могущества, тем более что если бы Господь Бог дорожил этим ящиком, то Он не допустил бы до того, чтобы Кивот попал в руки врагов. Поэтому лица, державшиеся такого мнения, советовали успокоиться и стойко переносить постигшие их напасти, считая причиной последних исключительно какие-нибудь физические условия, которые случайно в это именно время вызывают такие перемены во внутренностях людей, в земле, в плодах и прочих отношениях. В конце концов над обоими приведенными мнениями восторжествовало третье, которое исходило от людей, уже и раньше отличавшихся особенной сообразительностью и испытанной сметкой. Оно и теперь, при данных условиях, показалось наиболее целесообразным. Совет этот сводился к тому, что не следует ни отсылать Кивот обратно, ни держать его у себя, а принести пять золотых статуй, от имени каждого города по одной, Господу Богу в благодарственную жертву за то, что Он позаботился об их избавлении и спас от напастей, которым они не могли бы при своих собственных силах противостоять. Равным образом, советовали они, должно сделать столько же золотых изображений мышей наподобие тех, которые напали на них и опустошили их страну. Затем нужно поместить все эти изображения в особый ящик и, поставив его на кивот Завета, соорудить для последнего новую колесницу и впрячь в нее недавно отелившихся коров, телят же оставить дома и запереть в хлевах, чтобы они не мешали коровам в пути и не побуждали последних вернуться как можно скорее домой. Наконец, советовали они, должно оставить везущих колесницу с Кивотом коров на перепутье и предоставить им самим по собственному желанию выбрать дорогу: если они направятся в страну евреев, то будет очевидно, что именно Кивот является причиной всех постигших их бедствий. «Если же ко-

ровы пойдут другой дорогой, — говорили они, — то мы вернем Кивот назад, потому что будем уверены, что он не обладает никакой сверхъестественной силой».

3. Этот совет был очень охотно принят всеми, и тотчас было решено привести его в исполнение. После того как все было приготовлено вышеуказанным способом, филистимляне привели коров к перепутью, оставили их тут и вернулись домой. Между тем коровы, как будто их кто-то вел, двинулись прямым путем вперед, а начальники филистимлян следовали за ними, желая узнать, где они остановятся и куда придут. В колене Иудовом есть деревня по имени Вифсама. Сюда прибыли коровы и здесь остановились с колесницей, не желая идти дальше, хотя перед ними расстилалась и манила их к себе обширная и прекрасная равнина. Когда увидели это жители деревни, то это необычайное зрелище вызвало во всех их неописуемую радость. Дело в том, что была как раз пора жатвы и все население находилось на полях, занятое сбором плодов. Когда они увидели ковчег Завета, то великая радость обуяла всех их; побросав свои работы, они немедленно кинулись к колеснице. Тут они схватили кивот Завета вместе с ящиком, в котором лежали статуи и изображения мышей, и поместили его на большой камень, возвышавшийся на равнине. Затем они принесли Господу Богу богатую жертву и устроили пиршество, причем сожгли колесницу и коров в виде жертвы всесожжения. Увидя это, начальники филистимлян вернулись назад восвояси.

4. Между тем Господь Бог разразился гневом над семьюдесятью жителями деревни Вифсамы за то, что они, не имея на то права (т. е. не будучи священнослужителями), решились прикоснуться к священному Кивоту и дерзнули приблизиться к нему. Предвечный поразил их за это молнией насмерть. Остальные жители деревни стали оплакивать потерпевших, везде была печаль о Богом посланном горе, каждый оплакивал какого-нибудь сородича. Вместе с тем жители деревни решили, что они недостойны дольше держать у себя кивот Завета, и потому они послали к еврейскому народу посланцев с извещением, что филистимляне вернули священный Кивот. Евреи же немедленно по получении этого сообщения отвезли Кивот в Кариафиарим, соседний с Вифсамой город, где тогда жил славившийся своей справедливо-

стью и благочестивым образом жизни левит Аминадав. В дом его, как в место, угодное Господу Богу, потому что тут жил человек праведный, привезли они кивот Завета, а сыновья Аминадава служили при Кивоте и несли эту обязанность в продолжение двадцати лет: столько именно лет находился священный Кивот в Кариафиариме, пробыв в руках филистимлян четыре месяца[1].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Все то время, в продолжение которого кивот Завета находился в городе Кариафиариме, народ усердно предавался молитвам и жертвоприношениям Господу Богу, выказывая дотоле небывалое благочестие и религиозность. Видя такое настроение народа и считая момент подходящим для того, чтобы поговорить о свободе и о сопряженных с ней благах, пророк Самуил обратился к евреям с такой речью, которую считал наиболее целесообразной и в настоящем случае убедительной. А именно он сказал следующее: «Людям, которые хотя все еще имеют жестоких врагов в лице филистимлян, но к которым начинает вместе с тем благосклонно и дружественно относиться сам Господь Бог, не должно останавливаться на одном только желании свободы, но они обязаны исполнить также все, чем возможно было бы на деле добиться этой желанной свободы. Итак, вы не должны только желать освободиться от ига чужеземных господ, держась при этом прежнего своего образа жизни, совершенно бездеятельного. Напротив, вам следует жить совершенными праведниками, вполне изгнать из сердца своего всякие дурные помыслы и от всей души обратиться к служению Господу Богу, неукоснительно пребывая в почитании Его. Если вы будете поступать таким образом, то вы достигнете и всевозможных благ, и освобождения от рабства, и победы над врагами: добиться всего этого невозможно ни физической силой, ни оружием, ни большим количеством войска, потому что не за такие данные Предвечный обещал даровать все названное, а лишь за вашу добродетель и справедливость. Поручителем же непреложности Его обещаний являюсь перед вами я сам». Эту речь Самуила народ встретил восторженно и обещал ему во всем творить угодное Господу Богу. Тогда

Самуил повел народ в один город, носящий название Масфаты, что на еврейском языке означает далеко видимое место[2]. Здесь евреи черпали воду, делали возлияния Господу Богу, пропостились целый день и молились Предвечному.

2. От внимания филистимлян не укрылось то обстоятельство, что израильтяне собрались здесь. Узнав об этом их собрании, они немедленно двинулись на евреев с большим войском в надежде застигнуть их совершенно врасплох и не приготовленными к отпору. Действительно, евреев испугало и даже повергло в крайний ужас это нашествие, и поэтому они побежали к Самуилу, говоря, что, ввиду первого их поражения, страх обуял их и что они вследствие этого готовы поддерживать мир с врагами, чтобы, как говорили они, не вызывать гнева могущественных неприятелей своих. «Ведь ты сам повел нас сюда для молитвы, жертвоприношений и заключения клятвенного договора (с Господом Богом), а между тем враги теперь напали на нас, совершенно к тому не приготовленных и безоружных. Поэтому у нас остается одна лишь надежда на спасение, это — на тебя и на Господа Бога, Которого ты сможешь молитвами склонить к дарованию нам средства укрыться от филистимлян». Самуил уговорил их успокоиться и возвестил им помощь от Господа Бога. Затем он взял ягненка-сосуна, принес его от имени всего народа в жертву и обратился к Господу Богу с молитвой поддержать евреев Своей десницей в битве с филистимлянами и не ввергать их вторично в несчастье. Предвечный внял этим мольбам его, благосклонно принял жертвоприношение и обещал им при Своем содействии полную победу над врагами. В то время, как жертва еще находилась на алтаре Господнем и не успела еще совершенно сгореть, из стана врагов вышло войско филистимлян и стало строиться к бою в твердой надежде непременно разбить иудеев в их теперешнем положении, когда у них не было никакого оружия и они вовсе не были приготовлены к сражению. Но исход боя оказался таким, какому бы не поверил никто, если бы ему даже раньше предсказали это. Дело в том, что сперва Господь Бог поразил врагов землетрясением, заставил почву колебаться под их ногами, так что они не были в состоянии твердо стоять на ногах, но пошатывались во все стороны, причем то тут, то там под ними разверзалась бездна, поглощавшая многих. Затем

Предвечный нагнал ужас на филистимлян раскатами грома и ярко сверкавшими молниями, которые как будто ежеминутно были готовы поразить их прямо в лицо, так что оружие выпадало из рук воинов и они, побросав все, наконец обратились в бегство. Тогда Самуил с народом бросились за ними в погоню и, перебив многих, преследовали остальных до места, носившего название Коррея[3]. Здесь он воздвиг в знак победы над врагами и в память их бегства камень, который назвал «сильным», для того чтобы он мог служить символом дарованной евреям от Господа Бога силы над врагами.

3. Филистимляне после этого поражения уже более не воевали с израильтянами, но хотели жить с ними в мире, боясь их и памятуя постигшее их несчастье. В то же самое время прежняя отвага филистимлян, которую они выказывали по отношению к евреям, перешла теперь, после победы, к последним. Ввиду этого Самуил предпринял поход на филистимлян, перебил большое множество их, совершенно сломил их прежнюю гордость и снова отнял у них всю ту страну, которой раньше овладели филистимляне, насильно отторгнув ее от иудеев. Это была именно местность, простирающаяся от города Аккарона до пределов Гитты. В это же самое время остатки хананейских племен жили в дружбе с израильтянами[4].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Затем пророк Самуил разделил весь народ на отдельные части и назначил каждой свой город, куда и велел обращаться за разрешением всех могущих возникнуть среди них тяжб и споров. Сам же он дважды в год объезжал все эти города и творил там суд, чем надолго укрепил тамошнее судоустройство.

2. Затем, когда Самуил достиг преклонных лет, которые мешали ему делать обычную его работу, он передал начальствование и предводительствование народом своим сыновьям, из которых старший назывался Иоилом, имя же другого было Авия. Самуил распорядился, чтобы один из них творил суд в Вифиле, а другой в Варсуве, причем каждому из них точно определил ту часть народа, на которую должна была распространяться его юрисдикция. Но именно эти сыновья

явили на себе непреложный пример и подтверждение того, что дети не всегда похожи на родителей своих, подобно тому как, впрочем, и хорошие и дельные сыновья бывают у совершенно негодных родителей. В этом же случае сыновья хороших родителей оказались вполне дрянными людьми: отвратясь от образа действий отца своего и выбрав путь, как раз противоположный отцовскому, они за подарки и гнусные взятки стали нарушать справедливость, постановляя судебные решения не сообразно истине, а сообразно личной своей выгоде; при этом они вели роскошный, дорого стоивший образ жизни, нарушая таким путем, с одной стороны, повеления Господа Бога, а с другой — поступая вопреки желаниям отца своего, пророка, который обращал всегда особенное внимание и заботливость на развитие в народной массе чувства справедливости.

3. Так как сыновья пророка своим глумлением над справедливостью вносили повсюду прежнюю смуту и грозили подорвать все основы гражданственности, то народ, не будучи долее в состоянии выносить такой режим, явился к Самуилу (он жил тогда в городе Армафе[5]) и стал жаловаться ему на беззакония его сыновей. А так как он сам уже стар и вследствие своего преклонного возраста более не в состоянии лично заведовать всеми делами, то евреи настойчиво просили его назначить им какого-нибудь царя, который взялся бы править народом и достойным образом отомстил бы филистимлянам за прежние их гнусности, которые до сих пор еще составляли для них источник различных выгод.

Такие речи глубоко огорчили Самуила вследствие врожденного ему чувства справедливости, с одной стороны, и отвращения к царской власти — с другой, так как он отдавал предпочтение аристократической форме правления, как единственной, которая была установлена самим Господом Богом и потому была в состоянии доставить полное удовлетворение принявшим ее. Заботы и страх относительно сделанного ему предложения лишили его пищи и сна, и всю ночь он мучился тяжелыми думами о печальном положении вещей.

4. При таких грустных условиях явился Самуилу Господь Бог и стал уговаривать его не печалиться столь сильно относительно требования народа, который ведь оскорбил этим не

Самуила, а Его, Предвечного, не желая, чтобы Он один был у них царем. При этом Он знает, что евреи добиваются этого с самого того дня, как Он вывел их из Египта, но что, впрочем, они в непродолжительном уже времени успеют раскаяться в своем желании. «Конечно, от этого, — сказал Предвечный, — раз сделанное уже не изменится, но зато им придется убедиться в необычайной виновности их передо Мной, когда они презрительным своим отношением к Моим желаниям выказали полную свою неблагодарность как ко Мне, так и к твоему пророческому сану. Ввиду всего этого повелеваю тебе выбрать им царем того человека, на которого Я укажу тебе; но при этом ты предваришь евреев о том, каким бедствиям подвергнет их царская власть, и объяснишь им, какие перемены ожидают их впереди».

5. Услышав такое повеление, Самуил на заре созвал иудеев и выразил свое согласие на избрание царя, причем указал на необходимость раньше всего представить им все будущие условия их жизни при царях и указать на все ожидающие их в таком случае затруднения. «Знайте, — сказал он народу, — что раньше всего цари лишат вас сыновей ваших для того, чтобы сделать одних из них возницами на колесницах, других всадниками или телохранителями, третьих скороходами; других цари сделают тысяцкими и сотниками или же ремесленниками, оружейниками, каретниками и строителями, а также полевыми рабочими, управителями над царскими владениями или сборщиками винограда, и не будет такого дела, которого бы им не дали, как будто бы они наемные слуги. Равным образом и дочери ваши будут обращены в горничных, кухарок и стряпух, и на них будет навалена всякая такая работа, за которую берутся лишь рабыни и то лишь из страха перед плеткой или другим наказанием. К тому же цари начнут отнимать у вас имущество ваше и произвольно будут раздавать его своим евнухам и телохранителям, а стада ваши перейдут в руки царских служителей. Одним словом, вы вместе с вашими близкими будете рабами царя, а также и его слуг. И когда вы подвергнетесь такому унижению и станете вспоминать об этих словах моих, то с раскаянием в сердце обратитесь с мольбой к Господу Богу смилостивиться над вами и даровать вам поскорее избавление от таких царей. Но Предвечный не внемлет мольбам вашим, а, напротив, заста-

вит вас понести заслуженное наказание за ваше дурное решение».

6. Однако народ все-таки оставался равнодушен к этим предсказаниям ожидающих его бедствий и упорно отказывался переменить свое раз уж утвердившееся в нем на этот счет мнение. Он не уступал Самуилу и не обращал никакого внимания на убедительные доводы его, но твердо стоял на своем, требуя немедленного избрания царя и прося не заботиться о будущем. При этом евреи указывали на необходимость иметь царя уже для того, чтобы отплатить врагам войной, а также подчеркивали всю уместность иметь такое же государственное устройство, какое было у соседних народов, управлявшихся царями. Тогда Самуил, видя, что речь его не разубеждает народ, но даже заставляет его еще более упорствовать в исполнении этого желания, сказал: «В таком случае разойдитесь теперь пока все по домам, а затем я опять соберу вас, когда Господь Бог сообщит мне, кого Он даст вам в цари»[6].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Существовал тогда некий человек из колена Веньяминова, знатного рода и доброго нрава, по имени Кис. У него был сын, юноша необычайной красоты и исполинского роста. При этом он еще более отличался своей отвагой и сообразительностью. Его звали Саулом. Когда у этого Киса однажды заблудилось во время пастьбы несколько хороших ослиц, которыми он особенно дорожил перед всем скотом своим, то он послал искать их своего сына в сопровождении одного слуги. Обойдя в поисках за ослицами всю область родного своего колена и придя также в соседние местности, но нигде не найдя животных, Саул решился наконец вернуться домой, чтобы своим отсутствием не возбуждать в отце опасений за себя самого. Когда он достиг города Арамафы и сопровождавший его слуга указал ему на то, что здесь живет пророк, который предсказывает сущую правду, причем дал Саулу совет отправиться к нему и узнать от него об участи пропавших ослиц, то Саул ответил, что у них, однако, нет при себе ничего, чем бы они могли отблагодарить пророка за его предсказание, так как все свои запасы они уже успели израс-

ходовать в пути. На это слуга возразил, что у него есть еще четверть сикла и что ее они отдадут пророку (при этом им было совершенно неизвестно, что пророк обыкновенно не взимает платы за свое предсказание). Решив ввиду всего этого отправиться к пророку, они продолжали путь свой и, встретив у (городских) ворот девушек, шедших за водой, спросили их о местожительстве пророка. Те указали им требуемый дом и советовали поспешить, чтобы застать пророка раньше, чем он сядет за обед, потому что у него как раз собралось большое общество и он скоро займет председательское место среди приглашенных.

Самуил же устроил у себя обед на многочисленное общество по следующей причине: после того как он целый день умолял Господа Бога указать ему того, кого следует избрать в цари, Предвечный объявил ему, что Он сам пошлет ему на следующий день в этот же час одного юношу из колена Веньяминова. И вот ввиду этого Самуил оставался дома и выжидал наступления означенного времени, а когда оно миновало, он принялся за устройство обеда. И лишь только Самуил увидел Саула, как Господь Бог послал ему откровение, что именно это и есть будущий правитель евреев. Когда Саул предстал перед Самуилом и приветствовал его, то просил ему указать дом пророка, извиняясь в своем неведении тем, что он чужестранец. Тогда Самуил ответил, что он сам и есть искомый пророк, и, пригласив Саула принять участие в обеде, сказал, что ослицы, на поиски за которыми он послан, не пропали, а что лично ему, Саулу, будет предоставлено пользование всякими благами. На это Саул возразил: «Однако, владыка, я далек от всякой подобной надежды, тем более что и колено мое слишком ничтожно, чтобы выделять из своей среды царей, а род мой вдобавок ничтожнее всех прочих родов. Ты, конечно, шутишь и, говоря о вещах, которые слишком возвышенны для меня, подымаешь меня на смех». Но пророк повел его к себе на обед, поместил Саула вместе со спутником его выше всех приглашенных, которых было семьдесят человек, и повелел слугам подавать Саулу поистине царские блюда. Когда же наступило время отхода ко сну, то гости поднялись со своих мест и разошлись все по домам, Саул же со своим слугой остались ночевать у пророка[7].

2. С наступлением утра Самуил разбудил своих гостей и

пошел провожать их. Когда они вышли за город, он предложил Саулу послать слугу вперед, а самому остаться несколько позади, так как он имеет нечто сообщить ему без посторонних свидетелей. Тогда Саул отослал своего спутника, а пророк вынул сосуд со священным елеем, полил им голову юноши и, обняв его, сказал: «Знай, что ты рукоположен Господом Богом в цари на страх филистимлянам и на защиту евреев. Вот тебе знак, который послужит тебе подтверждением истинности слов моих: когда ты уйдешь отсюда, то встретишь на пути трех людей, которые отправились поклониться Господу Богу в Вифил; первый из них, как ты увидишь, будет нести три хлеба, второй козленка, а третий пойдет за ними с мехом вина. Эти люди будут приветствовать тебя, ласково поговорят с тобою и дадут тебе два хлеба, которые ты прими от них. Когда ты затем отправишься оттуда дальше и придешь к так называемой гробнице Рахили[8], то ты там встретишь человека, который обрадует тебя известием, что ослицы (отца твоего) нашлись, а когда отсюда придешь в город Гавафу, то найдешь там собрание пророков и, войдя в толпу их, будешь пророчествовать вместе с ними, так что все, которые это увидят, будут крайне поражены этим и скажут: "Откуда такое счастье сыну Киса?" И вот, когда все это случится с тобой, то знай, что Господь Бог с тобой; пойди затем к отцу своему и родственникам своим и приветствуй их. После этого я пришлю за тобой и ты явишься ко мне в Галгал, чтобы тут принести благодарственную за все это жертву Господу Богу». С этим предвещанием старец отпустил юношу, а с Саулом произошло действительно все то, что предсказал ему Самуил.

3. Когда же Саул прибыл в дом родственника своего Авинара, которого он любил больше всех других родных своих, то на вопрос Авинара о подробностях путешествия и о своих в продолжение его приключениях, он не скрыл от него ни своего посещения пророка Самуила, ни того, как последний сообщил ему, что ослицы нашлись. Что же касается миропомазания его на царство и всего, к тому относящегося, то Саул умолчал об этом, с одной стороны, чтобы не вызывать своим рассказом зависти к себе, а с другой — боясь встретить недоверие. Таким образом, хотя они и были близкие друг другу люди и Саул знал, что кровное родство их укрепляется

еще личным расположением, он тем не менее считал небезопасным и неблагоразумным сообщить обо всем Авинару, относясь, на мой взгляд, совершенно правильно к человеческой природе, как она того требует, а именно отлично понимая, что нельзя рассчитывать вполне ни на одного близкого друга или родственника, которые, лишь только Господь Бог дарует нам особенное счастье, тотчас становятся недружелюбны и завистливы к нам.

4. Между тем Самуил созвал народ в город Масфафу и обратился к евреям с речью, которую объявил исходящей от самого Господа Бога и содержанием которой было то, что, хотя Предвечный даровал евреям свободу и поверг в рабство врагов их, они все-таки забыли обо всех оказанных Им благодеяниях и отказались от царя своего, Господа Бога, как будто не знают, что для них нет высшего счастья, как быть в подчинении у лучшего из властелинов, самого Господа Бога; что теперь они предпочитают иметь царем своим человека, который будет, сообразно собственному произволу и собственным нередко гнусным страстям, обходиться со своими подчиненными, как с вещью, и безмерно увлекаться сознанием своей власти. Конечно, такой царь не будет заботиться, как то делает Господь Бог, о благе человеческого рода: этот последний ведь не его собственное творение и создание. «Но раз это у вас уже решено и такое презрительное к Предвечному отношение обуяло вас, то станьте все по отдельным коленам и семьям и метайте жребий».

5. Когда евреи последовали этому приглашению, то жребий выпал на колено Веньяминово, затем жребий упал на род Матрис и наконец на Саула, сына Киса, как на избранника на царство. Лишь только юноша узнал об этом, как он поспешил скрыться, не желая, по моему мнению, подать вида, будто он охотно принимает бразды правления. И в то время, как большинство людей не в состоянии бывают скрыть свою радость даже при сравнительно ничтожных жизненных успехах и стараются навлечь на себя всеобщее внимание, Саул выказал столько сдержанности и самообладания, что не только не выступил вперед, как подобает царю и властелину такого большого и славного народа, но даже бежал от взоров своих будущих подданных и тем доставил последним немало затруднений, заставив разыскивать себя. Так как евреи совер-

шенно не были в состоянии отыскать его и в их сердца уже вкралось беспокойство насчет этого, то пророк Самуил обратился к Господу Богу с молитвой, прося Его указать местопребывание юноши, чтобы можно было бы показать его народу. Узнав, наконец, от Предвечного о месте, где скрывается Саул, он послал людей привести его и, когда это было сделано, поставил его посреди народа. Саул оказался такого высокого, истинно царского роста, что возвышался головой над всеми присутствовавшими.

6. Затем пророк обратился к народу со следующими словами: «Этого человека Господь Бог назначил царем над вами. Вы видите, что он действительно лучше всех и перед всеми другими достоин власти». Затем, когда народ громкими возгласами приветствовал вновь избранного царя и пожелал ему благоденствия, Самуил прочитал в присутствии царя то, что он записал относительно будущих судеб народа и положил эту книгу в Скинию Завета, для подтверждения истины своих пророчеств для грядущих поколений. Сделав это, Самуил распустил народ по домам, а сам отправился в город Арамафу. С Саулом же, который вернулся в родной свой город Гавафу, отправились туда многие благонамеренные мужи, оказывавшие царю подобающие почести, но еще больше гнусных людей, которые относились к нему с презрением, насмехались над остальными и не приносили ему даров, отказывая ему как на деле, так и на словах в подобающем ему почете[9].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Спустя месяц после этого Саул снискал себе всеобщее уважение путем войны с амманитским царем Наасом, который с огромным и отлично вооруженным войском двинулся на живших по ту сторону Иордана иудеев, причинил им массу зла и разрушил и покорил их города, причем не удовольствовался этими насилиями и жестокостями, но сумел коварной хитростью лишить этих евреев и в будущем возможности стряхнуть с себя его иго; дело в том, что он велел выкалывать правый глаз всем тем, которые сдавались ему на слово или которые попадали к нему в качестве военнопленных. Делал он это для того, чтобы лишить этих людей раз навсегда способности к военной службе, потому что левый

глаз оставался у них в бою прикрытым щитом. Поступив таким образом с жившими по ту сторону Иордана евреями, царь амманитский пошел походом также против галаадцев. Расположившись станом вблизи главного города последних, Иависа[10], он послал к ним послов с требованием немедленно сдаться ему на условии, в силу которого у каждого из них должен быть выколот правый глаз, и под угрозой, что в противном случае они подвергнутся осаде, а города их полнейшему разрушению; итак, им предоставляется выбор — желают ли они потерпеть ничтожное увечье или же совершенно погибнуть. В страшном смятении галаадцы не решались дать окончательный ответ, не зная, сдаться ли им или воевать с врагами, и просили о предоставлении им семидневного срока для того, чтобы они могли послать к своим единоплеменникам с просьбой о помощи: если последняя будет им оказана, говорили они, они готовы вступить в борьбу, если же они получат отказ, то сдадутся ему на требуемых им условиях.

2. Наас, не придававший большого значения силам галаадцев и их ответу, предоставил им просимую отсрочку и разрешил им обратиться за помощью к союзникам. Ввиду этого галаадцы отправили посольства во все города израильтян с извещением об условиях Нааса и о том затруднительном положении, в котором они очутились. Евреев это известие о стесненном состоянии жителей Иависа повергло в печаль и слезы, но страх перед врагами лишал их возможности, помимо этого, что-нибудь сделать в пользу своих соотечественников. Когда послы прибыли в город царя Саула и рассказали об опасности, угрожающей жителям Иависа, то и здесь население почувствовало такое же сострадание к печальному положению своих сородичей. И вот Саул, возвращаясь в город со своих полевых работ, нашел среди населения стон и вопль и, спросив о причине этой печали и такого смятения, узнал от послов все подробности. Тогда дух Божий обуял его, и он отпустил послов восвояси, обещав прийти к ним на помощь на третий день и разбить врагов еще до восхода солнца, для того чтобы дневное светило озарило их уже победителями и освобожденными от всяких страхов. Вместе с тем он оставил у себя нескольких послов для того, чтобы они могли ему послужить в качестве проводников в пути.

3. Желая побудить своих подданных к войне с амманитя-

нами и хотя бы страхом наказания заставить их собраться поскорее в поход, Саул велел перерезать у своих быков жилы и послал их по всей стране с угрозой, что он сделает то же самое со всем скотом тех ослушников, которые вздумали бы не явиться к Иордану на следующий день вооруженными и не последовать за ним и пророком Самуилом туда, куда последние поведут их. Когда из страха перед угрожающим наказанием народ стал действительно во множестве стекаться (к Иордану) в назначенное время, то Саул сделал в городе Вале[11] подсчет вооруженным силам, и оказалось, что, помимо колена Иудова, выставившего семьдесят тысяч воинов, численность его войска доходила до семисот тысяч человек. С этими силами Саул переправился через Иордан, успел в продолжение всей ночи пройти расстояние в десять схойнов[12] и еще до восхода солнца достиг цели своего похода. Разделив затем войска свои на три части, он со всех сторон неожиданно ударил на врагов и в ожесточенном бою перебил множество их и в том числе также амманитского царя Нааса.

Этот славный подвиг Саула стал скоро известен всем евреям и немало способствовал распространению его славы, как человека удивительной храбрости. Даже те немногие, которые раньше относились к нему с недоброжелательством, теперь изменили свое о нем мнение, стали уважать его и считать самым выдающимся среди всех евреев. Однако Саул не удовлетворился только тем, что спас жителей Иависа от угрожавшей им опасности; он напал также на страну амманитян, совершенно опустошил ее и затем уже, захватив богатую добычу, увенчанный славой, возвратился домой. Народ ликовал от радости по поводу успехов Саула, а также от восторга, что избрал себе такого царя. В то же время по адресу людей, раньше относившихся презрительно к Саулу и уверявших, что его избрание не приведет к добру, стали теперь раздаваться крики: «Где такие господа? Пусть они ныне поплатятся за свои слова!» — и многое подобное, что чернь обыкновенно говорит, когда удача вызовет в ней особенно сильное самомнение и возбудит ее ярость против тех, кто раньше решался презрительно отзываться об ее вожде.

Хотя Саул и отнесся благосклонно к выражению народного восторга, столь явно свидетельствовавшего об его личной популярности, однако он в тот же день дал клятвенное обе-

щание не лишать жизни никого из своих единоплеменников, так как, по его мнению, было бы неуместным запятнать кровью и насильственным избиением соплеменников Господом Богом дарованную победу, тогда как веселое празднество в кругу лиц, которых соединяло бы дружеское между собой чувство, казалось ему гораздо более подходящим.

4. Ввиду того, что Самуил требовал вторичного избрания Саула на царство путем всеобщего голосования, весь народ собрался еще раз в город Галгал, куда именно евреям велел направиться Самуил. Тут на глазах народной толпы пророк вновь помазал Саула священным елеем и вторично провозгласил его царем. Таким только образом страна евреев окончательно приняла монархическое устройство, потому что при Моисее и ученике его Иисусе, который был (лишь) предводителем войска, правление находилось в руках нескольких представителей знати, а после смерти Моисея и Иисуса, в продолжение восемнадцати лет, народ совершенно не имел правителей. После этого евреи вернулись к прежнему своему образу правления, предоставляя право судить народ тому, кто по общему отзыву оказывался наиболее храбрым и мужественным на войне. В силу этого и весь тот период получил название «времени судей».

5. Затем пророк Самуил созвал евреев в народное собрание и обратился к ним со следующей речью: «Заклиная вас всемогущим Богом, пославшим вам столь благородных братьев, Моисея и Аарона, которые вырвали предков наших из-под власти египтян и их ига, прошу сказать мне без робости, без потворства, без страха и без всякого лицеприятия, совершил ли я по отношению к вам что-нибудь недостойное или какую-нибудь несправедливость ради выгоды своей, или корысти, или в угоду другому. Если вы сможете доказать, что я присвоил себе какую-нибудь чужую собственность, либо теленка, либо овцу, которых можно употребить в пищу и безвозбранно принять в подарок, или огорчил кого-нибудь, отняв себе на пользование принадлежащий ему вьючный скот, то заклинаю вас высказать это здесь в присутствии царя вашего прямо и открыто». В ответ на это народ заволновался и громко удостоверил, что ничего такого Самуил никогда не делал, но, напротив, всегда свято охранял права народа, во главе которого стоял.

6. После того как Самуил удостоился получить от лица всех собравшихся столь лестное удостоверение своей честности, он следующим образом продолжал свою речь: «Так как очевидно, что вы отныне уже более не в состоянии обвинить меня в каких-нибудь неблаговидных поступках, то выслушайте теперь спокойно мое откровенное вам заявление: вы избранием себе царя совершили большой грех относительно Господа Бога. Вам не следует забывать, что прародитель наш Иаков явился вследствие наступившего в его стране голода только с семьюдесятью членами семьи своей в Египет. И когда здесь потомство его достигло количества многих десятков тысяч человек, которых затем египтяне ввергли в тяжелое и позорное рабство, то Господь Бог, вняв мольбам ваших предков, дал народу, помимо всякого царя, возможность избавиться от этого ига и послал евреям братьев Моисея и Аарона, которые и привели вас в ныне занимаемую вами страну. И несмотря на все эти благодеяния Предвечного, вы теперь все-таки отвращаетесь от поклонения Ему и от истинного благочестия! И несмотря на это, ведь Он избавил вас от власти врагов ваших, так как именно Он первый помог вам стряхнуть с себя владычество ассирийцев и совладать с их могуществом, а затем даровал вам ряд побед над амманитянами, моавитянами и, наконец, филистимлянами. И все это совершили вы не под предводительством царя, но благодаря своим военачальникам Иеффе и Гедеону. Что же за безрассудное желание обуяло вас, когда вы захотели избавиться от власти Господа Бога и подчиниться власти царя? Между тем мне пришлось указать вам на того, кого Предвечный Сам назначил вам в цари. Но для того, чтобы наглядно доказать вам все недовольство и весь гнев Предвечного на ваше избрание, я постараюсь сделать так, что сам Господь Бог покажет вам это наиболее наглядным образом. Ввиду этого я упрошу Предвечного наслать на вас теперь, среди самой середины лета, такую непогоду, какой до сих пор никто из вас никогда еще и не видывал».

Лишь только Самуил закончил эту свою речь к народу, как Господь Бог уже подтвердил всю истину, заключавшуюся в словах пророка: загремел сильный гром, сверкнули молнии и пошел страшный град. Всех обуял страх и ужас, народ в смятении своем признал себя виновным, хотя и бессозна-

тельно согрешившим, и стал умолять пророка, как доброго и снисходительного отца, вымолить им прощение у всемилосердного Бога за то великое прегрешение, которое они дерзнули присовокупить к большому числу прочих своих проступков и беззаконий. На это Самуил обещал евреям вымолить для них у Господа Бога помилование и прощение, но вместе с тем увещевал их, если они вообще дорожат своим собственным при наличности царя благополучием и спасением, быть всегда справедливыми и добродетельными, вечно помнить, что нарушение этих условий повлечет за собой ряд бедствий для них, и не забывать о проявлениях могущества Господа Бога и о законодательстве Моисеевом. Если они упустят это из виду, то, говорил он, их вместе с царем постигнет от Господа Бога тяжкое несчастье. Предсказав это евреям, Самуил отпустил их домой, вторично подтвердив избрание на царство Саула[13].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Затем Саул выбрал из народа около трех тысяч человек, из которых две назначил своими телохранителями в резиденции своей, Вифиле, а сыну своему Ионафу предоставил в виде почетной стражи остальных, с которыми и отправил его в город Гаву. Сам же он затем занялся осадой одной крепости филистимлян, находившейся невдалеке от Галгала.

Дело в том, что жившие вблизи Гавы филистимляне покорили себе окрестных иудеев, отняли у них все оружие, заняли своими гарнизонами их наиболее укрепленные пункты и запретили им раз навсегда всякое железоделательное производство. Ввиду такого ограничения еврейские земледельцы, нуждаясь в каких-либо сельскохозяйственных орудиях, как, например, в плугах, заступах и т. п. необходимых в земледельческом обиходе предметах, должны были каждый раз отправляться к филистимлянам и там заказывать себе все нужное. Когда филистимляне узнали о взятии крепости, то они страшно рассердились и в гневе на эту обиду двинулись с тремястами тысячами пехоты, тридцатью тысячами боевых колесниц и шестью тысячами конницы походом на иудеев. Лагерем расположились они вблизи города Махмы[14]. Когда же весть об этом нашествии достигла еврейского царя Саула,

он отправился в город Галгал, разослал по всей стране посланцев и стал сзывать народ на бой за свою свободу против филистимлян, умаляя при этом действительные силы последних и уверяя, что они ничтожны и потому не могут внушить никому никакого опасения. Между тем, узнав о численности войска филистимлян, приверженцы Саула совершенно пали духом; одни из них стали прятаться в пещерах и подземных ямах, большинство же бежало на ту сторону Иордана в область, которую занимали колена Гадово и Рувилово.

2. Тогда Саул послал за пророком (Самуилом) и пригласил его к себе для обсуждения дальнейшего образа действий и вообще положения дел. Самуил ответил, что приедет, а пока велел заготовить все нужное для жертвоприношений, обещая прибыть к Саулу по истечении шестидневного срока, чтобы на седьмой день приступить к жертвоприношениям, а затем уже начать бой с врагами. Саул стал ждать пророка так, как тот ему велел, но при этом не вполне точно исполнил предписания Самуила: видя, что последний медлит со своим прибытием и что тем временем войско у него разбегается, Саул сам приступил к жертвоприношению. Когда же ему возвестили о приезде Самуила, Саул вышел к нему навстречу; тут ему пришлось выслушать со стороны старца упрек в ослушании, что он не дождался его прибытия, но беззаконно и самовольно совершил жертвоприношение, право на которое, равно как на молитвы за народ, по точному желанию Господа Бога, принадлежит ему, Самуилу. Когда же Саул стал оправдываться, ссылаясь на то, что он прождал условленное число дней и что затем необходимость заставила его приступить к жертвоприношению, потому что его собственное войско обуял страх и оно стало самовольно расходиться, тогда как силы врагов в то же самое время покинули Махму и, по дошедшим к нему слухам, двинулись на Галгал, Самуил перебил его словами: «А все-таки, если бы ты был добросовестен, ты не ослушался бы меня, исполнил бы приказание, данное мной тебе от имени Господа Бога, и не поторопился бы совершенно неуместно, то как тебе самому, так и твоим будущим потомкам пришлось бы удержать в руках своих царскую власть дольше, чем это будет теперь». Затем Самуил, недовольный всем случившимся, вернулся назад к себе домой, Саул же в сопровождении сына своего Ионафа толь-

ко с шестьюстами воинов, из которых у большинства не было даже и оружия, потому что в этой местности, благодаря вышеупомянутому запрещению филистимлян, не имелось вовсе железа, да и совершенно не было оружейников, направился к городу Гаваону. Между тем филистимляне разделили войска свои на три части и двинулись по трем направлениям по стране еврейской, все предавая на пути своем разрушению, причем царю еврейскому Саулу и сыну его Ионафу, вследствие невозможности оградить с горстью из шестисот воинов страну, пришлось быть беспомощными свидетелями этого опустошения. Заняв со своим сыном и с первосвященником Ахией, потомком первосвященника Илия, возвышенный холм, Саул поневоле должен был с глубокой скорбью взирать на всеобщее опустошение, не имея возможности помочь беде. Между тем сын Саула решился вместе со своим оруженосцем тайно пробраться в лагерь врагов и произвести там переполох и смятение. Так как оруженосец, ввиду беззаветной храбрости юноши, обещал ему охотно пойти за ним, куда бы он его ни повел и хотя бы это им стоило даже жизни, Ионаф спустился с холма и отправился к врагам.

Лагерь последних был расположен на крутом утесе, с трех сторон почти совершенно отвесном, и кругом его венком тянулись, наподобие искусственных укреплений, большие скалы, служившие ему достаточной защитой против всякого рода нападений. Ввиду последнего обстоятельства, именно природной укрепленности и безопасности этого места, филистимляне, считая его совершенно неприступным, не обращали большого внимания на охрану его. Когда Ионаф со своим товарищем приблизились к вражескому стану, то первый стал ободрять своего оруженосца словами: «Итак, мы пойдем на врагов; если при этом они, увидя нас, пригласят нас к себе, то усмотри в этом признак нашей победы над ними; если же они не станут зазывать нас к себе, то нам придется воротиться назад». И вот, когда на рассвете следующего дня Ионаф со своим спутником приблизились к лагерю врагов, то филистимляне, увидев их, стали указывать друг другу, что вот и евреи выползли из своих нор и пещер, и обратились к Ионафу и его оруженосцу с приглашением: «Придите сюда к нам, чтобы мы могли вас хорошенько наказать за вашу смелость». Видя в этих словах предзнаменование побе-

ды, сын Саула очень обрадовался, немедленно удалился с того места, где он был замечен врагами, и пробрался тайком к одной скале, которая по крутизне своей не была охраняема стражей. Взобравшись на этот представлявший необычайные трудности утес и достигнув таким образом вражеского стана, юноши напали на филистимлян, еще не успевших хорошенько проснуться, и перерезали их до двадцати человек. На остальных же они нагнали своим внезапным появлением такой ужас, что некоторые побросали свое оружие и обратились в бегство, большинство же, не узнавая друг друга вследствие принадлежности своей к разным племенам и видя в товарищах неприятелей (тем более что им не могла прийти в голову мысль, что на них напало только двое евреев), взялось за оружие и стало рубить своих же. Таким образом многие были убиты, другие же, обратившись в бегство, попадали с кручи утеса и убились до смерти.

3. Между тем соглядатаи Саула объявили царю, что в лагере филистимлян заметно необычайное смятение. Тогда Саул спросил, не ушел ли кто-нибудь из его людей. Узнав об уходе собственного сына своего в сопровождении оруженосца, он приказал первосвященнику облечься в священническую одежду и совершить гадание об исходе этого предприятия[15]. Когда же последовал ответ, гласивший о победе над врагами, то Саул немедленно выступил против филистимлян и напал на них во время всеобщей сумятицы и взаимной резни. Услышав о том, что победа склоняется в сторону Саула, к последнему стали опять стекаться все те евреи, которые перед тем искали спасения в бегстве, в подземельях и пещерах. Когда у него таким образом составилось уже десятитысячное войско, Саул бросился с ним в погоню за врагами, которые между тем успели рассеяться по всей стране. В то же самое время, под влиянием ли необычайной радости по поводу неожиданной победы, как это часто случается, что люди при больших удачах теряют рассудок, или по несообразительности, но Саул впал в страшную, имевшую роковые последствия ошибку, а именно: желая отомстить филистимлянам и примерно наказать их, он призвал проклятие на голову каждого еврея, который бы вздумал поесть чего-нибудь раньше наступления ночи, когда сами собой прекращаются погоня и резня врагов; таким образом он хотел предупредить

возможность слишком раннего прекращения резни. Не успел Саул произнести это проклятие, как евреи попали в дремучий, принадлежавший колену Ефремову лес, в котором водилось множество пчел, и сын Саула, не слыхавший проклятия отца и ничего не знавший о том, что народ согласился с последним, достал себе из улья меду и стал его есть. Узнав тем временем о сопровождавшемся страшным проклятием запрещении отца своего принимать до заката солнца какую бы то ни было пищу, Ионаф, правда, бросил свой мед, но и не мог удержаться от замечания, что запрещение отца совершенно неосновательно, потому что, по его личному мнению, евреи стали бы с большей энергией и рвением преследовать врагов и захватили бы и перебили их гораздо большее количество, если бы они подкрепили свои силы пищей.

4. Когда евреи таким образом перебили много десятков тысяч филистимлян, они вечером принялись за разграбление вражеского лагеря, нашли там богатую добычу и множество скота. Последний они перерезали и принялись его есть, не выпустив предварительно кровь. Царю было тотчас же донесено его чиновниками, что народ грешит против божественных предписаний, зарезав и употребляя в пищу убоину, из которой не выпущена в достаточной мере кровь и которая таким образом является ритуально нечистой[16]. Тогда Саул велел немедленно притащить в самую середину стана огромный камень и приказал народу на этом камне убивать скот установленным в ритуале образом, причем было запрещено употреблять в пищу мясо вместе с кровью, так как это неугодно Господу Богу. Когда затем все поступили согласно повелению царя, то Саул воздвиг на том месте алтарь и принес на нем Предвечному жертву всесожжения. Это был первый построенный им жертвенник.

5. Имея в виду еще до рассвета повести войско свое на место новой стоянки врагов, чтобы разграбить и ее, и видя, что воины его готовы следовать за ним и обнаруживают полную готовность исполнять все его приказания, царь призвал к себе первосвященника Ахитова[17] и приказал ему узнать (путем гадания), разрешит ли Господь Бог евреям напасть на лагерь врагов и перерезать всех, кто им там попадется. Когда же первосвященник возразил, что от Предвечного не получается определенного ответа, то Саул сказал: «Видно, не без

основания отказывает нам в ответе Господь Бог, который раньше Сам, даже без специального к Нему обращения, сообщал нам о своей воле. Следовательно, причиной такого Его молчания является, без сомнения, какой-нибудь еще не обнаруженный проступок с нашей стороны. Поэтому я сам клянусь убить виновного, хотя бы это прегрешение совершил даже собственный сын мой Ионаф, которого да постигнет такое же наказание, какое постигло бы всякого чужого и постороннего мне человека».

Так как народ громкими криками выразил Саулу свое сочувствие, то он немедленно собрал всех в одно место, сам отошел со своим сыном в сторону и стал метать жребий, чтобы таким образом изобличить виновного. Когда же жребий пал на Ионафа, то отец спросил его, что такое совершил он; в каком неправильном или безбожном поступке чувствует он себя виновным. На это юноша отвечал: «Отец мой! Я не совершал ничего недозволенного, разве то, что, совершенно не зная о твоей клятве и твоем проклятии, отведал меду во время погони за врагами». Несмотря на это, Саул все-таки предпочел исполнение обета дорогим узам родства и природы и тут же дал слово убить Ионафа. Последний, однако, не устрашился предстоящей ему казни, но вошел в толпу народа и, полный благородства и мужества, воскликнул: «Отец! Я не стану умолять тебя пощадить мою жизнь, потому что сладка для меня смерть, являющаяся последствием твоего благочестия и постигающая меня при одержании столь славной победы. Для меня является величайшим утешением то, что я покидаю евреев победителями филистимлян». При этих словах юноши весь народ обуяла скорбь и жалость, и евреи тут же поклялись, что не допустят казни виновника этой победы, Ионафа. Таким образом войско избавило отца от приведения в исполнение его страшной клятвы и стало молиться Господу Богу за юношу, прося Предвечного простить ему его невольное прегрешение.

6. После этого Саул, успев истребить приблизительно шестьдесят тысяч врагов, вернулся в свою резиденцию. Тут он правил счастливо, подчинив себе путем войны все окрестные народы, а именно амманитян, моавитян, филистимлян, идумеян, амалекитян и царя Совы[18]. У Саула было трое сыновей: Ионаф, Иосус и Мелхис, и дочери Мерова и Михала. Вое-

начальником у него был его двоюродный брат Авинар, сын Нера, Нер же и отец Саула, Кис, были родными братьями, сыновьями Авиила. В распоряжении Саула находилось также множество боевых колесниц и конницы. С кем ему приходилось воевать, того он побеждал и затем отпускал на свободу. Евреям он помог достигнуть полного благополучия и счастья, сделав их могущественнее всех прочих народов. Всех юношей, отличавшихся статным ростом и красивым телосложением, он зачислял в состав своей личной почетной стражи[19].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Явившись к Саулу, Самуил объявил последнему, что он послан к нему Господом Богом, чтобы напомнить ему, что, хотя Предвечный и избрал его царем над всеми евреями, он именно в силу такого избрания должен повиноваться Господу Богу и не отказывать последнему в послушании: хотя сам он и правит народами, но верховная власть над ним самим и над всем существующим все-таки находится в руках Божиих. При этом Самуил сообщил также о том, что повелел ему сказать Господь Бог, а именно: «Так как амалекитяне причинили много зла евреям во время их странствований по пустыне, когда они, выйдя из Египта, направлялись в ныне им принадлежащую страну, то Я повелеваю Саулу отомстить амалекитянам, объявить им войну и, одержав над ними победу, не щадить никого из них, но перерезать всех, какого бы возраста они ни были, начиная с женщин и кончая грудными младенцами. Таким образом, враги получат должное возмездие за все гнусности, совершенные ими над вашими предками. При этом запрещаю вам щадить также крупный и мелкий скот их, не оставлять его в свое собственное пользование, но повелеваю посвятить все Мне, Господу Богу вашему, дабы, сообразно желанию, высказанному еще Моисеем, было истреблено даже самое имя амалекитян».

2. Саул обещал исполнить повеление Божье и счел нужным выказать свое повиновение Предвечному не только самим фактом похода на амалекитян, но главным образом той готовностью и поспешностью, с которыми он принялся за сборы к этому походу. Он быстро собрал все свои вооруженные силы и, подвергнув их в Галгале исчислению, нашел, что

они достигают количества четырехсот тысяч человек, не считая представителей колена Иудова, которое одно выставило тридцать тысяч воинов. Ворвавшись с этими войсками в область амалекитян, Саул поместил множество отдельных отрядов по ложбинам около одной реки в засаде, так что таким образом ему представилась возможность не только нанести урон врагам в открытом бою, но и неожиданно напасть на них во время переходов, окружить их и затем подвергнуть беспощадной резне. И действительно, уже в первой битве ему удалось побить врагов, уничтожить множество их и броситься в погоню за обратившимися в бегство. И так как, сообразно предвещанию Господа Бога, дело пошло у Саула с самого начала столь удачно, то он набросился на города амалекитян, взял одни из них с помощью осадных орудий, другие путем подкопов или насыпей в уровень со стенами, третьи путем голода и жажды, явившихся последствием прекращения подвоза съестных припасов или отрезанности от воды, прочие, наконец, иными насильственными способами. При этом он беспощадно избивал женщин и детей, не считая это ни жестокостью, ни бесчеловечным, во-первых, потому, что имел дело с врагами, а во-вторых, также оттого, что основывался при этом на повелении Господа Бога, не повиноваться Которому он все-таки считал опасным.

Однажды ему попался в руки даже сам царь неприятельский, Агаг. Пораженный красотой и статным ростом последнего, Саул решил не убивать его. Тут уж он поступил наперекор ясно выраженной воле Предвечного, поддавшись собственной слабости и некстати дав обуять себя чувству жалости, которое могло оказаться для него самого в высшей степени роковым: Господь Бог настолько был возбужден против народа амалекитского, что запретил щадить даже детей, к которым вообще всякий бывает более сострадателен, Саул же теперь спас от смерти самого царя и виновника всех постигших евреев бедствий, предпочтя красоту своего врага исполнению повеления Господа Бога. А вместе с царем в грех впал и народ, который щадил крупный и мелкий скот и оставлял его себе, несмотря на запрещение Предвечного делать это; равным образом войско похищало и присваивало себе также остальные вещи и деньги, уничтожая только то, чего не стоило оставлять за собой.

3. Таким образом Саул победил все народы, жившие от Пелузия[20] в Египте до Чермного моря, и опустошил их владения; пощадил он лишь население сикимитское[21], жившее в центре страны мадианской. Раньше чем пойти на них войной, он отправил к ним посольство с предложением добровольно удалиться из страны, чтобы не подвергнуться печальной участи, ожидающей амалекитян. При этом Саул видел достаточную причину для оказания им пощады в их родственных отношениях с Рагуилом, тестем Моисея.

4. Победив врагов своих и как будто в точности и свято исполнив все предписания, данные ему пророком Самуилом перед началом войны с амалекитянами, Саул вернулся домой в глубокой радости по поводу постигшей его удачи. Между тем Господь Бог был недоволен тем, что царю амалекитскому была оказана пощада и что народ присвоил себе скот врагов, так как во всем этом было нарушение Его повелений. Он считал гнусной дерзостью одерживать победы над врагами, пользуясь поддержкой Его, Предвечного, и вместе с тем оставлять без внимания Его требования и оказывать Ему такое ослушание, которого не посмеешь выказать даже по отношению к обыкновенному царю. Ввиду этого Он заявил пророку Самуилу о том, что уже жалеет об избрании Саула царем, так как сей последний не только не думает повиноваться Его предписаниям, но и во всем поступает согласно личному своему усмотрению. Услышав это, Самуил глубоко огорчился и в продолжение целой ночи пытался вымолить у Господа Бога для Саула прощение и не гневаться на него. Но Господь Бог не внял мольбам пророка Самуила за Саула, считая несправедливым потворствовать греху только ввиду заступничества за грешника, потому что ничто так не развивает греховности, как мягкое отношение к провинившимся: ища какого-то удовлетворения в снисходительности и мягкости к лицу провинившемуся, сам не замечаешь, как тем самым лишь вызываешь новые прегрешения. Итак, ввиду того, что Господь Бог отказал пророку в исполнении его просьбы и было очевидно, что Предвечный не изменит своего решения, Самуил на рассвете отправился к Саулу в Галгал. Увидев старца, царь выбежал ему навстречу и, приветствовав его, сказал: «Я возношу благодарность Господу Богу, даровавшему мне победу». При этом он присовокупил, что исполнил все, приказанное Гос-

подом Богом. Но Самуил перебил его словами: «Почему мне слышится рев и блеянье всякого скота в лагере?» Саул ответил, что народ оставил у себя этот скот для жертвоприношений и присовокупил, что, сообразно повелению, весь род амалекитян подвергся избиению, так что от него не осталось и следа, а что пощажен только один царь амалекитский, которого он держит еще при себе, желая посоветоваться с Самуилом, как следует поступить с ним. На это пророк возразил, что Господь не удовлетворяется жертвоприношениями, но требует добродетели и справедливости; добродетельными же и справедливыми людьми являются лишь те, которые повинуются желаниям и повелениям Предвечного и признают лишь тогда свою деятельность правильной, если она согласуется с предписаниями Господними: презрительное отношение к Господу Богу не выражается в непринесении жертв, но в неповиновении Ему. «От тех людей, которые не повинуются Ему и не отправляют этой единственной Ему угодной и уместной службы, Предвечный неблагосклонно принимает жертвоприношения, хотя бы такие люди предлагали Ему и обильные и богатые жертвы и представляли в Его распоряжение самые изысканные золотые или серебряные жертвенные дары; напротив, Господь питает даже отвращение к такого рода приношениям, считая таковые признаком людской гнусности, а отнюдь не благочестия. К тем же людям, которые свято хранят в своей памяти все речи и повеления Его и предпочитают смерть нарушению этих постановлений, только единственно к таким людям благоволит Предвечный, не требуя от них даже и жертвоприношений; и если такие люди и жертвуют какие-нибудь, хотя бы очень скромные приношения, Он считает такое к Себе почтение бедняков гораздо более приятным, нежели блестящие жертвоприношения отъявленных богачей. Знай, что именно ты навлек на себя гнев Божий, потому что пренебрег повелениями Предвечного и не дал себе труда исполнить их. И как же ты можешь рассчитывать на то, что Господь Бог благосклонно примет твою жертву, когда она принесется из того, что Предвечный предназначил к уничтожению? Или ты, может быть, считаешь, что принести что-либо в жертву Господу Богу равносильно уничтожению этой вещи? Поэтому готовься лишиться царства и власти, данных тебе Господом Богом, за то,

что ты безумно обратил эту же данную тебе власть против самого Предвечного». Тогда Саул признался в неблаговидном своем поступке и, не отрицая всей греховности его, согласился, что преступил повеления пророка, хотя и поступил так из страха перед своими воинами, которых не посмел удержать от насильственного присвоения добычи. «Прости меня и будь милостив ко мне», — сказал он, обещая при этом на будущее время избегать греха. Вместе с тем он стал умолять пророка принести за него примирительные жертвы Господу Богу. Самуил же, зная, что Предвечный не изменит своего решения, собрался в обратный путь. Тогда Саул, желая удержать Самуила, схватился за плащ его, и при этом насильственном задержании Самуила плащ последнего разорвался. На это пророк сказал, что точно таким же образом будет отторгнута у Саула царская власть, которая затем перейдет к человеку достойному и праведному, потому что Господь Бог непреклонен в своих решениях и что не в Его природе, подобно человеку, изменять свои решения и постановления. Тогда Саул еще раз выразил свое раскаяние по поводу совершенного им богопротивного поступка и сказал, что не в состоянии изменить совершившегося факта. Вместе с тем он стал просить пророка не позорить его, а перед лицом всего народа вместе с ним помолиться Господу Богу. Самуил склонился на его просьбу и вместе с ним совершил богослужение. Затем к нему был приведен и амалекитский царь Агаг, и, хотя тот выразил ему глубокую свою скорбь по поводу ожидавшей его смерти, Самуил сказал: «Подобно тому как ты заставил множество еврейских матерей проливать слезы и печалиться над смертью детей их, так пусть и казнь твоя вызовет скорбь в груди твоей собственной матери». После этого он велел немедленно казнить его в Галгале, а сам возвратился в город Армафу[22].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Между тем Саул, поняв, что он своими преступлениями стал во враждебные к Господу Богу отношения, возвратился в резиденцию свою Гаву (это слово в переводе означает холм) и с тех пор уже более не показывался на глаза пророку. Так как Самуил тем временем очень печалился о Сауле, то Господь

Бог велел ему оставить о нем заботу, захватить священного елея и, отправившись в город Вифлеем к Иессею, сыну Овида, помазать в качестве будущего царя того из сыновей Иессея, которого Он ему укажет. Но Самуил заявил, что боится сделать это, так как Саул сможет узнать обо всем и умертвить его либо исподтишка, либо совершенно открыто. Когда же Предвечный уверил старца в Своей поддержке и в полной безопасности, тот отправился в путь и прибыл в названный город. Все население последнего с восторгом приветствовало его и стало расспрашивать о причине его прибытия, на что Самуил отвечал, что прибыл, чтобы принести жертву Господу Богу. По совершении затем действительно жертвоприношения пророк пригласил к участию в жертвенной трапезе Иессея с его сыновьями, и когда он увидел его старшего сына, юношу статного роста и красивой наружности, он счел его по этим признакам будущим царем. Однако в этом он ошибся, не предугадав решения Предвечного, потому что, вопросив Господа Бога, не следует ли ему помазать юношу, который в нем самом вызвал удивление своей внешностью и которого он поэтому счел достойным царской власти, пророк получил в ответ, что суждения Господа Бога не всегда сходятся с воззрениями людскими. «Ты, конечно, — сказал Предвечный, — взираешь лишь на телесную красоту юноши и только на основании ее считаешь его достойным царствовать, тогда как Я предоставляю царскую власть не в награду за физическую красоту, а за достоинства духовные, выискивая того, кто бы был совершенством в этом отношении и отличался бы благочестием, любовью к справедливости, мужеством, повиновением, что все вместе и составляет душевную красоту». Ввиду таких слов Предвечного Самуил приказал Иессею показать ему всех своих сыновей, на что тот позвал и прочих, из которых старший назывался Елиавом, второй — Аминадавом, третий — Самалом, четвертый — Нафанаилом, пятый — Раилом, а шестой — Асамом. Взглянув на них и увидев, что никто из них по красоте своей не уступает старшему, Самуил вопросил Господа Бога, кого из них выбрать в цари. Когда же был получен ответ, что ни один из них недостоин царствовать, то старец спросил Иессея, нет ли у него еще каких-нибудь других сыновей. Тот ответил, что есть еще один, Давид, служащий у него в пастухах и смотрящий за

мелким скотом. Самуил велел немедленно позвать и его, так как, по его словам, без него нельзя приступить к трапезе. Когда же явился Давид, за которым послал отец, и перед старцем предстал красивый юноша с русыми волосами, загорелым лицом и живыми глазами, то Самуил подумал про себя: «Это именно и есть избранник Божий»[23]. Затем он сам сел за стол, усадил рядом с собой юношу Давида, а дальше поместил Иессея с остальными его сыновьями. Потом он на глазах Давида вынул сосуд с елеем и, помазав его, шепнул ему тихо, что Господь Бог избирает его на царство[24]. При этом он наставлял его быть всегда справедливым и покорно исполнять повеления Предвечного, ибо только под этим условием царская власть останется долгое время в руках его, дом его будет славным и знаменитым, он победит также филистимлян, равно как и другие народы, с которыми вступит в борьбу, стяжает себе прочную славу своими военными подвигами не только при жизни, но и передаст эту славу своим потомкам.

2. После таких наставлений Самуил вернулся домой, Давида же обуял дух Божий, покинувший тем временем Саула, и он начал с этим переходом на него духа Господнего предвещать будущее. Саул с этих пор почувствовал себя одержимым какой-то странной болезнью, выражавшейся у него в ощущении, будто его душат злые демоны. Против этого врачи не были в состоянии придумать какое-нибудь средство, кроме того, что следовало найти человека, который бы был отличным певцом и виртуозом на арфе и мог бы всякий раз, как злые духи обуяют и начнут мучить царя, стать у изголовья больного и начать свою игру и пение. Саул принял этот совет к сведению и тотчас же велел отыскать подходящего человека. Когда же один из царских приближенных заявил, что он знает в городе Вифлееме сына Иессея, еще совсем молодого мальчика, благонравного и красивого, который, помимо всяких других преимуществ, отличается умением играть на арфе и складывать песни, да и вдобавок является еще и отличным воином, Саул отправил к Иессею послов с требованием отпустить к нему сына его, пастуха Давида, так как он столь много слышал о красоте и мужестве юноши, что теперь захотел увидеть его лично. Иессей отправил сына с почетными подарками к Саулу. Увидев его, Саул сразу почувствовал к нему расположение и, сделав его своим оруженос-

цем, стал оказывать ему всякие почести, так как юноша очень нравился ему. При этом всякий раз, как злые духи приводили царя в смятение, Давид являлся единственным врачом этого недуга: он пел царю свои песни, играл на арфе и тем приводил Саула в себя. Ввиду этого последний отправил к отцу юноши, Иессею, послов с просьбой совершенно предоставить в его распоряжение Давида, потому что один вид и присутствие последнего уже доставляют ему облегчение. Иессей не считал возможным отказать Саулу в просьбе и согласился предоставить ему Давида[25].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Некоторое время спустя филистимляне вновь окрепли, собрали большое войско для войны с израильтянами и, заняв местность между Сохо и Азикой[26], расположились там лагерем. Саул вывел против них войска свои и, раскинув свой стан на одной горе, тем самым принудил и филистимлян покинуть место своей первоначальной стоянки и расположиться лагерем на горе, лежавшей против той, которая была занята Саулом. Таким образом оба стана разделялись лишь ложбиной между двумя горами. И вот однажды из лагеря филистимлян вышел исполинского роста человек, по имени Голиаф, из города Гитты. Ростом он был четырех аршин с половиной, и вооружение его вполне соответствовало его исполинским размерам; так, например, на нем был панцирь весом в пять тысяч сиклов; шлем и медные поножи его также соответствовали размерам такого огромного человека; копье его не представляло легкой игрушки в правой руке, но по тяжести своей всегда лежало у него на плече; один наконечник его был весом в шестьсот сиклов. За Голиафом следовала толпа оруженосцев. Затем Голиаф, став между обоими лагерями и обратившись к Саулу и евреям, закричал громким голосом: «Я готов освободить вас от необходимости биться в бою и подвергать себя опасностям. К чему вашему войску сходиться с нашим и терпеть урон? Выставите из своей среды человека, который бы взялся сразиться со мной, и пусть будет ускорен конец войны победой одного из нас: та сторона, на которой окажется победитель, пусть будет признана повелительницей противной стороны. По моему мнению,

гораздо лучше и благоразумнее добиться этого, подвергнув опасности одного человека, чем всех». Сказав это, исполин вернулся назад в свой лагерь. На следующий день он опять вышел из своего стана и вновь обратился к евреям с той же речью, и таким образом он в продолжение сорока дней не переставал вызывать своих противников на единоборство, так что это очень испугало самого Саула и его войско. Между тем обе стороны готовились к бою, но ни та, ни другая не решались начать его.

2. Когда началась война евреев с филистимлянами, Саул отпустил Давида домой к отцу его Иессею, а сам удовлетворился присутствием трех других сыновей, которых последний выслал в войско. Тем временем Давид по-прежнему стал пастухом и пас родительский скот.

Однажды ему пришлось по поручению отца отправиться в еврейский лагерь, чтобы доставить братьям съестных припасов и узнать, что они поделывают. В то время Голиаф как раз опять вышел со своим вызовом на единоборство и стал поносить евреев, среди которых не находится храбреца, решившегося бы вступить с ним в бой. Когда Давид, в то время разговаривавший с братьями и передававший им поручения отца, услышал, как филистимлянин поносит еврейское войско и укоряет его в трусости, он страшно рассердился и заявил своим братьям о своей готовности вступить с врагом в единоборство. На это старший из братьев, Елиав, закричал на него, что это, при его молодости, было бы безумной смелостью, и велел ему немедленно вернуться назад к стадам и отцу. Боясь брата, Давид собрался уходить к отцу, но при этом заявил нескольким воинам о своем желании принять вызов на бой. Когда последние тотчас донесли об этом желании юноши Саулу, царь немедленно послал за ним и на расспросы свои получил от Давида ответ: «Не падай, царь, духом и не сомневайся; мне удастся отнять у врага его самомнение, вступив с ним в бой и поразив огромного исполина. Тогда он навлечет на себя насмешки, твое же войско покроет великая слава, когда Голиафу придется пасть от руки не человека, уже испытанного в бою и знакомого с военным делом, но от мальчика моего возраста, по которому я кажусь вам еще ребенком».

3. Хотя Саул и выразил удивление по поводу смелости и бесстрашия юноши, однако он не рассчитывал на него вслед-

ствие его молодости, считая его слишком слабым для такого боя. Когда он сказал Давиду об этих своих сомнениях, последний ответил: «Обещание свое я исполню, почерпая смелость в уповании на Господа Бога, который поддержит меня и помощь которого я уже раз испытал на себе. Дело в том, что когда однажды лев напал на мои стада и утащил у меня овцу, то я погнался за ним, настиг его, вырвал у него из пасти овцу и, когда он бросился на меня, схватил его за хвост, повалил на землю и умертвил зверя. То же самое я сделал в другой раз и с напавшим на меня медведем[27]. И так как этого врага, который теперь так поносит наше войско и глумится над Богом нашим, нельзя считать сильнее тех диких зверей, то я и теперь уповаю на Господа Бога, который даст мне возможность осилить его».

4. Ввиду такого мужества и бесстрашия юноши Саул призвал на него благословение Божье, пожелал ему удачи и отпустил со словами: «Ну, вступай в бой». Вместе с тем он сам облек его в свой панцирь, дал ему свой меч и надел на него свой собственный шлем[28]. Но так как Давид не занимался раньше военными упражнениями и не умел носить оружия, то его стесняла тяжесть вооружения, и он сказал: «Царь! Эти военные украшения принадлежат тебе и ты один можешь носить их; позволь поэтому мне, рабу твоему, сразиться как это мне будет удобно». С этими словами он снял с себя все вооружение, схватил дубину, сунул в свою пастушескую суму пять подобранных в ближайшем ручье камней[29], взял в правую руку пращу свою и с этим вышел на бой с Голиафом. Последний же, увидев такого врага, стал глумиться над ним и говорить, что с таким оружием, как у Давида, бьются обыкновенно не с людьми, а отгоняют от себя собак. Не считает ли Давид поэтому и его за собаку? На это Давид отвечал, что считает его не собакой, но еще гораздо более низким существом. Это привело Голиафа в ярость, он стал изрыгать против него целый поток проклятий и грозно призывать в свидетели своего бога, что изрубит его в мелкие куски и бросит их на пищу зверям и птицам. На это Давид возразил: «Ты вот выходишь на меня, вооруженный мечом, копьем и панцирем, тогда как моим единственным оружием является Господь Бог, который нашими руками уничтожит как тебя самого, так и все ваше войско: я еще сегодня отрублю тебе голову и

брошу твой труп на съедение родственникам твоим, псам, и тогда все узнают, что Предвечный наш оплот и наша сила и что всякая мощь и всякое оружие оказываются ничтожными, если нет поддержки со стороны Господа Бога». Тогда филистимлянин, не имевший, благодаря тяжести своего вооружения, возможности двигаться свободно и быстро наступать на врага, медленно двинулся на Давида, глумясь над ним и рассчитывая без труда уложить безоружного и в то же время столь юного противника.

5. Давид же вышел ему навстречу под охраной невидимого для врага союзника, самого Господа Бога. Затем он вынул из своей сумки один из положенных туда речных валунов, метнул им из пращи в Голиафа и попал ему прямо в лоб, так что камень пробил череп и проник до самого мозга. Голиаф тотчас упал навзничь. Давид быстро приблизился к лежавшему на земле врагу и, за неимением собственного меча, отрубил его голову мечом исполина. Смерть Голиафа вызвала смятение среди филистимлян, и они бросились бежать, потому что, когда они увидели падение своего славнейшего воина, то потеряли всякую надежду на победу и в ужасе уже более не хотели выжидать нападения евреев, пытаясь избежать угрожающей опасности путем постыдного, беспорядочного бегства. Саул же и все еврейское войско с военным кликом ударили на врагов, перерезали множество их и преследовали остальных до пределов Гитты и ворот Аскалона. Таким образом из числа филистимлян пало до тридцати тысяч человек, а вдвое большее количество их было ранено. Саул вернулся затем к стану неприятелей, совершенно разграбил его и поджег, тогда как Давид отнес голову Голиафа в свой шатер, а меч его посвятил Господу Богу[30].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Между тем женщины вскоре возбудили в душе Саула зависть и ненависть к Давиду. Дело в том, что навстречу возвращавшемуся домой победоносному войску вышли женщины с песнями, кимвалами, литаврами, всевозможными музыкальными инструментами и начали петь, что Саул перебил много тысяч филистимлян, тогда как девушки стали воспевать славу Давида, восклицая, что он погубил много десят-

ков тысяч врагов. Когда царь услыхал, что его ставят ниже юноши, приписывая последнему избиение большего числа неприятелей, то он подумал, что для завершения славы Давида ему недостает только царской власти, и потому начал бояться юноши и с недоверием относиться к нему. Ввиду этого соображения он перевел Давида с его прежней должности своего личного оруженосца, которую он, благодаря непосредственной к нему близости молодого человека, считал слишком опасной, на место начальника над тысячью воинов, что было несомненным повышением и вместе с тем, по мнению царя, покойнее для него самого. Тут он рассчитывал иметь возможность почаще отправлять Давида в походы, где тот подвергался бы беспрерывным опасностям и легко мог бы погибнуть.

2. Между тем Давида, во всех его начинаниях и за что бы он ни брался, охраняла благодать Божья, и народ не только полюбил его за его отменную храбрость, но к нему воспылала страстью даже дочь царя Саула, еще не бывшая замужем. Не будучи в силах совладать с этой страстью, она не скрывала ее; наконец об этом узнал также отец. Замышляя недоброе против Давида, последний обрадовался, услыхав об этом, и сказал лицам, объявившим ему о любви его дочери, что он с удовольствием выдаст ее за Давида замуж. Сам он рассчитывал таким образом легче избавиться от опасного человека, подвергнув его такому делу, которое могло бы окончиться для него верной гибелью. Поэтому Саул подумал: «Я готов отдать за Давида дочь мою, если только он доставит мне головы шестисот неприятелей. Ввиду значительности обещанной за это награды Давид, наверное, возьмется за такое опасное и навряд ли исполнимое предприятие в расчете еще более покрыть себя славой, при этом падет от руки филистимлян и тем отлично оправдает мои относительно него намерения: я избавлюсь от него, причем смерть его будет делом уже не моих, а других рук». Ввиду таких соображений Саул велел нескольким приближенным хорошенько разузнать от Давида, как он смотрит на брак с царской дочерью. Приближенные царя отправились к нему и стали рассказывать ему, как его любит царь и весь народ и как Саул даже готов дать ему в жены дочь свою. На это Давид отвечал: «Вам, пожалуй, покажется стремление стать царским зятем не самонадеянным,

тогда как я, наоборот, совершенно противоположного мнения, тем более что я ведь человек небогатый, не обладаю славой и почетом». Когда же посланные сообщили Саулу ответ Давида, царь сказал:

«Передайте ему, что я вовсе не нуждаюсь ни в деньгах, ни в выкупных свадебных подарках, потому что такого рода брак мог бы быть назван запродажею девушки, а не выдачею ее замуж; но мне хотелось бы иметь зятя храброго и вообще добродетельного, каким, как видно, именно и является Давид. Поэтому я не требую от него взамен дочери ни золота, ни серебра из родительского дома, но лишь того, чтобы он отомстил филистимлянам и доставил мне головы шестисот убитых врагов. Более ценного, блестящего и почетного дара он не может доставить мне, да и для дочери моей, чем получение обыкновенных свадебных подарков, будет более лестно сознание, что она вышла замуж за столь славного человека, доказавшего свою доблесть поражением врагов».

3. Когда этот ответ был передан Давиду, последний очень обрадовался тому, что Саул хочет вступить с ним в столь близкое родство, и, совершенно не рассуждая, возможно ли и удобоисполнимо ли возлагаемое на него поручение, он немедленно отправился со своими товарищами на врагов и взялся за совершение подвига, возложенного на него взамен брака. А так как Господь Бог облегчал Давиду все его предприятия и делал ему даже невозможное удобоисполнимым, то ему удалось убить множество врагов, отрубить у шестисот из них головы, представить их царю и требовать себе за это условленное разрешение вступить в брак с царевной. Саул не имел возможности уклониться от исполнения данного обещания, считая гнусным обмануть Давида или коварно отказать ему, дабы не обнаружилось, что он ему только посулил брак, чтобы на самом деле избавиться от него путем почти неисполнимого поручения. Поэтому он выдал за него дочь свою Михалу[31].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Однако и после этого Саул успокоился ненадолго: видя, что Давид пользуется благоволением Господа Бога и расположением простонародья, он стал еще больше бояться его, и

так как вопрос сводился к двум весьма серьезным пунктам — к сохранению царства и жизни, из которых потеря того или другого представляла бы страшное несчастье, он не был в состоянии подавить в себе ужас перед этим. Ввиду этих соображений Саул решил избавиться от Давида и поручил сыну своему Ионафу и вернейшим своим приближенным умерщвление его. Ионаф был страшно поражен столь странной к Давиду переменой отношений отца, который прежде отличался к нему таким благоволением, а теперь готов был даже убить его, и, так как он очень любил юношу и относился с глубоким уважением к его добродетелям, Ионаф выдал ему намерение и решение Саула убить его. При этом Ионаф посоветовал Давиду принять меры предосторожности и не показываться Саулу в течение следующего дня. Сам же он хотел пойти к отцу, под предлогом осведомления об его здоровье, а на самом деле для того, чтобы в удобную минуту навести разговор на Давида, узнать о причине, побуждающей Саула к такому решению, и затем постараться представить эту причину несовместимой со справедливостью, в силу которой нельзя убивать человека, оказавшего столько благодеяний не только народу, но и самому царю. Этим путем он рассчитывал добиться от Саула помилования Давида, даже если бы последний был виновен в самых тяжких преступлениях. «Затем, — заключил Ионаф свою речь, — я уведомлю тебя о решении отца». Следуя дружескому совету, Давид избегал показываться на глаза царю.

2. Когда на следующий день Ионаф явился к Саулу, то нашел его бодрым и в отличном расположении духа и потому решился немедленно завести разговор о Давиде. «Какую малую или большую вину, — сказал он, — нашел ты, отец, в Давиде, что отдал приказ убить его, человека, который оказал тебе такую услугу, выручив тебя самого, а еще большую народу, наказав филистимлян и избавив народ еврейский от постоянных в продолжение сорока дней насмешек и поношений? Ведь он один решился принять вызов врага. Затем он доставил тебе требуемое количество голов филистимлян и в награду за это получил в жены сестру мою. Ввиду этого его смерть должна бы быть для всех нас большим несчастьем, не только потому, что мы потеряли бы заслуженного человека, но и оттого, что этот человек наш родственник. Смерть его

была бы страшной несправедливостью и по отношению к дочери твоей, которая, не успев насладиться брачной жизнью, уже должна будет овдоветь. Приняв все это во внимание, смягчи свое решение и не губи человека, который сослужил нам всем великую службу, во-первых, тем, что, когда ты был одержим злым недугом беспокойства, вернул тебе душевный мир, а во-вторых, отомстив за нас врагам; по-моему, было бы совестно забывать о таких вещах». Эти речи убедили Саула, и он поклялся сыну своему не причинять Давиду зла, так как справедливый довод сильнее вспышки гнева или чувства страха. Ионаф послал тотчас же за Давидом, известил его о миролюбивом настроении отца и затем привел его к Саулу. С этих пор Давид оставался при царе, как и раньше.

3. Когда около того же времени филистимляне вновь пошли войной на евреев, Саул выслал против них Давида с войском. В сражении с ними Давид перебил множество врагов и, одержав полную победу, возвратился к царю. Саул, однако, принял зятя не так, как тот рассчитывал после столь счастливого исхода войны, а с нескрываемым по поводу удачи его неудовольствием, так как опять усматривал в его победе опасность лично для себя. Когда же вскоре затем злой дух снова обуял и стал терзать его, то царь велел Давиду явиться к нему в опочивальню, где он лежал на постели, держа копье свое в руке. Затем Саул приказал ему играть на цитре и петь, и в то время, как зять стал исполнять требование, Саул пустил в него копье. Но Давид, предвидя это, уклонился от удара, тотчас бежал к себе домой и оставался там целый день.

4. Ночью царь послал к его дому стражу с приказом стеречь Давида до зари, чтобы он не убежал и не вздумал скрыться; затем он хотел предать его суду и казнить. Между тем жена Давида, царская дочь Михала, узнав о происках отца своего против ее мужа, стала очень беспокоиться за его участь, а также и за себя, потому что смерть мужа лишила бы и ее радостей жизни. Поэтому она пришла к Давиду и сказала ему: «Берегись, чтобы восходящее солнце не застало тебя здесь, так как иначе ты его больше уже не увидишь вовсе. Беги, пока эта ночь предоставляет тебе возможность бегства, и да продлит для тебя Господь Бог эту ночь. Знай, что, если тебя найдет отец, ты погиб». Затем она спустила его на канате из окна и таким образом спасла его. После этого она уст-

роила кровать так, как будто в ней лежит больной, а под одеяло сунула печень козы[32].

Когда на следующее утро явились посланцы Саула, чтобы схватить Давида, то Михала сказала им, что муж ее провел очень беспокойную ночь, что он болен, и показала им прикрытую кровать и двигавшуюся в ней печень, уверяя, что это Давид так тяжело дышит. Посланцы вернулись к царю и объявили ему, что Давид ночью заболел. Саул, однако, велел доставить к нему Давида хотя бы и в таком состоянии, потому что непременно хотел умертвить его. Когда посланные вернулись в дом Давида, то, открыв кровать, увидели, какую хитрую штуку устроила с ними Михала, и сообщили об этом царю. Последний осыпал дочь упреками за то, что она обманула его и спасла врага; она же придумала в свое оправдание довольно правдоподобное объяснение, а именно сказала, что Давид пригрозил ей умертвить ее, если она не изыщет средства к его спасению; ввиду этого она просит простить ее, так как обманула царя по принуждению, а не по доброй воле. «Мне кажется, — сказала Михала в заключение, — тебе следует не столько заботиться об умерщвлении своего врага, сколько быть довольным, что я осталась жива». Этим она добилась от Саула помилования. Давиду между тем удалось избегнуть опасности и прибыть в Арамафу к пророку Самуилу, которому он и рассказал о кознях царя, о том, как тот чуть не убил его копьем, несмотря на то, что он, Давид, ничем перед ним не провинился, всегда храбро сражался за него в битвах с врагами и с Божьей помощью постоянно удачно и счастливо трудился за царя. Но оказывается, что это-то именно и было причиной враждебного настроения Саула против Давида.

5. Когда пророк Самуил узнал о такой несправедливости царя, он вместе с Давидом покинул город Арамафу и отправился с ним в местность, носящую название Галваафа[33]. Тут он прожил с ним некоторое время. Когда же Саула известили о том, что Давид находится у пророка, то царь отправил туда воинов с приказанием схватить его и привести во дворец. Придя к Самуилу и застав у него собрание пророков, царские посланцы также преисполнились духа Божьего и тоже начали пророчествовать. Когда Саул узнал об этом и выслал для поимки Давида других воинов, то и с ними про-

изошло то же самое, а также и с третьими посланцами, которые тоже стали пророчествовать. В сильном гневе Саул сам в конце концов отправился к Самуилу, который, при его приближении, заставил и его, в свою очередь, пророчествовать. Поэтому, лишь только Саул прибыл к Самуилу, дух Божий обуял его, и он совершенно потерял рассудок: сорвав с себя одежду, Саул упал наземь и в продолжение целых суток лежал без движения на глазах у Самуила и Давида.

6. Отсюда Давид прибыл к Ионафу, сыну Саула, пожаловался ему на преследования со стороны отца его и рассказал ему, как Саул, несмотря на отсутствие какой-нибудь с его стороны провинности или какого бы то ни было упущения, так и старается поскорее умертвить его. Однако Ионаф стал умолять Давида не доверять таким предположениям и не полагаться на всякую клевету, которую сообщат ему, но успокоиться и полагаться на него, потому что невероятно, чтобы отец мог так злоумышлять против него; иначе он, наверное, сообщил бы об этом ему, Ионафу, и посоветовался бы с ним, как он обыкновенно поступал во всех прочих делах. Давид же стал клятвенно уверять Ионафа, что дело обстоит все-таки так, как говорит он, Давид, и вместе с тем умолял Ионафа лучше положиться на верность высказываемых предположений, чем относиться к ним без внимания и убедиться в правильности их лишь тогда, когда он либо увидит его, Давида, мертвым, либо услышит об его смерти. Отец же, по его мнению, потому не делится с Ионафом своими на этот счет планами, что отлично знает его дружбу и расположение к нему, Давиду.

7. Ионаф тем не менее не был вполне уверен в том, что Давид не ошибается относительно намерений Саула, и с печалью в сердце спросил его, чем бы он мог помочь ему. На это Давид отвечал: «Я отлично знаю, что ты захочешь по силе возможности оказать мне услугу и помощь. Завтра наступает новолуние, когда я обыкновенно принимаю участие в царском обеде. Так вот что: я уйду из города и скроюсь где-нибудь в низменности. Когда же твой отец начнет спрашивать обо мне, то скажи ему, что я, с твоего разрешения, отправился в свой родной город Вифлеем, где семья моя справляет празднество. Если он ответит на это тем, что обыкновенно принято говорить при отъезде близких людей, то есть пожелает

мне счастья в пути, то знай, что он не замышляет против меня ничего недоброго. Если же ответит иначе, то будет ясно, что он злоумышляет против меня. Во всяком случае, сообщи мне о настроении отца твоего, хотя бы из чувства сострадания ко мне и в знак дружбы нашей, доказательств которой ты, господин мой, имеешь от меня, раба твоего, достаточное количество. Если же находишь, что я в чем-нибудь действительно провинился, то лучше убей меня сам и тем предупреди мою казнь от руки отца твоего».

8. Последние слова Давида кольнули Ионафа в самое сердце, и он обещал другу сделать для него все, чего бы тот ни пожелал, во всяком же случае, немедленно уведомить его, если бы отец дал ему зловещий или опасный для Давида ответ. А для того чтобы еще более уверить Давида в своей поддержке, он пошел с ним в поле и тут под открытым небом поклялся ему, что сделает все возможное для его спасения. «Тот Господь Бог, Который, как тебе известно, вездесущ, наполняет Собой все и знает мои помыслы даже раньше, чем я облеку их в форму слов, да будет свидетелем моего с тобой уговора, в силу которого я не упущу случая выведать планы отца моего и настроение его относительно тебя. И когда я узнаю это, я не только не скрою этого от тебя, но немедленно извещу тебя, невзирая на то, расположен ли к тебе отец, или злоумышляет против тебя. Тот же самый Предвечный и Сам знает, как умоляю я Его всегда быть с тобой. Он и теперь с тобой и не только не покинет тебя, но даст тебе возможность осилить врагов, хотя бы то был отец мой или я сам. Ты помни эти слова мои; а если мне придется умереть, спаси детей моих и отплати им добром за то добро, которое оказал тебе я». Поклявшись ему таким образом, Ионаф расстался с Давидом, указав ему первоначально также и место, где он, Ионаф, обыкновенно занимается телесными упражнениями. Сюда он обещался прийти с сыном, лишь только узнает о намерениях отца своего. «Когда я выпущу три стрелы, — сказал он, — и велю мальчику своему принести их, потому что они лежат перед ним, то знай, что тебе ничего не угрожает от отца; если же я скажу как раз обратное[34], то пойми, что тебе предстоит все дурное от царя. Во всяком случае рассчитывай на меня в смысле личной твоей безопасности: ты не подвергнешься никаким притеснениям. Когда для тебя снова насту-

пят счастливые времена, вспомни об этом и позаботься о моих сыновьях».

9. После таких со стороны Ионафа уверений в преданности Давид отправился в условленное место. На следующий день (в новолуние) царь Саул, совершив, по установленному обычаю, ритуальное очищение, сел за обеденный стол, причем место с правой от него стороны занял сын его Ионаф, а с левой военачальник Авеннир. Когда Саул увидел, что место Давида осталось незанятым, он сперва промолчал, предполагая, что Давид не успел совершить ритуального очищения. Когда же он и на второй день не заметил Давида, то обратился к сыну своему Ионафу с вопросом, почему как накануне, так и сегодня не видно за столом в числе обычных гостей сына Иессея. Ионаф ответил по уговору, что Давид, с его разрешения, отправился к себе на родину ввиду семейного празднества и пригласил и его, Ионафа, отправиться вместе с ним для участия в жертвоприношении. «Поэтому, если ты разрешишь мне это, — прибавил он, — и я отправлюсь (в Вифлеем)».

Тут только пришлось Ионафу воочию убедиться в враждебном настроении отца своего против Давида и ясно увидеть все его козни, потому что Саул не смог удержать гнев свой, но стал поносить и Ионафа, называя его развратником[35] и врагом, сообщником и пособником Давида, говоря, что Ионаф, при таких своих взглядах, не стыдится ни отца, ни матери своей и не желает понимать, что, пока жив Давид, их собственная царская власть подвергается крайней опасности. «Поэтому пошли за ним, — сказал Саул, — чтобы я (достойным образом) наказал его». Когда же Ионаф возразил: «За какие преступления собираешься ты наказать Давида?», то Саул окончательно рассвирепел и перешел от упреков и ругательств к делу: схватив копье, он бросился с ним на сына, намереваясь убить его. Однако ему не удалось сделать это, потому что он вовремя был остановлен друзьями. Ионафу же стала вполне очевидной вся ненависть царя к Давиду и страстное его желание погубить последнего, так как он из-за этого чуть было не поднял руки на собственного сына.

10. Так как Ионаф с горя уже больше не был в состоянии участвовать в обеде, то он вышел из-за стола и всю ночь не мог сомкнуть глаз от печальных размышлений, что сам он

чуть не погиб и что гибель Давида решена бесповоротно. На рассвете же он вышел в поле, за город, как будто для упражнения в стрельбе, а на самом деле для того, чтобы, по уговору, известить друга своего о решении отца. Сделав все, как было условлено, Ионаф отправил сопутствовавшего ему отрока назад в город, сам же пошел в более скрытое место, где находился Давид, чтобы свидеться и переговорить с последним. Увидев его, Давид бросился к ногам Ионафа и со слезами на глазах благодарил его за спасение ему жизни. Ионаф же поднял его с земли, крепко обнял его, и оба долго плакали, вспоминая вместе прожитую юность, свою взаимную дружбу, служащую предметом столь великой зависти, и предстоящую им теперь разлуку, которая казалась им хуже смерти. Оправившись наконец несколько от своей печали, они дали друг другу слово не забывать о клятвенном своем обещании и затем расстались[36].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Убегая от царя и смерти от руки его, Давид прибыл в город Нову[37] к первосвященнику Ахимелеху, который очень удивился, видя, что Давид пришел один, без спутника и даже без слуги, и потому тотчас же спросил о причине такого странного явления. Давид ответил, что царь дал ему тайное поручение, при исполнении которого присутствие посторонних лиц было нежелательно. «Впрочем, — сказал Давид, — я приказал слугам съехаться со мной здесь, в этом городе». Затем он попросил у первосвященника несколько припасов на дорогу, говоря, что своей помощью он окажет ему дружескую услугу и поспособствует исполнению предприятия. Получив припасы, Давид попросил также какого-нибудь оружия, бывшего случайно под рукой, меча или копья. В то время там находился один из слуг Саула, сириец Доик[38], которому были поручены табуны царских мулов. Первосвященник ответил на просьбу Давида, что у него нет никакого оружия, кроме Голиафова меча, который, после убиения филистимлянина, Давид сам посвятил Господу Богу.

2. Взяв себе этот меч, Давид бежал из пределов еврейской земли в филистейский город Гитту, где тогда царем был Анхус. Тут его увидали и узнали слуги царя и тотчас донесли

последнему, что это тот самый Давид, который перебил много десятков тысяч филистимлян. Тогда, боясь быть убитым и подвергнуться здесь той же самой опасности, от которой он бежал из владений Саула, Давид притворился сумасшедшим и юродивым, говорил с пеной у рта и всякими другими способами старался убедить царя Гитты в своей душевной болезни. Действительно, царь очень рассердился на своих слуг за то, что они привели к нему сумасшедшего, и потому приказал им поскорее выпроводить Давида.

3. Спасшись таким образом из Гитты, Давид направился в область колена Иудова, поселился тут в пещере вблизи города Адуллама[39] и послал своим братьям известие о своем местопребывании. Братья явились к нему в сопровождении всей родни, а также стали стекаться к Давиду все те, которые были в бедственном положении или должны были почему-либо бояться царя Саула, и охотно стали предлагать ему свои услуги. Таким образом вокруг Давида вскоре собралось около четырехсот человек. Ободренный такой массой товарищей, Давид покинул пещеру, отправился к моавитскому царю и просил его разрешить родителям его жительство в стране до тех пор, пока не выяснится их положение. Царь не только с радостью оказал Давиду эту услугу, но и оказывал родителям его в продолжение всего их пребывания в его стране всяческое почтение...[40]

4. Между тем сам Давид, по приказанию пророка, покинул пустыню, отправился в область колена Иудова и поселился там в городе Саре[41].

Когда Саул услышал, что Давида видели окруженным большой толпой (вооруженных), он впал в необычайный страх, и ужас обуял его при мысли, что, при знакомой ему храбрости и отваге Давида, здесь утрожает такая опасность, которая совершенно сокрушит его или по крайней мере представит серьезные затруднения. Ввиду этого Саул созвал своих приближенных, военачальников и представителей того колена, из которого он сам был родом, к себе на ту гору, где помещался его дворец, сел на месте, носившем название Аруры[42], и, окруженный множеством высокопоставленных лиц и отрядом телохранителей, обратился к собранию со следующими словами:

«Товарищи и сородичи мои! Думаю, что вы не забыли о

тех благодеяниях, которые я оказал вам, предоставив в ваше владение земельные участки и удостоив вас почетными должностями и званиями. Теперь я спрашиваю вас, рассчитываете ли вы на более щедрые знаки милости и на большее число подарков со стороны сына Иессея? Я ведь знаю, что вы все расположены к нему, так как даже собственный сын мой Ионаф держит его сторону и склоняет вас к тому же. Мне отлично известен факт заключения клятвенного договора Ионафа с Давидом, и я прекрасно знаю, что Ионаф является товарищем и сообщником Давида в происках против меня. Между тем никому из вас нет до этого дела; напротив, вы спокойно ожидаете грядущих событий».

Царь смолк, но никто из присутствующих не ответил на его речь. Один лишь сириец Доик, заведовавший царскими мулами, сказал, что он видел, как Давид явился в город Наву к первосвященнику Ахимелеху, как тот предсказывал ему будущее и как Давид, получив от него припасы на дорогу и меч Голиафа, отправился дальше куда хотел, предварительно обезопасив себя указанным образом.

5. Ввиду этого Саул тотчас послал за первосвященником и всеми его родственниками и сказал: «Что я сделал тебе такого ужасного и неприятного, что ты принял к себе сына Иессея и снабдил того, который злоумышляет против моей царской власти, припасами и оружием? Какие предсказания относительно будущего дал ты ему? Ведь тебе было небезызвестно, что он бежал от меня и прятался, злоумышляя против всего моего дома». Первосвященник и не думал отпираться, но прямодушно отвечал, что он все это дал Давиду, думая тем оказать услугу не последнему, но царю, так как не мог предполагать в нем врага Саула, но, напротив, считал его наиболее верным его слугой, тысяцким, а главное, видел в нем царского родственника, зятя. В родство же обыкновенно не вступают с людьми, враждебно настроенными, но, наоборот, с теми, к кому питаешь благоволение и кого хочешь почтить этим. Что же касается предсказания, то он делал это с Давидом уже не в первый раз, но часто и раньше при разных случаях. «Так как Давид заявил, — продолжал первосвященник, — что он послан тобой со спешным поручением, то отказ ему в его просьбе я считал бы скорее неповиновением именно тебе, чем ему. Поэтому ты не имеешь права обвинять

меня в каком бы то ни было неблаговидном поступке и не можешь подозрительно относиться к тому, что я помог тогда Давиду, когда думал этим исполнить повелеваемую мне чувством преданности обязанность относительно тебя; я помог твоему другу, зятю и тысяцкому, а не врагу твоему».

6. Однако такими доводами первосвященнику не удалось убедить Саула, потому что страх последнего был так велик, что он не поверил даже столь правдивому объяснению. Царь приказал своим воинам схватить первосвященника вместе с его родственниками и убить их. Но так как стража не решалась прикоснуться к особе первосвященника, предпочитая оказать неповиновение скорее царю, чем Господу Богу, то Саул поручил это дело сирийцу Доику. Тот в сообществе нескольких подобных же негодяев перебил Ахимелеха и всю его родню, состоявшую приблизительно из трехсот пяти человек. Затем Саул послал отряд также в священнический город Наву с повелением перебить там всех, не щадя даже женщин и малых детей. Самый же город был предан пламени. Спасся из этой резни один лишь сын Ахимелеха, по имени Авиафар. Таким образом оправдалось предсказание, данное Господом Богом первосвященнику Илию, а именно, что беззакония его двух сыновей повлекут за собой истребление всего рода[43].

7. Этот бесчеловечный поступок царя Саула, который перерезал целую первосвященническую семью, не пожалел младенцев и не устыдился поднять руку на старцев, разрушил город, который сам Предвечный назначил местопребыванием и владением священнослужителей и пророков, где только и могли являться такие пророки, дает возможность лишний раз понять людские наклонности. Пока люди остаются лицами частными и живут в скромных условиях, они не имеют возможности предаваться влечениям своей природы и не решаются поступать сообразно своим прихотям. В таком положении они бывают скромны и умеренны, думают об одной лишь правде и направляют исключительно на нее все свои помыслы и стремления. Только тогда они твердо убеждены в том, что Господь Бог присутствует при всех случаях их жизни, не только видя все дела людские, но даже зная все помыслы, которые будут руководить поступками людей. Лишь же только люди достигают власти и силы, они немедленно снимают, подобно актерам на сцене, маску своих преж-

них привычек и обычаев и заменяют последние наглостью, чванством, презрительным отношением ко всему человеческому и божественному. И в то время, как им в теперешнем их положении, когда все завистливо смотрят на них и вся их деятельность и помыслы на глазах у всех, следовало бы быть особенно благочестивыми и праведными, теперь-то именно они и кичатся своей деятельностью, как будто бы Господь Бог не видит их или даже трепещет перед их властью. И если они на основании какого-нибудь слуха начинают по собственному своему усмотрению бояться чего-либо, или ненавидеть, или без причины любить кого-нибудь, то они уже считают это вполне правильным, неоспоримым, точным, угодным людям и Господу Богу. При этом они не дают себе труда даже подумать о будущем. Напротив, они сперва осыпают почестями тех, кто много постарался за них, а затем начинают завидовать им; доведя кого-нибудь до какого-либо высокого общественного положения, они затем лишают его не только этого положения, но ради последнего даже и жизни, основываясь при этом на каких-нибудь гнусных и по своей преувеличенности совершенно невероятных доводах и соображениях. При этом они не только не наказывают таких деяний, которые действительно заслуживают наказания, но и по возможности убивают невинных на основании доносов и нерасследованных обвинений. Правильность всего этого подтвердил нам сын Киса, Саул, первый царь после периода патриархов и эпохи еврейских судей: из-за одного подозрения на Ахимелеха он перебил триста священнослужителей и пророков, совершенно до основания разрушил их город и в известном смысле приложил все старания, чтобы лишить храм священников и пророков, перерезав такое количество их и не оставив им даже родного города, откуда могли бы впоследствии выйти новые священнослужители и новые пророки.

8. Между тем сын Ахимелеха, Авиафар, единственный, которому из всего числа умерщвленных Саулом членов священнического рода удалось спастись, бежал к Давиду и рассказал ему о бедствии, постигшем его родню, а также о гибели отца своего. Давид же возразил ему, что сам он, увидев Доика, предугадал такой исход дела, потому что подозревал, что этот Доик наклевещет царю на первосвященника. При этом он обвинял самого себя, как виновника всего этого не-

счастья. Затем он предложил Авиафару остаться здесь и жить при нем, потому что он нигде, как именно тут, не будет в такой безопасности[44].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Около этого времени Давид узнал, что филистимляне вторглись во владения килланцев[45] и предали их разграблению. Поэтому он решил просить Господа Бога через пророка о разрешении начать борьбу и затем вступить в войну с филистимлянами. Когда получился благоприятный ответ, предвещавший победу, Давид двинулся со своими товарищами на филистимлян, учинил среди них страшную резню и захватил крупную добычу. Затем он остался у килланцев для их охраны в продолжение всего времени, пока они могли бы безопасно собирать свою жатву с полей. Между тем царю Саулу было донесено, где находится Давид, потому что удачный исход его военного предприятия не остался неизвестным, но молва о нем распространилась повсюду и дошла через множество людей и до ушей царя, а вместе с тем и подробности о положении победителя. Саул очень обрадовался, когда узнал, что Давид находится в Килле, и подумал: «Наконец-то Предвечный дал мне его в руки, так как принудил Давида засесть в городе со стенами, воротами и засовами». Поэтому Саул приказал всему народу пойти походом на Киллу, осадить ее и, схватив Давида, убить его. Когда Давиду было сообщено об этом, а также стало известно от Господа Бога, что если он останется у жителей Киллы, они выдадут его Саулу, то он вместе со своими четырьмястами товарищами покинул город и удалился в пустыню, расположенную выше так называемой степи Энгедаин[46]. Когда же царь узнал, что Давид удалился из города килланцев, то отменил свое распоряжение относительно похода на него.

2. Затем Давид отправился оттуда дальше и прибыл в местность, носящую название Кены[47], в области Зиф[48]. Сюда явился к нему и сын Саула, Ионаф. После сердечного приветствия последний просил Давида не терять бодрости духа и смело смотреть в глаза будущему, потому что ему, Давиду, суждено впоследствии быть царем и иметь в своем распоряжении все военные силы евреев. При этом Ионаф указал, что

подобные результаты обыкновенно достигаются только путем больших усилий.

Обменявшись еще раз клятвенными обещаниями всю жизнь свою любить друг друга и призвав Господа Бога в свидетели того, что он никогда не нарушит этой клятвы и не поступит против нее, Ионаф расстался с Давидом, успев несколько утешить друга и успокоить его в его опасениях. Между тем жители города Зифа, желая угодить Саулу, послали последнему извещение, что Давид в настоящую минуту находится у них, и присовокупили о своей готовности выдать ему Давида, если бы царь пожаловал к ним: придется лишь занять несколько ущелий их страны, и тогда Давиду не представится ни малейшей возможности убежать куда бы то ни было. За такое их предложение выдать врага Саул выразил жителям Зифа свою признательность и обещал им в недалеком будущем награду за их к нему расположение. Вместе с тем он выслал к ним отряд для обыска всех потайных мест пустыни и для поимки Давида и сообщил при этом, что он сам вскоре явится вслед за своим передовым отрядом. При этом зифитяне предложили царю свои услуги не только в качестве проводников при отыскании и поимке Давида, но и обещали выказать царю свое особенное расположение и свою преданность тем, что изо всех сил поспособствуют поимке врага. Однако злому и гнусному намерению зифитян не суждено было осуществиться. Они ничего не потеряли бы, если бы не открыли Саулу местопребывания Давида. Но так как они из угодливости к царю и из желания наживы изменили человеку, особенно угодному Господу Богу и совершенно напрасно подвергавшемуся смертельной опасности, тогда как он мог отлично укрыться у них, и обещали Саулу выдать его, то Давид, узнав о гнусности зифитян и о нашествии царя, тотчас покинул ущелья их страны и бежал на высокую скалу, находившуюся в пустыне Маонской[49].

3. Саул тем временем продолжал свое преследование. Узнав в пути, что Давид ушел из теснин, он направился к другой стороне утеса. Давид едва было не попал во власть Саула, когда последнего отвлекло от его преследования известие, что филистимляне вновь вторглись в страну еврейскую. Ввиду этого Саулу пришлось пойти на этих природных врагов евреев, так как он считал более необходимым отразить напа-

денне их, чем гнаться за личным врагом, дальнейшее преследование которого могло бы при данных обстоятельствах повлечь за собой разорение и гибель всей страны.

4. Неожиданно избегнув таким образом опасности, Давид снова вернулся в ущелья Энгедаина. Между тем Саул успел прогнать филистимлян и получить извещение, что Давид вновь находится в пределах Энгедаина. Царь тотчас отправился на поиски за врагом, став во главе отборного отряда из трех тысяч тяжеловооруженных. Подойдя уже близко к цели своего похода, Саул увидал в стороне от дороги обширную и глубокую пещеру, которая далеко входила в гору. В этой пещере случайно спрятался как раз в то время Давид со своим отрядом в четыреста человек. Побуждаемый естественной нуждой, Саул один ушел в эту пещеру. Когда один из людей Давида заметил Саула и, сказав об этом Давиду, указал на то, что сам Господь Бог дает случай отомстить врагу, причем советовал отрубить Саулу голову и тем самым раз и навсегда избавиться от всех беспокойств и несчастий, то Давид подошел к Саулу сзади и отрезал ему только край плаща, в который был облачен Саул; в эту минуту в голове его немедленно мелькнула мысль, что безнравственно было бы умертвить своего властелина, да еще вдобавок признанного царем самим Предвечным. «Ведь если, — подумал Давид, — этот человек поступает гнусно по отношению к нам, то из этого еще не следует, чтобы и мне поступать так же относительно его». Когда же затем Саул вышел из пещеры, Давид вышел вслед за ним и закричал громко, прося выслушать его. Царь обернулся, Давид пал перед ним ниц, как подобало перед царем, и сказал:

«О царь, не следует тебе слушаться гнусных клеветников, выдумывающих небывальщины и сплетни, а также благосклонно верить им и подозревать во всем скверном наиболее преданных тебе людей, но следовало бы на основании фактов судить о расположении к тебе всех тех лиц, с которыми ты приходишь в соприкосновение. Навет ведь обманчив, тогда как истинным показателем отношений являются лишь факты; ведь слово в одинаковой мере может быть верным и ложным, тогда как одни поступки раскрывают голую истину. И вот из всего этого вывод: тебе следует наконец убедиться, что я предан тебе и дому твоему, а не доверять людям, обви-

няющим меня в таких деяниях, о которых я даже не помышлял и не мог помышлять, и столь натравливающим тебя на меня, что ты и днем и ночью помышляешь только о том, как бы лишить меня жизни; а между тем ты совершенно неосновательно домогаешься моей смерти. Как могло прийти тебе на ум совершенно ложное подозрение, будто я ищу случая убить тебя? Как тебе не грешно перед Богом считать своим врагом и домогаться смерти человека, который сегодня вполне легко мог наказать и умертвить тебя, но не захотел этого, как не пожелал воспользоваться представившимся случаем, тогда как, если бы тебе выдался такой случай по отношению ко мне, ты никоим образом не упустил бы его? Ведь раз я отрезал край твоей одежды, я мог бы отрубить тебе и голову». При этих словах Давид, для подтверждения истинности их, показал царю отрезанный лоскуток и продолжал: «Тем не менее я воздержался от справедливого отмщения тебе, тогда как ты не гнушаешься питать ко мне совершенно необоснованную ненависть. Пусть же будет Господь Бог судьей между нами, и пусть Он постановит решение относительно образа действий каждого из нас».

Саул был поражен своим неожиданным спасением, сдержанностью и силой воли юноши и громко зарыдал; когда же и Давид заплакал, то царь сказал, что плакать приходится одному ему, Саулу. «Ведь ты, — заметил он Давиду, — стал моим благодетелем, тогда как я причинял тебе одно только горе. Сегодня ты показал, что в тебе еще живо чувство справедливости наших предков, которые требовали спасения врагов своих, застигнутых в безвыходном положении. Теперь я убеждаюсь, что Предвечный приуготовляет тебя к царской власти и что ты будешь править над всеми евреями. Посему (прошу тебя) дай мне клятвенное обещание не губить моего потомства и не умерщвлять, в воспоминание о моих злодеяниях, моего рода, но пощадить меня и принять весь дом мой под свое покровительство».

Давид поклялся ему в этом, сообразно его желанию, и затем отпустил Саула в его владения, сам же со своими товарищами ушел в теснины масферонские[50].

5. Приблизительно в это же время умер и пророк Самуил, человек, пользовавшийся среди евреев совершенно необычайным почетом. Об его добродетели и о расположении к

нему народа свидетельствовали как продолжительный траур, который носил по нему народ, так и общее ревностное участие, которое все приняли в сооружении в честь его соответствующего памятника. Похоронили его в его родном городе Армафе и в течение очень продолжительного времени оплакивали его, причем эта общая скорбь не походила на траур, который носят по чужому человеку, но была такова, как будто бы каждый оплакивал своего собственного, близкого родственника. И правда, Самуил был человеком праведным и добрым и по этой причине особенно мил Господу Богу. Он один правил и руководил народом после смерти первосвященника Илии в продолжение двенадцати лет, а затем при воцарении Саула еще восемнадцать. Такова была кончина Самуила.

6. Вблизи Зифа жил происходивший из города Еммы[51] зажиточный и даже богатый человек, имевший стадо в три тысячи голов овец и в тысячу коз. Давид приказал своим товарищам не трогать этих стад и не наносить им вреда и строго наказывал им не поддаваться искушению из нужды или из соображения, что в пустыне их поступок легко мог бы остаться незамеченным, но выше всего этого ставить безукоризненную честность, в силу которой даже прикосновение к чужому добру является правонарушением, противным Господу Богу. Эти наставления дал Давид своим товарищам в уповании, что тем самым угодит порядочному и достойному такой заботливости человеку. Между тем Навал (так звали владельца стад) оказался человеком грубым и непорядочным, с собачьими наклонностями и привычками; впрочем, его жена была женщиной добродетельной, разумной и вдобавок миловидной. К этому-то Навалу Давид как раз в то время, когда происходила стрижка овец, послал десять товарищей своих для того, чтобы они передали Навалу привет Давида и пожелание благополучия еще на долгие годы. При этом Давид наказал своим людям попросить Навала дать им, если возможно, несколько штук овец, потому что Навал должен знать от своих пастухов, что люди Давида не только не трогали его стада, но даже охраняли последнее, равно как и пастухов его, несмотря на то, что уже долгое время скитались по пустыне. Поэтому, говорили они, Навалу не придется раскаяться, если он подарит Давиду несколько голов скота.

Когда посланцы в точности исполнили возложенное на них поручение, то Навал отнесся к ним крайне нелюбезно и даже грубо; спросив, кто такой Давид, и получив в ответ, что это сын Иессея, он сказал: «Теперь я вижу, как нахальны и дерзки беглецы и рабы, удравшие от своих господ». За такие слова Давид страшно рассердился на Навала, взял с собой четыреста вооруженных, а двести оставил для охраны имущества (у него было тогда уже шестьсот человек войска) и пошел походом на Навала, поклявшись этой же еще ночью разрушить до основания его дом и захватить все его имущество. Давид был возмущен не только тем, что Навал оказался человеком неблагодарным и непризнательным по отношению к тем людям, которые обошлись с ним столь деликатно, но и главным образом тем обстоятельством, что он позволил себе оскорбление и сквернословие по отношению к людям, не причинившим ему ни малейшего вреда.

7. Между тем один из рабов, служивших у Навала в пастухах, рассказал жене своего хозяина, как Давид послал к ее мужу и как тот не только не отнесся сочувственно к его желанию, но и оскорбил его страшными поношениями, несмотря на то, что люди Давида всегда относились дружелюбно к его пастухам и даже оберегали их. Это, продолжал раб, не пройдет хозяину даром. Услыхав все это, Авигея (так звали жену Навала) распорядилась немедленно оседлать ослов и нагрузить их различными подарками и, не сказав мужу, который в то время был совершенно пьян, ни слова, сама отправилась к Давиду. С последним она встретилась в одном ущелье, куда тот вошел со своими четырьмястами воинами во время похода на Навала. Увидев Давида, Авигея сошла с мула и пала на землю, прося не относиться слишком строго к словам ее мужа, который ведь, как известно, недаром носит свое имя (Навал означает по-еврейски — дурак), и извиняясь за себя лично тем, что сама она даже не видала посланцев Давида. «Поэтому прости меня, — сказала она, — и благодари Господа Бога за то, что Он удержал тебя от обагрения рук твоих человеческой кровью. Ведь если ты останешься незапятнанным, Предвечный сам накажет всех людей, обижающих тебя. То возмездие, которого избегнет теперь Навал, да падет на главу врагов твоих. Поэтому будь милостив ко мне, удостой меня принятия этих моих подарков и оставь ради

меня свою злобу и гнев свой на моего мужа и на весь дом его. Ведь тебе, раз ты собираешься быть царем, и без того следует быть мягкосердечным и человеколюбивым». Давид принял подарки и сказал: «Тебя, женщина, привел сегодня ко мне всемилосердый Господь Бог. Ты не увидала бы завтрашнего дня, потому что я поклялся еще сегодняшней ночью разрушить дом Навала и никого из вас не пощадить за такую гнусную неблагодарность мужа твоего ко мне и моим товарищам. Но теперь Господь Бог оберег тебя, надоумив предупредить мое нашествие и смягчить мой гнев. Впрочем, хотя Навал благодаря тебе теперь и избегнет заслуженного наказания, оно все-таки в другой раз постигнет его, потому что его погубит по какому-нибудь другому поводу его же собственный тяжелый характер».

8. С этими словами Давид отпустил женщину домой. Когда она вернулась к себе и нашла своего мужа за вином и уже пьяным в большой компании, она ему пока ничего не рассказала о случившемся; на следующий же день, когда Навал успел протрезвиться, она сообщила ему обо всем, и этот рассказ так на него подействовал и так поразил его, что у него онемели все члены тела. Прожив затем еще не более десяти дней, Навал скончался. Узнав об его смерти, Давид сказал, что его совершенно справедливо постигла кара Божья, потому что смерть Навала явилась следствием его собственной испорченности. При этом Давид был доволен, что наказание постигло его врага, не осквернив рук Давида кровью. При этом случае Давиду еще раз пришлось убедиться в том, что грешники преследуются Господом Богом, Который не оставляет без должного возмездия ни одного человеческого проступка, воздавая людям добродетельным добром за добро и жестоко наказывая провинившихся.

Вскоре затем Давид отправил к вдове Навала посланных с предложением вступить с ним в брак. Авигея на это ответила посланным, что считает себя недостойной прикоснуться даже к ногам Давида, но все-таки прибыла к нему со всей своей челядью и вступила в брак с ним. Этой чести удостоилась Авигея не только за свое разумное отношение к делу Навала и за врожденное ей чувство справедливости, но и за свою красоту. Кроме нее, у Давида раньше была и другая жена, которую он взял из города Авессара[52]. Бывшую же жену Да-

вида, Михалу, дочь царя Саула, последний выдал за происходившего из города Гефлы[53] Фелтия, сына Лиса.

9. После этого несколько жителей Зифа явились к Саулу и заявили ему, что Давид опять находится в пределах их владений и что они могут, если царь желает помочь им в этом, поймать его. Тогда Саул выступил против Давида с тремя тысячами вооруженных и с наступлением ночи расположился лагерем в местности, носившей название Секелы[54]. Когда Давид узнал, что Саул идет на него, он выслал лазутчиков с поручением выведать, куда успел пройти Саул. Получив ответ, что царь расположился на ночевку в Секеле, Давид спрятал своих воинов, а сам в сопровождении своего (от сестры Саруи) племянника Ависея и хеттеянина Ахимелеха пробрался в лагерь Саула. Царь уже спал, и вокруг него спали воины его и полководец Авеннир. Однако Давид, узнавший ложе царя по копью, которое было воткнуто рядом с ним, ни сам не убил Саула, ни позволил сделать это собиравшемуся уже придушить его Ависею, мотивируя такое запрещение тем, что большой грех убивать поставленного самим Господом Богом царя, хотя бы это был даже очень гнусный человек (потому что Тот, Который даровал ему царскую власть, со временем успеет и наказать его). Ввиду таких соображений они воздержались от всяких насильственных действий, а в знак того, что, хотя им представлялась полная возможность убить Саула, они все-таки не сделали этого, они захватили его копье и флягу с водой, которая стояла около ложа Саула; затем они незаметно, так как все в стане спали глубоким сном, вышли из лагеря, несмотря на то, что Давид имел возможность сделать с царем все, что угодно, так как к тому представлялся удобный случай, да и смелости было довольно у Давида. Перейдя затем на другую сторону ручья и взобравшись на вершину горы, откуда его голос мог бы быть слышнее, Давид громко кликнул воинов Саула и полководца Авеннира по имени и разбудил этим всех от сна. Когда полководец услышал, что его зовут по имени, и спросил, кто зовет его, то получил в ответ: «Это я, Давид, сын Иессея, ваш беглец. Но почему ты, занимающий столь важное и почетное место при царе, так небрежно исполняешь свои обязанности телохранителя и отчего тебе сон приятнее охраны царя и заботы о нем? Ведь то обстоятельство, что вы не заметили, как

только что проникли в лагерь к царю вашему некоторые из врагов ваших, а за ними могли бы последовать и все остальные, достойно смертной казни. Поищи-ка копья царя и его фляги с водой, и ты увидишь, что за ужасная вещь случилась внутри вашего стана без того, чтобы вы ее заметили». Когда Саул узнал голос Давида, а также то, что он застиг его в глубоком сне и тем не менее, несмотря на отсутствие охраны, не только не умертвил его, но пощадил его, хотя имел полное право убить его, то воскликнул, что он отблагодарит Давида за это, и стал просить последнего не бояться его больше и смело возвратиться домой. Царь при этом сказал, что теперь он вполне убедился в том, что Давид любит его больше, чем любит себя он сам, потому что в то время, как он мог бы иметь его при себе и пользоваться неоднократными проявлениями к нему преданности, он прогнал от себя Давида, заставил его прожить столько времени в изгнании и в постоянном душевном волнении, без друзей и родственников, причем не только неоднократно был пощажен им, но даже обязан ему своей жизнью, хотя он очевидно мог его лишить ее. Давид, в свою очередь, просил прислать человека за копьем и флягой и сказал, что судьей в их взаимных отношениях будет сам Господь Бог, «Который знает, что я и сегодня не убил тебя».

10. Избежав таким образом вторично смерти от руки Давида, Саул вернулся домой в свою резиденцию, тогда как Давид, все-таки опасавшийся, как бы Саул не велел схватить его, если бы он еще оставался в этом месте, считал более благоразумным уйти в пределы владений филистимлян и жить там. Поэтому он отправился со своими шестьюстами сподвижниками к царю Гитты, одного из пяти филистейских городов, Анхусу. Так как этот царь принял его с войском дружелюбно и предоставил ему у себя право жительства, то Давид поселился вместе со своими двумя женами, Ахимою и Авигеей, в Гитте. Когда Саул узнал об этом, он уже более не думал высылать против Давида свое войско или самому выступать против него, потому что ему уже дважды пришлось самому подвергнуться большой от него опасности в то время, как он рассчитывал поймать Давида. Но и Давид не захотел оставаться в городе Гитте и просил поэтому царя, уже раз оказавшего ему любезность и радушный прием, сделать ему

еще одно удовольствие, а именно — предоставить ему для жительства какую-нибудь местность внутри его страны, потому что Давид боялся, живя в городе, стать царю как-нибудь в тягость или затруднить его. И вот Анхус предоставил ему селение Секелу, которое Давид так полюбил, что впоследствии, когда он достиг царской власти, как он сам, так и его потомки смотрели на Секелу как на свою любимую личную собственность. Но об этом мы будем говорить ниже, в другом месте.

Время, которое Давид прожил в филистейском селении Секеле, обнимало четыре месяца и двадцать дней. В течение этого периода Давид предпринимал внезапные походы на соседей филистимлян, серритян и амалекитян, разграблял их владения, забирал в виде добычи множество волов и верблюдов и возвращался затем домой. Людям он при этом не причинял никакого насилия, боясь, как бы не извратили в донесениях царю Анхусу об этих походах истинного смысла последних. Впрочем, Давид всегда посылал при этом часть добычи в дар Анхусу. Когда же царь осведомлялся, откуда у Давида такая добыча, то тот отвечал, что она взята им у евреев, живших к югу от него и на равнине. Этому Анхус охотно верил, потому что надеялся, что Давид будет всегда и впредь ненавидеть свой народ и что он, Анхус, со своей стороны, будет иметь в нем верного слугу в продолжение всего того времени, в течение которого он останется в пределах его владений[55].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. В то же самое время филистимляне опять решили пойти походом на израильтян и стали поэтому рассылать всем своим союзникам приглашение собраться на войну в Ренгу[56], чтобы уже оттуда напасть соединенными силами на евреев. Царь Гитты, Анхус, предложил и Давиду с его собственными воинами принять в качестве союзников участие в походе против евреев. Когда Давид охотно выразил свое согласие, указывая на то, что теперь наступил наконец момент, когда ему будет возможно отблагодарить Анхуса за его доброе к нему отношение и за гостеприимство, царь обещал Давиду сделать его после удачного исхода войны своим телохраните-

лем, имея в виду обещанием такой почетной и доверенной должности еще более расположить его к себе.

2. Между тем случилось, что царь еврейский Саул изгнал из страны своей всех прорицателей, чревовещателей и лиц, занимавшихся подобными профессиями, за исключением пророков[57]. Узнав, что филистимляне уже успели вторгнуться в его пределы и расположились станом в непосредственной близости к городу Суне[58], расположенному в низменности, он выступил против них во главе всех своих войск. Достигнув горы, известной под именем Гелвуи[59], Саул стал лагерем как раз против врагов своих и страшно испугался, не того, впрочем, что очутился в столь близком соседстве с неприятелем, но того, что войска последнего были многочисленнее и очевидно сильнее его собственных. Поэтому Саул вопросил при посредстве пророков Господа Бога относительно исхода боя. Когда же ответа от Предвечного не последовало вовсе, то Саул испугался еще более и совершенно пал духом, ясно предвидя неизбежное поражение, если Господь Бог не окажет ему поддержки. Поэтому он приказал отыскать себе какую-нибудь прорицательницу и вызывательницу душ усопших, чтобы таким образом узнать, что ожидает его впереди. Дело в том, что лица, принадлежащие к разряду предвещателей, умеют вызывать души умерших и при помощи последних предсказывать желающим будущее. Саулу было сообщено кем-то из приближенных, что в городе Эндоре имеется такая женщина. Тогда он переоделся в простую одежду, захватил с собой двух вполне преданных ему слуг и тайно от всех находившихся в лагере явился в Эндор к прорицательнице с просьбой погадать ему и вызвать для него душу того усопшего, которого он ей сам укажет. Но волшебница стала отказываться, говоря, что она не станет нарушать приказания царя, изгнавшего из пределов своей страны весь класс прорицателей, и что он сам, хотя она и не подавала ему повода к тому, желает ее гибели, подбивая ее к такому нарушению, которое запрещено и за которое, если ее накроют, придется отвечать жизнью. Но Саул поклялся ей, что об этом никто не узнает, так как он об ее гаданье не сообщит никому, и что она может быть на этот счет вполне спокойна. Уговорив ее путем таких клятвенных уверений, Саул потребовал вызова тени Самуила. Гадалка, не зная, кто такой Самуил,

стала вызывать тень его из преисподней, и когда эта тень появилась и женщина с ужасом увидала величественную и боговдохновенную фигуру, то, пораженная этим зрелищем, обратилась к Саулу с вопросом: «Не ты ли царь Саул?» Так поступить повелел ей дух Самуила. Когда Саул ответил на вопрос заклинательницы утвердительно и вместе с тем спросил, почему она так испугана, женщина отвечала, что видит подымающуюся из земли величественную фигуру. На приглашение описать внешность и указать возраст видения она сказала, что это горделивой осанки старик, облаченный в священническую одежду. Царь тотчас узнал Самуила, которого он почтительно приветствовал, пав ниц на землю. Когда же дух Самуила спросил, почему его потревожили и ради чего заставили подняться из преисподней, Саул стал жаловаться на то, что сделал это в крайности: жестокие враги напали на него, сам же он совершенно потерял голову в своем бедственном положении, так как Господь Бог покинул его и он не может от Него добиться предсказания ни через пророков, ни путем сновидений. «Вот почему я и решился прибегнуть к тебе за советом», — сказал Саул в заключение. Самуил же, зная, что уже наступает конец Саулу, ответил, что последний совершенно напрасно желает от него узнать о будущем, раз сам Господь Бог покинул его. «Впрочем, услышь от меня, — сказал он, — что царствовать придется Давиду, которому и суждено удачно закончить эту войну. Ты же потеряешь власть и жизнь, сообразно тому, как я предсказал тебе это еще при своей жизни, за то, что ты ослушался Господа Бога во время войны с амалекитянами и не поступил сообразно с Его повелениями. Поэтому знай, что народ твой будет побит врагами, ты сам с сыновьями своими падешь в битве и завтра же будешь там же, где я теперь»[60].

3. Когда Саул услышал это, то онемел от горя, а затем упал в обморок, от которого легко мог бы умереть, потому что на него столь сильно повлияло скорбное предсказание, или даже оттого, что он страшно отощал (за все предшествовавшие сутки он не брал в рот пищи). С трудом приведя его наконец в чувство, женщина стала упрашивать Саула поесть немного, прося об этом, как об единственном вознаграждении за ее труд по вызову тени, труд опасный и предпринятый ею только из чувства страха, при полном неведении, кто такой Саул.

Итак, в виде возмездия за свою работу она просила его лишь присесть к столу и отведать пищи, чтобы подкрепить хоть немного силы и иметь возможность благополучно добраться до своего лагеря. Хотя Саул и отклонил это предложение и в своем унынии положительно отказывался от всякой пищи, она его наконец все-таки уговорила и склонила исполнить ее просьбу. Она была бедна, жила трудом рук своих и имела одного только теленка, которого очень любила и которого вскормила в своем доме. Этого-то именно теленка она теперь зарезала и, зажарив, предложила его мясо Саулу и его слугам. Затем Саул отправился в обратный путь и еще той же ночью прибыл в свой лагерь[61].

4. Здесь будет вполне уместным подчеркнуть доброту и человеколюбие этой женщины; хотя царь запретил и ей занятие гаданием, которым она была бы в состоянии снискать себе лучший заработок и лучше устроить жизнь свою, и хотя она его раньше никогда не видала, она тем не менее не питала к нему злобы за причиненный ей таким запрещением убыток и не только не отказала ему, чужому и совершенно незнакомому ей человеку, но даже почувствовала сострадание к нему и старалась утешить его в постигшем его чрезмерном горе и убеждала его, несмотря на его к этому отвращение, принять несколько пищи, причем охотно предложила ему для этого единственное, что имелось в ее убогом доме. Все это сделала она с чрезвычайной готовностью, нисколько не рассчитывая ни на какое за то вознаграждение и не стараясь снискать тем благоволение царя на будущее время, потому что слышала, что ему придется скоро умереть. Так поступила она вопреки обычаю других людей, которые оказывают услуги либо в расчете получить воздаяние за это, либо в уповании на возможность как-нибудь иначе иметь выгоду от своего образа действий в настоящую минуту. Поэтому поступок этой женщины заслуживает полного сочувствия, и хорошо, если, по ее примеру, мы станем оказывать поддержку всем, кто впал в стесненное, бедственное положение. Нет ничего лучшего и более человечного, чем этот ее поступок, и ничем мы не смогли бы снискать себе большего благоволения и расположения со стороны Господа Бога.

Но сказанного об этой женщине довольно. Зато я здесь скажу еще нечто, что может быть полезно для государств,

народов и отдельных лиц, что понравится всем хорошим людям и что в состоянии, быть может, заставить всех стремиться к добродетели и искать того, что сможет доставить человеку истинную славу и добрую по себе память. Это указание мое, быть может, придаст царям над народами и управителям государств больше рвения и стремления к совершению таких славных подвигов, ради которых они готовы будут подвергнуться величайшим опасностям и предпочтут всему другому даже смерть за родину, так как это указание заставит их презрительно относиться ко всяким ужасам. Поводом к этому является у меня личность еврейского царя Саула. Хотя последний, благодаря предсказанию пророка, и знал, что случится и что ему угрожает неминуемая смерть, он все-таки не только не захотел спастись бегством и для личной безопасности предоставить своих товарищей на избиение врагам — этим было бы запятнано также его собственное царское достоинство, — но и ринулся всем домом, вместе с сыновьями своими в самый центр опасности, считая своим долгом пасть вместе с детьми в честном бою за своих подданных и предпочитая видеть доблестную смерть сыновей своих, чем оставить их после себя на неопределенную в будущем участь. Он предпочитал оставить вместо потомства и наследников славу и непорочную по себе память. Поэтому-то я полагаю, что Саул был человеком исключительным: справедливым, храбрым и рассудительным, и если кто-нибудь другой явится с его качествами, то он, за свою добродетель, будет достойным всеобщего почитания[62]. Я никак не могу согласиться с мнением историков, повествующих в своих сочинениях о необычайной храбрости тех людей, которые, выступив на войну с наилучшими обещаниями (относительно удачного ее окончания), победив врагов и вернувшись домой целыми и невредимыми, будто бы совершили из ряда вон выходящий подвиг. Конечно, и такие люди достойны похвалы, но истинными героями, храбрецами и бесстрашными воителями могли бы по праву быть названы лишь те, которые походят в этом отношении на Саула: не служит еще доказательством чрезмерной храбрости, хотя бы и пришлось совершать значительные подвиги, если человек в неведении, что его ожидает на войне, выступает на нее наугад; но я считаю доказательством положительного геройства, если чело-

век, не только не ожидая удачного исхода боя, но в твердой заранее уверенности, что ему придется пасть в битве, все-таки ничего не боится, ни перед чем не отступает и смело идет навстречу ожидающей его опасности. Между тем именно таким-то образом и поступил Саул, показав, что все те, кто добивается почетной известности после своей смерти, должны поступать именно таким образом, чтобы оставить по себе заслуженную славу, особенно цари, так как, вследствие значительности их власти, им приходится не только ни в чем не отставать от своих подданных, но и подавать им в особенно значительной степени наилучшие во всем примеры.

Я мог бы еще дольше остановиться на прекрасных чертах характера Саула, так как нет недостатка в его заслугах; но чтобы не казалось, будто мы уж чрезмерно превозносим его своими похвалами, я вернусь к дальнейшему повествованию.

5. Когда филистимляне, как я уже упомянул, расположились станом, подсчитав свои набранные из разных народов, царств и провинций силы, то, наконец, к ним примкнул и царь Анхус со своим собственным войском и в сопровождении Давида с его шестьюстами тяжеловооруженных товарищей. Увидев Давида, военачальники филистимлян стали расспрашивать царя (Анхуса), откуда явились эти евреи и кто призвал их. Тот ответил, что это Давид, который бежал от своего властелина, Саула, и, придя к Анхусу, был принят им, а теперь, желая отблагодарить его за оказанную услугу и отомстить Саулу, примкнул к их войску. Но Анхус этим объяснением навлек на себя неудовольствие военачальников, которые стали укорять его за то, что он принял к себе в качестве союзника врага, и советовали ему отослать Давида обратно, потому что под видом помощи у того может скрываться тайное желание оказать своим друзьям большой вред и таким образом иметь предлог для примирения со своим государем. Ввиду таких соображений военачальники требовали немедленной отсылки Давида с его шестьюстами товарищами назад в то место, которое Анхус предоставил им для жительства, потому что ведь это тот самый Давид, который, по хвалебным гимнам девушек, убил множество десятков тысяч филистимлян. Услышав эти соображения и признав их вполне правильными, царь Гитты призвал к себе Давида и сказал ему: «Я, со своей стороны, могу тебе заявить, что верю в пол-

ную твою ко мне преданность и любовь; ввиду этого я и взял тебя с собой на войну в качестве союзника. Но не так смотрят на дело остальные полководцы. Поэтому возвратись еще сегодня в то место, которое я предоставил тебе для жительства, не подозревай меня ни в чем дурном и охраняй там страну мою, чтобы в нее не вторглись какие-нибудь враги. Такого рода дело тоже достойно союзника».

Поэтому Давид по приказанию царя Гитты возвратился в Секелу; между тем в то самое время, как Давид отправился на помощь к филистимлянам, на Секелу нагрянули амалекитяне, взяли ее силой, подожгли ее и, захватив здесь и в других филистейских владениях богатую добычу, вернулись домой.

6. Найдя Секелу совершенно разрушенной и разграбленной и видя, что обе его жены, равно как жены и дети его товарищей, захвачены в плен, Давид с горя разорвал свою одежду и предался ввиду постигшего его бедствия такому отчаянию и так заплакал, что вскоре у него не хватило и слез. Вместе с тем он чуть было не подвергся опасности со стороны своих товарищей, которые, в отчаянии, что их жены и дети уведены в рабство, готовы были побить его камнями насмерть, потому что считали виновником всего несчастья именно Давида. Придя несколько в себя от постигшего его горя и вознесясь мыслью к Господу Богу, Давид предложил первосвященнику Авиафару надеть на себя облачение и, вопросив Предвечного, сказать, даст ли Он евреям возможность при погоне настичь амалекитян, отбить у них захваченных ими жен и детей и наказать врагов. Так как со стороны первосвященника последовал ответ положительный, то Давид бросился во главе своих шестисот воинов в погоню за неприятелями. Достигнув ручья, носившего название Васела, и совершенно случайно найдя там какого-то заблудившегося египтянина, совсем истощенного лишениями и голодом (так как человек этот в продолжение трех дней блуждал без пищи по пустыне), Давид сперва подкрепил его силы пищей и питьем, а затем стал расспрашивать его, кто он и откуда. Тот ответил, что он египтянин и был брошен тут своим господином, так как по болезни не мог дальше следовать за ним; при этом он пояснил, что находился в числе тех, которые подожгли и разграбили Секелу и другие иудейские поселения. Давид тотчас употребил этого человека в качестве про-

водника к месту расположения амалекитян и напал на них в то время, как они лежали на земле отчасти за едой, отчасти уже пьяные от вина, отчасти наслаждаясь обществом захваченных в виде добычи пленниц. Давид нагрянул на них совершенно неожиданно и учинил среди них страшную резню, что было тем легче, что все они были безоружны, не ожидали ничего подобного и направили все свои помыслы исключительно на пьянство и на разгул. Некоторые из амалекитян были перерезаны в то самое время, как они сидели еще за столами, так что кровь их обагрила стоявшие на столе кушанья, другие были перебиты в тот момент, когда они пили за здоровье своих собеседников, третьи, наконец, пали под ударами мечей, погруженные в глубокий сон от чрезмерного употребления вина. Все те же, которым второпях удалось надеть на себя оружие и которые стали оказывать Давиду сопротивление, были убиты так же без труда, как и безоружные, лежавшие на земле. Спутники Давида провели за этой резней весь день, с утра до наступления вечера, так что от всей массы амалекитян не уцелело более четырехсот человек, которым удалось вскочить на своих верблюдов и спастись бегством. Таким образом Давид вернул назад все то имущество, которое захватили у евреев враги, а также освободил своих жен и жен товарищей.

Когда на возвратном пути евреи прибыли на то место, где они оставили двести товарищей своих для охраны имущества, то остальные четыреста не хотели отдать последним известной части добычи, мотивируя это тем, что они не согласились вместе с ними преследовать врагов, но предпочли спокойное безделье, и предоставляя им теперь удовлетвориться лишь получением обратно своих освобожденных из плена жен. Но Давид вмешался в это дело и заявил, что такое решение гнусно и несправедливо, потому что, раз Господь Бог даровал им победу над врагами и дал им возможность вернуть свое имущество, следует разделить всю добычу поровну как между участвовавшими в походе, так и между теми, которые остались для охраны остального добра. С тех пор установился среди них закон, в силу которого одинаковую часть добычи получали как участники походов, так и охранители имущества. Прибыв в Секелу, Давид разослал часть добычи всем своим сородичам и приверженцам в области колена Иудова.

Так произошло разрушение Секелы и избиение амалекитян.

7. Между тем филистимляне сошлись с израильтянами в очень ожесточенной битве, победили евреев и перебили множество их. Царь же израильский, Саул, и его сыновья сражались доблестно и с полнейшим самоотвержением, потому что вся их слава заключалась в том только, чтобы доблестно умереть, нанеся врагам своим по возможности больший урон. Другого они ничего не добивались. Поэтому они ринулись в самый центр врагов, были немедленно окружены со всех сторон и, умертвив множество филистимлян, пали как доблестные воины. То были сыновья Саула, Ионаф, Аминадав и Мелхис.

Когда они пали, войска евреев дрогнули, произошли страшное смятение и свалка, наконец, бегство и смерть от руки налегавших на них неприятелей. Бежал также и Саул с толпой своих приближенных и, так как филистимляне выслали в погоню за ними всех своих копейщиков и стрелков, то почти все спутники Саула были убиты. Сам же Саул бился отчаянно и получил такое множество ран, что он не был более в состоянии выдерживать натиск и даже стоять на ногах. Не имея сил убить самого себя, царь приказал своему оруженосцу извлечь меч и поразить им его раньше, чем он попался бы в руки врагов; но так как оруженосец не решался убить своего господина, то Саул взял свой собственный меч и, укрепив его рукояткой в земле, бросился на него. Однако у него не хватило сил пронзить себя насквозь. Поэтому царь обратился к тут же стоявшему юноше и, узнав, что он амалекитянин, просил его прикончить его, так как он сам уже более не в состоянии сделать это, и тем доставить ему тот род смерти, который в его глазах являлся наиболее желательным. Юноша исполнил желание Саула, затем снял с него золотое запястье и царскую корону и бежал с этим. При виде смерти Саула его оруженосец убил самого себя. Никому из телохранителей царя также не удалось спастись, так как все они пали у горы, носящей название Гелвуи.

Когда евреи, занимавшие долину по ту сторону Иордана и жившие в городах на равнине, узнали, что Саул и его сыновья пали и что погибло все их войско, то они покинули города свои и стали спасаться бегством в укрепления. Филистим-

ляне же между тем заняли покинутые и совершенно опустевшие поселения их.

8. Когда на следующий день филистимляне принялись обыскивать трупы врагов, то они натолкнулись также и на тело Саула и его сыновей. Ограбив их, они отрубили им головы и послали затем по всей стране извещение о том, что враги их пали в битве. Взятое оружие они принесли в дар храму Астарты, а трупы неприятелей пригвоздили к крестам около стен своего города Вифсана, который теперь носит название Скифополя. Когда же жители галаадского города Иависса услышали о поругании, которому подверглись трупы Саула и его сыновей, то сочли невозможным и безобразным оставить эти трупы без погребения. Поэтому самые храбрые и бесстрашные мужи города (а тут имелось множество силачей и людей отчаянных) отправились в путь и, пройдя всю ночь, прибыли к Вифсану, подошли к стенам вражеского города и, сняв тела Саула и его сыновей, повезли их к себе в Иависс без того, чтобы враги смогли или осмелились воспрепятствовать им в этом. Затем жители Иависса устроили пышные похороны для этих трупов и погребли их в самой красивой местности своих владений, в так называемой Арure. В продолжение семи дней они с женами и детьми глубоко скорбели и плакали о царе и его сыновьях и не прикасались ни к пище, ни к питью.

9. Таков был конец Саула сообразно предсказанию Самуила за ослушание повелений Господа Бога, которые Предвечный дал ему относительно амалекитян, и за то, что он не только загубил семью первосвященника Ахимелека, но и его самого и разрушил город первосвященнический. При жизни Самуила Саул царствовал восемнадцать лет, а после его смерти двадцать два года[63]. Так окончил жизнь свою Саул[64].

Книга седьмая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как Давид был царем одного колена в городе Хевроне и как над прочими коленами царствовал сын Саула.

2. Как, после убиения Саулова сына собственными его друзьями, Давид стал править всем государством.

3. Как Давид осаждал и занял Иерусалим, изгнал оттуда хананеев и поселил там иудеев.

4. Как он победил в Иерусалиме дважды выступавших против него филистимлян.

5. О дружбе Давида с сирийским царем Хирамом.

6. Как Давид воевал с соседними племенами и, победив их, налагал на них дань.

7. Бой Давида с жителями Дамаска и победа его над ними.

8. Как он пошел походом на месопотамцев и победил их.

9. О том, как в собственном доме Давида был устроен против него заговор и как царь, лишенный своим сыном престола, должен был бежать за Иордан.

10. Как Авессалом выступил против отца своего и погиб вместе со своим войском.

11. Как Давид вновь вернул себе царскую власть, стал вести спокойный образ жизни и назначил царем сына своего Соломона.

12. О смерти Давида, оставившего сыну своему для постройки храма большой запас серебра, золота и драгоценных камней.

Эта книга обнимает собой период в сорок лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Эта битва[1] произошла в тот же самый день, в который Давид вернулся в Секелу после своей победы над амалекитянами. На третий день после этого явился к Давиду с разорванной одеждой и посыпанной пеплом головой тот бежавший из битвы с филистимлянами амалекитянин, который убил царя Саула. Бросившись перед Давидом наземь, он на вопрос, откуда он прибыл в таком виде, ответил, что спасся бегством из боя израильтян, причем сообщил о несчастном

исходе сражения, в котором было перебито много десятков тысяч евреев и в котором пал их царь Саул со своими сыновьями. Сам он был свидетелем отступления евреев и находился во время его бегства вблизи царя, которого он лично и убил по его просьбе, когда тому угрожала опасность попасть в руки врагов: хотя царь бросился на меч свой, он, вследствие чрезмерного количества полученных ран, все-таки не имел сил сам покончить с собой. При этих словах амалекитянин показал Давиду для подтверждения факта смерти Саула золотое запястье царя и его корону, которые он снял с него, чтобы принести их Давиду. Последнему не приходилось более сомневаться в верности полученного известия, так как он имел перед глазами ясные доказательства смерти Саула; поэтому и он разорвал свою одежду и оплакивал целый день вместе со своими товарищами кончину царя. Особенно огорчала его смерть сына Саулова, Ионафа, который был его вернейшим другом и спас ему жизнь. При этом случае Давид опять выказал необычайную порядочность и преданность Саулу: несмотря на то, что он лично неоднократно подвергался со стороны последнего опасности (лишиться) жизни, он не только был удручен его смертью, но и решился достойным образом наказать убийцу. Так как этот сам признался в убиении царя и стал таким образом собственным своим изобличителем, да еще при этом оказался амалекитянином, то Давид приказал казнить его. Затем он написал на кончину Саула и Ионафа элегии и хвалебные похоронные песни, которые сохранились до моего времени[2].

2. Почтив таким образом память царя, Давид, по истечении срока траура обратился при посредстве пророка к Господу Богу с запросом, в каком городе колена Иудова ему следует поселиться. Получив указание на Хеврон, он покинул Секелу и переселился в назначенный город вместе с обеими женами своими и товарищами по оружию. Затем собрались все представители колена Иудова и провозгласили Давида царем. Когда же он узнал, что жители галаадского города Иависса предали земле тела Саула и его сыновей, он послал к ним посольство с выражением признательности за это их доброе дело и с обещанием вознаградить их за хорошее отношение к покойным. Вместе с тем он объявил им также о своем избрании в цари в колене Иудовом.

3. Когда же главный военачальник Саула, Авеннир, сын Нира, человек предприимчивый и храбрый, узнал о смерти царя, Ионафа и двух других царских сыновей, то бросился в укрепленный стан Саула, схватил остававшегося там царевича Иевосфа, переправил его на другую сторону Иордана и провозгласил его царем над всем еврейским народом за исключением колена Иудова. Резиденцией его он назначил местность, носящую по-еврейски имя Маналис, а по-гречески «укрепленный лагерь»[3]. Отсюда Авеннир двинулся затем с отборным войском в пределы области колена Иудова, потому что он негодовал на это колено за избрание Давида. Ему навстречу выступил по поручению Давида племянник его Иоав, сын сестры его Саруйи и Сурия, в качестве главного военачальника, и с ним его братья Авессей и Асаил со всеми войсками Давида. Прибыв к одной цистерне вблизи города Гаваона, Иоав стал готовиться к битве. Когда же Авеннир предложил ему испытать, чьи солдаты храбрее, то Иоав принял вызов, и с обеих сторон было решено выставить по двенадцати борцов. После этого, когда выступили на арену избранные обоими полководцами борцы, они начали с того, что бросили друг в друга копья, извлекли затем мечи и, схватившись друг с другом, стали поражать противников мечами в бок и распарывать друг другу животы, пока не пали все до единого, как будто сговорились покончить таким образом. Только они пали, остальные войска бросились друг на друга, и произошла ожесточенная битва, окончившаяся поражением людей Авеннира. Иоав не упустил случая пуститься в погоню за обратившимися в бегство врагами, сам принял в этом преследовании самое деятельное участие и велел своим воинам непосредственно следовать за ним и, не щадя неприятелей, перебить всех их. Также и братья его сражались с отчаянной храбростью, особенно же среди прочих выделялся младíший, Асаил, пользовавшийся громкой славой за быстроту бега (он, как говорят, превосходил в этом отношении не только людей, но и мог состязаться в быстроте бега с лошадью). С поразительной быстротой гнался он за Авенниром, не уклоняясь ни на шаг в сторону. Когда же Авеннир обернулся с намерением остановить его преследование и для этого сначала стал уговаривать его отступиться от этой погони и отнять вооружение у какого-нибудь простого воина, а за-

тем, когда Асаил не согласился на это, стал удерживать его, угрожая смертью и выставляя на вид, что в таком случае ему уже нечего будет ждать пощады от его брата (Иоава), Асаил все-таки не внял этим доводам и продолжал гнаться за Авениром. Тогда последний на бегу обернулся и ударил его так метко копьем, что Асаил тотчас же пал мертвый. Когда спутники Асаила в своей погоне за Авениром добежали до того места, где пал Асаил, то они окружили труп и уже более не преследовали врагов. Между тем сам Иоав и его брат Авессей промчались мимо этого места и еще более рассвирепели иа Авеннира за то, что тот явился виновником смерти их брата. Они неслись за Авениром с неимоверной быстротой и яростью и наконец уже при закате солнца достигли местности, носящей название Аммaты[4]. Тут они взобрались на высокий холм, находящийся в этой части владений колена Веньяминова, и остановились, чтобы осмотреть силы Авеннира. Последний стал громко кричать, что единоплеменникам не следует разжигать друг друга к борьбе и бою, и указал, что брат его Асаил сам виноват в своей смерти, так как не внял его совету прекратить преследование. Иоав согласился с этими доводами Авеннира, признал их правильными, начал потому сзывать своих воинов трубным сигналом и приостановил дальнейшую их погоню за врагами. Сам он затем расположился в этом месте лагерем на ночь; Авеннир же в течение всей ночи продолжал путь свой, переправился через Иордан и прибыл в «стан» к Иевосфу, сыну Саула. На следующий день Иоав сосчитал убитых и предал их земле. Оказалось, что из числа воинов Авеннира пало триста шестьдесят, из числа же войск Давида девятнадцать, кроме Асаила, тело которого Иоав и Авессей повезли оттуда в Вифлеем и похоронили в могиле своих предков. Сами же они затем вернулись к Давиду в Хеврон.

Таким образом, с этих пор началась среди евреев междоусобная распря, и продолжалась она долго. При этом приверженцы Давида приобретали все больше и больше власти и счастье все более улыбалось им, тогда как положение сына Саулова и его приверженцев делалось чуть ли не изо дня в день все более и более шатким.

4. В это время у Давида было уже шесть сыновей от такого же числа жен. Из них старшим от Ахины был Амнон, вто-

рой — Даниил от Авигеи; третий, родившийся от дочери гессирского царя Фоломея, Махамы, носил имя Авессалома; четвертого, от жены своей Ангифы, Давид назвал Адонием, пятого Сафатием (он был сыном Авитаалы), а шестого, от Эглы, назвал Гефраамом.

В продолжение междоусобной войны, когда военные силы обоих царей часто сталкивались друг с другом, Авенниру, главному военачальнику у сына Саулова, благодаря своей проницательности и популярности в глазах народа, удавалось склонить симпатии всех на сторону Иевосфа, и народ был долгое время очень предан Иевосфу. Затем, однако, Авеннир навлек на себя неудовольствие и порицание Иевосфа за то, что он, Авеннир, сошелся с Сауловой наложницей, Ресфой, дочерью Сивафа, и, так как его очень опечалило и даже рассердило то обстоятельство, что к нему относится недоброжелательно человек, всем ему обязанный, Авеннир стал угрожать Иевосфу, что он предоставит царскую власть Давиду, тем более что Иевосф правит страной за Иорданом благодаря не собственной силе и уму, а только благодаря его, Авеннира, командованию и верности. Поэтому он послал в Хеврон к Давиду послов с просьбой дать ему клятвенное обещание в том, что он, Давид, примет его как товарища и друга, если ему, Авенниру, удастся убедить народ отказаться от сына Саулова и провозгласить Давида царем всей страны. Давид, которому предложенные Авенниром условия очень понравились, согласился и просил в знак заключенного договора вернуть ему его жену Михалу, которую он купил себе некогда ценой больших опасностей, именно ценой представленных Саулу голов шестисот убитых филистимлян. Авеннир действительно послал Давиду Михалу, отняв ее у Фелтия, который тогда жил с ней. При этом сам Иевосф оказал поддержку Давиду, потому что последний писал Иевосфу, что считает себя вправе потребовать назад жену свою.

Затем Авеннир созвал старейшин народных, военачальников и тысяцких и обратился к ним с речью, в которой выставил на вид, что хотя они уже давно выражали готовность отступить от Иевосфа в пользу Давида и он сам их всегда удерживал от этого шага, теперь он готов согласиться предоставить им право совершенно свободного выбора, потому что ему известно, что, когда Господь Бог через посредство

пророка Самуила назначил Давида в цари над всеми евреями, Предвечный же предсказал, что именно Давид отомстит филистимлянам и совершенно подчинит их себе. Лишь только старейшины и вожди услыхали, что на сторону того мнения, которого они сами раньше держались относительно положения вещей, теперь склоняется и Авеннир, то тотчас же решили примкнуть к партии Давида. Склонив их таким образом к этому, Авеннир собрал колено Веньяминово, из представителей которого были набраны все телохранители Иевосфа, и обратился к собравшимся с такой же речью. Когда он и их нашел совершенно согласными с его собственными взглядами и готовыми пойти за ним по первому его желанию, то он с двадцатью товарищами отправился к Давиду для заключения с ним клятвенного договора (ведь все то, что мы делаем лично, вернее того, что поручено к исполнению другим), а также для того, чтобы сообщить ему, как и что он говорил с военачальниками и всеми членами колена (Веньяминова). Давид принял его очень дружелюбно и в продолжение целого ряда дней угощал роскошно и обильно. Затем Авеннир при расставании просил его привести к нему свое войско и в присутствии всех передать ему командование им.

5. Немного спустя, после того как Давид отпустил Авеннира, в Хеврон прибыл главнокомандующий Давида, Иоав, и, узнав, что здесь только что был Авеннир и заключил клятвенный с Давидом договор относительно командования войсками, испугался, как бы его собственное положение не пошатнулось и у него не отняли бы его власти главнокомандующего; ведь Авенниру легко будет занять первое и самое влиятельное место при том, кому он, благодаря своей проницательности и ловкости, помог добиться царской власти. Поэтому Иоав решил прибегнуть к интригам. Для начала он старался оклеветать его в глазах царя, советуя последнему остерегаться Авеннира и не рассчитывать на обещания последнего, потому что тот на самом деле старается лишь о том, чтобы упрочить власть за сыном Саула, и теперь явился к нему исключительно с коварным расчетом обмануть его и, подготовив все для исполнения своего плана, оставить его в надежде на полный успех. Когда же ему не удалось убедить Давида и он увидел, что слова его не производят на царя ни малейшего впечатления, Иоав решился пойти другой, уже

гораздо более смелой дорогой, а именно просто убить Авеннира. Ввиду этого он послал вдогонку за Авенниром людей своих, дав им от имени Давида приказ пригласить Авеннира вернуться назад под предлогом сообщения ему одной важной вещи, которую тот якобы забыл сказать ему при свидании. Когда Авеннир узнал о требовании посланцев, которые нагнали его в местности, носящей название Висиры и находящейся в расстоянии двадцати стадий от Хеврона, то он, не предвидя никакой опасности, повернул назад. Вблизи городских ворот навстречу ему вышел Иоав и приветствовал его крайне дружелюбно и ласково. (Ведь часто случается, что злоумышленники удачно притворяются доброжелателями по отношению к тем, против которых задумывают злодеяния.) Затем Иоав отвел Авеннира подальше в сторону от ворот и от его людей, как бы собираясь сообщить ему нечто секретное, так что тут находился, кроме их обоих, еще брат Иоава, Авессей, извлек меч и поразил им Авеннира в живот. Таким образом, Авеннир пал, коварно завлеченный Иоавом в засаду, по словам Иоава, как жертва мести за брата Асаила, которого Авеннир убил во время преследования после битвы при Хевроне, а на самом деле потому, что Иоав боялся, как бы Авеннир, заняв при Давиде первенствующее положение, не лишил его лично командования всеми войсками и почетной при царе должности. На этом примере видно, до чего доходят и на что иногда решаются люди ради властолюбия и нежелания уступить своей власти никому другому. Стремясь к достижению намеченной цели, они не останавливаются и перед тысячью гнусностей и, боясь утратить занятую позицию, стараются еще худшими средствами укрепиться на ней, так что считают меньшим для себя уроном совершенно не добиться цели — высшей власти, чем, раз воспользовавшись ею, затем потерять ее. Но гораздо хуже, что ввиду сказанного такие люди прибегают к еще более гнусным интригам и отчаянным средствам исключительно под влиянием опасения потерять раз занятое положение. Однако сказанного здесь вкратце об этом явлении вполне достаточно.

6. Когда Давид узнал об убиении Авеннира, он искренне опечалился и, воздев правую руку к небу, громким голосом поклялся перед всеми, что он не виновен в умерщвлении Авеннира, который пал не по его приказанию или желанию.

При этом Давид изрек страшные проклятия на убийцу и грозил привлечь весь дом убийцы и его товарищей и соучастников к ответу за убитого, потому что царю хотелось доказать свою невинность в деле нарушения той клятвы, которую он недавно дал Авенниру в том, что будет его верным другом. Ввиду этого Давид предписал всему народу траур по убитому, (приказал) почтить его, разорвав одежды и облачив себя в мешки. Этим способом народ должен был почтить убитого во время похорон, открывая процессию. Сам же царь следовал со старейшинами и начальствующими лицами за гробом, ударяя себя с плачем в грудь и тем показывая, как он любил покойного при жизни и как он опечален его смертью, которая совершилась, конечно, без его ведома и помимо его желания. Торжественно похоронив Авеннира в Хевроне и сочинив на его смерть элегические гимны, царь первый стал у его могилы и начал свою похоронную песню, чем дал знак всем остальным последовать его примеру. И такое горе причинила Давиду смерть Авеннира, что он, несмотря на просьбы друзей своих, не только отказался от пищи, но и поклялся до заката солнца не прикасаться ни к чему. Поведение Давида сразу расположило к нему народную массу, потому что те, которые любили Авеннира, с удовольствием видели, какую честь царь воздает покойному и как он остается верен ему, удостаивая его, как близкого родственника и друга, пышных похорон, а не предавая его земле кое-как и на скорую руку, чем бы он доказал лишь свое неприязненное отношение к убитому. Остальная же масса народа радовалась мягкому и доброму сердцу Давида, потому что всякий, видя отношение царя к смерти Авеннира, мог рассчитывать на то, что он удостоился бы сам такого же любвеобильного отношения, если бы был в подобном положении, как Авеннир. Таким образом, Давид снискал себе всеобщее расположение и совершенно избавил себя от всякого подозрения относительно участия в убиении Авеннира. Вместе с тем он объяснил народу, какую печаль причиняет ему кончина столь славного мужа и сколь велика потеря евреев, лишившихся теперь человека, который был бы во время военных действий в состоянии поддержать и спасти их своими отличными советами и своей необычайной физической силой. «Но, — сказал царь, — Господь Бог, заботящийся обо всем, не оставит его

смерти без возмездия. Вам, конечно, известно, что я не в состоянии ничего предпринять против сыновей Саруйи, Иоава и Авессея, которые могущественнее меня. Но Предвечный воздаст им должное за их дерзкое преступление».

Таким образом покончил жизнь свою Авеннир[5].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Когда сын Саулов, Иевосф, узнал о смерти Авеннира, он страшно опечалился, потеряв столь близкого родственника и человека, доставившего ему царский престол, и не знал пределов скорби и плача. Впрочем, ему самому не было суждено намного пережить его, потому что он пал жертвой коварства сыновей Иереммона, Ванаофа и Фанна. Происходя из родовитой семьи, принадлежавшей к колену Веньяминову, и рассчитывая за убийство Иевосфа получить от Давида значительную награду в виде назначения на места полководцев или на какую-нибудь другую ответственную и важную должность, эти юноши, найдя однажды Иевосфа погруженным в послеобеденный сон и одного, так как стража удалилась, а привратница, утомленная своей обязанностью и сильной жарой, впала в сон, пробрались в спальню сына Саулова и убили его. Затем они отрубили ему голову и пустились в путь, спасаясь в продолжение целых суток от ожидавшего их наказания к тому, от которого рассчитывали получить благодарность и где думали найти безопасное убежище. Прибыв в Хеврон, они показали Давиду голову Иевосфа и стали хвалиться тем, как они преданы Давиду и как умертвили врага и соперника его. Однако Давид отнесся к этому делу совершенно не так, как они надеялись, и сказал: «Злодеи, вас скоро постигнет наказание! Разве вы не знаете, как я отплатил убийце Саула, принесшему мне золотую его корону, хотя он этим убийством оказал услуту самому Саулу, не пожелавшему попасть в руки врагов? Или, быть может, вы подумали, что я изменился, уже не тот, что прежде, и буду благодарен и признателен злодеям и цареубийцам, которые дерзнули убить в его собственной спальне человека достойного и никому никогда не причинившего зла, но относившегося к вам с особенным расположением и оказывавшего вам всевозможный почет? Поэтому вы подвергнетесь заслуженному наказанию

не только ради него, но и за то, что могли рассчитывать, будто я буду доволен умерщвлением Иевосфа. Вы не могли совершить большего осквернения моего доброго имени, как именно таким предположением». После этого Давид велел их пытать всевозможными пытками до смерти, а голову Иевосфа он похоронил во всеми подобающими почестями в могиле Авеннира.

2. После того как эти юноши умерли таким образом, все начальствующие над еврейским народом лица, военачальники и тысяцкие, явились к Давиду в Хеврон и предоставили себя в распоряжение царя, напомнив о своей ему преданности еще при жизни Саула и указав на то, как они почитали его, когда он достиг звания хилиарха. При этом они подчеркнули свою всегдашнюю ему преданность, потому что как Давид, так и сыновья его были рукоположены по повелению Предвечного через пророка Самуила в цари и потому что Господь Бог даровал Давиду после войн с филистимлянами спасти от гибели всю страну еврейскую. Царь с удовольствием принял эти выражения их верноподданнической любви к нему, просил их не изменять своего на этот счет взгляда (им не придется в этом раскаиваться) и, угостив их блестящим пиром, отпустил с тем, чтобы они привели к нему весь народ. И действительно, вскоре из колена Иудова пришло 6800 тяжеловооруженных щитами и копьями (они раньше оставались верными сыну Саула и не примкнули к прочим представителям колена Иудова, которые во всей своей совокупности уже признали Давида царем); из колена Симеонова пришло 7000 человек, из Левина — 4700 с Иодамом во главе. К ним примкнул также первосвященник Цадок с двадцатью двумя родственными вождями. Из колена Веньяминова явилось лишь 4000 воинов, потому что колено это еще колебалось в своем решении окончательно примкнуть к Давиду, ожидая, что царем выступит кто-либо из родни Саула; из колена Ефремова — 20 800 самых храбрых и сильных людей; из колена Иссахарова — 200 предсказателей будущего и 20 000 тяжеловооруженных воинов; из половины колена Манассиева — 18 000 отборных ратников, а из Завулонова — 50 000 отличных солдат, потому что одно это колено перешло на сторону Давида во всей своей совокупности. Все эти воины были так же вооружены, как и представители колена

Гадова. Из колена Нефталимова явилась тысяча выдающихся и пользовавшихся почетом предводителей, вооруженных щитами и дротиками. За ними шло все бессчетное число членов колена. Из колена Данова прибыло 27 600 отборных воинов, из Асирова — 40 000, а из тех двух колен, которые занимали местность по другую сторону Иордана, равно как из остальной части колена Манассиева, — 120 000 людей, оружие которых составляли щит, копье, шлем и меч. Представители прочих колен имели также мечи.

Итак, вся эта масса войска явилась с огромными запасами хлеба, вина и прочих съестных припасов к Давиду в Хеврон и единогласно провозгласила Давида царем. После трехдневного пира и всенародного угощения в Хевроне Давид выступил со всеми этими войсками оттуда в Иерусалим[6].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Так как иевуситы[7], народ хананейского племени, населявшие тогда этот город, заперли перед Давидом ворота и поместили на стенах всех своих слепых, хромых и увечных в насмешку над Давидом, говоря, что эти увечные люди сумеют воспрепятствовать ему войти в город (в этом своем поступке ими руководила уверенность в укрепленности стен), то Давид рассвирепел и приступил к осаде Иерусалима. При этом он приложил все свое старание и усердие, чтобы быстрым завоеванием города показать свое могущество и навести страх и ужас на всех тех, кто бы вздумал отнестись к нему таким же (наглым) образом, как то сделали иевуситы. И действительно, ему удалось с большими усилиями быстро занять нижний город. Но так как крепость города не сдавалась, то царь, чтобы возбудить в своих воинах больше храбрости, решил прибегнуть к обещанию почетной награды тому, кто бы взобрался по крутой стене обрыва первым на вершину утеса и занял бы крепость, а именно, он обещал такому герою предоставить командование над всем войском. Все немедленно стали стараться влезть на утес и уже не щадили сил своих в этом деле, потому что каждому хотелось сделаться главнокомандующим. Однако Иоав, сын Саруйи, предупредил всех прочих, первый взобрался на утес и крикнул оттуда царю, что требует себе обещанной награды.

2. Затем Давид изгнал гарнизон неприятелей из крепости и, отстроив город Иерусалим, который назвал градом Давидовым, поселился в нем и провел там все остальное время своего царствования. Период времени, в течение которого он в Хевроне правил одним коленом Иудовым, обнимал семь лет и шесть месяцев. После того, как Давид сделал своей резиденцией Иерусалим, дела его пошли с каждым днем все лучше и лучше, потому что Господь Бог заботился о росте и увеличении могущества города. В это же время к Давиду прибыло и посольство от тирского царя Ирама, который заключил с ним дружественный оборонительный договор. Вместе с тем Ирам прислал Давиду в подарок много брусьев кедровых и отрядил искусных архитекторов и строителей, которые должны были воздвигнуть в Иерусалиме царский дворец.

Когда Давид занял верхний город, то соединил его с нижним и сделал из них, таким образом, одно целое, которое было окружено одной общей стеной и поручено охране Иоава.

Итак, Давид, изгнав из Иерусалима иевуситов, первый назвал этот город по своему имени, потому что при праотце нашем Авраме он носил имя Солимы. Ввиду этого, по заявлению некоторых, и Гомер называл город Солимою; он называет святилище *солимою*, что на еврейском языке означает спокойствие[8]. С того времени, как военачальник Иисус пошел войной на хананеян и, одержав над ними победу, разделил владения их между евреями, причем израильтянам все-таки не удалось изгнать хананеян из Иерусалима, до окончательного покорения их Давидом прошло пятьсот пятнадцать лет.

3. Здесь мне приходится упомянуть еще о богатом иевуситянине Оронне, который был пощажен Давидом во время осады Иерусалима за расположение его к евреям и за оказанные им царю услуги, о которых я расскажу несколько ниже.

Кроме уже бывших у него жен, Давид взял себе еще несколько других, а также наложниц. Таким образом, он стал отцом еще других одиннадцати сыновей, которых назвал именами: Амнуса, Емнуса, Евана, Нафана, Соломона, Иевара, Елиина, Фалка, Иннафа, Иеная, Елифала, — и одной дочери, Фамары. Из этих сыновей девять было рождено от законных матерей, двое же последних от наложниц. Фамара была единоутробной сестрой Авессалома[9].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Когда филистимляне узнали, что Давид провозглашен царем еврейским, они пошли против него войной на Иерусалим и, заняв так называемую «долину исполинов»[10] (местность эта находится недалеко от города), расположились там лагерем. Тогда царь иудейский, который ничего не предпринимал без вопрошения и помимо приказания Господа Бога и всегда старался о получении положительного насчет исхода предприятия предсказания, предложил первосвященнику сообщить ему о воле Предвечного по этому делу и об исходе предстоящей битвы. Когда ответ получился положительный, т. е. предсказывалась полная победа, тогда Давид повел свое войско на филистимлян, напал на них во время боя неожиданно с тылу и часть их перебил, а другую обратил в бегство. Впрочем, пусть никто не подумает, что филистимляне повели на евреев незначительные военные силы, равным образом как не следует укорять их, на основании быстроты их поражения и того, что они не совершили ни одного в этом случае выдающегося и достойного замечания подвига, в том, будто бы они были трусливы или робки; напротив, должно принять во внимание, что вместе с ними выступали в поход и участвовали в битве все сирийцы и финикийцы и, кроме этих, также много других воинственных племен. Последнее-то обстоятельство и было причиной того, что филистимляне, несмотря на свои неоднократные поражения и потери стольких десятков тысяч воинов, все-таки были в состоянии идти на евреев со все более и более значительными военными силами. Поэтому-то, несмотря на полное свое поражение в этом походе, они вскоре затем напали на Давида с утроенным количеством войска и расположились лагерем в той же самой местности. Когда же израильский царь снова вопросил Господа Бога об исходе сражения, то первосвященник сообщил ему о совете Предвечного стянуть силы в так называемом «лесу печали», находившемся невдалеке от вражеского стана, и не выступать оттуда на бой раньше, чем при полном отсутствии ветра не зашумит лес. Когда же раздался шум леса и, таким образом, наступил определенный Господом Богом момент, Давид немедленно вышел оттуда, не сомневаясь более в уготованной ему Предвечным верной победе. И дейст-

шительно, полчища врагов не выдержали этого натиска и после первого же нападения обратились в бегство, так что Давиду пришлось только преследовать и рубить их. Таким образом, он гнался за ними до города Газары (который представляет пограничный пункт), а затем принялся разорять их лагерь, где нашел значительные богатства, и уничтожать изображения их божеств.

2. Ввиду такого благополучного результата сражения, Давид, посоветовавшись со старейшинами, военачальниками и тысяцкими, решил созвать к себе молодежь всей страны, а также священнослужителей и левитов и, отправившись со всеми ими в Кариафиарим, взять и перенести оттуда в Иерусалим божественный кивот Завета, чтобы затем уже постоянно здесь совершать богослужение с жертвоприношениями и другими, угодными Предвечному, способами. При этом царь был того мнения, что если бы евреи сделали это еще в царствование Саула, то им не пришлось бы испытать такие неудачи.

Итак, когда весь народ, сообразно принятому решению, был в сборе, царь отправился за кивотом Завета. Священники вынесли последний из жилища Аминадава и, поставив его на новую колесницу, запряженную волами, велели везти ее братьям и сыновьям Аминадава. Царь же и весь народ с ним шли впереди колесницы, прославляя Господа Бога, распевая свои родные песнопения под аккомпанемент музыки, провожая Кивот с плясками, пением и игрой на трубах и кимвалах до самого Иерусалима. Когда же они достигли местности, носящей название *гумна Хидонова*, то некоему Озе пришлось тут умереть от гнева Предвечного. Дело в том, что, когда волы наклонили несколько колесницу, он протянул руку, желая воспрепятствовать падению священного Кивота. Но так как он прикоснулся к святыне, не будучи священнослужителем, то тут же умер. Царь и весь народ были глубоко опечалены смертью Озы, а место, на котором он умер, еще и поныне носит название *удара Озы*[11]. Давид же побоялся, как бы такая участь, какую испытал Оза, не постигла его самого, если он примет кивот Завета в свой город, так как человек, только протянувший к нему руку, погиб таким образом; потому он не привез Кивота к себе в город, но свернул с дороги во владения некоего праведного левита, по имени Оведам, и оставил Кивот у него. Тут Кивот оставался в продолжение

целых трех месяцев и принес дому Оведама большое благополучие и счастье. Когда же царь узнал, что Оведама постигла такая удача, что он из раньше бедного и незначительного человека обратился теперь в богача и счастливца, который служит предметом зависти для всех, кто видит и знает его дом, Давид собрался с духом и решил перенести Кивот к себе, не боясь уже потерпеть от этого какое-либо несчастье. Таким образом, священники понесли Кивот, а семь хоров, обученных царем, шли впереди него, сам же Давид играл на арфе и был так весел, что его жена Михала, дочь первого царя Саула, при виде его в таком настроении выразила свое негодование. Когда кивот Завета был доставлен в город, то его поставили в том шатре, который воздвиг для него Давид. Затем царь устроил торжественные и изобильные покаянные жертвоприношения, во время которых угостил всю массу народную и роздал женщинам, мужчинам и детям по печеному хлебу, сухарю, слоеной лепешке и части мяса жертвенных животных. Угостив таким образом народ, царь отпустил его домой и сам возвратился в свой дворец.

3. Тут пришла к нему жена его Михала, дочь царя Саула, поздравила его и пожелала ему удачи и счастья во всем, чего бы ни дал ему всемилостивый Господь Бог, но при этом стала упрекать Давида в том, что он, такой могущественный царь, неприлично плясал и обнажался при этом перед толпой рабов и рабынь. Давид, однако, ответил, что ему нечего было стыдиться, делая это в угоду и честь Господа Бога, который предпочел его ее собственному отцу и всем прочим, и прибавил к этому, что он еще часто намерен играть и плясать, несмотря на то, что это нарушило бы чувство благопристойности как в ней самой, так и в рабынях.

Эта Михала первоначально не рожала Давиду детей. Когда же она впоследствии была отдана отцом своим Саулом в жены другому человеку (у которого затем ее опять отнял Давид), то она стала матерью пяти детей. Но об этом мы скажем впоследствии.

4. Когда царь заметил, что дела его начинают с каждым почти днем идти все лучше и лучше благодаря благоволению Господа Бога, то счел за грех, в то время, как он сам живет в великолепнейшем, высоком и с чудной обстановкой дворце из кедрового дерева, оставлять без внимания помещение свя-

щенного Кивота в простом шатре. Поэтому Давид, сообразно предсказанию Моисея, задумал воздвигнуть Господу Богу храм. Когда же он поговорил об этом с пророком Нафаном и тот укрепил его в этом решении, указав на то, что Господь Бог будет сопутствовать Давиду во всех его начинаниях, то царь еще более убедился в целесообразности построения храма. Но в следующую же ночь Предвечный явился во сне Нафану и повелел передать Давиду, что Его очень радует благое и столь сильное желание царя построить храм, тем более что никто раньше его не возымел мысли сделать это, но что Он вместе с тем не может позволить Давиду приступить к сооружению святилища, так как он вел множество войн и обагрил руки свои кровью убитых врагов. Вместе с тем Господь сказал, что после смерти Давида, которая постигнет последнего в преклонном возрасте после продолжительной жизни, храм этот будет сооружен тем его сыном, к которому впоследствии перейдет царская власть, а именно Соломоном. При этом Предвечный поручил передать Давиду, что Он будет охранять Соломона и заботиться о нем, как отец о сыне, а также сохранит и передаст царство его потомкам, а самого Соломона, в случае каких-нибудь с его стороны прегрешений, накажет лишь болезнью и неурожаем. Узнав это от пророка и обрадовавшись тому, что теперь, наверное, царская власть будет сохранена за его потомством и что его дом достигнет блеска и великой славы, Давид предстал перед кивотом Завета и, пав ниц, начал возносить к Предвечному благодарственную молитву за все то добро, которое Он оказал ему, за то, что Он сделал его, некогда ничтожного пастуха, теперь таким могущественным и славным вождем народа, за обещания, дарованные Господом Богом относительно его потомства, и за ту заботливость, которую Он выказывает евреям в деле сохранения ими свободы. Вознеся эту молитву и прославив Господа Бога в благодарственном гимне, Давид возвратился домой[12].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Спустя короткое время после этого Давид решил, что ему нельзя дальше пребывать в бездействии и беспечности, но следует начать войну с филистимлянами, для того чтобы,

сообразно предсказанию Господа Бога, окончательно разбить врагов и затем предоставить своему потомству в будущем возможность царствовать мирно. Поэтому он снова собрал свое войско и, велев ему приготовиться к войне, выступил из Иерусалима, когда увидел, что все у солдат в исправности, и пошел на филистимлян. Разбив их в сражении и отняв у них значительную часть их владений, которую он тут же прирезал к пределам еврейским, Давид пошел войной на моавитян, совершенно разбил и уничтожил в бою два их отряда, а остатки их войска взял в плен и наложил на них ежегодную дань. Затем он двинулся против Адразара, сына Арая, царя Софены[13], сразился с ним вблизи реки Евфрата и перебил у него около двадцати тысяч пехоты и семи тысяч всадников. При этом Давид отнял у него также тысячу боевых колесниц, из которых большую часть велел уничтожить, а себе оставил лишь сто.

2. Когда Адад, царь Дамаска и Сирии, узнал, что Давид воюет с его другом Адразаром, то явился к Адразару с сильным войском на помощь; но исход битвы совершенно не соответствовал его ожиданиям: сразившись на берегах реки Евфрата, он потерял множество воинов; от руки евреев пало из войска Адада около двадцати тысяч человек, все же остальные обратились в бегство. Об этом царе упоминает также Николай[14], рассказывая о нем в четвертой книге своего исторического сочинения следующим образом: «Значительное время спустя после этого царствовал один из туземцев, по имени Адад, который подчинил себе Дамаск и прочие части Сирии, исключая Финикии. Этот-то человек, казавшийся наилучшим из царей по своей силе и своему могуществу, вел войну с иудейским царем Давидом и сходился с ним во многих битвах; последняя битва, в которой он потерпел поражение, произошла вблизи Евфрата». Кроме того, этот же Николай сообщает о потомках его (Адада), что после его смерти они получили последовательно друг от друга царскую власть и вместе с тем прозвище Адада, и выражается по этому поводу следующим образом: «Когда Адад умер, потомки его были царями в продолжение десяти поколений, причем каждый из них, наподобие египетских Птолемеев, получал от отца своего вместе с царской властью, также и его имя. Самым же могущественным из всех них был третий. Желая вернуть себе

то, что дед его потерял во время поражения, он объявил войну иудеям и опустошил ту страну, которая ныне именуется Самарией». Это совершенно правильно, потому что данный Адад именно тот самый, который пошел войной на Самарию во время царствования израильского царя Ахава, о чем мы впоследствии расскажем в подобающем месте.

3. После того как Давид пошел войной на Дамаск и все прочие части Сирии и всю ее подчинил своей власти, он разместил по важнейшим пунктам страны гарнизоны, определил размеры дани, наложенной на жителей, и возвратился в Иерусалим, где он сделал Господу Богу приношение в виде тех золотых колчанов и частей оружия, которые носили телохранители Адада. Это было то самое оружие, которое впоследствии отнял в числе значительных других иерусалимских богатств египетский царь Сулак, когда пошел войной на внука Давидова, Ровоама. Но об этом мы поговорим тогда, когда дойдем в своем повествовании до этого места[15]. Теперь же царь еврейский, благодаря благоволению к нему Предвечного и дарованию удачи на войне, направился на лучшие города Адразара, Ваттею и Махон, взял их штурмом и предал разграблению. Тут ему попалось в руки огромное количество золота и серебра, а также бронзы, которая считалась дороже золота; из этой-то бронзы Соломон соорудил большой сосуд, принятый называть «морем»[16], и другую ценнейшую утварь, когда строил храм Предвечному.

4. Когда царь Амафы узнал о постигшем Адразара поражении и о совершенном избиении его войска, то испугался за себя и решил путем дружественного договора склонить Давида на свою сторону раньше, чем бы Давид объявил ему войну. Поэтому он отправил к нему сына своего Адорама с изъявлением признательности, что Давид воевал с его личным врагом Адразаром, и с предложением заключить дружественный договор. При этом царь послал Давиду также и дары, а именно старинной работы золотые, серебряные и бронзовые сосуды. Давид действительно принял подарки, заключил с Феном (так звали царя амафского) союз и отпустил затем его сына со всеми почестями, которые подобали высокому положению их обоих. Присланное же Феном золото и серебро, равно как все прочие драгоценности, которыми Давид овладел при взятии городов и у покоренных народов,

он доставил в храм и посвятил Господу Богу в виде жертвенного дара. Предвечный же даровал победу и успех не одному только Давиду, во время личного командования его над войском, но и Авессею, брату главного военачальника Иоава, посланному с отрядом в Идумею и одержавшему, благодаря помощи Господа Бога, блестящую победу над идумеянами: Авессею удалось истребить в одной битве восемнадцать тысяч человек. Затем царь Давид занял всю Идумею своими гарнизонами и наложил дань как на земельные участки, так и поголовно на все население. При этом Давид не изменял характеру своему, признавал требования справедливости и при судебных решениях соблюдал полное беспристрастие. Главным военачальником над всей ратью он назначил Иоава, ближайшим же своим советником определил Иосафата, сына Ахила; первосвященником он сделал, наравне с дружественным ему Авиафаром, Садока из дома Финеесова, а Сису своим секретарем. Ванею, сыну Иоада, он вручил начальство над отрядом телохранителей своих, в состав которого, как ближайшие к нему люди, вошли его собственные старшие сыновья.

5. Не забыл Давид также о своем клятвенном союзе с сыном Саула, Ионафом, и о беспредельной к нему дружбе и преданности последнего, потому что ко всяким другим присущим Давиду хорошим качествам присоединялось также чувство постоянной благодарности по отношению к лицам, когда-либо выразившим ему свое благоволение. Поэтому Давид велел доискаться, не остался ли из потомства Ионафа в живых кто-либо, которому он мог бы отплатить добром за преданность и дружбу Ионафа. Когда к Давиду привели одного Саулова вольноотпущенника, который мог знать подробности о судьбе потомства Ионафа, то царь спросил его, не в состоянии ли он указать на близкого Ионафу человека, которому можно было бы выразить признательность за оказанные Ионафом Давиду благодеяния. Вольноотпущенник сказал, что в живых имеется еще один только сын Ионафа, по имени Мемфивосф, хромой, потому что его кормилица, при получении известия о гибели отца и деда дитяти в битве, со страшной поспешностью бежала с ним и в это время уронила его, так что ребенок повредил себе ноги. Когда Давид узнал, где Мемфивосф и кем воспитывается, то отправил за

ним людей к Махиру в город Лавасу[17] (тут жил сын Ионафа) и велел привезти его в Иерусалим. По прибытии Мемфивосфа он предстал перед царем и в знак привета пал перед ним ниц. Давид обласкал его и внушил ему надежду на перемену к лучшему в его судьбе. Затем он подарил ему его отцовский дом со всем имуществом, которое некогда принадлежало его деду Саулу. Вместе с тем он пригласил Мемфивосфа в число своих гостей и сотрапезников и приказал ему безусловно ежедневно бывать у него во дворце. Когда сын Ионафа преклонился перед царем в знак глубокой своей признательности за ласковое отношение и ценный подарок, то Давид велел призвать Сиву[18] и сообщил ему, что Мемфивосфу предоставлен в собственность его родительский дом со всем имуществом, оставшимся после Саула. При этом царь приказал Сиве заняться обработкой земельного участка Мемфивосфа и доставлять произведения его в Иерусалим, приглашать Мемфивосфа ежедневно к царской трапезе и предоставить себя со своими сыновьями (которых у того было пятнадцать), а также своих рабов, числом двадцать, в полное распоряжение сына Ионафова. На это повеление царя Сива преклонился перед ним и удалился затем с обещанием исполнить все в точности. Сын же Ионафа стал жить с тех пор в Иерусалиме, обедал у царя и был у него совершенно на положении родного сына. У него впоследствии родился ребенок, которого он назвал Михою[19].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Таким-то почетом пользовался у Давида оставшийся после Саула и Ионафа потомок. Когда в это время умер бывший в дружеских отношениях с Давидом амманитский царь Наас и правление перешло к его сыну Аннону, Давид послал к последнему посольство с выражением соболезнования и утешения в постигшем его горе — смерти отца, и с уверением, что он готов с Анноном оставаться в тех же хороших отношениях, в которых был с его отцом. Однако старейшины амманитские истолковали это известие в дурном смысле, совершенно обратном тому, который придавал ему царь Давид, и стали возбуждать недоверие своего царя, говоря, что Давид, под предлогом человеколюбия, послал лишь своих

соглядатаев к ним в страну. При этом они советовали Анно-ну остерегаться и не доверять словам Давида, чтобы из этого не вышло неотвратимого несчастья. Итак, придавая советам своих старейшин больше значения, чем бы следовало, амманитский царь Аннон обошелся крайне грубо с посланцами Давида, велев сбрить им половину бороды и срезать нижний край одежды, чтобы они могли принести Давиду ответ не словесный, но осязательный. Увидев это, царь израильский вознегодовал так сильно, что было очевидно, что он не оставит нанесенных ему оскорбления и обиды без ответа, но пойдет войной на амманитян и отомстит их царю за безобразие, учиненное над его посланными. Когда приближенные и военачальники (Аннона) поняли, что они нарушили дружественный договор (с Давидом) и теперь придется отвечать за это, то они стали готовиться к войне. Ввиду этого они отправили к месопотамскому царю Сиру тысячу талантов с просьбой оказать им за это вознаграждение вооруженную поддержку, а также склонили на свою сторону (царя) Суву. В распоряжении этих двух правителей имелось двадцать тысяч пехотинцев. Кроме того, они наняли еще царя амалекитян и пригласили в виде четвертого союзника царя Истова, который вместе с амалекитянином мог выставить двенадцать тысяч тяжеловооруженных воинов.

2. Однако Давид не устрашился этого союза и значительных военных сил амманитян, но, уповая на Господа Бога и на то, что его война будет борьбой за правду, так как он собирается на войну лишь с целью отомстить за нанесенную обиду, дал лучшие войска свои главнокомандующему Иоаву и послал его с ними на врагов. Иоав расположился лагерем около столицы амманитян, Равафы. Враги тогда вышли из своего города и выстроились к бою не в одно целое, но разбились на два отряда, причем вспомогательные войска построились отдельно на равнине, силы же амманитян стали у городских ворот, как раз напротив евреев. Когда Иоав заметил это, то и он, со своей стороны, принял меры предосторожности, а именно: выбрал себе самых храбрых воинов и стал с ними против Сира и бывших с ним других (союзных) царей, а остальные войска свои предоставил брату своему Авессею с приказанием выстроиться против амманитян, причем напомнил Авессею, чтобы тот следил за ним и, если заметит,

что его (Иоава) начнут теснить войска Сира и брать верх над ним, немедленно послал бы ему отряд в подмогу; то же самое собирался сделать и Иоав, если бы увидел Авессея в затруднении от амманитян. Итак, Иоав отпустил своего брата на бой с амманитянами и еще раз убедительно просил его храбро и энергично сразиться, как подобает людям, боящимся позора; сам же двинулся на рать Сира. После того как она некоторое, незначительное, впрочем, время стойко выдерживала его натиск, Иоаву наконец удалось перебить множество врагов, а всех остальных принудить к бегству. Когда амманитяне увидели это, на них напал страх перед Авессеем и его войском; они не устояли, но подобно своим союзникам ударились в бегство по направлению к своему городу. Таким образом Иоав осилил врагов и со славой вернулся к своему царю в Иерусалим.

3. Тем не менее это поражение не побудило амманитян прекратить военные действия и, ознакомившись с боевыми преимуществами своих врагов, заключить с ними мир. Напротив, они отправили посольство к Халаме, царю сирийцев, живших по ту сторону Евфрата, и за деньги предложили ему вступить с ними в союз, тем более что у него был главнокомандующим Савек, который начальствовал над армией, состоявшей из восьмидесяти тысяч пехотинцев и десяти тысяч кавалерии. Когда царь еврейский узнал, что амманитяне опять собрали для войны с ним такие большие военные силы, он решил более не высылать против них своих полководцев, но сам сразиться с ними. Поэтому он во главе всего своего войска немедленно переправился через реку Иордан, встретился там с неприятелем и, вступив с ним в бой, одержал полную победу. При этом он перебил до семи тысяч всадников и до сорока тысяч пехоты и нанес такую рану главному полководцу Халамы, Савеку, что тот вскоре от нее умер. Ввиду такого исхода боя месопотамцы сдались Давиду и прислали ему дары. Была уже зима, когда царь вернулся в Иерусалим; в начале же весны он выслал против амманитян своего главнокомандующего Иоава, который ворвался в их пределы, разграбил страну совершенно, запер жителей в их столице Равафе и приступил к осаде последней[20].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. В это время с Давидом, человеком от природы праведным, благочестивым и свято чтившим установленные законы, случился великий грех. Дело в том, что однажды вечером он увидал с крыши своего дворца, по которой в эту пору он имел обыкновение прогуливаться, женщину необычайной красоты, купавшуюся у себя дома в холодной ванне. Имя этой женщины было Вирсава. Красота ее совершенно очаровала царя, и он, не будучи в силах сдержать своей страсти, послал за ней и сошелся с ней. Женщина забеременела и послала к царю просьбу найти какое-нибудь средство скрыть ее прегрешение (потому что по установленным законам ей за прелюбодеяние грозила смерть). Тогда царь послал за мужем этой женщины — его звали Урием и он был оруженосцем у Иоава — и стал его расспрашивать о войске и о ходе осады. Когда же тот ответил, что дела у них идут как нельзя лучше, Давид велел его хорошо угостить с его собственного стола и приказал ему затем пойти отдохнуть с женой. Урия, однако, не сделал этого, но спал ту ночь перед дверьми царя в обществе прочих его оруженосцев. Когда царь узнал об этом, то спросил Урию, почему он (накануне) не вернулся к себе домой и не провел ночи в объятиях своей жены, как это обыкновенно делают все те, которые были в отсутствии продолжительное время и возвращаются к себе. Но воин ответил, что было бы несправедливым отдыхать и наслаждаться с женой, пока его сослуживцы и сам военачальник валяются на голой земле лагеря, в неприятельской стране. Получив такое объяснение, Давид приказал Урии остаться еще этот день у него, так как собирается отпустить его к главнокомандующему на следующий день. Затем он опять пригласил его к себе обедать и так угостил его вином, что тот дошел до полного опьянения. Тем не менее Урия опять переночевал у порога царя, не подумав даже о возможности радостного свидания с женой. Огорчившись этим, царь написал Иоаву письмо, в котором приказывал наказать Урию, так как последний-де провинился. При этом Давид также указал Иоаву на такой для Урии род наказания, при котором не обнаружилось бы, что сам царь определил его, а именно: Давид приказал поставить Урию во время боя с неприятелями на такую позицию,

где бы ему пришлось сражаться одному и угрожала бы неминуемая опасность смерти, и для этого, когда начнется схватка, отступить всем его сотоварищам. Это письмо, запечатанное собственной печатью, царь поручил Урии доставить Иоаву. Последний, получив и прочитав царское послание, действительно поставил Урию и с ним несколько лучших солдат из всего войска на такую позицию, на которой, по его мнению, враги оказались бы ему особенно опасными. Сам же он обещал подойти к ним со всем войском на помощь, если им удастся, подкопав стену, проникнуть в город. При этом Иоав уговаривал Урию, столь славного воина, известного по своей храбрости не только у царя, но и у всех товарищей, радоваться такой серьезной, возложенной на него задаче, а не выражать по этому поводу своего неудовольствия. Урия взялся затем бодро за исполнение порученного ему дела, а Иоав тайно от него велел назначенным ему в помощники воинам покинуть его, когда увидят, что враги устремятся на них. И действительно, когда евреи подошли к городу, аммanитяне испугались, как бы неприятели их в том месте, где стал на позицию Урия, не предупредили их, влезши на стену, и, выставив вперед самых отчаянных своих смельчаков, отперли ворота и неожиданным сильным напором быстро устремились на евреев. В это мгновение все товарищи Урии отступили назад, как им повелел Иоав. Урия же, считая позорным обратиться в бегство и покинуть занимаемое место, стал выжидать натиска врагов. Когда последние бросились на него, ему удалось перебить немалое их количество, но затем он был окружен ими со всех сторон и пал под их ударами. Вместе с ним пало также несколько его товарищей.

2. После этого происшествия Иоав отправил к царю послов с извещением, что он приложил все усилия, чтобы взять скорее город, приблизился с этой целью к городской стене, но был принужден с большим для себя уроном отступить. Вместе с тем он велел посланным прибавить к этому сообщению еще известие о смерти Урии, если бы царь выразил гнев на их слова.

Когда царь услыхал это сообщение посланцев, очень опечалился им и сказал, что военачальники сделали оплошность, открыто подойдя к стене, и заметил, что следовало пытаться взять город при помощи осадных орудий и таранов, чему мог

научить пример сына Авимелеха, Гедеона, который, желая приступом взять укрепленную башню в Фивах, получил от какой-то старухи удар камнем в голову и, несмотря на все свое геройство, должен был погибнуть позорной смертью лишь вследствие затруднительности такого рода приступа[21].

Помня этот пример, не следовало подходить близко к стенам неприятельского города, потому что всего лучше и выгоднее никогда не забывать о всяких происходивших на войне случаях и опасных положениях, чтобы сообразоваться с первыми и остерегаться последних. Когда же Давиду, находившемуся в столь возбужденном состоянии, было сообщено о смерти Урии, то гнев царя смягчился, и он приказал послам вернуться к Иоаву и передать ему, что такая случайность может выпасть на долю всякому человеку и что такова уж участь военных действий: что удача клонится то в одну, то в другую сторону, но что вообще Иоаву следует при дальнейшей осаде приложить все старания к тому, чтобы избегнуть вторичного поражения, пустить во время осады в дело валы и осадные орудия и, таким образом овладев городом, перебить всех жителей его. Посланец поспешил с этим поручением царя назад к Иоаву, а жена Урии Вирсава, узнав о гибели мужа, облеклась на несколько дней в траур по нему. После того как ее печаль и слезы по Урии поутихли, царь ее немедленно взял к себе в жены, и у него родилось от нее дитя мужского пола[22].

3. Господь Бог, однако, с неудовольствием взирал на этот брак и очень негодовал за него на Давида. Ввиду этого Предвечный явился во сне пророку Нафану и стал выражать ему свое неудовольствие на царя. Нафан же, как человек утонченно вежливый и рассудительный, принял во внимание, что когда царями овладевает гнев, они скорее поддаются этому гневу, чем чувству справедливости, и потому решил не передавать Давиду угроз, услышанных им от Господа Бога, но употребить по отношению к царю совершенно другой тон и притом такого рода, что это должно было раскрыть Давиду его собственный на этот счет образ мыслей. Поэтому Нафан обратился к нему со следующими словами: «В одном и том же городе жило некогда двое людей; один из них был богат и имел большие стада крупного и мелкого рогатого скота, у бедного же была всего-навсего одна только овца. Эту овцу он

держал при своих детях, сам кормил ее, делился с ней своей пищей и любил ее так, как любят родную дочь. И вот, когда однажды явился к богатому человеку гость, он не захотел пожертвовать на угощение друга ни одним из своих ягнят, но послал к бедняку, насильно отнял у него овцу его и приготовил ее на обед приятелю-гостю». Эта речь очень смутила царя, и он ответил Нафану, что считает человека, осмелившегося совершить такой поступок, мерзавцем, обязанным уплатить учетверенную стоимость овцы и, кроме того, быть казненным. Нафан возразил на это, что Давид признал самого себя достойным такого наказания, так как по собственному признанию сам дерзнул поступить так же гнусно и ужасно. Тут же Нафан стал сообщать Давиду о страшном гневе на него Господа Бога, который сделал его царем над всей массой евреев и подчинил ему множество великих соседних народов, который, кроме того, избавил его от преследований Саула и дал ему женщин, на которых он мог жениться совершенно беспрепятственно и законно. Теперь же этот Бог сделался предметом оскорбления и насмешки с его стороны, так как Давид держит у себя чужую жену, мужа которой он выдал на убиение неприятелям. Ввиду всего этого, продолжал пророк, царь даст за это ответ перед Господом Богом, который строго накажет его: собственные жены Давида будут изнасилованы одним из его сыновей, который составит заговор против жизни самого царя, и, таким образом, последний будет открыто наказан за тайно совершенный им грех. Также и ребенок, которого родила ему та женщина, должен будет скоропостижно умереть. Но так как царь был страшно подавлен всем этим и в глубоком волнении со слезами на глазах сознал все безбожие своего поступка (ведь он вообще был человеком богобоязненным и во всю свою жизнь совершил только один этот грех с женой Урии), то Господь Бог сжалился над ним и отпустил ему вину его, обещая пощадить жизнь его и не отнимать у него царской власти, так как не желает больше негодовать на Давида ввиду его раскаяния во всем случившемся. Нафан объявил об этом царю и вернулся к себе домой.

4. Ребенок же, которого родила жена Урии, заболел тяжкой болезнью, которая до того опечалила царя, что он в продолжение семи дней, несмотря на настоятельные просьбы приближенных, воздерживался от (обычной) пищи, облекся

в темную одежду и, прикрывшись мешком, в знак траура, лежал на земле, умоляя Господа Бога спасти ребенка: очень уж Давид любил мать младенца. Когда же последний на седьмой день умер, то слуги не решались доложить об этом царю, боясь, как бы Давид, узнав о постигшем его горе, не стал воздерживаться еще дольше от пищи в знак траура о смерти сына, когда он так страдал во время его болезни. Но царь заметил по смущенному виду слуг, что случилось нечто, что им хотелось бы скрыть, и понял, что ребенок умер. Поэтому он подозвал к себе одного из служителей и узнал от него всю правду. Затем он встал, совершил омовение и, надев белую одежду, отправился в Скинию Божью. Когда он, вернувшись оттуда, приказал подать себе обед, то вызвал тем самым большое изумление своих родственников и слуг, которые были поражены тем, что царь, от всего отказывавшийся во время болезни ребенка, теперь ведет себя так после его смерти. Ввиду этого они, с позволения Давида, решились спросить его о причине такой в нем перемены. Царь же назвал их людьми нерассудительными и объяснил им, что, когда ребенок был еще жив и у него была еще надежда на возможность спасти его, он делал все, что было в его силах, чтобы склонить Предвечного к милосердию; но раз ребенок умер, уже не стоит напрасно печалиться. Все согласились с такой мудростью и прозорливостью царя.

5. Между тем Иоав сильно досаждал амманитянам своей осадой, отрезав у них воду и подвоз каких бы то ни было съестных припасов, так что жители находились в крайне стесненном положении относительно пищи и питья. Дело в том, что воду доставлял им один только незначительный колодезь и им приходилось обходиться с ней крайне экономно, чтобы, в противном случае, не остаться совершенно без воды. Обо всем этом Иоав донес царю письменно и приглашал его приехать лично для занятия города, чтобы иметь возможность приписать себе победу. Увидев из этого письма, как предан и верен ему Иоав, царь взял то войско, которое оставалось лично у него в распоряжении, и явился с ним под Равафу. Вскоре затем он взял город приступом и предоставил его своим солдатам на разграбление. Сам же он взял себе при этом корону царя амманитского; она была сделана из золота, стоила целый талант и была украшена посередине ценным

сардониксом. С тех пор Давид и носил эту корону. Вместе с тем он нашел в городе также множество других драгоценностей. Мужское население Равафы он велел пытать и казнить. Так же поступил он и с прочими амманитскими городами, которыми овладел оружием[23].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Когда царь вернулся в Иерусалим, то узнал, что в его доме случилось неприятное происшествие такого рода: у Давида была необыкновенной красоты дочь, по имени Фамара, еще не замужняя и превосходившая своей миловидностью всех прочих женщин. Она была единоутробной сестрой его сына Авессалома. К ней воспылал такой страстью сын Давида Амнон, что не был в силах устоять ни перед ее девственностью, ни перед другими соображениями, которые могли бы заставить его остерегаться необдуманного шага; он страшно страдал, скорбь разъедала его, он похудел и побледнел. Однажды он встретился со своим родственником и другом Ионафом, который отличался особенной прозорливостью и большой хитростью. Видя, что Амнон каждый день все более и более худеет, Ионаф стал расспрашивать его о причине такого явления и прибавил, что вся эта перемена в Амноне обусловливается, видимо, страстной любовью. Тогда Амнон признался ему в своей страсти и сказал, что пылает любовью к родной сестре своей. Ионаф на это предложил указать ему верный способ добиться желанных в этом деле результатов, а именно: советовал ему притвориться больным и, когда навестит его отец, просить его прислать к нему в сидельки сестру и указать, что исполнение этой просьбы не представит затруднений и живо исцелит его от болезни.

Итак, Амнон, по хитрому совету Ионафа, слег в постель и притворился больным. Когда же отец навестил его и участливо стал спрашивать, что с ним такое, Амнон попросил прислать к нему сестру. Царь тотчас же велел позвать Фамару. Когда она явилась, Амнон попросил ее собственноручно приготовить ему жареных лепешек, которые ему будет приятнее получить от нее, чем от других. Тогда Фамара занялась на глазах у брата приготовлением теста и печением лепешек и поднесла их ему. Амнон не тотчас взял их, но потребовал,

чтобы прислуга удалилась из спальни, под предлогом, что ему хочется наедине отдохнуть от всего этого шума и суматохи. Когда его желание было исполнено, Амнон предложил сестре отнести готовое блюдо во внутренние покои дома, и, когда девушка сделала это, он схватил ее и стал умолять отдаться ему. Тогда девушка воскликнула: «Брат! Ты не смеешь изнасиловать меня и не дерзнешь, совершив такой безбожный поступок, нарушить законы и навлечь на себя страшный позор. Удержи поэтому свою беззаконную и грязную страсть, результатом которой может быть лишь срам и позор для нашей семьи». Вместе с тем она посоветовала Амнону поговорить об этом деле с отцом, который, пожалуй, согласится на их брак. Все это она говорила с целью избавиться в данную минуту от его назойливых приставаний. Амнона, однако, не убедили доводы сестры, и он, сжигаемый и распаляемый жгучей страстью своей, изнасиловал ее. Но так же быстро, как охватила его страсть к обладанию девушкой, на него напало и чувство отвращения к ней, и он с ругательствами велел ей немедленно удалиться. Когда же та стала жаловаться, что это оскорбление хуже первого, если он, изнасиловав ее, не позволит ей остаться здесь до наступления ночи, то Амнон приказал ей убираться немедленно днем, при всем народе, чтобы люди были свидетелями ее позора, и даже повелел слуге вышвырнуть ее из дома. В глубоком отчаянии, вследствие нанесенного ей обидного насилия, Фамара разодрала свою верхнюю одежду (в древности девушки носили доходившие до бедер кофты с рукавами, чтобы хитон не был виден) и, посыпав голову пеплом, пошла по всему городу, громко плача о нанесенном ей оскорблении. Тут встретился с ней брат ее Авессалом и спросил ее, какое несчастье постигло ее. Когда Фамара рассказала ему о своем позоре, он стал утешать ее и просил успокоиться и не так убиваться, указывая на то, что не на нее падает позор, если она изнасилована братом. Эти доводы заставили ее прекратить свой громкий плач и не распространять в народе молвы о нанесенном ей оскорблении; затем она надолго поселилась у брата своего Авессалома, ища утешения в слезах.

2. Узнав обо всем этом происшествии, Давид ужасно рассердился на Амнона, но так как он очень любил его (Амнон был его старшим сыном), то не хотел огорчать его. Между

тем Авессалом возгорел страшной ненавистью к брату и втайне ожидал лишь удобного случая для того, чтобы отомстить ему за его безобразный поступок. Таким образом прошло два года с тех пор, как сестра его сделалась предметом поругания для Амнона.

Однажды Авессалом собрался на стрижку своих овец в городе Вельсефоне (это город в области колена Ефремова) и пригласил к себе на пир отца своего с братьями. Но когда отец, не желая быть сыну в тягость, отклонил это приглашение, Авессалом попросил его прислать к нему хоть братьев; на эту просьбу Давид согласился. Авессалом же приказал своим слугам, по данному им знаку, безбоязненно броситься на Амнона и убить его, когда увидят, что он опьянел и его клонит ко сну. Когда слуги исполнили это приказание, ужас и смущение охватили братьев, и они, испугавшись за свою собственную безопасность, вскочили на коней и понеслись к отцу своему. Но кто-то успел опередить их и возвестил Давиду, что все сыновья его убиты Авессаломом. При мысли, что он потерял зараз стольких сыновей и притом от руки их собственного родного брата, сильнейшая скорбь обуяла Давида, и он, не расспрашивая о причине такого злодеяния и не желая узнавать никаких подробностей, как то было бы естественно при получении известия о столь ужасном и даже невероятном преступлении, разодрал свою одежду и бросился навзничь на землю, оплакивая всех сыновей своих, как умерщвленых, так и самого убийцу. Но Ионаф, сын брата его Самы, стал уговаривать Давида посдержать свое горе и не верить в смерть всех его сыновей (потому что нельзя было бы подыскать даже причину такого факта) и сказал, что относительно судьбы Амнона действительно следовало бы навести справки: весьма возможно, что Авессалом решился на убийство его в отмщение за изнасилование Фамары. Во время этого разговора слух их приковал к себе топот лошадей и шум от приближающейся толпы людей. То были сыновья царя, ускакавшие из-за стола Авессалома. Со слезами на глазах они бросились к отцу, который со скорбью встретил их и с восторгом убедился, что, паче чаяния, перед ним стоят невредимыми те, о гибели которых ему только что сообщили. Затем раздался общий плач и стон: братья оплакивали погибшего брата, царь же — насильственную смерть сына.

3. Между тем Авессалом бежал в Гефсуру[24] к своему деду со стороны матери, который правил тамошней областью, и оставался у него в продолжении целых трех лет.

4. Наконец Давид решил послать за своим сыном Авессаломом, и притом не для того, чтобы наказать его, но для того, чтобы иметь его при себе, так как с течением времени гнев его на Авессалома прошел. В этом его намерении Давида особенно поддерживал его главный военачальник Иоав, по распоряжению которого к царю явилась престарелая женщина в траурном платье и стала рассказывать ему, что во время полевых работ ее двое сыновей поссорились друг с другом и дошли до насильственных действий; а так как вблизи не было никого, который мог бы остановить их, то один из ее сыновей был убит своим братом. Затем старуха просила Давида оказать ей милость и оградить жизнь ее сына-убийцы, так как все родственники вооружились против него и стараются умертвить его, и тем не отнимать у нее последней на старости лет поддержки. Это, продолжала она, царь в состоянии сделать, воспретив родственникам убивать ее сына: они в данном случае не отступят ни перед чем, кроме как перед страхом перед ним. Когда царь выразил согласие на исполнение просьбы старухи, последняя тотчас сказала ему: «Благодарю тебя за твою милость, с которой ты сжалился над моей старостью и моей полной бездетностью; но для того, чтобы мне вполне можно было положиться на твои человеколюбивые намерения, то прости для начала своего собственного сына и прекрати гнев свой на него. Ибо как могла бы я быть совершенно уверенной в том, что ты действительно явишь мне обещанную милость, если ты сам до сих пор питаешь злобу на собственного сына за совершенно аналогичное преступление? Было бы вполне безрассудно добровольно пожертвовать сыном, если другой сын погиб против нашего желания». Царь понял, что все это дело подстроено Иоавом и обусловлено привязанностью последнего (к Авессалому), и когда он спросил об этом старуху и узнал от нее, что дело действительно обстоит так, то Давид велел позвать Иоава и сказал ему, что предложение его принято и что Авессалому разрешается возвратиться, потому что царь более уже не гневается на него. Иоав пал ниц перед Давидом, благодарил его за его решение и затем

немедленно отправился в Гефсуру, взял Авессалома и вернулся с ним в Иерусалим.

5. Когда царь узнал о том, что сын его уже находится на возвратном пути к нему, то он выслал к нему навстречу людей с приглашением Авессалому явиться в город, причем велел присовокупить, что он, царь, еще недостаточно успокоился, чтобы принять сына немедленно по его прибытии. Ввиду этого Авессалом избегал встречи с отцом и спокойно сидел у себя дома в кругу родных. Впрочем, ни горе, ни отсутствие той заботливости, на которую он, в качестве царского сына, имел бы право рассчитывать, не умалило его (прежней) красоты; напротив, он все еще отличался среди прочих своим красивым лицом и статным ростом и в этом отношении превосходил даже тех, кто жил в роскоши и неге. Обилие волос на голове у него было таково, что на стрижку их требовалось без малого восемь дней, и волосы эти весили двести сиклов, то есть пять фунтов.

Таким образом, Авессалом прожил в Иерусалиме два года. Он был уже отцом трех сыновей и одной необыкновенно красивой дочери, которую впоследствии взял в жены сын Соломона, Ровоам. Она родила последнему ребенка по имени Авия. Однажды Авессалом обратился к Иоаву с просьбой устроить окончательное примирение его с отцом и добиться от него разрешения на личное свидание. Но так как Иоав не обратил внимания на эту просьбу, то Авессалом послал нескольких людей своих с поручением поджечь его поля, которые граничили с его собственными владениями. Когда Иоав узнал об этом, то он пошел к Авессалому, стал укорять его и спросил о причине такого поступка. Авессалом же ответил: «Я придумал это средство для того, чтобы побудить тебя прийти ко мне, потому что ты, несмотря на полную с твоей стороны возможность, отнесся безучастно к моей просьбе примирить меня с отцом. И так как ты теперь явился ко мне, то очень прошу тебя, устрой это дело поскорее: если отец мой еще дольше будет пребывать в своем на меня гневе, то я готов считать свое здесь пребывание более тяжелым, чем прежнюю ссылку». Иоав убедился этими доводами, сжалившись над положением Авессалома, отправился к царю в качестве посредника и, переговорив с ним об его сыне, так склонил его в пользу Авессалома, что Давид велел немедленно позвать его

к себе. Когда Авессалом бросился перед ним на колени и стал умолять его о прощении, царь поднял его и объявил ему о помиловании[25].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Достигнув таких результатов у отца своего, царя, Авессалом в весьма короткое время добыл себе много лошадей и много боевых колесниц и окружил себя отрядом оруженосцев в пятьдесят человек. Каждый день поутру он ходил во дворец, вступал в интимные разговоры с людьми, которые, явившись туда на суд, проигрывали свои процессы, говорил им, что у отца советники нехороши и что приговоры против них постановлены несправедливо. Таким образом он привлекал к себе всеобщую симпатию и заявлял, что, если бы ему была предоставлена такая власть, он лично стоял бы на почве законности и на страже их интересов. Склонив чернь такими обещаниями на свою сторону и убедившись, что успел уже заручиться ее расположением, Авессалом пошел к отцу просить его, ввиду истечения четырех лет со времени их примирения, разрешить ему отправиться в Хеврон, чтобы там принести Господу Богу ту жертву, которую во время изгнания он обещал принести Ему. Заручившись согласием Давида, Авессалом отправился в путь, и с ним двинулась огромная масса простого народа, который был собран специально с этой целью разосланными во все стороны агитаторами.

2. В числе спутников Авессалома оказались также гелмонеец Ахитофел, советник Давида, и двести других иерусалимских граждан, которым ничего не было известно о готовящемся предприятии и которые приняли участие в поездке лишь для того, чтобы присутствовать при жертвоприношении. Между тем Авессалом так ловко устроил свои дела, что был всеми своими спутниками провозглашен царем. Когда об этом было доведено до сведения Давида и он против ожидания услышал такие вещи о своем сыне, то крайне испугался и вместе с тем удивился его безбожной дерзости, в силу которой тот не только забыл о недавнем помиловании, но и присоединил к прежнему своему проступку еще более гнусное безобразие и беззаконие, так как, во-первых, царская власть предназначалась Господом Богом не ему, а во-вторых,

он стремился к умерщвлению родного отца своего. При таких обстоятельствах Давид, однако, решился искать спасения в бегстве на ту сторону Иордана. Поэтому он созвал самых преданных друзей, сообщил им о преступлении, совершенном его сыном, и, предоставив все на благоусмотрение Господа Бога, покинул свой дворец, поручив заведование им своим десяти наложницам, и выступил из Иерусалима в сопровождении охотно примкнувшей к нему толпы народа и тех шестисот тяжеловооруженных воинов, которые еще при жизни Саула не покидали его и делили с ним тягости ссылки. Первосвященников же Авиафара и Садока, решившихся было удалиться вместе с ним из города, равно как и всех левитов с кивотом Завета, он уговорил остаться в Иерусалиме, ссылаясь на то, что Господь Бог защитит его даже и в том случае, если он не повезет с собой священного Кивота. Вместе с тем Давид сделал распоряжение, в силу которого о всех происшествиях немедленно тайно доносили бы ему. Особенно верных исполнителей этого повеления нашел он в лице сыновей первосвященников Садока и Авиафара, Ахима и Ионафа. Также и гиттеец Ефей примкнул к Давиду против воли последнего (царь уговаривал его остаться) и тем самым еще более выказал свою преданность царю. Когда же последний с необутыми ногами проходил по горе Элеонской и все, сопровождавшие его, плакали, Давиду было принесено известие, что и Ахитофел примкнул к Авессалому и вполне разделяет его взгляды. Эта новость еще сильнее опечалила Давида, и он стал умолять Господа Бога разъединить Авессалома и Ахитофела, потому что боялся, как бы последний, человек очень умный и крайне решительный, не стал советовать Авессалому крайностей. Взобравшись затем на вершину горы, Давид стал смотреть на внизу раскинувшийся город и потом со слезами на глазах, как человек, изгнанный из своего царства, молиться Предвечному. Вскоре затем ему встретился его верный друг по имени Хуси. Видя, как этот человек раздирает свою одежду, посыпает голову пеплом и горько плачет над переменой в судьбе Давида, царь стал его утешать и успокаивать в его горе, а затем стал просить его отправиться и для виду, как бы единомышленник, примкнуть к Авессалому, разузнать сокровенные планы последнего и противодействовать советам Ахитофела: таким-де образом, приба-

вил Давид, он поможет ему больше, чем если останется при нем. Убежденный доводами Давида, Хуси покинул его и прибыл в Иерусалим, куда вскоре затем приехал и Авессалом.

3. Не успел Давид пройти еще некоторое расстояние, как встретился ему раб Мемфивосфа Сива, которого последний отправил в виде надзирателя над всем имуществом, полученным им, в качестве сына Ионафа, сына Саулова, в подарок от Давида. Сива вел двух ослов, нагруженных съестными припасами, и предложил царю и его спутникам взять себе из этих припасов сколько угодно. На вопрос Давида, где Сива оставил Мемфивосфа, тот ответил, что он находится сейчас в Иерусалиме и ожидает, что во время настоящих смут его изберут в цари в память благодеяний, оказанных жителям Саулом. Сильно на это разгневавшись, царь подарил Сиве все то, что он раньше уступил Мемфивосфу, считая Сиву гораздо более достойным этих благ, чем самого Мемфивосфа. Сива был, конечно, чрезвычайно обрадован такой милостью.

4. Когда Давид вскоре затем прибыл в местность, носящую название Ваурин, тут встретился с ним родственник Саула, Семеей, сын Гиры, стал бросать в него каменьями и поносить его. Несмотря на присутствие друзей Давида, которые слышали и видели все это, Семеей все больше и больше ругал царя, называя его кровопийцей и корнем всякого зла. При этом он приказывал Давиду, как человеку запятнанному и проклятому, покинуть страну, а сам благодарил Господа Бога за то, что Он отнял у Давида царскую власть и наказал его тем, что его собственный сын поступает теперь относительно его так, как сам Давид некогда поступил со своим государем (Саулом). Когда все присутствовавшие выразили Семеею свое глубокое негодование, а Авессей даже собирался умертвить его, Давид успокоил его и сказал: «Не станем присоединять к настоящему бедствию еще новый повод к неприятностям. Ведь то, что изрыгает против меня эта бешеная собака, не навлекает на меня позора, да и не вызывает во мне опасений; я совершенно покоряюсь воле Всевышнего, который допустил безумную выходку этого человека против нас. Нет ничего удивительного в том, что мне приходится терпеть это от такого человека, раз я подвергся гонениям со стороны (собственного) безобразника сына». Затем он продолжал путь свой, не обращая внимания на Семеея, который

бежал по другому склону горы и поносил его жестоко. Когда же Давид достиг Иордана, он предложил своим спутникам расположиться здесь на отдых.

5. Между тем Авессалом и его советник Ахитофел прибыли со всем народом в Иерусалим. Сюда явился к ним и друг Давида и, преклонившись перед Авессаломом, пожелал ему долголетнего и прочного царствования. Когда же Авессалом спросил, каким таким образом он, бывший прежде одним из наиболее преданных его отцу друзей, который, казалось, не мог отступиться от этой своей верности, теперь находится не при Давиде, но покинул последнего и перешел на его, Авессалома, сторону, Хуси отвечал ловко и разумно, что всегда следует идти за Богом и народом. «Так как оба они, о владыка, теперь на твоей стороне, то и я, очевидно, должен примкнуть к тебе; ведь ты получил царскую власть от Предвечного. Если ты примешь меня в число друзей своих, то я отнесусь к тебе с той же верностью и преданностью, с которыми, как ты сам знаешь, я относился к отцу твоему. Впрочем, даже и не приходится быть недовольным настоящим положением вещей; ведь царская власть не перешла в руки другой династии, но осталась в той же семье, лишь достоянием сына сделалась она». Этими словами Хуси убедил Авессалома, который отнесся было к нему с недоверием.

Затем Авессалом призвал к себе Ахитофела и стал совещаться с ним, как поступить дальше. Тот посоветовал ему войти в сношения с наложницами отца, потому что таким образом народ окончательно убедится в невозможности его примирения с отцом и с большей готовностью будет участвовать вместе с ним в военных действиях против отца. До сих же пор люди боялись открыто объявлять Давиду войну, потому что опасались возможности обоюдного примирения. Следуя этому совету, Авессалом приказал своим слугам поставить его шатер над царским дворцом и на глазах народа сошелся с наложницами отца своего. Таким образом, оправдалось предсказание Нафана относительно оскорбления Давида его собственным сыном.

6. Поступив сообразно указанию Ахитофела, Авессалом снова обратился к нему за советом относительно того, как ему вести войну с отцом. Этот потребовал у него десять тысяч отборных воинов и обещал при помощи их умертвить

его отца, привести к Авессалому живьем приверженцев Давида и вполне утвердить за ним царскую власть, когда Давида уже более не будет в живых. Этот способ понравился Авессалому, и он велел привести к себе Хуси, друга Давидова (так он все еще продолжал называть его). Сообщив Хуси о плане Ахитофела, Авессалом спросил и его о его мнении. Но этот, понимая, что, если план Ахитофела будет приведен в исполнение, Давид рискует быть схваченным и убитым, стал настаивать на противоположном и сказал: «О царь, тебе ведь отлично известна храбрость отца твоего и его приверженцев, потому что они вели неоднократные войны и всегда побеждали врагов своих. Вероятно, теперь отец твой расположился лагерем, так как ему отлично знакомы все военные хитрости и он прекрасно предвидит всякие ухищрения наступающих неприятелей. Под вечер же он покинет своих людей и скроется в одной из долин или спрячется в засаду за какой-нибудь скалой. Когда затем наши войска сойдутся с его силами, то его люди немного подадутся назад, чтобы, в сознании близости своего царя, еще храбрее оказывать нам сопротивление. И вот как раз в самый разгар боя отец твой внезапно появится из своей засады и тем самым еще более воспламенит военный пыл своих воинов, которые еще охотнее бросятся за него навстречу опасности и совершенно подавят твои войска. Поэтому прими теперь во внимание и мой совет и, признав его более целесообразным, откажись от плана Ахитофела и пошли по всей стране еврейской вестников с приглашением начать войну против отца твоего. Стань затем лично во главе своего войска в качестве военачальника и не доверяй этого дела никому другому. Очевидно, что тебе будет легко победить отца, если ты открыто сразишься с ним, у которого в распоряжении столь ничтожные силы, потому что у тебя самого будет в руках много десятков тысяч людей, желающих выказать тебе свое рвение и свою тебе преданность. Если же бы отец твой засел в какое-нибудь место и стал ждать там осады, то мы возьмем и этот город с помощью осадных орудий и подземных подкопов». Этот совет пришелся Авессалому более по вкусу, чем план, предложенный Ахитофелом. Господь Бог сам так устроил, что Авессалом предпочел мнение Хуси совету его противника.

7. После этого (Хуси) поспешил к первосвященникам

Садоку и Авиафару, сообщил им о советах, преподанных Авессалому Ахитофелом и им самим, и, сказав, что, по-видимому, Авессалом склоняется на сторону его плана, просил послать к Давиду с извещением о принятом решении и с советом поскорее переправиться через Иордан, чтобы сын его, внезапно изменив принятое решение свое и вздумав пуститься за ним в погоню, не захватил его врасплох раньше, чем Давид успеет скрыться в безопасном месте. Между тем первосвященники держали сыновей своих за пределами города наготове, чтобы каждую минуту быть в состоянии извещать Давида о положении дел. Ввиду этого они тотчас отправили к ним верную рабыню с извещением о планах Авессалома и приказали сыновьям своим скорее сообщить обо всем этом Давиду. Юноши не теряли попусту времени, но лишь только получили приказания отцов своих, явились точными и добросовестными исполнителями этих повелений и, считая священной обязанностью своей поскорее и получше исполнить поручение, немедленно отправились к Давиду. Когда они уже были в расстоянии двух стадий от города (Иерусалима), их заметило несколько всадников, которые донесли об этом Авессалому, а этот, в свою очередь, немедленно послал их в погоню за юношами с приказанием схватить их. Заметив за собой погоню, сыновья первосвященников тотчас свернули с большой дороги в лежавшую невдалеке от Иерусалима деревню (имя которой было Вахур) и тут попросили какую-то женщину спрятать их в каком-нибудь безопасном месте. Женщина спустила юношей (на канате) в колодец и прикрыла его сверху войлоком; когда же прибыли преследователи и стали расспрашивать ее о беглецах, то она не отрицала того, что их видела, но сказала при этом, что они у нее лишь напились воды и затем пустились в дальнейший путь; тут же она высказала предположение, что, если преследователи будут усердно продолжать свое дело, они наверно настигнут юношей. После того как люди, высланные в погоню, долго и тщетно искали сыновей первосвященников, они, наконец, решили вернуться обратно; женщина, в свою очередь, увидела их возвращение и поняла, что теперь для юношей уже нет никакой опасности попасть им в руки; поэтому она извлекла их из колодца и посоветовала им спокойно продолжать свой путь. Те быстро и охотно последовали ее совету, скоро

прибыли к Давиду и в точности сообщили ему обо всем том, что Авессаломом было решено относительно его. Ввиду этого, несмотря на то, что уже наступила ночь, Давид отдал приказание своим людям немедленно переходить через Иордан.

8. Между тем Ахитофел, видя, что его совет отвергнут (Авессаломом), сел на мула и отправился на родину, в Гелмон;[26] тут он созвал всех своих близких, сообщил им о том плане, который он предложил было Авессалому, и высказал предположение, что последний, не приняв его совета, очевидно, в скорейшем времени должен будет поплатиться за это собственной гибелью, тогда как Давид одержит над ним верх и вернет себе царскую власть. Ввиду этого, продолжал Ахитофел, он предпочитает добровольно и мужественно наложить сам на себя руки, чем попасться Давиду и подвергнуться с его стороны позорному наказанию за ту поддержку, которую он оказывал Авессалому в борьбе против него. С этими словами Ахитофел отправился в дом свой и там повесился. Родственники вынули его, который стал, таким образом, сам судьей над своей жизнью и смертью, из петли и похоронили его.

Между тем Давид, перейдя, как мы уже сказали, через Иордан, прибыл в «*Лагерь*»[27], очень красиво расположенный и хорошо укрепленный город. Все выдающиеся представители той местности приняли его с большим почетом, отчасти из сострадания к тому, что Давиду пришлось спасаться бегством, отчасти ввиду его прежнего величия. То были: галаадец Верзелей, Сифар, правитель области амманитской, и Махир, представитель Галаада. Все эти лица доставили Давиду и его спутникам все необходимые предметы и припасы, так что у них не было недостатка даже в постелях, не говоря уже о хлебе и вине. Вместе с тем они отдали им значительное количество скота и не только позаботились о том, чтобы удовлетворить их настоятельнейшие нужды, но и о том, чтобы доставить им в надлежащей мере все удобства, столь необходимые для людей переутомленных[28].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. В таком положении находились Давид и его приверженцы, когда Авессалом, собрав огромное еврейское войско, по-

вел его против отца своего, переправился через Иордан и остановился невдалеке от Маханаима в стране галаадской. Главным военачальником над всеми вооруженными силами своими он назначил, вместо родственника его Иоава, Амессу. Дело в том, что Амесса был сыном Иофарса и Авигеи; последняя же и мать Иоава, Саруйя, были сестрами Давида. Когда Давид подсчитал количество своих воинов и нашел, что их у него четыре тысячи, то решил не выжидать нападения Авессалома, но поставил над своими войсками тысяцких и сотников и, разделив все свои силы на три отряда, подчинил один из них ведению Иоава, другой брату его Авессею, а командование третьим отрядом предоставил своему закадычному старому другу Ефею из города Гитты. И сам Давид хотел было принять участие в бою, но друзья не допустили его до этого, удержав его от того весьма разумным соображением, а именно что, если они будут побеждены вместе с ним, он должен будет раз навсегда оставить всякую надежду на возвращение к власти; если же один отряд его даже потерпит поражение, то остальные два явятся к нему, и он успеет своим присутствием придать им еще более уверенности и силы, да и враги, очевидно, предположат, что у него имеется еще другое войско. Склонясь в пользу этого совета, Давид решил сам остаться в Маханаиме. Когда же он стал отпускать друзей своих и военачальников в бой, то обратился к ним с увещеванием выказать свою храбрость и верную ему преданность в память того доброго расположения, которое он, Давид, всегда выказывал по отношению к ним. При этом он также просил пощадить, в случае победы над ним, его сына Авессалома, дабы ему, Давиду, не пришлось наложить на себя руки, если Авессалом падет в битве. Затем он пожелал войску победы и отпустил его в бой.

2. Иоав выстроил свой отряд как раз против неприятелей на большой равнине, окаймленной густым лесом; Авессалом двинул на него войска свои. Когда оба войска сошлись, то с той и другой стороны была выказана великая храбрость: воины Иоава не отступали ни перед какими опасностями и дрались с ожесточенной смелостью за то, чтобы Давид мог вернуть себе утраченную царскую власть; противники же прилагали всевозможные усилия для того, чтобы Авессалом не потерял этой власти и не попался в руки отцу, который бы

строго наказал его за совершенный им дерзкий захват этой власти. Кроме того, люди Авессалома, представляя в сравнении со своими противниками значительное большинство, боялись величайшего позора, который навлекло бы на них поражение со стороны Иоава и его малочисленного отряда, тогда как у людей Давида разыгрались страсти потому, что они старались снискать себе славу одержанием победы над столькими десятками тысяч врагов. В конце концов победа осталась за воинами Давида, так как они были физически сильнее своих противников, да и опытнее в военном деле. Когда враги ударились в бегство, они пустились за ними в погоню по лесам и ущельям и перебили их множество, так что во время этого бегства их погибло больше, чем в самой битве, а именно в тот день пало около двадцати тысяч человек. Приближенные же Давида все устремились за Авессаломом, который выделялся среди своих воинов как красотой, так и огромным ростом. Боясь попасться в руки врагов, он вскочил на царского мула и также ускакал. И вот пока он налегке мчался со страшной быстротой, густые и длинные волосы его вдруг запутались в ветвях огромного дерева, и он повис на нем в то время, как мул помчался дальше, не заметив, что хозяин его уже более не сидит на нем. Повиснув таким образом на ветвях дерева, Авессалом был окружен врагами.

Увидев это, один из воинов Давида доложил о том Иоаву и, когда последний сказал ему, что он подарил бы пятьдесят сиклов, если бы он убил Авессалома, ответил: «И хотя бы ты мне предложил даже тысячу сиклов, я бы не решился поднять руку на сына моего государя, тем более что все мы слышали, как Давид просил пощадить юношу». Затем Иоав приказал воину указать ему место, где он видел Авессалома повисшим на дереве, пошел туда и пустил ему стрелу в самое сердце. Оруженосцы же Иоава, окружив труп, сняли его с дерева и, бросив тело в глубокую темную яму, завалили ее камнями, пока она не наполнилась совершенно и не приняла вида большой могилы. После этого Иоав велел трубить своим людям отбой и тем положил конец погоне за неприятельским войском, желая пощадить своих единоплеменников.

3. Авессалом раньше воздвиг в так называемой «*царской долине*», находящейся в расстоянии двух стадий от Иеруса-

лима, мраморную колонну, которую назвал «собственной своей рукой», говоря, что, даже если все его потомство погибнет, имя его останется все-таки жить в этой колонне. Детей у него было четверо: трое сыновей и дочь Фамара, о которой мы уже выше упоминали[29]. Последняя вышла (впоследствии) замуж за внука Давида, Ровоама, и родила ему сына Авию, к которому перешла затем царская власть. Но об этом у нас будет речь впереди, в своем месте. После смерти Авессалома люди его рассеялись в разные стороны и разошлись по домам.

4. Тем временем Ахимас, сын первосвященника Садока, явился к Иоаву с просьбой разрешить ему отправиться к Давиду, чтобы объявить ему о победе и о том, что с Божьей помощью и поддержкой все сошло как нельзя лучше. Иоав, однако, возразил, что не подобает Ахимасу, который до сих пор являлся к Давиду лишь с радостными известиями, прийти теперь к нему с извещением о смерти его сына, и поэтому велел ему остаться при нем, сам же позвал Хуси и поручил ему сообщить царю все то, чего он был свидетелем. Но так как Ахимас еще настоятельнее стал просить Иоава поручить именно ему донесение царю об исходе боя (причем он обещал довести до сведения Давида лишь известие об одержанной победе, а о смерти Авессалома хотел умолчать вовсе), то Иоав наконец согласился отпустить его к Давиду. Ввиду этого Ахимас выбрал кратчайший, ему одному известный путь и опередил таким образом Хуси. Между тем Давид сидел у ворот дома и поджидал, не явится ли кто-нибудь к нему с известиями об исходе битвы. Тогда кто-то из сторожей увидел бегом приближающегося Ахимаса, но, не будучи в состоянии различить, кто это, сообщил Давиду, что к нему бежит гонец. Когда же царь выразил пожелание, чтобы то был человек с хорошим известием, сторож сообщил ему, что идет еще второй посланец. Лишь только Давид повторил свое пожелание о том, чтобы и второй гонец принес ему доброе известие, как сторож узнал Ахимаса, сына первосвященника Садока, и заявил об этом Давиду, который страшно ему обрадовался и сказал, что этот гонец возвещает добро и несет сообщение о благополучном исходе сражения.

5. Не успел царь сказать это, как прибежал Ахимас, пал перед царем ниц и, на вопрос последнего об исходе боя, воз-

вестил ему полнейшую победу. Когда же Давид затем спросил его, что он может сообщить ему о судьбе сына, то Ахимас ответил, что он отправился к Давиду в путь немедленно после того, как враги были обращены в бегство, но что слышал, как войска с громким криком бросились преследовать Авессалома. Больше он относительно Авессалома ничего не был в состоянии узнать, потому что, по поручению Иоава, должен был поспешить возвестить царю об одержанной победе. Так как в это же время подоспел и Хуси и, прибежав к Давиду, бросился перед ним на землю, то царь обратился к нему с вопросом об участи сына, на что тот ответил: «Да постигнет всех твоих врагов судьба Авессалома». Эти слова сразу положили конец великой радости Давида и его приближенных по поводу одержанной победы. Сам Давид взобрался на самую верхушку городских ворот и там стал громко оплакивать гибель сына. При этом он бил себя в грудь, рвал волосы на голове, всячески выказывал глубокое горе свое и кричал: «О, если бы, дитя мое, смерть постигла и меня вместе с тобой!» Давид вообще отличался большой привязанностью к своим родным, а особенной симпатией его всегда пользовался Авессалом. Когда же войско и Иоав узнали, что царь так горюет о гибели сына, то им было стыдно вступить в город гордыми победителями со всей подобавшей такому случаю помпой, но все они вернулись удрученными и со слезами на глазах, как будто понесли поражение. А так как царь заперся в своей комнате и продолжал оплакивать судьбу сына, то Иоав вошел к нему и, желая его несколько успокоить, обратился к нему со следующими словами: «О государь! Ты, видно, сам не знаешь, как ты унижаешь себя, поступая таким образом, а именно делая вид, будто ты ненавидишь людей, преданных тебе всей душой и подвергавшихся за тебя и всю твою семью опасностям, тогда как выражаешь расположение и любовь к злейшим врагам своим и печалишься над смертью тех, кто умер заслуженным образом. Ведь если бы победа осталась на стороне Авессалома и он тем самым упрочил бы за собой царскую власть, он никого бы из нас не пощадил, но все мы, начиная с тебя самого и детей твоих, погибли бы от руки его самым безжалостным образом, причем враги наши не только не подумали бы оплакивать нас, но, напротив, очень обрадовались бы нашей гибели и безжалостно стали бы наказы-

нать всех тех, кто вздумал бы выразить сожаление о постигшем нас бедствии. Между тем тебе не стыдно так относиться к злейшему врагу своему, который, несмотря на то, что был твоим собственным сыном, поступил так бессердечно с тобой! Умерь поэтому свою совершенно неуместную печаль, покажись своим воинам и поблагодари их за выказанную в деле храбрость. Если же ты будешь все-таки настаивать на своем, я еще сегодня уговорю народ отложиться от тебя и передать царскую власть другому лицу. Этим я, наверное, доставлю тебе повод действительно заслуженно печалиться».

Этими словами Иоав положил конец мучительной печали Давида и направил мысли царя на настоящее положение дел. Он принял другой облик, так что ему теперь уже стало возможным явиться на глаза народу, и сел у городских ворот, а весь народ, узнав об этом, стал стекаться к нему и приветствовать его. Так окончилась война Давида с Авессаломом[30].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Вернувшись к себе домой, те из сражавшихся вместе с Авессаломом евреев, которые успели избегнуть гибели в бою, стали рассылать по городам посланцев с напоминанием об оказанных им некогда Давидом благодеяниях и о том, что он путем целого ряда затруднительных войн доставил им свободу, а также с указанием на ту обиду, которую они нанесли ему теперь тем, что свергли его с престола и отдали царскую власть другому лицу; при этом они просили, ввиду того, что провозглашенный ими государь теперь уже более не находится в живых, убедить Давида не только не сердиться дольше на них, но и по-прежнему относиться к ним опять с добрым расположением, а также принять по-старому бразды правления. Также и к Давиду беспрестанно являлись посланные с выражением подобных же пожеланий, и ввиду этого царь послал к первосвященникам Садоку и Авиафару с поручением вступить в сношения с начальствующими над коленом Иудовым лицами и указать им, что им приходится особенно стыдиться того обстоятельства, что прочие колена вновь признают Давида своим царем раньше их, которые вдобавок являются наиболее близкими по происхождению и единокровными с ним людьми. То же самое поручил он ска-

зать и военачальнику Амессе и представить ему всю неуместность того, что он, Амесса, несмотря на то, что является племянником Давида по сестре, все-таки не побуждает подчиненного ему войска признать Давида царем; при этом царь велел присоединить уверение, что он не только готов примириться с ним (тем более что это, в сущности, уже совершившийся факт), но и предоставить ему, как было при Авессаломе, главное начальствование над всем войском. Первосвященники действительно не только вступили в соответствующие переговоры со старейшинами отдельных колен, но и склонили Амессу на предложение царя и побудили его принять это предложение. Вместе с тем Амесса тотчас уговорил представителей колена (Иудова) отправить к Давиду посольство с изъявлением просьбы вновь принять на себя царскую власть. Благодаря побуждению того же Амессы так же поступили и все прочие израильтяне.

2. Когда посланные явились с этой просьбой к Давиду, последний (тотчас) отправился в Иерусалим. Раньше всех других выступили навстречу царю: колено Иудово, представшее перед ним вблизи реки Иордан, а также Семеей, сын Гиры, с тысячью воинов, которых он успел набрать в области колена Веньяминова, и вольноотпущенник Саула, Сива, со своими пятнадцатью сыновьями и двадцатью прислужниками. Последние совместно с представителями колена Иудова построили на реке мост, чтобы царю с его приближенными облегчить переход. Когда же Давид прибыл к Иордану, то колено Иудово приветствовало его, а затем Семеей пал на мосту ниц и, охватив ноги царя, стал молить его о прощении во всех содеянных им проступках и прося не поступать с ним по всей строгости и не ознаменовывать своего вновь восстановленного правления казнью, но принять во внимание, что он, Семеей, чистосердечно раскаялся в своих преступлениях и поспешил первый выйти царю навстречу. И пока Семеей так умолял его и взывал к милосердию Давида, брат Иоава, Авессей, сказал: «Неужели ты все-таки не будешь казнен за то, что ты осмелился поносить ставленника Божьего на царство?» Царь же обратился к нему и сказал: «Неужто вы, сыновья Саруйи, не прекратите ваших споров? Не вздумайте возбуждать у нас новые смуты и распри в дополнение к старым. Ведь вам отлично известно, что я сегодня как бы вновь начи-

наю править государством. Поэтому, клянусь, всех провинившихся я освобождаю от всякой ответственности и не желаю наказывать никого из них. Ты же, — закончил он речь свою, — обратясь к Семеею, успокойся и не бойся более за свою жизнь». Семеей пал еще раз ниц перед Давидом и двинулся впереди него по мосту.

3. Затем навстречу Давиду вышел и Мемфивосф, внук Саула, облаченный в грязную одежду, с беспорядочно распущенными волосами, потому что он в своей печали по поводу бегства Давида давно уже не стригся и не чистил своего платья, смотря на горе, постигшее царя, как на свое личное несчастье. Кроме того, он подвергся перед царем также напрасной клевете со стороны управляющего своего, Сивы. После того как он в знак привета пал ниц перед Давидом, последний обратился к нему с вопросом, почему Мемфивосф не примкнул к нему и не сопутствовал ему во время его бегства. На это тот ответил, что вина в этом падает на Сиву, который, получив от него приказание приготовить все нужное к отъезду, не обратил на это приказание никакого внимания, но отнесся к нему, как будто бы Мемфивосф был его рабом. «И если бы только, — сказал последний, — у меня были здоровые ноги, я не оставил бы тебя и мог бы пешком поспешить за тобой в изгнание. Но тот человек (Сива) не только заставил меня, государь, поступить так нехорошо с тобой, но и нашел вдобавок возможным самым безобразным способом оклеветать меня перед тобой и налгать тебе на меня. Впрочем, я знаю, что подобная вещь не может проникнуть в твою душу, отличающуюся стремлением к истине, желающую укрепления правды и любящую Господа Бога. Ведь ты подвергался со стороны моего деда еще большим невзгодам, и за это следовало бы, чтобы весь род наш был истреблен; тем не менее ты явил нам свое мягкое сердце и доброту свою, как раз в то самое время предав забвению все нанесенные тебе обиды, когда ты располагал наибольшей властью наказать нас за все эти преступления. Напротив, ты отнесся ко мне как к ближайшему своему другу, принял меня в число постоянных своих сотрапезников и не забывал оказывать мне даже такие почести, которые обыкновенно являются уделом лишь самых близких родственников». Выслушав эту речь, Давид решил не взыскивать с Мемфивосфа (за его неявку), но и не

наказывать Сиву за его ложный донос; при этом царь сказал Мемфивосфу, что, хотя он отдал Сиве все его, Мемфивосфа, имущество, он, однако, теперь готов простить его и вернуть ему половину этого имущества, на что Мемфивосф ответил: «Пусть Сиве останется все; я уже доволен тем, что ты вернул себе назад царскую власть свою».

4. Галаадца же Верзелея, человека знатного и очень порядочного, вдобавок оказавшего Давиду в Маханаиме целый ряд услуг и сопровождавшего его до Иордана, царь стал уговаривать отправиться вместе с ним в Иерусалим, причем обещал ему воздать его седине всякий почет и заботиться о нем и ходить за ним как за родным отцом. Верзелей, однако, стал отказываться от этого предложения, ссылаясь на тоску по своим домашним и по обычному своему образу жизни, а также указывая, что он, восьмидесятилетний старик, уже не может гнаться за удовольствиями, но думает только о смерти и могиле, ввиду чего и просит сделать ему одолжение — отпустить его домой, сообразно высказанному им желанию. Ведь в его возрасте, говорил он, уже не могут прельщать человека ни пища, ни питье, да и слух у него уже настолько испортился, что он не в состоянии радоваться игре на флейтах и звукам других музыкальных инструментов, которыми развлекаются царские сотрапезники. Так как Верзелей столь настойчиво просил Давида разрешить ему возвратиться домой, царь сказал: «Хорошо, тебя я отпущу, но за то предоставь мне сына своего Ахимана; с ним я буду делить свои богатства». Тогда Верзелей оставил у Давида сына своего, поклонился царю, пожелал ему полной удачи во всех его предприятиях и возвратился к себе домой. Давид же прибыл в Галгал, склонив на свою сторону уже половину всего народа и колено Иудово.

5. В Галгал с большими массами народа явились к нему также и главные старейшины страны и стали высказывать неудовольствие по поводу того, что колено Иудово отправилось к Давиду без предварительного о том оповещения их, тогда как было бы гораздо уместнее им всем вместе, по общему соглашению, устроить ему торжественную встречу. На это начальники колена Иудова ответили просьбой — не сердиться на них за такую поспешность, потому что они, ввиду родства с царем, сочли нужным раньше других выразить ему

свое расположение, причем ведь они не имели от этого никакой личной выгоды, которой бы, таким образом, лишились явившиеся позже; следовательно, последним нечего выражать свое неудовольствие. Этот довод старейшин колена Иудова, однако, нисколько не успокоил начальников прочих частей народа, и поэтому они сказали: «Мы, братья, очень удивляемся тому, что вы считаете только себя одних родственниками царя. Нам, напротив, кажется, что человек, получивший от Господа Бога власть над всеми нами, тем самым для всех нас является одинаково родным. Кроме того, весь народ состоит из одиннадцати частей, вы же представляете только одну (двенадцатую) часть его; вдобавок на нашей стороне право старшинства. Вот почему вы поступили неправильно, представ перед царем тайком от нас и не известив нас об этом».

6. В то время как предводители (отдельных колен) таким образом препирались между собой, какой-то гнусный агитатор по имени Савей, сын принадлежавшего к колену Веньяминову Вохория, с громким криком бросился в самую толпу и провозгласил: «Никому из нас не близок Давид, и нет нам никакого дела до сына Иессея». С этими словами он стал трубить в рог и тем подал знак к отпадению от царя. И действительно, тотчас все отступились от Давида и последовали за Савеем. Одно лишь колено Иудово осталось верным Давиду и направилось вместе с ним в его иерусалимский дворец.

Отсюда царь велел перевести всех тех своих наложниц, с которыми имел сношение сын его Авессалом, в другое помещение, распорядился, чтобы управляющие снабжали их всем необходимым, а сам более не сходился с ними. Затем он назначил Амессу военачальником и сравнял его по должности с Иоавом; вместе с тем он приказал ему в трехдневный срок набрать из колена Иудова возможно больше войска и явиться к нему с последним, чтобы затем, приняв начальство над всеми вооруженными силами, выступить в поход против сына Вохория. Когда же отправившийся для созыва войска Амесса замешкался с этим делом и не вернулся в назначенный срок, царь на третий день заявил Иоаву, что, по его мнению, опасно предоставлять Савею столько времени для сборов, так как мятежник имеет, таким образом, возможность сделать значительные приготовления и стать причиной

больших и гораздо значительнейших бедствий, чем были те, которые вызвал Авессалом. «Ввиду этого, — закончил Давид речь свою, — не медли теперь дольше, но возьми войска, находящиеся в нашем распоряжении, а также тех шестьсот человек, которыми командует брат твой Авессей, пустись с ними в погоню за врагом и старайся сразиться с ним, где бы ты его ни встретил. Вместе с тем поспеши и постарайся предупредить его, чтобы он не был в состоянии занять укрепленные города и тем самым не доставил нам многих и значительный затруднений».

7. Иоав и сам уже не стал медлить, но взял с собой брата и его шестьсот воинов, а также все остальные военные силы, которые находились тогда в Иерусалиме, и двинулся с ними против Савея. Когда он достиг Гаваона (это — деревня, отстоящая от Иерусалима на расстоянии сорока стадий), он встретился здесь с Амессою, который вел за собой значительное войско. Иоав был опоясан мечом и в панцире. Когда же Амесса приблизился к нему, чтобы в знак привета поцеловать его, Иоав нарочно, но как бы случайно выронил из ножен меч свой. Затем он наклонился, чтобы поднять его с земли, и, схватив приблизившегося Амессу за бороду, как бы для того, чтобы поцеловать его, быстро, так что тот не мог даже опомниться, вонзил ему меч в живот и убил таким образом Амессу наповал. Это гнусное и непростительное деяние совершил Иоав над благородным юношей, вдобавок родственником, не подававшим к тому никакого повода, исключительно из зависти, что тому было предоставлено (наравне с ним самим) начальство над войском, и за то, что он пользовался со стороны царя равным с Иоавом почетом. По такой же точно причине он уже раньше убил и Авеннира. Но для того преступления у него было хотя бы только на вид достаточное оправдание, именно то, что он мог отговариваться желанием отомстить за смерть брата своего Асаила. Для убийства Амессы же у него не было в запасе никакого подобного оправдания.

Убив своего товарища по службе, Иоав отправился в погоню за Савеем, предварительно оставив у трупа убитого одного воина с поручением провозгласить перед войском, что «Амесса умер по всей справедливости и потерпел наказание вполне заслуженно. Если же вы преданы царю, то следуй-

те за полководцем его, Иоавом, и братом последнего, Авессе-ем». А так как труп Амессы лежал у самой дороги и все войско стекалось туда к нему и, как это бывает всегда с простонародьем, выражало по поводу этой смерти свое удивление и сожаление, то приставленный к трупу страж унес его оттуда в поле подальше от большой дороги, положил его там на землю и прикрыл своим плащом. После того как это было сделано, все войска уже беспрекословно пошли за Иоавом. Пока последний искал Савея по всей стране израильской, кто-то сообщил Иоаву, что враг засел в сильно укрепленном городе Авелмахее[31]. Явившись туда, обложив город своим войском и соорудив вокруг него окопы, Иоав приказал своим воинам подкопать стены и тем разрушить их. Дело в том, что он был очень восстановлен против жителей этого города за то, что они раньше отказались впустить его к себе.

8. В городе тогда жила дальновидная и очень сообразительная женщина, которая, чувствуя, что ее родина находится на краю гибели, поднялась на городскую стену и стала просить Иоава через его солдат о разрешении переговорить с ним. Когда тот подошел к стене, женщина стала указывать ему на то, что Господь Бог назначает царей и полководцев для того, чтобы они освобождали народ еврейский от врагов и тем доставляли бы стране мир. «Ты же между тем, — продолжала она, — из всех сил стараешься разрушить и уничтожить ни в чем не повинный значительный израильский город».

На это Иоав возразил, что он молит Бога избавить его от этой необходимости, так как сам он, Иоав, вовсе не имеет намерения убивать кого-нибудь из жителей и нисколько не желает предавать разрушению такой выдающийся город, но только требует выдачи ему возмутившегося против царя Савея, сына Вохория, для казни, и затем немедленно готов прекратить осаду города и увести свое войско. В ответ на это заявление Иоава женщина возразила просьбой подождать немного (потому что ему сейчас будет переброшена через стену голова врага), сама спустилась вниз к своим согражданам и сказала им: «Неужели вы, несчастные, непременно желаете жалко погибнуть со своими детьми и женами из-за гнусного, да еще никому и не знакомого субъекта, непременно хотите именно его признать своим царем, вместо оказав-

шего нам столько благодеяний Давида, и считаете себя в силах выдержать нападение на этот один город таких значительных и отличных войск?» И действительно, подобными речами ей удалось склонить сограждан к тому, что они отрубили Савею голову и перебросили ее в лагерь Иоава. После этого царский военачальник велел трубить отбой и снял осаду; когда же он вернулся в Иерусалим, то вновь был избран главнокомандующим всей армии. Начальником над стражей телохранителей и отрядом шестисот царь поставил Ванея; Адорама сделал заведующим пошлинами; Саваф и Ахелай остались заведующими кабинетом, Суса был сделан главным секретарем, а Садок и Авиафар остались первосвященниками[32].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Спустя некоторое время страну постиг голод, и Давид обратился к Господу Богу с молитвой пощадить народ и пояснить ему, царю, причину этой напасти и средства к борьбе с ней. На это пророки сказали, что Всевышний требует удовлетворения за тех гаваонитян, которых вполне беззаконно и обманным образом перерезал Саул, тем самым нарушив данную им, военачальником Иисусом и старейшинами клятву[33]. Если Давид предоставит гаваонитянам возможность по собственному усмотрению отомстить за убитых, то Он обещает примириться с народом и избавить народ от тяготеющего над ним бедствия. Узнав, таким образом, от пророков о воле Божьей, Давид отправил к гаваонитянам посольство с запросом, каковы их требования в данном случае. Гаваонитяне отвечали, что они требуют выдачи семерых потомков из рода Саула для наказания их. Тогда Давид велел отыскать таковых и выдать их гаваонитянам, причем, однако, пощадил Мемфивосфа, сына Ионафана.

Получив потомков Саула, гаваонитяне предали их казни сообразно собственному своему усмотрению. Немедленно после этого вновь пошли дожди, и Господь опять сделал почву плодородной, положив конец предшествовавшей этому засухе. Таким образом, земля евреев по-прежнему стала богата плодами. Несколько времени спустя Давид пошел походом на филистимлян, сразился с ними, обратил их в бегство

и, бросившись за ними в погоню, оставил всех далеко за собой, так что очутился один в поле и почувствовал сильное утомление. Тут его заметил один из врагов, по имени Акмон, сын Арафа. Человек этот был исполинского роста и вооружен копьем, древко которого, по преданию, весило триста сиклов, кольчугой и мечом. Заметив усталость царя, он устремился на него, чтобы нанести смертельный удар. Тут, однако, быстро подоспел на помощь к Давиду, уже лежавшему на земле, брат Иоава, Авессей, и убил врага. Весь народ был очень взволнован тем, что царь чуть не погиб, подвергшись такой опасности, и военачальники заклинали Давида более не принимать вместе с ними личного участия в битве, чтобы своей отчаянной храбростью не лишить себя жизни, а народ той массы благодеяний, которые он может в продолжение длинного ряда лет еще присоединять к уже оказанным.

2. Когда вслед за этим до сведения царя дошло, что филистимляне собрались около города Газары, он выслал против них войско. Тогда явил особенные чудеса храбрости и стяжал себе необычайную славу хеттеянин Совакх, один из самых отважных сподвижников царя. Этот Совакх перебил множество врагов, с гордостью выдававших себя за потомков исполинов и очень кичившихся своим мужеством; этим он обеспечил победу за евреями.

После этого поражения филистимляне снова объявили войну Давиду, и последний опять выслал против них войско, в котором особенно выделился своими подвигами родственник царя, Нефан. Дело в том, что он, вступив в единоборство с храбрейшим из всех филистимлян, убил его, после чего остальные обратились в бегство, во время которого потеряли множество воинов. Спустя немного времени враги снова расположились лагерем у города Гитты, недалеко от границ еврейских владений. В числе филистимлян находился человек шести локтей вышины; на руках и на ногах у него было по шести пальцев. С этим-то воином вступил в поединок Ионаф, сын Самаса, из посланной Давидом против филистимлян рати, уложил своего противника и тем самым решил победу своего войска и стяжал себе лично почетную известность. И этот филистимлянин с гордостью указывал на свое происхождение от «исполинов». После этого случая филистимляне уже более не воевали с израильтянами.

3. Покончив наконец со всеми этими полными многоразличных опасностей войнами и имея возможность в течение остального своего царствования наслаждаться глубоким миром, Давид взялся за сложение хвалебных в честь Господа Бога гимнов в разнообразных размерах: в одних из них он употреблял трехстопный размер, другие писал пятистопным. Вместе с тем он велел заготовить массу музыкальных инструментов и научил левитов аккомпанировать себе при воспевании славы Предвечного по субботним и всем прочим праздничным дням. Устройство этих музыкальных инструментов было следующее: кифара имела десять струн, по которым ударяли палочкой, набла была снабжена двенадцатью струнами и на ней играли непосредственно пальцами; кимвалы, наконец, представляли из себя большие плоские медные тарелки. Этих данных будет достаточно для нас, чтобы мы могли себе составить некоторое понятие о вышеуказанных музыкальных инструментах[34].

4. Все ближайшие сподвижники царя отличались необычайной храбростью; между ними особенно выдавались своими военными подвигами тридцать восемь человек. Из числа их я остановлюсь, впрочем, на деяниях лишь пяти, потому что по ним можно будет составить себе совершенно ясное представление и о всех прочих, у которых были все данные для того, чтобы покорять целые страны и подчинять себе великие народы.

Итак, первым из этих героев является Иессам, сын Ахемея, который неоднократно вламывался в самый центр врагов и успокаивался не раньше, чем убивал человек девятьсот из них. За ним следует Елеазар, сын Додия, бывший с царем при Арасаме. Когда однажды израильтяне испугались множества филистимлян и ударились перед ними в бегство, он один не покинул своего поста, но ринулся на врагов и перебил массу их, так что от обилия пролитой им крови меч прилип к его рукам; когда же израильтяне увидели, что филистимляне бежали от него, то и сами они опять спустились со своих горных вершин и бросились за ними в погоню, причем им удалось одержать тогда удивительно славную победу, а войско следовало за ним и грабило убитых. Третьим является сын Ила, Кисавей, который также принимал участие в стычках с филистимлянами. Когда в деле при Сиагоне[35] евреи так-

же испугались и не устояли перед силами врагов, он один заменил собой целое войско, потому что перебил одну часть филистимлян, а другую, которая не была в состоянии справиться с ним и ударилась в бегство, стал преследовать. Такие подвиги военной доблести и физической силы явили трое поименованных героев. Когда однажды, как мы уже выше рассказали[36], в бытность царя в Иерусалиме, филистимляне напали на страну, Давид поднялся в свой укрепленный замок, чтобы вопросить Господа Бога об исходе предстоящей войны. Между тем враги уже успели расположиться станом в долине, которая тянется на расстоянии двадцати стадий от Иерусалима до города Вифлеема. Тогда Давид обратился к своим друзьям с замечанием: «Какая славная вода у меня на родине!», причем отозвался с особенной похвалой о качестве воды в цистерне у городских ворот и сказал, что если бы кто-нибудь принес ему оттуда такой воды, то доставил бы ему тем самым гораздо больше удовольствия, чем если бы сделал ему значительный подарок. Лишь только это услышали указанные три мужа, как тотчас же вскочили и, пробившись сквозь середину лагеря врагов, добрались до Вифлеема; захватив с собой воды, они вновь вернулись через вражеский стан назад к царю и сделали все это так быстро, что филистимляне, пораженные их бесстрашием и храбростью, совершенно растерялись и не посмели тронуть их, несмотря на их малочисленность. Когда же вода была доставлена царю, последний не стал пить ее, указав, что она добыта ценой опасности жизни этих людей и что поэтому к ней прикасаться невозможно. Но зато он принес ее в жертву Всевышнему и возблагодарил Его за милостивую охрану этих мужей.

К указанным трем героям присоединяется еще четвертый, брат Иоава, Авессей, которому удалось в один день истребить шестьсот неприятелей. Пятым же был Ванеас из священнического рода. Когда его вызвали на единоборство несколько братьев, славившихся в стране моавитян своей силой, то он доблестно одержал над ними победу. В другой раз ему предложил вступить в поединок какой-то необычайного роста египтянин, и Ванеас, несмотря на то, что был безоружен, убил того наповал его собственным копьем, которое он вырвал у него из рук; кроме того, он снял с еще живого своего противника его доспехи и доконал его собственным его оружием.

К этим указанным подвигам может быть причислен еще и следующий, который, если стоит по отчаянной смелости своей не выше упомянутых, то по крайней мере может выдержать с ними сравнение. В зимнее время однажды лев случайно провалился в цистерну, а так как отверстие колодца было довольно узко и, кроме того, занесено снегом, то он чуть не задохся там; не видя средства к спасению, лев начал громко рычать. Когда Ванеас, случайно проходивший мимо, услышал рев зверя, то пошел по направлению, откуда доносились звуки, спустился в цистерну и одним ударом бывшей у него в руках палки убил льва. Остальные герои являли подобные же чудеса храбрости[37].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Однажды царь Давид пожелал узнать, из скольких десятков тысяч человек состоит его народ, причем совершенно забыл о предписании Моисея — приносить при всяком счислении народа за каждое лицо в жертву Господу Богу по полсикла[38]. Итак, Давид поручил своему полководцу Иоаву отправиться по стране и подсчитать население. Несмотря на то, что Иоав выставлял всю бесполезность такого предприятия, царь не послушался его и велел ему немедленно и без проволочек приняться за подсчет евреев. Тогда Иоав взял с собой старейшин над отдельными коленами и писцов, прошел по всей стране израильской и, выяснив все количество населения, по истечении девяти месяцев и двадцати дней вернулся к царю в Иерусалим и представил царю численность всего народа за исключением колена Веньяминова, потому что, как это колено, так и Левино, он не успел подвергнуть исчислению; царь тем временем, однако, уже раскаялся в том, что так согрешил относительно Предвечного. И вот оказалось, что число израильтян, способных носить оружие и участвовать в походах, доходило до девятисот тысяч человек, а колено Иудово само по себе представляло количество четырехсот тысяч душ.

2. Однако вскоре пророки заявили Давиду, что Господь Бог гневается на него. Царь начал усердно молиться о том, чтобы Предвечный вернул ему прежнее свое благорасположение и простил бы ему его прегрешение. Тогда Всевышний

послал к Давиду пророка Гада с предложением выбора между тремя родами наказаний: желает ли он, чтобы страну в продолжение семи лет постигал голод, или чтобы враги после трехмесячной войны нанесли евреям поражение, или чтобы в течение трехдневного срока среди евреев свирепствовала моровая язва. Давид очутился в крайне затруднительном положении при необходимости решиться на одно из сопряженных с такими ужасными бедствиями наказаний, глубоко опечалился и совершенно растерялся. Однако пророк указал на неизбежность какого-либо решения и велел дать ответ поскорее, чтобы он, пророк, мог довести решение Давида до сведения Господа Бога. Тогда царь подумал, что если он выберет голод, пожалуй, скажут, что он сделал это во вред другим, а не себе, так как у него лично были большие запасы хлеба, между тем как всех прочих постигла бы вся тягость наказания; если же бы он склонился в пользу трехмесячной войны, которая должна была окончиться поражением евреев, то его опять могли бы обвинить в том, что он выбрал этот род наказания потому, что сам он окружен наиболее храбрыми защитниками и имеет значительные укрепления, в силу чего ему, конечно, не приходится опасаться за свою собственную персону. Ввиду всего этого Давид выбрал наказание, которое в одинаковой мере постигало бы царей и подданных и которого все одинаково должны были опасаться (а именно моровую язву), причем выставил на вид, что лучше отдаться в руки Предвечного, чем во власть неприятелей.

3. Узнав об этом решении Давида, пророк сообщил о нем Предвечному, который и наслал на евреев моровую язву. Народ погибал при этом не в одной лишь форме, так что нелегко было определить момент заболевания. И хотя бедствие по результатам своим сводилось постоянно к одному и тому же, смерть под тысячью различных форм похищала людей, которые притом совершенно не были в состоянии уберечься от нее и принять какие-либо меры предосторожности. Дело в том, что один умирал непосредственно за другим, и сколь незаметно подкрадывалась болезнь, столь же быстро наступал и печальный конец ее жертвы, причем одни умирали в страшных мучениях и невероятных страданиях почти внезапно, тогда как других настолько истощали сопровождавшие течение болезни мучительные страдания, что от их

тела к моменту смерти почти ничего уже более не оставалось, что могло бы быть предано земле. У одних вдруг темнело перед глазами, и они умирали от удушья, другие испускали дух во время похорон кого-либо их умерших родственников и так и не успевали окончить чужое погребение. Таким образом за время от рассвета до полудня первого же дня успело умереть от моровой язвы семьдесят тысяч человек. Тогда ангел Господень простер свою руку и над Иерусалимом, тем самым насылая бедствие и туда. Царь, облекшись в мешок, сидел на земле и слезно молил Господа Бога смилостивиться и прекратить горе, удовлетворившись массой уже погибшего народа. Когда же Давид случайно поднял глаза к небу и увидал, как по воздуху несся по направлению к Иерусалиму ангел с обнаженным мечом, он обратился к Всевышнему с указанием, что ведь он, Давид, как пастырь, один достоин наказания, тогда как ни в чем не повинную паству следовало бы пощадить; при этом он умолял Предвечного направить весь гнев на него и загубить весь род его, но иметь жалость к массе народной.

4. Господь Бог внял этой молитве и положил конец моровой язве. Вместе с тем Он через пророка Гада повелел Давиду немедленно отправиться на гумно иевусита Оронна, воздвигнуть там алтарь и принести жертву Всевышнему. По получении этого предписания Давид не медлил ни единой минуты и тотчас поспешил в указанное место. Когда же Оронн, занятый в это время обмолачиванием хлеба, увидел, что к нему идет царь в сопровождении всех своих сыновей, он выбежал к нему навстречу и пал перед ним ниц. Оронн был по происхождению своему иевуситянин, что не мешало ему, однако, находиться в самых дружественных отношениях с Давидом, который в силу этого, как мы показали несколько выше[39], не причинил ему ни малейшего зла, когда овладевал городом. Когда же Оронн стал спрашивать Давида, что побудило его, владыку, прийти к рабу своему, царь ответил, что он явился для того, чтобы купить у него это гумно с целью воздвигнуть на нем алтарь в честь Господа Бога и принести на нем жертву. На это Оронн заметил, что он с удовольствием предоставляет Давиду для принесения жертвы всесожжения не только гумно свое, но также все свои земледельческие орудия и быков и только молит Господа Бога о

том, чтобы Он милостиво принял эту жертву. Царь, однако, возразил, что хотя он и тронут до глубины сердца благородством и великодушием такого подарка и благодарит за него, он тем не менее просит взять за все установленную цену, потому что было бы совершенно неуместно принести Всевышнему даром доставшуюся жертвователю жертву. Тогда Оронн сказал, что готов подчиниться царскому желанию, и Давид купил у него гумно за пятьдесят сиклов, воздвиг на нем алтарь и принес на нем по уставу жертвы всесожжения и примирительные, чем удовлетворился Предвечный и стал снова милостиво относиться к евреям. Между прочим, это было как раз то самое место, куда некогда Аврам привел своего сына Исака для принесения его в жертву и где в тот самый момент, когда он уж готовился заколоть сына, внезапно у жертвенника появился баран, которого, как мы уже рассказали, Аврам и принес в жертву вместо своего сына. Когда же царь Давид убедился, что Господь Бог милостиво внял его молитве и принял его жертву, то порешил назвать это место «всенародным алтарем» и построить здесь храм Господу Богу. Указанное имя он дал этому месту во внимание к будущему его назначению, потому что Господь Бог через пророка объявил Давиду, что храм будет тут воздвигнут тем его сыном, к которому после Давида перейдет царская власть[40].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Ввиду этого предсказания царь велел подсчитать пришельцев (живших в стране), и их оказалось до ста восьмидесяти тысяч человек. Из них он назначил восемьдесят тысяч каменотесами, остальным он поручил доставку камня, а три тысячи пятьсот человек поставил надсмотрщиками над работами. Вместе с тем он принялся за заготовку массы железа и меди для предполагавшегося сооружения, а также за подвоз множества исполинских кедровых бревен, которые высылали ему жители (городов) Тира и Сидона, сообразно сделанному им заказу. Приближенным своим Давид объяснял цель всех этих приготовлений в том смысле, что желает будущему наследнику своему оставить готовый материал для постройки храма, дабы тому человеку, юному и в таких делах по возрасту своему еще неопытному, не приходилось собирать

этот материал, но прямо приступить к делу, пользуясь заготовками.

2. Затем Давид призвал к себе своего сына Соломона и повелел ему, когда он примет от него царскую власть, обязательно воздвигнуть храм Господу Богу, причем указал на то, что сам он хотел было сделать это, но что Предвечный запретил ему это, так как он, Давид, запятнан множеством человеческой крови, пролитой в продолжение различных войн; вместе с тем, продолжал царь, Всевышний предсказал ему, что воздвигнет в честь Его храм самый разумный из его сыновей, носящий имя Соломон, что Он, Господь, будет заботиться о нем, как отец о сыне, и что дарует во время его правления стране евреев не только всяческие блага, но главнейшее из всех благ, именно мир и отсутствие внешних войн и внутренних неурядиц. «Поэтому-то, — сказал Давид, — ты — еще до рождения намеченный Господом Богом в цари — старайся во всех отношениях явиться достойным Его о тебе заботливости, будь благочестив, справедлив и тверд духом, свято соблюдай Его предписания и законы, которые Он дал нам при посредстве Моисея, и не позволяй другим нарушать их. Тот же храм, который Предвечный желает видеть оконченным во время твоего царствования, постарайся поскорее соорудить Господу Богу, и пусть не устрашат тебя и не удержат от этого предприятия ни грандиозность его, ни другие какие-нибудь затруднения; все нужное я заготовлю тебе до моей смерти. Знай, что уж теперь собрано десять тысяч талантов золота и сто тысяч талантов серебра; меди и железа я заготовил в еще гораздо большем количестве, а также огромную массу бревен и камня. В распоряжении твоем будет много десятков тысяч каменщиков и строителей. Если бы их, однако, все-таки оказалось недостаточно, ты можешь увеличить их число. Итак, когда ты окончишь это дело, ты станешь благоугоден Всевышнему и Он будет твоим заступником».

После этого Давид обратился также к начальствующим в народе лицам с просьбой поддержать его сына в деле будущей постройки храма и без опасения каких бы то ни было бедствий старательно участвовать в богослужении, потому что взамен такого отношения к делу они будут пользоваться плодами прочного мира и благоустройства, которыми Господь Бог наградит людей благочестивых и праведных. По

окончании постройки следовало, по приказанию Давида, поместить в храм ковчег Завета и священную утварь, которые давно уже должны были бы иметь свой храм, если бы предки не ослушались повелений Всевышнего, который приказал им воздвигнуть для Него святилище сейчас же после того, как они овладеют этой страной. Все это Давид сказал начальствующим лицам, равно как и своему собственному сыну.

3. Так как Давид достиг уже очень преклонных лет и тело его с течением времени потеряло свою теплоту, то он стал так сильно зябнуть, что оказалось невозможным согреть его даже множеством покрывал. Тогда врачи стали совещаться между собой и пришли к решению — выбрать наиболее красивую во всей стране девушку, которая согласилась бы спать с царем, согревая его своей теплотой и облегчая ему постоянно ощущаемый им холод. И вот в городе нашлась самая красивая женщина, по имени Ависака, которая, разделяя с царем ложе, одна только и была в состоянии согреть его; но от старости царь уж не имел возможности вступить с ней в половые отношения. Впрочем, подробнее мы поговорим об этой девушке несколько ниже[41].

4. Между тем четвертый сын Давида, красивый и статного роста юноша, рожденный царю его женой Эгифой и носивший имя Адония, будучи похож по характеру своему на Авессалома, сам стал домогаться царской власти и высказывал друзьям своим, что приходится добиться этого. Ввиду этого он завел множество колесниц и коней, а также пятьдесят скороходов. Несмотря на то, что отец его видел все это, он, однако, нисколько о том не беспокоился, не удерживал его от его затеи и даже не подумал спросить, к чему Адония заводит все это. Между прочим, Адония успел склонить на свою сторону военачальника Иоава и первосвященника Авиафара, а противодействие ему оказывали лишь первосвященник Садок, пророк Нафан, начальник стражи телохранителей Ваней, друг Давида Семеис и все приближенные к царю храбрецы. И вот однажды Адония устроил вне города у ручья в царском парке пиршество и пригласил на него всех своих братьев, за исключением Соломона; кроме того, он привлек к участию в этом пире также военачальника Иоава, Авиафара, и старейшин колена Иудова, которые все и приняли при-

глашение, тогда как первосвященника Садока, пророка Нафана, Ванея, начальника отряда телохранителей, и всех тех, кто противился его предприятию, он не позвал на это угощение. Между тем пророк Нафан известил мать Соломона, Вирсаву, что Адония держит себя как царь и что об этом Давид ничего не знает, причем посоветовал ей принять меры к ограждению безопасности своей и сына, а именно: добиться тайного свидания с Давидом и объявить ему, что, несмотря на данное им клятвенное обещание сделать своим преемником Соломона, тем временем Адония уже успел захватить власть в свои руки. При этом пророк обещал, что, когда Вирсава будет говорить об этом с царем, сам явится к нему и подтвердит верность ее сообщения. Вирсава послушалась совета Нафана, отправилась к царю и, пав перед ним ниц и получив разрешение высказать свою просьбу, рассказала Давиду все, как тому обучил ее пророк, а именно сообщила об устроенном Адонией пиршестве, о том, кого он пригласил к себе, а также об участии в этом пире первосвященника Авиафара, военачальника Иоава и его сыновей, равно как о том, что Соломон и ближайшие друзья его не удостоились приглашения. Затем она стала указывать на то, что народ с нетерпением ждет, кого Давид назначит своим преемником, причем просила обратить внимание на то обстоятельство, что, если Адония после его смерти овладеет престолом, он, наверное, загубит как ее, так и ее сына Соломона.

5. Пока Вирсава еще беседовала с царем, придворная стража объявила, что пришел Нафан и просит разрешения повидать Давида. Когда по приказанию царя пророк был допущен, последний тотчас спросил его, не назначил ли он сегодня Адонию царем и не передал ли ему правления, потому что Адония устроил блестящее пиршество и пригласил на него всех его сыновей, кроме Соломона, а также (царского) военачальника Иоава, которые теперь с большим ликованием и шумной радостью пьют за здоровье Адонии и за процветание и долголетие его правления. «Ни меня, ни первосвященника Садока, ни Ванея, начальника отряда телохранителей, он, однако, не пригласил», — закончил свою речь пророк, причем указал на то, что, если все это делается с разрешения Давида, было бы уместным, чтобы все это знали.

При этих словах Нафана Давид велел позвать назад Вир-

саву, которой он при появлении пророка приказал удалиться, и когда она пришла, то сказал: «Клянусь тебе всемогущим Господом Богом, что царем будет сын твой Соломон, как я поклялся уже раньше, и что он сядет на мой трон, и притом еще сегодня же». На это та поклонилась ему в ноги и пожелала ему еще много лет жизни. Затем Давид послал за первосвященником Садоком и за начальником отряда телохранителей, Ванеем, и когда они явились, велел им взять пророка Нафана и всех воинов, находившихся во дворце, посадить сына его Соломона на царского мула и повезти его за город к колодцу, носящему название Гион[42], чтобы там помазать его священным елеем и тем провозгласить его царем. Последнее (миропомазание) должны были совершить первосвященник Садок и пророк Нафан, тогда как прочим он велел сопровождать Соломона по всему городу, трубить в рога и провозглашать многолетие взошедшему на престол царю Соломону, дабы знал весь народ, что сам отец объявил его царем. Соломону же Давид дал нужные наставления относительно образа правления и настойчиво рекомендовал ему подавать своим благочестием и справедливостью пример всему еврейскому народу и особенно колену Иудову. Затем Ваней пожелал Соломону милостивой поддержки со стороны Всевышнего, и немного спустя все покинули дворец и посадили Соломона на мула. Потом они повезли его за город к названному источнику и, помазав юношу елеем, приехали с ним назад в Иерусалим с кликами радости и пожеланиями многолетнего царствования. Когда же они привезли его в царский дворец, то посадили его на трон. Весь народ тотчас же стал бурно выражать свою радость и устроил блестящее празднество с плясками и музыкой на таком количестве инструментов, что от звуков их земля содрогалась и стон стоял в воздухе.

6. Когда же Адония и его гости услышали эти радостные клики, то очень смутились, а полководец Иоав заметил, что ему вовсе не нравятся все эти ликования и трубные звуки. Между тем был подан обед, но никто к нему уже и не думал прикасаться. И в то время как все сидели в полном замешательстве, внезапно вбежал Ионафан, сын первосвященника Авиафара. Адония всегда с удовольствием видел этого юношу и называл его предвозвестником добра. На этот раз, одна-

ко, он сообщил всем собравшимся о происшествии с Соломоном и царем Давидом. Тогда как Адония, так и все гости его повскакали из-за стола и бросились бежать, каждый к себе домой. Адония же, боясь гнева царя за все случившееся, обратился с мольбой о заступничестве к Господу Богу и с этой целью припал к жертвеннику и схватился руками за выдававшиеся по бокам концы его[43]. Соломону между тем было донесено об этом, равно как о том, что Адония умоляет его дать ему слово, что преступление его будет предано забвению и что он не подвергнется за него наказанию. Соломон весьма милостиво и разумно простил его на этот раз, но при этом велел ему напомнить, что если он снова попадется в каких-нибудь интригах, ему придется пенять на самого себя. Затем он приказал ему подняться с земли и оставить это убежище. Когда же Адония пришел к Соломону и поклонился ему, последний отпустил его домой, уверив его в полной его безопасности и прося его впредь держать себя хорошо, ибо такое поведение послужит ему лишь в пользу.

7. Так как Давид намеревался перед всем народом провозгласить Соломона царем, то он с этой целью созвал в Иерусалим всех старейшин, священников и левитов. После того как он подсчитал их, он нашел среди них тридцать восемь тысяч человек от тридцатилетнего до пятидесятилетнего возраста. Из них он назначил двадцать четыре тысячи надзирателями за постройкой храма, шесть тысяч сделал народными судьями и их писцами, четыре тысячи привратниками дома Господня и стольких же певчими в храме, дабы играть на введенных Давидом инструментах, как мы уже выше упомянули. Затем он подразделил их на череды и, выделив священников, нашел, что между последними было двадцать четыре семьи, шестнадцать из дома Елеазара и восемь из дома Ифамара. После этого он постановил, чтобы каждая семья отправляла богослужение по очереди в продолжение восьми дней, от субботы до субботы.

Затем все отдельные череды, в присутствии Давида, первосвященников Садока и Авиафара и всех начальствующих лиц, стали метать жребий, и та череда, чей жребий выпал первым, была записана первой, за ней вторая и так далее до двадцать четвертой. Такое подразделение сохранилось по сей день[44].

Равным образом Давид разделил и представителей колена Левина на двадцать четыре смены, которые также по вышеуказанному образцу метали между собой жребий и затем тоже, как и священники, должны были по восьми дней служить в храме. Потомкам же Моисея он предоставил особенно почетную должность, а именно — назначил их хранителями храмовой казны и тех жертвенных подношений, которые были подносимы Господу Богу разными царями. Вместе с тем он сделал распоряжение, чтобы все левиты и священники, сообразно Моисееву постановлению, отправляли богослужение непрерывно днем и ночью.

8. После этого он разделил все войско на двенадцать отрядов под командой отдельных военачальников, сотников и десятников. Каждый отряд заключал в себе двадцать четыре тысячи человек и должен был вместе со своими тысяцкими и сотниками нести службу при Соломоне в продолжение целых тридцати дней, от первого до тридцатого. Кроме того, он назначил еще над каждым отрядом по хорошему, ему лично известному начальнику, а также определил, кому заведовать казной, кому быть старшиной в деревне, кому следить за полеводством и т. д. Однако мы не считаем нужным перечислять здесь все эти должности поименно.

9. Когда Давид устроил все это вышеуказанным образом, то созвал в народное собрание начальствующих над евреями лиц, старшин отдельных колен, предводителей отдельных подразделений народа и всех поставленных во главе какого-нибудь дела, взошел на возвышение и обратился ко всем собравшимся со следующими словами: «Братья и соплеменники! Я желал бы сообщить вам, что я имел в виду воздвигнуть храм Господу Богу и что с этой целью я заготовил множество золота и сто тысяч талантов серебра. Однако Предвечный через пророка Нафана возбранил мне это, так как я запятнал руки свои ведением за вас войн и убиением врагов своих, причем повелел, чтобы сын мой, который будет моим преемником на престоле, построил Ему этот храм. Так как вам, конечно, известно, что из двенадцати сыновей предка нашего Иакова один Иуда был назначен царем и что из шести братьев моих именно я был избран Господом Богом в цари и получил от Него власть без того, чтобы кто-нибудь из братьев моих выразил по этому поводу неудовольствие, то я и те-

перь также прошу сыновей своих не ссориться между собой из-за того, что царская власть досталась Соломону, но всегда памятовать, что сам Всевышний избрал его для этого, почему и признавать его своим государем. Вполне естественно признавать, если того пожелает Господь Бог, даже чужеземца правителем; поэтому приходится лишь радоваться, если такая честь выпадет на долю родного брата, потому что в таком случае почет, которым он пользуется, становится отчасти и нашим собственным. Я, со своей стороны, молю Господа Бога лишь о том, чтобы обещания Его действительно оправдались и чтобы Он нашел возможным разлить всю ту благодать, которую Он обещал ниспослать нам в царствование Соломона, по всей стране и на вечное время. Обещания же эти будут исполнены с лихвою, если ты, сын мой, явишь себя государем благочестивым и справедливым и охранителем древних законов; если же этого не будет и ты нарушишь данные предписания, то знай, что тебя ждет одно лишь горе».

10. Такими словами царь закончил речь свою. Затем он на глазах у всех передал Соломону подробный план будущего храма с обозначением размеров фундамента, стен и крыши по объему, вышине и ширине, с подробным указанием веса отдельных золотых и серебряных принадлежностей. Вместе с тем он обратился к Соломону с увещеванием отдаться всем сердцем приведению в исполнение этого предприятия, начальствующих же лиц и колено Левино он просил оказать возможную поддержку его сыну, который, хотя еще и молод, тем не менее избран самим Всевышним в строители храма и в представители власти. Тут же он не преминул напомнить им, что вся эта постройка не представит для них лично никаких особенных затруднений и не потребует от них каких-либо чрезвычайных жертв, потому что он сам уже успел позаботиться о заготовке значительного количества талантов золота, а еще больше серебра и дерева, равно как о назначении строителей и каменотесов и о подборе изумруда и всякого рода драгоценных камней. Кроме того, заявил Давид, он теперь назначает еще три тысячи талантов червонного золота из собственных своих средств для украшения Святая Святых, а также для сооружения колесницы Господней и херувимов, которые должны быть помещены на кивоте Завета, дабы осенять его своими крыльями.

После того как Давид умолк, начальствующие лица, священники и представители колена Левина с большой готовностью стали жертвовать тут же на храм и обещать блестящие и ценные на него приношения. Так, например, они выразили готовность представить пять тысяч талантов и десять тысяч статиров[45] золота, десять тысяч талантов серебра и множество десятков тысяч талантов железа. У кого имелся какой-либо драгоценный камень, тот отдавал его в казнохранилище, которым заведовал потомок Моисея, Иал.

11. При виде такого необычайного рвения старейшин, священнослужителей и всех прочих Давид и весь народ с ним очень обрадовались, и царь начал громким голосом восхвалять Господа Бога, называя Его отцом и создателем всего существующего, устроителем всего человеческого и божественного, которым возвеличивается Он сам, и радетелем и властелином еврейского племени, о благополучии которого Он заботится, ради чего и сделал его царем над ним. Пожелав затем всему народу всяких благ, а сыну своему Соломону здравомыслия, справедливости и украшенного всяческими добродетелями сердца, Давид предложил собравшейся массе народной восхвалить Господа Бога. Тогда все присутствующие пали ниц, помолились Предвечному и выразили свою признательность Давиду за все те блага, которыми они наслаждались во время его царствования. На следующий же день они принесли Господу Богу в жертву всесожжения тысячу телок и столько же баранов и овец. Равным образом они принесли и очистительные жертвы и с этой целью заклали много десятков тысяч жертвенных животных. В продолжение целого дня царь принимал участие в народном празднестве. Соломон вторично был помазан елеем и провозглашен царем. Садок же объявлен первосвященником всего народа. При этом Соломона повели в царский дворец и посадили на отцовский престол, и с этого дня все оказывали ему повиновение как Правителю[46].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Спустя некоторое время Давид от старости впал в болезнь; видя, что приходится умирать, он призвал к себе сына своего Соломона и обратился к нему со следующим увещани-

ем: «Я, сын мой, собираюсь теперь отойти к своим предкам, и мне приходится пуститься в общий всем нам как ныне, так и в будущем путь, с которого еще никогда никто не возвращался, чтобы узнать, что делается тут среди живых. Поэтому, пока я жив, но уже столь близок к смерти, я еще раз напомню тебе о том, что я тебе советовал неоднократно и раньше, а именно, чтобы ты был справедлив к своим подданным, благочестив по отношению к даровавшему тебе царскую власть Господу Богу, чтобы ты соблюдал Его постановления и законы, которые Он ниспослал нам при посредстве Моисея, и чтобы ты ни в силу угодливости кому-нибудь, ни вследствие лести или страсти или какого-нибудь другого побуждения, не вздумал отвращаться от этих законов. Если ты нарушишь законы, то ты отвратишь от себя милостивое благоволение Всевышнего и навсегда лишишься Его доброжелательной поддержки. Если же будешь держать себя так, как должно и как я прошу тебя, то ты сохранишь за родом нашим царскую власть, и не будет среди евреев другой династии, кроме нашей, которая и будет править во веки веков. Помни также о беззаконии, совершенном военачальником Иоавом, который из зависти умертвил двух почтенных и хороших полководцев, Авеннира, сына Нира, и Амессу, сына Иифрана. Можешь наказать его за смерть этих мужей как тебе самому заблагорассудится, потому что Иоав, будучи сильнее и могущественнее меня, до сих пор сумел избежать этого наказания. Вместе с тем поручаю тебе детей галаадца Верзелея; оказывай им, в угоду мне, всякий почет и заботься о них, потому что этим мы не окажем им лишнего благодеяния, но только воздадим им должное за поддержку, которую их отец оказал мне во время моего собственного изгнания. Для наказания же Гира, сына Семеея из колена Вельяминова, найди *теперь* подходящий предлог, потому что он сильно поносил меня во время моего бегства; затем же, когда я направился к Маханаиму, он выступил мне навстречу близ Иордана и вынудил у меня слово, что *тогда* он не подвергнется наказанию».

2. Дав своему сыну эти наставления относительно управления, поручив его вниманию друзей своих и указав ему на тех лиц, которые заслужили наказание, Давид умер на семидесятом году своей жизни, быв царем в Хевроне над коленом

Иудовым в продолжение семи лет и шести месяцев и процарствовав в Иерусалиме над всей страной тридцать три года.

Это был человек в высшей степени достойный, обладавший всеми качествами, необходимыми царю, в руках которого лежит благополучие стольких народностей. Будучи храбр, как никто другой, Давид в сражениях за независимость своих подданных всегда первый шел навстречу всяким опасностям и личным примером в строю побуждал солдат своих к перенесению всех тягостей боя, а не одними только приказаниями, как обыкновенно делают государи. При этом он обладал большой проницательностью и дальновидностью относительно будущего и отлично умел распоряжаться в каждый отдельный момент. Он отличался скромностью, мягкостью, отзывчивостью на нужды несчастных, справедливостью и человеколюбием, т. е. такими качествами, которыми именно и надлежит отличаться царям. При этом он никогда не злоупотреблял своей столь обширной властью, исключая случая с женой Урии. Вместе с тем он оставил после себя такие богатства, каких не оставлял ни один царь не только еврейский, но и никакого другого народа[47].

3. Сын Давида, Соломон, блестящим образом похоронил отца в Иерусалиме и не только устроил ему обычные царские похороны со всей им подобающей торжественностью, но и опустил в его могилу несметное количество драгоценностей, об обилии которых можно себе составить некоторое представление по следующему: когда тысячу триста лет спустя первосвященник Гиркан, подвергаясь осаде со стороны сына Димитрия Антиоха, прозванного благочестивым, хотел откупиться от осады деньгами и нигде не мог найти требуемой суммы, то он открыл часть склепа Давида и вынул оттуда три тысячи талантов, которые и вручил Антиоху, чем освободился от осады, как мы уже рассказали в другом месте[48]. По прошествии опять-таки многих лет царь Ирод, в свою очередь, вскрыл гробницу Давида и также извлек из нее массу денег. Впрочем, ни Гиркан, ни Ирод не добрались до самых гробов царей, так как эти гробы были так искусно зарыты в землю, что, при входе в мавзолей, нельзя было догадаться, где они находятся. Однако пока об этом довольно[49].

Книга восьмая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как Соломон начал царствовать и лишил своих врагов жизни.
2. О мудрости, рассудительности и богатстве его.
3. О том, как он построил храм в Иерусалиме.
4. Как после смерти Соломона народ отпал от его сына Ровоама и как из десяти колен восемь провозгласили царем своим Иеровоама, тогда как над двумя коленами царем остался сын Соломона.
5. О том, как египетский царь Исок пошел походом на Иерусалим, занял город и увез похищенные оттуда сокровища в Египет.
6. О походе Иеровоама, царя израильского, против сына Ровоама и о поражении Иеровоама.
7. О том, как некий Вааса перебил всех представителей рода Иеровоама и сам вступил на престол.
8. О походе эфиопов на Иерусалим в то время, как там правил Аса, сын Авиуя, и о гибели чужеземного войска.
9. О том, как после падения династии Авессая правили над Израилем Омри и сын последнего, Ахав.
10. О том, как царь Дамаска и Сирии, Адад, дважды выступал в поход против Ахава и терпел поражения.
11. О поражении аммонитян и моавитян, выступивших против Иосафа, царя иерусалимского.
12. О том, как Ахав сражался с сирийцами, потерпел неудачу и погиб.
Книга обнимает период в сто шестьдесят три года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Итак, в предшествующей книге мы рассказали о Давиде и о его доблести, о том, какие благодеяния оказал он своим единоплеменникам и после каких и скольких войн и битв он умер, достигнув преклонного возраста. После него царская власть перешла к его еще молодому сыну Соломону, которого Давид еще при жизни, сообразно желанию Господа Бога, назначил правителем всего народа. И вот, когда Соломон вступил на престол, народ, как это всегда бывает при воцарении властелина, приветствовал его радостными кликами и

пожеланиями видеть полную удачу во всех его предприятиях и дожить до глубокой старости в довольстве и благополучии в государственных делах.

2. Между тем Адония, который еще при жизни Давида пытался овладеть престолом, явился к матери царя, Вирсаве, и, приветствовав ее самым вежливым образом, начал на ее вопрос, не имеет ли он какого-нибудь до нее дела, и на приглашение ее высказаться, так как она готова охотно оказать ему всяческое содействие, излагать следующее: Вирсава-де знает, что, хотя царская власть, как по существу своему, так и ввиду его, Адонии, более зрелого возраста, а особенно вследствие выраженного народом желания, и должна была бы принадлежать ему, Адонии, но так как эта власть по определению Предвечного досталась ее сыну Соломону, то он, Адония, вполне удовлетворяется таким положением вещей и готов охотно подчиниться обстоятельствам и свыкнуться с теперешними условиями. При этом он просит царицу лишь о том, чтобы она взяла на себя труд убедить брата его Соломона — отдать ему, Адонии, в жены Ависаку, ходившую за их отцом, что вполне возможно, потому что Давид, по старости, не жил с нею и она осталась еще девицей. На это Вирсава ответила обещанием сделать все от нее зависящее для того, чтобы устроить для них обоих этот брак, тем более что и Соломону, вероятно, хочется сделать ей удовольствие, и потому она попросит его об этом насколько можно убедительнее. Ввиду всего этого Адония, вполне обнадеженный ею относительно указанного брака, простился с нею, Вирсава же немедленно отправилась к сыну своему Соломону для того, чтобы сообщить ему о настоятельной просьбе Адонии. Сын ее вышел к ней навстречу, заключил мать в объятия, повел ее в ту комнату, где стоял его царский трон, и, воссев на него, приказал поставить направо от себя такой же трон и для матери своей. Когда Вирсава села, то обратилась к Соломону со следующими словами: «Исполни для меня, сын мой, одну только просьбу, с которой я обращусь к тебе, и не огорчай и не расстраивай меня отказом». На это Соломон предложил Вирсаве изложить свое желание, указав при этом случае, что всякое желание матери является для сына священным, и пожурив ее сначала даже немного за то, что она могла не надеяться на исполнение своей просьбы и даже могла подумать

о возможности отказа с его стороны. Тогда Вирсава стала просить его отдать его брату Адонии в жены девушку Ависаку.

3. Царь, однако, страшно рассердился на эти слова своей матери и попросил ее удалиться, указав на то, что Адония добивается гораздо более серьезных целей и что сам он, Соломон, удивляется, почему в таком случае она не советует ему уступить Адонии, как старшему брату, также и царскую власть, раз Вирсава уже хлопочет о разрешении для него жениться на Ависаке: ведь у Адонии очень сильные друзья в лице военачальника Иоава и первосвященника Авиафара. Вместе с тем Соломон тут же приказал послать за начальником отряда телохранителей, Ванеем, и повелел ему умертвить брата Адонию. Затем он призвал к себе первосвященника Авиафара и сказал ему: «От смертной казни избавляет тебя, между прочим, лишь то обстоятельство, что ты вместе с отцом моим разделял опасности, и то, что ты вместе с ним унес ковчег Завета. Но так как ты принял сторону Адонии и поддерживал его в его стремлениях, то вот что будет тебе за это наказанием: тебя больше здесь не будет; не показывайся мне отныне на глаза, но отправляйся к себе на родину и живи у себя в деревне. Такова да будет жизнь твоя вплоть до смерти твоей, так как вина твоя не позволяет тебе дольше пользоваться почетом твоего сана». Таким образом, по указанной причине потомство Ифамара лишилось первосвященства, подобно тому как то предсказал Господь Бог еще деду Авиафара, Илию, а первосвященство перешло к роду Финееса, именно к Садоку. А до тех пор, пока первосвященство не перешло к семье Ифамара в лице первого ее представителя — первосвященника Илия, следующие лица из рода Финееса оставались частными людьми: сын первосвященника Иосифа — Воккий, сын последнего Иоафам, сын Иоафама — Марэоф, сын Марэофа — Арофей, сын Арофея — Ахитов и сын Ахитова — Садок, который первый стал во время царствования Давида первосвященником.

4. Узнав об умерщвлении Адонии, военачальник Иоав сильно испугался, потому что он был гораздо более привязан к нему, чем к царю Соломону. Не без основания предвидя и для себя опасность вследствие своего расположения к Адонии, Иоав искал убежища у подножия жертвенника, причем

рассчитывал на благочестие царя, который не причинит ему вреда, раз он прибег к защите святыни. Но, когда Соломону донесли о решении Иоава, царь приказал Ванею силой увести Иоава из святилища и доставить в суд, дабы тот мог тут оправдываться лично. Но Иоав ответил, что он не покинет святилища, но предпочитает умереть здесь, чем в другом месте. Когда же Ваней сообщил царю об этом его ответе, то Соломон повелел поступить сообразно желанию Иоава, а именно отрубить ему тут же, в храме, голову, дабы он понес такое наказание за преступное умерщвление двух полководцев[1], а тело предать земле. Таким образом преступления Иоава не должны были проститься его потомству, тогда как в смерти Иоава нельзя было уже винить ни самого царя, ни его отца.

Исполнив возложенное на него поручение, Ваней сам был назначен главнокомандующим всем войском, тогда как Садока царь сделал единственным первосвященником на место Авиафара, которого он сместил с должности.

5. Вместе с тем он повелел Семейю выстроить себе дом в Иерусалиме и остаться здесь на постоянное жительство, не имея права переходить чрез поток Кедрон, причем объявил, что, если он нарушит это предписание, его постигнет за это смертная казнь. При этом Соломон принудил Семейю путем такой страшной угрозы дать соответствующую клятву в точности исполнения указанного предписания. Ввиду всего этого Семейе пришлось лишь согласиться на предложение царя и, скрепив свое обещание клятвой, покинуть навсегда родину и поселиться в Иерусалиме. По истечении трехлетнего срока Семейя однажды узнал, что у него убежало двое рабов, которые в данный момент находятся в Гитте. Вследствие этого известия он отправился вдогонку за своими беглыми служителями. Когда же Семейя вернулся с ними (в Иерусалим) и царь узнал о том, что он не только нарушил его, царя, повеление, но — что было гораздо хуже — не обратил также ни малейшего внимания на связанное с этим клятвопреступление, то Соломон страшно рассердился и, велев позвать к себе Семейю, обратился к нему со следующими словами: «Разве ты не поклялся не уходить от меня и не перебираться из этого города в другой? Поэтому ты не только не избегнешь наказания за свое клятвонарушение, но поплатишься зараз также и за тот позор, который ты, по гнусности своей, навлек

на отца моего во время его бегства. Таким образом ты узнаешь, что злодеи ничего не выигрывают оттого, что наказание не постигает их непосредственно за их злодеянием, но что возмездие за все то время, в продолжение которого они считают себя в безопасности и неответственными за свои проступки, растет и значительно превосходит в конце концов то наказание, которому они подверглись бы, будучи уличены на месте преступления». Затем, по приказанию царя, Ваней убил Семейю[2].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. После того как Соломон успел укрепить за собою престол и наказать всех своих противников, он женился на дочери египетского фараона[3]. Укрепив затем более прежнего и увеличив объем стен Иерусалима[4], он после этого уже правил, пользуясь полнейшим миром. При этом юные годы его[5] не препятствовали ему быть справедливым, строго соблюдать законы и помнить предсмертные наставления отца своего, но решать все дела с большой осмотрительностью, как будто бы он был гораздо старше своих лет и обладал значительно большей опытностью. Равным образом он решил отправиться в Хеврон[6] и принести тут жертву Господу Богу на воздвигнутом некогда Моисеем в том месте медном жертвеннике; с этой целью он принес там в жертву всесожжения Предвечному тысячу жертвенных животных. Не успел он сделать это, как уже мог убедиться, что его жертвоприношение милостиво принято Господом Богом. Дело в том, что в ту же ночь Предвечный явился Соломону во сне и предложил ему назвать награду, которую Господь Бог мог бы даровать ему за его великое благочестие.

Тогда Соломон стал просить Всевышнего даровать ему самое лучшее и высшее, что и Господу Богу будет приятнее всего дать и человеку полезнее всего получить; а именно: он не стал просить, как бы сделал всякий другой человек на его месте, да притом еще юноша, ни золота, ни серебра, ни прочих богатств (что в глазах большинства людей только и считается единственно желательным даром от Господа Бога), но воскликнул: «Даруй мне, Господи, здравый ум и ясную мысль, дабы я, судя народ мой, мог всегда находить истину и

решать дела его по всей справедливости». Такой просьбе обрадовался Предвечный и возвестил Соломону, что Он даруст ему не только то, о чем тот просил его, но и то, о чем он не упоминал в своей просьбе, а именно: богатство, славу, победу над врагами, а главным образом такой ум и такую мудрость, какою до него не обладал никто из людей, ни царь, ни частный человек. При этом Господь Бог обещал ему сохранить за ним и за его потомством на отдаленнейшие времена и царство его, если только он останется человеком справедливым, будет повиноваться Ему и станет подражать всем отличным качествам отца своего. Получив такое предсказание от Предвечного, Соломон тотчас поднялся со своего ложа и, помолясь Господу Богу, вернулся в Иерусалим, где устроил пред Скинией торжественное жертвоприношение, после которого угостил всех иудеев.

2. К тому же времени ему пришлось разобрать одно судебное дело, благополучное разрешение которого представлялось затруднительным. Остановиться на этом деле, которое приходилось ему тогда разрешить, я счел необходимым для того, чтобы ясно представить своим читателям всю трудность этого процесса и чтобы они, если бы очутились в подобном же положении, смогли бы на примере остроумия Соломона поучиться, как следует поступать в такого рода случаях. К царю явились две публичные женщины, из которых та, которая выставляла себя потерпевшей, обратилась к Соломону со следующей речью: «Я, царь, живу вместе с этой женщиной в одном доме. И вот случилось, что мы обе в один и тот же день и час[7] родили по дитяти мужского пола. По прошествии трех дней эта женщина заспала своего ребенка, унесла затем мое дитя к себе и подложила мне, пока я еще спала, своего мертвого ребенка. И вот, когда я утром захотела покормить своего младенца грудью, я не нашла его, а увидела возле себя мертвое дитя ее. Все это я выяснила путем точного расследования. В силу этого я требую обратно своего ребенка и, не достигнув этого, прибегаю, владыка, к твоей помощи: так как мы были одни в доме и этой женщине не приходится опасаться никаких изобличителей ее лжи, она упорно продолжает настаивать на своем».

На это ее обвинение царь обратился с вопросом к другой женщине, что она имеет возразить на сказанное. Когда же та

стала отрицать взводимое на нее обвинение, говоря, что живой ребенок — ее дитя, тогда как младенец ее противницы умер, и когда никто из присутствовавших не мог рассудить этот спор, но все бродили перед этим случаем как впотьмах, один лишь царь понял, как поступить. Послав одного из своих телохранителей, он велел принести живого младенца, равно как труп мертвого дитяти, а затем приказал разрубить обоих пополам и вручить по одной половине того и другого каждой из женщин. При этом решении весь народ втайне посмеялся над царем, якобы поступившим в этом случае совершенно по-детски, но в ту же минуту настоящая мать с громким воплем потребовала не делать этого и согласилась отдать другой женщине своего ребенка, как будто бы та была его родной матерью (она готова была удовлетвориться одним уже сознанием, что ребенок останется в живых и она сможет видеть его, хотя бы он и считался не ее дитятею), тогда как другая женщина охотно согласилась видеть дитя умерщвленным для того, чтобы вдобавок иметь возможность лицезреть отчаяние своей противницы. По голосу сердца обеих этих женщин царь, однако, узнал всю истину и постановил отдать ребенка той, которая так сильно возопила при его первом решении (по этому воплю он узнал в ней настоящую мать ребенка), а другую решил наказать за то, что она, умертвив свое собственное дитя, еще старалась загубить младенца подруги. По такому решению всему народу пришлось убедиться, каким необычайным умом и какою мудростью обладает этот царь, и с того дня все относились к нему раз и навсегда как к человеку, имеющему в своем распоряжении просто божественный разум.

3. Что касается военачальников и правителей над отдельными частями всей страны, то это были следующие лица: начальником над областью Ефремовою был Ур, над областью Вифлеемскою — Диоклир. Правителем же Дара и приморской местности был сделан Авинадав, тот самый, который женился (впоследствии) на дочери Соломона. Так называемая «большая равнина» находилась в ведении Ванея, сына Ахилова, который был также наместником над всей страной до Иордана. Областью галаадской и гауланскою по сю сторону Бивана с шестьюдесятью большими и весьма укрепленными городами правил Гавар. Ахинадав был наместником над

ссй Галилеей до города Сидона; он также был зятем Соломона, будучи мужем его дочери Васимы.

Ванакат правил прибрежной областью Арки (Акры), а Иосаф местностью, где находились горы Итавирийские и Кармель, а также всей нижней Галилеей (до реки Иордана). Над всеми этими лицами был поставлен, в свою очередь, один главный начальник; Семейе была предоставлена в управление область колена Веньяминова, а Гавару — земли по ту сторону Иордана, а над обоими опять-таки был назначен один главный начальник. Удивительно, как поднялся тогда в своем расцвете весь еврейский народ и (особенно) колено Иудово, после того как они обратились к обработке земли и вообще к сельскому хозяйству. А так как они пользовались плодами мирного времени и не были обеспокоены ни внешними войнами, ни внутренними смутами, причем к тому же пользовались полнейшей, наивозможнейшей свободой, то каждый имел возможность умножать своё имущество и качественно улучшать его.

4. Кроме вышеуказанных, были у царя еще другие наместники, именно, над областью сирийскою и чужеземными местностями на пространстве от реки Евфрат до страны египетской. На обязанности этих лиц лежало собирание податей с (покоренных) народов. Они должны были ежедневно представлять к обеденному столу царя тридцать ко́ров[8] пшеничной муки, шестьдесят откормленных волов, двадцать штук крупного рогатого скота с пастбищ и сотню откормленных баранов. Все это продовольствие, не считая дичи, оленей, буйволов, птицы и рыбы, ежедневно доставлялось царю чужеземными его подданными. Кроме того, у Соломона было такое множество колесниц, что у него имелось сорок тысяч стойл для упряжных лошадей. Помимо последних, он имел двенадцать тысяч верховых коней, из которых половина всегда находилась в распоряжении у царя в самом Иерусалиме, а остальные были распределены по отдельным царским поместьям[9]. Тот же самый чиновник, которому была поручена обязанность снабжать царский стол продовольствием, должен был заботиться и о содержании лошадей, сопровождая с этой целью царя повсюду, где бы он ни находился.

5. Ко всему этому богатству Господь Бог даровал Соломону столь великую опытность и мудрость, что он превосходил

в этом отношении всех людей, живших до него, даже египтян, которые, по общему мнению, отличаются особенной сообразительностью: они не только не могли сравниться в этом отношении с ним, но, безусловно, стояли неизмеримо ниже его. Мудростью своей Соломон значительно превосходил даже тех славившихся в его время у евреев за свою проницательность лиц, имена которых я не могу обойти молчанием, а именно: сыновей Емаона, Ефана, Эмана, Халкея и Дардана[10]. Он сочинил в стихах и в виде песен тысячу пять книг и три тысячи книг притч и парабол:[11] при виде каждого дерева, от иссопа до кедра, он умел сообщить какую-нибудь притчу, равным образом как и относительно всех диких зверей и ручных животных, рыб и птиц. Не было ни одной черты их образа жизни, которая осталась бы неизвестной ему или которую он оставил бы без внимания; напротив, о всех них он умел сообщить что-нибудь и при этом обнаруживал основательнейшее знакомство с мельчайшими их особенностями. Господь Бог даровал Соломону также возможность изучить искусство входить в общение с демонами на пользу и на благо людям. Дело в том, что Соломон оставил после себя заклинания для излечения всяких болезней и волшебные формулы, с помощью которых возможно так связать демонов, что они никогда более не рискнут вернуться к людям. Это искусство до сих пор еще весьма сильно процветает среди нас[12]. Так, например, мне пришлось слышать о некоем Элеазаре, нашем единоплеменнике, как он однажды в присутствии Веспасиана, сыновей последнего, тысяцких и массы войска, избавил всех, одержимых злыми духами, от последних. При этом он поступил следующим образом: он подносил к носу одержимого демоном палец, на котором находился перстень с включенным в нем корнем указанного Соломоном растения, и тем извлекал у бесноватых демона из ноздрей. Больной, конечно, тотчас падал замертво на землю, и всякий, присутствовавший при этом, готов был бы поклясться, что он уже больше не придет в себя, если бы не было Соломона и составленных им формул заклинаний. Желая, однако, вполне убедить присутствующих в том, что он действительно обладает указанной силой, Элеазар велел ставить вблизи бесноватого наполненный водою кубок или сосуд для омовения ног и приказывал демону при выходе из

тела больного опрокидывать сосуд, чтобы все зрители на деле могли убедиться, что злой дух действительно покинул одержимого. Так как дело таким образом и происходило, то всем представлялась возможность убедиться в действительно глубокой мудрости Соломона. Мы потому считали себя принужденными рассказать об этом случае, чтобы всем стала известна необычайная даровитость богоприятного царя (Соломона) и чтобы никому из живущих на земле не оставалось неизвестным, в какой мере Соломон обладал всеми качествами для того, чтобы считаться совершенством.

6. Между тем царь тирский Хирам, узнав, что отцовский престол перешел к Соломону, очень обрадовался (потому что Хирам был дружен с Давидом)[13] и отправил к нему посольство с поздравлением и с пожеланием ему всякого благополучия. По этому поводу Соломон послал Хираму ответное письмо следующего содержания:

«Царь Соломон — царю Хираму. Тебе известно, что отец мой имел намерение воздвигнуть Господу Богу храм, но ему воспрепятствовали привести это намерение в исполнение ведение войн и постоянные походы. Между тем он успокоился не раньше, чем не победил всех врагов и не сделал всех их данниками своими. Что же касается меня, то я возношу благодарность Предвечному за ныне наступивший у меня мир, благодаря наличности которого мне представляется возможность исполнить свою мечту и воздвигнуть храм Господу Богу, сообразно с тем, как это было относительно меня предсказано уже раньше Предвечным отцу моему. Ввиду всего этого прошу тебя послать нескольких твоих мастеров на подмогу моим мастерам на гору Ливан, чтобы там совместно с ними валить деревья, потому что к рубке деревьев сидонийцы оказываются гораздо способнее наших людей. Что же касается вознаграждения этим дровосекам, то я им выдам такое, какое тебе благоугодно будет назначить».

7. Получив и прочитав это письмо, Хирам, польщенный поручением царя, ответил Соломону следующим образом:

«Царь Хирам — царю Соломону. Следует вознести благодарственную молитву к Всевышнему, что Он даровал тебе, человеку мудрому и во всех отношениях достойному, родительский престол. Радуясь этому, я с готовностью исполню все твои поручения. А именно: я прикажу срубить множест-

во крупных кедров и кипарисов, велю людям моим доставить их к морю и распоряжусь, чтобы те немедленно затем составили из них плоты и пригнали их к любому пункту твоей страны, куда ты пожелаешь. Затем уже твои люди смогут доставить этот строительный материал в Иерусалим. Вместе с тем предлагаю тебе взамен этого позаботиться о доставлении нам хлеба, в котором мы нуждаемся, потому что живем на острове».

8. И до сего дня сохранились копии этих писем не только в наших (священных) книгах, но и в летописях жителей Тира, так что если кто-нибудь захочет убедиться в этом воочию, то ему стоит лишь вступить по этому поводу в соглашение с казенными хранителями архивов в Тире, и он найдет, что их данные вполне соответствуют нашим[14]. Все это я привожу лишь к тому, чтобы убедить своих читателей, что я в своем рассказе ничего не прибавляю к действительности и что не только не пытаюсь путем каких-нибудь льстивых или обманных, или рассчитанных на увеселение эпизодов уклониться от настоящей материи, нисколько не претендую на слепую веру в мои сообщения и не ожидаю, в случае извращения мною действительных фактов, остаться без укора, но и не рассчитываю ни на какое доверие, помимо того, которое я мог бы оправдать путем приведения точных и непреложных доказательств истинности моего рассказа.

9. Когда царь Соломон получил ответное письмо тирского царя, то он не мог не отнестись сердечно к выказанным последним преданности и благорасположению, и в ответ на это исполнил просьбу Хирама, а именно стал высылать ему ежегодно двадцать тысяч ко́ров пшеницы и столько же батов оливкового масла. Бат содержит в себе семьдесят две меры. Вместе с тем Соломон посылал ему такое же количество вина. Все это повело лишь к еще большему скреплению дружбы между Хирамом и Соломоном, которые к тому же поклялись друг другу в вечной верности.

Затем царь Соломон набрал со всего народа тридцать тысяч работников, которым он весьма облегчил предстоявший им труд путем умелого распределения последнего между ними. Дело в том, что он назначал на один месяц партию в десять тысяч человек дровосеками на горе Ливанской, а затем отпускал эту партию домой на отдых на два месяца, в

течение которых остальные двадцать тысяч рабочих делали свое дело. Когда же истекал срок и их работы, то на место их становились первые, которым таким образом в течение четвертого месяца приходилось отрабатывать свою долю. Общим руководителем всего этого количества рабочих рук был назначен Адорам. Из представителей податных сословий, которых оставил после себя Давид, семьдесят тысяч были назначены в виде носильщиков камней и прочих строительных материалов, а восемьдесят тысяч получили занятия в каменоломнях. Над всеми же ими было поставлено три тысячи триста надзирателей. Затем Соломон поручил этим рабочим наломать для фундамента храма огромных камней и, предварительно обтесав и примерно пригнав друг к другу еще на месте, в горах, доставлять затем уже таким образом в обделанном виде в город. Впрочем, эту работу исполняли не одни только туземные рабочие, но и некоторые из тех мастеров, которых прислал Хирам[15].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. К самой постройке храма Соломон приступил уже на четвертый год своего правления, а именно во втором месяце, носящем у македонян название Артемизия, а у евреев Иара, пятьсот девяносто два года спустя после выхода израильтян из Египта, тысячу двадцать лет после прибытия Авраама из Месопотамии в Ханаан, и тысячу четыреста сорок лет после потопа. С рождения же первого человека, Адама, до построения Соломоном храма прошло в общей сложности три тысячи сто два года. Тот год, когда началась постройка этого храма, являлся уже одиннадцатым годом правления Хирама в Тире, а с основания Тира до построения храма истек период в двести сорок лет[16].

2. Итак, царь начал с того, что велел заложить на весьма значительной глубине в земле для храма фундамент из очень твердых камней, которые смогли бы устоять в продолжение долгого времени и, совершенно слившись с почвой, могли бы служить прочным и устойчивым основанием для возведения на них предполагавшейся постройки и, благодаря своей крепости, были бы в состоянии без труда выдержать не только все грандиозное сооружение храма, но и тяжесть всех

его украшений. Тяжесть последних должна была, по расчету, быть не менее значительной, чем сама основная постройка, в которой царь собирался путем вышины и простора сочетать красоту с грандиозностью[17]. До самой крыши здание было выведено из белого камня. Высота этого здания доходила до шестидесяти локтей, равно как и длина его, тогда как ширина его составляла лишь двадцать локтей. На этом (основном) здании возвышался еще этаж такого же размера, так что общая вышина всей постройки доходила до ста двадцати локтей[18]. Фасадом своим здание было обращено к востоку. Преддверие храма было выведено в двадцать локтей в длину сообразно ширине главной постройки, в десять локтей в вышину. Кроме того, царь велел построить кругом храма[19] тридцать маленьких зданий[20], которые прочностью своей постройки и общей массой своей должны были объединять и сдерживать все главное здание. Все эти здания были соединены между собой (внутри) дверьми[21]. Каждое из этих отдельных зданий имело пять локтей в длину, столько же в ширину и двадцать в вышину[22]. Равным образом поверх их были надстроены одинаковых объемов и одинакового количества еще два этажа, так что вся пристройка доходила до половины основного здания всего храма, верхняя половина которого не была окружена такими пристройками. На всем этом покоилась крыша из кедрового дерева[23]. У каждой из упомянутых пристроек была собственная, не соприкасавшаяся с соседними крыша, все же здание покрывала одна общая крыша, покоившаяся на пригнанных друг к другу огромных, проходивших по всей постройке балках, причем средние части этих балок, сдерживаемые деревянными стропилами, крепко упирались друг в друга и образовывали прочное основание[24]. Потолок под крышей был сделан из того же материала, совершенно, впрочем, гладко выскобленного, чтобы принять надлежащую полировку и позолоту[25]. Стены храма получили обшивку из кедровых досок и были вызолочены, так что весь храм сверкал и ослеплял взоры посетителей обилием всюду разлитого золота. Вся внешняя отделка храма была сделана из удивительно искусно и точно обтесанных камней, которые так плотно и легко были пригнаны друг к другу, что никто не мог бы заметить следа молотка или какого-либо другого инструмента. Невзирая на все это, здание

отличалось чрезвычайной легкостью и соразмерностью, и вся гармоничность его казалась скорее естественной, чем результатом требований искусства. Во внутренней части стены царь велел устроить вход[26] в верхний этаж здания, потому что этот этаж не имел на восточной стороне своей, подобно нижнему этажу, входа, но в него можно было проникнуть с боковых сторон через крошечные двери. Вместе с тем все здание, как снаружи, так и изнутри, было выложено кедровыми планками, стянутыми крепкими цепями, которые служили ему прочной оградой и придавали ему больше устойчивости.

3. Разделив храм на две части, царь определил заднюю часть, длиной в двадцать локтей, для Святая Святых, переднюю же часть, длиной в сорок локтей, для Святилища[27]. В стене, отделявшей обе эти части, он велел вырезать отверстие и поместить двери из кедрового дерева, которые были богато расписаны золотом и покрыты резьбой[28]. Перед этими дверьми царь приказал повесить разноцветные завесы лазоревого, пурпурного и фиолетового цвета из самого прозрачного и тонкого виссона[29]. В Святая Святых, имевшем двадцать локтей в ширину и столько же в длину, были поставлены две фигуры херувимов из чеканного золота, вышиною каждая в пять локтей. Каждая фигура имела по два распростертых крыла длиною по пяти локтей. Потому-то царь и поставил означенных херувимов почти рядом друг с другом, чтобы они могли прикасаться своими крыльями с одной стороны к южной, с другой же — к северной стене Святая Святых и чтобы два других крыла их осеняли помещенный между этими фигурами кивот Завета[30]. Как чудно прекрасны были эти изображения херувимов, никто не сможет ни рассказать, ни представить себе. Также и пол храма был выложен золочеными плитами;[31] при входе в святилище царь велел устроить двери[32] сообразно с вышиной стены, а шириной в двадцать локтей, и также покрыть их золоченой резьбой. Вообще ни внутри сооружения, ни вне его не было ни одной вещи, которая не была бы вызолочена[33]. В этих дверях, подобно тому, как это было сделано с внутренним входом в Святая Святых, также были повешены завесы, тогда как вход в преддверие храма не был украшен ничем подобным.

4. В то же самое время Соломон пригласил к себе от царя

Хирама из Тира художника по имени Хирам, который по матери своей происходил из колена Нефталимова, а отец которого был Урий, израильтянин родом[34]. Этот человек был знатоком во всякого рода мастерствах, особенно же искусным художником в области обработки золота, серебра и бронзы, ввиду чего он и сделал все нужное для украшения храма сообразно желанию царя (Соломона). Этот-то Хирам соорудил также две медные колонны для наружной стены храма, в четыре локтя в диаметре. Вышина этих столбов доходила до восемнадцати аршин, а объем до двенадцати локтей. На верхушку каждой колонны было поставлено по литой лилии вышиной в пять локтей, а каждую такую лилию окружала тонкая бронзовая сплетенная как бы из веток сеть, покрывавшая лилию. К этой сети примыкало по двести гранатовых яблок, расположенных двумя рядами. Одну из этих колонн Соломон поместил с правой стороны главного входа в храм и назвал ее Иахин, а другую, которая получила название Воаз, он поставил с левой стороны[35].

5. Затем было вылито и медное «море» в форме полушария. Такое название «моря» этот сосуд для омовения получил благодаря своим объемам, потому что он имел в диаметре десять локтей, а толщиною был в ладонь. Дно этого сосуда в середине покоилось на подставке, состоявшей из десяти сплетенных (медных) полос, имевших вместе локоть в диаметре. Эту подставку окружало двенадцать волов, обращенных по трое во все четыре страны света и примыкавших друг другу задними конечностями, на которых и покоился во всей окружности своей медный, полушаровидный сосуд. «Море» это вмещало в себе три тысячи батов[36].

6. Вместе с тем (мастер Хирам) соорудил также десять бронзовых четырехугольных подставок для сосудов, которые назначались для омовений[37]. Каждая такая подставка имела пять локтей длины, четыре ширины и шесть вышины, и каждая из них была устроена и украшена резьбой следующим образом: вертикально были поставлены по четыре четырехугольные колонки, которые соединялись между собой поперечными пластинками (планками), образовавшими три пролета, из которых каждый замыкался столбиком, опиравшимся на нижнюю раму всей подставки. На этих столбиках были сделаны рельефные изображения где льва, где вола, а где и

орла. Такие же рельефные изображения, как и на средних колонках, имелись также на крайних столбах[38]. Вся эта подставка покоилась на четырех подвижных литых колесах, диаметр которых вместе с ободом доходил до полутора локтей. Всякий, кто смотрел на окружность этих колес, не мог не удивиться тому, как искусно они были пригнаны и прилажены к боковым столбам подставки и как плотно они прилегали к основе этой подставки. Верхние концы основных крайних столбов заканчивались ручками наподобие вытянутых вперед ладоней, а на этих последних покоилась витая подставка, поддерживавшая умывальник, в свою очередь, упиравшийся на колонки с рельефными изображениями львов и орлов, причем весь верх этой подставки был так искусно скреплен между собой, что на первый взгляд казался сделанным из одного куска. Между рельефными изображениями указанных львов и орлов выделялись также рельефные финиковые пальмы[39]. Таков был характер означенных десяти подставок для сосудов. Затем (Хирам) сделал и самые десять умывальниц, круглых медных сосудов, из которых каждый вмещал в себя по сорока батов[40]. Глубина каждого сосуда доходила до четырех локтей; такой же величины был и диаметр их от края до края. Эти умывальницы он поставил на означенные десять подставок, получивших название *мехонот*[41]. Пять умывальниц были помещены налево, т. е. от храма, с северной стороны его, и столько же с правой, т. е. с южной стороны, если обратиться лицом к востоку. Тут же было помещено и «медное море»[42]. После того как эти сосуды были наполнены водою (царь) назначил «море» для омовения рук и ног священников, входивших в храм и собиравшихся приступить к алтарю, тогда как целью умывальниц служило обмывание внутренностей и конечностей животных, назначавшихся к жертве всесожжения.

7. Затем был сооружен также медный алтарь[43] для жертв всесожжения, длиной и шириной в двадцать локтей, а вышиной в десять. Вместе с тем Хирам вылил из меди также все приборы к нему, лопаты и ведра, кочерги, вилы и всю прочую утварь, которая красивым блеском своим напоминала золото. Далее, царь распорядился поставить множество столов, в том числе один большой золотой, на который клали священные хлебы предложения, а рядом бесчисленное мно-

жество других, различной формы; на последних стояли необходимые сосуды, чаши и кувшины, двадцать тысяч золотых и сорок тысяч серебряных. Сообразно предписанию Моисееву было сооружено также огромное множество светильников, из которых один был помещен в Святилище, чтобы, по предписанию закона, гореть в продолжение (целого) дня; напротив этого светильника, который был поставлен с южной стороны, поместили у северной стены стол с лежавшими на нем хлебами предложения. Между обоими же был воздвигнут золотой алтарь. Все эти предметы[44] заключались в помещении в сорок локтей ширины и длины, отделявшемся завесой от Святая Святых. В последнем же должен был поместиться (только) кивот Завета[45].

8. Ко всему этому царь велел сделать еще восемьдесят тысяч золотых кувшинов для вина и сто тысяч золотых же чаш и двойное количество таких же сосудов из серебра; равным образом восемьдесят тысяч золотых подносов для принесения к алтарю приготовленной муки и двойное количество таких же серебряных подносов; наконец, шестьдесят тысяч золотых и вдвое более серебряных квашней, в которых мешали муку с оливковым маслом; к этому было присоединено также двадцать тысяч золотых и вдвое более серебряных мер, подобных мерам Моисеевым, которые носят названия гина и ассарона; далее, двадцать тысяч золотых сосудов для принесения (и сохранения) в них благовонных курений для храма и равным образом пятьдесят тысяч кадильниц, с помощью которых переносили огонь с большого жертвенника (на дворе) на малый алтарь в самом святилище;[46] тысячу священнических облачений для иереев с наплечниками, нагрудниками и камнями, служившими для гадания. Но тут имелась одна лишь головная повязка, на которой Моисей начертал имя Господне и которая сохранилась до настоящего времени. Царь велел сшить священнические облачения из виссона и сделать к ним десять тысяч поясов из пурпура. Равным образом он распорядился заготовить, по предписанию Моисееву, двести тысяч труб и столько же одеяний из виссона для певчих из левитов. Наконец, он приказал соорудить из электрона[47] сорок тысяч самостоятельных музыкальных инструментов, а также таких, которые служат для аккомпанемента при пении, т. е. так называемых набл и кинир[48].

9. Все это Соломон соорудил по возможности богаче и красивее в честь Господа Бога и не щадил ничего, стараясь лишь о том, чтобы со всяческим великолепием и по возможности достойнее украсить здание храма. Все эти пожертвования он поместил в храмовой сокровищнице. Вместе с тем он окружил храм со всех сторон так называемым по-еврейски гейсием[49], чему на языке греческом соответствует thrinkos, то есть зубчатой с выступами стеной, которая достигала трех локтей вышины и должна была преграждать народной толпе доступ к храму, оставляя вход свободным лишь для одних священнослужителей. Снаружи этой стены царь оставил четырехугольную площадь для священного внутреннего двора, окружив эту площадь специально для того воздвигнутыми обширными и широкими портиками, доступ в которые был через высокие ворота. Последние были обращены в разные стороны, а именно — по направлению четырех стран света, и снабжены запиравшимися золотыми дверями. В этот священный двор могли входить все без различия соблюдавшие законные постановления и отличавшиеся благочестием. Но поразительнее его по виду и не поддающимся никакому описанию был тот двор, который находился вне указанного внутреннего священного двора:[50] дело в том, что царь распорядился заполнить огромные ложбины, в которые раньше, благодаря их глубине, так как она доходила до четырехсот аршин, нельзя было смотреть без опасности потерять равновесие от головокружения и свалиться, и притом заполнить так, чтобы сравнять их с верхней площадкой горы, на которой был воздвигнут храм. Таким образом, ему удалось поместить наружный двор храма на одинаковой высоте с самим святилищем[51]. Вместе с тем и эту площадь двора он окружил двойными портиками, колонны которых были высечены из тут же выломанного камня. Крыши колоннад были выложены резными кедровыми планками. Ворота к этому наружному двору он велел сделать из чистого серебра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Если принять во внимание, что царь Соломон окончил все эти огромные и прекрасные здания не только с внешней стороны, но и внутреннее их убранство, в семилетний срок,

то приходится констатировать одинаково веское доказательство не только его богатства, но и его личного рвения: ведь всякий согласится, что для осуществления такого грандиозного предприятия, собственно, потребовался бы период целой человеческой жизни. Тем не менее царю удалось завершить дело сравнительно с грандиозностью сооружения в столь непродолжительный срок. (Тотчас же по окончании работ) он написал еврейским наместникам и старейшинам письма с предложением собрать весь народ в Иерусалим для осмотра храма и для участия в церемонии перенесения Священного кивота Господня в святилище. При получении этого приглашения прибыть в Иерусалим все поспешили отправиться туда. То был седьмой месяц, носящий у туземцев название Фисри[52], у македонян же — имя Ипереретея. С этим же временем совпал и праздник Кущей, столь выдающийся и свято чтимый у евреев.

Итак, кивот Завета вместе с воздвигнутой Моисеем Скинией, равно как со всей необходимой при богослужениях и жертвоприношениях утварью, был перенесен в храм. Сам царь и весь народ с жертвоприношениями шли во главе процессии, причем левиты окропляли путь жертвенным вином и кровью массы убитых жертвенных животных, а также сжигали несметное количество благовонных курений, так что воздух во всей окрестности наполнился благоуханием и сладостью своей указывал даже в большом от этого места расстоянии проходившему путнику на близость Божества и, если выразиться на всем доступном языке, на Его переселение во вновь сооруженное и Ему посвященное местожительство. Равным образом левиты не переставали петь гимны и хоровые славословия в продолжение всего пути до самого храма. Таким-то образом совершалась церемония перенесения Кивота. Когда же наступил момент внесения Кивота в самое святилище, весь народ остановился; одни лишь священнослужители подняли Кивот и поместили его между обоими херувимами. Эти последние были устроены художником таким образом, что крылья их соприкасались между собой, образуя для Кивота нечто вроде крыши или балдахина. В самом Кивоте не было, впрочем, ничего, кроме двух каменных скрижалей, на которых были записаны сохранившиеся десять заповедей, которые Господь Бог сообщил Моисею на

горе Синайской. Светильник, трапеза с хлебами предложения и золотой алтарь были помещены в святилище перед входом в Святая Святых на тех же местах, на которых они стояли и раньше в Скинии, и тотчас были возложены на них обычные ежедневные жертвоприношения. Медный жертвенник же был поставлен снаружи храма, как раз против входа, так что при открытых дверях он был на виду у всех и было возможно лицезреть священнодействие и обилие жертвоприношений. Вся остальная священная утварь была помещена внутри храма.

2. Лишь только священнослужители уставили все в святилище и вышли из него, по всему храму внезапно разлился густой туман, впрочем, не холодный и не наполненный сыростью, как то бывает в зимнее время, но плотный и нежный, и сразу отнял у священнослужителей возможность видеть друг друга. И в тот же миг в уме и воображении каждого мелькнула мысль, что это Господь Бог снизошел в Свое святилище и милостиво занял его. И пока все были еще погружены в раздумье о виденном, царь Соломон, до тех пор сидевший, встал со своего седалища и обратился к Предвечному со словами, которые он признал подходящими к данному случаю, и в милостивом со стороны Господа Бога отношении к которым он был вполне уверен. А именно он сказал следующее: «Хотя Ты, о Господи, и имеешь Свою собственную, вечную обитель и хотя мы знаем, что из того, что Ты Сам для Себя создал, возникли небо и воздух, и земля, и моря, и что Ты наполняешь Собою все и тем не менее все существующее не может объять Тебя, я все-таки решился воздвигнуть Тебе этот славный храм с той целью, чтобы мы могли приносить Тебе здесь наши жертвы и возносить из него наши славословия, будучи в полной уверенности, что Ты здесь и не находишься вдали от нас. И если Ты взираешь на все и слышишь все, то отныне, поселившись здесь, не откажи в Своей близости никому и милостиво внемли и ночью, и днем всякому к Тебе прибегающему»[53].

Обратившись с этой вдохновенной речью к Господу Богу, царь обратился к народу с воззванием, в котором разъяснил народной массе всемогущество Божие и любовь Его к иудеям. При этом он указал на то, как Предвечный предвещал отцу его, Давиду, все, из чего уже многое осуществилось, а

остальное еще должно осуществиться; как Он дарует настоящее имя еще не существующему и предсказывает будущее назначение всякого и всего; как Он предсказал отцу его, что сам он, Соломон, станет царем по смерти отца своего и воздвигнет Господу храм. Ныне, заключил он речь свою, когда иудеи смогли воочию убедиться в справедливости предвещаний Господних, им следует славословить Его и не отчаиваться в осуществлении всего того, что Он обещал сделать для благополучия их: уверенность эту может дать им уже то, что они теперь видят.

3. Сказав это народу, царь вновь обратился лицом к храму и, воздев правую руку к небу, воскликнул: «Люди не в состоянии возблагодарить делами своими Господа Бога за все полученные от Него благодеяния, ибо Божество ни в чем не нуждается и выше всякой благодарности. Но все-таки, Господи, в одном отношении Ты поставил нас выше всех остальных существ, и с помощью этой одной способности мы обязаны восхвалять Твою славу и возносить благодарность за все милости, оказанные Тобой нашему дому и еврейскому народу. Ибо с чем иным можем мы лучше прибегнуть к Тебе или умилостивить Тебя, будь Ты милостив к нам или разгневан на нас, как не с нашим словом, которое является к нам из воздуха и о котором мы знаем, что оно вновь воздымается (к Тебе) по тому же самому воздуху?[54] Итак, я для начала вознесу к Тебе с помощью голоса моего благодарение за отца своего, которого Ты, несмотря на его ничтожество, столь возвеличил, а затем возблагодарю Тебя и за себя лично, ибо Ты до сего дня исполнил все Твои предсказания относительно меня. Поэтому молю Тебя и на будущее время сохранить мне Свою милость и даровать мне все то, что можешь даровать Ты, Господь Бог, избранникам своим, а именно, навеки утвердить власть дома нашего, сообразно с предвещанием Твоим отцу моему при его жизни и в минуту смерти, что у нас останется царская власть, которая и будет переходить среди нас из рода в род непрерывно. Итак, сохрани за нами это и даруй детям моим ту добродетель, которая Тебе угодна. Сверх того, умоляю Тебя, ниспошли в этот храм также частицу духа Твоего, дабы знаменовать Твое присутствие здесь на земле среди нас. И хотя вся ширь небесная со всем ее окружающим, а следовательно, и этот сооруженный (человеческими

руками) храм, конечно, являются для Тебя слишком тесным обиталищем, тем не менее с мольбой взываю к Тебе: сохрани его навсегда в целости, как Твою собственность, от разрушительного натиска врагов и позаботься о нем, как о личном своем достоянии. И если когда-либо случится, что народ, согрешив и будучи Тобою за это свое согрешение наказан каким-нибудь ужасным бедствием вроде неурожая или чумы, или подобной напастью, которая обыкновенно постигает ослушников Твоих святых повелений, в полном смятении толпой станет искать убежища в Твоем храме и с мольбой будет взывать о спасении, — будь тогда милостив к нему и, как находящийся (в этом храме), внемли его молитвам и избавь его в милосердии Своем от этих бедствий. Но не для одних евреев я прошу у Тебя такой милости в случае беды: даже если сюда придут люди с крайних пределов земли или откуда бы то ни было с желанием обратиться к Тебе и вымолить у Тебя какую-нибудь милость, внемли им и исполни их моление. Только таким образом станет общеизвестным, что Ты сам пожелал от нас сооружения Тебе этого храма и что мы не только не являемся человеконенавистниками по своей природе и нисколько не настроены враждебно против иноплеменников, но желаем всем и каждому пользоваться Твоей помощью и полным избытком всяких благ»[55].

4. Сказав это, царь пал ниц наземь и долгое время пребывал в молитве. Затем он поднялся и принес Господу Богу жертвы. Заклав установленное количество жертвенных животных без изъяна, он мог убедиться воочию, что Господь Бог принял все жертвоприношения, потому что с неба вдруг на глазах у всех снизошло пламя на алтарь, охватило все жертвы и пожрало их. Увидав это явное чудо и усмотрев в нем ясное доказательство очевидного нахождения Божества в храме и желания Его и на будущее время иметь тут свое местопребывание, народ в великой радости бросился на колени и стал молиться, а царь стал восхвалять Предвечного, чем принудил и народ к тому же самому. Славословие это сводилось к указанию, что (евреи) уже теперь имеют пред собой доказательство милостивого расположения к ним Господа Бога, и к мольбе — всегда сохранять к ним это чувство, уберечь сердца их чистыми от всякого зла и навеки даровать им любовь к справедливости, благочестию и точному испол-

нению тех заповедей, которые Предвечный дал им через посредство Моисея: лишь в таком случае народ еврейский будет счастлив и даже счастливее всякого другого племени. Вместе с тем царь присоединил к этому еще свое собственное увещание народу не забывать, что он должен сохранить и даже усугубить свое счастье таким же точно путем, каким он приобрел его в настоящую минуту: не довольно достигнуть его путем благочестия и справедливости, но следует постоянно помнить, что лишь таким же путем можно его сохранить за собой. Дело в том, что людям не так трудно приобрести то, чего у них еще нет, чем сохранить имеющееся и нисколько не умалить его.

5. Обратившись с такой речью к народу, царь распустил собрание. Вместе с тем он принес лично за себя и за всех евреев жертву в двенадцать тысяч волов и сто двадцать тысяч овец. Это было первое, по освящении храма, жертвоприношение, и при этом случае приняли участие в угощении все евреи с их женами и детьми. После этого царь блестяще и пышно отпраздновал в продолжение четырнадцати дней так называемый «праздник Кущей», и весь народ участвовал в этом торжестве.

6. Когда народ в достаточной мере повеселился и все обязанности по отношению к Господу Богу, казалось, были в точности исполнены, все евреи, с разрешения царя, отправились по домам, прославляя царя за его о них заботливость и величие его деяний и моля Предвечного о том, чтобы Он сохранил им Соломона царем еще на многие годы. С радостным ликованием выступили они в путь и, совершая его с хвалебными в честь Господа Бога песнопениями, без всякого труда для себя самих (вследствие своего радостного настроения), незаметно прибыли домой. Равным образом вернулись в свои родные города также все те, которые лично участвовали в церемонии внесения ковчега Завета внутрь храма и могли теперь рассказывать (по своим собственным наблюдениям) о величине и красоте этого храма, а также о тех необычайных жертвоприношениях и празднествах, в которых они сами явились непосредственными участниками.

В ту же самую ночь Соломону представилось во сне видение, которое возвестило ему, что Господь Бог милостиво внял его (царя) молитве, готов принять под свое покрови-

тельство храм и всегда иметь в нем свое местопребывание и оказывать милосердие как его потомкам, так и всему народу. Если только сам царь первый останется верен заветам отца своего, то, говорило видение, Предвечный не только непременно возвеличит его и даст ему высшее счастье, но и предоставит потомству Соломона навсегда царскую власть над всей этой страной и коленом Иудовым. Если же он изменит этим наставлениям, забудет о них и променяет Его на чужеземных богов, то Всемогущий угрожал совершенно истребить его, не оставить и следа его потомства, равно как не пощадить никого из израильского народа, уничтожить их войнами и бесконечным количеством всевозможных бедствий, изгнать их из страны, которая была дарована их предкам, и предоставить эту страну, по изгнании их, чужим пришельцам. Вместе с тем Господь грозил предать огню ныне сооруженный храм и предоставить его врагам на разграбление, а также отдать весь город в руки неприятелей. И повсюду бедствия евреев войдут тогда в поговорку и возбудят недоверие по своей тяжести, так что, когда соседи евреев станут затем с удивлением расспрашивать о причине, почему евреи, раньше столь возвеличенные и столь богато одаренные Предвечным, теперь впали в такую у Него немилость, им придется услышать из уст случайно уцелевших от погрома чистосердечное признание в прегрешениях и в нарушении прародительских заветов[56].

Все то, что сказал Господь царю через посредство ночного видения, записано (в священных книгах).

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. После сооружения храма, который, как мы уже упоминали, был окончен в течение семи лет, Соломон приступил к построению царского дворца, на что ему с трудом хватило тринадцати лет. Правда, рвения к этой постройке было приложено не менее, чем к сооружению храма, который, хотя и отличался своей грандиозностью и необычайным великолепием, был окончен в сравнительно столь непродолжительное время потому, что окончанию его постройки способствовал сам Предвечный, в честь Которого он воздвигался. Между тем дворец, значительно уступавший по своей грандиознос-

ти зданию храма, строился медленнее, с одной стороны, оттого, что для него не было так задолго и с таким рвением припасено нужных строительных материалов, а с другой — потому, что тут шла постройка царского дворца, а не храма для Господа Бога. Впрочем, и дворец этот отличался вполне достойным великолепием и сооружение его всецело соответствовало богатству страны еврейской вообще и ее царя в частности, и я считаю необходимым дать здесь подробное и точное его описание уже для того, чтобы все будущие читатели этой книги могли себе составить полное и верное представление о грандиозности указанного сооружения.

2. Главная часть здания представляла из себя обширный и красивый чертог, окруженный множеством колонн и предназначенный для судебных и иных публичных заседаний, почему ему пришлось дать такие размеры, чтобы он был в состоянии вместить в себя большое стечение народа. Ввиду этого длина этой залы была определена в сто, ширина в пятьдесят, а вышина в тридцать локтей. Поддерживавшие потолок четырехгранные колонны были сделаны все из кедра и у потолка были украшены коринфскими узорами[57], а симметрично расположенные двери с тройными резными створами представляли не только большое удобство, но и придавали особенную красоту зале. К боковой стене этого чертога во всю его длину примыкало другое четырехугольное здание, в тридцать локтей в ширину, которое на противоположном конце своем имело чертог, украшенный низкими и толстыми колоннами. Тут находился прекрасный трон, на котором восседал царь во время судебных разбирательств. К этому зданию, в свою очередь, примыкали покои царицы и все прочие комнаты, нужные для хозяйства и для свободного времяпрепровождения и отдыха после трудов. Все эти покои были снабжены резными дверями из кедрового дерева.

Все здания были сооружены из больших каменных глыб в десять локтей ширины, а стены были также облицованы дорогими полированными каменными плитами, которые обыкновенно добываются для украшения святилищ или пышных царских дворцов из недр земли и тем необычайно усиливают красоту отделанных ими построек. Наружность здания еще более выигрывала от тройного ряда воздымавшихся друг над другом колонн, тогда как четвертый этаж

представлял картину удивительной лепки, изображавшей целые деревья и многоразличные плоды, причем отдельные ветви и ниспадавшая с них листва, которая была сработана так тонко и искусно, что можно было предположить, что все это задвижется, не только давали тень, но и скрывали находившийся под ними камень. Все остальное пространство стен вплоть до крыши было покрыто разнообразными красками, узорами и изречениями. Ко всему этому царь воздвиг также еще и другие чертоги, предназначавшиеся для празднеств и расположенные в красивейшей части дворца колоннады, среди которых помещалась также великолепнейшая зала для роскошных пиршеств, вся залитая золотом. Вся необходимая утварь этой залы, предназначавшейся для пользования гостей, была из чистого золота. Вообще, крайне затруднительно рассказать о всей грандиозности и великолепии царского дворца, равно как перечислить все хотя бы обширнейшие покои, не говоря уже о второстепенных и подземных, а потому сразу не видимых, и сообщить о красивой внешности воздымавшейся к небу постройки или о ласкавших взор и представлявших приятное убежище во время летнего зноя и чудных уголках для отдыха в садах дворца. Короче говоря, царь воздвигал всю постройку из белого камня (мрамора), кедра, золота и серебра, а потолок, равно как и стены, был покрыт такими же красивыми, оправленными в золото, камнями, как то было и в храме Господнем[58]. Вместе с тем царь велел соорудить из слоновой кости огромный трон, поставленный на возвышении, к которому вело со всех (четырех) сторон по шести ступеней. На каждой ступени стояло по бокам по два льва и по стольку же наверху по обеим сторонам трона. Седалище было снабжено ручками, на которые мог опираться царь, а спинку, к которой он мог прислониться, составлял зад вола, обращенного в противоположную от восседавшего сторону. Все это было в изобилии выложено золотом[59].

3. На все эти сооружения Соломон употребил двадцатилетний период времени. Так как тирский царь Хирам доставил ему для этого большое количество золота, а еще больше серебра, равно как кедрового и елового дерева, то и сам Соломон отплатил Хираму значительными подарками, посылая ему постоянно ежегодно жито, вино и масло, в которых тир-

цы, как мы уже выше упомянули, всегда особенно нуждались, так как жили на (отрезанном от материка) острове. Кроме всего этого, Соломон предоставил в распоряжение Хирама еще двадцать галилейских городов, лежавших невдалеке от Тира. Но когда Хирам посетил и осмотрел эти города, то остался недоволен этим подарком, что и выразил Соломону путем отправления к нему особого посольства, которое должно было заявить, что Хирам в этих городах не нуждается. Отсюда вся эта местность получила название «Хавалон», потому что в переводе с финикийского *Хавалон* значит «неприятное»[60].

Впоследствии царь Тира стал посылать Соломону различные хитрые загадки в форме запросов, прося отгадать их и тем помочь ему в его затруднении при решении этих задач. Но так как Соломону, при его необыкновенной даровитости, это не представляло никакой трудности, то он с легкостью отгадывал все их и свободно раскрывал тайный смысл этих задач. Об этих сношениях указанных двух царей упоминает также и Менандр, переводчик тирских летописей с финикийского языка на греческий[61], и сообщает следующее:

«После смерти Абибала царство перешло к его сыну Хираму, который прожил пятьдесят три года и был из них царем в продолжение тридцати четырех лет. Он расширил посредством насыпей место, носящее название Еврихора, поставил в виде жертвенного дара золотую колонну в храме Зевса, лично отправился в рощу и приказал рубить на горном хребте Ливанском материал для сооружения крыши (иерусалимского) храма. Он же велел срыть старые капища и воздвиг храмы в честь Геракла и Астарты[62] и первый установил праздник воскресения Геракла в месяце Перитии[63]. Он же пошел походом против отказавшихся платить дань итакийцев[64] и вернулся назад после их покорения. При нем жил Абдимон, который, хотя и был гораздо моложе, всегда отлично решал задачи, предлагавшиеся царем иерусалимским, Соломоном»[65]. Об этом имеется упоминание также у Дия[66], гласящее следующим образом:

«После смерти Абибала на царский престол вступил сын его Хирам. Этот сделал в восточных частях города насыпи, чем расширил город, соединил с ним стоявший особняком на острове храм Зевса Олимпийского[67], засыпав лежавшее

(до этого) между ними пространство, и украсил храм золотыми жертвенными дарами. Затем он лично поднялся на Ливан и велел нарубить деревьев для построения храмов. Сообщают, что иерусалимский царь Соломон посылал Хираму загадки и предлагал ему обмениваться загадками с тем, чтобы тот, кто не в состоянии будет разрешать их, уплачивал разгадчику денежную пеню. Так как Хирам, согласившийся на эти условия, не был в состоянии разрешить предложенные загадки, то ему пришлось расплатиться, в виде пени, большей частью своих сокровищ. Но потом некий тирянин, Абдимон, решил загадки и от себя предложил Соломону целый ряд других, которых Соломон не мог разгадать, так что был принужден приплатить Хираму еще много пени от своих сокровищ». Таково сообщение Дия[68].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Так как царь (Соломон) обратил вниманис на то, что стены города Иерусалима совершенно лишены необходимых для безопасности башен и вообще какого бы то ни было укрепления (что, по его мнению, не соответствовало значению и достоинству города), то он занялся возведением стен и воздвиг на них высокие башни. Вместе с тем он принялся за основание и других городов, являвшихся особенно значительными, а именно Асоры и Магедона. Третьим он отстроил Газару, главнейший город в области филистимлян. Город этот подвергся осаде и взятию со стороны выступившего против него в походе египетского фараона. После того как фараон перебил там всех жителей и поджег Газару, он впоследствии отдал этот город дочери своей, вышедшей замуж за Соломона. Ввиду этого и в силу того, что Газара уже по положению своему представляла укрепленный пункт и во время войны или в иных затруднительных случаях могла оказать особенные услуги, царь вновь отстроил ее. Невдалеке от нее он воздвиг два других города; имя одного из них было Витхора, а другой назывался Валефом. Равным образом он построил, кроме названных, также еще и другие города, которые были, благодаря своему чудному воздуху, отличному климату и обилию ключей, особенно пригодны для отдыха и летнего пребывания. После этого он совершил вторжение в пу-

стынную область, расположенную к северу от Сирии, и, завладев ею, основал там обширный город, в расстоянии двух дней пути от северной Сирии и одного дня от Евфрата, тогда как расстояние этой местности от великого Вавилона было шестидневное. Причиной постройки такого города в столь отдаленной от более густо заселенных частей Сирии местности является то обстоятельство, что южнее нет вовсе воды, тогда как только в одном этом углу можно было найти источники и цистерны. Выстроив и окружив этот город весьма прочными стенами, царь дал ему имя Фадамера, каковое название его и по сей день сохранилось у сирийцев, тогда как у греков он известен под именем Пальмиры[69].

2. Такими предприятиями царь Соломон наполнял в то время досуг свой. Но так как уже несколько раз встречалось у нас имя фараона и могут найтись люди, которые пожелают узнать, почему все египетские цари, начиная с Минея, построившего город Мемфис и жившего за много лет до прародителя нашего Аврама, вплоть до Соломона, т. е. в течение более тысячи трехсот лет, назывались фараонами по имени царя Фараона, правившего по истечении столь продолжительного периода времени, то я считаю необходимым, в видах рассеяния недоумения и раскрытия истинного положения дела, сообщить, что слово «*фараон*» означает по-египетски царь[70]. Я полагаю, что египетские властители, носящие в юности различные имена, с воцарением получают указанный титул, знаменующий собой, на их родном языке, все их величие. Подобно этому и александрийские цари, первоначально нося различные другие названия, получали, с момента вступления на царский престол, название Птолемеев, по имени родоначальника династии. Равным образом и римские императоры, называясь с минуты своего рождения различными именами, принимают прозвище Цезарей; на этот титул дают им право их высокое положение и связанный с последним почет, и, принимая этот титул, они отказываются уже навсегда от первоначальных своих собственных имен. Я полагаю, что по этой-то именно причине и Геродот[71] из Галикарнасса, говоря, что после строителя города Мемфиса, Минея, было у египтян тридцать три царя, не приводит их имен, так как все они носили общее название фараонов. Дело в том, что когда этому писателю приходится говорить о воцарении после

смерти тех фараонов женщины, он называет ее Никавлою[72], тем самым указывая, что все царствующие лица мужского пола могли носить одно всем общее имя, тогда как женщина не имела этого права, почему автору и пришлось привести ее настоящее природное имя. Вместе с тем я заметил, что в наших собственных (священных) книгах после Фараона, тестя Соломонова, ни один из египетских царей уже более не носит этого титула и что впоследствии к Соломону является вышеупомянутая женщина, царица Египта и Эфиопии. Но о ней мы расскажем несколько ниже. Теперь же я остановился на этом лишь с целью показать, что при сопоставлении данные наших священных книг вполне сходятся с фактами египетской истории.

3. Затем царь Соломон подчинил себе тех из еще не покоренных хананейцев, которые жили по ливанскому хребту вплоть до города Амафы. Наложив на них дань, он заменил ее тем, что заставил их высылать ему служителей для комнатных услуг и ежегодно известное количество народа для обработки земли. Дело в том, что никто из евреев не служил в качестве раба (так как Господь Бог подчинил им много народов, то ведь было бы и неприлично набирать из их собственной среды слуг, тогда как имелась возможность набирать их из числа покоренных), но все они с большей охотой с оружием в руках на колесницах или верхом проводили жизнь свою в походах, чем за работой, приличествовавшей рабам[73]. А над теми хананеянами, которым царь поручил отправление черной работы, он поставил пятьсот пятьдесят надзирателей, получивших от царя приказание озаботиться всем, что касалось этих рабочих, так что этим надзирателям пришлось обучать подчиненных им хананеян всем работам и ремеслам, на которые те назначались.

4. Царь также велел построить в египетском заливе и в одной бухте Чермного моря по имени Гасионгавел невдалеке от города Эланы, который теперь носит название Береники[74], множество судов. Вся эта местность принадлежала в те времена евреям. И при постройке этих судов Соломон получил соответственный подарок от тирского царя Хирама, который послал ему опытных и способных в морском деле кормчих и моряков. Этим людям он приказал вместе с его собственными уполномоченными отправиться в плавание в

страну, которая в древности называлась Софиром[75], а теперь именуется Золотой страной (она находится в Индии), и привести ему оттуда золота. Посланные действительно собрали там около четырехсот талантов (золота) и вернулись с ними к царю.

5. Когда же царствовавшая в то время над Египтом и Эфиопией и отличавшаяся особенной мудростью и вообще выдающимися качествами царица узнала о доблести и необычайных умственных способностях Соломона, то желание лично познакомиться с тем, о котором она ежедневно слышала столько необычайного, всецело овладело ею[76]. Ввиду того, что вполне естественно не полагаться на чужие сообщения, правдоподобность которых зависит исключительно от личности рассказчика, царица пожелала сама на опыте убедиться в справедливости всего слышанного и решила отправиться к Соломону для того, чтобы воочию ознакомиться с его мудростью путем предложения разных вопросов, при разрешении которых могла бы обнаружиться вся глубина его ума.

Итак, она явилась в Иерусалим с большой помпой и несметными сокровищами, которыми были нагружены ее верблюды. Тут были золото, различные благовонные товары и драгоценные камни. При ее приезде царь принял ее особенно ласково, был с ней необычайно любезен и предупредителен и разрешил предложенные ею загадки, благодаря своему необыкновенному уму, гораздо скорее, чем можно было предполагать. Царица была поражена мудростью Соломона, которая, как она теперь имела случай убедиться воочию, далеко превосходила ее собственную и все доселе ею об этом слышанное. Но еще более царица была поражена красотой и грандиозностью царского дворца и распределением отдельных входивших в состав его частей, ибо и в этом сказывался весь необычайный ум Соломона. Но окончательно подавили ее дворец, носивший название *ливанского кедрового*[77], роскошь изо дня в день устраивавшихся пиршеств, богатство убранства и утвари, роскошные одежды и необычайная ловкость прислужников, равно как обилие ежедневно приносимых Господу Богу жертв и служба при этом священнослужителей и левитов. Видя это изо дня в день, царица не была в состоянии удержаться от выражения своего удивления и не скрывала этого. Напротив, раз она даже отправилась к царю,

чтобы высказать ему, насколько все виденное ею (в Иерусалиме) превзошло всякие ее ожидания и все раньше слышанные ею об этом рассказы.

«Все то, о царь, — сказала она, — что узнаешь по слухам, принимается с некоторым недоверием. Между тем о тех сокровищах, которые ты носишь в себе — я имею здесь в виду твою мудрость и житейскую опытность, — равно как о тех богатствах, которые связаны с твоим царским достоинством, молва, дошедшая до нас, не только не сказала неправды, но даже далеко оставила за собой истину, потому что я теперь воочию убедилась в избытке того счастья, которым она тебя наделяла. Эта слава о тебе только убеждала нас в своей истинности, тогда как не столько простое описание твоего величия заставило нас поверить ему, сколько то личное впечатление, которое выносится при виде всех этих прелестей. Уже то, что мне было возвещено о твоем величии и богатстве, вызвало мое недоверие, но я лично убедилась, что истина далеко оставляет за собой описание, и я считаю необычайно счастливым народ еврейский, в особенности же тех слуг и друзей твоих, которым дана возможность изо дня в день пребывать в созерцании твоего величия и внимать твоей мудрости. Как не восхвалять им Всевышнего, который столь возлюбил эту страну и обитающих в ней жителей ее, что поставил над ними царем именно тебя!»

6. Затем царица словесно выразила Соломону свою глубокую признательность за радушный прием и доказала это также некоторыми тут же сделанными ему подарками; а именно — она преподнесла ему двадцать талантов золота, несметное количество благовонных товаров и массу драгоценных камней. От нее же, по преданию, развелось и растение, дающее нам корень опобальзама[78] и до сих пор еще в изобилии произрастающее в нашей стране. В свою очередь и Соломон одарил царицу щедрыми дарами, предоставив ей выбор таковых по ее собственному усмотрению. Он не только не отказал ей ни в чем, что она просила, но выказал ей полное свое великодушие, предоставив ей пользование всем тем, что наполняло дом его, и выслал ей все, что она пожелала получить.

Когда таким образом состоялся обмен подарками между царем Соломоном и царицей египетской и эфиопской, последняя отправилась в обратный путь[79].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Так как около того времени к царю было доставлено из так называемой золотоносной страны множество драгоценных камней и соснового теса, то он употребил часть дерева на сооружение перил у храма и строений, входивших в состав царского дворца, а другую на изготовление музыкальных инструментов, цитры и арфы, дабы левитам была предоставлена возможность славословить Всевышнего под звуки музыки. Между прочим, все те материалы, которые тогда получил царь Соломон, значительно разнились качеством и добротой от соответствующих, ныне нам известных. Пусть никто не думает, чтобы сосновое дерево того времени не отличалось от того, что мы ныне называем этим именем; напротив, оно так было не похоже на то, что у нас известно под этим названием, что продавцы нередко злоупотребляли этим именем для обмана покупателей: прежнее сосновое дерево имело ценность наравне с фиговым деревом, да вдобавок еще превосходило последнее белизною и блеском. Мы сочли нужным и крайне полезным упомянуть об этом дереве, раз мы вспомнили об употреблении его царем, дабы всякий знал различие того соснового дерева от обыкновенного и знал его отличительные качества.

2. Между прочим, вес доставленного царю золота достигал шестисот шестидесяти шести талантов, не считая при этом того, что закупили для него торговцы, и того, которое присылали ему в дар правители областей и цари Аравии. Все это золото Соломон велел вылить в форму двухсот таблиц, по шестьсот сиклов весом каждая. Равным образом он велел заготовить также триста щитов, из которых каждый был весом в три мины[80]. Все эти золотые вещи царь велел поставить в так называемый ливанский кедровый дом[81]. Также и кубки для пиршеств были великолепно сделаны им из золота и драгоценных камней, равно как он велел заготовить из золота все приборы домашнего обихода, потому что ценность серебра была тогда так незначительна, что его нельзя было ни продать, ни купить на него что-либо. У Соломона имелось в так называемом Тарсийском море[82] множество кораблей, назначение которых состояло в том, чтобы вести самую разнообразную торговлю с отдаленнейшими народами, у кото-

рых закупались серебро, золото, множество слоновой кости, эфиопы[83] и обезьяны. Продолжительность плавания каждого такого корабля, начиная с момента отплытия до возвращения его на родину, доходила до трех лет.

3. Между тем слава о доблести и мудрости Соломона и об его блеске распространилась далеко за пределами его страны в соседних землях, так что повсюду правители, не веря рассказам о Соломоне и считая их преувеличенными, жаждали лично увидеть его и щедрыми приношениями выказать ему свое уважение. Ввиду этого они посылали царю золотые и серебряные сосуды, тканые одежды, всевозможного рода благовония, лошадей и колесницы, равно как значительное количество мулов для переноски тяжестей, причем полагали, что эти мулы особенно понравятся царю как по своей красоте, так и по выносливости. Таким образом, благодаря этим подношениям, число царских лошадей, доходившее первоначально до двадцати тысяч, увеличилось теперь на две тысячи, а количество колесниц, которых у него раньше была тысяча, на четыреста. При уходе за этими лошадьми обращалось одинаковое внимание на сохранение ими как внешней красоты, так и быстроты, так что другие кони не были в состоянии выдержать с этими сравнение в данном отношении: на вид это были красивейшие и недосягаемые по резвости своей животные. Большим украшением в этом случае служили также их всадники, необычайно цветущие юноши, далеко превосходившие прочее население своим значительным ростом и статным телосложением и отличавшиеся длинными распущенными волосами и одеянием из тирийского пурпура. Ежедневно они посыпали себе волосы золотым песком, так что головы их сияли золотом, когда на них падали лучи солнца. В таком убранстве с луками в руках эти всадники окружали царя, когда тот обыкновенно на заре выезжал на своей колеснице в белом одеянии и сам правил лошадьми. В расстоянии двух схойнов[84] от Иерусалима находилось местечко Ифам[85], представлявшее, благодаря своим садам и обилию влаги, в одинаковой мере приятный и плодородный уголок. Местечко это служило целью утренних поездок царя.

4. Так как царь отличался во всем прямо необычайной внимательностью и сообразительностью, да и, кроме того, стремлением к красоте, то он обратил также особенное вни-

мание на пути сообщения вообще, а в частности на те дороги, которые вели в его столицу Иерусалим и приказал их вымостить черным камнем, с одной стороны, для того, чтобы облегчить передвижение путешественникам, а с другой, чтобы еще раз выказать всю силу своего богатства и величие своей власти. Колесницы свои он разделил на группы и распределил их по отдельным городам, так что в каждом из последних всегда имелось определенное количество их, а себе оставил незначительное число их. Означенные города он назвал колесничными[86]. Серебра царь доставил такое количество в Иерусалим, как будто то были простые камни, а кедровых бревен, которых раньше тут не имелось вовсе, также множество, как будто то были стволы в изобилии дико растущих по долинам Иудеи тутовых деревьев. От египетских купцов он покупал колесницы, запряженные парой лошадей, и платил за каждую по шестьсот драхм серебра. Эти колесницы он рассылал царям сирийским и правителям земель по ту сторону Евфрата.

5. Став среди всех царей самым знаменитым, снискав себе особенную любовь со стороны Предвечного и превосходя умом и богатством всех предшествовавших ему властителей над евреями, Соломон, однако, не остался верен себе вплоть до своей кончины, но под конец покинул строгое соблюдение отцовских предписаний, так что конец его царствования был совершенно не таким, каким, как мы показали выше, было начало его. Дело в том, что, сходя с ума по женщинам и необузданно предаваясь удовлетворению своих половых влечений, царь не только не удовлетворялся одними туземными женщинами, но брал себе в жены множество иностранок — сидонянок, тирянок, амманитянок и идумеянок — и тем нарушал Моисеевы постановления, в силу которых было запрещено сожитие с иноземными женщинами. Между тем Соломон, в угоду этим женщинам и из любви к ним, стал поклоняться и их богам, что как раз было предусмотрено законодателем, который по этой-то именно причине и запретил вступать в брак с иностранками, чтобы евреи не отстали от своих родных обычаев, предавшись чужеземным, и не стали бы почитать богов своих жен, оставляя поклонение своему собственному Богу. Однако Соломон, втянувшись в безрассудное удовлетворение своих страстей, уже более не обращал

на это внимания. Взяв себе в жены, кроме дочери царя египетского, еще семьдесят жен и дочерей владетельных князей и родовитых людей, а также держа при себе до трехсот наложниц[87], он немедленно впал в такую от них зависимость, что стал подражать их обычаям, а желание выказать всем этим женщинам свою любовь и преданность побудило его устроить свою жизнь совершенно на их образец. А так как и лета его уже подвинулись, да и сила ума благодаря годам стала ослабевать у него, то он начал понемногу забывать о родных установлениях; он все более и более пренебрегал собственным своим Господом Богом и стал воздавать почести богам своих пришлых жен. При этом и раньше ему пришлось уже раз согрешить и нарушить законоположение, а именно тогда, когда он велел соорудить изображения медных быков под жертвенной чашей — морем и фигуры львов у собственного своего трона: ведь изображения эти были сооружены им вопреки точному запрещению закона. Несмотря на то, что перед глазами Соломона был блестящий пример добродетели собственного отца его и славы, которую последний оставил по себе благодаря своему истинному благочестию, Соломон тем не менее не пошел по стопам его, и, хотя Господь Бог дважды являлся ему во сне и увещевал следовать примеру отца, он должен был умереть бесславно. Дело в том, что вскоре к царю явился посланный самим Предвечным пророк с извещением, что от взора Всевышнего не скрыты все его беззакония, и с угрозой, что Соломону придется недолго уже предаваться своим удовольствиям. При этом пророк заметил, что хотя Господь и не отнимает у Соломона при жизни того царства, которое Он обещал Давиду сохранить за его наследником, но после его смерти придется за все поплатиться сыну Соломона: правда, Господь отнимет у этого сына власть не над всем народом, но зато отдаст десять колен одному из рабов его, оставляя два колена внуку Давида за то, что последний возлюбил Всевышнего, и за то, что он отстроил город Иерусалим, в котором Господу Богу было желательно иметь собственное святилище.

6. Услышав это, Соломон глубоко опечалился и сильно испугался, причем все те блага, которых он раньше столь ревностно домогался, приняли в глазах его отталкивающий характер. И правда, немного прошло времени с тех пор, как

прорицатель предсказал ему грядущее, и Господь Бог уже послал Соломону врага в лице некоего Адера, которому причиной для неприязненных действий против Соломона послужило следующее обстоятельство.

Он был еще молодым человеком и происходил из царского идумейского рода. Когда же полководец Давида Иоав завоевал Идумею и в продолжение шести месяцев перерезал всех молодых людей, способных носить оружие, он один спасся бегством и прибыл к египетскому царю-фараону. Последний принял Адера благосклонно, предоставил ему дом и участок земли для пропитания и так полюбил его, когда тот достиг более зрелого возраста, что дал ему в жены свояченицу свою Фафину. Родившегося у Адера от нее сына царь велел воспитывать вместе с собственными своими детьми.

Когда однажды Адер узнал о смерти Давида и Иоава, то отправился к фараону и стал просить его разрешить ему вернуться на родину. В ответ на эту просьбу фараон спросил Адера, чего недостает ему или вследствие какой обиды он старается покинуть его, и затем настоятельными просьбами и представлениями добился наконец того, что Адер остался. Когда же наступил момент, что положение Соломона, благодаря его вышеуказанным беззакониям и гневу вследствие того на него Господа Бога, уже начало становиться шатким, фараон согласился отпустить Адера, и тот вернулся в Идумею. Не будучи, однако, в состоянии побудить население этой страны отложиться от Соломона (дело в том, что там было много еврейских гарнизонов, благодаря которым государственный переворот представлял большие затруднения и опасности), Адер покинул Идумею и направился оттуда в Сирию. Тут он столкнулся с неким Раазаром, убежавшим от своего господина, царя Софенского, Адразара, и разбойничавшим в той местности, вошел с последним в дружественные сношения и двинулся вперед, став во главе разбойничьей шайки. Затем он овладел той частью Сирии, принудил население признать его царем этой местности и вторгся еще при жизни Соломона в землю израильскую, предавая все опустошению и разграблению. Вот что пришлось претерпеть евреям от Адера.

7. Вслед за тем на Соломона напал также один из его собственных подданных. То был Иеровоам, сын Наватея, кото-

рый, на основании старого предсказания, сам рассчитывал сделаться царем. Потеряв еще в детстве отца своего и воспитанный матерью, он успел обратить на себя своим благородством и неустрашимостью внимание Соломона, который поручил ему надзор за постройкой городских стен, когда он со всех сторон укреплял город Иерусалим. Это поручение Иеровоам исполнил настолько хорошо, что царь принял его к себе и в награду поручил ему управление над всем коленом Иосифовым. И вот, в самое то время, как Иеровоам покидал Иерусалим, ему повстречался на пути пророк из города Сило, по имени Ахия, и, приветствовав его, отвел его немного в сторону от дороги, в такое место, где им никто не мог помешать внезапным появлением. Тут пророк разодрал свой плащ, в который был облачен, на двенадцать частей и, приказав Иеровоаму взять из них десять, сказал, что таково желание Господа Бога, который разделит власть Соломона и даст сыну последнего, сообразно данному Давиду обещанию, одно колено и затем еще другое. «Тебе же, — присовокупил он, — предоставит начальствование над десятью остальными, так как Соломон согрешил относительно Него, отдавшись женам и их богам. Итак, раз ты знаешь причину, по которой Господь Бог отвернулся от Соломона, постарайся быть праведным и соблюдай законоположения, так как тебе за твое благочестие и за почтительное отношение к Предвечному назначена величайшая награда, а именно стать таким человеком, каким, как тебе известно, был Давид».

8. Ободренный такими речами предсказателя и будучи по самому характеру своему юношей пылким и готовым на рискованные предприятия, Иеровоам уже не был в состоянии успокоиться, но лишь только занял пост военачальника, вспомнил о предсказании Ахии и начал свои попытки склонить народ к отпадению от Соломона, причем побуждал народ передать ему, Иеровоаму, верховную власть. Когда же Соломон узнал об этих его происках и интригах, он принял меры к тому, чтобы захватить и казнить его. Предупрежденный об этом, Иеровоам, однако, успел спастись бегством к Сусаку, царю египетскому, у которого и оставался вплоть до кончины Соломона, причем имел то преимущество, что не подвергался никакой ответственности и пользовался в резиденции фараона полной безопасностью.

Затем умер и Соломон в глубокой старости, процарствовав восемьдесят лет из девяноста лет жизни, и был похоронен в Иерусалиме; он успел бы превзойти всех царей жизненными удачами, богатством и мудростью, если бы только в старости женами своими не был увлечен на путь беззакония. Но мне кажется более уместным подробнее поговорить об этом и о постигших евреев вследствие того бедствиях в другом месте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Когда после смерти Соломона царская власть перешла к Ровоаму, его сыну от амманитянки Ноемы, начальники отдельных колен немедленно послали в Египет за Иеровоамом. Последний прибыл к ним в город Сихем, куда направился также и Ровоам, который желал быть избранным на царство всеми прибывшими туда израильтянами. При этом начальники народа вместе с Иеровоамом обратились к царю с просьбой облегчить им несколько их службу и обращаться с ними помягче, чем то делал родитель его, при котором им приходилось нести тяжелое иго; вместе с тем они указывали на то, что они будут ему, при гуманном с ними обращении, гораздо более преданны и охотнее нести службу, чем если бы пришлось повиноваться ему из страха. Когда же Ровоам обещал им дать через три дня ответ на их просьбу, то это тотчас возбудило их подозрения, и они отнеслись с большим недоверием к тому, что он не согласился немедленно исполнить их желание и тем доставить им удовольствие; они были вполне уверены, что в юноше особенно должно быть живо чувство податливости и гуманности. Но вместе с тем то обстоятельство, что Ровоам решил сперва обдумать их предложение, а не сразу ответил им отказом, побуждало их все-таки надеяться на благополучный исход их ходатайства.

2. Затем Ровоам созвал приближенных отца своего и стал совещаться относительно того, как ответить народу на его петицию. Приближенные посоветовали ему, как и подобало людям благомыслящим и знакомым с характером народным, быть гуманным к народу и более обходительным с ним, чем то обыкновенно делают лица, облеченные царской властью; таким образом, говорили советники, царь скорее всего смо-

жет снискать себе расположение народа, потому что подданные любят, чтобы с ними обходились ласково и по возможности как с равными. Однако Ровоам не послушался столь благожелательного и, во всяком случае, полезного совета (а если и не всегда, то, во всяком случае, полезного при вступлении человека на царство), потому что, как я думаю, Господь Бог уже лишил его способности здраво рассуждать о полезном и вредном. Поэтому Ровоам созвал своих юных сверстников и, сообщив им совет более зрелых людей, предложил им высказать свое на этот счет мнение. И вот эти-то люди (которым ни юность их, ни указанное мною решение Господа Бога не позволяли остановиться на единственно правильном решении) посоветовали Ровоаму ответить народу, что его царский мизинец крепче спины отца его, что если они при последнем несли весьма тяжкое иго, то им придется познакомиться в его лице с еще гораздо большим деспотом, и что, если Соломон наказывал их бичами, он обещает им пользоваться с этой целью скорпионами. Царь послушался этого совета, считая такой ответ вполне отвечающим его царскому достоинству, и, когда на третий день народ в полном составе и сгорая от нетерпения узнать, что скажет царь, собрался в надежде услышать что-нибудь приятное, Ровоам, не обращая никакого внимания на совет, преподанный его (истинными) друзьями, отвечал ему так, как научили его сверстники. Все это произошло сообразно постановлению Всевышнего, дабы оправдалось предсказание Ахии.

3. Слова царя поразили всех как молния, и сперва все замерли, как будто их хотели подвергнуть предварительному испытанию. Затем вдруг все заволновались и стали выражать свое неудовольствие громким криком и грозным заявлением, что с этого дня у них более ничего не будет общего с родней и потомством Давида и что они оставят последнему один лишь храм, который воздвиг отец его. Вместе с тем они приготовились к открытому восстанию против Ровоама, и возбуждение и гнев их были настолько сильны, что, когда царь послал к ним для успокоения волнения и для смягчения настроения пылкой молодежи или вообще недовольных его ответом податного чиновника Адорама, они не только не стали слушать его, но немедленно закидали его камнями до смерти. Когда Ровоам это увидел, то испугался, как бы чернь

не побила и его самого камнями, подобно тому, как сделала это с его подчиненным, и, вообще боясь каких бы то ни было враждебных и серьезных демонстраций, немедленно сел на свою колесницу и спасся бегством в Иерусалим. Между тем колена Иудово и Веньяминово признали Ровоама своим царем, тогда как весь остальной народ с этого дня отложился от потомства Давидова и выбрал Иеровоама своим властелином. Тем временем сын Соломона, Ровоам, созвав на совещание представителей тех двух колен, которые остались верны ему, увидел, что он в силах выставить сто восемьдесят тысяч отборных солдат и выступить с ними против Иеровоама и остального народа, чтобы путем войны принудить их подчиниться ему. Однако Ровоам был удержан от этого похода самим Всевышним, который объявил царю при посредстве пророка, что совершенно неуместно воевать со своими единоплеменниками, тем более, что отпадение последних произошло по решению самого Предвечного, и поэтому Ровоам отказался от своего предприятия. Впрочем, сперва я расскажу о деяниях израильского царя Иеровоама, а затем уже о том, что произошло при Ровоаме, царе двух остальных колен: таким образом будет соблюдена стройность и последовательность исторического повествования.

4. Итак, Иеровоам построил себе дворец в городе Сихеме и назначил его своей резиденцией. Другой (укрепленный) дворец он воздвиг себе в городе, носящем название Фануил[88]. Так как немного спустя после указанных событий должен был наступить праздник Кущей, то Иеровоам сообразил, что, если он разрешит народу отправиться на поклонение Господу Богу в Иерусалим и там провести праздники, народ этот, пожалуй, одумается и, очарованный великолепием храма и богослужением в нем, отступится от него, Иеровоама, и вернется под власть своего прежнего царя. Так как при таких обстоятельствах он, Иеровоам, подвергается риску потерять жизнь, то он придумал следующее.

Велев соорудить два золотых тельца и построив два небольших храма, один в городе Вифиле, а другой в Дане (местность эта находится у истоков Малого Иордана), он поместил эти изображения тельцов в указанных капищах. Затем он созвал десять колен своих и обратился к ним со следующей речью:

«Дорогие мои единоплеменники! Полагаю, вам известно, что Господь Бог вездесущ и что нет такого одного определенного места, где Он предпочитал бы находиться; напротив, Он везде взирает на поклоняющихся Ему и везде выслушивает моления их. Ввиду этого мне кажется теперь неуместным направить вас в Иерусалим, город врагов наших, на поклонение Ему и ради этого заставить вас делать такое дальнее путешествие. Простой смертный воздвиг тамошний храм. Поэтому и я велел соорудить два золотых тельца в виде символических представителей Господа Бога и поместил их в нарочно для того построенных святилищах, одного в городе Вифиле, другого в Дане, для того, чтобы те из вас, которые живут в непосредственной близости к этим городам, могли отправиться туда и там поклониться Всевышнему. Вместе с тем я назначу вам из вашей же среды также и священников и левитов, дабы вы не нуждались в услугах колена Левина и потомков Аароновых. Пусть всякий из вас, который пожелал бы сделаться священнослужителем, принесет Господу Богу в жертву вола и барана, что сделал, по преданию, и первый священнослужитель Аарон».

Такими речами Иероволм ввел народ в заблуждение и, заставив его отступиться от родного культа, побудил преступить законы. Это-то обстоятельство стало для евреев началом всяких бедствий и было причиной того, что они впоследствии были побеждаемы на войне с чужеземными народами и подпадали их игу. Впрочем, об этом мы поговорим в своем месте.

5. Когда на восьмой месяц наступил праздник (Кущей), Иероволм, желая отпраздновать его самостоятельно в Вифиле по образцу того, как проводили этот праздник два иерусалимских колена, воздвиг перед тельцом жертвенник и, взяв на себя обязанности первосвященника, вступил в сопровождении своих собственных иереев на ступени этого алтаря. Но в ту минуту, как Иероволм собрался перед лицом всего своего народа принести жертвенные дары и совершить жертву всесожжения, к нему подошел присланный из Иерусалима самим Предвечным пророк, по имени Иадон, и обратился среди народа в присутствии царя с следующими словами к алтарю:

«Так говорит Господь Бог: Из рода Давидова выйдет человек, по имени Иосия, который принесет на тебе в жертву са-

мозванных, в то время здесь собранных, священнослужителей и сожжет на тебе кости этих обманщиков народа, этих прельстителей и безбожников. А для того, чтобы эти здесь собравшиеся люди поверили истинности моего предсказания, я явлю им соответственное знамение: этот жертвенник немедленно обрушится, и весь тук жертвенных приношений разольется по земле».

Не успел пророк окончить своей речи, как Иеровоам в бешенстве простер руку, давая тем знак схватить его. Но в тот же миг простертая рука его засохла, так что царь уже более не был в состоянии владеть ею; она у него повисла как плеть и совершенно омертвела. Вместе с тем обрушился и жертвенник и, сообразно предсказанию пророка, все находившиеся на нем предметы упали на землю.

Увидя, что этот человек говорит правду и обладает божественным даром прорицания, Иеровоам обратился к нему с просьбой умилостивить Всевышнего и исцелить ему руку. Пророк действительно стал молить Господа Бога исполнить эту просьбу царя и, когда последний убедился, что рука его начинает по-прежнему действовать, в великой радости пригласил пророка разделить с ним трапезу. Иадон, однако, возразил, что ему не разрешено навестить его, равно как запрещено принять в этом городе хлеб или воду. Это, сказал он, запретил ему Господь Бог, равно как запретил ему вернуться отсюда той же самой дорогой, которой он пришел, а велел идти другим путем. Такой воздержанности пророка царь очень удивился и вместе с тем очень испугался, предвидя на основании всего рассказанного крайне неблагоприятный исход своих собственных начинаний[89].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. В городе (Вифиле) находился (в то время) гнусный старый лжепророк, которого Иеровоам очень почитал, потому что тот обманывал его такими предвещаниями, которые были приятны царю. Вследствие своей старческой немощи этот человек почти не покидал уже своего ложа, и поэтому сыновья его рассказали ему о случае с прибывшим из Иерусалима пророком и о совершенных последним чудесах. Когда же дети его сообщили ему, как по просьбе Иеровоама у

последнего вновь ожила рука, старик испугался, как бы чужой прорицатель не затмил его самого в глазах царя и не снискал бы себе большего, чем пользовался он сам, благоволения Иеровоама, и велел своим сыновьям немедленно оседлать осла и приготовить его ему для поездки. Сыновья поспешили исполнить это приказание, и затем старик сел на осла и направился вслед за пророком (Иадоном), которого наконец и настиг отдыхающим под огромным ветвистым и тенистым дубом. Приветствовав его сначала, он затем выразил ему упрек за то, что Иадон не зашел к нему и не воспользовался его гостеприимством. Когда же последний возразил, что Господь Бог запретил ему останавливаться у кого бы то ни было в этом городе, то старик заметил: «Но, во всяком случае, это запрещение Господне не относится ко мне и со мною ты мог бы разделить свою трапезу; ведь я такой же пророк, как и ты, и отличаюсь таким же, как и ты, богопочитанием. Теперь же я послан Предвечным с поручением пригласить тебя к себе разделить со мной трапезу».

Иадон послушался этих лживых слов и вернулся назад. В то время, однако, пока они еще закусывали и благодушно разговаривали друг с другом, Господь Бог внезапно явился Иадону и объявил ему, что он будет наказан за нарушение Его повеления, и вот в чем будет состоять это наказание: когда он выступит в путь, на него нападет лев, который растерзает его и лишит его таким образом погребения вблизи могил его предков. В этом, думается мне, следует видеть особенное решение Господа Бога, решение, в силу которого Иеровоам путем заведомо ложного сообщения был удержан от того, чтобы поверить словам Иадона[90]. В то время как Иадон совершал обратное путешествие свое в Иерусалим, на него действительно напал лев и, сорвав его с осла, растерзал до смерти. При этом он не причинил ослу ни малейшего вреда, но лег возле него и тела умерщвленного пророка у дороги и стерег их до тех пор, пока несколько путешественников не увидали этого и, придя в город (Вифил), не сообщили об этом лжепророку. Последний поручил сыновьям своим доставить труп (Иадона) в город и устроил затем пышные похороны, причем распорядился, чтобы в случае, если он сам умрет, его похоронили бы рядом с Иадоном. Тут же старик сказал, что все предсказанное Иадоном относительно судьбы города

(Вифила), жертвенника, священнослужителей и лжепророков воистину исполнится и что он сам после своей смерти лишь в том случае не подвергнется поруганию, если будет похоронен в одной с Иадоном могиле, так что нельзя будет различить их останков. Несмотря, однако, на то, что старик (торжественно) похоронил пророка (Иадона) и сделал в присутствии сыновей своих вышеуказанные распоряжения, он был настолько непорядочен и безбожен, что пришел к Иеровоаму и сказал ему:

«Каким образом мог ты смутиться от слов безумца?»

Когда же царь указал старику на случай с жертвенником и с его собственной рукой, видя в этом несомненный признак божественности Иадона и называя последнего поистине великим пророком, тогда старик злонамеренно начал оспаривать это убеждение царя и лживыми речами вызывать в нем сомнения в истинности божественной миссии Иадона. Дело в том, что старик постарался убедить Иеровоама, что рука последнего просто утомилась от поднимания большого количества частей жертвенных животных и поэтому вдруг перестала служить ему, затем же, после отдыха, вновь вернулась к прежнему своему состоянию, и что алтарь, будучи сооружен недавно и отягченный массой больших жертвоприношений, вполне естественно поддался и обрушился под тяжестью последних. Вместе с тем он указал царю и на смерть того прорицателя, а именно, что он был растерзан львом: уже это одно достаточно показывает, что Иадон не был настоящим пророком[91]. Такими речами старику удалось окончательно убедить царя отвратить сердце от Господа Бога, от праведности и благочестия и склонить его к беззакониям. И Иеровоам зашел настолько далеко в презрении своем к Всевышнему и в своих беззакониях, что стал ежедневно придумывать все новые и более гадкие гнусности.

Этого, впрочем, пока достаточно относительно Иеровоама[92].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Между тем сын Соломона, Ровоам, правивший, как мы рассказали уже выше, указанными двумя коленами, отстроил и сделал большими укрепленными городами Вифлеем,

Итаму, Фекою, Вефсуру, Сохо, Одоллам, Ипану, Мариссу, Зифу, Адораим, Лахис, Азику, Сараим, Идом и Хеврон. Эти города он отстроил в области колена Иудова, а затем приступил также к укреплению других больших центров в земле колена Вениаминова. Укрепив все эти города стенами и поместив в каждом из них по гарнизону под начальством отдельного коменданта, он снабдил каждый город богатым запасом хлеба, вина, масла и других съестных припасов, а также дал каждому городу помногу десятков тысяч щитов и копий. В Иерусалиме же собрались к нему все израильские священнослужители и левиты, равно как остальные представители простонародья, которые оставались благонамеренны и честны; все эти люди покинули города свои, чтобы поклониться Всевышнему в Иерусалиме, потому что ничто не могло побудить их преклониться перед сооруженными Иеровоамом тельцами. Таким образом они поддерживали в продолжение трех лет могущество царства Ровоамова. В течение этого времени царь, успевший уже жениться на одной родственнице своей, которая подарила ему трех детей, взял себе в жены еще внучку Авессалома от дочери его Тамары. Имя этой девушки было Махана, и она, следовательно, также приходилась сродни Ровоаму. Последнему она родила также мальчика, которого он назвал Авией. Впрочем, Ровоам имел детей еще от целого ряда жен, но больше всех этих жен любил он Махану. У него было восемнадцать законных жен и тридцать наложниц; сыновей у него было двадцать восемь, а дочерей шестьдесят. Наследником своим по престолу он назначил сына от Маханы, Авию, и предоставил ему все свои сокровища и наиболее укрепленные города.

2. По моему мнению, причиной разных бедствий и беззаконий людей бывает их жизненная удача и человеческое стремление улучшить свое (материальное) благосостояние. Так было и с Ровоамом: когда он заметил, что власть его упрочивается, он обратился к несправедливому и безбожному образу действий и стал пренебрегать богопочитанием, так что вскоре заразил своими беззакониями и подвластный ему народ. Ведь параллельно с порчей нравов правителей портятся нравы и у подданных, которые, чтобы извинить распущенность первых, оставляют в стороне собственную свою сдержанность и следуют дурному примеру своих правителей,

как будто бы так и следовало: без такого следования примеру правителя было бы невозможно подать вид, будто одобряешь поведение его. Это именно и случилось с подданными Ровоама. Когда он поступал нечестиво и преступал законы, им, хотя они и желали оставаться благочестивыми, нельзя было сделать это без умышленного упрека царю. Между тем Господь Бог послал Ровоаму наказание за его издевательство над Ним, именно в лице египетского царя Сусака. Геродот смешал этого правителя с Сезострисом, приписав последнему все деяния первого[93].

Вот этот-то Сусак и выступил на пятый год царствования Ровоама против последнего во главе многотысячного войска, а именно, в состав его рати входило: одна тысяча двести колесниц, шестьдесят тысяч всадников и четыреста тысяч человек пехоты. Большинство этих воинов были ливийцы и эфиопы.

Ворвавшись в страну евреев, фараон без боя овладел наиболее укрепленными городами Ровоамова царства и, утвердившись в них, двинулся напоследок против Иерусалима.

3. Когда таким образом Ровоам со своими приверженцами был замкнут войском Сусака в Иерусалиме, они обратились к Господу Богу с мольбою спасти их и даровать им победу; однако они не могли склонить Предвечного в свою пользу. Напротив, пророк Самайя заявил им, что Господь Бог собирается совершенно отступиться от них подобно тому, как они оставили почитание Его. Когда они услышали это, они тотчас совершенно пали духом и хотя не видели для себя уже никакого спасения, тем не менее единодушно признались, что Всевышний совершенно справедливо отвратился от них, так как они поступили относительно Его нечестиво и сознательно попирали законы. Когда же Всевышний увидел их в таком настроении и заметил, что они раскаиваются в своих прегрешениях, то объявил им через пророка, что не загубит их совершенно, но все-таки подчинит их власти египтян, дабы они узнали, насколько легче служить Богу, чем человеку. Таким образом, Сусак без боя овладел городом, потому что Ровоам в страхе открыл ему ворота, и, не обратив никакого внимания на (предварительно заключенное с царем) условие (пощадить город), принялся за разграбление храма и за расхищение Господней и царской сокровищниц;

при этом он овладел несметным количеством золота и серебра и не оставил Ровоаму решительно ничего. Он овладел также золотыми щитами и копьями, которые велел соорудить царь Соломон, а также не пренебрег и золотыми колчанами, которые Давид, отняв у царя софенского, посвятил Господу Богу. Совершив все это, Сусак возвратился в свою страну.

Об этом походе упоминает также и галикарнасец Геродот, перепутав только имя царя, равно как ошибочно сообщив о том, что царь напал на множество разных народов и в том числе покорил также палестинскую Сирию, подчинив себе без боя ее население. Этим Геродот, очевидно, хочет сказать, что именно наш народ был подчинен египетским фараоном. Вместе с тем он присовокупляет, что Сусак оставил в стране подчинившихся ему без боя жителей памятники с нескромными изображениями женщин, равно как и то, что наш царь Ровоам предоставил ему город (Иерусалим) без боя. Тут же Геродот сообщает, что эфиопы научились от египтян обычаю обрезания. «Ведь как финикийцы, говорит он по этому поводу, так и палестинские сирийцы признают, что переняли этот обычай от египтян». Между тем известно, что никто из палестинских сирян не прибегает к обрезанию, кроме нас одних[94]. Впрочем, предоставим каждому судить об этих вещах по его собственному усмотрению.

4. После того как Сусак удалился восвояси, царь Ровоам распорядился сделать вместо золотых щитов и копий соответственное число бронзовых и передал их дворцовой страже. С этих пор ему приходилось проводить остаток своего царствования уже не в пышном блеске военной славы и удачи, а в полном спокойствии и скромности. Но он навсегда остался непримиримым врагом Иеровоама. Наконец он умер пятидесяти семи лет от роду, после семнадцатилетнего царствования, оставаясь человеком заносчивым и непокладистым, потерявшим власть только потому, что не послушался друзей отца своего. Погребен он был в Иерусалиме, в царской усыпальнице. Преемником его по царству стал сын его, Авия, после того как Иеровоам уже семнадцать лет правил десятью (израильскими) коленами. Так произошло все нами рассказанное. Но пока довольно об этом. Теперь нам приходится закончить повествование об Иеровоаме, а именно рассказать,

каким образом он закончил жизнь свою. Этот царь не прекращал и не оставлял своего заносчивого отношения к Господу Богу: ежедневно продолжал он сооружать на вершинах гор жертвенники и назначать священнослужителей из среды своих подданных[95].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Однако уже в непродолжительном времени Господь Бог собрался ниспослать на главу царя и всего его потомства кару за такие его беззакония. А именно, когда у Иеровоама около того времени заболел сын, которого звали Овимом, царь повелел своей супруге снять царское облачение и в одеянии простой женщины отправиться к пророку Ахии (дело в том, что он считал этого человека необыкновенным предсказателем будущего, тем более что тот ему дал верное предсказание относительно избрания его на царство) и спросить у него, под видом чужеземки, исцелится ли ребенок от своей болезни. Жена Иеровоама, переодевшись как ей приказал муж, прибыла в город Сило, где тогда жил Ахия. Когда же она собиралась переступить порог дома пророка, глаза которого от старости ослепли, Господь Бог явился пророку и сообщил ему как о том, что к нему прибыла жена Иеровоама, так и относительно того, что́ ему следует ответить ей в настоящем положении. Когда царица, под видом простой чужеземки, вошла в дом Ахии, последний приветствовал ее словами: «Войди, жена Иеровоама. Зачем ты представляешься чужой? Ведь ты не обманешь Предвечного, Который уже возвестил мне о твоем прибытии и определил, что мне следует тебе сказать». Затем Ахия поручил ей передать мужу по возвращении следующее: «Так как, несмотря на то, что Я вознес тебя из ничтожества и из ничего сделал тебя великим человеком, отняв царство у потомства Давида и передав его тебе, ты все-таки позабыл об этом, покинул истинное богопочитание и соорудил себе для поклонения медных идолов, то Я вновь свергну тебя с твоей высоты, загублю весь род твой и дам его на пожрание псам и птицам. Мною будет призван над всем народом другой царь, который не оставит от рода Иеровоамова даже воспоминания. Кара же царя постигнет и народ, который будет изгнан из прекрасной страны и рассеян по

местности, лежащей по ту сторону Евфрата, потому что народ этот последовал безбожным деяниям царя своего и, оставив принесение жертв Мне, поклонился им же самим созданным богам. Ты же, женщина, поспеши к своему мужу и сообщи ему скорее об этом. Сына своего ты найдешь уже мертвым, потому что в то время, как ты вступишь в город, он будет умирать. При его погребении будет плакать весь народ, и он удостоится всеобщей печали, ибо он один из всей семьи Иеровоама был добродетелен». При этом предсказании царица в сильнейшем волнении вскочила с места и была удручена глубочайшим горем о предстоящей смерти своего сына. Плача в продолжение всего обратного пути и чувствуя, как у нее сердце разрывается при мысли о предстоящей кончине ребенка, она с невыразимыми страданиями и неизлечимой скорбью о сыне все-таки быстро стремилась домой, так как ей хотелось поскорее увидеть ребенка хотя бы мертвым, а также потому, что поспешить повелел ей ее муж. Прибыв домой, она действительно нашла, по предсказанию пророка, сына уже мертвым и затем сообщила царю все то, что ей было поручено сказать ему.

2. Между тем Иеровоам не обратил на все это большого внимания, но собрал значительное войско и во главе его пошел походом на Авию, сына Ровоамова, который стал преемником отца своего по царствованию над упомянутыми двумя коленами. При этом Иеровоам относился весьма пренебрежительно к Авии ввиду юного возраста последнего. Авия же, узнав о нашествии Иеровоама, отнюдь не испугался его: его рассудительность ставила его выше его юности и подрывала надежды врагов его (на победу). Созвав из среды подвластных ему двух колен отборное войско, он пошел навстречу Иеровоаму вплоть до одной горы, которая называется Семароном[96], и, расположившись здесь вблизи Иеровоама лагерем, стал готовиться к сражению. Войска у него было четыреста тысяч, тогда как рать Иеровоама вдвое превосходила его. Когда же оба войска выстроились друг против друга, чтобы вступить в решительный рукопашный бой, Авия взошел на возвышенность и подал знак рукою, чтобы войска и Иеровоам сперва спокойно выслушали его. Когда наступила тишина, он начал речь свою следующим образом:

«Что Господь Бог обещал Давиду и его потомству навсег-

да сохранить за ними царскую власть, всем вам хорошо известно. Поэтому я удивляюсь, как вы могли изменить моему отцу и перейти на сторону раба его, Иеровоама, а особенно удивляюсь тому, как вы теперь явились с ним сюда затем, чтобы вести войну против человека, предназначенного самим Всевышним на царство, и с тем, чтобы отнять у него принадлежащую ему законную власть его. Ведь Иеровоам уже теперь владеет совершенно произвольно большей частью страны. Однако, я полагаю, что он дольше не будет пользоваться этой своей властью, так как ему придется покончить со своими беззакониями и пренебрежительным отношением к Предвечному, за что его постигнет теперь возмездие. Ведь он не перестает глумиться над Господом Богом и вас побуждает следовать его примеру; вы же не подверглись никакому притеснению со стороны моего отца, а все-таки свергли его за то лишь, что он, созвав вас в собрание и послушавшись совета дурных людей, обратился к вам с неласковой речью, в чем вы усмотрели признак его гнева. На самом же деле вы, своим отпадением от отца моего, отвратили лишь самих себя от Господа Бога и его законных постановлений. Поэтому-то вам следовало бы простить Ровоаму, как человеку молодому и еще неопытному в управлении народом, не только его суровую речь, но также и все то, в чем он по юности и неведению жизненных условий прегрешил перед вами, хотя бы уже ради отца его Соломона и оказанным вам последним благодеяний; ведь ошибки потомков должны находить себе извинение в благодеяниях предков. А между тем ни тогда, ни теперь вы обо всем этом не подумали, но явились к нам таким многочисленным войском. На какую победу рассчитываете вы? Не ожидаете ли вы поддержки от золотых тельцов ваших или от жертвенников на горах? Но ведь эти жертвенники являются лишь показателями вашего нечестия, а никак не вашего благочестия. Или, быть может, ваше численное превосходство над нами возбуждает в вас смелые надежды? Однако (знайте, что) в скольких угодно тысячах воинов, сражающихся за неправое дело, нет никакой силы, потому что лишь на справедливости и благочестии может покоиться твердая надежда одержать верх над противниками. А между тем какое-то именно упование присуще нам, так как мы с самого начала соблюдали законоположения и почитали

истинного Бога, не человеческими руками сделанного из скоропреходящего материала и не являющегося результатом досужей фантазии безбожного царя для обмана простонародья, но создавшего Сам Себя и представляющего начало и конец всего существующего. Поэтому я советую вам теперь изменить свое решение и выбрать нечто лучшее, а именно: оставить мысль о вооруженном сопротивлении и подумать о своих предках и о том, что привело вас к вашей жизненной удаче и столь завидному положению».

3. Такую речь сказал Авия перед лицом войска. Но в то время, пока он еще говорил, Иеровоам тайно послал отряд своих воинов с поручением окружить Авию со стороны нескольких не столь открытых частей его лагеря. И вот, когда Авия увидел себя внезапно захваченным врагами, а войско его сильно испугалось и совершенно пало духом, царь собрал всю свою энергию и стал просить возложить все упование на Господа Бога, Который не может быть врасплох застигнут и окружен врагами. Тогда все воины Авии вместе призвали на помощь Всевышнего и по данному священнослужителями трубному знаку с громким военным кликом ринулись на врагов. Уверенность последних поколебалась, и Господь Бог расстроил ряды их, тогда как войску Авии Он (в то же самое время) даровал преимущество: тут произошло такое ужасное кровопролитие, какого не запомнить во всей военной истории греков и варваров; такую массу людей перерубили воины Авии в рядах рати Иеровоама и какую удивительную и знаменитую победу одержать удостоились они от Предвечного. Врагов пало пятьсот тысяч, и, кроме того, наиболее укрепленные города их были взяты силой и преданы разграблению, в том числе Вифил с принадлежавшей к нему областью и Псапа с ее областью. Иеровоам же не был в состоянии оправиться от этого поражения в продолжение всего времени жизни Авии. Впрочем, последний прожил недолго после этой победы, процарствовав всего три года. Он был похоронен в Иерусалиме, в склепе своих предков, и оставил после себя двадцать два сына и шестнадцать дочерей; всех этих детей родили ему его четырнадцать жен. Преемником его по престолу стал сын его Асан; мать этого юноши носила имя Махеи. Во время его правления страна израильская пользовалась десятилетним миром.

4. Вот что мы могли рассказать о сыне Ровоама и внуке Соломона. Затем, после двадцатидвухлетнего царствования, умер и Иеровоам, правитель десяти колен. Ему наследовал его сын Надав в то время, когда Асан уже в продолжение двух лет был царем. Этот сын Иеровоама царствовал всего два года, причем совершенно походил на отца своего по безбожию и испорченности. В течение двухлетнего своего правления он двинулся походом против филистейского города Гавафона[97] и окружил его, собираясь взять его осадой. Но тут он умер от руки одного вероломного приближенного, Васана, сына Махила. Этот Васан после смерти Надава овладел царским престолом и уничтожил весь род Иеровоама. Так оправдалось пророчество Господне, что родственники Иеровоама, убитые в городе, будут разорваны и пожраны собаками, а те из них, которых настигла смерть в деревне, станут добычей птиц. Впрочем, такой печальной участи подвергся дом Иеровоама совершенно справедливо за свое нечестие и за все свои беззакония[98].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Царь Иерусалимский Асан был превосходным и богобоязненным человеком; он ничего не делал и ничего не предпринимал, что не подтверждало бы его благочестия и не имело бы в виду ограждения божеских законоположений. Он укрепил свое царство тем, что удалил из него все, что было в нем непорядочного, и очистил его от всего дурного. В виде войска он имел в своем распоряжении триста тысяч отборных воинов из колена Иудова, вооруженных щитами и копьями, и двести пятьдесят тысяч человек из колена Веньяминова; последние отчасти были вооружены щитами, отчасти луками.

Он успел уже процарствовать десять лет, как на него пошел войной с большой ратью царь эфиопский, Зарай, во главе девятисот тысяч пехотинцев, ста тысяч всадников и трехсот колесниц. Зарай успел уже дойти до города Мариссы (в колене Иудовом)[99], как против него выступил со своим войском Асан. Выстроив затем свою рать невдалеке от названного города, в долине, именовавшейся Саффой, и увидев многочисленность эфиопов, он стал громко взывать к Господу

Богу, моля даровать ему победу над столь многими тысячами врагов. Ни на что другое, по его собственному признанию, он надеяться не мог, как только на помощь свыше, помощь, которая в состоянии сделать и малочисленных сильнее многих и слабых сильнее сильных; с упованием на это он решился вступить в бой с Зараем.

2. В то время как Асан говорил таким образом, Предвечный предсказал ему победу и, обрадовавшись такому предсказанию со стороны Господа Бога, Асан ринулся на врагов, перебил множество эфиопов, а обратившихся в бегство преследовал вплоть до области Герарской. Утомленные резней, евреи кинулись грабить город (Герар также был взят ими) и расположенный вблизи его неприятельский лагерь, где они нашли множество золота и серебра и богатейшую добычу в виде множества верблюдов, вьючного и всякого другого скота.

После такой блестящей победы Асан и его войско вернулись с богатой добычей в Иерусалим. При вступлении же их в город им на пути встретился пророк Азария. Попросив их остановиться, он обратился к ним с речью и сказал, что войско потому удостоилось Господом Богом одержать такую победу, что они явили себя людьми справедливыми и во всем послушными велениям Предвечного. Если они останутся таковыми, продолжал он, Всевышний всегда будет даровать им победу над врагами и жизненную удачу, если же они оставят свое благочестие, то наступит как раз обратное и придет время, когда не найдется ни одного истинного пророка среди их народа и не будет истинного священнослужителя между ними. Тогда и города их будут опустошены, и народ будет рассеян по лицу всей земли, ведя жизнь изгнанников и бродяг. Теперь же, пока у них есть полная к тому возможность, пророк советовал им оставаться праведными и не лишать себя своевольно благорасположения к ним Господа Бога.

Услышав это, как царь, так и народ очень обрадовались и все вместе и каждый за себя в отдельности дали обещание оставаться праведниками. Вместе с тем царь разослал по всей стране лиц, на обязанности которых лежало следить за повсеместным исполнением предписаний Господних.

3. Таковы были дела Асана, царя двух израильских колен. Теперь я вернусь к правителю над остальным израильским

народом, Васану, который убил сына Иеровоама, Надава, и овладел царством. Этот Васан жил в городе Фарсе[100] и сделал его своей резиденцией. Царствовал он в продолжение двадцати четырех лет, но по испорченности и безбожию значительно превосходил Иеровоама и сына последнего, принося большой вред народу и постоянно глумясь над Предвечным. Господь же послал к нему пророка Иуя с предсказанием, что Всевышний уничтожит весь род его и погубит дом его таким же ужасным образом, как Он погубил Иеровоама, за то, что Васан, став по милости Его царем, не ответил на благодеяние справедливым отношением к народу и благочестием, что было бы благом для народа и угодным самому Господу Богу; напротив, он стал во всем следовать безбожнику Иеровоаму, и, хотя тот и загубил свою душу, он все-таки принял в себя и продолжает развивать всю гнусность последнего.

Итак, сказал Предвечный, если Васан уподобился Иеровоаму, ему придется испытать в одинаковой мере и несчастье, подобное постигшему того.

Васан же, несмотря на то, что его за его дерзкий образ действий ожидала гибель как собственная, так и всего его потомства, и теперь еще не хотел смириться, дабы не ускорить своей смерти еще большей видимой преступностью, или чтобы добиться от Господа Бога прошения путем хотя бы позднего раскаяния. Напротив, подобно тому как борцы изо всех сил стараются добиться назначенной за победу награды, так и Васан, после предсказания ему со стороны пророка гибели, стремился лишь к совершению величайших гнусностей, как будто то было его идеалом, к гибели своего потомства и уничтожению всего своего рода, и потому становился все хуже и хуже и изо дня в день, подобно борцу за все злое, увеличивал свои преступления. В конце концов он созвал опять свое войско и пошел на один из небезызвестных городов по имени Арамафон[101], отстоявший от Иерусалима в расстоянии сорока стадий. Взяв этот город, он стал укреплять его, имея в виду оставить в нем войско, которое могло бы постоянными оттуда нападениями приносить вред владениям царя Асана.

4. Асан же, испугавшись этого предприятия своего врага и сообразив, сколько вреда сможет причинить всей его стране оставленное в Арамафоне войско, отправил к царю дамасскому послов с золотом и серебром и с просьбой вступить в

союз свой с ним; при этом он напомнил ему также о старинной дружбе их отцов. Царь дамасский с радостью принял обильное приношение и заключил союз с Асаном, предварительно расторгнув союз с Васаном. Затем он послал в города его своих собственных военачальников с ратью, дав приказание грабить эти города. Военачальники действительно одни из этих городов сожгли, другие же по пути предавали разграблению, в том числе Эон, Дану, Авеллану и множество других. Узнав об этом, царь израильский перестал отстраивать и укреплять город Арамафон и поспешно направился на выручку к подвергавшимся таким опасностям собственным владениям. Между тем Асан принялся возводить из заготовленного противником для отстройки Арамафона материала два других укрепленных города в той же самой местности: один из этих городов получил название Гавы, другой Масфы. После этого Васану уже не представилось более случая вновь пойти походом на Асана: он был застигнут смертью и был погребен в городе Фарсе. Престол его перешел к его сыну Илану. Но и этот умер после двухлетнего правления, потому, что его предательски убил Замар, начальник одной половины его всадников. Именно, когда Илан однажды был в гостях у своего управляющего Ольсы, Замар уговорил нескольких из своих всадников напасть на царя, и таким образом ему удалось лишить царя жизни, так как при последнем не было ни солдат, ни военачальников, которые в то время все были заняты осадой филистейского города Гавафона.

5. Умертвив Илана, иппарх Замар сам сел на царство и, сообразно предсказанию Иуя, истребил весь род Васана; семья эта должна была совершенно погибнуть вследствие своих беззаконий, подобно тому как, сообразно нашему рассказу, погибло и потомство Иеровоамово. Когда между тем осаждавшее Гавафон войско узнало о том, что случилось с его царем, что Замар убил его и сам овладел престолом, то оно, со своей стороны, провозгласило царем своего военачальника Амарина. Последний повел свое войско от Гавафона к царской резиденции Фарсу и, напав на город, взял его штурмом. Когда же Замар увидел город в такой опасности, то бежал в самое сокровенное место дворца и, поджегши последний, сгорел вместе с ним, процарствовав, таким образом, всего семь дней. Тогда весь израильский народ немедленно распал-

ся на две части; одна из них требовала признания царем Фамнея, другая же Амарина. В этой распре победителями остались приверженцы последнего, которые умертвили Фамнея, и тогда царем всего народа сделался Амарин. Он правил в продолжение двенадцати лет, вступив на престол на тридцатом году царствования Асана. Из этих двенадцати лет он прожил первые шесть в городе Фарсе, а последние шесть в Семареоне, носящем у греков название Самарии. Он сам назвал этот город Семареоном по имени некоего Семара, уступившего ему ту гору, на которой Амарин воздвиг упомянутый город[102]. Амарин ничем не отличался от предшествовавших ему правителей, кроме того, что был еще хуже их. Впрочем, стремления всех их были направлены исключительно к тому, чтобы ежедневными новыми безбожными поступками отвращать народ от Господа Бога, вследствие чего Всевышний и заставлял их губить друг друга и не оставил в живых ни одного из их потомков. Амарин умер в Самарии, и преемником его стал сын его Ахав.

6. Из всего этого наглядно видно, какое внимание уделяет Божество людским делам, как Оно любит людей добродетельных и с какой ненавистью относится к дурным, предавая таковых бесследному истреблению. Цари израильские, вследствие своих беззаконий и несправедливостей, в короткое время гнусно истребили не только друг друга, но и все свое потомство. Между тем царь иерусалимский и правитель двух колен, Асан, благодаря своему благочестию и праведному образу жизни, достиг, по милости Господа Бога, глубокой и счастливой старости и тихо почил после сорокаоднолетнего царствования. После его смерти правление перешло к его сыну Иосафату, которого родила Асану жена его Авида. Этого вскоре все признали достойным преемником предка своего Давида, как по его храбрости, так и по его благочестивому образу действий. Впрочем, теперь пока нечего забегать вперед в рассказе о деяниях этого царя[103].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Израильский царь Ахав жил в Самарии и правил приблизительно двадцать два года, причем ничем не отличался от своих предшественников по престолу, если не считать

того, что он дошел в своей порочности до крайних пределов, подражая всем их злодеяниям и глумлению над Всевышним и взяв себе примером особенно беззакония Иеровоама. И он также поклонялся тельцам, сооруженным последним, да вдобавок придумал к этому культу еще всякие другие мерзости. Женился он на дочери царя тирского и сидонского, Ифовала, которая носила имя Иезавели, и от нее научился поклонению ее собственным (финикийским) богам. Это была женщина энергичная и смелая, которая зашла в своей дерзости и распущенности до того, что воздвигла даже храм тирскому божеству Ваалу и обсадила это капище рощей из всевозможных деревьев. Вместе с тем она назначила также священнослужителей и лжепророков в честь этого бога. Вместе с тем и сам царь держал при себе множество таких бездельников, так как безрассудством и гнусностью далеко превосходил всех своих предшественников.

2. В то время к Ахаву явился из галаадского города Фесбоны[104] некий пророк Всевышнего и сообщил царю о поручении Господа Бога предсказать ему, что в течение нескольких лет Предвечный не пошлет стране его ни дождя, ни росы, вплоть до тех пор, пока он, пророк, вновь не предстанет перед царем. Подтвердив свое предсказание клятвой, пророк удалился в северную местность и поселился там у одного ручья, который доставлял ему питье, тогда как ежедневную пищу его приносили ему вороны. Когда же и этот ручей, вследствие бездождия, иссяк, он отправился в город Сарепту, лежавший между Тиром и Сидоном, в недальнем от обоих расстоянии. Поступить таким образом было повелено ему Всевышним, который вместе с тем предупредил пророка, что там он найдет вдову, которая будет снабжать его пищей. Приблизившись к городским воротам, пророк увидел женщину во вдовьей одежде, собиравшую топливо. А так как Предвечный внушил ему, что это и есть его будущая хозяйка, он подошел к ней с приветствием и попросил ее принести ему воды напиться; когда же та ушла за водой, пророк призвал ее обратно и попросил принести ему еще кусок хлеба. На это женщина отвечала клятвенным уверением, что у нее дома нет решительно ничего, кроме горсти пшеницы и самой малости масла, что она пошла поискать дров, чтобы испечь себе и сыну своему хлебец, а потом, за неимением

более пищи, умереть. Тогда пророк сказал ей: «Успокойся, пойди домой, сделай мне сперва маленький хлебец и принеси его сюда; я же тебе предсказываю, что твой сосуд с пшеницей и твоя бутыль с маслом будут всегда полны вплоть до тех пор, когда Господь Бог опять пошлет нам дождь». Ввиду такого заявления пророка женщина отправилась домой и сделала, как ей было сказано. При этом у нее осталось достаточно муки и масла не только для себя и своего ребенка, но и для пропитания пророка. И так они действительно перестали терпеть недостаток вплоть до той поры, как прекратился в стране голод.

Об этой засухе упоминает следующим образом также и Менандр[105] в повествовании своем о тирийском царе Ифовале: «При нем наступила засуха, которая продолжалась от месяца Гиперверетея одного года до месяца Гиперверетея следующего года[106]. Когда же царь прибег к (всенародному умилостивительному) богослужению, то начались страшные грозы. Этот же царь основал в Финикии город Ботрис, а в Ливии город Аузу». Очевидно, Менандр имеет при этом в виду засуху, бывшую во времена Ахава, который царствовал единовременно с тирийским царем Ифовалом.

3. Между тем случилось, что у вышеупомянутой женщины, которая кормила пророка, сын впал в такую болезнь, что казалось, будто ему придется умереть; он имел уже совершенно вид трупа[107]. Тогда мать с плачем заключила ребенка в свои объятия и с громкими рыданиями стала жаловаться на свое несчастье и приписывать последнее присутствию в ее доме пророка, что изобличило ее греховность и повело к тому, что ее ребенок теперь умирает[108]. Пророк же стал уговаривать ее не терять бодрости духа и предоставить ребенка ему, обещая вернуть его ей живым и здоровым. Когда она отдала ему ребенка, пророк отнес его в свою комнату и, положив его на постель свою, стал взывать к Предвечному, что смерть сына не является должной наградой за то, что вдова приняла его, пророка, в свой дом и кормила его. Вместе с тем он умолял Господа Бога снова вернуть жизнь ребенку и воскресить его. Тогда Всевышний, сжалившись над матерью и желая показать пророку свое расположение, которое должно было выразиться в том, что Он послал его сюда не для наказания (жителей), внезапно, против всякого ожидания, ожи-

вил ребенка. Мать преисполнилась глубокой признательности к пророку и с тех пор постоянно уверяла его в своей уверенности, что устами его говорит сам Предвечный.

4. Спустя некоторое время пророк, по внушению Господа Бога, явился к царю Ахаву, чтобы объявить последнему, что пойдет дождь. В ту пору голод и полный недостаток в съестных припасах успели обуять уже всю страну, так что не только люди терпели нужду от недостатка хлеба, но и лошади, и остальная скотина не находили на иссушенной палящим солнцем почве травы для пастьбы. Тогда царь призвал к себе надзирателя своего за скотом, Оведию, и приказал ему отправиться ко всем цистернам и ручьям и посмотреть, не найдется ли где-нибудь сколько-нибудь травы, которую можно было бы собрать и предложить в пищу скотине. А так как он уже раньше разослал по всей стране лиц, которым было поручено разыскать пророка Илию и которые не были в состоянии нигде найти его, он повелел тому же Оведии отыскать его. Но затем оба решили отправиться на поиски вместе; потому они разделили между собой задачу, и как царь, так и Оведия отправились каждый в разных направлениях. Когда однажды царица Иезавель велела перебить всех (истинных) пророков, этот Оведия спрятал сто человек их в подземных пещерах и кормил их, доставляя им хлеб и воду[109].

Расставшись с царем, Оведия вскоре встретил на пути пророка Илию и, когда он на вопрос свой узнал, кто это, то пал ниц перед ним и приветствовал его. Пророк же повелел Оведии вернуться к царю и сказать, что он, Илия, сам придет к нему. Оведия спросил, какое он, Оведия, причинил ему зло, что посылает его к царю, который ищет его смерти и велел по всей стране искать его? Или разве он не знает, что Ахав разослал решительно ко всем местностям людей, которым поручено схватить Илию и привести его к царю на казнь? И вот, продолжал Оведия, он боится, как бы Господь Бог не явился пророку и не перенес бы его на другое место. В таком случае, если царь пошлет меня за тобой и я не буду в состоянии нигде найти тебя, мне самому придется за это поплатиться жизнью. Поэтому Оведия просил Илию пощадить его и упомянул при этом о своем ревностном старании спасти сто его товарищей-пророков, что ему и удалось, так как, пока Иеза-

вель перебила всех остальных, он их держит в потайном месте и снабжает пищей.

Однако Илия повелел ему без страха вернуться к царю, причем дал ему клятвенное обещание, что он, Илия, еще в этот день предстанет перед Ахавом.

5. Когда Оведия возвестил Ахаву о прибытии Илии, Ахав вышел к нему навстречу и гневно спросил, не он ли наслал бедствие на народ еврейский и был причиной бесплодия почвы. На это пророк без всякого колебания и страха отвечал, что сам Ахав и весь род его являются виновниками этих бедствий, так как они ввели в страну чужих богов и их культы, отстранившись от своего родного Бога, который один является настоящим Божеством, и не обращали на Него никакого внимания.

Впрочем, тут же Илия пригласил Ахава пойти на гору Кармел и собрать туда весь народ вместе с пророками, поставленными царем и его женой, сколько бы их ни было, а также со жрецами храмов при рощах, всего до четырехсот человек. Когда же по распоряжению Ахава все поспешно собрались на упомянутую гору, пророк Илия стал между ними и спросил их, доколе еще желательно им упорствовать в своих взглядах и решении продолжать такой образ жизни. Если они, продолжал Илия, считают собственного Бога единственно истинным, то пусть они и следуют Ему и повинуются Его предписаниям, если же ставят Его ни во что, но признают чужих богов и считают необходимым поклоняться им, то пусть всецело отдадутся этим богам.

Когда же народ ничего не отвечал на это, Илия предложил, для испытания могущества чужеземных богов в сравнении с его собственным Богом, которого он один является представителем, тогда как у тех налицо четыреста служителей, взять и зарезать быка и возложить его на жертвенник, не зажигая дров последнего; пусть затем и жрецы иноземных богов сделают то же самое и пригласят своих богов возжечь дрова: из этого можно будет затем вывести заключение о природе и свойствах различных божеств. Предложение это было принято, и Илия предложил идолопоклонникам первым выбрать и заколоть быка в жертву и при этом воззвать к своим богам. Когда же на моления и следовавшие за ним жертвоприношения лжепророков не последовало никакого

ответа, Илия насмешливо посоветовал им громче взывать к богам, так как последние либо находятся в отсутствии, либо спят. После того как жрецы бесплодно трудились с зари до полудня, причем, по обычаю своему, кололи себя мечами и кинжалами, Илия хотел сам приступить к своему жертвоприношению и предложил им поэтому дать ему место, причем присовокупил приглашение подойти поближе и проследить за ним, чтобы он не мог потихоньку от них поджечь дрова жертвенника. Когда же толпа обступила Илию, он взял сообразно числу колен еврейского народа двенадцать камней, сложил из них жертвенник и вырыл вокруг него довольно глубокий ров. Затем он возложил на алтарь дрова, а на них части жертвенных животных, и велел вылить на алтарь четыре наполненных водой из (ближайшего) источника сосуда, так что вода залила весь жертвенник и наполнила до краев окружавший последний ров. После этого Илия стал молиться Предвечному и взывать к нему, прося явить Свою силу находящемуся столь долгое время в заблуждении народу. В ответ на эту молитву вдруг, на глазах у всех, с неба снизошел на жертвенник огонь, который пожрал приношения, так что вся вода (вокруг алтаря) испарилась и место стало совершенно сухим.

6. У видя это, израильтяне пали ниц и преклонились перед единым Богом, взывая к нему как к единственному всесильному и истинному Божеству и давая всем прочим богам презрительные и насмешливые прозвища. Вместе с тем, по данному Илией знаку, народ схватил лжепророков и тут же убил их. Царю же, который все еще не мог прийти в себя, Илия дал совет поскорее вернуться домой, потому что ему вскоре придется увидеть, как Господь Бог ниспошлет дождь. Ахав удалился восвояси, Илия же взошел на вершину горы Кармел, сел на землю и, склонив главу свою к коленам, приказал одному из слуг взобраться на какой-нибудь утес, смотреть на море, и когда увидит где-нибудь собирающееся облачко, тотчас сказать ему; до этого же времени небо было совершенно чисто. Тот повиновался, но несколько раз возвращался к Илии с заявлением, что ничего не видно; на седьмой раз, однако, слуга заявил, что увидел на горизонте какое-то темное пятно, которое не больше человеческого следа. Когда Илия услышал это, то послал к Ахаву приглашение удалиться ско-

рее в город, чтобы его не застал проливной дождь. Царь отправился в город Иесраил. Вскоре затем небо почернело и покрылось тучами, поднялся сильный вихрь и полил проливной дождь. Пророка же обуял дух Божий, и он добежал рядом с колесницей царя вплоть до города Иесраила, лежащего в области колена Иссахарова[110].

7. Когда жена Ахава, Иезавель, узнала о чудесах, совершенных Илией, а также о том, что он велел перебить ее пророков, то в сильном гневе отправила к нему посланцев с угрозой, что при помощи последних она убьет и его, подобно тому, как он загубил ее жрецов. Устрашась этой угрозы, Илия бежал в город, носящий название Вирсува (он находится на границе между областью колена Иудова и страной идумейской), и, оставив там слугу своего, удалился затем в пустыню. Здесь ему страстно хотелось умереть. Считая себя не лучше своих предшественников, он полагал, что если эти предшественники его погибли, то и ему самому более не стоит жить. В изнеможении он опустился под деревом и вскоре крепко заснул. Но вскоре он опять проснулся: кто-то разбудил его; когда он встал, то увидел, что около него лежит пища[111]. Поев и набравшись снова сил, Илия отправился в дальнейший путь и пришел к горе Синаю, где, по преданию, Моисей получил от Всевышнего законы.

Здесь он нашел обширную пещеру, в которой и поселился на довольно продолжительное время. Однажды он услышал здесь голос невидимого лица, спросившего его, почему он находится тут и покинул город. На это Илия ответил, что причиной его удаления то, что он перебил жрецов иноземных богов и убедил народ, что есть один только истинный Бог, именно Тот, Которому евреи поклонялись с самого начала. За это-то, сказал Илия, жена царя и домогается его казни. Затем пророку было дано повеление выйти на следующий день из пещеры, и тогда он узнает, что ему следует предпринять. На рассвете Илия вышел из своего убежища. Земля дрожала и блестящий свет озарял окрестности. Затем, когда все опять успокоилось, раздался глас Всевышнего, который уговаривал Илию не пугаться ничего, чтобы ни случилось, так как ни один из врагов его не причинит ему никакого вреда. При этом Илия услышал повеление вернуться домой и провозгласить царем еврейским сына Немессея, Иуя, а царем дамасских

сирийцев Азаила, а также посвятить в качестве собственного своего преемника Елисея из города Авелы. Нечестивцев же из народа уничтожат отчасти Азаил, отчасти Иуй.

Сообразно такому повелению, Илия вернулся в страну еврейскую. Тут он нашел Елисея, сына Сафата, занятым в обществе нескольких других лиц вспахиванием поля при помощи двенадцати волов. Подойдя к Елисею, Илия накинул на него собственный плащ свой, Елисей же тотчас стал пророчествовать и, бросив своих волов, последовал за Илией. Но при этом он попросил Илию разрешить ему проститься с родителями и, когда получил надлежащее разрешение и воспользовался им, последовал за Илией, став на всю свою жизнь учеником и слугой пророка.

8. Вот что мы могли рассказать про этого пророка. В то время ближайшим к царю соседом был некий Навуф из города Изара. И вот, желая округлить свои владения, царь предложил этому Навуфу уступить ему за какую угодно цену ближайшее поле, причем выразил готовность, если бы тот не пожелал взять деньги, отдать Навуфу в обмен любой из других своих земельных участков. Однако Навуф наотрез отказался от этой сделки, указывая на то, что желает пользоваться именно той собственностью своей, которая перешла к нему по наследству от отца. Тогда Ахав очень огорчился и оскорбился невозможностью присвоить себе чужой земельный участок и с горя перестал купаться, есть и пить. Когда же Иезавель, жена его, стала расспрашивать его о причине его горя и почему он не купается, не завтракает и не обедает, царь рассказал ей о нелюбезном отказе Навуфа и о том, как последний, несмотря на настоятельные просьбы лица, облеченного царской властью, все-таки поглумился над ним, и несмотря на то, что он его подданный, отказал ему в исполнении его просьбы. Иезавель на это посоветовала мужу не приходить в уныние и, забыв о своем горе, вернуться к прежнему образу жизни, а ей предоставить заботу о наказании Навуфа. Немедленно после этого она от имени Ахава разослала начальствующим над израильтянами лицам письменное приказание объявить о назначении поста в известный день[112], созвать народное собрание и вызвать туда Навуфа (который был знатного рода)[113]. При этом она велела привести в собрание трех негодяев, которые согласились бы лжесвидетельство-

вать в том смысле, будто Навуф при них богохульствовал и поносил царя; за это Навуфа можно будет побить камнями и таким образом избавиться от него. И действительно, как приказала царица, Навуф был изобличен лжесвидетелями в богохульстве и поношении Ахава и подвергся смертной казни через побитие камнями от руки черни. Получив известие о приведении приговора в исполнение, Иезавель пошла к царю и предложила ему даром завладеть виноградником Навуфа. Ахав обрадовался этому случаю, покинул свое ложе и отправился осмотреть виноградник Навуфа. Тогда Господь Бог в гневе послал пророка Илию на поле, принадлежавшее Навуфу, чтобы встретиться там с Ахавом и спросить его, на каком основании он, убив законного владельца данного земельного участка, теперь думает столь бесчестно овладеть его имуществом. Когда же Илия пришел к Ахаву, царь спросил его, что он имеет сообщить ему. (Ахаву было стыдно быть застигнутым врасплох на самом месте преступления.) Тогда пророк ответил, что на том самом месте, на котором труп убитого Навуфа стал добычей собак, прольется и кровь Ахава и его жены и погибнет весь род их за то, что он решился на столь дерзновенный поступок и вопреки всяким законам загубил совершенно невинного гражданина. Тогда Ахава охватили скорбь и раскаяние в содеянном им преступлении; он надел на себя власяницу, ходил босой, не прикасался к пище и открыто сознавался в своем преступлении, которое навлекло на него гнев Предвечного. Господь Бог же объявил ему через пророка, что, так как Ахав чувствует раскаяние в совершенных злодеяниях, Он при его жизни отложит наказание рода его, а приведет свою угрозу в исполнение лишь на сыне Ахава[114].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Это решение Предвечного объявил царю пророк. Таковы были дела Ахава в то время, как царствовавший в Сирии и Дамаске сын Адада[115], собрав из всех владений своих значительную рать и соединившись с тридцатью двумя царями, владевшими землями по ту сторону Евфрата, пошел войной на Ахава. Не будучи по боевым силам равным своему противнику, Ахав не решился вступить с ним в битву, но велел все-

му населению своей страны искать убежища в наиболее укрепленных городах, а сам засел в Самарии, которая была сильно укреплена прочнейшими стенами и вообще казалась почти недоступной. Тогда сирийский царь стянул туда все свое войско и, обложив город, приступил к его осаде. Но перед этим он послал к Ахаву посланца с требованием принять то посольство, которое должно будет ознакомить Ахава с его, сирийца, требованиями. Когда царь израильский согласился на принятие такого посольства, последнее было прислано и объявило, чтобы по требованию их царя последнему были выданы все сокровища, дети и жены царя Ахава. Если Ахав согласен с этим и предоставит их царю распорядиться как ему заблагорассудится, то он готов удалиться с войском и прекратить осаду. На это Ахав велел посольству вернуться и объявить царю, что как он сам, так и вся семья его предоставляют себя в его распоряжение. Когда посланные принесли царю сирийскому такой ответ, царь отправил к Ахаву вторичное посольство с требованием впустить, если Ахав согласен предоставить в его распоряжение все свое имущество, на следующий день в город тех людей Адада, которых он пришлет; пусть Ахав позволит им обыскать весь дворец и дома друзей и родственников царя, захватить все, что им наиболее там понравится, и оставить то, что не будет по их вкусу.

Пораженный требованиями этого второго посольства сирийского царя, Ахав (немедленно) созвал народное собрание и сказал, что ради спасения народного и сохранения мира он был готов пожертвовать врагу своих собственных жен и детей и предоставить ему все свое личное имущество, так как того требовал сириец через первое свое посольство. «Ныне же, — продолжал Ахав, — сириец требует, чтобы я позволил прислать сюда его людей, которые обыщут все дома и, конечно, не оставят там ничего ценного. Тут он, очевидно, желает сохранить себе лишь предлог к продолжению войны, так как отлично знает, что, хотя я лично и готов пожертвовать собой ради вас, я все-таки предпочту воевать с ним для сохранения в целости ваших личных интересов. Впрочем, я поступлю сообразно вашему решению».

На это народ отвечал, что не следует слушать требования сирийского царя, не обращать на него внимания и быть готовым вести войну. Ввиду этого Ахав отпустил послов с от-

ветом, что на первое условие царя он и теперь еще готов согласиться ради безопасности своих подданных, но что второе предложение он отвергает.

2. Услышав об этом, Адад очень разгневался и в третий раз отправил к Ахаву послов с угрозой, что он воздвигнет стену, гораздо более высокую, чем та, которая окружает Самарию и над которой он смеется: для того ему лишь стоит приказать каждому из своих солдат бросить одну горсть земли. Этим он хотел показать Ахаву свое численное над ним превосходство и напугать его. Ахав, однако, отвечал, что следует хвастаться не тем, что надел оружие, а тем, что в нем одержал победу во время битвы. Послы Адада отправились в обратный путь и сообщили своему государю ответ в то время, как он сидел с тридцатью двумя царственными союзниками своими за обедом. Адад немедленно отдал приказание окружить город окопами, соорудить валы и ничего не оставлять без внимания, что могло бы способствовать ближайшему успеху осады. От всех этих приготовлений Ахава и весь народ его обуял ужас. Однако он успокоился и перестал бояться, когда к нему подошел какой-то пророк с заявлением, что Господь Бог обещает Ахаву даровать победу над столькими тысячами врагов. На вопрос царя, при помощи кого же будет одержана эта победа, пророк ответил, что способствовать ее одержанию будут сыновья военачальников, но что, так как эти молодые люди еще неопытны, ему, Ахаву, придется взять на себя руководство ими. Тогда Ахав призвал к себе сыновей военачальников (их нашлось всего двести тридцать два человека). Узнав, что царь сирийский как раз в данную минуту весь предается пиру, Ахав велел отворить городские ворота и выпустил юношей. Но так как соглядатаи Адада тотчас объявили об этом царю, то последний распорядился выслать к ним навстречу вооруженный отряд с приказанием привести к нему этих юношей связанными, если они вздумают вступить в бой, но встретить их мирно в случае, если бы и они явились с мирными намерениями. Между тем Ахав держал внутри города за стенами наготове все прочее войско свое. Встретившись с высланным против них отрядом и вступив с ним в бой, сыновья (израильских) военачальников перебили множество врагов и преследовали остальных вплоть до их лагеря. Видя, что они побеждают, царь израильский выпустил из города все прочее

войско свое, которое, неожиданно нагрянув на сирийцев, одержало над ними победу. Дело в том, что сирийцы никак не ожидали такого нападения и потому евреям удалось нагрянуть на них в то время, как они были безоружны и опьянели. Во время бегства своего из лагеря сирийцы предоставили израильтянам все свое оружие, и царь сирийский едва спасся бегством, вскочив на первого попавшегося коня. Между тем Ахав долго преследовал сирийцев, избивая попадавшихся ему на пути. Разграбив потом весь лагерь, в котором нашлось немало богатств в виде множества золота и серебра, он захватил колесницы и коней Адада и затем возвратился в свой город.

Однако тот же самый пророк (который предсказал Ахаву победу) велел ему ожидать нового нападения и с этой целью держать наготове войско, потому что на следующий год сирийский царь вновь предпримет поход против него. Ввиду этого Ахав последовал данному предостережению.

3. Между тем едва спасшийся с небольшим запасом воинов из битвы Адад стал вновь совещаться со своими друзьями о том, как бы возобновить враждебные против израильтян действия. Друзья советовали Ададу не вести войны в гористой местности, так как Бог израильский особенно могуществен в таких именно местах[116], как видно из недавно одержанной евреями над сирийцами победы. Но если бой произойдет на равнине, без труда можно будет одержать верх над израильтянами, полагали они. Вместе с тем приближенные Адада советовали последнему отправить на родину союзных царей, но удержать у себя их войска, назначив начальниками над этими войсками своих сатрапов, тогда как утраты, которые были причинены в их собственном войске во время последнего похода, могли бы быть заполнены набором людей, коней и колесниц в пределах родной страны. Ададу показался этот совет вполне целесообразным, и он стал указанным способом комплектовать свои войска.

4. С наступлением весны он собрал всю свою рать и вновь пошел войной против евреев. Придя к некоему городу (носившему название Афека[117]), он расположился станом на большой равнине. Ахав между тем выступил навстречу ему со своим войском и раскинул свой лагерь против неприятельского. Но войско его было, в сравнении с ратью Адада,

опять значительно слабее. Впрочем, к Ахаву вновь явился пророк и предсказал ему, что Господь Бог дарует ему победу, дабы проявить Свое могущество не только в гористой местности, но и показать его в открытом месте, чему не верят сирийцы. В продолжение семи дней неприятельские войска, стоя друг против друга, не вступали в бой, а когда на заре последнего дня враги вышли из лагеря и построились к битве, то и Ахав вывел свои силы из стана. Когда произошло столкновение, то бой разгорелся со страшным остервенением; но Ахаву все-таки удалось обратить неприятеля в бегство и, жестоко рубя его, преследовать его. Множество сирийцев было при этом задавлено собственными своими колесницами или погибло от руки своих же, и лишь небольшое количество их смогло спастись в занятый ими город Афеку. Впрочем, и последние тут погибли, будучи задавлены обрушившимися на них городскими стенами. Число этих погибших доходило до двадцати семи тысяч человек. Спасшийся между тем с горстью наиболее преданных слуг царь сирийский Адад спрятался в подземной пещере. Так как слуги стали уговаривать Адада, что цари израильские всегда отличались человеколюбием и милосердием и что можно будет, если только явиться в обычном для просителей виде, добиться от Ахава помилования Адада, лишь бы только Адад разрешил им предстать перед Ахавом, то царь сирийский согласился отпустить их. И вот, облекшись в вретища и покрыв головы тростником (это был издревле заведенный у сирийцев обычай являться с просьбами), они явились к Ахаву и просили от имени Адада помилования его, уверяя, что последний навсегда за такое помилование станет преданным Ахаву рабом. Ахав выразил удовольствие при известии, что Адад спасся и не погиб в битве, и объявил посланным о своей готовности оказать царю их почет и любовь, какую бы он оказал родному брату. Получив затем от Ахава еще клятвенное уверение, что Ададу не грозит никакая опасность, посланцы вернулись к потайному помещению, где был скрыт Адад, и привезли его на колеснице к Ахаву. При виде последнего Адад пал перед ним ниц. Ахав же подал ему руку, помог ему вновь взойти на колесницу и, обняв Адада, просил успокоиться и не опасаться никаких насилий. Адад благодарил и обещал во всю свою жизнь помнить об этом оказанном ему благодеянии; вместе

с тем он объявил Ахаву, что возвратит ему те города, которые отняли у евреев предшествующие цари сирийские, а также откроет доступ в Дамаск, как то некогда сделали предки его по отношению к Самарии. Скрепив этот договор клятвенными уверениями и богато наградив Адада, Ахав отпустил его домой. Так окончился поход сирийского царя Адада против Ахава и израильтян.

5. Случилось, что некий пророк, по имени Михей[118], обратился к какому-то израильтянину с просьбой нанести ему удар по голове, ибо таково желание Господа Бога. Когда израильтянин не согласился исполнить эту просьбу, пророк объявил ему, что так как он ослушался приказания Предвечного, то погибнет от когтей льва, который встретится ему. Эта угроза действительно вскоре затем оправдалась, и тогда пророк обратился со своей просьбой к другому израильтянину. Тот так ударил его по голове, что нанес довольно тяжкое повреждение, и тогда Михей, обвязав голову, предстал перед царем с заявлением, что он, Михей, участвовал с ним в походе и получил от своего начальника поручение стеречь одного из пленных; так как этот пленник бежал, то он подвергся опасности умереть от руки начальника, поручившего ему охрану пленника: начальник предварил угрозой казнить его, если пленнику удастся бежать.

Когда же Ахав сказал на это, что провинившийся вполне достоин казни, то Михей снял с головы покрывавшую его лицо повязку и был тотчас узнан Ахавом. Но пророк хотел его поймать лишь на его собственных словах и потому сказал, что, подобно тому как Ахав дал убежать Ададу, провинившемуся в богохульстве, так и Господь Бог отвратится от него и даст Ахаву умереть от руки Адада, а войску израильскому от рати сирийской. Ахав страшно рассердился на пророка и велел связать его и посадить в темницу. Но вместе с тем слова Михея глубоко потрясли его, и, подавленный ими, он вернулся в дом свой[119].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Такова история Ахава. Теперь же я вернусь к царю иерусалимскому Иосафату, который расширил царский дворец и поместил военные гарнизоны не только в городах покорен-

ных племен, но также и в тех селениях области колена Ефремова, которые занял было дед его Авия еще в то время, когда Иероваам был царем над десятью коленами. Так как Иосафат был справедлив и благочестив и только думал о том, как бы ежедневно сделать что-либо приятное и угодное Господу Богу, то Предвечный был всегда расположен к нему и постоянно оказывал ему деятельную поддержку. Вместе с тем соседние правители почитали Иосафата и выражали свое к нему почтение дарами, так что царь составил себе несметное богатство и стяжал себе величайшую славу.

2. На третий год своего царствования Иосафат созвал к себе начальников отдельных частей своих владений, а также священнослужителей и предложил им предпринять путешествие по всей стране, дабы наставлять народ и подчиненных по отдельным городам в законах Моисеевых, научая людей соблюдать эти законы и ревностно служить Господу Богу. Народ этому так обрадовался, что ни на что больше не обращал внимания и ни к чему более не относился с такой любовью, как именно к тому, чтобы неуклонно исполнять божественные предписания.

Соседи тем временем по-прежнему продолжали любить Иосафата и жили с ним в полном мире. Филистимляне платили ему установленную дань, арабы же ежегодно поставляли ему триста шестьдесят овец и столько же коз. Вместе с тем Иосафат продолжал строить сильные крепости и цейхгаузы и на случай войны постоянно держал в образцовом порядке свои военные силы и боевые припасы. Войско состояло из трехсот тысяч человек тяжеловооруженных из колена Иудова, над которыми начальство было в руках Еднея, тогда как Иоанн командовал отрядом в двести тысяч человек (из того же колена). Этот же военачальник командовал еще двумястами тысячами пеших стрелков из колена Веньяминова, тогда как другой начальник, по имени Оховат, заведовал у царя ста восьмьюдесятью тысячами тяжеловооруженных. В состав всех этих войск не входили отряды, которые царь разослал по укрепленным пунктам своих владений.

3. Сыну своему Иораму он дал в жены Гофолию, дочь Ахава, царя прочих десяти колен израильских. Когда Иосафат спустя некоторое время отправился в Самарию, то Ахав принял его весьма радушно, блестяще утостил свиту царя всевоз-

можной пищей и различными винами и предоставил в ее распоряжение значительное количество благовоний. Вместе с тем он предложил Иосафату соединиться с ним против царя сирийского для того, чтобы вернуть себе галаадский город Арамису, который некогда принадлежал его отцу и затем был отнят у него родителем царя сирийского. Когда Иосафат обещал ему свою помощь, так как его войско по многочисленности своей не уступало войску Ахава, то он тотчас послал за своей ратью в Иерусалим, требуя выступления ее в Самарию. После этого оба царя вышли из города и, сев каждый на отдельном троне, приступили к раздаче жалованья своим солдатам. Затем Иосафат предложил узнать, нет ли тут нескольких пророков и, если таковые найдутся, спросить их совета относительно предпринимаемого против сирийского царя похода, а именно — удобно ли и своевременно ли предпринимать эту экспедицию; дело в том, что, пока между Ахавом и сирийцем царствовали еще мир и согласие, и с тех пор, как Ахав взял в плен Адада и затем отпустил его на свободу, это согласие не нарушалось ничем в продолжение целых трех лет.

4. Ахав тогда вызвал своих пророков, число которых доходило до четырехсот, и повелел им вопросить Бога, даст ли Он ему победу над Ададом и предоставит ли возможность снова овладеть тем городом, ради возвращения которого предпринимается поход. Когда эти пророки единогласно посоветовали Ахаву предпринять поход, так как он победит сирийского царя и одержит над ним верх, как в предшествующие походы, Иосафат вывел из этих слов, что пророки его лжепророки, и потому спросил Ахава, нет ли у него еще другого, истинного пророка, дабы можно было узнать что-либо более положительное относительно ожидаемого исхода предприятия. Ахав отвечал, что такой пророк имеется, но что он, царь, питает к нему ненависть за то, что тот дал ему скверное предсказание, а именно, предвещал смерть вследствие победы над ним царя сирийского. Ввиду этого Ахав держит теперь того пророка под стражей; называется он Михеем, сыном Иемвлея. Когда Иосафат попросил велеть привести его, то Ахав отправил за ним одного из своих евнухов. Во время пути евнух сообщил Михею, что все остальные пророки предсказали Ахаву победу. На это Михей сказал, что он лично не может обмануть царя ложным предсказанием, но

что он скажет ему все то, что велит сказать ему Господь Бог. Когда же Михей предстал перед Ахавом и последний стал заклинать его поведать ему истинную правду, пророк отвечал, что Господь Бог велит ему сообщить о предстоящем бегстве израильтян, о том, что они подвергнутся преследованию со стороны сирийцев и будут рассеяны ими в горах наподобие того, как разрозниваются стада, потерявшие своего пастуха. Вместе с тем он указал на то, что видит, как израильтяне мирно вернутся восвояси, он же один, Ахав, падет в битве. В ответ на это предсказание Михея Ахав обратился к Иосафату со следующими словами: «Ведь вот же я недавно указал тебе на злобу этого человека против меня и на то, что он мне всегда предвещает одно наихудшее».

Тогда Михей сказал, что царю следовало бы обращать побольше внимания на все, что ему велит предсказывать Господь Бог; что, хотя лжепророки и побуждают его к войне, обещая победу, ему тем не менее суждено умереть в бою. Когда же царь впал (по поводу этих слов) в раздумье, один из лжепророков, Седекия, подошел к Ахаву и потребовал, чтобы он не обращал внимания на Михея, так как последний отнюдь не говорит правды. В доказательство он сослался на Илию, который, конечно, вернее Михея предсказывал будущее. А между тем ведь Илия предсказал ему в городе Изаре, на земельном участке Навуфа, что псы будут лизать кровь его совершенно так же, как они лизали кровь по его наущению камнями побитого народом Навуфа.

«Поэтому очевидно, что, находясь в противоречии с лучшим пророком, этот Михей лжет, уверяя, что ты умрешь через три дня. Впрочем, сейчас представится возможность узнать, настоящий ли он пророк и имеет ли дар божественного вдохновения. Пусть он, которого я сейчас побью, иссушит мою руку, подобно тому как то было с десницей царя Иеровоама, когда он велел схватить Иадона. Я ведь полагаю, что этот случай тебе доподлинно известен».

Когда он затем действительно начал бить Михея и с ним после этого все-таки ничего не случилось, Ахав снова приободрился и окончательно решил предпринять поход против сирийца. Решающее значение в этом деле имела, по моему мнению, роковая неизбежность предопределения, в силу которой слова лжепророков показались Ахаву убедительнее

слов истинного пророка; таким только образом могла состояться роковая развязка[120].

Седекия соорудил затем бронзовые рога[121] и сказал Ахаву, будто Господь Бог объявил ему, что при помощи их тот покорит всю Сирию, тогда как Михей предсказывал, что через несколько дней Седекия будет бегать от одной границы к другой, ища убежища, чтобы укрыться от наказания за ложное свое предсказание. За это царь велел отвести Михея к градоначальнику Ахамону, заключить его в темницу и не давать ему ничего, кроме хлеба и воды.

5. После всего этого Ахав и царь иерусалимский Иосафат направились со своими войсками к галаадскому городу Арамафе. Узнав об этой их экспедиции, сирийский царь выступил против них со своей ратью и расположился лагерем недалеко от Арамафы. Вместе с тем Ахав и Иосафат условились насчет того, что Ахав снимет с себя все свое царское убранство, тогда как царь иерусалимский примет на себя начальствование над соединенными войсками и останется в полном своем облачении. Таким образом они думали доказать всю неосновательность предвещания Михея. Однако рок настиг Ахава и помимо его переодевания. Дело в том, что Адад, царь сирийский, объявил через начальников по всему своему войску, чтобы солдаты не смели убивать никого, кроме царя израильского. Когда во время схватки сирийцы увидали, что рядами неприятелей командует Иосафат, то, приняв его за Ахава, устремились на него и окружили его. Но лишь только они подошли к нему поближе, они узнали в нем не того, кого искали, и все отступили. Хотя бой продолжался с зари вплоть до глубокой ночи и сирийцы повсюду побеждали, однако не убивали никого, сообразно приказанию своего царя, но только тщетно искали Ахава, чтобы его одного убить. Вдруг один из царских служителей, по имени Аман, пустив наугад стрелу в ряды врагов, смертельно ранил Ахава, пробив ему панцирь и попав в область легкого. Не желая, однако, показывать этого случая своему войску, чтобы оно не обратилось в бегство, Ахав приказал своему вознице повернуть колесницу и оставить место битвы, потому что он, Ахав, был смертельно ранен. Таким образом, он вплоть до заката солнца оставался в страшных мучениях на своей колеснице, наконец потерял сознание и умер.

6. С наступлением ночи сирийское войско отступило к своему стану, а когда войсковой герольд объявил о последовавшей смерти Ахава, то оно повернуло назад к его владениям. Труп Ахава был доставлен в Самарию и предан там земле. Колесница Ахава, которая была загрязнена кровью вследствие поранения царя, была обмыта в источнике Изара, и, таким образом, оправдалось предсказание Илии: собаки действительно лизали при этом кровь убитого царя, блудницы же обмыли все остальное около этого источника. Вместе с тем Ахав умер, сообразно предсказанию Михея, в Рамафоне[122].

Итак, раз на Ахаве оправдались предсказания двух пророков, мы должны преклониться перед величием Господа Бога, всегда поклоняться Ему и почитать Его; мы никогда не должны предпочитать истине то, что доставляет нам удовольствие или соответствует нашим личным наклонностям, и нам следует вывести из всего этого, что нет ничего более серьезного, чем пророчества и вытекающие из них мероприятия в будущем, так как путем этих пророчеств Господь Бог раскрывает перед нами, чего нам следует опасаться. Вместе с тем из участи царя Ахава должно также усвоить себе представление о силе предопределения, которое неизбежно, хотя бы оно было нам известно и заранее. Этот рок, правда, иногда обманывает людей, возбуждая в них тщетные надежды на лучшее будущее; но это делается для того лишь, чтобы довести человека до такого положения, в котором легче всего настичь его. Видимо, и Ахав лишь для того настолько был ослеплен, чтобы не поверить людям, предсказывавшим ему поражение, и чтобы погибнуть, последовав советам тех, которые предсказывали ему одно лишь ему угодное.

Преемником Ахава стал его сын Охозия[123].

Книга девятая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как сын Ахава, Иорам, пошел войной на моавитян и подчинил их себе.

2. О том, как одноименный с ним иерусалимский царь Иорам овладел престолом и велел перебить своих братьев и друзей отца своего.

3. О том, как после отпадения Идумеи все его войско было уничтожено во время нападения на него арабов, как все его сыновья, кроме одного, еще несовершеннолетнего, погибли, и сам он, став безбожником, умер жалкой смертью.

4. О походе сирийцев и царя дамасского против царя израильского, Иорама, и о том, как последний, осажденный в городе Самарии, совершенно неожиданно был избавлен от угрожавшей ему опасности.

5. О том, как сам Иорам со всем своим родом и Охозией, царем иерусалимским, был умерщвлен начальником конницы, Иуем.

6. О правлении Иуя, после смерти Иорама, над израильтянами, о том, как он сделал своей резиденцией Самарию, и о том, как потомки его до четвертого поколения сохранили за собой престол.

7. О том, как одна женщина, по имени Афалия, в продолжение пяти лет была царицей в Иерусалиме, и о том, как первосвященник Иода добился умерщвления ее и провозглашения царем сына Охозии, Иоаса.

8. О походе царя дамасского, Азаила, на израильтян и о том, как Азаил, причинив их стране и городу Самарии большой вред, спустя некоторое время пошел войной также и на Иерусалим, вынудил от царя иерусалимского большую дань и затем снова вернулся в Дамаск.

9. О войне царя иерусалимского, Амасии, с идумеянами и амалекитянами и об его победе над ними.

10. О том, как этот же самый царь пошел войной против израильского царя Иоаса, как он потерпел поражение и был при этом взят в плен, из которого освободился лишь после выплаты значительного выкупа, и как его сын Озия подчинил себе соседние племена.

11.О победоносном походе израильского царя Иеровоама против сирийцев.

12. О том, как ассирийский царь предпринял нашествие на Самарию и лишь тогда вернулся домой, когда ему удалось вынудить у царя Факи (Манаима) значительную сумму денег.

13. О том, как царь дамасский Арас пошел войной на Иерусалим и так стеснил тамошнего царя Ахаза, что последний должен был послать асси-

рийскому царю богатые дары, чтобы тем побудить его выступить войной против Дамаска.

14. Как ассирийский царь взял Дамаск приступом, велел убить дамасского царя, поселил сирийцев в Мидии и предоставил их страну другим народностям для заселения.

15. Как ассирийский царь Салманассар пошел походом на Самарию, подвергал ее в продолжение пяти лет осаде и, взяв город штурмом, распорядился казнить царя Осию.

16. О том, как ассирийский царь отправил в ссылку в Мидию десять колен израильских и как он переселил в их страну из Персиды племя хутейцев, которых греки именуют самарянами.

Вся книга обнимает период в сто пятьдесят лет и семь месяцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Когда царь Иосафат вернулся в Иерусалим из совместного с израильским царем Ахавом похода против сирийского владетеля Адада, о чем мы уже рассказывали выше, пророк Иуй явился к Иосафату с упреком, что последний оказал поддержку такому злодею и безбожнику, каким был Ахав. При этом пророк сказал, что, хотя Господь Бог и очень рассердился на эту оказанную Ахаву помощь, Он тем не менее, несмотря на совершенный Иосафатом грех, спас его от руки неприятелей ради прежнего его благочестия и добронравия. Вследствие этого увещания Иосафат снова приступил к восхвалению Господа Бога и к жертвоприношениям в честь Его. Затем он проехал по всей своей стране и посетил все уголки своих владений, где повсюду наставлял народ в данных Предвечным через Моисея законах и в настоящем благочестии по отношению к Всевышнему. Вместе с тем он назначил в каждом подвластном ему городе судей и увещевал их судить народ, не побуждаясь ничем иным, кроме начала справедливости, не склоняясь в пользу тех, кто мог бы, по их мнению, подарками или личным своим влиянием, благодаря богатству или знатности рода, подкупить их, но творить суд, равный для всех, постоянно помня, что Господь Бог взирает на все и видит даже самое сокровенное[1]. Сделав такие распоряжения в каждом городе обеих подвластных ему областей, Иосафат вернулся в Иерусалим, где он также назначил судей из среды священнослужителей, левитов и главных начальников народа, причем и их увещевал быть особенно добросовестными и соблюдать во всех своих решениях точнейшую справедли-

вость. Если же между единоплеменниками в других городах возникнут разногласия по поводу более сложных дел и эти дела будут присланы на рассмотрение им, судьям иерусалимским, то им придется приложить особенное старание и как можно тщательнее и нелицеприятнее постановить правдивый приговор, потому что решения суда того города, где находится храм Предвечного и имеет свою резиденцию царь, должны быть особенно основательны и правильны. Председателями судебной (иерусалимской) коллегии Иосафат назначил священнослужителя Амасию и некоего Завадию, которые оба принадлежали к колену Иудову.

Таким образом царь устроил (внутренние) дела свои.

2. Около этого же времени на Иосафата пошли войной моавитяне и аммонитяне, которые соединились для этого с большим количеством арабов. Лагерем расположились они около города Энгедди[2], находящегося у Асфальтового озера в расстоянии трехсот стадий от Иерусалима. В этой местности растут отличнейшие финиковые пальмы и получается бальзам. Когда Иосафат узнал, что враги переправились через озеро и уже вторглись в его владения, он испугался и созвал население Иерусалима в собрание на дворе храма. Тут он стал перед входом в святилище, помолился и стал взывать к Господу Богу оказать ему поддержку и даровать силы для отражения наступающих врагов. При этом царь указывал на то, что и строители храма просили Предвечного, чтобы Он заступался за этот город и отражал нападения тех дерзновенных, которые решились бы напасть на него. Теперь же враги наступают с очевидным намерением захватить в свои руки дарованную евреям самим Господом Богом землю. Молясь таким образом, царь плакал, и к его мольбам присоединилась молитва всего народа, женщин и детей. Тогда вдруг вошел в середину собрания некий пророк Иазиил и обратился к народу и царю с громогласным извещением, что Всевышний внял их мольбам и обещает им сражаться вместе с ними против врагов. Вместе с тем он повелел царю на следующий день выступить с войском навстречу неприятелям, которых он найдет между Иерусалимом и Энгаддаимом, на возвышенности, называемой «Склоном». При этом он велел не вступать евреям в бой, но спокойно выжидать и быть свидетелями того, как сразится с врагами само Божество. В ответ на эти

слова пророка царь и народ пали ниц, преклонились перед Господом и возблагодарили Его, тогда как левиты запели, под аккомпанемент своих музыкальных инструментов, священные гимны.

3. С наступлением следующего дня царь отправился в простирающуюся у подножия города Фекои пустыню и там обратился к народу с увещанием, что должно верить словам пророка и потому не строиться в боевом порядке, но, выставив впереди священнослужителей с трубами и левитов с певчими, вознести благодарственную молитву к Всевышнему, как будто бы Он уже очистил страну от врагов. Это предложение царя было встречено сочувственно, и народ поступил сообразно повелению. Между тем Господь Бог внушил аммонитянам ужас и вселил в них смятение, так что они стали принимать друг друга за врагов и учинили между собой отчаянную резню, результатом чего было то, что от такого огромного войска их не уцелело ни одного человека. Когда же Иосафат взглянул на долину, где враги расположились лагерем, и увидел ее переполненною трупами, то очень обрадовался внезапной помощи от Господа Бога, который даровал евреям победу, не потребовав от них ни малейшего труда. Затем царь разрешил своему войску приступить к разграблению неприятельского стана и к сниманию доспехов с трупов. Евреи три дня занимались этим и очень утомились, так велико было число убитых. На четвертый же день весь народ собрался в узкой долине и приступил еще раз к восхвалению Всесильного за его помощь. От этого и местность та получила название «*Долины восхваления*».

4. Отсюда царь повел свое войско назад в Иерусалим и там в продолжение целого ряда дней приносил жертвы и устраивал пиршества. После того как известие об уничтожении его врагов дошло до сведения иностранных народов, все они исполнились боязни к Иосафату, потому что было очевидно, что и впоследствии Господь Бог будет оказывать ему Свою поддержку. Иосафат же с тех пор стяжал себе великую славу своей праведностью и своим благочестием. Он заключил союз с царем израильским, сыном Ахава, и вошел с ним в соглашение относительно постройки судов, которые должны были предпринимать плавание в Понт[3] и главные приморские города Фракии. Однако тут он ошибся в расчете: вслед-

ствие своих крупных размеров корабли эти погибли и оттого Иосафат раз и навсегда отказался от мысли устроить морскую торговлю. Но довольно об иерусалимском царе Иосафате[4].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Сын Ахава, Охозия, царствовал над израильтянами и жил в Самарии. Это был человек порочный и во всех отношениях похожий на своих родителей, равно как на Иеровоама, который первый преступил законы и начал вводить народ в заблуждение (относительно Всевышнего). На второй уже год правления от него отложился моавитский царь и прекратил выплату ему дани, которую он раньше выплачивал отцу его Ахаву.

Однажды случилось, что Охозия, сходя с крыши своего дома[5], оступился и упал на землю. Во время своей болезни он отправил послов к акконскому богу мух[6] (так звали это божество) с поручением узнать, выздоровеет ли он. Тогда Бог еврейский явился пророку Илии и велел ему пойти навстречу посланцам Охозии и спросить их, неужели народ израильский не имеет своего собственного Бога, что царь их посылает к чужому богу вопросить об исходе болезни. Вместе с тем пророк должен был повелеть им возвратиться домой и сказать царю, что он не оправится от своей болезни. Илия в точности исполнил повеление Господа, и когда послы услышали его сообщение, то немедленно возвратились к царю. Так как последний удивился быстроте их возвращения и спросил их о причине этого, они сказали ему, что им встретился на пути человек, не позволивший им продолжать путешествие, но потребовавший, чтобы они вернулись домой и по поручению Бога израильского сообщили бы ему о смертельном исходе его болезни. Когда царь велел им описать наружность лица, сказавшего им о том, то они ответили, что то был человек, обросший волосами и опоясанный кожаным ремнем. Царь по этому описанию, данному посланцами, тотчас узнал пророка Илию и распорядился отправить за ним таксиарха с пятьюдесятью тяжеловооруженными и доставить Илию во дворец. Высланный за пророком военачальник нашел его сидящим на вершине горы и приказал ему сойти вниз и

явиться к царю по поручению последнего, присовокупив при этом, что, если он не последует этому приглашению, его принудят к тому силой. На это Илия отвечал военачальнику, что для доказательства того, что он имеет дело с истинным пророком, он, Илия, помолится, чтобы с неба снизошел огонь и пожрал бы как солдат, так и его военачальника. И действительно, пророк начал молиться, и с неба упало пламя и уничтожило как таксиарха, так и его воинов.

Когда царю донесли о гибели этого отряда, он рассердился и выслал против Илии вторично другого таксиарха с таким же количеством тяжеловооруженных, как и в первый раз. Но так как и этот таксиарх стал угрожать Илии, что возьмет его силой, если тот не спустится добровольно, то пророк снова прибег к молитве, и точно так же огонь истребил второго военачальника (с его отрядом), как и первого. Узнав о постигшей его участи, царь выслал третьего офицера. Это был человек рассудительный и крайне мягкий. Когда он приблизился к месту, где находился Илия, он ласково заговорил с последним, указывая на то, что явился к нему против личного желания и только повинуясь приказанию царя и что равным образом и товарищи его явились сюда не по доброй воле, но по указанной им причине. Поэтому он стал просить Илию сжалиться над его воинами, спуститься и пойти вместе с ним к царю. Уступая его ласковой речи и мягкости его характера, Илия сошел с горы и последовал за отрядом. Когда же пророк предстал перед царем, то сказал ему, по внушению Предвечного: «Так как ты презрительно отнесся к Предвечному, держа себя по отношению к Нему так, как будто бы Он вовсе не Господь Бог и не в состоянии предсказать тебе истину касательно исхода твоей болезни, но отправил людей вопросить об этом исходе к идолу аккаронитскому, то знай, что ты умрешь».

2. И действительно, как предсказал Илия, так и случилось: немного спустя царь умер, а преемником его на престол стал брат его Иорам, так как Охозия умер бездетным. Этот Иорам, вполне похожий по испорченности на отца своего, Ахава, царствовал двенадцать лет, совершая всевозможные беззакония и бесчестия относительно Господа Бога: не обращая на Всевышнего никакого внимания, он поклонялся иноземным богам. Впрочем, во всех других отношениях он был человеком дельным.

Около этого же времени исчез с лица земли пророк Илия, и никто по сей день не знает подробностей его кончины[7]. Впрочем, как мы уже выше упомянули, он оставил преемника в лице ученика своего Елисея. Относительно Илии, равно как относительно жившего до потопа Эноха, имеются данные в Священном Писании, что они исчезли, тогда как о смерти их никто не узнал ничего точного[8].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Заняв царский престол, Иорам решил пойти войной на царя моавитского Мису[9], потому что последний, как мы уже сообщали выше, отложился от его брата и перестал платить ему дань, которую он выплачивал отцу его Ахаву (а именно двести тысяч нестриженых овец). Итак, собрав свою собственную рать, он послал к Иосафату приглашение участвовать с ним в качестве союзника в предстоящей войне с отпавшими от него моавитянами, причем указывал на его (Иосафата) давнишнюю дружбу с его отцом. Иосафат обещал не только лично оказать ему поддержку, но и постараться принудить к участию в этом походе подчиненного ему идумейского царя. Получив со стороны Иосафата такие благоприятные обещания относительно участия в войне, Иорам со своим войском прибыл в Иерусалим, где был блестяще принят царем иерусалимским. Решив идти на врагов через идумейскую пустыню, откуда нельзя было ожидать нападения моавитян, три царя, иерусалимский, самаритянский и идумейский, выступили из Иерусалима. Так как проводники сбились с дороги, то они в течение семи дней блуждали по пустыне, пока, наконец, не почувствовали такой недостаток воды для скота и людей, что все впали в крайнее уныние. Особенно страдал Иорам. В горе своем он громко взывал к Господу Богу, по какой причине и за какие провинности Он завел трех царей столь далеко и теперь собирается без боя предать их в руки моавитского царя. Между тем праведник Иосафат старался подбодрить его и послал в лагерь с запросом, не последовал ли за войском какой-нибудь пророк истинного Бога, чтобы через него можно было узнать от Всевышнего, что следует предпринять. Один из приближенных Иорама ответил, что он видел в лагере ученика Илии, сына Сафатова, Елисея. Тог-

да по приглашению Иосафата три царя отправились к пророку. Подойдя к палатке Елисея, расположенной вне стана, они стали вопрошать его относительно участи, ожидающей войско. Особенно настойчивы были расспросы Иорама. Когда же Елисей просил не приставать к нему, но отправиться к пророкам родителей Иорама (эти-де пророки будут настоящими), царь стал еще настойчивее просить предсказать им будущую их судьбу и спасти их. Елисей дал клятвенное уверение, что Предвечный ни за что не ответил бы на запрос царя, если бы Иосафат не был таким богобоязненным и справедливым государем. Затем, по его требованию, был приведен человек, умевший играть на цитре, и когда во время его игры пророк впал в экстаз, то велел царям вырыть в ложе реки целый ряд ям. При этом он заявил им, что, хотя и незаметно туч, нет ветра и нет дождя, они скоро увидят, как река наполнится водой, так что как войска, так и скот смогут утолить свою жажду и тем спастись. «Впрочем, — сказал Елисей, — Господь Бог пошлет вам не только это, но и дарует вам победу над врагами; вы возьмете лучшие и укрепленнейшие города моавитян, вырубите их плодовые деревья, опустошите страну их и осушите их ключи и реки».

2. Сообразно предсказанию пророка, на следующий день, еще до восхода солнца, река обильно наполнилась водой (ибо в Идумее, за три дня пути от них, Господь Бог послал сильный дождь[10]), так что и войско, и вьючный скот могли вволю утолить свою жажду.

Когда же моавитяне услышали, что на них идут войной три царя и направляют путь свой через пустыню, то моавитский царь немедленно собрал свое войско и велел ему расположиться лагерем на горах[11], чтобы враги не вторглись в их страну незамеченными. Когда моавитяне при восходе солнца взглянули на реку (которая лишь небольшой частью своей протекала по их владениям) и заметили, что вода совершенно кровавого цвета (а между тем в это время вода очень значительно окрашивается в багровый цвет от света зари), то ими овладело совершенно, впрочем, неосновательное подозрение, что враги вследствие мучений жажды перебили друг друга и что река обагрена их кровью. Итак, основываясь на таком ложном предположении, моавитяне обратились к царю своему с просьбой разрешить им приступить к разграб-

лению неприятельского стана; затем они все отправились в лагерь мнимопогибших врагов, думая, что там их ожидает добыча, овладеть которой будет крайне удобно. Но им пришлось ошибиться в своем расчете: враги окружили моавитян со всех сторон, так что часть их была изрублена, часть же обращена в беспорядочное бегство, во время которого они устремились в пределы своей страны. Союзные цари, в свою очередь, ворвались во владения моавитян, разрушили их города, испортили их поля и сделали их и впредь негодными, накидав на них каменьев из реки, вырубили наилучшие деревья, запрудили все источники и до основания срыли их постройки. Моавитский царь между тем бежал в один город и подвергся тут осаде. Видя, что этому городу угрожает опасность быть взятым приступом, он решился в сопровождении семисот всадников сделать вылазку из города и быстрым натиском прорваться сквозь ту часть неприятельского стана, которую он считал наименее охраняемой. Однако попытка эта ему не удалась, потому что он нашел в том месте значительную стражу, так что ему пришлось возвратиться в город. Тут он решился на отчаянное и крайнее средство: он вывел на городскую стену старшего из своих сыновей, будущего своего преемника, выставил его напоказ всем и затем сам заклал его, принося его в жертву своему богу[12]. При виде этого союзные цари сжалились над его отчаянием и в порыве человеческого сострадания прекратили осаду. Затем каждый из них вернулся в свою страну.

По возвращении в Иерусалим Иосафат немного прожил после описанного похода, пользуясь глубоким миром. Затем он умер шестидесяти лет, из которых царствовал в продолжение двадцати пяти. Похоронен он был в Иерусалиме с большой пышностью: во всех своих поступках он брал себе в пример Давида[13].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Иосафат оставил после себя много детей; преемником своим он назначил старшего сына своего Иорама. Таким образом, этот иерусалимский царь был тезкой дяде своему, сыну Ахавову, царствовавшему над израильтянами. — Когда израильский царь возвращался из страны моавитской в

Самарию, то привез с собой пророка Елисея, к деяниям (славным и достойным исторического повествования) которого я думаю теперь приступить на основании данных Священного Писания.

2. Однажды к нему явилась жена управителя Ахавова, Оведии, с заявлением, что Елисею должно быть небезызвестно, как (покойный) муж ее (некогда) спас сто пророков, которых хотела загубить жена Ахава, Иезавель. При этом она упомянула, что Оведия спрятал и на свой собственный счет содержал эту сотню людей. Теперь же, после смерти ее мужа, продолжала вдова, ей и ее детям кредиторы угрожают продажей в рабство, а поэтому она умоляет Елисея, в память об этом благодеянии ее мужа, сжалиться над ней и оказать ей посильную помощь. Когда Елисей спросил ее, что у нее есть в доме, и узнал, что нет ничего, кроме небольшого количества масла в сосуде, то повелел ей вернуться домой, одолжить у соседей большое число пустых сосудов и, заперев двери жилища, налить в каждый из сосудов немного масла. Господь же уже наполнит эти сосуды до краев. Женщина так и сделала, как ей приказал пророк. Велев детям своим принести сосуды, она во все их налила несколько масла и затем, когда все сосуды переполнились, отправилась к пророку, чтобы сказать ему об этом. Елисей повелел ей продать масло и заплатить из вырученной суммы долги кредиторам, причем указал, что от этой операции у нее еще останется некоторая сумма, на которую она с детьми сможет прожить. Таким образом, Елисей избавил эту женщину от ее стесненного положения и освободил ее от притеснений кредиторов[14].

3. Елисей (однажды) вовремя предупредил Иорама об опасности, послав ему сказать, чтобы он берегся такого-то места, в котором находятся в засаде некоторые сирийцы, ищущие его гибели. Повинуясь этому предостережению пророка, царь уже не поехал на охоту. Адад же, обманувшийся в своем расчете и предполагая, что его собственные люди выдали его план Иораму, сильно разгневался и послал за ними. Когда они явились к нему, он обозвал их изменниками, выдавшими его планы, и угрожал им смертью за то, что они раскрыли врагу его начинания, о которых он, Адад, сообщил только им одним. Тогда один из присутствовавших сказал, что царь ошибается, предполагая, что кто-нибудь из них,

которые должны были убить Иорама, послал последнему извещение об угрожающей ему опасности; напротив, царю следует знать, что существует пророк Елисей, который сообщает Иораму обо всем и извещает его о всех начинаниях Адада. На основании этого Адад немедленно послал узнать, в каком городе проживает Елисей. Посланные вернулись с известием, что Елисей живет в Додаиме. Тогда Адад отправил к этому городу значительный отряд всадников и колесниц для поимки Елисея. Посланные в продолжение всей ночи окружали город и стерегли все его пути. На заре об этом узнал слуга пророка и прибежал в полном смятении к своему господину с криком, что враги стараются захватить Елисея. Последний успокоил слугу и, желая совершенно освободить его от всякого страха, стал просить Господа Бога явить служителю, дабы вселить в него надежду на безопасность, по силе возможности всю Его силу и поддержку. Предвечный внял молитве пророка и представил служителю видение, в котором тот мог увидеть Елисея окруженным большим количеством всадников и колесниц. Ввиду этого служитель перестал бояться, твердо уповая на действительность такого заступничества. После этого Елисей еще раз обратился к Господу Богу с мольбой, прося Его настолько омрачить зрение врагов, чтобы они не были в состоянии узнать его, пророка. Когда же и эту просьбу исполнил Господь, Елисей вошел в самую середину врагов и спросил их, за кем они явились. Те отвечали, что ищут пророка Елисея. Последний обещал им выдать пророка, если они последуют за ним к тому городу, в котором живет он. Тогда воины, ослепленные Господом Богом, омрачившим также их умственные способности, охотно последовали за пророком как за своим проводником. Приведя их затем в Самарию, Елисей приказал царю запереть ворота и окружить сирийцев его собственными войсками. После этого он обратился к Предвечному с просьбой открыть глаза врагам и снять с них омрачение. Когда это случилось и сирийцы увидели себя среди неприятелей, то, как и следовало ожидать, были страшно поражены и совершенно не знали, что и предпринять при таком удивительно неожиданном обороте вещей. Царь Иорам между тем спросил пророка, не переколоть ли сирийцев, но Елисей запретил делать это, основываясь на том, что было бы справедливо убивать тех, кто

попался на поле брани, тогда как эти люди не причинили ни малейшего вреда его стране и явились сюда бессознательно, побуждаемые к тому лишь властью Всевышнего. Напротив, он посоветовал одарить их и, угостив, отпустить их невредимыми восвояси.

Иорам послушался совета пророка, блестяще угостил сирийцев и с большими почестями отпустил их к царю Ададу.

4. Когда сирийцы вернулись домой и сообщили царю о всем случившемся, Адад крайне изумился этому странному приключению, в котором столь ясно выказалось могущество израильского Бога, а также пророку, которому так явно покровительствовало Божество. С тех пор, боясь Елисея, он уже более никогда не решался покушаться на жизнь израильского царя, но выбрал путь открытой войны, рассчитывая на то, что одержит верх над врагами при помощи численного превосходства и силы своих войск.

Ввиду этого он пошел с большой ратью на Иорама, который, не считая себя в силах сражаться с сирийцами, заперся в своем городе Самарии и уповал на неприступность своих укреплений. Адад между тем рассчитывал все-таки взять этот город, если и не при помощи осадных орудий, то хотя бы голодом и прекращением подвоза съестных припасов к самарянцам, приблизил свое войско и обложил город со всех сторон. И действительно, в городе Иорама вскоре стал ощущаться такой недостаток в съестных припасах и так все вздорожало, что ослиную голову продавали за восемьдесят серебряных монет и что евреи платили за коробочку голубиного помета, которым пользовались (тогда) вместо соли, по пяти таких монет. Между тем царь Иорам очень опасался, как бы вследствие голода не нашлось в городе изменника, который бы предал город врагам, и поэтому он ежедневно обходил все стены и сторожевые посты, чтобы посмотреть, не впущен ли кто-нибудь из врагов в город, чтобы немедленно в этом убедиться и даже предотвратить мысль об этом, если бы кто-нибудь из жителей придумал нечто подобное. И вот когда однажды во время такого обхода царя какая-то женщина возопила к нему: «сжалься, государь!», то Иорам, подумав, что она просит у него какой-либо пищи, очень рассердился и, прикрикнув на нее, сказал, что у него самого ни в амбаре, ни в погребе нет ничего, что бы он мог дать ей в ее нужде.

Женщина, однако, отвечала, что ей никакой пищи не нужно и что она не затем пристает к нему, но просит лишь разрешить спор ее с другой женщиной. Когда Иорам велел ей говорить и рассказать, в чем дело, то просительница ответила, что она заключила условие с одной своей соседкой-приятельницей зарезать своих двух детей (у каждой было по мальчику) и питаться некоторое время их мясом, так как они дольше не могли выносить мучения голода. «И вот я, — сказала несчастная, — первая зарезала свое дитя, и вчерашний день мы прожили, питаясь мясом моего ребенка; теперь же соседка не хочет последовать моему примеру, но предпочла нарушить уговор и спрятать своего сына».

Когда Иорам услышал это, страшная скорбь обуяла его, он разодрал одежду и громко зарыдал. Гнев против Елисея наполнил его сердце, и он решил умертвить его за то, что он не может вымолить у Господа Бога помощи им и избавления от постигших самарян бедствий. Ввиду этого он немедленно послал к пророку человека, которому приказал отрубить Елисею голову. Посланный поспешил исполнить повеление царя и бросился искать пророка, но Елисею не остался неизвестен гнев Иорама. Сидя в это время у себя дома в кругу учеников своих, пророк объявил последним, что Иорам, сын убийцы, послал к нему человека с поручением отрубить ему, Елисею, голову. «Вы же, — продолжал он, — когда придет этот посланец, загородите ему дорогу и удержите его от того, чтобы он вошел в дом, потому что вслед за этим посланцем придет ко мне сам царь, который тем временем успеет изменить свое первоначальное решение».

Когда прибыл человек, получивший от царя приказание убить Елисея, ученики в точности исполнили то, что велел им их наставник. Тем временем Иорам успел раскаяться в своем гневе на пророка и, боясь, как бы отправленное им лицо не поторопилось убить Елисея, поспешил предупредить совершение этого убийства и спасти пророка. Поэтому он сам отправился к Елисею и, придя к нему, обратился к нему с упреком, что пророк не вымаливает у Господа Бога освобождения израильтян от гнетущих их бедствий, а спокойно взирает на то, как народ гибнет под бременем их. На это Елисей ответил, что на следующий же день, ровно в то время, в какое сегодня явился к нему царь, в городе будет в изобилии пища и что на

рынке за один сикл будут продаваться две меры ячменя и за сикл же можно будет купить меру лучшей пшеничной муки. Это предсказание исполнило Иорама и всех присутствовавших радостью, так как они, на основании прежних примеров, не сомневались в истинности предвещания пророка; уповая на будущие блага, им казалось уже нетрудным терпеть нужду еще этот один день. Однако в числе присутствующих находился начальник одной трети царских войск. Он был в дружественных отношениях с Иорамом, и последний как раз теперь опирался на его плечо.

Этот военачальник сказал: «Невероятное возвещаешь ты, пророк! Ибо как невозможно, чтобы Предвечный ниспослал нам с неба потоки ячменя и пшеничной муки, так неправдоподобно и все то, что ты нам здесь предсказываешь!»

Пророк же возразил ему на это: «Хотя ты своими глазами увидишь исполнение моего предсказания, однако тебе не придется самому воспользоваться ничем из того, что я здесь обещаю».

5. Предвещание Елисея между тем следующим образом оправдалось: в Самарии существовал закон, чтобы все прокаженные и страдавшие язвами на теле жили вне города. По этой-то причине и в описываемое время четырем жителям города приходилось жить вне городских ворот. А так как, при общем голоде, никто более не доставлял им их пищи, а войти в город препятствовал им закон, то они, считая голодную смерть ужасной и зная, что, придя в город, они подвергнутся той же печальной участи, порешили отдаться в руки врагов, которые, быть может, пощадят их и оставят в живых: если же нет и вздумают их убить, то тем самым дадут им возможность умереть хотя бы более славной смертью. Придя к такому решению, они ночью прибыли в лагерь врагов. Между тем Господь Бог уже успел распространить среди сирийцев страх и смятение и внушить их слуху представление, будто раздается стук колесниц и топот коней надвигающейся рати, которая приближается к ним все более и более. Это настолько смутило их, что сирийские воины покинули свои палатки и все сбежались к Ададу с извещением, будто царь израильский за плату успел нанять в качестве союзников царя египетского и царя островов[15] и вместе с ними теперь идет на них, так что даже слышен шум от приближающейся рати. Адад

поверил этому известию (ведь и ему чудилось то же самое, что и его людям); и поэтому сирийцы в полном беспорядке и с криком покинули свой лагерь и обратились в бегство, оставив на произвол судьбы всех своих лошадей, вьючный скот и значительные богатства. Тем временем самарянские прокаженные, о которых мы только что упомянули, подошли к сирийскому лагерю. Когда они вошли в него и заметили, что там царят полное безмолвие и тишина, то двинулись дальше в глубь стана и вошли в одну палатку. Не найдя там никого, они поели и напились, затем нашли там одежды и много золота, вынесли все это за лагерь и спрятали. Потом они вошли во вторую палатку и точно так же вынесли оттуда все ценное. Таким образом они поступили четыре раза, причем решительно ни на кого не натолкнулись. Отсюда они вывели заключение, что враги удалились, и стали упрекать друг друга в том, что не известили об этом немедленно Иорама и своих сограждан. Поэтому они тотчас же отправились к стенам Самарии и громким криком известили стражу о том, что враги удалились, а эта стража, в свою очередь, сообщила о том телохранителям царя. Когда обо всем узнал Иорам, то сейчас же созвал своих приближенных и предводителей войска и, когда все собрались, заявил им, что, по его предположению, удаление сирийского царя представляет военную хитрость и ловушку. «Отчаявшись, — сказал он, — выморить нас голодом, неприятель рассчитывает путем притворного бегства выманить нас из города в лагерь, чтобы мы занялись его разграблением и чтобы в это время он неожиданно мог напасть на нас, перебить нас и затем беспрепятственно занять город. Поэтому я убедительно прошу вас хорошенько охранять последний и, полагаясь на это отступление врагов, не выходить за ворота города». На это кто-то заметил, что совершенно разделяет благоразумный взгляд царя на положение дел и считает его вполне целесообразным, но вместе с тем посоветовал выслать на рекогносцировку всей местности вплоть до Иордана двух всадников, которые, в случае погибели от руки засевших в засаде неприятелей, могли бы послужить предостережением для остального войска не доверять военной хитрости врагов и не подвергнуться той же участи в случае оставления города. «И уж если этим двум всадникам будет суждено попасть в руки врагов и погиб-

нуть, — заключил свою речь говоривший, — то уж все равно отнеси их к числу тех, что погибли от голода».

Царь согласился на это предложение и немедленно выслал соглядатаев. Последние вскоре, однако, вернулись с известием, что путь совершенно свободен от врагов и что они нашли его усеянным жизненными припасами и оружием, брошенными неприятелями для того, чтобы облегчить себе бегство. Только основываясь на этих данных, царь выпустил людей своих для опустошения покинутого врагами лагеря. Здесь их ждала обильная и ценная добыча, и самаряне захватили тут массу золота и серебра, а также целые стада многоразличных пород скота. К тому же они нашли там такое обилие хлеба и пшеницы, какое им никогда и во сне не снилось, так что они совершенно оправились от прежних своих бедствий и имели всего вволю, и сообразно предсказанию Елисея, за один сикл продавались две меры ячменя и за столько же мера пшеничной муки. (Одна их мера соответствует полутора италийским модиям[16].) Этими благами не смог воспользоваться один лишь вышеупомянутый начальник трети царского войска: будучи откомандирован к городским воротам для того, чтобы сдерживать народ от натиска и опасности погибнуть во всеобщей давке, он сам сделался жертвой толпы и, быв задавлен, умер сообразно предвещанию Елисея, предсказавшего ему смерть тогда, когда он один из всех присутствовавших не поверил его предсказанию о наступлении в городе обилия съестных припасов.

6. Между тем сирийский царь Адад спасся, благополучно достигнув Дамаска. Поняв, что страх и замешательство его самого и всего его войска были внушением Господа Бога, а не результатом нашествия врагов, царь с отчаянием констатировал факт сильного гнева на него Предвечного и от горя впал в болезнь. Около этого времени в Дамаск прибыл пророк Елисей, и когда Адад узнал об этом, то послал к нему с дарами вернейшего из слуг своих, Азаила, которому поручил вопросить пророка о своей болезни, о степени ее опасности и о том, оправится ли он от нее. Азаил взял сорок верблюдов, нагруженных лучшими и ценнейшими вещами, которые только нашлись в Дамаске и во дворце, и отправился к Елисею. Найдя его и вежливо приветствовав его, Азаил сообщил, что он послан к нему с подарками от царя и с поручением

узнать, получит ли тот облегчение в своем недуге. Пророк отвечал, что Азаилу не следует сообщать царю ничего дурного, но вместе с тем прибавил, что Ададу придется умереть. Узнав об этом, слуга царя сильно опечалился; также заплакал и Елисей, предвидя, какие бедствия придется испытать народу после смерти Адада. Когда Азаил спросил пророка о причине его скорби, Елисей ответил: «Я плачу и скорблю об участи народа израильского, которому придется подвергнуться со своей стороны массе бедствий. Тебе суждено убить лучших представителей израильтян, ты сожжешь укрепленнейшие города их, разобьешь о скалы младенцев их и перерубишь беременных женщин их». Когда же Азаил спросил: «Почему ты предвидишь во мне власть, в силу которой я сделаю все это?», то пророк отвечал, что Господь Бог внушает ему, что он, Азаил, будет впоследствии царем Сирии.

Вернувшись к Ададу, Азаил успокоил его наилучшими сообщениями об исходе болезни. На следующий же день тот же Азаил накинул на царя мокрую сеть, удавил его ею и захватил власть в свои руки. Впрочем, это был человек предприимчивый, снискавший себе полную симпатию сирийцев и особенно черни дамасской. Население этого города по сей день еще почитает своих правителей Адада и Азаила как богов за оказанные ими народу благодеяния и за постройку храмов, которыми эти правители украсили Дамаск. В честь их жители Дамаска ежедневно устраивают пышно-торжественные процессии и хвастаются древностью их правления, не зная, впрочем, что это совсем не древние правители и что время их правления отстоит от нас не далее, как за одну тысячу и сто лет.

Между тем израильский царь Иорам, узнав о кончине Адада, снова оправился от того постоянного ужаса и трепета, в которых всегда держал его Адад, и порадовался тому, что сможет теперь опять пользоваться ничем не омрачаемым миром[17].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Иерусалимский царь Иорам, одноименный с выше нами уже упомянутым правителем израильтян, немедленно по восшествии своем на престол приступил к избиению сво-

их братьев и приближенных отца своего. Последние занимали вместе с тем должности начальников. Этим Иорам явно положил начало всем дальнейшим своим гнусностям, в которых он ничем не уступал израильским царям, впервые нарушившим древние еврейские установления и преступившим законы истинного богопочитания. Всем этим гнусностям, полной распущенности во всех отношениях и особенно поклонению иноземным божествам обучила его жена его Гофолия, дочь Ахава. Однако, несмотря на то, что Иорам изо дня в день придумывал новые способы к обнаружению своего безбожия и глумления над старинными народными обычаями, Господь Бог все-таки все еще не хотел, ввиду данного Давиду обещания, истребить весь царский род.

Около этого времени случилось, что идумеяне отложились от Иорама, убив своего прежнего царя, который был вассалом отца Иорама, и выбрали себе правителя по своему личному усмотрению. Тогда Иорам, во главе отряда своей конницы и колесниц, ночью вторгся в пределы Идумеи и перебил всех пограничных жителей. Двинуться, однако, глубже внутрь страны он не решился. Впрочем, все это нападение не принесло ему ни малейшей пользы, потому что результатом этого было общее отпадение от Иорама его подданных, в числе которых отложились от него, между прочим, также жители целой области Лавены[18]. В то время царь зашел в своем ослеплении так далеко, что принудил народ взойти на вершины гор и там поклоняться чужеземным богам.

2. В то время как Иорам действовал таким образом и совершенно забывал об установленных законах, ему однажды было доставлено от еще находившегося тогда в живых пророка Илии письмо, в котором пророк писал, что Господь Бог жестоко накажет царя за то, что он забыл о примере своих собственных предков, пошел в своих беззакониях по стопам царей израильских и, подобно Ахаву, принудившему к тому же насильно израильтян, побудил представителей колена Иудова и граждан иерусалимских отказаться от почитания своего собственного истинного Бога и поклоняться идолам. В этом же письме находилась угроза будущего возмездия за гибель братьев Иорама и за то, что последний перебил других хороших и справедливых людей. Наказание, которое за все это постигнет царя, по словам пророческого послания,

будет заключаться в том, что весь его народ с женами и детьми погибнет и что он сам заболеет и умрет от страшного вздутия живота, причем внутренности его с ужасными для него мучениями перейдут в гниение и выпадут, а он, пророк, будет лишь немым зрителем его страданий и не сможет ничем помочь ему вплоть до его смерти. Такое грозное предсказание заключало в себе послание Илии.

3. Спустя некоторое время в пределы владений Иорама вторглись полчища арабов, живших в ближайшем соседстве с эфиопами, и других иноземцев и разграбили всю его страну, а также царский дворец, причем перебили сыновей и жен Иорама. Один лишь сын его случайно избег ярости врагов; то был Охозия. После этого поражения сам царь схватил предсказанную пророком болезнь, очень долго болел ею, так как Предвечный в гневе своем наслал страдания на его желудок, и, наконец, умер жалкой смертью, после того как у него выпали все внутренности. Впрочем, и после своей смерти Иорам подвергся оскорблению со стороны народа, который, видя в такого рода кончине явный гнев Предвечного, не счел возможным удостоить Иорама царских похорон, не поместил его в склепе его предков и не воздал ему вообще никаких почестей, похоронив его как частное лицо. Прожил Иорам всего сорок лет, из которых царствовал в продолжение восьми. Престол народ иерусалимский предоставил сыну Иорама, Охозии[19].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Надеясь после смерти Адада отнять у сирийцев галаадский город Арамафу, царь израильский Иорам двинулся против этого города во главе большого войска. Во время осады Арамафы он был ранен стрелой неким сирийцем, впрочем, не опасно, и вернулся в город Иезраелу для того, чтобы тут заняться лечением этой раны. В Арамафе он оставил все свое войско под предводительством Иуя, сына Немессея, потому что город был уже взят к тому времени приступом. Вместе с тем Иорам рассчитывал после своего излечения продолжать войну с сирийцами. Тем временем пророк Елисей послал в Арамафу одного из своих учеников, дав ему священного елея для помазания в цари Иуя и для сообщения последнему, что

Господь Бог поставил его царем. Вместе с тем Елисей поручил посланцу, чтобы он как можно поспешнее и тайно от всех удалился из города. Посланец пророка, прибыв в Арамафу, нашел Иуя сидящим среди прочих военачальников, как ему заранее и предсказал Елисей, приблизился к нему и сказал, что имеет с ним переговорить кое о чем. Когда Иуй поднялся со своего места и последовал за ним в соседнюю горницу, юноша вынул сосуд со священным елеем и вылил елей на голову Иуя, причем сказал, что Предвечный ставит его царем на погибель всего рода Ахавова и на отмщение за кровь беззаконно умерщвленных Иезавелью пророков, дабы весь дом их, подобно дому Иеровоама, сына Наватея, и потомкам Васы[20], был с корнем истреблен за их беззакония и дабы не оставалось ни одной крупицы из рода Ахавова. Сказав это, посланец Елисея ушел из горницы, стараясь не попадаться на глаза никому из воинов.

2. Иуй тем временем вернулся на прежнее свое место в собрании военачальников. Последние стали расспрашивать его и просить сообщить им о причине прихода к нему юноши, который вдобавок кажется им умалишенным. Тогда Иуй сказал: «Очевидно, вы вполне правы, потому что юноша обратился ко мне с безумной речью». Когда же военачальники стали еще настойчивее просить Иуя сообщить им о причине прибытия юноши, то Иуй ответил, что он сказал, будто Господь Бог выбирает его, Иуя, царем над народом. Услышав это, все присутствующие сняли с себя плащи, распростерли их перед Иуем и велели звуком рогов возвестить, что царем избран Иуй. Последний собрал затем войско и хотел выступить против Иорама к городу Иезраелу, где, как мы рассказали выше, Иорам лечился от раны, полученной при осаде Арамафы. Случайно в то же самое время к Иораму прибыл иерусалимский царь Охозия, брат сестры Иорама, как мы уже имели случай сказать выше. Он явился как родственник, чтобы узнать, в каком положении находится его рана.

Тем временем Иуй, желая напасть на Иорама и его свиту совершенно неожиданно, просил воинов не уходить из лагеря, чтобы Иорам не был заранее предупрежден об его плане. Это и будет, говорил он, блестящим доказательством того, что они расположены к нему, Иую, и вполне добровольно и сознательно избрали его царем над собой.

3. Повинуясь этому приказанию, воины Иуя стали стеречь пути, чтобы никто не мог тайно уйти в Иезраелу и сообщить там о происшествиях в Арамафе. Затем уже сам Иуй в сопровождении отряда отборных всадников сел на колесницу и отправился в Иезраелу.

Когда он приблизился к городу, поставленный Иорамом страж, на обязанности которого лежало следить за всеми прибывающими, увидев, что Иуй подъезжает в сопровождении войска, известил Иорама о прибытии отряда всадников. Царь немедленно распорядился выслать одного из своих всадников навстречу и узнать, кто едет. Подъехав к Иую, этот всадник обратился к нему с вопросом, как дела в лагере, ибо это желательно знать царю. На это Иуй отвечал, что ему нечего заботиться об этом, и велел всаднику следовать за собой. Увидев это, страж заявил Иораму, что высланный им всадник присоединился к приближающемуся отряду и едет теперь вместе с ним. Когда же царь выслал второго всадника, то Иуй распорядился с ним так же, как и с первым. Получив об этом донесение от стража, Иорам, наконец, сам сел в колесницу вместе с иерусалимским царем Охозией (который, как мы выше уже упомянули, находился в то время у него в гостях, приехав, чтобы по-родственному узнать о положении раны Иорама), и оба поехали навстречу Иую. Тем временем Иуй подвигался вперед медленно и в полном порядке. Иорам съехался с ним на земле Навуфа и спросил Иуя, все ли обстоит благополучно в лагере. На это Иуй отвечал резкими ругательствами и обозвал Иорама сыном отравительницы и блудницы. Царь сильно испугался, поняв, что Иуй замышляет против него недоброе, вскочил скорее в свою колесницу и обратился в бегство, крикнув Охозии, что они попали в засаду и имеют дело с коварной изменой. Иуй же натянул свой лук и спустил стрелу, пронзившую Иораму сердце, так что тот моментально упал на колени и испустил дух. Затем Иуй повелел Вадакру, начальнику третьей части войска, швырнуть труп Иорама на поле Навуфа и напомнил при этом о пророчестве Илии, предсказавшего отцу его, Ахаву, который убил Навуфа, что как он сам, Ахав, так и его потомство погибнет во владениях Навуфа. Это предсказание Илии он слышал своими ушами, сказал Иуй, потому что в то время стоял за Ахавом на колеснице последнего, и вот теперь это пророче-

ство в точности исполнилось. Когда Иорам упал с колесницы, Охозия, боясь за свою личную безопасность, погнал собственную колесницу по другой дороге, в надежде избегнуть мщения Иуя. Однако последний бросился за ним в погоню, настиг его у какого-то холма и ранил стрелой из лука. Тогда Охозия оставил свою колесницу, вскочил на лошадь и поскакал в город Магеддо; тут он некоторое время лечился от полученной раны, но вскоре затем умер. Потом тело его было перевезено в Иерусалим и предано там земле. Охозия царствовал всего только один год, но выказал за это время всю свою испорченность, которой превосходил даже отца своего.

4. Когда Иуй въезжал в город Иезраелу, Иезавель надела на себя все свои украшения и, взойдя на башню, крикнула ему: «Как славен слуга, убивший своего государя!» Взглянув на нее, узнав, кто эта женщина, и предложив ей сойти к нему, Иуй напоследок велел своим евнухам сбросить ее с башни. Во время своего падения Иезавель обагрила своей кровью стену и умерла, затоптанная лошадьми.

После этого Иуй отправился во дворец и подкрепил свои собственные силы и силы своих спутников блестящим пиром. Вместе с тем он повелел своим слугам предать труп Иезавели земле ввиду ее царского происхождения. Но слуги ничего уже не нашли от ее тела, кроме конечностей, так как все остальные части его уже были пожраны псами. При известии об этом Иую вновь представился случай изумиться точности предсказаний пророка Илии, предвещавшего Иезавели именно такую смерть в Иезраеле.

5. Так как Ахав оставил после себя семьдесят сыновей, которые тем временем воспитывались в Самарии, то Иуй послал туда два письма, одно — адресованное на имя воспитателей юношей, а другое к начальствующим в Самарии, с приглашением выбрать в цари самого храброго из сыновей Ахава и затем уже отомстить за смерть своего государя, так как у них-де множество колесниц, конницы, оружия, войска и имеются укрепленные города. Все это Иуй написал с задней мыслью испытать таким образом настроение жителей Самарии. Когда начальники и воспитатели прочитали упомянутые послания, то очень испугались, поняв, что им ничего не придется поделать с человеком, сумевшим избавиться от двух наиболее могущественных царей, и поэтому написали

Иую ответ в том смысле, что признают его своим государем и готовы исполнять все его приказания. На это Иуй прислал им письменное приказание отрубить головы сыновьям Ахава и прислать ему эти головы. Начальники тогда послали за воспитателями царевичей, приказали им привести повеление Иуя в исполнение и отослать отрубленные головы к Иую. Воспитатели, нисколько не задумываясь, исполнили поручение и, уложив головы казненных в плетеные корзины, отправили их в Иезраелу. Этот транспорт прибыл туда в то время, когда Иуй с приближенными своими сидел за обедом. Когда Иую донесли, что доставлены головы сыновей Ахава, то он распорядился свалить их в две кучи по обеим сторонам городских ворот. После этого он на следующий день пошел взглянуть на них и при этом обратился к собравшемуся народу с уверением, что хотя он и повел войско против своего собственного государя и лично убил его, он, однако, сам не повинен в смерти этих юношей. Затем он напомнил народу, что и относительно потомства Ахава, таким образом, оправдалось пророчество Божие и что теперь погиб, сообразно предвещанию Илии, весь дом Ахава. После этого он велел умертвить всех всадников, находившихся среди израильтян и принадлежавших так или иначе к числу родни Ахава, и затем уже отправился в Самарию. Встретив на пути своем нескольких родственников иерусалимского царя Охозии, спросив их, куда и зачем они едут, и получив от них ответ, что они едут в гости к Иораму и своему царю Охозии (о последовавшем между тем избиении которых им пока еще ничего не было известно), Иуй велел схватить и казнить также и их, в числе сорока двух человек.

6. После этого Иую встретился старинный друг его Ионадав, человек порядочный и правсдный, который, приветствуя его, присоединил похвалу за то, что Иуй поступил вполне по желанию Господа Бога, совершенно истребив весь род Ахава. Иуй предложил ему место в своей колеснице и просил его поехать с ним вместе в Самарию, говоря, что здесь он ему покажет, как он тут не пощадит ни одного гнусного человека и накажет всех лжепророков, лжесвященников и всех, кто подбивал народ отпасть от почитания истинного Бога и обратиться к культу иноземных божеств. При этом Иуй указывал на то, что для порядочного и вполне праведного челове-

ка самым приятным зрелищем является то, когда он видит наказание гнусных обманщиков. Склонясь на просьбы друга, Ионадав сел к нему в колесницу и вместе с ним приехал в Самарию. Тут Иуй принялся также разыскивать всех родственников Ахава и умерщвлять их. Стараясь, чтобы ни один из лжепророков и священнослужителей Ахавовых богов не избег наказания, он устраивал облавы и различными хитростями захватил их всех, а именно: собрав народ, Иуй заявил ему, что хочет ввести поклонение двойному числу богов сравнительно с числом введенных Ахавом божеств и при этом обратился к жрецам, лжепророкам и их слугам принять участие в устраиваемых им в честь Ахавовых божеств торжественных и блестящих празднествах. К тому же царь присовокупил, что накажет смертью каждого из жрецов, который вздумал бы уклониться от участия в предстоящем празднестве.

Главным богом, введенным Ахавом, был Ваал. Установив день, в который должно было произойти торжественное жертвоприношение, царь разослал по всей стране израильской людей, на обязанности которых лежало привести к царю всех жрецов Ваала. Вместе с тем Иуй распорядился, чтобы всем этим жрецам были выданы полные облачения. Когда это было сделано, Иуй в сопровождении друга своего Ионадава пришел в храм (Ваала) и велел собравшимся туда жрецам хорошенько посмотреть, чтобы среди них не затесался как-нибудь иноземец или человек, не принадлежащий к их сословию, ибо он-де не желает, чтобы при священнодействии присутствовал кто-либо из посторонних. Когда жрецы ответили, что постороннего лица среди них нет, и когда вслед за тем было приступлено к жертвоприношениям, царь распорядился выстроить вне храма восемьдесят человек тяжеловооруженных воинов, преданность которых ему была известна, и велел им перебить лжепророков и отомстить за оскорбление древних установлений, которые в продолжение столь долгого времени подвергались презрению. При этом царь угрожал солдатам, что им придется поплатиться собственной жизнью, если кто-либо из жрецов избегнет смерти. Воины умертвили всех служителей Ваала, подожгли капище последнего и очистили, таким образом, Самарию от чужеземных культов.

Упомянутый Ваал был богом тирийским. Желая угодить тестю своему, царю тирийскому и сидонскому, Ифовалу, Ахав выстроил в честь этого бога храм в Самарии, выбрал жрецов и позаботился о соответственном ему культе.

По уничтожении культа этого бога Иуй, однако, позволил израильтянам продолжать поклонение золотым тельцам. — За все совершенные царем деяния и за то, что он так озаботился наказанием нечестивцев, Предвечный предсказал Иую через посредство пророка, что его потомки будут царствовать над израильтянами в продолжение четырех поколений[21].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Рассказанного об Иуе пока довольно.

Когда дочь Ахава, Гофолия, узнала о смерти брата своего Иорама и сына своего Охозии, равно как о гибели всего царского рода, то она принялась усердно истреблять всех потомков Давида и с корнем уничтожать всю родню их, дабы ни один из них не смог когда-либо сделаться царем. Ей это, поскольку она сама была в этом уверена, и удалось, но все-таки от ее гонений спасся один сын Охозии, следующим образом избегший смерти: у Охозии была родная сестра, по имени Иосавефа, бывшая замужем за первосвященником Иоадом[22]. Придя во дворец и найдя там среди трупов спрятавшихся годовалого младенца Иоаса (так звали ребенка) с его кормилицей, взяла его вместе с кормилицей и спрятала их у себя, в своей собственной спальне. Затем она и муж ее Иодай тайно воспитывали ребенка в храме в продолжение тех шести лет, в течение которых царицей над Иерусалимом и двумя коленами была Гофолия.

2. На седьмой год Иодай сообщил об этом пяти сотникам и уговорил их к участию в свержении Гофолии с престола и возвращению последнего ребенку. Взяв с этих людей для большей уверенности клятвенное обещание содействовать ему, первосвященник получил теперь твердую уверенность в том, что удастся свергнуть Гофолию. Затем те мужи, которых Иодай выбрал себе в сообщники при предполагавшемся перевороте, предприняли путешествие по всей стране, собирали вокруг себя всех священнослужителей, левитов и старей-

шин колен и в сопровождении их наконец вернулись в Иерусалим к первосвященнику. Последний, в свою очередь, потребовал от прибывших клятвенного обещания молчать о том, что они узнают от него, потому что то, что он им сообщит, нуждается одинаково как в сохранении тайны, так и в их содействии. Когда присутствующие поклялись ему в этом и Иодай мог теперь действовать без риска, он представил им своего питомца из рода Давидова и сказал: «Вот вам царь из того дома, о котором, как вы сами знаете, Господь Бог предвещал, что он будет царствовать во все времена. Теперь я прошу, чтобы одна четвертая часть из вас охраняла этого ребенка в храме, другая четверть займет все входы и выходы храма, третья четверть пусть займет все входы в царский дворец, а все остальные пусть без оружия останутся внутри храма. Не давайте войти туда ни одному вооруженному, разве что это будет священнослужитель». Вместе с тем он приказал нескольким священникам и левитам окружить царя и охранять его наподобие телохранителей с обнаженными мечами, немедленно убивать всякого, кто бы дерзнул войти в храм с оружием в руках, и безбоязненно охранять жизнь царя. Все собрание охотно приняло предложение первосвященника и немедленно на деле выказало всю свою преданность ему. Между тем Иодай отпер находившуюся при храме оружейную палату, сооруженную Давидом, и распределил между сотниками, священниками и левитами все найденное им тут оружие, копья, колчаны и всякого рода другие боевые принадлежности и, вооружив их, выстроил вокруг храма тесной стеной, чтобы они могли преградить доступ туда всем посторонним. После этого привели мальчика, поставили его среди вооруженных и возложили на него царский венец, причем Иодай помазал его елеем и провозгласил его царем. Все же собравшиеся приветствовали его громкими радостными кликами и провозгласили многолетие (вновь избранному) царю.

3. Услыхав неожиданно такой шум и все эти возгласы, Гофолия страшно перепугалась, бросилась с отрядом своих собственных телохранителей из дворца и прибежала к храму. Священники, сообразно приказанию первосвященника, впустили ее в храм, а последовавший за ней вооруженный отряд был остановлен и задержан выстроенными кругом храма

священнослужителями. Когда Гофолия увидела ребенка стоящим у алтаря, с царской короной на голове, то она с громким криком разодрала свои одежды и повелела убить того, кто злоумышляет против нее и старается отнять у нее власть. Между тем, однако, Иодай подозвал сотников и приказал им отвести Гофолию в долину Кедрон[23] и там убить, так как он не желал осквернять храм убиением грешницы. Вместе с тем он отдал распоряжение убивать всякого, кто вздумал бы заступиться за нее. Сообразно этому повелению те, которым была поручена казнь Гофолии, схватили ее, потащили ее к так называемым «Царским воротам мулов» и тут убили ее.

4. Приведя таким образом план свой относительно Гофолии в исполнение, Иодай созвал народ и воинов в храм и тут потребовал от них присяги на верность царю, которому они от всей души должны содействовать во всех начинаниях на дальнейшее укрепление его власти. Затем первосвященник потребовал от самого царя уверения, что он всегда будет почитать Господа Бога и никогда не станет нарушать законы Моисеевы. После этого народ ворвался в капище Ваалово, которое Гофолия и муж ее Иорам соорудили на позор истинного Господа Бога, чтобы почтить память царя Ахава, разрушили его до основания и убили главного жреца этого храма Маафана. Заботу же о храме Предвечного и охрану этого святилища Иодай, сообразно распоряжению царя Давида, поручил священнослужителям и левитам, велев им дважды в день приносить жертвы всесожжения, а также совершать, сообразно установленному ритуалу, воскурения. Вместе с тем он назначил нескольких левитов привратниками у входов в святилище, дабы ни один ритуально нечистый человек не мог незаметно пробраться в храм.

5. Установив все это в точности, первосвященник в сопровождении сотников, начальствующих лиц и всего народа повел Иоаса из храма во дворец, и, когда он сел на трон, народ еще раз приветствовал его. Затем начался в продолжение многих дней целый ряд торжеств. Весь город радовался смерти Гофолии.

Когда Иоас сел на царство, ему было семь лет; мать его звали Савией, и происходила она из Вирсавии. Он строго соблюдал законы и не нарушал истинного богопочитания в течение всего того времени, как был в живых Иодай. Достиг-

нув соответственного возраста, он, по указанию первосвященника, взял себе двух жен, от которых впоследствии имел детей как мужского, так и женского пола.

Вот все, что мы могли рассказать о царе Иоасе, о том, как он избег преследований Гофолии, и о том, как сделался царем[24].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Между тем сирийский царь Азаил объявил войну израильтянам и их царю Иую и стал опустошать страну по ту сторону Иордана, а именно лежавшие на восток от него области колен Рувимова, Гадова и Манассиева, а также землю Галаадскую и Ватанею, предавая все огню и грабежу и позволяя себе различные насилия над всеми, кто попадал в его руки. Все это случилось оттого, что Иуй не торопился отразить нападение этого человека, который приносил столько зла его стране, по той причине, что сам сделался изменником Богу. Вскоре затем, впрочем, он умер, пренебрежительно отнесясь к святыне и нарушив (Моисеевы) законы. Царствовал он над израильтянами в продолжение двадцати семи лет и был погребен в Самарии. Преемником своим он оставил сына своего Иоада.

2. Тем временем иерусалимского царя Иоаса обуяло страстное желание вновь отделать храм Предвечного, и потому он призвал к себе первосвященника Иодая и повелел ему разослать по всей стране священников и левитов, которые собрали бы с каждой головы по полусиклу серебра для украшения и восстановления столь запущенного при Иораме, Гофолии и ее детях храма. Однако первосвященник не исполнил тогда желания царя, зная, что никто добровольно денег не пожертвует. Но на двадцать третьем году своего царствования Иоас опять пригласил к себе первосвященника и левитов, стал упрекать их в том, что они ослушались его приказания, и повелел им на будущее время позаботиться о восстановлении храма. Тогда первосвященник решился пустить в ход для удачного сбора пожертвований следующее, по его мнению, верное по отношению к народу, средство: соорудив ящик, со всех сторон закрытый и снабженный лишь в верхней своей крышке одним небольшим отверстием, он распо-

рядился поставить этот ящик в святилище рядом с алтарем и предложил всем опускать в верхнее отверстие на восстановление храма сколько каждый пожелает. К этому предложению народ отнесся весьма сочувственно и с радостью и большим рвением стал приносить и жертвовать множество серебра и золота. Следившие за этой кружкой для пожертвований писец и священник ежедневно в присутствии царя опоражнивали ее, подсчитывали собранные пожертвования и затем опять ставили ящик на его место. Когда же, по мнению первосвященника Иодая и царя Иоаса, народ пожертвовал достаточную сумму, они послали за каменщиками и архитекторами и озаботились доставкой крупного и драгоценного леса. Когда впоследствии храм был совершенно отделан, то употребили оставшееся золото и серебро (а его осталось немалое количество) на изготовление чаш, кувшинов, стаканов и прочих сосудов и стали ежедневно возлагать на алтарь богатые жертвоприношения. Такое рвение царя продолжалось все то время, пока был жив Иодай.

3. Когда же последний умер, достигнув статридцатитрехлетнего возраста и будучи за свою всегдашнюю праведность и безукоризненную во всех отношениях честность похоронен в царском склепе в Иерусалиме за то, что он восстановил на царском престоле род Давида, царь Иоас оставил свое заботливое отношение к соблюдению всего, что касалось Господа Бога. Вместе с ним испортились и старейшины народа, так что, наконец, стали глумиться над справедливостью и над теми законами, которые они раньше сами ставили выше всего. Господь Бог сильно разгневался на такую перемену, происшедшую в царе и во всех прочих, и послал к ним пророков, на обязанности которых лежало предупредить их о могущих оказаться результатах такого их поведения; пророки эти должны были остановить их в совершении дальнейших гнусностей. Однако народ успел уже настолько сильно привязаться к своему новому образу жизни и так полюбить его, что ни пример их предков, жестоко потерпевших вследствие нарушения ими законоположений, ни предвещания пророков не были в состоянии заставить их раскаяться и вернуться на путь правильного богопочитания. Царь дошел даже до того, что велел побить в храме камнями Захарию, сына первосвященника Иодая, совершенно забыв об оказанных ему отцом

несчастного благодеяниях, и все это лишь за то, что Захария, повинуясь внушению Предвечного, в народном собрании позволил себе увещевать народ и самого царя вернуться на путь справедливости и предсказал, что их постигнет страшная кара, если они не последуют его увещеваниям. Умирая, Захария призвал Господа Бога в свидетели своих безвинных страданий и просил отомстить за то, что он за свой искренний совет и за все услуги, оказанные отцом его Иоасу, подвергается столь жестокой насильственной смерти.

4. Однако вскоре самому царю пришлось поплатиться за все свои правонарушения. Дело в том, что в его страну вторгся сирийский царь Азаил, опустошил и разграбил город Гитту и собрался было идти уже на самый Иерусалим. Испугавшись этого, Иоас взял все деньги, находившиеся в распоряжении храма и во дворце, а также все жертвенные дары и послал их царю сирийскому, желая этой ценой купить снятие осады и вообще личную свою безопасность. И действительно, царь сирийский прельстился этой огромной суммой и не повел своего войска на Иерусалим. Недолго спустя Иоас впал в тяжкую болезнь и был умерщвлен некоторыми друзьями Захарии, которые составили заговор с целью отомстить за смерть сына Иодая. Иоас был похоронен хотя и в Иерусалиме, однако за свои дурные наклонности не удостоился погребения в склепе своих предков. Прожил он всего сорок семь лет, а преемником его стал его сын Амасия.

5. На двадцать первом году правления Иоаса царство израильское перешло в Самарии к сыну Иуя, Иоазу, который правил в продолжение семнадцати лет и не только подражал во всем отцу своему, но и дошел в презрительном к Господу Богу отношении до таких пределов, до которых дошли все его предшественники, вместе взятые. Пошедший на него походом сирийский царь, впрочем, сильно унизил его и довел до того, что из всей огромной рати Иоаза у последнего осталось всего лишь десять тысяч пехотинцев и пятьдесят всадников. Он не только уничтожил все его войско, но и отнял у него множество крупных городов. Этому бедствию народ израильский подвергся в силу предсказания Елисея, предвещавшего Азаилу, что он убьет своего государя и станет царем сирийцев и жителей Дамаска.

Находясь в таком бедственном положении, Иоаз прибег к

молитве и смирению перед Господом Богом, прося Его освободить его из-под власти Азаила и не допустить, чтобы Иоаз окончательно подпал его игу. Тогда Предвечный, который готов видеть в раскаянии своего рода выражение добродетели и охотнее предостерегает людей, чем наказывает их, решил не губить Иоаза окончательно, а освободил его от ужасов и опасностей войны. Пользуясь затем ненарушимым миром, страна (израильская) вскоре опять вполне оправилась и вернулась к прежнему своему благосостоянию.

6. После смерти Иоада власть перешла к его сыну Иоасу. Этот Иоас, тезка царя иерусалимского, сел на престол в Самарии на тридцать седьмом году царствования над коленом Иудовым Иоаса иерусалимского и удержал его за собой в течение шестнадцати лет. Это был человек порядочный и по характеру отнюдь не похожий на отца своего.

Когда около этого времени успевший уже сильно состариться пророк Елисей впал в болезнь, царь израильский приехал к нему в гости. Найдя старика уже при последнем издыхании, царь начал в присутствии его горько плакать и рыдать, называя его своим отцом и защитой своей, потому что, благодаря Елисею, ему, царю, никогда не приходилось прибегать к оружию против врагов, но он всегда, по его предсказаниям, без боя побеждал своих неприятелей. Теперь же, раз Елисей умрет, он тем самым оставит его на произвол страшных неприятелей, сирийцев; поэтому было бы лучше и для него самого теперь же последовать его примеру — расстаться с жизнью, так как отныне жизнь его, конечно, подвергнется всяким случайностям и опасностям. Видя царя в столь угнетенном состоянии духа, Елисей стал успокаивать его, велел принести лук и натянуть его. Когда царь натянул лук, пророк прикоснулся к нему руками и велел стрелять. Иоас спустил подряд три стрелы и затем остановился. Тогда Елисей сказал ему: «Если бы ты спустил большее число стрел, ты в корне уничтожил бы сирийское царство; но так как ты удовлетворился тремя, то тебе суждено победить сирийцев в таком же числе битв для того, чтобы ты вернул себе назад страну, которую они отняли у отца твоего». После этого царь покинул пророка, который спустя немного времени умер, оставив после себя славу человека необычайной праведности и очевидного любимца Господа Бога. Это видно по тем

изумительным и необычайным чудесам, которые он совершил благодаря присущему ему пророческому дару и которые до сих пор еще живут в воспоминаниях у евреев. Удостоился Елисей торжественного погребения, каковое приличествовало столь любимому Предвечным человеку.

Когда однажды разбойники убили какого-то человека и бросили труп его в могилу Елисея, убитый вновь ожил, прикоснувшись к телу пророка.

Вот что мы можем сообщить о пророке Елисее, о множестве предсказаний его при жизни и о присущей ему, даже после смерти его, божественной силе.

7. По смерти сирийского царя Азаила царство его перешло к его сыну Ададу, которому израильский царь Иоас объявил войну. В трех битвах последний победил Адада и отнял у него всю израильскую область со всеми городами и деревнями, которые некогда отвоевал отец Адада, Азаил. Так оправдалось (последнее) пророчество Елисея. Когда же и Иоасу наступило время умереть, то он был похоронен в Самарии, а власть перешла к его сыну Иеровоаму[25].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. На второй год правления израильского царя Иоаса в Иерусалиме воцарился и стал править коленом Иудовым Амасия, мать которого называлась Иодадою и была родом из самого Иерусалима. Еще юношей он выказывал необычайную склонность к соблюдению справедливости. Лишь только он достиг власти, как немедленно на первых же порах решил отомстить за отца своего Иоаса и наказать тех его приближенных, которые подняли на Иоаса руку. Поэтому он велел схватить их всех и умертвить; но он не позволил себе при этом ни малейшего насилия по отношению к их детям, в точности следуя предписаниям Моисея, который не разрешил наказывать детей за преступления отцов. Затем он назначил смотр войску, состоявшему из молодежи в возрасте свыше двадцати лет и набранному из представителей колен Иудова и Веньяминова. Таким образом он собрал войско из трехсот тысяч человек, назначил ему сотников и отправил к израильскому царю сто талантов серебра для найма ста тысяч тяжеловооруженных. С этими силами он решил пойти вой-

ной на племена амалекитян, идумеян и гавалитян. Когда он совершенно приготовился к походу и уже собирался выступить, один пророк посоветовал ему отпустить израильское войско, потому что оно состоит из нечестивцев и Господь Бог предсказывает ему поражение, если он употребит их в дело в качестве союзников, тогда как Амасия, при желании Предвечного, сможет одержать верх над врагами даже с небольшим количеством воинов. Царь был недоволен тем, что уже успел выплатить наемную плату израильтянам, но пророк все-таки убедил его поступить сообразно с желанием Господа Бога, уверяя, что Амасия значительно выиграет от этого. Тогда царь отпустил своих наемников, говоря, что дарит им их плату, а сам с собственными силами начал войну против названных племен. Победив их в битве, он перебил из них десять тысяч человек и столько же взял живьем в плен. Отведя их к высокой скале, находящейся вблизи пределов Аравии, он велел их сбросить оттуда. Кроме того, ему достались от покоренных племен значительная добыча и богатые денежные средства.

Пока Амасия действовал таким образом, отпущенные им израильские наемники рассердились за свое увольнение и, считая это увольнение позором для себя, так как иначе как недоверием к себе не могли объяснить его, напали на царство Амасии, дошли до Вифсемира, предавая все на пути своем разграблению и захватив множество вьючного скота, перебили три тысячи человек жителей.

2. Возгордившись своей победой и военными удачами, Амасия стал забывать, что виновником этого был Господь Бог, и начал почитать тех богов, культ которых он привез с собой из страны амалекитян. Тогда к царю явился пророк и выразил ему свое удивление по поводу того, что он считает настоящими богами те божества, которые не были в состоянии ничем помочь своим всегдашним поклонникам и не смогли не только вырвать последних из-под его власти, но даже спокойно взирали на гибель множества своих почитателей и на то, что их самих забрали в плен: ведь их привезли в Иерусалим точно таким же образом, каким отвозят туда пленных неприятелей. Это заявление вызвало гнев царя, и он приказал пророку замолчать, угрожая ему в противном случае, если он будет вмешиваться не в свое дело, жестоким на-

казанием. Пророк ответил, что он готов молчать, но предсказал при этом, что Господь Бог не оставит без возмездия всех начинаний царя. Между тем Амасия не умел удержаться в состоянии того благополучия, которое послал ему Предвечный, но продолжал пренебрегать Господом Богом и в своем высокомерии написал израильскому царю письмо с приглашением подчиниться ему со всем народом, подобно тому как и его колена были подчинены его предкам, Давиду и Соломону. При этом он упомянул, что, если тот не захочет подчиниться ему добровольно, дело относительно верховной власти будет решено войной. В ответ на это Иоас написал следующее послание:

«Царь Иоас — царю Амасии. На горе Ливанской стояли огромный кипарис и куст терновника. Однажды терновник обратился к кипарису с предложением выдать дочь свою за его сына замуж. И в то время, пока происходили переговоры, проходил какой-то дикий зверь и растоптал терновник. Пусть эта притча послужит тебе предостережением не тянуться за слишком высоким и в упоении того, что тебе удалось одержать на войне верх над амалекитянами, напрасно не навлекать опасности на себя и на все свое царство».

3. Получив такой ответ, Амасия еще более воспылал желанием начать войну, причем, по моему мнению, сам Предвечный побуждал его к этому для того, чтобы наказать его за все его беззакония[26]. И вот, когда он выступил со своей ратью против Иоаса и уже собирался вступить в бой, войско Амасии внезапно обуяли страх и смятение, ниспосланные разгневавшимся на них Божеством, так что войско обратилось в бегство раньше вступления в бой. И в то время как люди его в страхе разбежались, Амасия увидел себя совершенно покинутым и попал в плен к врагам. Тут Иоас стал угрожать ему смертью, если он не убедит жителей Иерусалима открыть ему ворота и впустить его вместе с войском в город. В своем стесненном положении и опасаясь за жизнь свою, Амасия склонил к тому иерусалимцев. Тогда Иоас велел разрушить часть городской стены на расстоянии сорока локтей и через это отверстие въехал затем на колеснице в Иерусалим, ведя за собой Амасию в качестве пленника. Став таким образом хозяином города, Иоас разграбил сокровищницу храма, собрал все золото и серебро, принадлежавшее Амасии и находивше-

ся во дворце, и, освободив после этого Амасию из-под стражи, вернулся к себе в Самарию. Эта беда постигла иерусалимцев на четырнадцатый год царствования Амасии, который после этого подвергся преследованию со стороны своих приближенных, бежал в город Лахис и наконец все-таки попался в руки заговорщиков, выславших туда убийц. Тело царя было доставлено в Иерусалим и торжественно предано земле. Таким-то образом Амасия закончил жизнь свою вследствие своих новшеств и презрительного своего отношения к Господу Богу, прожив всего пятьдесят четыре года, в течение которых он царствовал двадцать девять лет. Преемником ему стал его сын Озия[27].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. На пятнадцатый год правления Амасии царство израильское перешло к сыну Иоаса, Иеровоаму, который удержал его за собой в Самарии в продолжение сорока лет. Этот царь также презрительно относился к Предвечному и был человеком крайне беззаконным, почитал идолов и предавался различным совершенно неуместным иностранным привычкам, следствием чего были неисчислимые бедствия, которые он причинил народу израильскому.

Этому Иеровоаму пророк Иона предсказал, что ему следует начать войну с сирийцами, потому что он одержит верх над их силами и расширит свои собственные владения, умножив их областями северными вплоть до города Амафа и к югу до Мертвого моря. То были в древности границы Ханаани, как их некогда определил военачальник евреев, Иисус (Навин). И действительно, предприняв поход против сирийцев, Иеровоам, сообразно предсказанию Ионы, подчинил своей власти всю их страну.

2. Обещав в точности передать события (еврейской истории), я считаю необходимым изложить все то, что я нашел об этом пророке в священных еврейских книгах.

Получив однажды от Господа Бога повеление отправиться в царство Нина и, придя в столицу последнего, объявить там, что Нин лишится власти, пророк Иона испугался и не пошел туда, но бежал от Господа Бога в город Иопу[28], где он нашел судно, отплывавшее в киликийский город Тарс. Он сел

на него и отплыл. Когда внезапно поднялась страшнейшая буря, грозившая потопить судно, матросы, кормчий и капитан стали молиться о миновании опасности, обещая (своим богам) благодарственные жертвоприношения; Иона же спрятался в трюме и не стал делать ничего такого, что делали все остальные. Тем временем, однако, буря все усиливалась и становилась все ужаснее от поднявшегося на море вихря; тогда корабельщики, предполагая, что кто-нибудь из пассажиров является виновником такой непогоды, стали кидать жребий, чтобы в точности узнать, кто причина их бедствий. И вот жребий пал на пророка. Когда они спросили его, откуда он и ради чего он едет, то Иона отвечал, что он родом еврей и пророк Всевышнего. Вместе с тем он посоветовал им бросить его в море, если они хотят избавиться от угрожающей им опасности, ибо это он виновник бури. Корабельщики сперва не решались на такой поступок, считая нечестивым бросить на явную гибель чужеземца, да еще вдобавок доверившего им свою жизнь. Однако в конце концов их принудили к тому их собственная крайняя опасность, постоянно усиливавшаяся, то, что корабль был уже близок к окончательной погибели, а также настоятельные требования как самого пророка, так и боязнь за собственную жизнь, и они бросили его в море, после чего буря тотчас прекратилась. Существует предание, что Иона был проглочен китом и затем после трех дней и стольких же ночей, проведенных в ките, живым и здоровым изрыгнут у берегов Понта Евксинского. Испросив после этого у Господа Бога прощения в содеянных прегрешениях, пророк отправился в Ниневию и, придя туда, стал на такое видное всем место, откуда все могли его услышать, и возгласил, что (ассирийцы) спустя короткое время лишатся своей власти над Азией. После этого предсказания он возвратился восвояси. Все эти подробности об Ионе я сообщил в таком виде, как я их нашел записанными (в книгах Св. Писания).

3. После того как царь Иероваам провел свою жизнь, испытывая полную во всем удачу, он умер после сорокалетнего правления. Похоронили его в Самарии, а преемником ему стал его сын Захария. Равным образом, когда Иероваам царствовал уже четырнадцатый год, в Иерусалиме воцарилось над двумя коленами также новое лицо, а именно Озия, сын

Амасии, мать которого была Ахиала, происходившая из гражданок иерусалимских. Этот Озия был человеком прекрасного, склонного к справедливости характера, отличался великодушием и предприимчивостью. Начав поход против филистимлян и победив их в бою, он взял штурмом города их Гитту и Иамнию и разрушил стены их до основания. После этого похода он предпринял экспедицию против живших по соседству с Египтом арабов, основал там на берегах Черного моря город и оставил в нем гарнизон. Затем он подчинил себе аммонитян, наложил на них определенную дань и, покорив всю страну до границ Египта, обратил затем всю энергию свою на заботы о благоустройстве Иерусалима. Так, например, все те части городских стен, которые обрушились либо от времени, либо от нерадения предшествующих царей, он отстроил или соорудил вновь, равно как ту часть стены, которая была низвергнута царем израильским, когда тот захватил в плен отца его Амасию и вошел в город. Вместе с тем Озия построил также множество башен в полтораста локтей высоты, воздвиг ряд сильных крепостей в пустынных местах и заложил множество водоемов. У него было несчетное количество вьючного и всякого другого скота, потому что та местность была особенно пригодна для скотоводства.

Будучи любителем земледелия, царь сильно озаботился обработкой почвы и велел засадить ее всевозможными растениями и злаками. Отборного войска у него было триста семьдесят тысяч человек, над которыми были поставлены, в количестве двух тысяч, храбрые и отличавшиеся непомерной физической силой военачальники, командиры и тысяцкие. Все войско царь разделил на определенные отряды и дал каждому солдату по мечу, по медному щиту и кольчуге, луку и праще. Сверх того Озия занялся также сооружением множества осадных орудий, катапульт, баллист, таранов, осадных крюков и т. п.

4. Пользуясь таким благополучием и такими удачами, царь сильно возгордился, и, вознесясь, благодаря своему скоропреходящему счастью, над тем, что вечно и навсегда сохраняет свою силу, а именно над благочестием и над соблюдением божественных постановлений, он пошатнулся в своем положении и впал в прегрешения отца своего, к которым и последнего привели блестящие успехи и величие власти, хотя

он и не сумел удержаться на своей высоте. Когда однажды наступил день торжественного всенародного праздника, царь вздумал облачиться в священническое одеяние и войти в святилище, чтобы там принести жертву Господу Богу на золотом алтаре. Но этому воспротивились первосвященник Азария и бывшие при нем восемьдесят священнослужителей, говоря, что это право принадлежит лишь потомкам рода Ааронова, и с громким криком требовали, чтобы царь удалился и не поступал противно велениям Предвечного. Царь разгневался и стал угрожать священникам смертью, если они не замолчат. Вдруг почва содрогнулась от сильного землетрясения, облака разделились, и блестящий луч солнца скользнул между ними и ударил в глаза царю, так что последний мгновенно заболел проказой, а вблизи города, в том месте, которое именуется Ерогой[29], отделилась половина скалы, обращенной к западу, прокатилась на расстоянии четырех стадий к востоку и навалилась на такое место, где находились царские дороги и парк, и засыпала их. Священники же, увидев, что проказа появилась на глазах царя, объявили ему об этом бедствии и приказали ему, как нечистому, покинуть город. Пристыженный постигшим его ударом и потрясенный тем, что ему уже более не придется оправиться, Озия повиновался этому приказанию и увидел в этом ужасном несчастье тяжкое возмездие за свое высокомерие по отношению к людям и за свои беззакония относительно Предвечного. Некоторое время он еще прожил как частное лицо за пределами города, и тогда сын его Иофам правил за него. Наконец, он умер от горя и отчаяния по поводу приключившегося с ним несчастья, прожив всего шестьдесят восемь лет, из которых был царем в продолжение пятидесяти двух. Похоронен он был в своем собственному саду, в отдельной могиле[30].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Процарствовав над израильтянами в течение шести месяцев, сын Иеровоама, Захария, пал от руки злоумышленника, бывшего своего друга Селлума, сына Иависа. Этот Селлум овладел после его смерти престолом, но не удержался на нем долее тридцати дней. Дело в том, что находившийся в то время в городе Фарсе военачальник Манаим, узнав о постиг-

шем Захарию несчастном случае, отправился со всем своим войском в Самарию, где вступил в бой с Селлумом и убил его, а затем, провозгласив себя царем, направился оттуда к городу Фапсу[31]. Жители этого города заперли перед ним ворота города и не впускали его к себе. Тогда царь, желая отомстить им, предал разорению всю окрестную местность, затем осадил город, взял его приступом и в гневе своем на поступок жителей перебил их всех, не щадя даже младенцев и не останавливаясь перед крайней жестокостью и разнузданностью, что не может быть прощено даже при покорении иноземцев, не говоря уже о том случае, когда война ведется с единоплеменниками. Воцарившись таким образом, Манаим правил в продолжение десяти лет, являясь грубым и более всех своих предшественников жестоким человеком. Впрочем, когда на него пошел войной ассирийский царь Фулл, то он не вступил с ассирийцами в борьбу, но путем уплаты тысячи талантов серебра побудил их удалиться и тем прекратить войну. Упомянутую сумму Манаим собрал с народа, обложив его поголовно податью в пятьдесят драхм с человека. Вскоре затем Манаим умер и был похоронен в Самарии. Преемником себе он оставил своего сына Факею, который, не уступая отцу своему в жестокости, правил лишь в течение двух лет. Он пал во время пира от руки составивших против него заговор приближенных, причем во главе этого заговора стоял тысяцкий Факей, сын Ромелия. Таким образом власть перешла к этому Факею, и он удержал ее за собой в продолжение двадцати лет, отличаясь крайним безбожием и противозаконными наклонностями. При нем ассирийский царь Феглафалассар[32] пошел войной на израильтян, подчинил себе всю область галаадскую, а также местности за Иорданом и соседние с ними земли, носящие названия Галилеи, Кидисы и Асоры, забрал в плен (всех) жителей и увел их в свое царство.

Но пока довольно об этом ассирийском царе.

2. Тем временем в Иерусалиме правил над коленом Иудовым сын Озии, Иофам, мать которого происходила из жительниц Иерусалима и называлась Иерасой. Этот царь отличался всякого рода добродетелями, был благочестив по отношению к Предвечному и справедлив к людям, а также обратил особенное внимание на заботы о городе. Все то, что здесь нуждалось в исправлении или украшении, он усердно почи-

нял, восстановил портики и преддверия храма, велел починить обрушившиеся части стен и снабдить их огромными и неприступными башнями и вообще обратил свое внимание на все то, что в его царстве нуждалось в исправлении. Он пошел также войной против аммонитян и, победив их в бою, наложил на них ежегодную дань в размере ста талантов, десяти тысяч мер ржи и стольких же мер пшеницы. Таким образом, он настолько поднял престиж своей власти в глазах врагов, что они не решались относиться к ней пренебрежительно и что подданные его считали себя вполне счастливыми.

3. В это же время жил и некий пророк по имени Наум, который провозгласил следующее предсказание относительно гибели ассирийцев и их города Ниневии:

«Ниневия уподобится водоему, поверхность которого придет в движение от сильного вихря. Подобно воде его, и весь народ в смятении и расстройстве обратится в беспорядочное бегство, причем люди будут говорить друг другу: "Остановитесь же, постойте; спасите свое золото и серебро". Но тогда не найдется (среди них) ни одного желающего сделать это, потому что они скорее захотят спасти свою жизнь, чем имущество. Между ними поднимутся страшные распри и слезы, тела их обессилятся, и от страха в конце концов помутятся взоры. Где тогда будет логовище львов и куда денется мать молодых скимнов? Ниневия, тебе говорит Господь Бог: "Я уничтожу тебя совершенно и из тебя более не будут исходить львы, подчиняющие себе Вселенную"». Еще множество другого в этом роде предсказал пророк относительно Ниневии, чего я, однако, не считаю нужным приводить и что я опустил, чтобы не утомлять читателей. Все эти предсказания пророка о судьбе Ниневии действительно оправдались полтораста лет спустя. Но пока довольно об этом[33].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Царь Иофам умер сорока одного года от роду, после шестнадцатилетнего правления, и был погребен в царской усыпальнице. Царство перешло к сыну его Ахазу, который был большим богоотступником и подражал царям израильским в нарушении божеских законопредписаний; он воздвиг

в Иерусалиме алтари, на которых приносил жертвы идолам. По хананейскому обычаю он принес этим идолам в жертву даже своего собственного сына и совершал вообще много других подобных безобразий. Во время такого его безумствования на него пошли войной сирийский и дамасский царь Арас[34] и связанный с ним узами дружбы израильский царь Факея, заперли его в Иерусалиме и долгое время осаждали последний, не будучи в состоянии ничего поделать с городом благодаря укрепленности его стен. Между тем сирийский царь взял лежащий у Чермного моря город Элаф[35], перебил всех жителей его и поселил там сирийцев. Равным образом он истребил также еврейские гарнизоны в крепостях и в окрестных областях и, захватив огромную добычу, вернулся затем со своим войском в Дамаск. Тем временем царь иерусалимский узнал, что сирийцы возвратились восвояси, и, считая себя в силах бороться с царем израильским, повел против него свое войско и вступил с ним в бой, но при этом был побежден вследствие гнева Предвечного, который был раздражен его многими и великими беззакониями. В тот день пало сто двадцать тысяч человек от руки израильтян, предводитель которых, Захарис, убил в бою сына царя Ахаза, Амасию, и взял в плен главного царского советника Ерику и военачальника колена Иудова Елкана. Неприятелям удалось захватить из колена Веньяминова множество женщин и детей и вернуться с богатой добычей в Самарию.

2. Некий пророк Одида, который в то время жил в Самарии, вышел за городские ворота навстречу возвращавшемуся войску и громким голосом объявил, что израильтяне одержали свою победу не вследствие присущей им силы, но вследствие гнева, который Господь Бог питает против царя Ахаза. При этом он стал укорять войско в том, что оно не удовлетворилось победой над Ахазом, но дерзнуло захватить в плен своих соплеменников, принадлежащих к коленам Иудову и Веньяминову; поэтому он посоветовал отпустить этих пленных невредимыми на родину, ибо в противном случае они навлекут на себя кару Божью. Тогда народ израильский собрался на совещание относительно этого предложения пророка. Тут один из наиболее влиятельных в государстве людей, по имени Варахия, в сообществе трех других граждан, заявил, что, по их мнению, не следует позволить войскам ввести этих

пленных в город, «дабы мы, — продолжал он дословно, — не подверглись поголовному истреблению со стороны Предвечного. Ведь мы, как нас (справедливо) упрекают пророки, уже совершенно достаточно нагрешили по отношению к Нему, так что к старым беззакониям нашим нечего прибавлять новых».

Услышав это, солдаты предоставили собранию решить вопрос по его усмотрению. Тогда вышеназванные лица освободили пленников от оков, окружили их всевозможной заботливостью, дали им продовольствие на обратный путь и отпустили их невредимыми на родину. Вместе с тем четверо человек сопровождали их во время пути вплоть до Иерихона, который находится невдалеке от Иерусалима, и затем только вернулись к себе в Самарию.

3. Потерпев со стороны израильтян такое поражение, царь Ахаз отправил к ассирийскому царю Феглафалассару посольство с просьбой оказать содействие в предпринимаемой им войне против израильтян, сирийцев и жителей Дамаска. За это Ахаз обещал ассирийскому царю значительную сумму денег, а пока послал ему блестящие подарки. Ассирийский царь принял предложение прибывшего к нему посольства, вступил в союз с Ахазом и, предприняв поход против сирийцев, опустошил их страну, приступом взял город Дамаск, убил сирийского царя Араса и, переселив жителей Дамаска в Верхнюю Мидию, перевел на место их в Дамаск колонию из нескольких ассирийских племен. Нанеся затем значительный урон также стране израильтян, он захватил там множество военнопленных. Отплатив таким образом сирийцам, царь Ахаз собрал все золото, которое находилось в царской сокровищнице, серебро, принадлежавшее храму Господнему, и наилучшие жертвенные приношения, и с этим поехал в Дамаск. Там он передал все эти ценности ассирийскому царю сообразно уговору и, выразив ему за все свою сердечную признательность, вернулся потом в Иерусалим. Однако этот царь Ахаз был настолько безрассуден и настолько мало обращал внимания на собственную свою выгоду, что, несмотря на новую войну с сирийцами, он не только не оставил поклонения их богам, но продолжал почитать их, как будто бы они должны были когда-нибудь даровать ему победу. Но когда он подвергся со стороны сирийцев новому поражению, то стал поклоняться божествам асси-

рийским и стал гораздо усерднее почитать их, чем своего собственного истинного Бога, гнев Которого на него и был причиной этого его поражения. Он дошел даже до такого пренебрежительного и наглого отношения (к Господу Богу), что распорядился наконец совершенно запереть храм, запретил приносить Предвечному установленные жертвы и присвоил себе все жертвенные приношения. Оскорбив таким образом Всевышнего, он умер, прожив тридцать шесть лет и процарствовав из них шестнадцать. Преемником себе он оставил сына своего Езекию[36].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Около того же самого времени умер и израильский царь Факея от руки составившего против него заговор приближенного своего Осии, который захватил престол и удерживал его за собой в течение девяти лет, отличаясь гнусным поведением вообще и презрительным отношением к Предвечному в частности. На него пошел войной ассирийский царь Салманасар, победил его (так как Осия не имел в Господе Боге расположенного к нему союзника), подчинил его своей власти и наложил на него определенную дань.

На четвертый год правления Осии воцарился в Иерусалиме Езекия, сын Ахаза и иерусалимской гражданки Авгии. По природе своей это был человек добропорядочный, справедливый и богобоязненный. С первого же дня вступления своего на престол он стал считать самым необходимым и полезным как для себя лично, так и для своих подданных поклонение Господу Богу. Поэтому он призвал в собрание народ, священников и левитов и обратился к ним со следующей речью:

«Вам небезызвестно, сколь многим тяжким бедствиям подверглись вы благодаря прегрешениям отца моего, нарушившего святость истинного богопочитания, испортившего ваши нравы и склонившего вас к поклонению тем идолам, которых он сам считал божествами. Поэтому я умоляю вас, убедившихся на собственном опыте в том, как ужасно безбожие, забыть теперь обо всем этом и очистить себя от прежних осквернений, а священников и левитов приглашаю соединенными силами вновь открыть храм и, очистив его обычными жертвоприношениями, восстановить его в ему

присущем древнем блеске и почете. Только таким образом мы сможем вновь снискать расположение к нам Предвечного, который при таких только условиях преложит свой гнев против нас на милость».

2. После этой речи царя священнослужители вновь открыли храм, привели затем в порядок всю священную утварь, удалили все, что оскверняло святыню, и приступили к обычным жертвоприношениям на алтаре. Затем царь разослал по всей своей стране приглашения для созыва народа в Иерусалим, чтобы отпраздновать праздник опресноков, который долго уже не праздновался, благодаря беззакониям вышеупомянутых царей. Вместе с тем он обратился с таким же приглашением и к израильтянам, уговаривая их оставить свой прежний образ жизни и вернуться к древним обычаям и почитанию истинного Бога. Он охотно готов был разрешить им доступ в Иерусалим, чтобы отпраздновать торжество опресноков и принять участие в торжественном богослужении. Это, говорил он, советует он им не для того, чтобы подчинить их своей власти, чего они, конечно, не желают, но ради их собственного блага, так как тем самым они будут споспешествовать своему собственному блаженству.

Однако израильтяне, когда прибыли к ним посланные и передали им приглашение царя, не только не приняли последнего, но даже стали глумиться над посланными как над безумцами. Равным образом они стали поносить также и пророков, которые советовали им принять приглашение и предсказывали им различные бедствия, если израильтяне не образумятся и не вернутся на путь истинного богопочитания; наконец они схватили их и умертвили. И при этом они не удовлетворились всеми этими беззакониями, но впали в еще более гнусные преступления, которые оставили не раньше, чем когда Господь Бог наказал их за их безбожие тем, что отдал их во власть врагов. Впрочем, об этом у нас рассказ еще впереди. Однако многие представители колеи Манассиева, Завулонова и Иссахарова вняли увещеваниям пророков и вернулись на путь благочестия. Все они отправились в Иерусалим к Езекии, чтобы там поклониться Господу Богу.

3. Когда они прибыли (в Иерусалим), царь Езекия в сопровождении старейшин и всего народа вступил в храм и принес от своего лица жертву из семи быков и стольких же овнов,

ягнят и козлов. Возложив на головы этих животных руки свои, царь и старейшины передали их для заклания священнослужителям. Последние принесли из них жертву всесожжения, а стоявшие кругом их левиты под аккомпанемент своих музыкальных инструментов запели гимны и псалмы в честь Господа Бога, как тому некогда научил их Давид, тогда как остальные священники затрубили в трубы в ответ на это пение. После этого царь и весь народ с ним пали ниц и поклонились Всевышнему. Затем царь велел принести в жертву еще семьдесят быков, сто овнов и двести ягнят и подарил народу для устройства жертвенного пира шестьсот быков и три тысячи голов прочего рогатого скота. Затем священники поступили во всем сообразно закону, а царь в радости своей стал пировать с народом и выражать свою благодарность Господу Богу. Когда же несколько спустя наступил праздник опресноков, они приступили к так называемым пасхальным жертвоприношениям, а также приносили в течение семи дней все остальные жертвы. Царь по этому поводу подарил, сверх тех жертвенных животных, которых народ заклал сам от себя, еще две тысячи быков и семь тысяч голов мелкого рогатого скота. Его примеру последовали и старейшины, которые подарили народу тысячу быков и тысячу сорок штук мелкого скота. Таким образом тогда в первый раз после царя Соломона был столь блестяще и торжественно отпразднован этот праздник. Когда же окончились праздничные дни, народ покинул город и приступил к очищению всей страны; также и самый город подвергся очищению от идолов. Вместе с тем царь велел приносить, сообразно закону, ежедневные жертвы из его собственных средств, определив, чтобы народ платил священникам и левитам десятину и доставлял им первые плоды свои, дабы (священнослужители) могли вполне предаться богослужению и ничем не были стеснены в культе Предвечного. Ввиду этого народ собрал для священников и левитов всевозможного рода плоды, а царь распорядился соорудить для этих приношений склады и амбары, откуда и выдавал содержание каждому из священников и левитов с их семействами. Таким образом они опять вернулись на путь прежнего своего богопочитания.

Устроив все это вышесказанным образом, царь пошел войной на филистимлян и, победив их, овладел всеми непри-

ятельскими городами между Газфой и Гиттой. Вместе с тем царь ассирийский послал к нему посольство с угрозой, что он совершенно отнимет у царя иерусалимского власть, если последний не уплатит дани, которую начал выплачивать ему отец его. Однако царь Езекия не обратил особенного внимания на эти угрозы, но уповал на свое собственное благочестие и на пророка Исаию, от которого он всегда в точности узнавал будущее. Впрочем, сказанного об этом царе пока довольно[37].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Когда ассирийскому царю Салманасару было объявлено, что израильский царь Осия отправил тайное посольство к египетскому фараону Сою с предложением вступить с ним в союз против Салманасара, последний сильно разгневался и пошел войной на Самарию, на восьмом году правления Осии. Но так как царь Осия оказал ему сопротивление, то Салманасар подверг Самарию осаде и лишь по истечении трех лет взял город приступом (это произошло, значит, на девятый год царствования Осии и седьмой год правления царя Езекии над иерусалимцами). При этом Салманасар окончательно уничтожил царство израильское, а весь народ переселил в Мидию и Персию. В числе прочих военнопленных в руки его попался также живьем и царь Осия. В Самарию и страну израильскую Салманасар перевел на жительство другие племена, а именно хуфейцев, называвшихся так по области Хуф, имя которой производится от персидской реки того же названия[38].

Таким образом, десяти коленам израильским пришлось выселиться из Иудеи спустя девятьсот сорок семь лет после занятия этой страны их вышедшими из Египта предками и спустя восемьсот лет после предводительствования ими Иисуса (Навина). С момента же отпадения израильтян от внука Давидова, Ровоама, и передачи страны Иеровоаму прошло, как у меня выше указано, двести сорок лет, семь месяцев и семь дней. Такой именно конец постиг царство Израильское за то, что израильтяне преступали божеские законы и ослушались пророков, которые заранее предсказали им такое бедствие, если они не оставят своих прегрешений. Началом всех

их бедствий было восстание, в котором они отпали от внука Давидова, Ровоама, и выбрали царем своим раба Ровоамова, Иеровоама, который своими прегрешениями и тем, что побудил их последовать своим собственным беззакониям, восстановил против них Предвечного. Впрочем, он подвергся заслуженной каре.

2. Между тем царь ассирийский пошел войной также на всю Сирию и Финикию, так что имя его встречается в тирийских летописях. Нападение свое на город Тир он совершил в то время, как там правил царь Елулей. Об этом имеется также свидетельство Менандра, который был летописцем и перевел тирийские хроники на греческий язык. Он (между прочим) пишет следующее:

«И Елулей, который носил у своих подданных имя Пиаса, царствовал тридцать шесть лет. Когда от него отпали киттейцы, то он напал на них с моря и подчинил их вновь своей власти. К ним ассирийский царь отправил затем посольство и после этого объявил всей Финикии войну, но потом заключил мир со всеми и вернулся назад в свою страну. Но при этом от Тира отпали Сидон, Арка, древний Тир и множество других городов, передавшихся царю ассирийскому. Поэтому, так как сами тирийцы не желали подчиниться ему, царь ассирийский вновь пошел на них войной, получив от финикийцев в виде подкрепления шестьдесят кораблей и восемьсот гребцов. Против них тирийцы двинулись на двенадцати кораблях, рассеяли флот противников и захватили до пятисот военнопленных. Этим подвигом все тирийцы стяжали себе громкую славу. Однако царь ассирийский при своем возвращении выставил у реки и у водопроводов стражу, на обязанности которой лежало мешать тирийцам пользоваться водой. Такому стеснению жители Тира подвергались в продолжение пяти лет и должны были пользоваться водой из специально в течение этого времени вырытых колодцев»[39].

Вот это-то именно и записано в тирийских летописях относительно ассирийского царя Салманасара.

3. Между тем переселенные в Самарию хуфейцы (этим именем они пользуются до сих пор вследствие прибытия своего из страны, носящей название Хуфы, находящейся в Персии, где имеется и река того же имени) принесли с собой в

Самарию культ пяти отдельных божеств по числу племен и стали почитать их по своему собственному ритуалу. Этим они возбудили против себя сильнейший гнев Всевышнего Бога. Последний поразил их чумой[40], которая истребляла их во множестве, и так как они нигде не могли найти средства против этого бедствия, то им, на основании одного пророчества, пришлось прибегнуть к почитанию Всевышнего, Который один только мог спасти их. Ввиду этого они отправили к ассирийскому царю посольство с просьбой прислать им из числа взятых во время войны в плен израильтян нескольких священников. Когда царь исполнил их просьбу, хуфейцы научились у последних настоящему богопочитанию и стали ревностно молиться Предвечному, после чего немедленно избавились от чумы. Этих обычаев хуфейцы, как они называются по-еврейски, тогда как на греческом языке они носят имя самарян, держатся еще и поныне. Впрочем, они отличаются большим непостоянством: когда они видят, что дела иудеев идут хорошо, они называют себя их ближайшими соплеменниками и указывают на свое родство с иудеями по совместному с последними происхождению от Иосифа; если же видят, что дела иудеев пошатнулись, то уверяют, будто у них нет решительно никаких отношений к иудеям, ничего общего с ними ни по характеру, ни по происхождению, потому что они-де сами являются чужеземными переселенцами. Но об этих хуфейцах нам придется еще при случае поговорить подробнее[41].

Книга десятая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Поход ассирийского царя Сенахирива против Иерусалима и осада, которой он обложил тамошнего царя Езекию.

2. О том, как ассирийское войско в течение одной ночи погибло от чумы и как его царь по возвращении домой был умерщвлен собственными сыновьями своими.

3. О том, как Езекия, процарствовав конец своей жизни в глубоком мире, умер и оставил своим преемником по престолу Манассию.

4. О том, как против последнего пошли войной цари халдейский и вавилонский, побили и пленили его и затем отвели его в Вавилон, где продержали его продолжительное время в плену, и наконец вновь отпустили назад в его царство.

5. О том, как царь Иосия оказал вооруженное сопротивление египетскому фараону Нехао во время похода последнего на Вавилонию, при проходе его по пределам Иудеи; о том, как Иосия был ранен в битве, доставлен в Иерусалим, там умер и как жители города провозгласили царем сына его Иохаза.

6. О походе царя Нехао на Иерусалим, после того как он сразился с царем вавилонским у Евфрата и вновь вернулся в Египет; о том, как фараон отвел Иохаза пленным в Египет и назначил царем иерусалимским его брата Иоакима.

7. О походе вавилонского царя Навуходоносора в Сирию и о том, как этот царь, подчинив себе все владения вплоть до границы Египта, направился к Иерусалиму и принудил тамошнего царя Иоакима вступить с ним в дружественный союз.

8. О том, как после ухода вавилонского войска Иоаким вновь перешел на сторону египтян, как Навуходоносор объявил ему войну, подверг его осаде и, когда сдался город, велел умертвить царя, но при этом назначил ему преемником его сына Иоахима и, захватив в Иерусалиме огромную сумму денег, пошел дальше на Сирию.

9. О том, как вавилонскому правителю вскоре же пришлось раскаяться в назначении царем Иоахима, как он поэтому двинулся на Иерусалим, захватил Иоахима с его матерью и семейством, взял множество военнопленных, похитил из храма жертвенные дары и вернулся в Вавилонию, назначив царем иерусалимским дядю Иоахима, Седекию.

10. О том, как Навуходоносор, при известии, что и Седекия собирается заключить союз с египтянами, двинулся против Иерусалима, приступом

овладел им, сжег храм и перевел жителей Иерусалима вместе с Седекией на жительство в Вавилон.

11. О том, как Навуходоносор перед смертью назначил себе преемником сына своего, и о том, как власть последнего была сокрушена персидским царем Киром.

12. О том, каким бедствиям подверглись в то время иудеи со стороны вавилонян.

Содержание книги обнимает период в сто девяносто два года, шесть месяцев и десять дней.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Уже на четырнадцатый год правления царя Езекии над двумя еврейскими коленами царь ассирийский Сенахирив во главе огромного войска пошел на Езекию войной и взял приступом все города колен Иудова и Веньяминова. Затем, когда он собрался повести свое войско против Иерусалима, Езекия предупредил это, послав к нему посольство с обещанием подчиниться добровольно и платить дань, какую ему будет благоугодно наложить на него. Узнав о предложении, с которым явилось посольство, Сенахирив решил прекратить войну, принял сделанное предложение и выразил желание, получив триста талантов серебра и тридцать золота, заключить мир, причем дал послам клятвенное обещание вернуться теперь восвояси и при этом не причинять стране никакого вреда. Этому обещанию Езекия поверил, собрал все свои деньги и отправил их ассирийскому царю в расчете, что теперь он освободится от войны и не станет более подвергать свое царство опасности. Между тем ассириец взял деньги, но и не подумал сдержать данное обещание, а, отправившись сам войной на египтян и эфиопов, оставил своего военачальника Рапсака с двумя другими полководцами во главе огромного войска под Иерусалимом для разрушения этого города. Имена этих двух полководцев были Фарата и Анахарис.

2. Придя к стенам Иерусалима и расположившись тут лагерем, полководцы ассирийские отправили к Езекии приглашение явиться к ним для личных переговоров. Царь из боязни за себя не сделал этого, но послал вместо себя трех преданнейших друзей своих, главного советника государства Елиакима, Совнея и канцлера Иоаха. Итак, эти мужи отправились в ассирийский лагерь и предстали перед военачальниками неприятельского войска. Увидя их, полководец Рапсак

велел им возвратиться (в Иерусалим) и сказать Езекии, что великий царь Сенахирив спрашивает последнего, в уповании на что и в какой такой надежде он избегает признать его своим государем, почему он не желает послушаться его и не впускает его войско в свой город. Или, быть может, он надеется на египтян, рассчитывая при их помощи усилить свою боевую способность? Если он рассчитывает на это, то пусть они объяснят ему, что он действует безумно и уподобляется человеку, который при падении своем опирается на надломленный камыш и таким образом портит себе только руку. Езекия должен знать, что Сенахирив предпринимает этот поход против него по специальному желанию Предвечного, который предоставил ассирийскому царю царство израильское на разрушение, дабы таким же образом погибли и подданные Езекии. Так как Рапсак говорил все это по-еврейски (он владел этим языком), то Елиаким, опасаясь, что народ услышит его, испугается и очень смутится, стал просить его говорить по-сирийски. Но полководец понял вполне его мысль и опасения и поэтому продолжал свою речь особенно громким и внятным голосом, сказав по-еврейски же следующее:

«Пусть все услышат о желании моего государя и, сообразно с этим, выбрав себе наиболее подходящее, сдадутся нам. Очевидно, что как вы, так и царь ваш стараетесь удержать на своей стороне народ, питая его пустыми надеждами. Если же вы смелы и рассчитываете отразить наше войско, то я готов предоставить в ваше распоряжение две тысячи своих собственных коней, вы же посадите на них соответственное количество своих всадников и покажете свою силу. Однако вы не в состоянии дать то, чего у вас нет. Поэтому чего же вы еще медлите сдаться нам, более сильным и имеющим возможность взять вас и против вашей воли? Знайте ведь, что добровольная сдача не представляет для вас опасности, тогда как вынужденная война явится для вас опасным источником всевозможных бедствий».

3. Услышав эту речь ассирийского полководца, как народ, так и посланные передали ее содержание Езекии. В ответ на это последний снял с себя свое царское облачение, облекся в рубище и, по древнему обычаю приняв вид смиренного грешника, пал ниц перед Господом Богом и стал молить Его

об оказании помощи в такую минуту, когда у него нет более надежды на спасение откуда бы то ни было. Вместе с тем он послал нескольких приближенных своих и священников к пророку Исаии с просьбой помолиться Всевышнему и, принеся жертвоприношения за общее их спасение, умолить Предвечного сокрушить надежды врагов и смилостивиться над его народом. Пророк поступил сообразно этому и по повелению Господа Бога успокоил затем как самого царя, так и приближенных друзей его, предсказав им, что врагам придется без боя отступить после позорного поражения и оставить свое настоящее высокомерие, ибо Господь Бог позаботится о том, чтобы они погибли. Равным образом и сам ассирийский царь Сенахирив ошибается в своих расчетах относительно Египта и, предсказал он, на возвратном пути домой сам погибнет от меча.

4. В то же самое время царь ассирийский прислал Езекии письмо, в котором называл его безумцем, если он думает избегнуть подчинения ему, который покорил своей власти много великих народов. При этом Сенахирив грозил окончательно загубить его, если он попадется ему в руки и если добровольно не откроет перед его войском ворот Иерусалима и не впустит его в город. Прочитав это послание, Езекия, однако, не обратил на него никакого внимания, потому что уповал на Господа Бога; свернув письмо, он сложил его в храме. И вот, когда он вторично помолился Предвечному, моля его о спасении города и всех его жителей, пророк Исаия объявил ему, что Господь внял его мольбам и что в скором времени прекратится осада ассирийцев, что на будущее время евреи совершенно безбоязненно смогут заниматься земледелием и, не страшась ничего, мирно делать свое дело. Действительно, немного спустя ассирийский царь, потерпев неудачу в своей египетской экспедиции, должен был без успеха вернуться восвояси, и притом по следующей причине. Потеряв много времени за осадой Пелузиума и уже достроив осадный вал, который он велел соорудить на одинаковой вышине с городскими стенами, чтобы затем свободно взять город приступом, Сенахирив получил известие, что на помощь египтянам идет во главе большой рати эфиопский царь Фарсика, причем поход его совершался по пустыне и он внезапно вторгся в Ассирию. Смутившись при этом известии, царь

Сенахирив, как я уже упомянул, покинул Пелузиум и, не окончив начатого дела, вернулся домой.

Об этом Сенахириве рассказывает и Геродот во второй книге[1] своей «Истории», что этот царь пошел войной против египетского фараона, который был жрецом бога Гефеста, и, осадив Пелузиум, снял осаду по следующей причине: царь египетский обратился к своему богу с молитвой, которую бог услышал и наслал на арабов бедствие. Тут (очевидно) Геродот находится в заблуждении, называя царя Сенахирива не ассирийским, но арабским государем. Итак, Геродот рассказывает, что множество мышей в течение одной ночи перегрызли луки и остальное оружие ассирийцев, так что царь последних, не имея более оружия, увел свое войско из-под Пелузия. Так повествует Геродот. Беросс же[2], который написал историю Халдеи, упоминает о царе Сенахириве как о правителе ассирийском и о том, что он воевал со всей Азией и с Египтом.

5. Вернувшись из похода против египтян в Иерусалим, он соединил там свое войско с ратью, бывшей под начальством Рапсака (и подвергшейся опасности совершенно погибнуть от чумы). Дело в том, что Господь Бог наслал на это войско чуму, от которой в первую же ночь после его возвращения[3] погибло сто восемьдесят пять тысяч человек вместе со своими военачальниками и таксиархами. Это бедствие повергло царя в неописанный ужас, и он, испугавшись за все свое войско, бежал с остатками его в свое царство, в город Ниневию. Тут он прожил, однако, недолго, пав от руки своих собственных старших сыновей, Адрамелеха и Сарасара, в своем собственном храме, носившем название Араска. После этого отцеубийцы бежали от ярости своих сограждан в Армению, а на престол вступил сын Сенахирива, одинаково с братьями ненавидевший его, Асархаддон[4]. Таков был конец похода ассирийцев на жителей иерусалимских[5].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Освободившись столь необыкновенным образом от грозившей ему опасности, царь Езекия приступил совместно со всем народом к принесению благодарственных жертв Господу Богу, потому что он отлично понимал, что враги погиб-

ли и удалились из-под Иерусалима из страха погибели не по какой другой причине, а только вследствие оказанной ему, Езекии, поддержки со стороны Предвечного. Отличаясь и далее всяческим рвением и усердием в деле истинного богопочитания, он, однако, немного спустя впал в тяжкую болезнь, так что врачи совершенно отчаялись в его исцелении, и приближенные уже более не рассчитывали на благополучный исход. К этой болезни присоединялось еще страшное душевное расстройство царя, которое было вызвано его мыслью о своей бездетности и о том, что ему придется умереть, не оставив после себя потомства и не дав престолу законного наследника. Особенно тяжко и жестоко страдая от этой мысли, царь обратился к Всевышнему с мольбой даровать ему еще немного времени жизни, дабы он мог дождаться потомства, и позволить ему расстаться с жизнью не раньше, чем он станет отцом. Господь Бог смилостивился над ним и внял его молитве, так как Езекия ведь печалился о предстоящей ему теперь смерти и просил продления срока жизни не потому, что боялся потерять личные блага, связанные с царствованием, а потому, что желал оставить после себя детей, которые смогли бы стать его преемниками по престолу. Поэтому Всевышний послал к Езекии пророка Исаию с поручением передать ему, что царь оправится от своей болезни через три дня, что он проживет после этого еще пятнадцать лет и что у него родятся дети. Когда пророк возвестил сообразно повелению Господа Бога об этом царю, то последний, вследствие болезни и невероятности предсказания, отнесся к нему с недоверием и просил Исаию явить какое-нибудь необычайное чудо, дабы он мог поверить, что его сообщение исходит от Предвечного: необычайные и совершенно неожиданные вещи могут быть подкреплены лишь подобными чудесными явлениями. На вопрос пророка, какого он желает чуда, царь попросил сделать так, чтобы когда на (солнечных) часах тень пройдет десять делений, она вернулась на прежнее место и прошла этот путь вторично. Пророк обратился к Господу Богу с молитвой явить царю просимое чудо, и последний вскоре увидел, что желание его исполнилось. Вскоре затем он оправился от болезни, поспешил в храм и пал ниц перед Всевышним, благодаря его за свое исцеление.

2. Около того же самого времени царство ассирийское

было уничтожено мидийцами, о чем я расскажу подробнее в другом месте[6]. Тогда вавилонский царь Валада отправил к Езекии посольство с дарами и предложением заключить с ним дружественный союз. Езекия любезно принял и угостил послов, показал им свои сокровищницы и арсенал, а также другие свои богатства, состоявшие из драгоценных камней и золотых предметов, и отпустил их с подарками к Валаде. Когда к царю пришел пророк Исаия и спросил его, откуда прибыли послы, то Езекия отвечал, что они прибыли от вавилонского царя и что он показал им все с той целью, чтобы они, увидев его богатства, вывели из этого заключение об его могуществе и сообщили об этом своему государю. Но пророк возразил на это: «Знай, что в скором времени все это твое богатство перейдет в Вавилон и что потомки твои станут евнухами, потеряв свое отличие от мужчин, и слугами царя вавилонского. Так предсказывает Господь Бог». Крайне опечаленный этими словами, Езекия сказал, что очень бы желал предохранить народ от такого бедствия, но так как решения Предвечного неизменяемы, то он просит лишь сохранить мир на время его жизни.

Об этом вавилонском царе Валаде[7] упоминает и Беросс. А тот пророк (Исаия), который по общему признанию был человеком боговдохновенным и необычайно правдолюбивым, в сознании, что он не сказал решительно ни малейшей неправды, оставил все свои предсказания записанными в книгах, для того чтобы позднейшие поколения могли проверить их действительность. Впрочем, не один только этот пророк, но еще двенадцать других поступили таким же образом, и потому у нас не случается ничего, ни хорошего, ни дурного, что бы не было в соответствии с их предсказаниями. Но о каждом из этих пророков нам впоследствии еще придется упомянуть[8].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Прожив указанное время, в течение которого он наслаждался полным миром, царь Езекия умер пятидесяти четырех лет от роду, на двадцать девятом году своего правления. Преемником его по престолу стал его сын Манассия, мать которого была Ахива, иерусалимская гражданка. Этот

Манассия не следовал примеру отца своего и начал вести совершенно другой образ жизни, обнаруживая всякого рода гнусности и не упуская случая проявлять свое богохульство. Подражая беззакониям царей израильских, погибших вследствие своих прегрешений относительно Предвечного, он дерзнул осквернить как храм Господа Бога, так и город Иерусалим и всю страну свою. Побуждаемый презрением к Всевышнему, он велел подвергнуть жестокой смертной казни всех праведников среди евреев; при этом он, конечно, не пощадил и пророков и, убивая их по нескольку ежедневно, учинил такую резню, что кровь лилась потоком по Иерусалиму. В сильнейшем гневе на это Господь Бог послал к царю и народу пророков, устами которых стал грозить им теми же самыми бедствиями, которым пришлось подвергнуться их братьям израильтянам, глумившимся над Ним. Но народ не поверил их словам, послушание которым могло бы их поставить в выгодное положение не подвергаться никаким подобным бедствиям, и впоследствии им на деле пришлось убедиться в правоте предсказаний пророков.

2. Оставаясь при своем прежнем образе жизни, евреи подверглись нашествию со стороны вавилонского и халдейского царя, который послал в Иудею войско, опустошил страну, велел хитростью захватить царя Манассию и привести к себе, так что последний очутился в его руках и мог подвергнуться с его стороны любому наказанию[9]. Тогда Манассия понял всю гнусность своего поведения и, считая себя лично виновником всех этих бедствий, обратился к Господу Богу с молитвой возбудить в его враге чувство жалости и сострадания к нему. Предвечный внял его мольбам и исполнил его просьбу, так что Манассия был освобожден царем вавилонским и отпущен им домой. Прибыв в Иерусалим, он стал стараться подавить в душе своей по возможности всякое воспоминание о своих прежних прегрешениях, желая вернуться на путь истины и вести сколь возможно более богобоязненный образ жизни. Храм был вновь освящен, город подвергся очищению, и с того времени царь стал думать лишь о том, как бы возблагодарить Господа Бога за свое избавление и на всю свою жизнь снискать Его к себе благоволение. Вместе с тем он понуждал следовать этому примеру и народ, который отлично понимал, какому бедствию еще недавно подвергся царь

благодаря обратному образу действий. Восстановив затем жертвенник, царь возобновил и те жертвоприношения, которые установил Моисей. Устроив таким образом все как следует для соблюдения истинного богопочитания, Манассия обратил свое внимание и на внешнюю безопасность Иерусалима, с этой целью ревностно занялся восстановлением древней городской стены, к которой присоединил добавочную новую, стал возводить огромнейшие башни и снабжать укрепления вне города всем необходимым для неприступности, именно особенно значительным запасом хлеба и съестных припасов. После всего этого он провел остаток своей жизни в состоянии столь полного раскаяния, что с того времени, как он начал почитать Предвечного, он стяжал себе славу счастливейшего и достойнейшего человека. Наконец, прожив шестьдесят семь лет, он умер после пятидесятипятилетнего царствования и был погребен в своем собственном саду, а престол перешел к его сыну Амосу, матерью которого была некая Емалсема, происходившая из города Иоваты[10].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Этот Амос начал подражать дерзкому поведению отца своего в его юности и за это стал жертвой своих собственных домашних; он был убит ими в своем собственном доме, достигнув только двадцатичетырехлетнего возраста после двухлетнего царствования. Народ перебил убийц его и похоронил Амоса рядом с отцом его, а престол был передан восьмилетнему сыну (Манассии) Иосии, мать которого происходила из города Воскефы и называлась Иедидою. Этот царь проявил прекрасный характер и большую склонность к добродетели, стремился к подражанию царю Давиду и всю свою жизнь имел перед глазами пример последнего, которым всегда и руководился. Уже двенадцати лет он выказал свое благочестие и справедливость, а именно — он взывал к благоразумию народа, увещевая отступников, объясняя им сущность идолов, которые не могут быть настоящими божествами, и приглашая их к почитанию истинного Бога отцов своих. Равным образом он подверг внимательному пересмотру все постановления своих предков; те из них, которые были неправильны, он благоразумно исправил, как человек зрелого возраста

и вполне опытный в распознавании необходимого, а те, которые нашел годными и своевременными, он сохранил и поставил себе примером на будущее время. При всем этом он не только следовал голосу своей природной мудрости и врожденного ума, но пользовался также советом и предложениями старших. Вследствие того, что он следовал законам, ему должно было удаваться все касавшееся государственного устройства и богослужения, так как он не только не подражал беззакониям своих предков, но старался совершенно уничтожить всякий след их. Царь сам обходил как город (Иерусалим), так и всю страну, велел вырубать разведенные в честь чужеземных божеств рощи и сокрушать жертвенники их и с презрением срывал и уничтожал те жертвенные подношения, которые находились там и сям и происходили от его предков. Таким-то способом он отвратил народ от поклонения идолам и направил его на путь истинного богопочитания, так что население вернулось к обычным жертвоприношениям и к жертвам всесожжения на алтаре Предвечного. Вместе с тем царь назначил судей и цензоров, чтобы ведать все дела по принадлежности, ставить выше всего справедливость и не щадить даже своей жизни в случае необходимости. По всей стране он разослал сборщиков за добровольными пожертвованиями золотом и серебром на украшение храма, причем предоставил каждому жертвовать сколько захочет, по усердию и силам своим. Когда были собраны нужные средства, он поручил украшение храма и все необходимые по этому делу распоряжения градоначальнику Амасии, канцлеру Сафану, анналисту Иоату и первосвященнику Елиакии. Последние, не откладывая дела в долгий ящик, немедленно пригласили строителей, выписали все необходимое для постройки и приступили к самому делу. Таким образом обновленный храм тоже стал наглядным памятником благочестия царя.

2. Достигнув за этими делами уже восемнадцатого года своего правления, царь послал однажды за первосвященником Елиакией и велел ему взять остатки средств и заказать литые чаши, жертвенные принадлежности и кубки для целей богослужения, а также употребить все золото и серебро, которое могло бы найтись в казне, равным образом на выделку чаш и подобной утвари. И вот, собирая золото, первосвя-

щенник Елиакия нашел в храме священные книги Моисея, извлек их и передал канцлеру Сафану[11]. Прочитав их, последний отправился к царю, доложил ему об исполнении всех его указаний, а также прочитал ему написанное в тех книгах. Услышав их содержание, царь разодрал на себе одежду, послал за первосвященником Елиакией, а самого канцлера отправил в сопровождении нескольких наиболее приближенных друзей своих к пророчице Ольде, жене Саллума, выдающегося человека знатного происхождения. Посланцам было поручено попросить ее, чтобы она взяла на себя умиротворить Предвечного и постараться склонить Его в пользу иудеев, потому что являлось опасение, что, так как предки царя преступили законоположения Моисеевы, они сами подвергнутся опасности изгнания и, изгнанные из своей родины, должны будут, лишенные всего, на чужбине влачить жалкое существование. Когда пророчица узнала от посланных, ради чего они явились к ней от царя, она поручила им вернуться к государю и сказать ему, что Господь Бог уже постановил относительно иудеев решение, которого путем молитвы никто не сможет изменить, а именно — погубить народ, изгнав его из страны и лишив всех присущих ему благ за то, что он преступил законы и не изменил своего образа мыслей в течение столь продолжительного времени, хотя пророки постоянно увещевали его прийти в себя и предсказывали кару за все его беззакония. Вот эта-то кара непременно постигнет народ, дабы люди убедились, что они имеют дело с Господом Богом и что все, предсказанное им пророками, вполне верно. Но за то, что царь держится праведного образа жизни, Господь Бог пока еще отдалит предполагаемые бедствия, тогда как после смерти царя Он пошлет народу обещанную гибель.

3. Посланные вернулись к царю и сообщили ему о предсказании пророчицы. Тем не менее царь повсюду разослал гонцов своих с приглашением народу собраться в Иерусалиме, куда он призвал также священников, левитов и всех людей, достигших известного возраста. Когда все приглашенные собрались, то царь сперва прочитал собранию священные книги (Моисеевы), а затем встал на возвышение среди народа и пригласил его поклясться в том, что он будет почитать Господа Бога и соблюдать законы Моисея. Собравшиеся охотно согласились на это и выразили полное желание после-

довать увещаниям царя, а затем принесли жертвы Господу Богу и слезно умоляли Его оставаться к ним милостивым и снисходительным. Потом царь приказал первосвященнику выбросить из храма все остатки каких-либо сооружений в честь идолов и чужеземных божеств, которые были некогда воздвигнуты его предками. Когда этих остатков накопилось значительное количество, царь приказал сжечь их, а пепел развеять. Тех же языческих жрецов, которые происходили не из рода Аарона, он велел казнить.

4. Совершив в Иерусалиме все рассказанное, он отправился в путешествие по стране, разрушая все святилища, сооруженные в ней царем Иеровоамом в честь иноземных божеств и сжигая кости лжепророков на том самом жертвеннике, который первоначально соорудил Иеровоам. Это было предвозвещено пророком, явившимся к Иеровоаму, когда тот приносил жертву, и весь народ слышал, как пророк сказал, что вышеуказанное будет сделано одним из потомков рода Давидова, человеком по имени Иосия[12]. Так оно действительно и случилось по прошествии трехсот шестидесяти лет.

5. После этого царь Иосия отправился и ко всем остальным израильтянам, которым удалось избежать ассирийского плена и порабощения, и стал убеждать их оставить свой греховный образ жизни и почитание иноземных богов, приглашая их вместе с тем поклониться своему родному Всевышнему Божеству и примкнуть к Нему. При этом царь распорядился сделать обыски в отдельных жилищах как сельских, так и городских, подозревая что кое-где кто-либо мог скрыть у себя кокого-нибудь идола. Не удовлетворившись этим, он велел убрать также и царственные колесницы, сооруженные его предшественниками для торжественных случаев, а также решительно все, чему те поклонялись как Божеству.

Подвергнув таким образом всю страну очищению, он пригласил народ в Иерусалим для празднования там праздника опресноков, иначе называемого Пасхой. Тут он подарил народу (в честь Пасхи) тридцать тысяч молодых козлят и ягнят и три тысячи волов для принесения жертв всесожжения. Наиболее выдающиеся между евреями подарили священникам в честь Пасхи две тысячи шестьсот ягнят, а леви-

там начальствующие лица дали пять тысяч ягнят и пятьсот волов. При таком несметном количестве жертвенных животных они принесли жертвы вполне сообразно Моисеевым предписаниям, и священники с трудом могли справляться с требованиями каждого отдельного лица и служить за него.

Со времен пророка Самуила евреям уже не приходилось таким образом справлять этот праздник, то есть совершенно точно по религиозным предписаниям и по старинным отечественным традициям. После этого Иосия жил еще долго, наслаждаясь глубоким миром, пользуясь богатством и полным у всех уважением. Умер же он следующим образом[13].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Царь египетский Нехао собрал войско и направился с ним к реке Евфрату с намерением вступить в войну с мидянами и вавилонянами, которые разрушили ассирийское царство; дело в том, что его самого обуревало желание стать царем над всей Азией. Когда же фараон достиг города Менде[14] (находившегося во владениях Иосии), то Иосия во главе войска выступил ему навстречу, чтобы воспрепятствовать ему пройти по его территории во время похода на мидян. Тогда Нехао отправил к нему посланного с заявлением, что он идет походом не на него, но желает лишь пробраться к Евфрату; к этому он присовокупил совет не раздражать его и не мешать ему идти походом на тех, воевать с которыми он порешил. Однако Иосия не обратил внимания на слова Нехао, но решился ни за что не пропускать его через свою страну. Мне кажется, к этому побудил его рок, так что царь ухватился за этот предлог (чтобы вступить в неприязненные отношения к фараону). И вот, пока он выстраивал в боевой порядок свое войско и разъезжал на колеснице от одного фланга к другому, кто-то из египтян пустил в него стрелу и тем положил конец его воинственному пылу. Жестоко страдая от полученной раны, он отдал войску приказ отступить и вернулся в Иерусалим. Здесь он умер от раны и был торжественно похоронен в усыпальнице своих предков, прожив всего тридцать девять лет и процарствовав в течение их тридцать один год. Кончина его вызвала во всем народе великую скорбь и плач, и стенания по нем продолжались много дней. Пророк Иере-

мия сочинил на смерть его похоронную элегию, которая сохранилась по сей день[15]. Этот же самый пророк возвестил будущие бедствия, которые должны были постигнуть город, и оставил письменное предсказание о нашем теперешнем положении, равно как и о взятии Вавилона. Впрочем, не он один предсказал это народным массам, но то же самое сделал также и пророк Иезекииль, первый оставивший нам две книги об этом. Оба пророка происходили из священнических родов. Иеремия жил в Иерусалиме с тринадцатого года царствования Иосии вплоть до разрушения города и храма. Впрочем, все относящееся до этого пророка мы сообщим в своем месте[16].

2. После вышеописанной смерти Иосии престол перешел к его двадцатитрехлетнему сыну Иоахазу. Мать его звали Амиталой, и она происходила из города Лобаны[17]. Этот царь жил также в Иерусалиме, но был безбожником и человеком гнусного характера.

Между тем египетский царь, возвращаясь с войны, послал за Иоахазом и пригласил его к себе в город Амафу, находящийся в Сирии. Когда Иоахаз прибыл, фараон взял его в плен, а престол отдал его старшему брату от другой матери, хотя и от одного с ним отца. Этого брата Иоахаза звали Елиакимом, но фараон изменил его имя в Иоакима. На страну же фараон наложил дань в размере ста талантов серебра и одного таланта золота. Эту огромную дань стал выплачивать Иоаким, а фараон увез Иоахаза с собой в Египет, где он и умер, процарствовав всего три месяца и десять дней. — Мать Иоакима звали Завудой, а родом она была из города Авумы[18]. Иоаким по природе своей был человеком несправедливым и злонамеренным, не отличавшимся ни религиозностью, ни гуманностью[19].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Когда (Иоаким) был уже четвертый год царем, верховная власть над Вавилонией перешла к некоему Навуходоносору, который к тому времени пошел с большим войском на город Кархамиссу (лежащий на Евфрате), решив воевать с египетским фараоном Нехао; во власти последнего находилась вся Сирия. Узнав о намерении вавилонянина и об его

походе, Нехао сам нисколько не испугался, но двинулся во главе большой рати к Евфрату, чтобы (там) отразить его нападение. Когда же произошла битва, он (фараон) был разбит и потерял при этом несколько десятков тысяч людей. Вавилонянин затем переправился через Евфрат и занял всю Сирию, исключая Иудеи, вплоть до Пелузиума. Лишь по истечении четырех лет царствования своего, когда Иоаким уже восьмой год правил евреями, вавилонянин Навуходоносор двинулся с большим войском также на иудеев, требуя от Иоакима дани или в противном случае угрожая ему войной. Иоаким испугался этой угрозы и, предпочтя деньгам мир, стал платить ему дань, которую тот назначил на три года.

2. На третий же год он услышал, что египтяне собираются идти походом на вавилонянина, и поэтому он ему не заплатил дани. Однако тут он обманулся в своих расчетах, ибо египтяне не решились предпринять поход. Впрочем, пророк Иеремия изо дня в день предсказывал (иудеям), что они напрасно надеются на египтян, так как городу предопределено быть разрушенным вавилонянином, а царю Иоакиму стать его рабом. Однако эти слова не имели никакого значения, потому что никому не было предопределено спастись. Народ и его вожди, услышав речи (пророка), не только не обращали на них должного внимания, но даже рассердились на него за то, что он выдумывает-де худые предсказания относительно царя, и поэтому они обвинили Иеремию и, привлекши к суду, требовали его осуждения на смерть. Большинство (судей) действительно подали голоса против Иеремии, но нашлись между более престарелыми среди них и такие, которые, в силу присущей им житейской опытности, требовали освобождения его от всякой ответственности, советуя и прочим отнюдь не причинять Иеремии зла. При этом они указывали на то обстоятельство, что не только один этот пророк предсказывает городу неизбежные бедствия, но что и до него то же самое предсказывали Михей и многие другие пророки, из которых ни один, однако, не подвергся от своего царя взысканию, но даже пользовался с его стороны особенным почетом именно за то, что он пророк Божий. Успокоив такими речами народ, они спасли Иеремию от решенной относительно его участи. Иеремия же записал все свои пророчества и прочитал их перед народом, когда последний в девятый

месяц пятого года царствования Иоакима постился и собрался в храме. В этой книге он изложил все свои предсказания относительно будущей судьбы города, храма и народа. Когда старейшины прослушали книгу, они отняли ее у него и посоветовали ему и его писцу Варуху поскорее бежать и никому не показываться на глаза. Книгу же они сами снесли к царю и отдали ее ему. Царь приказал своему секретарю прочесть ее ему в присутствии своих приближенных. Но когда он услышал содержание книги, то рассердился, разорвал ее, швырнул ее в огонь и вместе с тем отдал приказание отыскать Иеремию и писца его Варуха и представить их ему для наказания. Однако пророк и его слуга тем временем уже успели бежать от царского гнева.

3. Немного времени спустя Иоаким, когда на него пошел войной царь вавилонский, принял его к себе (в город) из боязни, что оправдаются предсказания пророка; в надежде, что не подвергнется никаким бедствиям, он и не думал запирать перед вавилонским властелином городские ворота, равно как не решался воевать с ним. Вавилонянин же, войдя в город, не подумал соблюсти (прежние) договоры, но велел перебить самых сильных и красивых из иерусалимцев вместе с их царем Иоакимом, причем приказал труп последнего выкинуть без погребения за (городские) стены. Царем же над всей страной и над городом поставил сына его Иоахима. Всех почетных лиц в городе, числом до трех тысяч, он увел в качестве военнопленных в Вавилон; в числе их находился и пророк Иезекиил, который тогда был еще отроком. Такой конец постиг царя Иоакима после того, как он прожил тридцать шесть лет, из которых в течение одиннадцати царствовал. Преемник же его по престолу, Иоахим, происходивший от гражданки Носты, царствовал всего три месяца и десять дней[20].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Между тем царя вавилонского, лишь только он отдал царство Иоахиму, внезапно обуял страх: он боялся, как бы Иоахим, в отместку за погибель отца своего, со своей страной не отложился от него. Поэтому он (тотчас) отправил (против него) войско и осадил Иоахима в Иерусалиме. Царь же, будучи человеком порядочным и справедливым, не хотел допус-

кать, чтобы ради него город подвергался опасности, но взял свою мать и родственников и отдал их (в виде заложников) присланным полководцам вавилонского царя, причем потребовал от последних клятвенного обещания, что ни заложники, ни город не подвергнутся никакой обиде. Однако этот договор не оставался у них ненарушенным даже в течение одного года. Его нарушил царь вавилонский, послав своим военачальникам приказ захватить в плен всех юношей иерусалимских и всех ремесленников и связанными отправить их к нему (а их всего было 10 832 человека) и в том числе самого Иоахима с его матерью и приближенными. Когда все они были доставлены к нему, он их отдал под стражу, царем же (в Иерусалиме) поставил дядю Иоахима, Седекию, от которого взял клятвенное обещание, что тот сохранит ему страну в целости, не задумает никакого переворота и не вступит в дружественные сношения с египтянами.

2. Когда Седекия вступил на престол, ему шел двадцатый год. Он был единоутробным братом Иоакима и крайне пренебрежительно относился к требованиям справедливости и долга. Все окружавшие его сверстники также были безбожниками, да и весь простой народ отличался крайней распущенностью и делал что хотел. Вследствие этого пророк Иеремия неоднократно посещал его и заклинал его оставить свое безбожие и беззакония и подумать о справедливости, не прилепляться к знатнейшим (так как между ними находятся люди гнусные) и не верить обманывающим его лжепророкам, будто вавилонский царь уже более не предпримет похода на город (Иерусалим) и будто египтяне начнут с ним войну и победят его[21]. Все это они говорят неправду, и ничего этого не будет.

Пока Седекия слушал эти речи пророка, он слушался его и был вполне согласен с тем, что они справедливы и направлены к пользе его; но затем приближенные вновь совращали его с пути истины и отвлекали его от наставлений пророка ко всему, чего бы они ни желали. В то же самое время и Иезекиил предсказывал в Вавилоне ожидающие народ бедствия и, записав свои предвещания, отослал их в Иерусалим. Но тогда Седекия не стал более доверять предсказаниям обоих пророков и притом по следующей причине: в то время как во всем пророки сходились между собой, как в предсказаниях,

что город падет, так и в том, что сам Седекия будет взят в плен, Иезекиил расходился с Иеремией в том, что Седекия не увидит Вавилона, а Иеремия утверждал, что царь вавилонский уведет его с собой в качестве военнопленного. И так как оба пророка расходились в этом пункте (хотя во всем прочем между ними не было разногласий), царь решил, что и во всем остальном они говорят неправду, и потому не верил им вовсе. А между тем все предсказания их оправдались на нем, как мы укажем в своем месте.

3. Соблюдая в течение восьми лет верность вавилонянам, Седекия наконец нарушил свои договоры с ними и соединился с египтянами в надежде в союзе с последними разгромить вавилонян. Когда об этом узнал царь вавилонский, он двинулся на него походом, разграбил его страну и, заняв укрепленные местности в ней, прибыл к самому Иерусалиму в расчете осадить его. Тем временем и египетский царь, узнав, в каком положении находится его союзник Седекия, собрал большую рать и прибыл с ней в Иудею с целью снять осаду. Тогда вавилонский царь отступил от Иерусалима, выступил навстречу египтянам, сойдясь с ними в битве, разбил их и, обратив их в бегство, во время преследования совершенно изгнал из Сирии. И вот лишь только вавилонский царь отступил от Иерусалима, лжепророки (опять) стали обманывать Седекию, уверяя его, что вавилонянин не станет более воевать с ним, да и единоплеменники его, которых тот выселил из родины в Вавилон, вернутся и привезут с собой все сокровища храма, которые царь (некогда) похитил оттуда. Тогда пришел Иеремия и стал утверждать как раз противное и предсказывать истину, а именно указывать, что они поступают дурно, обманывая царя, что от египтян им нечего ожидать пользы, но что, когда вавилонский царь победит египтян, он соберется пойти походом на Иерусалим, что он осадит его и загубит путем голода (весь) народ, а оставшихся в живых отведет в плен; что он разграбит имущество, что еще раз похитит богатства из храма, а затем подожжет его и уничтожит город. «Мы же (продолжал он) в течение семидесяти лет будем рабами его и потомков его; а затем нас освободят из этого рабства персы и мидяне, которые разгромят вавилонян; освобожденные ими (персами и мидянами), мы вновь построим храм и восстановим Иерусалим».

Эти слова Иеремии были приняты большинством с доверием. Знать же и безбожные люди стали насмехаться над ним как над сумасшедшим. И вот случилось, когда пророк захотел отправиться в свой родной город, по имени Анафоф, отстоявший от Иерусалима на расстоянии двадцати стадий, что кто-то из начальствующих лиц встретил его на дороге, схватил его и задержал, обвиняя его в том, будто бы Иеремия собирается перебежать на сторону вавилонян. Тот стал утверждать, что ему приписывается совершенно ложное намерение, так как он отправляется к себе на родину. Но начальник не поверил ему, а схватил его и представил его на суд старейшин, со стороны которых ему пришлось претерпеть всякие поношения и пытки; наконец он был брошен в темницу. Таким образом Иеремия провел некоторое время, совершенно незаслуженно подвергаясь всему вышеуказанному.

4. На девятый же год правления Седекии, в десятый день десятого месяца, царь вавилонский вторично выступил против Иерусалима, обложил его и в течение восемнадцати месяцев осаждал его по всем правилам искусства. В то же самое время над осажденными иерусалимцами разразились два величайших бедствия: голод и заразительная болезнь, сильно свирепствовавшие (среди них). Несмотря на то, что пророк Иеремия сидел (в то время) в темнице, он все-таки не мог успокоиться и громко взывал и советовал народу впустить вавилонянина в город, открыв перед ним ворота; при этом он утверждал, что, если они это сделают, все спасутся, если же нет, то погибнут. Он указывал при этом, что если кто-нибудь и останется в городе, то наверное погибнет либо от голода, либо от меча неприятелей; если же убежит к врагам, то избегнет смерти. Однако, даже находясь в таком бедственном положении, старейшины, слыша эти предсказания, не верили им, но в гневе отправились к царю, стали обвинять пророка и требовали его казни за его сумасшествие, выражающееся в том, что он своими заявлениями о предстоящих бедствиях смущает народ и старается подорвать его энергию. В то время как последний вполне готов подвергаться всяким опасностям ради самого себя и ради отечества, Иеремия убеждает его перейти на сторону неприятелей, уверяя, что город будет взят и все при этом погибнут.

5. Между тем сам царь, по своей порядочности и справедливости, лично нисколько не разгневался на пророка, но для того, чтобы именно в такое время своим противодействием планам знати не возбуждать вражды против себя, он предоставил им пророка и позволил распорядиться с ним по их собственному благоусмотрению. Ввиду этого данного им царем разрешения знатнейшие граждане тотчас отправились в темницу и, взяв пророка, бросили его в яму, наполненную грязью, дабы он в ней задохся. Погрузившись в грязь по шею[22], пророк находился в яме. Однако один из главных царских служителей, родом эфиоп, сообщил царю о мучениях пророка и указал при этом на то, что царские приближенные и знатнейшие люди поступили вполне гнусно, погрузив пророка в грязь и придумав для него гораздо более мучительный способ смерти, чем тот, которому он подвергся бы при заключении в темницу. Когда царь узнал об этом, то раскаялся в том, что выдал пророка знати, и приказал эфиопу взять тридцать царских служителей, веревок и всего, что могло быть полезно для спасения пророка, и немедленно извлечь Иеремию из ямы. Эфиоп поступил, как ему было повелено, извлек пророка из грязной ямы и отпустил его без стражи домой.

6. Когда же (затем) царь тайно послал за ним и спросил его (Иеремию), что он мог бы сказать ему от имени Господа Бога и какое предсказание мог бы дать ему в настоящую минуту, Иеремия отвечал, что имеет сообщить царю кое-что, но что тот ведь не поверит ему и не послушается его предостережения. «Какое преступление совершил я, — спросил Иеремия, — что твои друзья решили меня загубить? Где теперь те, которые утверждали, что вавилонянин уже более не пойдет на нас войной, те, которые вас обманывали при этом? Я остерегусь сказать теперь всю правду, дабы ты не присудил меня к смерти».

Когда же царь поклялся ему, что он не загубит его и не выдаст его знати, пророк, полагаясь на это уверение, посоветовал ему передать город вавилонянам. При этом он говорил, что то советует царю его, пророка, устами сам Предвечный, если только царь хочет спастись, избегнуть надвигающейся опасности и не желает сровнять город и храм с землей; если же он не послушается этого, то сам станет виновни-

ком всех указанных бедствий для сограждан и гибели собственного дома.

Услышав это, царь сказал, что он лично вполне желает последовать его увещаниям, которые могут принести ему одну только пользу; но вместе с тем он указывал также на то, что боится, как бы иерусалимские перебежчики к вавилонянам не наклеветали на него царю и как бы он не подвергся со стороны царя наказанию. Однако пророк стал ободрять его, указывая на неосновательность опасений царя относительно этого наказания; напротив, говорил он, ни малейшее бедствие не постигнет ни его самого, ни детей его, ни жен, если он сдастся вавилонянам, да и храм останется в таком случае в целости.

После этих слов царь отпустил Иеремию, запретив ему кому бы то ни было из граждан сообщать то, что было решено между ними, равно как и не говорить о том знатнейшим, если бы те узнали о том, что Иеремия был позван к царю, если бы стали расспрашивать, что он говорил последнему, и если бы захотели узнать об этом какие-нибудь подробности; пусть Иеремия, сказал царь, оттоворится у них тем, будто он просил не сажать его более в темницу и под стражу.

И действительно, пророк так и говорил им, потому что они на самом деле явились к нему и стали расспрашивать его о том, что у него было решено с царем касательно их. На это они получили условленный ответ[23].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Пока все это происходило указанным образом, царь вавилонский очень усердно и ревностно занимался осадой Иерусалима. Он воздвиг огромные башни на валах и с помощью этих башен удалял со стен всех там показывавшихся. Вместе с этим он велел соорудить вокруг города множество насыпей, достигавших одинаковой со стенами высоты. Однако осажденные также упорно и настойчиво выносили осаду: они не поддавались ни голоду, ни моровой язве, но, хотя эти бедствия и страшно донимали их, они все-таки энергично выходили на бой, не смущаясь хитрыми приспособлениями и осадными орудиями противников, но придумывая против каждого нового их приспособления какое-нибудь

другое свое собственное. Таким образом, в течение всей этой борьбы как вавилоняне, так и иерусалимцы выказывали одинаковую быстроту и сообразительность, причем первые применяли все, по их мнению, возможное для взятия города, а вторые возлагали все свое упование на неустанное и соответственное измышление средств, как бы низвести на ничто приспособления своих врагов. Это продолжалось восемнадцать месяцев, пока (осажденные) не пали жертвой голода и метательных снарядов, которыми враги обсыпали их с вершин своих осадных башен.

2. Город пал на одиннадцатый год правления Седекии, на девятый день четвертого месяца. Взяли город те вавилонские военачальники, которым Навуходоносор поручил осаду. Сам он тем временем проживал в городе Реблафе[24]. Если бы кто-либо захотел знать имена тех военачальников, которые взяли и разрушили Иерусалим, то вот они: Ниргелеар, Ареммант, Семегар, Навосар и Ехарампсар. Город был взят около полуночи. Тогда военачальники врагов проникли в храм. Когда об этом узнал царь Седекия, он взял жен и детей своих, а также начальников и приближенных и бежал с ними из города через глубокое ущелье и пустырь. Но об этом некоторые перебежчики сообщили вавилонянам; на рассвете те бросились в погоню за царем, захватили его недалеко от Иерихона и окружили его. Приближенные же и знатнейшие, бежавшие вместе с Седекией, увидя врагов, покинули царя и, думая о своем собственном спасении, рассеялись в разные стороны. И вот когда Седекия был таким образом покинут всеми, враги захватили его и немногих (остававшихся ему верными) друзей с детьми и женами и отправили их всех к царю. Когда Седекия предстал перед Навуходоносором, этот начал упрекать его в нарушении благочестия и называть клятвопреступником, забывшим о своем обещании сохранить страну в его, Навуходоносора, власти. Вместе с тем он упрекал Седекию также в неблагодарности, так как последний от него ведь получил свое царство (которое он, Навуходоносор, отнял у Иоахима и отдал ему); и вот, говорил царь вавилонский, Седекия употребил свою власть против даровавшего ее ему. «Но, — сказал он, — великий Бог, которому ты стал ненавистен по всему своему складу, отдал тебя во власть нам». Сказав это Седекии, Навуходоносор велел немедленно, в присутствии самого Седекии и прочих пленных, пе-

перезать его сыновей и приближенных. Затем, велев выколоть Седекии глаза, он приказал заковать его и отправить в Вавилон.

Итак, Седекию постигло то, что предсказали ему Иеремия и Иезекиил, а именно, что он будет взят в плен, отправлен к царю вавилонскому, будет лично говорить с ним и глаза его узреют глаза царя. Так предсказал Иеремия;[25] Иезекиил же[26] предсказал ему, что он будет ослеплен и, будучи приведен в Вавилон, не увидит его.

3. Все это мы привели потому, что на основании его вполне возможно объяснить тем, которые еще не знают сущности Божества, насколько велик и мудр Всевышний, насколько все Его решения исполняются в положенное время и как Он предсказывает все, что должно случиться. Равным же образом из этого возможно уяснить себе невежество и неверие людей, вследствие чего никто не хотел предвидеть того, что должно было случиться и благодаря чему они без удержу ринулись в свою собственную гибель, как будто им было невозможно избегнуть всех этих испытаний.

4. Таким образом окончили жизнь свою цари из рода Давидова. Их было двадцать один вместе с названным царем (Седекией), и процарствовали они всего пятьсот четырнадцать лет, шесть месяцев и одиннадцать дней. Из этого числа в течение двадцати лет власть находилась в руках первого их царя, Саула, происходившего не из одного с ними рода.

5. Царь же вавилонский отправил своего военачальника Навузардана в Иерусалим для разграбления храма, причем поручил ему единовременно сжечь и царский дворец, сровнять город с землей и переселить всех жителей в Вавилонию. Прибыв в Иерусалим на одиннадцатом году правления Седекии, военачальник предал храм разграблению и похитил священную золотую и серебряную утварь, а также сооруженный Соломоном[27] великий сосуд для омовений, равным образом как и медные колонны и их венцы, золотые столы и светильники. Похитив все это, он зажег храм в новолуние пятого месяца одиннадцатого года царствования Седекии, на восемнадцатом году правления Навуходоносора. Вместе с тем он поджег и царский дворец и разрушил город до основания. Пожар храма произошел спустя четыреста семьдесят лет шесть месяцев и десять дней после его сооружения; от исхода

(израильтян) из Египта успел к тому времени пройти промежуток в тысячу шестьдесят два года, шесть месяцев и десять дней. Между потопом и разрушением храма прошел период в тысячу пятьсот семь лет, шесть месяцев и десять дней, а от рождения Адама до погибели храма прошло четыре тысячи пятьсот тринадцать лет, шесть месяцев и десять дней. Таковы хронологические данные. А о том, что совершилось в течение всего этого времени, мы уже говорили, и притом о каждом событии в отдельности.

Разрушив Иерусалим и переселив народ, полководец вавилонского царя взял в плен первосвященника Сарею и вместе с ним священника Сафонию и тех (трех) начальников, на обязанности которых лежало охранять святилище, а также предводителя тяжеловооруженных, равно как семерых приближенных Седекии, его секретаря и шестьдесят других начальствующих лиц. Всех их, вместе с награбленной утварью, он отправил к царю в сирийский город Реблафу. Тут царь приказал обезглавить первосвященника и начальников, а всех остальных военнопленных и Седекию взял с собой в Вавилон. С ними же он вел в оковах и первосвященника Иосадока, сына первосвященника Сареи, которого, как мы только что указали, царь вавилонский велел убить в сирийском городе Реблафе.

6. Так как мы указали на родословную царей и привели не только их имена, но и время их правления, то я счел необходимым упомянуть здесь также имена первосвященников и привести последовательный список их при царях. Итак, первым при сооруженном Соломоном храме был первосвященник Садок. После него звание это перешло к его сыну Ахиме, а после Ахимы к Азарии, потом к сыну его Ираму, и далее постоянно от отца к сыну в следующем порядке: к Иссе, Аксиофалу, Фидее, Судее, Иуилу, Иофаму, Урии, Нирии, Одее, Саллуму, Елкии, Сарее. Сыном же последнего был приведенный в Вавилон в качестве военнопленного Иосадок.

7. Прибыв в Вавилон, царь стал содержать Седекию, вплоть до его смерти, в плену. Затем он велел похоронить его с царскими почестями. Награбленную в Иерусалиме утварь он принес в жертвенный дар своим собственным богам; народ он расселил в стране вавилонской, а первосвященника освободил из заключения[28].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Взяв еврейский народ в плен, военачальник Навузардан оставил бедных и лиц, добровольно покорившихся (вавилонянам), на месте и поставил старшим над ними некоего Годолию, сына Айкама, человека, происходившего из хорошей семьи, доступного и справедливого. Вместе с тем он поручил им обрабатывать землю и платить царю определенную подать. Пророка Иеремию он взял из темницы и предложил ему отправиться вместе с ним в Вавилон. При этом он сказал ему, что царь приказал ему исполнять все желания его; если бы Иеремия этого не захотел, то он позволил ему указать такое место, где бы Иеремия желал остаться, для того чтобы сообщить об этом царю. Однако пророк не пожелал ни последовать за военачальником, ни поселиться в другом месте, но предпочел прожить остаток дней своих среди развалин родного своего города и печальных руин его. Узнав о таком его желании, военачальник приказал Годолии, которого он оставил (за себя в Иерусалиме), немедленно исполнять все пожелания Иеремии, заботиться о нем и доставлять ему все нужное к существованию; сам же он одарил пророка богатыми подарками и затем отпустил его. Иеремия затем стал жить в городе Масфафе и убедил Навузардана отпустить к нему его ученика Варуха, сына Нира, который происходил из знатного рода и был особенно глубоким знатоком родного языка.

2. Сделав все эти распоряжения, Навузардан направился обратно в Вавилон.

Когда же лица, бежавшие во время осады Иерусалима и рассеявшиеся по стране, узнали, что вавилоняне ушли и оставили горсть людей в области иерусалимской для обработки земли, то стали опять отовсюду собираться и приходить к Годолии в Масфафу. Во главе их стояли: Иоанн, сын Карея, Иезавия, Сарей и, кроме того, еще некоторые другие. Тут находился также некий человек из царского рода, по имени Измаил, человек скверный и плутоватый, который во время осады Иерусалима бежал к амманитскому царю Ваалиму и до сих пор проживал у него.

Итак, когда эти люди явились к нему, Годолия убедил их остаться тут, успокоив их насчет вавилонян и говоря, что,

если только они станут обрабатывать землю, им нечего опасаться вавилонян. Это свое уверение он им скрепил еще клятвой и указал им на себя как на их заступника, на поддержку которого они могут, в случае затруднения, рассчитывать. При этом Годолия посоветовал каждому выбрать по личному усмотрению какой-нибудь город для местожительства, захватить с собой свое имущество, вновь приняться за обработку земли и жить себе спокойно. В то же время он обещал им, пока еще есть возможность, снабдить их хлебом, вином и маслом, чтобы у них была готовая пища на всю зиму. Переговорив с ними таким образом, он отпустил каждого в ту местность, куда кто захотел.

3. Когда среди народностей, населявших Иудею, разнеслась молва о том, что Годолия дружелюбно принял вернувшихся к нему беглецов и дал им землю для жительства и для занятия земледельческим трудом при условии уплаты (известной) подати вавилонскому царю, многие стали стекаться к Годолии и поселились в стране.

Между тем Иоанн и другие предводители, ознакомившись с условиями (нового) быта страны и узнав честность и человеколюбие Годолии, дошли в своей любви к последнему до крайних пределов; так, например, они стали уверять его, будто амманитский царь Ваалим подослал Измаила, чтобы он коварным образом и тайно убил Годолию и затем сам мог бы стать во главе израильтян, тем более что он сам царского происхождения. Кроме того, говорили они, Годолия, наверно, избегнет такого покушения, если позволит им убить Измаила таким образом, чтобы никто об этом не узнал. При этом они высказывали свои опасения в том смысле, что если бы он, Годолия, пал от руки его, то наступила бы окончательная гибель остатка израильской мощи. Но Годолия выразил им свое негодование по поводу того, будто такой коварный замысел, на который указывается ими, может исходить от человека, которого он (Годолия) облагодетельствовал. Совершенно невозможно, говорил он, чтобы человек, который столь продолжительное время, в течение коего он его знает, не навлекал на себя никакого упрека, чтобы именно такой человек оказался настолько гнусным и безбожным по отношению к своему благодетелю, что старался бы умертвить его, тогда как было бы уже большой несправедливостью, если бы

такой человек не оградил его, Годолию, от других злоумышленников. Нет, этого быть не может; но уж если даже это и правда, то, уверял Годолия, он предпочитает умереть от руки этого человека, чем убивать того, который прибег к нему, ища спасения и совершенно отдаваясь во власть ему.

4. Тогда Иоанн и его товарищи, не будучи в состоянии убедить Годолию, удалились. По истечении тридцати дней к Годолии в город Масфафу прибыл Измаил в сопровождении десяти человек, которых Годолия, желая выказать им свое расположение, принял с радостью и для которых он устроил блестящий пир и обильное утощение. Но тут он сам увлекся и выпил лишнее. Когда же Измаил увидел его в состоянии полного, до бесчувствия, опьянения и глубокой дремоты от вина, то вскочил со своими десятью товарищами из-за стола и перерезал Годолию и прочих сотрапезников его, возлежавших с ним за пиром. После этой резни он выбежал (из дворца) и ночью перебил всех находившихся в городе иудеев и солдат, оставленных вавилонянами. На следующий день к Годолии явилось восемьдесят поселян с дарами; никто из них не знал о постигшей Годолию участи.

Когда Измаил увидел их, то пригласил их войти как бы к Годолии, и когда те вошли, то велел запереть двери, перебил земледельцев и бросил трупы их, чтобы избавиться от этого зрелища, в глубокую яму. Из этих восьмидесяти человек спаслись лишь те, которые просили его повременить с казнью, пока они не выдадут ему спрятанных в полях богатств своих, утварь, платье и хлеб. За такое их обещание Измаил пощадил этих людей. Все же население Масфафы с женами и малыми детьми он забрал в плен; в числе пленниц находились и дочери царя Седекии, которых вавилонский полководец Навузардан оставил у Годолии.

Совершив все вышеописанное, Измаил вернулся к аммонитскому царю.

5. Когда Иоанн и его товарищи узнали о деяниях, совершенных Измаилом в Масфафе, они страшно рассердились за убийство Годолии и, собрав каждый своих воинов, двинулись войной против Измаила и настигли его вблизи цистерны в Хевроне. Военнопленные Измаила, увидя Иоанна и прочих предводителей, приободрились, рассчитывая на то, что те прибыли, чтобы поддержать их, и поэтому покинули полонив-

шего их и прибежали к Иоанну. Тогда Измаил бежал с восемью приверженцами к амманитскому царю, а Иоанн, приняв спасенных и избавившихся от Измаила как рабов, так и женщин и детей, прибыл в местность, именующуюся Мандрой[29], и остался там целый день. Тут было решено отправиться прямо в Египет, потому что существовало опасение, что, если они останутся в стране, вавилоняне в гневе за убийство поставленного ими военачальника Годолии могут убить их.

6. Придя к такому решению, Иоанн, сын Карея, и его сотоварищи отправились к пророку Иеремии с предложением попросить у Господа Бога указать им в данном затруднительном их положении, что следует делать; при этом они дали клятвенное обещание исполнить то, что бы им ни сказал Иеремия. Пророк уверил их в своем заступничестве перед Господом Богом, и по истечении десяти дней Всевышний явился ему и велел ему сообщить Иоанну, прочим предводителям и всему народу, что Он, Всевышний, будет охранять их, если они останутся в этой стране, будет заботиться о них и оградит их вполне от вавилонян, которых они (столь) боятся; если же они отправятся в Египет, то Он покинет их и в гневе своем поступит с ними точно таким же образом, как Он — они сами отлично это знают — поступил с их братьями. Когда пророк сообщил Иоанну и народу о предсказании Всевышнего, то они не поверили, чтобы Иеремия повелевал им остаться в стране по решению Предвечного, а подумали, что он в угоду ученику своему Варуху прикрывается именем Господа Бога и лишь для того убеждает их остаться на месте, чтобы они погибли от вавилонян. Таким образом, как народ, так и Иоанн ослушались совета Предвечного, того совета, который Он дал им устами пророка, и отправились в Египет, захватив с собой Иеремию и Варуха.

7. Когда они прибыли туда, Господь Бог указал пророку, что на египтян собирается идти войной царь вавилонский, а также велел ему предсказать народу взятие Египта и то, что (царь вавилонский) одних из них убьет, а других заберет в плен и уведет в Вавилон. Так и случилось. На пятый год после разрушения Иерусалима, а именно на двадцать третьем году правления Навуходоносора, последний пошел походом на Келесирию и, заняв ее, воевал с амманитянами и моавитянами, а затем, подчинив эти народы своей власти, вторгся и

в Египет с целью разгромить его. При этом он умертвил правившего там фараона, поставил на его место другого, а находившихся в стране иудеев вновь захватил в плен и увел в Вавилон. Итак, мы видим, что самостоятельность еврейского народа, таким образом, закончилась после его вторичной переправы через Евфрат: десять колен народа пали при Самарии от вторжения ассирийцев во время царствования Осии, а затем из остальных двух колен то, что оставалось после взятия Иерусалима, было уведено Навуходоносором, царем вавилонским и халдейским.

Когда Салманассар увел израильтян, то он вместо них поселил племя хутеев, которые раньше жили в глубине Персии и Мидии и теперь только стали называться самарянами, приняв название страны, в которую были переселены. Царь же вавилонский, выведя из Палестины два (остальных) колена, не поселил на место их никакого народа, и по этой-то причине вся Иудея, Иерусалим и храм семьдесят лет были в полном запустении. Весь же период от пленения израильтян до гибели двух (последних) колен обнимает сто тридцать лет, шесть месяцев и десять дней[30].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Царь вавилонский Навуходоносор взял самых знатных иудейских юношей и родственников царя Седекии, особенно отличавшихся физической силой и красотой, и отдал их для воспитания (особым) преподавателям. Некоторых из этих юношей он сделал евнухами. Так же он поступил и с юношами других народностей, которые он подчинил и которые были у него в плену. Им он велел отпускать пищу от собственного стола и наставлять их в нравах и обычаях страны, а также в халдейской письменности. Все эти молодые люди были богато одарены мудростью, и царь приказал (еще более) развить ее в них. В числе той молодежи находилось четверо особенно богато одаренных юношей из родичей Седекии; имена их были: Даниил, Анания, Мисаил и Азария. Царь вавилонский приказал переименовать их, а именно Даниила в Валтасара, Ананию в Седраха, Мисаила в Мисаху, а Азарию в Авденаго. Этих юношей, выдававшихся особенной красотой, а также необычайным рвением к изучению наук и муд-

ростью, царь выделил из числа всех прочих, оказывал им особенный почет и необыкновенную любовь.

2. Между тем Даниил и его родственники решили вести аскетический образ жизни, воздерживаться от пищи с царского стола и вообще от всякой убоины; потому Даниил отправился к евнуху Асхану, которому было поручено заботиться о них, и просил его взять и как-нибудь иначе утилизировать доставляемые им с царского стола яства, а им давать лишь стручковые плоды и финики или что-либо иное из растительного мира, ввиду того, что они решились остановиться на этом роде пищи, отказавшись от всякой другой. Асхан выразил полную свою готовность исполнить их желание, но вместе с тем высказал опасение, как бы они не вызвали подозрения в царе своей худобой и переменой внешнего своего облика (потому что, по его мнению, с переменой образа жизни у них обнаружится и перемена в самочувствии и в цвете лица), тем более что они резко будут выделяться среди прочих выхоленных юношей и тем навлекут на него самого опасность наказания. Однако, видя, что Асхан не совсем отрицательно относится к их решению, юноши упросили его попробовать с ними новый режим в течение десяти дней, и если их внешний вид при этом не изменится, то оставит его им как безвредный; если же он заметит, что они похудели и выглядят хуже всех прочих, вернуть их к прежнему образу жизни. При этом оказалось, что Асхан не только не пострадал, доставляя юношам желательную им пищу, но что они даже пополнели и стали выглядеть гораздо лучше прочих молодых людей, так что можно было бы (при сравнении) предположить, будто последние, пользовавшиеся пищей с царского стола, терпят нужду, тогда как товарищи Даниила как будто бы жили в полном довольстве и изобилии всех благ. С тех пор Асхан совершенно безбоязненно оставлял себе все то, что царь по-прежнему ежедневно посылал юношам, а Даниилу с товарищами доставлял вышеуказанное. Благодаря такому режиму последние достигли высокой душевной чистоты, умы их стали еще более восприимчивы к науке, а тела гораздо способнее к работе, ввиду того, что они не притупляли своих способностей и не подавляли их разнообразной изысканной пищей, да и не изнеживались от этой же причины, и потому они вскоре отлично усвоили себе всю

образованность, которой располагали тогда евреи и халдеи. Особенно Даниил, уже прекрасно успевший изучить философию, стал ревностно заниматься толкованием сновидений, и Господь Бог уже являлся ему.

3. Спустя два года после покорения Египта царь Навуходоносор имел необычайное сновидение, значение которого Всевышний сам раскрыл ему во время сна, но которое царь при вставании с ложа совершенно забыл. Тогда Навуходоносор послал за халдеями, магами и предсказателями, сказал им, что видел сон, а также о том, что он уже успел забыть этот сон, и при этом приказал им сообщить ему, какой это был сон и что он означает. Те ответили, что для людей эта задача является невыполнимой, но что, если он им расскажет содержание сновидения, они обещают ему истолковать его. Однако царь угрожал им смертью, если они не расскажут ему самого сновидения. Когда же маги признали невозможным исполнить требование царя, то последний велел всех их умертвить.

Даниил же, узнав, что царь приказал убить всех мудрецов, и поняв, что в числе последних подвергаются опасности как он сам, так и его товарищи, отправился к Ариоху, которому было поручено командование отрядом царских телохранителей, и попросил узнать повод, по которому царь велел перебить всех ученых, халдеев и магов. Когда Даниил узнал историю со сновидением, то, что царь успел забыть свой сон, а также об его гневе на отказ магов рассказать ему об этом сновидении, то упросил Ариоха пойти к царю и выпросить у него отсрочку казни магов в течение хотя бы одной ночи. Дело в том, что Даниил надеялся в течение этой ночи умолить Господа Бога сообщить ему содержание сновидения. Ариох передал царю об этой просьбе Даниила. Царь повелел отложить казнь магов, пока он не убедится в исполнении обещания Даниила.

Тогда юноша удалился со своими товарищами к себе и в течение целой ночи молил Всевышнего спасти магов и халдеев, гибель которых повлечет за собой и их собственную гибель и умерит гнев царя, показав ему, Даниилу, и объяснив сновидение, которое имел царь в предшествовавшую ночь и которое он успел забыть. И вот Господь, сжалившись над людьми, подвергшимися такой опасности, и относясь благо-

склонно к мудрости Даниила, раскрыл последнему сновидение и вместе с тем также истолкование его, дабы царь услышал от Даниила объяснение своего сна. Получив от Всевышнего это откровение, Даниил восстал в великой радости и, сообщив об этом своим братьям, которые было уже совсем отчаялись остаться в живых и думали только о приближающейся смерти, придал им прежнюю бодрость духа и возбудил в них новые надежды на будущее. Возблагодарив затем вместе с ними Господа Бога, сжалившегося над их юностью, он с наступлением дня отправился к Ариоху и просил отвести его к царю, так как он-де желает сообщить последнему сон предшествовавшей ночи.

4. Представ перед царем, Даниил начал с того, что просил Навуходоносора не считать его более мудрым, чем остальных халдеев и магов, если он собирается сообщить ему об его сне, чего не мог сделать ни один из тех. «Такое (мое) преимущество, — продолжал Даниил, — проистекает не из (моей) большей опытности, а также отнюдь не является следствием большей (с моей стороны) работы, чем у них, но только потому, что Предвечный сжалился над нами, когда мы подвергались опасности умереть, и сообщил мне сон и его разгадку вследствие молитвы моей за себя и за моих единоплеменников. При своей молитве я думал не только о нашем собственном горе, постигшем нас, когда ты приговорил всех нас к смерти, но и о твоей собственной славе, так как ты столь несправедливо приказал умертвить мужей, и притом наилучших, за то только, что поручил им задачу, не выполнимую простыми средствами общечеловеческой мудрости, и потребовал от них того, что является исключительно делом одного лишь Божества. Итак, в то время, как ты был погружен в раздумье, кто после тебя будет править всем миром, и когда ты за этим погрузился в сон, Господь Бог послал тебе следующее сновидение, желая представить тебе всех будущих правителей. Тебе казалось, будто ты видишь огромную статую, голова которой сделана из золота, плечи и руки из серебра, желудок и бедра из меди, а колени и ноги из железа. Затем ты узрел, как с горы сорвался камень и навалился на статую, опрокинул ее, разбил и не оставил в целости ни единой части ее, так что золото, серебро, железо и медь стали мельче песка, и их развеял страшный, повсюду внезапно

поднявшийся вихрь, в то время как каменная глыба стала расти, и притом настолько, что вся земля казалась заполненной ею. Вот какое сновидение приснилось тебе; а разгадка его следующая: золотая голова (статуи) означает тебя и двух твоих предшественников на вавилонском престоле, обе же руки и плечи указывают на то, что ваше могущество будет подорвано двумя царями. Власть последних сокрушит некий другой властелин, который придет с запада, облаченный в медное вооружение, а его силу, в свою очередь, сломит четвертый в железе и будет властвовать тут навсегда благодаря самой сущности железа, которое тверже золота, серебра и меди». Равным образом Даниил объяснил царю и значение камня; однако мне нечего сообщать об этом, так как приходится описывать лишь прошлое и уже случившееся, а не раскрывать будущее. Тот же, кто в поисках за истиной не страшится работы и желал бы осведомиться также насчет будущих событий, тот пусть ревностно читает книгу Даниила, которую он найдет в числе прочих священных книг (наших).

5. Когда царь Навуходоносор услышал об этом и признал сновидение правильным, он изумился дарованию Даниила и, пав пред ним ниц (так они, вавилоняне, поклоняются Богу), воздал ему божеские почести и велел принести ему жертвы как божеству. Не ограничившись этим, царь даже дал Даниилу имя своего собственного бога и сделал его вместе с его товарищами управителями всего своего царства. Товарищи же, впрочем, (вскоре) подверглись, вследствие зависти и недоброжелательства (врагов), большой опасности и навлекли на себя немилость царя по следующему поводу: царь соорудил огромную золотую статую в шестьдесят локтей в вышину и шесть в ширину и поставил ее на большой вавилонской равнине. Желая освятить статую, он пригласил на это торжество со всех своих владений знатнейших людей и повелел им при первом трубном сигнале пасть ниц и преклониться перед статуей; тем же, кто бы вздумал ослушаться, он угрожал, что бросит их в огонь раскаленной печи. И вот все при знаке трубы пали ниц и преклонились перед статуей, тогда как товарищи Даниила отказались сделать это, указывая на нежелание свое преступить родные законопостановления. Их немедленно обвинили и тотчас ввергли в огонь; но здесь они

спаслись благодаря заботливости Господней и чудесным образом избегли смерти. Дело в том, что пламя не коснулось их; полагаю, оттого не коснулось, что они без всякой вины были ввергнуты в огонь, который оказался бессильным по отношению к ним, так как Господь Бог настолько укрепил тела их, что они стали нечувствительными к огню. Это обстоятельство доказало царю их правоту и то, что они богоугодны, а потому он после этого оказывал им всегда всякие почести.

6. Немного спустя царю приснилось новое видение, будто он потеряет власть, будет жить с дикими зверями по их образу жизни и, прожив таким образом в пустыне в течение семи лет, вновь вернется к власти. Увидев такой сон, он опять созвал магов и просил у них истолкования этого сновидения. Однако никто из них не мог разгадать и объяснить царю значение этого сна, и тогда один Даниил изложил этот сон, и как он его объяснил и предсказал царю, так и случилось. Дело в том, что царь прожил действительно указанное время в пустыне, причем в течение того семилетнего периода никто не осмелился овладеть верховной властью; и когда царь затем умолил Господа Бога вернуть ему его престол, он возвратился снова на царство. Пусть никто не вздумает упрекать меня в том, что все это я рассказал так, как нашел записанным в наших священных книгах. Ведь я же в самом начале своего сочинения[31] предупредил всех, кто бы вздумал приставать ко мне по поводу излагаемых событий или упрекать меня в чем бы то ни было, что я только на греческом языке пересказываю еврейские книги и буду делать это, не прибавляя от себя к ним ничего, но и ничего не отнимая, сообразно моему обещанию[32].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Царь Навуходоносор умер, процарствовав сорок три года и быв человеком предприимчивым и гораздо более счастливым, чем его предшественники на престоле. О его деяниях упоминает в третьей книге своей халдейской истории и Беросс[33], говоря следующим образом: «Когда отец его Набопалассар узнал, что наместник, назначенный над Египтом, Келесирией и Финикией, отпал от него, старик, не будучи уже более в силах лично переносить трудности похода,

поручил своему сыну Навуходоносору, который был тогда молодым человеком, часть своей рати и выслал его во главе ее против сатрапа. Сойдясь с отступником и сразившись с ним, Навуходоносор разбил его, а все страны вновь вернул под власть своего царства. Около того же времени отец его Набопалассар заболел в городе Вавилоне и умер, процарствовав двадцать один год. Когда вскоре затем Навуходоносор узнал о кончине отца своего, он (немедленно) распорядился относительно Египта и прочей области, поручил нескольким друзьям военнопленных иудеев, финикийцев, сирийцев и египтян и, велев им отправиться с главными военными силами и всей добычей в Вавилонию, сам в сопровождении небольшой свиты поспешил через пустыню в Вавилон. Приняв затем дела, которыми пока (во время его отсутствия) заведовали халдеи, и престол, временно занятый знатнейшим из них, и став, таким образом, единодержавным правителем над царством отца своего, Навуходоносор велел отвести для поселения прибывшим между тем военнопленным местности в самых плодоносных частях Вавилонии, сам же занялся щедрым украшением из военной добычи святилища Ваала и прочих храмов; он также обновил древний город, доказав ему свое расположение тем, что расширил его новыми зданиями, а чтобы врагам, в случае осады, невозможно было отвести русло реки, окружил город двумя цепями стен, по три внутри и по стольку же извне. Одни из этих стен он соорудил из кирпичей и асфальта, а другие из одного кирпича. Укрепив столь подобающим образом город стенами и украсив их богатыми воротами, царь приступил к сооружению нового дворца, находившегося рядом с отцовским дворцом и соединенного с ним; было бы лишним описывать устройство этого нового здания и вообще все его богатое убранство; скажем лишь, что оно было огромно и замечательно и было воздвигнуто в пятнадцать дней. При своем дворце он велел соорудить каменные возвышения, совершенно похожие по виду на горы, обсадил их всевозможными деревьями и устроил так называемый висячий сад, вследствие желания жены его, происходившей из Мидии, иметь такую вещь, к которой она привыкла у себя на родине».

Также упоминает о деяниях Навуходоносора и Мегасфен[34] в четвертой книге своей индийской истории и старает-

ся там доказать, что этот царь мужеством и доблестью своих подвигов превзошел самого Геракла: он-де, говорит историк, подчинил своей власти большую часть Ливии[35] и Иберию[36]. Равным образом упоминает об этом царе и Диокл[37] во второй книге своей персидской истории, а Филострат[38] в своей истории Индии повествует, что этот царь в течение тринадцати лет осаждал Тир, в то время как в Тире царствовал Ифовал.

Таковы сообщения всех историков об этом государе.

2. После смерти Навуходоносора преемником его стал сын его Авилмародах[39], который немедленно освободил от оков иерусалимского царя Иехонию, принял его в число ближайших друзей своих, одарил его богатыми дарами и сделал его заведующим царскими имуществами в Вавилонии. Ведь отец его (Навуходоносор) не сдержал клятвы верности по отношению к Иехонии, который добровольно с женами, детьми и всеми родственниками своими сдался ему ради спасения своего отечества, чтобы город после осады не был разграблен при своем падении, как это мы, однако, выше уже рассказали. Когда же и Авилмародах после восемнадцатилетнего царствования скончался, власть его перешла к его сыну Ниглисару, который умер, быв царем в течение сорока лет. После него царская власть перешла по наследству к его сыну Лавосордаху, но оставалась в его руках всего только семь месяцев, потому что он по истечении этого времени умер, а затем перешла к Валтасару, носившему у вавилонян имя Навоандила[40]. Против последнего пошли войной персидский царь Кир и мидийский — Дарий[41].

И вот в то время, как он подвергся в Вавилоне осаде, с ним приключилось нечто удивительное и совершенно необычайное, пока он в обществе своих наложниц и приближенных возлежал за пиром в огромной зале, специально предназначенной для царских пиршеств. В это время ему вдруг пришло на ум велеть принести из храма те священные сосуды, которые Навуходоносор некогда захватил в иерусалимском храме при разграблении его, а затем, не пользуясь ими, поместил в капище своего собственного божества. Сам Валтасар дошел при этом до такой дерзости, что употребил сосуды в дело во время своего пиршества, и вот, пока он пил из этих сосудов и хулил Предвечного, он вдруг увидел, как из

стены показалась рука и начертала на стене несколько неизвестных слов. Испугавшись этого видения, царь велел призвать магов и халдеев и всех тех вавилонян, кто умел объяснять чудесные явления и сны, дабы эти люди прочитали ему написанное (на стене). Но когда маги заявили, что не могут найти разгадку и понять написанное, то царь впал в сильнейшее расстройство и отчаяние по поводу этого необычайного явления и велел объявить по всей стране, что обещает отдать лицу, которое смогло бы прочесть письмена и сообщить ему скрытый в них смысл, кованую золотую нашейную цепь, пурпуровую одежду, какую носят халдейские цари, и третью часть своего царства.

После этого объявления собралось еще больше магов, которые хотя и выбивались из сил над разбором смысла загадочных письмен, однако все-таки нисколько не преуспели в этом. Видя отчаяние царя по этому поводу, мать старалась утешить его; при этом она сказала, что (при дворе) имеется один военнопленный из Иудеи, родом оттуда же, которого привели сюда после разрушения Иерусалима Навуходоносором; имя его — Даниил, он человек мудрый и отлично умеет раскрывать все загадочное и известное одному Господу Богу; этот Даниил вполне ясно разрешил царю Навуходоносору значение волновавшего его вопроса в то время, как никто не сумел объяснить ему его просьбы. Поэтому царица советовала сыну послать за этим человеком, спросить его мнения о данных письменах, объяснить ему неуменье прочих разгадать их и узнать, не знаменуют ли эти посланные Господом Богом письмена какого-либо несчастья.

3. Услыхав это, Валтасар приказал позвать Даниила и, переговорив с ним, чтобы ознакомиться с ним и его ученостью, а также сказав ему, что в нем, Данииле, жив дух Божий и что он один только умеет разгадать то, что недоступно всем прочим, просил его разобрать письмена и объяснить смысл их. За это он обещал Даниилу дать право ношения пурпуровой одежды и золотой цепи на шее, отдать ему треть своей царской власти и возвести его в награду за его мудрость в такой почет, что он обратит на себя внимание решительно всех и все станут спрашивать о причине такого его благополучия. Однако Даниил просил царя оставить при себе все указанные подарки, так как божественная мудрость не продажна и до-

стается нуждающимся в ней даром, и обещал объяснить ему загадочные письмена. Последние, сказал он, означают наступление конца его жизни, так как он не научился благочестию и нисколько не думает о том, что выше одного человеческого благополучия, несмотря на то, что отец его был жестоко наказан за свое презрительное отношение к Господу Богу. Невзирая на то, что Навуходоносор за свои безбожные деяния был удален в общество диких зверей и лишь путем многих молений и просьб смягчил гнев Предвечного и мог снова вернуться к жизни среди людей и на свое царство и за это до скончания дней своих восхвалял Всевышнего, у которого вся власть и который заботится о людях, он сам, Валтасар, совершенно забыл обо всем этом и, помимо всех прочих богохульств, осквернил божественные сосуды, употребив их во время пира со своими наложницами. И вот за это-то Господь Бог и разгневался на него и путем надписи указывает ему, каким образом ему придется окончить жизнь свою. А смысл тех письмен таков: «*Мане* — это на эллинском языке[42] означает *число*, т. е. время жизни твоей и владычествования исчислил Господь Бог и тебе остается еще немного времени жить; *текел* — это означает *вес*, то есть по отношению к тебе Предвечный взвесил время твоего царствования и объявляет тебе, что оно идет уже к концу; *фарес* — это на эллинском языке значит *раздел*. Другими словами, Предвечный разделит твое царство и распределит его между мидянами и персами».

4. Когда Даниил сообщил царю смысл письмен на стене, Валтасара, как это и вполне естественно при таких грустных данных, обуяли печаль и отчаяние. Однако несмотря на то, что Даниил дал ему столь дурное предсказание, царь не только не удержал ничего из обещанной ему награды, но отдал ему все дары, совершенно правильно рассудив, что угрозы его царству являются результатом неизбежного предопределения, а не виной пророка, и считая, что самая возможность давать такие объяснения, хотя бы для него лично и роковые, является следствием добродетели и справедливости Даниила.

Таково было объяснение Даниила, а немного времени спустя сам Валтасар и его город пали во время похода на него персидского царя Кира. Именно при Валтасаре, процарствовавшем семнадцать лет, совершилось взятие Вавилона. Та-

ким образом, как мы рассказали, и прекратился род потомков царя Навуходоносора. Вместе с Киром участвовал при сокрушении вавилонского владычества также его родственник Дарий, которому шел уже шестьдесят второй год, когда был взят Вавилон; он был сыном Астиага и известен у греков под другим именем[43]. Этот-то и увел пророка Даниила с собой в Мидию и держал его при себе, воздавая ему всевозможные почести. Дело в том, что Даниил стал одним из тех трех главных сатрапов, которых Дарий назначил над своими шестьюдесятью тремя наместничествами, учрежденными им.

5. Итак, пока Даниил занимал столь почетную должность и пользовался особенным расположением Дария, да и всем народом признавался за единственного человека, носившего в себе дух Божий, он тем не менее успел возбудить и зависть против себя; ведь всегда люди относятся друг к другу недоброжелательно, если видят, что кто-либо из их среды снискал себе в глазах правителей большее, чем они сами, благоволение. Но сколько они ни старались найти случай, по которому они могли бы наклеветать на любимца Дария, он не подавал им никакого к тому повода. Будучи выше денег и относясь враждебно к какому бы то ни было подкупу, да и считая крайне постыдным брать какое бы то ни было вознаграждение, даже и законное, Даниил не давал своим ревностным недоброжелателям ни малейшей возможности подкопаться под него. И вот, когда последние не смогли найти решительно никакого повода обвинить его перед царем, дабы такой гнусной клеветой лишить его расположения Дария, они выискали другой способ избавиться от него. Видя, что Даниил трижды в день молится Предвечному, они решили употребить это обстоятельство, чтобы загубить его, и потому, придя к Дарию, заявили ему, что его сатрапы и военачальники решили в течение тридцатидневного срока дать покой народу, чтобы никто не мог в продолжение этого времени обращаться с просьбами ни к нему, Дарию, ни к богам, и чтобы всякий, кто вздумал бы нарушить это постановление, был брошен в яму и там погиб.

6. Царь, не поняв их злого умысла и не подозревая, что все это направлено против Даниила, выразил свое согласие на их решение и, обещав им утвердить это постановление, выработ-

тал форму, в которой можно было бы объявить народу о решении сатрапов. И вот в то время, как решительно все опасались преступить изданное постановление, Даниилу не приходила в голову даже и мысль о том, чтобы последовать общему примеру, но он по-прежнему, по своей привычке, на глазах у всех молился Предвечному. Тогда сатрапы, видя, что их уловка, предпринятая ими против Даниила, вполне удалась, немедленно явились к царю и обвинили Даниила как единственного, который преступает предписания (в то время как никто другой не дерзает молиться богам) и делает-де все это вовсе не из благочестия, но потому, что он чувствует себя безопасным и совершенно независимым в глазах своих завистников. Но так как они предполагали, что Дарий, вследствие своего чрезмерного расположения к Даниилу, охотно простит ему даже нарушение его собственных постановлений, а именно этого-то они желали избегнуть и в этом-то пункте и добирались до Даниила, то они не стали и говорить о помиловании, но потребовали, чтобы, сообразно закону, Даниил был брошен в яму со львами. Тогда Дарий, надеясь на то, что Даниила поддержит Предвечный и что он не потерпит вреда от диких зверей, стал уговаривать (своего любимца) храбро встретить опасность. Когда Даниил был спущен в яму, то царь, собственноручно запечатав камень, лежавший над отверстием ямы, удалился к себе, но, крайне беспокоясь за Даниила, не ел в тот день уже более ничего и провел всю ночь без сна. С наступлением дня он поднялся с ложа и отправился к яме. Найдя печать, которую он оставил на камне целой, он открыл отверстие и громко позвал Даниила по имени, желая узнать, не спасся ли он. Когда последний отвечал царю, что с ним не произошло никакого несчастья, Дарий велел извлечь его из ямы с дикими зверями. И хотя недоброжелатели Даниила увидели его целым и невредимым, они решили, что он спасся не благодаря Предвечному и Его попечению о нем, но потому, что львы, заранее насытившись пищей, не были голодны и потому не тронули Даниила. Все это они стали высказывать царю. Последний же, разгневавшись на их испорченность, приказал бросить львам сперва множество мяса, а затем, когда львы насытились, также и врагов Даниила спустить в яму, чтобы узнать, действительно ли львы не тронули его вследствие своего пресыщения. И вот

тут-то, когда сатрапы были брошены на съедение львам, Дарий мог воочию убедиться, что именно Всевышний спас Даниила: львы не пощадили ни одного из сатрапов, но разорвали их всех, как будто бы были еще голодны и нуждались в пище. Я же полагаю, что они рассвирепели не от голода, так как они незадолго перед тем вдоволь поели мяса, но от людской испорченности, которую, по определению Предвечного, поняли, в наказание людям, даже неразумные животные.

7. Когда таким образом погибли злоумышленники Даниила, то царь Дарий разослал по всей стране приглашение воздать славу тому Богу, которому поклоняется Даниил; при этом царь признавал этого Бога единственно истинным и всемогущим. Даниила он осыпал неописуемыми почестями, сделав его самым близким к себе человеком. Пользуясь таким почетом и столь блестящим положением за общераспространенную славу о своей близости к Предвечному, Даниил соорудил в мидийской столице Экбатанахе дворец, здание дивное и необычайно искусное, которое сохранилось в целости по сей день, производит на зрителей ошеломляющее впечатление и кажется каждому отстроенным как раз в самый тот день, когда его видишь, настолько жива и поразительна его красота, не поддающаяся столь продолжительному периоду времени. Ведь обыкновенно людские сооружения испытывают ту же самую судьбу, что и люди, причем они с годами теряют свою прочность, портятся и лишаются своей блестящей внешности. В этом дворце по сей день хоронят мидийских, персидских и парфянских царей и заведование этим зданием поручено иудейскому священнику; так это осталось до нашего времени. Впрочем, в жизни этого человека (Даниила) можно отметить еще целый ряд удивительных и необычайных случаев, о которых я расскажу. Все, что бы с ним ни случалось, было необыкновенно, как и подобает одному из величайших пророков, и, таким образом, он не только при жизни своей удостоился всякого почета от царей и народа, но снискал себе и после смерти вечную славу. Оставленные им после себя сочинения еще и по сей день читаются у нас, и мы приходим на основании их к твердой уверенности, что Даниил был близок к Предвечному. Дело в том, что он не только постоянно предсказывал, подобно всем прочим пророкам, будущее, но и в точности определял время исполнения сво-

их предсказаний; но в то время, как другие пророки предсказывали (всегда) худшее и вследствие этого навлекали на себя неудовольствие правителей и народа, Даниил был для них предвещателем добра, так что хорошие предсказания его привлекали к нему всеобщие симпатии; а так как в конце концов предвещания его всегда сбывались, то он вместе с тем снискал себе в глазах простонародья и славу божественности. Он оставил нам записи, по которым мы можем в точности и вполне определенной форме ознакомиться с его предвещаниями.

Так, например, он рассказывает, как однажды в бытность свою в персидской столице Сузах он вышел со своими товарищами на равнину и как вдруг затряслась и заколебалась почва у них под ногами, как он остался один в поле, потому что друзья его бежали, и как он в ужасе упал на землю с распростертыми руками. Вдруг кто-то прикоснулся к нему и тотчас велел встать и узреть то, что должно было спустя много поколений постигнуть его сограждан. И вот когда он поднялся с земли, то увидел огромного овна с массой рогов, и один из этих рогов был гораздо выше других. Затем ему было повелено взглянуть на запад, и там он увидел козла, несшегося оттуда на овна, ударившего его дважды рогами, низвергшего его на землю и начавшего топтать его ногами. Затем он увидел, как изо лба козла вырос огромнейший рог, который раскололся на части и образовал четыре других рога, направленных к четырем странам света.

Из этих рогов, писал далее Даниил, выделился новый, поменьше, который, как сказал пророку Всевышний, показавший ему все это видение, должен был вырасти, пойти войной на его народ, силой взять его город, разрушить храм и остановить принесение жертв в течение тысячи двухсот девяноста шести дней. Это, по словам Даниила, узрел он на равнине близ Суз, а Господь Бог дал ему следующее объяснение указанного видения: овн изображает собой царства персидское и мидийское, рога — будущих царей, крайний рог означает последнего царя, который среди всех прочих отличится богатством и славой. Козел показывает, что из греков выйдет некий правитель, который дважды сразится с персами, победит их и захватит в свои руки всю власть. Под большим рогом на лбу козла следует понимать этого перво-

го царя, а распадение рога на четыре новых, направленных к четырем странам света, знаменует собой деление царства между четырьмя преемниками после смерти первого царя, причем эти преемники будут властвовать над всей землей в течение многих лет, не будучи притом ни сыновьями, ни родственниками своего предшественника.

И вот (наконец) из среды их восстанет некий царь, который покорит себе народ войной, уничтожит его законы и его государственное устройство, разрушит храм и на три года приостановит (все) жертвоприношения.

Все это действительно пришлось испытать нашему народу при Антиохе Эпифане, как то предвидел и письменно предвещал Даниил за много лет вперед.

Точно таким же образом Даниил предсказал и владычество римлян, а также то, что ими будет взят Иерусалим и опустошен храм. Все эти предсказания, полученные им от Господа Бога, он записал и оставил нам, дабы читатели и свидетели событий могли преклониться перед тем, в какой чести был Даниил у Всевышнего, и дабы доказать таким образом заблуждения эпикурейцев, отвергающих предопределение в жизни и уверяющих, будто Господь не заботится о делах мирских, будто Вселенная не управляется верховным и стоящим выше всех превратностей Существом, и говорящих, что Вселенная развивается сама собой, без определенного плана, самостоятельно, без руководителя и направителя. Но кто, таким образом, без указателя стал бы жить, тому пришлось бы разбиться о непредвиденное препятствие и погибнуть навсегда, подобно тому как мы видим, что и корабли, лишенные кормчих, погибают от силы ветров, или как наблюдаем, что колесницы без возниц сбиваются с пути.

Итак, на основании того, что предсказано Даниилом, люди, которые совершенно отвергают промысл Божий в делах человеческих, кажется мне, сильно ошибаются и далеки от истины, ибо если бы все во Вселенной случалось по какому-то слепому случаю, то мы не могли бы убедиться, что все произошло совершенно так, как было предсказано Даниилом.

Я, впрочем, записал все это так, как я нашел в книгах и как прочитал там; если же кто-нибудь имеет на этот счет иное мнение, то иметь таковое ему не возбраняется[44].

Книга одиннадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как персидский царь Кир отпустил евреев из Вавилона на родину, позволив им заняться постройкой храма и велев отпустить им нужные для того средства.

2. Как царские чиновники воспрепятствовали евреям окончить сооружение святилища и мешали работам.

3. Как после смерти Кира вступивший на престол сын его Камбиз совершенно запретил евреям строить храм.

4. О том, как Дарий Гистасп, став царем персидским, гуманно относился к народу еврейскому и велел отстроить храм.

5. О том, как после него сын его Ксеркс был расположен к иудеям.

6. О том, как в правление Артаксеркса еврейский народ чуть не погиб от коварства Амана.

7. О притеснениях евреев Вагосом, военачальником Артаксеркса-младшего.

8. О том, какие благодеяния оказал евреям македонский царь Александр после того, как завоевал Иудею.

Содержание книги обнимает период в двести пятьдесят три года и пять месяцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. В первый год правления Кира[1] (т. е. в семидесятый со дня выселения нашего народа из родины в Вавилон) Господь Бог сжалился над пленом и страданием тех несчастных, сообразно тому, как Он накануне разрушения города (Иерусалима) предсказал им через Иеремию-пророка[2], а именно — что после семидесятилетнего рабства Навуходоносору и его потомкам Он вернет их назад на родину, а они отстроят храм и будут наслаждаться прежним благополучием. И вот Господь теперь даровал им все это, внушив Киру написать и разослать по всей Азии следующее воззвание: «Так говорит царь Кир: после того как всемогущий Бог даровал мне царствование над всей землей, я убедился, что Он то же самое

Божество, которому поклоняется народ израильтян. Он устами пророков предвещал имя мое и объявил, что я отстрою храм Его в Иерусалиме и стране Иудейской».

2. Это Кир узнал при чтении книги, в которой за двести десять лет до этого пророк Исаия оставил свои предвещания. Последний тайно сообщает, что Предвечный сказал: «Сделав Кира царем над многими великими народами, Я желаю, чтобы он вернул народ Мой на его родину и построил Мой храм»[3]. Это предсказал Исаия за сто сорок лет до уничтожения храма. И вот, когда Кир прочитал это, то преклонился перед Божеством, и необычайное рвение и усердие обуяли его к исполнению предначертанного. Созвав поэтому наиболее выдающихся из вавилонских иудеев, он сообщил им о своем разрешении отправиться им на родину и восстановить там город Иерусалим и храм Господа Бога. К этому царь присовокупил, что помощником в том деле будет им сам Предвечный, он же лично напишет своим начальникам и сатрапам пограничных (с Иудеей) областей, чтобы они доставили евреям необходимое для постройки храма золото и серебро, а также материал для жертвоприношений.

3. После того как Кир возвестил это израильтянам, начальники колен Иудова и Веньяминова, равно как левиты и священнослужители, собрались в Иерусалим. При этом многие, не желая бросить свое имущество, остались в Вавилоне. А когда (уехавшие) прибыли (на родину), то все друзья царя стали оказывать им поддержку и доставлять для сооружения храма одни золото, другие серебро, третьи стада скота и лошадей. Тогда прибывшие возблагодарили Господа Бога и принесли издревле установленные жертвоприношения, так как город теперь должен был вновь возникнуть и снова должны были ожить прежние формы культа и богопочитания. Вместе с тем Кир прислал им обратно храмовые сосуды, которые некогда увез с собой Навуходоносор в Вавилон после разгрома храма. Утварь эту царь поручил своему казначею Митридату для доставления (в Иудею), причем поручил ему отдать ее на сохранение Авассару до тех пор, пока не окончится постройка храма, дабы он затем, по окончании сооружения, передал ее священнослужителям и начальникам народа для постановки в храм. Вместе с тем Кир

отправил к сирийским сатрапам письмо следующего содержания:

«Царь Кир шлет привет Сисину и Саравасану. Я позволил тем из живущих в стране моей иудеям, которые того пожелали, вернуться на родину и вновь отстроить город и соорудить в Иерусалиме храм Божий на том же самом месте, на котором он был раньше. Вместе с тем я отправил (с ними) моего казначея Митридата и начальника над иудеями Зоровавеля, дабы они заложили фундамент храма и соорудили всю постройку, вышиной в 60 локтей и столько же в ширину, сделав три части здания из отесанных камней и одно отделение из дерева[4], равным образом как и жертвенник, на котором они приносили бы жертвы Господу Богу. Расход на сей предмет я желаю принять на свой счет. Сосуды же, которые (некогда) похитил из храма царь Навуходоносор, я им послал, передав их казначею Митридату и начальнику над иудеями Зоровавелю, дабы они перевезли их в Иерусалим и поместили в храме Господнем. Число же сосудов этих следующее: чаш пятьдесят золотых и пятьсот серебряных, кубков золотых сорок, а серебряных пятьсот, пятьдесят золотых и пятьсот серебряных кадок, тридцать золотых и триста серебряных чаш для возлияний, тридцать золотых и две тысячи четыреста серебряных фиалов и еще тысяча других больших сосудов[5]. Позволяю иудеям вернуться к прежним почитаемым ими обычаям своих предков; пусть они получат на обзаведение скотом, вином и маслом двести пятьдесят тысяч пятьсот драхм и пшеничной муки двадцать тысяч пятьсот артабов[6]. Все эти расходы я повелеваю отнести на счет податей с Самарии. Из этого иерусалимские священнослужители принесут жертвы сообразно законоположениям Моисеевым и при этом будут молить Предвечного о спасении царя и его рода, дабы царство персидское пребывало нерушимым. Всех же, кто ослушается этого повеления или станет противодействовать ему, я повелю распять, а имущество конфисковать в пользу царской казны».

Таково было содержание (царского) письма; число же вернувшихся в Иерусалим из плена было сорок две тысячи триста шестьдесят[7] человек[8].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Пока (иудеи) клали фундамент храма и особенно усердно занимались постройкой последнего, соседние племена, преимущественно же хутейцы[9], которых царь ассирийский Салманассар вывел из Персии и Мидии и поселил в Самарии, когда покорил себе народ израильский, стали просить сатрапов и прочих (царских) уполномоченных воспрепятствовать иудеям в восстановлении города и постройке храма. Уполномоченные, будучи подкуплены хутейцами, в угоду последним стали относиться нерадиво и беспечно к сооружению евреями построек. Между тем Киру было некогда думать об этом ввиду того, что он был занят войной; во время же своего похода на массагетов он умер[10]. Когда же на царский престол вступил Камбиз, сын Кира, то жители Сирии, Финикии, Аманитиды, Моавитиды и Самарии отправили Камбизу письмо следующего содержания: «Владыка! Рабы твои, Рафим-историограф, Семелий-книжник и члены сирийского и финикийского суда (шлют тебе привет). Знай, царь, что (некогда) уведенные в Вавилон иудеи прибыли теперь в нашу страну, отстраивают свой отступнический гнусный город с его площадями, сооружают стены и вновь восстанавливают храм. Будь, однако, уверен, что, если они закончат эти постройки, они не станут ни платить податей, ни пожелают повиноваться, но восстанут на царей и предпочтут сами властвовать, чем повиноваться. А так как они очень энергично и усердно принялись за отстройку своего храма, то мы, о царь, решили написать тебе и не упустить случая напомнить тебе, чтобы ты (сам) пересмотрел летописи своих предков. Тут ты найдешь указания на то, что иудеи с их городом изменники и враги (персидских) царей и что по этой именно причине город их теперь разрушен. Вместе с тем мы сочли нужным обратить твое внимание еще на один, несомненно, тебе также неизвестный предмет, а именно — что, когда город таким образом будет вновь отстроен и повсюду окружен стенами, тебе будет отрезан доступ в Келесирию и Финикию».

2. Когда Камбиз прочитал это письмо, то, будучи человеком подлого характера, весь проникся указанным наветом и написал следующий ответ:

«Царь Камбиз — историку Рафиму, Велсему, книжнику

Семелию и всем остальным своим подчиненным, живущим в Самарии и Финикии, сообщает следующее: прочитав присланное мне вами письмо, я повелел справиться в летописях моих предков и узнал, что (указанный вами) город искони был враждебен (персидским) царям и что жители его (постоянно) были заняты возмущениями и войнами. Вместе с тем мы узнали, что цари их (иудеев) были могущественны и деспотичны и налагали дань на Келесирию и Финикию. Поэтому я распорядился не разрешать иудеям вновь отстраивать их город, дабы еще более не возросла их постоянно проявлявшаяся по отношению к царям (персидским) ненависть».

По прочтении этого письма Рафим, книжник Семелий и их подчиненные немедленно сели на коней и поспешили в Иерусалим, собрали там большую толпу народа и объявили иудеям запрещение отстраивать город и храм. Таким образом, эти сооружения приостановились вплоть до второго года правления персидского царя Дария, т. е. в течение целых девяти лет. Процарствовав шесть лет и подчинив себе тем временем Египет, Камбиз по возвращении своем умер в Дамаске[11].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. После избиения магов[12], овладевших после смерти Камбиза правлением над персами и державших власть в своих руках в течение года, так называемые семь персидских домов[13] выбрали царем Дария Гистаспа. Еще в бытность свою частным человеком, Дарий дал обет Богу, что если он станет царем, то пошлет в иерусалимский храм все священные сосуды Предвечного, которые еще находились в Вавилоне. Как раз в это время прибыл к Дарию из Иерусалима Зоровавель, который некогда был назначен начальником над пленными иудеями. Дело в том, что Зоровавель издавна был связан дружбой с царем, и благодаря этой дружбе он теперь вместе с двумя другими лицами удостоился чести, которой раньше добивался, а именно стал телохранителем царя[14].

2. В первый же год своего правления Дарий устроил блестящий и крайне торжественный прием всем своим приближенным, своим сородичам, начальникам мидийским,

персидским сатрапам, всем наместникам стран от Индии до Эфиопии и управляющим ста двадцати семи сатрапий. Когда все напились до пресыщения и каждый направился к себе домой для отдыха и сна, царь Дарий также отправился спать, но, немного подремав, уже более не мог заснуть; проснувшись и потеряв надежду на дальнейший сон, он вступил в разговор со своими тремя телохранителями. Тут он обещал того из них, который даст ему на его вопросы наиболее правдивые и откровенные ответы, наградить следующим образом: разрешить ему носить багряницу, пить из золотых чаш, спать на золотом вытканном ложе, подарить ему золотом украшенную колесницу, чалму из виссона и золотую цепь на шею, а также посадить его на почетное место рядом с собой. «Кроме того, — сказал царь, — он получит титул моего родственника».

Обещав им указанные награды, царь спросил первого, что самое могущественное (на свете) — не вино ли, второго — не цари ли, третьего — не женщины ли, или не сильнее ли всего этого истина? Предложив им разрешить эту задачу, он снова заснул. Наутро же он пригласил (всех) вельмож, сатрапов и топархов Персии и Мидии и, сев на свое обычное председательское место, повелел каждому из своих телохранителей в присутствии всех высказать его мнение по поводу предложенных им вопросов.

3. Тогда первый телохранитель стал следующим образом описывать силу вина: «Господа, — сказал он, — свидетельствуя могущество вина, я могу сказать, что, по моему мнению, оно превосходит в этом смысле все существующее, и притом потому, что оно обманывает и вводит в заблуждение разум пьющих его, равняет царя с сиротой и жалким нищим, побуждает раба к легкому обращению свободнорожденного и уравнивает бедняка с богачом. Вникая в людей, вино изменяет и перерождает их настроения, подавляет печаль людей, впавших в несчастье, дарует забвение неоплатным должникам и вызывает в них убеждение, что они богаче всех прочих, так что они уже и не говорят более о мелочах, но упоминают о талантах и тому подобных приличествующих лишь богачам суммах. Кроме того, оно делает полководцев и царей нечувствительными ни к чему и заставляет их забывать о друзьях и родных. Это же вино вооружает людей против

наиболее преданных им друзей и заставляет их относиться к последним как к совершенно чуждым им лицам. Когда же люди протрезвятся и винные пары покинут их за время ночного сна, то они просыпаются в полном неведении того, что они совершили во время своего опьянения. Основываясь на всем сказанном, я нахожу, что вино могущественнее и властнее всего существующего».

4. Когда первый (телохранитель), прославлявший указанным образом мощь вина, закончил свою речь, за ним стал говорить тот, который взялся отстаивать царское могущество. Последнее он характеризовал как наивысшую и наимогущественнейшую силу среди всех, превосходящей интенсивностью силу физическую и интеллектуальную. Вот каким образом он повел свое рассуждение.

Сказав, что над всем доминируют люди, подчиняющие своей воле землю и пользующиеся по своему усмотрению морем, он продолжал: «А над людьми властвуют цари и распоряжаются ими. Поэтому естественно, что кто владычествует над наиболее сильным и мощным существом (человеком), тот сам недосягаем по силе и могуществу. Постоянно слышишь, как они поручают своим подданным ведение войн и подвергают их опасностям; посылая этих подданных в походы на врагов, они не встречают со стороны этих подданных, именно благодаря своему могуществу, ни малейшего отпора в этом. По их мановению сносятся горы, разрушаются стены и башни. Люди по царскому приказанию идут сами на смерть, равно как убивают других, лишь бы не навлечь на себя подозрения в ослушании царских повелений. После победы эти же люди доставляют своему царю всю военную добычу. Равным образом и не участвующие в походах, но обрабатывающие землю и вспахивающие ее впоследствии, несмотря на свои труды и перенесение всех тягостей работы, после жатвы и сбора плодов, обязаны доставлять царю подати. Что бы царь ни сказал и ни повелел, все это по необходимости немедленно исполняется. Когда же затем он, вдоволь насытившись и преисполнившись удовольствием, засыпает, его охраняют бодрствующие (за него) стражи, как бы скованные страхом; ибо никто не дерзает покинуть спящего и уйти от него ради своих собственных дел, но остается при нем, считая единственной своей обязанностью — охрану царя. Разве

ввиду всего этого царь очевидно не превосходит всех могуществом своим, царь, приказаниям которого повинуется такое множество людей?»

5. Когда смолк и этот оратор, слово перешло к третьему из них, Зоровавелю, и он следующим образом стал объяснять свое мнение насчет (могущества) женщин и истины: «Сильны, конечно, и вино, и царь, которому все повинуются, но могущественнее того и другого женщины. Ведь и царя произвела на свет женщина, равно как и виноградарей, насаждающих лозы, которые дают вино, рождают и вскармливают женщины. Вообще же у нас нет ничего, чего бы мы не привели в связь с женщинами. Они ткут нам наши одежды, все домашние дела наши поручены их заботливости и наблюдению; поэтому-то мы и не можем отдалиться от женщин; даже если нам удается заработать множество золота или серебра или добиться каких-нибудь других драгоценных и достойных стремления вещей, мы готовы при виде красивой женщины бросить все это, глазеть на нее и даже готовы отдать все наше состояние, лишь бы наслаждаться красотой ее и назвать ее своей. Мы покидаем отцов и матерей своих и даже вскормившую нас землю и часто предаем забвению наиболее дорогих друзей своих ради женщин, а иногда отдаем за последних даже жизнь свою. Вот по этому-то вы и можете судить о могуществе женщин. Разве мы не приносим и не отдаем охотно нашим владычицам-женщинам всего того, ради чего мы трудились и, когда нужно было, подвергались бедствиям на суше и на море? Ведь я сам однажды видел этого нашего столь могущественного царя получающим побои от своей наложницы Апамы, дочери фавмасийца Равезака; видел, как он терпеливо сносил, что она сняла с его главы диадему и надела ее на себя; видел, как он радовался ее веселости и был омрачаем ее гневом; видел, как он потакал всем внезапным капризам этой женщины; замечал, как он примирялся с ней путем страшнейших личных своих унижений, видя ее разгневанной».

6. Когда же (при этих словах) сатрапы и военачальники переглянулись между собой, Зоровавель стал говорить об истине. «Итак, — сказал он, — я показал, какова власть женщины. А между тем и они и царь являются все-таки бессильными сравнительно с истиной. Ибо если земля весь-

ма велика, небо высоко, солнце быстроподвижно, то все это движется по воле Господа Бога; Он же справедлив и любит истину, а по этой причине следует и истину считать наиболее могущественным (в мире) началом и притом таким, против которого ничего не может поделать несправедливость. К тому же в то самое время, как все, обладающее известной силой, является смертным и скоропреходящим, истина остается бессмертной и вечной. Она дает нам не красоту, увядающую с течением времени, не изобилие, пропадающее благодаря какой-либо случайности, но дарует нам все принципы справедливости и законности, отделяя и удаляя от них все несправедливое».

7. Зоровавель таким образом закончил речь свою об истине, и, когда толпа собравшихся с восторгом воскликнула, что он говорил лучше всех, так как действительно одна лишь истина обладает несокрушимой и вечной мощью, царь предложил ему просить себе в награду еще чего-нибудь помимо того, что ему уже обещано: ибо, сказал царь, он охотно наградит его за мудрость и за выдающуюся перед всеми другими рассудительность.

«Итак, — продолжал он, — ты будешь восседать рядом со мной и именоваться моим сродником!»

При этих словах царя телохранитель напомнил ему об обете, данном им некогда по поводу вступления на престол, а именно — вновь отстроить Иерусалим, воздвигнуть в нем храм Предвечного и вернуть туда похищенные и привезенные Навуходоносором в Вавилон (священные) сосуды. «В этом и будет заключаться, — сказал он, — та моя просьба, исполнение которой ты мне предложил за выказанную мною мудрость и рассудительность»[15].

8. Царю это понравилось, и он, поднявшись (с трона), обнял Зоровавеля; затем он написал топархам и сатрапам повеление оказывать поддержку Зоровавелю и всем тем, кто захочет вместе с ним отправиться (в Иерусалим) для участия в построении храма. Вместе с тем он поручил своим сирийским и финикийским наместникам распорядиться рубкой кедровых стволов и отправкой их из Ливана в Иерусалим, а также приказал им оказывать Зоровавелю помощь при восстановлении города. При этом царь издал указ, коим даровалась свобода всем пленным иудеям, отправляющим-

ся в Иудею, и запретил своим наместникам и сатрапам взимать с иудеев царскую дань. Вместе с тем он наперед освободил все земли, которые иудеи смогли бы обрабатывать, от каких бы то ни было податей. Кроме того, он повелел идумеянам, самарянам и келесирийцам вернуть иудеям отнятые у них деревни и вдобавок доставить им еще пятьдесят талантов на сооружение храма. Равным образом он разрешил иудеям приносить установленные жертвы, распорядился дать им всю нужную для богослужения обстановку, велел на свои личные средства заготовить нужные для первосвященника и иереев облачения, равно как необходимые левитам для прославления Предвечного музыкальные инструменты. Страже городской и храмовой он велел нарезать земельные участки, а также отпускать им ежегодно определенное денежное содержание и распорядился отправить (в город) священные сосуды. Одним словом, Дарий привел в исполнение все то, что до него Кир желал сделать для возвращения иудеев на родину.

9. Достигнув от царя таких результатов, Зоровавель вышел из дворца и, взглянув на небо, стал благодарить Господа Бога за (дарованную ему) мудрость и за ту победу, которой он, благодаря ей, достиг в отношении Дария; «ибо, — сказал он, — я никогда не добился бы этого, если бы Ты, Господь, не оказал мне поддержки». Возблагодарив таким образом в присутствии всех Предвечного и присоединив к этому молитву, дабы Господь и впредь являл ему свои милости, Зоровавель отправился в путь, прибыл в Вавилон и объявил своим единоплеменникам радостную весть о распоряжениях царя. Еврейское население, узнав об этом, также вознесло благодарственные молитвы Господу Богу за то, что Он вновь вернул им их отчизну, а затем в течение семи дней предавалось полному широкому веселью, празднуя восстановление и возрождение своего отечества. Затем они выбрали из родных колен первых, которые с женами, детьми и скотом должны были вернуться в Иерусалим. Эти, получив от Дария охрану до Иерусалима, отправились в путь с радостью и весельем, с песнями, под звуки флейт и кимвалов. А за ними с торжеством двинулась и остальная масса иудеев.

10. Таким образом все эти люди покинули (Вавилонию), причем из каждого рода двинулось известное число их. Я, од-

нако, не считаю нужным переименовать здесь все отдельные семьи, дабы не отвлекать внимания читателей от связи событий и не затруднять ему возможности следить за рассказом. Общее число выступивших евреев, свыше двенадцатилетнего возраста, было 4 628 000[16] из колен Иудова и Веньяминова и семьдесят четыре левита; кроме того, ушло сорок тысяч семьсот сорок две женщины с детьми. Кроме упомянутых, тут было еще сто двадцать восемь певцов из левитов, сто десять привратников и триста девяносто два служителя. К ним присоединялись еще шестьсот шестьдесят два человека, выдававших себя за евреев, но не бывших в состоянии доказать свое (иудейское) происхождение. Равным образом и из сословия священников пришлось исключить несколько за то, что они взяли себе в жены таких лиц, относительно происхождения которых ни они сами не могли дать нужные указания, равно как таковые не могли быть найдены в родословных таблицах левитов и священников. Таких набралось пятьсот двадцать пять человек. За отправившимися в Иерусалим последовало множество рабов, а именно в количестве 7337 человек; кроме того, тут же было двести сорок пять арфистов и арфисток. Верблюдов было четыреста тридцать пять, а вьючного скота 5525.

Предводителями всей указанной толпы являлись сын Салафиила, Зоровавель, происходивший из колена Иудова и являвшийся одним из потомков Давида, и Иисус, сын первосвященника Иоседека. Кроме них, народом были избраны в качестве руководителей еще Мардохей и Серевей, то есть те, которые пожертвовали (на дело) сто мин золотых и пять тысяч серебряных. И вот таким-то образом священнослужители, левиты и часть всего иудейского народа, сколько его было в Вавилоне, переселились в Иерусалим. Остальные же иудеи вернулись на свое прежнее местожительство[17].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. На седьмой месяц после выселения (иудеев) из Вавилона первосвященник Иисус и руководитель (всего дела) Зоровавель разослали приглашения всем без исключения жителям с просьбой прибыть немедленно и безотлагательно в Иерусалим и соорудили затем жертвенник на том самом

месте, где он некогда был поставлен, дабы принести на нем сообразно законоположениям Моисеевым Господу Богу установленные жертвы[18]. Этим, однако, они отнюдь не снискали себе расположения соседних племен, так как все они относились (к иудеям) неприязненно.

Тем не менее евреи отпраздновали Кущи как раз в положенное на то законодателем время и вновь ввели после этого жертвы всесожжения и так называемые «непрерывные» жертвоприношения[19], субботние и все праздничные жертвы: поставленные с этой целью священнослужители возносили при этом (установленные) молитвы и стали приносить жертвы с новолуния седьмого месяца. Вместе с тем они приступили и к постройке храма, дав каменщикам и строителям значительные суммы денег, равно как отпустив нужные средства на содержание рабочего скота. При этом сидонянам не представляло никакого затруднения сплавлять из Ливана стволы кедров, связав их в плоты и спустившись на последних в гавань Ионы[20]. Так некогда повелел еще Кир; в исполнение же приведено это было лишь теперь, по указу Дария.

2. На второй год после возвращения иудеев в Иерусалим, когда они считали второй месяц, было собрано все необходимое для постройки храма. В новолуние этого второго месяца второго года был заложен фундамент и затем было приступлено к дальнейшей постройке, причем во главе всего дела евреи поставили левитов свыше двадцатилетнего возраста, Иисуса с его сыновьями и братьями, а также Зодмиила, брата Иудова, и сына Аминадава с его сыновьями. Благодаря тому, что все, на кого было возложено это поручение, выказывали необыкновенное рвение и заботливость к делу, постройка храма окончилась гораздо скорее, чем первоначально можно было предполагать.

Когда святилище было готово, то священнослужители, одетые в установленное облачение и с трубами в руках, в сопровождении левитов и сыновей Асафовых стали возносить Господу Богу хвалебные песнопения сообразно тому, как это некогда впервые показал Давид. Между тем те священники, левиты и патриархи различных семей, которые еще помнили прежний огромный и драгоценнейшим образом убранный храм, глядя на ныне отстроенный, столь по бедности своей отличавшийся от прежнего, были очень

удручены при мысли, насколько далеки от них их былое счастье и слава старого храма, и не могли в своей по этому поводу печали воздержаться от жалоб и слез. Народ тем временем радовался настоящему положению вещей и тому обстоятельству, что был, по крайней мере, отстроен хоть какой-нибудь храм; при этом ни одним словом не было упомянуто о прежнем храме, так как народ, по-видимому, не хотел мучиться сравнениями, молча признавая настоящее сооружение менее крупным, чем прежнее. Между тем звук труб и ликования народа заглушались рыданиями старейшин и священников, в глазах которых настоящий храм значительно уступал разрушенному.

3. Когда же самаряне, бывшие во враждебных отношениях с коленами Иудовым и Веньяминовым, услышали звук труб, то сбежались, чтобы узнать о причине такой шумной радости. Узнав, что иудеи, некогда отправленные в Вавилон в качестве военнопленных, теперь вновь сооружают свой храм, они явились к Зоровавелю, Иисусу и начальнику колен с просьбой поручить и им работу при сооружении храма и дать им возможность участвовать в постройке. «Ведь мы не менее тех (иудеев) почитаем Господа Бога, — сказали они, — Его мы почитаем и с тех пор особенно усердно поклоняемся Ему, как царь ассирийский Салманассар привел нас сюда из страны хуфейской и из Мидии»[21]. На эту речь самарян Зоровавель, первосвященник Иисус и начальники колен отвечали, что им принимать участие в постройке (храма) невозможно, ибо именно они (иудеи) получили повеление построить храм, раз еще от Кира, а ныне от Дария, но что они разрешают им молиться в этом храме, буде они того пожелают, в чем единственно и выразится все общение (иудеев) с ними, равно как со всеми прочими людьми, которые вздумали бы прийти в храм на поклонение Предвечному.

4. Услышав это, хуфейцы (так иначе называются самаряне) сильно рассердились, стали уговаривать сирийские племена добиться от сатрапов таким же точно образом, как они то сделали при Кире, а затем и при его преемнике Камбизе, задержки в построении храма и стали сильно интриговать в этом направлении, чтобы затянуть или даже совершенно воспрепятствовать иудеям окончить сооружение храма. Как раз в это время прибыли в Иерусалим эпарх Сирии и

Финикии, Сисин и Саравазан, с некоторыми другими (сановниками). Они спросили начальников над иудеями, кто им позволил таким образом строить храм, что он скорее походит на крепость, чем на святилище, и почему они окружают город столь мощными портиками и стенами. На это Зоровавель и первосвященник Иисус отвечали, что (евреи) слуги Господа Всевышнего и что сей храм, который воздвиг Предвечному счастливейший и добродетельнейший царь их, стоял тут многие годы. «Затем же, — продолжали они, — когда предки наши оскорбили Предвечного, а вавилонский и халдейский царь Навуходоносор взял город силой, разрушил его и, разграбив храм, поджег его, а народ увел в плен в Вавилон, преемник его на вавилонском и персидском престоле, Кир, сделал письменное распоряжение об отстройке храма, причем вручил Зоровавелю и казнохранителю Митридату все похищенные некогда из святилища Навуходоносором жертвенные приношения и сосуды и поручил названным лицам отвезти всю эту утварь назад в Иерусалим и вновь поместить ее в храме, который должен быть сооружен там. Привести все это в исполнение царь повелел как можно скорее, почему и распорядился послать в Иерусалим Авассара с поручением заняться сооружением святилища. Авассар, получив от Кира письменное полномочие, тотчас же приехал и заложил фундамент здания. С того времени, однако, до сих пор это здание, благодаря происках враждебных (иудеям) лиц, остается неоконченным. Итак, если вам благоугодно будет и вы считаете это нужным, отпишите обо всем этом Дарию, чтобы он мог, справившись в царском архиве, убедиться, что мы рассказали сущую правду».

5. Ввиду этого объяснения Зоровавеля и первосвященника Сисин и его товарищи не решились остановить дальнейшую постройку храма, пока об этом не будет донесено царю Дарию, но вместе с тем немедленно отписали последнему обо всем. Иудеи тем временем сильно пали духом, испугавшись, как бы царь не передумал относительно восстановления Иерусалима и храма. Но в то же самое время среди них находилось двое пророков, Аггей и Захария, которые стали ободрять их увериями, что иудеям нечего опасаться никаких новых бедствий со стороны персов и что Господь Бог предвещал им это. Поэтому евреи, полагаясь на пророков,

неуклонно продолжали свои постройки, не теряя в этом деле ни одного дня.

6. Между тем самаряне послали Дарию письменное обвинение иудеев в том, что последние укрепляют город и придают храму вид скорее крепости, чем святилища, причем уверяли царя, что эти начинания (иудеев) не принесут ему пользы; для вящего доказательства они указывали вдобавок на письменные распоряжения Камбиза, путем которых последний приостановил постройку храма. Когда Дарий таким образом был самарянами наведен на мысль, что восстановление Иерусалима может быть небезопасным для его власти, да к тому же прочитал еще тем временем доставленные ему донесения Сисина и его товарищей, он приказал навести справки по всему этому делу в царских архивах. И вот в Экбатанах, в мидийском дворце, была найдена запись следующего содержания:

«В первом году своего царствования царь Кир повелел отстроить иерусалимский храм и воздвигнуть жертвенник, причем здание должно было иметь шестьдесят локтей в вышину и столько же в ширину, три стены из хорошо обтесанных камней, а четвертую деревянную[22]. Расходы на это сооружение царь приказал покрыть из царской казны. Вместе с тем он предписал возвратить иерусалимцам и сосуды, которые некогда похитил Навуходоносор и отвез в Вавилон. Озаботиться приведением всего этого в исполнение было поручено эпарху и начальнику Сирии и Финикии с его подчиненными; вместе с тем им было предписано воздерживаться от активного участия в деле, но способствовать служителям Предвечного, иудеям и их старейшинам, в построении храма. При этом царь распорядился устроить всенародный сбор на задуманное дело и предписал начальникам областей доставить иудеям из доходов подначальных стран нужных для жертвоприношений быков, баранов, овец и козлов, а также муку, масло и вино, равно как все то, что потребуют священнослужители. Евреи же пусть молятся за здравие царя и персидского народа. Кто же вздумал бы ослушаться этих предписаний, того царь приказал схватить и казнить путем пригвождения к кресту, имущество же его отбирать в царскую казну. Кроме того, царь воззвал к Предвечному, прося Его поражать всякого, кто бы решился воспрепятствовать

построению храма, молнией и тем наказывать его за ослушание».

7. Найдя такие данные в архиве Кира, Дарий отписал Сисину и его товарищам следующее: «Царь Дарий посылает привет свой эпарху Сисину, Саравазану и их товарищам. Посылаю вам при сем копию письма, которое я нашел в архиве Кира, и желаю, чтобы все было сделано так, как сказано в том письме. Будьте здоровы». Прочитав это послание и ознакомившись из него со взглядом царя на данное дело, Сисин и его товарищи решили во всем слепо последовать его желаниям. Поэтому они присоединились к старейшинам иудеев и к начальствующим старцам и (вместе с ними) стали руководить священной постройкой. И вот при таком-то большом усердии удалось (наконец) сооружение храма, по пророчеству Аггея и Захарии, сообразно велению Господа Бога и желанию царей Кира и Дария. Все сооружение было закончено в течение семи лет. В девятом году царствования Дария, двадцать третьего числа двенадцатого месяца, носящего у нас название Адара, а у македонян имя Дистра, священники, левиты и вся остальная масса израильского народа принесли в жертву, в честь возобновления прежнего благосостояния после возвращения из плена и в честь нового освящения храма, сто быков, двести баранов, четыреста овец и двенадцать козлов, сообразно числу колен израильских (ибо столько колен) для отпущения грехов. Сообразно законам Моисеевым, священнослужители и левиты поставили привратников при каждом входе в храм. Это было сделано потому, что иудеи вновь соорудили также некогда окружавшие самый храм пристройки с колоннами.

8. Так как был первый месяц, называющийся у македонян Ксанфиком, а по-нашему Нисаном, и наступал праздник опресноков, то весь народ стал стекаться из деревень в город. Затем народ приступил к празднованию, очистившись предварительно по установленному древнему обычаю вместе с женами и детьми и, принеся в четырнадцатый день того же месяца жертву, именуемую пасхальной, предавался в течение семи дней радостному празднованию. При этом не было пощажено ничего для вящего празднества; все приносили Предвечному жертвы всесожжения и заказывали благодарственные моления с жертвоприношениями за то, что Гос-

подь Бог привел их обратно на родину, вернул их к прежним законам и расположил к ним сердце царя персидского. Таким-то образом иудеи, наперерыв друг перед другом стараясь за все эти благодеяния выразить Предвечному свою благодарность обильными жертвоприношениями и усердным Его почитанием, жили в Иерусалиме, введя у себя полуаристократический, полуолигархический строй правления. Дело в том, что во главе их, вплоть до воцарения потомков Асмонея, стояли первосвященники. До своего пленения и удаления (из Палестины) евреи находились под властью царей, начиная с Саула и Давида, в продолжение пятисот двадцати двух лет, шести месяцев и десяти дней. Раньше этих царей ими правили так называемые судьи и правители, и этот род правления сохранялся у них в течение более пятисот лет после смерти Моисея и начальствования Иисуса (Навина)[23].

9. Таково-то было положение иудеев, освободившихся из плена во времена Кира и Дария. Между тем самаряне причинили иудеям много зла, относясь к ним враждебно и отвратительно, полагаясь на свое богатство и опираясь на родство свое с персами, тем более, что они происходили из страны персидской. Так, например, они ни за что не хотели платить из своих податей ничего евреям для их жертвоприношений, несмотря на точный указ царя; при этом они ссылались на то, что у них были солидарные с ними и потворствовавшие им в том эпархи. Напротив, жители Самарии не переставали прилагать все возможные усилия к тому, чтобы либо лично, либо через других вредить сколь возможно более иудеям. Тогда, наконец, иерусалимцы решили отправить к царю Дарию посольство с жалобой на самарян; послами явились Зоровавель и еще четверо других начальников.

Когда царь узнал от послов причину их жалоб и обвинения, взведенные ими на самарян, он отправил посольство домой, снабдив его предварительно письмом на имя эпархов Самарии и тамошнего верховного совета. Содержание же данного письма было следующее:

«Царь Дарий — эпархам самарянским, Тангане, Самваве, Садраку, Вавилону и прочим подчиненным их в Самарии. Иудейские посланцы, Зоровавель, Анания и Мардохей, обвинили вас в том, что вы препятствовали им при построении храма и не доставляли им предписанных мною средств для

совершения жертвоприношений. Поэтому предписываю вам немедленно по прочтении сего письма доставить им из царского казнохранилища по счету доходов из Самарии все необходимое иудеям для жертвоприношений, сообразно требованиям священнослужителей, дабы они не пропускали ни одного дня без жертв и без молитв Предвечному за меня и народ персидский».

Таково было содержание письма.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Тогда умер Дарий, и сын его Ксеркс вступил на престол; последний унаследовал (от отца) его благочестие и уважение к Всевышнему. Ксеркс неусыпно следовал отцу своему в богопочитании и был очень расположен к иудеям.

В это самое время первосвященником был сын Иисуса, Иоаким. В самом Вавилоне тогда жил праведный человек, очень высокопочитаемый народом и бывший его первым священником. То был Ездра, отличный знаток Моисеевых законоположений и личный друг царя Ксеркса. Решив вернуться в Иерусалим и взять туда с собой несколько живших в Вавилоне иудеев, Ездра обратился к царю с просьбой выдать ему на имя сирийских сатрапов письмо для удостоверения своей личности. Царь дал ему на имя сатрапов письмо следующего содержания:

«Царь царей Ксеркс приветствует священнослужителя и знатока божественных законов, Ездру. Считая долгом врожденного мне человеколюбия разрешить возвратиться в Иерусалим тем из еще остающихся в моей столице иудеям, священникам и левитам, которые бы того пожелали, я решил следующее:

Согласно желанию моему и моих советников, пусть всякий желающий (из иудеев) отправляется (в Иерусалим), чтобы там непреклонно управлять Иудеею по законам Предвечного; пусть они возьмут с собой те дары израильскому Богу, которые я и друзья мои дали обет пожертвовать Ему. Равным образом пусть все то серебро и золото, которое было посвящено Господу Богу и еще находится в стране вавилонской, будет доставлено целиком в Иерусалим и употреблено на жертвоприношения Предвечному. Тебе разрешается со

своими братьями сделать из серебра и золота все то, что вам вздумается. Те священные сосуды, которые тебе при сем вручаются, ты поставишь (вновь в храме), но вместе с тем тебе позволено соорудить, кроме того, еще все, на твой взгляд, нужное; ты можешь взять необходимые для того денежные средства из царского казнохранилища. Я также дал сирийским и финикийским казначеям повеление озаботиться снабжением всем необходимым священнослужителя и знатока божественных законов Ездры при всех его начинаниях. А для того чтобы Предвечный не имел никакого повода гневаться на меня или на моих потомков, я требую, чтобы в честь Господа Бога было доставлено все, предписанное законом, вплоть до ста ко́ров пшеницы. Вам же еще раз настоятельно напоминаю освободить от всяких налогов, поборов или поставок священнослужителей, левитов, певчих, привратников, прислужников и писцов храма. Ты же, Ездра, по Божьему указанию, назначь сведущих в законах твоих судей, которые могли бы творить суд по всей Сирии и Финикии и обучить этим законам всех тех, которые их еще не знают, дабы всякий твой единоплеменник, который вздумал бы преступить закон Всевышнего или царский, получил должное возмездие по заслугам, а не мог бы отговариваться неведением. Ибо если он сознательно нарушит законы, то он — дерзкий ослушник и человек, презрительно относящийся к постановлениям. Такие люди да будут наказываемы либо смертной казнью, либо денежным взысканием. Будь здоров».

2. Получив это письмо, Ездра очень обрадовался и тотчас же вознес молитву к Предвечному, приписывая только Ему причину расположения к себе царя и желая поэтому одному Ему быть всецело благодарным. Когда же он прочитал это письмо всем жившим в Вавилоне иудеям, то оставил его у себя, а копию с него разослал ко всем единоплеменникам своим в Мидии. Последние, узнав таким путем о благочестии царя и о его расположении к Ездре, все очень обрадовались, а многие из них, собрав свои пожитки, отправились в Вавилон, желая оттуда перебраться в Иерусалим. Большинство израильтян, однако, осталось на месте. Вот чем и объясняется то обстоятельство, что в пределах Азии и Европы лишь два (иудейских) колена подчинены римлянам, тогда как остальные десять колен до сих пор живут по ту сторону Евфрата,

представляя из себя многотысячную и прямо не поддающуюся точному подсчету массу народа.

К Ездре примкнуло значительное количество священников, левитов, привратников, певчих и прислужников храмовых. Затем Ездра, переведя всех собравшихся к нему бывших пленных на ту сторону Евфрата, установил там для них трехдневный пост, дабы они предварительно помолились Господу Богу о своем спасении и о том, чтобы им не подвергаться в пути никаким бедствиям и опасностям ни от врагов, ни от каких-либо превратностей. Дело в том, что перед своим выступлением Ездра сказал царю, что Господь Бог охранит их, и поэтому отказался просить у царя конной охраны.

И вот, по совершении молитвенных обрядов, евреи двинулись от Евфрата на двенадцатый день первого месяца седьмого года правления Ксеркса и прибыли в Иерусалим на пятый месяц того же года. Тут Ездра немедленно вручил казначеям, принадлежавшим к священническому роду, предназначенные для святилища средства, именно шестьсот пятьдесят талантов серебра, серебряных сосудов на сто талантов, золотых на двадцать и на двенадцать талантов сосудов из такого металла, который дороже золота. Эти средства были подарены царем, его советниками и всеми оставшимися в Вавилоне израильтянами. Передав все это священникам, Ездра повелел принести Господу Богу в виде установленных жертв всесожжения двенадцать волов за здравие всего народа, девяносто баранов, семьдесят две овцы и двенадцать козлов в виде жертв отпущения грехов. Потом он вручил царским чиновникам и эпархам Келесирии и Финикии царское послание. Последние были принуждены исполнить заключавшиеся в письме предписания, выражая при этом полное уважение к народу и снабжая его всем ему необходимым.

3. На это-то и сам Ездра рассчитывал, и сообразно с этим ему (все) и удавалось, так как, по моему мнению, Предвечный удостаивал его исполнением всех его желаний за его добропорядочность и любовь к справедливости.

Спустя немного времени к Ездре явились несколько человек, которые стали обвинять некоторых лиц из простонародья, из священников и из левитов в том, что последние нарушили государственные установления и древние законы,

взяв себе в жены иностранок и осквернив тем самым (весь) священнический род. При этом обвинители просили Ездру оказать поддержку в деле соблюдения законов, дабы Господь Бог вновь не разгневался на весь народ и не вверг его снова в несчастье. Ездра в великом горе разодрал свои одежды, стал рвать себе волосы на голове и бороду и пал ниц на землю, будучи в полном отчаянии, что повод ко всему этому подают первые представители народа; а так как он отлично понимал, что если он потребует от них изгнания жен и родившихся от последних детей, они не послушаются его, то он (в полном отчаянии) оставался на земле. К нему сбежались все благомыслящие, обливаясь слезами и тем выражая свое сочувствие к постигшему его горю. Затем Ездра поднялся с земли, простер руки к небу и воскликнул, что ему совестно глядеть на небо вследствие греховности народа, который совершенно забыл все постигшее предков за их беззакония. Вместе с тем он стал умолять Предвечного, спасшего горсть евреев от постигшей их гибели и от плена, вновь вернувшего их в Иерусалим и на родину и вселившего в сердце царей персидских жалость к ним, простить им и эти их прегрешения и не взыскивать с них, хотя они своими поступками и заслужили смерть; ведь у Господа Бога довольно милости, чтобы не подвергать даже таких людей (заслуженному) наказанию.

4. Так закончил он свою молитву. Все те, которые явились к нему с женами и детьми, обливались слезами. Некий же Ахоний, один из первых граждан иерусалимских, подошел к нему и заявил, что так как они согрешили, живя с чужеземцами, он теперь клянется, что все они изгонят жен и родившихся от них детей, и просил его подвергнуть наказанию тех, кто ослушается закона. Убежденный этими уверениями, Ездра, сообразно совету Ахония, взял клятву от начальников над священниками, левитами и прочими израильтянами в том, что они удалят от себя жен и детей своих. Приняв это клятвенное обещание, он тотчас удалился из храма в помещение[24] Иоанна, сына Елиасина, и пробыл там целый день, с горя вовсе не прикасаясь к пище.

Затем им было издано распоряжение, в силу которого все возвратившиеся из плена приглашались собраться в Иерусалиме, причем все те, которые в течение двух или трех дней не явились бы, исключались из списков народа, а иму-

щество их, по постановлению старейшин, секвестровалось в пользу храма. Ввиду этого (в город) собрались в течение трех дней представители колен Иудова и Веньяминова; так наступил двадцатый день девятого месяца, носящего у евреев название Кислева[25], а у македонян — Апеллея. И вот, когда во дворе храма сел народ вместе со своими старейшинами и, безмолвствуя от волнения, ожидал, что будет, тогда поднялся Ездра и стал обвинять евреев в нарушении закона, потому что они взяли себе жен не из числа единоплеменниц своих. Ныне же, продолжал он, они смогут совершить богоугодное дело, правда, очень тяжелое для них самих, а именно — отослать жен обратно на их родину. Все громко выразили свое согласие сделать это, но прибавили, что сделать это не так легко, потому что народу много, время года зимнее и дело это таково, что его не исполнишь в день или в два. «Однако, — решило собрание, — пусть виновники всех этих передряг и те, кто живет с иностранками, объявятся для получения известной отсрочки и назначат каких угодно старейшин, на обязанности которых будет лежать следить за выполнением обязательства со стороны давших его». Так и было решено поступить. Когда же с новолуния десятого месяца стали разыскивать тех, кто жил с иностранками (эти поиски продолжались до новолуния следующего месяца), то нашлись многие из потомков первосвященника Иисуса, многие священнослужители, левиты и прочие израильтяне, которые, ставя соблюдение законов выше любви к близким людям, немедленно удалили от себя как жен, так и родившихся от них детей, и принесением Господу Богу в жертву баранов постарались вновь снискать Его расположение. Назвать здесь всех их поименно я не считаю необходимым. Искупив таким образом грех относительно вышеупомянутых браков, Ездра сделал новые на этот счет постановления, дабы на будущее время не было повторения старых ошибок[26].

5. Когда на седьмой месяц наступил праздник Кущей и почти весь народ собрался на это празднество, то все взошли в верхний этаж храма вблизи восточных ворот и просили Ездру прочитать им законы Моисеевы. Ездра стал среди народа и начал читать; употребил он на это все время от утра до полудня. Народ же, внимая чтению законов, узнал, чего ему держаться, дабы теперь впредь быть справедливым; при этом

люди очень опечалились, вспомнив все прошлое, и дошли даже до слез при мысли о том, что они не испытали бы никаких прежних своих бедствий, если бы соблюдали закон.

Когда Ездра увидел такое их настроение, то повелел им разойтись и более не плакать, ибо был праздник, в который печаль неуместна и не дозволена. Напротив, он стал побуждать их предаваться радости, соответственным образом как следует отнестись к празднику и соединить с раскаянием и печалью о совершенных прегрешениях также полную готовность остерегаться впадения в подобные прежним ошибки. Ввиду такого увещевания Ездры народ приступил к празднованию и, проведя восемь дней в кущах, вернулся затем с славословием Предвечному домой, чувствуя живую благодарность к Ездре за то, что он исправил все совершенные ими нарушения законов.

Ездра затем умер в преклонном возрасте, снискав себе великое уважение в глазах народа, и был при большом стечении последнего погребен в Иерусалиме. А так как около того же самого времени умер также и первосвященник Иоаким, то преемником последнего стал его сын Елиасив.

6. Один из оставшихся в плену евреев, некий Неемия, виночерпий царя Ксеркса, однажды прогуливался перед воротами персидской столицы Суз и заметил нескольких чужеземцев, которые, видимо, возвращались из дальнего путешествия и разговаривали между собой по-еврейски. Подойдя к ним, Неемия спросил их, откуда они. А когда те ответили, что пришли из Иудеи, то он продолжал дальше расспрашивать их о житье-бытье тамошнего населения и о том, в каком положении находится (теперь) главный город страны, Иерусалим. На это путники отвечали, что дела там вообще плохи, так как стены города сровнены с землей, а окрестные племена сильно обижают иудеев, потому что днем они носятся по стране и предают все разграблению, а ночью позволяют себе такие насилия, что множество сельского населения, да и самих жителей Иерусалима уведено ими в плен, днем же дороги полны трупами. Тогда Неемию обуяло сострадание к бедственному положению своих единоплеменников, он заплакал и, подняв очи к небу, воскликнул: «Доколе, Господи, будешь Ты (безучастно) взирать на страдания нашего народа, который, таким образом, стал добычей и игрушкой всех?»

И вот, пока Неемия находился еще у ворот, погруженный в свои мрачные думы о всем слышанном, к нему пришли с известием, что царь уже собирается сесть за стол. Тогда Неемия поспешил так скоро, как только мог, к царю, чтобы исполнить при нем свои обязанности виночерпия, и даже забыл при этом совершить омовение. Когда после обеда царь развеселился и расположение духа его стало значительно лучше, он взглянул на Неемию и, видя его таким мрачным, спросил его, чем тот так подавлен. Тогда Неемия мысленно обратился к Господу Богу с молитвой явить ему милость и подсказать, что ему следует говорить, и ответил:

«Царь, как мне не казаться таким (мрачным) и как не печалиться мне в душе, когда я слышу, что в Иерусалиме, на родине моей, где находятся могилы и надгробные камни моих предков, стены сровнены с землей? Умоляю тебя, окажи мне милость и разреши мне отправиться туда, дабы восстановить стены и окончить постройку святилища».

Царь согласился оказать ему эту милость и повелел отправить к сатрапам грамоты, чтобы последние оказывали ему всевозможный почет и доставляли ему, по его желанию, все нужное. «А теперь, — сказал он, — прекрати печаловаться и весело продолжай служить мне остальное время своего здесь пребывания». Тогда Неемия возблагодарил Господа Бога и царя за милостивое обещание, и в радости от всего возвещенного ему удрученное и омраченное лицо его опять прояснилось. На следующий же день царь велел позвать Неемию и дал ему к наместнику Сирии, Финикии и Самарии, Адею, письмо, в котором сделал нужные распоряжения относительно почестей, долженствующих быть оказанными Неемии, и касательно доставления последнему всех материалов для постройки.

7. Достигнув Вавилона и приняв там к себе множество единоплеменников, пожелавших добровольно последовать за ним, Неемия прибыл затем в Иерусалим на двадцать пятом году правления Ксеркса. Тут он с Божьей помощью передал свои письма Адею и прочим наместникам, а затем, созвав весь народ в Иерусалим, стал посреди храма и обратился к собравшимся со следующими словами: «Мужи иудейские! Вы знаете, что Господь Бог все еще памятует о праотцах наших, Аврааме, Исааке и Иакове, и вследствие праведности

их не покидает Своей о нас заботливости. Он, несомненно, содействовал мне при получении от царя разрешения на восстановление стены нашей и на окончание постройки храма. Так как вам отлично известно враждебное к нам отношение окрестных племен, которые, при известии об оказанной нам в деле постройки поддержки, восстанут против этой постройки и приложат все усилия, чтобы воспрепятствовать ей, то мне хотелось бы, чтобы вы уповали первым долгом на Предвечного при отражении их нападений; вы также не должны ни днем ни ночью покидать дела своей постройки, но торопиться ею со всем своим усердием, потому что теперь наступил благоприятный для этого момент».

Сказав это, он немедленно повелел старейшинам размерить землю под стены и распределил работу между народом по селам и деревням, соответственно силам каждого. Обещав затем и лично со своими домашними принять участие в этой постройке, он распустил собрание. Потом принялись за дело и (все прочие) иудеи. Это имя свое они стали носить с того дня, как они вышли из Вавилона, взяв его от колена Иудова, которое первое прибыло в ту местность, откуда как народ, так и самая страна получили свое название.

8. Узнав об ускорении постройки стен, аммонитяне, моавитяне, самаряне и все кочевники Келесирии отнеслись к этому крайне несочувственно и не переставали строить иудеям козни, мешая осуществлению их предприятия. При этом они убили множество иудеев и пытались умертвить самого Неемию, наняв с этой целью нескольких чужеземцев. Таким путем они нагнали страх и смятение на иудеев, причем распространили среди последних еще молву о готовящемся будто бы на них совместном походе целого ряда племен. Вследствие этого иудеи на некоторое время оставили свою постройку. Однако все это не ослабило энергии Неемии в предпринятом им деле. Он окружил себя, в видах личной безопасности, отрядом (телохранителей) и неизменно пребывал в своем усердии, не обращая ни малейшего внимания на все эти невзгоды ввиду воодушевления своего к начатому делу. Однако он относился столь внимательно и предупредительно к своей личной безопасности не потому, что боялся смерти, но вследствие глубокого убеждения, что с его смертью граждане уже более не примутся за восстановление

(городских) стен. Поэтому он распорядился, чтобы работавшие были всегда вооружены. Таким образом, всякий каменщик имел при себе меч, равно как и всякий подвозивший бревна. При этом Неемия повелел, чтобы вблизи них были положены щиты, а также расставил на расстоянии пятисот футов друг от друга трубачей с повелением немедленно дать знать народу, если бы показались враги, дабы последним пришлось вступить в бой с людьми вооруженными, а не напали бы на безоружных. Сам он по ночам обходил город, невзирая на свое утомление от трудов, от сурового образа жизни и от недостатка сна; теперь он питался и спал лишь постольку, поскольку это было крайне необходимо. Такие труды нес он в течение целых двух лет и четырех месяцев, ибо в такой промежуток времени была выстроена иерусалимская стена, а именно — закончена она была на девятый месяц двадцать восьмого года царствования Ксеркса. Когда же постройка стены пришла к концу, Неемия и весь народ с ним принесли Предвечному благодарственную жертву и в течение восьми дней предавались веселью.

Когда населявшие Сирию племена услышали, что постройка стен приходит к концу, они очень взволновались. Тогда Неемия, видя, что в городе население слишком незначительно, предложил священнослужителям и левитам покинуть страну и, перебравшись в город, остаться здесь на постоянное жительство, причем построил им жилища на свои собственные средства.

Народу же, занимавшемуся земледелием, он повелел доставлять в Иерусалим десятину от плодов своих, чтобы священники и левиты имели достаточно средств к жизни и не пренебрегали богопочитанием. Народ, в свою очередь, охотно повиновался предписаниям Неемии. Таким образом, и Иерусалим стал населеннее.

Заслужив себе общую любовь еще целым рядом других похвальных мероприятий, Неемия достиг преклонных лет и умер. То был отличного нрава справедливый человек, отличавшийся необыкновенной любовью к своим единоплеменникам и оставивший после себя вечный памятник в виде стен иерусалимских[27].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Все это произошло при царе Ксерксе[28]. Когда же Ксеркс умер, то царство перешло к его сыну Асвиру, которого греки называют Артаксерксом. В его правление над персами весь народ иудейский подвергся опасности погибнуть с женами и детьми. О причине этого мы сейчас расскажем. Дело в том, что сперва мне надлежит сообщить о делах царя, а затем уже о том, как он женился на еврейке из царского рода, которая, по преданию, и спасла наш народ.

Вступив на престол и назначив правителей в свои сто двадцать семь сатрапий от Инда до Эфиопии, Артаксеркс на третьем году своего правления пригласил к себе однажды своих друзей, представителей персидских племен и их начальников и устроил им столь блестящее угощение, какое подобало царю, желавшему выставить напоказ все свое богатство. Это пиршество длилось сто восемьдесят дней. Затем он в течение семи дней увеселял отдельные племена и их посланцев в Сузах. Пир происходил следующим образом.

Велев соорудить шатер на золотых и серебряных столбах, царь распорядился покрыть его льняными пурпуровыми тканями. Шатер был таких размеров, что в нем могло расположиться много тысяч человек. Гости пользовались золотыми чарками, усыпанными драгоценными камнями, и из них было так же приятно пить, как и приятно смотреть на них. Вместе с тем он запретил служителям беспрерывно подносить гостям вино и тем самым принуждать их пить, как то обыкновенно принято у персов, но предоставил каждому из возлежащих за пиром свободный, по его вкусу, выбор. Вместе с тем царь разослал по всей стране распоряжение прекратить все работы и в течение целого ряда дней праздновать его вступление на царство.

Равным образом и царица Васти, в свою очередь, устроила во дворце пиршество для женщин. Вдрут царь, желая показать царицу гостям своим и доказать, что она превосходит красой своей всех женщин, послал за ней и приказал ей явиться к нему на пир. Царица же, соблюдая персидские законы, в силу которых женщинам не дозволено показываться посторонним, не пошла к царю, и несмотря на то, что последний несколько раз посылал за ней евнухов, тем не менее

упорно отказывалась предстать перед царем. Тогда царь в сильном гневе распустил гостей, поднялся со своего места и приказал призвать тех семерых персов, которым поручено истолкование законов. Когда они затем явились, он обвинил перед ними жену свою и объявил, что она ослушалась его, ибо, будучи неоднократно приглашаема им на пир, ни разу не повиновалась ему. Ввиду этого он потребовал (от законоведов) указать ему, какой закон они думают применить к ней. И вот тогда один из законоведов, некий Мухей, заявил, что оскорбление тут нанесено не одному ему (Артаксерксу), но и всем персам, которым отныне, вследствие презрительного к ним отношения жен их, угрожает опасность влачить крайне позорную жизнь («ибо ныне не будут обращать внимание на мужа, видя такой пример царицы по отношению к тебе, верховному властелину над всеми»), а поэтому он предложил применить к ее проступку высшее наказание и объявить это постановление касательно царицы всему народу. Именно — было решено изгнать Васти и возвести в ее сан другую женщину.

2. Однако царь был очень расположен к Васти и не хотел примириться с мыслью о разводе, но он и не мог, ввиду закона, переменить свое решение и потому впал в печаль по поводу им самим вызванного постановления, отменить которое было уже невозможно. Видя его в таком подавленном настроении, друзья царя посоветовали ему выбросить из головы совершенно теперь бесполезное воспоминание о любви своей к этой женщине, разослать по всей земле людей искать красивых девушек и из последних выбрать наилучшую себе в жены. Они указывали при этом на то, что лишь замена прежней царицы новой утешит страсть его к первой и что он вскоре перенесет все свое чувство на новую супругу, позабыв о Васти. Царь послушался этого совета и приказал нескольким лицам выбрать наиболее красивых девушек во всем царстве и представить их ему. И вот, когда было набрано уже много девиц, нашлась в Вавилоне еще одна, очень рано лишившаяся отца и матери и воспитывавшаяся у своего дяди Мардохея. Этот Мардохей принадлежал к колену Веньяминову, происходя из одного из лучших иудейских семейств. Эсфирь (так звали девушку) отличалась необычайной красотой и этим всегда останавливала на себе взгляды

всех видевших ее. Ее передали на попечение одному из евнухов; она пользовалась полнейшей его заботливостью и была снабжена в изобилии лучшими косметиками и самыми драгоценными благовониями для ухода за своим телом. Такими же попечениями пользовались в течение шести месяцев и все остальные девушки, числом четыреста. Когда же евнух счел указанное время достаточным в смысле ухода за девушками и полагал, что они уже могут удостоиться царского ложа, он ежедневно стал посылать царю по одной для сожительства. Но царь, лишь только сходился с ней, тотчас отсылал ее обратно. Когда же царю была доставлена Эсфирь, она понравилась ему, и он полюбил эту девушку так сильно, что сделал ее своей законной женой и отпраздновал свою с ней свадьбу на двенадцатый месяц седьмого года своего царствования, а именно в месяце Адаре. Он разослал ко всему народу конных глашатаев с предложением принять участие в свадебном торжестве его. Когда Эсфирь вошла во дворец, Артаксеркс возложил ей на голову диадему. Таким образом, Эсфирь стала его женой и жила с ним, но не объявляла ему, к какому племени она принадлежит.

Затем и дядя ее перебрался из Вавилона в персидский город Сузы и поселился тут. Ежедневно он наведывался во дворец и узнавал о времяпрепровождении девушки, потому что любил ее как родную дочь свою.

3. Между тем царь издал распоряжение, в силу которого никто из его приближенных не смел без особого разрешения являться к нему, когда он восседал на троне. Ввиду этого вокруг его трона были поставлены вооруженные секирами люди, которым было вменено в обязанность карать всякого, кто без зова являлся бы к царскому престолу. Сам царь, однако, восседал, держа в руке золотой скипетр, который он простирал в сторону того, кого он желал помиловать, если бы тот приблизился к нему без приглашения. Всякий, к кому таким образом прикасался царь, был уже вне опасности.

Однако пока об этом довольно.

4. Когда некоторое время спустя евнухи Вагафой и Феодест составили против царя заговор, то слуга одного из них, Варнаваз, родом иудей, узнав о заговоре, сообщил об этом дяде царицы. Мардохей же при посредстве Эсфири известил царя о заговорщиках. Царь пришел в сильное смущение и

скоро разузнал всю истину. Затем он приговорил евнухов к смертной казни через пригвождение к кресту, а Мардохею, виновнику своего спасения, не дал в награду ничего; он велел лишь своим секретарям внести имя его в летописи, а самому ему приказал остаться при дворце в качестве весьма необходимого и преданного царю человека.

5. В то время все чужестранцы и персы по распоряжению самого Артаксеркса обязаны были падать ниц перед амалекитянином Аманом, сыном Амадафа, когда тот являлся к царю.

И вот когда Мардохей по своей мудрости и ввиду запрещения своего закона не стал падать ниц перед человеком, Аман обратил на него свое особенное внимание и стал узнавать, откуда он. Когда же Аману доложили, что Мардохей — иудей, он разгневался и стал недоумевать, почему Мардохей, будучи рабом, не считает нужным поклоняться ему, тогда как это делают же свободнорожденные персы. Поэтому, желая ему отомстить и считая исходатайствование от царя наказания одного лишь Мардохея слишком недостаточным, Аман решил уничтожить весь народ его, тем более что он искони питал вражду к иудеям за то, что ими некогда было истреблено племя амалекитян, к которому принадлежал он сам.

Ввиду всего этого он отправился к царю и обратился к нему с жалобой, указывая ему на распространение в его царственных владениях некоего гнусного народа, который держится особняком, не входит в общение с прочими жителями страны, имеет различное от прочих богопочитание и пользуется другими законами. «Это племя, — сказал Аман, — как по своим взглядам, так и по своему образу жизни враждебно твоему народу, да и всем людям. Если ты желаешь оказать своим подданным истинное благодеяние, то прикажи с корнем уничтожить это племя, дабы и следа его не оставалось, ни в качестве рабов, ни военнопленных». А для того чтобы царь не лишился получаемых с евреев в виде налогов денег, Аман обещал выплатить ему, по его требованию, сорок тысяч талантов серебра из собственных своих средств. Деньги эти, прибавил Аман, он охотно готов заплатить, лишь бы избавить царство от этих негодяев.

6. В ответ на это предложение Амана царь отказался от его денег и предоставил ему поступить с евреями по личному его

усмотрению. Тогда Аман, добившись своего, немедленно разослал якобы от имени царя ко всем народам царства распоряжение следующего содержания:

«Великий царь Артаксеркс, правящий землями от пределов Индии до границ Эфиопии, повелевает сатрапам ста двадцати семи своих сатрапий следующее: став правителем множества народов и овладев сообразно своему желанию землей, причем я отнюдь не злоупотреблял своей властью для стеснения или обиды моих подданных, но всегда выказывал себя государем мягким и общедоступным, я, заботясь о том, чтобы среди подданных моих царили мир и законность, всегда старался найти средства, как бы навеки закрепить за этими подданными указанные блага. Но так как Аман, по доброжелательству и справедливости своим занимающий в моем сердце первое место и являющийся, благодаря своей мне верности и постоянному ко мне благожелательству, вторым после меня человеком в стране, в заботливости своей указал мне на то, что повсюду в стране среди прочего населения живет злонамеренный и подчиняющийся лишь своим собственным законам народ, который не повинуется царям, не принимает наших обычаев, ненавидит единодержавие и вообще относится крайне враждебно ко всем нашим начинаниям, то сим я повелеваю всех этих указанных мне вторым отцом моим, Аманом, людей перебить с их женами и детьми без всякой пощады, дабы никто, движимый состраданием, не осмелился ослушаться сего моего письменного указа. Я желаю, чтобы указанное истребление (евреев) совершилось в четырнадцатый день двенадцатого месяца текущего года и чтобы мы, повсюду подвергнув в один день поголовному истреблению врагов наших, впредь могли жить мирно и спокойно».

Когда этот указ прибыл во все города страны, все (персы) очень обрадовались предстоявшей в указанный день резне среди евреев. В Сузах уже заранее распределялись жертвы. Между тем царь с Аманом предавались веселым попойкам, а городское население находилось в крайнем возбуждении.

7. Когда Мардохей узнал о случившемся, он разорвал на себе одежду, облачился во вретище, посыпал главу свою пеплом и побежал по городу с воплем, что губят ни в чем не повинный народ. Так добрался он до царского дворца и здесь

остановился, потому что в таком виде ему нельзя было войти туда. То же самое делали все иудеи во всех прочих городах, где был получен злополучный указ. Со слезами и воплями они жаловались на постановленное относительно их решение.

Когда кто-то сообщил царице, что Мардохей стоит перед воротами в таком жалком виде, то она, испугавшись лишних разговоров, выслала к нему нескольких людей с другим платьем. Однако Мардохея нельзя было уговорить снять с себя вретище, ибо, сказал он, не кончилось еще бедствие, бывшее для него поводом к такому облачению. Тогда царица позвала евнуха своего Ахрафея, который как раз случился тут при ней, и послала его к Мардохею с расспросом, какая беда постигла его, что он явился к ней в таком одеянии и не снимает его даже по ее предложению. Мардохей указал евнуху, как на причину всего, на разосланный по всей стране царем указ относительно иудеев и на деньги, путем обещания которых Аман купил себе у царя распоряжение об истреблении всего иудейского племени. Вместе с тем Мардохей передал ему копию вывешенного в Сузах указа для Эсфири и поручил ему передать ей, что он просит ее ходатайствовать по данному делу перед царем и не стыдиться ради спасения своего народа явиться перед царем в виде просительницы, ибо только таким путем она сможет отвратить грозящую иудеям гибель, на которых царь разгневался вследствие обвинения их со стороны Амана, занимающего в государстве второе место после самого царя. Узнав об этом, Эсфирь снова послала сказать Мардохею, что ее (давно уже) не призывали к царю и что всякий, входящий к повелителю без приглашения с его стороны, подвергается смертной казни, исключая того случая, когда царь, имея в виду помиловать его, протянет по направлению к нему свой жезл. Только тот, с которым, если он вошел к нему без зова, царь поступит так, не подвергается казни, но получает помилование.

Когда евнух этот ответ Эсфири сообщил Мардохею, последний просил его передать ей, чтобы она не столько заботилась о личной своей безопасности, сколько об общем благе народа. Если она теперь оставит этот народ без поддержки, то помощь ему, во всяком случае, придет от Господа Бога, сама же она со всем домом своим погибнет от руки тех, кем

она пренебрегла. Тогда Эсфирь поручила Мардохею через того же служителя вернуться в Сузы и, собрав тамошних иудеев на сходку, предложить им наложить на себя трехдневный строгий пост за нее; сама она обещала сделать то же самое вместе со своими прислужницами и затем прямо, вопреки закону, отправиться к царю, хотя бы ей и пришлось поплатиться за это жизнью.

8. Сообразно поручению Эсфири, Мардохей побудил народ наложить на себя пост и вместе с народом стал молить Предвечного не допустить ныне угрожающей Его племени гибели, но подобно тому как Он и раньше неоднократно заботился об этом народе и прощал ему его прегрешения, и ныне избавить его от грозящей ему беды. Ведь народу теперь приходится погибать совершенно безвинно, так как известно, что вся причина гнева Амана заключается в том, что он, Мардохей, не поклонился ему и не воздал Аману почести, которую он привык воздавать одному только Предвечному. На это-то Аман и рассердился и постановил решение против тех, кто в данном случае вовсе не преступил божеских законов.

Такие же точно молитвы возносил к Господу Богу и весь народ, умоляя Его озаботиться спасением и избавлением от надвигающейся на всех в стране израильтян гибели, которую они уже видели воочию и быстрое приближение которой отлично сознавали. Равным образом Эсфирь умоляла Господа Бога, пав, по обычаю своих предков, ниц наземь, облачившись в траурную одежду и в течение трех дней воздерживаясь от пищи, питья и всяких развлечений. Она просила Предвечного сжалиться над ней и даровать ей, когда она предстанет перед царем и начнет упрашивать его, убедительность речи, а телу ее еще большую прелесть, дабы этими двумя средствами она смогла умерить гнев царя, когда она предстанет перед ним, и смогла бы спасти своих единоплеменников, уже стоящих на краю гибели. Вместе с тем она молила Бога вселить царю ненависть против врагов еврейских, которые, если бы евреи были покинуты Предвечным, добились бы грозящей теперь иудеям погибели.

9. После такой трехдневной молитвы к Господу Богу Эсфирь сняла с себя траурное одеяние и надела другой наряд, украсившись как подобало царице. Затем она в сопровожде-

нии двух прислужниц, на одну из которых она слегка опиралась, причем другая несла за ней влачившийся по земле шлейф ее платья, пошла к царю, причем по лицу ее разлился густой румянец и вся она сверкала необычайно величавой красотой. С трепетом вошла Эсфирь к царю, который как раз восседал на своем троне. Когда она предстала перед лицом царя, бывшего в своем царственном облачении, которое представляло пеструю одежду, затканную золотом и украшенную драгоценными камнями, то он ей показался грознее обыкновенного. Когда же она взглянула на него и, увидев устремленный на нее взгляд его, заметила, что лицо его омрачилось и на нем вспыхнул румянец гнева, она от страха лишилась чувств и безмолвно пала в объятия своих прислужниц. Однако царь, вероятно, по решению Предвечного, вдруг совершенно преобразился и, боясь, как бы не случилось какой-нибудь беды с его женой вследствие обуявшего ее страха, сошел со своего трона и, заключив ее в объятия, стал ласкать и нежно уговаривать ее бросить страх и не бояться, что она пришла к нему без приглашения. При этом он сказал, что соответствующее распоряжение сделано им лишь относительно подчиненных и что Эсфирь как полноправная с ним царица может ничего не бояться. С этими словами он вложил в ее руку скипетр, сообразно закону предварительно прикоснувшись им к ее шее, чтобы избавить Эсфирь от всякого сомнения. Эсфирь же, придя в себя от всего случившегося, сказала: «Владыка! Я нелегко смогу объяснить тебе причину столь внезапно постигшего меня припадка. Когда я узрела тебя столь величественным, прекрасным и вместе с тем грозным, у меня сразу захватило дух и я чуть не лишилась жизни». Так как царица выговаривала все это с трудом и крайне слабым голосом, самого царя обуяли страх и смятение; поэтому он стал уговаривать Эсфирь успокоиться и не бояться ничего, так как, если бы она захотела, он готов уступить ей даже половину своего царства. Тогда Эсфирь пригласила его вместе с его другом Аманом пожаловать к ней на обед, который она для них приготовила. Царь принял это приглашение и явился к ней (с Аманом). Во время здравицы он предложил Эсфири высказать ему свое желание, причем присовокупил, что он не пожалеет для нее ничего, даже если бы она запросила половины его царства. Эсфирь же обещала высказать

ему свое желание на следующий день, когда он снова придет к ней обедать с Аманом.

10. Царь обещал прийти, Аман же ушел, преисполненный радости, что он один удостаивается чести принимать участие в царском обеде у Эсфири, чести, которой никто еще из царских приближенных пока не удостаивался. Однако ему пришлось вновь разгневаться, когда увидел на дворе Мардохея: последний при виде его опять ему не поклонился. Придя к себе домой, Аман призвал жену свою Зарадзу и своих друзей и, когда те явились, рассказал им о чести, которой он удостаивается не только у царя, но и у царицы: он-де сегодня обедал у нее один с царем, а также получил приглашение и на завтрашний день. При этом он присовокупил, что, однако, все это не может радовать его, пока он видит во дворе (дворца) иудея Мардохея. На это жена Амана, Зарадза, посоветовала ему распорядиться срубить дерево в пятьдесят локтей вышины и на следующий день добиться разрешения царя повесить на этом дереве Мардохея. Аману этот совет понравился, и он приказал своим слугам выбрать и поставить такую виселицу во дворе для казни Мардохея. Это вскоре было исполнено. Предвечный, однако, посмеялся над гнусными расчетами Амана и, зная то, что должно было случиться, с удовольствием ожидал ближайшего события. Дело в том, что Господь Бог в эту ночь лишил царя сна. Царь не желал праздно проводить время своей бессонницы, но чем-нибудь развеяться, помимо общества с царицей, и поэтому, повелев позвать своего секретаря, он поручил ему громко читать летописные данные о своих предшественниках на престоле и о деяниях своего собственного царствования. Когда явился секретарь и началось чтение, то царь услышал о некоем человеке, который за доблестное деяние получил в награду управление целой областью, имя которой тут же было прописано; затем, после того как было упомянуто о другом человеке, также получившем награду за (выказанную царю) верность, царь дошел до повествования о слугах царских, Вагафое и Феодесте, устроивших заговор против него, о чем донес Мардохей. Когда секретарь упомянул об этом без дальнейших подробностей и хотел затем перейти к другому эпизоду, царь остановил чтеца и спросил его, разве не записано ничего о том вознаграждении, которое получил за свое дея-

ние Мардохей. Когда же секретарь ответил отрицательно, то царь велел ему приостановить чтение и узнать от специально для того приставленных лиц, который теперь час ночи. Узнав, что уже наступает утро, царь приказал сообщить ему, нет ли уже кого-нибудь из его приближенных во дворе. И вот оказалось, что явился Аман, потому что он пришел сегодня раньше обыкновенного, имея в виду просить у царя разрешения казнить Мардохея. Когда слуги доложили царю, что Аман на дворе, царь велел позвать его. При появлении Амана царь обратился к нему со следующими словами: «Я знаю, что ты единственный благорасположенный ко мне друг мой. Поэтому прошу тебя, посоветуй, как мне почтить некоего весьма любимого мною человека, чтобы награда вышла достойной моего царского великодушия». Тогда Аман, полагая, что ему приходится говорить тут за самого себя (так как он один только пользовался любовью царя), назвал такую награду, которую сам считал наилучшей. Поэтому он сказал: «Если ты желаешь достойно возвеличить человека, тобой любимого, то вели посадить его на лошадь в подобном твоему царскому облачении с золотой цепью на шее и в предшествовании одного из твоих ближайших друзей провезти по всему городу с громогласным объявлением, что этой чести удостаивается царский любимец». Аман посоветовал это в полной уверенности, что сам удостоится сказанной награды. Царю понравился этот совет, и потому он сказал: «Так как у тебя (мой) конь, мое облачение и цепь, то пойди и разыщи иудея Мардохея и, дав ему все указанное, объяви о нем, ведя его лошадь под уздцы. Ведь ты, — продолжал он, — один из ближайших друзей и поэтому ты лучше всего (сам) сможешь привести в исполнение то, что ты мне посоветовал. Этой чести да удостоится (Мардохей) за то, что спас мне жизнь». Услышав столь неожиданное решение царя, Аман был совершенно подавлен и уничтожен и в смятении своем вышел (из дворца), ведя за собой лошадь и неся порфиру и золотую цепь. Тут перед воротами он встретил Мардохея во вретище и велел ему облачиться в порфиру. Мардохей же, не понимая, в чем дело, и предполагая со стороны Амана глумление, воскликнул: «О ты, сквернейший из людей! Так тебе еще нужно смеяться над нами в нашем несчастии?»

Когда же он убедился, что царь награждает его таким образом за то, что он спас ему жизнь, донеся о некогда направленном против него заговоре царедворцев, он облачился в порфиру, которую обыкновенно носил царь, возложил на себя цепь и, сев на коня, объехал кругом города, причем впереди него шел Аман и возглашал, что такова награда царя всякому, кого он полюбит и кого удостоит публично почтить. Затем, когда они объехали весь город, Мардохей отправился к царю (во дворец), Аман же со стыдом вернулся к себе домой и там со слезами на глазах рассказал все случившееся жене своей и друзьям. Последние признались, что ему не удастся отомстить Мардохею, так как ему покровительствует сам Предвечный.

11. И вот пока об этом шла речь, пришли слуги Эсфири, чтобы пригласить Амана на обед к ней. Между тем один из евнухов, именно Савухад, увидя в доме Амана виселицу, которую готовили для Мардохея, и узнав от кого-то из слуг, что она предназначается для дяди царицы (ибо Аман хочет-де испросить у царя разрешения казнить Мардохея), не сказал пока об этом никому ничего.

Когда же царь, пообедав вместе с Аманом, предложил царице сказать ему, какого дара она желает от него, причем заметил, что он дарует ей все, чего бы она ни пожелала, Эсфирь стала жаловаться на опасность, которой подвергается ее народ, и указала на то, что и она подвергнется вместе с единоплеменниками своими гибели, почему и решается говорить теперь об этом; тут она прибавила, что не стала бы беспокоить царя просьбами, если бы он продал всех их в тяжелое рабство (ибо то было бы еще сносным горем), теперь же принуждена умолять его избавить евреев от смертной казни.

Когда затем царь спросил, кто постановил такое решение, то Эсфирь уже более не стеснялась, но открыто стала обвинять в том Амана, указывая на то, что последний, восстановленный против иудеев, повел против них столь гнусную интригу. В сильнейшем волнении царь вскочил из-за стола и бросился в сад, Аман же стал умолять Эсфирь простить ему его проступок, так как он понял, что сам попал в беду. И вот, когда он бросился на ложе царицы и стал умолять ее, царь вошел в комнату и, еще более рассвирепев вследствие представившегося глазам его зрелища, закричал:

«Теперь, мерзкий негодяй, ты еще пытаешься изнасиловать мою жену?»

Амана окончательно сразили эти слова, и он уже не мог ничего сказать. Тогда вошел евнух Савухад и стал изобличать Амана, говоря, что он нашел в его доме виселицу, предназначенную для Мардохея, что это сообщил ему в ответ на его расспросы один из слуг Амана, когда он пришел к последнему, чтобы пригласить его на обед, и что виселица имеет пятьдесят локтей вышины.

Услышав это, царь решил, что Амана следует подвергнуть именно тому самому наказанию, которое тот имел в виду для Мардохея. Поэтому он повелел немедленно повесить его на той же виселице. Здесь мне опять приходится отметить поразительную мудрость и справедливость Предвечного, который не только наказал Амана за его гнусность, но и уготовил ему тот самый способ казни, который тот предназначал для другого, причем Господь указал и на то, что если кто-либо готовит что-нибудь другому, то сам первый, не ведая того, направляет это против себя же.

12. Таким-то образом погиб Аман, первоначально пользовавшийся столь неограниченным почетом у царя. Имущество его перешло к царице. Затем царь призвал Мардохея, о своем родстве с которым ему уже успела сообщить Эсфирь, и передал ему перстень, который он раньше поручил Аману. Царица отдала Мардохею все имущество Амана и просила затем царя избавить племя иудейское от того трепета за свою жизнь, который был следствием разосланного по всей стране указа Амана, сына Амадафа. При этом она сказала, что, если отечество ее подвергнется разграблению, а единоплеменники ее — гибели, она сама покончит с собой. На это царь обещал ей, что не будет сделано ничего неугодного ей и ничего, что было бы ей неприятно. Вместе с тем он предложил ей написать от имени его все, что ей угодно будет решить касательно иудеев, скрепить это его печатью и разослать письмо по всему царству: ведь никто, кто прочитает послание, снабженное царской печатью, не осмелится действовать против указа.

Когда затем было послано за царскими писцами, она приказала им написать касательно иудеев следующее письмо, адресованное всем (жившим в стране) народностям, всем

управителям и начальствующим, от пределов Индии до Эфиопии, сатрапам ста двадцати семи сатрапий:

«Великий царь Артаксеркс приветствует начальствующих лиц и всех благомыслящих и преданных ему людей. Многие злоупотребляют обильными благодеяниями и почетом, которых они добились благодаря щедрости своих правителей, и при том решаются оскорблять не только своих подчиненных, но даже своих же собственных благодетелей; таким образом, они искореняют чувство благодарности среди людей и, вследствие наглости своей, не умея пользоваться дарованными им сверх всякого ожидания дарами и не чувствуя признательности к виновникам этого их обогащения, они верят слепо, будто все это останется неизвестным Божеству и будто сами они сумеют избегнуть наказания. Некоторые из таких людей, получив от дружески к ним расположенных лиц управление делами и питая к некоторым особенную ненависть, путем ложных сообщений и клеветнических наветов побудили правителей своих восстать и разгневаться на совершенно невинных, которые в силу этого подверглись опасности погибнуть. Все это мы знаем не понаслышке, и все это случилось не в древности, но такая дерзновенная попытка произошла на наших же глазах. Ввиду этого мы впредь не станем более слушать наветы и не будем более внимать клевете, кто бы в чем ни старался убедить нас, но будем судить лишь по собственному личному опыту и наказывать и награждать лишь по действительным заслугам, опираясь при этом на факты, а не на доносы.

И вот ныне сын Амадафа, Аман, родом амалекитянин, следовательно, человек чуждый персам по происхождению своему, тут на чужбине достиг у всех великого почета, настолько, что он впоследствии стал носить титул "моего отца", ему все поклонялись и он занимал после меня второе место в государстве и пользовался всем подобающим столь высокому сану почетом, но не был в состоянии достойно отнестись к выпавшему на его долю счастью и не сумел разумно пользоваться великими доставшимися ему благами; но он злоумышлял против моей власти и моей жизни, стараясь загубить меня, виновника такой его неограниченной власти. При этом он даже посягнул на моего благодетеля и спасителя, Мардохея, и на мою подругу в жизни и на престоле,

Эсфирь, злобно и обманным образом добиваясь их гибели. Желая меня таким путем лишить преданных мне людей, он рассчитывал передать власть другим лицам. Я же, поняв, что обреченные этим негодяем на гибель иудеи отнюдь не преступники, но являются наилучшими подданными и приверженцы тому Богу, который сохранил за мною и моими предками царскую власть, не только освобождаю этих иудеев от всякого определенного им Аманом наказания, о котором вы лучше всего забудьте вовсе, но и желаю, чтобы им был оказываем всевозможный почет. Того же, который повел против них интригу, я повелел распять вместе со всем родом его перед воротами города Сузы, ибо всевидящий Бог подверг его такому показанию. Вам же я повелеваю вывесить копию этого указа во всем царстве, оставить иудеев в покое и предоставить им жить по их собственным законам, оказав им поддержку во всех тех случаях, если бы им на тринадцатый день месяца Адара пришлось отражать лиц, которые вздумали бы их в этот день обидеть. Этот день, по желанию Господа Бога, станет для них днем спасения вместо гибели. Да будет день сей днем радости для всех преданных нам людей и днем памятным для злонамеренных, дабы они вспомнили о наказании. При этом я желаю, чтобы мне было донесено о всяком городе и всяком племени, которые вздумали бы ослушаться в чем-либо моего указа, дабы я мог их истребить огнем и мечом. Этот указ пусть будет обнародован во всех частях подвластной нам страны, и пусть все достаточно приготовятся к тому вышеуказанному дню, чтобы отразить врагов своих».

13. Всадники немедленно развезли эти указы по всем направлениям. Когда же Мардохей в царском одеянии, золотом венке и с цепью на груди появился на улицах, то все жившие в Сузах иудеи, видя, какого почета он удостоился от царя, разделяли с ним его радость. Когда же указы были получены на месте, то радость и веселье по поводу спасения охватили всех иудеев, живших как в городе, так и в прочих частях страны. Дело дошло до того, что многие другие племена из страха перед иудеями подвергли себя обрезанию, чтобы таким путем гарантировать себе личную безопасность. Когда же наступил тринадцатый день двенадцатого месяца, известного у евреев под именем Адара, а у македонян под названием Дистра, лица, привезшие царский указ, объявили, что теперь,

в тот день, когда евреям суждено было подвергнуться такой опасности, они сами могут предаться избиению своих врагов. Правители над сатрапиями, начальствующие лица и царские писцы стали теперь относиться к иудеям с уважением, ибо страх перед Мардохеем побуждал их быть дипломатичными. В силу царского, разосланного по всей стране, указа, иудеи в одних только Сузах перебили около пятисот врагов своих. Когда же царь сообщил Эсфири о числе перебитых в городе (персов) с присовокуплением, что ему пока еще неизвестно число павших в прочих частях страны, и спросил, что она думает делать дальше, так как ей ни в чем не будет отказа, царица испросила разрешения позволить иудеям продолжать и окончить резню еще и на следующий день и распять на кресте также десять сыновей Амана. Не желая ни в чем отказывать Эсфири, царь и на это дал свое согласие. Ввиду этого евреи еще раз собрались четырнадцатого числа месяца Дистра и перебили до трехсот врагов, причем, однако, отнюдь не касались имущества этих лиц.

В стране же и в других городах пало от руки иудеев семьдесят пять тысяч врагов их. Эти люди пали в тринадцатый день того месяца, а четырнадцатое число провинциальные евреи решили отпраздновать как день радостный. Равным образом и жившие в Сузах иудеи отпраздновали четырнадцатый и пятнадцатый день того месяца в радости и веселье. Отсюда произошел и доныне сохранившийся среди евреев обычай праздновать эти дни и посылать друг другу сласти. Дело в том, что Мардохей письменно предложил всем жившим в царстве Артаксеркса иудеям отметить эти дни, праздновать их и поручить празднование их также и потомкам, дабы этот обычай сохранился навсегда и не был предан забвению, так как, ввиду предназначенной им в эти дни Аманом гибели, они, избегнув угрожавшей им опасности и даже отомстив врагам своим, сделают хорошо, если выделят эти именно дни для принесения благодарности Господу Богу. В силу этого иудеи празднуют указанные дни и называют этот праздник «Пурим».

Мардохей же достиг у царя высокого и почетного положения, разделяя с ним власть его и живя при особе царицы. Дела евреев благодаря ему значительно и сверх всякого ожидания поправились[29].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Таковы были происшествия, ознаменовавшие правление Артаксеркса (по отношению к евреям).

Когда умер первосвященник Элиасив, то сын его Иуда стал преемником его по сану, а после смерти Иуды первосвященство перешло, в свою очередь, к его сыну Иоанну. Благодаря последнему военачальник Артаксеркса II, Вагой, осквернил храм и заставил евреев при принесении каждой жертвы ежедневно платить подать в размере пятидесяти драхм за каждого ягненка. Причиной этого послужило следующее обстоятельство: у Иоанна был брат Иисус. Будучи в дружеских с последним отношениях, Вагой обещал ему достать первосвященство. Уповая на это обещание, Иисус затеял в храме ссору со своим братом Иоанном; последний страшно рассердился и в гневе своем убил Иисуса. Это было со стороны Иоанна гнусным преступлением, особенно же вследствие того, что убитый был его брат, и ни у греков, ни у варваров никогда не совершалось подобного гнусного и страшного преступления. Господь Бог, однако, не оставил этого дела без возмездия, и по этой-то причине народ впал в рабство у персов, а храм был последними осквернен. А именно полководец Артаксеркса, Вагой, узнав об убиении Иисуса в храме его родным братом, еврейским первосвященником Иоанном, немедленно налег на иудеев и гневно закричал на них: «Так вы дерзнули совершить смертоубийство в вашем храме?» А когда он захотел войти в храм, то евреи оказали ему сопротивление при этом, на что тот спросил: «Разве я не чище убийцы в храме?» С этими словами Вагой ворвался в святилище.

Пользуясь этим случаем, Вагой в течение семи лет притеснял евреев за смерть Иисуса.

2. Когда же умер Иоанн, первосвященство перешло к сыну его, Иаддую. У последнего был брат по имени Манассия. Ему-то посланный последним Дарием в Самарию в качестве сатрапа хуфеец родом, т. е. того же племени, из которого происходят и самаряне, Санаваллет, охотно отдал в жены дочь свою Никасо. Дело в том, что сатрап знал о могуществе города Иерусалима и о том, что жители его причиняли немало хлопот царям ассирийским и правителям Келесирии. Поэто-

му-то он и рассчитывал путем такого брака более расположить к себе весь народ иудейский[30].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Около этого времени[31] умер от руки коварного сына Кераста, Павсания, происходившего из рода Ореста, македонский царь Филипп в городе Егее. Тогда сын последнего, Александр, вступил на престол и, перейдя через Геллеспонт, разбил полководцев Дария при Гранике; затем он двинулся на Лидию и на Ионию, подчинил их себе и, сделав набег на Карию, ворвался в пределы Памфилии, как о том рассказано в других сочинениях[32].

2. Тем временем старейшины иерусалимские, раздраженные тем, что к первосвященству имеет отношение женатый на иностранке брат Иаддуя, восстали против него (т. е. против Манассии). Дело в том, что они боялись, как бы этот брак не стал удобным предлогом для всех, кто вздумал бы преступить законоположение о смешанных браках, и как бы этот случай не положил начала слишком близкого общения с иноплеменниками, тем более что они располагали живым примером: смешанные браки с иностранками были некогда причиной их плена и различных других бедствий. Поэтому они предложили Манассии либо развестись с женой, либо не прикасаться к жертвеннику вовсе. Когда же и первосвященник сочувственно отнесся к требованию народа и запретил брату своему доступ к алтарю, Манассия отправился к своему тестю Санаваллету и заявил ему, что, хотя он и любит его дочь Никасо, но он, благодаря ей, не желает лишаться священнического сана, который являлся верховным в глазах его народа и составлял постоянное достояние его рода. Однако Санаваллет не только не хотел лишать его священства, но даже обещал доставить ему сан и могущество первосвященника и сделал его верховным правителем всей области, которая была в его распоряжении, лишь бы Манассия не прекращал своего сожительства с его дочерью. Он заявил зятю, что построит для него на высочайшей из всех самарянских гор, именно на возвышенности Гаризим, такой же храм, какой имеется в Иерусалиме, и обещал сделать это с особого разрешения царя Дария.

Уповая на эти обещания и возгордившись вследствие их, Манассия, в надежде получить от Дария первосвященство, остался при Санаваллете, который был тогда уже довольно пожилых лет. А так как подобные браки были заключены у значительного числа священников и (прочих) израильтян, то этот случай вверг иерусалимцев в немалое смущение, потому что все эти лица перешли к Манассии, тем более что Санаваллет предоставил им денег и земли для обработки и наделил их участками для поселения, всяческим образом оказывая поддержку своему зятю.

3. Узнав около этого времени, что Александр переправился через Геллеспонт, что он разбил его сатрапов в битве при Гранике и что он наступает все ближе и ближе, Дарий решил выступить навстречу македонянам и предупредить вторжение их и разгром всей Азии и (с этой целью) стал собирать свою конную и пешую рать. Поэтому он перешел через реку Евфрат и, перевалив через киликийские горы Тавра, стал ожидать врагов при киликийском городе Иссе, чтобы тут вступить с ними в бой. Санаваллет был очень доволен прибытием Дария и обещал Манассии немедленное исполнение всего сказанного, лишь только Дарий победит врагов и вернется обратно. Дело в том, что Санаваллет, подобно всем прочим жителям Азии, был того убеждения, что македоняне не решатся вступить в борьбу с персами вследствие многочисленности последних. Однако это ожидание не оправдалось, ибо, сразившись с македонянами, царь потерпел поражение, потерял большую часть своего войска и бежал в Персию, оставив в плену у македонян свою мать, жену и детей.

Затем Александр двинулся в Сирию, овладел Дамаском и, взяв Сидон, принялся за осаду Тира. Отсюда он отправил к первосвященнику иудейскому письмо с просьбой прислать ему подкрепление и продовольствие для войска и предложением снискать себе дружбу македонян тем, что станет отныне платить ему (Александру) все те суммы, которые раньше получал от него Дарий. При этом царь македонский особенно подчеркнул то обстоятельство, что он не изменит своих требований (и будет настаивать на них). Когда же первосвященник ответил лицам, принесшим послание Александра, что он присягнул Дарию не поднимать против последнего оружия, и еще раз подтвердил, что он не нарушит своего

обещания, пока будет жив Дарий, Александр страшно разгневался и, так как ему не казалось удобным оставлять теперь Тир, который все еще не хотел сдаваться, грозно заявил, что он, по взятии Тира, пойдет войной на иудейского первосвященника и в его лице покажет всем, кому они должны оставаться верны относительно своих клятв. Затем он еще настойчивее повел осаду города и взял (наконец) Тир. Потом, распорядившись делами этого города, он направился к Газе и осадил ее с начальником ее гарнизона, Вавилисом.

4. Считая этот момент удобным для своих коварных замыслов, Санаваллет отпал от Дария и с восемью тысячами подчиненных прибыл к Александру. Последнего он застал как раз при начале осады Тира и заявил ему, что передаст ему приведенных воинов как представителей подчиненной ему провинции, причем заметил, что скорее готов признать над собой власть македонского царя, чем Дария. Александр охотно принял его, и вследствие этого Санаваллет уже смело повел с ним речь о своих планах и рассказал ему, что у него есть зять Манассия, брат иудейского первосвященника Иаддуя, и что многие из соотечественников этого его зятя готовы теперь приступить к постройке своего храма в подчиненной ему (Санаваллету) области. Попутно было указано, что это обстоятельство, т. е. распадение иудеев на два лагеря, может быть полезно и царю македонскому: таким образом, если даже это племя вздумает в полном между собою согласии и общими усилиями предпринять отпадение, то это не представит царям затруднения, как то однажды уже было сделано им по отношению к ассирийским правителям. Получив соответственное разрешение Александра, Санаваллет с крайним усердием приступил к построению храма и сделал верховным священником Манассию, в полной уверенности, что это будет для потомства его дочери наилучшей наградой. Между тем по прошествии семи месяцев осады Тира и двух месяцев осады Газы Санаваллет умер, Александр же, взяв Газу, поспешил по направлению к Иерусалиму. Когда известие об этом дошло до первосвященника Иаддуя, он совершенно растерялся от страха, не зная, как встретить ему македонян, ввиду того, что царь гневался на прежнее его неповиновение. Вследствие этого первосвященник поручил народу молиться и, принеся вместе с народом жертву Предвечному,

стал умолять Господа защитить иудеев и оградить их от надвигающейся опасности. И вот, когда Иаддуй после жертвоприношения прилег отдохнуть, Предвечный явился ему во сне и повелел ему не робеть, а, украсив ворота города венками, открыть эти ворота, всем облачиться в белые одежды, ему же и прочим священникам встретить царя в установленных ризах и не бояться при этом ничего, так как Господь Бог заботится о них. Восстав от сна, первосвященник был очень рад и, объявив всем о полученном предвещании и поступив сообразно полученному им во сне повелению, стал готовиться к прибытию царя.

5. Когда он узнал, что царь недалеко от города, он пошел ему навстречу к местности, носящей название Сафа, вместе со своими священниками и толпой горожан, чтобы сделать встречу царя как можно торжественнее и отличною от встреч, оказанных царю другими народами; имя Сафа в переводе значит «вышка», ибо оттуда возможно обозреть весь Иерусалим и тамошний храм.

Между тем финикийцы и следовавшие (за Александром) хуфейцы полагали, что, наверное, гнев царя падет на иудеев и он решит предать город разграблению, а первосвященника со всей семьей — гибели. Однако на деле вышло совсем не то: Александр еще издали заметил толпу в белых одеждах и во главе ее священников в одеяниях из виссона, первосвященника же в гиацинтового цвета и золотом затканной ризе с чалмой на голове и золотой на ней дощечкой, где было выгравировано имя Господне, и потому один выступил вперед, преклонился перед именем Божиим и первый приветствовал первосвященника. Когда же иудеи единогласно громко приветствовали Александра и обступили его, цари сирийские и все прочие были поражены поведением его и подумали, не лишился ли царь рассудка. Тогда Парменион подошел к царю и на вопрос, почему он теперь преклоняется перед первосвященником иудейским, когда обыкновенно все преклоняются перед Александром, получил следующий ответ: «Я поклонился не человеку этому, но тому Богу, в качестве первосвященника которого он занимает столь почетную должность. Этого (старца) мне уж раз привелось видеть в таком убранстве во сне в македонском городе Дии, и, когда я обдумывал про себя, как овладеть мне Азией, именно он посове-

товал мне не медлить, но смело переправляться (через Геллеспонт). При этом он обещал мне лично быть руководителем моего похода и предоставить мне власть над персами. С тех пор мне никогда не приходилось видеть никого в таком облачении. Ныне же, увидав этого человека, я вспомнил свое ночное видение и связанное с ним предвещание и потому уверен, что я по Божьему велению предпринял свой поход, что сумею победить Дария и сокрушить могущество персов и что все мои предприятия увенчаются успехом».

Сказав это Пармениону и взяв первосвященника за правую руку, царь в сопутствии священников пошел к городу. Тут он вошел в храм, принес, по указанию первосвященника, жертву Предвечному и оказал при этом первосвященнику и прочим иереям полное почтение. Когда же ему была показана книга Даниила, где сказано, что один из греков сокрушит власть персов, Александр был вполне уверен, что это предсказание касается его самого. В великой радости отпустил он народ по домам, а на следующий день вновь собрал его и предложил требовать каких угодно даров. Когда же первосвященник спросил разрешения сохранить им старые свои законы и освобождения на седьмой год от платежа податей, царь охотно согласился на это. Равным образом в ответ на просьбу разрешить также вавилонским и мидийским иудеям пользоваться прежними законами, он охотно обещал им исполнить все их просьбы. Когда же затем он сам обратился к народу с предложением принять в ряды своих войск всех, кто того захочет, причем им будет предоставлено право не изменять своих древних обычаев, но жить, не нарушая оных, многим очень понравилось это, и они согласились участвовать в его походах.

6. Устроив таким образом дела свои в Иерусалиме, Александр двинулся дальше к другим городам, и всюду, куда бы он ни являлся, ему оказывали радушный прием. Тогда самаряне, главный город которых был в то время Сихем, лежащий у подножия горы Гаризим и построенный отщепенцами иудейского народа, видя, как Александр отличает иудеев, решили также и себя выдать за иудеев. Как мы выше уже имели случай показать[33], самаряне имеют такую привычку: когда иудеев постигает бедствие, тогда они отказываются от родства с ними и говорят в таком случае правду; когда же иудеев

постигает удача, они тотчас готовы примкнуть к ним, опираясь якобы на свое право и выводя свое происхождение от потомков Иосифа, Ефраима и Манассии. Таким-то образом они и теперь вышли с блеском и выражением полнейшей преданности навстречу царю, почти вплоть до Иерусалима. Когда же Александр похвалил их за это, сихемиты пришли к нему со всеми воинами, которых послал ему некогда Санаваллет, и просили его посетить также их город и почтить своим приходом и их храм. Царь обещал исполнить их желание на возвратном пути. Когда же они стали просить его избавить и их от платежа повинности каждый седьмой год (ибо у них тогда не производится посева), царь спросил, кто они такие, что обращаются к нему с подобными просьбами. Когда же те ответили, что они евреи и что жители Сихема известны также под именем сидонян, царь еще раз спросил их — иудеи ли они. Получив отрицательный ответ, он сказал: «Однако эту привилегию я даровал иудеям: поэтому я, по возвращении своем и получении более точных о вас сведений, сделаю нужные в этом деле распоряжения».

Простившись таким образом с сихемцами, он повелел солдатам Санаваллета идти вместе с ним походом на Египет, где он намеревался предоставить им земельные наделы, что он вскоре и сделал в Фиваиде, велев им охранять границы страны.

7. По смерти Александра[34] власть его была распределена между диадохами. Храм на горе Гаризим оставался там по-прежнему. И всякий, кто среди иерусалимцев обвинялся в нарушении предписаний касательно пищи, или в осквернении субботы, или в каком-либо другом нарушении этого рода, бежал к сихемцам и уверял, что его без вины изгнали. Около того же времени умер также и первосвященник Иаддуй, и сан его перешел к его сыну Онии.

Таковы были в те времена дела иерусалимцев[35].

Книга двенадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как Птолемей Лагид обманным образом завладел Иерусалимом и Иудеей и переселил многих жителей в Египет.

2. О том, как его сын Птолемей Филадельф приказал перевести на греческий язык закон иудейский, отпустил из расположения к первосвященнику Елиазару многих пленных и принес Господу Богу много жертвенных приношений.

3. О том, как правители Азии почитали народ иудейский и даровали им во вновь основанных городах права гражданства.

4. О том, как сын Товия, Иосиф, снискавший себе дружбу Птолемея Епифана, избавил иудеев от бедственного их положения.

5. О дружбе и союзе лакедемонян с Онией, первосвященником еврейским.

6. О раздорах среди иудейских старейшин и о том, как последние просили Антиоха Епифана о помощи.

7. О походе Антиоха на Иерусалим, о том, как он взял город и предал храм разграблению.

8. О том, как Антиох запретил евреям соблюдать их исконные законы, и о том, как один лишь асмонеянин Маттафия воспротивился повелениям царя и одержал победу над военачальниками Антиоха.

9. О смерти Маттафии в преклонных летах, после того как он успел поручить сыновьям своим ведение общественных дел.

10. О том, как сын его Иуда после борьбы с полководцем Антиоха вернул евреям их права и был народом избран в первосвященники.

11. О вторжении военачальника Антиоха, Аполлония, в Иудею, о его поражении и гибели.

12. Поход Лисия и Горгия на Иудею, их поражение и уничтожение всего их войска.

13. О том, как Иуда пошел войной на аммонитян и галаадцев, а его брат Симон на жителей Тира и на приверженцев Птолемеев, и о победоносном исходе их предприятий.

14. О смерти Антиоха Епифана в Персии.

15. О том, как Антиох, прозванный Евпатором, двинулся вместе с Лисием на евреев, победил их и осадил Иуду в самом храме.

16. О том, что осада была очень продолжительна, пока наконец Антиох не заключил с Иудой дружбы и мирно покинул Иудею.

17. О том, как полководец Димитрия, Вакхид, пошел войной на иудеев и вернулся к царю своему, не достигнув желанных результатов.

18. О гибели Никанора и его войска, посланных в поход вместо Вакхида.
19. О том, как Вакхид, вторично посланный против евреев, победил их.
20. О смерти Иуды на поле брани.
Содержание книги обнимает период в сто семьдесят лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Итак, после того как Александр, царь македонский, вышеуказанным образом уничтожил владычество персов и так отнесся к Иудее, как мы сказали, он умер. Царство его распалось на много частей. Антигон получил в управление Азию, Селевк — Вавилонию с ее племенами, Лисимаху достались в удел земли у Геллеспонта, Кассандр получил Македонию, а на долю Птолемея Лагида выпал Египет. Так как все эти лица начали ссориться между собою, завидуя власти друг друга, то наступил ряд ожесточенных и кровопролитных войн, от которых особенно страдали города и в течение которых множество жителей (этих городов) лишилось жизни. Так, например, вся Сирия претерпела от Птолемея Лагида, носившего тогда прозвище Сотер[1], как раз обратное тому, что значило его прозвище. Он же овладел хитростью и обманным образом также и Иерусалимом, а именно, вступив в город в субботу под предлогом принести жертву, он не встретил со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия (они нисколько не предполагали в нем врага) и вследствие того, что они ничего не подозревали и проводили этот день в беззаботном веселье, без труда овладел городом и стал жестоко править над ним. Об этом свидетельствует, между прочим, и книдиец Агафархид, оставивший после себя историю диадохов, причем таким образом глумится над нашим суеверием, приписывая ему утрату нами свободы:

«Существует народ, называемый иудеями, которые, обладая укрепленным и большим городом Иерусалимом, допустили занятие его Птолемеем только потому, что не желали взяться за оружие. Вот вследствие такого несвоевременного и неуместного суеверия им пришлось предпочесть столь сурового деспота».

Таким образом рассуждал Агафархид о нашем народе.

Затем Птолемей, забрав в плен множество народа из гористой части Иудеи, из окрестностей Иерусалима, из Самарии и с горы Гаризим, повел их всех в Египет и поселил их здесь.

Когда же он узнал, что иерусалимцы отличаются особенной надежностью в соблюдении клятв и сдержании данного слова, что видно уже из их ответа посланным Александра после поражения, понесенного в бою Дарием[2], он многих из них разместил по гарнизонам и сделал их равноправными с александрийскими македонянами, причем взял с них клятву, что они будут сохранять эту верность также его потомкам.

Также немалое число и других иудеев добровольно переселилось в Египет, отчасти подбиваемые к тому превосходным качеством тамошней почвы, отчасти же вследствие щедрости Птолемея. Однако (впоследствии) у этих иудеев возникли распри с самарянами, вследствие желания первых сохранить издревле установленные обычаи, и они стали воевать друг с другом, потому что иерусалимцы считали единственно свой храм священным и требовали отсылки жертвоприношений именно туда, самаряне же настаивали на требовании отправлять эти приношения на гору Гаризим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. После того как Александр (Великий) процарствовал двенадцать лет, а после него Птолемей Сотер сорок один год, власть над Египтом перешла к (Птолемею) Филадельфу, который правил страной в течение тридцати девяти лет[3]. Он велел перевести закон и освободил живших в плену в Египте иерусалимцев, числом до ста двадцати тысяч человек, и притом по следующей причине: Димитрий Фалерейский, заведовавший царскими книгохранилищами, старался собрать по возможности все имевшиеся на земле книги; поэтому он скупал все то, о чем, как о стоящем, доходили до него слухи или что ему лично попадалось в руки, и тем самым вполне отвечал требованиям царя, который был необычайным любителем книг. Когда Птолемей спросил его однажды, сколько книг уже собрано у него, Димитрий отвечал, что пока налицо имеется двести тысяч, но что вскоре число томов дойдет до пятисот тысяч. При этом он заметил царю, что и у иудеев существует множество интересных и достойных царской библиотеки сочинений о действующих среди евреев законах, но что перевод этих книг на греческий язык доставит немалое затруднение вследствие еврейского шрифта и языка. Хотя, правда, шрифт

еврейский, равно как и самый язык, имеет сходство с шрифтом и языком сирийским, однако язык еврейский все-таки своеобразен. Тем не менее, продолжал он, нет препятствия к переводу этих сочинений и к помещению их в царском книгохранилище, так как имеются на это свободные денежные средства. Ввиду того, что царь знал страсть Димитрия к увеличению числа томов библиотеки, он написал первосвященнику иудейскому письмо, в котором высказал желание видеть план Димитрия осуществленным[4].

2. В числе лиц, наиболее близких к царю и особенно любимых последним за порядочность, находился также некий Аристей, который уже несколько раз собирался просить об освобождении из плена иудеев, живших в его царстве. Полагая, что именно теперь наступил подходящий момент к осуществлению этой просьбы, он первоначально переговорил о том с начальниками отряда телохранителей, Сосивием-тарентинцем и Андреем, причем уговорил их поддержать его просьбу перед царем. Затем Аристей приступил к самому осуществлению своего плана, пошел к царю и обратился к нему со следующей речью:

«О царь, не станем самих себя обманывать, но признаемся себе в сущей правде. Если мы, в угоду тебе, решились не только списать, но и перевести законы иудеев, то с каким намерением мы станем делать это, раз в твоем царстве столько евреев находятся в положении (жалкого) рабства? Оставаясь последовательным в своем великодушии и своей милости, освободи этих людей от рабства, так как один и тот же Господь Бог руководил твоим правлением и дал им их законы, в чем ты можешь поверить мне и моей многоопытности. Как иудеи, так и мы поклоняемся одному и тому же всесотворившему Богу, именуя Его вполне основательно Жизнедарователем и полагая, что Он называется так вследствие того, что дарует всему жизнь. Ввиду этого, да будет даровано этим иудеям в честь Предвечного, которого они почитают столь изысканным способом, право возвращения на покинутую ими родину и к прежнему образу жизни. Знай, однако, о царь, что я не потому прошу тебя об этом, чтобы я находился в родстве с этим народом, который отнюдь не является одноплеменным со мною. Ведь только оттого, что все люди — создания Предвечного, и лишь потому, что знаю Его

расположение ко всем творящим добро, я прошу тебя об этом».

3. В ответ на эти слова Аристея царь ласково и добродушно взглянул на него и спросил: «Сколько же тысяч человек, думаешь ты, придется мне отпустить?» Когда присутствовавший при этом разговоре Андрей сказал, что их будет несколько менее ста тысяч, царь воскликнул: «Ну, Аристей, о малом же подарке ты просишь нас!» Тогда Сосивий и другие указали на то, что царю следует, ввиду своего великодушия, отблагодарить чем-либо Предвечного, даровавшего ему царство. Птолемей склонился на эти их доводы и сделал распоряжение, чтобы, когда воинам будет выдано жалованье, накинуть за каждого из бывших в их распоряжении военнопленных (иудеев) по ста двадцати драхм. Касательно же просьбы Аристея он в своем великодушии обещал издать соответственные указы, которыми скреплялось бы намерение Аристея и которые главным образом отвечали бы желанию Предвечного, причем царь выказал готовность не только освободить тех пленных, которые были переселены в страну его отцом и войском последнего, но и всех тех живущих в царстве (иудеев), которые прибыли туда раньше или позже. Когда же было указано на то, что потери при таком освобождении (иудеев) от рабства обойдутся более чем в четыреста талантов, царь согласился и на это. Тогда было решено в ознаменование великодушия царя снять копию с его указа и (навсегда) сохранить ее. Содержание этого акта было следующее: «Все те, кто вместе с отцом нашим участвовали в походах и набегах на Сирию и Финикию и, по взятии Иерусалима, забрали там военнопленных и привели их с собою в (наши) города и страну (нашу) или же купили себе таковых, будь то из числа уже раньше живших в моем государстве или из тех, которые ныне переселились сюда, пусть отпустят их на волю, получив за каждого военнопленного сто двадцать драхм, причем деньги эти будут отпущены солдатам вместе с их жалованием, всем же остальным будут отпущены из личной царской казны. Дело в том, что я вполне уверен, что эти люди были взяты в плен помимо желания отца моего и совершенно несправедливо, причем страна их сильно потерпела от своеволия солдат, которые, в свою очередь, извлекли из этого переселения евреев в Египет для себя лично ве-

ликую выгоду. Преследуя поэтому теперь одну лишь справедливость и питая сострадание к столь незаконным образом притесненным, я повелеваю даровать свободу всем живущим у нас иудеям, по получении установленной за каждого из них выкупной платы, и желаю, чтобы никто не ослушался этого моего приказания, но в точности исполнил его. Я также желаю, чтобы освободительные грамоты с точным описанием освобожденного лица были, в присутствии последнего, заготовлены в трехдневный срок после совершения самого акта освобождения, и полагаю, что это принесет нам одну только пользу. Пусть будет донесено о всяком, кто вздумал бы ослушаться этого предписания, и тогда я распоряжусь забрать все имущество ослушника в царскую казну». Когда этот указ был прочитан царю, причем тут было помещено все, кроме постановления об освобождении ранее или позже Птолемея переселенных (в Египет) иудеев, которое было опущено, царь сам великодушно прибавил к тексту соответственное гуманное постановление и, одобрив его в такой редакции, повелел своим казначеям и лицам, заведовавшим его суммами, приготовить нужные выкупные деньги. Это было быстро сделано, и таким образом постановление царя было всего в семидневный срок приведено в исполнение. Общий итог выкупных платежей достиг суммы свыше четырехсот шестидесяти талантов, ибо хозяева требовали себе выкупа также за каждого из несовершеннолетних иудеев, потому что царь в своем указе об освобождении иудеев употребил выражение «получить вознаграждение за *каждого* пленного».

4. Когда это было сделано сообразно великодушному постановлению царя, последний повелел Димитрию подать свое прошение относительно еврейских книг. При этих царях (т. е. Птолемеях) все делалось по установленным формам, причем именно формы соблюдались с величайшей точностью. Ввиду этого были занесены в архив не только копия того прошения и копии с писем, обмененных по этому поводу, но и количество отосланных жертвенных даров с отметкой на каждом всех изображений, так что всякий желающий мог узнать по этому об искусстве художника и немедленно узнать последнего по качеству изделия его. Копия же того прошения была составлена в следующих выражениях:

«Великому царю от Димитрия. Так как ты, царь, сделал распоряжение о пополнении своей библиотеки еще недостающими сочинениями и о разыскании случайно затерявшихся книг, я всеусердно докладываю тебе, что у нас, между прочим, не имеется книг по иудейскому законодательству. К тому же последние, писанные еврейским шрифтом и на чуждом нам языке, нам недоступны. Тебе, вероятно, было донесено о них не так точно, как бы тебе, царю, следовало знать о том. А между тем необходимо, чтобы и они тебе были известны, ибо изложенное в них законодательство, как исходящее от самого Бога, свидетельствует о значительной мудрости и возвышенности иудейского учения. В силу того же соображения, как замечает Гекатей из Абдеры, не упоминают о нем ни поэты, ни историки, ни те, кто сообразно ему правил государством: ведь законодательство это священно и не должно профанироваться нечистыми устами. Поэтому, царь, если пожелаешь, напиши иудейскому первосвященнику, чтобы он прислал тебе по шести самых опытных в законах старцев из каждого колена, дабы мы могли от этих людей узнать точное и полное содержание тех книг и, получив от них верный перевод, достойным образом исполнить твое в этом деле желание».

5. По получении этого прошения царь приказал написать о том иудейскому первосвященнику Елеазару и вместе с тем сообщить ему об освобождении от рабства живших (в Египте) евреев. При этом он отпустил для приготовления чаш, кубков и сосудов золота в слитках на пятьдесят талантов (а также на семьдесят талантов серебра) и огромное количество драгоценных камней. Вместе с тем царь повелел хранителям ящиков, в которых находились эти камни, предоставить выбор камней на личное благоусмотрение художников. Сверх того он приказал отпустить деньгами до ста талантов на жертвоприношения в храме и прочие нужды. Но раньше, чем мне рассказывать о сооруженных дарах и об их отделке, и раньше, чем мне приводить содержание отправленного первосвященнику Елеазару письма, я скажу, каким образом первосвященник этот достиг своего высокого сана. Поводом к тому послужило следующее.

По смерти первосвященника Онии преемником последнего стал его сын Симон, получивший за свое благочестие и за

свое доброе расположение к своим единоплеменникам прозвание «Праведный». Когда же он умер, оставив после себя несовершеннолетнего сына Онию, брат Симона, Елеазар, о котором как раз теперь у нас идет речь, получил первосвященство. Ему-то Птолемей отправил следующее письмо:

«Царь Птолемей посылает первосвященнику Елеазару привет свой. В моем государстве жило много иудеев, которые, подпав после персидского плена власти отца моего, пользовались большим с его стороны уважением, причем одних из них он принял в ряды своего войска за повышенную плату, а другим, прибывшим с ним в Египет, дал земельные участки и разместил их по крепостям с поручением охранять (границы) и держать египтян в страхе и повиновении. Затем, когда я вступил на престол, я отнесся ко всем гуманно, особенно же к твоим согражданам, из которых свыше ста тысяч человек я освободил от рабства и плена, заплатив выкупные за них деньги из собственных моих средств, приняв наиболее молодых и сильных юношей в число своих воинов и сделав некоторых из них своими приближенными, доверив наиболее, по-моему, способным охрану собственного дворца. Всем этим я полагал принести Предвечному соответственную благодарность за явленное Им обо мне попечение.

Желая сделать приятное всем живущим на земле иудеям, я решил приступить к переводу вашего закона и, переведя его с еврейского языка на греческий, поместить эту книгу в число сочинений моей библиотеки.

Поэтому ты поступишь хорошо, если выберешь по шести престарелых мужей из каждого колена[5], которые вследствие продолжительности занятий своих законами многоопытны в них и смогли бы в точности перевести его. Я полагаю стяжать себе этим делом величайшую славу. Поэтому посылаю тебе для переговоров относительно этого начальника моих телохранителей, Андрея и Аристея, которые оба пользуются в моих глазах величайшим почетом. Через них я посылал и первое свое пожертвование на храм, для жертвоприношений и всего прочего, именно сто талантов серебра. Итак, ты окажешь мне услугу, если спросишь у меня, чего желаешь».

6. Получив это письмо царя, Елеазар в ответ на него написал следующее в самых почтительных выражениях: «Пер-

восвященник Елеазар посылает привет свой царю Птолемею. Если ты, царица Арсиноя и дети ваши здоровы, то мы вполне довольны. По получении твоего послания мы очень обрадовались твоему намерению и, собрав народ, прочитали ему об этом, причем объяснили ему всю степень твоего благочестия по отношению к Всевышнему. Вместе с тем мы показали народу также посланные тобою двадцать золотых и тридцать серебряных сосудов, пять чаш и стол для жертвоприношений и те сто талантов, в которых столь нуждается наш храм для жертвоприношений и усовершенствования своего убранства и которые доставили нам Андрей и Аристей, лучшие из приближенных твоих, мужи славные, благовоспитанные и вполне достойные твоей добродетели. Поэтому, будь уверен, мы исполним все тебе угодное, хотя бы это и шло вразрез с нашими привычками[6], ибо нам следует воздать тебе благодарность за твои столь щедро явленные нашим соотечественникам благодеяния. Ввиду всего этого мы немедленно принесли жертвы за тебя, сестру твою[7], детей и друзей ваших, а народ присоединил к этому молитву, чтобы все твои начинания исполнялись, чтобы царство твое сохранялось в мире и чтобы предпринятый тобою перевод законов благополучно удался тебе же на пользу. Я уже выбрал по шести более престарелых мужей из каждого колена и отправил их к тебе с законом. Затем мы рассчитываем на твое благочестие и справедливость, в силу которых ты отошлешь нам, по снятии копии, оригинал законов, причем озаботишься, конечно, и об охране лиц, получивших это поручение. Будь здоров».

7. Таково было содержание ответного послания первосвященника. Я, впрочем, не считаю нужным приводить здесь имена семидесяти старцев, которые, будучи посланы Елеазаром, доставили царю закон, тем более что имена их отмечены в самом письме. Но зато я полагаю уместным остановиться здесь на описании драгоценных жертвенных даров, которые царь послал в честь Предвечного, дабы открыто засвидетельствовать Ему свое глубокое почитание. При этом царь не только ассигновал крупнейшую на это сумму, но сам постоянно посещал художников и следил за тем, чтобы все вещи были сооружаемы заботливо и тщательно. Хотя повествование, очевидно, и не требует, чтобы я в подробно-

стях описывал все эти драгоценности, однако я все-таки беру на себя этот труд, желая выяснить читателям своим художественный вкус и великодушие царя.

8. Сперва я дам описание жертвенного стола. Имея в виду сделать его особенно крупных размеров, царь велел узнать о размерах уже имевшегося в Иерусалиме стола, а также о том, возможно ли соорудить стол еще больших размеров. Когда же царь узнал об его величине, а также что ничто не препятствует соорудить еще больший, он выразил желание сделать стол в пять раз крупнее, но присоединил к этому опасение, как бы стол не оказался, по величине своей, негодным для богослужебных целей (а между тем царь именно имел в виду преподнести дары не только показные, но и удобные для богослужения). Поэтому он решил соорудить стол одинаковой с уже имевшимся величины, но вместе с тем такой, который превосходил бы его обилием золота, красотой и богатством употребленного на него материала. Усердие его доходило до того, что он не только старался осмотреть всевозможные художественные произведения и познакомиться с разными новыми и редкими образцами, но и до того, что он сам пустил в ход прирожденные свои способности к рисованию и делал эскизы, которые предлагал художникам, чтобы они могли по ним работать и имели точный образец для старательного выполнения предпринятой задачи.

9. Лица, которым была поручена эта работа, соорудили стол в два с половиной локтя длины, в один локоть в ширину и в полтора локтя вышины и вылили его целиком из золота. Края стола были сделаны в виде венка в ладонь ширины, которые на концах были загнуты и здесь снабжены витыми рельефными изображениями, так что один и тот же рисунок удивительным образом был виден в трех разных положениях. Дело в том, что стол был треугольный и каждая сторона его являла один и тот же рисунок, так что, с какой стороны ни повернуть стол, все был виден один и тот же рисунок. Если края стола с внутренней своей стороны были украшены соответственными рельефами, то наружная сторона их, долженствовавшая бросаться в глаза, отличалась значительно большей красотой отделки. С этой-то целью и выдававшиеся кверху и книзу края были загнуты, так что ни один из углов, которых, как мы уже упомянули, было три, не уступал друго-

му по красоте отделки. Витая полоса бортов была усеяна рядами драгоценных камней, сдерживавшихся золотыми проволоками, которые проходили сквозь отверстия в камнях. Наклонная, особенно бросавшаяся в глаза сторона краев стола была украшена яйцевидными дорогими камнями, уложенными частыми рядами и образовавшими как бы рельефную сетку, которая шла кругом всего стола. Под этим яйцевидным рельефным узором художники сделали венок, состоявший из всевозможного рода плодов, так что в одном месте свешивалась кисть винограда, в другом выступал колос, в третьем прятался гранат. Камни озаряли все вышеназванные плоды, сообразно цвету каждого из них, и все это сдерживалось золотой оправой кругом всего стола. Под этим венком опять находилось то же самое украшение и ряд яйцевидных камней, подобных верхнему ряду, так что стол сверху и снизу являл одинаково красивую и искусную картину; поэтому, если бы перевернуть крышку стола, чтобы углы и венок изменили свои положения, все-таки не получалось никакой разницы. Та же самая цель преследовалась и при устройстве ножек стола. Художники сделали золотую, в четыре пальца толщины, раму под всей крышкой стола и, впустив в эту раму ножки, укрепили их там гвоздями и винтами под бордюром, так что можно было поставить стол как угодно, и он всегда казался одинаково оригинальным и драгоценным. На поверхности стола были выгравированы арабески, в середине которых были вделаны во всевозможных сочетаниях драгоценнейшие камни, подобные звездам, а именно карбункулы и изумруды, очаровывающие всех людей, равно как всякие другие камни, которые по своей драгоценности вызывают в особенно значительной мере восторг и изумление зрителей. Рядом с арабесками тянулась витая цепь, замыкавшая собою рисунок посредине стола и состоявшая из хрусталя и янтаря, которые своим сопоставлением друг с другом вызывали чрезвычайный восторг всех осматривавших их. Верхние части ножек были сделаны наподобие лилий, причем края их листьев были вогнуты внутрь и подходили под крышку стола, тогда как снаружи резко выделялись выступавшие между этими листьями самые цветы. Каждая подставка ножек состояла из карбункула толщиной в четыре пальца и длиной в восемь дюймов, который имел форму сапога; на последнем

уже покоились самые ножки. Эти ножки были выделаны весьма старательно до последних мелочей, так как художники изобразили на них ветки плюща и лозы с виноградными гроздьями, и притом столь естественно, что их можно было принять за настоящие; дело в том, что по своей нежной и тонкой работе они колебались от ветра и тем самым давали полную иллюзию природных растений, заставляя забывать, что они являются искусственными. Весь стол был художественным образом составлен из трех примыкавших настолько плотно друг с другу частей, что совершенно не видно было места их скрепления и даже нельзя было предполагать его существование. Толщина крышки стола была не менее чем в пол-локтя.

10. Таким образом, благодаря великому усердию царя, этот подарок отличался как по ценности своего материала, так и по изяществу отделки и формы и мог служить образцом для других художников, причем царь постарался сделать его если и не отличающимся по величине от уже имевшегося в (иерусалимском) храме стола, то, по крайней мере, по искусству, по новизне устройства, по блеску отделки значительно более ценным и видным.

Равным образом были сооружены две золотые чаши на резных чешуйчатых подставках, шедших от основания до середины ножки и усыпанных по краям разноцветными камнями. Затем на каждой из них был сделан замысловатый в локоть ширины витой рисунок из всевозможных камней, а под ним помещался вплоть до краев рельефный узор в виде плетеной сетки. Верх красоты являли прелестные, помещенные посредине чаши щитовидные камни величиной в четыре дюйма. Края же каждой чаши были окружены венком из лилий, листвы и виноградных лоз, обвивавшихся вокруг всего сосуда. Таким-то образом были сооружены эти золотые чаши, из которых каждая вмещала в себя по две амфоры. Серебряные же чаши блестели сильнее зеркала, так что в них гораздо лучше, чем в зеркалах, отражались изображения всевозможных предметов. Помимо этих сосудов, царь велел заготовить еще тридцать других фиалов, из золота, правда, но уже без драгоценных камней, а украшенных зато искусными рельефными изображениями в виде веток плюща или виноградных лоз.

Все это было сделано так не только вследствие опытности художников, обладавших удивительными познаниями в своем искусстве, но гораздо более вследствие чрезвычайного усердия и рвения самого царя. Последний не только предоставил художникам обильнейшие средства и не щадил в этом смысле казны, выказывая крайнее великодушие, но отказался даже от государственных дел своих и сам присутствовал и лично руководил всей работой художников. Это же, в свою очередь, повлияло на то, что художники необычайно старались, так как они, видя усердие царя, с особенной тщательностью отнеслись к своей задаче.

11. Таковы были жертвенные дары, отправленные Птолемеем в Иерусалим. Первосвященник Елеазар поместил их в храме, почтил по возможности лиц, доставивших эти дары, и затем отпустил посланных обратно к царю, вручив им подарки для последнего. Когда эти люди прибыли в Александрию и Птолемей узнал об их прибытии и приезде семидесяти старцев, он тотчас послал за своими уполномоченными, Андреем и Аристеем. Явившись к царю, последние вручили ему письмо первосвященника и сообщили ему то, что первосвященник велел передать ему словесно. Так как царь очень хотел повидаться с прибывшими из Иерусалима старцами и побеседовать с ними относительно перевода законов, то распорядился отправить домой всех лиц, явившихся к нему по делам, сделав этот раз исключение из общего правила и поступив вопреки обычаю. Дело в том, что докладчики являлись к царю через каждые пять дней, послов же он обыкновенно принимал раз в месяц. Теперь, однако, он отпустил всех, лишь бы иметь свидание с посланными Елеазара.

Когда эти старцы предстали перед ним с присланными первосвященником подарками и со свитками, на которых были золотыми буквами записаны законы, царь (немедленно) спросил их о книгах, а они показали их ему, вынув из помещений. Царь в течение некоторого времени с удивлением рассматривал тонкий пергамент и изумлялся невидимому скреплению отдельных листов между собой (которое было сделано очень искусно); затем он поблагодарил старцев за их приезд и выразил еще большую признательность по адресу пославшего их, а наибольшую — Господу Богу, от которого исходили данные законы.

Когда же и старцы, и все присутствующие в один голос пожелали царю всех благ, царь в волнении от великой радости прослезился; ведь большая радость обыкновенно выражается подобным же образом, как и глубокая печаль. Велев затем отдать книги соответствующим чиновникам, он лишь теперь обратился к посланным с приветствием, причем сказал, что он нарочно сперва поговорил с ними по поводу их приезда, а потом уже приступил к частной беседе с ними. Тот день, продолжал он, в который они явились к нему, он обещал обратить в праздник, и на самом деле в течение всей его жизни этот день считался таковым. Это как раз тот самый день, в который он одержал на море победу над Антигоном[8]. Затем он пригласил старцев к себе на обед и распорядился отвести им наилучшие помещения вблизи дворца.

12. Никанор, которому было поручено оказать должный прием гостям, позвал Дорофея, на обязанности которого лежало вообще заботиться о вновь прибывших, и повелел ему озаботиться доставлением каждому из старцев всех удобств. В этом смысле царем были сделаны следующие распоряжения: в каждом городе, где не имелось ничего для удобства чужеземцев, имелось лицо, на обязанности которого лежало озаботиться приемом иностранцев и доставить им все, что соответствовало их обычаям, дабы гости, найдя здесь все по-домашнему, были вполне довольны и не чувствовали неприятности на чужбине. Так было поступлено и относительно иудейских старцев этих, причем на долю Дорофея выпало озаботиться доставлением им всевозможных удобств во время их пребывания. Поэтому он сам достал все нужное для угощения гостей и велел поместить, по специальному приказанию царя, приборы на столе с двух сторон[9]. Царь распорядился разместить одну половину старцев против себя, а другую рядом со своим ложем, и при этом не упустил случая опять оказать им высокую честь. Распределив затем таким образом места, царь приказал Дорофею заготовить все так, как к тому привыкли явившиеся из Иудеи гости. По этой же причине царь отослал всех прислужников при жертвоприношениях, самих жрецов и всех обыкновенно молившихся за трапезой и предложил одному из присутствующих иудеев, священнослужителю Елиссею, произнести молитву. Елиссей выступил вперед и помолился, присоединив к мо-

литве благословение царю и всем его подданным. На это из толпы присутствующих раздались приветственные клики и рукоплескания, а затем уже по восстановлении тишины все приступили к еде. Пропустив некоторое время, сколько ему казалось уместным, царь начал философскую беседу и задавал вопросы из области физики каждому из гостей своих, и так как не нашлось среди них ни одного, который не сумел бы дать царю на всякие вопросы толкового ответа, то Птолемей очень этому обрадовался и распорядился устраивать такие обеды в течение двенадцати дней. Всякий же, кому вздумалось бы познакомиться с вопросами, предложенными на этих пиршествах, может прочитать о том в книге, написанной Аристеем по этому поводу.

13. Когда же удивление свое выказал им не только царь, но и (присутствовавший при этом) философ Менедем заявил, что все это результат внушения свыше, почему во всех речах иудеев и констатируется совершенно естественная при таких условиях логическая сила в связи с изяществом формы, то все разговоры прекратились, а царь громко заявил, что уже самое присутствие иностранных гостей является для него величайшим благом, ибо они принесли ему ту пользу, что он научился от них, как следует править царством. Потом он распорядился вручить каждому (из старцев) по три таланта и назначил лиц, которые должны были сопутствовать им при уходе каждого в его помещение.

По прошествии трех дней за старцами явился Димитрий и, пройдя с ними Heptastadion (это дамба на море к острову[10]) и миновав мост, достиг с ними северной части острова и ввел их всех в расположенный на морском берегу дом, который по своей уединенности был особенно пригоден для научных занятий. Приведя их сюда, Димитрий указал им на то, что тут имеется все нужное для перевода закона, и просил их немедленно приняться за дело. Переводчики с величайшим усердием и трудолюбием стали ежедневно беспрерывно вплоть до девятого часа заниматься переводом, а затем покидали его, чтобы позаботиться также о своем теле. На это им в изобилии было отпущено все нужное, и к тому же Дорофей доставлял им многое от царского стола (ибо царь сделал соответственное распоряжение). Рано поутру они являлись ко двору и, приветствовав здесь Птолемея, возвращались в свое место, где омывали

в море руки и, очистившись таким образом, вновь принимались за свой перевод. Когда же перевод был по прошествии семидесяти двух дней окончен и записан, Димитрий собрал всех иудеев в то место, где происходил самый перевод законов, и прочитал работу громко в присутствии переводчиков. Все собрание выразило одобрение не только мудрым старцам, изъяснившим таким путем законодательство, но и Димитрию за его счастливую мысль, осуществлением которой он даровал им столь великое благодеяние. При этом народ просил также дать прочитать закон старейшинам.

Тут же все — первосвященник, старшие переводчики и начальники над иудеями — высказали пожелание оставить перевод в таком виде, в каком он сделан, и не изменять в нем ничего, так как он вполне точен и удачен[11]. Все присоединились к этому пожеланию и высказали мысль, чтобы всякий, кто усмотрит в переводе что-либо лишнее, какое-нибудь дополнение или упущение, немедленно справился и указал бы на необходимость поправки; в этом случае они поступили вполне предусмотрительно, ибо таким образом они навсегда гарантировали неприкосновенность и сохранение раз признанного текста.

14. И вот, если царь уже радовался тому обстоятельству, что его предприятие удачно осуществилось, то он обрадовался еще более, когда ему были прочитаны законы; он был поражен прозорливостью и мудростью законодателя. Затем он обратился к Димитрию с запросом, почему никто из историков и поэтов не упоминает о столь необычайном законодательстве. На это Димитрий ответил, что никто не решался приступить к изложению данного законодательства, потому что это божественное и священное произведение и потому что уже несколько лиц, дерзавших взять на себя эту задачу, были наказываемы за это Предвечным. При этом он привел в пример Феопомпа, который взялся сообщить народу кое-что из законов, более тридцати дней страдал умопомрачением и во время просветления старался умилостивить Божество, полагая, что именно в его предприятии кроется причина его умопомешательства[12]. И действительно, он видел сон, где было ему указано, что вся беда его приключилась с ним оттого, что он слишком пренебрежительно отнесся к Божественному и собирался сообщить свои на этот счет познания мас-

се народной; лишь когда он отказался от своего намерения, он вновь стал нормален. Равным образом Димитрий упомянул и о трагическом поэте Феодекте[13], который задумал вывести в одной драме данные из Св. Писания и за это был поражен слепотой. Лишь сознав свою вину и вымолив себе прощение у Предвечного, он был избавлен от своего недуга.

15. Узнав от Димитрия все вышеприведенное, царь преклонился перед книгами и распорядился относиться к ним с особенной тщательностью, дабы сохранить их в наивозможной чистоте; переводчиков же он пригласил почаще навещать его из Иудеи; это-де будет, прибавил он, не только великой для них честью, но и не безвыгодно им вследствие связанных с такими посещениями подарков. Ныне же, сказал он, справедливость требует отпустить их домой; когда же они, по собственному почину, задумают вернуться к нему, они найдут у него все, что потребовалось бы для их мудрости и что в состоянии предложить им его готовность быть им полезным. Итак, царь отпустил их и дал каждому из них по три наилучших одежды, два таланта золотом, чашу в талант ценностью и весь обеденный прибор их. Таким образом одарил он их, первосвященнику же Елеазару он послал через них десять лож на серебряных подставках со всеми принадлежностями, чашу в тридцать талантов, кроме того, десять одеяний, порфиру, великолепный головной убор, сто штук кусков ткани из виссона, а также несколько фиалов, подносов и жертвенных чаш, равно как два золотых сосуда в виде жертвенного подношения. Вместе с тем царь прибавил к этому также и письмо на имя первосвященника, где была выражена просьба, если бы кто-либо из этих переводчиков вздумал навестить царя, разрешить это, так как он, царь, высоко ставит общество развитых людей и охотно готов уделять таким лицам из своих богатств[14].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. В таком необыкновенном почете были иудеи у Птолемея Филадельфа; таким же уважением пользовались они и в глазах (прочих) царей Азии после того, как приняли участие в их походах. Селевк Никатор[15] удостоил их во всех основанных им в Азии и Нижней Сирии городах, равно как в самой

столице, Антиохии, права гражданства и сделал их равноправными с македонянами и греками, что осталось в силе по настоящее еще время. Это видно, между прочим, из следующего обстоятельства: так как иудеи не желают пользоваться чужим маслом[16], то они взимают вместо этого от гимнасиархов определенную сумму денег, соответствующую стоимости масла. Когда в последнюю войну население Антиохии собиралось лишить иудеев указанной привилегии, то бывший в то время сирийским наместником Мукиан сохранил за иудеями их право на нее[17]. Равным образом, когда Веспасиан и сын его Тит овладели всем миром, александрийцы и антиохийцы стали домогаться лишения иудеев всех прав гражданства, но потерпели при этом неудачу. На этом примере можно констатировать покладистость и великодушие римлян вообще, в частности же, Веспасиана и Тита[18], которым круто приходилось во время иудейской войны и которые были сильно раздражены невыдачей иудеями оружия и упорной решимостью биться до последней возможности; при этом эти римляне не только не лишили иудеев ни одного из указанных гражданских прав их, но подавили в себе прежнее свое против них раздражение и настойчивые требования столь могущественной александрийской и антиохийской черни, и не решились ни в угоду этой черни, ни в силу собственного своего озлобления против врагов своих, уничтожить что бы то ни было из древних иудейских установлений, но указали на то, что евреи, поднявшие против них оружие и вступившие с ними в бой, уже достаточно дорого поплатились за это, так что нет никакого основания лишать чего бы то ни было людей ни в чем не повинных.

2. Таково же было, насколько нам известно, и отношение Марка Агриппы[19] к иудеям. Дело в том, что против них восстали ионяне и стали требовать от Агриппы, чтобы он предоставил им одним те права гражданства, которые даровал им внук Селевка, Антиох, получивший у греков прозвище *Бог*;[20] при этом ионяне настаивали на том, чтобы, если иудеи хотят быть уравнены с ними в правах, то они должны поклоняться и божествам ионийским; когда же возникло по этому поводу дело, то иудеи, благодаря поддержке Николая из Дамаска[21], отстояли свое право пользоваться своими обычными установлениями.

Агриппа при этом наотрез отказался от правоспособнос-

ти вводить у евреев какие бы то ни было новшества. Если бы кто хотел в подробностях познакомиться со всем этим делом, то пусть прочитает сто двадцать третью и четвертую книги исторического труда Николая. Если же такое постановление Агриппы и не особенно удивительно (ведь наш народ в то время не вел войны с римлянами), то великодушие Веспасиана и Тита прямо изумительно, потому что эти лица сдержали себя, несмотря на такую ожесточенную борьбу с ними.

Однако я возвращусь к своему рассказу, от которого я теперь отклонился.

3. Во время правления Антиоха Великого[22] над Азией иудеям пришлось претерпеть большие бедствия не только в своей стране, которая подверглась полному разгрому, но и в Келесирии. Дело в том, что в продолжение войны, веденной Антиохом с Птолемеем Филопатором и сыном последнего, Птолемеем, известным под именем Епифана, на долю евреев выпадало страдать одинаково как в случаях его победы, так и в случаях его поражения, так что они вполне уподоблялись тогда кораблю во время бури, когда он страдает с обеих сторон от волн: они находились, так сказать, посредине между удачами и неудачами Антиоха. Тем временем, однако, победа осталась за Антиохом, и он присоединил к себе Иудею. Когда же Филопатор умер, сын его выслал против жителей Келесирии огромную рать под начальством полководца Скопаса, которому удалось занять множество сирийских городов и захватить также нашу страну, которая лежала на пути его и оказала ему отпор. Немного спустя, однако, Антиох победил Скопаса в битве при истоках Иордана и при этом уничтожил значительную часть его войска. Когда же затем Антиох овладел городами Келесирии, которые подчинил себе Скопас, равно как Самарией, то иудеи покорились ему добровольно, приняли его в свой город, доставили всему его войску и слонам его обильные жизненные припасы и охотно помогли ему в осаде оставленного Скопасом в иерусалимской крепости гарнизона. Считая уместным воздать иудеям за выказанное ими по отношению к нему рвение и расположение, Антиох отправил затем своим военачальникам и приближенным послания, в которых свидетельствовал, как хорошо отнеслись к нему иудеи, а также указал на то, какие награды он решил дать иудеям за это.

Я пока оставлю в стороне написанное царем военачальникам письмо об иудеях и укажу, в каких выражениях свидетельствует нам об этом Поливий из Мегалополя, который в шестнадцатой книге своей истории говорит следующим образом:

«Двинувшись в выше расположенные местности, военачальник Птолемея Скопас подчинил себе зимой народ иудейский». Указав затем на победу, одержанную Антиохом над Скопасом, историк в той же книге продолжает: «Антиох занял Ватамею, Самарию, Авилу и Гадару, и вскоре затем к нему явились иудеи, живущие около храма, который носит название Иерусалима. Об этом я мог бы сообщить кое-какие подробности, особенно же о роскошном убранстве святилища, но разговор об этом мы отложим до другого раза». Так повествует Поливий. Мы же теперь вернемся к нашему рассказу и приведем сперва содержание письма царя Антиоха. Вот оно:

«Царь Антиох посылает привет Птолемею[23]. Лишь только я вступил в страну иудеев, последние приняли нас дружественно, при вступлении нашем в их город оказали нам блестящий прием, выйдя к нам навстречу со всеми старейшинами, в изобилии доставили нам припасов для солдат и слонов и помогли нам изгнать египетский гарнизон из крепости. Поэтому и мы[24] решили воздать им за это, восстановить их сильно пострадавший от беспрерывных войн город и дать возможность множеству рассеянных повсюду евреев вернуться в него и вновь поселиться здесь. Ввиду этого мы для начала решили дать им за их благочестие все необходимое для жертвоприношений, именно жертвенных животных, вина, масла и курений, всего на сумму двадцати тысяч сребреников, шесть священных артаб[25] для пшеничной муки, сообразно их обычаю, одну тысячу четыреста шестьдесят мер пшеницы и триста семьдесят пять мер соли. Я желаю, чтобы все это, по точному моему приказу, было выдано им, равно как повелеваю закончить дело постройки храма, портиков вокруг последнего и всего, что бы потребовалось еще пристроить. Потребный для этого строительный материал пусть будет доставлен из пределов самой Иудеи, от других народов и из Ливана, и притом без взимания какой бы то ни было пошлины.

То же самое касается и всего прочего, что могло бы способствовать украшению храма. Пусть все принадлежащие к

иудейскому народу управляются по собственным своим законам; пусть совет старейшин, священнослужители, ученые при храме и певчие будут освобождены от подушной, казенной и всякой другой подати. А для того, чтобы город скорее успел отстроиться, я освобождаю настоящих его жителей, равно как всех тех, кто бы вздумал поселиться в нем до месяца Гиперверетея, от всех повинностей в течение трех лет. Равным образом и впредь мы освобождаем их от третьей части всех налогов, пока жители не оправятся от понесенных ими убытков.

Всех же лиц, которые были уведены из этого города в рабство, мы сим отпускаем вместе с их потомством на свободу, повелевая вместе с тем вернуть им их имущество».

4. Таково было содержание письма. Затем царь издал, желая выделить святилище, распоряжение по всей стране, в том смысле, что ни одному иноземцу не позволено вступать в то отделение святилища, которое закрыто и для иудеев, исключая тех из последних, которые посвящены на то и которым это разрешается местными законами. Далее было постановлено, что никто не смеет ввозить в город мясо лошадиное или свинину, или диких или домашних ослов, кошек, лисиц, зайцев и вообще всех запрещенных иудеям животных. Также воспрещалось ввозить в город шкуры таких животных или держать их в городе; лишь издревле употреблявшиеся для жертвоприношения животные, которые необходимы при богослужении, могли находиться в пределах города. Всякий же, нарушивший какое-нибудь из этих постановлений, подвергался штрафу в три тысячи драхм серебром в пользу священнослужителей.

Удостоверяя наше благочестие и верность, царь написал об этом в то время, когда находился в нагорных сатрапиях, и узнал, что во Фригии и Лидии готовятся перевороты. По этому поводу он повелел своему военачальнику и очень близкому человеку, Зевксиду, послать некоторых из наших из Вавилона во Фригию. Содержание этого приказа следующее:

«Царь Антиох посылает привет "отцу" своему Зевксиду. Если ты здоров — хорошо, я здоров. Узнав, что в Лидии и Фригии происходят беспорядки, я пришел к заключению, что на это мне следует обратить особенное внимание. Когда же я посоветовался с друзьями, то мы пришли к решению переселить в крепости и наиболее опасные места две тысячи

иудейских семейств из Месопотамии и Вавилонии, снабдив их всем необходимым. Я убежден, что эти люди, вследствие своего благочестия, будут преданными нам стражами, тем более что, как я знаю, мои предки засвидетельствовали их преданность и готовность оказывать поддержку там, где это от них требуется. Поэтому, несмотря на всю трудность этого дела, я желал бы переселить их туда с разрешением им жить по их собственным законам. Когда ты распорядишься доставить их на указанные места, назначь каждому из них по участку для постройки здания, а также по наделу для земледелия и виноградарства и освободи их на десятилетний срок от всех податей с их полей. Пока они не получат со своей земли плодов, пусть будет выдаваемо им содержание из средств, назначенных для моих личных слуг; пусть будет выдано вознаграждение также и тем, которые добровольно окажут им в чем-либо поддержку, дабы выражение нашей признательности еще более привязало этих людей к нашим интересам. Одним словом, позаботься о народе, чтобы ему ни с чьей стороны не подвергаться неприятностям».

Этих фактов достаточно для удостоверения расположения Антиоха Великого к иудеям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. После этого Антиох заключил дружественный союз с Птолемеем, выдал за него замуж дочь свою Клеопатру и уступил ему, в виде приданого за ней, Келесирию, Финикию, Самарию и Иудею[26]. Так как подати (с этих стран) делились между обоими царями, то знатнейшие люди в каждой стране брали себе на откуп эти подати и, собрав требуемую подушную податную сумму, выплачивали ее царям. В это время самаряне, которым теперь жилось хорошо, причинили много неприятностей иудеям, разграбляя их страну и похищая их население.

Все это случилось при первосвященнике Онии[27]. Когда умер Елеазар, первосвященство перешло к его дяде Манассии, после кончины которого этот сан перешел к Онии, сыну Симона Праведного; Симон же, как мы указали выше[28], был братом Елеазара. Этот Ония был человеком недалекого ума и очень корыстолюбивым; вследствие последнего обстоятель-

ства он не выплатил царям подати, которую предки его обыкновенно платили из собственных средств, именно в размере двадцати талантов серебра. Этим он возбудил против себя гнев царя Птолемея (Евергета, который был отцом Птолемея Филопатора), так что Птолемей отправил в Иерусалим посланного с упреком, что он не выплатил налога, и с угрозой, что он разделит страну на участки и пошлет туда, в виде постоя, своих солдат, если не получит указанной суммы. Услышав эту угрозу царя, иудеи растерялись, но Онию это нисколько не потревожило в его корыстолюбии.

2. Некий же Иосиф, сын Товия, еще совсем молодой человек, пользовался у иерусалимцев доброй славой вследствие своей порядочности, своего ума и праведности; мать его была племянницей первосвященника Онии. Когда же мать его сообщила ему о прибытии посла (а Иосиф как раз находился в то время в родной деревушке своей Фихоле), он тотчас направился в город и стал укорять Онию за то, что последний нисколько не заботится о безопасности своих сограждан, но желает, по своей любостяжательности, ввергнуть народ в опасности; при этом юноша указывал также и на то, что именно корыстолюбие побудило Онию принять на себя власть над народом и добиваться первосвященнического сана. Если же он уж столь сильно привязан к деньгам, что ради них спокойно может взирать на угрожающую отечеству опасность и на всевозможные будущие бедствия своих сограждан, то, советовал Иосиф, ему лучше пойти к царю и упросить его предоставить ему либо всю сумму денег, либо некоторую часть их. Когда Ония ответил на это, что он уж вовсе не так желает властвовать и готов, если только это возможно, охотно сложить с себя первосвященство, но отнюдь не желает отправиться к царю (потому что уж он вовсе не так дорожит всем этим), то Иосиф спросил, не позволит ли ему Ония отправиться к Птолемею в качестве заступника за народ. Получив на то согласие, Иосиф вошел в храм и, пригласив народ на сходку, стал убеждать его не беспокоиться и не бояться нерадивого к ним отношения его дяди Онии, но просил иудеев выкинуть из головы все их мрачные на этот счет опасения. При этом он указал собранию, что он сам собирается отправиться к царю и убедить его в том, что народ ни в чем не повинен. Услышав это, народ выразил Иосифу свою

признательность, юноша же покинул храм и любезно принял посланного Птолемеем человека; затем он одарил его ценными подарками и, радушно угостив его в течение целого ряда дней, отправил назад к царю с указанием, что он сам вскоре отправится следом за ним. Теперь Иосифу еще более хотелось поехать к царю, потому что посланец особенно настоятельно побуждал его к этому и уговаривал его к поездке в Египет, вдобавок обещая Иосифу исполнение со стороны Птолемея всех его просьб. Посланному очень понравились свобода обращения и видимая порядочность юноши.

3. И вот, когда посланный вернулся в Египет, то рассказал царю о недальновидности Онии и о порядочности Иосифа, а также о том, что Иосиф собирается прибыть к нему, чтобы просить за народ, которого заступником он является. Он расточал юноше столько похвал, что как сам царь, так и его жена Клеопатра оказались вполне на стороне Иосифа еще раньше, чем последний успел прибыть. Тем временем Иосиф разослал к своим друзьям в Самарию приглашение одолжить ему денег, сам заготовлял все необходимое для путешествия, одежды, сосуды и вьючный скот, и затем, после всех этих сборов, обошедшихся ему около двадцати тысяч драхм, отправился в путь и прибыл в Александрию. Как раз к тому же времени случайно поехали туда все именитые граждане и начальствующие лица из сирийских и финикийских городов с целью приобретения прав на откуп податей; царь ежегодно предоставлял это наиболее влиятельным лицам в каждом городе. Когда эти люди встретили по пути Иосифа, то стали глумиться над его бедным и неказистым одеянием. Когда же он прибыл в Александрию и узнал, что царь Птолемей находится в Мемфисе, то он отправился к нему туда, чтобы видеть его там. Царь как раз сидел в колеснице со своей женой и приближенным своим Афинионом (это было именно то лицо, которое было послано им в Иерусалим и радушно принято там Иосифом). Увидя Иосифа, Афинион немедленно сообщил царю, что это именно и есть тот самый юноша, о преимуществах которого он рассказывал ему по возвращении своем из Иерусалима. Тогда Птолемей первый приветствовал его и пригласил его к себе в экипаж; затем же, когда тот сел, царь начал жаловаться на действия Онии. Иосиф же сказал: «Прости его ради старости; ведь тебе, вероятно, небезыз-

вестно, что у стариков и у малых детей одинаковый разум. Мы, молодежь, отнесемся к тебе во всем так, что тебе не придется жаловаться». Приятно пораженный любезностью и благовоспитанностью юноши, царь еще больше полюбил его после личного с ним знакомства, так что приказал ему отвести помещение в собственном дворце и ежедневно приглашал его к своему столу. Когда же царь прибыл в Александрию, то сирийские вельможи, увидя рядом с ним Иосифа, понятно, отнеслись к этому весьма несочувственно.

4. Когда наступил день, в который должен был произойти торг на откуп податей, все стали торговаться и предлагать свои цены. За откуп податей со всей Келесирии, Финикии, Иудеи и Самарии было предложено до восьми тысяч талантов. Тогда выступил Иосиф, стал укорять откупщиков за то, что они предлагают за подати столь ничтожную сумму, и сам предложил внести двойную сумму и вдобавок присоединить к тому еще все взыскания, которые получались за оскорбление лиц царской семьи и прежде обыкновенно присоединялись к податному фонду. Царь принял такое предложение с удовольствием и распорядился предоставить откуп податей Иосифу — как лицу, дававшему значительно большую сумму за них. Когда же царь спросил его, каких поручителей он может представить за себя, тот отвечал очень тонко: «Я представлю вам людей прекрасных и безупречных, которым вы вполне поверите». На вопрос же царя, кто эти люди, юноша ответил: «Царь! Поручителями себе я назову самого тебя и супругу твою, каждого в равной половинной части».

Птолемей рассмеялся и предоставил ему откуп податей без поручительства. Это обстоятельство крайне огорчило лиц, прибывших из разных городов в Египет, потому что они таким образом ошиблись в своих расчетах.

5. Они с позором вернулись каждый в свой родной город; Иосиф же, получив от царя отряд в две тысячи воинов (которых он выпросил у него в помощь, если бы пришлось в городах прибегнуть к силе) и заняв у приближенных царя в Александрии пятьсот талантов, выступил в Сирию. Прибыв в Аскалон, потребовав от граждан уплаты податей и получив от них не только полный отказ, но и подвергшись насмешкам с их стороны, он схватил двадцать человек зачинщиков этих беспорядков и распорядился казнить их. Затем он овла-

дел их имуществом на сумму до тысячи талантов и послал эти деньги царю с подробным донесением обо всем случившемся. Птолемей удивился его распорядительности, похвалил его за его образ действий и представил ему в дальнейшем полную свободу движений. Когда об этом узнали сирийцы, то очень испугались, и так как казнь аскалонских мужей представлялась им грозным примером наказания за непослушание, добровольно открыли Иосифу ворота своих городов, впустили его и стали выплачивать ему подати. Лишь население Скифополя вздумало встретить его насмешками и позволило себе не доставить ему податей, которые они раньше выплачивали без околичностей; тогда Иосиф и здесь казнил зачинщиков (беспорядка) и отправил к царю их имущество. Собрав значительные денежные средства и при этом способе откупа податей имея крупную выгоду, он употребил заработанные таким образом деньги на укрепление своего положения, вполне основательно полагая, что лучше всего будет гарантировать себе путем денег основание дальнейшего своего успеха. Ввиду этого он посылал лично от себя царю, Клеопатре, их друзьям и всем влиятельным придворным подарки, снискивая себе таким образом их расположение.

6. Так удачно вел он дела свои в течение двадцати двух лет, причем имел от одной жены семерых детей, от другой, дочери брата своего Солимия, одного по имени Гиркан. На последней он женился следующим образом: однажды он отправился в Александрию со своим братом, который вез с собою свою дочь, достигшую уже возраста, когда ее можно было выдать замуж за какого-нибудь именитого иудея. Когда во время обеда у царя в залу вошла красивая танцовщица, Иосиф воспылал к ней страстью и сообщил о том брату своему с присовокуплением просьбы помочь ему скрыть эту проделку (так как иудеям по закону запрещено сходиться с иностранкой) и поспособствовать ему получить эту женщину для удовлетворения своей страсти. Брат охотно взялся исполнить это поручение, ночью велел своей дочери принарядиться, повел ее к Иосифу и оставил ее ему. Не ведая в своем опьянении, что делает, Иосиф сошелся с дочерью своего брата и, повторив это несколько раз, был очень доволен. Потом он заявил своему брату, что рискует своей жизнью, так как имел дело с танцовщицей, которую ему царь, вероятно,

не предоставил бы. Однако брат успокоил его, прося не тревожиться на этот счет, безбоязненно пользоваться обществом любимой женщины и взять ее себе в жены, причем сообщил Иосифу всю правду, сказав ему, что предпочел отдать ему лучше свою собственную дочь, чем видеть его позор и беду. За эту его любовь к нему Иосиф похвалил своего брата, стал жить с его дочерью и получил от нее сына, вышеупомянутого нами Гиркана.

Едва достигнув тринадцатилетнего возраста, этот младший сын Иосифа стал обнаруживать такое физическое и умственное развитие, что навлек на себя страшную ненависть со стороны своих братьев, которые могли превзойти его лишь в одном, именно в чувстве завистливости. Так как Иосифу хотелось знать, кто из сыновей его наиболее дельный, он посылал их всех поочередно к знаменитейшим в то время учителям. Однако все сыновья (кроме Гиркана) возвращались к нему неразвитыми неучами, вследствие своего легкомыслия и склонности к изнеженности и лени. Затем он послал младшего сына, Гиркана, со стадом в триста пар волов в пустыню, местность, находившуюся на расстоянии двух дней пути, с тем чтобы Гиркан обработал там участок земли, но при этом Иосиф нарочно не дал ему яремных ремней. Когда Гиркан прибыл на место и не нашел ремней, он обратился за советом к погонщикам волов, как ему быть. Те посоветовали ему послать к отцу за ремнями. Однако юноша, не считая возможным терять время в ожидании возвращения посланных, выдумал нечто очень ловкое, совершенно не соответствовавшее его юному возрасту, а именно: велев заре-зать десять пар волов, он распределил их мясо между рабочими, затем нарезал из шкур ремни, связал ими волов и, обработав таким образом указанный ему отцом участок земли, вернулся домой. Когда он пришел к отцу, последний еще более полюбил его за его сообразительность, похвалил его за остроумие и решительность и сосредоточил на нем одном всю свою любовь, как будто бы он один только и был настоящим его сыном, на что, конечно, досадовали остальные братья Гиркана.

7. Когда Иосифу было около того времени сообщено, что у царя Птолемея родился сын, и когда все именитые люди из Сирии и других подвластных областей с торжеством отпра-

вились в Александрию для отпразднования дня рождения дитяти, то сам Иосиф, вследствие преклонного возраста своего, должен был остаться дома; поэтому он спросил сыновей своих, не хочет ли кто-нибудь из них отправиться к царю. Так как все старшие отказались от этого, ссылаясь на свою неотесанность для пребывания при дворе, и советовали старику послать туда их брата Гиркана, Иосифу понравилась эта мысль; он позвал Гиркана и спросил его, не может ли он отправиться к царю и сделает ли он это охотно. Когда последний согласился поехать и присовокупил к этому, что ему не нужно на дорогу много денег (он-де будет жить скромно, так что довольно будет десяти тысяч драхм), отец опять порадовался благоразумию сына. Некоторое время спустя Гиркан посоветовал отцу не посылать царю от себя подарков, но дать ему, Гиркану, письмо к их делопроизводителю в Александрии с распоряжением выдать ему необходимую сумму на покупку лучших и драгоценных подарков. Тогда Иосиф, полагая, что десяти талантов хватит на покупку этих подарков царю, похвалил сына за добрый совет и написал соответствующее письмо на имя управляющего своего, Ариона, который заведовал всеми его находившимися в Александрии деньгами, достигавшими суммы не менее трех тысяч талантов. Дело в том, что Иосиф обыкновенно отсылал получаемые в Сирии деньги в Александрию и затем, когда наступал срок выплаты царю податей, давал соответственное распоряжение Ариону. К последнему-то Гиркан и попросил у отца письмо и, получив его, собрался в Александрию.

Однако после его отъезда братья отправили ко всем царским приближенным письма с просьбой погубить Гиркана.

8. Когда, по прибытии в Александрию, юноша передал Ариону письмо и тот спросил его, сколько талантов он желает получить (Арион рассчитывал на требование в десять талантов или немного больше), Гиркан отвечал, что ему нужна тысяча талантов. Тогда управляющий рассердился, стал упрекать его в разгульном образе жизни и сказал, каким образом отец его, бедствуя и воздерживаясь от всего, скопил себе свое состояние, причем просил его поставить себе в пример родителя. При этом Арион заметил, что он выдаст ему десять талантов и ни драхмы больше, да и то на приобретение подарков царю. Тогда юноша, в свою очередь, рассвире-

пел и приказал заковать Ариона в цепи[29]. Жена же Ариона сообщила об этом Клеопатре и просила ее обуздать юношу (Арион пользовался у царицы большим почетом); Клеопатра, в свою очередь, сообщила обо всем царю. Тогда Птолемей отправил к Гиркану человека с выражением удивления по поводу того, что Гиркан, будучи послан к нему отцом своим, не только не отрекомендовался царю, но вдобавок еще заковал управляющего; тут же выражалось требование явиться к царю и объяснить ему весь этот случай. На это будто бы юноша велел передать царю, что у него (как иудея) существует закон, в силу которого запрещается отведывать чего-либо раньше, чем пойдет в храм и принесет Предвечному жертву. Ввиду этого соображения он и сам пока не явился к нему, ожидая возможности доставить царю, благодетелю отца своего, подарки. Раба же он наказал за ослушание, ибо нет никакой разницы в том, мал ли хозяин или велик. «Ведь если мы не станем наказывать таких людей, — сказал он, — то наконец и ты сам подвергнешься насмешкам со стороны своих подданных».

Когда Птолемею был принесен этот ответ, он рассмеялся и удивился смелости мальчика.

9. Когда же Арион узнал, что царь такого мнения об юноше и что тут уже ничего не поделаешь, он выдал Гиркану тысячу талантов и был освобожден им от оков.

Спустя три дня Гиркан представился царской чете. Последняя отнеслась к нему благосклонно и в честь его отца угощала его прекрасно. Затем он тайно отправился к торговцам невольниками и купил у них сто красивых и грамотных рабов по таланту за каждого и столько же рабынь по той же цене. Когда он вскоре затем получил вместе с влиятельнейшими лицами страны приглашение к царскому столу, он очутился за столом ниже всех, потому что устроители обеда поместили его на последнем месте, вследствие его юного возраста. Все обедавшие сложили кости от мясных блюд перед Гирканом, съев самое мясо, так что весь столик перед Гирканом оказался заполненным этими костями. После этого шут царя, Трифон, который должен был смешить и веселить публику к концу пира за вином, по данному знаку гостей, предстал перед царем и сказал:

«Видишь, о царь, массу лежащих перед Гирканом костей;

совершенно таким же образом, как этот объел все мясо с костей, и отец его обглодал всю Сирию». Царь рассмеялся на слова Трифона и, спросив Гиркана, почему перед ним лежит такая груда костей, получил в ответ: «Совершенно правильно, владыка! Ведь собаки обыкновенно съедают кости с мясом, подобно этим (тут он кивнул на гостей, перед которыми не лежало ничего), тогда как люди едят мясо, а кости кидают; я же, будучи человеком, так и сделал».

Царь был поражен его столь мудрым ответом и заставил всех рукоплескать ему за его находчивость и остроумие.

На следующий день Гиркан отправился ко всем приближенным царя и приветствовал всех влиятельных придворных; при этом он разузнавал от слуг, какие подарки собираются преподнести их господа царю по поводу рождения царевича. Когда же ему говорили, что одни собираются дать десять талантов, другие из них иные суммы, соответственно имуществу всякого, он с притворным сожалением заявил, что сам он не в состоянии представить такие богатые дары, ссылаясь на то, что в его распоряжении только пять талантов. Эти сведения слуги, конечно, сообщали своим господам, а последние предвкушали уже удовольствие, как осрамится Иосиф и потеряет расположение царя вследствие бедности своего подношения. И вот в назначенный день все они, считая свои дары слишком крупными и ограничившись поэтому суммой не более чем в двадцать талантов, поднесли их царю. Гиркан же представил ко двору купленных сто невольников и сто невольниц и дал каждому из них в руки еще по таланту. Юношей он подарил царю, женщин же Клеопатре. Все были поражены неожиданностью такого ценного подношения; удивилась этому и сама царская чета; к тому же Гиркан сделал на сумму многих талантов подарки царским приближенным и придворным служащим, чтобы избежать грозившей ему с их стороны опасности, ибо братья его ведь написали им письма в том смысле, чтобы они загубили Гиркана. Птолемей, в благодарность за богатое приношение юноши, предложил ему потребовать себе какой угодно подарок. Последний, однако, просил у него только одного, именно чтобы царь отписал о нем отцу и его братьям. Потом царь, оказав ему величайшие почести и одарив его богатыми дарами, а также снабдив его письмами к отцу, братьям, всем сво-

им военачальникам и наместникам, отпустил юношу домой.

Когда братья его узнали обо всем случившемся с Гирканом у царя и о том, что он возвращается с великим почетом, они выехали ему навстречу с намерением убить его. Сделали они это с ведома отца своего, который рассердился на сына за то, что последний при трате денег нисколько не подумал о его интересах. Однако Иосиф, из опасения перед царем, скрывал свой гнев на сына. Когда братья вступили с Гирканом в бой, он перебил множество народа из их свиты, а также двоих из братьев, тогда как остальные спаслись бегством к отцу своему в Иерусалим. Так как при прибытии Гиркана в город никто не хотел принять его к себе, он испугался, переправился в местности по ту сторону Иордана и остался там, подчиняя себе дикие племена.

10. В это время царем (Передней) Азии был сын Антиоха Великого, Селевк, прозванный Филопатором. Между тем умер отец Гиркана, Иосиф, человек прекрасный и великодушный, который успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни; при этом он, в течение двадцати двух лет, держал на откупе подати в Сирии, Финикии и Самарии. Тогда же умер и дядя его Ония и оставил первосвященство сыну своему Симону. Когда же и последний умер и преемником его сана стал сын его Ония, то к этому Онии отправил посольство лакедемонский царь Арей[30], снабдивший посольство письмом, содержание которого было следующее:

«Лакедемонский царь Арей приветствует Онию. В какой-то книге мы нашли указание на то, что иудеи и лакедемоняне одного происхождения и ведут род свой в одинаковой мере от Авраама. Поэтому, раз вы нам братья, будет справедливо, если вы станете обращаться к нам в случае какого-нибудь желания. Так будем поступать и мы и смотреть на вам принадлежащее как на свое, причем и вам предоставляем смотреть на наше имущество как на свою собственность. Письмо это вручит вам Димотел, который обыкновенно составляет у нас послания. Письмо четырехугольного формата и снабжено печатью, представляющей орла, держащего змею».

11. Таково было содержание посланного лакедемонским царем письма. Когда умер Иосиф, в народе произошли смуты, повод к которым подали сыновья Иосифа. Дело в том,

что старшие объявили войну Гиркану, младшему из детей Иосифа, и таким образом народ распался на две партии, наиболее многочисленная из которых стала на сторону старших братьев; то же самое сделал, вследствие родства с ними, и первосвященник Симон. Ввиду этого Гиркан решил более не возвращаться в Иерусалим, но засел в местности по ту сторону Иордана и беспрерывно воевал с арабами, множество которых он перебил или взял в плен. Он, между прочим, построил себе укрепленный замок весь из белого камня вплоть до крыши и украсил его огромными рельефными изображениями животных. Вокруг этого здания он соорудил широкий и глубокий ров. Со скал находившегося против дворца горного хребта он велел отбить все выступы, затем соорудил множество пещер длиной в несколько стадий и устроил тут в горе ряд комнат, предназначавшихся либо для пиршеств, либо для спален, либо просто для житья; кроме того, он провел внутрь пещер множество ключей, которые служили одновременно для пользы и украшения всего этого (подземного) дворца. Входы в пещеры он сделал настолько узкими, что можно было входить не иначе, как поодиночке. Все это он сделал преднамеренно, в видах личной безопасности, чтобы не попасться в руки братьям в случае осады с их стороны. Кроме того, он построил также целый ряд поселений различной величины и украсил их обширными садами. Всю эту созданную им колонию он назвал Тиром. Местность эта лежит между Аравией и Иудеей, по ту сторону Иордана, недалеко от Ессевонитиды[31].

В этих местах Гиркан правил в течение семи лет, именно все то время, в продолжение которого Селевк царствовал над Сирией. Когда же Селевк умер, то власть перешла к его брату Антиоху, прозванному Епифаном. Между тем умер и египетский царь Птолемей, также известный под именем Епифана, и оставил после себя двух еще малолетних сыновей, из которых старшего звали Филометором, младшего же Фисконом.

Когда Гиркан увидел, что Антиох располагает значительной ратью, то он, испугавшись, как бы царь не схватил его и наказал за его войны с арабами, окончил жизнь свою самоубийством. Всем имуществом же его завладел Антиох.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Так как около этого времени умер также и первосвященник Ония, то Антиох предоставил сан его, ввиду малолетства сына Ония, брату его. Историю этого малолетнего сына мы в свое время расскажем.

Иисус, однако (так звали брата Ония), вскоре был лишен первосвященнического сана, потому что царь рассердился на него и передал этот сан его младшему брату, носившему имя Онии. Таким образом, у Симона было трое сыновей, к каждому из которых, как мы показали, постепенно и переходило первосвященство. Иисус изменил свое имя в Иасона, а Ония в Менелая.

Когда прежний первосвященник Иисус восстал против позже назначенного на этот пост Менелая и народ разделился на две партии, то на сторону Менелая стали сыновья Товия. Однако преобладающая масса народа заступилась за Иасона, и последний настолько стеснил Менелая и сыновей Товия, что они бежали к Антиоху и заявили ему о своей готовности отказаться от своих законов и своего государственного устройства и принять установления царя и греческую форму правления. Потом они просили его разрешить им построить в Иерусалиме школу для гимнастических упражнений. Получив на то его согласие, они стали прикрывать наготу свою, чтобы не видно было их обрезания и чтобы с внешней стороны походить на греков, оставив все свои прежние обычаи, стали теперь во всем подражать другим народностям.

2. Между тем Антиох, правление которого протекало без приключений, решил предпринять поход на Египет, потому что он очень желал овладеть им ввиду того, что сыновья Птолемея[32] не представляли в этом отношении затруднения, как по своей слабости, так и по неспособности справиться с трудностями похода. Поэтому он с большой ратью явился к Пелузию и, хитростью обойдя Птолемея Филометора, захватил Египет. Затем он появился в окрестностях Мемфиса и, завладев этим городом, двинулся на Александрию в намерении взять ее осадой и захватить царствовавшего там Птолемея. Однако ему пришлось покинуть не только Александрию, но и вообще Египет, так как римляне принудили его очистить

страну, как мною уже было раньше указано в другом месте[33].

Теперь я последовательно расскажу историю этого царя, как он напал на Иудею и завладел храмом. В прежнем своем повествовании о нем я лишь в общих чертах упомянул об этом; теперь же мне кажется уместным посвятить ему более подробный рассказ.

3. Вернувшись из Египта в страхе перед римлянами, царь Антиох пошел войной на город Иерусалим и, придя туда в сто сорок третьем году после воцарения селевкидской династии[34], взял город без боя, потому что приверженцы его[35] отворили ему ворота. Овладев таким образом Иерусалимом, он перебил множество противников своих и, награбив значительное количество денег, возвратился в Антиохию.

4. Два года позже, именно в сто сорок пятом году (селевкидской эры), в двадцать пятый день того месяца, который у нас называется Кислевом, у македонян же Апеллеем, в течение сто пятьдесят третьей олимпиады, царь во главе огромного войска вступил в Иерусалим и обманным образом овладел городом, выдав свой приход за совершенно мирный. Но на этот раз он не пощадил даже тех, которые впустили его в город, ввиду находившихся в храме богатств; побуждаемый своим корыстолюбием и намереваясь ограбить храм, в котором он заметил множество золота и прочие столь дорогие жертвенные приношения, он решился нарушить данное тем людям слово. Итак, он совершенно ограбил храм, не пощадив даже священной утвари, золотых светильников, золотого алтаря, трапезы и жертвенников, и даже не отказался от занавесей, вытканных из виссона и пурпура; равным образом опустошил он и тайную сокровищницу и тем вверг иудеев в большое горе. К тому же он запретил им совершение ежедневных жертвоприношений, которые они по закону приносили Господу Богу. Затем он совершенно разграбил город, причем часть жителей перебил, других же вместе с женами и детьми взял в плен, так что более десяти тысяч человек стало рабами. Лучшие здания города он предал пламени и, срыв городские стены, укрепил находившийся в нижней части города холм, называвшийся Акрой[36]. Этот холм был высок и господствовал над храмом; поэтому-то царь и укрепил его высокими стенами и башнями и поместил тут македонский гарнизон. Кроме того, в этой крепости остались также безбожники из народа и все гнусные

люди, которые причинили своим согражданам много бедствий. Затем царь поставил на месте, где происходили жертвоприношения, алтарь и заклал на нем свинью, то есть животное, которое как по божеским, так и по человеческим законам считалось у иудеев недозволенным.

Вместе с тем он принудил их отказаться от почитания своего Бога и навязал им его собственных богов, которым иудеи должны были в каждом городе и каждом селении посвящать рощи и воздвигать алтари; на последних, по его приказанию, они обязаны были ежедневно приносить в жертву свиней. При этом царь запретил также иудеям совершать обряд обрезания над мальчиками и грозил наказанием всякому, кто решился бы ослушаться этого запрещения. С этой же целью он назначил особых надзирателей, на обязанности которых лежало принуждать евреев к исполнению всех этих предписаний. И действительно, много иудеев, отчасти добровольно, отчасти из страха перед угрожающим наказанием, стали исполнять эти царские повеления. Однако наиболее выдающиеся и благородные из иудеев не обращали внимания на царя, ставя исполнение издревле установленных обычаев выше наказания, которым тот угрожал за ослушание, и потому ежедневно нескольким из них пришлось подвергаться пыткам и умирать в жестоких мучениях. Их бичевали, терзали и затем живьем пригвождали к крестам; женщин же и детей, которые были наперекор царскому велению обрезаны, подвергали казни через удушение и вешали затем тела их на шею пригвожденным к крестам мужьям и родителям. Если же у кого-либо находили книгу со священными законами, то она уничтожалась, и всякий, у которого таковая была найдена, должен был умирать жалкой смертью.

5. Когда самаряне увидели все эти бедствия иудеев, то перестали выдавать себя за их сородичей и стали уверять, что их храм на (горе) Гаризим вовсе не воздвигнут в честь Всевышнего Бога; другими словами, они поступили сообразно своей обычной манере, о которой мы уже упоминали, и выдавали себя за потомков мидян и персов, что вполне правильно. Вместе с тем они отправили к Антиоху послов с письмом следующего содержания:

«Послание царю Антиоху Богу Епифану от сидонцев из Сихема. На основании некоего суеверия наши предки,

побуждаемые к тому различными постигшими страну бедствиями, установили обычай почитать тот день, который у иудеев носит название субботнего. Вместе с тем они воздвигли на горе Гаризим святилище без определенного назначения и приносили тут разные жертвы. И вот, так как ты воздаешь теперь иудеям должное возмездие за все их гнусности, царские чиновники, полагая, что мы родственны евреям и потому следуем их примеру, подвергают и нас подобным же наказаниям, тогда как мы по происхождению своему сидоняне. Последнее, впрочем, видно и по государственным записям. Ввиду всего этого умоляем тебя, нашего благодетеля и спасителя, повелеть своему наместнику Аполлонию и уполномоченному своему Никанору не обижать нас применением к нам тех карательных мер, которые установлены для иудеев; ведь мы, как по своему происхождению, так и по своим обычаям, не имеем ничего общего с последними. Вместе с тем пусть будет никому не посвященное святилище наше предназначено греческому Зевсу. Если это будет сделано, то преследования наши само собою прекратятся и мы сможем безбоязненно посвятить себя делам своим, от чего увеличатся лишь твои собственные доходы».

На эту просьбу самарян царь послал им следующий ответ: «Царь Антиох Никанору. Сихемские сидоняне препроводили ко мне прилагаемую записку. Так как в совещании, которое я устроил по этому поводу с приближенными моими, посланные самаряне подтвердили, что взводимые на иудеев обвинения совершенно неприменимы к ним, самарянам, и что последние готовы жить по греческим обычаям, мы освобождаем их от преследований и посвящаем, сообразно их просьбе, их храм Зевсу греческому».

Такой же указ царь послал и наместнику своему Аполлонию в сто сорок шестом году, в восемнадцатый день месяца Гекатомбеона[37].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Около этого самого времени в иудейской деревне Модии жил некто Маттафия, сын Иоанна, который, в свою очередь, происходил от Симеона асмонеянина; этот Маттафия был священником из разряда Иоарива и происходил из Ие-

русалима. У него было пять сыновей: Иоанн, прозванный Гаддес, Симон, иначе называвшийся Матфеем, Иуда, прозванный Маккавеем, Елеазар Ауран и Иоанаф, иначе прозванный Апфусом. Этот Маттафия оплакивал с сыновьями своими потерю прежней свободы, разграбление города, разгром святилища и все постигшие народ бедствия, причем говорил, что им лучше умереть за свои древние законы, чем продолжать жить так бесславно.

2. Когда же в деревню Модию явились царские чиновники, чтобы принудить иудеев к исполнению предписаний царя и повелеть им принести установленные царем жертвы, чиновники эти обратились с просьбой подать тому пример к Маттафии, который занимал (в селении) видное общественное положение, между прочим, вследствие своего высокого образования; (при этом чиновники были уверены, что именно его примеру последуют все его сограждане и Маттафия сможет тем самым снискать себе расположение царя). Однако Маттафия наотрез отказался сделать это и заметил, что он со своими сыновьями никогда не решится изменить древнему благочестию, хотя бы все остальные народы и повиновались, либо из страха, либо из низкопоклонства, предписаниям Антиоха. Не успел Маттафия закончить речь свою, как кто-то из иудеев вышел из толпы и принес требуемую Антиохом жертву; тогда Маттафия и его дети в гневе устремились на него с мечами в руках, и старик убил не только этого иудея, но и умертвил царского военачальника Апеллеса, принудившего иудея к жертвоприношению, и вместе с ним нескольких солдат. Разрушив затем алтарь, Маттафия воскликнул: «Кто еще привержен родным обычаям и истинному богопочитанию, тот пусть следует за мной».

С этими словами он, сопутствуемый сыновьями, направился в пустыню, оставив в селении все свое имущество. Его примеру последовало множество других жителей деревни, которые бежали с детьми и женами в пустыню и стали жить там в пещерах.

Когда об этом узнали царские военачальники, то они взяли все войска, находившиеся в то время в иерусалимской крепости, и последовали за иудеями в пустыню. Настигнув беглецов, они первоначально пытались вразумить их и выбрать то,

что им было бы полезнее, прося не заставлять их прибегать к военной силе; но когда иудеи не вняли их убеждениям, а, напротив, упорно стояли на своем, они напали на них в субботу и истребили их огнем в пещерах; при этом иудеи не оказали ни малейшего сопротивления вследствие субботнего дня, которого не желали греховным образом нарушать, так как в этот день нам законом предписано не работать. Таким образом, около тысячи иудеев с детьми и женами задохлись от дыма в пещерах; но многие, которым удалось спастись, бежали к Маттафии и выбрали его своим предводителем. Последний при этом пояснил им, что они должны сражаться даже и в субботу, и указал им на то, что, если они, соблюдая закон, не станут делать это, они сами себе повредят, потому что враги и будут нападать на них именно по субботам, когда они не станут защищаться; таким образом, ничто не спасет их от полной гибели без боя. Слова его убедили иудеев, и с тех пор по сей день у нас установился обычай сражаться даже по субботам, если того требуют обстоятельства. Затем Маттафия собрал вокруг себя значительную рать, разрушил жертвенники и стал убивать всех, кто навлекал на себя грех жертвоприношениями (греческим богам) и кого он только мог захватить. (Дело в том, что многие из этих богоотступников искали из страха спасения в переходе к окрестным племенам.) Равным образом Маттафия приказал подвергнуть обрезанию всех еще не обрезанных мальчиков и прогнал царских чиновников, которые должны были препятствовать этому.

3. Пробыв во главе (иудеев) в течение одного года и впав в болезнь, Маттафия призвал к себе однажды сыновей своих и, когда они явились к нему, сказал им: «Я, дети мои, теперь собираюсь в путь, всем нам судьбой предначертанный. Оставляю вам свои убеждения и прошу вас не изменять им, но быть добрыми их охранителями. Помните о всегдашнем стремлении отца и воспитателя вашего спасти от гибели издревле установленные обычаи и поддерживать грозящее погибнуть древнее государственное устройство наше. Не входите в общение с теми, кто либо добровольно, либо по принуждению изменил ему, но являйте себя достойными меня сыновьями, которые, несмотря на господство всяческого насилия и принуждения, были бы в случае необходимости готовы даже умереть за свои законы. Помните при этом,

что Господь Бог, видя вас такими, не забудет о вас, но, радуясь вашей стойкости, вернет вам все следуемое и возвратит вам свободу, пользуясь которой вы спокойно и без страха сможете жить по своим обычаям. Хоть тела наши смертны и бренны, однако они достигают бессмертия благодаря воспоминанию о наших деяниях. Я желал бы, чтобы вы прониклись этим сознанием, стремились бы к такой славе и, не задумываясь пожертвовать за это даже жизнью своей, искали бы осуществления величайших идеалов. На первом же плане увещеваю вас жить в согласии друг с другом и охотно признавать друг у друга имеющиеся у каждого из вас преимущества, чтобы каждый мог приносить другим пользу этими качествами. Признавайте брата своего Симона за его выдающиеся умственные способности отцом своим и слушайтесь его советов; Маккавея же, за его храбрость и силу, сделайте начальником вашего войска; он отомстит за народ свой и отразит врагов. Привлекайте также к себе всех праведных и благочестивых и укрепляйте свое могущество».

4. Переговорив так с сыновьями и помолясь Богу, дабы Он оказал им свою поддержку и вновь даровал народу возможность жить сообразно его обычаям, старик вскоре затем умер. Похоронили его в Модии. После того как весь народ сильно печалился о нем, сын Маттафии, Иуда Маккавей, в сто сорок шестом году[38] стал во главе правления, причем как его братья, так и все прочие иудеи охотно подчинились ему. Затем он изгнал из страны врагов своих, перебил всех тех единоплеменников своих, которые преступили издревле установленные законы, и очистил страну от всякого осквернения[39].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Когда об этом узнал наместник Самарии, Аполлоний, то двинулся с большой ратью на Иуду. Последний выступил ему навстречу, сошелся с ним в битве и разбил его, причем убил не только множество его воинов, но и самого полководца, Аполлония, и овладел мечом его, которым тот обыкновенно пользовался. Еще большее число неприятелей было ранено, и затем Иуда, захватив в лагере врагов богатую добычу, вернулся восвояси.

Сирон же, наместник Келесирии, узнав, что многие при-

мкнули к Иуде и что у последнего уже имеется достаточное для борьбы войско, решил пойти на него походом, потому что считал своей обязанностью наказать ослушников царских повелений. Поэтому он собрал все бывшее в его распоряжении войско, в ряды которого он принял также беглецов и богоотступников из иудеев, и двинулся на Иуду. Достигнув иудейской деревни Вефора, он расположился тут лагерем.

Когда Иуда двинулся ему навстречу и приготовился сразиться с ним, то увидел, что его воины, отчасти вследствие своей малочисленности, отчасти вследствие голода (они постились), струсили. Поэтому он обратился к ним с увещанием и сказал, что не от численного превосходства зависит победа над врагами, но от благочестия сражающихся, чему может служить красноречивейшим доказательством пример их собственных предков, которым вследствие праведности столь часто удавалось в борьбе за свои установления и за своих детей поражать десятки тысяч врагов. Ведь действительно прочная сила заключается в полной праведности. Такими словами ему удалось убедить своих воинов не смотреть на многочисленность врагов и разом напасть на Сирона. В последовавшем затем бою Иуда действительно обратил сирийцев в бегство, потому что в ту самую минуту, как пал их военачальник, они видели возможность спастись в одном лишь бегстве. Во время погони за врагами до равнины Иуда перебил еще около восьмисот из них, остальные же спаслись у берега моря.

2. При известии об этом событии царь Антиох жестоко разгневался и, собрав всю свою рать, которую он усилил еще множеством наемников с островов, приготовился к началу весны вторгнуться в Иудею. При выдаче платы, однако, он заметил, что у него не хватит средств и наступит полное безденежье (ибо, с одной стороны, вследствие постоянных возмущений в стране подати не поступали в казну, с другой же — сам царь при своей крайней расточительности не справлялся со своими средствами), и потому он решил первоначально отправиться в Персию для того, чтобы собрать там подати этой страны. Поэтому царь поручил некоему Лисию, который пользовался его расположением, заведование всеми делами от пределов Египта по всей Азии до реки Евфрата, оставил в его распоряжении часть своего войска и слонов, а также поручил ему тщательно воспитать сына сво-

его Антиоха до тех пор, пока он сам, царь, не вернется после покорения Иудеи, порабощения ее жителей, полного разгрома Иерусалима и уничтожения всего племени иудеев. Поручив это Лисию, царь Антиох в сто сорок седьмом году направился к Персии и, перейдя Евфрат, пошел в горные сатрапии.

3. Между тем Лисий отрядил сына Доримена, Птолемея, а также Никанора и Горгия, весьма влиятельных приближенных царя, и, дав им сорок тысяч пешего и семь тысяч конного войска, отправил их против Иудеи. Они дошли до города Еммауса и расположились тут станом на равнине.

Здесь примкнули к ним союзники из Сирии и из близлежащих стран, а также множество иудейских перебежчиков, равно как несколько купцов, которые собирались купить будущих военнопленных и с этой целью привезли с собой оковы для связывания пленных и нужное для их покупки количество золота и серебра. Между тем Иуда, увидя вражеский стан и огромное количество противников, стал увещевать своих воинов мужаться и убеждать их возлагать надежду на Предвечного и умолять Его, по старинному обычаю, во вретищах; при этом он советовал им прибегнуть к обычному в случаях большой опасности способу умилостивления Предвечного, дабы побудить Его таким образом даровать им победу над врагами. Затем, разместив своих воинов, по старинному обычаю, по тысячам и сотням, и отпустив домой новоженов и тех, кто недавно приобрел недвижимую собственность, дабы эти люди из любви к своему дому не мешали сражаться, Иуда предстал перед своим войском и воспламенил его к бою следующими словами:

«Никогда еще, товарищи, не было более критического для вас момента, чем теперь, когда требуется все ваше мужество и полнейшее равнодушие к опасностям. Ныне следует в храбром бою вернуть себе свободу, которая уже сама по себе всем представляется желанным благом, особенно же для нас, потому что она даст нам возможность не прекращать нашего богопочитания. Поэтому, при таком положении дел, вам следует сражаться так, чтобы добиться этой свободы и вместе с ней возможности жить счастливо и беззаботно (что и требуется нашими законами и древними обычаями); иначе, если вы будете сражаться трусливо, вам придется подвергнуться крайнему унижению, а всему роду вашему уготовить полное истребление. Имея же

в виду, что нам некогда предстоит смерть и помимо боя, и будучи уверены, что в борьбе за лучшие блага, за свободу и отечество, за законы и благочестие вы сможете стяжать себе вечную славу, вы должны приготовиться и собраться с духом, чтобы завтра утром на заре сойтись с врагами».

4. Такой речью Иуда стал воспламенять мужество своего войска. Между тем враги выслали Горгия с пятью тысячами пехотинцев и тысячей всадников, причем Горгию служили в качестве проводников несколько иудейских перебежчиков; он должен был ночью напасть на Иуду. Лишь только сын Маттафии узнал это, он решил сам ворваться в стан неприятелей, тем более что теперь силы последних были разъединены. Поэтому, когда в определенный час солдаты поужинали, он оставил в лагере множество сторожевых огней, а сам в течение ночи держал путь к врагам, находившимся в Еммаусе. Между тем Горгий, не найдя врагов своих в лагере и полагая, что они отступили и скрываются в горах, отправился туда и стал их там разыскивать. Иуда же на заре появился перед неприятелем в Еммаусе со своими по бедности плохо вооруженными тремя тысячами войска и, увидев, что враги отлично укрепились и обезопасили свой стан по всем правилам искусства обратился к солдатам с новым увещеванием. При этом он указывал им на то, что в случае необходимости следует сражаться даже совсем без оружия и что Предвечный нередко и при таких условиях даровал более слабым победу над более многочисленным и хорошо вооруженным неприятелем, потому что Господу Богу благоугодно было их мужество. Затем он приказал трубачам подать сигнал к началу боя и совершенно неожиданно для врагов напал на них. Этим своим внезапным нападением он привел их в такое замешательство и так напугал их, что ему удалось множество их истребить в открытом бою, а остальных подвергнуть преследованию. Таким образом он достиг Гадары и равнины Идумейской с городами Азотом и Ямнией. Врагов пало около трех тысяч человек. Между тем Иуда запретил своим воинам думать пока о добыче врагов, потому что им еще предстояло помериться силами в бою с Горгием и его ратью. Если они одержат верх и над этими войсками, тогда, сказал он, пусть безбоязненно предаются грабежу, потому что им придется биться лишь в этом бою и другого не представится более.

Еще пока Иуда так говорил со своими солдатами, люди Горгия увидели полное бегство того войска, которое они покинули в лагере, а самый лагерь в пламени. Уже издали дым от пожарища указал им на случившееся. И вот, когда воины Горгия увидели дела в таком положении и заметили, что солдаты Иуды готовы перейти в наступление, они сильно перепугались и сами обратились в бегство. Справившись таким образом без всякого боя с воинами Горгия, Иуда вернулся (в лагерь) и приступил к захвату добычи; захватив тут множество золота, серебра, пурпуровых и гиацинтовых тканей, он с радостью и прославляя Господа Бога за явленную милость, вернулся восвояси. Эта победа иудеев в значительной степени способствовала утверждению их свободы.

5. Вне себя от поражения, понесенного высланной ратью, Лисий на следующий год собрал войско из шестидесяти тысяч отборных солдат и, прибавив к ним еще пять тысяч всадников, вторгся в Иудею. Достигнув нагорной страны, он расположился станом в иудейской деревне Вефсуре. Ему навстречу выступил Иуда во главе десятитысячного войска. Увидя такое значительное количество врагов, Иуда обратился с молитвой к Предвечному, прося и на этот раз оказать свое содействие, и затем, напав на передовой отряд неприятелей, разбил его, перебил до пяти тысяч человек и нагнал тем самым страх на остальных. Лисий поэтому без труда понял окончательную решимость иудеев либо умереть, либо добиться полной свободы и, боясь повторения с их стороны того урока, который он уже получил от них, вернулся с остальным своим войском в Антиохию и остался там, вербуя новых наемников и готовясь вторгнуться в Иудею с гораздо более значительным войском.

6. После стольких поражений, уже нанесенных полководцам царя Антиоха, Иуда созвал своих людей на сходку и сообщил им, что после такого множества дарованных иудеям от Предвечного побед, следует вернуться в Иерусалим, подвергнуть храм ритуальному очищению и принести установленные жертвы. Когда же он со всей массой своих приверженцев прибыл в Иерусалим и нашел храм пустым, ворота его сожженными и целые деревья, выросшие сами по себе в храме вследствие его заброшенности, он и все люди его начали плакать; так они были потрясены видом храма. Затем Иуда выбрал не-

скольких воинов и приказал им изгнать гарнизон крепости[40], пока он сам займется очищением святилища. По тщательном очищении последнего он снабдил храм новой утварью, светильником, столом и алтарем, сооруженными из золота, заготовил новые завесы на двери и навесил также новые створы дверей. Разрушив старый жертвенник, Иуда воздвиг новый из различных камней, которых не коснулось железо[41].

И вот на двадцать пятое число месяца Кислева, именующегося у македонян Апеллеем, иудеи зажгли свечи на светильнике, совершили воскурения на алтаре, возложили на стол хлебы предложения и принесли на новом жертвеннике жертву всесожжения.

Все это случилось как раз в тот же самый день, в который, три года тому назад, священное место культа иудеев было осквернено и профанировано. Опустошенный Антиохом храм пребывал в таком запустении ровно три года. В сто сорок пятом году (селевкидской эры) это несчастье постигло храм, именно двадцать пятого Апеллея, в сто пятьдесят третью олимпиаду, а возобновлен храм был в тот же двадцать пятый день месяца Апеллея в сто сорок восьмом году, в сто пятьдесят четвертую олимпиаду. Опустошение храма совершилось вполне сообразно предсказанию Даниила за четыреста восемь лет, когда пророк объявил, что македоняне разрушат святилище[42].

7. Иуда праздновал со своими согражданами возобновление жертвоприношений в храме в течение восьми дней, причем не забыл ни одного рода удовольствий; богатые и блестящие жертвоприношения дали ему возможность обильно угостить народ, который песнями и псалмами прославлял Предвечного и увеселял самого себя. Иудеи так радовались явившейся теперь вновь возможности вернуться к своим прежним обычаям и внезапному случаю после продолжительного времени опять предаваться истинному богопочитанию, что они условились на будущее время всегда праздновать день восстановления храма восьмидневным празднеством. С тех пор по настоящее время мы празднуем этот праздник под именем празднества света[43], вероятно, потому, что в этот день явилась нам против всякого ожидания, подобно свету, возможность вновь поклоняться Предвечному.

Иуда обвел весь город стенами, воздвиг для отражения

вражеских набегов высокие башни и поместил в них сторожевые посты. Кроме того, он также укрепил город Вефсуру, чтобы пользоваться им вместо крепости против могущих произойти набегов врагов[44].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Пока все это происходило, окрестные племена очень недружелюбно отнеслись к успехам и возрастанию могущества иудеев, и общими силами путем всякого рода интриг и козней им удалось погубить множество иудеев. Поэтому Иуде пришлось постоянно вести с ними войны, по силе возможности удерживать их от вторжения в страну и тем оберегать своих единоплеменников от их обид. Так, например, он напал на потомков Исава, идумеян, около Акравати-ны, перебил множество их и собрал богатую добычу. Потом он окружил сыновей Ваана, которые злоумышляли против иудеев, осадил их город, сжег их укрепления и перебил их воинов. Отсюда он затем двинулся на аммонитян, которые располагали сильным и многочисленным войском под предводительством Тимофея, разбил их, взял их город Иазор, захватил их жен и детей в плен и, предав город пламени, вернулся в Иудею. Когда же соседние племена узнали о его возвращении, то собрались в область галаадскую, против живших вдоль границ иудеев. Последние тогда бежали в крепостцу Дафем и послали к Иуде извещение, что Тимофей заметил место, где они искали себе убежища. Пока Иуда читал их письмо, явились посланные из Галилеи с извещением, что жители Птолемаиды, Тира и Сидона, а также другие галилеяне общими силами готовятся к нападению.

2. Подумав о том, как быть при извещении о такой двойной беде, Иуда поручил брату своему Симону с тремя тысячами отборного войска поспешить на помощь к жившим в Галилее иудеям, сам же он с другим своим братом, Ионафом, двинулся во главе восьмитысячного отряда в область галаадскую. Над остатками своего войска он поставил сына Захария, Иосифа, и Азарию и поручил им усердно охранять Иудею и не начинать войны ни с кем, пока он сам не вернется. Прибыв в Галилею и вступив в бой с врагами, Симон обратил их в бегство, преследовал их вплоть до ворот Птоле-

маиды, перебил при этом до трех тысяч человек, захватил в виде добычи доспехи убитых, а также иудеев, раньше взятых ими в плен, равно как все их имущество, и вернулся домой.

3. Между тем Иуда Маккавей и брат его Ионаф переправились через Иордан и после трехдневного пути встретили наватеян, с которыми у них были дружеские и мирные отношения.

Когда последние рассказали им о положении дел в галаадской области, какое множество иудеев томится в плену в крепостцах и городах галаадских, и когда наватеяне при этом умоляли Иуду поспешить походом на иноплеменников и избавить своих единоверцев от их ига, он, глубоко потрясенный, двинулся по направлению к пустыне, бросился сначала на жителей Восоры и, взяв ее, перебил всех мужчин, способных носить оружие, и сжег город дотла. Хотя за этим и наступила ночь, Иуда все-таки не стал отдыхать, но двинулся дальше и шел в течение всей ночи к той крепости, где были заключены иудеи.

Вся эта местность была занята войсками Тимофея. Явившись туда на заре, Иуда увидел, что враги расположились уже около самого города, причем одни приставляли к стенам лестницы, а другие подвозили осадные орудия. Тогда он велел трубить в трубу и, увещевая своих воинов храбро встретить опасность, защищая своих братьев и единоплеменников, разделил свое войско на три части и с тыла напал на врагов. Когда люди Тимофея узнали, что это Маккавей, они, которые уже раньше имели случай испытать его беззаветную храбрость в бою, обратились в бегство. Иуда и его войско бросились их преследовать и перебили из них до восьми тысяч человек. Затем он направился к так называемому городу чужестранцев, Малле[45], взял и его, перебил все мужское его население и предал город пламени. После этого он двинулся дальше и разрушил Хасфом, Восору и множество других галаадских городов.

4. Немного времени, однако, спустя Тимофей вновь собрал большую рать, склонил другие племена и некоторых из арабов за плату вступить в союз с ним и сражаться вместе с ним и явился с войском на той стороне ручья, против Рафы (тогда это был город)[46]. Тут он стал уговаривать своих воинов храбро сражаться и препятствовать иудеям переправиться через ручей, когда дело дойдет до битвы. Если же иудеи перейдут через ручей, то это, по его мнению, поведет

за собой поражение его собственного войска. Когда Иуда услышал о приготовлениях Тимофея к битве, он собрал всю свою рать и поспешил навстречу врагу. Перейдя ручей, он напал на неприятелей и стал истреблять тех из них, которые оказали ему сопротивление, на других же нагнал такой ужас, что они побросали свое оружие и поневоле обратились в бегство. Некоторым из врагов удалось убежать, другие же скрылись в так называемое карнаимское святилище[47], рассчитывая тут найти убежище. Однако Иуда взял город, перебил жителей и поджег святилище, всяческим образом истребляя врагов своих.

5. После этого Иуда собрал всех галаадских иудеев с их детьми, женами и всем их имуществом, чтобы отвести их обратно в Иудею. Когда он на пути своем прибыл в город, носивший имя Ефрона, и нельзя было миновать его, но и не хотелось предавать город разрушению, он послал к жителям посланных с предложением отворить ворота и предоставить иудеям свободный пропуск. Дело в том, что жители завалили ворота каменными глыбами и таким образом замкнули проход. Когда же население отказалось исполнить его просьбу, Иуда обратился с увещеванием к своему войску, обложил город и приступил к его осаде. Спустя сутки он взял город, перебив всех его жителей мужского пола и, сжегши город дотла, получил возможность свободного прохода. Число убитых было при этом так велико, что пришлось идти по трупам.

Перейдя через Иордан, иудеи вступили в обширную равнину, при вступлении в которую лежит город Вифсана, носящий у греков имя Скифополя. Вскоре затем они очутились в стране иудейской, вошли в нее и предались там веселью, песням и установленным по случаю одержанных побед играм. Вместе с тем они принесли также благодарственные жертвы за благополучный исход своего предприятия и за спасение войска, потому что во время всех этих войн иудеи не потеряли ни одного человека.

6. В то самое время, как Симон находился в Галилее и вел войну с жителями Птолемаиды, а сам Иуда со своим братом Ионафом был занят в Галааде, оставленные Иудой в качестве военачальников Иосиф, сын Захария, и Азария, также побуждаемые желанием снискать себе славу отличных полководцев, двинулись со своей ратью на Ямнию. Когда же при

встрече с Горгием, военачальником Ямнии, произошла битва, то они потеряли две тысячи человек из своего войска и должны были обратиться в бегство, причем подверглись преследованию вплоть до пределов Иудеи. Это поражение было следствием того, что они ослушались приказаний Иуды не вступать в бой ни с кем до его возвращения. Таким образом, Иуда, кроме всех его военных подвигов, заслуживает также нашего удивления ввиду поражения, постигшего Иосифа и Азарию, которого неизбежность он предвидел заранее, если бы они в чем-либо ослушались его приказаний.

Между тем, однако, Иуда и его братья не прекращали своих военных действий против идумеян, но отовсюду налегали на них. Так, например, они взяли город Хеврон, заняли всю массу его укреплений, сожгли башни и опустошили всю область неприятелей вместе с городом ее Мариссой. Потом они направились к городу Азоту, взяли и разграбили его. После этого они с множеством вражеских доспехов и богатой добычей вернулись в Иудею[48].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Около того же самого времени и царь Антиох, отправляясь походом в нагорную страну, узнал, что в Персии находится город Элиманда[49], отличающийся своим богатством и великолепным храмом Артемиды, который полон всевозможных жертвенных даров; в числе последних будто бы также находятся оружие и панцирь, оставленные тут Александром, сыном македонского царя Филиппа. Побуждаемый последним обстоятельством, Антиох двинулся на Элиманду и занялся осадой ее. Но так как жители города не испугались ни его нападения, ни его осады, а, напротив, оказывали упорное сопротивление, царь ошибся в своих расчетах; жителям города даже удалось прогнать его из-под стен, сделав вылазку, обратить его в бегство и подвергнуть преследованию, так что ему пришлось спасаться в Вавилон и при этом потерять значительную часть своего войска. И вот, пока царь еще горевал об этой своей неудаче, ему доложили также о поражении его полководцев, которым он поручил вести войну с иудеями, и о возрастающем могуществе иудеев. При получении этого известия, в силу которого к прежним неудачам

присоединялись еще новые, царь впал в сильное расстройство, а затем и в серьезную болезнь. Когда последняя стала затягиваться и страдания Антиоха все увеличивались, он понял, что наступает смерть, и потому созвал друзей своих, сообщил о безысходном положении своей болезни и заявил, что ему приходится страдать так оттого, что он обидел народ иудейский, разграбил его храм и глумился над Предвечным. С этими словами царь умер.

Я не могу не выразить здесь своего удивления по поводу того, что мегалополитанец Поливий[50], человек вообще вполне надежный, уверяет, будто Антиох умер вследствие желания своего разграбить храм персидской Артемиды; ведь человек, задумав что-либо, но не приведя этого в исполнение, еще не достоин за то наказания. Поэтому если Поливий желал именно в этом обстоятельстве видеть причину смерти Антиоха, то гораздо убедительнее будет принять, что он умер вследствие разграбления иерусалимского храма. Впрочем, по этому поводу я не стану спорить с теми, кто признал бы мнение мегалополитанца более правильным, чем наше.

2. Перед смертью Антиох позвал к себе одного из своих приближенных, Филиппа, поручил ему заведование государством и вручил ему царский венец, мантию и перстень с повелением передать все это его малолетнему сыну Антиоху и с просьбой позаботиться об его воспитании и о закреплении за ним царского достоинства. Антиох умер в сто сорок девятом году[51]. Лисий[52] объявил об его смерти народу, провозгласил сына его, порученного его попечениям, царем и дал ему прозвище Евпатора.

3. В это время гарнизон иерусалимской крепости и перебежчики иудейские причиняли немало затруднений иудеям. Так, например, если кто-либо являлся в храм для принесения жертвы, солдаты внезапно вырывались из крепости и убивали такого человека; этому особенно способствовало то обстоятельство, что крепость непосредственно примыкала к святилищу. При таких обстоятельствах Иуда решил избавиться от гарнизона, собрал весь народ и приступил к упорной осаде крепости. Это было в сто пятидесятом году селевкидского правления. Итак, Иуда, заготовив осадные орудия и возведя вал, усердно принялся за взятие крепости. Однако многим из осажденных удалось ночью выбраться из

нее и бежать; затем они собрали еще других себе подобных негодяев и явились все вместе к царю Антиоху. Здесь они просили его не допустить, чтобы они так страдали от своих же единоплеменников и притом по вине отца его, потому что они, по его повелению, оставили свое прежнее богопочитание и теперь терпят за это всякое притеснение. Дело в том, что если царь не придет к ним на помощь, то предстоит опасность, что Иуда и его приверженцы возьмут крепость и истребят царский гарнизон. Когда об этом услышал малолетний Антиох, то очень разгневался, немедленно послал за своими полководцами и приближенными и приказал им навербовать наемников и созвать под знамена всех способных носить оружие подданных царства. Таким образом, было собрано войско приблизительно в сто тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников с тридцатью двумя слонами.

4. С этим войском царь двинулся из Антиохии в сопровождении Лисия, которому было поручено главное командование над всей ратью. Прибыв в Идумею и двинувшись затем к укрепленному и представлявшему большие затруднения городу Вефсуре, он остановился тут и приступил к его осаде. Но так как вефсурцы оказывали упорное сопротивление и при вылазках поджигали его осадные орудия, осада города затянулась на продолжительное время.

Между тем Иуда, узнав о приближении царя, отказался от дальнейшей осады крепости, двинулся навстречу царю и расположился лагерем в ущелье Вефзахарии в расстоянии семидесяти стадий[53] от неприятелей. Тогда царь снял осаду Вефсуры и повел свое войско к ущелью, где был стан Иуды. С наступлением утра он выстроил свое войско к битве. Слоны должны были следовать гуськом один за другим, потому что их нельзя было выстроить рядами вследствие тесноты места. Вокруг каждого слона выстроились до тысячи пехотинцев и пятьсот всадников. На спине у каждого слона помещалась высокая башня со стрелками. Остальному войску было приказано с обеих сторон взбираться на горы, причем командование этими отрядами было поручено царским приближенным[54]. Дав приказание трубить нападение, царь направил свое войско на врагов, причем были обнажены золотые и серебряные щиты[55], издававшие необычайный блеск. В горах раздавалось громкое эхо от криков нападающих.

Видя это, Иуда не растерялся, но храбро встретил врагов и уложил на месте около шестисот человек авангарда. Брат же Иуды, Елеазар, носивший прозвище Аврана, увидев, что самый огромный слон вооружен царскими доспехами, и предполагая, что на нем сидит сам царь, с беззаветной храбростью бросился на него. Тут он перебил множество из окружавших слона воинов, разогнал остальных, а затем, подобравшись под слона, нанес последнему смертельный удар в живот. Слон упал на Елеазара и задавил его своей тяжестью. Таким образом потерял жизнь тот герой, который столь храбро лишил жизни многих врагов.

5. Когда Иуда заметил численное превосходство неприятелей, он отступил к Иерусалиму и стал готовиться к осаде. Антиох же послал часть своего войска против Вефсуры для военных там действий, а с остальной ратью сам прибыл к Иерусалиму. Между тем жители Вефсуры, испугавшись сильного войска и предвидя недостаток в съестных припасах, сдались царю, наперед взяв с него клятвенное обещание, что он их ничем не обидит. Антиох, завладев городом, ограничился тем, что удалил жителей безоружными и поместил в городе свой собственный гарнизон. Но зато он очень долго осаждал Иерусалим, так как защитники его оказывали упорное сопротивление. Дело в том, что против каждого осадного орудия, которое царь воздвигал у стен города, они выставляли свое. Однако вскоре у осажденных появился недостаток в съестных припасах, потому что запасы истощились, а земля в тот год не была обработана ввиду того, что то был год субботний, в который, по нашему закону, не позволено возделывать почву и она должна оставаться под паром. Вследствие этого многие из осажденных, ввиду недостатка в продовольствии, бежали, так что в святилище оставалось лишь незначительное число защитников.

6. Таково было положение осажденных в храме. Между тем главнокомандующий Лисий и царь Антиох получили известие, что из Персии явился Филипп и собирается овладеть престолом. Ввиду этого они решили оставить осаду и двинуться против Филиппа, но вместе с тем условились не сообщать солдатам и военачальникам истинной причины отступления. Царь повелел Лисию переговорить с полководцами и, ничего не упоминая относительно Филиппа, сказать,

что так как осада вследствие значительной неприступности города затягивается и к тому же у них уже ощущается недостаток в съестных припасах, да и в государстве ждет решения множество неотложных дел, ввиду всего этого кажется уместным заключить мир с осажденными, войти в дружеские сношения со всем иудейским племенем и предоставить ему жить по его древним законам, упразднение которых и подало повод к настоящей войне, а затем возвратиться восвояси. При объявлении Лисием этого решения солдаты и с ними их военачальники были очень довольны.

7. Затем царь послал к Иуде и его осажденным товарищам и предложил им мир с предоставлением права жить по собственным законам. Иудеи отнеслись к этому предложению вполне сочувственно и, получив клятвенное уверение в святости его, вышли из святилища. Потом Антиох вступил в храм, но, увидя его столь укрепленным, нарушил свою клятву и приказал сопутствовавшей ему рати разрушить его стены до основания. После этого он вернулся в Антиохию и захватил с собой первосвященника Онию, известного также под именем Менелая. Дело в том, что Лисий посоветовал царю казнить Менелая, если бы он хотел привести иудеев в замешательство и обезопасить себя относительно их; от этого человека исходили все бедствия, потому что именно он-то и убедил отца его принудить иудеев к отказу от их прежнего богопочитания. Ввиду этого Антиох отправил Менелая в сирийский город Берею и казнил его там, после того как этот гнусный и безбожный человек был в течение десяти лет первосвященником и для укрепления своей власти принуждал народ (иудейский) преступить свои древние законы. После смерти Менелая первосвященником стал Алким, иначе называющийся Иакимом.

Между тем царь Антиох нашел Филиппа уже овладевшим престолом, пошел на него войной и, захватив его, приказал казнить. Когда же сын первосвященника Онии, который, как мы уже упомянули[56], потерял отца своего будучи еще ребенком, увидел, что царь казнил его дядю Менелая и передал первосвященство Алкиму, не происходившему из первосвященнического рода, и что царь по совету Лисия отнял это звание от его семьи и передал чужому семейству, то убежал к египетскому царю Птолемею. Будучи последним и его женой Клеопатрой признан достойным своего сана, он получил от

них участок земли в номе Гелиополя и построил тут храм по примеру иерусалимского. Впрочем, поговорить подробнее об этом нам еще представится возможность[57].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Около этого самого времени из Рима бежал сын Селевка, Димитрий[58], и, овладев тремя главными сирийскими городами, провозгласил себя царем. Затем он окружил себя наемным войском и вошел в столицу, причем все приняли его весьма охотно и добровольно сдались ему. Войска его схватили царя Антиоха и Лисия и живыми доставили их ему. Те немедленно по приказанию Димитрия были подвергнуты смертной казни. Антиоху, как уже сказано раньше, таким образом, удалось удержаться на престоле лишь два года. И вот к Димитрию стали стекаться многие гнусные перебежчики из иудеев, и в том числе первосвященник Алким, и стали обвинять весь народ, а также Иуду и его братьев в том, что они-де перерезали всех верных друзей его и погубили всех его истинных приверженцев, которые не изменяли ему и ждали в столице его возвращения. Сами они, мол, изгнаны из своей страны и ищут убежища в чужих местах. И вот теперь они просят его послать кого-нибудь из приближенных, чтобы тот мог узнать о всех дерзких предприятиях Иуды.

2. Димитрий рассердился и послал Вакхида, прежнего приближенного царя Антиоха Епифана, человека ловкого и отлично знакомого с положением дел во всей Месопотамии. При этом он дал ему войско и отправил с ним также первосвященника Алкима с поручением казнить Иуду и его приверженцев. Выступив с войском из Антиохии и прибыв в Иудею, Вакхид отправил к Иуде и его братьям послов с предложением вступить в переговоры о заключении дружбы и мира; при этом он хотел взять Иуду хитростью. Последний, однако, не поверил этим уверениям, так как видел, что Вакхид явился с таким многочисленным войском, с каким обыкновенно отправляются на войну, а не для заключения мира. Однако некоторые из простых иудеев поверили словам Вакхида и, полагая, что их не обидит их единоплеменник Алким, перешли на сторону врагов и, получив от обоих предводителей клятвенные уверения, что ни они, ни дальнейшие пере-

бежчики не подвергнутся обидам, доверились сирийцам. Однако Вакхид забыл свои клятвенные обещания и распорядился перебить шестьдесят иудеев; но тем самым он удержал от неосторожного шага всех тех иудеев, которые еще имели в виду перейти на его сторону и которые теперь увидели, что он не сдержал обещания, данного первым. Затем Вакхид удалился из-под Иерусалима и направился к деревне Вифсифе; послав туда своих людей, он приказал схватить множество беглецов и простого народа и казнить всех. Вместе с тем он издал постановление, в силу которого все жители той местности подчинялись Алкиму. Наконец, он оставил последнего с некоторой частью войска тут, чтобы Алким мог удержать за собой страну, а сам вернулся в Антиохию к царю Димитрию.

3. Желая упрочить за собой власть и понимая, что править будет безопаснее лишь при условии, если снискать себе расположение простонародья, Алким стал обращаться со всеми вежливо, угождать всякому и потворствовать всем. Вместе с тем он поспешно окружил себя значительными военными силами. Большинство этого войска состояло из безобразников и перебежчиков. С такими-то сподвижниками и воинами он предпринимал экспедиции по стране и убивал всех, в ком находил преданность делу Иуды.

Видя усиление Алкима, который уже успел истребить множество порядочных и благоверных представителей народа, сам Иуда стал путешествовать по стране и избивать приверженцев своего врага. Когда же Алким заметил, что ему не справиться с Иудой и что его сила подтачивается, он решил вернуться к царю Димитрию и просить у него поддержки. Поэтому, когда он прибыл в Антиохию, то стал подстрекать царя против Иуды, жалуясь на притеснения со стороны последнего и указывая на то, что положение должно в значительной степени ухудшиться, если не выслать против Иуды сильного войска, которое схватило бы и казнило его.

4. Между тем и сам Димитрий считал крайне опасным для своего собственного положения спокойно смотреть на такое усиление могущества Иуды и потому послал самого преданного и вернейшего своего друга, Никанора (который был его соучастником по бегству из Рима), с войском, по его мнению достаточным для того, чтобы справиться с Иудой. Вместе с тем он отдал приказание отнюдь не щадить еврейского племени.

Когда Никанор подошел к Иерусалиму, он решил не вступать в бой с Иудой немедленно, но, имея в виду захватить его хитростью, послал к нему людей с мирными предложениями. При этом Никанор указывал на то, что нет ни малейшей необходимости вести опасную войну и что он клянется ему в том, что иудеям не будет нанесено никакой обиды. Сам-де он явился со своими друзьями, чтобы сообщить иудеям мнение царя Димитрия о положении их народа. Иуда и его братья поверили этим заявлениям Никанора и, не подозревая обмана, обменялись с ним клятвами и впустили Никанора со всей его ратью. Тогда Никанор, приветствуя Иуду, среди разговора дал своим людям знак, чтобы они схватили Иуду; последний, однако, понял коварный умысел, вскочил и убежал к своему войску.

Когда таким образом коварные намерения обнаружились, Никанор решил вступить в бой с Иудой. Поэтому он велел трубить сбор, приготовился к сражению и, сойдясь с Иудой около деревни Кафарсаламы, разбил его там и принудил бежать в Иерусалимскую крепость.

5. Пока Никанор спускался с крепости к храму, ему встретилось несколько священнослужителей и старейшин, которые приветствовали его и указали ему на приносимые ими Предвечному за царя жертвы. Никанор, однако, стал смеяться над ними и грозил им, если народ не выдаст Иуды, при нападении разрушить храм дотла.

С этой угрозой сириец покинул Иерусалим. Священники впали в печаль, стали плакать по поводу этих слов его и усердно молили Предвечного избавить их от врагов.

Выйдя из Иерусалима, Никанор прибыл к деревне Ведору и расположился там лагерем, так как тем временем явилась к нему и остальная рать его из Сирии. Иуда, в свою очередь, раскинул свой стан в Адасе, другой деревне, отстоявшей от Ведора на расстоянии тридцати стадий. Войска у него было всего тысяча человек. Он убеждал их не страшиться численного превосходства врагов и не думать о том, против скольких им приходится сражаться, но думать о том, кто они такие и ради каких наград идут навстречу опасностям; пусть они поэтому храбро и безбоязненно сходятся с врагами. После этого он повел свои войска на бой. Сражение с Никанором вышло крайне ожесточенным, но Иуда победил противников и перебил множество их. Наконец[59] пал и сам Никанор, выказав чудеса хра-

брости. С его смертью войско (сирийское) уже не устояло, но, потеряв военачальника, бросилось в бегство и побросало все свое оружие. Иуда преследовал их и убивал и звуками трубы дал знать окрестным деревням, что одержал верх над врагами. Жители селений, услыша это, выступили в полном вооружении навстречу бежавшим неприятелям и, встретив их с фронта, стали умерщвлять их, так что все до одного пали, хотя их и было девять тысяч человек. Эту победу иудеи одержали тринадцатого Адара, который носит у македонян название Дистра. В сей день евреи до сих пор ежегодно справляют эту победу и признают этот день праздничным. Отныне иудейский народ некоторое время мог отдохнуть от войн и пользоваться плодами мира; но потом ему вновь пришлось вступить в борьбу и подвергаться всевозможным опасностям.

6. Между тем первосвященник Алким захотел разрушить стены святилища, которое было столь древне и сооружено древними пророками. Но тут его внезапно постигла кара Предвечного: Алким безмолвно пал наземь и умер после нескольких дней, проведенных в страшных мучениях; он был первосвященником в течение четырех лет[60].

После его смерти народ передал первосвященство Иуде, который тем временем узнал о могуществе римлян, о том, что они завоевали Галатию, Иверию и Ливийский Карфаген, кроме того, подчинили себе Элладу и в том числе царей Персея, Филиппа и Антиоха Великого. Ввиду этого он решил вступить с римлянами в дружественный союз и, послав с этой целью в Рим друзей своих Евполема, сына Иоанна, и Иасона, сына Елеазара, предложил римлянам через них заключить союз с ним и отписать Димитрию, чтобы он прекратил войну с иудеями. Посланных Иудой в Рим послов принял сенат и, когда они изложили причину своего прибытия, согласился на союз с иудеями. Составив протокол этого своего решения, сенат отправил один экземпляр его в Иудею, а другой был вырезан на медных таблицах и помещен в Капитолии. Содержание этого документа было следующее:

«Постановление сената по поводу оборонительного и наступательного союза с народом иудейским. Никто из римских подданных не должен воевать с народом иудейским, равно как не доставлять тому, кто вступил бы в такую войну, ни хлеба, ни судов, ни денег. В случае, если кто-либо нападет на иудеев, рим-

ляне обязаны по мере сил помогать им, и наоборот, если кто нападет на римские владения, иудеи обязаны сражаться в союзе с римлянами. Буде же народ иудейский пожелает прибавить к этому договору что-либо или убавить, то это должно быть сделано с согласия всего римского народа; лишь в таком случае все дополнения считаются обязательными».

Это решение было подписано Евполемом, сыном Иоанна, и Иасоном, сыном Елеазара, при первосвященнике иудейском Иуде и военачальстве брата последнего, Симеона[61].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Таким образом, впервые состоялся союз римлян с иудеями.

После того как Димитрию было сообщено о смерти Никанора и о гибели всего его войска, он вторично послал Вакхида с ратью в Иудею. Последний выступил из Антиохии, прибыл в Иудею и расположился лагерем при галилейском городе Арбелахе. Тут он осадил множество иудеев, бежавших в тамошние пещеры, и захватил их, а затем быстрым маршем двинулся на Иерусалим. Узнав, что Иуда расположился лагерем около деревни Вифзифы, он пошел против него с двадцатитысячным войском и двумя тысячами всадников. У Иуды же было всего тысяча человек. Когда последние увидели множество воинов Вакхида, то испугались и, оставя лагерь, бросились бежать, кроме восьмисот человек. Однако Иуда, несмотря на то, что был покинут своими собственными солдатами и при быстром натиске врагов не имел даже времени собрать все свои силы, захотел непременно сразиться с людьми Вакхида и, увещевав своих солдат храбро идти навстречу опасностям, убедил их вступить в бой. Когда же его солдаты указали на то, что они не могут биться с таким многочисленным неприятелем, и советовали на этот раз искать спасения в отступлении, чтобы впоследствии вновь собраться с силами и ударить на врагов, Иуда ответил: «Да не увидит солнце того, чтобы я обратил тыл перед врагами. Если даже в этот раз мне придется встретить смерть и окончательно погибнуть в сражении, я все-таки лучше храбро выдержу все, что случится, чем покрою позором прежние наши подвиги и прежнюю нашу славу теперешним бегством». Так

говорил Иуда остаткам своего войска, убеждая его не взирать на опасности, но дружно броситься на врагов.

2. Между тем Вакхид вывел свою рать из лагеря и стал выстраивать ее на бой, причем поместил всадников по обоим флангам, выставил перед ядром своего войска легковооруженных и стрелков, а сам стал на правом крыле. Выстроившись таким образом, он подошел совершенно близко к неприятельскому лагерю и затем приказал войску трубить в трубы и двинуться вперед с громким криком. Точно так же поступил и Иуда и таким же образом напал на врагов. Когда же упорный бой, происходивший с обеих сторон с одинаковым ожесточением, затянулся до захода солнца, тогда Иуда заметил, что Вакхид с лучшими войсками находится на правом фланге. Поэтому он взял самых храбрых товарищей своих, двинулся с ними против этой части неприятельского войска, прорвал их строй и рассеял их. Ворвавшись в центр врагов, он принудил последних к бегству и преследовал их до горы Азы. Когда сирийцы левого фланга увидели бегство своих товарищей с правого крыла, то бросились за Иудой и окружили его сзади, так что он попал в самый центр врагов. Не имея возможности бежать и окруженный отовсюду неприятелем, он со своими людьми решил биться до последней крайности. Перебив множество врагов, но наконец ослабев, он пал и умер, оставаясь до конца прежним героем. Когда пал Иуда, его товарищам уже не на кого было полагаться, и потому они, лишившись такого военачальника, обратились в бегство.

Во время перемирия братьям Иуды, Симону и Ионафу, удалось получить от врагов его труп. Они отвезли его в деревню Модию, где был погребен и отец их, и тут, похоронив его, в течение многих дней оплакивали его всем народом и воздали ему установленные почести. Такой конец постиг Иуду, человека благородного и необычайно отважного, помнившего заветы отца своего Маттафии и взявшего на себя труд и все тягости борьбы для восстановления прежней свободы своих сограждан. Благодаря такому своему благородству он стяжал себе величайшую славу и оставил по себе вечную память, освободив народ свой и избавив его от македонского ига. Он умер на третьем году своего первосвященства[62].

КОММЕНТАРИИ

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Книга первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Об аллегорическом понимании продолжительности миросотворения см.: Fr. Delitzsch, Neuer Comm., p. 55.

[2] Этот кристалл состоит из той массы воды, которая при сотворении земли была поднята Господом Богом кверху от небесного свода (т. е. לרקיע המים אשר מעל, Genes. I, 7). Ср.: Талм. тр. Гагига 12 а, а также J. Bergel, Mythologie der alten Hebräer, p. 11 и сл.

[3] У Иосифа Флавия сказано: «ставить землю», тогда как в Genes. I, 7—10 находим довольно подробное описание всего процесса выделения земли из-под воды. Здесь невольно вспоминается рассказ Мидраша к кн. Исход, 13, о том, как Господь сотворил земной шар, взяв горсть тверди из-под своего трона и бросив его в воду, наполнявшую мировое пространство. Из этой горсти и образовалась земля.

[4] Подобное же объяснение, в виде опровержения мнения Апиона, который производил слово sabbatos от египетского sabbo (бубон) находим в его сочинении: «Против Апиона», с. 1200 наст. изд.

[5] В Genes. II, 7, сказано: «и вдунул дыхание жизни» (ויפח באפיו נשמת חיים). Иосиф Флавий, очевидно под влиянием греческих философов, делает уже тонкое различие между духом и душою.

[6] Friedr. Delitzsch (The Hebrew language, p. 58 sq.) отрицает возможность такой этимологии, принимая для слова adam и adamah (почва) корень אדם, развившийся в ассирийском языке в слова admānu (здание) и admu (дитя). Таким образом, Адам значило бы «сработанный, сотворенный, рожденный, т. е. сын», а слово אדמה получило бы значение обработанной почвы в противоположность девственной, нетронутой. Впрочем, с этим несогласен Franz Delitzsch, Neuer Commentar zur Genesis, p. 77—78, который приводит, между прочим, сохранившийся у Беросса вавилонский миф, по которому слово «Адам» могло бы быть сопоставлено с арам. adam — кровь.

[7] Это греческая транскрипция слова השא — ischa, женск. формы от ijsch (איש) — мужчина.

[8] Ср.: Genes., III, 20. Вообще рассказ Иосифа крайне сокращенно и не по порядку передает повествование первых двух глав книги Бытия. До сих пор были затронуты ст. 1—3 гл. I, ст. 4—7, 19—25 гл. II.

[9] Здесь, в постановке настоящего времени (ἄρδεται — σχίζεται), несомненно, сказалось влияние перевода LXX толковников (ἐκπορεύεται).

[10] Это безусловно неправильное объяснение. Слово «Фисон» (פישון) происходит от корня פוש — течь.

[11] Еврейское слово פרת, которое передается Иосифом Флавием с помо-

цью греческого Форά, означает «Сладкая вода»; ср. арабск. faruta. У арабов сладость воды Евфрата вошла в пословицу. Собственно слово פרת происходит из сумеро-аккадского языка, где puranunu означает, как и ассирийское puratu, большую реку. Ср. древнеперсидское ufrâtus. W. Gesenius, Wörterbuch, X Aufl., p. 698, s.v. Евреям в слове פרת несомненно представлялся корень פרה (вырастать, спец. о плодах), откуда происходит и פרי (плоды), и פרת (кн. Быт. 49, 22 — плодовое дерево). Ср.: Fr. Delitzsch, Neuer Commentar, p. 87.

[12] Приведенное здесь определение местонахождения рая представляет значительный археологический интерес, содержа некоторые ценные пояснения к сообщениям кн. Бытия, II, 10—14. Из Эдема же выходит река для напоения сада, а оттуда она разделяется и становится четырьмя истоками. Имя одного Пишон; это тот, который обходит всю землю Хавилу, в коей золото. Золото же той земли хорошее; там и жемчуг и камень Шогам. А имя второй реки — Гихон; это та, которая обходит всю землю Куш. Имя же третьей реки Хидекель; это та, которая идет к востоку Ассирии; а четвертая река — Праф. Разногласие, замечаемое в сообщении Иосифа сравнительно с библейским рассказом, не должно удивлять нас, ибо в древности встречаются и другие варианты и толкования. Так, напр., Козьма Индикоплов видит в Геоне (Гихон) и Фисоне — Ганг и Инд, считая слово «Геон» происходящим от имени Ганга. Эта гипотеза, во всяком случае, имеет за собой больше данных, чем некоторые другие, так как Индия преимущественно страна, богатая золотом. Саадия и Раши видят в Писоне Нил, объясняя свою гипотезу этимологическим путем (ср.: Aruch s.v. פשׁין). В новейшее время Haneberg и Lassen видели в Писоне реку Гифазис (Hyphasis — virâsa, необузданный, быстро текущий; ср.: פשׁ стремиться, скакать). Sprenger (Alte Georg. Arabiens) приравнивает Писон к южноарабским рекам Baisch и Bischa, а страну Хавилу к Хаулану, но это маловероятно, так как указание на страну Хавилу, как на месторождение золота и драгоценных камней, заставляет скорее искать ее в верховьях Инда. Что касается Геона (Гихона), то он, находясь в этимологической связи с корнем גחח (вытекать), не дает никакой определенной точки опоры. У Fr. Delitzsch'a, Neuer Commentar, p. 84, собрано несколько мнений на этот счет; так, напр., это может быть и Окс (Gaihun) и Аракс (перс. Gehun). Брутш, с которым согласны и Курц и Бунзен, сопоставляет Писон с колхидским Фазисом, а страну Хавилу с Колхидой, теперешней Арменией. Делич, однако, склоняется в пользу признания Геона Нилом и подкрепляет это весьма вескими доказательствами, почерпнутыми из области этимологической и лексической (так, напр., в коптских глоссариях Нил назван Кеоном); l. c. p. 85. — Река Тигр, которая в сообщении Св. Писания именуется Хидекель, весьма правильно названа Иосифом иначе Тиглатом, а также верно объяснена им этимология этого имени, которая нашла себе блестящее подтверждение в ассирийском языке (Idiklat — острый) и в сумеро-аккадском идиоме (Idigna). Ср.: Friedr. Delitzsch. Wo lag das Paradies? p. 171. — Об Евфрате и этимологическом объяснении этого имени уже сказано в предшествующем примечании. Не входя здесь в детальное рассмотрение вопроса о местонахождении рая, укажем лишь на труды: Letronne, Ueber die Lage des Paradieses в сочинении Александра ф. Гумбольдта: Kritisch. Untersuch. über die historiscne Entwickl. der geogr. Kenntnisse von der Neuen Welt, Bd. II, 1852, p. 82 sq.; M. Engel, Lösung der

Paradiesesfrage (Lpz., 1885), и Pressel (в Supplement zu Herzogs Real-Encycl. и в его Geschichte и Geograph. der Urzeit, 1883). Самое подробное рассмотрение этого вопроса находится у Фридриха Делича в указанном его сочинении. Ср.: Franz Delitzsch, Neuer Comment., p. 81—89.

[13] Ср.: Genes., III, 1—24.

[14] Это объяснение совершенно произвольно приведено здесь Иосифом Флавием и принадлежит лично ему: смысл сказанного в кн. Быт. III, 7, как раз противоположен этому. — Ибн Эзра приводит от имени знаменитого философа XI в. Соломона ибн Гебироля следующее аллегорическое толкование всего рассказа: «Эдем» (Быт. II, 8) означает мир высший, духовный, «сад», видимый мир конкретных образов, который наполнен массой отдельных существ, подобно тому, как сад полон растений. Поток, берущий начало в Эдеме (ст. 10), так сказать, мать всех конкретных существ (т. е. общая основная материя), а четыре реки, из него вытекающие, — стихии. Адам, Ева и змея — воплощения трех свойств души: Адам, дающий животным названия (ст. 20), — олицетворение интеллекта, называющего вещи по их именам (т. е. создающий речь человеческую), Ева олицетворяет жизненную силу, а змея — похотливую сторону души. «Древо познания» воплощает в себе способность размножения, силу для которого оно почерпает из «сада», т.е. из видимого мира... «Древо жизни», т. е. то, которое дарует вечную жизнь, знаменует собой познание явлений высшего, духовного мира и т. д.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[15] Это толкование всецело заимствовано из книги Быт. IV, 1, где в слове קניתי находится этимологическое объяснение имени Каина. Ср.: Fr. Delitzsch, Neuer Comm., p. 116—117.

[16] Еврейское הבל значит собственно страдание (при родах), боль, затем тщетность, суету. Oppert (ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 118) сопоставляет имя Авеля с ассирийским ablu — сын.

[17] Ср.: Genes., IV, 9—16.

[18] Слово это, которое передается в кн. Бытия, IV, 16 через Нод (נוד) и поясняется там прибавкой: «на восток от Эдема», означает собственно «бегство и нужда». Арабское предание считает эту страну Нод баснословно плодородной нагорной частью Индии. Ср.: Fr. Delitzsch, N. Comm., p. 124.

[19] В кн. Бытия (IV—V) об этом не сказано ничего. Если это число 77 не заимствовано Флавием из знаменитой песни Ламеха (кн. Быт. IV, 23—24), что наиболее вероятно, то приходится видеть указание на него в Midrasch beresch. rab. par. XXIII.

[20] «Был родоначальником всех играющих на лютне и свирели» (עוגב) сказано в Быт. IV, 21, об Иувале. Свирель, греч. σύριγξ передается у Даниила (III. 5) с помощью слова משרוקיתא, тогда как עוגב скорее волынка, по-халдейски סמפוניא (συμφωνια, Дан. III, 5; X, 15). Еще поныне волынка известна в Италии под именем Sambogna. Ср.: Hamburger, Realencycl, I, p. 778. Отступление Иосифа Флавия от еврейского текста объясняется тем, что он пользовался переводом LXX толковников. Самое имя Иувал, которое производится Фр. Деличем от корня יבל (Neuer Comm., p. 129) — звучать, может быть приведено в связи с сирийским jubaba, заменяющим еврейское תרועה

(звук рогов или труб, т. е., во всяком случае, духовых инструментов). Ср. также: E. Riehm, Bibl. Handwörterbuch, II, p. 1037—1038.

[21] Приведенная здесь родословная представляет передачу библейского сообщения (в кн. Быт. IV, 17—22). Как известно, существует еще другая родословная, т. наз. Сифитов, помещающаяся в кн. Быт. V, 6—30. Ее Иосиф касается слегка в следующей главе. Вся эта родословная с ее распределением изобретений различных искусств сильно напоминает классическую древность. Удивительно, что даже этимологически (ср.: Fr. Delitzsch, Neuer Comment., p. 128—129) имена Иувала, Тубалкайна и Ноемы (נעמה — ласка, миловидность) соответствуют Аполлону, Гефесту и Афродите. Ср. также: E. Riehm, l. c. I, 805.

[22] Как известно, сообщение это, помещенное в IV гл. кн. Быт., ст. 23—24, представляет образец древнейшей еврейской лирики и уже давно подавало повод ко всевозможным и крайне разноречивым толкованиям. Так, напр., уже Гердер (Vom Geist der ebr. Poesie Th. I, Gespr. X) видит в этой песне простое прославление меча — изобретения Тубалкайна. С этим не согласен Caunter (The poetry of the Pentateuch I, p. 81), готовый присоединиться к толкованиям св. Ефрема Сир., Иеронима и др., по которым песнь Ламеха рассказывает, будто последний убил мечом своего прародителя Каина, а затем собственного своего сына. По мнению Fr. Delitzsch'a, N. Comm., p. 130, это бессмысленная агада (eine alberne Haggada), даже не особенно распространенная. Действительно, в Midr. Beresch. rab., Parascha XXIII, убийство Ламехом сына как раз отвергается.

[23] Только что цитированный Midr. Beresch. rab. ibidem, рассказывает, что Адам после рождения Авеля воздерживался в продолжение 130 лет от супружеских сношений с Евой.

[24] О Сифе и его потомках в Ветхом Завете этих данных нет. Зато традиция немало занимается ими. В так наз. Книге юбилеев (ספר היובלים или סהיובלות, или Малой книге Бытия), гл. 4, женой Сифа приводится его сестра Ацура (это Horeia гностической секты, Норея у Иринея). Говоря о потомках Сифа как о замечательных астрономах, увековечивших свои открытия колоннами с надписями, Иосиф Флавий имеет в виду главным образом Эноха, которому обыкновенно приписываются астрономические открытия, а также сообщения Манефона о египетских божествах Сете и Тоте, из которых, по преданию, последний изобрел иероглифическое письмо. Впоследствии все это, равно как всевозможные предсказания будущего, стало связываться с именем Сифа, от которого вела свое начало целая гностическая секта, уверявшая, будто имеет в своем распоряжении семь, составленных самим Сифом, священных книг. Ср.: E. Riehm. l. c. II, p. 1467.

[25] Kaulen, Fl. Iosephus Jüdische Alterthümer, III Aufl. p. 8, ann. 1 на основании этого полагает, что Флавию были известны какие-нибудь ассирийские клинообразные надписи. Что подобное предположение совершенно излишне, видно отчасти из предшествующего примечания, отчасти потому, что тут вовсе не названа Сирия (Ассирия), но сказано κατὰ γῆν γὴν τὴν Συριάδα. Где находилась эта Сириада, которую и Riehm различает от Сирии (l. c. II, p. 1467), неизвестно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[26] Предположение, что так назыв. בני האלהים — потомки Сифа, датирует от Юлия Африканского. Что в этом, однако, кроется ошибка, несомненно, тем более ввиду сообщения Иосифа Флавия. Мы имеем здесь дело с мифологическим моментом, известным также классической древности. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1467 и 1293—1294.

[27] Ср.: Genes., VI, 1—4.

[28] Это неверно. Иосифу Флавию следовало бы сказать, что до наступления потопа оставалось всего сто двадцать лет (Kaulen).

[29] Ср.: Cenes., VI, 5—7.

[30] Это, очевидно, транскрипция еврейского названия восьмого месяца, Мархешвана (מרחשון).

[31] Вопрос о начале еврейского года крайне запутан, так как критика ветхозаветных текстов и ассиро-вавилонских клинописных памятников до сих пор не выяснила на этот счет ничего достоверно определенного. На основании многочисленных исследований можно констатировать, 1) что в Египте евреи держались счисления по лунному году, и 2) что при столкновении с хананейскими племенами они усвоили себе солнечный год, по которому, на основании кн. Быт. VII, 11, они вели счет и раньше. Ср.: W. Nowack, Hebr. Archäol. I, p. 216—218. Решающим моментом является возвращение евреев из вавилонского плена, откуда они принесли с собою и названия месяцев. См.: Schrader, Die Keilinschriften u. d. Alte Testament, p. 379 sq. Первоначально начало еврейского года считалось с осени (Тишри-Мархешван), затем под влиянием, вероятно, египтян Моисей (Исход, 12, 2) устанавливает год религиозный (весенний), так что получается двойное счисление — церковное и гражданское, на которое здесь и указывается Иосифом Флавием. Ср. также: Таргум к I кн. Царств VIII, 2.; E. Riehm, l. c. I, 657; Hamburger, Realencycl, I, p. 538—540; Nowack, l. c. I, p. 216—220.

[32] Вопрос о том, через сколько лет после сотворения мира произошел потоп, очень запутан и имеет огромную литературу. Точную цифру навряд ли удастся когда-либо установить, если ограничиться исключительно ветхозаветными данными, крайне притом разноречивыми. По переводу LXX толковников от Адама до потопа прошло 2242 (или по разночтению, которым пользовался также Иосиф Флавий, 2262) года. Если держаться еврейского масоретского текста, то выкладки сведутся к 1656 г. (cnf. Niese, Praefat. ad Antiquit. p. XXXV), тогда как самаританский и эфиопский тексты (Книга юбилеев) дают 1307 л. Ср. обо всем этом: Fr. Delitzsch, N. Comm., p. 135—140. V. Floigl, Geschichte d. sem. Altert., p. 10 останавливается на числе 1916.

[33] Еврейский текст дает лишь 905. Ср.: кн. Быт. V, ст. 11.

[34] Ср.: кн. Быт. V, 20; где поставлено число 962.

[35] В кн. Быт. V, 24, сказано: «И Ганох шествовал с Богом, и его не стало, ибо Бог взял его к себе». То обстоятельство, что Энох был взят на небо, прожив праведником лишь половину того времени, которое выпало на долю другим допотопным патриархам, подало повод к возникновению целого ряда преданий о нем. Уже имя его Chanukh или Chanikh (חנוך) — «посвященный, знающий» (арабск. Idris — ученый) и странное число 365, которым определяется время его жизни и которое невольно напоминает число дней солнечного года, послужило причиною к таким легендам и к

целой апокрифической литературе, нашедшей себе типичного представителя в так. наз. «книге Эноха», относящейся к первому дохристианскому веку и найденной на эфиопском языке в 1773 г. В 1853-м это сочинение было издано с переводом на нем. яз. проф. Dillmann'ом. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 595. Hamburger, Realencycl., p. 509; и Fr. Delitzsch, l. c. p. 143. — О распространенности мнения, что выдающиеся люди не умирают естественною смертью, а сразу исчезают на небо, ср.: Nägelsbach. Homer. Theol. XII, 32. Midr. beresch. r. par. XXV, рассказывает, что Энох вовсе не был безусловно благочестивым человеком, но совершал иногда даже противозаконные поступки. Его внезапное исчезновение с лица земли комментарий Iede Mosche (к Beresch. rab. l. c.) объясняет как предупреждение, посланное в лице Эноха всему погрязшему в греховной жизни допотопному человечеству.

[36] Кн. Быт. V, ст. 28—31, дает совершенно иной вариант этому месту.

[37] Местность, в которой находится гора или, вернее, горы Арарата (их две — Большой и Малый), называется в ассирийских надписях Urarti. На то, что Арарат здесь поставлено вместо Армении, указывают не только Иосиф Флавий, но Библия (кн. Быт. VIII, 4; Иерем. LI, 27, XXXVII, 38) и клинописные памятники. Ср.: A. Schrader, l. c. p. 10 sq., а также Моисея Хоренского (ed. Le Vaillant de Florival I, p. 73, 77). По сирийскому преданию, ковчег остановился на хребте Джебель Чуди, сир. Карду, недалеко от озера Вана. Этот хребет имеет в виду, вероятно, и халдеянин Беросс, сообщения которого о потопе приводит несколько ниже Иосиф Флавий. По самаритянскому преданию, не заслуживающему, однако, внимания, Ной остановился на острове Цейлон. Ср.: Schrader у E. Riehm, l. c. I, p. 81—82.

[38] Беросс или Бероз, как его также называют, жил в III в. до Р. Х., был жрецом и написал вавилонскую историю, от которой до нас дошли только отрывки. Пользуясь в древности большим авторитетом, Беросс служил и Иосифу Флавию одним из самых ценных источников.

[39] Это, по всему вероятию, гора Карду близ озера Вана. См. выше примечание 1. Эта же местность названа далее Николаем Дамасским Миниадой — нет ли этимологической связи между кордуйцами и знаменитыми кардухами Ксенофонта, праотцами нынешних курдов? Как известно, кардухи иначе назывались гордуеями. Plut, Luc. 29, Strab. XII, 522.

[40] Иероним из Кардии, современник Александра Великого. Мнасей, из города Патр, жил около 150 г. до Р. Х.

[41] Это — историк из Дамаска, современник императора Августа, близкий друг иудейского царя Ирода Великого. Главным трудом его была всеобщая история в 144 книгах, которая дошла до нас в многочисленных отрывках.

[42] Милиаду вм. Миниады, обыкновенного чтения, принимает здесь С. Набер, хотя и не мотивирует своего чтения. Народ минийцев цитирует также пророк Иеремия (LI, 27): он идентичен с маннеями или мунпеями ассирийских памятников и жил, вероятно, к востоку от озера Вана. Ср.: Schrader, Keilinschriften u. Geschichtsforschung, p. 160, 174. Моисей Хоренский — I, 12, упоминает манаваситян, с которыми могли бы совпадать названные минийцы. Ср.: E. Riehm, l. c. I, p. 87. II, 1001. — О горе Барис не сохранилось, кроме здесь приведенных, никаких подробностей.

[43] Genes., VII, 10 — VIII, 19.

[44] Ср.: кн. Числ. XVII, 11, и Второз. XII, 23. — Hamburger, Realenc. I, p. 194 указывает, что известное изречение Галена αἷμα εἶναι τὴν ψυχήν — «кровь — душа» должно быть понимаемо совершенно различно от того, как библейские данные смотрят на этот вопрос. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 193. Как известно, Анан, основатель караимства, основываясь на Второз. XII, 23, отождествлял душу с кровью. Саадия первый опроверг его теорию. Ср.: Г. Генкель, р. Саадия гаон, с. 256.

[45] Ср.: Второз. XXXII, 23, 42; Иов, VI, 4; Псалм. VII, 13 и сл. XXXVIII, 3; Иезекиил, V, 16; Захар. IX, 19 и сл.; Плач Иерем. II, 4; III, 12 и сл.

[46] Genes., VIII, 21 — IX, 17.

[47] В современной астрономии «великим или платоническим» годом принято называть период времени в двадцать шесть тысяч лет, необходимых для возвращения Земли на тот же пункт мироздания, на котором она находится в момент весеннего равноденствия. Если Флавий Иосиф говорит здесь о шестистах годах, то у него, вероятно, были под руками какие-нибудь исчисления Беросса или Манефона, до нас, однако, не дошедшие.

[48] Манефон — египетский жрец в Гелиополисе, был современником знаменитого Птолемея Филадельфа (283—246 гг. до Р. Х.) и отличался огромною начитанностью. Он написал много сочинений исторического, хронологического и астрономического содержания; от всех их сохранились лишь отрывки его египетской истории (Αἰγυπτιακά), доведенной от древнейших времен до Александра Македонского. Между прочим, Манефону принадлежит честь распространения в древности массы нелепых басен о евреях. Флавий Иосиф уделяет в своем возражении Апиону немало места рассмотрению и опровержению Манефоновых сообщений. Ср.: «Против Апиона», I, 14, 15, 25—31.

[49] Мохос, или Охос (Diog. Laert. Prooem. I и Suid. s. v.), — древний финикийский историк из Сидона, цитируемый Athen. III, p. 12b. A, совместно с Санхуниафоном. Ср.: Strabo, XVI, p. 757, где он называется также Мосхом.

[50] Гекатей из фракийского города Абдеры был современником Александра Великого и Птолемея I. Он написал историю Египта, которая в оригинале, однако, не дошла до нас. Кроме того, ему приписываются еще сочинения: «Об Аврааме», ср.: «Иуд. древн.», 1, 7, 2 и «Об иудеях». Относительно вопроса о подлинности последнего сочинения см. возражение Флавия Иосифа против Апиона, с. 1359, прим. 184. — Об Иерониме у нас речь была уже выше.

[51] Гезиод — один из древнейших поэтов Греции, современник или преемник Гомера, жил, вероятно, в VIII в. до Р. Х. и известен как автор нескольких дидактических поэм, в которых заключается немало данных по мифологии, древнейшей истории и т. п. Подлинность его главнейшего сочинения «Феогонии» оспаривается в настоящее время многими исследователями. Ср.: Bernhardy, Griech. Litterat. II, p. 302.

[52] Гелланик, который, по мнению Страбона (X, 451), не заслуживает доверия, был логографом с острова Лесбоса и жил от 480 до 400 г. до Р. Х. От его сочинений сохранилось 28 заглавий, из которых, однако, много подложных. Он писал по генеалогии, хорографии и хронологии. Ср.: Preller, Vermischte Aufsätze, p. 23—68.

[53] Акузилай — логограф из Аргоса, современник Геродота. От него сохранились лишь отрывки, собранные K. Müller'ом в fragm. histor. Graes. T. I.

[54] Эфор (IV в. до Р. Х.) — автор всеобщей истории до 340 г., которая служила Диодору Сицилийскому главным источником.

[55] О Николае, историке времен Августа, см. выше, с. 42.

[56] Genes., IX, 29, 28.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[57] Сеннаар, по евр. שנער, первоначально означает всю местность по нижнему течению Тигра и Евфрата до Персидского залива. Вероятно, что название שנער распространялось в ветхозаветных книгах на всю Вавилонию, так называемое Сумер-Аккад, которое на клинообразных надписях называется Sumer. Ср.: Schrader, Keilinschr. u. Alt. Test. II, p. 118 sq.

[58] Так объясняется название Вавилона и в кн. Быт. XI, 9, причем оно производится от корня בלבל. По клинописным памятникам, однако, при Babilu (из Babi — ilu) приходится остановиться на значении «врата Ила». Ср.: Friedr. Delitzsch, Paradies, p. 213. Ил — вавилонское верховное божество, которое в древнейшие времена имело здесь святилище. — К северу от Вавилона до сих пор сохранились развалины грандиозного капища в честь Ваала-Меродаха, известные под именем Babil. Это, по всему вероятию, и есть знаменитая вавилонская башня. Ср.: Schrader у Riehm'a, Handw. I, p. 134, 138.

[59] Здесь, вероятно, имеется в виду еврейская сивилла Сабба, или Самбета, отождествляемая с халдейскою или египетскою сивиллами. Еще теперь существует на греческом языке двенадцать книг сивиллиных предсказаний очень разнообразного содержания и безусловно разного времени. Самая древняя — это третья книга, трактующая об обращении язычников и вечном царстве. Заключая в себе смешение языческих, еврейских и даже христианских воззрений, эти пророчества состоят большею частью из облеченного в форму предсказания рассказа об исторических событиях, сообщений о разных царствах, городах и народах. В последнем отношении они представляют нередко огромный интерес. Ср. также: А. Я. Гаркави. О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов. СПб., 1872, с. 18—24.

[60] Эниалием, т. е. богом военной свалки, греки обыкновенно называли не Зевса, но Ареса, бога войны. Впрочем, уже рано Эниалий упоминается также как самостоятельное божество. Ср.: Homer, Il. XIII, 519; XXII, 132.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[61] Ср.: Genes., XI, 9. Как известно, древнейшими жителями Греции считаются лелеги, кары, кавконы, гианты, абанты, аоны и пеласги. Все они с течением времени были подчинены греками и объединены под общим названием эллинов. О том, что не всегда более поздние пришельцы называли своим именем покоренных автохтонов, а, напротив, сами принимали новое имя, ср.: Флавий, «Против Апиона», II, 4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[62] Шестая глава представляет по времени первую в древности обработку знаменитой генеалогической таблицы народов, помещающейся в кн.

Быт., гл. X—XI, и повторяющейся затем в Паралип. I, гл. I, ст. 4—23, с небольшими опущениями. Особенного внимания заслуживает пятый отдел данной главы, при составлении которого Флавий Иосиф особенно руководствовался переводом LXX толковников. С течением времени работа Флавия послужила источником для Иеронима (в его Quaestiones Hebraicae), которым, в свою очередь, пользовался Исидор, Etym. IX, 2, 1—39. Ср.: Franz. Delitzsch, N. Comm., p. 202. — О географическом характере генеалогической таблицы пранародов см. исследование А. Я. Гаркави: «О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов». СПб., 1872, а также Fr. Delitzsch, l. c. p. 198—203; A. Dillmann, Die Genesis. Lpz. 1874, p. 174—183; Riehm, l. c. II, p. 1718—1721.

[63] Аманом, или Абаном, по Riehm'y, l. c. I. p. 53, называется река, протекающая по живописной долине Антиливана и затем направляющаяся к городу Дамаску, чтобы наконец впасть в самое северное из дамасских озер. За быстрое течение и холодную воду эта река называется Nahr Barada — «студеным потоком». По этой, наиболее выдающейся реке Антиливана и самый хребет называется Аманом (Песнь Песней, IV, 8). — Более, однако, вероятным представляется нам признать в Амане ту юго-западную ветвь Тавра, которая ныне называется Альмадаг, а в классической литературе известна под именем Amanus. А. Я. Гаркави, ук. соч., с. 97—99, приравнивает к ней название Ноева сына Хама. Предположение наше находит себе подтверждение также в том, что Тавр и Аман названы Иосифом Флавием вместе. — Танаис — древнегреческое имя реки Дона, считавшейся границей между Азией и Европою.

[64] Gadeir, римск. Gades, ныне Кадикс, древняя финикийская колония, получившая свое имя якобы от семитского geder — ограда (т. е. конец земли). На острове вблизи города возвышался во времена Страбона величественный храм Геракла, колонны которого были покрыты финикийскими надписями. Тут же находился и древний оракул.

[65] Гомар является родоначальником киммерийцев, народа, жившего, по Гомеру (Odyss., XI, 14), в бессветной туманной мгле на севере от Понта Эвксинского, западнее Дона. От имени их сохранилось еще название «Крым» (арабск. Kirim из Kimir). О том, как киммерийцы, оттесненные в VIII в. до Р. Х. скифами во Фракию, чтобы в союзе с последними напасть около 650 г. на Лидию, откуда их, однако, изгнал лидийский царь Алианик, ср.: Herod., I, 16. От этих киммерийцев происходили и знаменитые, столь грозные некогда Риму кимвры, союзники тевтонов. Ср.: Diod. Sic. X, 32; Strabo, XII, 2, 2. В Англии они поселились за 100 лет до Р. Х. под именем Cumri или Cymri (кельто-валлийцы). Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 203—204; Riehm, l. c. I, 527. — Смешение Иосифом Флавием гомарейцев-кимвров с галатами отчасти объясняется нередкими набегами первых на Малую Азию, а также тем обстоятельством, что каппадокийцы носили у армян имя Gamirkh, близко подходящее к слову Γομαρεῖς.

[66] Если название этого народа, упоминаемого также у Иезекиила, 38, 2; 39, 6, не имя собирательное для народов, живших к северу от Кавказа, между Азовским и Каспийским морями (Riehm, I, 938—939), то, ввиду отождествления Иосифом магогов с народом скифским или сакским, заявления некоторых средневековых сирийских писателей о том, что народ Магог жил к северу от Индии, приобретают известную ценность. Вероятнее всего, мы

имеем в названии Магог дело с именем собирательным. Мордман считает народ Магог — армянами. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 206 ann.

[67] Это имя мидян, известных по клинообразным памятникам под названием mat Madaa. В кн. Эсфири и Даниила имена мидян и персов встречаются всегда рядом.

[68] Ср.: Ernst Curtius: Ueber die Ionier vor der ionischen Wanderung, 1855, Stade: De populo Iavan, 1880, а также Schrader: Keilinschriften u. A. Testam., p. 11 sq.

[69] Иберы — ныне грузины, живущие на плодородной равнине к югу от Кавказа. На западе страну иберов замыкали Мосхийские горы (см. сл. примеч.), на востоке река Алазан (Алазаний), на юге Армения. Главная река страны — Кир (нынешн. Кура). Ср.: Strabo, XI, 499 и сл. Plin. VI, 10, 11. По клинописным памятникам, однако, видно, что в глубокой древности иберы и мосхи жили южнее, по одной линии с киликийцами. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 206 и Schrader, l. c. p. 155 sq.

[70] Этот народ, который у Геродота (III, 94, VII, 78) и Иезекиила (38—39), постоянно цитируется в связи с предшествующим — иберами, жил у истоков Фазиса (Риона) и Кира (Куры). Мосхийские горы составляли границу Колхиды с востока. — Клинописные памятники знают народ Mushki или Muski (Schrader, l. c.), живший к северо-востоку от племени Tabal (фовелийцы — иберы) в так наз. Малой Армении, недалеко от Ассирии. Впоследствии гомарийцы отогнали их к берегам Понта, где они действительно заняли область, известную впоследствии под именем Каппадокии с главным городом Маздакою, который во времена Августа получил название Цезарей.

[71] Навряд ли возможно согласиться с Иосифом Флавием, скорее следует понимать тут тирренцев, но не тех, которые родственны этрускам, а тех, которые по сообщению Thucydid. IV, 109, жили вблизи Афона. Fr. Delitzsch, l. c. p. 207, склонен видеть в них жителей низовьев Днестра, который назывался Тирасом.

[72] Жили около Мраморного моря. Ср.: Delitzsch, l. c. p. 204.

[73] Рифейскими горами древние называли Урал. Одна из провинций Вифинии называлась Ривантиею.

[74] Вернее, это — армяне. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 205.

[75] С этим толкованием Флавия соглашается Fr. Delitzsch, l. c. p. 207. Однако ввиду того, что Яван является представителем и родоначальником ионийцев, т.е. греческого племени, жившего преимущественно на материке, а сыновьями его тут названы Фарс и Хетим, т. е. основатели государств на островах Средиземного моря (Кипр, Родос), замечание проф. E. Kautsch'a у E. Riehm'a, l. c. I, 369, что здесь под именем елисейцев имеются в виду жители Сицилии и Великой Греции, заслуживает полного внимания.

[76] Это объяснение Флавия совершенно неправильно. Главный город Киликии Таре, лежащий на материке, довольно далеко от моря, смешивается Иосифом Флавием в «Древн.», IX, 10, 2 с городом Tartessus богатой серебром и оловом испанской области Tartessis (תרשיש). Здесь приходится также иметь в виду последнюю, что подтверждается как общими соображениями (напр., тем, что сыновья Явана являются родоначальниками греческих колонистов по островам и прибрежьям Средиземного моря), так и тем, что у Геродота, I, 168 рассказывается, что Тартесс был основан еще за-

долго до прибытия туда финикийцев, выходцами из греческой области Фокиды. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 207.

[77] Массоретскому כתים (кн. Быт. X. 4) соответствует у LXX толковников Κήτιοι, Κιτιαῖοι у Иосифа Флавия χεθίμ у Евсевия χεττιείμ, у Иеронима Chetthiim. — Во всяком случае, нельзя думать, чтобы здесь только имелся в виду населенный финикийцами остров Кипр; скорее это общее обозначение прибрежной полосы целой массы островов на юго-западе Малой Азии, среди которых находится и Кипр. Этому собирательному здесь понятию соответствует у Иерем. II, 10 слово קדר (восток), также являющееся именем собирательным. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 207—208, и G. Boettger, Topographisch-historisches Lexikon zu den Schriften des Flavius Iosephus, p. 87—88.

[78] Ввиду того, что в основе генеалогических сообщений кн. Быт. X и XI лежит, как доказано, между прочим, А. Я. Гаркави, ук. соч., почти исключительно географическая точка зрения, то весьма кстати будет напомнить здесь, что так наз. яфетитам отводится весь север известной древним карты Земли, причем Гомар, Магог и Мадай занимают более северную, а Яван, Фовел и Мосох южную полосу; перечисление же идет с запада к востоку.

[79] Т. е. в греческом переводе LXX толковников.

[80] Иосиф Флавий, однако, вовсе не особенно последователен в однообразии транскрипций. В переведенных нами пока пяти главах встречаются сплошь да рядом варианты, а в возражении против Апиона передача египетских имен отличается особенною неустойчивостью.

[81] Аман — отрог Таврских гор; он отделяет Сирию от Киликии. См. выше, с. 21 прим., а также Strabo, 536; 676; 751 и Plin. Hist. nat. V, 22. Именем океана здесь обозначено, вероятно, то море, которое, по представлению древних, обтекало Эфиопию с юго-востока.

[82] Хус соответствует библейскому כוש, хусейцы — кушитам, т. е. тем народам эфиопского происхождения, которые, часто встречаясь в связи с египтянами (Исаия XX, 3, 4, 5), жили по верховьям Нила в нынешней Нубии по направлению к Абиссинии. Указание Иосифа Флавия на то, что кушиты встречаются в Азии или по крайней мере известны там, приобретает особую ценность потому, что частые переходы кушитов из Африки в Азию, именно в южную Аравию и обратно, составляют теперь бесспорный факт. Ср.: Schrader у Riehm'a, l. c. I, p. 33—35.

[83] Беккер и нек. другие читают здесь, опираясь на форму Местраим (см. ниже), Μεστραιμου. Во всяком случае, мы имеем тут дело с евр. названием Mizraim (מצרים), которое встречается у Исаии XIX, 6; XXXVII, 25, и Мих. VII, 12, в форме מצור и соответствует словам Misir и Musur клинописных памятников.

[84] Phaiat, вместо которого стоит также имя Lube, — коптское название Ливии. На основании Нах. III, 9 — Phut (פוט) только одна область великой страны Ливии, всего южного побережья Средиземного моря к западу от Египта. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 209, и Boettger, l. c., 208.

[85] О ней упоминается также у Птолем., IV, 1, 3, где она названа Φθούθ или Θούθ, и у Плиния, V, 1, 1, (Fut), который имеет в виду реку на западном берегу так наз. Mauretania Tingitana, севернее мыса Геракла. Boettger, l. c. p. 208.

[86] Ср. ниже, 1, 15, где имя Африки производится от Офрена.

[87] Здесь имеются в виду финикийцы, которые сами называют своим родоначальником мифического брата Озириса Χνά, а себя самих Χνάοι или Chanani по транскрипции Св. Августина. Ср.: Euseb. prăp. I, 10, 26. О переселении в древнейшие времена финикийцев и других хамитов с берегов Персидского залива на запад, которое является теперь вполне подтвердившимся фактом, ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 210.

[88] В «Иуд. древ.», II, 10, 2, Иосиф Флавий отождествляет город Сабу с Мерое, которое, по его мнению, датирует со времен персидского царя Камбиза. Мерое является столицею древнего жреческого государства по Нилу и его притоку (Голубому Нилу). Ср.: Diod. I, 33. Геродот называет Мерое «столицею прочих эфиопов» (ср.: II, 29), т. е. явно имеет в виду юго-восточную часть Нубии и западные области нынешней Абиссинии. По Страбону (XVII, 821 sq.), Саба является богатым центром караванной торговли между Аравией, Индией и Африкой. Ср.: Boettger, l. c. p. 184. — Эвил соответствует библейскому Хавила (חוילה). По Плинию (VI, 34—35), народ авалитов жил у Авалитского залива, к югу от Баб-эль-Мандебского пролива. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 211. С этим, впрочем, не вяжется отождествление Иосифом Флавием с гетулами, жившими к югу от Мавритании, Нумидии и Киренаики по оазисам великой Ливийской пустыни. Ср.: Boettger, l. c. p. 118. — Сабафейцы (שבות гимьяритских надписей) населяли южный берег Аравии. Частые переселения кушитов из Аравии в Африку и обратно, на которые намекает и Плиний (VI, 34; adcolas Nili a Syene non Aethiopum populos, sed Arabum esse dicit usque ad Meroen) и которые, вероятно, были известны также Иосифу Флавию, подали повод последнему назвать сабафейцев — астабарами. Дело в том, что, как узнаем из II, 10,2, Астабаром называлась река в Эфиопии (ныне Takazzie, называющаяся до сих пор в нижнем своем течении Atbara), которая, сливаясь с Нилом, образует остров Мерое с городом того же имени. Только таким образом возможно объяснить сообщение Иосифа об идентичности народа, жившего в Нубии, с жителями южной Аравии.

[89] О месте жительства этого народа до сих нор почти ничего не известно. Bochart помещает их по юго-западному побережью Персидского залива, в главном городе области Кармании, Самидаке. Ср.: Fr. Delitzsch. l. c. p. 212.

[90] В еврейском тексте кн. Бытия X, 7, Регм носит имя Раема (רעמה) и является четвертым сыном Хуса, а не пятым, как здесь. Имя Регмы (Ρέγμα, Ρέγαμα, у Птолем. VI, 7, 14) носит приморский город на восточно-аравийском берегу, у Персидского залива. До сих пор пограничный между Оманом и Бахрейном город Аравии называется Redschâm; впрочем, Дилльман указывает на сабейский город Раему, население которого, быть может, имеет в виду Страбон (XVI, 4, 24). Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 212, и Riehm, l. c. II, p. 1254.

[91] Шеба и Делан — שבא ודדן — так называются сыновья Куша в масоретском тексте Быт. X, 7. Имя Иудад, быть может, произошло у LXX толковников вследствие отнесения союза (в вышепоказанном сочетании он читается как u-Scheba udedan) к корню имени Дедан. У Иезекиила XXVII, 15, 20 и XXXVIII, 13, имена деданийцев, сабеян и регмеян стоят рядом, почему приходится искать места поселений этих народностей в Аравии, близ Персидского залива. Упомянутое в кн. Быт. XXV, 3 — Дедан не идентично со здесь названным. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 266.

[92] Ср. выше, гл. IV, 2.

[93] Газа, т. е. «сильная, укрепленная» местность, называющаяся теперь у арабов el-Gazzeh, является наиболее южным и выдающимся из пяти главных городов Филистеи, в расстоянии двадцати стадий от берега Средиземного моря. Евсевий говорит о ней: «До сих пор она остается самым выдающимся городом Палестины». Ср.: Boettger, l. c. p. 127—128.

[94] Ср.: Геродот, I, 105, III, 5, где страна называется Палестиною, или палестинской Сирией, а жители носят название палестинских сирийцев. Перевод LXX толковников передает имя филистимлян лишь в Пятикнижии через Φιλιστείμ, во всех других книгах Ветхого Завета они носят имя Αλλόφυλοι — чужестранцы. С этим вполне гармонирует сказанное в кн. Быт. X, 14, что филистимляне являются отпрыском так наз. каслухов или, как полагает Делич (l. c. p. 218), египтян-кафторов. т. е. критян. Подтверждением этому могут служить следующие обстоятельства: на острове Крит находился город Фаласарна, напоминающий имя Филастеи; одним из древних названий Газы является имя Μινώα, (ср. критского царя Миноса); Diod. Sic. III, 67, 70, рассказывает о бегстве египетского Аммона на остров Крит; Tacit, hist. V. 2, смешивая палестинцев-евреев с филистимлянами, выводит их с Крита; по Второз. II, 23, Амм. IX, 4, Иерем. XLVII, 4, филистимляне являются переселенцами с острова Крит-Кафтор (ср.: 1 кн. Сам. XXX, 14, Иезек. XXV, 16). О попытках сопоставления имени филистимлян с названием пеласгов ср.: Roeth, Geschichte unserer abendl. Philosophic. T. I, p. 90 sq. и A. Hannecker, Die Philistaer, 1872, p. 16, sq. См. также: G. Baur y Riehm'a, l. c. II, p. 1196—1197, и H. Lewy, Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, p. 185.

[95] Об этом эфиопском нашествии рассказывается у Иосифа в «Древн.», II, 10, 1 и сл. — О прочих потомках Мицраима должно заметить, что все сохранившиеся имена их представляют формы множественного числа и потому являются названиями народов. Лудийцы, по всему вероятию, прародители египтян (Rutu-Lutu, люди). Ср.: G. Ebers y Fr. Delitzsch'a l. c. p. 216. Энеметийцы принимаются Кнобелем за жителей египетской Дельты (егип. emhit — север), тогда как Ebers видит в них кочевников-пастухов (егип. anaamu). Лабиим встречаются в ветхозаветных книгах под именем Лехабим (לְהָבִים) — ливийцы (егип. Lebu-Lubu, колт. Libe — жажда), жители пустыни. Недемийцы — נַפְתֻּחִים — жители среднего Египта с гор. Мемфисом (святилище бога Фта). Февросимийцы — обитатели верхнего Египта (pet-res — страна юга). Хеслемийцы или каслухи, на основ. Таргума иерусал. II, жители Киренаики с ее пентархией. Кафторийцы или хефторийцы — критяне. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 217.

[96] Умолчание имени Тира объясняется Riehm'ом l. c. II, p. 1719 тем, что Тир — колония Сидона.

[97] Под этим именем город существует до сих пор в Сирии на берегах реки Оронта, у подошвы Антиливана (Иис. Нав. XIII, 5; Суд. III, 3; Plin. Hist. nat. V, 19). Название Эпифании город получил, вероятно, от Антиоха IV, Эпифана: У Иосифа Амафа упоминается также III, 14, 2; VII, 5, 4; VIII, 6, 3. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 599 и Boettger. l. c. p. 20, также Fr. Delitzsch, l. c. p. 220—221, который распространяет имя Амафы на целую область с монархическим устройством.

[98] Ассир. Arvada, Aruada, по Иезек. XXVII, 8, 11 жители Арада славились как отличные мореходы и воины. Город Арад лежал на небольшом скали-

стом острове (ныне Ruad) близ сирийского побережья. Страбон, XVI, 2, 12, 13, даст подробное описание острова с его городом Кяпою и замечает: «Город был построен, как говорят, беглецами из Сидона». Высшего расцвета Арад достиг при Селевкидах; от этого времени сохранилось много арадских монет. Ср.: Boettger, l. c. p. 32—33.

[99] Развалины этого города сохранились поныне и носят у арабов название Irka. Во времена пимских цезарей он назывался Caesarea Libani. Здесь родился в день праздника в честь Александра Великого, в посвященном последнему храме, император Александр Север. Ср.: Aurel. Vic. Caes. XXIV и Boettger, l. c. p. 35.

[100] Под именем Chet (חת), или Erez Chatitim, следует разуметь хананейское племя, жившее по всему пространству к западу от Иордана до Оронта. Египтяне знают племя Cheta, как могущественный и крайне воинственный народ, который во времена патриархов владел городом Хевроном. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 219.

[101] Иевус — старинное название Иерусалима (I Паралип. XI, 4, Суд. XIX, 10 и сл., Инс. Нав. XV, 8, XXVIII, 28); иевуситы жили, следовательно, между хетитами и аморреями в горах Иуды.

[102] По Исаии, XVII, 9, имя аморреян может означать «горцев». Это был самый могущественный хананейский народ, занимавший (по «Иуд. древн.», V, 1) седьмую часть всей Палестины. Ср.: Riehm, l. c. I. p. 57.

[103] По Инс. Нав. XXIV, 11 — гиргасийцы жили к западу от Иордана, по Оригену (Matt. VIII, 28), напротив, к востоку, что, однако, опровергается Riehm'ом, l. c. I, p. 519.

[104] Народ חוי жил в городах среди прочих хананейских племен и делился на самостоятельные общины с монархическим, как в Сихеме (кн. Быт. XXXIV), или демократически-республиканским строем правления (в Гибеоне, Инс. Нав. IX, 11, XI, 19). Они жили также по склонам Ливана и Антиливана, но владения их не касались береговой полосы. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 220.

[105] Асеннейцы или синиты (הסיני в кн. Быт. X, 17) жили по западному склону Ливанских гор в трех милях к югу от Арада, вблизи Арки. Страбон (XVI, 2, 18) упоминает об их крепости на вершинах Ливана.

[106] Еврейское הצמרי, ассир. Simirra, означает местность на крайнем севере Ливана. С Самарией она, конечно, не имеет ничего общего. Ср.: Schrader, l. c. p. 105.

[107] Здесь Иосиф Флавий делает отступление, передавая рассказанное в кн. Быт. IX, 20—21.

[108] Эламейцы, или эламитяне, населяли часть персидской области Сузианы и, по новейшим данным, едва ли могут быть причислены к народностям семитского племени. Неправ также и Флавий, считающий их родоначальниками персов. По всему вероятию, этот народ, носивший только у семитов имя liam или liamti и называвший сам себя Nummaki (горное племя), принадлежал к сумероаккадийцам. Ср.: A. Schrader, l. c. p. 30, 246—248, а также Riehm, l. c. I, p. 359 и Fr. Delitzsch, l. c. p. 222.

[109] Ассирийцы занимали местность к северо-западу от эламитян, по южным отрогам армянских гор и по Тигру. Assur — семитизированное Ansar, а Aschur — имя главного божества («благодетель»). Об отношении имени бога к названию страны ср.: Friedr. Delitzsch, Paradies, p. 254.

[110] Заявление Иосифа Флавия о тождестве аофаксадейцев или Арпашхад Св. Писания, Арранха ассирийских клинописных памятников, Ἀρραπαχῖτις — греков (Ptolem. XI, 1, 2), с халдейским народом далеко не вполне еще проверено. Попытки объяснить имя Арпашхад указаны у Fr. Delitzsch, Neuer Comm., p. 222. Вероятнее всего, здесь имеется в виду Таврское плоскогорье к востоку от озера Ван, к северу от Ассирии. Ср.: А. Гаркави, ук. соч., с. 94, и Riehm, l. c. I, p. 88.

[111] По Амосу IX, 7, арамейцы спустились с берегов Куры (в Армении к югу до Киликии, о чем упоминает также Страбон (XIII, 4, 6). По клинописным памятникам, народ Arumu (Arimu, Aramu) жил по соседству с эламитянами.

[112] Здесь нельзя принимать тех лидийцев, которые жили в исторические времена в лидийской Малой Азии. В эту позднейшую Лидию они перешли впоследствии, теснимые, вероятно, яфетитами или хамитами. Первоначально они так же, как и прочие потомки Сима, занимали склоны Тавра. Лидийцы, бесспорно, семиты, хотя язык их и не принадлежит к числу семитских. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 223.

[113] Трахонита — местность к востоку от Иордана, между Антиливаном и Аравийским хребтом — Dschebel Hauran. Ср.: Wetzstein, Reisebericht über Hauran u. d. Trachonen, 1860, и Boettger, l. c. p. 247. Арабам известен Aus-ibn-Iram в качестве основателя Дамаска. Ср.: Fr. Delitzsch, p. 223.

[114] Имя Ула обыкновенно сопоставляется с народом Hylatae у Плиния, Hist. nat. V, 19, т. е. с тем племенем, о котором Флавий упоминает ниже XV, 10, 3. Народ этот жил между Палестиною и Келесириею. По клинописным памятникам, однако, приходится определить место их жительства на юго-востоке Тавра по верхнему течению реки Тигра. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 224.

[115] Бактриана, нынешн. Бальх, названа здесь Иосифом Флавием без достаточного основания. Ср.: Kiepert, Lehrb. der alten Geographie, p. 56.

[116] Эти мисанейцы непосредственные соседи потомков Ула, так как Масийские горы, по которым они жили, часть хребта Тавра. Boettger, l. c. p. 185, однако, помещает их у Персидского залива, в устьях Тигра. С этим вяжется указание на город (не страну, как полагает Иосиф) Спасинхаракс — Charax Spasinae на Тигре.

[117] Этот город был основан Александром Великим, носил название Александрии и лишь впоследствии был переименован в Charax (Plin. hist. nat. XI, 27, 31), что означает плотину, так как город был защищен с моря огромными дамбами. Неоднократные наводнения разрушили его, однако, окончательно, так что Антиоху IV Эпифану пришлось возобновить его под именем Антиохии. Впоследствии арабский правитель Pasines, или Spasines, перенес сюда свою резиденцию. Отсюда город и получил указанное название. Ср.: Boettger, l. c. p. 36.

[118] Евер является по своей этимологии (עבר — переход, место перехода) воплощением жителей за Евфратом. Ср.: кн. Быт. XIV, 13 у LXX толковников, где слово עברי — еврей — переводится через «живущий по ту сторону Евфрата» —ὁ Περάτης.

[119] Это библейский Иоктан, которому соответствует арабское Кохтан, имя прародителя всех древнеарабских племен, отдельными родоначальниками которых являются ниже поименованные сыновья его: Елмодад, Салеф

и т. д. Все происшедшие от них племена жили либо в разных частях Аравийского полуострова, либо на противоположном африканском берегу. О подробностях см. Fr. Delitzsch, l. c. p. 224—228.

[120] Это место сильно испорчено в греческом тексте. Naber читает: «страны Арии», Bochard видит в последнем слове Сирию, Niese же, читая τῆς προς αὐτῆ ὀρείας, имеет в виду вообще возвышенную местность. Вопрос разрешается тем, что по Arrian. Exped. Alex. IV, 22, и Plin. hist. nat. VI, 23, река Кофин — единственный приток Инда, втекающий в последний с запада и отделяющий Индию ог Арианы. Ср.: Boettger, l. c. p. 92—93. Тут действительно жил в древности народ Сэры или Саки, скифы, двинувшиеся впоследствии на Запад. — Определение Иосифом Флавием обиталищ сыновей Иоктана страдает, однако, ввиду вышесказанного о расселении их в Аравии и отчасти Африки, крупными погрешностями.

[121] По новейшим данным ассириологии, город Ur-Chasdim находился к югу от Вавилона на правом берегу Евфрата, там, где теперь еще видны развалины el-Mugheir. Страна Касдимов, или Kaldi (халдеян), простиралась до Персидского залива. О древнем предании, по которому слово Ur производится от אור — огонь, в силу чего Авраам будто бы был ввергнут, за нежелание поклониться идолам, в огненную печь; ср.: Targ. Jonath. к кн. Бытия XI, 29, и Beer, Das Leben Abrahams nach Auffassung der jüdischen Sage, p. 15 sq. Это предание проникло также к магометанам, ср.: Коран, 26-я сура, ст. 68—70. — Подробности о городе Ur'е у Boettger'а, l. c. p. 250—251, и H. Kiepert'а, l. c. p. 144.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[122] С именем Авраама соединено у евреев и арабов множество преданий, в достаточной полноте сгруппированных в книге Beer'а, Das Leben Abrahams nach Auffassung der jüdischen Sage, Lpz., 1859. — Рожденный матерью тайком в пещере, Авраам, по одной версии, пробыл там три, по другой — тринадцать лет, а по третьей — лишь десять дней. Когда он вышел из пещеры и увидел восходившее среди чудной природы солнце, то готов был преклониться перед ним и почитать его за божество. Но смена дневного светила луною и звездами так поразила его, что Авраам заключил, что планеты не могут быть самостоятельны, а управляются постороннею силою, именно всемогущим Творцом. Ср.: Beer, l. c. p. 3 sq. и 102. На пятидесятом году жизни Авраам объявил войну идолопоклонникам и в том числе родному отцу своему Фарре, который снискивал себе средства к жизни изделием и продажею идолов. Обо всех подробностях с указанием источников в раввинской литературе, ср.: Beer, l. c. p. 9—14.

[123] Это сочинение, вероятно, идентично с приписываемым ему исследованием «Об иудеях», которое, быть может, обнимало историю евреев от Авраама до Птолемеев. Впрочем, подлинность обоих сочинений еще вовсе не установлена. Сомнения были высказаны, между прочим, еще во II в. по Р. Х. Оригеном (Contra Celsum, I, 15). Ср.: Preudenthal, Alexander Polyhistor, p. 165 sq., а также: Dähne, Geschichtliche Darstellung der jüdisch-alexandrinischen Religionsphilosophie, I, p. 216 sq.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[124] Эта причина, между прочим, побудившая Авраама отправиться в Египет, смущает многих комментаторов (напр., Нахманида и Бехаи), которых шокирует такая неуверенность патриарха в его религиозных убеждениях. См., впрочем, Beer: l. c. p. 126—127.

[125] В раввинской литературе (Beresch rab., c. 41—52, Pirke de R. Elieser, c. 26, Wajikra rab., c. 16, Талм. иерус. тр. Кетубот VII, 9, и др.) рассказывается, что фараона и весь двор его постигла не только проказа, но и невозможность исполнять всякие требования природы. В последнем смысле и объясняется там выражение Иосифа Флавия «расстройство в делах». Филон, de Abraham, II, 15, подробно сообщает о мучениях фараона, который впал в бесчувственное состояние, затем стал страдать меланхолией и лишь после долгих стараний врачей перестал чувствовать мучительную боль во всем теле. Ср.: Beer, l. c. p. 128, arm. 219.

[126] В «Иуд. войне», V, 9, 4, Иосиф Флавий называет фараона, пожелавшего овладеть Саррой, Нехао, но Sepher Hajaschar говорит, что имя его было Rikajon или Rakajon, что он прибыл в Египет из Сеннаара и хитростью овладел престолом. У Синкела, Chronogr. ed Bonn., p. 189, фараон назван Рамессоменом, первым, получившим титул фараона. Euseb. praep. evang. IX, 18, ввиду этого называет его Фарефоном, что соответствует, вероятно, слову «фараон». Ср.: Beer, l. c. p. 128—129, ann. 223.

[127] Ср.: Талм. вавил., Баба Батра 16 б и Тосифта 141 а, а также объяснения Раши к тр. Иома л. 286. Отсюда видно, что слава Авраама, как выдающегося астронома, была так велика, что цари восточные и западные приезжали к нему за советом. В связи с этим преданием находится, несомненно, и тот факт, что знаменитая Книга Творения (Sepher Jezirah) долгое время приписывалась самому Аврааму, причем этот мидраш, несомненно гаонейской эпохи, представлялся в виде разговора Предвечного с патриархом, ввиду обращения последнего к истинному единобожию.

[128] Этот город, называющийся по-евр. צֹעַן (Num. XIII, 23; Jes. XIX, 11, 12; XXX, 4), лежал у одного из устьев Нила (Herod. II, 166; Strabo XVII, 802) и был до Псамметиха резиденциею особой династии. По преданию, тут воспитывался Моисей. Ср.: Псалм. 78, 12, 43. Бругш и Эберс отождествляют этот город с Раамзесом. См.: Boettger, l. c. p. 239—240.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[129] Около 1300 г. до Р. Х. царь Тиглат-Адар I подчинил себе Вавилонию и другие восточные области Передней Азии, которые и оставались в руках ассирийцев до середины VII в. Ср.: A. Schrader, Keilinsch. u. Alt. Test. p. 294 sq.

[130] Город Balanea был самым южным из приморских селений Сирии. Если только Иосиф Флавий имеет здесь в виду город, упоминаемый им в «Иуд. войне», I, 21, 12, что, однако, сомнительно, то это теперешний Banias. Ср.: Boettger, l. c. p. 50.

[131] Совершенно непонятно, что хочет этим сказать Флавий. Если здесь нет ошибки в греческом тексте (издатели, однако, единодушно оставляют термин «гиганты»), то можно подумать, что имеются в виду потомки стро-

ителей вавилонской башни, которые, по сообщению Гестиея (см. выше, IV, 3), явились в долину Сеннаар со священною утварью Зевса Эниалия. Связь Зевса с гигантами, подобие судьбы строителей вавилонской башни с судьбою гигантов и титанов, восставших против отца богов, могла подать повод к этому темному месту. Ср. Берозовскую Сивиллу и ее сообщение о гигантах, выше I, 4, 3.

[132] Это теперь Мертвое море. Ср.: «Иуд. война», IV, 8, 3—4.

[133] Genes., XIV, 1—12.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[134] עמק המלך или עי שאא, быть может, верхняя часть долины Кедрона. Ср. ниже VII, 10, 3, где рассказывается, что здесь в двух стадиях от Иерусалима был воздвигнут царем Авессаломом пирамидальный мраморный обелиск.

[135] Это далеко еще не установлено. О подробностях ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 269—270.

[136] Нигде, кроме данного места, не упоминается имени этого знаменитого каменного дуба, который, по преданию, существует (ср.: «Иуд. война», IV, 9, 7) здесь с начала миросотворения. Слово ὠγύγιος по-гречески имеет значение «древний, почтенный». Быть может, и Флавий первоначально употребил это слово в его коренном значении, тем более что основное значение еврейского названия дуба, elôn, allôn, сводится к «крепости, твердости, мощи». У Riehm'a, l. c. p. 342—343, помещено изображение этого дерева, отстоящего по цитированному месту Флавия в расстоянии шести стадий от Хеврона. Ср.: Boettger, l. c. p. 86—87.

[137] Мидраш Beresch. r. c. 45, и раввинская литература приводят массу подробностей об отношениях Агари к Сарре. Все эти данные в возможной полноте собраны у Beer'a, l. c. p. 34—36 и 48—149. Так, напр., мы узнаем, что Агарь была дочерью фараона, который подарил ее Сарре в свое время в Египте; что она не была рабою в доме Сарры, а получила от последней свободу перед сожительством с Авраамом, чтобы она могла быть его женою (полигамия); что Сарра подвергла ее побоям и сглазила ее (Beresch. r. c. 45), так что плод чрева ее преждевременно появился на свет. По этим преданиям, Измаил родился уже от второго зачатия Агари, после возвращения ее из пустыни, и т. д.

[138] Genes., XVI, 16—17, 27. — Ср.: Beer, l. c. p. 36.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[139] Genes., XIII, 13.

[140] Ср.: Талм. Baba Meziah, л. 86, а также Tachauer (Das Verhältniss des Fl. Josephus zur Bibel u. Tradition, p. 55) у A. Poznanski, Ueber die religionsphilosoph. Anschauungen d. Flavius Josephus, p. 14—16.

[141] Genes., XVIII, 1—21.

[142] Ср.: «Иуд. война», IV, 8, 4.

[143] Ср.: Сирах, Мудр. X, 7, Clemens ad Corinth, c. XI, Irenaeus, IX, 31, 3, 33, 9, и стихотворение Тертуллиана, ed. Oehlen, II, 773, где указывается на такой соляной столб на берегах Мертвого моря. По преданию, у этого столба за-

мечаются даже явления, напоминающие по периодичности своей менструацию. Ср.: Fr. Delitzsch, N. Comm., p. 307, 308, и Riehm, l. c. I, p. 925—926.

[144] Ср. также: «Иуд. война». IV, 8, 4, где местность названа, однако, Zoara, и «Древн.», XIV, 1, 4. Подробности о местоположении Цоара см. у Schenkel'я, Bibellexicon, V, 722 sq. Ср. также: Boettger, l. c. p. 254.

[145] Ср.: Genes., XIX, 31—38. Сказания раввинские и мусульманские о Лоте, см. у M. Grünbaum, Neue Beiträge, p. 139—141.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[146] Вероятнее всего, Герар — один из древнейших филистейских городов на южной границе страны. О различных толкованиях этимологии этого имени, которое приводится даже в связь с пеласгами, см.: Boettger, l. c. p. 132—133.

[147] Ср.: Genes., XXI, 31. — По кн. Быт. XXI, 28, это место, בְּאֵר שָׁבַע, называлось также «семь колодцев». Palmer, The desert of the Exodus II, p. 388, указывает, что в этой местности, вблизи Герара, на южной оконечности Святой земли, при входе в пустыню (ср.: «Иуд. древн.», VIII, 13, 7), действительно сохранились следы семи колодцев. См. ниже, I, 18, 2. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 159—160, где помещен также снимок с одной из этих цистерн. — Раввинское предание обставляет и это пребывание Авраама у чужеземного царя массою оригинальных подробностей, которые все собраны с указанием источников у Beer'a, l. c. p. 44—46 и 165—167.

[148] Вследствие этого арабы обыкновенно подвергали своих сыновей обрезанию между 6-м и 15-м годом жизни. У евреев восьмой день для этой церемонии назначен потому, что только со второй недели жизни вновь родившееся существо может считаться самостоятельным; ввиду этого кн. Исх. XXII, 30, и кн. Лев. XXII, 27, допускают жертвоприношение молодых животных не ранее достижения ими восьмидневного возраста. Впрочем, в случае, если у одной матери уже двое детей умерло от этой операции, обрезание разрешалось также на двенадцатый и более отдаленный день. О том, что обрезание чисто хамитское, специально египетское установление, которое, быть может, и у них распространялось лишь на касту жрецов, затем перешло от них к финикийцам и другим хананейским племенам, о чем свидетельствуют также древние классические писатели, что евреи восприняли этот обычай сравнительно поздно, см.: Riehm, l. c. I, p. 168—171, и особенно Nowack, l. c. I, p. 167—170, где в ценных примечаниях собрана вся литература данного вопроса, который тут освещается вполне во всем ходе его исторического развития. Ср. также: «Иуд. древн.», VIII, 10, 3.

[149] Beer, l. c. p. 49—50, рассказывает об этом на основании раввинских данных массу любопытных подробностей. Ср. также: M.Grünbaum, Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde, Leiden, 1893, p. 104—107, где материал раввинской письменности дополняется сопоставлением легенд арабских историков. Много ценного в этом отношении содержит также книга R. Dozy, Die Israeliten zu Mekka von Davids Zeit bis ins fünfte Jahrhundert unserer Zeitrechnung, нем. пер. Lpz., 1864.

[150] Ср.: Genes., XXI, 9—20. — Массу подробностей из цикла раввинских преданий об Агари и Измаиле собрал Beer, l. c. p. 50—52. Интересные дополнения к там приведенному, на основании Корана и мусульманских писате-

лей, сообщает M. Grünbaum, l. c. 103 sq. От него узнаем, что Агарь и Измаил были приведены самим Авраамом к месту позднейшей Мекки, именно к источнику Земзему.

[151] Ср.: Genes., XXI, 21; XXV, 12—18.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[152] Ср.: «Иуд. древн.», VIII, 3, 9, и «Иуд. война», V, 4, 1. Это тот самый иерусалимский холм, который общеизвестен под именем Сиона. Здесь, по II Сам. 25, 16 и сл., I Паралипом. 22, 15 и сл., II Паралипом. 3, 1, Господь явился Давиду (откуда объясняется имя горы); тут же впоследствии и Соломон воздвиг храм. Ср.: Boettger, l. c. p. 189. Экзегеты Bleek и Tuch полагают, хотя и без должного основания, что здесь имеется в виду не гора Мория, но роща Морэ близ Сихема. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 10—19.

[153] Ср.: Beer, l. c. p. 57—71, где собраны все имеющиеся, крайне разнообразные варианты рассказа об этом событии, и Grünbaum, l. c. p. 154 sq. Арабское предание, впрочем, мало интересуется Исааком.

[154] Т. е. что ему не следовало бы родиться вовсе, если бы он...

[155] Ср.: Genes., XXII, 1—19.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[156] Сикль (σίκλος — שכל) представлял 50-ю часть мины и 3000-ю часть таланта. Он равнялся 16,37 грамма (=лоту). Ср.: «Иуд. древн.», III, 8, 2, и XIV, 7, 1. Riehm, l. c. p. 1450—1451.

[157] Ср.: Genes., XXIII, 1—20.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[158] На основании Strabo (XVI, 769 и сл.) так назывались часть Ливии, некоторые местности Кавказа и главным образом берег Чермного моря, вблизи Эфиопии. Жители, находившиеся на низкой ступени культуры (откуда и название их Troglodytae — пещерники), имели общность жен и детей. Что многие из названий сыновей и внуков Авраама от Кетуры встречались и встречаются среди имен арабских поселений, божеств так наз. Счастливой Аравии, об этом ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 346—348, где собраны и библиографические данные по вопросу.

[159] Александр, по прозванию Полигистор, родился в карийском городе Минде и получил свое образование в Пергаме. В качестве военнопленного был привезен в Рим, но вскоре отпущен на свободу, после чего занялся особенно усердно грамматическими и историческими исследованиями. В числе его многочисленных учеников был и знаменитый Гигин. Служа источником для многих последующих писателей, сочинения Полигистора до нас, однако, не дошли. Ср. исследование Freudenthal'я: Alexander Polyhistor.

[160] Этот «прорицатель» упоминается только здесь; другие писатели древности о нем ничего не знают. Он, конечно, не идентичен с перипатетиком Клеодемом, упоминаемым Лукианом в его Philopseud. c. 6. Ср.: Pauly, Realencycl. der klass. Alterthumskunde, s. v. Cleodemos Malchu.

[161] Это, во всяком случае, неверно. О происхождении имени Ассирии —

Сирии ср.: Schrader'a у Riehm'a, l. c. I, p. 99, где имя страны производится от бога Асура (т.е. «благого божества»), по которому был назван древнейший город страны Асуром; ныне Kileh Schergat, на правом берегу Тигра. Ср.: Dillmann, Genesis, к XXV, 3. Fr. Delitzsch, l. c. p. 348, а также Zeitschr. der Deutsch. Morg.-Ges. XVIII, 447, полагает, что имя אשורי, попадающееся между набатейскими собственными именами, исчезло бесследно вследствие постоянных войн арабских племен между собою. Ср., впрочем, статью Sur у Riehm'a, l. c. II, p. 1587. Быть может, имя Сурима имеет отношение к упомянутой пустыне вблизи Чермного моря?

[162] Как видели выше, это уже вторая этимология имени Африки. Где находился город Афро, неизвестно. Delitzsch вместе с Wetzstein'ом ищут его в местности Ofr или Nedsch al-Ofr в южной Аравии.

[163] Ср.: Genes., XXV, 1—6. У классических писателей нет никаких указаний, чтобы варварские африканские народы, жившие по берберийскому плоскогорью, назывались софакийцами. Имя последних, быть может, находится в связи с именем западнонумидийского царя Сифакса, воевавшего по Liv. XXIV, 48 sq., в союзе с римлянами против карфагенян. Антей, по греческому преданию, сын Геи и Посейдона, был богатырем ливийским, имевшим общую характерную черту с древнерусским Святогором, — черпать силы из прикосновения к матери-земле. Гераклу, как известно, приписывается поход по Ливии и Иберии к океану. Тут он победил будто бы и Антея, приподняв его с земли. Подробности этого мифа могут служить превосходным доказательством семитического происхождения сказаний о Геракле, который, как известно, отождествляется с Мелькартом. Ср.: H. Lewy, Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, p. 215—216.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[164] Ср.: кн. Быт. XXIV, 2, 9. Это прикосновение к бедрам (или даже к детородному члену, как напоминающему вследствие печати обрезания о союзе клянущихся с Богом) является древнейшею формою ритуала клятвы (schebua — שבוע) или присяги (alah — אלה). Кн. Быт. XIV, 22, и кн. Исх. VI, 8, упоминают также о поднятии руки к небу во время клятвы. Ср.: Hamburger, Real-encycl. I, p. 273 sq., где приведены позднейшие видоизменения при различных случаях клятвенного ритуала.

[165] Евр. חרן (ср.: кн. Быт. XI, 31), у LXX толковников Χάρραν, у Евсевия Καρρά, в «Иуд. древн.», XX, 2, 2, Καρράτ. Город в Месопотамии (отсюда библейское ארם נהרים) к юго-востоку от Эдессы. Ср.: Boettger, l. c. p. 79, и Schrader у Riehm'a, l. c. I, p. 571.

[166] Genes., XXIV.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[167] Genes., XXV, 7—10.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[168] В кн. Быт. XXV, ст. 22, Господа вопрошал не Исаак, но сама Ревекка. Ср.: Midr. Beresch. rabba, par. LXIII, где высказывается особенное удивление по поводу того, что женщина дерзнула говорить с Ботом.

[169] Ср. евр. שעיר, волосатый. Как известно, Исав носил также имя Эдома (красный). Имя Сеира он, вероятно, получил от Seir'a, пустынного эдомитского нагорья, где он долго жил (ср.: кн. Быт. XXXII, 4; XXXIII, 14, 16) и где до него обитали хоритяне (кн. Быт. XIV, 6; Второзак. II, 12), среди которых также упоминается родоначальник Seir (кн. Быт. XXXVI, 20—30).

[170] Слово φάραγξ значит «узкое ущелье, теснины». В кн. Быт. XXVI, ст. 17, сказано, что Исаак поселился на берегах реки Герара. Ср., впрочем, ниже. «Иуд. древн.», III, 14, 1, где также упоминается ущелье Фаранкс, с которым Boettger, l. c. p. 205 מדבר פארן сопоставляет кн. Числ. XIII, 1.

[171] Этимологические объяснения имен этих цистерн, которые в свое время выкопал Авраам, но которые были затем засыпаны филистимлянами, даны уже в кн. Быт. XXVI, 20—22.

[172] Ср.: Genes., XXVI, 34—35, где сказано, что родители Исава были весьма недовольны поступком сына. В этом и других, касающихся брака Исава, сообщениях (Genes., XXVIII, 9, и XXXVI, 2 sq., где приведены совершенно иные имена жен его) видно, что неудовольствие родителей браком объясняется нежеланием смешения их потомства с хананейскими хетитами, с происшедшими от Измаила арабскими племенами и с хоритянами, жившими в горах Сеира. Это смешение оправдывает, по Genes., XXVI, 34—35, XXVII, 46—28; ср.: XXXV, 9 и сл., то обстоятельство, что преемником благословения Авраама стал не старший сын Исаака, Исав, а младший, Иаков. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 400.

[173] Последних слов нет в еврейском тексте кн. Бытия XXVII, 1. Мидраш Берешит к этому месту объясняет слепоту Исаака легендою, по которой ангелы плакали, когда Исаак лежал на алтаре, и слезы их упали на его глаза.

[174] Ср.: кн. Быт. XXVII, 27—29, где благословение Исааком Иакова передано в совершенно ином виде.

[175] Ср.: Genes., XXVII, 30—40.

[176] Ср.: Genes., XXVII, 41—46; XXVIII, 6—9.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[177] Раввинское предание (Midr. Beresch. r. par. 68, и Талм., тр. Хулин, л. 91 б) рассказывает, что этих камней было двенадцать. На них когда-то Авраам собирался принести в жертву Исаака. Когда Иаков на следующее утро проснулся, то с удивлением заметил, что все двенадцать камней за ночь слились вместе; это служило ему предзнаменованием будущего единства двенадцати колен израильских. Ср.: M. Bergel, Mythologie der alten Hebräer, I. p. 76.

[178] Древний город в ефраимитских горах. По Евсевию, в расстоянии 12 миль к северу от Иерусалима. Теперешнее селение Beitin. В глубокой древности местность эта носила название Lus (לוז) и служила резиденцией хананейских царей. В средние века здесь был цветущий город со множеством церквей; развалины и остатки стен сохранились поныне. Ср.: Boettger, l. c. p. 59—60.

[179] На основании Genes., XXIX, 30, и Midr. Bereschit. rab. par. LXX, где рассказаны все подробности совершенного Лаваном обмана, видно, что Иаков женился на Рахили семь дней спустя после брака с Лией и затем уже

служил тестю семь лет, будучи фактическим обладателем Рахили. По кн. Суд. XIV, 12, и Тов. XI, 18, брачный пир после свадьбы Лии продолжался неделю, как и до сих пор еще у несториан и у сирийских крестьян это в обычае. Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 383.

[180] Как показывает еврейское название דודאים (от слова דוד — любовь), это так наз. poma amatoria, известные в ботанике под именем atropa mandragora Linn., т. е. растение, похожее на белладонну, с белыми или красноватыми, очень пахучими цветами и желтыми яблочками, сок которых, по еще и теперь общепринятому на Востоке мнению, способен возбуждать половое чувство. Обыкновенно цветок этот дает плод в ноябре, почему и называется mandragora autumnalis. По-арабски он носит название baid el-dschinn — яйца демонов. Ср.: Gesenius, Handwort, s. v. דוד и Fr. Delitzsch, l. c. p. 386—387.

[181] Караимы (ср.: Pinsker, Zur Gesch. d. Karäerthums, p. 98—102) понимали Иссахар вместо Ешсахар. т. е. est praemium, награда за свое отречение. Fr. Delitzsch, l. c. p. 387.

[182] Различные попытки этимологического толкования этого имени см. у Delitzsch'a, l. c. ibidem.

[183] В кн. Быт. XXX, 23—24, находится двоякое толкование имени Иосифа: от asaph (отнимать, удалять), т. е. как тот, которым удаляется, отнимается у Рахили позор бесплодия, и от jasaph в смысле желания, чтобы Господь прибавил ей еще одного сына. В последнем смысле принял это имя и Иосиф Флавий, хотя полное преимущество на стороне первого библейского объяснения. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 759, и Pr. Delitzsch, l. c. p. 388.

[184] Это были так называемые терафимы, т. е. фетиши хананейских домашних божеств, изображавшихся, по сопоставлении кн. Быт. XXXI, 34 с I Сам. XIX, 13 sq., в виде фигур мужского пола. С переходом этих фетишей из дома в дом было связано представление о передаче благополучия. Поэтому Рахиль берет их с собою в путешествие. Ср. ниже, XVIII, 9, 5, где Флавий сообщает, что «в Месопотамии до сих пор обычай — брать с собою домашних богов в путешествия». См.: Riehm, l. c. II, p. 1647.

[185] Genes. XXX, 25—26; XXXI, 1—21.

[186] Genes. XXXI, 22—31.

[187] Это евр. גלאד — Gilead — gal-ed, насыпь свидетельства, которая теперь еще носит арабское название dschebel dschelaad. Тут протекали реки Яббок и Арнон. Ср.: Boettger, l. c. p. 121—122.

[188] Genes., XXXI, 32—55.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

[189] Это точный перевод имени Mahanaim מחנים. Ср.: Genes., XXXII, 2.

[190] Это евр. Яббок, יבק, халд. יובקא; у LXX толковников река эта носит название Ἰαβώχ, у Оригена Ἰαμβύχης. Теперь она известна под именем Nahr-ez-Zerka (синяя река). Отделяя владения аммонитян от еврейских, Яббок впадает против Сихема в Иордан. Ср. ниже, IV, 5, 2.

[191] По раввинскому преданию, Midr. bereschit rab. c. 77, ангел, вступивший с Иаковом в борьбу, был ангел смерти, Самаил, который хотел воспрепятствовать сближению и примирению братьев. Ср.: J. Bergel, Mythologie der alten Hebräer, I, p. 77. В Midrasch Tanchuma, ed. Buber, I. p. 87—88, сооб-

щается, что ангел упрекал Иакова в неисполнении данного при вступлении в Харран обета посвятить Господу Богу десятую часть имущества при возвращении домой. Повреждение бока у Иакова, все неприятности его с Лаваном, равно как изнасилование Дины, лишь следствие этого неисполненного данного слова. Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 146.

[192] Из этого видно, что Сайр здесь идентичен с Сеиром. Все рассказанное в этой главе взято из Genes., XXXII, 1—32 и XXXIII, 1—16.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[193] У Флавия поставлено слово Σκηναί, что соответствует евр. Succoth (סוכות). О различном толковании местонахождения Succoth см.: Boettger, l. c. p. 223. Вероятно, это Scythopolis Иеронима в колене Гада, по ту сторону Иордана.

[194] Это, без сомнения, город Сихем, известный у Иосифа Флавия также под именем Neapolis, а у туземцев Marbortha, у Plin. V, 13. Mamortha. Cnf. Boettger, l. c. p. 191.

[195] Ср.: Genes., XXXIII, 17 — XXXIV, 31; XXXV, 1—26.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[196] Ср.: Genes., XXXV, 27—29.

Книга вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Ср. выше, с. 79.

[2] Обе эти местности входили в состав так наз. каменистой Аравии (Arabia petraea). Ср. ниже, IX, 9, 1, и III, 2, 1. В разногласии с Иосифом Флавием Евсевий ограничивает Говолиту (от sap. gabal — гористая местность) эдемскими горами, т. е. хребтом Сеиром, с чем согласен и Таргум Ионафана. Ср.: Boettger, l. c. p. 138.

[3] Ср.: Genes., XXXVI, 1—12.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[4] В кн. Быт. XXXVII, 10, напротив, сказано, что Иаков был очень недоволен сновидениями сына и даже прикрикнул на него в негодовании при мысли о возможности поклонения родителей сыну. Данное тут толкование, отчасти намеченное приведенным стихом Библии, является результатом снотолковательства самого Иосифа Флавия, который был, как можно заключить по разным местам его сочинений («Иуд. война», IX, 8, 3; III, 8, 3; XVII, 6, 4 и др.), специалистом по этому предмету, быть может, вследствие своего близкого знакомства с эссеями. Ср.: Hamburger, c. I. p. 997 sq.

[5] Rqc. Genes., XXXVII, 1—18.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[6] Библейский рассказ кн. Быт. XXXVII, 20—22, далеко не так пространно передает слова Рувима, довольствуясь лишь указанием сущности представлений последнего (ср.: кн. Быт. XLII). Подробности, приведенные здесь Иосифом Флавием, объясняются тем, что Рувим в его глазах пользовался особенною симпатиею. Может быть, и народные сказания рано отвели благородному поступку Рувима немало места. Ср.: Midr. Beresch. rab. par. 84.

[7] Об этом ничего не говорится в XXXVII главе кн. Бытия. Между тем раввинская литература (Pirke di Rab. Elieser, c. 37 и Jalkut Schimoni, beresch. 142) сообщает, будто Иаков отлично понял все происшедшее и был об этом осведомлен, но благодаря известным условиям не мог то открыто высказать. Ср.: Bergel, Mythologie der alten Hebräer, I, p. 79.

[8] Ср.: Genes., XXXVII, 16—21; 24, 25—35.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[9] Раввинское предание сообщает много любопытного о путешествии Иосифа из Каменистой Аравии в Египет. Так, напр., в Sepher hajaschar, по Bergel, Mythologie, I, p. 79—80, рассказывается, каким страданиям и истязаниям подвергался изнеженный юноша в пути; как, минуя Вифлеем, бросился он с громкими рыданиями на могилу своей матери Рахили, горько жалуясь ей на печальную судьбу свою; как из могилы раздался голос: «Сын мой! несчастия и страдания твои я вижу, но уповай на Всевышнего, Он защитит тебя и направит все к лучшему, поэтому безбоязненно продолжай путь свой»; как затем один из купцов грубо оттолкнул Иосифа от могилы и как Господь Бог смилостивился над ним и послал внезапно страшную бурю, грозившую караване гибелью, и как в награду за заступничество Иосифа буря столь же внезапно прекратилась, а купцы стали обходиться с юношей с тех пор гораздо человечнее и т. д. Все арабские и еврейские предания об Иосифе собраны и приведены M. Grünbaum'ом в Zeitschr. d. D. Morg. Gesellsch., T. LXII, 1 sq., и дополнены, на основании сирийских источников, в его Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde, p. 148—152.

[10] Ср.: Genes., XXXVII, 36; XXXIX, 1—20. Много указаний, соответствующих рассказу Флавия, находится в Midrasch Beresch. rab. par. 87.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[11] В Midrasch Beresch. rab. par. 89, v. 8 читаем: «Р. Иегуда сказал: "Фараон знал сон свой, но не понимал его значения"». В кн. Быт. начало XLI об этом ничего не сказано.

[12] В Талм. тр. Сота, л. 36 а, рассказывается, что Господь Бог послал ночью к Иосифу архангела Гавриила, которому было повелено обучить его всем существующим 70 языкам, чтобы сделать его способным занять высокий пост, который должен ему предложить фараон. Ср.: Bergel, l. c. I, p. 80.

[13] Ср.: Genes., XL, 1—23; XLI, 1—46.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[14] Ср.: Genes. XLI, 45, где сказано: ויקרא פרעה שם יוסף צפנת פענח, что представляет гебраизированное revelator occultorum, по толкованию Таргумов. На самом же деле это египетский титул (от sot — благо, ench — мир), подобно персидскому Schach-Alem, так что Иероним правильно переводит его через servator mundi, охранитель мира. Ср.: W. Gesenius, Handworterb. X Anfl., p. , 725, s. v. Ср.: Midr. Beresch. par. XC, v. 45.

[15] Толкование Библии (Быт. LXI, 52) «двойное плодородие» безусловно правильнее.

[16] Этого добавления нет в Библии; ср., впрочем, Midr. Beresch. rab. par. XC, v. 55 (конец).

[17] Ср. отступления от библейского рассказа, кн. Быт. XLIII, 23 и 28—34.

[18] Рассказ этот представляет значительное уклонение от кн. Быт. XLIV, 1—10.

[19] О Рувиле, равно как об этом чистосердечном раскаянии братьев, Библия ничего не упоминает в соответствующем месте (кн. Быт. XLIV). Здесь поэтому наглядно выступает наружу мировоззрение Иосифа о необходимости раскаяния и о возмездии. Ср.: A. Poznanski, l. c. p. 7.

[20] Т. е. так как ты сам отец детей своих и поэтому сможешь понять родительское чувство.

[21] Вся эта речь Иуды, неестественная в его положении и искусственная, изобличающая в составителе человека, близко знакомого с риторическими приемами древних классических историков (Фукидида и Ливия), — произведение и вымысел самого Иосифа Флавия, лишь отчасти руководствовавшегося при этом библейскими данными (ср.: кн. Быт. XLIV, 18—34).

«Сообразно тому, как Иосиф вообще преследует в этом сочинении цель возвысить евреев в глазах греков, он вплел сюда и этот риторический образчик речи, чтобы представить евреев в этом отношении отнюдь не уступающими грекам», — замечает Kaulen. Навряд ли возможно согласиться с этим. Психологический конфликт во всем рассказе об отношениях братьев к Иосифу и между собою вообще настолько интересен, что Флавий, особенно под влиянием Фукидида и др., не мог себе отказать в удовольствии остановиться на данном эпизоде подольше. Это было заметно и выше, при обрисовке характера Рувила, очевидно, особенно симпатичного нашему автору.

[22] Канвою для изложенного в этой главе послужило содержание кн. Быт. XLI, 47—57; XLII, XLIII, XLIV и XLV, 1—24.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[23] Т. е. к Вирсуве (בער שבע), о которой см. выше, с. 60.

[24] В своем возражении против Апиона (I, 19—II, 2) Флавий приводит массу исторических данных о происхождении евреев из Передней Азии, равно как опровергает мнения некоторых греческих писателей, затем Манефона, Херемона, Лисимаха и Апиона об общем происхождении евреев с египтянами (см. особенно I, 30). Здесь впервые применяется, так сказать, лингвистическое доказательство.

[25] О том, почему здесь поименован Иосиф с сыновьями, не участвовавшими в этом путешествии, см. ниже.

[26] Эта генеалогическая таблица, составленная Флавием, очевидно, по кн. Быт. XLVI, 8—27, кн. Числ, гл. XXVI, и отчасти I Паралип. II, 3; VIII, 1—30; IX, 1, представляет очень строгую классификацию потомства, но является при этом также в значительной мере искусственною. При желании вывести непременно священное число семь (здесь удесятеренное, т. е. 7 x 10 = 70), тогда как в кн. Быт. XLVI, 27, первоначально упоминается лишь 66 человек, переселившихся вместе с Иаковом в Египет, Флавий не задумывается включить в это число, кроме самого Иакова, также Иосифа с его двумя сыновьями. В этом отношении у него в традиции был, вероятно, уже прецедент, так как иерусалимский Таргум (а впоследствии и Раши) включает в число 70 Иосифа с двумя сыновьями и дочерью. Ср.: Fr. Delitzsch, Neuer Comment., p. 493—494, где указывается на то, что при сравнении данного места кн. Быт. с кн. Числ, гл. XXVI, становится очевидным стремление определить предопределенное самим Господом Богом поселение в Египте ядра еврейства, которое, как нечто целое, должно быть выражено в виде округленного числа. «Десяток представляет идею замкнутого целого, на которое, путем умножения на семь, т. е. на раскрытое единство и особенно божественную Doxa, налагается печать известной святости».

[27] Собств. «город героев» (ἡρῶων πόλις). Некоторые отождествляют этот город с Раамзесом. кн. Исх. I, 11, что, однако, неправильно. Вероятнее всего, что это тот же город Ἡρώ, который находился вблизи впадения царского канала в самый западный угол Чермного моря (отсюда и Героонполитанский залив). Ср.: Boettger, l. c. p. 143.

[28] В Библии (Быт. XLVI, 34) сказано, что у египтян считался нечистым всякий, занимавшийся разведением мелкого скота. По сведениям Геродота (II, 47 и 164) и Диодора Сицилийского (I, 74) всякий пастух принадлежал к низшей из семи египетских каст, причем позорным считалось лишь свиноводство, Ср.: Fr. Delitzsch, l. c. p. 496—497.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[29] Об этом городе упоминается Флавием неоднократно, между прочим, как о предполагаемой родине Моисея («Против Апиона», II, 2). Гелиополь, букв. «город солнца», упоминается под этим своим именем — בית שמש, ассир. Ra-bek, иерогл. Ta-Ra или Pa-Ra, у Иерем. XLIII, 13. Он находился в Нижнем Египте, на границе с Аравией, у знаменитого канала Траяна. На коптском языке имя его было Он (свет, солнце). Город замечателен храмом бога Солнца (Геродот, II, 59) и жреческою академией. Ср.: Strabo, XVII, 805. О подробностях см. Boettger, l. c. p. 139—141.

[30] Букв. «они не только были порабощены телом, но и мыслью», т. е. деморализация народа дошла до крайних пределов, так что, как это неизбежно бывает при подобных бедствиях, народ предался необузданному разгулу и разврату. Быть может, Иосиф имеет здесь в виду только нравственное падение народа усердного и работящего, но принужденного теперь жить вообще подачками царя.

[31] События этой главы заимствованы из кн. Быт. XLV, 25 — XLVII, 26.

[32] Раввинское предание, повторяющееся с различными мелкими вариантами также в сочинениях арабских писателей Замахшари, Бейдави, Табари, Ибн-ель-Асира, Якуби и Бируни (ср.: Grünbaum, l. c. p. 149—152) сообщает подробности о том, как тело Иосифа было положено в мраморный гроб и опущено в Нил. По сирийским преданиям, этот гроб был помещен в одной из царских пирамид. Когда Моисей собрался вывести евреев из Египта, ему пришлось обратиться за указанием касательно местонахождения праха любимого патриарха к престарелой Серах, отождествляемой с дочерью Ашера, сына Иакова. Последняя указала Моисею на требуемое место, и великий вождь путем разных заклинаний (о них см. по различным источникам ук. место у Grünbaum'a) вызвал на поверхность реки гроб, который и был затем доставлен евреями, после сорокалетнего странствования по пустыне, благополучно в Хананею. Ср.: Талм. вав., тр. Сота, л. 13а и Midrasch Tanchuma к кн. Исх. XIII 19.

[33] Ср.: Genes., XLVII, 27 — L, 25.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[34] В своем «Против Апиона», I, 25, Флавий говорит об отношениях египтян к евреям следующее: «Будучи людьми легкомысленными и вообще недалёкими и с самого начала плохо привыкнув рассуждать о богословских вопросах, они (т. е. египтяне) потому и не были в состоянии представить себе все веяние нашего вероучения. Видя же, что многие идут по стопам нашим, они стали завидовать нам». Ср. также наши примечания там же.

[35] Если принять, что фараон, при котором жил Иосиф, был Менефта I, сын Рамесса (1347—1314 до Р. Х.), то здесь приходится иметь в виду Рамесса IV, 1145—1140, или Сетнахта Миамуна, 1189—1177. Во всяком случае, здесь указывается на воцарение славной XX династии.

[36] Sepher hajaschar, л. 128а—130а, сообщает, что фараону однажды приснился следующий сон: перед ним стоял старик с весами в руках. На одну чашку весов он положил всех знатных египтян, на другую молодого барашка. При этом вторая чашка перетянула первую. Тогда фараон собрал совет старейшин и книжников, между которыми находился и Валаам. Последний-то и указал на предстоящую опасность и на необходимость уничтожения еврейских новорожденных мужского пола. Он же посоветовал именно потопить детей, а не прибегнуть к другому способу умерщвления их, потому что история патриархов Авраама, Исаака и Иакова доказывает, что ни огнем, ни изнурительным трудом ничего не достигнешь в этом отношении. В с. 48 Pirke R. Elieser рассказывается, что книжники и звездочеты предсказали фараону о предстоящем рождении лица, которому выпадет на долю вывести евреев из Египта. В силу этого царь сделал вышеуказанное распоряжение — бросать детей в Нил. Когда через три года те же прорицатели возвестили фараону, что Моисей уже родился, только неизвестно где, то фараон приказал взвалить на евреев непосильные работы. Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 154.

[37] Midr. Schem. rab. par. I, сообщает: «Когда фараон повелел потопить всех новорожденных младенцев мужского пола, Амрам сказал: "Таким образом евреи тщетно будут иметь общение с женами своими". Поэтому он

немедленно отпустил жену свою Иохаведу, отказался от совместной с ней жизни и развелся с нею, хотя она была беременна Моисеем уже три месяца. Следуя примеру Амрама, и все прочие израильтяне развелись со своими женами. Тогда дочь Амрама, Мариам, сказала ему: "Твое решение хуже решения фараонова, потому что последний определил извести лишь мальчиков, ты же решаешь участь мальчиков и девочек. Фараон безбожник, и поэтому сомнительно, чтобы его решение исполнилось, ты же праведник, а потому твое решение имеет серьезное значение". Ввиду этого указания Амрам принял вновь жену свою к себе, и все прочие израильтяне, по примеру его, опять сошлись с женами своими». Тут же, несколько выше, Мидраш называет Амрама главою синедриона, очевидно чтобы объяснить его большое общественное значение. Ср. также у Флавия, конец сл. отд.

[38] Ни кн. Исход II, ни Мидраш раб. к нему не знают этих подробностей об Амраме. См., впрочем, предыдущее примечание.

[39] См. выше, прим. к концу второго пункта этой главы, где приведено указание Мидраша на священство Амрама.

[40] Midr. Schem, r. par. I сообщает много любопытных сказаний о том, как еврейки рожали детей в те тяжелые времена. Обыкновенно это делалось в поле под деревом, следовательно без свидетелей. Специально о жене Амрама говорится, что она родила Моисея «среди стен египетских», т. е. не в поле. Из того же, что рождение Моисея состоялось без страданий для его матери, Мидраш выводит, что на добродетельных женщин не распространяется проклятие, тяготеющее над Евою.

[41] Midrasch Schem. r. par. I сообщает, что, когда родился Моисей, весь дом был озарен необычайным светом. Замахшари и Бейдави рассказывают, что повивальная бабка, принявшая Моисея, хотела было уже сообщить фараону о рождении еврейского мальчика. Но именно свет, озарявший его чело, побудил ее изменить это решение, и она промолчала. Когда затем соглядатаи царя подошли к дому (в Midrasch Schem., l. c. указан даже способ, как они при помощи плачущего египетского младенца узнавали о рождении ребенка), жена Амрама в ужасе бросила сына в топившуюся печь, сама не сознавая, что она делает. По уходе шпионов ребенок был извлечен из огня невредимым, так как Господь Бог охладил пламя. Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 159.

[42] Арабские историки подчеркивают то обстоятельство, что мать спустила ребенка на реку по специальному велению самого Господа Бога. Волны понесли затем корзину прямо к тем деревьям, которые находились против царского дворца у берега реки. Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 155. Мидраш (Schemoth r. par. I) объясняет присутствие Мариамы тем, что ее родители потеряли было уже всякую надежду на осуществление предсказания относительно будущего величия Моисея. Ср. также: Талм. вавил. тр. Sota, fol. 12b и 13a, где почти дословно встречается сообщение Мидраша.

[43] Это имя, встречающееся также в кн. Юбилеев, гл. 47, и у Barhebr. Chron., p. 14, объясняется Эберсом (Gosen, p. 83) через египетское Tmerenmut. По Syncell. I. q. 227 ее имя было Фария, по Eused. praep. evang. IX, 27 — Меррис, тогда как египетская царевна обыкновенно известна под именем בתיה (Bathia) — «дочь Господа Бога». Ср.: A. Dillmann, Die Bücher Exodus und Leviticus. Lpz., 1880, p. 14, и M. Grünbaum, l. c. p. 154. — По Библии (кн. Исх.

II, 5—7), царевна собиралась купаться в Ниле, а не только гуляла по берегу реки. Раввинское предание сообщает, что царевна страдала проказой и хотела избавиться от своей болезни, купаясь в воде священного Нила. Но одного прикосновения к ребенку было достаточно, чтобы исцелить ее. Арабские комментаторы Корана замечают к суре 28, 8, что дочь фараона, которая носит у них название Асия, увидела сияние на челе ребенка, сосавшего в то время свой палец, из которого текло молоко. Она тотчас полюбила его. У фараона была другая дочь, прокаженная, которую по определению врачей могла спасти только слюна человекоподобного речного существа. Асия употребила для сестры слюну Моисея и тем исцелила ее. Этим объясняется и успех Моисея при дворе фараона. Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 159—160.

[44] Табари рассказывает, что при виде сына мать в радости чуть было не воскликнула : «Это — сын мой!» Однако Господь Бог вовремя удержал ее от такого безумия.

[45] Как мы указывали уже в другом месте (Иосиф Флавий. «Против Апиона», с. 1192 и прим. 308 на с. 1368), это перевод не совсем правильный, так как Моисей значит собств. «извлекающий из чрева матери». Более правдоподобно сопоставление с егип. mess, mesu — «дитя», которое встречается также в словах Ра-месс, Тут-мосис и т. п. Ср.: A. Dillmann, l. c. p. 15—17.

[46] Позднейшая вставка, встречающаяся не во всех изданиях. Ср. edit. Haber, I, q. XII.

[47] Ср.: Midr. Schem. r. par. I к гл. II, ст. 10, где сказано: «Так как он был прекрасен, все хотели его видеть, и кто его видел, не мог оторвать глаз от него», ввиду чего царевна запретила выносить ребенка из дворца.

[48] Как было сказано уже выше, царевна известна в раввинской литературе под именем Bathia, что Midr. Wajikra rab. par. I объясняет как בתיה («дочь Предвечного»), именно за ее человеколюбие, выразившееся в усыновлении Моисея. В Jalkut Schim. (Beresch. § 166) ей предсказывается за это будущее загробное блаженство (זכתה לחיי העולם הבא). Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 154.

[49] Midr. Schem. rab. par. I, равно как масса других источников, сообщает не только об этом эпизоде из детства Моисея, но и дает целый ряд вариантов этого сказания. По этим данным, советники царя предложили последнему убедиться путем опыта в степени сознательности совершенного ребенком поступка. Когда по совету одного приближенного перед Моисеем поставили два блюда, одно с золотом (драгоценными камнями, по сообщению арабских комментаторов), другое с раскаленными углями, то ребенок протянул было руку к золоту, но архангел Гавриил направил ее к блюду с углями; Моисей схватил один из них и сунул его в рот, чем прижег себе язык. С этих пор Моисей, по преданию, стал косноязычным. В Sepher hajaschar (f. 131b sq.) и затем в Jalkut Schim. (fol. 52a ed. Frankf.) рассказывается, что однажды царь с царицей, царевной и главнейшими советниками сидели за столом и обедали. Моисей помещался на коленях у царевны и сам протянул руку за царским венцом, который возложил себе на свою голову. Дурное предзнаменование, заключавшееся в этом поступке, побудило царя созвать совет мудрейших мужей, среди которых ко двору явился под видом ученого и архангел Гавриил, который якобы и дал совет испытать умственное развитие ребенка вышеуказанным способом. Только вместо золота в

этом варианте упоминается чудодейственный камень Schomar. Обо всем этом ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 155 sq.

[50] События этой главы изложены почти целиком, исключая 7-й пункт, в кн. Исх. I, 1—22 и II, 1—10.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[51] Ср.: Artapanus ap. Eusebium, Präpar. evang. IX, 27.

[52] Мерое представлял огромный гористый, но тем не менее плодородный остров с городом того же имени. Астап (Бар эль-Азрек) и Аставор (Атбара или Такацце) — рукава Нила. Страбон и Диодор Сицилийский указывают на то, что Мерое был переименован Камбизом в Саву, а не наоборот. Торговое значение этого пункта было известно уже в древности, и Страбон (XVII, 821) упоминает об этой местности как о главном средоточии караванной торговли. Ср.: Boettger, l. c. p. 183—184 и 214.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[53] Т. е. египтяне.

[54] Жители Мадианы (מדינים) представляли довольно многочисленный кочевой народ, живший на самых южных окраинах каменистой Аравии, к западу от горы Синай, вблизи Чермного моря. Народ этот вел оживленную торговлю скотом с Аравией и Египтом (ср.: Исаия, LX, 6). Главный город их, упоминаемый тут Флавием, был известен арабским географам Идрисси и Абульфеде, которые также называют его Мадианом. Ср.: Boettger, l. c. p. 168—169.

[55] «Свободнорожденное мужское население тех местностей по сей день считает ниже своего достоинства пасти скот и предоставляет эту обязанность женщинам», — говорит Burckhard r. 858. На Синайском полуострове этим делом вообще занимаются незамужние девушки, причем ни для кого в этом отношении не делается исключения, даже для дочерей шейхов (князей). Ср.: A. Dillmann, l. c. p. 19.

[56] Рассказанное в этой главе примыкает к кн. Исход, 11, 15—22. Раввинская и мусульманская литературы сообщают подробности о бегстве Моисея сперва в Эфиопию, где он был избран царем, но вскоре же, вследствие нежелания вступить в брачные отношения с царицей, должен был оставить страну, а затем в страну мидианскую, ср.: Bergel, l. c. p. 83—85.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[57] Раввинская литература (Pirke Aboth V, 6, Aboth de R. Nathan, ed. Schechter f. 48a, Midr. Tanchuma Exod, 17, 4, Targum jeruschalmi к Exod, 4, 20, Pirke R. Eliezer, c. 40, Sepher hajaschar. f. 140b и Jalkut Pentat. § 168 и § 173 и др.) знает об этом посохе, который в Библии (Исх., IV, 20; XVII, 9) называется «божественным», много любопытного. Во-первых, самое сотворение этой палки (המטה) было необыкновенно, так как оно случилось в сумерки первой пятницы, после того как Господь Бог закончил мироздание. Во-вторых, он был весь из сапфира, взятого из трона Предвечного, весил около пуда и был украшен выгравированным на нем именем Божества. Посох

этот далее был собственностью Адама, от которого последовательно переходил к патриархам. После смерти Иосифа посох попал во дворец фараона, откуда его взял Рагуил и поместил в своем саду. Посох так твердо засел в почве, что никто не имел сил извлечь его. Когда это без труда удалось Моисею, Рагуил, по преданию, узнал в нем избранника Предвечного и дал ему в жены дочь свою Циппору. Ср.: Bergel. l. c. I, p. 85, и особенно M. Grünbaum, l. c. p. 161 sq., где сообщаются интересные варианты и подробности этого предания на основании арабских комментаторов Корана и сирийской «Книги пчел».

[58] Исх. III, 13 содержит в себе совершенно другую мотивировку просьбы Моисея.

[59] Как известно, евреи произносят имя Iahve (יהוה) не так, но Adonai. Произнесение имени так, как оно пишется, считается кощунством, потому что имя יהוה представляет исходную точку и основание всей каббалистической философии. Лишь по достижении известного, вполне зрелого возраста и изучении всех данных Каббалы, т. е. религиозной философии, ученый не рискует профанировать имени Господня. Вот почему и Флавий Иосиф, писавший по-гречески и для греков, не входит здесь в подробности, связанные с именем Предвечного.

[60] Ср.: Exod. III, 1—27; IV, 1—12.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[61] У Абульфеды (Hist. anteislam., p. 30) имя жены Моисея также передается через Saphurâ. что напоминает библейскую Циппору. Рагуил там назван Jatrun'ом.

[62] Собственно «отцовского (πατράω) Бога». Здесь, очевидно, имеется в виду Бог *El*, древнее семитское божество, предшествовавшее Иегове. На это не только указывает состав слова Елеазар (עזר + אל, Ел + помощь), но и вариант имени Рагуила, вторая часть которого также представляет имя этого коренного божества.

[63] Раввинское предание сообщает, что у входа в царский дворец лежали львы, которые пропускали только лиц с царскими провожатыми. Моисею, однако, было достаточно прикоснуться к ним своим посохом, и звери покорно последовали за ним. Ср.: Bergel, l. c. I, p. 85—86.

[64] Имена этих жрецов сохранились в талмудической литературе. По Sepher hajaschar они назывались Janus и Jambius, по Targum Ionath. к Exod. VII, II, Junus и Jumbrus, по Jalkut Rub. — Jones и Mamres (к чему подходит и талмудическое Jochanan и Mamre). Ср.: Bergel, l. c. I, p. 86.

[65] Ср.: Exod. IV, 18—31; V, 1; VII, 10—12; V, 6—21.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[66] «Такое превратное мнение насчет града извинительно у жителя крайнего юга». — Kaulen.

[67] Библейские данные (кн. Исх. XII, 35) представляют это дело с подарками, как известно, в несколько ином свете.

[68] Ср.: Exod. VII, 13—25; VIII, IX, 1—10, 20—29; XII, 1—36.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[69] Этот Вавилон, основание которого Диодор Сицилийский (I, 56) относит к временам Сезостриса, а Ктесий в век Семирамиды, представлял укрепление на правом берегу Нила, при входе в большой канал, соединявший Нил с Черным морем. Лишь во времена римского владычества, при императоре Августе, местность эта получила важное стратегическое значение. Развалины этой крепости сохранились по сей день под именем Baboul вблизи Фостата (древнего Каира). Летополь — в Нижнем Египте, в расстоянии 20 миль к северу от Мемфиса. Ср.: Boettger, l. c. p. 47 и 162.

[70] Евр. בעל צפון, находилось, вероятно, к северо-западу от теперешнего Суэца. Теперь Kalat — Adschrud. Ср.: Ebers, Durch Gosen zum Sinai, p. 98 и 510, а также Riehm, l. c. I, p. 552 sq.

[71] Собственно, семидневный. Древнейшая часть библейского законодательства отделяет праздник Пасхи от праздника опресноков: для первого назначалась ночь с 14 на 15-е Нисана, второй представлял из себя семидневное национальное празднество, справлявшееся всем народом совместно у общего святилища. Лишь впоследствии произошло полное слияние этих двух праздников, во времена Иосии (II кн. Цар. XXIII, 21 и сл.), хотя уже во Второзак. XVI предписано праздновать и Пасху всему народу вместе у общего святилища. Флавий Иосиф подробнее останавливается на различных еврейских праздниках ниже, в III кн. «Древностей» (гл. 10). Там же находится и косвенное объяснение термина «восьмидневный», возникшего от того, что первый день Пасхи (14 Нисана) присчитывался к семидневному празднику опресноков. Ср.: Riehm, l. c. p. 433 и 1141.

[72] По египетскому обычаю, тело Иосифа было набальзамировано, положено в гроб и опущено в Нил. Когда при исходе из Египта Моисей должен был, по завещанию патриарха, взять с собой его останки и был в недоумении, где найти их, старая Серах, дочь Ашера, указала место, где находился гроб. Моисей затем, по раввинскому преданию (талм. тр. Sota f. 13a и Midr. Schem. par. XX), подошел к реке и воскликнул: «Иосиф, Иосиф! Наступил час, о котором ты сказал (кн. Быт. L, 25): Господь вспомнит о вас». И тотчас гроб всплыл на поверхность реки. Ср.: Bergel, l. c. I. p. 81 и M. Grünbaum, l. c. p. 149—152 (масса вариантов).

[73] Здесь, очевидно, имеются в виду филистимляне, которые, по преданию, вели свое начало от Филиста, сына Местраима, и жили к северо-востоку от Египта, граница с пределами последнего. О них см. выше, с. 1250, прим. 94, а также Boettger, l. c. p. 196—197.

[74] Ср.: Exod. XII, 37—40; XIII, 19; XIV, 5—13.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[75] Ср.: Exod. XIV, 21—31; XV, 1—21.

[76] Памфилийским морем назывался большой залив у берегов Ликии, Памфилии и Киликии, образуемый у южного побережья Малой Азии Средиземным морем. Рассказанное здесь событие из истории Александра Великого принадлежит, безусловно, к числу вымыслов. Типично отношение Флавия Иосифа к чудесам: как здесь, так и неоднократно ниже (ср., напр., III, 1, 2), наш автор пытается объяснить то или другое чудесное и необычай-

ное явление естественным путем. В этом наглядно сказывается рационалистическое направление Флавия. Впрочем, не следует забывать, что он писал для неевреев.

Книга третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] По евр. מרה, у LXX толковников Μέρρα или πίκρια. Вполне точно определить положение его не удалось до сих пор. Вероятнее всего, что это теперешнее Ain Hawärah, находящееся в расстоянии 15—16 часов пути к востоку от Суэца. Ср.: Boettger, l. c. p. 173, и Riehm, l. c. p. 953, где приведены и мнения насчет чудодейственного дерева, лишающего воду ее горечи и солености.

[2] Как мы видели уже выше (II, 16, 5), Иосиф Флавий старается подыскать какие-нибудь естественные причины для объяснения разных чудесных явлений. Тут мы имеем снова образчик такой с его стороны попытки.

[3] Местность Элин (אילים), собств. «крепкие деревья», вероятно, теперешнее Wadi Garandel, находящееся в расстоянии двух с половиной часов пути от Мара. До сих пор там сохранились теплые ключи и некоторая растительность. Бругш, принимающий озеро Menzaleh за Тростниковое море, ищет эту местность севернее, ближе к Суэцу, и отождествляет ее с нынешним оазисом Ajun Musa (источник Моисея). Ср.: Boettger, l. c. p. 108—109.

[4] В Библии несколько раз упоминается о том, что евреи во время своих странствований по пустыне дважды питались перепелками (кн. Исх. XVI, 12; кн. Числ, XI, sq. Псал. CV, 40 и LIIVIII, 26), притом оба раза весной. Это очень понятно, потому что в это время года перепелки возвращаются через Средиземное море к средним полосам Европы. Отличаясь значительной неповоротливостью и тяжестью, эти птицы любят держаться земли, чтобы иметь возможность почаще отдыхать. Ср.: Riehm, l. c. p. 1721.

[5] Бделлий (евр. bedolach) упоминается уже в кн. Быт. II, 12, как произведение страны Хавилы, и представлял весьма ценную в древности, особенно у греков, смолу дерева, которое подробно описано Плинием (Hist. nat. XII, 19). Лучший бделлий добывался в Бактрии, Аравии и Индии. Lassen, Jüdische Altert. I, 289 sq. приравнивает греч. синоним этой смолы madelkon санскр. madalaka от madara (мускус). Ср.: Riehm, l. c. I, p. 195. — Кориандр (от κόρις — клоп) — растение, принадлежащее к разряду умбеллиферов (Coriandrum sativum L.). Его маленькие круглые, желтоватые или сероватые семена неоднократно служили предметом сравнения со знаменитой манной небесной. Сладковатые ароматичные семена эти употреблялись в древности не только как приправа ко многим блюдам, но и в качестве целебного средства. Кориандр во множестве разводился в Египте и особенно в Палестине, где он обильно растет и по сей день в диком виде в долине Иордана. Талмуд неоднократно упоминает об этом растении. Подробности см. у Riehm, l. c. I, p. 868—869, где помещен и рисунок кориандра.

[6] Иосиф Флавий имеет здесь в виду, очевидно, иссарон (עשרון), кн. Лев. XIV, 10, XXIII, 13 и 17, которое вполне соответствует известной мере емкости — омер. Последний, в свою очередь, представлял десятую часть эфа

(ср.: кн. Числ. XXVIII, 5, и XV, 4, у LXX толковников). Замечание Флавия (ниже III, 6, 6), что омер равняется семи аттическим котилам, безусловно неправильно. Ср.: W. Nowack, Lehrb. der Hebr. Archäol. I, p. 203.

[7] Эта местность, которую некоторые отождествляют с нынешним Wadi esch-scheikh (Raumer), другие же ищут в Wadi Feiran (Ebers, Durch Gosen zum Sinai, p. 209 sq.), представляла последнюю стоянку евреев перед Синаем. У Schenkel'я, Bibellexikon, V, p. 39 sq., собраны мнения различных ученых о местонахождении Рафидин. Ср.: Boettger, l. c. p. 210—211.

[8] Ср. выше, кн. II, 16, 5 и прим. — В основу рассказа этой главы легло содержание кн. Исх. XV, 27 — XVI, 3—36; XVII, 1—7.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[9] О Говолите и Каменистой Аравии см. выше, кн. II, 1, 2 и прим. 2 (с. 1261).
[10] Ср.: Exod. XVII, 8—16.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[11] Ср.: Exod. XVIII, 1—12

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[12] Ср.: Exod. XVIII, 13—26.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[13] Предание разукрасило известие об этом многоразличными, крайне любопытными подробностями, о которых см.: Bergel, l. c. I, p. 87—88.

[14] Мидраш, Талмуд, равно как арабские комментаторы Корана, обставляют акт синайского законодательства массой фантастических сообщений. Так, например, Замахшари сообщает, что во время провозглашения заповедей вся природа, горы, скалы и деревья задвигались и зашатались, откуда якобы и возник обычай евреев раскачиваться из стороны в сторону при чтении Торы. В гл. 41 сборника Pirke di R. Eliezer рассказывается то же самое, тогда как в Midr. Schem, r. par. 28 упоминается как раз обратное: вся природа в священном ужасе замолкла, когда раздалось мощное: «Я Господь Бог твой». — По традиции Моисей вовсе не был уверен, что народ отнесется благосклонно к законодательству, имевшему целью нормировать его жизнь. Поэтому самый акт этого законодательства был обставлен всевозможными предосторожностями, о которых подробно рассказывает Grünbaum, l. c. p. 168 sq.

[15] Мотивом тут может служить указанное выше (с. 1269) соображение относительно произнесения имени Iahve.

[16] Как известно, такого сочинения Флавий не оставил. Быть может, здесь имеется в виду знаменитое Возражение Иосифа против Апиона. Там действительно затрагиваются и поясняются местами законоположения евреев, но до систематического разбора Торы еще далеко.

[17] В основу рассказанного в этой главе легло содержание кн. Исх. XIX, 1—25; XX, 1—22; XXXI, 18; XXXII, 1—16.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[18] Принимая во внимание, что, помимо разных рассеянных в Пятикнижии и других книгах Св. Писания указаний на устройство Моисеевой Скинии, описание последней встречается также у Филона (de vita Mosis III), что дало возможность ученым восстановить почти всецело план и подробности этого сооружения, причем данные Флавия играли тут не последнюю роль, считаем нужным указать на уклонения Иосифа от того представления о Скинии, которое получаем на основании детальных изысканий и исчислений специалистов. Что касается устройства ограды, окружавшей двор Святилища, то по Riehm'y, l. c. II, p. 1553—1567, с которым согласен и W. Nowack, l. c. II, p. 53—56, его образовали 60 деревянных (из acacia vera, spina aegyptiaca древних) столбов, с бронзовыми подножиями и посеребренными капителями, стоявших на расстоянии пяти локтей друг от друга. Серебряные кольца и гвозди прикрепляли в верхней части этих колонн, между которыми тянулись деревянные или металлические шесты, занавес, спускавшийся до земли и укрепленный здесь канатами, ведшими к кольям, которые были вбиты в землю. Все место почти от начала параграфа до слова, отмеченного указанием примечания, мы решили перевести особенно близко к тексту, тем более что такая передача подтверждает лишь соображения Riehm'a, Nowack'a, Ewald'a и других исследователей в области библейской археологии, тогда как вольный перевод Kaulen'a совершенно искажает все описание.

[19] Это, безусловно, неверно: по свидетельству Библии и Филона, расстояние между входом во двор и входом в Скинию было ровно вдвое больше, чем расстояние от входа в Скинию до западной стороны ограды, так что святилище занимало последнюю треть всего огороженного пространства. Это находит себе также подтверждение в символизме всех частей описываемого сооружения. Ср.: W. Nowack, l. c. II, p. 55.

[20] Иосиф тут ошибается, потому что вход в Скинию был закрыт завесой. Ср.: Riehm, l. c. p. 1562.

[21] Это тоже невероятно. Ср.: Riehm, l. c. p. 1565, где приводится исчисление, что в таком случае тяжесть каждого столба была бы не менее 12 центнеров, что не согласуется с указаниями в кн. Числ. VII, 1—9.

[22] Ср. рисунки этих брусьев у Riehm'a, l. c. p. 1555 и 1556.

[23] Т. е. в полтора аршина.

[24] Это уверение Иосифа не оправдывается текстами. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1558, прим. 2.

[25] Riehm, l. c. II, p. 1558 отвергает возможность устройства засовов в таком виде, как они здесь описаны Иосифом Флавием. Хотя перевод LXX толковников, которым пользовался Флавий, допускает подобное устройство, однако этому противоречит массоретский текст. Наглядную картину этих скрепов, по Библии, представляет имеющийся у Riehm'a рисунок боковой стены.

[26] В Библии (Исх. XXVI, 14) сказано: מכסה ערת תחשים, относительно которого ни Талмуд, ни Раши, ни другие комментаторы Св. Писания не пришли к положительному общему выводу. По предположению Nowack'a (l. c. II, p. 59 ann.), подтверждающемуся довольно вескими соображениями, здесь имеется в виду кожа дельфина или морской коровы. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1603—1605.

[27] Это аравийская акация, единственная древесная порода на Синайском полуострове, которая достигает таких объемов, что из нее можно получать доски. Подробн. см. у Riehm'a, l. c. I, p. 66—67.

[28] Спифам — половина аршина или локтя. След., длина кивота была в 2 $^1/_2$, ширина и вышина в 1$^1/_2$ локтя.

[29] Сообщение Флавия относительно того, что золотые кольца у кивота находились с лицевой стороны, а не сбоку, вполне правильно. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 246, где слова Иосифа подтверждаются также ссылкой на I кн. Цар. VIII, 7, а также W. Nowack, l. c. II, p. 60 ann.

[30] Ср.: Philo, vita Mosis III.

[31] Ср.: Riehm, l. c. I, p. 247, W. Nowack, l. c. II, p. 61, и выше, с. 1262.

[32] Так будем мы называть ту часть Скинии, которая была отделена от Святая Святых, куда был открыт доступ священнослужителям. Иосиф передает это слово через ναός (храм).

[33] Ср. выше, с. 1271, прим. 6.

[34] О составе его имеется подробное, составленное по кн. Исх. XXXIV описание в книге W. Nowack'a, l. c. II, p. 64, ann. l.

[35] Ср. ниже, глав. X, 6—7.

[36] Здесь у Иосифа Флавия должна быть отмечена крупная неточность, особенно бросающаяся в глаза при сравнении этого места с XIV, 7, 1, где он приравнивает золотую мину к двум с половиной римск. фунт. Ср.: W. Nowack, l. c. I, p. 207—208, ann 2.

[37] В основу этого описания легли данные кн. Исх. XXXV, 4—35; XXVI, 1—37; XXXVI, 1—38; XXXVII, 1—28; XXV, 23—39; XXX, 1—10. Вопрос об устройстве Скинии имеет свою обширную литературу, которая в достаточной полноте приведена у Nowack'a, l. c. II, p. 53—54. Там же (с. 65—68) представлен и очерк развития символического толкования общего устройства и деталей Скинии. Из выдающихся по этому предмету сочинений на русском языке укажем здесь на труды проф. Муретова и Олесницкого. В самое последнее время вышел любопытный труд еврея-самоучки З. Деглина «Микдош Аарон» с детальными чертежами и таблицами, имеющими целью восстановить, на основании Библии и талмудической литературы, план древнейшей Скинии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[38] Это очевидно испорченное евр. מכנסיבר кн. Исх. XXXIX, 28.

[39] Ср. евр. כתנת или כי חשבצ в кн. Исх. XXVIII, 4 — вытканный квадратиками.

[40] Ср. упомянутый в кн. Исх. XXXIX, 29 האבנט.

[41] Это место текста крайне неясно. Поэтому мы прибавили поставленное в скобках.

[42] Здесь, очевидно, имеется в виду библейский מצנפת, чалмовидный головной убор первосвященника. Так как Флавий описывает облачение священнослужителей на основании данных *своего* времени, то ошибочная замена מגבעה кн. Исх. XXVIII, XXIX, 9; Лев. VIII, 13, этим מצנפת простительна.

[43] Здесь, очевидно, имеется в виду библейское *меиль*, מעיל, искаженное ошибочной транскрипцией.

[44] Это, конечно, библейское — ефод, יאפד, Exod. XXVIII, 7, точное вос-

произведение которого, однако, представляет теперь большие затруднения. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 118—119 ann.

[45] Ессен — это, без сомнения, плохо транскрибированное еврейское *хошен* (חשן), состоявшее из четырехугольной квадратной сумки, которая снаружи была украшена двенадцатью драгоценными камнями. В этой сумке находились до сих пор остающиеся загадочными Urim we Tummin (האורים והתמים), с помощью которых первосвященник делал гадания о будущем народа. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 120, и Riehm, l. c. I, p. 929—933, где имеется также изображение египетских Re и Tme (по Вилькинсону).

[46] Ср.: Exod. XXVIII, 17—20; XXIX, 10—13; Ezech. XXVIII, 13.

[47] Описания эти составлены на основании Exod. XXVIII, 15—38; XXXIX, 8—24, 26—30, в значительной степени поясняя и дополняя библейские данные.

[48] Более подробно и систематично Иосиф Флавий касается этого вопроса в своем знаменитом «Против Аппиона», II, гл. XVI и XXXIX.

[49] Здесь очевидная неточность: под термином «Скиния» автор разумеет, как видно из последующего, не только самый храм, но также и двор, к нему прилегающий; сравнение всего этого места с небом, морем и землей не совсем удачно, так как известно, что доступ во двор Скинии не был разрешен всем евреям, а кроме иереев и первосвященника, туда допускались только левиты.

[50] Сравнение это крайне искусственно, натянуто и потому неудачно. Ср. объяснение Wellhausen'a (Prolog. III, p. 443). W. P. Smith'a (Relig. of the semit., p. 416) и Smend'a. Alttestam. Religionsgeschichte, p. 126 ann., которые все склонны думать, что звон колокольчиков имел назначение отгонять злых демонов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[51] Ср.: Exod. XXVIII, 1. Lev. XIII, 1.

[52] Сикл равнялся по ценности приблизительно франц. франку, т. е. 25—30 коп., смотря по курсу. Указание Иосифа на соответствие четырем аттическим драхмам — неверно. Ср.: Nowack, l. c. I, p. 208, ann 2.

[53] Ср.: Exod. XXX, 11—16; Num. I, 1—46.

[54] Гин (הין) был 1/10 частью кора и 1/6 бата. Ср.: Lev. XIX, 36. С определением этой емкости гина согласен и Иероним (ad Ez. IV, 11).

[55] Ср.: Exod. XXX, 7—8, 22—38.

[56] Ср. об этом следующую главу.

[57] Ср.: Levit. XIII, 1—9, 24; X, 1—7.

[58] Дарик — золотая персидская монета, упоминаемая под именем אדרכן (Эздр. VIII, 27) и דרכמן (Эздр. II, 69; Неем. VII, 70—72) в Библии. Весом их Nowack, l. c. I, p. 212, определяет 8,4 грамма.

[59] Ср.: Numer. XII, 1—89.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[60] Как известно, такого сочинения Иосифа Флавия до нас не дошло.

[61] Ср.: Levit. I, 1—17; III, 1—16; V, 7—19.

[62] Ср.: Numer. XV, 1—15.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[63] Ср.: Exod. XXIX, 31—38; Numer. XXVIII, 3—15.
[64] Ср.: Levit. XXIII, 5—8; Numer. XXVIII, 16—25.
[65] Ср.: Levit. XXIII, 6; Numer. XXVIII, 26—31.
[66] Ср.: Levit. XXIV, 5—9.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[67] Ср.: Numer. III, 5—9.
[68] Как известно, основатель караимства Анан бен Давид, живший в VI в. по Р. Х., еще держался того взгляда, что кровь — вместилище души. Ср. мое исследование: Р. Саадия гаон, с. 256.
[69] Ср.: Levit. XI, 1—47; Deuteron. XIX. 1—21
[70] Ср.: Levit. XIII—XV.
[71] В своем «Против Апиона» (I, 25—31) Флавий подробно разбирает и опровергает это мнение Манефона и египтян, впервые выступивших с этим обвинением.
[72] Ср.: Levit. XII, 1.
[73] Ср.: Numer. V, 12 sq.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[74] Ср.: Levit. XX, 10—21.
[75] Ср.: Levit. XXI, 7—23.
[76] Выражение «юбилейный год» не должно быть приведено в связь с латинск. jubilare, с которым оно не имеет ничего общего. Слово jobel (יובל) означает первоначально бараний рог, а в кн. Лев. XXV, 28, получает уже значение трубного звука (собств. звук рогов), которым в 10-й день седьмого месяца возвещалось наступление дня искупления, jom kippur. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 752.
[77] Ср.: Levit. XXV, 1—55.
[78] Ср. выше, кн. II, гл. 8. В основу приведенных в этом отрывке сведений легли данные из Numer. I, 1—54.
[79] Ср.: Numer. IX, 17—23.
[80] Ср.: Numer. II, 1—III, 51.
[81] Ср.: Numer. IX, 17—23.
[82] Очевидно, имеется в виду так называемое חשוכרה. Данное здесь Иосифом Флавием описание восполняется изображениями этого инструмента на триумфальной арке Тита в Риме и на монетах.
[83] Ср.: Numer. X, 1—10.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[84] Ср.: Numer. X, 11 — XI, 34.
[85] Положение этой местности до сих пор в точности не выяснено. Может быть, ему ныне соответствует Dahab или Mersa Dahab, Minna ed Dahab к востоку от Синая, вблизи Эланитского залива; ср., впрочем, Boettger. l. c. p. 69—70, и Riehm, l. c. I, p. 944.

[86] Это библейское Kirboth hattaawah (קִבְרוֹת הַתַּאֲוָה). Иосиф Флавий передал толкование этого имени совершенно таким, каким мы находим его у LXX толковников. Иероним поясняет его через memoriae (id est sepulcra) concupiscentiae.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[87] В основу содержания этой главы легли данные кн.Числ, VIII, 1—34, XIV, 1—10.

[88] Что местность эта была крайне пустынна, видно из слов Библии (Numer. XIII, 1) — פארן במדבר. Слово «Фаранкс» по-греч. значит: «ущелье, теснины». Точно определить местность здесь трудно. Ср. выше, с. 1259 прим. 170 и особенно Riehm, l. c. II, 1155.

[89] Этот город упоминался Флавием уже выше, см. с. 1250, прим. 97. По-евр. это חמת или חמת רבה. Подробности у Boettger'a, l. c. p. 20.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[90] Ср.: Numer. XIV, 11—39.

[91] Здесь имеется в виду так наз. Иудейская война, описанию которой Флавий посвятил, как известно, особое сочинение, тесно примыкающее к настоящему.

Книга четвертая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] О событиях, рассказанных в этой главе, ср.: кн. Числ, XIV, 40—43; 44—45; 25.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[2] Ср.: Numer. XVI, 1—3; 8—15.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[3] В талмудической литературе (Midrasch Tanchuma, ed. Buder, IV, f. 47a и Bemidbar rab. p. 18) рассказывается, что Моисей обвинялся в прелюбодеянии с женщиной, которая нарочно для того была подкуплена Кореем, отличавшимся баснословным, у арабов вошедшим в пословицу, богатством. Когда женщина эта предстала, по требованию Моисея, пред народным собранием, то торжественно отреклась от взводимого на нее и вождя обвинения. Комментаторы Корана разукрасили инцидент многими подробностями, о которых см. Grünbaum, l. c. p. 710 sq.

[4] Талмуд (tr. Nedarim, fol. 39b) сообщает, что в этом споре Корея с Моисеем из-за первенства не только все небесное воинство, но даже планеты заступились за Моисея. В tr. Baba Bathra, fol. 74a, рассказывается, что известный Рабба-вар-Гана сам видел в пустыне расщелину в почве, откуда

вырывался дым и слышались крики: «Господь Бог справедлив: мы виновны». Ср.: Bergel, l. c. I, p. 89, а также книгу Grünbaum'a, p. 172 и 173, где эпизод сообщается с массой прикрас мусульманских комментаторов.

[5] Ср.: Numer. XVI, 20—30; 31—35; 4—7; 16—19; 36—40.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[6] Ср.: кн. Числ. XVI, 41.

[7] Ср.: Numer. XVII, 1—13.

[8] Ср.: Numer. XVIII, 1—7; XXXV, 1—8.

[9] Ср.: Numer. V, 9, 10; VI, 20; XVIII, 8—32.

[10] Ср.: Numer. XX, 14—21.

[11] Священное Писание (кн. Числ., XIII, 22; XXXIV, 13; XXXIII, 36, Псалм. XXIX, 8) знает лишь *пустыню* Цин (צִן), которая здесь, очевидно, и имеется в виду. Она представляет северную окраину пустыни Фаран, так что город Кадеш относится то к последней, то к пустыне Цин. Впрочем, точное положение этой местности до сих пор не выяснено. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1867—1868.

[12] Ср.: Numer. XX, 1; XIX, 1—22.

[13] В седьмой главе этой книги Флавий называет этот город, по его основателю, Арекемой (Ἀρεκέμη). Ср. также: «Иуд. древн.», XIV, 1, 4, и «Иуд. война», I, 6, 2; 13, 8. В Библии (кн. Суд. I, 36; II кн. Цар. XIV, 7) он называется Села, סלע, тогда как у LXX толковников, равно как у Евсевия, он известен под именем Петры. По указанному месту в кн. Судей, это был главный город Набатеи, в небольшом расстоянии от Иерихона. Подробн. см. у Boettger, l. c. p. 203.

[14] Ср.: Grünbaum, l. c. p. 174—176.

[15] Гекатомбеон соответствовал нашему августу, еврейскому Аву, ассир. Ави. — События этого отдела рассказаны в кн. Числ. XX, 22—30.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[16] Ср.: Numer. XXI, 13—23; Deuteron. II, 26—30.

[17] Ср. выше о Яббоке с. 1260, прим. 190.

[18] К этому месту имеется более обычный вариант: «Впадая в Иордан, уступает последнему свое имя».

[19] Ср.: Numer. XXI, 24—31; Deuteron. II, 31—37.

[20] Об этой местности см. выше, с. 77, прим. 187.

[21] Теперь эта местность, находящаяся к востоку от Тивериадского озера и представляющая крайне плодородное плоскогорье, называется Dschaulan. Ср.: Boettger, l. c. p. 127.

[22] Ср.: Numer. XXI, 33—35; Deuteron. III, 1—12.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[23] В окрестностях Мертвого моря и в нижнем течении Иордана, где царит почти тропическая жара, особенно вблизи Иерихона, в изобилии разводилось это растение, из которого путем надреза коры добывалась по каплям драгоценная смола. Ср. Флавия «Иуд. война», I, 6, 6; IV, 8, 3; «Древн.»,

VIII, 6, 6; IX, 1, 2; XV, 4, 2 и Pliu. Hist. nat. XII, 54 (Riehm, l. c. I, p. 180 sq.).

[24] Ср.: Numer. XXII, 1—14.

[25] Об истории Валаама до того времени, как он признал могущество Господа Бога, ср.: Bergel, l. c. I, p. 91—92. Арабскими комментаторами рассказывается, что послы подкупили жену Валаама, благодаря настойчивым просьбам которой Валаам вторично вопросил Господа Бога. Не получив, однако, ответа, прорицатель поддался уговорам жены, во что бы то ни стало желавшей видеть в молчании Предвечного знак согласия. Ср.: Grünbaum l. c. p. 177.

[26] Талмуд, тракт. Sanhedr. fol. 105 b, сообщает, что Валаам боялся изобличения в скотоложестве, которое он позволял себе с этой ослицей. Последняя, по преданию (Aboth, V, 6), была создана на шестой день миросотворения. Ср.: Bergel, l. c. p. 93.

[27] Ср.: Numer. XXII, 15—35; XXIII, 11; XXIV, 9.

[28] В последних словах, очевидно, сказывается желание Флавия выставить беспристрастие Моисея, в особенности в сравнении с теми историками и дипломатами, которые не допускают возможности объективного отношения к излагаемому ими предмету и описываемым событиям и к которым отчасти принадлежал и сам Иосиф Флавий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[29] См.выше, IV, 4, 7.

[30] Ср.: Numer. XXXI, 1—54.

[31] Ср.: Numer. XXVII, 18—23.

[32] Ср.: Numer. XXXII, 1—42.

[33] Восора, или Восорра («Иуд. древн.», XII, 8, 3), не должна быть смешиваема с позднейшею Басрою. Эту Восору взял и разрушил до основания Иуда Маккавей (I кн. Маккав., V, 26, 28, 36). — Ариман, Рамафа («Древн.», V, 10, 2, VI, 4, 6) или Арамафа (VIII, 15, 3) соответствует библейскому רמדת בולעד или ירמת המצפה (Второзак. IV, 43, Иис. Нав. XXI, 38) к западу от Аммана. Ныне обыкновенно принимают за остатки старинного города Аримана местность, носящую название Esszalt, которая еще и теперь служит у бедуинов местом убежища. Ср.: Boettger, l. c. p. 33. — От города Гауланана получила свое имя и вся область, упоминаемая Иосифом Флавием в «Иуд. древн.», IV, 5, 3. Определить точно местонахождение города теперь невозможно. Ср.: Boettger, l. c. p. 127.

[34] Ср.: Numer. XXXV, 9—34; Deuteron. XIX, 1—13.

[35] Это библейский Целафхад (צלפחד).

[36] Ср.: Numer. XXXVI, 1—13.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[37] Этот город находился в расстоянии 12 римск. миль к востоку от Гадары. Еще и поныне сохранились его развалины к югу от Гиеронакса. Иосиф Флавий упоминает о нем также в «Древн.», V, 1, 1; XII, 33, а также в «Иуд. войне», IV, 7, 6.

[38] Ср.: Deuteron. 1, 1.

[39] В этих словах совершенно правильно мотивирована та жестокость, в которой многие склонны обвинять евреев. Если принять во внимание

исключительность их тогдашнего положения, их неустойчивость в соблюдении новой веры, то кажущееся на первый взгляд высшею несправедливостью воззвание это найдет себе полное оправдание. История к тому же показывает, что эти постановления носили действительно лишь временной характер.

[40] Ср.: Deuteron. XXXI, 2; XII, 1—3.

[41] Ср.: Deuteron. XII, 4—14.

[42] Ср.: Levit. XXIV, 15, 16.

[43] Ср.: Deuteron. XII, 17—27.

[44] Ср.: Deuteron. XIV, 22, 23.

[45] Ср.: Deuteron. XXIII, 18.

[46] Ср.: Deuteron. VII, 25, данные которого здесь, однако, очень изменены, и притом умышленно ввиду предназначения «Иуд. древностей» преимущественно для греческих читателей.

[47] Ср.: Deuteron. XXII, 11.

[48] Ср.: Deuteron. XXXI, 10—13.

[49] Ср.: Deuteron. VI, 7—9; XI, 18—20.

[50] Ср.: Deuteron. XVI, 18.

[51] Ср.: Deuteron. XVII, 6; XIX, 15—21.

[52] Ср.: Deuteron. XXI, 1—9.

[53] Тут, очевидно, разумеется аристократия духа.

[54] Ср.: Deuteron. XVII, 14—20.

[55] Ср.: Deuteron. XIX, 14.

[56] Ср.: Levit. XIX, 23—25.

[57] Ср.: Deuteron. XXII, 9, 10; Levit. XIX, 19.

[58] «На востоке в обычае пускать на поле, на котором вырос хлеб, волов, которые ногами своими вымолачивают срезанные снопы» (Kaulen).

[59] Ср.: Levit. XIX, 9; Deuter. XXIV, 19—22; XXV, 4; XXIII, 24, 25.

[60] Ср.: Deuteron. XIV, 28—29; XXVI, 12—15.

[61] Этот обряд освобождения деверя от брака практикуется еще и поныне и известен под именем *халицы*.

[62] Ср.: Deuteron. XXI, 10—17; XXII, 13—30; XXIV, 1—4; XXV, 5—10.

[63] Ср.: Deuteron. XXI, 18—23.

[64] Levit. XXV, 37; Deuteron. XXIII, 19, 20.

[65] Ср.: Exod. XXII, 25—27. Deuteron. XXIV, 10—15.

[66] Ср.: Exod. XXII, 1—4.

[67] Ср.: Exod. XXI, 2—6; Deuteron. XV, 12—18.

[68] Ср.: Deuteron. XXII, 1—3.

[69] Ср.: Deuteron. XXII, 4.

[70] Ср.: Levit. XIX, 14; Deuter. XXVII, 18.

[71] Ср.: ibidem.

[72] Ср.: Exod. XXI, 18—23.

[73] Ср.: ibidem.

[74] Ср.: Exod. XXI, 24; XXIV, 20; Deuteron. XIX, 21.

[75] Ср.: Exod. XXI, 28—36.

[76] Ср.: Exod. XXI, 33—34.

[77] Ср.: Exod. XXII, 7—15.

[78] Ср.: Exod. XXIV, 14—15.

[79] Ср.: Deuteron. XXIV, 16.

[80] Ср.: Deuteron. XXIII, 1.
[81] Ср.: Deuteron. XX, 1—12; XXIII, 9.
[82] Ср.: Deuteron. XX, 13—20.
[83] Ср.: Deuteron. XXII, 5.
[84] Как было упоминаемо уже несколько раз, такого сочинения Флавия не сохранилось.
[85] Ср.: Deuteron. XXVIII, 1—68.
[86] Ср.: Deuteron. XXXI, 30 — XXXII, 42.
[87] Ср.: Deuteron. XXXI, 9.
[88] Ср.: «Иуд. древн.», V, 1, 19; XIV, 6, 2. Это гора Гевал (עיבל), лежавшая к северу от Сихема, который теперь известен под именем Набулуса. Ныне гора эта носит название Djebel Sulemiye.
[89] Ср.: Deuteron. XXVII, 1—26. Ios. VIII, 30 sq.
[90] Ср.: Deuteron. XXIX, 10.
[91] Ср. выше, с. 135.
[92] Ср.: Numer. XXVIII, 1 — XXIX, 29.
[93] Ср.: Deuteron. XXXI, 7.
[94] Ср.: Deuteron. XXXIII, 1—29.
[95] Это — библейское הדרהעברים или הוי העברים, подробности о котором см. у Boettger'a, l. c. p. 1—2.
[96] В основу этого сообщения положены данные Deuteron. XXXIV, 1—6. Впрочем, Иосиф Флавий, подобно позднейшим раввинам, повторявшим на основании библейского выражения «по слову Господнему» (собств. «от уст Господних») предание, в силу которого Моисей будто бы умер от поцелуя Предвечного, кажется, также был знаком с этим преданием, все подробности и любопытные варианты которого собраны в указанном сочинении M. Grünbaum'a, p. 183—184. Так как у нашего автора упоминается о туче (так наз. שהינה), то мы, очевидно, имеем здесь указание на сообщение Aboth de R. Nathan, c. 2. Ср.: Bergel, l. c. I. p. 90.
[97] Ср.: Deuteron. XXXIV, 7—8.

Книга пятая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Ср.: Ios. I, 1—18.
[2] Ср.: Ios. II, 1—24.
[3] Ср.: Ios. III, 1 — IV, 18.
[1] Ср.: Ios. IV, 19 — V, 12.
[5] Ср.: Ios. VI, 1—14, 16—19.
[6] Ср.: Ios. VI, 21—25.
[7] Ср.: Ios.VI, 21—25.
[8] Ср.: Ios.VI, 25—27.
[9] Ср.: Ios. VI, 24.
[10] Ср.: Ios. VII, 1; 20—22.
[11] Ср.: Ios. IV, 19; V, 10.
[12] По-евр. этот город называется Ай (עי) или Айя, Айят (עיה עית פאי), что у LXX толковников передается через Γαί, Ἀιά, Ἀί, у Евсевия Ἀγγαί. Назва-

ния эти служат обозначением «груды камней», чему, вероятно, соответствует теперешнее Tell-el-Hadschar (каменистый холм). Ср.: Boettger, l. c. p. 16—17.

[13] Ср.: Ios. VII, 2—6.

[14] Ср.: Ios. VII, 7—9.

[15] Ср.: Ios. VII, 10—26.

[16] Ср.: Ios. VIII, 1—27.

[17] Гаваониты занимали город Гаваон (евр. גבעון), расположенный, по «Иуд. древ.», VII, 11, 7, в расстоянии 40, а по «Иуд. войне», II, 19, 1,—50 стадий от Иерусалима. Теперь это маленькая деревушка el-Dschib к северо-западу от Иерусалима. Вблизи его находился город Кафира (нынешн. Kofire), а у западной границы области, которую впоследствии заняло колено Вениаминово, был расположен Кариафиарим, лесной город (קרית יערים или ערים קרית), где помещался ковчег Завета. Ср.: Boettger, l. c. p. 76—77 и 119.

[18] Ср.: Ios. IX, 3—27.

[19] В кн. Иис. Навина (гл. X, 13) сказано: «И остановилось солнце» и т. д. В 52-й главе Pirke R. Eliezer рассказывается: «Иисус Навин и евреи сражались однажды в пятницу с язычниками; Иисус боялся, что наступление субботы лишит евреев возможности продолжать бой, тем более что он видел, как языческие кудесники каким-то образом воздействовали на планеты во вред евреям. Тогда он простер руку свою по направлению к солнцу, луне и звездам, причем произнес священное имя Господне. Планеты остановились в своем течении и пребывали в неподвижности 36 часов, в продолжении которых Иисусу удалось окончательно победить врагов». Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 185, где указаны и варианты мусульманской традиции. Мусульмане, ввиду этого события, празднуют пятницу.

[20] Ср.: Ios. X, 1—27.

[21] Вирофа (библ. ברתי или ברותה) — город на северной границе Палестины, принадлежавший во времена Давида сирийцам и находившийся недалеко от Дамаска. Во всяком случае, он не идентичен здесь упомянутым, который, судя по упоминанию Кедеса, лежал вблизи Меромского озера и положение которого еще точно не установлено. — Несколько ниже (п. 24) Кедес помещается в пределах колена Нафталимова, а местоположение упомянутого в «Иуд. древн.», XIII, 5, 6, Кедеса приходится между Тиром и Галилеей. Ср.: Boettger, l. c. p. 55—56 и 81—82.

[22] Ср.: Ios. X, 28 — XII, 24.

[23] Этот город Самарии находился в расстоянии 8—9 часов пути от Иерусалима на холме, где ныне лежит деревушка Seilun с древними развалинами. Ср.: Boettger, l. c. p. 231, и Riehm, l. c. II, p. 1496—1497.

[24] Ср.: Ios. VIII, 30—35.

[25] Ср.: Ios. XI, 23; XII, 1; XIII, 1; XVIII, 4; XXII, 1; XXIV, 1.

[26] Ср.: Ios. XVIII, 8.

[27] Это, без сомнения, так наз. Асфальтовое, или Мертвое, море.

[28] Город этот, упоминаемый также в Евангелии (Матф. VIII, 28; Марк. V, 1, и Лук. VIII, 26), находился к юго-востоку от Генисаретского озера и был в древности знаменит своими сернистыми ключами, привлекавшими массу больных. В «Иуд. войн.» (III, 7, 1) рассказывается, как Веспасиан разрушил Гадару до основания и перерезал всех ее жителей. Теперь тут находится небольшая деревушка Иткеия. Ср.: Boettger, l. c. p. 121.

[29] Дор — приморский финикийский город, расположенный по склону горы Кармель. Во времена Селевкидов Дор представлял сильную крепость. Теперь это жалкая деревушка Tantura с остатками древних развалин. Ср.: Boettger, l. c. p. 104.

[30] Скифополь находился на юге Палестины в расстоянии 20 стадий от Тивериады. Теперь здесь находится бедная деревушка Beisan также с остатками руин. Boettger, p. 224.

[31] Соответствует библ. Тавору (תבור), ныне Djebeleth-Thur. Описание этой горы в «Иуд. войн.», IV, 1, 8.

[32] У Boettger'a, l. c. p. 9 и 10, приведены все варианты транскрипции имени этого города, которые поражают своим разнообразием. Ныне на месте этого некогда цветущего, находившегося в расстоянии 9 римских миль от Акко (Птолемаиды) центра, лежит жалкая деревушка Zib, славящаяся только своими арбузами.

[33] Это — знаменитый филистейский город Asdod (אשדוד), принадлежавший к числу их главнейших пяти городов, главный центр культа бога Дагона. Стратегическая важность этого весьма укрепленного города видна уже из массы осад, которым ему пришлось подвергнуться. Теперь там находится бедная деревня Esdud. Ср.: Boettger, l. c. p. 46.

[34] Иамния находилась между древним Asdod и теперешней Яффою и была до разрушения Иерусалима в 70 г. по Р. Х. знаменита как место собрания Великого Синедриона.

[35] Это библ. גת, также один из пяти главнейших городов Филистеи. Точное местоположение его до сих пор еще неизвестно. Ср.: Boettger, l. c. p. 137.

[36] Ему соответствует в Библии Экрон (עקרון). Он также входит в состав филистейского Пентаполя.

[37] Ср.: Ios. XV, 1 — XXIX, 51.

[38] Ср. выше, с. 48—50.

[39] См. выше, с. 212.

[40] Ср.: Ios. XIII, 8—32.

[41] Ср.: Ios. XXIII, 1.

[42] Ср.: Ios. XXII, 1—8.

[43] Ср.: Ios, XXII, 9—20.

[44] Ср.: Ios. XXII, 21—29.

[45] Ср.: Ios. XXII, 30—34.

[46] Ср.: Ios. XXIV, 1—28.

[47] Город этот находился на северной границе области колена Иудова и был некогда во власти филистимлян. Подробности см. у Boettger'a, 1, c. p. 242.

[48] Ср.: Ios. XXIV, 29—33. Точно определить местоположение этого также когда-то филистейского города невозможно. Вероятно, он лежал к юго-западу от Назарета.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[49] Ср.: Judic. I, 1 —3.

[50] Местоположение этого города до сих пор еще не выяснено. Евсевий и Иероним знали две соседние деревни этого имени, лежавшие по дороге

из Сихема к Скифополю. Во всяком случае, Везека находилась в северной части Палестины. Ср.: Boettger, l. c. p. 65.

[51] Ср.: Judic I, 4—9.

[52] Ср.: Judic. I, 10—16.

[53] Ср.: Judic. I, 17—19.

[54] Ср.: Judic. I, 21; 27—34.

[55] Ср.: Judic. I, 22—26.

[56] Ср.: Judic. II, 1—23.

[57] По многим мотивам вариантом этому рассказу может служить история, совершившаяся с гостями Лота перед гибелью Содома. Ср. выше, с. 58.

[58] Ср.: Judic. XIX, 1—29.

[59] Ср.: Judic. XIX, 30 — XX, 14.

[60] Ср.: Judic. XXI, 1; XX, 15—28.

[61] Точное местоположение и этого города до сих пор не может быть дано. Имя этой местности (יבי"ש) еще по сей день сохранилось в имени речки Jabis, втекающей с востока в Иордан. Ср.: Boettger, l. c. p. 149.

[62] Ср.: Judic. XX, 29—48; XXI, 8—12.

[63] Это библейское סלע רמון у LXX толковников Πέτρα τοῦ Ῥεμμών, ныне скала Rimmon вблизи древней Элии, представляющая странное зрелище: в совершенно пустынной и ровной местности возвышается довольно крутой холм, откуда взор может обнять все окрестности на далекое расстояние. Сейчас на склонах этой горы расположена деревня Ramman или Rumman. Ср.: Boettger, l. c. p. 213.

[64] Ср.: Judic. XXI, 1—23.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[65] Ср.: Judic. I, 34; XIII, 25; XVIII, 1, 2, 11, 12, 27—29.

[66] Ср.: Judic. III, 5—8.

[67] Ср.: Judic. III, 9—11.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[68] Ср.: Judic. III, 12—14.

[69] Ср.: Judic. III, 15—24.

[70] Ср.: Judic. III, 25—31.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[71] Семехонитское или Самохонитское озеро называется в Библии также Меромским (מי מרום). Флавий пишет о нем в «Иуд. войн.» (IV, 1, 1) следующее: «Это озеро имеет 30 стадий ширины и 60 длины; его тони простираются до чрезвычайно живописной местности Дафны, водяные источники которой питают так называемый Малый Иордан, и вместе с ним, ниже храма Золотого быка, впадают в большой». Ср.: Boettger, l. c. p. 226—227. О городе Асоре (חצור) см. там же, с. 41—42.

[72] В основу рассказанного в этой главе положено содержание Judic. IV, 1—24; V, 32.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[73] Ср.: Judic. VI, 1—7.

[74] Ср.: Judic. VI, 11—16.

[75] Ср.: Judic. VI, 34, 35; VII, 1—8.

[76] Древние делили сутки на восемь страж, т. е. трехчасовые промежутки времени, по истечении которых каждый раз сменялся караул. Начинался счет с утра или вечера, с шести часов, и сообразно с этим стражи делились на дневные и ночные. Первая ночная стража продолжалась от 6 часов вечера до 9, вторая до полуночи и т. д.

[77] Ср.: Judic. IX, 15—25; X, 4—12.

[78] Ср.: Judic. VIII, 1—32.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[79] Ср.: Judic. VIII, 30—31; IX, 1—6.

[80] Здесь мы имеем дело с первой, встречающейся в Ветхом Завете, притчей или басней. Другую притчу находим во II кн. Цар. XIV, 9 и сл.

[81] Ср.: Judic. IX, 7—24.

[82] Объяснением к этому может служить то обстоятельство, что в кн. Иова, XXXIX, 6; Псалм. CVII, 34; Иерем. XVII, 6, слово melechah означает солончаковую, неплодородную пустыню, обреченную на вечное запустение. Так и здесь (ср. также: Deuteron. XXIX, 23, и Zephanj. II, 9) обряд посыпания солью служит аллегорией окончательного уничтожения всякой жизни в этой местности, ср.: Riehm, l. c. II, p. 1361. О святости соли в древности и средние века см. любопытные данные у J. Lippert'a, Christenthum, Volksglaube u. Volksbrauch, p. 13, на основании книги Zöpfl'я: Alterthümer des deutschen Reichs u. Rechts III, p. 368.

[83] Это библейское Thebez (תבץ) в средней части Палестины, вблизи Сихема. Теперь на его месте находится живописная деревня Tubas. Ср.: Boettger, l. c. p. 243.

[84] Аналогична была судьба эпирского царя Пирра, который также был убит на улице кирпичом, брошенным на него с крыши какою-то женщиной. Ср.: Plut. Pyrrh. XXXI, и Iust. XXV, 5.

[85] Ср.: Judic. IX, 25—56.

[86] Здесь недостает рассказа об израильском судье Фоле (кн. Суд. X, 1); вообще этот отдел представляет у Флавия некоторые отступления от библейского текста.

[87] О местоположении этого города ср.: Boettger, l. c. p. 72. Его, вероятно, имеет в виду и Полибий (V, 70, 12).

[88] Ср.: Judic. X, 1—16.

[89] Ср.: Judic. X, 17 — XI, 10.

[90] До сих пор не удалось вполне точно определить местонахождение этого города, которому, вероятно, соответствует теперешнее собрание развалин, известное под названием Dschilad, к северу от горы Мицпы в восточной части течения Иордана. Там же, по преданию, находится и могила пророка Осии, на горе (Dschebel Oscha). Ср.: Boettger, l. c. p. 178.

[91] Это — библейское מנית, которому у Иеронима соответствует Mennith, а у Евсевия — Menseth. Во времена последнего там находилась большая

деревня Maanith вблизи Иордана. Теперь еще сохранились ее развалины. Ср.: Boettger, l. c. p. 171.

[92] Ср.: Judic. XI, 11—40.

[93] В соответствующем месте Библии (кн. Суд. XII, 7) этот город вовсе не назван, так что приходится констатировать, что тут в распоряжении Флавия был какой-нибудь другой источник, помимо книг Ветхого Завета. О городе Севее больше ничего не известно.

[94] Ср.: Judic. XII, 1—12.

[95] Это евр. פרעתון (Judic. XII, 15); на месте города Фарафона до сих пор стоит деревушка Ferata в расстоянии 2 1/2 часа ходьбы к юго-западу от Набулуса. Ср.: Boettger, l. c. p. 205.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[96] Здесь мы имеем дело с установленным в кн. Числ., гл. VI, 1—21, институтом назорейства, подробности о котором см. у Riehm'a, l. c. II, p. 1073 sq.

[97] Ср.: Judic. XIII, 1—25.

[98] См. выше, V, 1, 29.

[99] Ср.: Jud. XIV, 1—20.

[100] Это библейское עיטם, находившееся в иудейских горах, на границе Неджеба. Ср.: Boettger, l. c. p. 17.

[101] Флавий называет эту местность Siagon, что по-гречески значит «челюсть» и вполне соответствует евр. Lehi (לחי) в том же значении. Впрочем, в кн. Суд. XV, 16 читаем: «Сказав это, бросил челюсть из руки своей и назвал то место Рамаф-Лехи», к чему синодальный перевод добавляет пояснение «брошенная челюсть».

[102] Ср.: Riehm, l. c. I, p. 912—913 и Bergel, l. c. I, p. 96.

[103] Ср.: Judic, XV, 1—20; XVI, 1—31. — Сариаса, соответствующая библейскому צרעה и потому известная также под именем Zorea, помещалась Иеронимом в расстоянии десяти римских миль к северу от Елевферополиса. Еще в 1334 г. по Р. Х. в теперешней бедной деревушке Surzah между Иерусалимом и Ябне показывали старинную могилу, украшенную ослиной челюстью. Тут, по преданию, был похоронен Самсон. Ср.: Boettger, l. c. p. 221.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[104] Ср.: Ruth, I, 1—19 — II, 23.

[105] Т. е. совершить обряд халицы, освобождения от обязанности так наз. левиратного брака, о котором ср. выше, с. 225.

[106] Ср.: Ruth, III, 1 — IV, 22.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[107] Ср.: I Цар. II, 12—36; I, 1—18; II, 10, 21; III, 1—21.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[108] Местностей, носивших такое название, встречается в Библии и у Флавия несколько. Здесь упоминаемый город находился к северо-западу от Иерусалима, вблизи Мицпы. Ср.: Boettger, l. c. p. 29—30.

[109] Ср.: I кн. Цар. IV, 1—22.
[110] Ср.: I кн. Паралипом., VI, 4.

Книга шестая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] В основу рассказанного в этой главе легло содержание I кн. Цар. V, VI — VII, 2.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[2] Masphata, Masphatha, Masphat, Maspha, Massepha или Mizpa (מצפה, собств. вышка) находилась в области колена Вельяминова, вблизи Рамы, в расстоянии 2 часов к северо-западу от Иерусалима. Теперь там, на месте предполагаемой гробницы Самуила, возвышается мечеть Nebi Samvil (пророка Самуила), откуда открывается чудный вид на обширное пространство во все стороны. Ср.: Boettger, l. c. p. 177.

[3] Этому названию соответствует библейское (I кн. Цар. VII, 11) בית כר, которое передается переводом LXX толковников через Вефхор, город в южной части Палестины. Между Иерихоном и Вифсаном находилась местность того же имени, так что точно определить, что это Коррей, является крайне затруднительным. Ср.: Boettger, l. c. p. 94.

[4] Ср.: I кн. Цар. VII, 3—14.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[5] См. выше, IV, 7, 4, где этот город назван Ариманом.
[6] Ср.: I кн. Цар. VII, 15—17; VIII, 1—22.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[7] Ср.: I кн. Цар. IX, 1—25.
[8] См. выше, с. 80.
[9] Ср.: I кн. Цар. IX, 1—26; X, 1—27.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[10] Об этом городе см. выше, V, 2, 11.
[11] О вполне точном местоположении этого города ничего не известно.
[12] Schoinos — египетская мера длины. Древние писатели сильно расходятся в определении этой меры, которая, видимо, колебалась между 30 и 120 стадиями. Ср. новейшее исследование по этому вопросу U. Schwarz'a, в гл. XV сборника Berliner Studien für classische Philologie u. Archäologie, Berlin, 1894.
[13] Ср.: I кн. Цар. XI—XII.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[14] Это — библейское מכמש или מכמס (собст. потайный угол), в области колена Вениаминова. Ныне это деревушка Mukmas или Michmasch с пещерой, обращенной когда-то в колумбарий. Ср.: Boettger, l. c. p. 167.

[15] Здесь, очевидно, имеется в виду гадание по так наз. Urim we Tummim.

[16] Одним из основных пунктов Моисеева законодательства является, как известно, запрещение употреблять в пищу кровь. Ср.: кн. Бытия IX,4; кн. Лев. III, 17; VII, 26; XVII, 10; XIX, 26. Второзак. XII, 16, 23 и сл.; XV, 23, из которых вытекает, что по древнему представлению кровь — вместилище души, а у животных кровь заменяет душу.

[17] Здесь, очевидно, вкралась неточность. Имя первосвященника было Ахия; он был сыном Ахитува. Вся родословная его до Илия находится в I кн. Цар. XIV, 3.

[18] Во II кн. Цар. X, 6—15, а также VIII, 3 sq. упоминается также царь Совы, которого Давид дважды победил. О положении государства или города Совы, которого имя встречается также в ассирийских географических перечнях в форме Subat или Subut, до сих пор ничего определенного сказать нельзя, хотя на этот счет и существует несколько догадок, более или менее правдоподобных. Вероятнее всего, область Zobah находилась к северу от Палестины, между Средиземным морем и Евфратом. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1875, а также Schenkel, Bibellexikon, I, 232 и Fr. Delitzsch, Paradies, p. 279 sq.

[19] Ср.: I кн. Цар., XIII и XIV.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[20] Город этот находился в Нижнем Египте на восточном рукаве Нила, близ нынешней Дамиетты. Будучи ключом к Египту, он неоднократно был свидетелем военных действий (ср.: Herod. II, 14; III, 10; Diod. 15, 42; 16, 48 и сл., Plutarci, Anton. 74, Liv. XLV, 11 и др.).

[21] В Св. Писании тут названы не сикимитяне, но кенятяне.

[22] Ср.: I кн. Цар. XV, 1—34.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[23] Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 193—194.

[21] Раввинское предание сообщает: «Когда Самуил захотел помазать на царство Елиава, то елей не стал вытекать из сосуда (рога); то же самое странное явление повторилось и при попытках пророка с другими братьями. Когда же очередь дошла до Давида, то елей свободно потек из сосуда и окропил главу юноши». Ср.: Midr. Tanchuma § 124, Midr. Jelamdenu § 750 — по цитате у M. Grünbaum'a, l. c. p. 193, и Bergel, l. c. I, p. 99.

[25] События в этой главе изложены по I кн. Цар. XV, 34 — XVI, 23.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[26] Сохо и Азика, города в низменности иудейской, упоминаются также ниже, VIII, 10, 1, как местности, укрепленные Ровоамом, сыном Соломона. Теперь на месте Сохо найдены древние развалины, известные под именем

Khirbet esch-Schuweke, к югу от Ярмука, по южному склону так наз. Wadi-es-Sumt. Последний, т. е. долина дубов, и является, по предположению, местом единоборства Давида с Голиафом. Тут же поблизости находилась и Азика, теперешние развалины Damum. Ср.: Boettger, l. c. p. 46 и 234.

[27] Midr. Schoch. Tob 22 сообщает интересное приключение Давида, когда тот был еще совсем маленьким мальчиком, но уже пас стада отца своего. Однажды на пастбище Давид нашел какого-то спавшего там зверя, влез на его спину и стал возиться на ней. От этого зверь проснулся и поднялся на ноги. Каковы же были изумление и ужас мальчика, когда зверь оказался мифическим гигантским Реемом (ראם), достигавшим головой неба. Давид обратился с мольбой к Предвечному, который заставил зверя опуститься на колени и тем спас мальчика. В связи с этим и выше рассказанными эпизодами стоит и сообщаемое арабским историком Табари предание о приключении со львом. Ср.: Grünbaum, l. c. p. 191.

[28] Ср.: Jalkut Schimoni, § 127 и M. Tanchuma к кн. Лев. XXI, 1, ed. Buber, f. 43 a, где рассказывается, что когда Давид надел на себя панцирь Саула, то последний пришелся ему как раз впору, несмотря на исполинский рост царя. В этом чуде Саул усмотрел предзнаменование, что Давид займет его место на престоле, юноша же заметил недоброжелательный взгляд царя и потому поспешил освободиться от этого вооружения.

[29] Камни эти, по данным раввинской литературы (ср.: Grünbaum, l. c. p. 192), были взяты им в расчете призывать во время метания их последовательно Господа Бога, Аарона и патриархов Авраама, Исаака и Иакова, что он и сделал на самом деле. Замахшари и Бейдави, Табари и Ибн-Асир рассказывают, что камни сами просили Давида взять их для борьбы с Голиафом, а у Масуди (I, 107) читаем, что три захваченных Давидом и сунутых им в пастушескую суму камня сами собой слились воедино и образовали одну огромную глыбу.

[30] Срв: I кн. Цар. XVII, 1—54.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[31] Ср.: I кн. Цар, XVIII, 6—27.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[32] Это очевидное недоразумение со стороны Флавия. Св. Писание, I кн. Цар. XIX, 16, рассказывает о статуе и козьей шкуре. De Wette так переводит это место Библии (I Sam. 19, 13—16): Und Michal nahm den Teraphim, und legte ihn ins Bette, und legte das *Geflecht von Ziegenhaaren* zu seinen Häupten, und deckte ihn zu mit einem Teppich. — Als aber die Boten kamen, siehe, so lag der Teraphim im Bette und das Geflecht von Ziegenhaaren zu seinen Häupten. Ввиду этого данное, безусловно испорченное место следует понимать так: Михала положила под одеяло довольно большую статую домашнего божества Терафима, а голову его покрыла козьей шкуркой, чтобы издали казалось, будто видны волосы спящего.

[33] В Св. Писании (I кн. Цар. XIX, 18) это место названо ניות, что LXX толковников правильно передают с помощью Ναυάθ. Вероятнее всего, что здесь имеется в виду предместье города Арамафы, т. е. Рамы (потому что

слово נוית означает ряд жилых помещений), где находились школы и общежития пророков, как известно, впервые строго и точно организованные Самуилом. На это имеется даже указание Таргума (ср.: Winer, Bibl. Realwört., p. 132). Вероятнее всего, что в так наз. квартале пророков Самуил и Давид могли себя чувствовать в большей безопасности от Саула, чем в любом другом месте. Ср.: Boettger, l. c. p. 122.

[34] Напротив, в I кн. Цар. XX, 20—22, сказано: «А я в ту сторону пущу три стрелы, как будто стреляя в цель; потом пошлю отрока, говоря: пойди, найди стрелы; и если я скажу отроку: вот стрелы *сзади* тебя, возьми их, — то приди ко мне, ибо мир тебе, и жив Господь, ничего тебе не будет; если же так скажу отроку: вот стрелы *впереди* тебя, то ты уходи, ибо отпускает тебя Господь; а тому, что мы говорили, я и ты, свидетель Господь между мной и тобой навеки».

[35] Латинский перевод: de muliere ultro virum appetente. Ср.: Naber, II, p. VI.

[36] Ср.: I кн. Цар. XVIII, 18 — XXI.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[37] Нава или Нова — город вблизи Иерусалима, откуда его можно было благодаря недалекому расстоянию хорошо видеть. Точное местоположение этого города до сих пор еще не выяснено, и на этот счет существует несколько предположений, которые указаны у Boettger, l. c. p. 189.

[38] Св. Писание в двух местах (I кн. Цар. XXI, 7 и Псалм. LI, 2) называет этого Доика идумеянином. Флавий следует здесь ошибочной передаче перевода LXX толковников.

[39] Это עדלם, упоминаемое в кн. Быт. XXXVIII и у Иисуса Навина XV, 35. Город этот принадлежал к числу древнейших хананейских поселений и лежал в низменности, известной под именем Шефелы. Пещере же Адуллам, по преданию, соответствует огромная пещера в горах в расстоянии 2 часов ходьбы к юго-востоку от Вифлеема, вблизи теперешней деревни Chareitun. Ср.: Boettger, l. c. p. 13.

[40] В этом месте греческий текст испорчен; по всему вероятию, здесь имеется пропуск.

[41] В еврейском оригинале (I кн. Цар. XXII, 5) сказано יער חרת, т. е. *лес* Хорет, тогда как LXX толковников, которых здесь, очевидно, держался и Флавий, передают это через Polis Sarik, читая вместо יער — העיר. Теперь это небольшая деревушка вблизи Иерусалима. Весьма вероятно, что местечко Charas также имеет некоторое отношение к библейскому Charet. Ср.: Boettger, l. c. p. 220—221.

[42] Иосиф Флавий и здесь держался текста LXX толковников, а не еврейского подлинника Библии, где сказано (I кн. Цар. XXII, 6): תחת האשל ברמה ושאול יושב נבעה, т. е. Саул сел под древом на вершине (горы).

[43] Ср.: I кн. Цар. XXI, 1 — XXII, 20.

[44] Ср.: I кн. Цар. XXII, 20—23.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[45] Город Килла, который известен в Св. Писании под именем קעילה, находился, по данным Евсевия, в расстоянии 17, а по данным Иеронима, в

расстоянии 8 миль к востоку от Елевферополя по направлению к Хеврону, в иудейской равнине на границе с владениями филистимлян. Теперь это развалины, известные под именем Kila. Ср.: Boettger, l. c. p. 90.

[46] Это библейское עין גדי (козий колодец), в южной части Палестины, на берегу Мертвого моря. Ср.: Boettger, l. c. p. 112—113.

[47] В еврейском тексте I кн. Цар. XXIII, 15, 16 имеется слово חרשה, т. е. лес, чаща, тогда как название Кены взято Иосифом из перевода LXX толковников. Весьма вероятно, что последние читали, вместо חדשה — חרשה, что значит «новый» и чему вполне соответствует греческое Καινη. Ср.: Boettger, l. c. p. 70.

[48] Нынешнее Tell Zipha недалеко от древнего Хеврона. Теперь там сохранилось множество интересных развалин, расположенных на невысоком холме, обтекаемом двумя ручьями, которые впадают в Мертвое море. Ср.: Boettger, l. c. p. 254.

[49] Эта пустыня находится к юго-западу от Хеврона, в получасовом расстоянии от горы Кармель. В южной части ее возвышается конусообразная скала, превышающая возвышенность Кармель на 250—300 футов и увенчанная городом по имени Маон. Ср.: Boettger, l. c. p. 173.

[50] Эти теснины, очевидно, идентичны с указанными в I Sam. XXIV, 1, 2 סצדות вблизи Энгедаина.

[51] Этот город известен под именем Маона и находился вблизи возвышенности Кармеля. Теперь там находятся развалины Main, описанные Boettger'ом, l. c. p. 173.

[52] По всем данным, это — библейское Iesreel, יזרעאל ныне Zerin или Zerain. Ср.: Boettger, l. c. p. 5—6.

[53] Ср.: Riehm, S. v. Gallim I, 474.

[54] Филистейский город, развалины которого сохранились к востоку от Газы. Ср.: Boettger, l. c. p. 230.

[55] В основу рассказанного Флавием в этой главе легли данные I кн. Цар. XXIII—XXVII.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[56] Местность совершенно неизвестная, тем более что о ней вовсе не упоминается в Библии.

[57] Вероятно, тут имеется указание на I кн. Цар. XXII, 16 sq. Арабские историки Табари и Ибн-Асир сообщают, что Саул велел убить всех еврейских ученых (al-ulamâu) за исключением одной женщины, «которой было открыто имя всесильного Бога» (kanat talimu ismallahi lasijmi), т. е. которая занималась каббалою. Великан, которому было дано это поручение, пощадил эту женщину, оказавшуюся впоследствии эндорской волшебницей. Ср.: Grünbaum, l. c. p. 186.

[58] Ныне это маленькая и крайне загрязненная деревушка Sunem или Sulam (ср.: Sulamith) на склонах малого Гермона. Ср.: Boettger, l. c. p. 237.

[59] Это находящийся в расстоянии 6 миль от Скифополя хребет Gilboa, ныне известный под именем Djebel Fakua. Ср.: Riehm, l. c. p. 514 sq. и Boettger, l. c. p. 129.

[60] Kaulen (p. 209) в примечании к этому месту говорит: «Иосиф в этом рассказе уклоняется в некоторых местах от данных Св. Писания, вплетая

сюда свой собственный субъективный взгляд на все это событие». — Легендарные добавления к этому рассказу см. у Grünbaum'a, p. 187.

[61] Ср.: I кн. Цар. XXVIII, 1—25.

[62] Еврейская традиция относится вообще с большой симпатией к Саулу. Так, например, Талм. Иома, л. 22 b. даже называет его столь же безгрешным, как годовалое дитя. В Midr. Bamidbar r. p. 4 и иерус. Талмуд. тр. Сукка, V, 4, удостаивается особенной похвалы его целомудрие. Другие хорошие качества Саула перечисляются в Ialkut, Sam. § 138, Pirke R. Eliezer, c. 33 и др. Ср.: Grünbaum, l. c. p. 187—188.

[63] В Библии нет прямых указаний на продолжительность царствования Саула. В I кн. Цар. XIII, I число лет, очевидно, выпало. Ср.: Grünbaum l. c. p. 187.

[64] С 5-го пункта этой главы содержание примыкает к I кн. Цар. XXIX—XXXI, 7 и I кн. Паралип. X, 1—14.

Книга седьмая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Имеется в виду бой Саула с филистимлянами, окончившийся поражением евреев и смертью царя.

[2] Ср.: II кн. Цар. I, 1—27.

[3] Это испорченное транскрипцией библейское machanaim, מחנים — лагерь, стан.

[4] Этот холм носит в Библии (II кн. Цар. II, 24) название אמה, т. е. «холм потока», и отчасти местоположение его определяется уже здесь, у Флавия, и еще точнее в цитированном стихе Св. Писания. Ср.: Boettger, l. c. p. 22.

[5] Ср.: II кн. Цар. II—III.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[6] Ср.: II кн. Цар. IV, 1—12; V, 1—3; I Парал. XI, 1—13.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[7] О них см. выше, с. 1251, прим. 101.

[8] Об этой вставке см. Niese, Praefat. Vol. I, p. XXXII. О названиях Иерусалима ср. выше, с. 54, а также Mühlau у Riehm'a, II ed. p. 692—693.

[9] Ср.: II кн. Цар. V, 4—11; I Парал. XI, 4—9; II кн. Цар. XXIV, 16—23; V, 14—16.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[10] Ср. ниже, «Древн.», VII, 12, 4, где сказано, что эта долина тянется от Иерусалима до Вифлеема на расстоянии 20 стадий. Это библейское (Ios. XV, 8) עמק רפאים к юго-западу от города, вероятно, та самая низменность, предельным пунктом которой служит монастырь Mar Elias. Ср.: Boettger, l. c. p. 246—247, где приведены различные толкования и сделана их оценка.

[11] Ср.: Boettger, l. c. p. 88.

[12] Ср.: II кн. Цар. V, 17—25; VI; VII, 1—29; I Парал. XIII, 1—14; XV, 1—29; XVII, 1—27.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[13] По данным Страбона (XI, p. 532), это — провинция великой Армении между хребтами Антитавром и Мазием. Во времена Селевкидов эта область составляла особое западноармянское царство, покоренное Тиграном, который слил его с Восточной Арменией.

[14] Этот Николай (из Дамаска) был современником императора Августа и близким человеком в доме Ирода Великого, должность историографа которого он занимал. Часто цитируемый Флавием Иосифом исторический труд Николая в 144 книгах дошел до нас лишь в скудных отрывках.

[15] Ср. ниже, VIII, гл. 10, 2 и сл.

[16] На дворе Соломонова храма, между алтарем и последним, стоял этот огромный бронзовый сосуд 5 аршин вышиной и 30 аршин в окружности; подробности о нем см. у Nowack'a l. c. II. p. 42—44, где помещено также изображение его.

[17] Это библейское (II кн. Цар. IX, 4; XVII, 27) Iodabar, местечко в Гилеаде, недалеко от Иордана, вблизи Маханаима. Ср.: Boettger, l. c. p. 159.

[18] Из II кн. Цар. IX видно что этот Сива и был вышеупомянутым вольноотпущенником Саула.

[19] Ср.: II кн. Цар. VIII — IX, 13; I Парал. XVIII, 1—17.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[20] Ср.: II кн. Цар. X; I Парал. XIX, 1—19.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[21] Ср. выше, V, 7, 5.

[22] Талмуд (tr. Sanhedr. fol. 107a) и Jalkut Schim. § 148 к II кн. Цар. XI, 2, подробно останавливаются на этом грехопадении Давида, рассказывая, что Давид так был уверен в своей преданности Господу Богу, что сам просил испытать его. Тогда к Давиду явился дьявол в форме птицы (золотистого голубя) или под видом газели. Царь выстрелил в дичь из лука, и она побежала или полетела туда, где купалась Вирсава. Плененный красотой ее, Давид потерял голову и дал увлечь себя дьяволу. То же предание сохранилось и у арабских писателей Табари, Ибн-Асира и Аль-Кисаи, из которых первые два передают также любопытные подробности о покаянии Давида и о суде над ним после смерти. Ср.: Grünbaum, l. c. p. 195—198.

[23] Ср.: II кн. Цар. XI и XII.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[24] Это библейское Geschur (גשור, Второзак. III, 14; Иис. Нав. XII, 5; XIII, 13), небольшая область в Сирии, сохранившая во времена Давида полную свою независимость. Ср.: Boettger, l. c. p. 134.

[25] Ср.: II кн. Цар. XIII—XIV.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[26] Это библейское Giloh (גלה, Ios. XV, 51), находившееся в горах иудейских. Впрочем, точно местоположение этого городка до сих пор еще не установлено. Различные на этот счет мнения собраны у Boettger'a l. c. p. 129.

[27] Это библейское Mahanaim (стан, лагерь), в стране Галаадской, о котором упоминалось уже выше. Ср.: Boettger, l. c. p. 81.

[28] Ср.: II кн. Цар. XV, XVI и XVII.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[29] Здесь у Флавия вкралась ошибка. Выше, VII, 3, 3 и 8, 1, Фамара является дочерью Давида, тут же Флавий выставляет ее дочерью Авессалома.

[30] Ср.: II кн. Цар. XVIII, 1 — XIX, 9.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[31] Ниже, VIII, 10, 4, эта местность носит имя Авелланы (Abellane), тогда как здесь довольно точно передана библейская форма Abel beith Maacha, אבל בית מעכה; этот город находился в северной части Палестины. Ср.: Boettger, l. c. p. 3.

[32] Ср.: II кн. Цар. XIX, 9 — XX, 26.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[33] Ср.: Иис. Нав. X, 41; XI, 9; IX, 19.

[34] Нельзя не сказать, что данные, сообщаемые здесь нашим автором, отличаются крайней скудостью, как вообще этот отдел библейской археологии, за неимением достаточно определенных источников, вообще очень мало разработан. Ср. соответствующие библиографические указания у Nowack'a, l. c. I, p. 272.

[35] Это уже выше упомянутое (см. с. 284) место, известное из истории Самсона под именем «Ослиная челюсть».

[36] Ср. выше, с. 373.

[37] Ср.: II кн. Цар. XXI—XXIII, 39 и I Парал. XI, 11—46.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[38] Относительно этого упущения, которое Иосиф Флавий, по-видимому, готов считать причиной гнева Божия, Св. Писание в соответствующих местах (II кн. Цар. XXIV, 1 и I, Парал. 1) ничего не упоминает.

[39] Ср. выше, кн. VII, 3, 3.

[40] Ср.: II, кн. Цар. XXIV, 1—25; I Парал. XXI, 1—30.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[41] Ср. ниже, кн. VIII, гл. 1, 2.

[42] Евр. גחון, Gichon, ключ, источник. По новейшим исследованиям, сущность которых вкратце изложена во II изд. Riehm'a, l. c. p. 529, это теперь так

называемый «Источник Пресв. Девы Марии» на восточном склоне храмовой горы в Иерусалиме. Ср.: Schenkel, Bibellex. II, p. 463.

[43] Все народы древности знают о таком праве убежища, которое даровалось прикосновением к алтарю божества. У евреев об этом впервые упоминается в кн. Исх. XXI, 14, причем единственным лишающим этого права преступлением определено умышленное убийство. Ср.: Nowack, l. c. I, p. 331.

[44] Ср.: Еванг. от Луки, I, 8 и сл.

[45] Статир, упоминаемый также в Еванг. от Матф. XVII, 27, первоначально был введен Александром Македонским и соответствовал сперва двум, потом четырем аттическим драхмам, т. е. равнялся 60 коп. или 1 р. 20 к. на наши деньги. Ср.: Riehm, l. c, I, p. 329 и Nowack, l. c. I, p. 212 sq.

[46] В основу рассказанного в этой главе легли данные I Парал. XX, 1—19; III кн. Цар. I, 1—53; I Парал. XXIII, 2—XXIV, 31; XXVII—XXIX, 24.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[47] Талмудисты (тр. Саббат, л. 56a) доходят в своем прославлении Давида до того, что считают всю его жизнь совершенно безупречной и даже безгрешной. Ввиду этого и подробности о смерти царя, рассказанные там же, л. 30b, отличаются сверхъестественностью. Ср.: Bergel. l. c. I, p. 104.

[48] Ср.: «Иуд. войну». I, 2, 5, а также ниже, кн. X, III, 1—10.

[49] В основу рассказанного в этой главе легли данные III кн. Цар. II, 1—11 и I Парал. XXIX, 26—28.

Книга восьмая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Ср. выше, с. 426.

[2] Ср.: III кн. Цар. II, 12—46 и II Паралип. I, 1.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[3] Относительно личности этого фараона, имени которого Библия не упоминает, существует еврейская традиция (у Евполема), в силу которой это был фараон Уафр (Гофра). Но гораздо более вероятным представляется предположение, что тут имеется в виду Псусенн II, последний царь XXI (танитской) династии. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1354, и Hamburger, Realencyl. II, p. 889.

[4] Это должно быть понимаемо не только буквально, но и в переносном смысле: брак Соломона с египетской царевной вернул ему отпавшее было от него небольшое хананейское, расположенное по соседству с Египтом царство Gazer.

[5] По всем данным (ср.: Riehm, l. c. II, p. 1352), Соломон не был тогда уже так молод, каким его пытается выставить Иосиф Флавий.

[6] Тут у Флавия вкралась неточность: массоретский текст и перевод LXX толковников упоминают здесь Гаваон, а не Хеврон. Под жертвенником из

меди следует разуметь находившуюся тогда в Гаваоне Скинию, тогда как ковчег Завета уже помещался в Иерусалиме. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 527.

[7] Иосиф Флавий здесь совершенно верно и точно передает событие по массоретскому тексту (III кн. Цар. III, 17—18), тогда как перевод LXX толковников представляет существенное изменение.

[8] По новейшим исследованиям (ср.: Thenius, Theolog. Studien u. Kritiken, объясн. I, Reg. V, 25), כר слово (Кор) здесь, вероятно, употреблено ошибочно, потому что *кор* обыкновенно служил мерой жидких, а не сыпучих тел. Для последней цели употреблялся *омер*. Если Флавий (ниже, XV, 9, 2) говорит, что кору соответствовало 10 аттических медимнов, то и это ошибочно. Ср.: Nowack, l. c. I, p. 203 sq.

[9] Этим нарушалось повеление, данное во Второзаконии, XVII, 16, 17. — Как к этому относились раввинисты и какие предания оставили они об этом, см. Grünbaum, l. c. p. 208—209.

[10] Библейский текст и здесь не совпадает с данными Флавия.

[11] В библейской книге «Притч», приписываемых Соломону, до нас дошли лишь скудные обломки этого рода произведений. Кроме этой дидактической поэзии, царь был любителем также и лирики, на что указывает то обстоятельство, что новейшими экзегетами Соломон выставляется автором II псалма. Что же касается псалмов 72 и 127, на основании которых автором III кн. Царств и установляется, что Соломон оставил после себя тысячу пять гимнов, то современная библейская критика, основываясь на соображении, высказанном еще древнейшим греческим переводчиком означенного 2-го псалма, что выражение Li-Schelomo должно указывать не на авторство царя Соломона, но на посвящение ему данного гимна, вполне убедительно признала, что это число определено в достаточной мере произвольно. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1357, и Hamburger, Realencycl. I, p. 959—960.

[12] Что чистейший монотеизм, каким он должен быть по учению Моисея, не мог допускать и мысли о существовании духов, это ясно само собою. Лишь после вавилонского плена, когда евреи пришли в теснейшее соприкосновение с парсизмом, в представлении народном глубоко внедряются учения о демонах и их могуществе, хотя и без того специфически парсийского характера, в силу которого духи и демоны (так наз. девы в учении парсов) являются самостоятельными, рядом с благим божеством (Ормуздом) существующими созданиями. Напротив, по духу иудаизма, такая самостоятельная деятельность демонов являлась совершенно неуместной и невозможной. Будучи падшими ангелами или потомками ангелов, демоны находились вполне под властью Господа Бога и были ему подчинены безусловно. Так думало большинство народа, и потому многим пророкам приходилось сильно бороться с распространявшимся если не лжеучением, то суеверием. Книги Нового Завета также представляют немало материала для характеристики распространенности среди населения Палестины таких верований. Неудивительно поэтому, что Иосиф Флавий отдает здесь некоторую дань духу своего времени, включая рассказ, эпизодически иллюстрирующий его повествование, хотя, конечно, и не находящийся в Библии. Нечто подобное делает он и в «Иуд. войне»: I, 32, 2; II, 6, 3 и VII, 6, 3. — Об арабских комментаторах см.: Grünbaum, l. c. p. 201 sq.

[13] Это библейский царь Хирам или Хурам (финик. Хирам или, что ве-

роятно, Ахиром, т. е. брат, друг величия, подразум. Ваала). По известиям Иосифа Флавия (здесь и в «Против Апиона», I, 17, 18), составляющим почти единственный остаток, уцелевший из некогда очень богатой исторической литературы финикиян и потому представляющим особую историческую ценность, он был сыном царя Абибала, царствовал тридцать четыре года и оставил престол наследнику своему Валеазару после своей смерти, постигшей Хирама на пятьдесят третьем году его жизни. — Хотя данные Библии вполне совпадают с тем, что нам известно о Хираме из Дия и Менандра по указаниям Флавия, однако в них заключается хронологическое недоразумение, которое не может быть разрешено вполне и окончательно. Дело в том, что по III кн. Цар. IX, 10 и сл. (ср.: VI, 1) оказывается, что Хирам был еще жив во время 24-го года правления Соломона, из чего вытекает, что если Хирам действительно правил лишь 34 года, он мог быть правителем единовременно с Давидом лишь в продолжение десяти лет. Сообразно с этим Флавий на самом деле утверждает (см. ниже, кн. VIII, главу III, 1, а также «Против Апиона», I, 18), что «иерусалимский храм был сооружен в двенадцатом году царствования Хирама», из чего вытекает, что современником Давида Хирам мог быть лишь в продолжение первых 8 лет своего правления. Но в таком случае пришлось бы признать, что Давид также соорудил свой дворец лишь в течение восьми последних лет своего царствования. Но почему же, в таком случае, об этой постройке упоминается уже в V главе II кн. Цар.? Вероятно, потому, что редактор следует там порядку не столько хронологического, сколько предметного изложения. Хотя последнее решение, принятое вообще целым рядом комментаторов, и может показаться на первый взгляд удовлетворительным и вполне разрешающим всякие недоразумения, однако на деле оно ведет к еще более значительному затруднению, а именно — противоречит библейскому сообщению II кн. Цар. XI, 2 и VII, 2, 12, в силу которого дворец Давида был окончен постройкой еще до брака этого царя с Вирсавою. — Существует еще другая попытка примирить все эти разногласия. Она сводится к предположению, что дружественный Давиду Хирам не идентичен с Хирамом, сотрудником Соломона, являясь либо дедом второго Хирама, либо отцом Хирама — Абибалом. Но с этим не вяжутся данные в III кн. Цар. V, 1, 2 и II Цар. II, 3. Поэтому остается предположить: 1) что, благодаря какой-нибудь неточности или ошибке в тексте, Абибал, дружественный Давиду и помогавший ему при сооружении дворца, смешивается с также дружественным Давиду сыном своим Хирамом (в таком только случае хронологические данные Флавия Иосифа могут внушить нам некоторое доверие), или 2) что Менандр, на основании показаний которого и Флавий делал свои хронологические выкладки, определил время правления Хирама слишком непродолжительным. Ср.: Riehm, l. c. I, p. 632—633.

[14] Как известно из «Против Апиона» (I, 17, 18), в официальных финикийских летописях, которые, к сожалению, не дошли до нас, писатели Менандр и Дий, относительно которых тоже ничего более не известно, кроме того, что говорит о них Флавий, черпали материал для своих повествований. С этими Дием и Менандром нам придется ниже еще трижды встретиться. Ср.: кн. VIII, гл. V, 3; гл. XIII, 2 и кн. IX, 14, 2.

[15] В основу рассказанного в этой главе легли данные III кн. Цар. I — V, 18 и II кн. Паралип. II, 3—10.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[16] Относительно этих хронологических данных ср. также «Иуд. древн.», X, 8, 5, из чего видно, что храм Соломона существовал с момента закладки до разрушения его полководцем Навуходоносора 470 лет, 6 месяцев и 10 дней, хотя историки определяют этот период существования храма в 418 или даже 398 лет. Ср.: Riehm, II, p. 1660. — Относительно установления даты 592 г. (после исхода евреев из Египта) можно сказать, что этот срок (по I Reg. VI, 1, 37 и II Chron. III, 2) определяется также в 480 лет. Во всяком случае, точное определение хронологии здесь пока совершенно невозможно. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1650—1651 и 1310, а также «Иуд. древн.», XX, 10, и «Против Апиона», II, 2. Объяснение этих числовых данных находим у Keil'я, Commentar zu Josua u. Richter, p. 209 ann. 2.

[17] То описание Соломонова храма, которое даст нам Флавий, во всяком случае, уже по двум причинам не может претендовать на особенную точность: 1) потому, что много деталей заимствовано тут нашим автором от храма царя Ирода и 2) самый текст III кн. Цар. VI, 2—18, лежащий в основании описания Иосифа Флавия, по данным библейской критики, является в теперешнем своем виде значительно переработанным и интерполированным, причем доказано, что на его нынешнюю редакцию не осталась без влияния книга Иезекииля, воочию видевшего Соломонов храм и даже служившего в нем в качестве священника.

[18] По данным Св. Писания (III кн. Цар. 6), все сооружение, т. е. считая оба этажа главного здания, имело в вышину лишь шестьдесят локтей, по 30 на каждый этаж. С этим согласны и все археологи, так что, сообразно с таким расчетом, Nowack, l. c. II, p. 28 и 35, отвергает эти исчисления Флавия, равно как и сокращает наполовину вышину пристроек. Ср. также: Riehm, l. c. II, p. 1651 и 1654.

[19] Во всяком случае, эти пристройки тянулись лишь с трех сторон храма, не захватывая фасада с восточной стороны. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 35.

[20] Это число Флавия безусловно ошибочно. Зданий было 3, которые находились в тесной связи между собой. Все они имели по три этажа, а в каждом из них помещалось по 30 комнат, предназначавшихся для ризниц, сокровищниц или кладовых (Riehm, p. 1655), причем эти комнаты распределялись следующим образом: по боковым стенам главного здания их было с каждой стороны и в каждом этаже по 12 (12+12=24), а с западной, задней стороны — по 6. Таким образом получается для каждого этажа число 30, не точно, впрочем, на основании Иезек. XLI, 6, установленное, потому что указанный текст допускает возможность признания и тридцати трех комнат. О незначительной величине этих комнат и о том, что это вполне могло соответствовать действительности, ср. также: Riehm, l. c. II, p. 1656.

[21] Ввиду незначительности объемов этих отдельных горниц и кладовых, двери, вероятно, представляли из себя небольшие, не затворявшиеся отверстия. Общий вход в эту пристройку находился, по Riehm'у, l. c. II, p. 1656, с южной стороны (ср. там же план), тогда как у Иезекиила (XLI, 11) для симметрии прибавлен еще один такой же вход с северной стороны здания.

[22] Относительно неточности этого сообщения Флавия ср.: Nowack'а, l. c. II, p. 35, и Riehm'а, II, p. 1655, где помещен и рисунок всего здания храма с его пристройкой в боковом разрезе. Отсюда наглядно видно, что отдель-

ные горницы пристройки, хотя и были одинаковой вышины, значительно разнились друг от друга своей шириной, расширяясь по мере приближения к крыше здания.

[23] Здесь, очевидно, имеется в виду крыша-потолок, проходившая по всему зданию посередине его вышины и отделявшая нижний этаж от верхнего. Что Флавий тут имеет в виду действительно этот потолок, а не главную крышу всего здания, это вытекает из последующего, где сооружению главной крыши отводится особенное описание. — Что последняя, вопреки мнению Hirt'a (Tempel Salomos) и Schnaase (в прибавлении к его Geschichte der bildenden Künste, I), принимающих остроконечную крышу, была плоска и, вероятно, выложена каменными, быть может, даже мраморными плитами, об этом ср.: Nowack'a, l. c. II, p. 29—30.

[24] Эти стропила были безусловно необходимы, иначе балки из кедрового дерева легко могли бы погнуться и не вынести всей тяжести сооружения. III кн. Цар. VI, впрочем, не упоминает об этих технических приспособлениях.

[25] Nowack, l. c. p. 29, на основании изысканий Stade отвергает правильность этого сообщения, которому противоречит также описание храма у Иезекииля. Критика текста III кн. Цар. VI, 21—30, особенно при сличении с переводом LXX толковников, вполне устанавляет здесь ошибочность утверждений Флавия, который, как было уже упомянуто, руководствовался при описании храма Соломона личными впечатлениями своими, вынесенными из созерцания храма Ирода.

[26] Это единственная лестница, упоминаемая в описании всего здания. — Маленькие двери должны быть понимаемы в смысле тех небольших незамыкавшихся отверстий, которыми сообщались отдельные комнаты боковых пристроек. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 35, 36. Thenius готов предположить, что из внутренней части главного здания вели двери в боковые пристройки, но с этим несогласен Riehm, l. c. II, p. 1656, помещающий, также несогласно с текстом Флавия, эту лестницу вблизи бокового входа, следовательно, с южной стороны храма; ср. рисунки там же, с. 1652 и 1657.

[27] О том, что эти числовые данные совершенно правильны, несмотря на желание некоторых экзегетов видоизменить их подробной критикой текста, см. Nowack'a, l. c. II, p. 29, ann. 2.

[28] Стена, отделявшая Святая Святых собственно от храма, была деревянная и доходила до самого потолка. Ср., впрочем, мнения Schnaase, Ewald'a и Boettger'a у Nowack'a, ibidem, ann. 1. Дверь, быть может, имела форму пятиугольника (ср.: Nowack, ibidem, p. 30, ann. 1, и Riehm, l. c. II, p. 1653).

[29] Nowack, l. c. II, p. 31, оспаривает возможность существования такой завесы, объясняя появление ее в II Chr. III, 14 влиянием описания Скинии в кн. Исх. XXVI. 31. В указанном месте кн. Цар., во всяком случае, об этом нет и помину. Относительно технических приспособлений ср.: Riehm, l. c. II, p. 1653, и Nowack, ibidem, ann. 7, где приведены и соответствующие, опровергающие описание Флавия, данные.

[30] Ср.: Nowack, l. c. II, p. 38—39 ann. 3.

[31] Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1653.

[32] Эти двери, вероятно, были правильной четырехугольной формы и притом значительно шире, чем вход в Святая Святых. По крайней мере об

этом можно судить по описанию Иезекиила (XLI, 2—3), который определяет ширину внутреннего входа в шесть, а среднего в десять локтей. Ср.: Nowack, ibidem, p. 31, где находится также детальное описание устройства этих дверей.

[33] Выше мы уже неоднократно указывали на то, как осторожно следует относиться к подобным заявлениям Флавия.

[34] В III кн. Цар. VII, 13 и сл. имя этого сирийского художника передается через Хирам, тогда как во II кн. Паралип. II, 13—14 он назван Хирам-Авиею (что соответствует сирийскому Hûrâm âbi), и матерью его выставляется данитянка. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 32, ann. 2, где приведены соображения, почему было желательно выставить этого сирийского художника евреем и каким образом это было достигнуто.

[35] У Nowack'a, l. c. II, p. 32, находится изображение такого столба, причем указывается на то, что эти колонны были внутри полы. Значительное затруднение представляет решение вопроса, где и как были помещены эти колонны и как объясняются названия их יכין и בעז. Nowack допускает, и не без основания, что обе колонны представляли части портала, тогда как Riehm, Schnaase, Kugler и др. склоняются в пользу предположения, что они стояли самостоятельно рядом с порталом. Характер этих столбов в достаточной мере выясняется аналогическими явлениями в области сирийской и финикийской архитектуры. Nowack видит в них наподобие столбов, воздвигавшихся вблизи алтарей, символические столбы в честь Иеговы, подобно упоминаемым Геродотом, II, 44, при храме бога Мелькарта в городе Тире. Что касается названий יכין и בעז, то различные на этот счет мнения собраны и сопоставлены у того же Nowack'a, l. c. II, p. 34.

[36] Это число, заимствованное из II Паралип. IV, 4, является результатом ошибочности текста и должно быть низведено до 2000. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 42, 43, где находится также изображение этого сосуда и поясняется его чисто символическое значение, вероятно, т. н. תהום.

[37] По данным II Парал. IV, 6, эти сосуды предназначались главным образом для того, чтобы омывать в них части мяса жертвенных животных, с чем согласен, как видно из последующего, также и Флавий.

[38] Устройство этих подставок описано в III кн. Цар. VII, 27—36, но настолько неясно и запутанно, причем еврейский текст данного места настолько испорчен, что библейская археология до сих пор еще окончательно не выяснила характера этих сооружений. К сожалению, текст Флавия также не представляет данных, способных пролить свет на этот запутанный вопрос. Riehm, l. c. I, p. 581, дает обстоятельное описание (с соответствующими рисунками) означенной подставки на колесах. Но соображения, руководившие Nowack'ом при составлении, на основании исследований знаменитого экзегета Stade, своего собственного описания такой передвижной подставки (ср.: l. c. II, p. 44—46, где помещено и соответствующее изображение), являются настолько вескими, причем текст Флавия отнюдь не препятствует принять описание именно Nowack'a, что мы склоняемся в пользу гипотезы Nowack'a, за подробностями которой и отсылаем читателей к указанному сочинению.

[39] Почему Kaulen говорит тут об изображениях фениксов, совершенно непопятно. Скорее здесь можно принять фестоны из пальмовых листьев, о которых упоминает также библейский текст (III кн. Цар. VII, 36). Вместо

орлов, на основании того же библейского текста, будет удобнее всего принять изображения херувимов, хотя и не в таком сочетании, как того желает Riehm (l. c. I, 581).

[40] По исчислению Riehm'a это количество соответствует приблизительно 804 литрам.

[41] בזכונות, т. е. подвижные (на колесах) сосуды для воды. — Об этих мехонот Nowack, l. c. II, p. 46, пишет: «Подобно тому как *медное море* являлось символическим изображением Tehom'a (תהום), так эти десять подвижных подставок с сосудами являются, быть может, символами облаков, т. е. как то, так и эти имели назначение напомнить человеку о Господе Боге, как источнике всякого плодородия». Эту гипотезу впервые высказал Kosters в журнале Theologisch Tijdschrift, 1879, p. 455 et sq.

[42] «Медное море» помещалось на площадке перед входом в храм, вблизи большого жертвенника, несколько отодвинутое к югу, т. е. влево от входа в храм.

[43] Описания этого жертвенника не имеется в III кн. Цар.; единственным указанием на этот счет могут служить данные II Паралип. IV, и Ezech. XLIII, 13 и сл. — О финикийском влиянии, сказавшемся при сооружении этого *медного* алтаря, ср.: Nowack, l. c. p. 41, ann. l.

[44] Кроме, конечно, большого алтаря для жертвоприношений, находившегося во внутреннем дворе перед входом в здание храма.

[45] Ср.: III кн. Цар. VI, 1 — VII, 51 и II кн. Паралип. III, 1—14; IV, 1—22.

[46] В Св. Писании нет числовых данных этого отрывка. Вероятно, здесь в распоряжении Флавия были какие-нибудь утерявшиеся инвентарные списки храма царя Ирода.

[47] Электрон, по сообщению Плиния (Hist. natur, XXXIII, 4—23), представлял смесь металла приблизительно из четырех частей золота и одной части серебра.

[48] Это библейские נבל и כנור, музыка которых имела главным образом веселый характер. Первый из этих инструментов напоминал маленькую лиру, второй скорее мандолину. О подробностях ср.: Nowack, l. c. I, p. 273—276.

[49] Это выражение очень неясно, хотя все рукописи имеют в данном месте слово γεί διον. Между тем такого слова в еврейском языке нет. Быть может, это испорченное еврейское gasith (גית), употребляющееся в соединении со словом שורים и означающее обтесанные камни, составлявшие, по библейским данным III кн. Цар. VI, 36 и VII, 12, вместе с рядом кедровых бревен указанную в тексте ограду внутреннего двора. Греческое же слово γείδιον, являющееся уменьшительным от слова γεῖσσον, означает небольшой навес из отесанных камней.

[50] Сообщение Флавия об этих дворах храма отличается значительной скудостью. Если сопоставить их с данными библейскими, то можно прийти к следующему заключению: здание храма было окружено двором, носящим название החצר הפנימית, куда имели доступ даже лица, не принадлежавшие к священнослужительскому сословию, как то было обычно во времена Иезекиила (ср.: II Chr. IV, 9, где этот двор потому и назван חצר הכהנים). Этот внутренний двор лежал несколько выше второго, внешнего, от которого отделялся не особенно высокой оградой из трех рядов отесанных камней с настилкой из кедровых планок. Кроме этого верхнего (т. е. внут-

реннего) и внешнего двора, окруженного портиками и стеной, существовал еще большой двор, распадавшийся на две части, собственно большой двор храма (החצר רבולה) и так наз. другой двор (החצר האחרת), примыкавший непосредственно к самому дворцу Соломона. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 36.

[51] Что это не совсем так, это мы видели в предшествующем примечании. О значении этих нивелировок ср.: Riehm, l. c. I, p. 697 и Ios. Flav. b. jud. XV, 11, 1.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[52] Т. е. нынешний еврейский месяц Тишри.

[53] Ср.: W. Nowack, l. c. II, p. 26—27: «Его (Соломонова) храма первоначальной целью, очевидно, не было служить центральным святилищем — мнение, представителем которого является, между прочим, Riehm, l. c. II, p. 1649, и тем самым способствовать вытеснению других святилищ страны, тем более что в течение трех с лишним столетий после Соломона происходят жертвоприношения также и в других местностях без того, чтобы нам были известны более ранние попытки уничтожить этот обычай, но назначением этого храма было служить достойным царя и его могущества, а поэтому особенно богато украшенным капищем. Стремление сравняться с прочими властителями побудило Соломона приступить к построению дворца и храма...»

[54] Эта тирада очень напоминает учение Филона о «логосе». Ср.: Hamburger, Real-Encyclop. II, p. 989—999.

[55] Ср. о гуманности «Против Апиона», II, 27—29.

[56] Midr. Wajikra R. к Levit. X, 10 sq. и Bamidbar R. к Num. VI, 1 sq. сообщают интересное предание о причине греховности Соломона и о всех бедствиях, постигших евреев как последствие этой греховности. Причиной отвращения Предвечного от Соломона был, как известно, культ иноземных божеств, занесенный в Иерусалим женами и наложницами царя. Легенда знает о том, что в ночь, последовавшую за окончанием празднеств по случаю освящения вновь выстроенного храма, Соломон отпраздновал свадьбу свою с дочерью египетского фараона. Благодаря распущенному веселью, царившему за брачным пиром, Соломон проспал время принесения обычной утренней жертвы и вдобавок лишил народ возможности принести ее, потому что ключи от храма лежали у него под подушками брачного ложа. Итак, по глубокомысленному преданию, момент освящения храма был вместе с тем моментом отступничества Соломона. Ср.: M. Grünbaum, l. c. p. 207.

События, рассказанные в этой главе, примыкают к тексту III кн. Цар. VIII, 1—66 и II кн. Паралип. V, 1—14; VI, 1—42; VII, 8—22.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[57] Собственно: «потолок был украшен коринфскими узорами», причем под этими узорами следует понимать коринфского стиля капители колонн. Конечно, о строго коринфском стиле тут не может быть речи, а нужно предполагать орнаменты из ветвей и листьев на капителях, подобно тому как таковые упомянуты несколько ниже на наружных колоннах.

[58] Подробное описание и точное, на основании новейших ис-

следований, определение местонахождения дворца Соломона находим у G. Ebe: Abriss der Kunstgeschichte des Alterthums, p. 314—315, и у Nowack'a, l. c. I, p. 255 sq., где помещены также соответствующие планы.

[59] «В гробнице Рамзеса III (в Фивах) один из изображенных там тронов представляет почти прототип трона Соломонова, а двенадцать львов на его ступенях также напоминают египетские аллеи сфинксов», — пишет Ebe в указ. соч., с. 315. По талмудическому преданию (ср.: Bergel, l. c. I, p. 107), указанные львы были подвижные и обладали возможностью поднимать царя со ступени на ступень, когда он хотел взойти на трон. Равным образом самое седалище было снабжено механическими фигурами других животных: так, напр., орел возлагал на главу воссевшего на трон царя венец, а голубь подавал ему свитки Торы. Ср. также: Sachs, Beiträge, I. 71 sq. и Grünbaum, l. c. p. 210, где упоминается нечто подобное, встречающееся у комментатора Корана, Замахшари, который рассказывает, что над троном парило двое орлов, осенявших царя своими могучими, распростертыми над ним крыльями.

[60] Это объяснение этимологии имени совершенно не выдерживает критики. Во всяком случае, здесь имеется в виду местность, известная в Св. Писании под именем כבול, каковое название учеными (напр., Dietrich) сопоставляется с корнем כבל, имеющим значение «связывать, закладывать». Возможно, что в основе лежит также כבל — «сухое песчаное место». Перевод LXX толковников передает это Chabalon, на которое Иосиф ссылается также в «Иуд. войне», III, 3, 1—2 и в «Против Апиона», 1, 17, через Ὅριον= строго определенное, ограниченное место. Подробности этимологического толкования этого имени у Иеронима, в Талмуде, у Раши, Кимхи и новых комментаторов см. у Boettger'a, l. c. p. 83—84.

[61] В «Против Апиона», I, 18, этот Менандр назван Ефесским, тогда как по другому источнику он происходил из Пергама. О нем не имеется более подробных данных. Цитируется Флавием еще в «Иуд. древн.», VIII, 13, 2 и IX, 14, 2. Ниже упоминаемое имя Еврихор означает «обширное поле». Это было название восточной части острова, где был построен величественный новый Тир.

[62] Имя Геракла стоит здесь, конечно, вместо финикийского Мелькарта, с которым его часто смешивали греки. Астарта — богиня любви, является главным женским божеством.

[63] Этот месяц соответствовал концу февраля и началу марта.

[64] Жители финикийской колонии «Итаки», основанной в 1100 г. до Р. Х. Чтение этого имени как здесь, так и в «Против Апиона», I, 18, точно не установлено. Ср. прим. 88 «Против Апиона», с. 1357.

[65] Это же место, выписанное Флавием из утерявшегося сочинения Менандра, помещено им в большем объеме также и в «Против Апиона», I, 18, равно как и цитата из Дия.

[66] О личности этого писателя, кроме сказанного здесь и в «Против Апиона», I, 17, ничего более не известно.

[67] Это главное финикийское божество, Baalschamaim — «владыка небес». Иосиф называет его Зевсом для того, чтобы показать греческим читателям, что Хирам воздвиг храм в честь главнейшего бога тирян.

[68] События этой главы рассказаны в III кн. Цар. VII, 1—12; IX, 10—14 и II кн. Парал. VIII, 1.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[69] Ср.: III кн. Цар. IX, 15—18.

[70] Это почти верно, если принять во внимание, что египетское per-aa (собст. «великий дом») транскрибируется у евреев и греков в Pharao. Ср. турецкое «Блистательная Порта».

[71] В других изданиях назван Дионисий Галикарнасский, живший от 30 г. до Р. Х. по 8 г. по Р. Х. в Риме и написавший «Римские древности» (на греч. яз.) в 20 книгах. Но это явная ошибка, особенно если принять во внимание сказанное ниже, прямо опирающееся на Herod. II, 100.

[72] Эту ошибку, т. е. приведение в связь этой царицы с Эфиопией, вслед за Иосифом повторили также некоторые христиане из Абиссинии. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1410. Ср., впрочем, ниже.

[73] Это не совсем верно: над народом, по указаниям той же Библии (1 Reg. V, 16 (30); IX, 23), тяготело страшное иго общественных и других работ для царя. Упомянутые здесь 550 надзирателей имели еще помощников, так что общее число надсмотрщиков составляло 3600, при 180 000 рабочих, которые употреблялись на различные сооружения. Насколько народ чувствовал всю тяжесть этого режима, свидетельствует факт первого мятежа под предводительством Иеровоама еще при жизни царя Соломона. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1358—1359.

[74] Элана — идумейский порт в восточном углу аравийского залива (так наз. Aelaniticus) в Каменистой Аравии, в расстоянии 150 миль к юго-востоку от Газы (Plin. Hist. nat. V, 11, 12). По 2 кн. Сам. (VIII, 14), город этот был завоеван Давидом, а впоследствии, при Соломоне, стал местом отправления еврейского торгового флота в страну Офир. Теперь его имя Aila. Ср.: Boettger, l. c. p. 14—15.

[75] В такой транскрипции передается это имя не только Флавием, но и LXX толковниками, тогда как у Евсевия, Иеронима и в кн. Св. Писания страна эта известна под именем Офира (אופיר). Местоположение ее далеко еще не установлено и относилось как к Индии, так и к Малакке, искалось на Малабарском берегу, а также в Западной, Восточной и Южной Африке. Вопрос этот издавна занимает ученых и породил целую литературу, главнейшие представители которой помещены s. v. אופיר в X изд. еврейского словаря B. Гезениуса. Ср. также: Riehm, l. c, II, p. 1137—1142, Schenkel, Bibellexikon IV, 366 sq., Sprenger, Alte Geographie Arabiens, p. 57 sq. Boettger, l. c. p. 236.

[76] Знаменитое свидание царицы Савской с Соломоном описано здесь у Флавия довольно сухо и гораздо сжатее, чем даже в книгах Св. Писания. Между тем тема эта уже довольно рано послужила источником для возникновения и развития целого ряда интересных преданий не только среди еврейского простонародья, но и впоследствии у мусульманских писателей, с большой подробностью рассказывающих об этой поездке и связывающих с ней момент просветительной деятельности царя Соломона. Подробности собраны и талантливо сгруппированы у Grünbaum'a, Neue Beiträge, p. 211—221. Интересно, впрочем, и то обстоятельство, что ни Мидраш, ни Талмуд не уделяют ни малейшего внимания знаменитому свиданию Соломона с Билькис (так названа царица Савская в сочинениях мусульманских писателей). Следует заметить, что Иосиф Флавий допускает большую не-

точность, повторенную с его легкой руки впоследствии также и христианскими абиссинскими писателями, а именно — делает царицу Билькис эфиопской правительницей. Эта ошибка является результатом смешения двух одинаково писавшихся географических названий. Ср.: Riehm, l. c. p. 1410.

[77] Если сравнить с этим указания у Исаии XXII, 8, XXXIX, 2, 1 кн. Цар. X, 10 и Неем., III, 19, то можно прийти к выводу, что этот дворец из ливанского кедра был не чем иным, как оружейной палатой, где были выставлены драгоценное оружие и парадная утварь царя. Ср.: Riehm, l. c. p. 699.

[78] Это замечание Иосифа, приводящего Amyris Opobalsamum в связь с царицей Савской, т. е. с Аравией, вполне верно: действительно, родиной названного растения, очень ценившегося римлянами, полагавшими, что оно имеется только в Палестине (и специально вблизи Иерихона), является Аравия, хотя, конечно, указание Иосифа на царицу Савскую, якобы впервые пересадившую Opobalsamum в Палестину, не точно. О подробностях см.: Riehm, l. c. p. 180—182.

[79] Ср.: III кн. Цар. IX, 15—18; XV, 33—34; II Паралип. XVI, 1—6; III кн. Цар. XV, 18 — XVI, 28; XV, 24.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[80] В II Chron. IX, 16, находим тут значительное разногласие, так как указанный текст говорит, что вес каждого из щитов был 700 сиклов. Nowack, однако, l. c. I, p. 209, предполагает здесь ошибку в тексте (именно вместо מאות следует читать מנה). Талант делился, как известно, на 60 мин, каждая мина на 60 сиклов.

[81] Ср. выше, глава VI, 5, прим.

[82] Тут имеется в виду залив Средиземного моря, на берегу которого вблизи устья реки Кидна стоял знаменитый в древности город Тарс, родина апостола Павла. Подробности см. у Riehm'a, l. c. II, p. 1639.

[83] Это, очевидно, чернокожие рабы, торговля которыми, как видно, уже в глубокой древности представляла обычное явление.

[84] Об этой мере длины мы говорили уже выше, с. 1287, прим. 12.

[85] Здесь, невдалеке от Вифлеема, находились знаменитые по Песн. Песн. VI, 11 и Екклез. II, 5, сады Соломона. Ср.: Boettger, l. c. p. 116—117.

[86] Ср. названия Beth-Marcaboth и Hazar-Susin в области колена Симеонова. По всему вероятию, здесь имеются в виду почтовые станции, где во время переездов и особенно на случай войны царь мог без задержки пользоваться готовыми экипажами. Ср., впрочем, Riehm, l. c. I, p. 221.

[87] По данным Cant. Cant. VI, 7, в гареме Соломона числилось всего сто сорок наложниц, тогда как I Reg. XI, 3 говорит о целой тысяче женщин. Dr. P. Kleinert у Riehm'a, l. c. II, p. 1359 совершенно основательно оспаривает точку зрения Иосифа, видящего в Соломоне лишь старого сластолюбца, и объясняет чисто восточную роскошь двора Соломона политическими расчетами последнего. Одним из наиболее веских аргументов в пользу такого предположения является то обстоятельство, что культы иностранных наложниц Соломона были повсеместно распространены среди подданных царя, тогда как законная жена Соломона, египетская царевна, не имела, подобно другим женам, своего святилища вблизи Иерусалима, на горе Масхит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[88] Тут, как мы видели выше, имело место видение Господа Иакову; город этот находился невдалеке от Иордана, к северо-востоку от Суккота. Ср., впрочем, Schenkel, Bibellexikon, IV, p. 587.

[89] В основу рассказанного в этой главе легли данные из III Reg. XII, 1 — XIII, 9 и II. Paral. X, 1 — XI, 4.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[90] Смысл этого несколько темного места таков: Господь Бог решил погубить Иеровоама. Поэтому Он дал ему поверить заведомо лживым предсказаниям старика и пожертвовал пророком Иадоном.

[91] Это, однако, находится в полном противоречии со сказанным в III кн. Цар. XIII, 26, где читаем: «Пророк, воротивший его с дороги, услышав это, сказал: это тот человек Божий, который не повиновался устам Господа; Господь предал его льву, который изломал его и умертвил его, по слову Господа, которое Он изрек ему».

[92] Ср.: III. кн. Цар. XIII, 10—34.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[93] Это совершенно неверно. Herod. II, 102 sq. действительно приводит Сезостриса, но он не идентичен с указанным здесь Сусаком. Имя Сезостриса дастся отцом истории тому славному фараону XVIII фиванской династии, которого Тацит (ann. II, 60) и надписи знают под именем Рамзеса I или Рамессу. Правда, Геродот нередко смешивает с ним его внука, Рамзеса II, угнетателя евреев. — Сусак же (Сисак в Библии) был основателем XXII так наз. бубастидской династии и известен по египетским надписям под именем Шешенка I, сына Немврода. В 949 г. этот фараон, по наущению Иеровоама, пошел войной на Ровоама, осадил и взял Иерусалим и вернулся с богатой добычей в Фивы. На южной стене карнакского храма перечислены все палестинские города, завоеванные египтянами во время этого похода. Ср. статью Ebers'a у Riehm'a, l. c. p. 57—59. V. Floigl, l. c. относит этот поход Шешенка I к 924 г.

[94] Ср.: Herod. II, 104, где рассказывается, что первоначально все египтяне, подобно прочим хамитам, соблюдали этот обычай. От последних переняли и евреи этот обычай, финикийцам, однако, не свойственный. Ср.: Ebers, Aegypten, I, p. 233, 278 и 284.

[95] Ср.: II кн. Парал. XI, 5—23; XII, 1—16 и III кн. Цар. XIV, 21—31.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[96] Это библейское צמרים, гора, находившаяся недалеко от Вифила, к востоку от него, в 2 часах пути к северу от Иерихона. Ср.: Boettger, l. c. p. 226.

[97] Ср. выше, с. 1283, прим. 50.

[98] Ср.: III кн. Цар. XIV, 1—17; II кн. Парал. XIII, 1—12 и III кн. Цар. XV, 25—30.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[99] Это библейское מראשה вблизи Елевфорополя. Теперь еще сохранились развалины, известные под именем Marâsch. Недалеко от города множество пещер с колумбариями. Ср.: Boettger, l. c. p. 175, и Robinson. Paläst. II, 613.

[100] Библейское רוצק (Thirzah, ср.: Jos. XII, 24), в расстоянии 2 часов пути к северу от Сихема. Теперь это огромная деревня Tallurah, с массой водоемов. Ср.: Boettger, l. c. p. 243.

[101] Это город Рама (ראמית), который уже выше, впрочем, под разными наименованиями (Ramatha, Arch. 5, 10, 2; 6, 3, 3; 6, 4, 6; Arimanum, Arch. 4, 7, 4), цитировал Иосиф Флавий.

[102] По-еврейски имя этого города гласит Schomeron (שמרון), по-арам. (Ездры., IV, 10, 17) Schamerajin, а по-ассирийски (по надписям Тиглат-парасира III, Саргона и Асурбанипала) Samirina (редко Samiurna), откуда явилось греко-латинское Samaria. Царь Омри (у Флавия Амарин) купил холм, на котором впоследствии возник город, у некоего Шемера; основание города относят обыкновенно к 922 г. до Р. Х. Став вскоре центром культа Ваала, Самария впоследствии неоднократно подвергалась нашествиям и разрушению, Ирод Великий восстановил его и дал ему новое название, переименовав в Sebaste (i. e. Augusta). Теперь на месте некогда цветущей столицы израильского царства находится маленькая деревушка Sebastiye с церковью Св. Иоанна Предтечи. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 1362 sq. и Boettger, l. c. p. 218—219.

[103] Ср.: III кн. Цар. XV, 8—15; 18—34; XVI, 1—28 и II кн. Парал. XIV, 1 — XVI, 6.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[104] Точных сведений о родине пророка Илии совершенно не имеется. Приведенное здесь замечание Флавия, что пророк происходил из местности Галаадской, т. е. лежащей к востоку от Иордана, принимается многими новейшими исследователями, в том числе и Boettger'ом (l. c. p. 245), тогда как Riehm, l. c. I, p. 379, Thenius в комментарии к I кн. Цар. XVII, 1 и Fritsche, Commentar ad Tob. I, 2 (p. 23) находят, что настоящей родиной пророка мог быть только город Фесбона, лежавший в Северной Палестине, в области колена Наффалимова, т. е. в Галилее. По позднейшему преданию, Илия является потомком целого ряда священнослужителей.

[105] Об этом писателе, которого Иосиф цитирует также в своем «Против Апиона», I, 18 см. выше, прим. 62 к VIII, 5, с. 1303.

[106] Гиперверетей — название месяца по македонскому календарю. По данным Менандра и Иосифа, засуха продолжалась всего только один год, тогда как Св. Писание содержит несколько указаний (III кн. Цар. XVIII, 1; Послан. Иакова, V, 17 и Евангг. от Луки, IV, 25) на то, что она длилась три или даже три с половиной года.

[107] В Библии (III кн. Цар. XVII, 22) вполне определенно сказано, что ребенок был действительно мертв.

[108] Существует предположение, основанное на позднейших раввинских преданиях (ср., между прочим, Bergel'я, l. c. I, p. 109), что этот ребенок был

сыном самого пророка и вдовицы. Предположение это, видимо, подтверждается и приведенным у Флавия выражением, в силу которого вдова заявляет, что пророк компрометирует ее своим пребыванием в ее доме. Но это впечатление только кажущееся и, легко объясняясь обстоятельством, что город Сарепта лежал в Финикии и был населен идолопоклонниками-финикийцами, которым могло быть неприятно присутствие у себя глашатая славы еврейского Бога, окончательно подтверждается заключительными словами данного отрывка.

[109] Из этого видно, что упомянутый Оведия был человеком богобоязненным, что прямо и сказано в тексте Св. Писания (III кн. Цар. XVIII, 3): «Авдий же был человек весьма богобоязненный».

[110] Греческий текст имеет здесь варианты, так что вместо «лежащего в области колена Иссахарова» следует, быть может, читать «города Изарова, Иесраила». Между прочим, Евсевий (в Onomat. sacr.) относит этот город к области колена Манассиева. К сожалению, в изданных B. Niese Epitoma Antiquit. Judaicar этот абзац совершенно пропущен. О подробностях см. Boettger, l. c. p. 152—153.

[111] В III кн. Цар. XIX, 5, читаем: «И лег, и заснул под можжевеловым кустом. И вот, *ангел* коснулся его и сказал: встань, ешь (и пей)». Kaulen полагает, что умолчание Флавием об ангеле объясняется тем, что Флавий не желал шокировать своих читателей-язычников. Мне же кажется, что самый текст подлинника, где выражение διεγείραντος δ' αὐτον τινος, может указывать и на то, что «кто-то (а не что-то) разбудил пророка», так как τινος может быть в одинаковой мере родительным падежом от τις и τι.

[112] Смысл этого распоряжения не вполне понятен. Ср.: Nowack, l. c. II, p. 270. Может быть, этот пост должен был служить символом искупления по поводу предрешенного относительно Навуфа вердикта суда.

[113] Поэтому он подвергался суду, а не мог быть казнен по единоличному распоряжению царицы.

[114] Ср.: III кн. Цар. XVII, 1—24, XIX, 1—29.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[115] Это библейский Венадад, т. е. בן חדד, сын Адада. Ниже сирийский царь неоднократно называется просто именем отца своего Адада.

[116] Ясное указание на древнейший семитский так наз. каменный культ (Steinkultus).

[117] Ср. выше, с. 291 (прим. 108), где город носит название Афекан. Вероятнее всего, что эта Афека не идентична с упомянутой в V кн. гл. XI, 1. По предположению Furrer'a, с которым согласен и Boettger, l. c. p. 29, данная Афека лежала к востоку от Сунема, на южном склоне малого Гермона. Равнина эта, заканчивающаяся Тивериадским озером, ныне носит название Wadi elfik Mühlau (Словарь Гезениуса, X изд. p. 68, однако, отрицает это).

[118] В III кн. Цар. XX, 35—38, откуда заимствован этот эпизод, имя пророка не упомянуто вовсе.

[119] В основу рассказанного легло содержание III кн. Цар. XX, 1—43.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[120] Это предопределение, которое тут названо χρεών, а в других местах различных сочинений Флавия встречается также под именами πρόνοια, τύχη, πεπρωμένη, ἀνάγχη и даже εἱμαρμένη, указывает на близость Флавия к миросозерцанию стоиков. Впрочем, наш автор не отрицает свободы человеческой воли, подобно тому как ее не отрицает и Хризипп. Ср. об этом ниже, кн. XVI, 11, 8 и Poznanski, Ueber die religionsph. Ansch. des Flav. Joseph, p. 10—14.

[121] Библейский рассказ об этом событии, имеющийся в двух вариантах (III кн. Цар. XXII, 6—28 и II Парал. XVIII, 5—27), не упоминает ни об указанном лжепророке, ни об его имени. Напротив, в библейских рассказах этот Седекия является чем-то вроде злого демона-искусителя, отправляющегося к Господу Богу и получающего, наподобие сатаны в книге Иова, разрешение действовать самостоятельно. Как у Иова, так и здесь этот демон, конечно, служит в руках Предвечного лишь орудием к тому, чтобы оправдать намерения Господни. Имя Седекии ему дано здесь, быть может, лишь в смысле евгемеристичсском. — Указание на бронзовые рога (σιδηρᾶ κέρατα в подлиннике) не вполне ясно, тем более что ни в Epitoma Флавия, ни в Библии нет никаких указаний на эту затею Седекии. Принимая, однако, во внимание прежнее богоотступничество Ахава, культ финикийского Ваала и богини Астарты (изображавшихся: первый с бычьей головой, вторая в образе коровы), мы склонны предположить, что начинание Седекии следует понимать символически: войску Ахава предшествовал, быть может, идол Ваала, а это тем более вероятно, что война предпринималась против сирийцев, у которых также процветал культ рогатого Ваала, и подтверждается дальнейшим поведением Ахава, рассчитывавшего путем грубого переодевания обмануть Предвечного.

[122] Это лишь вариант имени Арамафы.

[123] Ср.: II кн. Парал. XVII, 1—6; 17—19; XVIII, 1—34 и III кн. Цар. XXII, 1—38.

Книга девятая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] О судебной реформе царя Иосафата и о существующей гипотезе (Кюнена) о бифуркации судебной компетенции в духовных и светских делах, см.: Nowack, l. c. I, p. 322—323.

[2] Об этой местности говорилось уже выше, ср. с. 341. Вследствие обилия там пальм этот город носил также название חצצון תמר (ср.: кн. Быт. XIV, 7).

[3] Имеется в виду Понт Евксинский, т. е. Черное море, по берегам которого уже тогда имелось изрядное количество торговых пунктов.

[4] Ср.: II кн. Парал. XIX, 1—11 и XX, 1—37.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[5] Не следует забывать, что уже в древности, как и теперь, дома на востоке имеют плоские крыши, служащие по вечерам сборным местом всех домочадцев и местом общей молитвы.

[6] Это прозвище филистейского божества Beel-zebub, из которого греки впоследствии сделали Вельзевула (ср.: Еванг. от Марк. III, 22; Лук. XI, 15, 18 и сл.; Матф. X, 25; XII, 24, 27). Собственно Beel-zebub значит «божество мух» и представляет воплощение бога летнего зноя, сопровождающегося массой назойливых мух и комаров. Аналогичное божество имелось также у греков, которые поклонялись в Элиде Зевсу apomyios'y; в Аркадии и Риме существовал также культ бога Myiagros'a, приводимого в связь с Аполлоном. По аналогичному представлению и Beel-zebub функционирует как оракул. О переходе звука *b* в *l* в названии божества и об отождествлении его с сатаной см.: Riehm, l. c. I, p. 196.

[7] Ср., однако: II Reg. 2, где имеется подробный рассказ об этом.

[8] В основу рассказанного в этой главе легли данные III кн. Цар. XXII, 40, 52—54 и IV кн. Цар. I, 1—17.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[9] Это живший в начале IX в. до Р. Х. царь Меша (מישה), история которого восполняется, сравнительно с библейскими данными, сохранившейся после него и найденной в августе 1864 г. миссионером Klein'ом надписью, которая находится теперь в парижском Лувре. Независимо от фактического интереса сообщаемых этой надписью исторических сведений она любопытна как древнейший памятник семитского письма. Впервые издана была надпись в 1870 г. Ganneau и графом Vogué, а переведена и объяснена Э. Ренаном и покойным проф. К. Шлотманом (в Галле).

[10] Этой вставки нет в IV кн. Цар. III, 20 и сл., на основании которых Флавий строит свой рассказ. Это, видимо, его личное предположение.

[11] Знаток Флавия, B. Niese, читает вм. ὀρῶν —ὄρων, т. е. на границе (своей страны).

[12] Греческий текст оставляет нас здесь в полном неведении относительно того, какому богу Меша принес в жертву своего старшего сына, Предвечному ли или своему божеству света, известному из сохранившейся надписи под именем Хамоса.

[13] Ср.: IV кн. Цар. III, 1—27; II кн. Парал. XXI, 1.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[14] По мнению некоторых издателей (напр., Hudson'a), здесь в тексте Флавия имеется пропуск. Ср. edit. Sam. Naber, T. II, p. XXVIII, §51.

[15] В Св. Писании (II Reg. VII, 6) сказано: עלינו מלך ישראל את מלכי החתים ואת מלכי מצרים לבא, т. е. нанял против нас царь израильский царей хеттейских и египетских, чтобы пойти на нас. Ассирийские надписи (до VIII века) населяют хеттейцами местность к западу от среднего Евфрата до Оронта. Лишь со времени Саргона это название переносится и на приморскую часть Хананеи, так что mât Hatti (имя страны на клинообразных надписях) означает владения хананеян не только на материке, но и на ближайших островах. Ср.: Schrader, Keilinschr. u. Altes Testament, II Aufl. p. 107 sq.

[16] Большинство издателей выпустило место, заключенное нами в скобки, как не встречающееся во всех рукописях и действительно имеющее характер позднейшей вставки. Nowack, l. c. I, p. 203, впрочем, основывается

на этой интерполяции для проверки одного талмудического определения меры емкости.

[17] Ср.: II кн. Парал. XXI, 2—3; III кн. Цар. IV, 1—7; IV кн. Цар. VI, 9; VIII, 20; VIII, 7—15.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[18] Это библейское לבוה, хананейский город и резиденция хананейских царей. Впоследствии Сеннахериб осаждал его (Исайя, XXXVI, 1; XXXVII, 8). Ср.: Boettger, l. c. p. 159.

[19] Ср.: IV кн. Цар. VIII, 17—22; II кн. Парал. XXI, 4 — XXII, 1.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[20] Выше, VIII, 10, 3, он назван Васаном.

[21] Ср.: IV кн. Цар. VIII, 20 — X, 30.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[22] Ниже этот первосвященник повсюду носит имя Иодая, с чем гармонирует и Библия.

[23] Это библейское קדרון, над которым, по «Иуд. войн.», VI, 3, 2, возвышался на страшной высоты холме угол храма, образуемый его северной и восточной стенами. На склонах этого холма и находились постройки, примыкавшие к царскому дворцу, между прочим, конские ворота, которые упоминаются Неем. III, 28 (ср.: Иерем. XXXI, 40) и которые, вероятно, идентичны с здесь упомянутыми, так как вели к царским конюшням. Подробности см. у Riehm'a, l. c. I, p. 699 sq. и Schenkel, Bibellexik. III, p. 526 sq.

[24] Ср.: IV кн. Цар. XI, 1 — XII, 3; II кн. Парал. XXII, 10—12 и XXIII, 1 — XXIV, 3.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[25] Ср.: IV кн. Цар. X, 32—36; XII, 4—21; XIII, 1—25 и II кн. Парал. XXIV, 4—27.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[26] Kaulen в примечании к этому месту говорит: «Представление о том, будто Господь Бог *побудил* царя Амасию к неудачной войне, основывается не на данных Св. Писания, но на всем чисто фарисейском миросозерцании автора».

[27] Ср.: IV кн. Цар. XIV, 1—14 и II кн. Парал. XXV, 1—28.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[28] Это, очевидно, нынешняя Яффа. В Св. Писании вместо *киликийского* Тарса назван просто תרשיש, который идентифицируется комментаторами со знаменитым городом Tartessus в Испании, куда по Ez. 38, 13, фини-

кийские купцы ездили со своими товарами. Город Тартес был, по Исаии 23, 1. 6. 10, колонией Тира. Ср.: Gesenius, l. c. s. v. תרשיש.

[29] Эта гора, название которой означает «*раскол*, разрыв», отождествляется с теперешним холмом Dschebel Abu Tor. Ср.: Boettger, l. c. p. 115.

[30] Ср.: IV кн. Цар. XIV, 23—27; кн. Ион. I — IV; IV кн. Цар. XV, 28—29 и II кн. Парал. XXVI, 1—23.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[31] Ср.: Boettger, p. 242—243 s. v. Thapsa.

[32] Это знаменитый Tiglath-Pileser (745—728 до Р. Х.), деяния которого прославлены целым рядом памятников с ассирийскими надписями. Ср.: Riehm, l. c. p. 1690 sq.

[33] В основу рассказанного легли данные IV кн. Цар. XV, 8—29; II кн. Парал. XXVII, 1—6 и содержание кн. прор. Наума, II, 1 и сл.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[34] В Библии он называется Рецином.

[35] Выше, кн. VIII, 6, 4, этот город уже упоминался вблизи города Береники у Чермного моря. Впоследствии это был знаменитый идумейский порт Aelane (sinus Aelaniticus).

[36] Ср. данные в IV кн. Цар. XVI, 1—20 и II кн. Парал. XXVIII, 1—27.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[37] Ср.: IV кн. Цар. XVII, 1—3; XVIII, 1—8; II кн. Парал. XXIX, 1—33.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[38] Ср. ниже, п. 3, где упоминается разделение хуфейцев на пять племен, почитавших пять различных божеств. — В Библии (Эздры, IV, 2 и др.) племена эти носят названия כותה или כות; у Euseb. и Hieronym. Χωθά; у LXX толковников Χουθά; а в Талмуде, как и у Флавия, имя כותים присваивается самарянам. Уже арабские географы упоминают местность Kuta rabba при иссякшей теперь реке Kuta (вероятно, идентичной с упоминаемой Флавием). Об этих хуфейцах, которых Schrader, Keilinschr. u. A. T. p. 278 sq. ищет в средней Вавилонии, упоминается также в клинообразных надписях. Но вообще точно определить этот народ до сих пор еще не удалось, равно как не удалось установить их родину. Соответствующие гипотезы, по которым хуфейцы идентифицируются, напр., с коссеями, собраны у Boettger'a, l. c. p. 89 и 90, с чем можно сравнить статью Schrader'a у Riehm'a, l. c. I, p. 282.

[39] О Менандре см. выше, VIII, 5, 3.

[40] Из IV кн. Цар. XVII, 25, видно, что кара, постигшая их, была не чума, а что они стали добычей львов.

[41] В основу рассказанного в этой главе легли данные IV кн. Цар. XVIII, 9—12 и XVII, 24—41.

Книга десятая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Ср.: Herod., II, 141.

[2] Ср.: кн. I, 3, 6.

[3] Здесь греческий текст испорчен: χατά τ. πρ. της πφλιορκίας νύκτα не дает никакого смысла.

[4] Это евр. Esarchaddon, предшественник Сарданапала. По ассирийским данным, он правил от 681 до 668 г. На ассир. языке имя его было Aschur achiddin (т. е. «Ассур подарил брата»).

[5] Ср.: IV кн. Цар. XVIII, 13—36, XIX, 1—37; II кн. Парал. XXXII, 1—4, 20—22 и кн. Исаи, XXXVI, 1—21; XXXVII, 1 —38.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[6] Ниже, в XI главе этой книги, еще кое-что упоминается о мидийцах.

[7] В IV кн. Цар. XX, 12, он назван בראך בלאדן, тогда как у Исаии XXXIX, 1, он правильнее цитирован под именем Merodach Baladan, чему соответствует клинописное Marduk habal iddina, т. е. (бог) «Мардук подарил сына». Подробности о нем см. у Riehm'a, l. c. II, p. 997 и 998, где упоминается также, что Беросс называет его Marodach-Baldan, насколько можно судить по отрывку у Евсевия. Посольство Валадана к Езекии относится к 703 г. до Р. Х.

[8] Ср.: IV кн. Цар. XX, 1—19; II кн. Пар. XXXII, 24 и 31 и кн. Исаии XXXVIII, 1—22 и XXXIX, 1—8.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[9] Взявший Манассию в плен царь, по всем вероятиям, ассириец Асурбанипал, преемник Асархаддона. Заметка Иосифа, который на основании единственного библейского источника (IV кн. Цар. XXXIII, II) считает этого государя царем вавилонским, объясняется тем обстоятельством, что Манассия соединился с братом Асурбанипала, Самугом, который захватил подчиненный в то время ассирийцам Вавилон и восстал там против брата своего. Очень вероятно, что Асурбанипал велел привезти Манассию не в Ниневию, а в Вавилон, где он сам находился в то время, после покорения города и победы над братом. Все это случилось около 647 г. Ср.: Riehm, l. c. II, p. 962 и 963.

[10] Ср. данные в IV кн. Цар. XXI, 1—16 и II кн. Парал. XXXIII, 1—11.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[11] В II кн. Парал. XXXIV, 14, эта книга носит краткое название книги законов Моисеевых. Но на основании того, что Сафан сравнительно быстро мог познакомить с ее содержанием царя, на которого это содержание, как видно, оказало потрясающее влияние, можно заключить, что мы имеем здесь дело если не со всем Пятикнижием, то с выдающимися частями его, может быть, с Второзаконием, а это побудило некоторых ученых отне-

сти окончательную редакцию V книги Моисеевой к этому времени, т. е. к 20-м годам VII в. до Р. Х. Ср. об этом: Riehm, l. c. I, p. 786 и 520.

[12] Здесь греческий текст несколько испорчен, так как после слова «пророк» поставлено еще слово ἀχίαν, так что некоторые склонны видеть в этом указание на пророка Ахию или Иадона, на которого указывается выше, кн. VIII, гл. 8, п. 5.

[13] Ср.: IV кн. Цар. XXI, 19—22; XX, 3—20; XXIII; II кн. Парал. XXXIII, 21—XXXV, 19.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[14] У LXX толковников этот город назван Μαγεδδώ у Геродота (II, 159) Μαγδώλος, в Св. Писании (II Парал. XXXV, 12) מגדו, так что это либо город Мемфис в устье Нила, либо (ср.: Pauly, Realenc. IV, p. 1364) город в 12 милях южнее Пелузиума.

[15] Ср.: II кн. Парал. XXXV, 25.

[16] См. ниже, главу VII.

[17] Находился недалеко от Елефверополя. Ср. выше, кн. IX, 5, 1. — Еврейское לבנו. Ср.: Boettger, l. c. p. 159—160.

[18] Ср.: Boettger, l. c. p. 6 и Ritter, Die Sinaihalbinsel, Paläst. u. Syr. II. p. 760 и сл. Вероятно, этот город идентичен с Aruma (кн. Суд. IX, 41) и находился вблизи Сихема.

[19] Ср.: IV кн. Цар. XXIII, 20—37 и II кн. Парал. XXXV, 20 — XXXVI, 5.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[20] Ср.: IV кн. Цар. XXIV, 1—7; II кн. Парал. XXXVI, 5—8; Иерем. XXVI, 2; XLVI, 1 и сл.; XXXVI, 1—26; XXII, 18, 19 и кн. Дан. I, 1—4.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[21] Т. е. Навуходоносора.

[22] Большинство рукописей имеет следующий вариант: «Погрузившись по шею, пророк..., а народ обступил его».

[23] Ср.: IV кн. Цар. XXIV, 10—20; XXV, 1—3; II кн. Парал. XXXVI, 9—12; Иерем. XXXVII, 1—15; LII, 1—5; XXXVIII, 4—27.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[24] Город этот находился на северной границе Вавилонии, в провинции Hamath, у большой дороги из Вавилона в Палестину; остатки этого города сохранились в нынешней деревушке Riblêh, вблизи реки Оронта. — Древние толкователи неправильно отождествляли רבלה с Антиохией. Ср.: Boettger, l. c. p. 211.

[25] Иерем. XLI, 3.

[26] Иезек. XII, 13.

[27] См. кн. 8, III, 5.

[28] Как видно из Иерем. XXII, 3 и сл., XXXVII, 21 и XXXVIII, 13 и 28, Седекия не вернул свободы пророку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[29] Местность эта ныне совершенно неизвестна. Быть может, мы имеем здесь дело с искажением имени, хотя оно гласит также и в Epitoma Josephi.

[30] В основу рассказанного легли данные IV кн. Цар. XXV, 22 и Иерем. LII, 16; XL, 1—16; XLI, 1—18; XLII, 1 — XLIII, 8.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[31] Ср.: предисловие автора.

[32] В основу рассказанного легли данные кн. Дан. I, 1—20; II, 1 — III, 100 и IV, 1—34.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[33] О Бероссе кн. I, III, 6.

[34] Мегасфен, упоминаемый Иосифом также в «Против Апиона», I, 20, был посланником Селевка Никатора (умер. в 281 г. до Р. Х.) к индийскому царю Сандрокатту. Тут М. собрал много материалов и составил книгу об Индии, впрочем, до нас не дошедшую и сохранившуюся лишь в отрывках, особенно у Страбона. По этим отрывкам видно, что сочинение Мегасфена состояло лишь из трех книг, так что упоминаемая здесь IV книга, по догадке Müller'a (Eragmenta hist. graec. II, 399), должна быть понимаема как вторая. Походы Навуходоносора, приписываемые ему Мегасфеном, чистейший миф. См.: Movers, Die Phönizier II, p. 454.

[35] Так называлась древними вся Африка.

[36] Синоним Испании.

[37] Это, вероятно, Диокл Пепаретский, греческий историк, живший не позже III в. до Р. Х. Ср.: Müller, Fragm. hist. graec. III, p. 74.

[38] Об этом писателе, кроме сказанного здесь, ничего не известно. Ср.: «Против Апиона», I, 20.

[39] В греческих сочинениях имя это транскрибируется различно; в II кн. Цар. XXV, 27 и Иерем. LII, 31 оно передано через Эвил-Меродак, а в клинописных ему соответствует имя Авил-Марудук.

[40] Ср.: «Против Апиона», I, 20.

[41] Здесь явное историческое недоразумение. Дарий был преемником Смердиса и правил значительно позже Кира.

[42] Знаменитые слова מנה מנה תקל ופרסין отнюдь не греческого, но арамейского происхождения, означая причастные формы соответствующих глагольных корней.

[43] Иосиф имеет здесь в виду Киаксара II, сына последнего мидийского царя Астиага. Введение этой мифической личности в исторический род основывается, вероятно, исключительно на смутном воспоминании о том, что власти персов предшествовало владычество мидийское. Имя Астиага было забыто, и вот его заменили очень распространенным персидским именем Дарий. Вавилония никогда не находилась во власти мидян.

[44] В основу рассказанного в этой главе легли данные IV кн. Цар. XXV, 27—30; кн. Дан. V, I — VI, 28; VIII, 1—26.

Книга одиннадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] В 536 г.

[2] Ср.: Иерем. XXV, 12; XXIX, 10.

[3] Ср.: Исаия, XLIV, 28.

[4] Это место, в котором поражает отсутствие данных длины здания, безусловно испорчено, что видно также из речи, влагаемой Флавием («Иуд. древн.», XV, II, 1) в уста Ирода Великого. Гекатей (у Флавия, «Против Апиона», I, 22) очень неопределенно отзывается о величине нового храма, говоря только о «большом зданин». Заметка в I кн. Ездр. 6, 4, где говорится: «рядов из камней больших три, и ряд из дерева один; издержки же пусть выдаются из царского дома», в связи с общей испорченностью текста, повели к неправильному пониманию Флавием этого места. Здесь имеются в виду отнюдь не стены храма, а лишь стена, окружавшая внутренний двор его (ср.: I кн. Цар. VI, 36). О подробностях см.: Riehm l. c. II, p. 1661 sq. и Nowack, l. c. II, p. 71 sq.

[5] Относительно этих данных лишь общая сумма сходится у Флавия с указаниями библейскими. В частностях имеются значительные отклонения (ср.: I кн. Ездры, I, 9—11).

[6] Персидская мера сыпучих тел, примерно в 1 1/2 четверика.

[7] Иные рукописи Флавия имеют тут число 42 462. Мы оставили количество, помеченное в Библии.

[8] В основу содержания этой главы легли данные I кн. Ездры, 1—11; III кн. Ездры, II, 1—15 и Исаии, XLIV, 28.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[9] См. выше, IX, 14, 3 и X, 9, 7.

[10] О смерти Кира, последовавшей в 529 г., существует несколько вариантов. Самое распространенное, передаваемое Геродотом (I, 201—214), а за ним Диодором Сицилийским и Флавием предание сообщает, что Кир пал в битве со скифским (готским) народом массагетами. По рассказу же Ктесия, он будто бы умер от раны, полученной в бою с дербиками на берегах Окса.

[11] В основу рассказанного легли данные из I кн. Ездры, IV, 4—24; III кн. Ездры, II, 16—31.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[12] Уже Геродот (I, 101) считает магов особым «племенем», вернее «кастою», сословием жрецов, отличавшихся особенным искусством в астрологии и волшебстве. В указанном месте он признает их мидийцами, но несколько далее (I, 181, 183) говорит и о находящихся в Персии вавилонских магах, т. е. так наз. «халдеях». Ср.: Diodor, II, 24. Страбон (762) проводит между теми и другими довольно резкую грань. Ср.: Riehm l. c. II, p. 951—953, Schrader, Keilinschr. u. Alt. Test. II, 417 sq. и Gutschmidt, Neue Beiträge, p. 113, Maspero, Histoire ancienne, p. 539.

[13] Это были заговорщики, представители семи дружественных Дарию персидских семей. Ср.: Herod. III, 68—88.

[14] Рассказанное в этом отрывке не примыкает к библейскому тексту, но представляет дополнение самого Флавия.

[15] Весь этот рассказ, с некоторыми изменениями и дополнениями, взят из так наз. III книги Ездры (III, 1 — IV, 46), которой нет ни на еврейском, ни на греческом языках и которая известна лишь по тексту Вульгаты.

[16] Это число, крайне преувеличенное, объясняется, вероятно, ошибкой в тексте.

[17] В основу рассказанного легли данные III кн. Ездры, III, 1—24; IV, 1—64; I кн. Ездры, II, 64 и III кн. Ездры, V, 41.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[18] Ср.: Nowack, l. c. II, p. 71. ann.

[19] Т. е. утренние и вечерние жертвы.

[20] Имя города Яффы.

[21] Ср. выше, IX, 14, 1, 3.

[22] Ср.: Nowack, l. c. II, p. 72.

[23] До сих пор рассказ настоящей главы непосредственно примыкает к содержанию I кн. Ездры, III, 1—13; IV, 1—4; V, 3—5; VI, 5, 6 — VI, 22 и III кн. Ездры, V, 66 — VII, 15.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[24] В евр. тексте сказано просто וילך אל־לשכת, т. е. «отправился в *жилище*». У Флавия же поставлено слово pastophorion, которое, по данным Diod. I, 29 и Inscript. LXX, означает маленькую часовню при храме.

[25] В этом месте чтение не вполне установлено: различные рукописи имеют разные названия. Если считать началом года праздник Пасхи, падающий на месяц Нисан, то девятым месяцем года будет Кислев, соответствующий нашему ноябрю.

[26] Ср.: I кн. Ездры, IX, 2 и сл.; X, 3 и Неем., XIII, 23 и сл.

[27] В основу рассказанного легли данные из I кн. Ездры, VII, 1—26; III кн. Ездры, VIII, 1—91; I кн. Ездры, IX, 1—15; X, 1—44; III кн. Ездры, IX, 1—56; II кн. Ездры, VIII, 1—18; I, 1 — II, 19 — VII, 73.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[28] Подобно тому как выше (гл. V, 6) цитируется Ксеркс вместо Артаксеркса II, так и названный здесь Асвир или Агасфер Св. Писания не кто иной, как знаменитый в истории Ксеркс, сын Дария.

[29] В основу содержания этой главы легли данные кн. Эсфирь, I, 1 — IX, 32.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[30] Содержание этой главы не примыкает к библейскому тексту. Иосиф Флавий пользовался здесь различными источниками. Ср. ниже, прим. 35.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[31] В 336 г. до Р. Х.

[32] Писателями, посвятившими сочинения истории Александра Великого, являются, главным образом Арриан, Квинт Курций, Плутарх и Диодор.

[33] Ср.: кн. 9, гл. 14, 3.

[34] В 328 г.

[35] Источники, которыми пользовался Флавий при написании этой и предшествующей главы, нам в точности неизвестны. Недавно вышедшее и помещенное в Revue des études juives (janvier — mars 1898) исследование проф. Бюхлера под заглавием «La relation de Joséphe concernant Alexandre le Grand» устанавливает с большой убедительностью: 1) что обе главы скомпонованы по различным источникам, еврейским и самарянским, не считая греческих; 2) что рассказ состоит из первоначально самостоятельных и затем тенденциозно сопоставленных частей; 3) что порядок текста умышленно нарушен и различные параграфы стоят не на своих местах; 4) что Флавий является не сам исказителем этих текстов, но, вероятно, лишь воспользовался готовыми, ныне утерявшимися, тенденциозными образцами; 5) что рассказ о гуманном отношении Александра Великого к иерусалимским евреям исторически невозможен и 6) что рассказ Флавия о встрече Александра первосвященником составлен по типу сообщения об отношении Юлия Цезаря к иудеям (ср.: «Древности», XVI, 10, 6—8, 20—24 и «Против Апиона», II, 4). Остановиться подробнее на этом вопросе нам здесь не позволяет место, а потому отсылаем всех интересующихся к указанному исследованию проф. Бюхлера, где они найдут разбор мнений и других ученых на этот счет.

Книга двенадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Это слово означает по-гречески: спаситель.

[2] Ср. выше, кн. XI, 8, 3, с. 637.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[3] Следовательно, от 282 по 243 г. до Р. Х. По другим данным, Птолемей Филадельф царствовал от 284 по 247 г.

[4] О переводе LXX толковников, его исторической достоверности и т. п. см. ниже, примечание к концу данной главы.

[5] Уже в этом заключается повод к признанию всего рассказа о переводе LXX толковников легендарным.

[6] Если здесь высказывается такой странный, на первый взгляд, мотив, то это объясняется очень просто нежеланием, с одной стороны, знакомить иноверцев с иудейским вероучением, а с другой — боязнью неправильностей, которые могли бы вкрасться в перевод. И действительно, так называемый перевод LXX толковников крайне тенденциозен и напоминает таргумы.

[7] Египетские фараоны сплошь и рядом женились на родных сестрах. Так и здесь.

[8] В 304 г. при осаде острова Родоса.

[9] Греки обыкновенно возлежали за столом в один ряд, тогда как евреи сидели с обеих сторон стола.

[10] Это остров Фарос, замыкающий александрийскую бухту.

[11] Нельзя не согласиться, что в этой фразе и в следующих заключается намек на далеко не единогласное признание народом точности перевода LXX толковников. Вероятно, и тогда уже раздавались протесты.

[12] Вероятно, уроженец о. Хиоса. Время рождения его в точности не известно, подобно Феодекту, род. около 380 г. до Р. Х. Известный ритор, философ и историк. Ср.: «Против Апиона», I, 24.

[13] Ученик Исократа, Платона и Аристотеля. Из его 50 трагедий до нас дошли лишь названия и отрывки десяти. Ср.: Pauly, Realencyclop. VI, p. 1799.

[14] Весь рассказ о LXX толковниках в настоящее время представляется довольно грубым измышлением. Источником, на основании которого Флавий Иосиф передает нам в предлежащей главе это событие, является произведение, известное в литературе под именем «*Письмо Аристея*». Перипатетик Аристовул из Александрии, наставник царя Птолемея Филометора и автор различных сочинений, отрывки которых находятся у Clemens Alexandrinus (Strom. I и II) и у Евсевия (Präpar. Evang. VII, 13; VIII, 9; XIII, 12), первый упоминает о предании Аристея. В более распространенном виде последнее находим у Филона (de vita Mosis, II), у жившего в II в. христианской эры Иустина Мученика, у Иринея (Advers haer. III, 15), у Августина (de civit. Dei XVIII, 43) и других. В сокращенном виде предание встречается во многих средневековых комментированных изданиях Библии. О разборе перевода LXX толковников по форме и содержанию см.: Hamburger Realencyclop. II, p. 1234 sq.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[15] Царствовал от 322 до 280 г. до Р. Х.

[16] Масло, которым умащались борцы в общественных школах (гимназиях), обыкновенно покупалось на казенный счет. В данном случае иудеи предпочитали умащаться собственным своим ритуально чистым маслом.

[17] Это M. Licinius Crassus Mucianus, посланный императором Клавдием в Сирию, опасный впоследствии соперник Веспасиана. Ср.: «Иуд. войн.», XI, 4, 4. Подробная характеристика его у Тацита, Hist. I, 10, II, 5.

[18] Однако в «Иуд. войн.», VII, 1, 1 Флавий восклицает по поводу опустошения Иерусалима Титом: «Пришелец навряд бы поверил, что это место было когда-либо обитаемо».

[19] Это знаменитый Марк Випсаний Агриппа, сподвижник Октавиана Августа. Последний в 23 г. до Р. Х. поручил ему управление Сирией.

[20] Это Антиох II, прозванный «Богом» милетцами за то, что освободил их от тирана Тимарха.

[21] О нем и об его всеобщей истории в 144 книгах см. т. I, кн. 1, гл. III, 6.

[22] Это знаменитый Антиох III (род. в 242, ум. в 187 г. до Р. Х.), вся жизнь которого протекла с переменным счастьем в битвах и походах. Проиграв в 217 г. сражение при Газе, он заключил мир с Птолемеем IV Филопатором, а в 198 г. выиграл битву при Пании вблизи Иордана. Ср.: Polyb. XXI, 9, 13 сл.; Diod. XXIX.

[23] Это, вероятно, ошибка. Антиох не имел решительно никакого повода посылать такое письмо Птолемею, врагу своему, войска которого были им разбиты. Кроме того, выше ясно говорится, что письма царя были адресованы его военачальникам и приближенным.

[24] В этом «и мы», вероятно, заключается отгадка, почему Флавий адресует это письмо на имя Птолемея. Здесь, как видно и из заключительных слов предложения, царю Антиоху приписывается такое же гуманное отношение к евреям, какое выказал им вышеупомянутый Птолемей Филадельф по поводу перевода так наз. LXX толковников.

[25] Персидская мера емкости, заключавшая в себе около 3 1/3 четверика.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[26] Здесь, видимо, вкралась неточность. Антиох заключил союз с Птолемеем Филопатором раньше, именно в 217 г., после битвы при Газе. Ср.: Polyb, V, 82 sq. и Justin, XXXI.

[27] С первосвященниками этого имени мы имели случай встречаться уже выше (ср.: XII, 2, 4; XI, 5, 1, 9, 7). Их было всего четыре. Ония I, сын и преемник Иаддуя (XI, 8, 7), вероятно, тот, которого Флавий (ниже, XII, 4, 10) ошибочно смешивает с Онией III; к нему-то, по I кн. Маккав. XII, 7, 8, 20, спартанский царь и обратился с посланием. Внуком этого Онии был Ония II при Птолемее III Евергете (247—222 гг. до Р. Х.). Ония III, внук Онии II, был первосвященником при сирийском царе Селевке IV Филопаторе (187—175) и отличался большим благочестием (ср.: II кн. Маккав. 3, 4). Его сын Ония IV основал около 160 г. храм в египетском городе Леонтополе. Ср.: Riehm, II, p. 1130.

[28] Ср.: XII, 2, 5.

[29] По справедливому замечанию Kaulen'a, подтверждающемуся дальнейшим выражением «раб», Арион был крепостным Иосифа.

[30] Ср.: I кн. Маккав. XII, 7, 19, 20. Здесь может быть указание на Арея I, который царствовал в Спарте от 309 до 265 года до Р. Х. Поэтому и первосвященником тут может быть только Ония I, а не Ония III. Впрочем, имя Арея встречается в этой форме лишь в латинском переводе кн. Маккав. и здесь у Флавия (также ниже, XIII, 5, 8); в греческом и сирийском текстах оно переделано в Darius. Ср.: Riehm, I, p. 112.

[31] Кроме приведенных здесь Флавием данных, об этом Тире ничего более не известно. Некоторые ученые, сопоставляя это имя с названием Рамы, общим для нескольких возвышенных пунктов Иудеи, склонны предположить подобное же существование целого ряда городов под именем Тира. Ср.: Boettger, l. c. p. 116.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[32] То были малолетние Филометор и Фискон.

[33] См. выше (X, 11, 7).

[34] Селевкидская эра считается с 312 г. до Р. Х., когда Селевк I вступил в Вавилон. Следовательно, Антиох Епифан овладел Иерусалимом в 170 г. до Р. Х. — Во II кн. Макк. V, 1, возвращение Антиоха Епифана здесь ошибочно относится к его второму походу на Египет.

[35] То были приверженцы первосвященника Менелая.

[36] Ср. об этой, по данным I кн. Маккав. I, 37, построенной сирийцами крепости, которая здесь, по Флавию (также ниже, XII, 9, 3), лежала на высоком холме. Riehm, l. c. I, p. 711.

[37] Ср.: I кн. Маккав. I, 1—67 и II кн. Маккав. IV, 7—15 и V, 11—17.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[38] Не следует забывать, что здесь, как и ниже, мы имеем дело с так наз. селевкидской эрой, т. е. в данном случае с 167 г. до Р. Х.

[39] Ср.: I кн. Макк. II, 1 — III, 9.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[40] Это укрепление в нижней части города было возведено Антиохом.

[41] Возникновение в древности алтарей из священных камней видно из данных кн. Исход. XX, 24, где сказано, что жертвенники должны быть воздвигаемы из земли или из камней, не запятнанных руками человека.

[42] Ср. выше, с. 45.

[43] Это праздник, известный под именем Ханука. В I кн. Макк. IV, 59 он называется ἐνια. О подробностях см.: Hamburger, l. c. II, p. 1269—1270.

[44] Ср.: I кн. Макк. III, 10 — IV, 61.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[45] В I кн. Маккав. V, 35, этот город называется Maspha, а в III, 46 — Mispath. Не совсем установлено, не имеется ли здесь в виду моавитское селение Mizpah, о котором упоминается кн. Суд. I, 29.

[46] Это, вероятно, упоминаемая Плинием (V, 16) Rephana, один из десяти сирийских городов, вблизи которого находилось ниже упоминаемое святилище рогатой Астарты, на южном берегу ручья Гиеромакса, ныне Scherial el-Mundhur, или одного из его притоков. Ср.: Boettger, l. c. p. 211.

[47] Это עשתרות קרנים (кн. Быт. XIV, 5). Этот храм двурогой богини Астарты назывался Atergation, а сама богиня — Atargatis, которой соответствует имя Derketo у Страбона (XIV, p. 785).

[48] В основу содержания этой главы легли данные I кн. Маккав., гл. V, 1—68.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[49] Такого города на самом деле не существовало. Некоторые комментаторы полагают, что тут имеется в виду Экбатана. Elam (עילם) — вся область Сузианы по данным Библии (Быт. XIV, I; Исаия, IV, 9; Иезек. XXXII, 24). Упомянутая ниже попытка разграбления храма подтверждается Поливием (31, 11). Юстином, Аппианом, Страбоном и другими писателями. Однако никто из них не говорит, где был этот храм. Ср.: Boettger, l. c. p. 110.

[50] Знаменитый историк. Ср. его: Hist. XXXI, 11 sq.

[51] Селевкидской эры, т. е. в 163 г. до Р. Х.

[52] Вследствие того, что Лисий, которому раньше царь поручил воспитание малолетнего Антиоха V Евпатора, не отказался от своего опекунства в пользу другого любимца царя, упомянутого Филиппа, произошли серь-

езные междоусобицы, результатом которых была смерть Лисия и малолетнего Антиоха в 161 г. Ср.: Justin. XXXIV, 3.

[53] Около тринадцати верст.

[54] Вариант: причем впереди шли легковооруженные.

[55] Обыкновенно щиты были покрыты чехлами. В бою блеск щитов должен был ослеплять врагов.

[56] Ср. выше, с. 665, прим. 27.

[57] В основу рассказа этой главы легло содержание I кн. Маккав., гл. VI. Последняя фраза относится, собственно, уже к следующей главе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[58] Он был сыном Селевка Филопатора и должен был бы по праву после смерти отца своего занять престол вместо дяди своего, Антиоха IV. Но Антиох сумел его удержать в Риме, где Димитрий проживал в качестве заложника. Ср.: Schürer y Riehm'a, l. c. I, p. 308.

[59] В Св. Писании (I кн. Макк. VII, 43) говорится, что Никанор пал в самом начале битвы.

[60] По данным I кн., IX, 54—56, смерть Алкима последовала лишь тринадцать месяцев спустя после кончины Иуды Маккавея, в 158 г. до Р. Х.

[61] Ср.: I кн. Маккав. VII, 1 — VIII, 32.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[62] Ср.: I кн. Маккав. IX, 1—21.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Г. Генкель. Флавий Иосиф, его жизнь и творчество 5

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Предисловие автора 27
Книга первая 32
Книга вторая 81
Книга третья 134
Книга четвертая 184
Книга пятая 237
Книга шестая 293
Книга седьмая 360
Книга восьмая 428
Книга девятая 503
Книга десятая 551
Книга одиннадцатая 594
Книга двенадцатая 642

КОММЕНТАРИИ 700